

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

М А Й.

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Императрица Марія Александровна. По поводу первой годовщины дня ея кончины: очеркъ жизнеописанія 1824—1881 гг.	101	V. Записки князя Николая Алексеевича Орлова: 1. Мысли о расколѣ. Посвящено и представлено императору Александру Николаевичу, 1858 г.—и 2. Объ отжи́въ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, 1861 г.	75
II. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ. Глава II: взыскы, рескрипты и открытіе губернскихъ комитетовъ, 1857—1858 гг.	1	VI. Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ: 1. Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 1824 г.—2. А. С. Пушкинъ въ Университетѣ	149
III. Записки Сельскаго Священника. Главы LXVI—LXVIII. [окончаніе].	55	VII. Исторія моей жизни и моихъ странствій. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Николая Шилова, 1802—1862 гг.	138
IV. Федоръ Михайловичъ Достоевскій. † 28-го января 1881 г. Воспоминаніе А. П. Милюкова [окончаніе].	33	VIII. Библиографическій листокъ. Сост. профессоръ В. С. Иконниковъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ государыни цесаревны [въ Бозѣ почившей императрицы] Маріи Александровны, 1841 г. Гелиографическій снимокъ, исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ гравюры на стали Вейса. — II. Записки Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. [стр. 149—212].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Батерпильскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1
1881.

9-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1881 г.

Князь А. И. Васильчиковъ.—Сельскій бытъ и Сельское хозяйство въ Россіи. Спб. 1881 г. въ 8 д. стр. 161. Цѣна 1 р. 25 коп.

Новый взглядъ трудолюбиваго и дароватаго писателя и публициста въ сокровищницу литературно-научныхъ изслѣдованій, посвященныхъ всестороннему изученію быта Русскаго народа съ цѣлью указанія на тѣ основы, на которыхъ должна зиждиться дѣятельность правительства при воспособленіи къ развитію народнаго благосостоянія и врачеванію современныхъ недостатковъ въ условіяхъ быта русскаго народа—вызываетъ въ себя слѣдующіе, весьма важные и полные глубокаго интереса, предметы: «Значеніе хозяйственныхъ вопросовъ въ наше время.—Недостатокъ и сбивчивость свѣдѣній о народномъ хозяйствѣ.—Порядокъ собранія статистическихъ свѣдѣній.—Какіе главные признаки бѣдности и разстройства въ сельскомъ быту?—Изслѣдованіе народнаго хозяйства по подворнымъ описямъ.—Народная помощь и народный кредитъ.—Общественное призваніе и народное продовольствіе.—Безземельные крестьяне.—Малоземелье въ крестьянскомъ быту.—Объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ Россіи.—Переселенія и колонизація.—Значеніе настоящаго экономическаго кризиса въ Россіи.—Организація хозяйственнаго управленія въ Россіи».—Въ заключительныхъ тезисахъ своихъ пожеланій относительно будущаго, весьма обстоятельно указываетъ на необходимость преобразования и устройства статистической части, труды которой прежде всего должны давать ясное понятіе «о состояніи мѣстнаго населенія», почтенный авторъ, между прочимъ, говоритъ: «когда, такимъ образомъ, будутъ сведены итога сельскихъ жителей, наиболѣе нуждающихся, то можно будетъ приступить къ лучшему устройству разныхъ сторонъ управленія и заведыванія, народнымъ продовольствіемъ, общественнымъ призваніемъ, народнымъ здравіемъ.—Капиталы этихъ учрежденій могли бы быть слиты въ одинъ общій фондъ вспоможенія, который долженъ быть предназначенъ исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на пособія бѣднѣйшему классу сельскихъ обитателей, на прокормленіе ихъ,

приравненіе или бесплатное леченіе. Предположенія объ обезпеченіи продовольствія и другихъ нуждъ цѣлаго населенія надо бы разъ на всегда признать несбыточной мечтой, увлекающей земство и правительство на непосильныя и болѣею частью бесполезныя затраты».

«Сельскія кредитныя учрежденія живють въ виду помощи среднему классу крестьянъ, и главная ихъ польза состоитъ въ томъ, что они предупреждаютъ до нѣвѣстной степени окончательное разстройство и упраздненіе хозяйствъ. Дѣйствіе ихъ не распространяется на людей немощныхъ, потому что кредитованіе лицъ несостоятельныхъ подорвало бы самое существованіе такихъ учрежденій. Но, съ другой стороны, они не должны служить средствомъ для спекулятивныхъ оборотовъ, и для этого нужно установить для сельскаго мелкаго кредита низкій размѣръ ссуды, который бы соответствовалъ насущнымъ потребностямъ крестьянскаго быта. Образцовые уставы сельскихъ кредитныхъ учрежденій слѣдовало бы издать отъ правительства, а заведываніе ими поручить земскимъ управамъ».

«Вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ, по мнѣнію кн. Васильчикова, требуетъ въ особенности внимательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія: нужно установить основанія, найти признаки, по которымъ можно бы было судить о положеніи мелкаго землевладѣнія и условія въ этихъ основаніяхъ, прежде чѣмъ агитировать вопросъ, понимаемый чрезвычайно разнообразно, но односторонне современнымъ обществомъ. При такихъ изслѣдованіяхъ представляются по разнымъ мѣстностямъ совершенно различныя и даже противоположныя соображенія. Есть много такихъ мѣстностей, цѣлыя полосы, гдѣ расширеніе крестьянскихъ владѣній не принесетъ существенной пользы, гдѣ только облегченіе платежей можетъ поднять уровень народнаго хозяйства. Есть другія мѣстности, гдѣ при рѣдкомъ населеніи и изобиліи свободныхъ незаселенныхъ земель, нѣкоторыя селенія до крайности стѣснены малоземельемъ или вытѣснены на такъ называемый нищенскій надѣлъ, и въ такихъ мѣстностяхъ съ полнымъ успѣхомъ могутъ дѣйствовать общества или банки земельного кредита. Наконецъ,

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1881

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

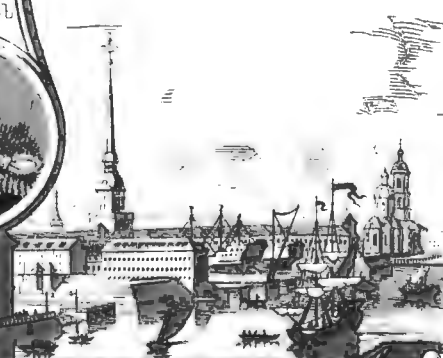

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXXI.

1881.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

ГОСУДАРЫНЯ ЦЕСАРЕВНА [1841 г.]

ПЫШЪ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАЯ

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА

р. 1824 г. † 1880 г.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ВТОРАЯ ¹⁾.

Адресы, рескрипты и отырытіе губернскихъ комитетовъ.

III.

Благопріятныя для дѣла признаки въ губерніяхъ.—Нижегородскій адресъ и рескриптъ.—Московскій адресъ.—Отвѣтныи на него рескриптъ.

Московская медленность въ представленіи адреса была пробнымъ шаромъ, пущеннымъ не безъ участія петербургскихъ противниковъ крестьянскаго дѣла и московскаго генераль-губернатора графа За-кревскаго, бывшаго въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.

Вообще въ губерніяхъ, послѣ страховъ и опасеній отъ «порази-тельной новости», явились недоразумѣнія. Настроеніе Государя не было тамъ извѣстно. Различіе взглядовъ на дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла, существовавшее въ высшихъ правительственныхъ сфе-рахъ, отразилось вполнѣ и въ губерніяхъ. Большинству дворянъ нравился тотъ взглядъ, что московская и даже петербургская губер-нія не могутъ служить для нихъ примѣромъ и что если крестьян-ское дѣло и должно идти далѣе въ своемъ распространеніи, то по-степенно и медленно. Вслѣдствіе этого изъ однихъ губерній вовсе не было никакихъ отзывовъ или короткія донесенія, что циркуляры министра приняты къ свѣдѣнію; изъ другихъ губерній писали, что необходимо «воспользоваться уроками опытности»; изъ третьихъ, что эти губерніи должны быть послѣдними при разрѣшеніи крестьянскаго

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 319—362; изд. 1881 г. томъ XXX (февраль), стр. 211—246; (апрѣль) стр. 721—756.

вопроса; наконецъ, изъ четвертыхъ шли отзывы, что дворяне выражали желаніе не стѣсняться опубликованными правительствомъ началами. Многие были увѣрены, и имѣли къ тому основаніе, что само правительство не рѣшилось еще распространить принятыя имъ начала для трехъ западныхъ губерній, на другія мѣстности имперіи. Петербургскій рескриптъ не могъ исполнѣ уничтожить это мнѣніе, потому что Петербургская губернія, лежащая на краю имперіи, сосѣдняя съ Финляндією и прибалтійскими губерніями и населенная частію финскимъ племенемъ, не считается коренной русской губернією.

Поэтому, вслѣдъ за выраженіемъ безотчетнаго страха, послѣдовали болѣе или менѣе подробныя и разностороннія замѣчанія на начала освобожденія крестьянъ, принятыя правительствомъ. При этомъ главнымъ мотивомъ всѣхъ возраженій была непримѣнимость опубликованныхъ началъ къ хозяйственнымъ и бытовымъ условіямъ великорусскаго края.

Сила всѣхъ возраженій была направлена противъ предоставленія крестьянамъ въ собственность усадебныхъ мѣстъ. Сводя все, что было сказано объ этомъ въ губернскихъ отзывахъ какъ первыхъ, такъ и послѣдующихъ, можно всѣ сдѣланныя возраженія раздѣлить на общія, независимыя отъ характера той мѣстности, откуда онѣ шли, и на мѣстныя, основанныя на частныхъ особенностяхъ того или другаго края.

Къ общимъ возраженіямъ принадлежали заключенія, что личная поземельная собственность на усадьбу противорѣчитъ началу общиннаго пользованія прочими угодьями. Неисправнаго крестьянина помѣщикъ могъ лишить полеваго участка, но не могъ замѣнить другимъ исправнымъ хозяиномъ. Равно и общество не имѣло возможности удалить отъ себя вреднаго члена. Крестьяне, продавая усадьбы по произволу, могли постоянно населять имѣнья негодными людьми, отъ которыхъ не будетъ возможности освободиться. Признавали неудобнымъ и вреднымъ, что въ каждомъ имѣніи, рядомъ съ дворяниномъ владѣльцемъ, явятся другіе владѣльцы крестьяне. Доказывали также, что назначенія платежей за усадьбы возбуждаютъ ропотъ и въ самихъ крестьянахъ, ибо они не поймутъ, чтобы мѣста, на которыхъ они живутъ и жили ихъ прадѣды, могли подлежать выкупу. Наконецъ, съ другой стороны представляли, что если правительство хочетъ сдѣлать крестьянъ поземельными собственниками, то недостаточно освободить крестьянъ съ предоставленіемъ въ ихъ собственность однѣхъ усадебъ, но слѣдуетъ предоставить имъ въ собственность и часть полевыхъ угодій. Безъ этого нельзя справедливо и соразмѣрно опредѣлить закономъ повинности, падающія на полевныя усадьбы,

ибо повинности эти отбываются совокупно за усадьбы и за пречія угодья. Между тѣмъ и свободнаго добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами тоже быть не можетъ, потому что крестьяне, владѣя усадьбами, могутъ нанять только прилегающую къ селенію землю, а не ту, какую хотятъ. Помѣщикъ, и съ своей стороны, вынужденъ будетъ отдать эту землю именно этимъ крестьянамъ, а не кому хочетъ. Вмѣстѣ съ этимъ доказывалось, что выкупъ усадебныхъ земель не пригнѣнимъ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, гдѣ многіе владѣльцы живутъ въ однихъ избахъ съ крестьянами.

Затѣмъ, кромѣ этихъ такъ сказать теоретическихъ возраженій, которыя представлялись изъ губерній: Вологодской и Курской, Калужской и Екатеринославской, Тверской и Рязанской, поступали другаго рода возраженія, на первый взглядъ болѣе практическія. Эти возраженія обуславливались характеромъ той мѣстности, откуда шли. Тѣ изъ нихъ, которыя получались изъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній, впрочемъ не походили на возраженія, которыя сообщались изъ губерній черноземныхъ земледѣльческихъ. Изъ сѣверныхъ губерній писали, что тамъ земля мало плодородна, крестьяне, большею частью, оброчные и живутъ заработками на сторонѣ, такъ что имъ изъ нихъ приходятъ на работу въ два или три года одинъ разъ. Обезпечивъ выкупомъ усадьбу—пріютъ для своего семейства, они не захотятъ арендовать у помѣщика полевыхъ угодій. Тоже будетъ и въ селахъ торговыхъ, гдѣ крестьяне занимаются содержаніемъ постоянныхъ дворовъ и мелочной торговлей. Подобныя отъѣмы были получены изъ губерній: Вологодской, Ярославской и Костромской. Напротивъ того, въ губерніяхъ Екатеринославской, Черниговской, Курской и Тамбовской не боялись, что крестьяне оставятъ усадьбы, а опасались, что выкупъ крестьянскихъ усадебъ повредитъ черноземность въ имѣніяхъ, которая повредитъ ихъ хозяйственному устройству. Помѣщики сейчасъ упомянутыхъ губерній опасались также, что «крестьяне, выпедши изъ подъ власти помѣщиковъ, безпрепятственно будутъ наносить имъ ущербы въ угодьяхъ». При дальнѣйшемъ дробленіи имѣній, выкупленные крестьянами усадебныя земли,—по мнѣнію дворянъ черноземныхъ губерній,—затруднятъ образованіе новыхъ помѣщичьихъ усадебъ, такъ какъ крестьянскія усадебныя мѣста должны оставаться неприкосновенными. Это оппозиціонное направленіе, поддерживавшееся постоянными слухами и извѣстіями, которые шли изъ Петербурга и Москвы, доходило до того, что предводители дворянства нѣкоторыхъ губерній на циркуляръ министра положительно отозвались о нежеланіи дворянства приступить къ немедленному устройству быта крестьянъ. Ми-

нистерство внутренних дѣлъ вынуждено было разъяснить семи предводителямъ (Пензенскому, Тамбовскому, Воронежскому, Курскому, Казанскому, Владимірскому и Вологодскому) и одному губернатору (Рязанскому—Новосильцеву), что правительство не отступить отъ своего намѣренія. При этомъ ясно было высказано, что если правительство предоставляет починъ въ этомъ дѣлѣ дворянству, то единственно въ видахъ пользы самихъ помѣщиковъ. Уклоненіе отъ исполненія предначертаній правительства главнѣйше мотивировалось излишней будто бы поспѣшностью, отчего, по мнѣнію предводителей, могли бы произойти смуты и волненія между крестьянами. На это министръ отвѣчалъ, что не въ поспѣшности, а въ медленности изъясненія желанія дворянъ на открытіе губернскихъ комитетовъ заключается опасность нарушенія общественнаго спокойствія. Словомъ, министерство въ основаніи своего циркуляра положило ту мысль, которую Государь высказалъ дворянамъ въ Москвѣ въ 1856 году, т. е. что лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ дожидаться, что они освободятся снизу. Первая составленная мною редакція подобнаго отношенія была, кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, къ пензенскому губернскому предводителю дворянства (генералу Арапову). По утвержденіи и подписаніи проекта отношенія министромъ, ко всѣмъ остальнымъ предводителямъ переносилась та же самая редакція, по мѣрѣ полученія отъ нихъ отзывовъ. Въ одну изъ своихъ всеподданнѣйшихъ записокъ (отъ 10 января 1858 г.), министръ включилъ въ число другихъ свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла, что онъ «счелъ обязанностію ближе ознакомиться съ положеніемъ вопроса о крѣпоствѣмъ состояніи» тѣхъ семи предводителей и одного губернатора, которые считали разрѣшеніе этого вопроса преждевременнымъ.

Хотя въ общемъ видѣ нельзя не признать, что сила противодѣйствія намѣреніямъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ преимущественно зависѣла отъ личности тѣхъ людей, которые стояли во главѣ дворянства той или другой губерніи, однако нельзя оставить вовсе безъ вниманія, что изъ 8 губерній, откуда получены особенно рѣзкіе протесты противъ освобожденія крестьянъ, 6 черноземныхъ и 2 только нечерноземныхъ (Владимірская и Вологодская). Дѣйствительно, помѣщики черноземныхъ губерній имѣли болѣе основанія опасаться значительныхъ потерь: они предчувствовали, что повинности крестьянъ не могутъ дойти до размѣра той наемной платы, которая тогда уже существовала въ черноземныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, болѣе большая часть имѣній была на барщинѣ, слѣдовательно для нихъ жизненнымъ вопросомъ былъ вопросъ о переходѣ отъ обязательнаго труда къ вольнонаемной работѣ.

Все это оппозиционное движеніе, при твердомъ намѣреніи Государя не отступать отъ предпринятаго преобразованія, не заключало въ себѣ ничего непреодолимаго. Однимъ изъ существенныхъ оснований этого движенія было недоразумѣніе: помѣщики не были убѣждены, что правительство рѣшилось немедленно идти далѣе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Устраненіе этого недоразумѣнія въ первый разъ было сдѣлано министромъ внутреннихъ дѣлъ въ его объяснительныхъ отношеніяхъ къ семи губернскимъ предводителямъ и одному губернатору. Такимъ образомъ въ восьми губерніяхъ узнали о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства; слухи объ этомъ не могли не распространиться и по другимъ губерніямъ.

Кромѣ того, ни почва, на которой показались признаки оппозиціи, ни сѣмена, которыя въ нее попали, не способны были, при самодержавномъ правительствѣ, произвести серьезное политическое затрудненіе. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что дворяне, несочувствующіе освобожденію крестьянъ, хотя и были въ большинствѣ, но далеко не составляли единомысленную массу, рѣшившуюся на сознательное упорное противодѣйствіе правительству. Изъ этого большинства очень многіе, какъ только узнали о твердомъ намѣреніи правительства не отступать отъ избраннаго имъ пути, поняли, что прямой оппозиціи правительству въ такомъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, съ тѣхъ поръ какъ оно сдѣлалось гласнымъ, быть не можетъ. Нельзя было явно и продолжительно въ однихъ губерніяхъ противодѣйствовать тогда, когда крестьянамъ изъ газетъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ другихъ губерніяхъ происходило освобожденіе крестьянъ, согласно желанію самихъ дворянъ. Мысль эта всего яснѣе была выражена въ приведенномъ выше отзывѣ Орловскаго предводителя дворянства, что всякій дворянинъ долженъ былъ содѣйствовать видамъ правительства, «если не по убѣжденію, то по чувству личнаго самохраненія». Та же мысль, выраженная нѣсколько въ иной формѣ, встрѣчается и въ другихъ отзывахъ. Такъ Калужскій губернаторъ (графъ Толстой) писалъ, что онъ, хотя и не нашелъ въ предводителяхъ дворянства «сочувствія къ намѣреніямъ правительства», но въ то же время онъ свидѣтельствовалъ, что они «твердо убѣждены въ необходимости мѣры, какъ уже рѣшенной Государемъ». Тульскій губернаторъ (Дороганъ) доносилъ, что изъ разговоровъ съ предводителями дворянства онъ убѣдился, что они лично убѣждены въ необходимости измѣненія настоящаго устройства, хотя и не высказываютъ положительно своихъ убѣжденій изъ опасенія потерять на выборахъ нѣсколько голосовъ. Посему они хотятъ предварительно войти въ

соглашеніе съ своими дворянами, а самое рѣшеніе отложить до слѣдующихъ выборовъ. По отзыву Ярославскаго предводителя (Бема), «хотя часть помѣщиковъ внутренно не весьма охотно разстается съ правомъ, въ продолженіи двухъ съ половиною столѣтій, такъ сказать, сроднившимся съ ихъ существованіемъ, однако, за самыми малыми исключеніями, всѣ убѣждены въ необходимости уничтоженія крѣпостной зависимости, какъ главнѣйшей преграды къ развитію и усовершенствованію». Въ заключеніе онъ прибавилъ, что «Ярославское дворянство постарается всѣми мѣрами, какія отъ него будутъ зависеть, содѣйствовать устройству быта крестьянъ, на возможно выгодныхъ условіяхъ».

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ видно, что большинство помѣщиковъ повсемѣстно несочувствовало проектированному правительствомъ освобожденію крестьянъ и весьма было бы довольны, еслибы правительство отказалось отъ своего намѣренія; но, узнавъ о твердой рѣшимости Государя, оно поняло, что сопротивленіе видамъ правительства невозможно. Съ самаго начала и прежде всѣхъ убѣдился въ этомъ помѣщик-поляки западныхъ губерній,—по какимъ соображеніямъ и съ какими видами, объ этомъ подробно объяснено выше; малорусское дворянство, какъ видно изъ отзывовъ черниговскаго и полтавскаго предводителей, также не признало возможнымъ представить возраженія противъ намѣренія правительства; изъ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерній, рядомъ съ откровеннымъ выраженіемъ несочувствія, получены свѣдѣнія, что дворяне убѣдились въ необходимости обнародованной мѣры, «какъ уже рѣшенной Государемъ». Но среди этого большинства, несочувствующаго, боязшагося послѣдствій и въ то же время признавашаго необходимость освобожденія крестьянъ, были фанатики «сроднившася съ ихъ существованіемъ крѣпостнаго права». Тамъ, гдѣ къ такимъ фанатикамъ принадлежали губернскіе предводители дворянства или люди ихъ окружавшіе, тамъ самая масса помѣщиковъ фанатизировалась. Этимъ объясняется особенно сильное оппозиціонное направленіе въ однихъ губерніяхъ и болѣе спокойное отношеніе къ дѣлу въ другихъ мѣстностяхъ.

Рядомъ съ фанатиками крѣпостнаго права, во всѣхъ безъ исключенія губерніяхъ были дворяне помѣщики, сочувствующіе освобожденію крестьянъ, при томъ не въ единичномъ видѣ, а въ болѣе или менѣе многочисленныхъ, омынутыхъ кружкахъ. Эти люди, или лучше сказать, эти кружки сдѣлали для правительства возможнымъ уничтоженіе крѣпостной зависимости. Отсутствие подобныхъ группъ въ два предъидущія царствованія было причиной, что всѣ напряженныя усилія двухъ Императоровъ оставались только благими намѣреніями, но

не имѣли никакихъ послѣдствій. Въ послѣдующемъ моемъ разсказѣ я не одинъ разъ еще буду обращаться къ тому меньшинству, или вѣрнѣе, къ тѣмъ меньшинствамъ, которыя помогали вышнему Государю ¹⁾ совершить то, что не могли сдѣлать, не смотря на самое задушевное желаніе, два его предшественника. Здѣсь я приведу отзывы начальниковъ двухъ губерній, изъ которыхъ получались въ Петербургѣ особенно сильные протесты противъ уничтоженія крѣпостнаго права, какъ доказательство того, что въ каждой губерніи были помѣщики, желавшіе освобожденія крестьянъ.

Вологодскій губернаторъ (Стонинскій) дѣлилъ вологодскихъ дворянъ на три разряда: къ первому онъ причислялъ тѣхъ, которые искренно сознаютъ необходимость освобожденія крестьянъ; ко второму тѣхъ, которые претивъ этой мѣры, но которые примутъ все, что будетъ повелѣно; къ третьему—упорныхъ противниковъ освобожденія; къ послѣднимъ причислялъ и губернскаго предводителя (Баранова).

Воронежскій губернаторъ (Н. П. Савельниковъ) доносилъ, что между помѣщиками Воронежской губерніи есть люди, вполне понимающіе пользу и справедливость уничтоженія крѣпостной зависимости, но въ этой губерніи въ числѣ упорныхъ противниковъ освобожденія крестьянъ стоялъ губернскій предводитель дворянства князь Гагаринъ, который по своему положенію находился во главѣ оппозиціоннаго движенія.

Раздѣленіе вологодскимъ губернаторомъ дворянъ на три разряда принималось ко всѣмъ губерніямъ. Во всѣхъ губерніяхъ была болѣе или менѣе многочисленная прогрессивная партія, которая желала освобожденія крестьянъ, и составляла въ разговорахъ предположенія о способѣ освобожденія, задолго до обнародованія правительственныхъ мѣръ. Во всѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ я жилъ во время моей службѣ не кадастру, я по именамъ зналъ людей, принадлежащихъ къ этимъ партіямъ или кружкамъ, и со многими изъ нихъ очень хорошо былъ знакомъ. Такихъ людей я встрѣчалъ: и въ Смоленской, и во Владимирской, и въ Самарской губерніяхъ, слѣдственно въ мѣстностяхъ совершенно разнохарактерныхъ и находящихся въ большомъ другъ отъ друга разстояніи.

Частныя свидѣнія, полученныя мной въ то время изъ названныхъ губерній, подтверждали, что люди съ прогрессивнымъ направленіемъ не оставались въ бездѣйствіи и что они повсемѣстно противоудѣство-

---

¹⁾ Писано въ 1875 г.

вали ретроградному направленію большинства. Это отчасти уже было видно изъ приведенныхъ мной выписокъ изъ двухъ писемъ, полученныхъ мной изъ Смоленской и Владимірской губерній. Къ этому я могу еще прибавить извѣстія, сообщенныя мнѣ изъ губерній Самарской, а также сообщенную мнѣ полную характеристику борьбы за крестьянское дѣло во Владимірской губерніи.

Изъ Самарской губерніи тогдашній тамошній губернаторъ К. К. Гротъ (нынѣ, 1875, членъ государственнаго совѣта) писалъ ко мнѣ, что, хотя большинство дворянъ, собравшихся для обсужденія крестьянскаго вопроса, вовсе не подготовлено къ этому дѣлу и существуетъ сильная оппозиція, которая «полагаетъ ничего не дѣлать и отозваться на призывъ правительства, что для здѣшняго края преобразование это преждевременно. Есть однако и противная партія; но она до сихъ поръ не велика,—надѣюсь, что она усилится.» Во главѣ оппозиціоннаго большинства стоялъ бугуруславскій предводитель дворянства И. Н. Рычковъ, а во главѣ прогрессивнаго меньшинства тогдашній самарскій вице-губернаторъ и въ то же время помѣщикъ Г. С. Аксаковъ (одинъ изъ братьевъ того почтеннаго и талантливаго семейства, которое по отцу и двумъ братьямъ сдѣлалось столь извѣстнымъ въ нашей литературѣ). Онъ былъ помѣщикомъ двухъ губерній: Самарской и Оренбургской (тогдашней). Онъ потомъ былъ членомъ отъ правительства оренбургскаго комитета, а еще позже: сначала оренбургскимъ, а потомъ самарскимъ губернаторомъ. Губернаторъ, какъ видно изъ его письма, сильно поддерживалъ меньшинство; губернский предводитель, добрый, но безхарактерный человекъ, А. И. Чемадуровъ не зналъ, что ему дѣлать, находясь между большинствомъ его избирателей и поддерживаемымъ губернаторомъ либеральнымъ меньшинствомъ.

Описаніе дворянской борьбы за крестьянское дѣло во Владимірской губерніи сообщилъ мнѣ тотъ же владимірскій помѣщикъ (Д. И. Гавриловъ), выписку изъ другаго письма котораго я привелъ выше, и который принималъ самъ вполне живое участіе въ этой борьбѣ. Тамъ также, какъ и всюду, была борьба между большинствомъ и меньшинствомъ. Тамошній губернский предводитель С. И. Богдановъ, старый морякъ, образованный и весьма умный человекъ, слышій при крѣпостномъ правѣ за большаго либерала, совершенно потерялъ голову. «Всѣ его квази-либеральности, писалъ Гавриловъ, разлетѣлись: онъ говоритъ самыя изумительныя вещи: о вѣковыхъ правахъ, о крови, ранахъ, преданности, могилахъ отцовъ и т. п., онъ совершенно предался планаторамъ и еще другихъ сбиваетъ.» Къ либеральной партіи, во главѣ которой стоялъ предсѣдатель гражданской

палаты, по выбору дворянства, принадлежали П. И. Николаевъ и мой корреспондентъ. Благодаря ея вліянію, 5-го января (1858 г.) состоялся журналъ, подписанный предводителями и депутатами, которымъ испрашивалось разрѣшеніе созвать чрезвычайное губернское собраніе «для приведенія въ исполненіе монаршаго желанія.» На другой день, по настоянію представителей большинства (покровскаго и вязниковскаго уѣздныхъ предводителей Бевобразова и Протасьева) прежній журналъ былъ замѣненъ другимъ, которымъ постановилось: «просить съѣзда для обсужденія вопросовъ, касающихся крѣстьянъ и помѣщиковъ.» Этотъ послѣдній журналъ не могъ быть подписанъ всѣми предводителями и депутатами, потому что нѣкоторые уже разѣхались.

Меньшинство, поддерживаемое 50 дворянами, протестовало противъ неправильнаго дѣйствія. Меньшинство протестовало потому, что оно надѣялось по первому журналу получить рескриптъ объ открытіи губернскаго комитета, чего не желало большинство, и потому упорно требовало представленія не перваго, а втораго журнала. Богдановъ, вышедъ изъ затруднительнаго положенія тѣмъ, что отправилъ въ Петербургъ оба журнала, черезъ что онъ отнялъ у меньшинства возможность протеста противъ неправильныхъ его дѣйствій и вполнѣ удовлетворилъ консерваторовъ, которые, не смѣя заявить явно свое оппозиціонное направленіе противъ правительства, поставили себѣ правиломъ всѣми возможными способами затягивать и портить дѣло. Такъ, по отзыву Гаврилова, оппозиціонная партія дѣйствовала во Владимірѣ; такъ она дѣйствовала, по всѣмъ даннымъ, повсемѣстно, не исключая Петербурга.

Изъ этихъ приемовъ большинства дворянъ можно видѣть, что оно еще надѣялось на отсрочку дѣла. Оно думало, что начатое правительствомъ преобразование ограничится опытомъ въ губерніяхъ литовскихъ и петербургской, которыя предводители дворянства такъ настоятельно выставляли находящимися въ исключительномъ положеніи. Одинъ только нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ сумѣлъ и успѣлъ убѣдить нижегородскихъ дворянъ, что дѣло такъ обойтись не можетъ и что Государь ожидаетъ адресовъ отъ дворянъ всѣхъ губерній. Муравьевъ могъ имѣть объ этомъ самія положительныя свѣдѣнія отъ С. С. Ланскаго, съ которымъ онъ издавна былъ связанъ самыми искренними отношеніями, которыя существовали между людьми первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Нижегородскій губернскій предводитель Коллубидскій послѣ несочувственнаго крестьянскому дѣлу отзыва, который приведенъ былъ выше, увѣдомилъ министерство, что нижегородское дворянство въ

порывахъ вѣрноподданнѣйшей преданности не желая отстать отъ другихъ губерній, изъявило готовность исполнить волю Государя Императора. Не отнимая у нижегородскаго дворянства чести быть первымъ въ представленіи адреса объ освобожденіи крестьянъ, желая не признавать, что заслуга въ этомъ починѣ А. Н. Муравьева неоспорима. Онъ вынесъ горячее сочувствіе къ крестьянскому вопросу изъ „союза благоденствія“, котораго былъ членомъ, вмѣстѣ съ С. С. Ланскимъ, и изъ котораго, убѣдившись въ преступной дѣли этого союза, вмѣстѣ съ Ланскимъ вышелъ до 14-го декабря. Нижегородскій губернаторъ былъ совершенно другаго взгляда на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, чѣмъ его братъ, министръ государственныхъ имуществъ, хотя этотъ послѣдній былъ также членомъ „союза благоденствія“, и оставался въ немъ до роковаго конца, который впрочемъ для М. Н. Муравьева вскорѣ сдѣлался счастливымъ началомъ быстрой его служебной карьеры,—въ то время, когда братъ его несъ въ Сибири менѣе заслуженное наказаніе. А. Н. Муравьевъ всѣми силами старался побудить нижегородскихъ дворянъ къ представленію адреса, который былъ подписанъ 17-го декабря 1857 года губернскимъ предводителемъ и 128 дворянами. Адресъ былъ слѣдующаго содержанія: „Дворянство нижегородской губерніи въ губернскомъ собраніи своемъ, по выслушанію высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ виленскому, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору и С.-Петербургскому генералъ-губернатору по предмету устройства быта крестьянъ въ губерніяхъ виленской, ковенской, гродненской и с.-петербургской, съ благоговѣніемъ и глубокою признательностью усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое Государь Императоръ изволилъ оказать дворянству этихъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ предначертаніямъ возлюбленнаго своего монарха, дворянство нижегородской губерніи изъявило единодушное желаніе принести его императорскому величеству полную готовность исполнить его священную волю на основаніяхъ, какія его величеству благоугодно будетъ указать“.

Вмѣстѣ съ представленіемъ адреса, нижегородское дворянство ходатайствовало о дарованіи крестьянамъ права выкупа не однѣхъ только усадебныхъ мѣстъ, но и части прочихъ угодій.

При рассмотрѣніи нижегородскаго ходатайства выказалось то же несочувствіе секретнаго комитета къ крестьянскому дѣлу, какое обнаружилось при составленіи дополнительнаго заключенія къ петербургскому рескрипту. Положено было для руководства нижегородскаго комитета сообщить дополнительное отношеніе къ петербургскому генералъ-губернатору. Къ этому отношенію прибавленъ былъ только одинъ пунктъ, на основаніи котораго: «по различію мѣстныхъ обстоя-

тельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ, предоставлялось дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ, имѣть предварительное о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщаніе.» Сильно можно сомнѣваться, чтобы пунктъ этотъ былъ написанъ въ видахъ основательнаго и всесторонняго обсужденія предмета. На это мало было надежды, если принять въ соображеніе, что въ уѣздныхъ собраніяхъ большинство состояло изъ малоразвитыхъ и крайне враждебныхъ крестьянскому дѣлу мелкопомѣстныхъ дворянъ. Неблагопріятныя же для дѣла послѣдствія этихъ собраній были очевидны: во первыхъ, замедленіе дѣла установленіемъ новой инстанціи, во вторыхъ, притязанія уѣздныхъ дворянскихъ собраній, обнаружившіяся потомъ, стѣснять свободу мнѣній избранныхъ ими въ губернскіе комитеты членовъ словесными и даже письменными инструкціями. Этотъ прибавочный пунктъ сообщался потомъ для руководства во всѣ губерніи, также какъ и дополнительное отношеніе министра къ петербургскому генералъ-губернатору. Реакціонное направленіе, при разсмотрѣніи нижегородскаго адреса, выразилось еще болѣе въ томъ, что ходатайство нижегородскаго дворянства о выкупѣ не только усадебной осѣдлости, но и части другихъ угодій, было отклонено. Этого мало, было испрошено высочайшее повелѣніе, по которому запрещалось комитетамъ возбуждать вопросъ о выкупѣ всей земли, а въ литературѣ писать объ этомъ.

24 декабря 1857 г. былъ подписанъ высочайшій рескриптъ на имя нижегородскаго губернатора; удовольствіе Государя, при полученіи нижегородскаго адреса, выразилось особенно милостивымъ обращеніемъ къ нижегородскому дворянству въ началѣ рескрипта, сходнаго во всемъ прочемъ съ двумя предыдущими. «Поручаю вамъ»—было сказано въ рескриптѣ,—«объявить саму благородному сословію мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣренной правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое успѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и, какъ можно при благословеніи Всевышняго надѣяться, равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состоянній дѣла».

Московское дворянство медлило представленіемъ адреса. Генералъ-губернаторъ графъ Закревскій не только не побуждалъ московскихъ дворянъ къ скорѣйшему представленію адреса, но даже самъ совѣ-

товалъ обождать, надѣясь на измѣненіе обстоятельствъ. Государь не скрывалъ своего неудовольствія на эту медленность, о чемъ вѣроятно сообщено было въ Москву; кромѣ того нижегородскій рескриптъ отнималъ всякую надежду на измѣненіе обстоятельствъ, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. Медлить долѣе было нельзя, московское дворянство наконецъ рѣшилось (7 января 1858 г.) подписать адресъ слѣдующаго содержанія ¹⁾:

«Московское дворянство, постоянно движимое чувствами безпредѣльной любви и преданности къ престолу и отечеству, во всѣ времена принимало живѣйшее участіе въ достопамятныхъ событіяхъ Россіи, утвердившихъ въ исторіи славу и величіе русскаго народа, и нынѣ исполненное глубокой признательности къ Государю Императору за всемилостивѣйшее его величества довѣріе, оказанное дворянскому сословію всей имперіи, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, изъявляетъ и съ своей стороны полную готовность содѣйствовать благимъ намѣреніямъ августѣйшаго монарха и проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общепользными и удобными для мѣстности Московской губерніи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Закревскій увѣдомилъ министра, что «неблагопріятные толки начинаютъ затихать, встревоженные умы видимо успокаиваются, и можно смѣло надѣяться, что, при благодѣтельномъ просвѣщенномъ направленіи правительства, важное дѣло улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ будетъ рѣшено московскимъ дворянствомъ удовлетворительнымъ по возможности образомъ».

Подписанный 16 января 1858 Государемъ рескриптъ на имя Московскаго генераль-губернатора былъ холоденъ и отклонилъ притязаніе московскаго дворянства о предоставленіи комитету права составить проектъ положенія на основаніяхъ, какія онъ самъ признаетъ, «общепользными и удобными». Въ рескриптѣ было сказано, чтобы проектъ положенія для московской губерніи «былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны... дворянству другихъ

¹⁾ Впослѣдствіи, я слышалъ отъ Я. И. Ростовцева, что когда Государь безпокоился о непредставленіи московскимъ дворянствомъ адреса, Я. И. доказывалъ Государю, что послѣ трехъ адресовъ нечего опасаться, чтобы они не были представлены изъ остальныхъ губерній. При этомъ Ростовцевъ, на своемъ фигуральномъ языкѣ, сравнивалъ подачу адресовъ съ игрой дѣтей въ солдатики, поставленныхъ одинъ подлѣ другаго: когда крайняго солдатику толкнуть, тогда всѣ остальные сами собой падаютъ.

губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ».

Вслѣдъ за выходомъ московскаго рескрипта, дѣлу, которое было назадъ тому два мѣсяца секретнымъ, была придана возможная гласность. Дабы побудить дворянъ къ скорѣйшему представленію адресовъ, было сдѣлано (3 февраля 1858 г.) распоряженіе о перепечатываніи во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ высочайшихъ рескриптовъ съ слѣдующими къ нимъ министерскими отношеніями и дворянскими адресами объ открытіи комитетовъ. Послѣдніе предполагалось печатать съ цѣлю, чтобы крестьяне видѣли, что освобожденіе ихъ дѣлается по ходатайству самихъ помѣщиковъ. Но это распоряженіе оказалось не удобоисполнимо во многихъ случаяхъ. Нѣкоторые адреса были такого рода, что они не могли служить къ успокоенію крестьянъ, и потому они не печатались не только въ губернскихъ вѣдомостяхъ, но и въ остальныхъ газетахъ.

IV.

Разныя предположенія о разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, шедшія изъ губерній.—Разрѣшеніе нѣкоторыхъ возникшихъ недоразумѣній.—Дворянскія совѣщанія.—Всеподданнѣйшіе адреса.—Высочайшіе рескрипты.—Дополнительныя отношенія къ рескриптамъ.

Въ то время, когда Петербургъ не зналъ еще, чего онъ долженъ требовать отъ губерній, а губернии, получая неясные циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, недоумѣвали, чего ожидаютъ отъ нихъ, словомъ, во время взаимныхъ недоразумѣній между столицей и провинціями и колебаній здѣсь и тамъ, обнаружилось въ губерніяхъ движеніе къ отысканію иныхъ способовъ къ освобожденію крестьянъ, для избѣжанія тѣхъ, которые объявлены были правительствомъ и которые великорусскія губернія признавали для себя непригодными. Предполагая, что правительство того же мнѣнія, что оно вовсе не думаетъ не только о примѣненіи началъ, утвержденныхъ для губерній литовскихъ и Петербургской, но и не желаетъ немедленнаго начатія дѣла въ великорусскихъ губерніяхъ, тамъ начали придумывать отдѣльные способы разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Такъ, напримѣръ, въ отзывавъ на министерскіе циркуляры предлагались слѣдующія мѣры: 1) позволеніе покупать населенныя имѣнія купцамъ, съ обязанностію освобожденія крестьянъ; 2) уничтоженіе крѣпостной зависимости вообще при переходѣ имѣній изъ однихъ рукъ въ другія, и 3) приз-

наніе свободными дѣтей, родившихся послѣ послѣдней ревизіи. Послѣдній изъ приведенныхъ способовъ нашелъ себѣ горячаго поборника въ одномъ французѣ (нѣкоемъ Делонѣ), который написалъ объ этомъ письмо, отъ 26 октября 1857 года, прямо Государю; а потомъ при циркулярномъ письмѣ отъ 12 декабря того же года къ губернскимъ предводителямъ дворянства, препроводилъ къ нимъ копию своего письма къ Государю. Всѣ эти способы были извѣстны задолго до освобожденія крестьянъ; но такъ какъ послѣдствіями ихъ было бы безземельное освобожденіе, то всѣ они признались недостаточными какъ правительствомъ, такъ и людьми, сочувствующими дѣлу освобожденія крестьянъ.

Кромѣ того всѣ изложенные способы не только каждый порознь, но всѣ взятыя вмѣстѣ откладывали окончаніе дѣла на неопредѣленное и притомъ весьма продолжительное время, а Государь желалъ немедленнаго начала и быстраго хода задуманнаго имъ преобразованія. Когда намѣреніе Государя сдѣлалось извѣстно повсемѣстно, тогда въ губерніяхъ начали придумывать средства къ примѣненію самаго существеннаго изъ опубликованныхъ правительствомъ началъ способа усадебнаго устройства крестьянъ. Выше было объяснено, что возраженія противъ предоставленія крестьянамъ въ собственность усадебной осѣдлости дѣлились на общія и мѣстныя. Мѣры, которыя предлагались къ устраненію находимыхъ помѣщиками неудобствъ, дѣлились также на общія и мѣстныя.

Къ общимъ мѣрамъ слѣдуетъ отнести предположенія предоставить крестьянамъ усадебныя мѣста не въ собственность, а въ пользованіе, т. е. на томъ же основаніи, какъ и всѣ остальные угодья. Въ подтвержденіе необходимости подобнаго измѣненія основныхъ началъ приводилось, что такой способъ усадебнаго устройства былъ бы согласенъ съ признаннымъ самимъ правительствомъ правомъ собственности помѣщиковъ на всю землю и съ обычаемъ общиннаго пользованія землей.

Мѣстные способы къ устраненію неудобствъ опубликованнаго правительствомъ усадебнаго устройства были, также какъ и возраженія: одни для губерній нечерноземныхъ, промышленныхъ, и другіе для черноземныхъ, земледѣльческихъ.

Въ нечерноземныхъ губерніяхъ помѣщики, опасаясь, что крестьяне: или получивъ усадебную осѣдлость, не будутъ брать у нихъ другихъ угодій, или вовсе уйдутъ изъ нивній, предлагали выкупъ не только усадебъ, но и части остальной земли.

Эту мѣру, кромѣ Тверскаго предводителя Унковскаго, который въ своемъ представленіи упоминалъ уже о правильной выкупной опе-

раціи, предлагалъ также Костромской предводитель Мионовъ (нынѣ уже умершій), человекъ весьма разумный и нелишней образованія, хотя вышедшій изъ низшихъ слоевъ уѣздной администраціи. Онъ предлагалъ выкупъ только въ малоземельныхъ имѣніяхъ, при пособіи ссуды крестьянамъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія на общихъ правахъ займовъ, подъ залогъ недвижимаго имущества. Тѣ же изъ помѣщиковъ, но черноземныхъ имѣній, которые не хотѣли или не додумались до выкупа, выражали желаніе получить право, въ извѣстныхъ случаяхъ, отбирать у промышленнаго крестьянина, незанимающагося обработкою земли, усадьбу, съ уплатой ему ея стоимости, а также и переселить его въ другую часть имѣнія.

Напротивъ, изъ земледѣльческихъ губерній, для устранения чрезполосности и препятствій къ правильному хозяйственному устройству, слышались голоса о томъ, что бы помѣщикамъ предоставлено было безусловное право, по ихъ усмотрѣнію: или оставить крестьянъ на настоящихъ усадебныхъ мѣстахъ, или переселить на другія, равно удобныя. Высказывалось также желаніе, чтобы выкупленная крестьяниномъ усадьба, если онъ оставлялъ имѣніе, возвращалась помѣщику, съ возвратомъ крестьянину уплаченной имъ суммы. Возражавшіе противъ началъ усадебнаго устройства, сторонники освобожденія крестьянъ съ землей и защитники безземельнаго освобожденія, выводили, какъ и должно было ожидать, противоположныя заключенія. И тѣ, и другіе видѣли ясно неудобство данныхъ въ руководство правилъ; но люди, сочувствующіе крестьянскому дѣлу, признавали необходимымъ распространить право выкупа не только на усадьбы, но и на всю землю, съ помощію правильнаго устройства выкупной операціи; защитники же безземельнаго освобожденія требовали, чтобы усадебныя мѣста предоставлялись крестьянамъ не въ собственность, а въ пользованіе, точно также какъ и всѣ остальные угодья. Министерство внутреннихъ дѣлъ раздѣляло первое имѣніе, но, въ виду состоявшагося при разсмотрѣніи нижегородскаго адреса, высочайше утвержденаго положенія секретнаго комитета о запрещеніи разсуждать о выкупѣ всей земли, министерству оставалось только защищать опубликованныя начала. Оно это дѣлало всѣми зависящими отъ него средствами въ надеждѣ, что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, вопросъ о выкупѣ самъ собой станеть на очередь. Причемъ министерство имѣло уже въ виду, что возбужденный изъ нѣкоторыхъ губерній вопросъ о долгахъ помѣщиковъ въ кредитныя установленія упроститъ вопросъ о выкупѣ.

Изъ другихъ вопросовъ особенное вниманіе министерства было обращено на три: 1) о чрезполосности земель, за неимѣніемъ генеральнаго межеванія, въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ Полтавской и

Черниговской; 2) о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, и 3) о заводскихъ и фабричныхъ людяхъ, какъ приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, такъ и работающихъ на разныхъ заводахъ на крѣпостномъ правѣ.

О мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ было испрошено чрезъ секретный комитетъ высочайшее повелѣніе о порученіи губернскимъ комитетамъ «обратить вниманіе на положеніе тѣхъ имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, въ конхъ существованіе крестьянъ не обезпечивается достаточно ни количествомъ земли, ни промышленными выгодами, и въ свое время представить соображенія, касательно устройства быта крестьянъ такихъ мелкопомѣстныхъ имѣній. Въ то же время предложено было губернаторамъ собрать свѣдѣнія о положеніи самихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ съ тѣмъ, чтобы, на основаніи этихъ свѣдѣній, обсудить мѣры къ устраненію отъ нихъ потерь, связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ.

О производствѣ размежеванія въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской было испрошено министромъ внутреннихъ дѣлъ и сообщено министру юстиціи высочайшее повелѣніе. Составленіе положенія о размежеваніи и приведеніи его въ исполненіе зависило не отъ мин. внут. дѣлъ, а отъ главнаго начальника межеваго корпуса, того же М. Н. Муравьева, который въ то же время былъ министромъ государственныхъ имуществъ и предсѣдателемъ департамента удѣловъ. Черниговское дворянство предполагало отложить самое устройство быта крестьянъ до окончанія размежеванія. На это, по высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ отвѣтъ, что «къ введенію новаго устройства крестьянъ въ Черниговской губерніи, до окончанія размежеванія земель, не можетъ встрѣтиться совершенной невозможности. Настоящія надѣлы земель подъ усадьбы и въ пользованіе и тѣ, которыя будутъ проектированы для безземельныхъ крестьянъ, будутъ имѣть временный характеръ впредь до размежеванія. Послѣ размежеванія, границы самыхъ помѣщичьихъ владѣній могутъ измѣниться, вмѣстѣ съ этимъ необходимо будетъ измѣнить и самый надѣлъ крестьянъ угодьями.

О заводскихъ и фабричныхъ имѣніяхъ, по сношенію съ министромъ финансовъ, была образована при мин. финансовъ особая коммисія и потому было сообщено въ губерніи, въ которыхъ находились заводскіе и фабричныя крестьяне, что устройство быта всѣхъ таковыхъ людей не относится къ предметамъ занятій губернскихъ комитетовъ. Впослѣдствіи оказалось, что при частныхъ заводахъ Пермской губерніи находятся крестьяне, работающіе на заводахъ, но не считающіеся горнозаводскими. По ходатайству графа Строгонова разрѣшено ему и другимъ заводовладѣльцамъ составить

особый проект положенія объ этихъ крестьянахъ и представить его, черезъ Пермскій губернский комитетъ на усмотрѣнiе правительства.

Полученiе московскаго адреса и состоявшiйся въ отвѣтъ на этотъ адресъ высочайшiй рескриптъ на имя московскаго генералъ-губернатора можно считать окончанiемъ колебанiй дворянства въ представленiи адресовъ. Съ 27 декабря министръ внутреннихъ дѣлъ ежедневно представлялъ Государю всеподданнѣйшiя записки о полученныхъ въ теченiи недѣли: «отъ и ва хъ отъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства по устройству крестьянскаго быта». Последняя такая записка была представлена Государю 17 января 1858 года, т. е. на другой день послѣ выхода московскаго рескрипта; затѣмъ начинается рядъ еженедѣльных докладовъ: «о постановленiяхъ дворянства относительно открытiя губернскихъ комитетовъ». Съ этого времени дѣятельность въ губернiяхъ по крестьянскому дѣлу состояла въ дворянскихъ совѣщанiяхъ по составленiю адресовъ.

Совѣщанiя эти происходили, съ соблюденiемъ въ разныхъ губернiяхъ неодинаковыхъ формальностей. Въ однѣхъ губернiяхъ уѣздные предводители дворянства, по отобранiи письменныхъ отзывовъ отъ своихъ дворянъ, собирались въ иныхъ мѣстахъ одни, но болышею частiю съ уѣздными депутатами дворянства, въ губернской городѣ, гдѣ вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ составляли и подписывали адресъ. Изъ другихъ губернiй получались подобные адреса, но къ нимъ присоединялись постановленiя уѣздныхъ дворянскихъ собранiй, которыя предшествовали съѣзду въ губернскомъ городѣ предводителей и депутатовъ.

Въ третьихъ, наконецъ, дѣло рѣшалось въ губернскомъ дворянскомъ собранiи: обыкновенномъ или чрезвычайномъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ удерживалось высказывать свое мнѣнiе: какую изъ этихъ формъ дворянскихъ совѣщанiй оно находитъ болѣе удобной. Такъ въ самомъ началѣ дѣла, двое губернскихъ предводителей, смоленской и ярославской, спрашивали министра: должны ли они, для совѣщанiя по крестьянскому дѣлу, созвать дворянство всей губернiи въ чрезвычайное собранiе. Министръ отвѣчалъ, что это не вмѣняется имъ въ непрѣмнную обязанность. Хотя официально нигдѣ не было выражено, но многимъ губернаторамъ и предводителямъ было извѣстно, что правительство находитъ болѣе удобнымъ письменныя сношенiя съ дворянами, а изъ собранiй уѣздныя предпочитаетъ губернскимъ. Сами предводители, для избѣжанiя разгара страстей и сильнаго проявленiя оппозиционнаго направленiя, избѣгали губернскихъ собранiй. Исключенiя дѣлались въ тѣхъ губернiяхъ, гдѣ губернскiе предводи-

тели становились или принуждены были становиться во главѣ оппозиціи. Въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Олонецкой, гдѣ не было и нѣтъ губернскихъ собраній, отбирали отзывы или собирали дворянъ для совѣщанія губернаторы.

Со времени появленія перваго—виленскаго—рескрипта (20 ноября 1857 года) потребовалось нѣсколько мѣнѣе 11 мѣсяцевъ (до 15 октября 1858 года) на соглашеніе дворянства всѣхъ остальныхъ губерній, гдѣ только были крѣпостные люди, приступить къ составленію предположеній объ уничтоженіи крѣпостной зависимости.

Высочайшіе рескрипты на имя губернаторовъ и генераль-губернаторовъ объ открытіи дворянскихъ губернскихъ комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ состоялись: въ декабрѣ 1857, по двумъ губерніямъ, петербургской и нижегородской, въ январѣ 1858 г. по одной; въ мартѣ по 8-ми, въ апрѣлѣ по 12-ти, въ маѣ по 10-ти, въ іюнѣ по 4-мъ, въ іюлѣ по 2-мъ (и высочайшее повелѣніе объ устройствѣ быта крестьянъ въ Сибири) и, наконецъ, въ октябрѣ по 3-мъ губерніямъ, въ которыхъ не было и нѣтъ дворянскихъ выборовъ. Такимъ образомъ открывались губернскіе комитеты въ 46-ти губерніяхъ и областяхъ, не считая сибирскихъ. Въ Сибири составленіе соображеній объ устройствѣ быта крестьянъ поручено генераль-губернаторамъ.

Изъ 46 губерній и областей: въ 10-ти представленные адреса были подписаны предводителями и депутатами (въ числѣ 217 человекъ), уполномоченными дворянствами, состоящими изъ 25, 204 помѣщиковъ; въ остальныхъ губерніяхъ адреса были подписаны самими дворянами въ уѣздныхъ или губернскихъ собраніяхъ, въ числѣ 18,548 человекъ. Изъ этого видно, что число всѣхъ помѣщиковъ, участвовавшихъ посредственно или непосредственно въ представленіи адресовъ, было 43,752.

Кромѣ того, въ послѣдствіи, по особому высочайшему повелѣнію 1 февраля 1859 года, были открыты комитеты для устройства быта крѣпостныхъ людей оренбургскаго и уральскаго казачьихъ войскъ.

Всѣподданнѣйшіе адреса или, какъ тогда часто писалось въ официальныхъ бумагахъ, прошенія (для избѣжанія конституціоннаго слова адресъ) были далеко не одинаковаго содержанія: не только по губерніямъ, но даже по уѣздамъ одной и той же губерніи. Ихъ можно раздѣлить на три разряда.

Въ однихъ выражалась безусловная готовность приступить къ устройству крестьянскаго быта, причѣмъ или прямо упоминалось «на началахъ, указанныхъ правительствомъ», или о началахъ ничего не говорилось.

Въ другихъ дворянство ходатайствовало дать крестьянамъ въ

собственность не однѣ усадьбы, но и извѣстное количество полевыхъ угодій, предоставляя имъ выкупить какъ личную зависимость, такъ и поземельный ихъ надѣлъ съ помощію общественнаго или государственнаго кредита.

Таково было ходатайство дворянъ четырехъ уѣздовъ тверской губерніи. О выкупѣ не одной усадебной осѣдлости, но и части прочихъ угодій ходатайствовало и нижегородское дворянство; а дворянство сумскаго уѣзда (харьковской губерніи) постановило: «изъявить свою безграничную готовность содѣйствовать во всемъ видамъ правительства въ дѣлѣ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ и не только находить нужнымъ уступить крестьянамъ усадьбы, какъ необходимое условіе обезпеченія ихъ осѣдлости, но считаетъ полезнымъ для блага ихъ и спокойствія своего уступить крестьянамъ часть земли въ ихъ вѣчную собственность, посредствомъ выкупа». При этомъ сумское дворянство просило, чтобъ «вѣрный взносъ выкупа со стороны крестьянъ былъ обезпеченъ участіемъ самаго правительства.» Постановленіе это было препровождено прямо въ министерство отъ уѣзднаго предводителя В. А. Савича, несогласившагося съ постановленіемъ другихъ предводителей и депутатовъ харьковской губерніи. Выше было упомянуто, что мысль о выкупѣ не однѣхъ усадьбъ, но и части полевыхъ угодій, была выражена въ отзывѣ костромскаго предводителя Минова; не могу за неимѣніемъ нужныхъ справокъ сказать: была ли эта мысль повторена въ костромскомъ адресѣ, но, кажется, безошибочно можно утверждать, что въ другихъ адресахъ нигдѣ она не высказывалась.

Къ третьему разряду относятся ходатайства объ измѣненіи обнародованныхъ правительствомъ началъ уничтоженія крѣпостной зависимости. Дворяне въ некоторыхъ губерніяхъ просили объ этомъ, опираясь на исключительныя мѣстные обстоятельства. Такъ, напримѣръ, дворянство самарской губерніи, принявъ въ соображеніе незначительность народонаселенія и изобиліе свободныхъ земель: казенныхъ, удѣльныхъ и башкирскихъ, выражало опасеніе, что, съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости, трудно будетъ отыскать вольнонаемныхъ рабочихъ за умѣренную плату. Поэтому дворянство ходатайствовало, чтобъ самарскому комитету дозволено было не стѣсняться правилами, изданными для другихъ губерній. Гражданскій губернаторъ (К. К. Гротъ) и генераль-губернаторъ (генераль Катенинъ) признавали ходатайство самарскаго дворянства заслуживающимъ уваженія. Напротивъ того, дворянство другихъ губерній, повторяя въ своихъ адресахъ тѣ же доводы о неудобствѣ отдачи крестьянамъ въ собственность усадебныхъ мѣстъ, которые высказывались въ приведенныхъ выше отзывахъ пред-

водителей, настаивали на предоставлении крестьянамъ въ пользованіе какъ усадебныхъ мѣстъ, такъ и прочей земли.

Вмѣстѣ съ этимъ въ нѣкоторыхъ адресахъ выражалось ходатайство, чтобы, по окончаніи переходнаго времени, участки тѣхъ крестьянъ, которые будутъ переходить въ другія мѣста, обращались въ свободное распоряженіе помѣщика. При этомъ дворянство харьковской губерніи, кромѣ дворянъ сумскаго уѣзда, испрашивало разрѣшеніе руководиться острѣвскими положеніями. При заявленіи подобнаго же ходатайства, дворянство минской губерніи высказало, что оно, отрекаясь навсегда отъ права крѣпостнаго владѣнія людьми, ходатайствуетъ о сохраненіи за дворянами полнаго права собственности на всю землю, съ соблюденіемъ инвентарныхъ правилъ въ отношеніи раздѣленія земли на крестьянскую и господскую. У меня не сохранилось свидѣній о содержаніи адресовъ юго-западныхъ губерній, но безъ всякаго сомнѣнія, что и тамъ было помѣщено отреченіе отъ крѣпостнаго права. Западные помѣщики отрекались отъ крѣпостнаго права, въ надеждѣ удержать за собою землю, а помѣщиками великорусскихъ губерній просили о выкупѣ крѣпостной зависимости и поземельнаго надѣла.

Въ этомъ, также какъ и въ отзывѣхъ предводителей, также какъ и во всемъ послѣдующемъ ходѣ крестьянскаго дѣла, необыкновенно рѣзко обрисовывается различіе народныхъ характеровъ русскаго и польскаго.

Въ этомъ только и замѣтно различіе адресовъ, происходившее отъ мѣстныхъ или, вѣрнѣе сказать, отъ этнографическихъ причинъ: даже того различія, которое замѣчалось въ первоначальныхъ отзывахъ на министерскіе циркуляры предводителей: черноземныхъ и не черноземныхъ губерній, въ адресахъ уже не видно. Безусловно ходатайствовало объ открытіи комитетовъ дворянство симбирской губерніи; а дворяне пяти уѣздовъ саратовской испрашивали разрѣшенія не стѣсняться изданными для другихъ губерній правилами: въ то же время воронежское и харьковское дворянство настаивали на безземельномъ освобожденіи, а дворянство полтавской губерніи представило безусловный адресъ. Самарское дворянство затруднялось руководствоваться правилами, изданными для другихъ губерній, опасаясь недостатка въ рабочихъ рукахъ, а въ адресахъ другихъ степныхъ губерній не говорилось объ этомъ опасеніи. О поземельномъ выкупѣ просятъ въ одинаковой степени: дворяне четырехъ уѣздовъ тверской и помѣщики всей вообще нижегородской губерніи. О томъ же выкупѣ слышатся голоса въ костромской губерніи и общее объ этомъ ходатайство идетъ изъ сумскаго уѣзда харьковской губерніи.

Никакими мѣстными условіями нельзя объяснить различія въ мнѣніяхъ по уѣздамъ. Изъ губерній, состоящихъ изъ однохарактерныхъ уѣздовъ: харьковской, саратовской, тверской, идутъ разнохарактерныя ходатайства. Одинъ уѣздъ харьковской губерніи идетъ далѣе правительства и проситъ о предоставленіи крестьянамъ въ собственность, кромѣ усадебъ, и части прочихъ угодій, а всѣ остальные уѣзды энергически настаиваютъ на безземельномъ освобожденіи. Пять уѣздовъ Саратовской губерніи изъявляютъ безусловную готовность приступить къ устройству быта крестьянъ, а пять остальныхъ просятъ объ открытіи предварительныхъ уѣздныхъ комитетовъ и представляютъ о разрѣшеніи губернскому комитету не стѣсняться обнародованными началами. Дворянство тверской губерніи раздѣлилось на три ровныя части: четыре уѣзда соглашались съ правительственными началами, съ присоединеніемъ выкупа личности, четыре другіе просили объ общемъ поземельномъ выкупѣ съ выкупомъ крѣпостной зависимости; а остальные четыре уѣзда хлопотали о предоставленіи крестьянамъ одного только права пользованія и усадебными, и другими угодіями.

Въ то же самое время дворянство самой разнохарактерной по мѣстнымъ условіямъ губерніи, нижегородской, представляетъ однообразное ходатайство объ устройствѣ быта крестьянъ, поселенныхъ въ уѣздахъ Сергачскомъ, съ тучнымъ черноземомъ, и въ Макарьевскомъ, съ тощей нечерноземной почвой, мѣстами вовсе неплодородной.

Такимъ образомъ оказывается, что если бы правительство желало удовлетворить ходатайства дворянъ помѣщиковъ, изложенныя въ ихъ адресахъ, оно не могло бы этого сдѣлать. Въ такомъ случаѣ пришлось бы крестьянъ Тверской губерніи освободить изъ крѣпостной зависимости въ однихъ уѣздахъ съ надѣлами всѣми усадьбами, въ другихъ только съ усадебной землей, а въ третьихъ вовсе безъ земли. Крестьянъ Сумскаго уѣзда надѣлить землей, а всѣхъ остальныхъ оставить безъ земли. Правительству оставалось только изъ этого списка равнообразныхъ ходатайствъ объ измѣненіи обнародованныхъ имъ началъ обратить вниманіе при дальнѣйшемъ развитіи дѣла на существенныя, которыя дѣйствительно выходили изъ самаго предмета, а не основывались на личныхъ взглядахъ людей, писавшихъ адреса, которые очень часто не выражали даже желанія тѣхъ отъ имени которыхъ они писались.

Кромѣ представлений объ измѣненіи началъ устройства крестьянскаго быта, были ходатайства: или объ открытіи уѣздныхъ комитетовъ, или о допущеніи предварительныхъ совѣщаній въ уѣздныхъ собраніяхъ. Это отчасти было удовлетворено.

Начиная съ Нижегородскаго рескрипта и затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ прибавлялось: что дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ губернской комитетъ, дозволяется имѣть предварительныя о мѣстныхъ обстоятельствахъ и потребностяхъ соглашенія. Что же касается до ходатайствъ о продолженіи срока занятій губернскихъ комитетовъ долѣе опредѣленныхъ 6-ти мѣсяцевъ, то подобныя ходатайства постоянно отклонялись. При разсмотрѣніи перваго изъ этихъ ходатайствъ, московскаго, состоялось высочайшее повелѣніе, чтобъ 6-и мѣсячный срокъ оставался неизмѣннымъ. Выше было уже упомянуто, что ходатайство черниговскаго дворянства отложить открытіе комитета до размежеванія было также устранено; если бы оно было бы уважено, то черниговскій комитетъ до сихъ поръ не былъ бы открытъ.

По мѣрѣ полученія адресовъ, выходили рескрипты на имя губернаторовъ или генераль-губернаторовъ, гдѣ они были, и дополнительныя къ нимъ отношенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Редакція этихъ послѣднихъ отношеній также проходила въ первое время черезъ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу и подлежала высочайшему утвержденію.

Послѣдующіе рескрипты, по изложеннымъ въ нихъ началамъ будущаго устройства крестьянскаго дѣла, были безусловнымъ повтореніемъ виленскаго. Было нѣкоторое различіе только въ устройствѣ коллегіальныхъ собраній, на которыя возлагалось составленіе проектовъ мѣстныхъ положеній объ устройствѣ быта крестьянъ. По виленскому рескрипту въ каждой изъ трехъ губерній Виленской, Ковенской и Гродненской, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, открывался губернской комитетъ, который долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда выбранному изъ среды своей дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той-же губерніи по непосредственному назначенію губернатора. Комитеты эти, составивъ предположенія по каждой губерніи, должны были представить свой трудъ въ общую для всѣхъ трехъ губерній комисію, въ которой, кромѣ двухъ членовъ отъ каждаго губернскаго комитета и одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по назначенію генераль-губернатора, присутствовалъ членъ министерства, внутреннихъ дѣлъ. Что же касается до предсѣдательства въ общей комисіи, то генераль-губернатору предоставлено назначить предсѣдателемъ одного изъ членовъ комисіи, принадлежавшихъ къ мѣстнымъ дворянамъ. Комисія эта обязана была составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія. Подобное устройство губернскихъ

комитетовъ и общей комисіи было установлено для трехъ губерній Кіевскаго генераль-губернаторства, съ тѣмъ только различіемъ, что въ губернскихъ комитетахъ было не по одному, а по два члена отъ каждаго уѣзда. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ были только губернскіе комитеты въ томъ составѣ, какъ въ губерніяхъ югозападнаго края, т. е., подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей дворянства; комитеты эти состояли изъ дворянъ помѣщиковъ по выбору отъ каждаго уѣзда по два и двухъ членовъ отъ правительства, также изъ мѣстныхъ помѣщиковъ по назначенію губернаторовъ. Не отступая отъ основнаго начала исключительнаго представительства въ этихъ комитетахъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, нѣкоторыя измѣненія въ составѣ, по особеннымъ условіямъ мѣстностей, были сдѣланы для земли Войска Донскаго, по особенному устройству тамошняго дворянства; для губерній Вологодской, Астраханской, Ставропольской и Оренбургской (нынѣшнимъ Уфимской и Оренбургской) по малому числу дворянъ въ иныхъ уѣздахъ и по неизмѣннѣю вовсе помѣщиковъ въ другихъ; а для губерній Вятской, Пермской и Олонекской, какъ по малому числу помѣщиковъ, такъ и потому, что тамъ не было и нѣтъ дворянскихъ собраній и избираемыхъ дворянствомъ должностныхъ лицъ. Для Бессарабской области состоялся особый рескриптъ на имя новороссійскаго генераль-губернатора, такъ какъ тамъ масса сельскаго населенія—паране; въ крѣпостной же зависимости находились одни только цыгане, большая часть которыхъ не пользовалась землей, а находилась на положеніи дворовыхъ людей. Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ различіи, которое дѣлалось во вступленіи къ рескриптамъ.

Если дворянство въ своемъ адресѣ безусловно выражало желаніе приступить къ устройству и улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, то обыкновенно писалось:

«Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю» и проч.

Если представлялось ходатайство объ открытіи губернскаго комитета и при этомъ, хотя и высказывались затрудненія, но положительно не испрашивалось отступленій отъ обнародованныхъ началъ, то въ рескриптахъ говорилось;

«Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянъ къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, Я предоставляю» и проч. Вводное предложеніе: «согласно Моимъ видамъ и намѣреніямъ» пропускалось, а къ слову «доказательство» прибавлялось «всякое».

Наконецъ, въ рескриптахъ на тѣхъ адресахъ, которые походили на протестъ противъ обнародованныхъ правительствомъ оснований и въ которыхъ положительно высказывалось ходатайство объ измѣненіи принятыхъ правительствомъ началъ освобожденія, помѣщалась слѣдующая фраза:

«Признавая необходимымъ, чтобы проектъ положенія по сему предмету былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, какія указаны уже мной дворянству... повелѣваю» и проч. Первый образецъ послѣдняго рода рескриптовъ былъ московскій рескриптъ, въ которомъ въ первый разъ выражена холодность дворянству за медленность и за уклоненія отъ началъ, указанныхъ правительствомъ.

Эти типы рескриптовъ до того сдѣлались извѣстными, что когда я приходилъ къ Ланскому со вновь полученными адресами и заготовленными проектами рескриптовъ для внесенія въ Главный Комитетъ, тогда онъ обыкновенно спрашивалъ меня, улыбаясь: «съ удовольствіемъ или безъ удовольствія?» Изъ нѣкоторыхъ губерній были жалобы, что не было употреблено «съ удовольствіемъ», тогда какъ тамъ думали, что по смыслу адреса, слѣдовало бы упомянуть объ удовольствіи. Что же касается до дополнительныхъ къ рескриптамъ отношеній министра внутреннихъ дѣлъ, то соображенія, которыя изложены были въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору, не излагались особо, а повторялось то, что было написано нижегородскому губернатору, т. е. что комитеты должны руководствоваться петербургскимъ отношеніемъ, съ прибавленіемъ къ нему разрѣшенія на предварительныя совѣщанія на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, созываемыхъ для выбора членовъ въ губернскій комитетъ по устройству быта крестьянъ.

Замѣчательно, что поводомъ къ измѣненію виленскаго отношенія было несходство Петербургской губерніи съ тремя сѣверо-западными. Но разъ написанное отношеніе къ петербургскому генералъ-губернатору сообщалось къ руководству, начиная съ нижегородскаго, всѣмъ остальнымъ комитетамъ, открытымъ послѣ него. Главное несходство Виленской губерніи съ Петербургской заключалось въ томъ, что въ первой преобладало и преобладаетъ личное или, лучше сказать, подворное пользованіе землей; а въ Петербургской почти исключительно было и есть общинное пользованіе. Поэтому въ Петербургской губерніи было основаніе предоставить крестьянскій надѣлъ въ распоряженіе міра и установить обязательное общинное пользованіе. Но разъ провозглашенная обязательность общиннаго пользованія повторялась не только для великорусскихъ губерній, но и для малорусскихъ: Полтавской и Черниговской, въ большей части уѣздовъ ко-

торыхъ никогда не было поземельной общины; а также для Витебской губерніи, въ которой четыре уѣзда (такъ называемыя инфляндскіе) во всемъ сходны съ сѣверо-западными губерніями, и для Минской губерніи, которая вся ничѣмъ не отличается отъ губерніи Виленской, Гродненской и Ковенской. Кіевскому генераль-губернатору, хотя и было послано особое отношеніе, но и въ немъ вполнѣ было повторено все, что было сказано въ отношеніи къ Петербургскому генераль-губернатору отъ 5 декабря 1857 года.

Впрочемъ, справедливость заставляетъ прибавить, что для Полтавской и Черниговской губерній министерству внутреннихъ дѣлъ удалось исходатайствовать нѣкоторыя исключенія, но не потому, что тамъ не было и нѣтъ общиннаго владѣнія, а потому, что тамъ не было генеральнаго межеванія. Кромѣ руководства петербургскимъ отношеніемъ, Полтавскому и Черниговскому комитетамъ предписывалось имѣть въ виду слѣдующія правила: 1) въ отношеніи тѣхъ крестьянъ, которые надѣлены уже землей, держаться по возможности, впредь до размежеванія, настоящаго надѣла; 2) безземельныхъ крестьянъ надѣлать землей, посредствомъ крестьянскаго измѣренія (?), и 3) считать впредь до размежеванія, всѣ произведенныя надѣлы временными, кромѣ тѣхъ имѣній, въ которыхъ будетъ возможно произвести окончательныя надѣлы. Министерству впрочемъ удалось исходатайствовать для малороссійскихъ губерній сохраненіе подворнаго пользованія въ видѣ временной мѣры, впредь до размежеванія; а при окончательномъ устройствѣ, комитеты этихъ губерній должны были руководствоваться петербургскимъ рескриптомъ.

Въ дополнительномъ отношеніи къ виленскому рескрипту весьма осторожно и благоразумно было сказано, что «порядокъ пользованія землей устанавливается сообразно мѣстнымъ обычаямъ», т. е. тамъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе, оно не нарушалось точно также сохранялся подворный надѣлъ, гдѣ онъ былъ введенъ. Взаимнъ того въ петербургскомъ отношеніи говорилось, что «земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіе міра». Основанія виленскаго отношенія были введены и въ труды редакціонной комисіи и въ Положеніе 19 февраля 1861 года; но составители петербургскаго дополнительнаго отношенія, насильственнымъ введеніемъ общиннаго пользованія, предполагали лишить крестьянъ наследственныхъ земельныхъ участковъ, которые не смотря на крѣпостное право, въ губерніяхъ западныхъ и малорусскихъ болѣею частью переходили отъ отца къ сыну. Кому же, послѣ этого, слѣдуетъ сдѣлать упрекъ, который такъ часто повторялся и до сихъ поръ повторяется, въ томъ, что при

освобожденіи крестьянъ было допущено общинное пользованіе землей? Въ положеніяхъ о крестьянахъ, осталось не тронутымъ то, что было; а защитники прежнихъ порядковъ хотѣли произвести радикальную перемѣну въ повземельномъ владѣніи нѣкоторыхъ мѣстностей. По мѣрѣ полученія рескриптовъ на мѣстахъ, производились выборы членовъ комитетовъ и кандидатовъ къ нимъ. вмѣстѣ съ выборами членовъ дворянскими собраніями, начальники губерній, по предоставленной имъ власти, назначали членовъ отъ правительства. При выборахъ дворянскихъ членовъ происходили предварительныя совѣщанія по крестьянскому дѣлу, которыя разрѣшены были дворянскимъ собраніямъ, начиная съ Нижегородской губерніи. Но прежде, чѣмъ приступлено было къ выборамъ дворянскихъ членовъ, по многимъ губерніямъ былъ возбужденъ вопросъ: гдѣ производить эти выборы, на губернскихъ или уѣздныхъ сѣздахъ дворянъ. Вопросъ этотъ не разрѣшался положительно ни рескриптами, ни дополнительными къ нимъ отношеніями. Сказано было только, что избраніе двухъ членовъ отъ каждаго уѣзда производится дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ нѣсколькими имѣніями. Разрѣшено было также дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ, имѣть предварительныя о мѣстныхъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія. Следовательно, вопросъ оставался открытымъ, потому что выборы и совѣщанія по уѣздамъ могли совершаться въ губернскомъ городѣ, въ общей залѣ дворянскихъ собраній, какъ это бывало и бываетъ до сихъ поръ.

Правительство и нѣкоторые губернаторы, изъ опасенія сильнаго разгара страстей въ многочисленныхъ губернскихъ собраніяхъ и новаго проявленія оппозиціоннаго направленія, склонялись болѣе на разрѣшеніе уѣздныхъ сѣздовъ. Многие изъ губернскихъ предводителей, изъ опасенія не угодить: или своимъ избирателямъ, или правительству, были того же мнѣнія. Но были противоположныя мнѣнія и притомъ шедшія со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ, сочувствующихъ дѣлу. Такъ, мой владимірскій корреспондентъ Гавриловъ писалъ ко мнѣ: «желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ людей и въ особенности приверженцевъ реформы, что бы для выборовъ въ члены комитета и для ассигнованія суммъ былъ дозволенъ губернскій сѣздъ. Если это сдѣлается по уѣздамъ, то съ величайшимъ вредомъ для дѣла».

«Что за безобразіе», продолжалъ Гавриловъ, «эти уѣздные сѣзды, и вообразить трудно! какія недѣлости тамъ говорятся и предполагаются—повѣрить нельзя. Лучшая часть дворянства, служащіе дворяне, въ нихъ не участвуютъ. Десять или пятнадцать зажиточныхъ помѣщиковъ соберутся въ квартиру предводителя и за водкой и на-

ливками выберуть какого нибудь пройдоху, если мѣсто съ жалованіемъ, и перваго охотника, если должность безъ жалованья. За примѣромъ не долго ходить. Нѣкоторые предводители передъ своимъ съѣздомъ въ губернекомъ городѣ, бывшимъ 4 января (1858), собирали уѣздные съѣзды. Вотъ для примѣра нѣсколько единогласныхъ мнѣній: одинъ уѣздъ полагаетъ, что прежде всего надобно увеличить число полицейскихъ чиновниковъ, и, по недостаточности въ губерніи войска, ввести военную силу въ возможно большомъ числѣ, въ особенности кавалеріи, но не упустить въ приличныхъ мѣстахъ выставить: и пѣхоту, и артилерію. Другой уѣздъ объясняетъ, что, для предупрежденія смутъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе зависти помѣщичьихъ крестьянъ къ казеннымъ (ибо вторые платятъ весьма мало оброковъ), «слѣдуетъ написать отъ всего дворянства адресъ къ министру государственныхъ имуществъ, въ коемъ просить его высокопревосходительство увеличить оброкъ съ государственнымъ крестьянъ, дабы сравнять ихъ съ помѣщичьими». «Это факты, — писалъ Гавриловъ — ручаюсь вамъ моимъ словомъ; это было подписано и написано въ уѣздахъ, а здѣсь прочтено при совѣщаніяхъ предводителей и дворянства.»—

Взвѣсивъ доводы за и противъ губернскихъ съѣздовъ и принявъ въ соображеніе разнообразіе личнаго состава дворянскихъ собраній въ разныхъ губерніяхъ, министерства внутреннихъ дѣлъ, въ разрѣшеніи возбужденнаго вопроса, отвѣчало циркуляромъ, что самими губернскими предводителямъ, по соглашенію съ начальниками губерній, представляется, для выборовъ и предварительныхъ совѣщаній, назначать губернскія или уѣздныя чрезвычайныя собранія. Я не имѣю подъ руками точныхъ свѣдѣній; но кажется, я не ошибаюсь, если скажу, что большая часть выборовъ произведена въ уѣздныхъ городахъ.

V.

Выборъ членовъ въ губернскіе комитеты. — Члены отъ правительства. — Открытіе губернскихъ комитетовъ и составъ ихъ. — Рѣчь Государя къ предводителямъ петербургской губерніи.

Служившимъ дворянамъ помѣщикамъ, особыми распоряженіями, предоставлены были всѣ средства принимать участіе въ выборахъ, а въ случаѣ ихъ избранія или назначенія отъ правительства, и въ занятіяхъ комитетовъ. Установлены были правила относительно содержанія какъ дворянскихъ, такъ и правительственныхъ членовъ комитетовъ; которые, по недостаточному состоянію, будутъ нуждаться въ содержаніи. Содержаніе для выборныхъ членовъ назначалось изъ

дворянскихъ суммъ, а для правительственныхъ—изъ суммъ государственнаго земскаго сбора.

О выборахъ членовъ, произведенныхъ во Владимірѣ въ губернской комитетъ на губернскомъ съѣздѣ дворянъ, мнѣ писалъ Гавриловъ, который принималъ участіе въ выборахъ и былъ выбранъ кандидатомъ и до открытія еще комитета поступилъ на открывшуюся вакансію члена. «Все происходило», писалъ Гавриловъ, «какъ бываетъ на обыкновенныхъ выборахъ: все тѣ же личности, все тѣ же интриги, въ особенности это обнаружилось, когда заговорили, что члены будутъ на жалованьи. Изъ 26 губернскихъ членовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы вполне надеженъ: какъ по своимъ мнѣніямъ и направленіямъ, такъ особенно по способности къ дѣлу. Человѣка три вполне благомыслящіе и умные; но, къ сожалѣнію, совѣмъ не рабочіе. Остальные же, за исключеніемъ трехъ или четырехъ совѣмъ невѣстныхъ, принадлежатъ къ ультрапомѣщичьей партіи. Они могутъ быть различены тѣмъ только, что одна часть—человѣкъ шесть—имѣетъ вліяніе на прочихъ, а другая умѣетъ говорить: «я за дворянъ, я противъ реформы». Это послѣднее слово имъ удалось заучить какъ терминъ; но значеніе его едва ли они вполне разумѣютъ».

Въ общемъ видѣ характеристику эту можно отнести къ выборамъ, произведеннымъ во всѣхъ губерніяхъ, разница только заключалась въ разныхъ отношеніяхъ числа представителей «ультра-помѣщичьей партіи къ числу лицъ благомыслящихъ. Кроме того, по нѣкоторымъ уѣздамъ выборы до того были благопріятны для крестьянскаго дѣла, что въ члены комитетовъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, попали, единственные личности, которыя не только понимали и сочувствовали дѣлу, но и могли вести его, группируя около себя болѣе или менѣе значительное меньшинство.

Назначеніе членовъ отъ правительства предоставлялось непосредственному усмотрѣнію генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Впослѣдствіи, при назначеніи членовъ губернскихъ присутствій и мировыхъ посредниковъ, министерство оставляло за собой большую долю вліянія на это назначеніе; но относительно членовъ отъ правительства въ губернскіе комитеты по устройству быта крестьянъ этого не было сдѣлано при изданіи первыхъ рескриптовъ, а при послѣдующихъ нельзя было уже настаивать на этомъ. Впрочемъ, едва ли министерство въ то время могло вполне воспользоваться этимъ правомъ. Правда, нѣкоторыя особенно крупныя личности, которыхъ сочувствіе къ крестьянскому вопросу и способности къ веденію дѣла не подлежали никакому сомнѣнію, были извѣстны министерству, но число ихъ было ограничено, притомъ большая часть изъ нихъ и безъ того были приглашены на-

чальниками разныхъ губерній. Къ такимъ личностямъ принадлежатъ Ю. Ф. Самаринъ и два его брата, князь Черкасскій, Тарновскій, Галаганъ, Желѣзновъ, Шепелевъ, Григорій Аксаковъ и нѣкоторые другіе. Разузнать же о другихъ губернаторскихъ кандидатахъ мало или вовсе неизвѣстныхъ, едва ли достало бы времени, при той спѣшности, съ которой открывались губернскіе комитеты, а эта спѣшность была необходима для пользы самаго дѣла. Надо отдать справедливость нѣкоторымъ губернаторамъ, что выборъ ихъ выдвинулъ нѣсколько лицъ, до того неизвѣстныхъ, но которые своими трудами въ комитетахъ принесли много пользы дѣлу, обнаруживъ, при полномъ сочувствіи къ предпринятому правительствомъ преобразованію, способность къ веденію дѣла и энергію къ борьбѣ за свои убѣжденія.

Но не всѣ назначенія правительствомъ членовъ были удачны. Нельзя, впрочемъ, безусловно обвинять губернаторовъ; имъ не трудно было ошибиться при томъ маломъ выборѣ лицъ изъ мѣстныхъ помещиковъ, на которыхъ могло остановиться ихъ вниманіе; кромѣ того, нѣкоторые, боясь ложнаго положенія относительно дворянства, отказывались отъ принятія званія правительственнаго члена. Но изъ предыдущаго изложенія можно было видѣть, что не всѣ начальники губерній понимали свое призваніе: такіе генералъ-губернаторы и губернаторы подбирали въ члены отъ правительства лицъ, раздѣлявшихъ ихъ взгляды.

Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, сдѣлали то, что далеко не всѣ члены удовлетворяли своему назначенію и что нѣкоторые изъ нихъ явно принадлежали къ большинству, несочувствующему намѣреніямъ правительства. Такое ненормальное явленіе могло имѣть мѣсто только въ такомъ неустановившемся государственномъ строѣ, каковъ нашъ былъ въ то время и, къ несчастію, каковымъ онъ остается до сихъ поръ.

При самомъ выходѣ первыхъ рескриптовъ, а еще болѣе при выборахъ членовъ въ губернскіе комитеты, возбужденъ былъ вопросъ въ видѣ протестовъ со стороны представителей дворянства. Въ особенности протестовалъ противъ назначенія въ комитеты правительственныхъ членовъ воронежскій предводитель дворянства князь Гагаринъ. Онъ писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, что дворянство въ этомъ видитъ недовѣріе къ нему правительства; посредствомъ этихъ членовъ губернаторы, какъ будто, будутъ присутствовать въ самыхъ дворянскихъ комитетахъ. Не нравилось также и то участіе въ дѣлѣ, которое предоставлялось рескриптомъ начальникамъ губерній. Въ моихъ бумагахъ сохраняется написанный моею рукой, въ отвѣтъ на подобныя заявленія, проектъ циркуляра слѣдующаго содержанія:

«Нѣкоторые изъ предводителей дворянства отозвались: что участіе начальниковъ губерній въ дѣлѣ устройства быта крестьянъ и назначеніе въ комитеты особыхъ членовъ отъ правительства дворяне не могутъ не принять за знакъ неполнаго къ нимъ довѣрія. Считаю полезнымъ сообщить вамъ, милостивый государь, какое значеніе имѣетъ эта мѣра въ глазахъ правительства. Въ этомъ заключается новый знакъ милости Государя Императора къ дворянамъ. Онъ ввѣряетъ имъ, между прочимъ, обсужденіе вопроса объ участи другаго сословія, которое не будетъ имѣть своихъ представителей при дворянскихъ совѣщаніяхъ. Взамѣнъ этого, правительство поручаетъ интересы крестьянъ начальникамъ губерній и лицамъ, назначеннымъ имъ—даже не изъ коронныхъ чиновниковъ, а изъ помѣщиковъ той же губерніи. Правительство надѣется, что дворянство пойметъ и оцѣнитъ то довѣріе, которое ему дѣлается въ важномъ вопросѣ установленія прочныхъ отношеній между двумя сословіями».

Циркуляра этого нѣтъ въ «сборникѣ правительственныхъ распоряженій», поэтому онъ: или не подлежалъ гласности, или можетъ быть и вовсе не состоялся, а остался въ видѣ проекта. Но какъ бы то ни было, таковъ былъ взглядъ министра внутреннихъ дѣлъ и таковъ былъ смыслъ словесныхъ объясненій съ губернаторами и предводителями дворянства.

Всѣхъ губернскихъ комитетовъ должно было открыться 46 и 2 общія комисіи (виленская и кіевская), всего 48. Постепенное открытіе комитетовъ совершалось такъ, что первый комитетъ петербургскій,—открылъ свои занятія 14 января 1853 года. За тѣмъ приступили къ работамъ нижегородскій и виленскій комитеты 19 февраля; послѣ того: въ февралѣ и мартѣ гродненскій и ковенскій, въ апрѣлѣ московскій и въ іюнѣ кіевскій и симбирскій. Такимъ образомъ въ первую половину 1853 года открыто было 8 комитетовъ. Во вторую половину того же года начали свои дѣйствія 35 комитетовъ, въ томъ числѣ виленская общія комисія. Въ началу 1859 года оставалось неоткрытыми 5 комитетовъ: донской комитетъ, три сѣверныхъ: вятскій, оленецкій и пермскій, и кіевская общія комисія, изъ которыхъ самая послѣдняя по времени открытія была кіевская общія комисія, приступившая къ работамъ 19 апрѣля 1859 года. На открытіе всѣхъ комитетовъ и комисій со времени выхода перваго рескрипта (съ 20 ноября 1857 г.) потребовалось 1 годъ и 5 мѣсяцевъ безъ нѣсколькихъ дней. Промежутокъ времени отъ выхода рескриптовъ и открытія комитетовъ въ разныхъ губерніяхъ былъ неодинаковъ и простирался отъ 1 до 6 мѣсяцевъ.

Въ 48 губернскихъ комитетахъ и общихъ комисіяхъ было избрано

и приглашено начальниками губерній 1377 человекъ, въ качествѣ членовъ. Дѣятельность ихъ и направленіе обнаружатся въ послѣдующемъ разсказѣ; здѣсь я кстати приведу только отзывъ о ихъ дѣятельности С. С. Ланскаго, который онъ вносилъ своей рукой въ представленный мной проектъ всеподданнѣйшей записки, по поводу предстоявшаго прибытія въ Редакціонныя Комисіи депутатовъ перваго приглашенія; записка, о которой я уже упоминалъ. «Изъ числа ихъ» (членовъ губернскихъ комитетовъ)—замѣтилъ Ланской,—«можно положительно сказать, едва меньшая часть занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорились влиянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ.» Такимъ образомъ отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ, написанный въ августѣ 1859 года, когда большая часть комитетовъ: или окончила, или оканчивала свои занятія, вполне подтвердилъ мнѣнія о членахъ одного изъ губернскихъ комитетовъ, высказанное мѣстнымъ помѣщикомъ сейчасъ послѣ выборовъ.

Государь, предпринявъ такое преобразование, какъ освобожденіе крестьянъ и мало полагаясь на своихъ сотрудниковъ, желалъ войти въ личное непосредственное сношеніе съ самимъ дворянствомъ, съ тѣми губернскими дѣятелями, которымъ онъ предоставлялъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не хотѣлъ ограничиться одними рескриптами на имя начальниковъ губерній; онъ желалъ изустно передать дворянству свою волю, устранивъ всякое сомнѣніе о твердой его рѣшимости, и тѣмъ воодушевить ихъ къ совершенію великаго дѣла. Онъ воспользовался первымъ къ тому случаемъ, представившимся между выходомъ втораго—петербургскаго—рескрипта и открытіемъ перваго—также петербургскаго—комитета. Въ этотъ промежутокъ времени, именно 9 декабря 1857 года, представлялись Государю петербургскій предводитель дворянства и всѣ уѣздные, въ присутствіи мѣстнаго генералъ-губернатора,—для принесенія благодарности за принятый Государемъ балъ, данный дворянствомъ по случаю бракосочетанія Великаго Князя Михаила Николаевича. Государь при этомъ обратился къ предводителямъ съ слѣдующими словами:

— «Благодарю васъ, господа, за вчерашній вечеръ, который доставилъ большое удовольствіе и Мнѣ, и всей Моей семьѣ. Я вамъ очень благодаренъ, Мнѣ пріятно видѣть васъ у себя. Теперь нужно поговорить о предметѣ большой важности, должно подумать о дѣлѣ, требующемъ полнаго вниманія вашего. Генералъ-губернаторъ собиралъ васъ и объявилъ вамъ мое желаніе и мою твердую волю».

«Мнѣ кажется, что правила, мной предначертанныя, нестѣснительны для обѣихъ сторонъ. Пополненія и разъясненія, которыя ока-

жуются нужными, будутъ уже дѣломъ комитета подъ предсѣдательствомъ вашими».

При этихъ послѣднихъ словахъ, Государь обратившись къ губернскому предводителю дворянства (графу П. П. Шувалову), прибавилъ:

— «Я увѣренъ, что вы вашими усердіемъ и заботливостью достигните цѣли».

Потомъ Государь продолжалъ:

— «Я привыкъ надѣяться на все дворянство и предоставилъ вашей губерніи начать это дѣло. Знаю, что много будетъ труда, но я надѣюсь на васъ и поручаю вамъ это дѣло. Надѣюсь, что вы примете въ немъ искреннее участіе и обратите вниманіе ваше на классъ людей, заслуживающій, что бы положеніе его было правильно обезпечено. Нельзя было медлить долѣе; должно было заняться теперь же этимъ предметомъ, не откладывая его въ даль. Моя непремѣнная воля, чтобы это было исполнено».

Обратившись къ генераль-губернатору (П. Н. Игнатьеву), Государь сказалъ:

— «Я прошу васъ содѣйствовать дворянамъ и руководить ихъ: въ случаѣ затрудненія помогать имъ».

Въ заключеніе, Государь присовокупилъ:

— «Въ данныхъ вамъ основаніяхъ возлагается на обязанность мірскихъ обществъ призрѣніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ, но не выражено довольно ясно. Мое желаніе, чтобы войны, послужившіе отечеству и уволенные при расформированіи нѣкоторыхъ частей арміи, какъ люди, пролившіе кровь свою и получившіе на службѣ увѣчья, или доказавшіе готовность свою пожертвовать собой для отечества, также были призрѣны тѣми обществами, которыми были сданы. Участъ этихъ людей не менѣе заслуживаетъ вашей заботливости и потому прошу непремѣнно объ этомъ подумать».

«Въ имѣніяхъ удѣльныхъ и государственныхъ, на этотъ предметъ обращено уже вниманіе и участъ этихъ людей отчасти устроена. Въ имѣніяхъ же помѣщичьихъ, относительно ихъ ничего не сдѣлано. Оставить этихъ людей на произволъ судьбы невозможно, а потому и въ этомъ отношеніи я полагаюсь на васъ».

«Прощайте, господа, я твердо надѣюсь на васъ».

Я. А. Соловьевъ.

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

[Къ его біографіи.]

† 28 января 1881 г.

IV ¹⁾.

Извѣстно, что въ ряду милостей, какими ознаменовано начало царствованія императора Александра Николаевича, было прощеніе всѣхъ пострадавшихъ по дѣлу М. В. Бутаевича-Петрашевскаго. Царская милость застала однихъ въ каторжныхъ работахъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, другихъ на поселеніи или въ военной службѣ въ сибирскихъ батальонахъ и на Кавказѣ. Всѣ успѣшили воспользоваться дарованной свободой и мало по малу возвратились изъ ссылки, кромѣ П. Н. Филипова, тяжело раненаго при штурмѣ Карса и умершаго въ александропольскомъ госпиталѣ, и Петрашевскаго, который отказался отъ помилованія, требуя пересмотра своего дѣла, и остался въ восточной Сибири. Но не для всѣхъ освобожденныхъ каторжная жизнь прошла безслѣдно: нѣкоторые заплатились за нее здоровьемъ. Больше другихъ пострадалъ С. Ѡ. Дуровъ, сосланный, какъ я уже говорилъ, вмѣстѣ съ Ѡ. М. Достоевскимъ въ Омскъ. Кто читалъ «Записки изъ Мертваго Дома», тотъ знаетъ, при какихъ условіяхъ должны были провести четыре года молодые люди, незнакомые до тѣхъ поръ ни съ нуждой, ни съ принудительной работой. Какое нужно было здоровье и запасъ нравственныхъ силъ, чтобы вынести переходъ отъ жизни въ развитомъ кружкѣ столичнаго общества къ страшному быту каторжнаго острога! Люди, посвятившіе себя литературѣ, страстные любители театра и музыки, одинъ даровитый поэтъ, другой высокоталантливый романистъ—вдругъ брошены были въ смрадную арестантскую казарму, въ толпу представителей всевозможныхъ пороковъ и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXX, стр. 691—708.

преступленій, оторванные отъ всего, что было дорого для нихъ въ божьемъ мірѣ, и лишеныя всякой умственной пищи. Бѣжъ мучительна была для нихъ одна мысль о томъ, что придется надолго оставить литературныя занятія, видно изъ письма Достоевскаго къ брату изъ Петропавловской крѣпости, писаннаго 22 декабря, по возвращеніи съ эшафота. Говоря о предстоящей каторгѣ, онъ пишетъ: «лучше пятнадцать лѣтъ въ казематѣ съ перомъ въ рукѣ», и при этомъ прибавляетъ: «та голова, которая создавала, жила высшею жизнію искусства, которая свиклась съ возвышенными потребностями духа, та голова уже срѣзана съ плечъ моихъ». ¹⁾

Дуровъ не выдержалъ тяжести арестантской жизни. «Онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка, говоритъ Ф. М. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»; вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой». По возвращеніи изъ Сибири, онъ послѣдніе годы жизни провелъ у А. И. Пальма больнымъ и разслабленнымъ калѣкой. При извѣстіи о томъ, что онъ ѣдетъ въ южную Россію, А. Н. Плещеевъ писалъ ему:

Уѣдешь ты на теплый югъ,
И гдѣ лазурью блещетъ море—
Тебя покинетъ злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.
Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа извѣдавшая муки,
И пѣсенъ выстраданныхъ ей
Къ намъ долетятъ святыя звуки.
Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья,
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковымъ участиемъ.

Но теплое участіе и постоянная заботливость А. И. Пальма не могли уже сохранить разбитой жизни несчастнаго.

Ф. М. Достоевскій, благодаря своей энергіи и никогда не покидавшей его вѣрѣ въ лучшую судьбу, счастливѣе перенесъ тяжкое испытаніе каторжной жизни, хотя она отразилась и на его здоровьи. Если и до ссылки у него были, какъ говорятъ, припадки падучей болѣзни, то безъ сомнѣнія слабыя и рѣдкіе. По крайней мѣрѣ, до возвращенія его изъ Сибири я не подозревалъ этого; но когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, болѣзнь его не была уже тайною ни для кого изъ близкихъ къ нему людей.

¹⁾ Письмо это хранится у Анны Григорьевны Достоевской.

Онъ говорилъ однажды, что здоровье Дурова особенно пошатнулось съ тѣхъ поръ, когда осенью посылали ихъ разбирать на рѣкѣ старую барку, при чемъ иныя арестанты стояли по колѣна въ водѣ. Можетъ быть, это подѣйствовало и на его здоровье и ускорило развитіе болѣзни до той степени, въ какой она обнаружилась впоследствии.

Въ первое время послѣ помилованія, Достоевскому разрѣшено было жить только въ провинціи, и онъ поселился въ Твери, чтобы быть ближе къ роднымъ, изъ которыхъ одни жили въ Петербургѣ, а другіе въ Москвѣ. Братъ получилъ отъ него письмо и тотчасъ же поѣхалъ повидаться съ нимъ. Въ это время Федоръ Михайловичъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ: онъ женился въ Сибири, на вдовѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Исаевой, которая умерла потомъ отъ чахотки, если не ошибаюсь, въ 1863 году. Дѣтей отъ этого брака у него не было, но на его попеченіи остался пасынокъ. Въ Твери Достоевскій прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ готовился возобновить свою литературную дѣятельность, прерванную каторгой, и много читалъ. Мы посылали ему журналы и книги. Между прочимъ, по просьбѣ его, я отправилъ къ нему «псалтырь» на славянскомъ языкѣ, «коранъ» во французскомъ переводѣ Казимирскаго и «Les romans de Voltaire». Онъ говорилъ потомъ, что задумывалъ какое-то философское сочиненіе, но послѣ внимательнаго обсужденія отказался отъ этой мысли.

Въ это время у М. М. Достоевскаго была собственная табачная фабрика, и дѣло шло не дурно: его папиросы съ сюрпризами расхвалились по всей Россіи. Но занятія по фабрикѣ не отвлекали его однако же отъ литературы. Между прочимъ по моей просьбѣ онъ перевелъ романъ Виктора Гюго «Le dernier jour d'un condamné» для журнала «Свѣточъ», который я тогда редактировалъ вмѣстѣ съ издателемъ, Д. И. Калиновскимъ. Однажды Михаилъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостной вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ, и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ-же день. Мы поспѣшили въ вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ наконецъ я обнялъ нашего изгнанника послѣ десятилѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Федоръ Михайловичъ, какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ будто смотрѣлъ бодрѣе прежняго и не утратилъ нисколько своей обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями и вспоминали старые годы и нашихъ общихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю. Бесѣды наши въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей во многомъ уже не походили на тѣ, какія бывали въ Дуровскомъ об-

ществѣ. И могло-ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись въ прахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали, и готовились или совершались реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма.

Мало по малу Федоръ Михайловичъ началъ рассказывать подробности о своей жизни въ Сибири и нравахъ тѣхъ отверженцевъ, съ которыми пришлось ему прожить четыре года въ каторжномъ острогѣ. Бѣлая часть этихъ рассказовъ вошла потомъ въ его «Записки изъ Мертваго Дома». Сочиненіе это выходило при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: въ цензурѣ вѣялъ уже въ то время духъ терпимости, и въ литературѣ появились произведенія, какія недавно еще были немислимы въ печати. Хотя новость книги, посвященной исключительно быту каторжныхъ, мрачная канва всѣхъ этихъ рассказовъ о страшныхъ злодѣяхъ и наконецъ то, что самъ авторъ былъ только что возвращенный политическій преступникъ, смущало нѣсколько цензуру; но это однакожь не заставило Достоевскаго уклониться въ чемъ нибудь отъ правды. И «Записки изъ Мертваго Дома» производили потрясающее впечатлѣніе: въ авторѣ ихъ видѣли какъ-бы новаго Данта, который спускался въ адъ тѣмъ болѣе ужасный, что онъ существовалъ не въ воображеніи поэта, а въ дѣйствительности. По условіямъ тогдашней цензуры Федоръ Михайловичъ принужденъ только былъ выбросить изъ своего сочиненія эпизодъ о смѣльныхъ полякахъ и политическихъ арестантахъ. Онъ передавалъ намъ по этому предмету не мало интересныхъ подробностей. Кромѣ того, я помню еще одинъ рассказъ его, который тоже не вошелъ въ Записки, вѣроятно по тѣмъ-же цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права. Какъ теперь помню, что однажды на вечерѣ у брата, вспоминая свою острожную жизнь, Достоевскій рассказалъ этотъ эпизодъ съ такой страшною правдою и энергіей, какія никогда не забываются. Надобно было слышать при этомъ выразительный голосъ рассказчика, видѣть его живую миимику, чтобы понять, какое онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе. Постараюсь передать этотъ рассказъ, какъ помню и умѣю.

Въ казармѣ нашей, говорилъ Федоръ Михайловичъ, былъ одинъ молодой арестантъ, смирный, молчаливый и несообщительный. Долго я не сходясь съ нимъ, не зналъ, давно-ли онъ въ каторгѣ и за что попалъ въ особый разрядъ, гдѣ числились осужденные за самыя тяжкія

преступленія. У острожнаго начальства былъ онъ по поведенію на хорошемъ счету и сами арестанты любили его за кротость и услужливость. Мало по малу мы сблизились съ нимъ, и однажды по возвращеніи съ работы онъ разсказалъ мнѣ исторію своей ссылки. Онъ былъ крѣпостной крестьянинъ одной изъ подмосковныхъ губерній, и вотъ какъ попалъ въ Сибирь.

— Село наше, Федоръ Михайловичъ, разсказывалъ онъ, не маленькое и зажиточное. Баринъ у насъ былъ вдовецъ, не старшій еще, не то чтобы очень злой, а безтолковый и на счетъ женскаго пола распутный. Не любили его у насъ. Ну, вотъ надумалъ я жениться: хозяйка была нужна, да и дѣвка одна полюбилась. Поладили мы съ ней, дозволеніе барское вышло и повѣнчали насъ. А какъ отъ вѣнца-то вышли мы съ невѣстой да идучи домой поровнялись съ господскою усадьбой, выбѣжало дворовыхъ никакъ человекъ шесть или семь, подхватили мою молодую жену подъ руки да на барскій дворъ и потащили. Я рванулъ было за ней, а на меня набросились людишки-то; кричу, бьюсь, а мнѣ руки кушаками вяжутъ. Не подъ силу было вырваться. Ну, жену-то уволокли, а меня къ избѣ нашей потащили да связаннаго какъ есть на лавку бросили и двоихъ караульныхъ поставили. Всю ночь я прометался, а позднею утромъ привели молодую и меня развязали. Поднялся я, а баба-то припала къ столу—плачетъ, тоскуетъ.— Что, говорю, убиваться-то: не сама себя потеряла! И вотъ съ самаго этого дня задумалъ я, какъ мнѣ барина за ласку къ женѣ отблагодарить. Отточилъ это я въ сараѣ топоръ, такъ что хоть хлѣбъ рѣжь, и приладилъ носить его, чтобы не въ примѣту было. Можетъ иные мужики, видя какъ я шатался около усадьбы, и подумали, что замышляю что нибудь, да кому дѣло: больно не любили у насъ барина-то. Только долго не удавалось мнѣ подстеречь его: то съ гостями бывало онъ хороводится, то лакѣшки около него....все несподручно было. А у меня словно камень на сердцѣ, что не могу я ему отплатить за надругательство: пуще всего горько мнѣ было смотрѣть, какъ жена-то тоскуетъ. Ну, вотъ иду я какъ-то подъ вечеръ позади господскаго сада, смотрю—а баринъ по дорожкѣ одинъ прохаживается, меня не примѣчаетъ. Заборъ садовый былъ не высокій, рѣшетчатый изъ балясинъ. Далъ я барину-то немного пройти да тихимъ манеромъ и махнулъ черезъ загородку. Вынулъ топоръ я, да съ дорожки на траву, чтобы загодя не услыхалъ, и по травѣ-то крадучись, пошелъ за нимъ шагать. Совсѣмъ ужъ близко подошелъ я, и забралъ топоръ-то въ обѣ руки. А хотѣлось мнѣ, чтобы баринъ увидалъ, кто къ нему за кровью пришелъ, ну, я нарочно и кашлянулъ. Онъ повернулся, призналъ меня, а я прыгнувъ къ нему да топоромъ его прямо по самой головѣ...

трахъ! Вотъ молю тебѣ за любовь... Такъ это мозги-то съ кровью и приснули...упалъ и не вздохнулъ. А я пошелъ въ контору и объявился, что такъ и такъ молю. Ну, взяли меня, отшлепали, да на двѣнадцать лѣтъ сюда и порѣшили.

— Но вѣдь вы въ особомъ разрядѣ, безъ срока?

— А это, Федоръ Михайловичъ, по другому ужъ дѣлу въ безсрочную-то каторгу меня сослали.

— По какому-же дѣлу?

— Капитана я порѣшилъ.

— Какого капитана?

— Этапнаго смотрителя. Видно ему такъ на роду было написано. Шелъ я въ партію, на другое лѣто послѣ того, какъ съ баринномъ-то покончилъ. Было это въ Пермской губерніи. Партія уговялась большая. День выдался жаркій-прежаркій, а переходъ отъ этапа до этапа большой былъ. Смаяло насъ на солнцекѣ, до смерти всѣ устали: солдаты-то конвойные чуть ноги двигали, а намъ съ непривычки въ цѣпяхъ страсть было жутко. Народъ же не весь крѣпкій былъ, иные почитай старики. У другихъ весь день корки хлѣба во рту не было: переходъ такой вышелъ, что подавниѣ-то дорогой не ломтя не подали, только мы раза два воды попили. Ужъ какъ добрались, Господь знаетъ. Ну, вошли мы на этапный дворъ, да иные такъ и полегли. Я, нельзя сказать, чтобъ обезсилѣлъ, а только очень ѣсть хотѣлось. Въ эту пору на этапахъ, какъ партія подойдетъ, обѣдать даютъ арестантамъ; а тутъ смотримъ — никакого еще распоряженія нѣтъ. И начали арестантики-то говорить: что же молю это насъ не покормятъ; мочи нѣтъ отошлать, кто сидитъ, кто лежитъ, а намъ куска не бросать. Обидно мнѣ это показалось: самъ я голоденъ, а старики-то слабосильныхъ еще больше жаль. — Скоро-ли, спрашиваемъ этапныхъ солдатъ, пообѣдать-то дадутъ? — Ждите, говорятъ, еще приказа отъ начальства не вышло. — Ну, разсудите, Федоръ Михайловичъ, каково это было слышать: справедливо что-ли? Идетъ по двору писарь, я ему и говорю: для чего же намъ обѣдать не велеть? — Дождишься, говорятъ, не помрешь. — Да какъ-же, говорю я: видите, люди измучились, чай знаете какой переходъ-то былъ на этомъ жару... покормите скорѣе. — Нельзя, говорятъ: у капитана гости, завтракаетъ, вотъ встанетъ отъ стола и отдастъ приказъ. — Да скоро ли это будетъ? — А до сита покушаетъ, въ зубахъ поковыряетъ, такъ и выйдетъ. — Что же это, говорю, за порядки: самъ прохлаждается, а мы съ голоду околѣваемъ! — Да ты, говоритъ писарь-то, что кричишь? — Я молю не кричу, а насчетъ того сказываю, что немочные у насъ есть, чуть ноги двигаютъ. — Да ты, говоритъ, буянишь и другихъ

бунтуешь; вотъ пойду капитану скажу.—Я, говорю, не буяню, а капитану какъ хочешь рапортуй.—Тутъ, слыша разговоръ нашъ, иные изъ арестантовъ тоже стали ворчать, да кто-то ругнулъ и начальство. Писарь-то и обозлился.—Ты, говоритъ мнѣ, бунтовщикъ; вотъ капитанъ съ тобой справится. И пошелъ. Зло меня такое взяло, что и сказать не могу; чуялъ я, что дѣло не обойдется безъ грѣха. Былъ у меня въ ту пору ножъ складной, подъ Нижнимъ у арестанта на рубашку вымѣнялъ. И не помню теперь, какъ я досталъ его изъ-за пазухи и сунулъ въ рукавъ. Смотримъ—выходить изъ казармы офицеръ, красный такой съ рожи-то, глаза словно выскочить хотять, надо быть выпилъ. А писаришко-то за нимъ.—Гдѣ бунтовщикъ? крикнулъ капитанъ, да прямо ко мнѣ. Ты что бунтуешь? А?—Я, говорю, не бунтую, ваше благородіе, а только о людяхъ печалюсь, для того морить голодомъ ни отъ Бога, ни отъ царя не показано.—Какъ зарычитъ онъ: ахъ, ты такой-сякой! я тебѣ покажу, какъ показано съ разбойниками управляться. Позвать солдатъ!—А я это ножъ-то въ рукавъ прилаживаю да изноровляюсь.—Я тебя, говоритъ, научу!—Нечего молъ, ваше благородіе, ученаго учить; я и безъ науки себя понимаю. Это ужъ я ему на зло сказалъ, чтобы онъ пуще обозлился да поближе ко мнѣ подошелъ... не стерпите, думаю. Ну, и не стерпѣлъ онъ: скалъ кулаки и ко мнѣ, а я этакъ не много подался, да какъ сигну впередъ и ножемъ-то его снизу животъ почитай до самой глотки такъ и пропоролъ. Повалился, словно колода. Что дѣлать? неправда-то его къ арестантамъ больно ужъ меня обозлила. Вотъ за этого самаго капитана и попалъ я, Ѳеодоръ Михайлычъ, въ особый разрядъ въ вѣчныя.

Все это, по словамъ Достоевскаго, арестантъ рассказывалъ съ такой простотой и спокойствіемъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь срубленномъ въ лѣсу гниломъ деревѣ. Онъ не фанфаронилъ своимъ преступленіемъ, не оправдывался въ немъ, а передавалъ это точно какой-нибудь обиденный случай. Между-тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ смиренныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ. Въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» есть нѣсколько похожій на это эпизодъ объ убійствѣ этапнаго маіора; но рассказъ, приведенный мною, я слышалъ отъ Ѳеодора Михайловича лично и передаю, если не совсѣмъ его словами, то во всякомъ случаѣ близко, потому что онъ тогда сильно поразилъ меня и живо остался въ моей памяти. Можетъ быть, ктонибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ помнитъ его.

Изъ всѣхъ рассказовъ Достоевскаго о его житіи въ каторгѣ можно было видѣть, какое онъ вынесъ оттуда впечатлѣніе. Если прежде своей ссылки онъ особенно любилъ подмѣчать теплое чувство и снм-

патичныя черты въ бѣдной и приниженной средѣ, то теперь, кажется, еще внимательнѣе всматривался въ людей, отверженныхъ обществомъ, и старался отыскать въ нихъ ту искру божію, о которой говорилъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Вспоминая о преступникахъ, какихъ ему пришлось видѣть въ каторжномъ острогѣ, онъ не относился къ нимъ съ безгливостью и презрѣніемъ чловѣка, который по образованію стоялъ неизмѣримо выше ихъ, а старался найти какую-нибудь чловѣческую черту въ самомъ ожесточенномъ сердцѣ. Съ другой стороны онъ не жаловался никогда на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные цвѣтушіе годы своей молодости. Правда, и отъ другихъ возвратившихся изъ каторги «петрашевцевъ» мнѣ не случалось слышать рѣзкихъ жалобъ, но у нихъ это, кажется, происходило отъ присущаго русскому чловѣку свойства не помнить зла; у Достоевскаго же соединялось еще какъ будто съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ, которая дала ему возможность въ ссылкѣ не только хорошо узнать русскаго чловѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше понять самаго себя. О долгихъ лишеніяхъ въ острогѣ говорилъ онъ неохотно и только съ горечью вспоминалъ о своемъ отчужденіи отъ литературы, но и тутъ прибавлялъ, что читая по необходимости одну библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства.

V.

Съ начала шестидесятихъ годовъ возобновляется литературная дѣятельность Ф. М. Достоевскаго, прерванная болѣе чѣмъ на десять лѣтъ его ссылкой. Еще въ сентябрѣ 1860 г., извѣщая меня о готовности быть крестнымъ отцомъ моего сына, онъ пишетъ между прочимъ: «приступаю къ писанію и не знаю, что еще будетъ, но рѣшаюсь работать, не разгибая шеи». И дѣйствительно, онъ принялся за литературную работу съ усиленной энергіей. Кромѣ того, что онъ принялъ дѣятельное участіе въ журналѣ «Время», который вскорѣ послѣ того былъ основанъ его братомъ; явились одинъ за другимъ романы его: «Дядюшкинъ сонъ», «Село Степанчиково», «Униженные и оскорбленные», задуманные еще въ Сибири или въ Твери. Читающая публика вспомнила автора «Бѣдныхъ Людей», а «Записки изъ Мертваго Дома» приковали къ нему вниманіе всего образованнаго общества. Между тѣмъ съ самаго пріѣзда въ Петербургъ онъ началъ мечтать о поѣздкѣ за границу, но это было затруднительно, такъ какъ онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи и Третье Отдѣленіе не разрѣшало

выдачу ему паспорта. Цѣлые два года онъ напрасно хлопоталъ, чтобы сняли съ него это тяжелое veto. Наконецъ, благодаря участию нашего добраго знакомаго Н. И. Г—о Г—о, у котораго были вліятельныя связи, возжелѣнное дозволеніе было получено, и въ 1862 году Федоръ Михайловичъ уѣхалъ за-границу. Поѣздка эта, какъ потомъ оказалось, не столько поправила его здоровье, сколько оживила нравственно и повліяла на его убѣжденія. При личномъ знакомствѣ съ европейскимъ бытомъ, послѣднія симпатіи его къ такъ называемому западному направленію ослабѣли, вѣра въ необходимость самобытнаго развитія русской жизни укрѣпилась, и онъ воротился почти славянофиломъ. Его ждали новыя невзгоды.

Журналъ «Время» былъ неожиданно запрещенъ за нѣсколько виновныхъ и неправильно истолкованныхъ страницъ о польскомъ вопросѣ. Это такъ поразило М. М. Достоевскаго, который употребилъ на изданіе всѣ свои средства, что здоровье сильно пошатнулось. Хотя ему скоро и разрѣшено было возобновить журналъ подъ новымъ названіемъ «Эпоха», но катастрофа съ первымъ изданіемъ и сомнительная надежда на успѣхъ втораго постоянно мучили его, и онъ умеръ лѣтомъ 1864 г. въ Павловскѣ. Смерть брата поставила Федора Михайловича въ затруднительное положеніе. Рѣшась продолжать журналъ подъ своей редакціей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя и всѣ долги, какія были на изданіи. Дѣло не пошло: громкое литературное имя редактора не могло уже поддержать журнала, который при всей своей благонамѣренности подвергался ужасному надзору и кромѣ того, по самостоятельности своего направленія, встрѣтилъ недоброжелательное противодѣйствіе въ особенно авторитетныхъ тогда литературныхъ органахъ. Достоевскій не могъ долго бороться съ враждебной кликой и принужденъ былъ прекратить изданіе. Уплативъ часть своихъ и братниныхъ долговъ изъ небольшого наслѣдства, полученнаго послѣ одной близкой родственницы, онъ въ началѣ 1865 года снова уѣхалъ за-границу отдохнуть отъ пережитыхъ имъ тревогъ.

Средства его на этотъ разъ были такъ ограниченны, что онъ могъ взять съ собой только сорокъ два полуимперіаловъ, да общаіе редакціи «Библиотеки для чтенія» высылать ему по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ въ счетъ гонорара за повѣсть или другую литературную работу, которую онъ обязывался прислать осенью. Но денегъ этихъ ему не выслали, и въ началѣ сентября Федоръ Михайловичъ очутился въ Висбаденѣ безъ всякихъ средствъ. «Сіюзу въ отелѣ, писалъ онъ мнѣ, кругомъ долженъ и мнѣ грозятъ; денегъ ни гроша» При этомъ онъ сообщаетъ, что сюжетъ задуманной имъ ли-

тературной работы «расширился и разбогатѣлъ», и просить «запродать повѣсть хоть куда бы ни было, но только съ условіемъ выслать немедленно 300 рублей». О содержаніи повѣсти онъ не говоритъ, но замѣчаетъ только: «вѣдь на нее вниманіе обратятъ, заговорятъ... въ этомъ родѣ ничего у насъ никогда не было; за оригинальность ручаюсь, да и за занимательность тоже». Я не могу теперь сказать утвердительно, надъ какимъ именно работалъ онъ тогда сочиненіемъ, но, кажется, это былъ его знаменитый романъ «Преступленіе и Наказаніе».

Я тотчасъ же отправился съ его письмомъ въ редакцію «Библиотеки для Чтенія», куда прежде всего просилъ онъ адресоваться. Тамъ мнѣ сказали, что дѣла журнала идутъ весьма дурно, почему и прежде не могли выслать Достоевскому денегъ и теперь не могутъ исполнить его просьбы, не зная навѣрное, будетъ ли продолжаться изданіе въ будущемъ году. Послѣ того былъ я въ редакціи «Современника», куда Федоръ Михайловичъ просилъ меня обратиться, если встрѣчу неудачу въ «Библиотекѣ». Но тутъ съ первыхъ словъ меня отразили замѣчаніемъ, что не желаютъ вовсе принимать сочиненій того, кто бросалъ камушки въ Чернышевскаго. Подъ этими камушками, конечно, разумѣлись полемическія замѣтки, которыя печатались въ «Эпохѣ», когда ею завѣдывалъ Федоръ Михайловичъ. Оставалась послѣдняя надежда на «Отечественныя Записки», съ редакціей которыхъ я былъ давно уже знакомъ. И здѣсь однако не удалось мнѣ ничего сдѣлать. На другой день послѣ моего визита, мнѣ написали отъ имени Дудышкина: «во первыхъ, у насъ есть запасъ беллетристики до новаго года, и во вторыхъ, денежныя обстоятельства не такъ блестящи, чтобъ можно было давать деньги впередъ, когда предстоитъ еще три съ половиною мѣсяца платить взадъ». Такимъ образомъ, всѣ попытки получить триста рублей за повѣсть, которая разумѣется стояла несравненно больше, оказались неудачными. Тогда Достоевскій написалъ М. Н. Каткову, съ которымъ сначала, по какимъ-то соображеніямъ, не хотѣлъ вступать въ переговоры, и ему немедленно выслали пятьсотъ рублей. Онъ расплатился съ долгами въ Висбаденѣ, воротился въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вмѣсто повѣсти, началъ печататься романъ «Преступленіе и Наказаніе», который произвелъ сильное впечатлѣніе на все общество и придалъ новый блескъ имени талантливаго автора. Конечно, никто не будетъ оспаривать, что у насъ не было ничего подобнаго въ этомъ родѣ, и романистъ не напрасно ручался за оригинальность и занимательность своего лучшаго произведенія.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Федору Михайловичу платили хорошо,

нерѣдко высылали значительныя суммы впередъ, и если у него бывали иногда недоразумѣнія съ редакціею, то въ одномъ только литературномъ отношеніи, при разницѣ въ понятіяхъ о приличіи и нравственности, въ чемъ, мнѣ кажется, онъ не всегда былъ правъ. Впрочемъ, до самой кончины своей онъ, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ московскою редакціею. Если Достоевскій часто нуждался въ деньгахъ, то не отъ недостатка работы или утомленія, а потому что принужденъ былъ уплачивать и свои собственные долги, и тѣ, которые остались послѣ брата по журналу и даже по табачной фабрикѣ. Это въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не давало ему покоя и не разъ грозило долговымъ отдѣленіемъ. Что бы погашать въ сроки векселя, онъ долженъ былъ входить иногда въ сдѣлки чрезвычайно невыгодныя, можно сказать безразсудныя, если бы онѣ не оправдывались крайней необходимостью и непремѣннымъ желаніемъ честно покончить дѣла и не оставить пятна на добромъ имени брата. Поэтому онъ продавалъ право на отдѣльныя изданія своихъ сочиненій на условіяхъ очень отяготительныхъ, лишь бы получить впередъ деньги, чѣмъ ловкіе люди обыкновенно и пользовались.

Особенно тягостна была для него сдѣлка съ книгопродавцемъ-издателемъ Стеловскимъ, который въ 1866 году пріобрѣлъ у него право на полное изданіе его сочиненій. Передъ отъѣздомъ въ Москву Федоръ Михайловичъ какъ-то вскользь сказалъ мнѣ, что лѣтомъ долженъ написать для этого изданія новый романъ. Въ іюлѣ онъ писалъ мнѣ изъ села Люблина, куда, по его словамъ, бѣжалъ изъ гостиницы Дюсо, потому что номеръ его въ жаркіе дни «походилъ на русскую печку, когда начнутъ въ нее сажать хлѣбы», и слѣдовательно работать тамъ не было никакой возможности. Въ этомъ письмѣ, говоря о своемъ образѣ жизни, занятіяхъ и сношеніяхъ съ редакціею «Русскаго Вѣстника», онъ въ заключеніе прибавляетъ: «За романъ Стеловскому я еще не принимался, но примусь. Составилъ планъ весьма удовлетворительнаго романчика, такъ что будутъ даже признаки характеровъ. Стеловскій беспокоитъ меня до мученія, даже вижу во снѣ». Въ это время я не зналъ въ чемъ дѣло, но впоследствии оказалось, что въ контрактѣ съ книгопродавцемъ было, между прочимъ, одно условіе, которое въ случаѣ невыполненія обязательства должно было отдать Достоевскаго въ безвыходную кабалу его предусмотрительному надателю. Только по возвращеніи Федора Михайловича въ Петербургъ узналъ я, отчего этотъ надатель порождалъ въ немъ мучительныя сны. Между тѣмъ этотъ «романчикъ», о которомъ онъ пи-

салъ, имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ праздникъ Покрова Богородицы, то-есть 1-го октября, зашелъ я къ Достоевскому, который незадолго пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ быстро ходилъ по комнатѣ съ паниросой и видимо былъ чѣмъ-то очень встревоженъ.

— Что вы какой мрачный? спросилъ я.

— Будешь мраченъ, когда совсѣмъ пропадешь! отвѣчалъ онъ, не переставая шагать взадъ и впередъ.

— Какъ! что такое?

— Да знаете вы мой контрактъ съ Стеловскимъ?

— О контрактѣ вы мнѣ говорили, но подробностей не знаю.

— Такъ вотъ посмотрите.

Онъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ него бумагу и подалъ мнѣ, а самъ опять зашагалъ по комнатѣ. Я былъ озадаченъ. Не говоря уже о незначительности суммы, за которую было запро- дано изданіе, въ условіи заключалась статья, по которой Федоръ Михайловичъ обязывался доставить къ ноябрю того-же года новый, нигдѣ еще не напечатанный романъ въ объемѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ большаго формата, а если не выполнить этого, то Стеловскій имѣетъ право перепечатывать всѣ будущія его сочиненія безъ всякаго вознагражденія.

— Много у васъ написано новаго романа? спросилъ я.

Достоевскій остановился передо мною, рѣзко развелъ руками и сказалъ: «ни одной строки!» Это меня поразило.

— Понимаете теперь, отчего я пропадаю? сказалъ онъ желчно.

— Но какъ же быть? вѣдь надобно что-нибудь дѣлать! замѣтилъ я.

— А что же дѣлать, когда остается одинъ мѣсяцъ до срока. Лѣтомъ для «Русскаго Вѣстника» писалъ, да написанное долженъ былъ передѣлывать, а теперь ужъ поздно: въ четыре недѣли десять большихъ листовъ не одолѣешь.

Мы замолчали. Я присѣлъ къ столу, а онъ заходилъ опять по комнатѣ.

— Послушайте, сказалъ я, нельзя же вамъ себя навсегда закабалить; надобно найти какой-нибудь выходъ изъ этого положенія.

— Какой тутъ выходъ! я никакого не вижу.

— Знаете что, продолжалъ я: вы, кажется, писали мнѣ изъ Москвы, что у васъ есть уже готовый планъ романа?

— Ну, есть, да вѣдь я вамъ говорю, что до сихъ поръ не написано ни строчки.

— А не хотите-ли вотъ что сдѣлать: соберемте теперь же нѣсколько нашихъ пріятелей; вы расскажете намъ сюжетъ романа, мы напѣтимъ его отдѣлы, раздѣлимъ по главамъ и напишемъ общими силами. Я увѣренъ, что никто не откажется. Потомъ вы просмотрите и сгладите неровности или какія при этомъ выйдутъ противорѣчія. Въ сотрудничествѣ можно будетъ успѣть къ сроку; вы отдадите романъ С—кому и вырветесь изъ неволи. Если же вамъ своего сюжета жаль на такую жертву, придумаемъ что-нибудь новое.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно: я никогда не подпишу своего имени подъ чужой работой.

— Ну, такъ возьмите стенографа и сами продиктуйте весь романъ: я думаю, въ мѣсяцъ успѣете кончить.

Достоевскій задумался, прошелся опять по комнатѣ и сказалъ:

— Это другое дѣло... Я никогда еще не диктовалъ своихъ сочиненій, но попробовать можно... Да, другаго средства нѣтъ, не удастся—такъ пропасть... Спасибо вамъ: необходимо это сдѣлать, хоть и не знаю, съумѣю ли... Но гдѣ стенографа взять? Есть у васъ знакомый?

— Нѣтъ, но найти не трудно.

— Найдите, найдите, только скорѣе.

— Завтра же похлопочу.

Федоръ Михайловичъ былъ въ возбужденномъ состояніи: онъ очевидно началъ надѣяться на возможность выйти изъ своего тяжелаго положенія, но въ то же время не совсѣмъ еще былъ увѣренъ въ успѣхѣ новой для него работы. На другой день я обратился къ одному изъ моихъ сослуживцевъ, Е. Θ. В—ру, съ вопросомъ: нѣтъ ли у него знакомаго стенографа, и объяснилъ ему при этомъ, въ чемъ дѣло. Онъ обѣщалъ съѣздить къ своему знакомому, П. М. Ольхину, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ открылъ курсы стенографіи, преимущественно для женщинъ. Я просилъ сдѣлать это не мѣшкавая—и вотъ на другой же день къ Достоевскому явилась по рекомендаціи Ольхина, въ качествѣ стенографки, одна изъ лучшихъ его ученицъ, Анна Григорьевна Сниткина. Послѣ объясненія относительно подробностей работы и условій, съ слѣдующаго же утра 4-го октября началось стенографированіе романа «Игрокъ». Я изрѣдка заходилъ къ Федору Михайловичу въ такіе часы, когда не могъ помѣшать работѣ, и видѣлъ, что онъ мало по малу становился покойнѣе и веселѣе, и надежда на успѣхъ дѣла превращалась у него уже въ положительную увѣренность. Наконецъ, романъ былъ оконченъ и переписанъ ровно къ 30 октября. Не смотря на возбужденное со-

стояніе автора и новый для него способъ работы, сочиненіе вышло замѣчательнымъ въ литературномъ отношеніи: нравы городка Рулетенбурга очерчены въ оригинальной картинѣ, и при этомъ раскрылись не только «признаки характеровъ», какъ выразился Достоевскій, но дѣльныя, бойко и смѣло написанныя лица, какъ, напримѣръ, типичная старуха-самодурка Тарасевичева, которая въ пухъ проигрывается въ рулетку.

Но романъ этотъ, какъ я уже замѣтилъ, не только освободилъ Достоевскаго отъ эксплуатаціи издателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю остальную жизнь автора. Во время ежедневной работы надъ сочиненіемъ, Федоръ Михайловичъ и его сотрудники хорошо узнали и оцѣнили другъ друга; онъ сдѣлалъ ей предложеніе, не умолчавъ конечно ни о своихъ денежныхъ нуждахъ, ни о роковой болѣзни,—и 15-го февраля 1867 г. мы были уже на ихъ вѣнчаніи въ Троицкомъ Измайловскомъ соборѣ. Я позволю себѣ прибавить, что этотъ второй бракъ Достоевскаго былъ вполне счастливъ, и онъ приобрѣлъ въ Аннѣ Григорьевнѣ и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную цѣнительницу своего таланта. Если Федоръ Михайловичъ, при своей житейской непрактичности, успѣлъ выплатить болѣе двадцати-пяти тысячъ своихъ и братниныхъ долговъ, то это могло сдѣлаться только при распорядительности и энергіи его жены, которая умѣла и вести дѣло съ кредиторами, и поддерживать мужа въ тяжелые дни. На слѣдующее лѣто послѣ свадьбы Достоевскіе уѣхали за-границу и прожили до 1871 года, большею частію въ Германіи и Италіи. Тамъ были задуманы романы «Бѣсы» и «Идіотъ».

VI.

Прибавлю нѣсколько подробностей, которыя могутъ пояснить и личный характеръ Ф. М. Достоевскаго, и отношенія его къ литературѣ и къ нашему обществу.

По возвращеніи изъ ссылки въ Петербургъ, Фѣдоръ Михайловичъ горячо интересовался всѣми сколько-нибудь замѣчательными явленіями въ нашей литературѣ. Съ особеннымъ участіемъ всматривался онъ въ молодыхъ начинающихъ писателей и видимо радовался, когда подмѣчалъ въ комъ-нибудь изъ нихъ дарованіе и любовь къ искусству. Когда я завѣдывалъ редакціей журнала «Свѣточъ», у меня каждую недѣлю собирались по вечерамъ сотрудники, большею частію молодежь. Между прочимъ, постояннымъ моимъ посѣтителемъ былъ извѣстный романистъ Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, тогда только что оставившій университетъ и начинавшій свою дѣятельность лирическими стихотвореніями, замѣчательными по свѣжести мысли и изяществу формы. Однажды онъ въ присутствіи Достоевскаго прочелъ небольшую пьесу «Солимская Гетера», сходную по сюжету съ извѣстной картиною Семирадскаго «Грѣшница». Фѣдоръ Михайловичъ, выслушавъ это стихотвореніе, отнесся къ автору съ самымъ теплымъ сочувствіемъ и послѣ того не разъ просилъ Крестовскаго повторять его. Еще съ большимъ участіемъ любилъ онъ слушать его поэтическіе эскизы, связанные въ одну небольшую лирическую поэмю, подъ общимъ названіемъ «Весеннія Ночи». Стихотворенія эти такъ нравились ему, что нѣкоторые эпизоды онъ удержалъ въ памяти. Однажды, когда В. В. Крестовскій почему-то не былъ на моемъ обычномъ вечерѣ, Достоевскій за ужиномъ самъ продекламировалъ отрывокъ изъ его «Ночей»:

Здѣсь-то, Боже, сколько ягодъ,
Сколько спѣлой земляники!
Помнишь, какъ мы ровно за годъ
Тутъ сходились безъ улики?
Только разъ, кажись, попался
Намъ въ кустахъ твой старый дядя,
И потомъ, когда встрѣчался,
Все лгуаво улыбался,
На меня съ тобою глядя...

Я могъ-бы разсказать еще нѣсколько случаевъ, какъ съ одной стороны его радовалъ всякій новый талантъ, а съ другой возмущало проявленіе въ молодыхъ людяхъ испорченности вкуса или равнодушія къ литературѣ. Онъ скорѣе извинялъ легкомысленное увлеченіе какой-нибудь ложной идеей, чѣмъ индифферентизмъ въ искусствѣ или неуваженіе къ таланту. Въ сужденіяхъ Достоевскаго о капитальныхъ произведеніяхъ литературы выражалась та же тонкая наблюдательность, какую мы находимъ и въ типахъ, созданныхъ имъ въ собственныхъ романахъ. Это отчасти видно и въ его рѣчи на московскихъ празднествахъ, при открытіи памятника Пушкину, но еще ярче обнаруживалась эта своеобразность, когда дѣло шло объ иностранныхъ авторитетахъ, утвержденныхъ на мнѣніяхъ присяжныхъ критиковъ: тутъ онъ былъ оригинально смѣлъ, и если не во всемъ справедливъ, то всегда самобытенъ и чуждъ обыденной рутинѣ. Въ его критическихъ и публицистическихъ отзывахъ, не смотря на ихъ парадоксальность и односторонность, часто выражался психологическій анализъ и виднѣлись такія-же неуловимо-тонкія черты, какъ и въ оригинальныхъ лицахъ лучшихъ его произведеній.

Позднѣйшія отношенія Федора Михайловича къ обществу и нашему молодому поколѣнію извѣстны изъ его «Дневника». Онъ всегда готовъ былъ выслушать молодаго человѣка, ободрить его и помочь добрымъ совѣтомъ, хотя никогда не заискивалъ передъ «новыми людьми» для пріобрѣтенія популярности. Я знаю, какъ однажды пришелъ къ нему незнакомый студентъ, не въ видахъ полученія какого-нибудь покровительства, а только съ желаніемъ открыть свои религиозныя и нравственныя сомнѣнія симпатичному человѣку, и послѣ довольно продолжительной бесѣды съ нимъ, вышелъ въ слезахъ, ободренный и обновленный душевно. И кажется, это не единственный случай въ такомъ родѣ. Можно ли было такъ дѣйствовать на молодежь безъ горячей любви къ ней?

Съ особенной симпатіей относился Ф. М. Достоевскій къ дѣтямъ, не только въ знакомыхъ ему семействахъ, но и совершенно постороннимъ. Нерѣдко видалъ я, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дѣтскими играми, входилъ въ ихъ интересы и вслушивался въ ихъ наивные разговоры. Неудивительно, что въ сочиненіяхъ его мы находимъ нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, прелестныхъ какъ головки Грѣза. У меня остался въ памяти одинъ случай, который даетъ наглядное понятіе о томъ, какъ ему близко было все, что касалось интереса дѣтей. Однажды я разсказалъ ему, что былъ свидѣтелемъ маленькой сцены

на нашей улицѣ. Какъ-то лѣтомъ сидѣлъ я вечеромъ у открытаго окна. Пастухъ гналъ нѣсколько коровъ, и остановясь передъ нашимъ домомъ, пустилъ рѣзкую трель изъ своей двухъ-аршинной трубы, хорошо извѣстной всѣмъ петербургскимъ жителямъ, не уѣзжающимъ на лѣто за городъ. И вотъ какой-то мальчикъ мастеровой, въ пестрядевомъ халатишкѣ и безъ сапогъ, подошелъ къ пастуху и предложилъ ему грошъ за то, чтобъ онъ позволилъ ему поиграть немного на своемъ мусикійскомъ орудіи. Пастухъ согласился, передалъ ему трубу и началъ объяснять, какъ за нее приняться. Ребенокъ едва держалъ этотъ уродливый и не по силамъ его тяжелый инструментъ. Сначала щеки его надулись, какъ пузырь, но ничего не выходило. потомъ мало-по-малу начали слышаться хотя слабые, но довольно рѣзкіе отрывистые звуки. Мальчикъ видимо былъ очень доволенъ. Но въ самомъ жару этого музыкальнаго упражненія, когда у него вырвалась такая звонкая трель, что коровы дружно замолчали, откуда-то явился городской, взялъ ребенка за ухо и крикнулъ: что ты, пострѣленокъ, балуешь! вотъ я тебя! Мальчикъ оторопѣлъ, бросилъ трубу и побѣжалъ, опуствя печально голову.

Когда я рассказывалъ это Фёдору Михайловичу, онъ быстро заходилъ по комнатѣ и заговорилъ съ жаромъ:

— «Неужели вамъ этотъ случай кажется только забавнымъ? Да вѣдь это драма, серьезная драма! Бѣдный мальчишка этотъ родился въ какой-нибудь деревнѣ, по цѣлымъ днямъ былъ на свѣжемъ воздухѣ, бѣгалъ въ полѣ, ходилъ съ ребятами въ лѣсъ по грибы или за ягодами, видѣлъ какъ овцы пасутся, слышалъ какъ птицы поютъ. Можетъ-быть, тятка или тамъ дядя какой-нибудь на телѣгу съ сѣнокоса посадить его или даже верхомъ на кобылкѣ дастъ проѣхать. Тамъ у ребенка была какая-нибудь свистулька, а можетъ и дудка, и онъ насвистывалъ на ней во всю силу своей дѣтской груди. И вотъ привезли этого ребенка въ Петербургъ и отдали на годы въ ученье, или лучше сказать на мученье, къ какому-нибудь слесарю или мѣднику, и сидитъ онъ съ ранняго утра до ночи въ подвалѣ душной мастерской, въ непроглядномъ дымѣ и копоти, и не слышитъ ничего, кромѣ стука молотковъ по мѣди и желѣзу, да ругани подмастерьевъ. Вѣдь это маленькій Мертвый Домъ, гдѣ суждено ему вести каторжную жизнь много лѣтъ, а вѣрнѣе безсрочно, какъ тамъ въ сибирскомъ особомъ разрядѣ. Все развлеченіе его въ томъ только, что хозяинъ пошлетъ его сбѣгать въ кабакъ за водкой, да въ Свѣтлый праздникъ онъ съ другими малолѣтними каторжниками-

ремесленниками пошатается на вонючемъ дворѣ, да можетъ постоять у воротъ, если не прогонитъ дворникъ. И вотъ теперь у этого мальчишки завелся грошъ, и онъ не проѣлъ его на праникѣ, не пропилъ на грушевомъ квасу, а видитъ—гонять коровушекъ и у пастуха какая-то большая дудка. Онъ ужъ слыхалъ ее. Захотѣлось ему удовлетворить высшей, эстетической потребности, такъ или иначе присущей всякому человѣку, и отдаетъ онъ свой послѣдній грошъ пастуху, чтобы далъ ему минуту, одну только минуту, поиграть, хоть нѣсколько звуковъ выжать изъ этой, придавленной въ душевой мастерской, дѣтской груди. Какое удовольствіе! какое наслажденіе! труба его звучитъ, онъ самъ на ней наигрываетъ, и корова-то замычала, откликается ему подеревенски. Вдругъ полицейскій блюститель городскаго порядка и тишины хватаетъ бѣднаго ребенка за вихоръ, отнимаетъ у него трубу, гρονитъ ему... Да поймите-же, сколько въ этомъ трогательнаго, какая это драма! Славный ребенокъ, бѣдный ребенокъ!»

Въ послѣдніе годы мнѣ случалось слышать, что Достоевскаго обвиняли въ гордости и пренебрежительномъ обращеніи не только съ людьми мало ему извѣстными, но даже и съ тѣми, кого онъ давно и хорошо зналъ. Говорили, будто проходя по улицѣ, онъ умышленно не узнавалъ знакомыхъ и даже, встрѣчаясь съ ними гдѣ-нибудь въ домѣ, не отвѣчалъ на поклоны и иногда про человѣка давно ему извѣстнаго спрашивалъ: кто это такой? Можетъ-быть подобныя случаи и дѣйствительно были, но мнѣ кажется, это происходило не отъ надмѣнности или самомнѣнія, а только вслѣдствіе несчастной болѣзни и большею частію вскорѣ послѣ припадковъ. Кто былъ свидѣтелемъ жестокости этихъ часто повторявшихся припадковъ, и видѣлъ какіе слѣды оставляли они на нѣсколько дней, тотъ пойметъ, отчего онъ не узнавалъ иногда людей довольно близкихъ. Я помню вотъ какой случай. Когда я жилъ въ Павловскѣ, Федоръ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Мы пили чай. Только-что дочь моя подала ему стаканъ, онъ вдругъ вскочилъ, поблѣднѣлъ, зашатался, и я съ трудомъ дотащилъ его до дивана, на который онъ упалъ въ судорогахъ, съ искаженнымъ лицомъ. Его сильно било. Когда черезъ четверть часа онъ очнулся, то ничего не помнилъ и только проговорилъ глухимъ голосомъ: что это было со мною? Я старался успокоить его и просилъ остаться у меня ночевать, но онъ рѣшительно отказался, говоря, что долженъ непременно воротиться въ Петербургъ. Зачѣмъ воротиться—онъ не помнилъ, но зналъ только, что

нужно. Я хотѣлъ послать за извозчикомъ, но онъ и это отклонилъ.— Лучше пройдемъ пѣшкомъ до вокзала; это меня освѣжитъ, говорилъ онъ. Мы вышли, когда уже было довольно темно. Квартира моя была у самаго выѣзда на Колпинскую дорогу, такъ что намъ предстояло пройти черезъ весь паркъ, въ эти часы почти безлюдный. Не доходя еще до такъ называемой Сѣтки, Достоевскій вдругъ остановился и пропенталъ: со мной сейчасъ будетъ припадокъ! Кругомъ не было ни души. Я посадилъ его на траву у самой дорожки. Онъ посидѣлъ минутъ пять, но припадка къ счастью не было. Мы пошли дальше, но у самой лѣстницы, которая недалеко отъ дворца спускается къ мостикамъ черезъ Славянку, онъ снова остановился, и смотря на меня помутившимися глазами, сказалъ: припадокъ! сейчасъ припадокъ! Однакожъ и теперь обошлось тѣмъ, что мы минутъ десять просидѣли на скамейкѣ. И это повторялось еще раза два, прежде тѣмъ мы дошли до вокзала. Оттуда послалъ я сторожа на дачу за его родственникомъ, который тотчасъ-же пріѣхалъ и проводилъ его въ Петербургъ. Когда на другой день я поѣхалъ навѣстить его, онъ былъ слабъ, какъ будто послѣ болѣзни и въ первую минуту не узналъ меня. Я думаю, онъ самъ догадывался, что его напрасно подозреваютъ въ гордости.

По рассказамъ старшаго брата, Федоръ Михайловичъ еще въ дѣтствѣ былъ мальчикъ крайне впечатлительный и нервный, но въ послѣдствіи припадки должны были еще больше развить въ немъ чувствительность и раздражительность. Мнѣ кажется, они имѣли даже большое вліяніе на самый характеръ его творчества. Если при жизненной правдѣ и психической вѣрности большей части созданныхъ имъ лицъ, особенно въ послѣднихъ сочиненіяхъ, на нихъ лежитъ печать какой-то болѣзненной фантазіи, если онѣ представляются намъ точно сквозь какое-то дѣтское стекло, въ странномъ колоритѣ, придающемъ имъ призрачный видъ,—то на все это, какъ и на его личный характеръ, дѣйствовала безъ сомнѣнія его несчастная болѣзнь, особенно развившаяся по возвращеніи изъ Сибири. Я увѣренъ, что близкіе друзья покойнаго Достоевскаго, которые знали его хорошо и долго, согласятся со мною, что замѣтная въ немъ иногда несообщительность и рѣзкость вовсе не были слѣдствіемъ гордости или слишкомъ высокаго мнѣнія его о себѣ. Если теперь неловкіе почитатели сдѣлали изъ него какого-то обличительнаго пророка, то въ этомъ онъ вовсе не виноватъ. Для критической оцѣнки его воззрѣ-

ній и таланта факты готовы въ его произведеніяхъ, но собраніе матеріаловъ для его біографіи и подробностей къ опредѣленію его личнаго характера лежитъ теперь на обязанности людей, которые знали его и сохранили о немъ память. Мнѣ кажется, изъ воспоминаній о немъ выступить такая же высокая личность человѣка, какъ и образъ высоко-талантливаго писателя.

А. П. Миллюновъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

LXVI ¹⁾.

Лица духовнаго званія поступаютъ за штатъ по старости, болѣзни и суду.

У насъ, духовныхъ, все по своему,—такъ и здѣсь: то, что у гражданскаго лица называется „выдти на покой“, у насъ значить лишиться покоя совсѣмъ. Мы въ міру, какъ антиподы во всемъ. Гражданское лицо, прослуживши извѣстное число лѣтъ, можетъ оставаться на службѣ, получать жалованье и, въ то же время, пользоваться пенсіею. У насъ этого не бываетъ: пенсія выдается только тогда, когда человѣкъ оставляетъ совсѣмъ службу. Чиновникъ, завѣдывающій не больше, какъ только какимъ нибудь столомъ, или учитель небольшой какой нибудь школы получаютъ настолько достаточныя пенсіи, что могутъ безобѣдно существовать весь свой вѣкъ. По выходѣ въ отставку, они могутъ жизнь свою назвать вполнѣ „повоемъ“. Священникъ же, учитель не ничтожной какой нибудь школы, а цѣлыхъ тысячъ народу, сколькобъ онъ ни служилъ,—во время службы пенсія не получаетъ. Оставить же службу и выдти за штатъ для него то же, что, выражаясь словами евангелія: взять чашу, полную оцта,

---

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1890 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378 и 683—708 (семь главъ). Изд. 1881 г., т. XXX, стр. 43—90 (шесть главъ); 329—365, февраль, (пять главъ); 527—572, мартъ, (семь главъ); апрѣль, (четыре главы); 757—780.

смѣшаннаго съ желчію, и пить ее до послѣдняго вздоха: все горе, вся нужда, всѣ притѣсненія и безславіе, какія несетъ человѣкъ въ жизни, съ поступленіемъ за штатъ, увеличиваются ему тысячею разъ, и онъ долженъ терпѣть это горе до самой смерти. Съ оставленіемъ должности человѣкъ лишается и того скуднаго и горькаго куска, какой имѣлъ онъ въ теченіи своей многострадальной жизни.

Состоя на должности, мы можемъ ходить по міру и выпрашивать подаянія; вышедши-же за штатъ мы лишаемся и этой горькой возможности къ своему существованію; заштатнымъ никто уже не подаетъ, доходы за требоисправленія превращаются, конечно, совсѣмъ,—и человѣкъ, буквально, остается безъ куска хлѣба. Поэтому мы и стараемся сидѣть на должностяхъ до послѣдней возможности,—когда болѣзнь и дряхлость истощаютъ послѣднія уже наши силы.

Состоя на должностяхъ, по неимѣнію церковныхъ и общественныхъ домовъ для квартиръ, мы вынуждены бываемъ строить дома свои; но такъ какъ продажной земли подъ усадьбу въ селахъ не бываетъ, то мы и строимъ ихъ на землѣ или церковной, или общественной. Пока мы служимъ,—мы живемъ въ нихъ; но какъ только оставляемъ службу,—насъ заставляютъ очистить мѣсто и убраться, куда угодно,—и мы продаемъ ихъ на сносъ, или своимъ намѣстникамъ и прихожанамъ за безцѣнокъ. Очень часто случается, что за домъ не берется и десятой доли его стоимости. И разворонный, можетъ быть больной и дряхлый старикъ, не знаетъ, что ему дѣлать и куда ему идти теперь. Если село состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, то они хоть въ концѣ села гдѣ нибудь поставятъ велью, мѣсто дадутъ навѣрное. Впрочемъ бываютъ случаи, что не даютъ мѣста даже штатнымъ священникамъ („Русс. Стар.“, 1881 г., томъ XXX, стран. 73—74). Дадутъ мѣсто, навѣрное, и крестьяне, бывшіе крѣпостными, но получившіе полный надѣлъ, хотя и сошьютъ „ведерку“. Но если въ селѣ однодесятинники, которые и сами согнуты въ бараній рогъ отцомъ-благодѣтелемъ, которымъ и самимъ некуда выпустить курицы, то выпросить мѣсто тутъ не легко. Если усадьба помѣщичья, и помѣщикъ далъ крестьянамъ полный надѣлъ, то старикамъ, и священнику и дьячку, дать мѣсто и онъ; но если землевладѣлецъ почитаетъ себя образованнымъ, передовымъ, гласнымъ земства,

предводителемъ дворянства и кричить на каждомъ переулкѣ о прогрессѣ, свободѣ, цивилизаци и пр., и пр., и крестьянъ своихъ усадили поуютнѣе,—на десятианку,—то милости тутъ уже не жди. Что остается тогда дѣлать брошеннымъ всѣми старикамъ? Оттаскивать какихъ нибудь, хоть дальныхъ, родственниковъ и перетаскиваться къ нимъ,—тамъ поставить себѣ велью и существовать тѣмъ, что Богъ пошлетъ.

Если священникъ и діаконъ не были подъ судомъ, то, чрезъ годъ или два, имъ дадутъ единовременное пособіе изъ Св. Синода, рублей 50—70. священнику, и рублей 50 діакону; рублей 25 дадутъ и причетнику. Но при этомъ спросятъ предварительно благочиннаго: „имѣетъ ли просящій пособія нужду въ пособіи и заслуживаетъ ли онъ его по своему поведенію“. Отзывъ же благочиннаго не всегда дается даромъ...

Если священникъ и діаконъ прослужили не менѣе 35 л., то имъ дадутъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, и пенсію: священнику 130 р., діакону 65 р. въ годъ. Пенсія эта есть единственное средство къ ихъ существованію. Правда, пенсія совершенно постная, но спасибо и за это. До 1866 года пенсіи никому не полагалось совсѣмъ; съ 1866 года священникамъ было положено по 90 р. въ годъ, съ 1879 года увеличена до 130 р., діаконамъ же положена всего только съ 1880 года. Причетникамъ же пенсіи не полагается вовсе, хотя бы онъ и не былъ подъ судомъ и хотя у него весь вѣкъ его вычитается изъ его 24—36 р. годоваго жалованья по 2% въ пенсіонный капиталъ.

Причетника, когда состоитъ онъ на службѣ, никто не считаетъ человѣкомъ. Это парія, которымъ подать руку всякій, считающій себя порядочнымъ человѣкомъ, находить для себя унижительнымъ. Это отбросъ общества, это народъ, презираемый всѣми. Его значеніе для церкви и общества, его труды даже само правительство цѣнить всего въ 2 р. въ мѣсяцъ, т. е. въ десять разъ менѣе, чѣмъ значеніе и трудъ послѣдняго сторожа въ любомъ присутственномъ мѣстѣ. Отдавши церкви и обществу лучшіе годы своей жизни, какъ только, за дряхлостью и болѣзнію, выходитъ онъ за штатъ, то его бросаютъ всѣ; бросаетъ общество, бросаетъ и правительство: ему никто не дастъ ровно уже ничего, хочеть онъ—умирай съ голоду или мерзни, хочеть—душись, хочеть—въ омутъ лѣзь,—для всѣхъ онъ чужой. А между тѣмъ должность причетника

для христiанина — должность высокая: это единственный чтець и пѣвецъ при нашемъ богослуженiи; это руководитель ума и сердца нашего при общественной нашей молитвѣ. Мало того: это приходскiй нотарiусъ, утверждающiй дѣйствительность и время событiй рожденiя, брака и смерти цѣлыхъ тысячъ прихожанъ, и отъ исправности или неисправности котораго можетъ зависѣть многое.

Правда, причетнику дается пособiе изъ попечительства епархiи о бѣдныхъ духовнаго званiя; но опять при условiяхъ: если не состоялъ подъ судомъ и если не имѣеть родственниковъ, состоящихъ на службѣ. И сколько же дается? 3—4 р. въ годъ! Извольте существовать на нихъ!

Хороша участь всѣхъ заштатныхъ священниковъ; красива перспектива впереди и у меня, если я протяну свой вѣкъ до дряхлости; но заштатный причетникъ,—это несчастный изъ несчастныхъ...

Пенсiя дается только тѣмъ священникамъ и дiаконамъ, какъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, какъ сказалъ уже я, кто не былъ подъ судомъ. Правительство, дѣлая такое постановленiе, конечно, имѣло основанiе; но ему должно быть извѣстно и то, что не всѣ, имѣвшие несчастiе быть подъ судомъ,—люди порочные и злонамѣренные, и не всѣ честны и благонамѣренны тѣ, кои подъ судъ не попадали. Всѣмъ извѣстно, что попадаютъ подъ судъ или, просто, по довѣрчивости, неосмотрительности,—по своей простотѣ, или по милости какого нибудь негодяя; негодяи же остаются чистыми и, „за безпорочную службу“, получаютъ и награды, и пенсiи. Тяжело нести наказанiе до конца жизни и быть лишеннымъ покровительства правительства и поддержки на старости лѣтъ и по дѣйствительной винѣ; но въ тысячи разъ тяжелѣе нести это невинно. Невинно же попасть подъ судъ и быть осужденнымъ ничего нѣтъ легче, и именно потому, что суды-то наши часто напоминаютъ собою извѣстную тираду изъ Оеклуши: „говорятъ, такiя страны есть, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махмутъ турецкiй, а въ другой—салтанъ Махмутъ персидскiй; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надо всѣми людьми, и, что ни судятъ они, все несправедно. И не могутъ они, милая, ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, несправедный;

что по нашему закону такъ выходить, по ихнему все напротивъ. И всё судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедны; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ:—суди меня, судья неправедный! А то есть еще земли, гдѣ всё люди съ песьями головами“.

Мнѣ хорошо извѣстны такихъ, напр., два господина, какихъ врядъ ли найдется и у самихъ салтановъ, которымъ такъ и пишутъ: „суди меня судомъ неправеднымъ“, которые, еслибъ и захотѣли судить судомъ праведнымъ,—такъ не могутъ: „такой ужъ предѣлъ имъ положенъ“, даромъ, что и родились, и живутъ на русской землѣ, даромъ, что и „законъ у насъ праведный“. Одинъ дѣлалъ зло изъ жадности въ деньгамъ, а другой дѣлаетъ его, просто: „такой ужъ, должно быть, предѣлъ ему положенъ“. Попадись въ такимъ подъ судъ,—ну, и пропасть на вѣки.

Въ одной губерніи, конечно, не въ нашей, помѣщикъ А. продавалъ однажды часть своего имѣнія въ нѣсколько сотъ десятинъ, и продавалъ одну только безлѣсную его часть; но сосѣду его, Б., хотѣлось, во чтобы то ни стало, купить и лежащую рядомъ рощу, десятинъ въ 200. Какъ ни ухитрился сосѣдушка, но А. не поддавался ни на какіе подходы. Тогда Б. отправляется въ секретарю гражданской палаты, нѣкому Пр., съ которымъ А. былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и говоритъ ему: „помоги, братъ, уговори его, что бы онъ продалъ и рощу! Вы съ нимъ друзья, онъ послушаетъ тебя“.

— Не спорь съ нимъ, покупай, что продаетъ; давай мнѣ 3000 р. и роща будетъ твоя.

Б. отдалъ деньги и ждетъ. Въ извѣстный день въ гражданской палатѣ прочитали условія покупки, внесли въ книгу, А. и Б. подписались, Б. получилъ купчую крѣпость и, бѣшенный, летитъ въ секретарю: что ты сдѣлалъ со мной? оретъ онъ. Взялъ 3000 р. и не уговорилъ А. продать мнѣ лѣсъ? Секретарь препокойно взялъ у него купчую крѣпость и мгновенно изорвалъ ее въ клочья.

— Что ты дѣлаешь? закричалъ Б.

— Подавай заявленіе въ полицію, что ты потерялъ купчую крѣпость и проси гражданскую палату выдать тебѣ копію съ актовой книги.

— Зачѣмъ? Какъ?

— Подавай, дѣлай, что велѣть..

Подаль, и ему выдали выпись изъ актовъ книги. А. ничего этого не знаетъ. Приѣзжаетъ полиція съ понятными на мѣсто продажи дѣлать вводъ во владѣніе, и оказывается, что въ копіи купчей крѣпости значится проданнымъ не только лѣсъ, но и близъ находившаяся водяная мельница. Дѣло, кажется, невозможнымъ, но оно просто: секретарь хорошо зналъ, что всякій увѣренъ, что то, что пишется въ купчей крѣпости, пишется и въ книги, и поэтому не смотритъ и не читаетъ ея никто. Онъ и велѣлъ внести въ книгу все, что ему было нужно,—и лишнихъ 200 д. лѣсу и мукомольную мельницу; въ купчую же крѣпость этого не помѣстили. А., прочитавши одну купчую крѣпость, остался, конечно, доволенъ; онъ и не подозрѣвалъ, что въ книгѣ совсѣмъ не то, что въ купчей. А. побился—побился, да такъ все и ухнуло.

Этотъ же Пр. подговорилъ писца украсть у столоначальника какое-то очень важное дѣло. Столоначальникъ попалъ подъ судъ и былъ выгнанъ, а Пр. нажилъ дома, получаетъ теперь пенсію и благодумствуетъ.

Другой господинъ. Одинъ благочинный, конечно, опять не нашей губерніи, служащій благочиннымъ лѣтъ тридцать или болѣе, сначала давалъ подачки всѣмъ консисторскимъ, начиная со сторожа и кончая членами; но потомъ увидѣвши, что хоть давай, хоть не давай,—честь одна: самыя негнѣпшія придирки въ каждомъ указѣ, безпрестанно,—онъ и махнулъ рукой: такъ нѣтъ же, говорить, вамъ ничего! И не сталъ давать никому ни копѣйки. Консисторія такъ на дыбы и поднялась, такъ и готова была проглотить его цѣликомъ; но и провинностей-то большихъ не было за нимъ; и духовенство было хорошо расположено къ нему и выбирало его постоянно въ благочинные и, часто, единогласно; и онъ самъ не любилъ выносить сора изъ избы,—и мирилъ враждовавшихъ, не доводя до суда; и преосвященные благоволили къ нему, какъ къ человѣку, нежелающему влязуть. По милости преосвященныхъ онъ получилъ и камлавку, и наперсный крестъ, и орденъ, и протоіерейство. Нельзя проглотить его консисторіи ни коимъ образомъ, да и только! Но вотъ представляется случай,—собирается епархіальный съѣздъ. Одинъ изъ членовъ консисторіи состоитъ членомъ попечительства о бѣдномъ духовенствѣ и членомъ другихъ нѣкоторыхъ комитетовъ, о состояніи которыхъ онъ

долженъ былъ дать отчетъ съѣзду. Является въ собраніе, даетъ отчетъ и заявляетъ, что благочиннымъ Z. Z. не представлено ни за одинъ годъ и никуда ни одной копѣйки. Какъ такъ, думаетъ уполномоченный этого округа, быть не можетъ, чтобы нашимъ благочиннымъ не было представляемо денегъ! Беретъ лошадь и скачетъ къ казначею, тоже протоіерею. „Неужто, спрашиваетъ онъ, нашъ благочинный не представлялъ никогда и никуда ни одной копѣйки?“ Тотъ улыбнулся, и показываетъ ему письмо свое къ члену,—тому, что на съѣздѣ. Въ письмѣ говорится (дословно): „я въ смущеніи, что мы сдѣлали относительно Z. Z. Вчера, по возвращеніи изъ попечительства, я поусумнился и сталъ припоминать, что имъ представлено много и по книгамъ оказалось: представлено въ 1879 году 100 р., въ февралѣ... итого 436 р. 81 к.“. Внизу письма написано членомъ: „придержите это до окончанія съѣзда“. Письмо опять возвратилъ казначею; казначей отдалъ его уполномоченному. Уполномоченный является на съѣздъ, публично показываетъ письмо, обращается къ члену и говоритъ: „какже вы, N. N., говорили, что нашимъ благочиннымъ не было представляемо денегъ, когда онъ представилъ 436 р. 81 к.“? Вотъ письмо къ вамъ о казначей съ вашимъ приказаніемъ ему „придержать“ его. Членъ поблѣднѣлъ, и не сказалъ ни слова. Съ недоумѣніемъ взглянуло на него и все собраніе и никто не сказалъ ни слова въ обвиненіе благочиннаго, увидѣвши такую недобросовѣстность своего начальника,—члена консисторіи.

Уполномоченный говоритъ потомъ члену: какъ же это вы доложили собранію, что благочиннымъ нашимъ не было представляемо денегъ, когда имъ представлено все, что слѣдовало?

— Онъ . . . . ., я терпѣть не могу его! Онъ весь вѣкъ шикается съ своимъ духовенствомъ, и не доноситъ ни объ одномъ дѣлѣ.

— Такъ это дѣлаетъ ему честь, что онъ умиротворяетъ насъ, не раздуваетъ ссоры и не доводитъ насъ до раззоренія!

— „И этому ..... дали протоіерейство въ моемъ храмѣ!.. Въ то время, когда у меня былъ храмовой праздникъ, когда архіерей служилъ у меня,—его произвели въ протоіереи! Я трясся, какъ въ лихорадѣ, во все время обѣдни; я отомщу ему, во что бы то ни стало“.

Такъ какъ не всегда бываетъ удобно называть всякую вещь

своимъ именемъ, то я и не скажу, гдѣ и когда это было.... Мы увѣрены, что членъ, въ крайнему нашему сожалѣнію, найдетъ случай повредить въ настоящемъ и будущемъ о. благочинному. Если онъ такъ безцеремонно поступаетъ съ нимъ предъ собраніемъ въ 70—80 человѣкъ, то кто и что помѣшаетъ ему дѣлать зло за консисторскимъ столомъ или у себя въ кабинетѣ?! И онъ сдѣлаетъ его; достанется и о. уполномоченному. Да, не у однихъ салтановъ судьи неправедные, — есть они и у насъ и много гибнетъ несчастныхъ отъ этихъ судей... Не снести своей головы и этому благочинному. И будутъ писать про несчастнаго: „состоялъ подъ судомъ“ и — пенсія пропала. И носи, убитый, горькую долю до самой могилы...

LXVII.

Долго у духовенства держался обычай сдавать мѣста свои желающимъ взять въ замужество дочерей или близкихъ родственницъ. Членъ причта выдавалъ дочь свою или ближайшую родственницу въ замужество, выходилъ за штатъ, а зять поступалъ на его мѣсто. Или: отецъ удаляется за штатъ, а сынъ поступаетъ на его мѣсто. Бывало и такъ: старикъ хорошаго, — по средствамъ въ содержанію, — мѣста уступалъ его лицу изъ бѣднаго прихода и выговаривалъ, при этомъ, платить ему, — стариву, рублей 30—50 въ годъ. Тотъ поступалъ на его мѣсто и выдавалъ ему условленную плату или извѣстное число лѣтъ, или до его смерти. Такая передача мѣстъ теперь воспрещена. Свѣтская литература съ восторгомъ подхватила такое распоряженіе, и чего-то, чего-то не писалось на эту тему! Она увидѣла въ этомъ распоряженіи возвышеніе не только нравственности, но даже и самой религіи. Духовная же литература, по обыкновенію, молчала. Она, когда и хвалять насъ, молчитъ; когда и колотятъ, — ни слова. Ей „ужъ такой предѣлъ положенъ“, должно быть.

Прежде, чѣмъ высказать свое мнѣніе, я нахожу нужнымъ сказать, что нѣтъ у меня ни дочерей и ни родственницъ, мужьямъ которыхъ я имѣлъ бы въ виду передать свое мѣсто; сыновья мои всѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ; не имѣю въ виду уступать своего мѣста и за выдачу мнѣ пожизненной платы. И думаю, по этому, что взглядъ мой на это дѣло безпристрастенъ, взять съ жизни и справедливъ.

Въ послѣдніе 10 — 15 лѣтъ много сдѣлано въ средѣ духовенства и народа, въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ; но во всемъ, что сдѣлано,—рѣшительно во всемъ,—видѣнъ недосмотръ. Такъ, напр., въ прежнее время въ каждомъ селеніи и въ каждой деревнѣ были маленькія, простенькія школы, — безъ затѣй и именно такія, какія необходимы крестьянину: пріютится какойнибудь унтеръ-офицеръ, дворовый человекъ, мѣщанинъ, дьячекъ, наберетъ себѣ десятка два ребятъ и учитъ ихъ читать, писать, выкладывать на счетахъ, первымъ правиламъ ариѳметики, — и выходило, что и крестьянинъ зналъ, что знать ему необходимо, и учитель-старикъ имѣлъ кусокъ хлѣба. Теперь подобныя школы запрещены; но, за то, устроены форменныя, — съ учеными учителями и учительницами, съ попечителями, надзирателями, училищными совѣтами, инспекторами и пр., и пр., словомъ: начальства наставлено столько, что, въ иной школѣ, и учениковъ нѣтъ наполовину, сколько начальства. И что же? 10—20 мальчиковъ учатся, а 200 остаются безграмотными.

Найдено необходимо-нужнымъ для благоденствія отечества изучать языки развалившихся государствъ, и классицизмъ такъ и заѣлъ юношество: мало своихъ классиковъ, повытаскали къ себѣ чуть ни всѣхъ братьевъ-чеховъ; мало и этого, — устроили фабрику выдѣлывать ихъ за границей. И что же? И классиками-то юношей не подѣлали, и по русски-то писать не научили. Печатно оповѣщено міру, что многіе „зрѣлые“ не могутъ написать и пяти строкъ со смысломъ.

Установили псаломщичество, штаты по классамъ училищъ и семинарій, запретили семинаристамъ поступать въ высшія учебныя заведенія, — и опустошили семинаріи до того, что теперь уже чувствуется недостатокъ въ служителяхъ церкви.

Чтобъ увеличить содержаніе причтовъ, закрыли многія церкви, — и сотни тысячъ христіанъ лишены возможности бывать въ храмахъ Божіихъ.

Сокращены штаты причтовъ, — и храмы оставлены безъ чтецовъ и пѣвцовъ.

При многоштатныхъ церквахъ установили настоятельство и помощничество, — и вселили вражду между членами причтовъ.

Устроили епархіальные съѣзды, — и внесли вражду между епископомъ и духовенствомъ.

Точно такъ и здѣсь, — въ запрещеніи передавать мѣста свои родственникамъ. Тѣ, которые запретили это, а за ними и литература, не поняли нашей организаціи и прировняли насъ въ себѣ. Но у насъ нѣтъ ничего и подобнаго тому, что есть въ вѣдомствѣ гражданскомъ. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ часто случается, особенно въ провинціи, что университетантъ нѣсколько лѣтъ сидитъ помощникомъ столоначальника, а столоначальникомъ, секретаремъ и даже совѣтникомъ, вавой-нибудь неокончившій курса гимназін или семинаріи. Въ должностныхъ мѣстахъ разнообразіе страшное; самыя мѣста получаютъ сколько по образованію, способности и труду, но, не много менѣе того, и по родовому происхожденію, связямъ и протекціямъ. Дѣти чиновниковъ живутъ или съ ними вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ томъ же городѣ. Старику нѣтъ и надобности домогаться, чтобъ сынъ или зять занимали его должностное мѣсто, вся его забота только о томъ, чтобъ они имѣли достаточный кусокъ хлѣба. Если есть у него свой домъ, то это святыня, къ которой никто посторонній не можетъ и подумать прикоснуться, тѣмъ болѣе продавать его за безцѣнокъ и выгонять его. Нѣтъ своего, — онъ всегда имѣетъ возможность имѣть удобную, по своимъ средствамъ, квартиру. У него есть, болѣе или менѣе, обезпечивающая его существованіе пенсія. У него есть, можетъ быть, даже свой клочекъ земли, дающій ему доходъ, садъ и т. под. Наконецъ, въ случаѣ болѣзни, — дѣти и родственники его, конечно, если есть они, всегда здѣсь и помогутъ ему.

У насъ, напротивъ, только два рода службы и два рода кандидатовъ на нее. Служебныя мѣста: священническое и псаломщическое, или попросту, дьяческое; кандидаты на нихъ: окончившій курсъ семинаріи и неокончившій. Окончилъ курсъ, — значитъ непремѣнный кандидатъ на священническое мѣсто; не окончилъ, — дьячкомъ будь весь вѣкъ; во священники таковой не попадетъ уже никомъ образомъ. Точно также окончившій курсъ остается дьячкомъ только по исключительному случаю, — по дурному поведенію.

Лица духовнаго званія если и имѣютъ дѣтей, то всѣ они разлетаются въ разныя стороны, при старикахъ не остается никого, они остаются одинокими и, при нуждѣ и болѣзни, беспомощными.

Домъ отнять, — заставить продать за безцѣнокъ или снести съ мѣста, словомъ: изъ дому выгонять; квартиръ у крестьянъ можно встрѣтить только очень у рѣдкихъ, въ большей же части

селеній ихъ нѣтъ совсѣмъ,—и старикамъ, буквально, негдѣ преклонить головы своей.

Пенсію можетъ быть дадутъ, а скорѣе, что и нѣтъ, потому что суды наши и „не скоры, и не особенно милостивы“. Если же и дадутъ, то такую, съ которой можно только не умереть съ голоду. Дьячку же не дадутъ ничего совсѣмъ. Состоя на службѣ грабить прихожанъ не доставало совѣсти,—и денегъ для обезпеченія себя на старости не нажито.

Чтожь остается дѣлать дряхлымъ и больнымъ старикамъ?! Пить горькую, горькую чашу...

Скажу опять про себя лично: когда не вдумываешься въ то, что ждетъ меня впереди, если я протяну еще лѣтъ десятокъ, то все идетъ, какъ будто, ладно; но когда помотришь на жизнь людей, которые, когда-то, были тѣмъ, что я теперь, и представишь себѣ, что и меня ждутъ тѣ же нужда и горе, то куда-то становится грустно,—такъ грустно, что долголѣтія совсѣмъ не желаются. Къ чему послужать мнѣ, грустишь, мое протоіерейство, къ чему мои кресты!!.

Эти-то причины и заставляли духовенство сдавать мѣста свои дѣтямъ или близкимъ родственникамъ, именно: нужда, горе и неприютность были этому причиною.

Кому отдавать мѣста? Всегда и исключительно тѣмъ, которые по закону имѣли право на нихъ. Окончившій курсъ семинаріи поступалъ на священническое мѣсто, исключенный изъ семинаріи или училища на дьяческое. Не было примѣра, что бы исключенный изъ семинаріи поступалъ на мѣсто отца или тестя во священники. Поступавшій на мѣсто тестя или отца былъ доволенъ тѣмъ, что онъ поступалъ въ готовый домъ, дѣлался полнымъ его хозяиномъ,—онъ обезпечивался всѣмъ, и не мыкалъ горя по церковнымъ гнилымъ сторожкамъ и крестьянскимъ избамъ, какъ мыкалъ его я („Русск. Стар.“ 1880 г., июль, стр. 451—454). Успокоивались и старики: никто не гналъ ихъ изъ дому, кусокъ хлѣба они могли имѣть до гроба, при болѣзни имѣли уходъ родныхъ,—и вѣкъ свой они могли доживать покойно. Про такую отставку отъ должности и духовенство могло сказать: „идти на покой“.

Укажу на два примѣра. Въ селеніи В. былъ когда-то священникомъ нѣкто, носившій фамилію по селенію, тоже В. При ге-

неральномъ межеваніи онъ получилъ въ собственность небольшую усадьбу и развелъ садъ. Послѣ смерти этого священника на его мѣсто поступилъ его сынъ. У этого сына окончилъ курсъ семинаріи лучшимъ ученикомъ, и имѣлъ, конечно, право на любое священническое мѣсто; но отецъ, старикъ и вдовецъ, уступилъ ему свое мѣсто. Есть ли что нибудь тутъ безнравственное и противурелигіозное? По нашему мнѣнію: нѣтъ ничего. А между тѣмъ старикъ успокоенъ, а сынъ поступилъ въ готовый, старинный домъ и теперь получаетъ 300—500 р. отъ саду годового дохода. Поступи сынъ въ другое село,—садъ былъ бы проданъ и деньги прожиты, теперь же онъ имѣетъ вѣчный кусокъ хлѣба.

Другой примѣръ. Въ селѣ П. больной, немолодой уже и вдовый священникъ имѣлъ дочь. Къ ней присватался одинъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи нѣкто С. Священникъ и воспитанникъ подали общее прошеніе преосвященному,—что одинъ уступаетъ мѣсто, а другой беретъ въ замужество его дочь, чтобъ поступить на мѣсто будущаго теста. Преосвященный сдѣлалъ по ихъ желанію. Чтò и здѣсь вреднаго для религіи и нравственности? Воспитанникъ С. все равно получилъ же бы гдѣ нибудь мѣсто, если не въ П., то въ какомъ нибудь Б. или Д. И можетъ быть, взялъ бы въ замужество ту же самую дѣвицу, которую взялъ, поступая въ П. Не уступи этотъ священникъ мѣста зятю, его прогнали-бы съ его домомъ, съ мѣста, пришлось бы умирать съ голоду въ мужицкой избѣ; а теперь онъ покойно дожилъ вѣкъ и умеръ на рукахъ дочери и зятя. Такъ точно передавали мѣста свои дьякона, такъ передавали и дьячки. Другое дѣло, еслибъ мѣста передавались людямъ, недостойнымъ этихъ мѣстъ,—еслибъ на священническое мѣсто со взятіемъ въ замужество дочери священника поступалъ ученикъ, исключенный изъ семинаріи или училища, которому безъ этого способа священникомъ не быть никогда,—это порицать слѣдовало бы, здѣсь запрещеніе имѣло законное основаніе и было бы разумно. Но подобныхъ передачъ, какъ я сказалъ, не было никогда и нигдѣ. Передачи мѣстъ дѣлались свободно, безъ всякихъ съ чьей либо стороны принужденія. Преосвященные иногда давали предложенія такого рода: „не пожелаетъ ли кто либо изъ воспитанниковъ семинаріи поступить во священники въ село N. со взятіемъ въ замужество сироты Б., или дочери священника В.“? Если желающіе находились, то женились и получали мѣсто; если же жела-

ющихъ не находилось, то мѣсто отдавалось безъ всякихъ обязательствъ.

Но говорятъ, что „распоряженіе это сдѣлано въ видахъ улучшения матеріальнаго состоянія духовенства,—чтобы новые члены причтовъ не были обременяемы старымъ хламомъ,—тестемъ, тещей и т. под., были совершенно свободны отъ всякихъ обязательствъ и тѣмъ желалось правительству привлечь къ поступленію въ духовное званіе воспитанниковъ семинарій;“ но многолѣтніе опыты показали уже, что и сокращеніе штатовъ, и сокращеніе самыхъ приходоу, а равно и эта мѣра, не послужили ровно ни къ чему: семинаріи опустѣли, а свободныхъ мѣстъ при церквахъ открывается, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе, не смотря на сокращеніе этихъ мѣстъ. При томъ: если правительство высказываетъ заботливость въ этомъ о тѣхъ, кои не служили еще, то едва ли справедливо лишать нѣкоторыхъ удобствъ къ жизни, на старости, тѣхъ, которые служили уже обществу, и служили весь свой вѣкъ? И опять: не дѣти тѣ, кои вступаютъ въ подобные браки; навѣрное, что они понимаютъ свое состояніе лучше всякаго посторонняго лица.

Говорятъ опять: „воспитанники семинарій брали въ замужество дочерей своихъ предмѣстниковъ не по сердечному расположенію, а только изъ за мѣстъ, жили потомъ дурно въ семейномъ отношеніи и это вредно отражалось на служебной ихъ дѣятельности.“ Браки изъ за мѣстъ, дѣйствительно, бывали, но если нѣкоторые изъ такихъ супруговъ жили дурно, то неизвѣстно, лучше ли они жили бы при другихъ условіяхъ брака? Можетъ быть дурная жизнь ихъ зависитъ, просто, отъ ихъ характера и другихъ обстоятельствъ. Если есть дурные священники при обязательныхъ бракахъ, то мы можемъ сказать, что ихъ много и при свободныхъ. Много, очень много причинъ, и помимо брака, у сельскаго священника губящихъ его! Напротивъ, намъ извѣстны ни одинъ священникъ, которые поступили на мѣста своихъ предмѣстниковъ со взятіемъ дочерей ихъ, и которые, однакоже, и примѣрные отцы семействъ, и достойные пастыри церкви.

Гдѣ, въ какомъ званіи нѣтъ браковъ по расчету? Нѣкоторые изъ такихъ супруговъ живутъ весь вѣкъ, какъ нельзя желать лучше; но нѣкоторые, конечно, живутъ не ладно. Одинъ мой товарищъ по семинаріи, нѣкто П. Добронравовъ, окончивши въ семинаріи курсъ,

поступилъ на гражданскую службу. Малый былъ онъ не глупый, но выпить любилъ. Черезъ годъ, чтобъ поправить свое состояніе, онъ женился на одной довольно состоятельной купеческой дочкѣ. Повѣнчался, а на другой день утромъ мать молодой жены его и подводитъ къ нему двухъ своихъ внучекъ просить у татиньки ручку. Съ этого же дня спился горемыка совсѣмъ, и ушелъ въ солдаты. Я зналъ одну помѣщицу, которая, живши за мужемъ лѣтъ 15, овдовѣла и потомъ вышла за мужъ во второй разъ за такого молодого человѣка, тоже дворянина, который родился въ тотъ день, когда она овдовѣла. Пожили нѣсколько недѣль въ ладахъ, потомъ молодой мужъ все имѣніе старухи спустилъ, десятка два—три разъ отколотилъ ее и прогналъ. А мало ли нѣжныхъ, любящихъ другъ друга супруговъ, у которыхъ, однакожь, и у мужа цѣлый десятокъ женъ на сторонѣ, и у жены дюжина мужей! И ничего: мушны похочутъ, выпьютъ за удалъ; дамы посплетничаютъ, позавидуютъ втихомолку, а рьяные поборники свободы совѣсти возведутъ подобный образъ жизни въ догматъ—и только. Но случись несчастный бракъ между духовенствомъ,—сейчасъ зазвонятъ во всѣ колокола: нравственность падаетъ, религія въ опасности и, Боже мой, чего-то не накричатъ со всѣхъ сторонъ! Всякому случаю въ духовенствѣ, обыкновенному въ другихъ сословіяхъ, у насъ придается всегда особенное значеніе; на случаи эти не замедлятъ явиться и законы. Но какъ, по пословицѣ, нѣтъ правила безъ исключенія, то нѣтъ и закона, котораго нельзя было бы обойти.

На псаломщическія мѣста нѣтъ теперь доступа ученикамъ, исключеннымъ изъ училищъ. Поэтому желающіе быть псаломщиками поступаютъ въ крестовыя церкви въ послушники. Черезъ два—три года имъ даютъ дьяческія мѣста, какъ людямъ, находившимся подъ непосредственнымъ надзоромъ преосвященныхъ и испытаннымъ въ поведеніи и знаніи предметовъ должности ихъ. Поступивши на мѣсто, они тотчасъ женятся на дочеряхъ стариковъ-дьячковъ достаточныхъ приходовъ и подаютъ общее прошеніе о перемѣщеніи ихъ одного на мѣсто другаго. Получивши перемѣстительные указы, старикъ тотчасъ подаетъ прошеніе объ увольненіи за штатъ и, такимъ образомъ, старикъ принимаетъ къ себѣ зятя и живутъ вмѣстѣ. Подъ предлогомъ перемѣны мѣстъ передаютъ свои мѣста и старики-священники своимъ родственникамъ.

За дочерья умершихъ священниковъ мѣста теперь не зачисляются. Но преосвященные, по просьбѣ вдовъ, сдаютъ такія предложенія: „предложить учителямъ духовныхъ училищъ и воспитанникамъ семинарій, находящимся на мѣстахъ псаломщиковъ: не пожелаетъ ли изъ нихъ кто нибудь поступить на священническое мѣсто въ село N.“ О невѣстѣ тутъ не говорится ни слова; но народная молва давно уже разнесла по свѣту, въ чемъ тутъ дѣло. Словесно назначается и срокъ, до котораго преосвященный будетъ ждать. Выищется женихъ въ опредѣленный срокъ,—хорошо; не выищется,—мѣсто отдается по усмотрѣнію преосвященнаго. Что есть и въ этомъ безнравственнаго и противурелигіознаго? По нашему мнѣнію, преосвященныхъ, за ихъ отеческую заботливость о сиротахъ, нужно только искренно благодарить.

LXVIII.

Окончивши мои „Записки“, я прошу извиненія у тѣхъ, кого я, противу желанія, можетъ быть, обидѣлъ. Обличать и обижать кого-бы-то ни было я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія. Цѣль „Записокъ Сельскаго Священника“ сказать правду, и только правду, и не моя вина, поэтому, если пришлось мнѣ сказать о чьихъ либо слабостяхъ или порокахъ. Очень можетъ быть, что я нажилъ даже и враговъ. Но скажу: духовенство, хотя разбросано по всему огромному пространству нашего отечества, но оно составляетъ свой особенный міръ, съ своей особенной организаціей, съ своими законами, съ своими правилами и обычаями и съ своими хорошими и дурными качествами и, не смотря на то, что живетъ среди общества и безпрестанно соприкасается со всѣми его членами,—общество не знаетъ его. Въ послѣднее время сдѣлано много измѣненій въ организаціи духовенства; свѣтская литература предлагаетъ множество проектовъ къ устройству быта его, многое пишется о духовенствѣ; но все, что ни дѣлается и что ни пишется, дѣлается людьми, слишкомъ далеко стоящими отъ насъ, слишкомъ мало знающими насъ и, поэтому, очень многое изъ того, что сдѣлано уже, и что предлагается дѣлать, крайне не практично. Поэтому я желалъ познакомить общество съ духовенствомъ,—показать каково духовенство само въ себѣ, каково отношеніе его къ обществу, и каково отно-

шеніе въ нему самаго общества. Истина же можетъ быть раскрыта только тогда, когда человѣкъ говоритъ безпристрастно, не стѣняясь ни чѣмъ и никакими, могущими случиться съ нимъ, непріятностями,—я и говорилъ, не стѣняясь. Не мудрено, поэтому если мнѣ пришлось отозваться о комъ нибудь и не особенно лестно. Но это не есть укоръ, и не обличеніе, это есть не болѣе, какъ примѣръ къ сказанному. Такъ „Записки“ мои и поняли люди высокообразованные и высокопоставленные, каковъ, напр., свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій. Въ одномъ мѣстѣ „Записокъ“ я говорилъ (январь 1881 г.) о прихожанахъ извѣстнаго мнѣ прихода и о бѣдственномъ состояніи священника того прихода,—свѣтлѣйшій князь Суворовъ-Рымникскій такъ и повялъ меня и выразилъ сочувствіе священнику присылкою ему ста р. б. серебр. Если жъ въ „Запискахъ“ моихъ увидитъ кто себя, то да будутъ „Записки“ мои урокомъ: пусть приметъ тотъ въ свѣдѣнію,—что не все можетъ проходить безнаказанно.

„Записки“ мои не есть ученое изслѣдованіе,—это есть не болѣе, какъ очеркъ, взятый съ жизни. Поэтому я не заботился ни о строгомъ изложеніи мыслей и фактовъ въ систематическомъ порядкѣ, ни объ обработкѣ рѣчи.

Желательно было бы, чтобы люди, занимающіеся вопросомъ о духовенствѣ и пишущіе свои предположенія объ измѣненіи быта его, глубже изучили этотъ бытъ. Желательно, вмѣстѣ, чтобы и само духовенство содѣйствовало обществу къ изученію нашего быта, дабы общество могло увидѣть, что духовенство не настолько „тупо, глупо и безнравственно,“ какъ пишутъ о немъ и, при этомъ, постаралось бы не подавать повода къ нареканіямъ.

Хотѣлъ было положить перо, но достоуважаемый редакторъ „Русской Старины“ просить, чтобы я сдѣлалъ рядъ выводовъ или сводъ моихъ пожеланій и указаній на то, осуществленія чего, по моему крайнему разумѣнію, желательно видѣть въ возможно близкомъ будущемъ. Исполняю это требованіе и представляю иеречень этихъ пожеланій, къ которымъ (я въ томъ твердо убѣжденъ) присоединилась бы вся многотысячная семья представителей блага сельскаго духовенства въ Россіи, если бы только ее спросили — какъ желаетъ она исправить вѣками

свопившееся зло въ организаціи его управленія, во всѣхъ условіяхъ его печальнаго положенія.

I. Спеціальныя духовныя учебныя заведенія необходимы. Ученики могутъ жить и на квартирахъ, и въ казенныхъ домахъ. Квартиры должны быть вблизи учебныхъ заведеній, комнаты должны быть чистыя, свѣтлыя, просторныя и сухія. Право принимать къ себѣ на квартиры должны имѣть люди только хорошо извѣстные училищному начальству за людей вполнѣ благонадежныхъ. Ни одинъ отецъ и ни одинъ ученикъ не должны брать квартиры безъ одобренія ея училищнымъ начальствомъ. Ученики, не имѣющіе возможности имѣть хорошей квартиры, должны жить въ казенномъ домѣ, съ платою за содержаніе. Желательно было бы, чтобъ и въ казенномъ домѣ не было той казарменности, грязи и неряшества, какія приводятся видѣть тамъ во многихъ изъ нихъ и до сего времени.

II. Такъ какъ училища содержатся на средства церквей,—и мужскія и женскія,—и духовенство даетъ отъ себя на содержаніе ихъ слишкомъ не много, а между тѣмъ сироты и дѣти бѣднѣйшихъ родителей пользуются или половиннымъ, или даже полнымъ казеннымъ содержаніемъ, то было бы, кажется, справедливымъ, чтобы пользованіе казеннымъ содержаніемъ было предоставлено подобнымъ же ученикамъ и другихъ сословій. Такая мѣра побудила бы, вѣроятно, поступать въ духовныя училища дѣтей другихъ сословій.

III. Особенное вниманіе училищнаго начальства должно быть обращено на воспитаніе: чтобы не было той формальности, оффиціальности, сухости и не только жестокости, ниже суровости въ обращеніи съ учениками, и тѣмъ болѣе несправедливыхъ высканій со стороны училищнаго начальства, что впилося въ плоть и кровь бѣльшей части воспитателей учебныхъ заведеній. Напротивъ, желательно было бы, чтобы воспитанію придавался характеръ болѣе семейный,—чтобы справедливость, откровенность, сердечная теплота были руководящими правилами воспитателей; чтобы воспитатели старались сдѣлать питомцевъ своихъ сперва христіанами, добрыми, честными и трудолюбивыми людьми, потомъ уже учеными; старались внушить убѣжденіе, что жизнь наша есть, прежде всего, служеніе обществу, потомъ уже—жизнь для себя; старались укрѣпить вѣру въ Бога и любовь къ людямъ.

IV. Классныя штаты должны быть уничтожены.

V. Ученики, обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ, должны быть принимаемы въ семинаріи безъ экзаменовъ.

VI. Отъ начальника заведенія хозяйственная часть должна быть взята совершенно. Его обязанностию должно быть исключительно воспитаніе и образованіе. Самъ онъ обязанъ посѣщать классы каждаго дня. Онъ долженъ изучить и наставниковъ, и каждаго ученика. За преподаваніемъ, успѣхами учениковъ и постановкою балловъ онъ обязанъ слѣдить въ теченіи всего года. При такомъ порядкѣ шли бы лучше и преподаваніе, и успѣхи учениковъ, вѣрнѣе дѣлалась бы оцѣнка успѣхамъ учениковъ, а поэтому и формальные, нынѣ существующіе, экзамены, напрасно губящіе множество юношества, были бы лишними. Ученики могли бы быть переводимы изъ класса въ классъ по годичнымъ балламъ наставника и личному знанію ученика начальникомъ заведенія. Вся работа должна дѣлаться въ классѣ, на домъ же должно даваться или только повтореніе говореннаго наставникомъ, или только самая небольшая часть работы. Работа, даваемая на домъ, должна быть регулируема между преподавателями.

VII. Должны быть введены въ духовныя училища гимнастика, рисованіе, музыка и, обязательно, какое нибудь мастерство.

VIII. Ученики семинаріи должны пріучаться къ объясненію Св. Писанія и произношенію поученій безъ предварительной подготовки.

IX. Къ слушанію богословской науки должны быть допускаемы лица всѣхъ сословій и возрастовъ, дабы такимъ путемъ въ обществѣ пополнялась недостаточность духовнаго просвѣщенія.

X. Посылка учениковъ, кончившихъ курсъ семинаріи, въ псаломщики должна быть безусловно отмѣнена.

XI. Если заштатное духовенство не будетъ обеспечено въ своемъ существованіи, то людямъ большимъ и безроднымъ должно дозволить уступать мѣста свои намѣстникамъ, со взятіемъ въ замужество ихъ дочерей или близкихъ родственницъ.

XII. Сдѣлать пересмотръ приходовъ и закрыть только тѣ изъ нихъ, гдѣ пожелаютъ того православные прихожане.

XIII. На должности псаломщиковъ допускать всѣхъ, способныхъ и достойныхъ этой должности.

XIV. Посылаемымъ на мѣста священнослужителямъ должны выдаваться прогонныя деньги и третное жалованье.

XV. Квартира и отопленіе въ приходѣ должны быть отъ церкви, какъ для штатнаго, такъ и для заштатнаго духовенства, а равно вдовъ и сиротъ. Штатное духовенство должно имѣть обезпеченное содержаніе, котораго одна часть должна идти отъ казны, другая отъ прихода. Заштатное духовенство должно получать пенсіи, равныя жалованью. Лица, состоявшія подъ судомъ, но прослужившія узаконенное число лѣтъ, не должны быть лишаемы пенсіи. Жалованье должно быть получаемо изъ казны и волостныхъ правленій помѣсячно, по предъявленіи указовъ на должность.

XVI. Доходы между настоятелемъ и его помощниками должны дѣлиться поровну.

XVII. Въ приходахъ многочленныхъ и богатыхъ жалованье должно быть меньше противу приходовъ малочленныхъ, бѣдныхъ и зараженныхъ расколомъ;—чѣмъ бѣднѣе приходъ, тѣмъ жалованья отъ казны должно быть больше, чтобы такимъ образомъ, по возможности, уровнять приходы по ихъ доходности.

XVIII. Плата за требосправленія обязательная: крещеніе, исповѣдь, причащеніе, бракъ, елеосвященіе и погребеніе, а равно и за молебствія по случаю общественныхъ бѣдствій: голода, эпидеміи и т. под. должна быть воспрещена.

XIX. Сборъ по приходу натурою: зерномъ, крупой, мукой и т. под. долженъ быть воспрещенъ безусловно. Рождественская и крещенская ходьба съ крестомъ по приходу должна прекратиться, что при исполненіи предъидущихъ пунктовъ исполнится само собою.

XX. Аренда мельницъ, земли, отдача денегъ подъ залоги и т. под. барышничество должны быть воспрещены.

XXI. Земледѣліе можетъ быть допущено только въ самыхъ малыхъ размѣрахъ,—3—5 десятинъ.

XXII. Епископъ есть пастырь, священникъ—его помощникъ, приходъ—паства. Помощникъ епископа, какъ и самъ епископъ, долженъ быть независимъ отъ паствы. Епископъ, насколько возможно, долженъ чаще бывать въ учебныхъ заведеніяхъ и въ приходахъ, и, какъ возможно ближе, быть знакомымъ и съ учениками, и съ приходами. Священническія мѣста должны даваться по соображенію нуждъ приходовъ и качествъ кандидатовъ на мѣста. Лицо, разъ найденное соотвѣтствующимъ нуждамъ прихода, перемѣщаемо изъ одного прихода въ другой быть не должно, ни по волѣ того же

епископа и ни по желанію прихожанъ. Добровольная мѣна приходами, по обоюдному согласію, должна быть по возможности прекращена. Просить же перемѣщенія на мѣста свободнаго духовенства должно имѣть право только въ крайнихъ случаяхъ.

XXIII. Священникъ,—пастырь и руководитель духовной жизни прихожанъ,—обеспеченный матеріально, независимый отъ прихожанъ и имѣющій, поэтому, возможность говорить правду, не боясь мщеній, какъ наставникъ учебнаго заведенія, независимый отъ учениковъ, долженъ всю жизнь свою, всѣ силы свои и способности всецѣло посвятить приходу: кромѣ поученій въ храмѣ во время богослуженія, онъ обязанъ вести бесѣды, по праздничнымъ днямъ, и въ послѣ-обѣденное время,—или въ томъ же храмѣ, или школѣ и, поочередно, по всѣмъ деревнямъ его прихода, если онѣ есть у него. Долженъ дѣлать краткія поученія воспріемникамъ при крещеніи, при бракѣ, погребеніи и проч. Онъ долженъ быть непременно и законоучителемъ приходскихъ школъ.

XXIV. По указанію священника должны вести чтенія народу и псаломщичи. Они же должны быть и учителями простаго церковнаго пѣнія въ школахъ. Имъ же можно поручать и первоначальное обученіе чтенію и письму.

XXV. Цензура проповѣдей должна быть уничтожена.

XXVI. Поученія народу должны быть изустныя, живыя и удобопонятнымъ языкомъ и о религіозно-нравственныхъ предметахъ, самыхъ близкихъ къ жизни. Священникъ и псаломщичи должны поставить себя, насколько возможно, ближе къ народу.

XXVII. Каждая церковь должна выписывать нѣсколько періодическихъ, духовныхъ и историческихъ, журналовъ. При каждой церкви должна быть бібліотека изъ книгъ по Св. писанію, религіозно-нравственнаго содержанія, по гигиенѣ, сельскому хозяйству и исторіи Россіи. Гдѣ дозволяютъ мѣстныя условія, должны быть устроены читальни. Книги должны быть даваемы для чтенія, на домъ, на время и продаваемы по своей цѣнѣ, а обдѣланными даримы. Долженъ быть устроенъ складъ хорошихъ, но дешевыхъ иконъ.

XXVIII. Священникъ, псаломщикъ, церковный староста и два лица отъ прихожанъ должны составлять хозяйственный комитетъ. Черезъ своихъ уполномоченныхъ прихожане должны имѣть полныя свѣдѣнія о состояніи церковнаго хозяйства. На комитетѣ должна

лежать забота о благолѣпіи храма и поддержкѣ церковныхъ домовъ. Въ случаѣ несогласія между собою членовъ, епископъ даетъ окончательное рѣшеніе. Покупка свѣчъ, ладону, бланковъ и т. под. должна производиться церковнымъ старостою, по указанію настоятеля, безъ согласеній съ членами комитета; расходы же свыше 50 р.—кромѣ свѣчъ—должны производиться по согласенію членовъ. Церковная сумма и свѣчи повѣряются комитетомъ ежемѣсячно.

XXIX. Церковные старосты не должны служить долѣе трехъ лѣтъ ни въ какомъ случаѣ.

XXX. Разсылка епархіальнымъ начальствомъ по церквамъ бланковъ, книгъ, брошюръ и т. под., безъ согласія на то настоятелей церквей, должна быть прекращена.

XXXI. Священники, селеній 10—15, должны собираться, раза три—четыре въ годъ, для обсужденія о возвышеніи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго состоянія духовенства и о развитіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго состоянія прихожанъ. Постановленія свои должны вносить въ журналы.

XXXII. Разъ въ годъ долженъ быть собираемъ съѣздъ и епархіальный. Предметы обсужденія епархіальныхъ съѣздовъ должны быть тѣ же самыя, что и окружныхъ; но здѣсь разсужденія должны вестись подъ руководствомъ епископа. Здѣсь же должны быть прочтаны полные отчеты о состояніи приходовъ, духовенства и дѣятельности окружныхъ съѣздовъ. Замѣчательныя мѣста отчетовъ должны быть печатаемы въ Епарх. Вѣдомостяхъ для свѣдѣнія и руководства всего духовенства. Второстепенными же предметами, какъ-то: разсматриваніемъ смѣтъ, опредѣленіемъ и увольненіемъ лицъ, служащихъ при училищахъ и т. под., епископы обременяемы быть не должны. Занятія епископа на съѣздахъ духовенства должны касаться исключительно прямой обязанности епископа—религіозно-нравственнаго состоянія духовенства и паствы.

XXXIII. Должности благочинныхъ должны быть упразднены.

XXXIV. Графа въ формулярахъ духовныхъ лицъ для отгѣтокъ, въ поведеніи, должна быть уничтожена.

XXXV. Должно имѣться лицо, священникъ, съ правами мирового судьи,—одинъ судья на уѣздъ,—для разбора дѣлъ, до духовенства касающихся.

XXXVI. Члены консисторіи должны избираться духовенствомъ на три года и утверждаться Св. Синодомъ. Судопроизводство должно

быть устроено по образцу окружныхъ судовъ. Консисторія должна быть не болѣе, какъ и всякое присутственное мѣсто, и на духовенство не должна имѣть никакого вліянія, а потому и штрафы ея должны быть прекращены.

XXXVII. Епископъ долженъ быть освобожденъ отъ чтенія и утвержденія какихъ бы то ни было журналовъ, опредѣленій консисторій и т. под. дѣлъ. Утвержденію его должны подлежать только дѣла, касающіяся вѣры и нравственности паствы, и запрещенія и удаленія отъ должности лицъ духовнаго званія, чтобъ тѣмъ дать ему возможность заняться его существенными обязанностями.

XXXVIII. По всѣмъ дѣламъ, не касающимся вѣры и нравственности народа, гражданскія вѣдомства должны сноситься съ консисторіями. При болѣе самостоятельности духовенства, мировыхъ судей и консисторій, дѣла упростились бы и уменьшилась бы самая переписка, и самъ епископъ не былъ бы заваливаемъ всякимъ бумажнымъ хламомъ.

XXXIX. Лица духовнаго званія, неодобрительнаго поведенія, должны быть удаляемы отъ должностей. Посылка священниковъ въ пономари и всѣхъ, вообще, въ монастыри „на исправленіе“ и въ наказаніе должна быть прекращена, и, наконецъ,

XI. Должности домашнихъ архіерейскихъ секретарей должны быть закрыты.

Сельскій Священникъ,
протоіерей и благочинный въ одной
изъ приволяжскихъ губерній, близъ гу-
бернскаго города.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1878 г., въ бытность въ Парижѣ, бесѣдуя съ кн. Н. А. Орловымъ—мы обратились въ нему съ предложеніемъ напечатать на страницахъ „Русской Старины“ двѣ его Записки: одну—„Мысли о Расколѣ“—написанную княземъ въ 1858 г., другую „Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній“, составленную имъ-же въ 1861 году.

Князь весьма любезно принялъ наше предложеніе, и когда въ 1880 г. въ намъ поступили двѣ весьма исправныя копии съ упомянутыхъ Записокъ, князь Николай Алексѣевичъ—подтвердилъ свое согласіе на появленіе ихъ въ нашемъ историческомъ изданіи, за что и приносимъ ему душевную благодарность.

Та и другая Записки—документы имѣющіе большое значеніе для исторіи минувшаго царствованія: та и другая Записки—были представлены ихъ составителемъ въ Бозѣ почившему Императору, приняты Имъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ—и, что всего важнѣе, по волѣ Монарха воплотились въ дѣло.

„Мысли о расколѣ“ выраженыя доблестнымъ воиномъ и прочитанныя Государемъ въ 1859 году—ясныя, вполне человѣчныя, исполненныя горячей любви ихъ составителя къ дорогому отечеству и преисполненныя желаніемъ блага русскому народу,—проникли въ душу въ Бозѣ почившаго Государя, столь склоннаго на все доброе и опредѣлили отношеніе Императора и его правительства къ расколу: каждому извѣстно, что во все минувшее цар-

ствование эти отношенія были, вообще говоря, самыя кроткія, самыя человѣчныя. Начало же этому положено нынѣ впервые изданною Запискою кн. Н. А. Орлова, а отсюда—ея громадное историческое значеніе.

Значеніе это настолько велико, что неполнота Записки, отрывочность ея изложенія, видимая поспѣшность съ какою она была составлена,—не должны вызвать ни малѣйшей узоризны ея составителю.—Записка, до извѣстной степени, достигла той прекрасной цѣли для которой она была составлена, написана и представлена въ Божѣ почившему Монарху,—а потому она и должна занять видное мѣсто въ матеріалахъ служащихъ въ исторіи Императора Александра II и его времени.

Еще яснѣе, еще опредѣленнѣе значеніе другой Записки того же составителя, которую мы печатаемъ вслѣдъ за помянутымъ документомъ: это Записка объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Написана она была княземъ Н. А. Орловымъ по желанію покойнаго Цесаревича Николая Александровича въ мартѣ мѣсяцѣ 1861 г. и представлена Императору Александру Николаевичу княземъ А. М. Горчаковымъ. Его Величество, по прочтеніи Записки, передалъ ее гр. Д. Н. Блудову и она, по Державной волѣ, получила надлежащій ходъ—въ законодательномъ порядкѣ, приведшему къ одному изъ великихъ актовъ Царя Освободителя—къ отмѣнѣ въ Россіи плетей, влеймъ, шпицрутеноевъ, палокъ и розогъ...

Ред.

МЫСЛИ О РАСКОЛѢ

КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ОРЛОВА.

«Являть христіанское милосердіе заблуждающимся, имѣющимъ нужду въ просвѣщеніи и врачевленіи, обращая строгость закона лишь на тѣхъ, кои подъ личиною раскола, нарушаютъ общественный порядокъ.»

Докладъ Министра Внутр. Дѣлъ утвержд.
Императоромъ Николаемъ, 1853 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

[АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ]

съ чувствомъ душевной благодарности посвящаетъ

Сочинитель.

1858 г.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСКИ О РАСКОЛѢ.

Тройкое возрѣніе на расколъ: церковное, государственное и общественное.

Церковное возрѣніе на расколъ. Причина религіозныхъ гоненій въ Россіи, смѣшеніе духовной власти со свѣтскою.

Государственное возрѣніе на расколъ:

1) поведеніе раскольниковъ относительно правительства.

2) дѣйствія правительства въ отношеніи къ расколу.

Общественное возрѣніе на расколъ:

Общія заключенія.

МЫСЛИ О РАСКОЛѢ.

ТРОЯКОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА РАСКОЛѢ: ЦЕРКОВНОЕ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ.

Въ Россіи существуютъ три воззрѣнія на расколѣ: церковное, государственное и общественное. Всѣ они болѣе или менѣе враждебны расколу.

Церковь видитъ въ раскольникахъ отступниковъ отъ Православія, противниковъ духовной іерархіи, враговъ всего церковнаго устройства.

Государство смотритъ непріязненно на расколѣ, потому что подъ личиною его могутъ скрываться замыслы, вредные для порядка и спокойствія. Наконецъ общество опасается раскольниковъ, подозрѣвая ихъ въ противодѣйствіи образованію.

Если эти воззрѣнія справедливы, то расколѣ осужденъ. Съ нимъ необходимо вести беспощадную борьбу. Враги Церкви, Государства, просвѣщенія должны погибнуть во чтобы ни стало. Таково мнѣніе многихъ. Но для поддержанія его нужны доказательства и положительные факты. Только ими можно повѣрить справедливость всѣхъ воззрѣній на расколѣ.

ЦЕРКОВНОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА РАСКОЛѢ.

Въ глазахъ Церкви, какъ мы уже сказали, раскольники—отступники отъ Православія, противники духовной іерархіи, враги всего духовнаго устройства. Безъ сомнѣнія, въ подобномъ дѣлѣ, она единственный судья. Все, касающееся догматовъ и обрядовъ, подлежитъ исключительно разсмотрѣнію пастырей церкви. Имъ

однимъ предоставлено дѣйствовать духовными средствами; но зато отъ нихъ же можно и должно требовать полной вѣротерпимости.

Вѣра во Христа Спасителя водворена въ Россіи не огнемъ и мечемъ, лѣтописи нашей церкви не запятаны рассказами о гоненіяхъ. Съ гордостію можемъ сказать, что въ числѣ духовныхъ пастырей нашихъ не нашлось ни одного Торквемадо, ни одного Кальвина.

Но если вѣротерпимость составляетъ основу нашего церковнаго ученія, то почему же, съ половины XVII столѣтія, возникли въ Россіи религіозныя гоненія?

ПРИЧИНА РЕЛИГІОЗНЫХЪ ГОНЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Отвѣтъ не труденъ. Съ начала XVII вѣка, и именно съ того времени, какъ патріархъ Филаретъ въ сущности сдѣлался правителемъ государства, подъ именемъ своего царственнаго сына, значеніе русской Церкви измѣнилось: первосвятители становятся лицами политическими, дѣла церковныя часто рѣшаются по внушеніямъ свѣтскимъ; словомъ, церковь, по выраженію раскольниковъ, начинаетъ быть казенною. Эта казенности Церкви повела къ гоненіямъ. Никонъ, какъ патріархъ, имѣлъ право и обязанность обличать религіозныя заблужденія и поправлять искаженные переводы церковныхъ книгъ. Но Никонъ, кромѣ званія патріаршаго, былъ первымъ сановникомъ государства. Ему казалось, что противиться его повелѣніямъ значитъ возставать противъ верховной власти; на этомъ основаніи Никонъ, какъ первый министръ, преслѣдовалъ ослушниковъ воли Никона-патріарха. Впослѣдствіи царь Алексѣй Михайловичъ обнаружилъ намѣреніе поправить ошибку Никона, но уже было поздно, расколь существовалъ. При преемникахъ Алексѣя, на площадяхъ Московскихъ зажигаются костры. Лазарь, Аввакумъ и другіе погибаютъ мученическою смертію. Тутъ уже Церковь является на второмъ планѣ. Истинно-православные святители не могли оправдать казней и истязаній. Быть можетъ, многіе изъ нихъ предложили бы иные способы бороться съ расколомъ; но съ уничтоженіемъ патріаршества, церковь не возвратилась къ прежнему независимому своему значенію. По справедливости должно приписы-

вать всё послѣдующія гоненія исключительно дѣйствию свѣтской власти. Поэтому самому, раскольники — не враги православной церкви, они только противники ея казенности и смѣшенія духовной власти со свѣтскою.

Многія духовныя лица и государственные люди всѣхъ странъ совершенно одинаковаго мнѣнія съ ними. Они признаютъ, что если церковь не должна быть орудіемъ государства, то и государству не слѣдуетъ быть полиціею церкви.

Обратимся теперь къ государственному воззрѣнію на расколъ и посмотримъ опасны-ли раскольники для порядка и спокойствія въ Россіи.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА РАСКОЛЪ.

Для повѣрки государственнаго воззрѣнія на расколъ нужно внимательно разсмотрѣть:

- 1) Поведеніе раскольниковъ относительно правительства.
- 2) Дѣйствія правительства въ отношеніи къ расколу.

1) ПОВЕДЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Два вѣка уже продолжается расколъ, два вѣка длится преслѣдованіе отложившихся отъ православія. Во все это время было только два, такъ называемые, раскольничьи бунта, да и тѣ возникли изъ обстоятельствъ, совершенно чуждыхъ расколу. Это — бунтъ Соловецкій въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича и бунтъ Московскій въ началѣ правленія Софіи. Главною причиною того и другаго было тогдашнее политическое состояніе Россіи. При внутреннихъ смутахъ крамольники пользуются всякимъ предлогомъ къ возстанію. Соловецкій монастырь попалъ въ руки людей, принадлежавшихъ болѣею частию къ остаткамъ шаекъ Разина. Старовѣры, гонимые въ Москвѣ, искали убѣжища въ рядахъ мятежныхъ казаковъ. Послѣдніе подняли знамя старой вѣры для привлеченія къ себѣ сообщниковъ. Въ то время такъ водилось. Самозванцы пріучили народъ къ своеволію и конечно не расколъ, а воспоминанія привольной Тушинской и приволжской

жизни содѣйствовали болѣе всего къ умноженію числа крамольниковъ. Что касается до мятежа 1682 года, то онъ былъ, дѣйствительно, старовѣрческій, но и его нельзя назвать бунтомъ самобытнымъ. Первый стрѣлецкій бунтъ только что увѣнчался успѣхомъ. Правительница Софья за нѣсколько дней до раскольниковъ мятежа, повелѣла воздвигнуть на Красной площади памятникъ торжествующимъ бунтовщикамъ. Что мудренаго, если при такомъ потворствѣ мятежу, Никита Пустосвятъ могъ увлечь за собою легковѣрную толпу. Вспомнимъ еще, что за раскольниковъ стоялъ Хованскій, начальникъ всемогущихъ стрѣльцовъ. Все это, не извиняя мятежи, доказываетъ однако, что не ученіе раскольниковъ, а политическія обстоятельства были его причиною.

Съ 1682 года мы уже не видимъ болѣе раскольниковыхъ мятежей. Обвиняютъ раскольниковъ въ томъ, что они будто бы внушили Пугачеву мысль выдать себя за Петра III. Дѣйствительно, на одномъ изъ допросовъ самозванецъ показалъ, что Добрянскій купецъ Кожевниковъ внушилъ ему мысль самозванства и далъ способы отправиться на Яикъ, гдѣ раскольниковъ игуменъ свелъ его съ казаками. Это показаніе, противное прежнимъ отвѣтамъ Пугачева, возбудило сомнѣніе Императрицы Еватерины. Она писала графу Панину: „все еще начало выдумки сей (самозванства) остается закрыто, развѣ объяснится по привозѣ изъ Добрянки тѣхъ раскольниковъ, по которыхъ посланы отъ васъ гвардіи офицеры“. Показанія раскольниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не напечатаны доселѣ, но по сентенціи о наказаніи Пугачева и его сообщниковъ, Добрянскій купецъ Кожевниковъ признанъ невиновнымъ ¹⁾. Самый лютый врагъ раскола, по прочтеніи этой сентенціи, долженъ будетъ сознаться, что раскольники не были причастны замысламъ Пугачева, и въ особенности, что онъ не былъ выставленъ ими. Въ рядахъ мятежниковъ были, безъ

1) Вотъ подлинныя слова сентенціи 10 января 1775 года § 14: „отставнаго подпоручика Гринева, Царичинскаго купца Василія Качалова, да Брянскаго (т. е. Добрянскаго купца Петра Кожевникова, малороссіянина Осипа Коровку, Донскихъ казаковъ Лукьяна Худакова, Андрея Кузнецова, Яицкаго казака Ивана Пономарева, онъ же и Самодуровъ, раскольниковъ Василія Щелокова, Ивана Сѣдухина, крестьянина Василія Попова и Семена Филипова, которые находились подъ карауломъ, будучи сперва подозрѣваемы въ сношеніи съ злодѣями, но по слѣдствію оказались невиновными, для чего ихъ и освободить“.

сомнѣнія, и раскольники; но конечно не вслѣдствіе ихъ раскола и не по внушенію ихъ духовныхъ пастырей.

Мы сказали выше, что съ 1682 года не было раскольниковыхъ мятежей. Съ тѣхъ поръ огромное большинство раскольниковъ постоянно отличается покорностію и долготерпѣніемъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда отечество въ опасности, раскольники предлагаютъ своихъ дѣтей, свои капиталы и всякій, знающій по опыту русское войско, согласится, что солдатъ или казака-раскольника ни въ чемъ не уступаетъ своимъ православнымъ товарищамъ.

Однако, въ официальныхъ бумагахъ иногда упоминаются безпорядки по случаю раскольниковыхъ дѣлъ. Это бываетъ при закрытіи часовень и молельнъ. Если вникнуть въ большую часть подобныхъ дѣлъ, почти всегда придется объяснить ихъ крутостію или неосторожностію мѣстныхъ слѣдователей и властей; впрочемъ настоящая причина подобныхъ безпорядковъ обнаружится при разсмотрѣніи дѣйствій правительства въ отношеніи къ расколу.

2) дѣйствія правительства въ отношеніи къ расколу.

Дьяконъ Петръ Артемьевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ, какъ обращались съ раскольниками въ первые годы царствованія Петра: „въ Константиновѣ, въ Константиновскомъ застѣнѣ, гдѣ происходили пытки, при дыбѣ предстоятъ учителя нѣмые вмѣсто Евангелія кнотомъ, а вмѣсто Апостола огнемъ просвѣщающе“.

Ужасная и краснорѣчивая картина!

Легко послѣ этого понять ненависть раскольниковъ къ Петру.

Будущимъ историкамъ Россіи предстоитъ большое затрудненіе при описаніи дѣйствій Правительства въ теченіи 138 лѣтъ съ кончины Петра. Среди хаоса противорѣчащихъ одно другому постановленій, нельзя отыскать общей руководительной мысли. Часто два совершенно сходные случая разрѣшались въ одно и то же время совершенно различнымъ образомъ. Рядомъ съ постановленіемъ кроткимъ и мудрымъ встрѣчаются распоряженія суровыя и жестока. Полное собраніе Россійскихъ законовъ далеко не удовлетворяетъ изыскателей. Многія постановленія относительно раскола не были обнаружены. Онѣ хранились въ канцелярской тайнѣ и раскольники узнавали о нихъ, только ощущая ихъ дѣйствія на себѣ.

Добросовѣстное изученіе раскольниковяго вопроса приводитъ къ убѣжденію, что политика высшаго правительства, со времени Пе-

тра, была шатва и неопредѣленна; но за то политика нижнихъ инстанцій отличается, наоборотъ, большою опредѣленностію. При какой бы то ни было строгости законовъ, они все-таки не отдають цѣлыхъ сословій на произволъ другимъ. Напротивъ того, негласныя постановленія предоставляютъ полную свободу исполнителямъ. Вся цѣль бюрократической политики состояла собственно въ томъ, чтобы изъять раскольниковъ изъ подъ общаго закона и подчинить ихъ исключительнымъ и—особенно не гласнымъ правиламъ, при которыхъ произволу открывалось широкое поле.

Приведемъ здѣсь нѣсколько извѣстныхъ намъ примѣровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что архивы наши наполнены подобными фактами.

Въ 1784 году марта 11 дня послѣдовалъ именной указъ на имя митрополита Новгородскаго Гавріила о дозволеніи старообрядцамъ Бѣлорусскимъ, Малороссійскимъ и Екатеринославскимъ имѣть особыя церкви и отправлять въ нихъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ. Указъ этотъ былъ предложенъ Святѣйшему Синоду въ исполненію чрезъ четыре года послѣ подписанія его Императрицею, именно 21 іюля 1788 г.

Въ 1803 году, старообрядцамъ села Городца (Нижегородской губерніи) дозволено было имѣть священниковъ изъ Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей.

Въ 1812 году, отказана просьба крестьянъ села Иванова (Владимірской губерніи), желавшихъ имѣть такихъ же священниковъ изъ Иргиза. При этомъ отказѣ руководствовались постановленіемъ 1800 года, не упоминая о дозволеніи, данномъ крестьянамъ села Городца въ 1803 году.

Въ 1831 году, по представленію Пермскаго гражданскаго губернатора, дозволено опредѣлять старообрядцевъ прикащиками и управляющими на частныхъ горныхъ заводахъ.

Въ 1847 году, по представленію Екатеринославскаго секретнаго комитета, воспрещено назначать раскольниковъ горныхъ заводовъ въ должности, съ правомъ начальства или власти соединенныя, какъ-то: управляющихъ, заводскихъ прикащиковъ, помощниковъ ихъ и другихъ смотрителей при работахъ.

Въ 1831 году Некрасовцамъ разрѣшено построить въ Измаилѣ каменную церковь, а въ 1836 году съ двухъ раскольниковыхъ часовенъ въ Вятской губерніи велѣно снять кресты.

Примѣровъ этихъ, кажется, достаточно для убѣжденія въ томъ, до какой степени распоряженія о раскольникахъ были противорѣчивы и шатки. Въ особенности это замѣтно съ августа мѣсяца 1831 года, когда повелѣнія о расколѣ перестали вносить въ ежегодныя вѣдомости, представляемыя Государю. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, указомъ Правительствующаго Сената 2 мая 1832 года, было постановлено: дѣла о раскольникахъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вывести изъ обыкновенной очереди. Съ тѣхъ поръ на дѣла раскола опустилась та завѣса, которую доселѣ тщетно пытаются поднять и за которую нѣсколько милліоновъ русскихъ подданныхъ преданы необузданному корыстолюбію и произволу.

Къ чести государей нашихъ должно сказать, что они не предавались безусловно гонительному направленію бюрократіи. Тамъ, гдѣ воля Монарха прямо выражалась, видно было всегда желаніе смягчить участь раскольниковъ и не насиловать ихъ совѣсти.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 27-го ноября 1801 года, на имя слободско-украинскаго гражданскаго губернатора, между прочимъ изображено: „поручаю вамъ не только на настоящее время, но и на будущее, принять ихъ (т. е. утвержденныхъ о духоборцахъ распоряженія) правиломъ и руководствомъ въ поведеніи вашемъ съ сими людьми, возлагая на собственный вашъ отчетъ какъ спокойство ихъ, такъ и защиту отъ всѣхъ притязаній въ нимъ невѣжества и ложной ревности въ ихъ просвѣщенію“; далѣе:

„И разумомъ, и опытомъ давно уже дознано, что умственные заблужденія простаго народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало по малу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться и на немъ-то основано и повелѣніе, данное о увѣщаніи духоборцевъ при возвращеніи ихъ во свояси“. Сии увѣщанія, сказано, ни какъ не должны имѣть вида допросовъ, составаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія“ и т. д.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ въ 1805 году, на имя тамбовскаго гражданскаго губернатора, сказано § 5: „Я считаю нужнымъ впрочемъ вамъ примѣтить, что доволѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти,

дотолѣ не можно, по единому смыслу ихъ ереси, судить и обвинять ихъ въ семь преступленій; но должно, оставляя ихъ спокойными во внутреннемъ ихъ исповѣданіи, воспрещать только явные соблазны“.

Въ 1803 году, послѣдовало о раскольническихъ священникахъ въ Малороссіи слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣрїи и лишитъ ихъ способъ крещенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы и не подавая имъ явнаго вида покровительства“.

Въ 1811 году на просьбу монахинь старообрядческаго Климовскаго монастыря (Черниговской губерніи) объ освященіи построенной въ томъ монастырѣ церкви и отправленіи въ ней службы по старому обряду, послѣдовалъ отзывъ, что „Государь Императоръ считаетъ справедливымъ не чинить помянутымъ монахинямъ препятствія въ продолженіи ихъ богослуженія, но и формальнаго разрѣшенія на освященіе церкви не давать“.

Въ 1817 году, по дозволенію саратовскаго гражданскаго губернатора, построена въ городѣ Вольскѣ старообрядческая церковь. Св. Синодъ, находя это дозволеніе противозаконнымъ, предоставилъ тайному совѣтнику князю А. Н. Голицыну испросить высочайшее повелѣніе объ отвращеніи впредь подобныхъ безпорядковъ. Комитетъ министровъ полагалъ поручить министру юстиціи предложить Сенату повсемѣстное подтвержденіе, чтобы начальники губерній отнюдь не давали дозволеній по предметамъ, принадлежащимъ духовному вѣдомству. Комитету объявлено высочайшее повелѣніе означить именно сказанный случай, въ Саратовской губерніи происшедшій.

Въ 1822 году Высочайше повелѣно: 1) На требованіе епархіальныхъ архіереевъ о выселѣніи раскольничьихъ священниковъ, которые до побѣга своего не учинили уголовного преступленія, отвѣчать, что они находятся при своихъ мѣстахъ и оставлять ихъ на мѣстѣ. 2) Относительно раскольничьихъ церквей, о тѣхъ, которыя давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ розысканія.

Въ 1826 году января 9-го послѣдовало высочайшее повелѣніе „не преслѣдовать старообрядцевъ, какъ въ Пермской, такъ и

въ другихъ губерніяхъ, за совершеніе браковъ, крещеніе младенцевъ, погребеніе умершихъ и другихъ требъ по ихъ обрядамъ, ибо отъ сего могутъ произойти большія безпокойствія, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой законъ“.

Въ февралѣ 1826 года нѣкоторые раскольникѣ обратились къ правительству съ просьбою о томъ, чтобы брава, совершенные ихъ священниками, не были подвергаемы расторженію, по требованіямъ мѣстнаго духовнаго начальства, безъ предварительнаго, каждый разъ, представленія министерству. На это послѣдовало Высочайшее повелѣніе послать секретное предписаніе, подобное повелѣнію 9-го января 1826 года, какъ въ гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, гдѣ находятся старообрядцы, такъ и епархіальнымъ архіереямъ, дабы людей сихъ ни мѣстныя полиціи, ни духовныя начальства не тревожили по напрасну. Объ обращеніи же подобныхъ дѣлъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, разрѣшенія не послѣдовало, ибо таковое распоряженіе, по словамъ указа, послужило бы къ одному только размноженію дѣлъ безъ всякой пользы.

Въ томъ же 1826 году Высочайше повелѣно существующія раскольниковскія церкви и молебни оставить ихъ въ настоящемъ ихъ положеніи, не дѣлая имъ притѣсненій.

Въ 1835 году Государь Императоръ изволилъ признать не удобнымъ участіе духовныхъ лицъ въ разслѣдованіяхъ и сужденіяхъ по дѣламъ о раскольникахъ. Вслѣдствіе того въ 1840 году указомъ Правительствующаго Сената предписано всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ не приглашать депутатовъ съ духовной стороны къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ о раскольникахъ.

Въ томъ же 1840 году, по поводу докладной записки министра внутреннихъ дѣлъ о запечатаніи двухъ молебенъ, и объ обращеніи одной изъ нихъ въ единовѣрческую церковь, Государь Императоръ изволилъ отозваться: „что вообще касательно раскольниковъ должно дѣломъ не спѣшить и дѣйствовать очень осторожно“.

Въ 1841 году, по представленію министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, послѣдовало Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Его Величество, считая неудобнымъ дать

раскольникамъ, неимѣющимъ у себя поповъ, явное дозволеніе совершать духовныя требы у раскольниковъ другихъ губерній, высочайше повелѣть соизволилъ, не дѣлая по сему предмету никакихъ гласныхъ распоряженій, предоставить министру государственныхъ имуществъ дать секретное предписаніе мѣстному начальству тѣхъ раскольниковъ не мѣшать имъ отправлять духовныя требы по ихъ понятіямъ“ и т. д.

На этомъ основаніи не воспрещено было раскольникамъ Калужской губерніи совершать требы у раскольниковъ Черниговской губерніи, Тверской губерніи—у поповъ Ржевскаго молитвеннаго дома, въ 1847 г. для раскольниковъ Семеновской волости, Новгородской губерніи, и въ 1848 г. для раскольниковъ Рахинскаго яма той же губерніи ¹⁾.

Въ 1851 году, по представленію графа Киселева, высочайше дозволено раскольниковъ всѣхъ селъ избирать въ сотскіе и десятскіе въ селеніяхъ и волостяхъ государственныхъ крестьянъ Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ Архангельской губерніи.

Въ 1853 году іюня 10-го, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „веденіе подворныхъ описей о всѣхъ извѣстіяхъ жителей съ показаніемъ своевременно случаевъ рожденія, брака и смерти, возложить на городскую и земскую полицію“. Это, какъ сказано въ указѣ, послужить въ убѣжденію раскольниковъ, что они не составляютъ особаго какого-либо сословія, а подчинены общему порядку опредѣленному 2346 ст. II т. св. зак. изд. 1842 г.“ Въ томъ же 1853 году, іюня 10-го, состоялось высочайшее повелѣніе объ обращеніи судебныхъ дѣлъ о раскольникахъ въ общему ходу.

Въ двухъ сихъ постановленіяхъ явно высказывается мысль о необходимости ввести раскольниковъ подъ дѣйствіе общаго закона.

Въ 1854 году главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи выразилъ мнѣніе о необходимости пересмотрѣть статьи свода законовъ, относящіяся до раскольниковъ. Необходимость эта сознается всѣми. Однако, не смотря на милосердныя намѣренія монарховъ, бюрократическая политика восторжествовала. Раскольники постепенно были лишены всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ и средствами для этого послужили:

¹⁾ Одновременно съ этими мѣрамп министерство внутреннихъ дѣлъ дѣйствовало въ совершенно иномъ духѣ.
Е. И. О.

1) Воспрещеніе выбирать раскольниковъ въ общественныя должности.

2) Лишеніе ихъ права найма рекрутъ.

3) Насильственное переселеніе раскольниковъ въ Сибирь и Закавказскія области ¹⁾).

4) Отдача ихъ въ солдаты и запрещеніе имъ давать отпуска и отставки, если они не представляютъ свидѣтельства о присоединеніи къ православію.

5) Такъ называемый надзоръ мѣстныхъ властей за раскольниками,—родъ административнаго откупа.

6) Снятіе крестовъ и главъ съ часовень.

7) Снесеніе и запечатанія молельнь; запрещеніе имѣть колокола, вмѣсто которыхъ употребляются ими доски и палки.

8) Отобраніе иконъ, вѣнги и проч.

9) Запрещеніе раскольничьимъ священникамъ переѣзжать изъ одного уѣзда въ другой—новый источникъ дохода мѣстной полиціи.

10) Сборъ съ раскольниковъ по 1 рублю серебромъ въ пользу православныхъ церквей.

11) Принятіе старообрядцевъ въ гильдіи на временномъ правѣ, если не представлено ими свидѣтельство о принятіи святаго причастія.

12) Расторженіе браковъ.

13) Непризнаваніе дѣтей ихъ законными, если родители не вѣнчаны въ православной или единовѣрческой церкви и требованіе о томъ свидѣтельствъ ²⁾).

Всѣ эти мѣры доказываютъ ясно, что раскольники были поставлены внѣ закона. Изъ нихъ образовался отдѣльный, отчужденный классъ общества.

Исторія представляетъ въ подобныхъ случаяхъ примѣры кровавыхъ возстаній. Ихъ не было въ Россіи. Раскольники остались вѣрноподанными; лишеныя правъ, они ненарушимо хранили свои обязанности. Но нельзя было ожидать, чтобы въ раскольникахъ не обнаруживалось нѣкоторое противодѣйствіе неприязненной имъ власти.

¹⁾ Дозволеніе возвращаться на родину давалось по предъявленіи свидѣтельствъ епархіальнаго начальства о присоединеніи къ единовѣрцію.

²⁾ Это подало поводъ къ постояннымъ злоупотребленіямъ.

Мы уже говорили о частныхъ вспышкахъ при закрытіи моленъ. „Въ раскольничьемъ дѣлѣ нужна величайшая осторожность“, говорилъ Императоръ Николай, а въ то же время мѣстные власти употребляли полицейскихъ солдатъ-евреевъ для переноски изъ насильно запечатанныхъ моленъ христіанскихъ образовъ. Подобныя оскорбленія святыхъ должны были, очень естественно, доводить раскольниковъ до отчаянія и развивать въ нихъ ненависть къ власти. Выходы за границу начали умножаться и скоро въ Австрію, Турцію, даже въ Египтъ, появились русскія поселенія. Жители ихъ свято хранятъ свою вѣру, народность и обычай. Занимательна была бы исторія нашихъ выходцевъ, которыхъ не преступные замыслы, а незаслуженное гоненіе заставили покинуть родину. Мы удивляемся твердости рыцарей храма, безропотно погибшихъ за свои убѣжденія, а нивогда не думаемъ о собратіяхъ нашихъ, которые несутъ на чужбинѣ тяжкій крестъ за свободу совѣсти. Исторія нашихъ религіозныхъ выходцевъ достойна изученія и ждетъ еще своего безпристрастнаго лѣтописца.

Кромѣ частныхъ вспышекъ и выхода за границу еще есть третій родъ противодѣйствія раскольниковъ правительству. Это секта странниковъ, которая не повинуется установленнымъ властямъ и часто нарушаетъ гражданскіе законы. Секта эта появилась лѣтъ десять тому назадъ, въ эпоху полнаго отчужденія раскольниковъ отъ общаго закона. Насиліе власти вызвало самоупрямство гонимыхъ. Крайности всегда близки другъ другу. Раскольниковъ лишили правъ политическихъ и гражданскихъ,—и вотъ являются странники, не признающіе ни политическаго устройства, ни гражданскаго общества.

Исторію странниковъ можно найти въ замѣчательной книгѣ, изданной въ Парижѣ подъ заглавіемъ „Le Raskol. Essai historique et critique sur les sectes religieuses en Russie“. Мы не во всемъ согласны съ ея авторомъ; но отдаемъ полную справедливость чистотѣ его намѣреній и высокому патріотическому чувству, которымъ исполненъ его трудъ, достойный уваженія и самъ по себѣ, какъ первая попытка дѣльнаго и совѣстливаго изложенія сущности и исторіи раскола.

Прибавимъ ко всему сказанному выше о странникахъ, что они и выходцы за границу составляютъ ничтожное меньшинство въ числѣ раскольниковъ.

Намъ неизвѣстны официальные цифры о числѣ раскольниковъ. Говорятъ, что ихъ отъ 12 до 15 милліоновъ. Если это такъ, то подобная цифра представляетъ лучшее оправданіе раскольниковъ. Кто осмѣлится назвать измѣнниками тѣ милліоны, которые, лишенные всѣхъ правъ, терпѣливо и покорно сносятъ свою участь.

Въ нашихъ глазахъ и по убѣжденію, основанному на фактахъ, государственное воззрѣніе на расколъ несправедливо; намъ кажется, что нераскольники враги правительства, а что агенты правительства ведутъ съ расколомъ беспощадную войну.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА РАСКОЛЪ.

Говоря объ общественномъ воззрѣніи на расколъ въ Россіи, нельзя придавать этому выраженію того смысла, который оно имѣетъ въ другихъ странахъ. Общество доселѣ (1858 г.) только косвенно участвовало въ государственной жизни. Многие вопросы остались чужды ему и общественное мнѣніе не могло развиваться. Вотъ причина, по которой вопросъ о расколѣ занималъ и занимаетъ покуда довольно мало русскую публику. Раскольники впрочемъ не въ претензіи на это. Они живутъ своею, отдѣльно замкнутою жизнью, и посторонній взоръ рѣдко проникаетъ въ нее. Это отчужденіе возбудило у многихъ мысль, что раскольники гнушаются обществомъ и ненавидятъ просвѣщеніе. Къ счастью, безусловнымъ порицателямъ раскола здѣсь можно отвѣчать фактами.

Въ 1832 году была закрыта въ Ригѣ единственная русская школа, потому только, что ея управлялъ раскольникъ и на томъ основаніи, что, по закону, раскольники не могутъ занимать общественныхъ должностей. Сироты, бывшіе въ Рижской раскольнической школѣ, приняты на попеченіе правительства и переведены въ Рижскій батальонъ военныхъ кантонистовъ.

Подобная участь постигла Московское раскольникче училище, закрытое въ 1835 году.

Въ 1839 году, послѣдовало запрещеніе выдавать раскольникамъ свидѣтельства на право обученія дѣтей, и въ то же время, министру народнаго просвѣщенія предписано, при выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ спрашивать просителей: къ какому вѣроисповѣданію они принадлежатъ.

Въ 1850-мъ году Рижскіе раскольники ходатайствовали, чрезъ князя Суворова, о дозволеніи ихъ дѣтямъ обучаться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено не иначе, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ дѣтей къ православію, и предписано немедленно исключать ихъ изъ заведеній, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ религіознаго охлажденія. Раскольники отказались отъ просвѣщенія, предложеннаго имъ на подобныхъ условіяхъ.

Вотъ факты, достаточные въ глазахъ нашихъ для доказательства того, что не раскольники уклоняются отъ просвѣщенія, а что, наоборотъ, возможность учиться отнята у нихъ.

Намъ, конечно, могутъ возразить, что примѣръ Рижскихъ и Московскихъ раскольниковъ еще не говоритъ ничего въ пользу ихъ массы, но намъ кажется, что даже масса ихъ расположена къ просвѣщенію едва ли не болѣе массы православныхъ, или—если даже и нерасположена, то ни въ какомъ случаѣ не болѣе всего остальнаго народонаселенія Имперіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, закрывая сектаторамъ учебное и ученое поприще, правительство нисколько не содѣйствуетъ ихъ промышленнымъ и торговымъ занятіямъ. И здѣсь, какъ и тамъ, раскольникъ поставленъ внѣ закона; онъ получаетъ только временное гильдейское свидѣтельство; онъ не можетъ ѣздить за-границу, не можетъ даже имѣть православнаго служителя. Словомъ, раскольникамъ во всемъ и вездѣ препятствія и ограниченія. Между тѣмъ раскольничье русское населеніе богатѣетъ и процвѣтаетъ. Это должно приписать отличительнымъ свойствамъ раскольниковъ, и именно ихъ трудолюбію и трезвости. Когда уничтожатся преграды, отдѣляющіе раскольниковъ отъ общества, Государь и Россія пріобрѣтутъ въ нихъ нѣсколько милліоновъ вѣрныхъ, честныхъ и полезныхъ сыновъ.

Изъ всего изложеннаго нами можно извлечь слѣдующія заключенія:

ОБЩІЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

1) Раскольники не враги церкви. Они иновѣрцы и желаютъ себѣ только полной свободы совѣсти, которая предоставлена въ Россіи католикамъ, протестантамъ и магометанамъ.

2) Раскольники не враги Государства; напротивъ, Государство обращается съ ними какъ съ врагами, отказывая имъ во всѣхъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ.

3) Навонецъ, раскольники не враги просвѣщенія; но образоваться имъ нельзя, потому что имъ закрыты источники, изъ которыхъ общество почерпаетъ просвѣщеніе.

Читатель быть можетъ ядетъ отъ насъ теперь изложенія той системы, которой, по нашимъ понятіямъ, должно слѣдовать въ раскольничьемъ дѣлѣ. Мы не возьмемъ за это.

Вопросъ о расколѣ прежде всего долженъ подвергнуться гласному, открытому обсужденію. Безъ этого ничего нельзя достигнуть, и вся цѣль настоящей статьи есть вызовъ на полемику о раскольничьемъ вопросѣ въ законныхъ предѣлахъ.

Истина обнаружится тогда ясно предъ глазами Правительства и вѣротерпимость монарховъ возьметъ верхъ надъ гонительною политикою бюрократіи.

Мы, Богъ дастъ, увидимъ тогда исполненіе основнаго закона Россійской Имперіи, который гласитъ: „свобода вѣры присвоается не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго на разныхъ языкахъ по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и уврѣпленія силы Имперіи“. (Св. Зак. Россійской Имп. т. I, § 45).

Князь Н. А. Орловъ.

1858 г

О ЕВРЕЯХЪ ВЪ РОССІИ.

Замѣтка князя Н. А. Орлова ¹⁾.

Мысли о расколѣ были написаны, когда возникъ въ русскихъ журналахъ споръ о гражданскихъ правахъ евреевъ въ Россіи. Намъ кажется неумѣстнымъ разсуждать о нравственномъ значеніи этого племени и весьма незанимательными аргументы называть ли евреевъ іудеями или жидами. Главный вопросъ въ томъ: слѣдуетъ-ли оставлять подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ цѣлое сословіе русскихъ евреевъ или должно подчинить ихъ дѣйствію общаго закона?

Запрещеніе евреямъ селиться въ великороссійскихъ губерніяхъ имѣло въ свое время политическую цѣль, которая нынѣ не существуетъ. Намъ кажется, что вопросъ о евреяхъ можетъ разрѣшиться довольно просто, и что для этого слѣдовало бы:

1) Предоставить евреямъ всѣ личныя и сословныя права, которыми пользуются прочіе русскіе подданные.

2) Дозволить иностраннымъ евреямъ пріѣздъ въ Россію и проживаніе въ ея предѣлахъ на правахъ прочихъ иностранцевъ.

3) Давать какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ евреямъ право безпрепятственнаго и повсемѣстнаго учрежденія торговыхъ и банкирскихъ домовъ.

Послѣдняя мѣра привлечетъ въ Россію массу капиталовъ, которые оживятъ нашу промышленность. Предпримчивые евреи найдутъ въ Россіи обширное поле для своей дѣятельности и Россія несомнѣнно отъ того много выиграетъ.

Мы предвидимъ и ожидаемъ, что мысли наши встрѣтятъ сильныхъ порицателей. Предразсудокъ противъ евреевъ еще силенъ въ Россіи; имъ можетъ быть еще долго не отдадутъ должнаго. Намъ остается утѣшать себя надеждою, что предразсудки рано или поздно исчезнутъ предъ просвѣщеніемъ и въ ожиданіи этого повторить слова Гизо:

— „La verité est une; ceux qui la cherchent consciencieusement finissent toujours par s'accorder“.

Князь Н. А. Орловъ.

¹⁾ Замѣтка эта помѣщена въ приложеніи къ запискѣ „Мысли о Расколѣ“ и время ея составленія также относится къ 1858 г. Ред.

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІИ

ВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

И

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ Н. А. ОРЛОВА.

1861 г.

30

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНИЙ

ВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ И ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

I.

Въ бѣльшей части европейскихъ государствъ, тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены или употребляются, какъ рѣдкія исключенія. Напротивъ того, въ Россіи и Польшѣ, эти наказанія служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы. Въ Божѣ почивающіе Государя Александръ и Николай Павловичи, положили конецъ многимъ лютымъ истязаніямъ: рваніе поздрей уничтожено, внуть—гнусный памятникъ татарскаго владычества—преданъ забвенію. Наконецъ, Уложеніемъ о наказаніяхъ значительно убавлено число даваемыхъ ударовъ. Всѣ эти мѣры смягчили, но не искоренили зла.

II.

Тѣлесныя наказанія суть зло: въ христіанскомъ, въ нравственномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣронсповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобию Божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять два челоуѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ легкимъ арестомъ, а другой розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій и правосудіе верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, т. е. равнымъ для всѣхъ.

III.

Философы, юристы, государственные люди всѣхъ времянь, единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и бесполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить ¹⁾).

Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности. Отсюда, прежде всего, рождается скрытность и лицемеріе. Поговорите съ незнакомымъ вамъ мужикомъ, съ мѣщаниномъ, съ солдатомъ и увидите какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинѣ пристально смотреть на васъ и, при малѣйшемъ несогласіи, спокойно озирается, опасаясь побоевъ. Писатель, гениально постигшій духъ русскаго народа (Ив. Серг. Тургеневъ), неоднократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою внезапно принимаетъ иной характеръ, при явленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчаніе это не относится къ однимъ вѣрнопостнымъ. Это признакъ общій, выражающій—сколь сословія, подверженныя побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальные.

IV.

Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе, болѣе чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества, и мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству. Это страшная, но неминуемая крайность.

Доселѣ у многихъ помѣщиковъ наказанія тѣлесныя вовсе не употреблялись. Теперь, по общему положенію о крестьянахъ (ст. 25-я) постановлено, что освобожденные крестьяне подлежатъ тѣлесному наказанію „по законному распоряженію поставленныхъ

¹⁾ Извозчики, ямщики и т. д. живое свидѣтельство нашихъ словъ.

надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей“. Это постановленіе узаконяетъ произволъ земской полиціи. Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполне огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ.

V.

Если въ Россіи тѣлесное наказаніе должно признать зломъ, то что же сказать о немъ въ Царствѣ Польскомъ? Управляемое долгое время законами, вполне сообразными требованіямъ человѣчества и юридической правды, Польша, мало по малу, подпала подъ дѣйствіе временныхъ административныхъ правилъ, въ воихъ тѣлесныя наказанія заняли довольно значительное мѣсто. Часто наказанія эти опредѣлялись вопреки всякихъ правилъ: ибо въ Польшѣ, по недостатку административнаго контроля, многое рѣшалось по произволу. Берались престранныя обычаи, напр., въ смиренныхъ домахъ польскихъ приязано съчь по пятницамъ провинившихся въ теченіи недѣли. Вслѣдствіе того, окрестности исправительныхъ заведеній каждую пятницу оглашаются воплями наказываемыхъ. Это производитъ сильное и справедливое озлобленіе противъ властей, употребляющихъ подобныя способы исправленія.

VI.

Защитники старой карательной системы говорятъ, что лучше подвергать преступника тѣлесному наказанію, нежели лишать его жизни. Они правы; но, кажется, въ Россіи можно обойтись и безъ плетей, и безъ смертной казни. Уголовное наказаніе имѣетъ только двѣ цѣли:

1. Поставить преступника въ невозможность совершать новыя преступленія,—и
2. Страхомъ наказанія спасительно дѣйствовать на тѣхъ, которые были бы склонны къ совершенію преступленій ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторые полагаютъ, что уголовное наказаніе должно быть мщеніемъ общества за вредъ, наносимый членамъ его. Подобной мысли нельзя допустить въ христіанскомъ государствѣ.

Князь Н. А. Орловъ.

Ссылка на ваторжную работу вполне удовлетворяетъ обоимъ условіямъ. Преступникъ навсегда отлученъ отъ общества и, конечно, Нерчинскіе рудники страшнѣ всякой гильотины. Между тѣмъ, преступникъ можетъ еще раскаяться и омыть свое преступленіе примѣрнымъ поведеніемъ. Ему не все еще закрыто въ жизни. Тому же, кто высѣченъ плетми и изуродованъ клеймами, не остается ничего болѣе въ семь мірѣ. Онъ навсегда отверженецъ общества!

Вотъ почему я полагаю, что уничтоженіе плетей и наложенія влѣймъ, было бы мѣрою справедливою и полезною. Вспомнивъ сколько сильно было противодѣйствіе уничтоженію кнута, можно, кажется, надѣяться, что человѣколюбивыя мысли возьмутъ верхъ надъ предрассудками, и что скоро осуществится мысль Императора Александра Перваго объ уничтоженіи всѣхъ варварскихъ наказаній, позорящихъ имя русское.

VII.

Уничтоженіе исправительныхъ наказаній розгами, встрѣтитъ болѣе затрудненій, чѣмъ отмѣна плетей и наложенія влѣймъ. Многие скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ розголюбамъ можно бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократією. Тамъ же, гдѣ русскій чело- вѣкъ развивался внѣ прямого вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьѣ, въ Сибири, не было въ прежнія времена ни кнута, ни плетей, ни розогъ.

Конечно, трудно однимъ почеркомъ пера измѣнить всю исправительную систему. Мнѣ кажется, что можно бы замѣнить розги денежными пенями; но эта мысль требуетъ разработки и зрѣлаго обсуждения. Въ настоящее время стараются, изъ человѣколюбія, уменьшать въ приговорахъ число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ достоинство чело- вѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у

насъ существуетъ табель или преискурантъ проступковъ и преступленій, съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ: за кражу 3-хъ рублей столько-то ударовъ и т. д. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи.

VIII.

Прогнаніе преступниковъ, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй, шпичрутенами—есть такая же квалифицированная смертная казнь, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпичрутенами, постоянно оказываются продолжныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что, по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ идти по фронту, то его должно вести вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого нынѣ не исполняютъ. Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей, и, при каждой экзекуціи, начальство вынуждено повторять офицерамъ: „Господа! смотрите, чтобы люди били крѣпче“. Между тѣмъ, въ гвардіи шпичрутенъ часто только поверхностно касается преступника. Было бы и человѣколюбивѣе, и дѣльнѣе ссылать военныхъ преступниковъ на каторжную работу, чѣмъ подвергать ихъ прогнанію сквозь строй.

Въ прежнія времена въ рядахъ русской арміи служило много людей, сданныхъ въ рекруты за наказаніе. Тогда понятно было употребленіе розогъ, какъ исправительной мѣры. Нынѣ, когда званіе воина облагорожено, когда солдатъ носить мундиръ не какъ наказаніе, а какъ честь,—можно бы отмѣнить всякія тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взысканія.

При измѣненіи стемы наказаній въ войскахъ, слѣдовало бы имѣть въ виду, что арестъ, какъ онъ нынѣ употребляется, не удовлетворяетъ своему назначенію.

IX.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующія заключенія:

1. Тѣлесныя наказанія суть зло. '
2. Наказанія плетьюми, шпичрутенами и наложеніе клеймъ, могутъ быть тотчасъ отмѣнены.
3. Слѣдуетъ замѣнить нынѣ существующія исправительныя тѣлесныя наказанія другими способами взысканія.

Приближается тысячелѣтіе Россіи. Крѣпостное право уже уничтожено. Остается дополнить спасительное преобразование совершенною отмѣною тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.

Кн. Н. А. Орловъ.

Мартъ, 1861 г.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА

1824—1880.

22-го мая 1881 г. — первая годовщина дня кончины въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Александровны.

Съ чувствомъ безпредѣльнаго, благоговѣйнаго уваженія къ памяти опочившей помѣщаемъ мы очеркъ ея жизни; да воспроизведетъ онъ, хотя лишь въ слабыхъ чертахъ, прекрасный нравственный обликъ этой Государыни, столь преждевременно смертію похищенной у Россіи. Ред.

I.

Съ первой половины мая 1838 г. по 23-е іюня 1839 года, государь великій князь цесаревичъ (нынѣ въ Бозѣ почившій императоръ) Александръ Николаевичъ, сопровождаемый своими воспитателями В. А. Жуковскимъ, К. К. Мердеромъ и многочисленною свитою путешествовалъ по чужимъ краямъ. За исключеніемъ Франціи, Испаніи и Турціи, великій князь посѣтилъ всѣ прочія государства западной Европы, обозрѣвая достопримѣчательности главнѣйшихъ городовъ, посѣщая художниковъ и ученыхъ знаменитыхъ, повсюду привѣтствуемый съ почестями, подobaющими наслѣднику россійскаго престола. Это продолжительное путешествіе, какъ оказалось впоследствии, имѣло тройкую цѣль: оно дополняло образованіе цесаревича, давало ему возможность подкрѣпить нѣсколько разстроенное здоровье; наконецъ—что до времени составляло тайну русской царственной семьи—способствовало избранію цесаревичемъ—по его собственному усмотрѣнію—августѣйшей невѣсты.

Родственный союзъ съ Россією, находившейся тогда въ апогеѣ силы и могущества, имѣвшее неоспоримое право назваться вершительницею вопросовъ европейской политики, былъ, конечно, завѣтною мечтою многихъ вѣнценосцевъ, входя въ ихъ дипломатическія соображенія. Къ счастью для цесаревича, родитель его, императоръ Николай Павловичъ, не вводилъ элемента политическаго въ свои семейныя дѣла: нѣжно любимымъ дѣтямъ своимъ онъ предоставлялъ, при ихъ супружескихъ союзахъ, полную свободу выбора по внушенію ихъ собственнаго сердца. Того-же самаго правила придерживался императоръ Николай Павловичъ, помышляя о бракосочетаніи своего первенца и будущаго преемника.

По словамъ одной французской газеты ¹⁾, за достовѣрность которыхъ, конечно, нельзя ручаться, выборъ Цесаревича могъ остановиться на принцессѣ Александринѣ Баденской, или сестрѣ ея, принцессѣ Маріи ²⁾ по возрасту и красотѣ соотвѣтствовавшихъ желаніямъ августѣйшихъ родителей Наслѣдника російскаго престола... Но судьба судила иначе: на обратномъ пути черезъ Германію (именно 13 марта 1839 года) его высочество посѣтилъ въ Дармштадтѣ великаго герцога Гессенскаго Людовика II († 4 (16) іюня 1848 г.) и здѣсь, во дворцѣ, встрѣтилъ избранницу своего сердца, судьбою ему предназначенную.

Дочь великаго герцога, принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, родившаяся 27 іюля (8 августа) 1824 г., была тогда еще въ отроческихъ лѣтахъ. Семейный бытъ великаго герцога, отличавшійся простотою и скромностью, особенно послѣ пышныхъ празднествъ, которыми чествовали Цесаревича при Шведскомъ, Итальянскомъ, Прусскомъ и прочихъ германскихъ дворахъ, произвелъ на высокаго гостя отрадное впечатлѣніе, усилившееся благодаря неподдѣльному радушію великаго герцога и его семейства. Первая встрѣча Цесаревича съ его futureю супругою—достояніе исторіи. Слѣдующіе отрывки изъ путевого дневника, веденнаго находившимся въ свитѣ его высочества, покойнымъ графомъ И. М. Толстымъ ³⁾ можетъ отчасти служить полезнымъ

¹⁾ Figaro № 156, le 7 juin 1880; article: «Mort de l'Impératrice de Russie».

²⁾ Принцесса Александра (род. 6 декабря 1820 г.) нынѣ герцогиня Саксен-Кобург.-Готская; принцесса Марія (род. 11 октября 1817 г.) вдовствующая герцогиня Гамилтонъ.

³⁾ Этотъ дневникъ (до нынѣ не изданный) предоставленъ въ распоряженіе редакціи „Русской Старини“ 6 октября 1870 г. Ѡ. К. Опочининимъ

материаломъ будущему биографу въ Бозѣ почившей Императрицы:

„13 марта (1839 г.) понедѣльникъ. Оставивъ Гейдельбергъ въ 3 часа, Государь Цесаревичъ прибылъ на границу Гессен-Дармштадтскаго великаго герцогства, въ Гегенгеймъ въ 4^{1/2} часа. Здѣсь Е. И. В.—во былъ встрѣченъ генераль-адъютантомъ великаго герцога Вейгсомъ (Veigs). На лошадяхъ съ придворной конюшни Государь Наслѣдникъ проѣхалъ чрезъ станцію Билькебахъ и прибылъ въ Дармштадтъ въ 6^{1/2} часовъ. У подѣзда гостинницы, гдѣ остановился его высочество, отклонивъ заранѣе предложеніе великаго герцога принять высокаго гостя въ герцогскомъ дворцѣ, Государь цесаревичъ былъ встрѣченъ секретаремъ посольства кол. сов. Мареловымъ, присланнымъ посланникомъ тайн. сов. Убри, который, по причинѣ болѣзни, самъ не былъ въ состояніи прибыть въ Дармштадтъ.

Едва Государь цесаревичъ успѣлъ выйдти изъ коляски, явился ген.-адъют. князь Августъ Витгенштейнъ, присланный великимъ герцогомъ съ привѣтствіемъ о благополучномъ пріѣздѣ. Вслѣдъ за нимъ пріѣзжали наслѣдный великій герцогъ (принцъ?) съ принцами Карломъ и Александромъ и принцъ Эмили, братъ великаго герцога ¹⁾. Наконецъ прибылъ самъ великій герцогъ, не давъ Государю цесаревичу время предупредить его кор. высочество.

Въ 7 часовъ, одѣтый въ полную казачью форму Государь Наслѣдникъ выѣхалъ посѣтить великаго герцога. При проѣздѣ, его имп. выс.—во былъ привѣтствованъ криками ура! Побывавъ у великаго герцога, а потомъ у наслѣднаго принца, гдѣ изволилъ познакомиться съ супругами принцевъ и съ принцессою Марією, сестрою ихъ высочествъ, Государь цесаревичъ со всѣмъ герцогскимъ семействомъ былъ въ театрѣ, въ честь его посѣщенія освѣщенномъ по праздничному. Давали оперу „Весталка“. Между первымъ и вторымъ дѣйствіями свита его импер. выс.—ва имѣла честь быть представлена великому герцогу и его семейству. Послѣ

и составляетъ весьма объемистую рукопись въ 4-ю долю листа. Иванъ Матвѣевичъ Толстой, какъ извѣстно, пользовался до самой своей кончины особеннымъ благоволеніемъ императора Александра Николаевича, который цѣнилъ въ немъ доброе, открытое сердце и веселый нравъ. Ред.

¹⁾ Принцъ Карлъ род. 23 апрѣля 1809, принцъ Александръ 15 іюля 1823, принцъ Эмили (†) род. въ 1788 г.

спектакля Гос. Цес—чу угодно было принять приглашеніе вел. герцога на ужинъ, на которомъ находились всѣ члены царствующаго дома, нѣсколько приближенныхъ изъ придворныхъ и свита. Тутъ вел. герцогъ вручилъ его имп. выс. — ву ленту и звѣзду фамилнаго ордена Льва Гессенскаго. По окончаніи ужина все общество ходило по заламъ древняго дворца и останавливалось въ томъ покоѣ, гдѣ, по преданіямъ, является „бѣлая женщина“. Говорятъ, что нынѣ царствующая королева Ганноверская видѣла сіе явленіе.

Собраніе продолжалось за полночь и Государь-Цесаревичъ возвратился въ гостиницу не прежде часа по полуночи.

На другой день (14 марта) послѣ парада цесаревичъ выѣхалъ въ Майнцъ и до 28 мая продолжалъ свое путешествіе по Германіи, Голландіи и Англіи. По возвращеніи на континентъ его высочество, чрезъ Дюссельдорфъ, снова прибылъ въ Дармштадтъ, гдѣ провелъ восемь дней (съ 28 мая по 4-е іюня). Вторичное посѣщеніе велико-герцогскаго двора цесаревичемъ, служило, для его приближенныхъ довазательствомъ тому, что два съ половиною мѣсяца разлуки съ будущею спутницею жизни, не только не охладили, но усилили чувства, пробудившіяся въ сердцѣ цесаревича при первой-же встрѣчѣ съ принцессою Маріею. О томъ-же, что именно первая съ нею встрѣча имѣла рѣшительное вліяніе на выборъ Цесаревича, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова письма Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ отъ 14 марта 1839 года, т. е. на другой день перваго посѣщенія цесаревичемъ семейства гессен-дармштадскаго великаго герцога:

— „Благослови Богъ выборъ сердца, который долженъ рѣшить судьбу его жизни!.. Гдѣ мы устроивали по своему, тамъ Провидѣніе готовило свое! Гдѣ мы искали, тамъ не нашлось. Гдѣ не ожидали, тамъ встрѣтилось само собою! У меня сердце теперь такъ полно! Мнѣ вѣжета, что Богъ сдѣлалъ свое и всѣ души молятся о будущемъ счастіи нашего ангела. Цѣль нашего путешествія достигнута и впереди мнѣ все улыбается. Принимаю это ясное чувство души за предчувствіе, за увѣреніе, что сдѣлалось тѣ, чему быть надлежало... Благослови его Богъ тѣмъ благословеніемъ, которое нѣбогда я далъ отцу его при томъ выборѣ, въ которомъ нашелъ онъ и свое счастье, и счастье Россіи“.

О восьми-дневномъ пребываніи Цесаревича въ Дармштадтъ,

приводимъ изъ „Дневника“ исключительно замѣтки, относящіяся до его высоконарѣченной невѣсты:

— 28 мая (воскресенье). По прибытіи въ Дармштадтъ его высочество посѣтилъ великаго герцога и принцевъ. У наслѣднаго принца видѣлъ принцессу Марію. На парадномъ обѣдѣ она не присутствовала: „чувствуя себя еще слабою, послѣ бывшей сильной, простудной болѣзни“... Вечеромъ, съ 8¹/₂ часовъ вечера до 2-хъ пополудни, былъ балъ въ дворцовой оранжереѣ.

29 мая (понедѣльникъ). Прогулка въ великогерцогскій загородный домъ; обѣдъ въ старомъ дворцѣ; вечеромъ — спектакль (опера „Норма“). „Въ ложѣ находились всѣ члены владѣтельнаго дома и оставались до конца представленія, кромѣ принцессы Маріи, уѣхавшей въ междудѣйстви“.

30 мая (вторникъ). Посѣщеніе развалинъ замка Альсбахъ, обѣдъ въ бесѣдѣхъ на горной дорогѣ (Bergstrasse). Вечеръ у принца Карла.

31 мая (среда). Прогулка и завтракъ въ Лудвигсгѣ, обѣдъ во дворцѣ, на которомъ находилось все велико-герцогское семейство—„кромѣ принцессы Маріи“. Вечеромъ, спектакль: опера „Робертъ;“ ужинъ въ старомъ дворцѣ.

1-е іюня (четвергъ). Охота на оленей. Обѣдъ, на которомъ присутствовала принцесса Марія. Вечеромъ балъ у прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Рѣдерна, на которомъ принцесса Марія не присутствовала. Семейный ужинъ въ покояхъ Цесаревича.

2-е іюня (пятница). Въ 11 часу утра посѣщеніе Цесаревича наслѣдною принцессою, съ принцемъ Александромъ и принцессою Марією. Прогулка въ коляскѣ въ мѣсту „Лудвиговъ дубъ“ (Ludwigs Eiche) въ сопровожденія всего двора и свиты. Возвратились въ городъ въ 2 часа. „Наслѣдная великая герцогиня и принцесса Марія, желая видѣть находящіяся у Государя Цесаревича портреты Императорской фамиліи, заходили на короткое время въ покои Его импер. выс—ва“. Въ 4¹/₂ часа былъ семейный обѣденный столъ; съ 8¹/₂ до 11¹/₂—вечеръ и ужинъ у наслѣднаго принца.

3-е іюня (суббота). Утромъ въ звѣринцѣ охота на кабановъ и оленей. Парадный обѣдъ въ старомъ дворцѣ. Въ 7 часовъ спектакль въ театрѣ, опера: „Нѣмая въ Портичи“ (Фенелла). „Въ антрактѣ, въ залѣ за велико-герцогской ложей, наслѣдная

герцогиня, принцессы Марія и Елисавета сдѣлали честь прощаться съ лицами свиты его импер. выс—ва“. По окончаніи оперы въ старомъ дворцѣ былъ семейный ужинъ.

4-е іюня (воскресенье). Семейный завтракъ у великаго герцога; прощаніе съ его семействомъ и отъѣздъ Цесаревича во Франкфуртъ...

Въ пятницу 23 іюня его высочество изволилъ прибыть въ Петергофъ, въ виду котораго на самомъ пароходѣ былъ встрѣченъ Августѣйшими родителями и всѣми членами Царской фамиліи.

II.

Лѣтомъ слѣдующаго 1840 года принцесса Марія Гессен-дармштадская прибыла въ Россію. Петербургскимъ жителямъ того времени памятенъ торжественный въѣздъ высоконарѣченной невѣсты въ нашу сѣверную столицу: ряды гвардейскихъ войскъ по всему протяженію пути Загороднаго и Невскаго проспектовъ до Зимняго дворца, отряды блестящихъ кавалерійскихъ полковъ, кортежъ придворныхъ членовъ и свиты, наконецъ раззолоченныя кареты и въ первой изъ нихъ — вмѣстѣ съ императрицею Александрю Феодоровною нарѣченная невѣста сына-первенца... Звуки салютовъ и полковой музыки сливались съ восторженными вликами народа, искренно раздѣлявшаго радость Царской семьи. Торжество въѣзда, по словамъ старожиловъ, было явленіемъ до того времени невиданнымъ: при императрицѣ Екатеринѣ II, не смотря на блескъ и роскошь тогдашняго двора, прибытіе невѣсты цесаревича Павла Петровича, а впоследствии его сыновей, великихъ князей Александра и Константина, отличалось необычайною простотою; то-же отсутствіе пышности замѣтно было и при императорѣ Александрѣ I, при въѣздѣ въ Петербургъ высоконарѣченныхъ невѣстъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

Восхищеніе, возбужденное въ народной массѣ блескомъ торжественнаго въѣзда принцессы Маріи, сочеталось съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея внѣшностью. Въ народѣ издревле укоренилась мысль, что красота наружная есть непремѣнная принадлежность царской невѣсты. Этою сказочною красотою не обладала невѣста Цесаревича, едва достигшая тогда шестнадцати-

лѣтняго возраста. Она не приближалась къ сказочному идеалу красоты, сложившемуся въ понятіяхъ народныхъ. Нельзя было примѣнить къ невѣстѣ Цесаревича уподобленія красному солнышку. Но изъ того же народнаго словаря, съ болѣею правдивостію, можно было заимствовать иное сравненіе—съ ясною звѣздочкою Божіею, проливающей кроткій свѣтъ, ровный, не померкающій: „свѣте тихій, святыхъ славы“.

Готовясь къ таинству муропомазанія, пріобщавшему будущую супругу Наслѣдника русскаго престола къ Православному вѣроисповѣданію, принцесса съ величайшимъ прилежаніемъ занялась изученіемъ русскаго языка, оказывая вмѣстѣ съ замѣчательными успѣхами, способности ума основательнаго. Безъ особенныхъ усилій, въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ Цесаревна усвоила русскій языкъ, а чистою душою свею усвоила догматы Церкви Православной. Подчиняясь требованіямъ пышнаго этикета нашего двора, являясь на торжественныхъ собраніяхъ и выходахъ, Цесаревна умѣла однако-же сохранять во всей своей осанкѣ, въ обхожденіи съ окружающими, въ самомъ туалетѣ, ту простоту, которую отличался постоянно весь образъ ея жизни, чуждый блеска и роскоши.

Торжество бракосочетанія Цесаревича съ великою княжною Маріею Александровною происходило 16 апрѣля 1841 года. По волѣ Государя Николая Павловича, желавшаго ознаменовать день семейной своей радости милостями и щедротами, самое-же главное,—благодѣяніями, былъ обнародованъ милостивый манифестъ, въ силу котораго въ значительной степени была смягчена участь многихъ сотенъ людей, навлекшихъ на себя кару законовъ.

Вполнѣ сознавая высокое призваніе супруги и матери, памятуя постоянно слова Спасителя: „больше сея любви никто-же имать да кто душу свою положитъ за други своя“, Цесаревна (впослѣдствіи императрица Марія Александровна) всю жизнь свою посвятила супругу, дѣтямъ и той громадной, много-милліонной семьѣ, которую называютъ Россіею. Почтительнѣйшая и всегда глубоко поворная дочь августѣйшимъ родителямъ своего супруга, Цесаревна въ своемъ семействѣ являла высокій идеалъ, доброй, прекраснѣйшей жены и нѣжнѣйшей, чадолюбивой матери. Ея ласковость, терпѣливость и кротость превосходили всѣ мѣры сердца человѣческаго. Не отличаясь вѣрностію здоровья, Цесаревна—въ

минуты душевныхъ страданій и тревогъ супруги и матери, всегда обрѣтала героическую силу духа въ теплой молитвѣ къ Царю царствующихъ. Жизнь этой женщины можно раздѣлить на три эпохи, изъ которыхъ у каждой свой вѣнецъ. Первые четырнадцать лѣтъ, осѣненная брачнымъ вѣнцомъ, Цесаревна жила для своей родной семьи; слѣдующіе двадцать лѣтъ — увѣнчанная короною императорскою, Императрица жила для Россіи; въ послѣднее пятилѣтіе, страдая тѣлесно, испытывая тяжкія, душевныя страданія, почившая въ Бозѣ императрица была увѣнчана терновымъ вѣнцомъ мученицы. Переходъ отъ царства земнаго къ царствію небесному, этотъ тихій сонъ, въ который погрузилась вѣнценосная страдалица — былъ возвращеніемъ кроткаго ангела въ его небесную отчизну.

Первенцемъ семейства Цесаревича была великая княжна Александра Александровна, родившаяся въ Царскомъ Селѣ 18 августа 1842 года. На слѣдующій, 8 сентября (1843) Богъ даровалъ юной четѣ сына, великаго князя, (впослѣдствіи Цесаревича) Николая. Впослѣдствіи семейство Государя Наслѣдника Цесаревича умножилось еще сыновьями, великими князьями: Александромъ (26 февраля 1845 года) нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, — Владиміромъ (10 апрѣля 1847), Алексѣемъ (2 января 1850) и великою княжною Марією (5 октября 1853). Въ лицѣ старшей дочери Цесаревнѣ суждено было понести первую, скорбную утрату: великая княжна Александра Александровна скончалась 16-го іюня 1849 года. Этотъ роковой годъ былъ тяжелъ и для Царской семьи, и для всей Россіи: еще опустошаемая свирѣпствовавшей холерою, она вела борьбу съ Венгрією, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ революціею которая свирѣпствовала въ Европѣ. 28 августа того-же года въ Варшавѣ скончался великій князь Михаилъ Павловичъ. Приумноженіе семьи не могло никогда изгладить изъ сердца Государыни Маріи Александровны воспоминаніе объ усопшей дочери: въ теченіе многихъ лѣтъ, ея гробница, въ царственной усыпальницѣ Петропавловскаго собора, была мѣстомъ тихихъ слезъ и молитвъ скорбящей матери. На слѣдующій 1850 годъ, поѣздка Государя Цесаревича на Кавказъ, его участіе въ дѣлѣ съ горцами, за которе грудь его украсилась орденомъ храбрыхъ — были также причинами многихъ душевныхъ тревогъ для Цесаревны... Но

намъ-ли исчислять ихъ? Дозволимъ себѣ сказать, не отдаляясь отъ правды, что при всѣхъ заботахъ о родной семьѣ, два три года — 1850—1852, могли еще назваться для Цесаревны и для всей императорской фамилии благодатными... Но 20 октября 1852 года скончался супругъ великой княгини Маріи Николаевны, герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій; менѣе нежели черезъ годъ рѣшеніе роковаго Восточнаго вопроса вызвало Россію на новую борьбу съ четырьмя европейскими державами... И въ самый разгаръ этой страшной войны, при раскатахъ громовъ севастопольскихъ—18 февраля 1855 года императоръ Николай I опочилъ сномъ вѣчнымъ и Россія привѣтствовала его преемника—императора Александра Николаевича.

III.

При послѣднемъ еще въ жизни лобзаніи своему преемнику, умирающій императоръ Николай Павловичъ говорилъ: „Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое; оставить тебѣ Царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!..“

Значеніе этихъ словъ глубоко сознавали и преемникъ умирающаго императора, и супруга преемника... Печально, тоскливо было минувшее; грозно и ужасно будущее. Навсегда отрѣшась отъ мысли принимать какое либо участіе въ дѣлахъ политическихъ, молодая императрица сознавала и сознавала вполне, что отнынѣ ея бытіе тѣсно свяжется съ судьбами Царства русскаго, что ей предстоятъ поприще, на которомъ острия тернія и колючіе камни прикрыты и алымъ сукномъ, и цвѣтами, и лаврами. Съ твердымъ упованіемъ на Божественный Промыслъ, рука въ руку съ обожаемымъ супругомъ и безтрепетной стопой императрица Марія Александровна готовилась ступить на этотъ путь, облегчая супругу бремя тяжкаго креста — какъ человѣку. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, повинаясь чувствамъ безпредѣльнаго уваженія и нѣжнѣйшей любви ко вдовствующей императрицѣ, Государыня Марія Александровна не позволяла себѣ принять въ полное вѣдѣніе воспитательныхъ и благотворительныхъ учреждений, находившихся подъ покровительствомъ Государыни Александры Теодоровны, удѣлявшей державной невѣстѣ лишь нѣкоторую долю заботъ и попеченій о нихъ. Между тѣмъ, наше женское воспитаніе требовало всестороннихъ, существенныхъ преобразованій, вызванныхъ духомъ новаго времени. Эта необходи-

мость была зрѣло и всесторонне обдумана Государынею Маріею Александровною. Наслѣдуя послѣ кончины Императрицы Александры Θεодоровны (20 октября 1860 г.) всѣ женскія учебныя и благотворительныя заведенія, Государыня безотлагательно приступила къ благотѣлнѣйшимъ преобразованіямъ, какъ въ системѣ преподаванія, такъ и воспитанія вообще. Многое остается еще сдѣлать для отстраненія важныхъ неудобствъ сопряженныхъ съ системою закрытыхъ, женскихъ учебныхъ институтовъ, недостатковъ не вполне еще ясно сознаваемыхъ въ нашемъ высшемъ обществѣ; но уже то важно, что покойною Императрицею положенъ починъ къ преобразованію всей системы закрытыхъ заведеній—разрѣшеніемъ отпуска воспитанницамъ въ домъ родителей и опекуновъ, на канікулярное и праздничное время, чѣмъ, повторяемъ, существенно измѣнилась къ лучшему прежня затворническая институтская жизнь. Отчужденныя на нѣсколько лѣтъ отъ родныхъ семей, воспитанницы, дочери лицъ разныхъ состояній — богатыхъ и бѣдныхъ родителей, пользуясь въ институтахъ всѣми удобствами жизни, никогда не были въ состояніи усвоить практическаго взгляда на ея темныя, прозаическія стороны и, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, обладая познаніями, весьма часто оказывались неимущими душевныхъ силъ для борьбы съ нѣкоторыми лишеніями, присущими лицамъ состоянія недостаточнаго. Знаніе естественныхъ, математическихъ и словесныхъ наукъ безспорно полезно; однако-же для будущихъ женъ и матерей не менѣе того важны знанія прикладныя, въ житейскомъ, обыденномъ быту необходимыя. Эти практическія свѣдѣнія дѣвушка недостаточнаго состоянія можетъ усвоить лишь при близкомъ знакомствѣ съ домашнимъ бытомъ родныхъ. Съ другой стороны, отчужденіе дѣвицы съ юныхъ лѣтъ, отъ родной семьи, весьма естественно охлаждаетъ ея чувство къ родителямъ, перенося первую, дѣтскую ихъ теплоту на маман—т. е. директрису, или на гувернантокъ и классныхъ дамъ. Краеугольнымъ камнемъ умственнаго развитія женщины, будущей гражданки, доброй жены и матери, покойная Императрица полагала въ сердцѣ, въ чувствѣ. Такъ, при одномъ изъ первыхъ своихъ посѣщеній одного изъ нашихъ столичныхъ институтовъ, Императрица пожелала сама задать воспитанницамъ тему для сочиненія на русскомъ языкѣ—и на классной доскѣ своеручно начертала слово: „любовь“, разъяснивъ при этомъ чистое, высокое и многостороннее значеніе этого

слова въ жизни женщины: любовь къ Богу, къ ближнимъ, къ родинѣ, къ мужу и дѣтямъ; любовь, способная на всегдашнее самопожертвованіе, та любовь, которою она сама всегда и неизмѣнно любила супруга, свое семейство и всю Россію! Осмотрѣвъ изящныя рукодѣлья воспитанницъ, всевозможныя вышиванья, на которыя затрачивается, совершенно непроизводительно такъ много труда, терпѣнія и времени, Императрица Марія Александровна замѣтила, что для нея было-бы несравненно пріятнѣе видѣть искусство воспитанницъ въ кройкѣ и шитьѣ бѣлья и платьевъ. Послѣ закона Божія, изученіе отечественной исторіи и географіи Государыня полагала безусловно необходимымъ въ учебной программѣ.

Мысль учрежденія женскихъ гимназій принадлежитъ всецѣло покойной Императрицѣ. Учрежденіе этихъ заведеній вызвано вполне яснымъ и глубокимъ сознаніемъ необходимости удовлетворить потребности общества въ женскомъ образованіи въ размѣрахъ, гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ въ какихъ этой потребности могли служить институты. Въ данномъ случаѣ цифры будутъ краснорѣчивѣе самыхъ восторженныхъ восхваленій. Съ 1858 года, въ одномъ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, женскихъ гимназій открыто 32. Сверхъ того, къ 1878 году, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, женскихъ гимназій и равныхъ съ ними по курсу учебныхъ заведеній числилось 75 и 159 прогимназій съ 37,972 ученицами. Простирая истинно материнскую заботливость о распространеніи женскаго образованія безразлично во всѣхъ классахъ своихъ подданныхъ, во всѣхъ концахъ Россіи, императрица обратила вниманіе на дочерей лицъ духовныхъ и положила основаніе женскимъ епархіальнымъ училищамъ, нынѣ существующимъ. Достаточно сказать, что до того времени, во всей Россіи существовало одно лишь царское сельское училище дѣвицъ духовнаго званія. Народныя школы для дѣвочекъ находили въ Государынѣ постоянную, добрую и заботливую покровительницу. Чуждая всякихъ утопій, но всегда относясь къ дѣлу съ самой разумной и практической точки зрѣнія, покойная Императрица, мирно и вполне рационально разрѣшила згучій „женскій вопросъ“, для отвѣта на который достаточно усвоить взглядъ покойной императрицы, безъ всякихъ увлеченій мечтами несбыточными.

— „Съ высоты Престола“, говоритъ многоуважаемый И. Т. Осипинъ, въ прекрасной статьѣ по поводу кончины Императ-

рицы ¹⁾, „Государыня вполнѣ сочувствовала мысли объ учрежденіи въ Россіи заведеній всесословныхъ, открытыхъ, доставляющихъ дѣтямъ, за доступную для большинства плату, всѣ удобства и выгоды общественнаго образованія, не отрывая ихъ отъ семьи и отъ среды, въ которой имъ суждено жить и примѣнять въ дѣлу пріобрѣтаемыя ими въ школѣ познанія и склонности. Женскія гимназіи, съ самаго ихъ учрежденія, имѣли счастье состоять подъ высочимъ покровительствомъ покойной Государыни, которая личнымъ своимъ присутствіемъ почтила открытіе первой изъ нихъ (Маріинской гимназіи въ С.-Петербургѣ). Съ тѣхъ поръ, женскія гимназіи, какъ заведенія, соответствовавшія насущнымъ потребностямъ общества, быстро увеличивались числомъ и объемомъ, продолжая пользоваться тѣмъ-же высочимъ вниманіемъ и участіемъ со стороны своей Августѣйшей покровительницы. Ежегодныя, значительныя денежныя субсидіи, постепенно возростающія по мѣрѣ увеличенія числа гимназій, отпускались, съ милостиваго разрѣшенія покойной Государыни, изъ средствъ вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи; обо всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ женскихъ гимназій было доводимо до личнаго свѣдѣнія Государыни, всегда охотно содѣйствовавшей удовлетворенію всему, что оказывалось нужнымъ для дальнѣйшаго роста и развитія этихъ заведеній“.

Свободный доступъ въ гимназіи дѣтямъ женскаго пола всѣхъ сословій, состояній и вѣроисповѣданій уничтожилъ, наконецъ, вѣковое предубѣжденіе, ту суевѣрную нетерпимость, которая отдѣляла послѣдователей ученія Христова отъ дѣтей Израиля: въ гимназіяхъ, русское юношество, безъ различія вѣроисповѣданій, слилось въ одну русскую семью, подъ покровительствомъ единой, доброй Матери. По этому поводу съ замѣчательною искренностью газета „Русскій Еврей“ (28 мая 1880 г. № 22) говоритъ: .... „подобно солнцу, одинаково сіяющему для всѣхъ, достойныя дѣянія усопшей Императрицы одинаково благотворно отзывались на всѣхъ обитателяхъ необъятной Руси. Лѣтъ двадцать пять назадъ еврейка въ общемъ среднемъ заведеніи для женщинъ была чрезвычайно рѣдкимъ, почти небывалымъ явленіемъ. Но, подъ высочимъ покровительствомъ покойной Государыни, женскія заведенія расширили свои предѣлы и открыли свои двери и для дочерей Израиля, которыя съ тѣхъ поръ не отстаютъ отъ другихъ въ соревнованіи

¹⁾ Журналъ «Женское Образованіе» №№ 4 и 5 (апрѣль и май 1880 г.).

на поприщѣ образованія и умственнаго развитія, содѣйствуя, въ свою очередь, распространенію луча знанія среди всего еврейскаго народа“.

Благотворя подданнымъ своимъ иныхъ исповѣданій, Государыня — православная душою и сердцемъ — всегда дѣятельно и горячо содѣйствовала святому дѣлу Православія. Высокому покровительству покойной обязаны своимъ развитіемъ и преуспѣваніемъ общества: „возстановленія христіанства на Кавказѣ“, „вспомоществованія бѣднѣйшимъ церквамъ и приходамъ“, „распространенія духовно-нравственныхъ вѣнѣтъ“, „Гольдингенское братство;“ общества: „Россійское миссіонерское“, „братолюбивое—въ Москвѣ“.

Приступая теперь къ обзору подвиговъ покойной Императрицы на поприщѣ благотворительности, считаемъ не лишнимъ предослать ему очеркъ самаго характера благодѣяній, той разумной системы, которой постоянно слѣдовала Государыня. Всегда сердечно признательная къ учредителямъ богоугодныхъ заведеній и жертвователямъ, съ одинаковою благосклонностью пріемля благотворительныя приношенія и отъ избытковъ богача, и отъ крохъ бѣдныхъ труженниковъ, напоминавшихъ лепту евангельской вдовицы—почившая въ Бозѣ прилагала особенныя свои заботы о томъ, что-бы благотворители, движимые чувствами христіанской любви и состраданія къ ближнимъ, собирались въ группы, образуя цѣлыя общины, призывая на нихъ благословеніе Того, Кто завѣщалъ намъ: „гдѣ двое, или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“ (отъ Матѳея глава XVIII ст. 20). Вдохновляемая этими святыми словами, Государыня особенно сочувствовала и покровительствовала учрежденію общинъ „сестеръ милосердія“. Понимая великое значеніе женскаго иночества, Государыня Императрица постоянно стремилась къ осуществленію той мысли, чтобы подвигъ иночества соединился съ подвигомъ благотворительности. Вслѣдствіе этого при многихъ женскихъ монастыряхъ были устроены училища и богадѣльни.

До Крымской войны военно-санитарная часть,—уходъ за больными и ранеными воинами—состояла въ вѣдѣніи фельдшеровъ и госпитальной прислуги. Многострадальный Севастополь впервые увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ прибывшихъ изъ Петербурга „сестеръ милосердія“, самоотверженно и терпѣливо посвятившихъ себя

попеченіямъ о раненыхъ и болящихъ защитниковъ твердынь севастопольскихъ. Никто изъ насъ, ни дѣти, ни внуки наши, конечно, не позабудутъ о материнскихъ заботахъ Государыни относительно участи страдальцевъ и тѣхъ, которые за ними ходили. Еще тогда, покойная Императрица по достоинству оцѣнила то героическое самоотверженіе, на которое способна русская женщина въ тѣ минуты, когда и ея слабыя силы—но мощная энергія могутъ послужить отечеству. Точно также и мирный гражданинъ, и крестьянинъ—неопытные въ дѣлѣ ратномъ, но сознающіе въ себѣ чувство искренней любви къ ближнему, могутъ принести посильную пользу, посвятивъ себя уходу за ранеными воинами. Великая мысль—о соединеніи людей сердобольныхъ подъ знаменемъ братолюбія, развиваясь постепенно въ глубинѣ сердца Императрицы—осуществилась основаніемъ общества „Краснаго Креста“, первообразомъ которому послужило „общество попечительства о раненыхъ и больныхъ воинахъ“. Хоругвь „Краснаго Креста“ воздвигла Государыня Марія Александровна, подобно тому, какъ въ древности св. царица Елена воздвигла животворящій крестъ Христовъ. Основаніе общества „Краснаго Креста“ совпало, какъ извѣстно, съ эпохою нашей послѣдней восточной войны.

— „Почитаю себя счастливою—всенародно объявила почившая въ Божѣ Императрица—что промыслъ Божій судилъ мнѣ стоять, въ великую для Россіи годину брани, во главѣ учрежденія, послужившаго столь достойно и съ такимъ успѣхомъ къ облегченію бѣдствій войны для храбрыхъ воиновъ... Я увѣрена, что во всякое время, когда бы по волѣ Божіей ни потребовалось Обществу „Россійскаго Краснаго Креста“ стать на чреду своего служенія, на зовъ его отзовутся съ тою-же горячностью (какъ и въ прошлую войну) русскія сердца, исполненные вѣры и любви къ отечеству“. И символомъ этого общества, лозунгомъ этого ополченія заботливыхъ братьевъ и сестеръ о страждущихъ воинахъ избраны Государынею святая, незабвенная слова:

„Сила—не въ силѣ, сила—въ любви!“

— „Общество это, (сказано въ довлданной запискѣ, 12-го мая 1877 года, Государынею высочайше одобренной), представляющее собою чисто народное учрежденіе, созданное по доброй волѣ участниковъ, подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, должно направлять свои дѣйствія къ тому, чтобы

всѣ распорядительныя дѣйствія его и благотворительныя дѣли могли глубоко проникать въ сознание народа, вдохновлять народъ къ самоотверженности и труду на пользу святаго дѣла, вызывать къ посильнымъ жертвамъ на помощь страждущимъ воинамъ; а для этого слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы средства общества составлялись не изъ однѣхъ только приношеній достаточныхъ классовъ, но и изъ тѣхъ лептъ, которыя, соединяясь во едино, могутъ составить сотни и тысячи рублей народнаго вклада.

„Жертвы богатыхъ частныхъ лицъ, крупныя приношенія обществъ, сословій и учреждений могутъ оказаться недостаточными, тогда какъ трудовая, мѣдная копѣйка бѣдняка, отдаваемая имъ на пользу ближняго и на грошевую свѣчку предъ святою иконою, никогда не исчезнетъ въ народѣ: но для этого надобно хорошо понимать простодушный русскій народъ и умѣть говорить съ нимъ не отъ разума только, но и отъ духа народной правды и христіанской истины, вѣчно живущихъ въ душахъ народа, столь близкихъ его сердцу и вполне доступныхъ его пониманію.

„Разнообразіе взглядовъ высшаго общества и простаго народа на многія условія религіозной, семейной и общественной жизни, требуютъ отъ служителей православной Церкви, составляющихъ и теперь живую связь между всѣми сословіями, готовности явиться сильными соединителями различныхъ классовъ населенія, къ успѣшному достиженію тѣхъ благихъ дѣлей, которыя ревностно преслѣдуетъ общество Россійскаго Краснаго Креста и на которыя указываетъ каждому св. вѣра и христіанское милосердіе.

„Слѣдуетъ сумѣть привлечь простой народъ къ многоразличнымъ учрежденіямъ общества, соединить крупныя жертвы съ мелкими приношеніями, общую распорядительность съ частными услугами, чтобы все направить въ одной святой дѣли благотворительности,—вотъ задача для возвышеннаго духа, опытнаго ума и внушительнаго слова тѣхъ людей, которые пожелаютъ посвятить себя на благую дѣятельность служенія подъ знаменемъ „Краснаго Креста“, съ высоты престола призывающаго всѣхъ собраться и послужить великому, святому дѣлу“.

Одновременно съ обнародованіемъ Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турціею (12-го апрѣля 1877 г.) Императрица, въ рескриптѣ своемъ Главному Управленію общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ выразила, между прочимъ:

— „Нужды больныхъ и раненныхъ воиновъ будутъ велики и многообразны; но я знаю какъ великъ духъ братской любви и благотворительности, искони живущій въ русскомъ народѣ. Я увѣрена, что и теперь, когда наше храброе войско идетъ стать грудью противъ врага, за освобожденіе поработенныхъ и угнетенныхъ собратій, — не оскудѣетъ дающая рука и горячее чувство народное не ослабѣетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое и малое, равно цѣнно передъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей во едино, во имя Христова“.

Русскій народъ отзывчивымъ на этотъ призывъ сердцемъ вполне оправдалъ надежды, возложенныя на него Царицею. Помимо пожертвованій вещественныхъ, лица обоого пола и всѣхъ сословій, подобно древнимъ крестоносцамъ, устремились на мѣсто битвъ, на перевязочные пункты, въ госпитали, посвящая себя самоотверженному служенію и неутомимому уходу за больными и ранеными воинами. Дѣятельность нашихъ санитаровъ и сестеръ милосердія займетъ много трогательныхъ страницъ въ исторіи минувшей войны; многіе изъ нихъ пала жертвами битвъ, эпидемическихъ болѣзней; пріяли даже вѣнцы мученическіе, испутивъ духъ подъ истязаніями каннибаловъ черкесовъ и баши-бузуковъ... Велики заслуги доблестныхъ нашихъ „крестоносцевъ“ и „крестоносцевъ“; но чувство справедливости велитъ намъ, вмѣстѣ съ ихъ памятью, благословить память въ Бозѣ почившей Императрицы. Изнемогая отъ тяжкаго, предсмертнаго недуга и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбя душевно, она неусыпно слѣдила за подвигами своихъ ратниковъ, заботившихся о воинахъ, пострадавшихъ въ бою. Отъ Ея имени Государь Императоръ, посѣщая въ госпиталяхъ больныхъ и раненныхъ, выдавалъ имъ щедрыя пособія и окружалъ страдалцевъ возможными удобствами, облегчившими ихъ страданья. Невольно подымается предъ нами сравненіе самой дѣятельной сестры милосердія, съ великими, одному Богу вѣдомыми душевными страданіями Государыни: добровольно оставивъ родину и людей близкихъ сердцу, чтобы посвятить себя уходу за больными, сестра милосердія, пользуясь здоровьемъ и богатымъ запасомъ молодыхъ своихъ силъ, въ похвальной своей дѣятельности, стремилась исключительно къ своей цѣли—исполненія своего долга... Не

таково было положеніе Государыни—какъ супруги, матери родной своей семьи, матери своего народа. Разлученная съ супругомъ и сыновьями, подвергшимися случайностямъ войны, климатическимъ перемѣнамъ чужой страны; ежеминутно скорбя о нихъ—страдающая Императрица печалилась о больныхъ и раненыхъ страдальцахъ, печалилась и о тѣхъ, которые посвятили себя уходу за ними.

Окончилась война—но съ нею не прекратились страданія Россіи, а съ ними и заботы Государыни о страдающихъ: появленіе чумы въ Астраханской губерніи, гибельные пожары въ Оренбургѣ, Уральскѣ, Ирбитѣ и Иркутскѣ, неурожай во многихъ мѣстностяхъ — наконецъ дифтеритная эпидемія на югѣ и юго-западѣ Россіи! Всѣ эти бѣдствія были близки сердцу незабвенной печальницы земли Русской и по ея распоряженіямъ бѣдствія по возможности смягчались...

IV.

— „Ни одна русская Императрица, сказано въ одномъ изъ ея некрологовъ (Современность, 23-го мая 1880 г., № 87), не удѣляла такъ мало времени изъ своей жизни на свои личные развлеченія, какъ въ Бозѣ почившая Императрица Марія Александровна“.

Коснувшись этого высокаго свойства Императрицы, пройдемъ мысленно образъ жизни покойной, взглянемъ на ея домашній бытъ, въ которомъ отразился личный характеръ покойной Государыни.

Со времени восшествія на родительскій престолъ государя императора Александра Николаевича, благословенное его семейство увеличилось рожденіемъ великихъ князей: Сергія (29 апрѣля 1857 г.) и Павла (21 сентября 1860 г.) Александровичей. Умноженіе заботъ и попеченій Государыни о собственномъ семействѣ какъ бы придало еще болѣе энергіи Ея сердцу—и всѣ часы дня императрицы были раздѣлены между попеченіями объ августѣйшихъ дѣтяхъ и дѣлами благотворительности. Немного досужихъ минутъ оставалось порфиросной труженицѣ. Эти рѣдкія минуты отдохновенія Государыня удѣляла чтенію особенно замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. Изъ таковыхъ особеннымъ Ея вниманіемъ пользовались сочиненія Гончарова и графовъ Толстыхъ (Алексѣя Константиновича и Льва Николаевича). Извѣст-

но, что въ послѣдніе мѣсяцы уже угасавшей жизни Государыню занимало чтеніе историческаго романа г. Данилевскаго „Мировичъ“. Вообще отечественная исторія и церковная археологія были для покойной предметами глубокаго вниманія и основательнаго изученія. Въ бытность Ея Величества въ Новгородъ въ 1862 году, на торжествѣ открытія памятника тысячелѣтія Россіи, Государыня, удостоивая свою бесѣдою нѣкоторыхъ изъ представителей дворянства Новгородской губерніи, поразила ихъ всестороннимъ знакомствомъ со всѣми памятниками древности и святыни не только Новгорода, но и прочихъ городовъ губерніи. Имена великихъ князей, святителей и чудотворцевъ, строителей храмовъ въ отдаленнѣйшія времена сохранялись во всей точности съ безошибочными хронологическими данными въ свѣтлой и обширной памяти Государыни. Искренно любила она Россію, съ ея православіемъ, нравами, обычаями и доблестными свойствами народнаго характера. Чужимъ краямъ, со всѣми красотами ихъ мѣстностей и благопріятнѣйшими условіями климатическими, Государыня предпочитала родную Русь, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самое здоровье ея величества требовало перемѣнъ мѣстопробыванія. Такъ, Государыня вмѣсто Остенде или Біаррицы пользовалась Гапсалемъ; весною, лѣтомъ и частью осени любимѣйшими ея резиденціями были Царское Село, Ильинское подъ Москвою, Ливадія въ Крыму. Лишь въ послѣдніе годы жизни, слѣдуя совѣтамъ врачей, Императрица пребывала въ Сен-Ремо и въ Каннѣ. Но гдѣ бы ни находилось мѣстопробываніе покойной—въ чертогахъ Зимняго дворца, или въ комнатахъ заграничной виллы—повсемѣстно окружающая обстановка и образъ жизни отличались простотою, довольствованіемъ немногимъ, привѣтливостію и обходительностію съ окружающими. Кротость и снисходительность императрицы, ея деликатность и терпѣніе были поистинѣ ангельскія. Изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, приводимъ одинъ. Рассказываемъ со словъ свидѣтеля:

— „Во дворцѣ у Ихъ Величествъ семейный вечерній чай. Государыня сидитъ у стола, на которомъ стоитъ чайный приборъ. Слуга приноситъ самоваръ; непостижимо неловкимъ движеніемъ зацѣпляетъ стулъ Государыни и проливаетъ кипятокъ на императрицу. Ужасъ объялъ всѣхъ. Испугъ слуги похожъ былъ на окаменѣніе. Что же сдѣлала Царица? Не смотря на страшнѣй-

шую боль, она встала и лицо Ея, невольно выразившее тяжкое страданіе, внезапно измѣнило выраженіе, направивъ добрый и кроткій взоръ на Государя. Слуга былъ прощенъ“.

Сила духа Императрицы не покидала ее до послѣдней минуты. Человѣкъ тяжело больной, принадлежащій хотя бы къ самому простому классу, въ большинствѣ случаевъ бываетъ раздражителенъ, капризенъ, причудливъ, позабывая всѣхъ и вся подъ гнетомъ собственныхъ страданій... Высочій санъ, первоначальное нѣжнѣйшее воспитаніе, самый полъ, при тяжелой изнурительной болѣзни могли бы, повидимому, дать право покойной Государынѣ хотя бы отрѣшиться отъ заботъ о людяхъ постороннихъ, ея благодѣтельствуемыхъ; ничуть! За два мѣсяца до ея блаженной кончины (именно 23 марта 1880 г.) въ день открытія барака для родильницъ, устроеннаго дамскимъ лазаретнымъ комитетомъ по мысли и на собственные средства августѣйшей покровительницы, Государыня наканунѣ поручила своему секретарю, т. с. П. А. Морицу, осмотрѣть новый баракъ и интересовалась всѣми подробностями его доклада. Наконецъ, послѣднія строки, начертанныя Государынею Императрицею, не задолго до ея кончины, выражали ея благодарность за полезную дѣятельность по Красному Кресту. Эти послѣднія начертанныя ею въ жизни слова относились къ предсѣдателю Варшавскаго окружнаго управленія Краснаго Креста, генералъ-адъютанту графу Коцебу.

Перечисляя подвиги благотворительно стиповойной Государыни, мы какъ бы указали на крупнѣйшіе, яркіе алмазы въ вѣнцѣ русской Царицы... Исчислимъ же теперь иглы того терноваго вѣнца, которые въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, терзая сердце приснопамятной страдальцы, по каплѣ истощали ея слабое здорье, развивая въ ея физическомъ организмѣ смертный, неизлечимый недугъ. Эта скорбная лѣтопись, шагъ за шагомъ, приведетъ насъ къ смертному одру Императрицы, скончавшейся еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ.

Великій, неизгладимый въ сержаляхъ отечественной исторіи подвигъ Государя императора „уничтоженіе крѣпостнаго права“ стоилъ не мало тревожныхъ дней и самому державному Освободителю и его супругѣ. Злорадственныя ожиданія западныхъ державъ, рассчитывавшихъ на мятежи и кровавыя столкновения, къ

счастію для Россіи, не оправдались; но душевныя тревоги и непрерывныя заботы Царя-Освободителя о мирномъ разрѣшеніи великаго государственнаго вопроса не могли не отозваться въ сердцѣ его супруги...

И въ то самое время, когда вопросу освобожденія только что былъ данъ первый ходъ, наша столица, въ двухъ многочисленныхъ кварталахъ, была опустошена страшными пожарами: въ ямской и на Толкучемъ и Апраксиномъ дворахъ: новая скорбь, новыя заботы Царицы о бѣдныхъ погорѣльцахъ.

За тѣмъ начались мятежи въ западной Россіи и Царствѣ Польскомъ, поглотившіе не мало жертвъ со стороны усмирителей и усмиряемыхъ. По водвореніи тишины новое горе постигло царское семейство; здоровье наследника Цесаревича, возбуждавшее серьезныя опасенія врачей, потребовало пребыванія въ Ниццѣ августѣйшаго больнаго. Недугъ ожесточился настолько, что вскорѣ всѣ усилія науки оказались напрасными и 12 апрѣля 1865 года Цесаревичъ скончался въ Ниццѣ, на виллѣ Агвидоръ. Этотъ тяжкій ударъ, нанесенный материнскому сердцу Государыни рукою неумолимой судьбы, окончательно надломилъ ея здоровье. Скорбь по миломъ сынѣ окончательно истощила и безъ того слабые запасы ея силъ и здоровья.

Этому сердцу, истерзанному горемъ, на слѣдующій годъ кончины Цесаревича готовилось новое потрясеніе: страшный день 4 апрѣля 1866 года! За годъ передъ тѣмъ, Богъ призвалъ сына Ея въ свое Царствіе, нынѣ едва не погибъ отъ руки злодѣя Ея супругъ.

Какъ бы въ вознагражденіе Царицы за безвозвратную потерю сына, Провидѣніе даровало ей добрую, нѣжно любящую дочь въ лицѣ Цесаревны Маріи Θεодоровны, нынѣ Государыни Императрицы.

Дни испытаній, повидимому, миновали. Но 25 мая 1867 г. вѣсть о вторичномъ покушеніи на драгоценную жизнь Государя императора, вѣсть, сочетавшая въ себѣ и ужасъ, и радость, была новымъ искусомъ для души порфириносной праведницы. Душа окончательно укрѣпилась въ вѣрованіи своемъ въ святой Промыслъ, но бранный тѣлесный составъ видимо ослабѣвалъ. Знаемъ, какъ очевидцы, что при посѣщеніяхъ Государынею Казанскаго собора, въ толпѣ народа на церковной паперти, весьма многіе изъ престололюдиновъ обоего пола не могли удержаться отъ слезъ,

взирая на Императрицу и ея ливъ—съ ея кроткою, страдальческою улыбкою.

Пребываніе въ чужихъ краяхъ поддерживало дни нашей Царицы до начала семидесятыхъ годовъ; но съ 1875—новыя громовыя тучи заволокли политическій горизонтъ: въ предѣлахъ Турціи началась непосильная борьба христіанъ съ ихъ безжалостными гонителями. Почти одновременно у насъ въ Россіи стали обнаруживаться злобные безумные происки враголы, нити обширнаго заговора международной революціонной партіи. Восточный вопросъ, осложняясь съ каждымъ днемъ, потребовалъ, наконецъ, вмѣшательства Россіи, для своего разрѣшенія... Истощивъ всѣ мѣры кротости, Императоръ вынужденъ былъ объявить войну Турціи...

Недавній рядъ военныхъ событій настолько свѣжъ въ памяти каждаго изъ насъ, что нѣтъ надобности въ ихъ перечнѣ. Отъ нихъ мы сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на особѣ Императрицы.

V.

Пребываніе въ Каннѣ (въ южной Франціи), вызванное необходимостью, способствовало поддержанію жизни Государыни, теплившейся какъ угасающая предъиконная лампада. Но чтó должна была испытывать душа страдальцы, во время присутствія Ея супруга и сыновей въ странѣ вражеской, вблизи военныхъ дѣйствій, подвергавшихся ежеминутной опасности, лишениямъ привычныхъ удобствъ и всѣмъ случайностямъ относительно ихъ здоровья... Но война окончилась: Освободитель Россіи явился Освободителемъ и христіанъ на балканскомъ полуостровѣ, наши доблестныя войска возвратились на родину; прибылъ Государь со своими братьями и сыновьями и здѣсь, у себя на родинѣ, въ своемъ царствѣ, суждено было Императору еще нѣсколько разъ при жизни Царицы подвергнуться опасности отъ злодѣйскихъ покушеній враговъ счастья и благоденствія Россіи. Рука Господня, хранившая Помазанника своего среди случайностей войны, спасла его, увы лишь до времени, и здѣсь; но враги и злодѣи на родинѣ, позорящіе имя русское и пятнающіе страницы исторіи русской,—мучительно больнѣе сердцу цареву, нежели всѣ враги Россіи

въ западной Европѣ... „Злая тварь мила въ сравненіи съ тварью злѣйшей“, сказалъ Шекспирь; такъ самый звѣроподобный баши-бузукъ — демонъ въ образѣ человѣка — едва-ли не лучше неистоваго, русскаго бунтаря, быть можетъ безсознательнаго наемника западныхъ зложелателей Россіи....Крвопійца баши-бузукъ и тотъ любить свою родину; крамольникъ, умышляющій царевубійство—ненавистникъ Россіи! Баши-бузукъ вѣруеть въ свой коранъ; русскій бунтарь отрывается отъ Евангелія...

Не смотря на пользу для Ея здоровья отъ пребыванія въ чужихъ краяхъ, Государыня пожелала возвратиться въ Россію, въ свой дорогой сердцу семейный кругъ. 22-го января 1880 года Царица прибыла въ Петербургъ, гдѣ ожидали ее нѣжнѣйшія попеченія, которыхъ требовало состояніе ея здоровья, почти безнадежное. Въ этой печальной истинѣ убѣждали людей, вовсе незнакомыхъ съ медициною, ежедневные бюллетени о состояніи здоровья Августѣйшей больной...

Ни она сама, никто изъ ея окружающихъ, никто изъ добрыхъ и честныхъ гражданъ, жителей столицы, конечно, не могъ ожидать той катастрофы, которая разразилась въ самыхъ стѣнахъ Зимняго дворца черезъ тринадцать дней послѣ прибытія Государыни. 5-го февраля 1880 года, въ шестомъ часу по полудни. Страдалица погрузилась въ глубокую дремоту; въ это самое время произошелъ взрывъ адской машины, заряженной динамитомъ. На этотъ разъ ангелъ сна уберегъ Царицу отъ испуга, который могъ мгновенно погасить тлѣвшуюся въ ней искру жизни. Эта послѣдняя капля переполнила чашу страданій Государыни.... она была послѣдняя.

Тихо, безъ страданій, безъ агоніи опочила Императрица Марія Александровна въ восьмомъ часу утра 22 мая 1880 года....

VI

Въ высочайшемъ манифестѣ, по случаю печальнаго, глубоко прискорбнаго событія, выражено было:

„Всѣ принятія, по указаніямъ опытныхъ врачей, къ возстановленію Ея здоровья мѣры, все усердіе и нѣжныя попеченія окружающихъ, внутренняя горячею къ Ней любвию и живѣйшею преданностію, оказались, къ глубокой горести Нашей, бессильными противъ недуга, пресѣвшаго драгоцѣнную жизнь Ея, которую Она, съ самоотверженіемъ, до самой кончины, неуклонно посвящала высокимъ обязанностямъ своего земнаго призванія и подвигамъ христіанскаго милосердія. Неустанная, материнская заботливость въ Бозѣ почившей Императрицы о благѣ многочисленныхъ юныхъ питомицъ въ непосредственномъ Ея вѣдѣніи состоявшихъ воспитательныхъ учрежденій; Ея сердобольное участіе къ жертвамъ минувшей войны и ихъ семействамъ, неограниченное предѣлами отечества, но простиравшееся и на отдаленныхъ единовѣрцевъ,— Мы твердо уповаемъ,—навсегда запечатлѣются въ благодарной памяти Ею облагодѣтельствованныхъ и достойно оцѣнятся всеблагими праведнымъ Судіею въ другомъ лучшемъ мірѣ!“....

Органы нашей періодической печати довольно рѣдко бываютъ единогласны въ своихъ мнѣніяхъ. Но кончина Государыни Маріи Александровны какъ-бы соединила всѣ наши газеты и журналы въ одну семью, понесшую потерю тяжкую, единодушно оплакиваемую. Въ этихъ разнообразныхъ выраженіяхъ народнаго горя промелькнуло не мало строкъ искреннихъ, глубоко прочувствованныхъ. Люди самыхъ разнообразныхъ и противурѣчивыхъ убѣжденій, преклоняясь предъ гробомъ Государыни, съ братскимъ единогласіемъ благословляли ея память!

— На хорошихъ страницахъ исторіи нашего времени будетъ встрѣчаться августѣйшее имя почившей Государыни Императрицы Маріи Александровны: женская школа и благотворительность— вотъ то земное поприще, которое она усвоила себѣ и съ котораго не сходила съ самаго перваго своего появленія въ нашей средѣ,

почти сорокъ лѣтъ тому назадъ (1841). Изъ всѣхъ земныхъ поприщъ почившая избрала себѣ благую часть, а потому она и не отнимется у Нея („Вѣстникъ Европы“, июнь 1880 г.).

— Тихимъ, но прочнымъ блескомъ женственности, доброты, состраданія и семейныхъ добродѣтелей будетъ свѣтиться Ея имя въ сердцахъ близкихъ Ей и въ сердцахъ рускаго народа, который въ молитвахъ своихъ не перестанетъ поминать Ея чистое и свѣтлое имя... („Новое Время“ 23 мая 1880 г. № 1520).

— Русскій народъ прощается со своею Царицей, истинно Русскою, глубоко смиренною передъ Богомъ, и на высотѣ своего призванія всецѣло посвящавшею себя дѣламъ христіанскаго милосердія. Прекратилось на землѣ царственное существованіе, распространявшее вокругъ себя благотворную теплоту. Какъ ни были всѣ приготовлены въ печальному событію, оно отозвалось повсюду глубокою, сердечною скорбію. („Московскія Вѣдомости“ 24 мая 1880 № 142).

— Россія раздѣляетъ горе, постигшее ея Государя.... Народъ русскій любилъ почившую Монархиню, какъ она любила Россію, любила все русское, глубоко была предана нуждамъ Своего народа и, скромная, вроткая въ величіи царственнаго сана, гордилась величіемъ народнымъ. Провидѣнію угодно было увѣнчать добродѣтельную жизнь Царицы трехлѣтними муками тяжкаго недуга и даровать Ей минуты успокоенія лишь въ послѣдній часъ ея жизни. Но въ рукахъ Промысла—великія, неувадаемыя награды, обѣтованныя для „вроткихъ“, „милостивыхъ“ и „чистыхъ сердцемъ“ („Страна“ 25 мая 1880 г. № 41).

— Спокойно, безъ агоніи, угасла жизнь благосердной Печальницы рускаго народа, поставившей задачею своею земнаго существованія облегченіе участи несчастныхъ, сирыхъ, убогихъ. Много слезъ осушила царственная рука почившей Государыни и всѣ эти слезы вновь прольются нынѣ съ молитвою объ упокоеніи души въ Божѣ почившей... („Голосъ“ 23 мая 1880 № 142).

— Эта смерть глубоко отзовется въ сердцахъ всѣхъ истинно русскихъ людей, привыкшихъ видѣть въ усопшей вѣрную и преданную спутницу многотруднаго и великаго дѣлами царствованія Государя Императора. Не мало горя и страданій суждено было перенести усопшей Императрицѣ!—Теперь, у гроба въ Божѣ по-

чившей, русский народъ сольется въ одной молитвѣ о вѣчномъ и блаженномъ упокоеніи Ея... („С. Петербургскія вѣдомости“ 1880 г. № 141).

— Велики были заслуги въ Божѣ почившей Государыни на пользу человѣчества. Исторія не забудетъ ихъ и имя Благочестивѣйшей Монархини будетъ вѣчно храниться въ сердцахъ русскихъ людей. Память праведнаго съ похвалами. („Церковно-общественный вѣстникъ“, 1880 г. № 61).

...Самое важное, самое незабвенное наслѣдство, оставленное усопшей русскому государству и народу есть „Красный Крестъ“, общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Съ этимъ учрежденіемъ имя покойной Императрицы будетъ переходить изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, возбуждая въ самомъ отдаленномъ потомствѣ благодарное воспоминаніе... („Недѣля“ 1880 г., № 21).

...Уста Ея никогда не произнесли неумѣстнаго слова. Ея сердце, счастливое, или страдающее, никогда не билось инымъ чувствомъ, какъ высокимъ и чистымъ; Ея умъ никогда не мыслилъ внѣ своей отвѣтственной и трудной области; Ея душа никогда не забывала того, что любила, никогда не отвлекалась отъ своего призванія—и никогда не слабѣла, не переставала бодрствовать и не оскудѣвала въ своихъ силахъ и своихъ принципахъ. Строго неумолима къ Себѣ, Она была сердечно снисходительна къ другимъ. Она не знала, что значить злопамятствовать и еще менѣе знала, что значить жить для себя одной, или для своего удовольствія. Она умѣла понимать чужія страданія; умѣла, какъ никто, правдиво имъ сочувствовать, человѣчно имъ приходить на помощь;—и, въ то-же время, никто не умѣлъ, какъ Она, радоваться всякой правдивой радости, всякому хорошему чувству, всякой причинѣ счастья. Ея сердце, Ея умъ, Ея душа были доступны всякому, кто любилъ Государя и Россію честно. Но никогда ни одинъ атомъ окружающаго Ее воздуха не заразился чѣмъ-либо похожимъ на интригу, и никогда въ яркомъ блескѣ Ея наивысшаго положенія, никто не видалъ, чтобы Она вглядывалась въ свое величіе, ослѣплялась имъ... Да, въ нашъ вѣкъ такъ дешево и такъ небрежно обращающійся со всѣми обязанностями жизни, образъ угасшей русской Государыни является многозначающимъ: принимая поклоненіе Себѣ, какъ Царица, Она Сама

повлонялась каждой обязанности человека и христианина, но ни разу не повлонила неправдѣ, въ какомъ-бы видѣ она ни являлась....

Жизнь Ея, т. е. быть Ея, какъ супруги, какъ матери и какъ Царицы дышалъ простотою и естественностью. Каждый, кто получалъ честь предстать передъ Царицею, входилъ въ какую-то атмосферу ума и сердца безъ малѣйшей натяжки, гдѣ чувствовалось легко и гдѣ правдивое слово, какъ будто, вырывалось само собою. Этотъ умный, внимательный, душевный и глубоко кроткій взглядъ Царицы ставилъ представшаго передъ Нею, какъ будто передъ Ея душою. Ощущеніе присущаго величества чувствовалось только въ побужденіи быть правдивымъ....

Уваженіе „долга“ было въ преставившейся Государынѣ высочайшею чертою Ея прекрасной личности; оно—святѣйшее и прекраснѣйшее наслѣдство, оставленное Ею всему русскому народу, каждому подданному Государя, каждому слугѣ Государя и государства, каждой женѣ своего мужа, каждому главѣ семейства. Быть Государынею русскою—значитъ быть на стражѣ многихъ великихъ преданій, многихъ великихъ принциповъ жизни, многихъ великихъ завѣтовъ русскаго народа—у него столь строгихъ обязанностей; и вотъ эту-то задачу Царица исполнила, отдавъ себя такъ-же всецѣло и такъ-же свято долгу, какъ исполняетъ долгъ герой-солдатъ. Она бодрствовала неустанно на своемъ высокомъ и святомъ мѣстѣ. И долгъ этотъ Ей являлся во всѣхъ видахъ и во всѣхъ размѣрахъ. Крестьянинъ, во время войны, изъ самаго темнаго и удаленнаго уголка Россіи, посылаетъ Царицѣ-Матушѣ свое приношеніе при письмѣ въ собственныя Ея руки. Государыня, принявъ посылку и прочитавъ письмо, строго исполняетъ просьбу обратившагося къ Ней крестьянина, и, сверхъ того, поставляетъ Себѣ долгомъ подумать объ отвѣтѣ крестьянину, чтобы его успокоить и порадовать его...

Да почиетъ надъ Ея именемъ вѣчная и любовью полная память въ церкви и въ народѣ, — Она-же любила ихъ, такъ глубоко и такъ безпредѣльно! („Берегъ“ 1880 г. № 65).

— Всякій истинно русскій человекъ, прочитавшій прискорбное извѣстіе, конечно, сотворилъ крестное знаменіе и отъ искренняго сердца произнесъ: „помяни Ее, Господи, во Царствіи Твоемъ“. Усопшая Императрица, которую тяжелая болѣзнь мед-

ленно, шагъ за шагомъ, сводила къ могилѣ, была одна изъ тѣхъ дивно-скромныхъ особъ, которыя и на высотѣ престола, и въ скромной долѣ обыкновеннаго смертнаго, одинаково относятся къ жизни, хорошо сознавая тщетность и ничтожество всякаго земнаго величія. („Русская Рѣчь“ іюнь 1880 г.).

— Жизнь усопшей Государыни прошла свѣтлой, неумеряющей полосой по сорокалѣтнему періоду, пережитому Россіей. Всецѣло посвященная на служеніе нашему отечеству — эта жизнь полна назиданіемъ. Съ глубокой признательностью будутъ обращаться русскіе люди къ памяти покойной Императрицы за все то добро, которое она оставляетъ имъ, какъ лучшей о себѣ памятникъ. („Русскія Вѣдомости“ 23 мая 1880 г. № 132).

— Да хранится вѣчно благодарная память о Той, которая при жизни въ своемъ высочомъ положеніи не знала для себя лучшей радости, какъ осушать слезы больныхъ и сирыхъ, поддерживать своимъ поощреніемъ трудящихся и показывать всѣмъ намъ высокій и достойный подражанія примѣръ любви къ дѣтямъ и теплою заботливости о ихъ воспитаніи! („Женское образованіе“ №№ IV и V, апрѣль и май, 1880 г.).

— Въ осиротѣлой, покинутой Ею Россіи вѣчно будетъ жить кроткій, идеальный образъ Царственной женщины-христіанки, окруженный свѣтлымъ ореоломъ народной любви и признательности. („Кіевлянинъ“ 24 мая 1880 г. № 117).

— Съ искреннѣйшею увѣренностію можемъ повторить мы святія слова нашего Божественнаго учителя: „Блаженни чистиі сердцемъ яко тии Бога узрятъ!“ (Отъ Матѳея гл. 5. ст. 8) („Правда“ 1880 г. № 134).

Къ голосу отечественныхъ газетъ и журналовъ присоединили свои скорбныя вопли наши чужестранные единовѣрцы—славяне. Изъ таковыхъ, особенно глубокимъ, нѣжнымъ чувствомъ проникнута статья „Гласъ Черногорца“, переложеніе которой было напечатано въ журналъ „Вѣстникъ народной помощи“ (1880 г. № 24). Перечисливъ благодѣянія Августѣйшей усопшей, столь щедро и въ теченіе многихъ лѣтъ излитыя на Россію и на ея единовѣрцевъ западной Европы, Черногорецъ заключаетъ словами:

— „Проникнутая этими воспоминаніями, облеченная въ трауръ и печаль, Черногорія, весь народъ нашъ съ своимъ растроганнымъ державнымъ княземъ во главѣ, сегодня проливаетъ слезы надъ гробомъ Царицы; заочно смиренно цѣлуетъ Ея охладѣвшую руку, послужившую столькимъ добрымъ дѣламъ, посылаетъ на Ея могилу свѣжій вѣнокъ и горсть черногорской земли; и вмѣсто послѣдняго прощанія изъ стѣсненной до боли груди возносить свой вздохъ:

„Тихо покойся въ вѣчномъ мірѣ, добрая душа—великая Царица! Добрыя дѣла твои уготовали для тебя мѣсто въ раю, а между нами оставили вѣчную память“.

Наша народная скорбь нашла отголосокъ даже въ большинствѣ иностранныхъ газетъ. Воздавая должную дань благоговѣнія къ памяти нашей незабвенной Государыни, онѣ вмѣнили ей въ важную заслугу—совершенное невмѣшательство въ дѣла внѣшней политики. Поняли иноземцы, что супруга Русскаго Царя—не соправительница его, а только спутница жизни, утѣшительница въ минуты скорби, причастница Его славы. Во французской *Illustration* (№ 1946, le juin 1880) мы нашли въ некрологѣ Государыни слѣдующую драгоцѣнную характеристическую черту:

— Когда скончался великій князь (цесаревичъ) Николай, горячо и нѣжно Ею любимый, Императрица рѣшилась во всю жизнь не покидать траура. Когда-же въ 1866 году Каракозовъ совершилъ на особу Императора гнусное свое покушеніе, не имѣвшее къ счастью никакихъ вредныхъ послѣдствій, Государыня вдругъ отказалась отъ ношенія траура, говоря: „я всегда думала до сихъ поръ, что смерть возлюбленнаго сына моего Николая была величайшимъ несчастіемъ, какое только могло меня постигнуть. Вижу теперъ, что мнѣ угрожало несчастіе гораздо большее что есть бытіе для меня еще драгоцѣннѣйшее: бытіе моего мужа, императора!“

Возвращаясь къ нашей отечественной печати, замѣтимъ, что кромѣ некрологовъ, біографическихъ очерковъ и вообще статей, посвященныхъ памяти Императрицы, въ нѣкоторыхъ газетахъ были напечатаны „надгробныя слова“, произнесенныя лицами

духовнаго званія и стихотворенія, въ которыхъ искренность и теплота чувства искупали недостатки версификаціи. Не приводя этихъ стихотвореній, мы заключимъ нашъ очеркъ двумя строками изъ произведенія поэта, который по волѣ Провидѣнія былъ особенно близокъ царскому дому: привѣтствовалъ рожденіе въ Бозѣ почившаго Государя, имѣлъ счастье быть Воспитателемъ Его, Царя-Освободителя, и до самаго дня бракосочетанія Государя Александра Николаевича не разлучался съ нимъ. Читатель, конечно, знаетъ, что мы говоримъ о Жуковскомъ.. За пятьдесятъ два года (въ 1828) до кончины Государыни Маріи Александровны, Россія оплакивала вдовствующую императрицу Марію Θεодоровну. Тогда Жуковскій переложилъ вопли народной скорби въ благозвучныя, искренностью проникнутыя строфы; изъ нихъ то всего скорѣе можно примѣнить два заключительные стиха къ памяти Императрицы Маріи Александровны... мысленно начертать ихъ на Ея гробницѣ:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя, за жизнь Твою межъ нами!

Портреты въ Бозѣ почившей Государыни Маріи Александровны хорошо извѣстны всей Россіи. Е. И. В. Великій князь Сергій Александровичъ — въ августѣ 1880 г. — благосклонно сообщилъ намъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ по поразительному сходству, фотографическихъ портретовъ Императрицы Маріи Александровны изъ послѣдняго періода Ея жизни. Но именно въ виду общезвѣстности портретовъ Государыни, мы предпочли воспроизвести черты Ея глубокосимпатичнаго лика того періода въ Ея жизни, когда Россія впервые увидѣла въ своихъ предѣлахъ будущую свою Императрицу,—портретъ именно изъ того періода, когда эта кроткая, прелестная своею душевною красотою женщина сочеталась бракомъ съ Наслѣдникомъ Верховнаго Вождя Русскаго государства

Мы вполне увѣрены, что каждый изъ читателей „Русской Старины“ съ сочувствіемъ и признательностью приметъ, приложенный при настоящей книгѣ нашего изданія художественно вы-

полненный портретъ Маріи Александровны — относящійся въ достопамятнѣйшему году въ Ея жизни, именно въ 1841 г.—году бракосочетанія Ея съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Ред.

Май 1881 г.

Дейбнеръ

1826 г.

Въ весьма интересныхъ „Запискахъ А. П. Бѣльева“, помѣщенныхъ въ январской книгѣ уважаемаго изданія „Русская Старина“, вкратцѣ слѣдующая описка или ошибка:

Въ главѣ IX, на стран. 18-й, читаемъ: „на станціи, въ освѣщенной и теплой комнатѣ, мы увидѣли нашего товарища, мичмана Дейера, очень красиваго и милаго юношу, который на слѣдующее лѣто былъ назначенъ въ дальнее плаваніе, гдѣ и окончилъ свою молодую жизнь, убитый въ Японіи...“

Авторъ Записокъ говоритъ здѣсь, очевидно, о мичманѣ Дейбнерѣ, который дѣйствительно погибъ во время дальняго плаванія, хотя и не въ Японіи. Отправленный въ 1825 году, вокругъ свѣта, на военномъ транспортѣ „Броткій“ (подъ командою извѣстнаго мореплавателя, барона Ф. П. Врангеля), мичманъ Дейбнеръ подвергся мученической смерти. 16 апрѣля 1826 года, во время стоянки транспорта въ одномъ изъ заливовъ острова Нувагиава (Маркизовой группы), этотъ несчастный офицеръ былъ схваченъ и съдѣнъ дикими, которые намѣревались овладѣть и самымъ транспортомъ, но были своевременно отбиты картечью. Участь Дейбнера раздѣлили и сопровождавшіе его два матроса. Въ Японіи же, изъ русскихъ морскихъ офицеровъ, былъ убитъ одинъ только мичманъ Мофетъ, лишившійся жизни 13 августа 1859 года. Но не его, конечно, разумѣлъ А. П. Бѣлевъ въ своихъ Запискахъ.

31 марта, 1881.

Графъ Г. Ниродъ,
флота капитанъ-ле йтенантъ.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНАГО КРЕСТЬЯНИНА Н. Н. ШИПОВА.

1802—1862.

Печатаю на страницахъ «Русской Старины» Исторію моею жизни, я надѣюсь, что встрѣчу искреннее сочувствіе у всякаго человѣка, кому только на пути его жизни досталось испытать какія либо превратности и тревоженія. Въ продолженіе моею многострадальной и скитальческой жизни я претерпѣлъ много несчастій, но всегда переносилъ ихъ благодушно и хладнокровно,—никогда не терялъ присутствія духа, даже въ самыхъ тяжелыхъ и горестныхъ обстоятельствахъ. Событія моею жизни, отъ самаго младенчества, я передаю въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ сохранила ихъ моя память. Отдавая на судъ читателямъ повѣсть о моихъ похожденияхъ, я всецѣло вѣрюю ихъ благосклонной снисходительности.

Николай Шиповъ.

1802—1813 гг.

Родился я въ 1802 г., въ слободѣ Выѣздной, близъ города Арзамаса*), Нижегородской губерніи. Отецъ мой былъ помѣщичій крестьянинъ; имѣлъ хорошее состояніе; занимался торговлею скотомъ, для чего ежегодно ѣздилъ въ Сибирскую и Оренбургскую губерніи за баранами. Онъ былъ человѣкъ грамотный, начитанный; пользовался почетомъ и уваженіемъ.

На шестомъ году отъ рожденія меня отдали въ ученіе грамотѣ мѣстному священнику. Какъ могу теперь припомнить, бабушка повела меня въ церковь; отслужили молебень пророку Науму. Такъ обыкновенно дѣлалось въ старину. Читать я выучился скоро, и въ какой нибудь годъ или два «мы прошли» уже псалтирь; но письмо мнѣ не давалось: какъ ни бился, я все-таки писалъ стариннымъ почеркомъ, сходственно съ родительскимъ.

Такъ прошло года четыре. Наступилъ достопамятный 1812-й годъ. Тутъ пошли разные толки о войнѣ, а въ іюль мѣсяцъ распространилась молва, что французы идутъ въ Москву. Хотя и при глупомъ, дѣтскомъ разумѣніи, но я понималъ, что намъ грозитъ какая-то бѣда. Въ послѣднихъ

---

*) Арзамасъ—слово мордовское и означаетъ: „красная тѣвшка“. Н. Ш.

числахъ августа тронулась наша матушка-бѣлокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ѣхали жители изъ Москвы. Въ сентябрѣ мѣсяцъ дошла до нашей слободы вѣсть, что Москва занята французами. Народъ упалъ духомъ; торговля прекратилась, а въ томъ числѣ и моего отца. Наступили большіе холода. Приходило много войска; солдаты разиѣщались по избамъ жителей, человѣкъ по 20-ти и болѣе въ каждой, отчего происходила тѣснота ужасная. Гнали плѣнныхъ французовъ, которые были въ странныхъ смѣшныхъ костюмахъ: смѣсь русской одежды съ французской, и при томъ въ изорванномъ, очень неприглядномъ видѣ. Мы, дѣти, не мало смѣялись надъ такимъ потѣшнымъ одѣяніемъ несчастныхъ галловъ. За плѣнными французами шли обозы раненыхъ; везли полуживыхъ, даже мертвыхъ, которыхъ хоронили человѣкъ по 50-ти вмѣстѣ.—Зима была ужасно холодная; морозы стояли жестокіе. Я очень хорошо помню, что когда мы съ товарищами дѣлали снѣговую гору, то трудно было поливать ее водой — тотчасъ замерзала; бывало бросишь изъ ковша вверхъ воду; она падаетъ въ видѣ града. Поневогѣ приходилось сидѣть въ избѣ, а здѣсь были солдаты съ плѣнными французами.—Скажу о своемъ домѣ: онъ былъ о двухъ жильяхъ съ пристроенною съ боку маленькою горенкою. Весь домъ занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее изъ 4-хъ душъ—отца, матери, меня и 15-ти-лѣтней сестры моей,—тѣснилось въ горенкѣ. О какихъ либо удобствахъ, разумѣется, тутъ не могло быть и рѣчи; особенно доставалось бѣдной моей сестрѣ. Дѣло въ томъ, что тогда существовалъ въ крестьянскомъ быту старинный обычай, сходный съ татарскимъ: дѣвушка на возрастѣ, особенно невѣста, не могла въ родительскомъ домѣ видѣть лицо къ лицу чужаго мужчину, а была обязана, какъ скоро завидитъ гостя, идущаго къ нимъ во дворъ, или закрыться платкомъ и выбѣжать въ другую избу или къ сосѣду, или же, въ случаѣ невозможности бѣжать, скрыться подъ кровать, или даже запрягаться подъ перину. Моего отца посѣщали разныя лица, и сестра каждый разъ убѣгала къ сосѣду, у котораго не было постоя, потому что онъ былъ въ ратникахъ,—простудилась, получила чахотку и скоро умерла. — Впрочемъ, и безъ того въ слободѣ за это время смертность была большая; умирали отъ 5 до 10 человѣкъ въ день. Да, тяжелое было тогда житье для насъ, а въ другихъ мѣстахъ и того хуже.

Но вотъ прошла жестокая зима; наступилъ май мѣсяцъ 1813 г. Въ слободѣ стало тихо,—войска не было; только вновь сформированные ратники проходили. Отецъ мой началъ производить прежнюю торговлю. Онъ отправился въ степи Симбирской и Оренбургской губерній для покупки скота. Взялъ и меня съ собою. Это была моя первая поѣздка въ степи нашихъ сѣверо-восточныхъ губерній. Потомъ онъ часто возилъ меня въ Оренбургскій край, приучая мало по малу къ производимому имъ промыслу. Считаю, по этому случаю, не лишнимъ рассказать здѣсь мною слышанное, видѣнное и испытанное.

1814—1819 гг.

Поѣздки наши въ уральскія степи производились въ разное время года, но обыкновенно мы отправлялись изъ дому въ мартѣ мѣсяцѣ, или въ первыхъ числахъ апрѣля. Это для того, чтобы заблаговременно купить скотъ, и потомъ удобнѣе было гнать его лѣтомъ.—Почти отъ города Симбирска, по ту сторону Волги, начинались степи и тянулись до города Уральска и далѣе, а отсюда—къ Каспійскому морю. Степи обширныя, раздольныя. По нимъ протекаютъ небольшія рѣчки, изобилующія всякаго рода рыбой. Разной дичи пернатой водилось здѣсь весьма довольно, и мы съ отцемъ никогда не пропускали случая поохотиться. Къ сѣверу, по отросямъ Уральскихъ горъ было множество дикихъ козъ; но охота на нихъ трудна и небезопасна.—Въ степяхъ, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, находились небольшія селенія уральскихъ казаковъ; по р. Уралу, на такъ называемой «линіи», построены были казачьи форпосты, въ родѣ маленькихъ земляныхъ вѣрпостей, для защиты отъ набѣговъ немирныхъ киргизовъ. (Эти киргизы причиняли не мало вреда: угоняли скотъ, иногда и людей, которыхъ обыкновенно продавали въ Хиву). Казаки занимались преимущественно скотоводствомъ и рыбною ловлею; сѣяли дыни, арбузы и разныя овощи, но въ незначительномъ количествѣ. Они были грубы, однако довольно гостепріимны; русскаго православнаго вѣрпко не долюбивали, съ ними вѣстѣ изъ одной посуды не ѣли, а всегда давали особую; впрочемъ вино и водку пили изъ одной рюмки. Казачки—добры, милостивы и богомольны. На огромномъ пространствѣ отъ Уральска до Юрьева Городка всѣ жители отъ мала до велика говорили по киргизски; это происходило отъ близкаго сосѣдства и частыхъ сношеній съ киргизами.

Городъ Уральскъ стоитъ на рѣкѣ Уралѣ и притокѣ его Чаганѣ. Въ то время онъ былъ необширенъ, съ тремя храмами и одной старообрядческой часовней; населяли его преимущественно казаки и находился онъ подъ управленіемъ войсковаго атамана. Уралъ—рѣка быстрая, многоводная и обильная рыбою, которой здѣсь, близъ Уральска, бывало особенно много. Объяснить это можно такимъ образомъ: весной, во время разлива Урала, рыба, большими партіями, шла съ низовьевъ рѣки, отъ Каспійскаго моря, вверхъ по теченію. Къ этому времени, по издавна заведенному обычаю, казаки забивали, близъ города, поперегъ рѣки, большія бревна на подобіе свай; эти бревна тѣсно приходились одно къ другому и такимъ образомъ представляли родъ прочнаго забора (по мѣстному названію «учугъ»). При такой преградѣ рыба ужъ не могла идти далѣе вверхъ по рѣкѣ, развѣ разливъ рѣки былъ необыкновенно великъ. Прибавлю къ сему, что когда происходила постройка описаннаго забора, то собирались всѣ городскіе казаки, присутствовалъ самъ

атаманъ и войсковые чиновники. По окончаніи постройки бывала закуска, такъ что день этотъ почитался веселымъ, праздничнымъ.—Рыба въ Уральскѣ была очень дешева, напримѣръ, въ 1817 г. осетрина стояла 15 и 12 к. асс. за фунтъ; свѣжая икра—25 и 30 коп.

Теперь скажу о покупкѣ скота и о пригонѣ его къ мѣсту назначенія—въ слободу Выѣздную. Скотъ мы покупали обыкновенно у разныхъ лицъ: у казаковъ, у кочующихъ киргизовъ и у русскихъ купцовъ, занимающихся, подобно намъ, этимъ промысломъ. Въ Оренбургѣ или чаще въ Уральскѣ покупали лошадей, повозки и провизію; нанимали человекъ 18—20 работниковъ изъ крестьянъ Нижегородской или Симбирской губерній, приходящихъ сюда весною на заработки,—и отирались въ степи. Скотъ покупался въ различныхъ мѣстахъ, на дальномъ между собою разстояніи, не большими сравнительно партіями или гуртами, которые рабочими и стогнялись къ опредѣленному мѣсту въ степи.

Цѣны на скотъ существовали неодинаковыя. Отецъ мнѣ говорилъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія баранъ стоялъ 1 руб. 70 коп. асс., а вскорѣ послѣ 1812 г. платили уже по 3 руб. 50 коп. асс. за штуку, и даже по 5 руб. Случалось и такъ, что въ одинъ годъ скотъ покупали дороже, а въ другой дешевле. Это происходило отъ многихъ причинъ; бывало, какъ найдеть въ степи много русскихъ купцовъ,—ну, и набьются цѣны. Если стояла слишкомъ суровая зима, то скотъ непременно дорожалъ, такъ какъ его много погибало отъ морозовъ. Но главное, при покупкѣ скота обращалось вниманіе на то: такъ называемый за-уральскій это скотъ, или буневскій; первый былъ мельче, особенно бараны,—а послѣдній крупнѣе и жирнѣе. Поэтому, мы покупали въ разные года неодинаковое количество скота,—обыкновенно нѣсколько тысячъ головъ, приблизительно пять, восемь, десять тысячъ и болѣе.

Купленные въ разныхъ мѣстахъ гурты барановъ стогнялись, главнымъ образомъ, къ Общему Сырту,—на рѣчки Чуганъ, Деркулъ и Ембулатовку; это съ форпоста Сорочинка. ¹⁾ Тутъ за прогонъ скота по степи никому ничего не платили. Зато нерѣдки бывали случаи, когда казаки или башкиры нападали на приказчиковъ и рабочихъ при гуртахъ, били ихъ нагайками и силою вымогали дань за то будто бы, что при прогонѣ скота испорчены луга, которыхъ казаки никогда не косили. Если рабочіе останавливали стада для пастбы по хребтамъ горъ, то казаки и башкиры на то не сѣтовали. Одному приказчику давалось обыкновенно два гурта, каждый по 900 бара-

¹⁾ На этомъ мѣстѣ существовалъ нѣкогда хивинскій городокъ, развалины котораго видны и понынѣ. Здѣсь отыскиваютъ хивинскія монеты и разныя другія древнія вещи. Говорятъ, городокъ тотъ разоренъ былъ разбойниками Нечаева.

новъ,—и при нихъ 6 человекъ рабочихъ: два передовыхъ или гуртоправовъ и четверо, такъ называемыхъ, заднихъ; былъ еще кашеваръ. Давалось имъ три повозки съ тремя упряжными лошадьми для влады и провизии, да сверхъ того 4-я лошадь—верховая. Бывало, раннимъ утромъ, когда солнце только что обогрѣетъ степи, барановъ поднимаютъ и погоняютъ со стану. Гуртовой, идя впереди барановъ, поменьку начинаетъ разгонять ихъ, чтобы они шли рѣже, не скучиваясь; задніе рабочіе подгоняютъ отстававшихъ отъ гурта, но дѣлаютъ это осторожно, съ извѣстной сноровкой, чтобы не испугать весь гуртъ, который расходится иногда, особенно по хорошей травѣ, въ ширину болѣе полверсты. При этомъ гуртоправъ старался приучать барановъ идти рядами, стройно, въ порядкѣ. Опытные гуртоправы весьма скоро достигали того, что бараны слушались ихъ, какъ солдаты своихъ командировъ. Въ теченіи дня нѣсколько разъ давался скоту отдыхъ. Въ это время гуртоправъ быстро осматривалъ барановъ, отыскивая, нѣтъ ли между ними больныхъ; если таковой находился, его тотчасъ отдѣляли отъ гурта, чтобы другіе не заразились, и лечили. Пастбища выбирались, понятно, съ хорошей, сочной травой. Вообще, въ продолженіе всего пути приказчикъ, гуртоправъ и рабочіе заботились всѣми мѣрами о хорошемъ продовольствіи скота, чтобы бараны были жирные, шерсть на нихъ чистая и мягкая. Вечеромъ, съ закатомъ солнца, гурты останавливались на ночлегъ; для этого мѣсто избиралось такое, чтобы и пастбище было тучное, и водою обильный. Въ этихъ именно видахъ заблаговременно занимались нѣкоторыя степи, съ платою по уговору. Такъ шло дѣло до города Бугуруслана, куда приходили гурты никакъ не позднее второй половины іюля мѣсяца. Здѣсь стригли съ барановъ шерсть и отправляли ее въ Выѣздную слободу. Отъ Бугуруслана гурты прогонялись или на Симбирскъ, или къ Бугульмѣ и Казани. Здѣсь также случалось не безъ препятствій и задержекъ отъ чувашъ и калмыковъ. Чуваша народъ зловредный. Зная, что въ извѣстное время, по ихъ дачамъ и лѣсамъ прогоняются гурты барановъ, они вырываютъ въ лѣсу ямы и ставятъ въ нихъ петли; проходящій скотъ падаетъ въ эти ямы и такимъ образомъ дѣлается добычею чувашъ. Если же такая уловка имъ почему либо не удавалась, то они прибѣгали къ другому средству. Со мною былъ такой случай. Прогнали мы свои гурты близъ одной чувашской деревни (Имуткиной), по проселочному пути, минуя чувашскія степи верстъ 5. Желая воспользоуаться отъ насъ за проходъ какой нибудь добычей, чуваша, болѣе ста человекъ, догнали насъ и остановили, говоря, что скотъ нашъ потопталъ ихъ луга. Я понялъ, что, при сопротивленіи, могутъ быть для насъ худыя послѣдствія и поэтому, приказавъ своимъ приказчикамъ гнать гурты далѣе—на дачу Обошную, самъ поѣхалъ съ чувашами въ ихъ деревню, на отличной верховой лошади. Дорогою, какъ ни зорко наблюдали за мною чуваша; какъ ни стерегли, но я перехитрилъ ихъ и прискакалъ на

моемъ рѣзвомъ конѣ къ своимъ гуртамъ, которые я догналъ близъ Шалашниковой степи, у мельницы, на рѣчкѣ Сохѣ.—Отсюда шли мы на Сергѣевское, Ормянку, Хилково, Тростянку, Хорошеньку, Клыянку, на Новый Буянь и Узукво. Далѣе пролегалъ, версть на 50, калмыцкія степи, которыя примыкали къ Волгѣ, и я почелъ за нужное спросить позволенія у калмыцкаго начальника, проживающаго въ Ягодномъ улусѣ, пройти по этимъ степямъ. Послалъ къ нему съ этою цѣлю одного изъ приказчиковъ; чрезъ нѣсколько времени явился ко мнѣ самъ начальникъ, изъ калмыковъ, съ двумя драбантами. Я его почтительно принялъ, достоюжно угостилъ и на дорогу снабдилъ бараниной; за это онъ позволилъ мнѣ свободно прогонять гурты по степи и безпрепятственно пользоваться пастбищемъ. Придя къ Волгѣ, я договорилъ климовскихъ крестьянъ перевезти на другой берегъ барановъ, по 5 коп. за штуку. Переправа эта очень хлопотлива. Отсюда мы погналы гурты обыкновеннымъ путемъ—на Буинскъ, Курмышъ и домой, въ слободу, куда скотъ обыкновенно приходилъ около 20-го сентября, или къ половинѣ октября мѣсяца, и тутъ же, немедленно принимались его рѣзать въ особо устроенныхъ при домѣ бойняхъ и салотопняхъ.

Бромъ указанныхъ мною неудобствъ, встрѣчающихся при прогонѣ скота, приходилось еще вѣдаться съ разбойниками, которые властвовали въ тѣхъ мѣстахъ поистинѣ безпрепятственно. Напримѣръ, по эту сторону Волги, близъ села Собакина (Симбирской губерніи), грабилъ и разбойничалъ отставной солдатъ Безрукій съ своими удалыми товарищами. Въ 1816-мъ году, отецъ отправилъ домой нашего приказчика Баранина, вѣрнаго и надежнаго человѣка, съ двумя гуртами и 7-ю рабочими. Гурты остановились на ночлегъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Собакина, близъ лѣса. Рано утромъ выѣзжаетъ изъ лѣсу этотъ Безрукій съ своими молодцами и требуетъ отъ Баранина денегъ. Рабочіе оробѣли, приказчикъ на колѣняхъ передъ разбойникомъ говорилъ, что у него нѣтъ денегъ болѣе 10-ти руб. Получивъ десятка два ударовъ нагайкой, Баранинъ отдалъ всѣ имѣющіяся при немъ деньги и лучшую лошадь. Разбойники удалились въ лѣсъ, а вѣрный приказчикъ, приказавъ рабочимъ гнать гурты далѣе, самъ тотчасъ-же отправился верхомъ въ село Собакино и заявилъ о случившемся съ нимъ происшествіи сельскимъ властямъ. И что же услышалъ? «Эхъ, любезный,—сказали ему,—эти разбойники ограбили не тебя одного, а многихъ лицъ, и не настолько. Мы тебѣ не можемъ оказать никакой помощи: вѣдь они теперь, можетъ быть, гуляютъ ужъ по пензенской столбовой дорогѣ. Ступай себѣ съ Богомъ». Такъ Баранинъ и ушелъ.

На той сторонѣ Волги, по Общему Сырту, гдѣ пролегаютъ дороги въ Оренбургъ и Уральскъ, разбойничалъ борской казакъ Иванъ Григорьевъ Мельниковъ, съ товарищами. Этотъ разбойникъ былъ страшенъ для всѣхъ проѣзжающихъ; о немъ и его подвигахъ ходили въ народѣ разные

разказы, въ которыхъ былъ перемѣшивалась съ небылицею. Напримѣръ, говорили, что онъ нѣмалъ заговоръ отъ ружья, т. е. что его нельзя было ни убить, ни ранить пулей. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ земская полиція не могла поймать его; а если это случалось и Мельникова сажали въ острогъ, то онъ уходилъ отсюда, какъ бы ни была бдительна стража и крѣпкіе запоры. Мельниковъ никого не убивалъ, развѣ только въ какомъ нибудь рѣдомъ и исключительномъ случаѣ; любилъ послушаніе и покорность; ослушниковъ же его приказаній и требованій строго наказывалъ нагайкой и бралъ больше дани. Однажды, крестьяне нашей слободы, въ количествѣ болѣе 20-ти человѣкъ, на десяти повозкахъ, отправились въ Оренбургъ за баранами. Подъѣзжая къ Общему Сырту, они условились между собою, что, въ случаѣ нападенія, разбойникамъ не поддаваться. Черезъ нѣсколько времени крестьяне замѣтили шибко ѣдущихъ имъ навстрѣчу вооруженныхъ людей: то былъ атаманъ Мельниковъ съ своими товарищами. Поравнявшись съ обозомъ, атаманъ закричалъ передовому крестьянину: «остановись»; но тотъ не послушался и продолжалъ ѣхать. Тогда атаманъ приказалъ одному изъ своихъ товарищей бить непослушнаго по спинѣ нагайкой. Крестьяне перепугались, забыли о своемъ уговорѣ—не поддаваться разбойникамъ. Послѣ того Мельниковъ приказалъ подать для себя кошму; когда разослали ее, онъ сѣлъ.—Крестьяне же, молча, стали передъ нимъ; ихъ окружили разбойники. Атаманъ обратился къ перепуганнымъ крестьянамъ съ такою рѣчью: «я знаю, вы ѣдете въ Оренбургъ за покупкой скота и у каждаго изъ васъ есть деньги; я могъ бы васъ совсѣмъ обобрать. Но такъ какъ вы оказали мнѣ послушаніе, то я беру только по 5 рублей асс. съ повозки. Когда будете ѣхать обратно, я съ васъ не спрошу тогда ничего, развѣ дадите бараннины на кишицу». Одинъ изъ крестьянъ тотчасъ же вынулъ свой бумажникъ и отдалъ атаману деньги.—«Какъ тебя зовутъ?» спросилъ Мельниковъ.—«Иванъ Григорьевъ М и н е в ѣ»,—отвѣчалъ тотъ.—«Ты, братецъ, мнѣ теска», сказалъ разбойникъ. Сними съ себя крестъ и дай мнѣ, а мой возьми себѣ,—и мы будемъ крестовые братья». Помѣнялись крестами. Послѣ этого, Мельниковъ, возвращая деньги Миневу, сказалъ: «возьми, братъ, свои деньги назадъ: мы съ тобой породнились. А вы, ребята, раскошеляйтесь». Получивъ со всѣхъ деньги, атаманъ потребовалъ вина и закуски,—велѣлъ пить всѣмъ. Заплативъ за угощеніе 2 рубля, Мельниковъ уѣхалъ. Крестьяне были очень довольны, что такъ дешево отдѣлались.

Миневъ рассказывалъ, что послѣ того, прогоняя гурты изъ Оренбурга, онъ встрѣчался съ Мельниковымъ, который никогда денегъ съ него не бралъ; вмѣстѣ угощались и бражничали, а однажды Мельниковъ, пригласивъ Минева къ себѣ въ станъ, подарилъ ему лошадь и 25 рублей мѣдными деньгами.

Прибощу къ сему, что Мельниковъ былъ пойманъ исправникомъ верстѣ

за 50 отъ города Самары, куда повезли его заключеннаго по рукамъ и ногамъ въ деревянные колодки. На шею также надѣли колодку, которая въ дорогѣ и задушила его. Такъ память о немъ погибла съ шумомъ!

Производя торговлю скотомъ, мой отецъ торговалъ также саломъ, шѣхами, кожами и вообще пушнымъ товаромъ. Этотъ товаръ продавали мы въ разныхъ городахъ, но главнымъ образомъ въ Ростовѣ на Макарьевской ярмаркѣ и въ Москвѣ. Моя первая поѣздка по этимъ торговымъ дѣламъ была въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1816 года, когда отецъ отправилъ меня съ однимъ изъ старшихъ и опытныхъ нашихъ привазчиковъ. Передъ отъѣздомъ, отецъ и бабучка (въ это время мать моя была уже умершею) приказали списать мнѣ изъ псалтири псаломъ: «Живыи въ помощи Вышняго», выучить его наизусть и каждый день читать. Мнѣ внушили, что при чтеніи этого псалма можно миновать нападенія разбойниковъ въ всякаго лихаго человѣка. Бѣжали мы на города Муромъ и Суздаль, гдѣ ходили чуть ли не по всѣмъ церквамъ и прикладывались къ св. мощамъ. Въ Ростовѣ, распродавъ весьма выгодно товаръ, мы пошли помолиться великому русскому чудотворцу—Дмитрію Ростовскому, и попросили отслужить святителю молебень. Потомъ, всходили на колокольню, и слушали звонъ по нотамъ. Скоро мы оставили Ростовъ и отправились въ первопрестольный славный градъ Москву.

Какъ я ни былъ малъ и несвѣдущъ, но, уже за три года передъ снѣмъ, довольно слышался о матушѣ-бѣлокаменной. Двѣнадцатый годъ крѣпко запечатлѣлся въ моей памяти. По пріѣздѣ въ Москву, я купилъ, по совѣту привазчика, новомодный картузъ и красивый шелковый кушакъ. Пошли осматривать Москву и ея достопримѣчательности. Здѣсь все меня поражало и удивляло: длинныя, извилистыя улицы, наполненныя идущими и ѣдущими народомъ; большіе высокіе дома, изъ которыхъ нѣны были обгорѣлыя, неостроенныя—печальный слѣдъ пребыванія въ Москвѣ французовъ; множество церквей; златоглавыи кремль съ его соборами, дворцами и палатами; высочайшая ивановская колокольня, при которой лежалъ огромный колоколъ. Въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ меня очень удивляли печи, въ которыхъ французы пекли для себя хлѣбъ. Такъ какъ мы пробыли въ Москвѣ около трехъ недѣль, то я довольно хорошо познакомился съ нею. Рассаживая по городу, я былъ очень доволенъ и думалъ: «вотъ и я побывалъ въ Москвѣ; все видѣлъ и о всемъ расскажу, какъ пріѣду домой». Дѣйствительно, рассказамъ не было конца.

Въ маѣ мѣсяцѣ этого года мой отецъ неожиданно женился во второй разъ; взявъ нашу сосѣдку, дѣвушку лѣтъ 14, съ которою до сего времени я занимался дѣтскими играми. Послѣ свадьбы отецъ приказалъ мнѣ, чтобы я не называлъ его молодой жены матерью. Такъ и было.

1820—1823 гг.

Черезъ четыре года послѣ женитьбы отца, когда мнѣ минуло 18 лѣтъ, отецъ задумалъ и меня женить. Изъ арзамасскихъ купцовъ каждый охотно отдалъ бы за меня свою дочь съ большимъ приданымъ и деньгами; но помѣщикъ позволялъ намъ жениться только на крѣпостныхъ. У насъ, въ слободѣ, было три невѣсты, дочери зажиточныхъ крестьянъ. По заведенному обычаю, отецъ мой созвалъ на семейный совѣтъ близкихъ родственниковъ; призвали меня и спросили: «которую невѣсту сватать?» Я отвѣчалъ, что какъ ни одной изъ нихъ не знаю, то и сказать ничего не могу. Рѣшили сватать дочь довольно богатаго крестьянина Ланина. 2-го ноября, по утру, дядя мой, купецъ Феоктистовъ, отправленъ былъ въ домъ Ланина для переговоровъ. Выслушавъ предложеніе Феоктистова, Ланинъ сказалъ, что онъ теперь не можетъ дать никакого положительнаго отвѣта, потому что предварительно долженъ сходить въ церковь и отслужить молебенъ,—потомъ созвать всѣхъ родственниковъ на совѣтъ, и просилъ Феоктистова пожаловать черезъ день, вечеромъ. Дядя передалъ это нашему собранію; рѣшили ждать. На совѣтъ у Ланина, какъ мнѣ потомъ рассказали, происходило слѣдующее: нѣкоторые изъ родственниковъ были противъ того, чтобы выдать за меня дочь Ланина; порочили мое поведеніе и указывали на то, что у меня молодая мачиха, съ которою женѣ моей худо будетъ жить. Большая же часть Ланиной родни была того мнѣнія, что дочь Ланина выдать за меня слѣдуетъ, потому что домъ нашъ богатый, одинъ изъ первыхъ въ слободѣ. 4-го ноября родственники наши снова собрались у насъ въ домъ и того же дядю Феоктистова вновь послали къ Ланину. Здѣсь приняли дядю съ уваженіемъ и посадили на почетное мѣсто. Священникъ прочиталъ молитву. Потомъ, какъ бы въ видѣ задатка, вынесли дядѣ 5 платковъ и полотенецъ съ богатымъ кружевомъ, да кромѣ того, дали хорошій платокъ для самаго дяди, и начали угощать его какъ почетнаго гостя. Мой же отецъ и родственники ожидали его возвращенія. Дядя пришелъ съ платками и навеселѣ. Призвали меня, начали поздравлять и показывать платки, въ числѣ которыхъ былъ одинъ и для меня, т. е. я долженъ былъ носить его въ своей шапкѣ; потомъ приказали мнѣ поклониться отцу и дядѣ въ ноги; я это исполнилъ. Затѣмъ, началось веселье и продолжалось до глубокой ночи.

На другой день, 5 ноября, мы ожидали къ себѣ рубашечницу, т. е. женщину изъ дома отца невѣсты, за моей рубашкой, по образцу которой у невѣсты должны были нашиваться для меня рубашки. Этою женщиною бывала обыкновенно одна изъ близкихъ родственницъ невѣсты; она почиталась гостею почетною; ее должны встрѣтить ближайшіе родные жениха и угостить какъ можно лучше. Въ 3 часа по полудни пріѣхала рубашечница,

которая оказалась женой брата моего будущего тестя, т. е. родная тетка невесты. Тотчас мои родные вышли къ ней навстрѣчу, привели въ горницу и начали усердно угощать. Она пробыла у насъ до 6 часовъ вечера. Условились когда должно быть смотрѣнью, запою, дѣвшинику и свадьбѣ. Положили смотрѣнью быть сегодня. Послѣ того, эта новая сваха взяла мою рубашку и поѣхала въ домъ Ланнина. Дорогою она непремѣнно должна пѣть пѣсни. Невѣста встрѣчаетъ ее на дворѣ и приглашаетъ войти въ комнату.

По отъѣздѣ рубашечницы, мы собрались къ невестѣ на смотрѣнье. Со мной поѣхали дядя Феоктистовъ, называющійся съ этого времени дружкой, и его жена. Мы взяли съ собой фунтовъ 20 гостинцевъ, каждый фунтъ въ особомъ сверткѣ; кромѣ того, отецъ далъ мнѣ два полуимперіала, завернутые въ бумажку, 5 руб. сер. въ сверткѣ и 5 руб. по одному рублю—въ бумажкахъ. Эти деньги предназначались для того, что когда невеста станетъ меня дарить, то я долженъ полагать ихъ на поднось и цѣловать невесту три раза.— Приѣхали мы во дворъ къ Ланнину. Навстрѣчу къ намъ вышли: нареченный мой тесть, его жена, сынъ и близкіе родственники. Сначала они цѣловались съ моимъ дядею и теткою, а потомъ со мной. Поцѣловавшись, всѣ вошли въ горницу, гдѣ уже находился священникъ. Меня посадили за столъ, впереди; рядомъ со мною, по правую руку, сѣлъ священникъ и дядя, а по лѣвую—тетка; далѣе, помѣстившись за столомъ родственники Ланнина. На столѣ поставленъ былъ сладкій пирогъ съ разными украшениями. Нѣсколько минутъ посидѣли молча; потомъ тетка моя начала: «время намъ посмотреть и пирожицу, которая для стола пирогъ готовила»; т. е. невесту. При этихъ словахъ я будто оробѣлъ. Тотчасъ же родственница Ланнина вывела изъ другой комнаты нареченную мою невесту. Она была въ шелковомъ, вышитомъ золотомъ, сарафанѣ и въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубашкѣ; на шеѣ было нитокъ 40 разной величины жемчуга, въ ушахъ жемчужныя серги, на головѣ жемчужная повязка и въ косѣ цѣлый пучекъ алыхъ лентъ. При входѣ женщины съ невестой, всѣ встали. Онѣ помолились Богу, приняли благословіе отъ священника и поцѣловались съ моимъ дядею и теткой. Послѣ сего невеста взяла поднось, на которомъ лежалъ для меня подарокъ—жетель, подошла ко мнѣ и вполнояса поклонилась. Я принялъ подарокъ, положилъ, въ замѣнъ его, на поднось два полуимперіала и также поклонился вполнояса; затѣмъ, три раза поцѣловался и вновь поклонился другъ другу. Тогда священникъ спросилъ меня и невесту: «желаете ли сочетаться бракомъ?» Мы отвѣчали, что желаемъ съ охотою. Священникъ благословилъ насъ и прочиталъ молитву. Послѣ этого меня посадили съ невестой рядомъ и началось угощеніе всѣхъ гостей, кромѣ насъ; мы только сидѣли. Чай же подавали и намъ. Въ особой комнатѣ дѣвочки—подружки невесты пѣли свадебныя пѣсни и съ разными веселыми прибаутками выговаривали дружкѣ, что онѣ скучь для нихъ на гостинцы. Послѣ

чаю невеста начала дарить меня платками, а я дарилъ ей деньги,—и при этомъ каждый разъ мы троекратно цѣловались. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Уже за полночь подали ужинъ, послѣ котораго гости поразѣхались, а я остался съ невестой и дѣвушками; занимались разными играми, пѣли веселыя пѣсни. Я просидѣлъ до свѣта.

7-го ноября положено быть запою. Къ этому дню отецъ мой пригласилъ къ себѣ близкихъ сродниковъ, нѣсколько почетныхъ гостей и священника съ супругой. Всѣхъ съѣхалось человѣкъ 15. Напитки и закуски должны были привезены отъ жениха. Отецъ на это не поспешилъ, далъ мнѣ 10 рублей, завернувъ каждый въ бумажку, и одинъ полуимперіаль. Поѣхали мы вечеромъ на семи саняхъ, изъ конкъ одни были съ разной провизіей. У будущаго тестя моего, Ланна, кромя родственниковъ, знакомыхъ и дѣвушекъ, собралось множество народа, изъ любопытства. Приѣхавши во дворъ, всѣ вышли изъ саней. Впереди шелъ священникъ, за нимъ—отецъ мой съ мачихой и я, потомъ родственники и почетные гости. Насъ встрѣтилъ тоже священникъ, за намъ невестинъ отецъ съ матерью и т. д. Всѣ мы приѣхавшіе цѣловались съ хозяевами и ихъ гостями; послѣ сего насъ пригласили къ горницу и сажали за столъ по извѣстному порядку. Столъ былъ накрытъ человѣкъ на 40. На столѣ стояли четыре окорока и бѣлый большой, круглый, сладкій пирогъ съ разными украшеніями и фигурами. Въ комнатахъ стало тихо; за столомъ сидѣли безмолвно минутъ 5. Послѣ этого моя мачиха, обращаясь къ Ланну и его женѣ, сказала: «а что, сватушка и свашинька, гдѣ у васъ пирожица, которая готовила такой прекрасный пирогъ?» Ланнъ отвѣчалъ, что если угодно, то можно позвать ее сюда. Въ это время вышла изъ другой комнаты моя невеста, разряженная и богато украшенная; ее сопровождала ея родная тетка—прежняя рубашечница. Помолились онѣ Богу, всѣмъ низко поклонились, подошли подъ благословеніе къ священнику и начали цѣловаться, сперва съ моимъ отцомъ, мачихой и далѣе, по порядку. Когда цѣлованье кончилось, невестѣ дали въ руки поднось, на которомъ лежалъ красивый шейный платокъ; она подошла ко мнѣ и поклонилась въ поясъ. Я взялъ платокъ съ такимъ же ей поклономъ, положилъ на поднось полуимперіаль и, поддерживая одной рукой подбородокъ невесты, поцѣловалъ ее 3 раза изъ стороны въ сторону, послѣ чего опять поклонились другъ другу. Потомъ, невеста начала дарить всѣхъ моихъ сродниковъ разными подарками, а ей отвѣчали въ благодарность деньгами. Послѣ этого невесту посадили со мной рядомъ. Пришло время прощенья. По первой рюмкѣ всѣмъ гостямъ поднесъ отецъ невесты, а затѣмъ угощеніемъ распоряжались уже наши сродники. Въ это время мы съ невестой очень часто цѣловались по требованію гостей: одинъ говорилъ: «не видалъ, какъ наши молодые цѣлуются»; другой: «вино очень горько, надо подсластить», третій еще что нибудь придумывалъ. Такъ прошло не менѣе часа. Затѣмъ, начали

подавать чай; дѣвушки запѣли веселыя пѣсни и—пошелъ пиръ горой. Около полуночи начался ужинъ и продолжался часа четыре. Въ половинѣ ужина меня съ невѣстой вывели изъ за стола къ дѣвушкамъ поиграть, попѣть и повеселиться. Въ 6 часовъ утра веселье кончилось; гости разъѣхались по домамъ. Съ разсвѣтомъ и я пошелъ домой; невѣста и дѣвушки провожали меня за ворота, съ пѣснями.

Начали готовиться къ свадьбѣ, которая должна была совершиться 10-го ноября. За день до этого, отъ невѣсты пришли къ намъ вечеромъ дѣвушки за брагой, которою стануть поддавать въ банѣ на каменку, когда онѣ, послѣдній разъ, будутъ парить невѣсту съ прощальными пѣснями. Потомъ пріѣхали къ намъ изъ дома невѣсты коробейники и постельницы—четыре мужчины и двѣ женщины съ родственникомъ моего будущаго тестя. На трехъ парахъ лошадей они привезли имѣніе и постель невѣсты. Сундуки поставили въ особо приготовленную въ сѣняхъ палатку, а постель внесли въ спальную, гдѣ постельницы и принялись убирать ее. Этихъ лицъ мы хорошо угостили. Въ этотъ же день отецъ мой разослалъ гонцовъ къ своимъ родственникамъ, друзьямъ и пріятелямъ съ приглашеніемъ ихъ пожаловать къ свадебному столу, который готовился на 80 человекъ. Отецъ мой почитался настоящимъ русскимъ хлѣбосоломъ, а потому распорядился, чтобы всего было въ изобиліи. Наканунѣ свадьбы, около полуночи, поѣхалъ я на кладбище проститься съ усопшими сродниками и испросить у покойной родительницы благословенія. Это я исполнилъ съ пролитіемъ слезъ на могилѣ. 10-го числа, къ вечеру, собрался къ намъ всѣ наши родственники и знакомые; священникъ съ діакономъ и дьячками тоже пришелъ. Въ это время, по обычаю, двое нашихъ холостыхъ сродниковъ посланы были къ невѣстѣ съ башмаками, чулками, мыломъ, духами, гребешкомъ и проч. Посланныхъ у невѣсты приняла, одарила платками и угостила. Между тѣмъ, отецъ началъ меня обувать и въ правый сапогъ положилъ 3 рубля, для того, что когда моя молодая жена станеть разувать меня, то возьметъ эти деньги себѣ. Когда я былъ одѣтъ, отецъ взялъ образъ Божіей Матери, въ серебряномъ окладѣ, благословилъ меня имъ и залился слезами; я тоже прослезился: не даромъ старики говорили, что свадьба есть послѣднее счастье человека. Потомъ благословили меня своими иконами отецъ крестный, мать крестная и посадили меня въ переднемъ углу, къ образамъ. Всѣ, начиная съ отца, со мною прощались, послѣ чего, помолившись Богу, священникъ повелъ меня въ церковь; за нами слѣдовало нѣсколько человекъ, называющіеся провожатыми. Въ церкви народу было множество. Между тѣмъ, сваха и дружка, съ хлѣбомъ - солью, поѣхали за невѣстой. Здѣсь, на столѣ находился также хлѣбъ и соль. Сваха взяла эту соль и высыпала себѣ, а свою отдала; хлѣбамъ же помѣнялись. Потомъ, невѣсту, покрытую платкомъ, посадили за столъ. Послѣ благословенія невѣсты отъ родителей иконами, всѣ съ невѣс-

тою прощались и дарили ее, по возможности, деньгами. Затѣмъ, священникъ вывелъ невѣсту изъ комнаты и поѣхали въ церковь съ свахой, дружкой и свѣтчимъ, который несъ образа невѣстныи и восковыи свѣчи. За ними ѣхали, на нѣсколькихъ повозкахъ, мужчины и женщины, называющіеся поѣзжанами. По окончаніи таинства брака, мы, новобрачныи, по обычаю, несли образъ Божіей Матери изъ церкви въ домъ моего отца. На улицѣ было совершенно темно; шолъ большой снѣгъ. Народъ прорекалъ, что новобрачныи будутъ счастливы. (Увы! пророчество это не вполнѣ исполнилось). Въ домъ встрѣтилъ насъ отецъ съ иконою и лѣбонь-солью; мы приложились къ образу и поцѣловались съ отцомъ. Послѣ этого начался Божіей Матери молебень. По окончаніи молебна, сваха насъ, молодыхъ, привела въ спальню, посадила рядомъ и дала намъ просфору. Такъ какъ въ настоящій день я и новобрачная постылись, то, послѣ чаю, намъ дали немного закусить. Потомъ сваха убрала голову молодой такъ, какъ это бываетъ у замужнихъ. Послѣ этого мы вышли къ гостямъ, и скорѣ начался столъ или брачный пиръ. Кушанье было перешнъ десять; всё въ чисто русскомъ вкусѣ, безъ всякихъ суповъ и соусовъ. Въ концу стола подали сладкій пирогъ, который должны были подносить гостямъ мы, молодые. Передъ этимъ, надѣли на мою молодую жемчужный кокошникъ и я съ нею и съ свахою разносили пирогъ, — а каждый изъ гостей поздравлялъ насъ съ законнымъ бракомъ. Столъ окончился далеко за полночь. Послѣ того, сваха съ дружкой повели насъ въ спальню, убрали постель и заставили мою молодую жену меня разувать; уложили въ постель и, пожелавъ намъ доброй ночи, удалились. На другой день всталъ я рано; дверь оказалась запертою снаружи. Дѣлать нечего, приходилось ждать. Наконецъ сваха отперла спальню и вѣсть съ дружкой повели насъ въ баню; дверь за собою опять заперли. Изъ бани привела насъ сваха въ спальню, гдѣ уже приготовленъ былъ чай. Черезъ нѣсколько времени пришла къ намъ отъ моего тестя женщина, называемая блинницею, принесла горячіе блины и разное пирожное. Мы покушали. Послѣ блинницы явилась къ намъ родственница моей жены съ подарками, которыми моя жена должна была дарить моего отца и мачиху. Отецъ и мачиха, получивъ эти подарки, отблагодарили ее деньгами. Въ этотъ день отецъ мой пригласилъ родныхъ и знакомыхъ къ себѣ на вечеръ; а я съ молодою, свахою и дружкой отправился въ гости къ тестю. Потомъ попеременно бывали то Ланяны у насъ, то мы у нихъ. И тѣмъ вся церемонія нашей свадьбы кончилась.

Я упоминалъ, что мы были помѣщичьи крестьяне и платили барину оброкъ. Самъ помѣщикъ, по фамиліи Салтыковъ, въ нашей слободѣ не жилъ; зимою проживалъ онъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ подмосковномъ своемъ имѣніи—Сергѣевскомъ; къ намъ прѣзжалъ рѣдко. У насъ, въ слободѣ, былъ управляющій и бурмистръ, которые творили расправу съ

крестьянами и заботились о взысканіи съ нихъ помѣщику оброка. Мой отецъ, какъ человѣкъ богатый и уважаемый, неоднократно бывалъ бурмистромъ. Эта должность, завидная для другихъ, ни мнѣ, ни отцу моему не нравилась: во 1-хъ, потому, что наши торговые дѣла требовали частыхъ отлучекъ отца изъ дому, а тутъ надо было постоянно находиться въ свободѣ; во 2-хъ, потому, что, при взысканіи оброка, невольно приходилось входить въ непріятныя столкновенія съ крестьянами и называть себя враговъ. Въ тому же отецъ постоянно опасался, какъ бы не подпасть подъ гнѣвъ помѣщика и не подвергнуться какому наказанію. При нашемъ помѣщикѣ, человѣкѣ довольно вѣзломощномъ, это случалось не рѣдко. Напримѣръ, однажды, въ 1820-мъ году, — не припомню, по какому случаю, — помѣщикъ прислалъ къ моему отцу изъ другой вотчины крестьянина, съ приказаніемъ посадить его на цѣпь и кормить однажды въ сутки по фунту чернаго хлѣба, впредь до новаго распоряженія; при этомъ было объявлено отцу, что если узникъ убѣжитъ или его будутъ лучше кормить, то съ отца строго взыщется. Приковали мужичка цѣпью къ стѣнѣ въ нашемъ старомъ домѣ и одного человѣка приставили его караулить; ѣсть же, изъ человѣколюбія, отецъ приказалъ давать узнику довольно. Прошло съ полгода. Отецъ отлучился не надолго изъ дому по торговымъ дѣламъ. Въ это время узникъ бѣжалъ. Донесли помѣщику, который немедленно и приказалъ взять съ отца 7,000 руб. штрафа. Черезъ нѣсколько времени бѣжавшій крестьянинъ былъ пойманъ; но деньги остались, разумеется, у помѣщика.

А то, бывало, неожиданно шлетъ баринъ строгій приказъ, чтобы отецъ явился къ нему и представилъ оброкъ, примѣрно тысячь тридцать или сорокъ. Съ крестьянъ деньги еще не собраны; а не исполнить приказанія помѣщика — опасно. Въ этихъ случаяхъ отецъ поступалъ такъ: если у него были подъ руками свои деньги, то онъ прилагалъ недостающее количество; если же такихъ денегъ не было, то занималъ ихъ у арзамасскихъ купцовъ, уплачивая проценты собственными деньгами. Такимъ образомъ, дѣло сходило съ рукъ, хотя и не безъ ущерба для отцовскаго кармана. Но, однажды, именно въ самый годъ моей свадьбы (1820), отецъ не могъ представить помѣщику всего оброка, указывая, въ свое оправданіе, на то, что всѣ торговцы и ремесленники понесли въ этотъ годъ большіе убытки и потому платить оброкъ затруднялись. Помѣщикъ и слышать этого не хотѣлъ; грозилъ посадить отца въ смирительный домъ или сослать въ Сибирь на поселеніе. Однако дѣло кончилось тѣмъ, что помѣщикъ приказалъ смѣнить отца съ должности бурмистра. Мы были весьма этому рады, тѣмъ болѣе, что количество оброка, зависѣвшее отъ произвола барина, годъ отъ году не только не уменьшалось, а напротивъ — увеличивалось.

Странныя бывали у нашего помѣщика причины для того, чтобы увеличивать оброкъ. Однажды помѣщикъ, и съ супругою, пріѣхалъ въ нашу сло-

боду. По обыкновенію, богатые крестьяне, одѣтые по праздничному, явились къ нему съ поклономъ и различными дарами; тутъ же были женщины и дѣвѣны, всѣ разряженныя и украшенныя жемчугомъ. Барыня съ любопытствомъ все разсматривала и потомъ, обратясь къ своему мужу, сказала: «у нашихъ крестьянъ такія нарядныя платья и украшенія; должно быть они очень богаты и имъ ничего не стоитъ платить намъ оброкъ». Не долго думая, помѣщикъ тутъ же увеличилъ сумму оброка. Потомъ, дошло до того, что на каждую ревизскую душу падало, вмѣстѣ съ мірскими расходами, свыше 110 рублей асс. оброка. Помѣщикъ назначалъ, сколько слѣдовало оброчныхъ денегъ со всей вотчины; нашей слободѣ приходилось платить 105,000 руб. асс. въ годъ. У насъ въ слободѣ числилось до 1840 ревизскихъ душъ. Но не всѣ одинаково были способны къ платежу, напр., крестьянинъ богатый, но ему приходилось платить за одну или двѣ души; а другой бѣдный, и у него 5 или 6 ревизскихъ душъ; были престарѣлые и увѣчные, отдаваемые въ рекруты и бѣглеы, которыхъ на лицо не состояло, но за которыхъ слѣдовало платить оброкъ. Помѣщикъ всего этого не хотѣлъ знать и требовалъ, чтобы назначенный имъ оброкъ былъ ему представленъ сполна. Тогда дѣлали раскладку оброка на богатыхъ и зажиточныхъ плательщиковъ. Такимъ образомъ выходило, что, наприимѣръ, мы съ отцемъ платили помѣщику оброка свыше 5000 руб. асс. въ годъ; а одинъ крестьянинъ уплачивалъ до 10,000 рублей.

Казалось бы, при такихъ распорядахъ, состоятельнымъ крестьянамъ слѣдовало бы откупиться отъ помѣщика на волю. Дѣйствительно, нѣкоторые и попытались это сдѣлать; но безъ всякаго успѣха. Одинъ крестьянинъ нашей слободы, очень богатый, у котораго было семь сыновей, предлагалъ помѣщику 160,000 рублей, чтобы онъ отпустилъ его съ семействомъ на волю. Помѣщикъ не согласился. Когда черезъ годъ у меня родилась дочь, то отецъ мой вздумалъ выкупить ее за 10,000 рублей. Помѣщикъ отказалъ. Какая же могла быть этому причина? Рассказывали такъ: одинъ изъ крестьянъ нашего господина, подмосковной вотчины, нѣкто Прохоровъ имѣлъ въ деревнѣ небольшой домъ и на незначительную сумму торговалъ въ Москвѣ краснымъ товаромъ. Торговля его была не завидна. Онъ ходилъ въ овчинномъ тулупѣ и вообще казался человѣкомъ небогатымъ. Въ 1815 г. Прохоровъ предложилъ своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, съ тѣмъ, что эти деньги будутъ вносить за него, будто бы, московскіе купцы. Баринъ изъявилъ на то согласіе. Послѣ того, Прохоровъ купилъ въ Москвѣ большой каменный домъ; отдѣлалъ его богато и тутъ же построилъ обширную фабрику. Разъ, какъ-то, этотъ Прохоровъ встрѣтился въ Москвѣ съ своимъ бывшимъ господиномъ и пригласилъ его къ себѣ въ гости. Баринъ пришелъ и немало дивился, смотря на прекрасный домъ и фабрику Прохорова; очень сожалѣлъ, что отпустилъ отъ себя такого чело-

вѣка и далъ себѣ слово впредь никого изъ своихъ крестьянъ не отпускать на свободу. Такъ и дѣлалъ.

Въ концѣ 1823 года отецъ мой вновь былъ назначенъ бурмистромъ; при этомъ помѣщикъ приказалъ брать съ нашей слободы, вмѣсто 105,000, 61,000 руб. асс. оброка. Въ то время я находился въ Оренбургскомъ краѣ и объ этомъ ничего не зналъ. Когда я пріѣхалъ и отецъ разсказалъ мнѣ о случившемся, мы стали совѣтываться, какимъ бы образомъ уволиться отцу отъ ненавистой для насъ должности бурмистра? Въ слободѣ временно находился тогда камердинеръ нашего господина, его любимецъ, который иногда устраивалъ крестьянскія дѣла къ обоюдному для насъ и помѣщика удовольствию. Отецъ и обратился къ этому камердинеру съ просьбой—походатайствовать передъ господиномъ объ увольненіи его отъ бурмистерской должности, за что и далъ ему 1000 рублей. Камердинеръ написалъ барину, отъ котораго полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «если Шиповъ станетъ даже помышлять объ увольненіи, то я сдѣлаю съ нимъ то, чего онъ никогда не ожидалъ: его самого сошлю въ Сибирь на поселеніе, а сына его отдамъ въ солдаты». Прискорбно было намъ слышать это извѣстіе и въ порывѣ горести я сказалъ отцу, что лучше мнѣ идти въ солдаты: за государемъ служба не пропадаетъ.—«Нѣтъ,—съ грустію возразилъ мнѣ отецъ; такой разлуки съ тобой я не перенесу. Будешь жить вмѣстѣ. Какое бы горе и страданіе не случилось съ нами, будемъ терпѣть и творить волю господскую. Хорошо бы было,—продолжалъ отецъ,—если бы новое положеніе господина на счетъ 61,000 оброку было навсегда; но я знаю хорошо нашего барина: онъ будетъ недоволенъ и скоро снова увеличитъ оброкъ. Боюсь, чтобы, противъ моей совѣсти, я не сдѣлался крестьянамъ ненавистенъ». Потомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отецъ сказалъ: «да, я буду править дѣла крестьянскія; а ты занимайся торговлею и распоряжайся, какъ знаешь. Ты теперь уже можешь». Скрѣпя сердце, я выслушалъ это рѣшеніе отца и ничего не возражалъ, зная, что ужъ если что рѣшилъ онъ, то такъ тому и быть.

Н. Шиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ

824 года ¹⁾).

I.

7-го ноября 18

Самое дальнее происшествіе, сохранившееся въ моей памяти, было наводненіе С.-Петербурга. Мнѣ было тогда 6 лѣтъ, но воспоминаніе объ ономъ, какъ у всѣхъ людей старческаго возраста, ярче, чѣмъ воспоминанія о другихъ происшествіяхъ, менѣе отдаленныхъ. Родители мои жили тогда на Васильевскомъ острову въ каменномъ флигелѣ, имѣвшемъ только одно окно на уличныя ворота и расположенномъ около довольно обширнаго сада. Вода начала выступать изъ городской трубы, находившейся посреди улицы, и покрытой въ то время деревянными мостками въ видѣ тротуара. Въ 10 часовъ утра вѣсть объ этомъ распространилась по дому, и мы побѣжали къ окну, изъ коего увидѣли, что вода уже приближалась къ открытымъ воротамъ во дворъ; въ то же время прибѣжала кухарка, со страхомъ объявившая, что вода показалась и въ погребѣ, устроенномъ подъ поломъ нижняго этажа, занятаго конторою отца, кухней и службами. Къ 11 часамъ отецъ мой возвратился на дрожкахъ изъ Коломны, гдѣ проѣзжалъ дорогою на сальный-буянь, около Бердовскаго завода, и объявилъ, что не могъ достигнуть послѣдняго, такъ какъ Нева залила уже всѣ близлежащія улицы, и что онъ на силу пробрался на Васильевскій островъ чрезъ Исаіевскій мостъ (противъ монумента Петра), бруто поднятый водою и начинающійся ломаться; не смотря на

¹⁾ Эти два отрывка изъ записокъ г. М.—на весьма обязательно сообщены намъ его другомъ достоуважаемымъ Я. М. Невѣровымъ, которому и приносимъ нашу благодарность.

Ред.

то и зная по опыту, что Нева при сѣверо-западномъ вѣтрѣ осенью часто уже выступала изъ береговъ, не нанося большого вреда, отецъ мой приказалъ запереть ворота и заложить ихъ туго набитымъ навозомъ изъ конюшни; но это средство натурально ни къ чему не повело, навозъ былъ тотчасъ размытъ, и вода съ тѣмъ большею силою залила весь дворъ, такъ что пришлось уже на оставшихся нераспряженными дрожжахъ перевезти къ намъ дѣдушку и бабушку, занимавшихъ квартиру на дворѣ въ одноэтажной деревянной пристройкѣ; мы, дѣти, много смѣялись, когда ихъ перевозили: дѣдушка держалъ на колѣняхъ стѣнные англійскіе боевые часы, а бѣдная бабушка въ попыткахъ захватила только кофейникъ и сливочникъ, держа которые въ рукахъ и ѣздила по двору. Только что они поднялись къ намъ, мы чрезъ окно видѣли, какъ кучеръ распрягъ дрожжи и старался вывести изъ конюшни другихъ лошадей, какъ оныя упирались, чувствуя что-то недоброе, и приведены были до нашей парадной каменной лѣстницы, но тутъ уже не было никакой возможности поднять ихъ на первую площадку, такъ что кучеръ уже верхомъ отвелъ ихъ въ садъ, гдѣ устроена была маленькая горка въ 2 аршина вышины, и здѣсь лошади, хотя и съ ногами въ водѣ, оставались до вечера вода начала убывать. Несчастнѣе ихъ была наша корова, вошедши въ садъ и застигнутая водою по самыя ноздѣ передними ногами взобраться на знакомую ей садовую но перевалилась бокомъ, и тутъ-же въ напихъ наполнивши глазами исчезла подъ водою; пробраться, что не было уже никакой возможности, и на другое на томъ-же мѣстѣ утонувшею. Между тѣмъ вода нижній этажъ и люди перебравшись къ намъ на даже забрать кое какую провизію—печка въ люди въ страхъ не захватили даже огнива и бывшихъ тогда въ употребленіи—ни спирта, и формныхъ свичекъ въ то время еще въ забрался только изъ затопляющагося при дешевизнѣ дровъ обыкновенно закигались салныя свѣчи,—ко

Мы дѣти все еще толпили
и чрезъ открытыя ворот
народомъ, распушеннѣ

на конях верхомъ сидѣли люди; по улицѣ плыли также части заборовъ и палисадниковъ, ящики съ разнымъ скарбомъ, чѣмъ-то набитыя куля и рогожи, полки и лотки, отдѣльные качаны капусты, множество яицъ, даже цѣльныя будки и сторожки—все это посреди бушующихъ волнъ и потрясающихъ воздухъ порывовъ бури. Нашъ садъ отъ сосѣдняго отдѣлялся высокимъ заборомъ, примыкавшимъ съ одной стороны къ улицѣ, а съ другой къ вышнему сараю; вдругъ мы увидѣли, что съ улицы влѣзаютъ на заборъ какіе-то люди, и сидя на ономъ верхомъ, подвигаются гуськомъ къ сараю; съ возбужденнымъ напряженіемъ слѣдили мы за этою экспедиціею, страшась, чтобы люди эти, въ числѣ четырехъ, изъ коней одинъ совершенно сѣдой, не свалились въ воду, потрясавшую основу забора; и дѣйствительно, когда они были еще на срединѣ забора, задняя часть онаго съ трескомъ нагнулась и тотчасъ-же была разнесена по саду,—осмотрѣвшись на избѣгнувшую ими опасность, люди поспѣшили добраться до сарая, но такъ какъ старикъ былъ впереди, и силы его ослабли, то верховая ихъ ѣзда была явно замедляема; наконецъ всѣ они счастливо добрались до своей цѣли, а въ то же время свалилась въ воду и остальная часть забора—люди, присѣвшіе на крыцу сарая, сняли шапки и перекрестились, а мы мысленно присоединились къ благодарности Богу за ихъ спасеніе отъ явной гибели. Люди тѣ оставались на означенномъ сараѣ измоченные, голодные и ооченѣвшіе отъ холода до поздняго вечера, когда вода уже спала, и тогда кучеръ нашъ, который вообще въ этотъ роковой день оказывалъ чудеса храбрости и самоотверженія, отправился за ними, помогъ имъ слѣзть съ крыши, и привелъ къ намъ—съ нихъ тотчасъ сняли сырое платье, одѣли въ отцовскіе старые халаты и сюртуки, а одного пришлось, къ ребяческому нашему удовольствію, снарядить въ женскую теплую юбку; въ этихъ-то костюмахъ они, забравъ и собственное свое платье, на другое утро изъ дому вышли безъ прощанія, и я помню, какъ родители мои поражены были благодарностію сихъ людей, которые безслѣдно исчезли, и унесенныхъ ими съ собою халатовъ, сюртуковъ и юбки никогда не возвратили. Обращаюсь ко дню 7-го ноября. Было уже три часа и буря все еще бушевала, хотя вода, достигнувъ безъ малаго сажени, болѣе не возвышалась, а послѣ 4-хъ часовъ начала мало по малу понижаться; между тѣмъ голодъ давалъ себя чувствовать, и матушка

моя напрасно рыскала по единственному своему въ верхнемъ этажѣ чулану, чтобы утолить наши настойчивыя требованія; нашелся только кусочекъ вчерашней солонины и сырой рисъ, да кофе, чай и сахаръ,—но главнаго не было: хлѣба, огня и свѣжей воды; у булочниковъ, къ которымъ впрочемъ и посылать не было никакой возможности, всѣ печи были залиты и испеченный въ прошлую ночь хлѣбъ водою размоченъ или разнесенъ; окружающее насъ море воды, зараженное гнилью отъ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ, которыя всѣ были размыты, издавало сильную вонь, а огня достать была не откуда. Расторопный нашъ кучеръ Григорій, рыжая борода котораго врѣзалась въ моей памяти, и здѣсь вывелъ насъ изъ бѣды. Изъ стѣны, гдѣ висѣли платья, вырванъ былъ большой гвоздь, а въ дѣтскомъ ящикѣ съ игрушками нашлись какіе-то камешки—посредствомъ такого-то огня и старой сухой тряпки Григорію, послѣ неимоверныхъ усилій, удалось посреди нашихъ поощрительныхъ отзывовъ и раздувающихъ щекъ добиться à la Robinson такой искры, которая, поддерживаемая общими стараніями и сблизенная съ холоднымъ углемъ и золою изъ спальной печи, наконецъ вспыхнула въ огонекъ, тотчасъ схваченный на бересту отъ случайно оставленныхъ за печкою дровъ, что встрѣчено было общею нашею радостію; въ тотъ-же мигъ дрова полетѣли въ печку, труба отерята, и огонь запылалъ; къ топкѣ поднесли самоваръ, налили водою изъ рукомойниковъ, собрали разныхъ щеповъ и тряпья, которыя зажгли, Григорій подулъ сапогомъ, вскорѣ вода закипѣла и залить былъ чай; но не было ни хлѣба, ни вообще чѣмъ заѣсть, а голодъ невыносимый! Нашъ спаситель и тутъ нашелся: было 5 часовъ и сдѣлалось темно, вода уже убывала и Григорій вызвался достать хлѣба изъ подвального погреба въ нижнемъ этажѣ; отецъ наметнулъ ему объ опасности, но онъ зажегъ фонарь, перекрестился и спустился по лѣстницѣ, по поясъ въ водѣ добрался черезъ кухню и дѣвичью въ погребъ, куда вело еще нѣсколько ступеней, такъ что бѣднякъ уже оказался по шею въ водѣ, и съ неимоверными усиліями держа фонарь въ зубахъ, добрался до полки, на которой положенъ былъ запасный людской хлѣбъ, и схватилъ каравай, но въ то же время отъ спертаго воздуха онъ почувствовалъ себя не хорошо и свѣчка въ фонарѣ погасла; бросивъ фонарь, но не выпуская хлѣба, онъ поспѣшилъ удалиться и въ потьмахъ спотыкаясь и освобождаясь

отъ пльвшихъ вокругъ него стульевъ, столовъ, свамеекъ и разной рухляди, весь изнеможенный отъ усилій, добрался до насъ; при всемъ томъ онъ успѣлъ еще мимоходомъ захватить огниво и сѣрныя спички, о которыхъ кухарка напомнила ему, когда онъ спускался съ лѣстницы, и которыя, по ея объясненію, лежали на верхней полкѣ въ кухнѣ; за невзятіе этихъ спичекъ Григорій называлъ кухарку чухонскою дуροю. Принесенный каравай хлѣба, до половины промоченный, былъ тотчасъ разрѣзанъ на куски и, по высушивъ у топившейся печи, вскорѣ съѣденъ,—бѣлаго же хлѣба ни въ тотъ, ни на слѣдующій день по всему Петербургу достать было невозможно, и только на третій день привозили бѣлый хлѣбъ изъ тѣхъ окрестностей столицы, которыя 7-го ноября затоплены не были. Болѣе о наводненіи 7-го ноября 1824 года ничего не помню, ибо насъ дѣтей уложили спать довольно рано, уже по той причинѣ, что мы все просили ѣсть, а взять было не откуда—даже рису заварить оказалось невозможнымъ, а сырой мы ѣсть отказывались.

На другое утро мы встали поздно и тотчасъ побѣжали къ окну: воды нигдѣ не было, но весь дворъ былъ засоренъ разными остатками отъ вчерашняго разрушенія—кадки и кадучки, разбитая бутылъ, черепки отъ горшковъ, куски дерева, дохлая кошка и крысы—все подземное царство разной гадины выметено было водою—тамъ и сямъ кое-что еще годное для употребленія; въ саду то же разореніе: вырытыя съ корнемъ деревья и кусты лежали другъ на другѣ, мачта съ флюзаркою перекосилась, упавшій заборъ открывалъ намъ обширный сосѣдній садъ, гдѣ тотъ-же беспорядокъ; вромѣ того весь грунтъ занесенъ какимъ-то зеленымъ вонючимъ иломъ, вѣроятно съ моря—проходу не было нигдѣ, и вся земля, насыщенная водою и размытая, представляла какое-то топкое и вязкое болото, для нашихъ маленькихъ ногъ недоступное; около садовой свамейки, частію разбитой, валялся раздутый водою трупъ бѣдной воровушки. Въ нижнемъ этажѣ дома тотъ-же сумбуръ—столы и прочая мебель перекинуты верхъ ногами, деревянная посуда разнесена по угламъ, очагъ размытъ и для топки невозможенъ, стекла въ окнахъ перебиты, половицы частію подняты—дохлая крысы, мыши и тараканы—только въ кухнѣ на одной верхней полкѣ, разливомъ недостигнутой, лежалъ цѣль и невредимъ кухаркинъ котенокъ и спалъ, а возлѣ

него недоѣденная мышь; подвалъ, гдѣ хранилась приготовленная на зиму провизія: капуста, огурцы, картофель, варенье, все это было переѣдено и большею частію негодно къ употребленію, сколько бы ни пробовали расчищать,—и надъ пропавшимъ добромъ пролита была не одна слеза; рабочихъ рукъ, кромѣ домашнихъ, трудно было достать, въ особенности требовались стевольщики, печники и плотники, а ихъ-то ни за какія деньги найти было нельзя, да притомъ и необходимый для нихъ матеріалъ былъ въ недостаткѣ: стекло перебито, глина размыта, кирпичъ засырѣвши, доски на лѣсныхъ дворахъ большею частію унесены Невкою въ море. Отцу пришлось много труда въ его конторѣ: у него въ то время было много коммисіонныхъ дѣлъ съ казною по поставкѣ суконъ для гвардіи; всѣ бумаги, документы, контракты и росписки, до сихъ дѣлъ относящіяся, были размочены, такъ что чернила забѣлѣли и трудно было разобрать написанное; полученные по поставкамъ деньги, въ тогдашнихъ ассигнаціяхъ, хотя и хранились въ желѣзномъ огнеупорномъ сундуѣ, но оказались невредимыми для пожара, а не для наводненія—весь сундукъ наполненъ былъ водою и всѣ эти пачки бумагъ и ассигнацій составляли одну сплошную мокрую массу; надобно было спасти что возможно, и для сего по всей обширной нашей залѣ на гвоздяхъ растянуть былъ рядъ веревочекъ съ одной стѣны до другой, затѣмъ растоплены кафельныя печи—желѣзныхъ тогда еще не было—и всѣ эти бумаги, а равно каждая осторожно вынутая изъ пачки ассигнація развѣшаны по симъ веревочкамъ для обсушки; натурально, что эта работа не могла быть поручена прислугѣ, и я живо помню, какъ надъ оною копошились отецъ и мать, и съ какою строгостію входъ въ залу былъ воспрещенъ постороннимъ и даже насъ дѣтей съ нянею удалили въ другія комнаты, что тѣмъ болѣе возбуждало наше любопытство, что просушка эта продолжалась въ теченіи двухъ цѣлыхъ дней; между тѣмъ нужно было подумать и о насыщеніи желудка, а свѣжей провизіи достать было трудно, хлѣба у булочниковъ еще не было, и мы питались большею частію чаемъ и кофеемъ и тѣмъ, что при крайности могло быть употреблено изъ подвала. Даже зажиточные люди чувствовали во всемъ недостатокъ, что же было съ тѣми несчастными жителями С.-Петербурга, а въ особенности Галерной Гавани (нынѣ Суворовскаго участка), которые на силу спасали свою

жизнь, и у которыхъ разнесли не только всякія позитки, но и самое жилье и скоть; многіе захворали отъ страха и голода, и всѣ больницы, казармы и общественныя дома наполнены были, въ особенности исхудалыми женщинами съ полуживыми дѣтьми. Страшное зрѣлище представляло, по рассказамъ, Смоленское поле, занесенное цѣлыми грудами хлама и полуразрушенными избами и сторожками, съ блуждающими между ними владѣльцами, а тамъ и сямъ вздутые трупы людей и животныхъ утопленниковъ; денежная помощь была близка, но нужда была не въ ней, а въ покровѣ и хлѣбѣ, а сего-то нельзя было доставить такъ скоро, и самъ благодушный Императоръ Александръ Павловичъ, который по случаю разрушенныхъ на Невѣ мостовъ долженъ былъ переправиться чрезъ рѣку въ ватерѣ, прибывъ на Смоленское поле, долженъ былъ сознаться, что противъ силы стихійной никакому могуществу и человѣческой власти бороться невозможно. Слѣдуетъ еще добавить, что утромъ 8 ноября былъ морозъ, и это не мало увеличило нужду пострадавшаго народа.

II.

27-го января 1837 года.

Я воспитывался тогда въ С.-Петербургскомъ университетѣ, переведенномъ въ предшествующемъ году отъ Семеновскихъ казармъ, гдѣ нынѣ подворье митрополита, на Васильевскій островъ, мѣстожительство моихъ родителей. Сколько трудно было для меня прежде отправляться въ такую даль на утреннія и вечернія лекціи, особенно зимою, когда онѣ начинались уже въ 8 часовъ утра, при сальныхъ свѣчахъ, разставленныхъ по мелкимъ обветшалымъ и изрѣзаннымъ попитрамъ, столь легко сдѣлалось для меня теперь хожденіе въ новое зданіе университета и при томъ не болѣе одного раза въ день, такъ какъ всѣ лекціи распредѣлены были въ новомъ зданіи только между 9 и 3 часами. При хорошей обстановкѣ преподаванія и при значительно увеличивавшемся противу прежняго времени числѣ студентовъ, пользовавшихся уже нѣкоторыми преимуществами въ общественномъ положеніи—обязательный мундиръ съ треуголкой и шпагой получилъ свое значеніе не многимъ меньшее, чѣмъ мундиръ гвардейскій. Въ особенности замѣчалось это на Васильевскомъ острову, гдѣ сту-

денты жили большею частію на вольныхъ квартирахъ и помимо полиціи подлежали одному университетскому начальству. Молодая жизнь, стоявшая еще внѣ всякаго подозрѣнія, требовала свои права, и начала развиваться по примѣру университетовъ Германскихъ, въ особенности же Дерптскаго, изъ котораго многіе студенты, для пользованія лекціями не нѣмцами, а русскими, начали переходить въ Петербургъ и конечно переносили и Дерптскіе обычаи и самостоятельность. Завелись разныя партіи, со своими сходками, коммершами и дуэлями, принять былъ нѣмецкій команъ, т. е. студентское обычное право, ввелось пѣніе буршенлидеровъ въ перемежку съ русскими студентскими пѣснями Языкова—и все это безъ всякаго политическаго характера, какъ и нынѣ еще замѣчается въ Дерптѣ. Студентскій мундиръ, принадлежа уже во всѣмъ слоямъ столичной жизни, былъ распространенъ повсюду: и въ театрахъ, и въ высшихъ обществахъ, и даже на малыхъ придворныхъ вечерахъ. Естественно, что при разнообразіи студентскаго элемента, состоявшаго и изъ аристократіи, и изъ отбора вышшаго средняго сословія, и изъ провинціальныхъ пришельцевъ, въ особенности изъ Западныхъ и Балтійскихъ окраинъ, молодая жизнь не могла сплотиться такъ тѣсно, какъ въ малыхъ Германскихъ городахъ или въ Дерптѣ, гдѣ студентство играетъ первую роль, но все таки нѣкоторый духъ равенства и общая научная цѣль, поддерживаемая прилежнымъ посѣщеніемъ лекцій, давали себя чувствовать, и вообще поведеніе между собою студентовъ было не лишено достоинства и равноправія, а отношеніе къ нимъ столичнаго общества, въ которое являлись лучшіе и смотря по большимъ денежнымъ средствамъ и нѣсколько щеголеватѣе представители студентства, было исполнено довѣрія къ юному поколѣнію и даже нѣкоторою гордостію на его успѣхъ. Въ числѣ самыхъ выдающихся юношей университета былъ тогда сынъ Николая Ивановича Греча, Николай, который сдѣлался любимцемъ всѣхъ партій, благодаря его уму, находчивости и непритворному веселью, въ особенности же тому, что состоя при источникѣ всѣхъ тогдашнихъ новостей и городскихъ сплетней, редакціи „Сѣверной Пчелы“, всегда оживлялъ насъ своими рассказами, прибаутками и остроумными словцами, вслѣдствіе чего ему легко прощали, что онъ все-таки болѣе искалъ круга аристократовъ и, какъ мы тогда выражались, подмазывался подъ знать. Съ Гре-

чемъ мы были большіе пріатели и въ особенности сблизились на общемъ вкусѣ къ музыкѣ и къ драматическому искусству; пользуясь правами редакціи, онъ часто посѣщалъ театръ и оперу и самъ былъ любитель музыки и отличный актеръ на домашней сценѣ, какъ въ гостепріимномъ домѣ своего отца, такъ и въ другихъ обществахъ, гдѣ тогда давались водевили князя Шаховскаго, Ленскаго и младшаго Каратыгина. Въ домѣ Николая Ивановича Греча на Мойкѣ собирались тогда по четвергамъ. Хорошо помню, съ какимъ энтузіазмомъ Николай Гречъ передавалъ мнѣ височлѣніе отъ перваго представленія Жизни за Царя, и какъ на другой день, во время лекціи, мы пересылали другъ другу записочки о семъ предметѣ, и онъ на мой вопросъ о наружности Глинки, тутъ-же перомъ набросилъ его портретъ; онъ былъ и отличный карикатуристъ. Къ сему времени относится и большой успѣхъ, который имѣлъ своими лекціями Плетневъ, и появленіе на кафедрѣ Гоголя; первый завлекалъ въ свою аудиторію студентовъ отъ всѣхъ факультетовъ, такъ что, несмотря на малочисленность учениковъ собственно филологическаго отдѣла, малая зала, гдѣ онъ читалъ, была всегда биткомъ полна, что и было причиною перенесенія лекцій Плетнева въ другую большую аудиторію. Гоголь держалъ тогда вступительную лекцію древней исторіи, и, сдѣлавшись уже популярнымъ своими разсказами, въ особенности бытовыми изъ Малороссіи, на сей лекціи собиралъ около своей кафедры много юныхъ литераторовъ; Гоголь не былъ никогда научнымъ изслѣдователемъ, и по преподаванію уступалъ специальному профессору исторіи Куторгѣ, но поэтическій свой талантъ, и нѣкоторый даже идеализмъ, а притомъ и особую прелесть выраженія, дѣлавшихъ его несомнѣнно краснорѣчивымъ,—онъ влагалъ и въ свои лекціи, изъ коихъ тѣ, которыя посвящены были идеальному быту и чистотѣ возрѣній Аѳинянъ, имѣли на всѣхъ, а въ особенности на молодыхъ его слушателей, какое-то воодушевляющее къ добру и къ нравственной чистотѣ вліяніе; жаль, что лекціи Гоголя были непродолжительны: болѣзнь, поѣздка за границу, и собственное его, всегда вѣрное, чутье, что профессура не была природная его колея, стоявшая несравненно выше,—отвлекли его отъ сего поприща на большую пользу отечеству. Живю помню и послѣднюю его лекцію: блѣдное, исхудалое и длинноносое лице его подвязано было чернымъ платкомъ отъ зуб-

ной боли, и въ такомъ видѣ фигура его, а притомъ еще въ вице-мундирѣ, производила впечатлѣніе бѣднаго угнетеннаго чиновника, отъ котораго требовали непосильнаго съ его природными дарованіями труда; Гоголь прошелъ по кафедрѣ какъ метеоръ, съ блескомъ оную освѣтившій и вскорѣ на оной угасшій, но блескъ этотъ былъ настолько силенъ, что невольно вѣзался въ юной памяти. Особый эпизодъ въ студентской нашей жизни было посѣщеніе Пушкина, приглашеннаго профессоромъ Плетневымъ на одну изъ его очаровательныхъ лекцій. Помнится, въ какомъ воодушевленномъ состояніи поднялся Плетневъ на кафедру, и какъ въ то же время въ дверяхъ аудиторіи повказалась фигура любимаго поэта съ его курчавою головою, огненными глазами и желтоватымъ нервнымъ ликомъ — шопоть пробѣжалъ по всѣмъ скамейкамъ собравшейся въ непомѣрномъ числѣ молодежи; Пушкинъ сѣлъ, съ какииъ-то другимъ господиномъ изъ литераторовъ, на одну изъ заднихъ скамей и внимательно прослушалъ лекцію, не обращая вниманіе на безпрестанное осматриваніе его обращенными назадъ взорами сидѣвшихъ впереди его студентовъ, для которыхъ лекція эта очевидно пропала и съ напряженнымъ вниманіемъ выслушано было только одно мѣсто, гдѣ даровитый профессоръ, читавшій о древней русской литературѣ, вскользь упомянулъ о будущности ея и при семъ имя Пушкина прошло чрезъ его уста; возбужденіе было сильное и едва не перешло въ шумное привѣтствіе знаменитаго гостя. Это было уже въ концѣ урочнаго часа, и Пушкинъ, какъ бы предчувствуя, что молодежь не удержится отъ взрыва, скромно удалился изъ аудиторіи, ожидая окончанія лекціи въ общей проходной залѣ, куда и вскорѣ вышелъ къ нему Плетневъ, и они вмѣстѣ уѣхали. Это было не долго до смерти Пушкина, о которой вспоминаю слѣдующее. Пріятель мой Гречъ заболѣлъ тифомъ, и въ общему нашему сожалѣнію скончался 23-го января 1837 года; я искренно о немъ грустилъ и не одна слеза пролита была и на лекціяхъ, гдѣ отсутствіе его замѣчалось всѣми, и при гробѣ его, въ отцовскомъ домѣ, куда мы цѣлыми вереницами ходили, чтобы проститься съ съ веселымъ и симпатичнымъ товарищемъ. Похороны происходили въ среду 27-го января, въ три часа, послѣ траурнаго богослуженія въ Лютеранской церкви Св. Петра на Невскомъ проспектѣ; тогда была еще старая церковь, перестроенная Брюлло-

вымъ лишь въ сороковыхъ годахъ на новую теперешнюю. Я не могъ удержаться отъ принесенія любимому товарищу послѣдней лепты дружбы и набросилъ эскизъ его краткаго земнаго поприща, который и послалъ пастору Фольборту съ просьбою прочтати его съ кафедръ, что имъ и было исполнено; обстоятельство это послужило нѣкоторымъ въ скорби его о сынѣ утѣшеніемъ для Николая Ивановича Греча, который, узнавъ какъ-то объ авторѣ эскиза, горячо поблагодарилъ меня, и съ тѣхъ поръ при рѣдкихъ встрѣчахъ нашихъ въ слѣдующіе года, въ особенноти въ гостепріимномъ домѣ Безцѣнныхъ, всегда обращался ко мнѣ съ особымъ вниманіемъ и мы вспоминали вмѣстѣ о незабвенномъ его сынѣ. По окончаніи литургіи, часу въ пятомъ, траурная процессія, сопровождаемая огромнымъ кругомъ родныхъ и знакомыхъ и почти всѣмъ составомъ университета, тронулась по Невскому проспекту въ направленіи къ Волкову кладбищу. Морозъ стоялъ порядочный, и дулъ сильный вѣтеръ, а всѣ проважающіе, большею частію православные, шли за гробомъ съ обнаженною по русскому обычаю головою; помню, какъ Н. И. Гречъ обернулся къ намъ съ просьбою надѣть шляпы, говоря: господа, вѣдь мы лютеране!—Тихо и съ грустью въ сердцѣ подвигались мы впередъ и были уже близъ кладбища, какъ вдругъ въ средѣ толпы разнесся шопотомъ произносимый слухъ, что Пушкинъ раненъ на дуэли; всѣ встревожились; знавшіе поэта лично, а въ томъ числѣ и Гречъ, засуетились, и кто-то изъ нихъ, перекрестившись къ гробу, удалился отъ похоронъ, чтобы ѣхать къ Пѣвческому мосту узнать о томъ, правда-ли и какія подробности? Что готовилась дуэль, о томъ никто не помянулъ, да при томъ едва ли и зналъ кто либо изъ круга Греча, вовсе не аристократическаго,—въ то же время Н. И. Гречъ спросилъ только старшаго сына, послано ли Пушкину приглашеніе на похороны, на что тотъ отвѣчалъ, что самъ отправилъ. Въ такой неизвѣстности мы опустили въ могилу гробъ, а затѣмъ разѣхались, и только на другой день, по пришествіи въ университетъ, подтвердилось извѣстіе о дуэли, съ добавленіемъ уже, что Пушкинъ раненъ смертельно въ животъ, что пуля не вынута и что онъ остаться въ живыхъ не можетъ. Роковая вѣсть о кончинѣ пришла на другой же день, при окончаніи лекцій, въ 4-мъ часу. Многіе студенты сговорились идти вмѣстѣ на похороны Пушкина, но не

знали, откуда будутъ похороны — всѣ полагали, что изъ Адмиралтейской церкви; послѣ оказалось, что таковыхъ похоронъ во все въ Петербургѣ не было; было одно отпѣваніе въ Конюшенной церкви; самое время препровожденія туда тѣла держалось въ неизвѣстности, и официальные приглашенія были въ церковь, изъ нихъ только мы узнали о днѣ отпѣванія. Толпами мы бросились сперва въ Адмиралтейской, потомъ въ Конюшенной площади, но здѣсь трудно было протолкаться чрезъ полицію, и только нѣкоторые счастливыя получили доступъ въ церковь; въ числѣ ихъ меня не было, и я оставался съ другими на площади и былъ очевидцемъ того, какъ на вопросъ проходящаго, кого хоронятъ, жандармъ ничего не отвѣтилъ, будочникъ, — что не можетъ знать, а квартальный надзиратель: камеръ-юнкера Пушкина! Этотъ камеръ-юнкеръ засѣлъ мнѣ глубоко въ памяти, и повторился въ приказѣ о противникѣ поэта на кровавой площадеѣ за Черною рѣчкою, баронѣ Гекернѣ-Дантесѣ, о которомъ напечатано было въ газетахъ, что онъ за убійство на дуэли камеръ-юнкера Пушкина разжалованъ въ рядовые. Долго ждали мы окончанія церковной службы; наконецъ на паперти начали появлятіе выходящіе изъ церкви лица въ полной мундирной формѣ; военныхъ было не много, но большое число придворныхъ, вѣроятно по случаю того же камеръ-юнкерства; въ черныхъ фракахъ были только лакеи, слѣдовавшіе передъ гробомъ, краснымъ съ золотымъ позументомъ; регалій и воспоминаній изъ жизни поэта никакихъ; не помню, лежала-ли на гробѣ камеръ-юнкерская шляпа, но помню, что гробъ вынесенъ былъ на улицу посреди пестрой толпы мундировъ и салоповъ, что мало соотвѣтствовало тому чувству, которое въ этотъ моментъ наполняло наши юношескія души. При томъ все это мелькнуло передъ нами только на одинъ мигъ. Съ улицы гробъ тотчасъ же внесенъ былъ въ расположенныя рядомъ съ церковію ворота въ Конюшенный дворъ, гдѣ находился заупокойный подвалъ, для принятія тѣла до его отправленія въ Псковскую губернію, на кладбище Святоторскаго монастыря. Живо помню, какъ взоры наши слѣдили въ глубину воротъ за гробомъ, пока онъ не исчезъ — вотъ все, чѣмъ ознаменовалось участіе молодежи въ погребеніи русской гражданской славы! Говорили, что въ ту же ночь тѣло Пушкина увезено было на почтовыхъ.

М.

ГОЛОСЪ ПРАВДЫ.

.....Онъ живеть, хоть и вѣчнымъ поконится сномъ!

Я молился всю жизнь лишь богинѣ одной:—
Имя этой богини—Свобода!—
Послужить мнѣ хотѣлося пылкой душой
Только благу роднаго народа!

* * *

Передъ зломъ или ложью еще никогда
Не склонился я гордой главою;
Въ сердцѣ противъ насилья кипѣла вражда,
И за правду стоялъ я горю!

* * *

Забывая, невольно, всегда о себѣ,
Чтя любовь беззавѣтную свято,
Въ неавистно-жестокон житейской борьбѣ
Ободрялъ я слабѣйшаго брата!

* * *

Къ свѣту мысли сознательной бодро стремись,
И избѣгаешь тяжелыхъ сомнѣній
И съ тобой неразрывно поддерживалъ связь,
Моя Муза - отзывчивый гевій!

* * *

Гдѣ томилися люди подъ игомъ цѣпей,—
Тамъ съ рабовъ мы оковы срывали;
Миръ-ликующихъ, въ помощь страданьямъ дѣтей,
Среди шумныхъ столицъ призывали!

* * *

Гдѣ работники стоналъ отъ гнетущихъ трудовъ,—
Пѣли мы про желанную волю,
Обѣщая въ грядущемъ рядъ мирныхъ годовъ
И отраднo-покойную долю!

* * *

Гдѣ безжалостно голодъ проклятый царилъ,—
Объявляли войну мы—тирану:
Я, поэтъ, врачевалъ, не щадя своихъ силъ,
Ближнихъ всякую злучую раву!....

* * *

Честь, — прекрасный, отъ вѣка святой идеаль!
Ты являлась подругой героя,
Если онъ себѣ прочную славу стяжалъ
Въ жаркихъ схваткахъ открытаго боя:

**

Кто смущенья не звалъ, за дѣло добра
Подвигъ чистое, правое знамя, —
О! въ груди у того, какъ зари въ часть утра,
Блещеть яркое, дивное пламя,

**

И того назову въ гимнахъ громкихъ моихъ
Я могучимъ бойцемъ безъ упрека!
Но всегда ненавиждѣлъ я изверговъ злыхъ, —
Силы тьмы презиралъ я глубоко!

**

Дѣти ночи, развратники — ловко они
Съюютъ гнусное, вредное сѣмя:
Опозорено ими въ недавніе дни
Наше скорбное, жалкое время!

**

Слуга ада, вѣнецъ въ терновый сплелъ
Благодѣтелю цѣлаго края!
Кровью дарскою лоно родимой земли
Обагрила крамола тупая:

**

Словно хищные коршуны, дерзкая рать
На Священную Жизнь посягнула, —
Въ бездны страшной тоски и сомнѣнья опять
Всю Россію такъ грубо толкнула!

**

Къ шайкѣ грязной, идущей подземнымъ путемъ,
Относиться безъ гадѣва — нозорно:
Смѣло съ нею войну поскорѣе начнемъ
Мы, поклявшись бороться упорно!

**

Нашъ Монархъ былъ Свободою и вѣжно любимъ, —
И, какъ мать по дитяти рыдаетъ,
Плачетъ искренно, горько богиня надъ Инью
И къ раскаянью насъ призываетъ!

**

Жрецъ ся — тоже слѣзы печали я лью
Но Царѣ, забыванномъ и миломъ:
Я причислю, Страдалецъ, могилу твою
Къ чelonѣчства лучшимъ могиламъ!

Кіевскій.

Сообщ. Кн. П. П. Демидовъ Санъ-Донато.

2-го марта.
1881 г.

Князь М. Д. Горчаковъ.

Въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1881 г., стр. 204, кн. А. И. Васильчиковъ, возражая на мои замѣтки о кн. М. Д. Горчаковѣ находить, что „описанное мною составленіе реляціи на Мекензиевой горѣ, послѣ сраженія на Черной Рѣчкѣ, 4 августа 1855 года, есть фактъ неблаговидный для самаго автора“. Онъ былъ бы дѣйствительно неблаговиденъ, еслибъ совершался по службѣ, за какое-либо вознагражденіе, или бы я умышленно отправился въ землянку подсматривать и подслушивать, что тамъ дѣлается и говорится. Это было бы неблаговидно. Но такъ не было, а меня просто-за-просто занесло туда случайно по дорогѣ: я искалъ дежурнаго генерала по обязанностямъ моей службы и попалъ въ землянку, гдѣ стоя на порогѣ, въ дверяхъ, ничѣмъ неприкрытыхъ и незанавѣшанныхъ, нѣкоторое время не понималъ какъ слѣдуетъ, чтò такое предо мной дѣлается, а когда понялъ—оставался тамъ машинально, не приписывая ровно никакого значенія своему тамъ пребыванію, а равно и дѣйствіямъ сидѣвшихъ вокругъ стола офицеровъ. Совсѣмъ не тѣмъ, не историческими соображеніями, была полна тогда голова и сердце. Уже гораздо позже сообразилъ я настоящее значеніе этого факта и признаюсь; какъ историкъ и писатель, былъ доволенъ, что это такъ случилось, что я имѣлъ возможность видѣть собственными глазами и слышать собственными ушами, какъ создавались у кн. М. Д. Горчакова реляціи. Такихъ случаевъ нечаяннаго подсматриванія и подслушиванія бываетъ у всякаго человѣка въ жизни очень много, и если это происходитъ при обстановкѣ серьезной, исторической, и человѣкъ, нечаянно увидавшій какой-либо любопытный, важный фактъ, закрѣпляетъ его потомъ печатью, исторія говоритъ ему за это спасибо, и ничего болѣе. Я увѣренъ, что и мнѣ за многое, подмѣченное мною такъ или иначе, и послѣ описанное, скажутъ послѣдующіе изслѣдователи тѣхъ-же событій спасибо. А что у меня тогда въ рукахъ ракета и я рассказалъ, какъ она мнѣ досталась,—это такая неважная подробность, что менѣе придирчивый читатель никакъ ужъ къ этому не привяжется, а другой такъ даже и не выразится, какъ выразился мой почтенный возражатель: „рассказъ о ракетѣ ни къ селу, ни къ городу“. Это все равно, какъ еслибы кто-либо сказалъ, зачѣмъ у меня въ такомъ-то мѣстѣ точка съ запятой, а не точка. Читатель болѣе внимательный и безпристрастный найдетъ даже и связь ракеты со всѣмъ тѣмъ, чтò мною описано. Подобныхъ „ракетъ“, имѣющихъ связь и не имѣющихъ связи съ существенною стороною разсказа, такихъ „точекъ съ запятой“ вмѣсто „точекъ“ довольно у всякаго писателя. Ихъ не избѣгаетъ самый блестящій беллетристъ. Все это—дѣло человеческое. Въ статьяхъ критика и его брата, тоже найдутся, если поискать, подобныя „ракеты“. А эти частыя налеганія на то, что кн. М. Д. Горчаковъ былъ честенъ, не бралъ, не воровалъ, nabили уже всѣмъ оскомину. Какъ это тѣ, кто прибѣгаютъ къ такой защитѣ кн. М. Д. Горчакова, не догадаются, что въ этихъ похвалахъ есть нѣчто отрицательное: свое дѣло, что между ворами пашелся, наконецъ, не воръ! Что вамъ пріятель не бросается на людей съ ножомъ, не рѣжетъ на большой дорогѣ, въ лѣсу!

Извѣстно, что съ такими бываетъ и какъ они называются, кто рѣжетъ и грабитъ; извѣстно и переизвѣстно также, что всякій благовоспитанный человѣкъ не долженъ имѣть подобныхъ свойствъ, а иначе объ немъ и разговаривать не стоитъ. Никогда и нигдѣ люди съ такимъ не трубятъ настойчиво о томъ, что разумѣется само собою.

Что-же касается предположенія возражателя мнѣ, что раздраженіе мое противъ кн. М. Д. Горчакова имѣеть, по всемъ вѣроятностямъ, какія-нибудь личныя причины,—на это я скажу, что такихъ причинъ быть никоимъ образомъ не могло, потому что мы (какъ я уже заявилъ въ своемъ мѣстѣ печатно) стояли другъ отъ друга слишкомъ на большомъ разстояніи и кн. М. Д. Горчаковъ меня совсѣмъ не зналъ и не сказалъ со мною ни разу двухъ-словъ. Я самъ лишилъ его этой возможности, не отдавъ ему писемъ, въ которыхъ его родные и знакомые отзывались обо мнѣ чрезвычайно лестно. За что-же вдругъ кн. М. Д. Горчакову мени преслѣдовать, неизвѣстнаго ему, маленькаго человѣка? Подобное преслѣдованіе для такого лица, для главнокомандующаго огромною арміею, еслибы и имѣло какія-либо основанія, было-бы черезъ-чуръ мелочно. Кн. М. Д. Горчаковъ на такое преслѣдованіе былъ положительно неспособенъ. Скажу прямо: мною въ Кипиневѣ, въ Севастополѣ, въ Бахчисараѣ и въ Одессѣ (гдѣ стоялъ въ разное время главный штабъ Крымской арміи) никто, слава Богу, особенно не занимался и я считаю это не малою для себя выгодой, какъ писатель и историкъ. Меня не выдали, не слыхали и не трогали, и мнѣ жаловаться не на кого.

А я раздраженъ, и дѣйствительно раздраженъ противъ кн. М. Д. Горчакова за то, что онъ, не имѣя собственныхъ силъ и талантовъ въ исполненіи трудной и высокой роли, случайно ему доставшейся, не понималъ этого и не передалъ этой роли другому, лучшему исполнителю, и постоянно воображалъ, что „выше его по способностямъ никого въ Россіи для этой роли нѣтъ“¹⁾—вслѣдствіе чего выходила путаница за путаницей, обрушивались на насъ потери за потерями, удары за ударами. Россія, войско ея, слава ея оружія, всѣ интересы ея страдали и дѣлѣй свѣтъ надъ нами смѣялся. Франція имѣла полное право выпустить въ свѣтъ жестокою каррикатурю, гдѣ главнокомандующій Крымской арміи представленъ держащимъ въ одной рукѣ *ordre*, въ другой *contre-ordre*, а на лбу было написано: *desordre*. Вотъ гдѣ всѣ причины моихъ раздраженій и негодованія на князя М. Д. Горчакова; не въ тѣхъ личныхъ мелочныхъ поводахъ, которые силится отыскать въ этомъ случаѣ составитель замѣтки, а въ серьезной, отечественной, патриотической боли сердца таится все это; и я никогда не успокоюсь и буду правъ передъ исторіей и передъ истинными патриотами, смотрящими на вещи просто и прямо, и всегда буду хвалиться и это будетъ моею заслугой, и оцѣнится когда-нибудь надлежащимъ образомъ, что я первый, смѣло и самоотверженно, сталъ вызывать въ суду исторіи генераловъ, наравнѣ съ послѣднимъ прапорщикомъ.

Въ заключеніе позволю напомнить моему возражателю, что кн. Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, можетъ быть и уважавшій князя М. Д. Горчакова, какъ человѣка, сказалъ ему однажды въ краткой, сжатой

¹⁾ «Je suis venu à la conclusion, qu'il n'y a personne en Russie qui aurait pu me remplacer».—Сообщеніе графа П. Е. Коцебу въ ноябрьской книгѣ «Русской Старинѣ» прошлаго, 1880 года, стр. 793.

фразѣ совершенно то-же самое, чтò я сказалъ въ нѣсколькихъ: „еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то отказался-бы отъ командованія!“¹⁾ Недурна также замѣтка князя Виктора Иларіоновича, въ газетѣ „Русь“ прошлаго года, о забывчивости князя М. Д. Горчакова, какъ онъ, составивъ подробную диспозицію о сдачѣ Севастополя, черезъ нѣсколько часовъ сѣлъ снова за ту-же работу, и еслибъ князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ не остановилъ его, онъ написалъ бы вторую диспозицію — въ ту минуту, когда первая уже исполнялась!

Н. В. Вергъ.

15 января 1881 года,

Варшава.

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вергъ.

По поводу разсказовъ и воспоминаній И. В. Селиванова, въ которыхъ онъ, между прочимъ, вдаетъ въ характеристику гр. Ѳ. Ѳ. Берга, считаю нелишнимъ сказать, что графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вергъ не былъ такъ чувствителенъ и нѣженъ, какъ тò живописуетъ И. В. Селивановъ („Русская Старина“, изд. 1880 г., томъ XXIX, декабрь, стр. 853 и слѣдующ.) гр. Бергъ не задумывался по два часа—поднять или не подписать смертный приговоръ, если только это было нужно въ самомъ дѣлѣ. А коли напускалъ на себя излишнюю чувствительность и разыгрывалъ иной разъ слабонервнаго, такъ это потому, что былъ всю жизнь дипломатъ и комедіантъ. В. И. Даль, конечно, можетъ считаться недурнымъ наблюдателемъ (во всякомъ случаѣ выше И. В. Селиванова, Полторанова и Анучина); онъ зналъ Берга отлично, много лѣтъ сряду, видалъ его въ различныхъ положеніяхъ службы и общественной жизни—Даль сказалъ мнѣ однажды (во второй половинѣ 1860-хъ годовъ, у себя въ домѣ, на Прѣснѣ, въ Москвѣ): „это былъ всегда и вездѣ интриганъ и комедіантъ“.

Даль-же разсказывалъ мнѣ, что присутствовалъ разъ, въ польскую кампанію 1831 года, еще при такой сценѣ: „во время преслѣдованія нашими войсками польскаго генерала Дверницкаго, графъ Ридигеръ послалъ Берга (какъ состоявшаго при немъ офицера генеральнаго штаба) изслѣдовать подробно какую-то мѣстность, для совершенія чрезъ нее стратегическаго движенія. Бергъ воротился съ небольшими планами на клочкахъ бумажекъ, на ногтяхъ, на ладоняхъ рукъ, какъ онъ это зачастую дѣлывалъ, наговорилъ Ридигеру многое множество лишнихъ вещей о своихъ странствіяхъ, опасностяхъ, которыми подвергался, и предсказывалъ полный успѣхъ задуманному предпріятію. Пошли—и наткнулись на неодолимые препятствія! Оказалось на дѣлѣ, что Бергъ указанной ему мѣстности надлежащимъ образомъ не осмотрѣлъ. Ридигеръ призвалъ его и осыпалъ при всѣхъ самыхъ рѣзкихъ словахъ, что тогда было между военными въ большемъ ходу и въ модѣ.“

¹⁾ «Описание распоряженій по снабженію Крымской арміи въ войну 1854 — 1856 г., продовольственными и огнестрѣльными припасами. Лейпцигъ, у Другина (безъ года), стр. 414».

Не Шмитъ и не Франковскій помилованы, а Павелъ Ляндовскій и Павелъ Эккертъ, и вовсе не по тѣмъ соображеніямъ намѣстника, какія приводитъ И. В. Селивановъ, а потому, что покойная Государыня написала разъ Бергу: „что такое надѣлалъ тамъ у васъ одинъ молодой человекъ Ляндовскій? Будьте нѣсколько снисходительны къ его чрезвычайной молодости!“ (Что-то въ этомъ родѣ). Мать Ляндовскаго, когда его взяли, и когда не было ни для кого сомнѣнія, что судъ приговоритъ его къ смерти (начальникъ всѣхъ Варшавскихъ штилетниковъ, потомъ начальникъ банды!)—бросилась въ Киссингенъ, гдѣ была въ то время Императрица, упала передъ Нею на колѣни, въ конвульсіяхъ и въ истерикѣ, будучи одѣта вся въ черномъ, какъ монахиня. Государыня велѣла спросить, что нужно этой черной дамѣ? (Это было гдѣ-то въ публичномъ мѣстѣ, на водахъ, въ саду). Подошли и спросили. Она сказала, рыдая, что „единственный, несовершеннолѣтній сынъ ея, такой-то, будучи увлеченъ прѣмѣромъ какихъ-то негодяевъ, попалъ въ цитадель и неизвѣстно, что съ нимъ будетъ, съ нимъ, поддержкой семейства“...

(Онъ былъ вовсе не единственный сынъ: былъ еще другой такой-же голворѣзъ, Эдуардъ, и тотъ участвовалъ въ возстаніи).

Понятное дѣло, что когда Государыня спрашиваетъ, „что тамъ надѣлалъ у васъ какой-то Ляндовскій“—я за него до нѣкоторой степени заступаюсь, то казнить его неудобно. Вотъ откуда взялась у Берга чувствительность, вотъ причина всѣхъ этихъ утреннихъ справокъ: „уѣхалъ-ли Анучинъ на мѣсто казни?“ — Для меня нѣсколько удивительно, какъ самъ г. Анучинъ не распалъ всего этого сразу: онъ могъ имѣть всякія свѣдѣнія и притомъ былъ небольшой партизанъ намѣстника Берга. Когда пріѣхалъ въ Варшаву Н. А. Милютинъ (1865) — г. Анучинъ и полковникъ Анненковъ (что теперь генералъ-лейтенантъ) сдѣлались усердными его сторонниками. Были даже слухи, что они передали какой-то проектъ Берга Н. А. Милютину. Бергъ каралъ всегда прилично: онъ удалилъ сейчасъ-же Анучина съ глазъ долой — въ Радомъ губернаторомъ, а Анненковъ самъ уѣхалъ въ Петербургъ.....

Братья Ляндовскіе, Эдуардъ и Павелъ, были сосланы въ каторжную работу безъ срока. Который-то изъ нихъ не такъ давно бѣжалъ, съ паспортомъ на имя военного доктора, по дорогѣ ревизовалъ аптеки, что было ему легко, такъ-какъ онъ самъ былъ сыномъ доктора и учился въ Варшавской М. Хир. Академіи, зналъ названія всякихъ лекарствъ, аптекари отлично его кормили... теперь онъ въ Алжирѣ, устроилъ кумысолечебное заведеніе и послалъ оттуда бывшимъ своимъ товарищамъ по каторгѣ свои фотографическія карточки. (Все это рассказывалъ мнѣ одинъ изъ получившихъ отъ Ляндовскаго, или въ Сибири, карточку полякъ, не такъ давно вернувшійся изъ каторжной работы).

Павелъ Эккертъ былъ прощенъ потому, что прощенъ Ляндовскій. Немолово было казнить менѣе виноватаго, тѣхъ-же дѣтъ (обоимъ было по 20, или около того), того-же воспитанія, товарища Ляндовскаго по Мед. Хир. Академіи. Онъ былъ тоже сосланъ на каторгу и, кажется, пребываетъ тамъ и донынѣ, или просто въ Сибири. Казненъ одинъ Краускій, простой грубый ремесленникъ и разбойникъ.

Н. В. Вергъ.

Печатается въ Парижѣ и въ теченіе мая мѣсяца поступитъ въ продажу въ Сиб. гравюра на мѣди Академика Ивана Петровича Пожалостина — портретъ Государыни Императрицы

МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

Портретъ исполненъ въ большихъ размѣрахъ—девять вершковъ высоты и семь ширины—и необыкновенно изящно.

Подписчики «Русской Старины», какъ по портретамъ, приложеннымъ къ этому изданію и исполненнымъ на мѣди г. Пожалостинимъ (въ 1876—1879 гг.), такъ въ особенности по приобретеннымъ, чрезъ посредство редакціи «Русской Старины», его-же большихъ гравюръ: «Спаситель» и «Птицеловъ», очень хорошо знакомы съ замѣчательнымъ талантомъ г. Пожалостина. Крестьянинъ Рязанской губерніи по происхожденію,—нынѣ Академикъ и Почетный Волыный Общинникъ Императорской Академіи Художествъ, Иванъ Петровичъ Пожалостинъ—безспорно первый нынѣ граверъ въ Россіи, да и едва ли ни первый граверъ на мѣди во всей Европѣ по силѣ и изяществу его рѣзца, и по поразительному сходству улавливаемому нашимъ необыкновенно даровитымъ художникомъ въ воспроизведеніи портретовъ.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ П. А. Ефремовъ (владелецъ одного изъ превосходнѣйшихъ собраній портретовъ русскихъ дѣятелей и большой знатокъ въ офинкѣ достоинствъ гравюръ) о портретѣ Императрицы Маріи Теодоровны:

„Извѣстный и въ настоящее время лучшій русскій граверъ, достойный ученій почтеннаго Ф. И. Гордана, академикъ И. П. Пожалостинъ, почти два года посвятилъ гравированію портрета Ея Величества, который теперь совершенно уже оконченъ. Мы видѣли пробные оттиски и прямо можемъ сказать, что, по изяществу рисунка и рѣзца, этотъ портретъ справедливо можно считать однимъ изъ лучшихъ произведеній русскаго гравировальнаго искусства. Онъ напомнилъ намъ то цвѣтущее время русскаго гравюра, когда въ нашей академіи художествъ работали такіе первоклассные художники, какъ Шмидтъ, Чемеевъ, Радигъ и другіе. Портретъ исполненъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Вокругъ овала съ изображеніемъ Ея Величества обвита андреевская лента, изъ-за которой виднѣнъ окружающій ее необыкновенно изящный и легкій вѣнокъ изъ травъ и листьевъ. Сверху овала помѣщена малая императорская корона, а внизу красиво поставленъ двуглавый орелъ, немного въ гассонгѣ. На нижней половинѣ овала, по андреевской лентѣ и на ея свободныхъ концахъ, брошенныхъ по сторонамъ орла, вязью сдѣлана надпись: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна». Самое изображеніе Государыни исполнено вполне художественно и передаетъ живо дорогіи каждому русскому черты Ея Величества.“ („Голосъ“, 1881 г. № 77).

Цѣна портрета Императрицы Маріи Теодоровны, гравированнаго Акад. Пожалостинимъ—будетъ нѣсколько уменьшена для подписчиковъ „Русской Старины“ противъ цѣны въ отдѣльной продажѣ этого же портрета. А именно, за портретъ Государыни Маріи Теодоровны, отпечатанный на отличной бѣлой бумагѣ

ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ съ пересылкой.

Всѣ требованія, обращаемыя въ редакцію „Русской Старины“ на высылку помянутаго портрета, немедленно препровождаются въ Академику И. П. Пожалостину для удовлетворенія оныхъ.

Въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова въ Спб. и у всѣхъ книгопродавцевъ продается **НОВАЯ КНИГА:**

МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

составила **Е. М. СЕМЕВСКАЯ**, издалъ **И. И. ГЛАЗУНОВЪ**.

Книга одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ народныхъ училищахъ.

Книга украшена многими большими гравюрами, исполненными въ Лондонѣ и портретомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксении Александровны.

Содержаніе: Между 80-ю рассказами, составляющими содержаніе книги и нѣсколькими стихотвореніями и дѣтскими пѣсенками, сюда вошли, между прочимъ, слѣдующіе: Помните о бѣдныхъ дѣтяхъ.—Кто больше любилъ Маму.—Бабушка.—Дѣдушка (стихи).—Бѣлочка.—Нарядница.—Дождливый день.—Коровушка.—Ласточка.—Миша и Колодя.—Попка.—Все на пользу (стихи).—Забытая кукла.—Капризы.—Благодарность Богу (стихи).—„Дѣтскія ручки“, вновь написанное стихотвореніе А. Н. Плещеева.—Совѣтъ да любовь.—Жаворонокъ и его малютки.—„Мальчикъ и птичка“, вновь написанное стихотвореніе А. Н. Плещеева.—Прогулка въ лѣсу.—Что думала Мама.—Переездъ на дачу.—Птички.—Ландыши.—Не желать обидѣть.—„Дѣти и птичка“, вновь написанное стихотвореніе А. Н. Плещеева.—Ожиданіе брата.—Прощай няня.—Чего хочется Рождественской ѣлкѣ.—Маленькая фея.—Дѣдушка-Крыловъ.—Биву.—Спрота.—Кати и Вася.—Скажи мнѣ Мама дорогая (стихотв.)—Маленькій плакса.—Новый годъ.—Въ школу, и проч.

Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльныя замѣтки, послоницы, поговорки, загадки. Дѣтскія пѣсенки переложены на музыку для этой книги В. Кюнеромъ.

Цѣна книги, въ 4-ю долю, съ портретомъ, гравюрами, въ англійскомъ переплетѣ 2 руб. 50 коп., въ бумажн. оберткѣ—2 руб.

Лица выписывающія чрезъ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за пересылку книги: „Маленькимъ дѣтямъ“ ничего не платятъ.

Примѣчаніе. Весьма лестные отзывы какъ о внутреннемъ содержаніи книги, такъ и объ изяществѣ выполненіи многихъ гравюръ въ ней приложенныхъ, — помѣщены въ газетахъ „Русь“, — „Голосъ“, въ журналѣ „Народная Школа“ и въ нѣкоторыхъ другихъ современныхъ изданіяхъ.

разговаривали, что въ нѣмецкой землѣ весьма много фамилій Миллеровъ, Шмитовъ, Броуновъ и Фишеровъ. Я говорилъ, что и здѣсь очень много такихъ иностранныхъ фамилій есть, напримѣръ: Волковы, Львовы, Голицыны, Долгорукіе. Доносилъ я при томъ Его Высочеству, что въ Герольдіи всѣмъ фамиліямъ есть списки, также и о многихъ родословное показаніе отъ тѣхъ еще временъ, какъ Россія раздроблена была на многія разномыслима княженія. Государь приказывалъ, чтобъ я оную книгу досталъ для него. По семъ зашла рѣчь о старинномъ состояніи здѣшняго войска, и я связывалъ, что имѣю у себя часть курсу военной науки, писаннаго слишкомъ сто лѣтъ назадъ, при Государѣ Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ; что въ оной части заключаются ученіе пѣхотное; что всѣмъ обращеніямъ приложены планы. Сказывалъ я о нѣкоторыхъ тамъ заключающихся военныхъ правилахъ и командахъ, точно тѣмъ стариннымъ штилемъ, какъ тамъ написано. Его Высочество изволилъ тѣмъ забавляться. Доносилъ я еще Государю о Магнитскаго ариметикѣ и о входящихся тамъ стихахъ:

„О любезнѣйшій прочтатель!
 „Буди о Христѣ ты снискатель,
 „Да наукой сей будешь добре почтень
 „И во ученыхъ людехъ въ совѣтъ
 притечешь и проч.

Изволилъ Его Высочество очень охотно вслушиваться, и послѣ самъ повѣрялъ (повторялъ.) Спрашивалъ при томъ, кто былъ оной Магнитской, и въ которое время жилъ. Доносилъ я Его Высочеству о немъ и о Сукаревой башнѣ, гдѣ онъ такъ какъ въ первостатейномъ тогдашнемъ училищѣ былъ учителемъ. Приказывалъ Государь, чтобъ я оную книгу показать къ нему привезъ. Также изволилъ приказать, чтобъ я привезъ и письменную на русскомъ языкѣ Исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ, которую я имѣю, и которую прежде еще показывалъ я Его Высочеству.

Послѣ обѣда попрыгавши изволилъ Государь точить. Потомъ сѣлъ учиться. У меня хорошо учился. Къ концу только нѣсколько заупрямился, о чемъ я ему и выговаривалъ. Вечеру приказалъ принести себѣ изъ столярной цѣлку, и пилилъ ею у токарнаго станка. Потомъ въ учительной на канале, олавившись подушками, изволилъ повалиться. За ужину разговаривали мы о комической оперѣ „on ne s'avise jamais de tout“, которой сего дня на театрѣ была проба. Говорили мы такожъ о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, о коемъ носился слухъ, будто скоро сюда будетъ. Послѣ ужины чрезъ полчаса времени, изволилъ Государь лечь опочивать; десятой часъ былъ въ половинѣ.

28. Воскресенье. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись, по прочтеніи нѣсколькихъ стиховъ въ Священномъ Писаніи съ Его Преподобіемъ Отцомъ Платономъ, изволилъ пойтить къ обѣднѣ. Отъ обѣдни, проводя Ея Величество во внутренніе покои, изволилъ пойтить къ себѣ. Представляли Его Высочеству новопозалованнаго генерал-майора Александру Матвѣевича Хераскова, и новоприѣзжаго генералъ же майора господина Шиллинга. Потомъ много (со мною) Его Высочество изволилъ прыгать и забавляться.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, князь Михайло Никитичъ Волконской, Петръ Ивановичъ Панинъ, г. Салдернъ, Михайло Михайловичъ Филозовъ и Иванъ Логиновичъ Кутузовъ. Казалось, что Его Превосходительство Никита Ивановичъ очень былъ не веселъ. Братецъ его Петръ Ивановичъ разсуждалъ, какъ часто человѣческія намѣренія совсѣмъ въ другую сторону обращаются, нежели сперва положени были. Сказывалъ при томъ о расположеніи житія своего, которое нынѣ совсѣмъ принужденъ переимѣнять, по критичнѣ смерти Анны Алексѣевны, и князь Бо-

риса Александрыча Куракина, его племянника. Его Превосходительство Петръ Ивановичъ собрался въ Москву ѣхать для учрежденія тамъ домашнихъ обстоятельствъ, по смерти племянника. Шутить притомъ Петръ Ивановичъ, что онъ послѣ себя любовныхъ своихъ здѣсь дѣлъ конечно мнѣ не поручить. Разговаривали о Детушевой комедіи „*le glorieux*“ и Его Высочество изволилъ къ тому примѣшивать свои разсужденія. Въ окончаніи стола пришли съ той половины Его Сіятельство вице-канцлеръ, графъ Захаръ Григорычъ и князь Василій Михайлычъ Долгорукой; выпили по рюмкѣ венгерскаго.

Послѣ стола изволилъ попрыгивать Его Высочество. Графъ Захаръ Григорычъ примѣчанье сдѣлалъ, что Государь гораздо нынѣ сталъ крѣпче и плотвѣе; говорилъ Его Сіятельство о томъ ;и Великому Князю и повертывалъ его. Сжималъ Его Высочество у Михаила Михайловича Философова и потомъ у меня руки, и по лѣтамъ его довольно крѣпко. Какъ разошлись гости, изволилъ Государь толковать рисовальному своему учителю Андрею Англиенчу Грекову, какаѣ сего дня опера будетъ. Въ пятомъ часу пошли мы въ оперной придворной домъ. Представляли комедію „*le glorieux*“; вмѣсто маленькой піесы была комическая опера „*l'on ne s'avise jamais de tout*“; балетъ г. Гранжѣ „Аполлонъ и Дафна“. Кончилось все зрѣлище въ девятомъ часу. Бомонъ роль „*glorieux*“ очень хорошо игралъ. Пришедши, сѣли мы ужинать. За ужиной разговаривали объ оной комедіи, также и вообще о зрѣлищахъ, о комедіяхъ при Государѣ Петрѣ Великомъ: о гокусь-покускахъ, (о канатныхъ танцовщикахъ,) о усилкахъ и проч. Послѣ ужина въ десятомъ часу въ половинѣ легъ Государь опочивать.

29. Государь изволилъ проснуться въ седьмомъ часу въ началѣ. Жаловался, что голова болитъ и тошно; вырвало его.

Послали за Эскулашіями, кои тотчасъ въ Его Высочество порошокъ всыпали. Оставили его на цѣлой день въ постелѣ. Кушалъ Государь гораздо слегка въ третьемъ часу уже. Былъ однакожъ довольно веселъ. Во все почти время, сидя подлѣ постели, рисовалъ ему кое что по приказаніямъ его Андрей Англиенчъ Грековъ, и для забавы разсказывалъ Его Высочеству разныя побасенки, про Илью Муромца и тому подобныя. Я сѣдѣ подлѣ постели на канапѣ во весь почти день читалъ про себя Волтерову исторію. Подъ вечеръ уже сѣли мы играть въ пикетъ „*aller et venir*“, Тимофей Ивановичъ Остервальдъ, г. Сажень и я. По двѣ гривны ставили въ пулю, по гривнѣ за гонѣры. Его Превосходительство Никита Ивановичъ съ нами за большимъ столомъ не кушалъ. Былъ у брата своего, которой въ Москву собрался. Государь, поужинавши такожъ въ постелѣ слегка, заочивалъ въ десятомъ часу. Въ день раза три приходилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ смотрѣть Великаго Князя: болязнь была легонькая.

30. Кавалерской празднѣкъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго. Ея Величество у обѣдни быть изволила. Потомъ съ кавалерами онаго ордена изволила кушать въ галлерей. Его Высочество одѣтъ былъ во фракъ и нигуды выходить не изволилъ.

Кушалъ въ опочивальнѣ одинъ за маленькимъ столикомъ. Послѣ вчерашняго слабъ еще былъ нѣсколько. Въ день изволилъ про себя забавляться и рисовать тесьмы, узоры и тому подобное. Мы по разнымъ угламъ разсѣлись. Иной читалъ, иные межъ собой разговаривали. Ужиналъ Его Высочество такожъ въ опочивальнѣ. Въ сіе время разговаривалъ я у стола (его), сидя съ г. Крузомъ и съ господиномъ Остервальдомъ, о российской Исторіи, о худомъ управленіи нашей академіи, и о нераченіи, чтобъ распространить науки.

Послѣ стола началъ Его Высочество выискивать способъ, какъ бы завтрашній день подъ видомъ болѣзни прогулять и ничего не дѣлать. Третьей уже день какъ я поступками его не весьма доволенъ: идетъ какъ-то все не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, и конечно всякому благоразумному и вѣрному сыну отечества. Уповательно однакожь, что такая черная полоса простоять не долго. Будемъ наставлять машины и дѣйствовать ими, чтобъ разбить ее и произвести свѣтъ. Та только бѣда, что не за всякую машинную-та ручку свободно ухватить мнѣ можно: къ оной вкрасться надобно, и потихоньку поворачивать ея; а для чего? кто спрашиваетъ? Польза только общая, и нравъ въ этомъ случаѣ безпокойной, да еще особлива моя преданность къ Его Императорскому Высочеству. Послѣ ужина, въ десятомъ часу въ началѣ, изволилъ Государь Великой Князь лечь опочивать. На той половинѣ въ галлерей былъ балъ. Ея Величество присутствовать изволила. Балъ кончился часовъ въ восемь.

Д Е Б А В Р Ъ

1. Государь изволилъ проснуться въ осьмомъ часу. Одѣвшись, изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, какъ я рассказывалъ Его Преподобію Отцу Платону о проявившемся сумазбродѣ, которой предсказываетъ, что наканунѣ, или на другой день Рождества Христова нѣмѣшняго году будетъ потопъ, и другія враки разсѣваетъ, то Его Высочество спроситъ меня изволилъ: гдѣ же теперъ этотъ пророкъ? Я отвѣчалъ, что санктпетербургской Архирей велѣлъ взять его въ консисторію, и держать подъ карауломъ. Его Высочество сказать на то изволилъ: это и хорошо онъ сдѣлалъ; хотя эдакой сумазбродъ и враки разсѣваетъ, однако все простой народъ въ безпокойство и смяте-

ніе приведенъ тѣмъ быть можетъ.

Сѣли мы за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ у Государыни еще былъ съ докладами; пришелъ, мы уже за столомъ сидѣли. Разговаривали по большей части о театральныхъ зрѣлищахъ, и какъ распорядить ихъ въ нѣмѣшнее Ея Величества отсутствіе. Государыня въ Сарское село отъѣзжать изволила. Обѣдали у насъ г. Крузъ, г. Салдернъ, г. Стахѣвъ, и г. Епинусъ. Говорили еще о путешествіяхъ иностранныхъ въ Россію и черезъ Россію. Сказывалъ я объ Олеариусѣ, о Веберѣ, о Ганваѣ, о Гавенѣ и доносилъ Никитѣ Ивановичу о нѣкоторыхъ заключающихся тамъ подробностяхъ. Его Превосходительство объ ономъ голштинскомъ посольствѣ, при коемъ былъ Олеариусъ, разсуждать изволилъ, что оно отправлено было болѣе изъ тщеславія, нежели по необходимости.

Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ изволилъ Его Высочество пойтить къ Государынѣ, и побывъ тамъ съ полчаса времени, къ себѣ возвратиться изволилъ. Ея Величество въ Сарское село отбыть изволила. Пришедъ къ себѣ, сѣлъ Государь учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученія съ танцовщикомъ Гранжé твердить изволилъ Его Высочество роль свой изъ балета. Маленькой Олсуфьевъ, Сергій Адамычъ тутъ же пріѣхалъ. Г. Гранжé его роль ему показывалъ. Послѣ танцованья, смотрѣли мы эстампы. Маленькаго Олсуфьева, оставили ужинать. Заужиной спрашивалъ я его кое о чемъ изъ Армететикъ, изъ Исторіи и Географіи; также и о наказаніяхъ, какія у нихъ бываютъ, еслии кто заѣмнитъ, о чемъ и Его Высочество любопытствовалъ.

Послѣ стола, часу въ десятомъ изволилъ лечь опочивать. На комедіи Его Высочество сего дня быть не изволилъ. Комедія была русская „Бранчивой“; балетъ изъ маленькихъ; маленькая піеса „Неудачливое упрямство“.

2. Его Высочество встать изволилъ въ осьмомъ часу. За чаемъ изволилъ разсказывать мнѣ о снахъ, кои онъ сей ночи видѣлъ. По окончаніи сего повѣствованія, далъ я знать Его Высочеству, что сны никогда ничево не значать, и что одни только суевѣры и люди слабые выводять изъ нихъ разныя толкованія. Отъ чегожь они бывають? спросилъ меня Государь. Отвѣчалъ я, что сны производятъ испорченной желудокъ и бродящее воображеніе, чѣмъ нибудь встревоженное или весьма наполненное. Во время обуванія, поставя подлѣ Его Высочества столникъ, писалъ я, а онъ между тѣмъ камердинеру своему Дмитрію Демьянычу изволилъ разсказывать о суевѣрствахъ католиковъ, о коихъ на сихъ дняхъ рѣчь была (смотри выше сего 26 числа ноября). Одѣвшись точить изволилъ. Потомъ сѣлъ за свое ученья. Кажется, что черную полосу гораздо поразбилъ я ужѣ электрическими своими машиннами. Отучася, такожь точить изволилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ графъ Захаръ Григорьевичъ и г. Салдернъ. Разговаривали о банкѣ, о коемъ графъ Захаръ Григорьевичъ сказывалъ, что учреждается въ Берлинѣ и состоятъ имѣть изъ двадцати пяти миллионъ ефимковъ, кои въ торгъ пущены будутъ. По прошествіи каждаго полугода, всякой изъ участниковъ получить часть отъ прибыли по пропорціи взятыхъ (имѣ) акцій: акція по двѣсти рублей. Долго о семъ разсуждали. Графъ Захаръ Григорьевичъ сказывалъ еще, что онъ точно не помнитъ, гдѣ такой банкъ есть, что ежели кто въ оной банкъ положить какую (нибудь) сумму, и десять лѣтъ не будетъ выискивать съ нея ни какихъ процентовъ, то по прошествіи оныхъ десяти лѣтъ каждой годъ по смерти его весь положенной имъ капиталъ банкъ платитъ ему будетъ. На сіе говорилъ я, что таковымъ образомъ банкъ весьма бы могъ легко быть въ накладѣ, и ошибиться въ своемъ счетѣ. О семъ поразсудивши, говорили

о тонтинахъ, потомъ о здѣшнемъ дворянскомъ банкѣ. Его Высочество улыбаючися изволилъ сказать тутъ Никитѣ Ивановичу: какъ не стыдно во весь столъ все говорите одно, да одно. Его Превосходительство изволилъ сказать ему на то, чтобъ не худо навсегда Его Высочеству примѣтить, что лучше обо всякомъ дѣлѣ говорить обстоятельно и доводить его до конца, нежели начавши не оканчивать, и изъ одной матеріи бросаться въ другую. Въ окончаніи стола зашла рѣчь о любви къ отечеству. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Захаръ Григорьевичъ разсуждали, какъ просвѣщенные люди, объ основаніяхъ оной любви, о союзахъ, присоединяющихъ насъ къ отечеству и проч. Я весьма былъ доволенъ, что Его Высочество слушалъ таковыя разсужденія.

Послѣ стола точилъ Его Высочество. Сѣлъ потомъ учиться. У меня очень хорошо учился. Часу въ шестомъ изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была французская „le jaloux desabusé“; балетъ „la coquette punie“; вмѣстѣ маленькой пьесы комическая опера „les deux chasseurs ou la laitière“. Его Высочество очень часто аплодировать изволилъ, особливо въ комической оперѣ. Какъ въ большой пьесѣ комедіантъ Клерваль, которой представлялъ слугу, на театръ вышелъ, то Государь изволилъ сказать: „oh, qu'il joue mal!“ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, задумавшись и не остерегшись, изволилъ сказать на то: „oui, il est bien sot“. Великой Князь, тотчасъ перехвативъ сіе, изволилъ сказать „eh! comment pouvez vous savoir, s'il est sot ou non; on peut mal jouer et avoir beaucoup d'esprit“. Его Превосходительство отдавать въ томъ Его Высочеству справедливость. Пришедши изъ комедіи, велѣли накрывать столъ: принесли кушанье. Но Его Высочество вдругъ раздумалъ, изволилъ говорить, что кушать не хочется; и таеъ ужинали мы одни. Его Высочество не ужинавши лечь изволилъ; было около половины десятого часу.

3. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Послѣ ученья точить изволилъ.

Изъ стороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Стахѣвъ. За столомъ изволилъ (его) Никита Ивановичъ разспрашивать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ дѣлъ шведскихъ. Еще говорили о здѣшнемъ французскомъ машинистѣ Дюкло, которой предлагается, чтобы дозволено ему было сдѣлать для Его Высочества театръ кувольной, и хочеть тамъ представить походы войскъ, сраженія и другія разныя згѣи.

Послѣ обѣда читали описаніе Дюклова проекта. Его Высочество смѣялся изволилъ, что въ немъ совсѣмъ не наблюденно ореографія. Попрыгавши и поточивши нѣсколько, изволилъ сѣсть учиться. Отучась изволилъ пойтти въ комедію; комедія была французская «le jeu du hazard et de l'amour»; балетъ Нейвилевъ; вмѣсто маленькой піесы комическая опера «on ne s'avise jamais de tout». Государь очень много аллюдировать изволилъ. Пришедши изъ комедіи, легъ опочивать неужинавши; часъ былъ въ половинѣ десятой.

4. Государь проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Принималъ лекарство. Одѣлся однакожъ, какъ обыкновенно, и кушалъ за большимъ столомъ.

Изъ стороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у Ивана Перфильевича Елагина; онъ былъ имянниникъ. По утру прислалъ въ Великому Князю англиской пасторъ г. Демаресъ двѣ книги: *Histoires choisies des auteurs profanes* и Квинта Курція на французскомъ язмышѣ съ латинскимъ подлинникомъ.

Послѣ обѣда, въ опочивальнѣ у столика сидя, изволилъ Его Высочество забавляться разчерчивавочи и пишучи ноты. Сего дня Государь учиться не изволилъ. Подъ вечеръ, у онаго столика сидя, читалъ я ему часа два многія главы изъ помянутой книги *Histoires choisies des*

auteurs profanes, о терпѣннн, о великодушнн, (о милосерднн), о умѣренности, о постоянствѣ, о ласкательствѣ, о дружествѣ, со многими древними (и новыми) примѣрами и замисловатыми рѣчами. Государь весьма охотно изволилъ слушать. Изволилъ при томъ сказать мнѣ: эдакая грудь! какъ долго читаешь, и тебѣ ничево. Я отвѣчалъ, что желаю только, чтобы Его Высочества уши отъ такого чтенія не уставали, а что моя грудь снесеть то конечно. Потому Его Высочество изволилъ строить корабль изъ картъ. Прнѣхалъ Карлъ Ѳеодоровичъ Крузъ, и Государь изволилъ сѣсть ужинать по обыкновенному за большимъ столомъ. Откушавши, въ десятомъ часу въ началѣ легъ опочивать.

5. Воскресенье. Его Высочество изволилъ проснуться въ осьмомъ часу. Одѣвшись и почитавъ съ Его Прендобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе, изволилъ пойтти къ обѣдни. Послѣ обѣдни, за Его Высочествомъ въ желтую его аудіенцъ-комнату пришло изъ церкви не мало генераловъ и протчихъ. Государь изволилъ болѣе разговаривать съ генераломъ кн. Алексѣй (Александромъ) Михайловичемъ Голицынымъ, и съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ о морскихъ и о сухопутныхъ ордерахъ баталій. Въ сіе время стоять изволилъ Его Высочество подлѣ стола, выкрашеннаго синєю краскою и представляющаго море. Оной столъ разчерченъ по румбамъ и мѣдныя кораблнн на немъ разставлены. Изволилъ Его Высочество ретироваться въ опочивальню, и большая часть стороннихъ разошлась. Точилъ Государь, и потомъ около товарнаго станка попрыгивавочи, долго шутить со мною изволилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, г. Салдернъ, Александръ Ильичъ Вибиковъ и Михайло Михайловичъ Филозофовъ. Рассказывалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ о женѣ цербстскаго посланника госпожѣ Капельманшѣ, ка-

кая это неумоммал танцовщица и пѣвица; три дни сряду была на балахъ часа два и три за полночь, и все танцовала и пѣла. Не знаю каково поетъ она, а знаю какъ танцуетъ. Есть пословица: охота смертная, да участь горькая: ни къ чему она такъ не пригодна какъ къ танцамъ г-жи Капельманши. Потомъ Никита Ивановичъ изволилъ разсказывать о дацкомъ правленіи и о разныхъ тамошнихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Изъ сего вышли и генеральныя о государственныхъ уставахъ разсужденія.

Послѣ стола поѣхали мы прогуливаться. Государь въ каретѣ изволилъ Никитѣ Ивановичу сказывать о вчерашнемъ нашемъ чтеніи, что весьма похвалялъ Его Превосходительство. Проѣзжая на Литейной бывшей дворъ г. Балакирева, разсказывалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ объ ономъ шутѣ, также и о графѣ Апраксинѣ, кои оба во время Государыни Императрицы Анны Иоанновны были. Его Превосходительство Балакиревѣ сказывалъ съ похвалою, что шутки его никогда никого не язвили; но еще многихъ часто и рекомендовали. Гр. Апраксинъ напротивъ того несносной былъ шутъ, обижалъ часто другихъ, и за это часто бить бывалъ. Г. Салдереъ и я говорили Никитѣ Ивановичу, что въ тогдашнее время вездѣ мода была на дураковъ, и у всѣхъ почти дворовъ ихъ держали; но что нынѣ совсѣмъ этотъ обычай миновался. Соглашался на то и Его Превосходительство, сказывая при томъ, что покойная Государыня Елисаветъ Петровна терпѣть не могла, чтобъ у ково въ домѣ такой шутъ былъ. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Государь сѣсть со мною у учительнаго стола, и просилъ меня, чтобъ я почиталъ ему вчерашнюю книжку. Читалъ я Его Высочеству главы о наукахъ, о пользѣ ученія, о почтеніи ученыхъ людямъ и о библіотекахъ. Изволилъ потомъ Государь чертить на бумагѣ дома по своимъ идеямъ. Потомъ игралъ на клавикортахъ. Пошли въ желтую комнату. Потомъ (тамъ) побѣжавши, изволилъ

сѣсть къ столу, и самъ про себя читалъ оную книгу: *Histoires choisies des auteurs profanes*. Послѣ вставши, въ учительной точить изволилъ. Послѣ точенья; изволилъ сѣсть со мной къ учительному столу, и смотрѣть книгу о духовныхъ церемоніяхъ всѣхъ народовъ. Сія книга на французскомъ языкѣ со множествомъ плановъ. Сей разъ смотрѣли мы духовные обряды католической церкви. Потомъ смотрѣли эстампы Рубенсовы. Въ девятомъ часу пошли ужинать. Государь очень мало кушать изволилъ. Разговаривали мы о поединкахъ. При томъ говорилъ я Государю, что ни въ которомъ государствѣ они не дозволены; что во всѣхъ регламентахъ положена тому смертная казнь, кто на поединкѣ убьетъ своего соперника; что особливо въ нѣмецкой землѣ часто они бывають за самия бездѣлицы, по одному только ложному понятію о честолюбіи; что со всѣмъ тѣмъ бывають иногда случаи, гдѣ подлинно по принятымъ нашимъ мнѣніямъ, честь обязываетъ вынять шпагу; что нынѣ вездѣ уже поединки не въ такомъ обыкновеніи; что люди стали уже по-умнѣе, по-основательнѣе и по-просвѣщеннѣе. Его Высочество, выслушавъ сіе, спросить изволилъ: какъ-т о мнѣ быть, какъ дойдетъ случай выйтить на поединокъ? Говорили всѣ мы, сколько насъ было, что Великому Князю конечно такой необходимости никогда не будетъ: съ равнымъ себѣ встрѣтятся (встрѣтятся) и такъ жестоко поссориться конечно ему не случится, съ вышнимъ себѣ никогда не увидится, а нижнему или подчиненному прощать надобно, когда сдѣлаетъ ему досаду, великодушіе того требуетъ. А ужинало насъ не великое число, такъ какъ и обыкновенно бываетъ. За ужиномъ Государь по большой части самъ-четверть только кушаетъ. Откушавши черезъ полчаса времени изволилъ лечь опочивать; часъ былъ десятой три четверти.

6. (День Николая Чудотворца). Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ.

Одѣвшись, изволилъ пойтить въ учительную. Тутъ между прочимъ изволилъ разговаривать со мною о должностяхъ дружества. Пріѣхалъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Запша у насъ между прочимъ рѣчь о товарныхъ станкахъ нашихъ, что они очень дорого стѣять; за одинъ, какъ сказываютъ, дано восемь-сотъ, за другой шесть-сотъ рублей. Его Высочеству захотѣлось тутъ счесть, во что оныя станки подлинно стали. Зачали мы все класть въ оцѣнку: дерево, гайки, винты, долота и весь приборъ ихъ; я все записывалъ. Въ оцѣнѣ помогалъ и кумъ мой Грековъ. По окончаніи счету, противъ оной цѣны едва половинная вышла. Слѣзъ Государь съ Отцемъ Платономъ читать Священное Писаніе. Его Преподобіе толковалъ ему сего дня Павловы посланія. Сказали между тѣмъ, что отъ госпожи Еропкиной присланъ, по призыву Его Превосходительства Никиты Ивановича, какой-то живописецъ изъ Троицкой Лаври, Сидоръ Тимофеевичъ. Онъ покойнаго мужа ея Алексѣя Михайловича портретъ на финифти написалъ весьма изрядно. Никита Ивановичъ намѣренъ былъ и Его Высочества портретъ приказать написать такимъ же образомъ. Вѣрно оному Сидору прійтить въ иное время, для того, что портретъ Его Высочества, писанной дацкимъ живописцомъ Ериесомъ, былъ отданъ для списыванія, а съ натуры писать на финифти нельзя. Представлялъ морскаго кадетскаго корпуса директоръ Его Высочеству кадетскихъ своихъ офицеровъ, для поздравленія съ праздникомъ. По окончаніи обѣдни въ придворной церкви, пришли также къ Государю поздравить съ праздникомъ графъ Мартынъ Карловичъ Скворонской, Александръ Александровичъ Нарышкинъ, Александръ Ивановичъ Нарышкинъ (?) и князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, камергеръ. Какъ ушли они, то Его Высочеству изволилъ присѣсть къ морскому столу своему, уставленному мѣдными кораблями, (и) подозвавъ Ивана Логинича Кутузова, изволилъ съ нимъ разставлять

корабли въ разные ордера. Сего утра Его Высочество не учился. Пришолъ Его Превосходительство Никиты Ивановичъ, за нимъ г. Салдернъ и аглинской пасторъ г. Демарескъ. Г. Демарескъ поднесъ Государю большую карту, на которой изображены въ графахъ по годамъ всѣ знатнѣйшія приключенія отъ начала міра до новѣйшихъ временъ во всѣхъ государствахъ, такъ что однимъ взглядомъ видѣть можно, что въ разныхъ мѣстахъ въ одно время происходило: оная карта на аглинскомъ языкѣ. Его Превосходительство Никиты Ивановичъ приказалъ отослать ее въ академію, чтобъ также (ее) разчертить, и надписи перевести на языкъ французской. Я говорилъ, чтобъ не худо о російской Исторіи тутъ (по) прибавить и по больше. Никита Ивановичъ изволилъ согласиться на то, и приказалъ г. Остервальду, чтобъ онъ о томъ поговорилъ съ господиномъ Шлецеромъ.

Пошли за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ, Иванъ Логиновичъ и г. Демарескъ. За столомъ разговаривали между прочимъ о воспитаніи Государя Петра II. Его Превосходительство Никиты Ивановичъ говорилъ, что графъ Остерманъ, имѣвши тогда участіе въ ономъ воспитаніи, и примѣтя, что способу нѣтъ, чтобы такъ оно шло какъ надобно, мало по малу зачалъ отъ того удалиться подъ видомъ разныхъ положенныхъ на него дѣлъ, и наослѣдокъ не принималъ уже болѣе никакого въ томъ участія. Говоря о смерти онаго Государя, сказывалъ Никита Ивановичъ, что въ болѣзни его и въ самомъ жару возили на охоту разгуливаться, что можетъ быть и смерть его ускорило. Разговаривали потомъ о аглинскомъ и французскомъ министерствѣ. Его Превосходительство Никиты Ивановичъ весьма изволилъ похвалять аглинскаго министра господина Гидеке, которой былъ здѣсь передъ г. Вилліамсомъ, во владнїи блаженна памяти Государыни Елисаветъ Петровны. О г. Тессинѣ, шведскомъ

министръ, разсуждая, хвалилъ его Никита Ивановичъ во многомъ и говорилъ, что онъ человѣкъ весьма умной, въ политическихъ дѣлахъ прозорливой и науками просвѣщенной, но что совѣсть имѣеть худую и жестокъ нѣсколько. У г. Демареска спрашивалъ Его Превосходительство, довольны ли у нихъ въ Англіи нынѣшнимъ министерствомъ. Г. Демарескъ съ обыкновенною своею вольностью и чистосердечностію говорилъ, что у нихъ никогда довольнымъ министерствомъ не бывають; всегда есть люди, вон хотятъ переменъ. „Наши люди, продолжалъ онъ съ особливимъ и ему только свойственнымъ смѣхомъ, все бранятся, покажѣтъ увидятъ, что предстоитъ всѣмъ общая опасность; тогда всѣ соединятся и стараются единодушно, чтобъ отвратить ее. Прошла опасность, опять начались ссоры.“

Послѣ стола попрыгивалъ Его Высочество и очень былъ веселъ. Принесъ къ Государю изъ академіи художествъ бывшей прежде при немъ мальчине, конюховъ сынъ, Иванъ Алексѣевъ Ермеевъ работы своей рисунки, которые Его Высочество въ опочивальнѣ разсматривать и очень хвалить изволилъ. Приказалъ позвать къ себѣ онаго малова; пожаловалъ его къ рукамъ и спрашивалъ, въ какихъ онъ классахъ учился. Изволилъ Его Высочество съѣсть учиться: у меня очень хорошо учился. Послѣ ученья попрыгиваючи изволилъ подбѣжать ко мнѣ, и долго цѣловалъ меня, и по брюху потрещивалъ. Въ шестомъ часу изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была маленькая: „Arlequin Nula;“ а большая піеса „maréchal ferrant“, опера comique; баетъ г. Гранжѣ „Аполлонъ и Дафна.“ Послѣднее зрѣлище сего дня было, для того что начинается предпразднество Рождества Христова (advent). Смотрителей было ужасное множество. Его Высочество очень много аплодировать изволилъ; комедіанты весьма тѣмъ ободрены были, и чрезвычайно хорошо играли. Балетъ такожъ особливо хорошо танцовали; все зрѣлище въ десятомъ часу въ нача-

лѣ кончилось. Пришедъ, очень скоро Государь изволилъ съѣсть кушать. Заужиной по большой части разговаривали о сегоднѣшнемъ зрѣлищѣ. Опочивать Его Высочество изволилъ лечь въ началѣ десятаго часу.

7. Государь изволилъ проснуться въ осьмомъ часу. За чаемъ изволилъ сказы-вать мнѣ, что лишь заочивалъ вчерась, то привидѣлася ему вчерашняя опера и онъ въ просонѣ въ ладоши хлопалъ. Его Высочество очень былъ не веселъ. Какъ чай мы пили, горѣло въ будуарѣ двѣ свѣчи. Надобно знать, что у Великаго Князя на всю недѣлю распредѣлено, сколько по утру въ будуарѣ зажигать свѣчекъ, когда онъ чай кушаетъ. Изволилъ забавляться тѣмъ, и весьма точно наблюдаетъ, чтобъ сей его приказъ камердинеры памятовали. Въ среду и въ четвергъ горѣть по одной свѣчкѣ, во вторникъ и въ пятницу по двѣ, въ понедѣльникъ и въ субботу по три, въ воскресенье четыре. Въ которой день случится праздникъ, въ тотъ одна свѣчка противъ обыкновеннаго прибавляется. Во время обуванья развеселился Его Высочество. Показывалъ я ему написанное мною имянемъ его предложеніе въ адмиралтейскую Коллегію о переводѣ на російской языкъ изданнаго нѣкимъ шведскимъ штурманомъ описанія Балтійскаго моря. Послѣ, оное предложеніе подписалъ Государь, и я отослалъ его въ Коллегію. Еще читалъ я Его Высочеству изъ книги *Histoires choisies des auteurs profanes*, о дружествѣ, на какихъ законахъ оно должно быть основано, какъ сохранять его надобно, какъ безцѣненъ прямой другъ для Государя, какъ поступать съ нимъ должно. Говорилъ я Государю, что Цезарь Августъ по потеряннѣ войскъ своихъ, набираетъ опять новыя: по разбитіи флотовъ выводилъ новыя флоты въ море, по разореніи великолѣпныхъ зданій сооружалъ новыя еще великолѣпнѣйшія прежнихъ; но лишася Мекената и Агриппы, никогда по-

любныхъ друзей не наживалъ уже, хотя безчисленныхъ народовъ былъ обладатель. При многихъ случаяхъ показывалъ Августъ свое о томъ крайнее соболѣзнованіе. „Такое-то, говорилъ я Его Высочеству, прямой другъ для государя! Много есть такихъ, кои обманывая Государей, показываютъ, что (они) друзья ихъ, но въ самомъ дѣлѣ подлые только ласкатели и подпизалы; нечего отъ такихъ ждать ни добраго совѣту, ни постоянства, ни помощи во время противныхъ случаевъ.“ Весьма охотно и прилежно изволилъ слушать у меня Его Высочество. Пришло тутъ зубной гѣваръ г. Клеретъ. Государь изволилъ надъ нимъ подтрунывать, но какъ я далъ знать ему, что это дурно, то изволилъ послушаться и пересталъ. Одѣвшись, пошелъ со мною въ учительную. Тамъ вздумалось [Его Высочеству] увѣренія мнѣ дѣлать, сколько онъ меня изволилъ жаловать; что онъ видитъ, какъ много я его люблю, и что съ своей стороны конечно никогда любить меня не перестанетъ, и все мнѣ повѣрять въ состояніи. Въ 10 часовъ изволилъ сѣсть учиться. Вышелъ я въ сіе время одѣваться и Государь просилъ, чтобъ я затворилъ двери. Его Высочество терпѣть не можетъ, чтобъ въ той комнатѣ, гдѣ онъ, двери растворены были. Послѣ ученя, по столовому своему морю корабли водить изволилъ, открывалъ тамъ новыя земли, давалъ имъ имена, и перевозилъ селенія.

Сѣли за столъ. Изъ стороннихъ обѣдалъ у насъ только графъ Андрей Алексѣичъ Вестужевъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ о домѣ ихъ, въ коемъ по рассказамъ графа Андрея Алексѣича челоуѣкъ съ-полтараста людей и великое въ томъ числѣ множество всякаго званія мастеровыхъ. Еще говорили о Каменномъ Островѣ и о деревнѣ графа Вестужева, что на каменномъ Носу, которая тысяча три въ годъ доходу ему приносятъ, несчитая дровъ и сѣна, котораго онъ не кушитъ.

Послѣ стола изволилъ попрыгивать Его Высочество, и опять водилъ корабли свои. Въ четвертомъ часу изволилъ сѣсть учиться. Послѣ ученя приходилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и посылалъ за г. Гра и жѣ, чтобъ Его Высочество протвердилъ при-немъ роль свой изъ балета. Но танцовщика не нашли, и Его Превосходительство изволилъ уйтись къ себѣ. Разговаривалъ Государь о домо-строительствѣ. Великой Князь весьма жалуетъ разговаривать о партикулярномъ домоводствѣ, и восхищается входя въ подробности онаго и представляя себя въ партикулярномъ состояніи; забавляется тѣмъ по своему нѣжному еще младенчеству и имѣя наживѣйшее воображеніе, какое натура только произвестъ можетъ. Его Высочество все себѣ можетъ такъ ясно и живо представить, какъ бы предъ нимъ то уже дѣйствительно происходило: веселится тогда, попрыгиваетъ и откидывается, по привычкѣ своей, руки назадъ безпрестанно. За ужиною разговаривалъ о работникахъ и о кучахъ. Его Высочество завидовалъ имъ, что они рано спать ложатся и рано встаютъ. У Его Высочества ужасная привычка, чтобъ спѣшить во всемъ: спѣшить вставать, спѣшить кушать, спѣшить опочивать ложиться. Передъ обѣдомъ за часъ еще времени или болѣе до того, какъ за столъ обыкновенно у насъ садятся (т. е. въ началѣ втораго часу), засылаетъ тайно къ Никитѣ Ивановичу гоффуриера, чтобъ спроситься, не прикажетъ ли за кушаньемъ послать, и всѣ хитрости употребляетъ, чтобъ хотя нѣсколько минутъ выгадать, чтобъ за столъ сѣсть по ранѣе. О ужинѣ такія же заботы. Послѣ ужина камердинерамъ повторительные наказы, чтобъ какъ возможно они скорѣй ужинали съ тѣмъ намѣреніемъ, что какъ камердинеры отужинаютъ скорѣе, такъ авось и опочивать положить нѣсколько по ранѣе. Ложась заботится, чтобъ по утру не проспалъ долго. И сіе всякой день почти бываетъ, какъ ни стараемся Его Высочество отъ того отвадить. Сего дня я у

Государя не ужиналъ. Опочивать онъ лечь изволилъ въ половинѣ десятаго часу.

8. Встать Государь изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Приказалъ Савелью Данилычу написать разные узоры для тесьмы, и потомъ изволилъ выбрать себѣ которой ему лучше полюбился, говоря, что естъ либѣ онъ жилъ уединенно, тобъ ли врею свою такими тесьмами вложилъ. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ Его Высочеству пойтить въ золтую комнату къ морскому столу своему, и водилъ тамъ корабли. Читалъ потомъ комическую оперу: „On ne s'avise jamais de tout.“ Какъ стали мы тутъ попѣвать нѣкоторыя изъ французскихъ комическихъ оперъ ариі, то просилъ Государь, чтобъ перестали, сказывая, что онъ и такъ столько ихъ наслушался, что и во снѣ ему снятся, и не дадутъ покою. Рассказывалъ я Его Высочеству и Отцу Платону объ обѣдѣ Государя Петра Великаго, какъ онъ обыкновенно съ самаго утра приказывалъ для себя студень приготовить, и что завсегда рано за столъ садивался. Государь Великой Князь изволилъ сказать къ тому: въ этомъ могъ бы и я легко блаженныя памяти Государю послѣдовать, и весьма бы радъ былъ, естъ либѣ дозволили. Желаю только, чтобъ могъ послѣдовать и въ прочемъ, почему онъ великимъ названъ. Говорилъ я, что надобно учиться и послѣдовать добродетельнымъ совѣтамъ, то и сіе сбыться легко можетъ; что природа даровала ему довольно къ тому способности. Дождались мы долго Его Превосходительства Никиту Ивановича. Прислалъ онъ, чтобъ мы за столъ садились, и вскорѣ потомъ и самъ пришелъ съ нами сѣсть кушать.

Обѣдали у насъ генералъ-поручикъ г. Веймарнъ, г. Салдернъ и графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Гр. Александръ Сергѣичъ лишь только изъ Сарскаго села пріѣхалъ. Рассказы-

валъ о тамошнемъ житьѣ, какъ тамъ время проводить и чѣмъ увеселяются. Сказывалъ, что г-жа Капельманша тамъ пѣла въ передней у Государыни Праксовья Александровна Брюсша ее заставляла.

Послѣ обѣда г. Веймарнъ поднесъ Его Высочеству большую раковину, на подобіе шишака, которую получалъ онъ изъ Сибири. Разговорился о библиотекахъ и я Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу сказывалъ о своей, какъ она велика, и изъ какаго роду книгъ состоитъ по большей части. Великой Князь въ сіе время около насъ изволилъ попрыгивать, и то тово, то другова за полу подергивалъ: былъ очень веселъ. Въ четвертомъ часу сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Мнѣ кажется, что я нигдѣ не упоминалъ еще о знакахъ своихъ, которые я въ математическихъ Его Высочества тетрадахъ ставлю. Когда очень хорошо изволилъ учиться, то положилъ у меня знакъ NB 1, когда хорошо NB, когда посредственно +, когда дурно 0. Такіе значки нарочно завсегда я ставлю, чтобъ тѣмъ побудить Великаго Князя къ большей прилежности, когда онъ видитъ, что и по простствіи нѣкотораго времени знать будетъ можно, какъ онъ учился. Примѣчаю, что и не излишняя взятая мною сія предосторожность. По окончаніи ученія обыкновенно изволилъ дожидаться и заглядывать, какою я знакъ поставлю. Заскачетъ, когда очень хорошей изволилъ увидѣть, а когда не по желанью, то повѣся голову изволилъ отойтти прочь, и бываетъ не веселъ. Послѣ ученія, съ нетерпѣливостью Его Высочество ожидалъ ужины. За столомъ былъ не веселъ. Послѣ пожуренъ за то. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

9. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Точить изволилъ, и разговаривалъ съ токарнымъ мастеромъ Мюриелемъ о токарномъ дѣлѣ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, г. Салдернъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и полковникъ князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой, которой отъ поляку своего изъ Лифляндіи вчерась пріѣхалъ. Разговаривали о битвѣ скотины; что у насъ бойни сдѣланы отовсюду открыто; что отъ вони нельзя къ нимъ приблизиться; что мясники ходятъ всѣ перемаранные, какъ палачи; что въ другихъ мѣстахъ скотину бьютъ на дворахъ и никто того не видитъ. Графъ Петръ Александровичъ говорилъ, что въ Данцигѣ великой въ этомъ порядоѣ. Гр. Иванъ Григорьевичъ сказывалъ, что и въ Ревелѣ таково въ этомъ чистота великая; что въ мясномъ ряду разныя части мяса прицѣплены крючьями на веревкѣ, которая ходитъ по блокамъ, такъ что посмотри одну часть, ежели она не полюбится; можно ведѣть прицѣпить ее опять и по блоку передвинуть веревку; тогда снимутъ другую часть и такъ далѣе; что въ Парижѣ ни кто почти не печетъ хлѣбовъ въ домѣ: какой изволишь, можно во всякое время получить изъ харчевенъ; что часа за два передъ обѣдомъ можно заказать себѣ столъ человекъ на пятьдесятъ и проч. „Что до опрятства и до чистоты касается, говорилъ я, такъ легко бы и у насъ ввести (то) можно: зависить отъ полиціи.“ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ рассуждали тутъ о полиціи весьма разумно. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что генеральному директору полиціи нельзя никакимъ образомъ на всѣ случаи дать наставленія; что существо должности его такое, чтобъ самому умѣть при разныхъ обстоятельствахъ употреблять и хитрость и строгость, и принадлежащія къ соблюденію порядка способы. Графъ Иванъ Григорьевичъ сказывалъ особливой и весьма чудной примѣръ совершенной полиціи, случившейся во Франціи съ нѣкакимъ чужестранцомъ на дорогѣ отъ Ліона къ

Парижу. Его (же) Сіятельство сказывалъ, что въ Вѣнѣ положена смертная казнь, если кто съ двора украдетъ кошку, или собаку; кто лошадь украдетъ, тому наказаніе тѣлесное. Сіе узаконеніе сдѣлано въ томъ разсужденіи, что лошадь, привязанную въ стойлѣ, отвязать и свести не трудно; но что тотъ, кто уведетъ собаку, или унесетъ кошку, конечно въ состояніи и другое что украсть; и если не укралъ, то затѣмъ только, что украсть тутъ было нечего, для того что много надобно злодѣйскаго искусства и отваги, чтобъ поймать и унести съ двора оныхъ животныхъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и гр. Иванъ Григорьевичъ рассуждали, что естли (бы) въ другихъ мѣстахъ жить такъ сплотно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, тобъ давно все у насъ перебрали, и насъ бы перебрали: запираемъ ворота деревяннымъ запоромъ; дворъ огороженъ бездѣльнымъ бревенчатымъ оплотомъ, вмѣсто того что въ другихъ земляхъ строятся замкомъ, и ворота всякую ночь запираютъ большими замками и желѣзными запорами, а и тутъ по срединѣ города воруютъ и разбойничаютъ. Причиною такой у насъ безопасности полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ сказалъ къ тому: „сгоуеz moi, que se n'est que bêtise. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit.“ Его Высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: а чтожь, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ. Въ этомъ мнѣ кажется худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависить, чтобъ тѣ хороши были, кои мы хотѣтъ надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ. Разговаривая о полицмейстерахъ, какъ выше упомянулъ я, сказалъ графъ Александръ Сергѣевичъ: „да гдѣжь у насъ возьмешь такова человека, чтобъ данной боль-

шой ему власти во зло не употребилъ.“ Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: что жъ сударь, такъ развѣ честныхъ людей у насъ совсѣмъ нѣтъ? Замогчалъ онъ тутъ. Разговорились о богатствѣ Строганова, и графъ Иванъ Григорьевичъ, исчисляя, торговалъ, шуткою, пермскихъ его вотчинъ.

Послѣ стола, отведши Великаго Князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьевичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланной отвѣтъ графу Александру Сергѣичу. Ухвативъ меня за руку говорилъ онъ Великому Князю: „вотъ, Ваше Высочество, и Семень Андреевичъ конечно это апробуетъ“. Кто и не знаетъ меня, тотъ изъ сего моего журнала заключить можетъ, была-ли отъ меня въ семь апробация. Его Высочество у князя Трубецаго изволилъ разспрашивать о полку его и о житѣ полковничьемъ. Гр. Петръ Александровичъ отглаголился: ѣхалъ въ Малороссію. Разошлись всѣ. Государь изволилъ съестъ учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ пошелъ я въ опочивальню, и сѣвши въ маленькомъ книжномъ будуарѣ уснулъ, для того что прошлую ночь спать очень мало. Государь сѣдавши, что я тутъ, приходилъ пугать меня, растворивши дверь вдругъ и крикнувши. Но какъ я сказалъ, что спать хочется, то изволилъ на нѣсколько времени оставить меня въ покоѣ. Черезъ полчаса времени изволилъ опять прійти, но уже тихонько, и разбудивъ меня порядочно, изволилъ говорить, чтобъ я съ нимъ пошелъ въ желтую комнату: пріѣхала графиня Сиверсша и гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ, для повторенія съ Его Высочествомъ ролей своихъ изъ балету. Пошелъ я туда за Государемъ. Побывъ тамъ нѣсколько времени, вышелъ и сѣлъ въ учительной за столъ читать книгу: «les oeuvres de Machiavel.» Государь оттанцовавши тудмжъ войти изволилъ, и увидя, что я читаю, сѣлъ подлѣ меня на стулъ и сталъ со мною

(самъ) читать Histoires choisies des auteurs profanes. Съ часъ мѣста почтавши, изволилъ встать, и легши на канapé, повалился. Примѣтя, что ему скучно, пересталъ и я читать, и сѣвши къ нему, зачалъ съ нимъ разговаривать. Говорили о употребленіи времени. Чтобъ болѣе ввестъ его въ матерію, спрашивалъ я Его Высочество, какъ бы онъ расположилъ время, естли бы ему оно дано, было на произволеніе. Изволилъ разсуждать онъ и распредѣлять на все часы. Говорили потомъ о Москвѣ, и Государь весьма хвалилъ тамошнее житіе. Еще зашла рѣчь о Его Высочества камердинерахъ, офиціантахъ и лакеяхъ. Говорили о каждомъ, кто каковъ. Сѣли ужинать. За столомъ разговаривали о Гросъ-егерсдорфской и Корндорфской баталияхъ, о найденной у убитыхъ прусскихъ офицеровъ въ карманахъ Левадодовой диспозиціи, и о смысканомъ письмѣ у одного изъ тѣхъ же офицеровъ въ карманѣ, отъ его любовницы. Сказывалъ я также и о другомъ любовномъ письмѣ, которое нашелъ я въ бумагахъ одного арестованнаго офицера, разбирая ихъ по повелѣнію Государя Императора Петра III, въ бытность мою у него адъютантомъ. Послѣ ужина, разговорились мы о младенчествѣ Его Высочества, когда онъ былъ лѣтъ пяти и моложе. Сказывалъ я, каковой тогда по городу слухъ носился, какъ къ Его Высочеству вмѣсто Алексѣя Григорьевича Жеребцова опредѣлили на время графа Мартина Карловича Савронскаго. Какъ оба они нѣсколько дней спустя прішли къ нему, то нѣкоторые изъ придворныхъ спрашивали (при нихъ) тогда у Его Высочества, которой изъ нихъ ему больше понравился? Государь Великой Князь говорилъ, что оба они люди достойные, и что онъ обоимъ очень доволенъ. Какъ ни допытывались при нихъ, однако болѣе сего не могли у него допроситься. Какъ Алексѣй Григорьевичъ и гр. Мартинъ Карловичъ вышли, то говорилъ онъ: что это имъ сдѣбалось.

что при нихъ спрашиваютъ меня, чтобъ я сказалъ настоящее свое о нихъ мнѣніе. Лзя ли этому статься? Либо вопросители глупы, либо меня они за дурака почитаютъ. Его Высочество изволилъ признаться мнѣ, что подлинно былъ такой случай. Разговаривали мы еще о бывшихъ при Его Высочествѣ мальчишкахъ, Иванѣ Ильичѣ и Иванѣ Алексѣичѣ Ерменевѣ и Бектѣевѣ, такожь и о трудахъ его при воспитаніи Его Высочества говорили. Изволилъ потомъ Государь пойтить опочивать; десятаго часу было двадцать минутъ.

10. Его Высочество изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись учился. Послѣ ученья разговаривалъ я при Государѣ Великомъ Князѣ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ жизни Государя Петра Великаго. Заставилъ (послѣ) Его Высочество Андрея Ангиленча рассказывать себѣ о нѣкоемъ Тарасѣ Филиппчѣ, и о Калинѣ Плѣшивомъ, кои были при Государѣ блаженныя памяти Петрѣ Великомъ. Тарасъ Филиппчъ былъ языкомъ косень, и Государь одинъ почти могъ разумѣть его. Сказавши о чемъ нибудь Государю, что гдѣ увидить, говаривалъ ему напоследокъ обыкновенно: Куль-Царина, то есть, не сказывай Государю ни кому, о чемъ я доносилъ тебѣ.

Сѣли (мы) за столъ. Обѣдалъ у насъ только Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Никита Ивановичъ изволилъ разговаривать съ нимъ о отмѣненіи постовъ, о обрядахъ древней церкви, такожь и о нашихъ раскольникахъ. Его Преподобіе рассказывалъ, какъ обращалъ ихъ Преосвященный Питиримъ Архіепископъ нижегородской, которой написалъ книгу, называемую „Пращца на раскольниковъ.“ Сказывалъ такожь Отецъ Платонъ и о Преосвященномъ Дмитріи Свѣченѣ, Митрополитѣ новгородскомъ, какъ любимъ онъ въ своей Епархіи, и

какой мастеръ обращать раскольниковъ. Будучи въ одно время въ Епархіи своей, призвалъ онъ нѣкоторыхъ раскольниковъ и спрашивалъ, для чего они въ церковь не ходятъ. Раскольники говорили между прочимъ: „какъ-де намъ ходить; (у васъ обѣдню служатъ) на пяти просвирахъ, а по старому обычаю служить должны на семи“. Преосвященной тотчасъ на сіе согласился, и говорилъ, что и онъ прикажетъ на семи просвирахъ служить, ежели имъ то угодно. Призвалъ къ себѣ при нихъ же тутошняго приходскаго священника, и приказывалъ ему: „впредь служи ты обѣдню на семи просвирахъ; пять положи такъ какъ обменовенно по службнику, а къ тому прибавь потомъ одну за нево, а другую за жену ево,“ (указывая на одно раскольника). Раскольники весьма тѣмъ довольны были; пошли и обратились. Весьма бы умалилось расколовъ, естлибъ такъ поступать съ раскольниками, обращающаго требованія ихъ болѣе въ смѣхъ, нежели уважая оныя. Какъ зашла рѣчь о Таинствѣ Причащенія и о преобращеніи хлѣба въ тѣло Христово, то Его Высочество изволилъ спросить тутъ у Никиты Ивановича: какъ же, вѣтъ въ постъ не положено ѣсть мяса, а священники и въ постъ причащаются, поѣтому они въ постъ ѣдятъ (не-постное), своромное? Его Превосходительство сказалъ на то Государю: „что это мясо духовное, (и) что никакова сродства съ обыкновенною плотію не имѣетъ.“ Великой Князь и ко мнѣ съ симъ же вопросомъ оборотился изволилъ. Я тожь сказалъ ему, и тотчасъ другую рѣчь началъ. Признаться должно, что вопросъ сей весьма былъ замысловатой, и великую остроту показываетъ, но крайне стерегся я, чтобъ не дать знать того Его Высочеству, въ томъ намѣреніи дабы, примѣтя себѣ похвалу, не привыкъ онъ впредь шутить на щетъ такихъ вещей, кои за освященныя почитаются.

Послѣ стола говорилъ мнѣ Его Пре-

восходительство Никита Ивановичъ про Отца Платона, какія онъ здравыя мысли, какую ясную (чистую) голову имѣть. „Дай Богъ только, продолжалъ онъ, чтобъ этотъ человекъ духовной у насъ не испортился, обращаясь между прочими, въ числѣ которыхъ всякихъ довольно.“ Никита Ивановичъ еще потомъ съ полчаса времени разговаривалъ съ Отцемъ Платономъ, показавъ кофе подавалъ, о переменахъ церковныхъ, о установленіяхъ великихъ учителей Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Его Высочество изволилъ попрыгивать и глядѣть въ окошко, разговаривая со мною кое о какихъ шуточныхъ матеріяхъ. Изволилъ сѣсть учиться. Послѣ ученія была балету проба. Пріѣзжали къ Его Высочеству танцовать гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ, графиня Елисавета Карловна Сиверсша и маленькой Сергѣй Адамычъ Олсуфьевъ. Послѣ танцованья забавлялся Его Высочество съ Олсуфьевымъ. Изволилъ лечь на канапе. Олсуфьевъ представлялъ камердинера, а Великой Князь господина: мнилъ его къ себѣ, и приказывалъ, что для него приготовить. Потомъ изволилъ точить Его Высочество. Сѣли ужинать. Маленькой Олсуфьевъ у стола оставленъ. Спрашивалъ я его кое о чемъ изъ географіи. Потомъ и Его Высочество много изволилъ самъ его спрашивать изъ географіи жъ. Заговорилъ я, какъ въ одну пору Адамъ Васильичъ кричалъ на Сергѣя Адамыча, что онъ съ сестрой своей побранился. Сіе услышавши маленькой Сережа чуть не заплакалъ. Дали мы знать Его Высочеству, какъ похвальна такая чувствительность. Послѣ стола малютка тотчасъ уѣхалъ. Разговорились мы о провозженіи времени. Государь Великой Князь жаловаться тутъ изволилъ, что кн. Борятинской завсегда ему досаждаютъ, твердя, что надобно ложиться позже, вставать позже, не пропускать ни одной комедіи, и убираться всегда въ пять буюль. Извиняя князь Ивана, пред-

ставлялъ я, что онъ это въ томъ только намѣреніи говорить, что Его Высочество ко всему торопится, и о томъ всегда очень заботиться изволить, какъ бы не опоздать встать, не опоздать лечь, не опоздать за столъ сѣсть; что впротчемъ порядочная жизнь конечно похвальна. Зачалъ Государь раздѣваться. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу. Я между тѣмъ нѣсколько поспорилъ съ Тимофеемъ Иванычемъ Остервальдомъ. Онъ говорилъ, что надобно, чтобы у Великаго Князя на половинѣ всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала и онъ бы къ обхожденію привыкъ. Я съ симъ мнѣніемъ не былъ согласенъ, и говорилъ, что это еще начинать (нынѣ) рано, предлагая тому слѣдующія причины: Великому Князю безъ того всякое воскресенье ходить на ту половину на куртагъ, по вечерамъ иногда бываетъ у Государыни; естли дозволить всѣмъ сѣзжаться къ нему каждую недѣлю по два раза, то сіе можетъ разбить вниманіе его къ ученью; родится ;неминуемо отъ людей, которые къ нему (уже) такъ какъ къ Великому Князю пріѣзжать будутъ, ласкательство, отъ коего предлагаемая послѣ нами ему правда черства будетъ казаться и неприятна; видючи себя такъ часто большимъ, не мило будетъ послѣ итти въ меньшіе и слушаться; теперь хотя и узнаетъ его публика, какой отъ того ждаты прибыли? Онъ дитя еще, не имѣетъ довольно знаній, конми бы блистать могъ; лутче стараться украсить его достоинствами и разными нужными знаніями, и потомъ допустить узнать его; тогда будетъ дѣло другое; застѣнчивъ онъ конечно не будетъ, Государю опознаваться не долго; что теперь въ обхожденіи иногда не такъ воленъ, какъ бы надлежало, тому не застѣнчивость притчиною, а то, что онъ не имѣетъ еще довольно матеріи, чтобъ со всякимъ могъ вступать въ разсужденія, и что по молодымъ его лѣтамъ хочется иногда и порѣзвиться, а при

стороннихъ стыдно, для того и думаетъ, какъ бы только по скорій отъ нихъ отдѣлаться. Я не знаю, сн доводы приняты ли были или нѣтъ, потому что Тимофей Ивановичъ молчалъ только, и глядѣлъ на меня пристально.

11. Государь изволилъ проснуться въ седьмомъ часу. Жаловался, что голова болитъ, и оставленъ часомъ до десяти въ постелѣ. Я сядя подлѣ постели разговаривалъ съ Его Высочествомъ. Между прочимъ изволилъ онъ спросить меня, какъ бы ему лучше проводить время, какъ онъ выростетъ, въ которомъ часу вставать, въ которомъ ложиться и что дѣлать? Говорилъ я ему, что надобно по его многотрудному состоянію не позже ложиться опочивать, какъ часомъ въ одиннадцать; по утру вставать въ шестомъ и въ седьмомъ часу; на уборы не много времени употреблять, и до двѣнадцати часомъ все упражняться въ дѣлахъ и разсужденіяхъ важныхъ; въ первомъ часу садиться за столъ; послѣ стола отдохнувши, отъ пяти до семи часомъ въ какихъ нибудь распоряженіяхъ, въ дѣлахъ, или въ полезныхъ разсужденіяхъ упражняться въ семь часомъ выйтить въ публику, выслушивать, ежели кто что предложить имѣетъ, разговаривать, или сѣсть играть въ карты; часа черезъ полтора или черезъ два ретироваться; въ десятомъ сѣсть ужинать. Въ мѣсяцъ день или два можно положить на отдохновеніе или на какія забавы. Въ сіе время на постелѣ сядя Его Высочество изволилъ попрыгивать, такъ какъ обыкновенно онъ дѣлаетъ, когда что ему нравится, и изволилъ слушать со вниманіемъ. На послѣдокъ изволилъ сказать, что онъ съ моимъ расположеніемъ очень согласенъ, прибавя къ тому: я думаю скажутъ намъ и спасибо, если и эдакъ мы время препроводятъ будемъ. Разговорились мы потомъ о раздѣленіяхъ Его Высочества, какія онъ дѣлаетъ въ головной своей болѣзни. По его системѣ

четыре ихъ рода: круглая, плоская, простая и ломовая болѣзнь. Круглою изволилъ называть ту головную болѣзнь, когда голова болитъ у него въ затылкѣ; плоскою ту, когда лобъ болитъ; простую, когда голова слегка побаливаетъ; ломовую, когда вся голова очень болитъ. Одѣлся Великой Князь во фракъ. Изволилъ въ опочивальнѣ попрыгивать и устанавливать на маленькомъ столкѣ декорации для театру изъ рисунковъ, поднесенныхъ отъ Ерменева. Кушалъ одинъ въ опочивальнѣ.

Послѣ стола посмакавши, изволилъ сѣсть къ маленькому столу, и дѣлать изъ картъ домки. Я, отобѣдавши за большимъ столомъ, пришелъ къ Его Высочеству, и сѣвши подлѣ его, читалъ ему Волтерову Исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ 1715, 1716 и 1717 годы. Изволилъ слушать съ примѣчаніемъ. Потомъ вздумалось Государю сочинять описаніе публичнаго маскараду; приказалъ принести бумагу и чернильницу; изволилъ сказывать мнѣ, и я писалъ отъ слова до слова, ничево отъ себя не прибавляя. Сіе описаніе приложено ниже сего въ оригиналѣ. Въ восемь часомъ сѣлъ Его Высочество ужинать. Пришелъ въ сіе время и Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и тутъ же къ столу сѣвши, изволилъ разговаривать. Послали между тѣмъ за порошкомъ для Его Высочества. Всталъ Государь изъ за стола, и очень захотѣлъ опочивать. Никита Ивановичъ говорилъ, чтобъ подождать, пока порошокъ принесутъ; ввечеру принять надобно; но Его Высочество просилъ неотступно, чтобъ дозволилъ Его Превосходительство лечь ему, что очень сонъ клонитъ. Не можно было отказать ему въ томъ: изволилъ лечь; но чтобъ не заопочивалъ, пока порошокъ принесутъ, сѣлъ я къ нему подлѣ постели и старался сколько можно было разговаривать и развеселять его. На послѣдокъ, такъ мы разговорились и разпотѣшились, что и сонъ прошелъ. Принесли порошокъ; принялъ

Государь, (и) тогда простясь съ Его Высочествомъ, отошелъ я прочь; часъ былъ въ исходѣ десятой. Започиваль Государь, и ночь опочиваль изрядно.

Описание публичнаго маскараду:

Предвозвѣстники маскарада въ пристойномъ по ихъ званію платьѣ, верьхомъ:

1. Петиметръ, 2. Докторъ, 3. Комедіантъ, 4. Педантъ, 5. Картежникъ, 6. Скупой, 7. Раскольникъ, 8. Танцовщикъ.

1. Шестнадцать человекъ петиметровъ: у каждаго въ рукѣ по маленькому зеркалу, въ которое онъ безпрестанно смотрится, и самъ собою любитъся; въ другой рукѣ бутылка съ ладелаваномъ, коимъ онъ себя опрыскиваетъ. За ними ѣдетъ калыска, въ которой петиметръ сидя убирается и съ парикмахеромъ своимъ совѣтуетъ, какъ бы къ лицу убраться; передъ нимъ и позади его лакеи держатъ зеркала.

2. Везуть комнату, въ которой сидятъ докторъ. Около его шестеро больныхъ, для которыхъ онъ пишетъ рецепты. Позади везутъ аптеку, въ которую онъ посылаетъ слугу своего за лекарствами, и самъ, выходя на крыльцо, всѣхъ увѣряетъ, что хотя больные и перемерутъ, однако перемерутъ по самымъ точнымъ правиламъ медицины. Воскликаетъ ежеминутно: нѣтъ легче (лучше) науки и важнее, какъ медицина!

3. Везутъ комнату, въ которой за столомъ сидятъ комедіанты, ужинаютъ съ знатными господами, и поютъ пѣсни. Господа обходятся съ ними за панебрата и разговариваютъ о любви.

4. Идутъ четыре человекъ педантовъ, разсуждаютъ объ наукахъ все неправильно и не встать, и сердятся на новыхъ филозофовъ, которые разуму послѣдуютъ.

5. Ёдутъ въ комнату картежники, играютъ въ карты, съ распухлыми лицами, кои показываютъ, что они ночей пять уже не спали: отъ проигрышу бѣсятся.

6. Идутъ шестеро скупыхъ и ѣдятъ сухой хлѣбъ; за собой несутъ сундуки и оглядываются безпрестанно, чтобъ не унесъ ихъ кто; заглядываютъ въ нихъ, и любятъся деньгами.

7. Идутъ раскольники, и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни.

8. Идутъ двое танцовщиковъ; безпрестанно прыгаютъ и смотрятъ себѣ на ноги.

12. Воскресенье. Государь проснувшись изволилъ въ половинѣ седьмого часу. Говорилъ, что еще нѣсколько голова болитъ: болѣзнь круглая. Чай бушала для того безъ молока и безъ кренделя. Разговаривалъ со мною въ сіе (все) время объ одномъ человекѣ, которой намъ очень не противенъ. Потомъ читалъ я Его Высочеству Волтерову исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ, о трудахъ его и установленіяхъ въ 1718 году, по смерти Царевичевой. Дѣло Царевичево совсѣмъ пропустилъ я, и не читалъ Великому Князю. Послѣ забавлялся Его Высочество, устанавливая на маленькомъ столикѣ, въ постелѣ, декорациі театральныя изъ Ерменева рисунковъ, и вырѣзывалъ платья изъ бумаги. Приѣхалъ лейбъ-медикъ Карлъ Федоровичъ Крузъ; далъ Его Высочеству травнаго чаю и послалъ за порошкомъ. Между тѣмъ разговаривались мы о г. Ломоносовѣ и о г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я Его Высочеству, какъ принимать ихъ, и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства. При семъ и то разсужденіе встать пришло, что о людяхъ нивогда вдругъ по наружному ихъ виду разсуждать и о достоинствахъ ихъ судить не должно. Вставши съ постели, изволилъ Его Высочество одѣться во фракъ. Принялъ порошокъ. Приходилъ отълаиваться Иванъ Ивановичъ Неплюевъ съ сыномъ своимъ и со вну-

комъ. Купалъ Государь одинъ въ опочивальнѣ.

Послѣ стола забавлялся, ставя на маленькомъ столкѣ декорациі. Ужинать изволилъ рано; опочивать легъ въ девять часовъ.

13. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣлся порядочно. Сей день назначенъ для отдохновенія. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по утру въ Сарское село съ дѣлами поѣхалъ. Государь изволилъ рисовать по своему вкусу фигуры.

Сѣлъ кушать за большимъ столомъ въ первомъ часу. Стороннихъ никого у насъ не было. Разговаривали мы за столомъ кое о какихъ бездѣлахъ, коихъ можно и не писать сюда. То только упомянуть надобно, что мнѣ случай былъ молвить Его Высочеству, что ежели въ опочивальнѣ о чемъ ему отъ меня присовѣтовано, чтобъ не говорить болѣе или не дѣлать, тово мнѣ кажется въ публикѣ повторять бы не надобно; что въ искренности совѣтовъ моихъ Его Высочество конечно сомнѣваться уже не можетъ. На сіе поклонясь и улыбувшись изволилъ только сказать мнѣ: такъ сударь, и замолчалъ. Послѣ стола изволилъ Государь заставить Андрея Ангименча рисовать перспективные картинки. Изволилъ сѣсть тутъ же, посадилъ меня подлѣ себя, и ужасно было дѣлованье. Машинистъ Дюкло приносилъ сдѣланную имъ куклу Поллициеля, и передвигаючи нитками дѣлалъ имъ разные повороты и кривлянья. Къ вечеру Государь на столѣ опять изволилъ устанавливать декорациі. Кушать сѣлъ въ восемь часовъ. Опочивать легъ въ девять часовъ.

14. Его Высочество изволилъ встать въ седьмомъ часу. Одѣвшись, по обыкновенному учился.

За столомъ обѣдали изъ постороннихъ г. Салдернъ, графъ Александръ Сергѣевичъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, Петръ Васильевичъ Бакунинъ и Але-

ксандръ Стахѣвичъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большей части о политическихъ матеріяхъ. Также говорили о земледѣліи: потомъ разсуждали о Волтерѣ и о его сочиненіяхъ.

Вставши изъ за стола, изволилъ Великой Князь точить. Въ четвертомъ часу сѣлъ учиться. Послѣ ученья танцовать изволилъ роль свой изъ балета. Очень усталъ. За ужиномъ кушалъ мало. Опочивать легъ въ десятомъ часу въ началѣ.

15. Государь Великой Князь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за обыкновенными своимъ ученіямъ. По окончаніи оныхъ, изволилъ разбирать и устанавливать въ библиотекѣ новыя свои книги. Накуплено ему великое множество авторовъ театральныхъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ только графъ Захаръ Григорьевичъ и г. Салдернъ. Разговаривали сперва о славныхъ трагическихъ писателяхъ Корнелии и Расинѣ. Потомъ говорилъ Его Сіятельство графъ Захаръ Григорьевичъ о военныхъ маневрахъ. Говорили также и объ огромныхъ театрахъ римскихъ, гдѣ дѣла морскія батали представлялися. Наконецъ разсуждалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ о болѣзни графа Захара Григорьевича, (и) потомъ вообще о болѣзняхъ весьма здраво и благоразумно. Графъ Захаръ Григорьевичъ сказывалъ о себѣ, что онъ чахнетъ, никакой боли ни въ чемъ не имѣетъ, а чувствуетъ, что отъ часу слабѣетъ. Еще зашла рѣчь о спаньѣ на пуховикахъ. Его Высочество изволилъ говорить, что онъ лѣтомъ въ мягкой своей постелѣ очень потѣетъ, и что желалъ бы спать на тюфякѣ кожаномъ. Никита Ивановичъ изволилъ сказать, что будущаго лѣта можетъ быть и приважетъ тюфякъ для него сдѣлать; о чемъ превеликая была радость.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество самъ читать Дегушеву комедію „le Glo-

гіеих.“ Сѣлъ потомъ учиться. У меня изрядно учился, а очень хорошо сказать не могу, потому что раза четыре въ выкладкахъ ошибся изъ непримѣчанія. Послѣ ученія изволилъ въ желтой комнатѣ кругомъ попрыгивать. Бѣгали за нимъ собачки, и ужасной лай и шумъ подняли. Приѣхали потомъ графиня Сиверсша, гр. Строгановъ и маленькой Олсуфьевъ; танцовали съ Его Высочествомъ балетъ. Въ сіе время приходилъ и Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и смотрѣлъ, какъ Его Высочество танцуетъ. Развѣхались потомъ гости. Государь изволилъ сѣсть со мною къ учительному столу и смотрѣли эстампы въ сочиненіяхъ господина Руссо, которые сего дня купилъ я. Сѣли потомъ ужинать. За столомъ разговаривали мы между прочимъ о раздачѣ мѣстъ подъ строеніе каменныхъ домовъ, и считали, во чтѣ бы можно тутъ домъ построить; а положено дома строить въ четыре жилья. Я въ этомъ разговорѣ только что разговаривалъ, а участія братъ не могъ ни какого, потому что такого дому построить не на што. Послѣ ужини попрыгавши нѣсколько, изволилъ Его Высочество лечь опочивать. Часъ былъ въ половинѣ десятой.

16. Его Высочество изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ пойти въ учительную комнату, и смотрѣть тамъ со мною изъ окошья, какъ Измайловскіе мимо на караулъ маршировали. Между тѣмъ черни человѣкъ двадцать скопилось передъ окномъ, и глядѣли на Его Высочество. Государь, примѣти сіе, изволилъ сказать мнѣ: я чаю теперь они обо мнѣ разсуждаютъ. Хотѣли бы они, думаю, знать, о чемъ я стоя съ тобою разговариваю. Говорилъ я Государю, что весь народъ жаденъ его видѣть, и сердечно его любить; что конечно желаетъ и знать, о чемъ онъ изволилъ и разговаривать, дабы тѣмъ болѣе еще радоваться. Надобно только стараться,

продолжалъ я, чтобъ поступки, упражненія и разсужденія ваши были всегда такіа, чтобъ служили къ народной радости. А народъ все вѣдаетъ, что у васъ ни происходитъ.

Можете сіе нѣкоторымъ образомъ изъ того заключить, что я многое знаю, что во младенчествѣ вашемъ у васъ дѣлалось, хотя тогда нога моя у васъ въ комнатахъ не бывала; все доходило до меня по слухамъ, кои тогда по городу носились. Желаніе народа такое, присвокупилъ я нарочно мужичьимъ нарѣчіемъ, „штобы Павелъ Петровичъ былъ въ своево прадѣдушку царя Петра Алексѣевича.“ Великому Князю слушаючи прилежно, сказать на сіе изволилъ: не дурнова и хотятъ они. Въ девять часовъ изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ читалъ я Государю присвокупленныя у Марпергера въ концѣ книги его, названной „Московской купецъ“, простонародные разговоры латинскими литерами. Его Высочество очень изволилъ тутъ смѣяться. Написано тамъ „тефка стели скатерть, парень потай пиво; сиюю или летомъ луше путешествуешь“, и тому подобныя. Потомъ изволилъ точить Его Высочество.

Сѣли за столъ. Никита Ивановичъ изволилъ кушать у (кн.) Катерины Романовны. Обѣдали у насъ изъ сторонниа графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и гвардіи дежурной майоръ Любимъ Артемьевичъ Челищевъ. Разговаривали мы о старинныхъ обрядахъ свадебныхъ здѣсь въ Россіи. Любимъ Артемьичъ связывалъ между прочимъ, что у жениха волосы медомъ намазывали, и что во время свадебнаго пиршества одинъ изъ сродниковъ обыкновенно около дому ѣздилъ и рубилъ по воздуху саблею, отгоняя тѣмъ колдуную будто. Государь изволилъ сказать тутъ: суетвѣръ суетвѣровъ отгонялъ по этому. Разсуждали мы такожь о суетвѣрствахъ и въ прочихъ мѣстахъ между подлымъ (простымъ) народомъ, а особливо въ Богеміи.

въ Моравіи и въ областяхъ Папскихъ. Зашла рѣчь о Сибири и о тамошнемъ климатѣ, и я Его Высочеству доносилъ о нѣкоторыхъ тамошнихъ подробностяхъ. Великой Князь, забавляясь, изволилъ сказать мнѣ: ты Сибирь, какъ свой домъ, знаешь; потому что я изъ тѣхъ краевъ уроженецъ. Разговорились о вѣщинахъ графа Александра Сергѣича въ Перми. Онъ самъ никогда не бывалъ тамъ, да видно и слышалъ объ нихъ не много. Сказывалъ я ему, какія тамъ мѣста прекрасныя и какія огромныя села, особливо по рѣкѣ Камѣ. Говорилъ Его Сіятельство на то, чтобъ по этому и жить туда можно переселиться; что доходовъ до сорока тысячъ въ годъ имѣеть; что могъ бы содержать у себя маленькое войско; наказовалъ бы къ себѣ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ; Генерала сдѣлалъ бы канцлеромъ; Петерсона и Шевича сенаторами; какой-то Голдбахъ былъ бы у него фаворитъ и проч. Тутъ-то бы привели все въ порядокъ! Чтобъ настоящее о таковой республикѣ получить понятие, надобно знать всѣхъ оныхъ господъ законодавцовъ.

Вставши изъ за стола и выкушавши кофе, изволилъ Его Высочество пойтить въ учительную и тамъ точить. Въ половинѣ четвертаго часу сѣлъ за свои учения. У меня очень хорошо учился. Послѣ учась Его Высочество по-нѣмецки, и читая книжку («Briefe an einen jungen Prinzen») господина Тессина, министра шведскаго, которую онъ обыкновенно читаетъ, изволилъ сказать про нѣмецкій языкъ: какой это грубой и строгой языкъ; естьли гдѣ надобно сказать, получить пользу или употребить въ пользу, такъ говорятъ (Nutzen ziehen,) вытянуть пользу, (выломать пользу); притащить къ совѣту, вмѣсто того, чтобъ сказать, призвать къ совѣту. Послѣ ученья съ танцовщикомъ Гранже роль свой изъ балета танцовать изволилъ. Былъ маленькой Олсуфьевъ. Гранже принесъ книгу: «les

cérémonies religieuses de tous les peuples», которую бралъ онъ читать изъ библиотеки Его Высочества. Какъ Гранже ушелъ, то въ оной книгѣ нашли мы три письма отъ него къ танцовщицѣ Фузи, зачатыя и неокончанныя. Его Высочество читая ихъ очень много изволилъ смѣяться. Сѣлъ къ учительному столу и изволилъ читать «Histoires choisies des auteurs profanes». Потомъ, какъ эту книгу повиновулъ, читалъ я Его Высочеству походы Государя Петра Великаго въ Персію. Что внимательно изволилъ слушать и потому было видно, что на многихъ мѣстахъ меня останавливалъ, и изволилъ спрашивать объясненія. Наконецъ, чтобъ отдать долгъ и своему дѣтству, изволилъ, у онагожъ стола сидя, вырѣзывать изъ бумаги разные духовыя музыкальныя инструменты, фаготы, гобой и толъ подобныя. Сѣли мы ужинать часу въ осьмомъ, и Государь очень былъ доволенъ, что рано. За ужиною между прочимъ разговаривали мы о турецкомъ посланникѣ, бывшемъ здѣсь, о коемъ пришло извѣстіе, что умеръ. Его Высочество изволилъ разсуждать со мною о книгахъ и о происходящей отъ чтенія пользѣ. Послѣ ужина изволилъ разспрашивать меня подробно, какъ въ кадетскомъ корпусѣ воспитываютъ кадетовъ, какъ они учатся, какъ (они) живутъ и какаѧ ихъ должность на караулѣ, о чемъ обо всемъ разсказывалъ я Его Высочеству. Въ началѣ десятаго часу положилъ его опочивать.

17. Его Высочество изволилъ встать въ седьмомъ часу въ исходѣ. Я не успѣлъ еще надѣть своего шлафрока, какъ изволилъ вбѣжать ко мнѣ, и легши у меня на постелѣ, приказалъ мнѣ сѣсть подлѣ. Тутъ великое пошло лобызаніе и наиповѣреннѣйшія мнѣ были откровенія. За чаемъ изволилъ Государь разговориться со мною о кадетскомъ корпусѣ и о намѣреніи, съ каковымъ основано военное сіе училище. Какъ изъяснилъ я ему оное, то изволилъ сказать: мнѣ кажется, у нихъ уже черезъ чуръ много ружьемъ учатъ

ся. Некогда кадстамъ въ классахъ ничево вмучить. Потомъ изволилъ спрашивать меня, кто первой былъ надъ корпусомъ директоръ, и какіе потомъ были. Доносилъ я объ оныхъ Его Высочеству. Изволилъ онъ къ крайнему моему удовольствію весьма здраво разсуждать; чтобъ надобно въ корпусъ безсмѣннаго (и) къ таковому мѣсту способнаго чело-вѣка опредѣлять директоромъ, а не одного опредѣлять вмѣсто другаго намѣстникомъ; что при такомъ намѣстничествѣ никакъ порядку и въ учрежденіяхъ сходства быть не можетъ. Потомъ вышли у насъ и генеральныя разсужденія объ опредѣленіи людей къ мѣстамъ по способности, и о прилежнѣйшемъ въ томъ разсмотрѣніи. Наконецъ изволилъ спросить меня Великой Князь о нынѣшнемъ на время опредѣленномъ кадетскомъ директорѣ генераль-маіорѣ Михайлѣ Михайловичѣ Философовѣ, былъ ли онъ прежде въ корпусѣ кадетомъ? И какъ я сказалъ, что не былъ, то пакъ изволилъ спросить: гдѣ жъ служилъ онъ, и откуда (онъ), скажи мнѣ пожалуй? Доносилъ я Его Высочеству, что подро-бно службы его не знаю, а слыхалъ, что прежде былъ онъ въ гвардіи. Во время обуванья, изволилъ продолжать мнѣ Его Высочество повѣствованіе свое о происшествіяхъ въ комнатѣ его 1760 году. Одѣвшись, изволилъ сѣсть со мною въ опочивальнѣ къ столу, и приказалъ упоминаемые вчерась три Гранжеевы письма сложивъ запечатать. Запечаталъ я ихъ въ кувертъ и подписалъ на имя Гранже-ево. Приказалъ еще Его Высочество написать и вложить туда записочку. Записочка такъ была написана:

Instruction
pour M. Grangé
de bonne part.

Dorénavant, il ne faut pas laisser ses lettres dans un livre, que l'on rend à un autre. Il faut premièrement feuilleter et visiter ce livre, avant que de le rendre. Autrement, on risque de découvrir ses petits secrets.

Оной кувертъ изволилъ послать Его Высочество съ истопникомъ Андрюшкой; приказалъ одѣться ему похуже, и отдавъ письмо, не сказывая отъ кого оно, тотчасъ уйтись; что и сдѣлано. Послѣ сего, изволилъ Государь пойтись со мною въ учительную. Тамъ читалъ я ему сіи свои записки прошлой недѣли. Изволилъ слушать съ великимъ вниманіемъ и наконецъ скалалъ: все точненько такъ; только нима мѣста желалъ бы я, чтобъ выскребены были. „Ежели все такъ, отвѣчалъ я, такъ за чѣмъ же выскребать? Исторія должна быть справедлива и безпристрастна. Какъ хорошее похулить, и какъ похвалить худое?“ Въ десять часовъ изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. Окончавши ученія, точилъ. Сказывалъ я Его Высочеству, пріѣхавши изъ академіи, о прекрасной едичи сочиненій господина Боало съ рисунками, которую купилъ я. Просилъ меня Государь, чтобъ я привезъ ее показать къ нему.

Сѣлъ за столъ. Изъ стороннихъ былъ у насъ только дежурной гвардіи маіоръ Любимъ Артемьячъ Челищевъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у себя; боленъ былъ зубами. Разговаривали мы за столомъ о завоеваніи Америки, о первыхъ тамъ европейскихъ заведеніяхъ и о тиранствѣ Ишпанцевъ, показанномъ противъ тамошнихъ дикихъ народовъ. Разсказывалъ я Его Высочеству, какъ туда съ самаго начала подъ видомъ расширения вѣры переселились Езуиты; какъ парагейскую землю по себѣ раздѣлили; какіе положили законы, чтобы обогатиться, и жителей содержать во всегдашнемъ рабствѣ; какъ напоследокъ выбрали между собою короля, коего назвали Николаемъ первымъ. Еще сказывалъ я Великому Князю о славномъ китайскомъ Богдоханѣ Камги. Потомъ зашла рѣчь о казакахъ. Слыхалъ я прежде отъ Любима Артемьяча разсказы о ихъ проворствѣ. Захотѣлось, чтобъ и Его Высочество

узналъ о томъ. Указать я на него Великому Князю, и говорилъ, чтобъ изволилъ спросить его, какъ казаки проворны, потому что онъ былъ во всѣхъ турецкихъ и крымскихъ походахъ. Рассказывалъ тутъ старичокъ добродушно все такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Сказывалъ между прочимъ о славномъ казакѣ, которой прозывался Зоря, и фельд-маршалу издали лошадь подъ Туркомъ продать, которой разѣзжалъ въ своемъ станѣ. Вдругъ ударилъ на него, отхватилъ его отъ своихъ, и копьемъ повалилъ съ лошади, а лошадь привелъ къ фельдмаршалу. Еще сказывалъ тутъ Любимъ Артемьичъ о порядкѣ, какимъ образомъ они маршировали во время турецкихъ оныхъ походовъ, и какъ атакують Турки. Янычары ихъ, какъ извѣстно, во время бою весьма легко одѣты; туфли на босу ногу и въ однихъ камзолдахъ, наступаютъ бѣгомъ колонною, которая спереди фронту малова, а что далѣе взадъ, то шире, имѣетъ фигуру трапеціи. Послѣ стола разспрашивалъ Его Высочество Любима Артемьича обстоятельнѣе о турецкихъ походахъ. Изволилъ въ желтой комнатѣ сѣсть и онъ ему подробно рассказывалъ о взятіи Хотина, о захваченіи въ полонъ (славнаго) Калчака-Паши и о генеральской Студчанской баталіи. Потомъ изволилъ пойтти Государь въ учительную комнату. Тамъ читалъ я ему Михайлы Васильевича Ломоносова оду на взятіе Хотина и на оную надъ Турками побѣду. Сія ода лутчая почти изъ всѣхъ его лирическихъ сочиненій. Говорилъ я Его Высочеству, что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки Его Высочества Елисаветы Петровны. „Дай Боже, продолжалъ я, чтобы въ вѣкъ Вашего Высочества такіе же были.“ Изволилъ отвѣчать мнѣ: можетъ быть Богдановичъ таковъ будетъ. „Сердечно того желаю; однако, прибавилъ я къ тому, вить эдакіе люди не растутъ, какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, ободреніе и покровительство. А головъ год-

ныхъ много въ Россіи, хотя такіе голы, какова Ломоносова, и рѣденье нѣскольکو.“ Слѣзъ Государь учиться. Послѣ ученья балетъ танцовать изволилъ, и не весьма охотно. За ужиною о Москвѣ разговаривалъ, превознося ее и прельщаясь ею. Послѣ ужинны, о обѣденныхъ сегодняшнихъ разговорахъ вспомнить и разсуждать изволилъ. Въ девять часовъ съ четвертью легъ опочивать.

18. Государь изволилъ встать въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, до ученья на токарномъ станкѣ гайки въ строѣ изволилъ устанавливать. Послѣ ученья, передъ обѣломъ, вышелъ въ желтую комнату съ Любимомъ Артемьичемъ, разговаривать изволилъ о караулахъ въ войскѣ во время походу; какъ оные разстанавливаются, какъ рундомъ ходять, и какъ отдають и сохраняють пароли и лозунги.

Пошли за столъ. Гость только одинъ былъ у насъ Любимъ Артемьичъ. Сначала разговорились о Хвостовѣ и о Поздѣевѣ, кои казенную покрали. Любимъ Артемьичъ сказывалъ, что судить ихъ опредѣленъ гвардіи майоръ Алексѣй Логиновичъ Щербачовъ. Потомъ сказывалъ онъ и о судѣ гвардіи майора князя Гагарина съ поручикомъ Озеровымъ, и доносилъ Его Высочеству, что присутствующіе Озерова оправили, а онъ, яко презесь, подалъ свой голосъ, что правъ князь Гагаринъ и виновать Озеровъ. Сказывалъ свои къ тому притчины. Разговорились о точности военной службы и строгости судовъ военныхъ. Любимъ Артемьичъ сказывалъ, что при Государѣ Петрѣ Великомъ цѣлой судъ за то сосланъ на каторгу, что осудилъ одного офицера не по законамъ, а по собственному своему благоизобрѣтенію. Говорилъ я, что и я объ этомъ судѣ слышалъ, что Государь разгнѣвался за то, что судейское дѣло судить по тѣмъ законамъ, кои даны имъ, а умягчить, переимѣнить или совсѣмъ

простить зависитъ отъ Его Монаршеской воли. „Однако, продолжалъ я, вить этихъ судей послѣ простилъ Государь, и приказалъ очень скоро возвратитъ ихъ; хотѣлъ только дать острастку.“ Великой Князь изволилъ сказать къ тому: хороша острастка, отобрать чины да послать на каторгу. Челнщевъ говорилъ тутъ, что Государь Петръ Великой обыкновенно прощаль тѣхъ, кои сами принесутъ повинную; естлижъ кои покажутъ себя упорными или злоумышленными, для тѣхъ рѣдко умигчаль строгость законовъ. „Да не при одномъ Государѣ, продолжалъ онъ, эта строгость соблюдалась. Во время турецкихъ походовъ разстрѣляли Тютчева и разжаловали въ солдаты генераль-поручика Загрязскаго, ни за что почти. Это и слишкомъ было, а Государь давно уже преставился.“ Его Высочество изволилъ спроситъ: какъ это происходило, и за што разстрѣляли Тютчева? Рассказывалъ тутъ Любимъ Артемьичъ объ ономъ дѣлѣ. И по длинно причина была не великая. Тимофей Иванычъ Остервальдъ старался оправдать въ томъ Миниха и говорилъ, что эта строгость тогда была надобна, что никто не хотѣлъ его слушать. Были на сіе и возраженія. Разговорились о Александрѣ Ивановичѣ Румянцовѣ и о ссорахъ его съ Минихомъ; тутъ также было и ронг и сонгѣ.

Послѣ стола изволилъ, отведши меня, говорить Его Высочество, что ему хочется, чтобы старичокъ Любимъ Артемьичъ еще что нибудь разсказалъ. Подошелъ я къ нему, и началъ съ нимъ разговаривать. Его Высочество, ставши подлѣ, изволилъ слушать. Говорили мы о взятіи Очакова, потомъ зашла рѣчь о свѣтлѣйшемъ князѣ Меншиковѣ Любимъ Артемьичъ разсказывалъ о житѣ его, и какъ Государь его жаловалъ; упоминалъ также и о письмахъ Государевыхъ къ нему, къ Федору Матвѣевичу Апраксину и къ Борису Петровичу Шереметеву. Про-

силъ я его объ оныхъ письмахъ, чтобы ко мнѣ сообщилъ ихъ, потому что онъ сказывалъ, что многія есть у него. „Прочитавши ихъ, говорилъ я, покажу и Его Высочеству (тѣ), кои достойны примѣчанія сыщутся.“ Великой Князь также изволилъ проситъ его, чтобы прислалъ ко мнѣ оныя письма. Отдѣлялся Любимъ Артемьичъ и пошелъ въ свою дежурную. Его Высочество изволилъ битися со мною на рапирахъ. Потомъ пошли мы въ учительную. Пришло мнѣ не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова похвального слова Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, Ты Дщерь моего Просвѣтителя.“ (Слова, кои приобѣгнувшая Россія говорить Государынѣ). И какъ я оное выговорилъ, то Его Высочество смѣючися изволилъ сказать: это конечно уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова. Хотя онъ сіе и шута изволилъ сказать, однакоже говорилъ я ему на то: „желательно, Милостивой Государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, не прилично такимъ образомъ о такомъ Россіянинѣ отзываться, которой не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ, и во многія академіи принятъ членомъ. Вы Великой Князь Россійской. Надобно вамъ быть и покровителемъ Музъ російскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіяныи будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человекъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа конечно не многихъ Ломоносовыми сдѣлала. Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ. Но сіе самое доказываетъ его достоинство. Великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. До того изпорчено человѣческое сердце, что по большей части хулить такихъ, кои хвалы достойны, а хвалить такихъ, кои хулу заслуживаютъ. Не много такихъ людей, кои бы всѣмъ

отдавали справедливость.“ Его Высочество, выслушавши, изволилъ говорить, что это конечно справедливо, и что онъ пошутить только. Потомъ изволилъ сказывать, что г. Эпинусъ говорилъ ему, что онъ будетъ учить его Геометріи. Изволилъ при томъ выговаривать, что ему очень жаль, что не я буду изъяснять оную науку. Признаюсь, что сіе весьма меня удивило, потому что Его Превосходительство Никита Ивановичъ съ самаго начала изволилъ поручить мнѣ предлагать Его Высочеству всё для него нужная части Математики, касающіяся до военнаго дѣла. Ничего однакожъ я не показывая, отложилъ до завтра объясниться о семъ съ Его Превосходительствомъ Никитой Ивановичемъ. Великой Князь изволилъ съестъ учиться. У меня очень хорошо учился. По окончаніи ученія, изволилъ точить Его Высочество. Въ началѣ девятаго часу сѣлъ кушать. За столомъ очень тихо было. Опочивать изволилъ лечь, было девять часовъ съ четвертью.

19. Воскресенье. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись и прочитавъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ главу въ Священномъ Писаніи, изволилъ пойти въ церковь. По окончаніи обѣдни, говорилъ Его Преподобіе проповѣдь весьма красно и сильно, такъ какъ и всё его проповѣди бывають. Въ церкви людей весьма было мало. На дворѣ холодъ былъ жестокой. Отъ обѣдни пришли за Его Высочествомъ въ желтую его комнату многіе генералы и штабъ-(оберъ)-офицеры. Государь по большей части разговаривать изволилъ съ графомъ Захаромъ Григорычемъ и съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Графъ Алексѣй Петровичъ прислалъ чрезъ сына своего къ Его Высочеству медаль, которую онъ въ бытность свою министромъ въ Копенгагенѣ велѣлъ сдѣлать послѣ Нейштадскаго миру въ 1721 году. Въ Копенгагенѣ вырѣзали штемпель, однакожъ бить не дозволили.

Тамошнее министерство почло себя за предосудительное, что въ надписи на медали упоминается о Государѣ: всему Сѣверу даровалъ миръ. Графъ Вестужевъ принужденъ тогда былъ оной штемпель послать въ Гамбургъ, гдѣ чрезъ нѣсколько времени набивъ медалей къ нему въ Копенгагенъ прислали. Онъ сдѣлалъ у себя пиръ, и раздавалъ оныя медали даждкимъ министрамъ. Послѣ, отъ Государя получилъ за то собственноручное благодарительное письмо изъ Дербента. Кромѣ оной медали, прислалъ онъ такожъ изображение бывшей у него въ то время аллегорической иллюминаціи: оное изображение представлено на тафтѣ. Черезъ полчаса времени разошлись отъ Его Высочества всё гости.

Остались обѣдать только Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, полиціймейстеръ Николай Ивановичъ Чичеринъ и Михайло Михайлычъ Философовъ. За столомъ разговаривали о новопроявившемся пророкѣ, о коемъ нѣсколько дней тому назадъ упомянулъ я. Еще Никита Ивановичъ сказывать изволилъ о ротмистрѣ Конной-Гвардіи господинѣ Гаузенѣ, какъ онъ его въ молодыя лѣта пить училъ. За чаею обыкновенно рассказывалъ о походахъ своихъ противъ Австрійцевъ.

Послѣ обѣда изволилъ точить Его Высочество, и потомъ въ желтой комнатѣ попрыгивалъ. Дождались Государыни изъ Сарскаго села, и Великой Князь все считать изволилъ, далеко ли уже Ея Величество ѣхать изволилъ; наконецъ часу въ седьмомъ изволила прибыть. Пошли мы за Его Высочествомъ на ту половину. Ея Величество изволила въ бильярдной комнатѣ съестъ играть въ карты въ ломберъ. Играли графъ Захаръ Григорычъ Чернышовъ и генераль князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Его Высочество изволилъ между тѣмъ сыграть партію въ бильярдъ съ оберъ-маршаломъ графомъ Сиверсомъ. Пронгралъ ему рубль; сіе продолжалось около полутора часа. Великой Князь началъ показывать нетерпѣніе, чтобъ играть въ себя;

поглядывалъ безпрестанно на Никиту Ивановича, и подзываетъ его. Его Превосходительство принужденъ былъ пойтти, но пришедъ домой доброй Его Высочеству далъ меркуріалъ. До самой ужины изволилъ самъ у насъ быть Его Превосходительство, и нарочно за кушаньемъ не приказалъ ходить часовъ до девяти. Великое у насъ было молчаніе и благочиніе. Великой Князь сталъ уже и плакивать. Со всѣмъ тѣмъ ужинать пошли не прежде какъ въ десятомъ часу въ началѣ. Никита Ивановичъ изволилъ пойтти къ себѣ. За столомъ очень тихо у насъ было; опочивать положили Великой Князя уже въ одиннадцатомъ часу въ началѣ.

20. Его Высочество встать изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Отучась, попрыгиваючи въ жолтой комнатѣ, изволилъ говорить мнѣ: какой вчерась вечеръ былъ несносной. Толковалъ я Его Высочеству, что ежели онъ изволилъ разсмотрѣть, почему этотъ вечеръ былъ несносенъ, такъ причину въ себѣ самомъ найдеть; что отъ него зависить, чтобъ этой причины совсѣмъ не было; что тогда и тяжкаго онаго дѣйствія не будетъ. Изволилъ говорить, что никогда уже болѣе такой (какъ онъ изволилъ выговаривать) проказы не сдѣлаетъ. Потомъ смотрѣлъ Его Высочество чертежи въ первомъ томѣ Фолардовыхъ коментарій на Пеллибіа.

Пошли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ не очень былъ веселъ. За столомъ очень было тихо; въ концѣ стола пришли съ той половины генераль-аншефъ князь Василій Михайловичъ Долгорукой, и гофмаршалъ князь Николай Михайлычъ Голицынъ. Говорили о винѣ венгерскомъ, въ чемъ пришедшіе гости превосходное показывали знаніе.

Послѣ обѣда пришолъ токарной мастеръ Мюріель, и показывалъ Его Высочеству, какъ точить надобно; изволилъ Го-

сударь точить. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ ретировался къ себѣ, пошолъ я за нимъ, и говорилъ о чемъ говорить третьяго дни былъ намѣренъ; вчерась не смыскалъ я удобнаго времени. Много говорено было; кончилось тѣмъ, что Его Превосходительство у меня математическаго ученія, поколику военное дѣло на немъ основано, отнюдь не отнимаетъ. Господина же Эпинуса намѣренъ онъ только заставить черезъ нѣсколько времени еще подать Его Высочеству краткое понятіе о предлагаемыхъ на (въ) университетахъ частяхъ Математики, о Алгебрѣ съ новыми численіями, о Астрономіи и проч. Господинъ Эпинусъ можетъ быть ослышался, что не такъ было начать хотѣлъ. Въ четвертомъ часу изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. У меня хорошо учился. Послѣ ученія изволилъ танцовать балетъ. Танцовали тутъ же графиня Сиверша и графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Въ сіе время приходилъ къ Его Высочеству графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, и смотрѣлъ какъ онъ танцовать изволилъ. Послѣ танцовавъ, изволилъ Его Высочество играть на клавибордахъ. Гости разошлись. Сѣлъ Государь къ учительному столу, вырѣзывалъ изъ бумаги трубы. Я читалъ ему между тѣмъ Вольтеру Исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ, которую сего дня и окончилъ. Читано было о персидскомъ походѣ и о смерти блаженнаго памяти Государя, гдѣ я и пропускалъ многое, а что пропускалъ, кто читать будетъ, самъ увидитъ. Потомъ долго изволилъ точить Его Высочество. Зашла у насъ наконецъ рѣчь о его нетерпѣнн; говорили, какъ оно худо и для него предосудительно. Особливо разсуждали мы, что въ публикѣ надобно стараться преодолѣвать себя, и слабостей своихъ не показывать, что усмотря оныя, сперва будутъ всѣ плакать и печалиться, а потомъ возненавидѣть могутъ. Великой Князь всѣмъ Святыми обѣщался тому послѣдовать. Пошли мы ужинать. За столомъ до многихъ и связанныхъ

разговоръ не доходило. Разговаривали только между прочимъ о книгѣ „*Naufrage des isles flottantes.*“ Послѣ ужина, поточивши и попрыгавши, изволилъ Государь лечь оп чивать. Былъ десятой часъ въ половницѣ.

21. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ быть въ учительной комнатѣ, попрыгивалъ тамъ и со мною разговаривалъ. Показывалъ я ему между прочимъ полученное мною сего дня отъ 18-го Ноября французское письмо отъ сестры моея Анны Андреевны. Оное письмо весьма Его Высочеству понравилось. Въ десять часовъ изволилъ сѣсть за свои учения. Отучившись изволилъ смотрѣть привезенныя мною къ нему медали, отъ самаго рожденія блаженной памяти Государя Петра Великаго до нынѣшняго времени, на всѣ достопамятные случаи, числомъ шестьдесятъ двѣ. Потомъ изволилъ пойти въ желтую комнату, бѣгать тамъ кругомъ и забавляться. Передъ обѣдомъ пришолъ къ Его Высочеству съ Никитою Ивановичемъ генералъ графъ Ферморъ благодарить, что отъ Ея Величества повелѣно ему присутствовать въ Сенатѣ. Между тѣмъ пошла у Его Высочества изъ носу кровь, чего прежде никогда не бывало. Изволилъ говорить, что ему помнится, что года тому четыре назадъ какъ шла у него также изъ носу кровь, только очень мало. Шло нарочито много. Графъ Ферморъ говорилъ Его Высочеству, что это такой знакъ, что мы скоро будемъ имѣть счастье видѣть Его Высочество ростомъ гораздо побольше.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ только графъ Ферморъ и г. Салдернъ; разговаривали о генералъ-маюрѣ и донскихъ казацкихъ войскъ атаманѣ Краснощековѣ, о которомъ пришло недавно извѣстie, что умеръ. Похваляли его храбрость и говорили, какую онъ приобрѣлъ себѣ славу. Упоминали и объ отцѣ его и о безчеловѣчной съ нимъ поступкѣ Шве-

довъ. Графъ Ферморъ сказывалъ про онаго генералъ-маюра Краснощекова, что ему часто самому видѣть случалось, какъ онъ съ казаками своими атакуеть. Снявши шату, *)), возьметъ въ зубы, саблю вонъ, и первой напереди въ неприятеля скачетъ, отъ чего въ подчиненныхъ возбуждиль къ себѣ великую довѣренность. Въ сіе время пришолъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, и сѣлъ у насъ же кушать. Продолжая рѣчь о казакахъ, говорили еще о покойномъ Данилѣ Ефремовѣ, (и) о десантѣ его въ Шонахъ. Графъ Ферморъ сказывалъ, что симъ дѣломъ всегда онъ хваливался. потому что Государь Петръ Великой самъ тогда изволилъ его къ тому выбрать. Онъ пустился на галерахъ къ берегу, и не доплывъ съ версту или болѣе, съ нѣсколькими человеками казаковъ побросалъ лошадей въ воду, самъ на нихъ и индѣ вплавъ, индѣ бродомъ выбрались на берегъ, ударили на неприятельской лагерь, сдѣлали тамъ генеральную тревогу, и нужныхъ языковъ взявъ, поволокли за собою на галеры. Потомъ разсуждали Его Превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Ферморъ о Чугуевскихъ казакахъ, (послѣ вообще о казакахъ) и о легкихъ войскахъ (и) о употребленіи ихъ при арміи. Въ концѣ уже стола пришолъ съ той половины откушавши и откланявшись у Государыни графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ и генералъ-поручикъ Сиверсъ. Говорили о малороссійскихъ учрежденіяхъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ читать письмо, полученное отъ какого-то офицера Р а р о к а изъ Токая

*) Шата, по-польски *szata*, значить собственно пальтъ, одежда (короткая), платье, доломанъ. Это слово существуетъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, въ чешскомъ, словацкомъ, вивдскомъ, дамацкомъ. См. *Linde Slovnik języka polskiego*. 1812. Есть-ли что либо подобное и у донскихъ казаковъ, я не могъ дознаться. Прин. изд. 1814 г.

которой туда для пересылки виноградных винъ посланъ. Оной вмѣсто коммисіи своей, пишетъ о бѣгомъ Жолобова человѣкѣ, чтобъ повелѣно было прислать за нимъ вопиющую команду и его взять. Его Превосходительство Никита Ивановичъ очень много тому насмѣхался, говоря, что онъ въ бытность свою въ Швеціи четырнадцать лѣтъ министромъ, во всемъ Ея Величества повелѣнія исполнялъ со всевозможною точностію; но что касается до смысла и высылки бѣглыхъ, въ томъ грѣшенъ, не со всемъ своимъ усердіемъ старался, въ чемъ и признавался, возвратясь сюда, самъ покойной Государинѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Его Превосходительство разсужденіе туда вложилъ, что человѣку весь шаръ земной данъ для обитанія, а всякому природно выбрать для себя житье тамъ гдѣ лутче. Для воспрепятствованія же побѣговъ, разсуждалъ Никита Ивановичъ, что надобно сдѣлать совсѣмъ особливия установленія въ пограничныхъ нашихъ провинціяхъ, дабы жителей состояніе той стороны сосѣдей не прельщало. Разговоръ натурально изъ сего вышелъ о вольности; потомъ до самовольства дошли, которое особливо въ польской республикѣ видно.

Вставши изъ за стола, изволилъ Его Высочество стать особо съ графомъ Петромъ Александровичемъ и со мною. Между прочимъ о Москвѣ поговорили. Видно, что гр. Петръ Александровичъ не очень любилъ ее. Великой Князь напротивъ того очень Москву жалуеетъ. Откланялся графъ Румянцовъ сего дня совсѣмъ уже. Государь изволилъ сѣсть учиться. Послѣ ученья, балетъ съ прежними же танцовщиками танцовать изволилъ. Послѣ танцованья, изволилъ сѣсть со мною къ учительному столу. Читалъ я Его Высочеству *Histoires choisies des auteurs profanes*, потомъ Даламбертову похвальную рѣчь на славнаго Монтескию. Государь изволилъ вырѣзывать между тѣмъ изъ бумаги инструменты; но слушать при томъ очень прилежно. Послѣ,

у комеля сѣдя, разговаривали мы о экономіи. Сего вечера Его Высочеству и мнѣ казалось, что время прошло чрезвычайно скоро. Сѣли ужинать. Продолжали разговоръ нашъ о экономіи. Потомъ разговорились о переводчикѣ Иностранной Коллегіи г. Богдановичѣ, о которомъ Его Высочество говорить изволилъ, что онъ моя креатура, и что и онъ изволилъ его жаловать. Послѣ стола поговорили мы еще о Москвѣ, также о ѣздѣ нашей верхомъ прошлаго лѣта въ селѣ Сарскомъ. Опочивать Его Высочество легъ въ десятомъ часу въ половинѣ.

22. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу въ началѣ. За чаемъ разговорились мы о сочиненіяхъ господина Монтескию, о коемъ вчерась читали. Спрашивалъ у меня Его Высочество, какія онъ писалъ книги? О чемъ я доносилъ ему подробно. Потомъ спросить изволилъ: а книгу *Esprit* кто писалъ, и о чемъ она, скажи мнѣ пожалуй хорошенько? Сказывалъ я Великому Князю о Гельвеціусѣ, сочинителѣ оной книги, и толковалъ, въ чемъ состоитъ оное сочиненіе, стараясь, сколько могъ, подать Его Высочеству не во многихъ, но въ сильныхъ словахъ настоящее объ ономъ понятіе. Разговорились мы и вообще о книгахъ. Его Высочество изволилъ сказать: вуды какъ книгъ - та много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все таки пишутъ да пишутъ. Говорилъ я Его Высочеству, что для того все пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ не открытыхъ и не извѣстныхъ, кои мало по малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ полезнѣе; но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ; первое, чтобъ книги были

самыя дутчіи; второе, чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соотвѣствовали, въ которомъ упражняющійся въ чтеніи находится; что хотя и говорятъ, что „ремесла за плечми не носятъ“, однако одно другога можетъ быть нужнѣе и необходимѣе; что со всѣмъ тѣмъ есть такія книги, кои для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы; что въ числѣ таковыхъ книгъ почитаю я и онныя упоминаемыя книги, т. е. сочиненія г. Монтескіу и *Esprit Gельвенцусовъ*; что такихъ книгъ не столько много, чтобы въ нихъ оцѣстѣя было можно и проч. Во время обуванья, читалъ я Его Высочеству ту же Даламбертову рѣчь, которую вчера началъ. Весьма охотно онъ изволилъ слушать, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о путешествіяхъ и потомъ о уединенномъ житіи г. Монтескіу упоминается. Какъ я тутъ читаячи приложилъ отъ себя нѣкоторыя васающія до Его Высочества шутки, то онъ, хотѣвши сказать мнѣ, что я à l'improptu или ех tempore сочиняю, сказалъ изволилъ нарочно, забавляясь: а, вы еп (à) fгe s e c o c o ч и н я е т e. Одѣвшись, изволилъ пойтти со мною въ желтую комнату, и тамъ кругомъ попрыгиваячи обѣгалъ, держа въ рукахъ календарь, гдѣ версты отъ мѣста до мѣста въ російскомъ государствѣ назначены. Изволилъ представлять себѣ, что къ Азову ѣдетъ. Вдругъ вздумалось Его Высочеству о Генріадѣ Волтеровой. Изволилъ приказывать мнѣ, чтобы я привезъ ее къ нему изъ библиотеки своей сего дня, и самъ завязалъ у меня на платкѣ узелъ для памяти, хотя я и увѣрялъ, что и безъ того конечно не забуду. Потомъ изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, точилъ. Какъ я указалъ Его Высочеству, что рѣзецъ надобно держать иначе, нежели онъ держитъ изволилъ, то изволилъ сказать: такъ Мюріель показывалъ, и потомъ тотчасъ примолвилъ къ тому: я говорю такъ, какъ въ старину про Пиеагора говаривали мастеръ такъ сказалъ, вмѣсто

всего доказательства. О семъ (вчера) читалъ я Его Высочеству въ упоминаемой книгѣ *Histoires choisies etc.* Мнѣ кажется, изъ сего заключить можно, что изволилъ слушать со вниманіемъ, хотя руки и упражнены были въ вырѣзкѣ инструментовъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ только князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ по большей части разговаривать съ нимъ о Ишпаніи и о тамошнемъ министертвѣ. Потомъ зашла рѣчь о правленіи Василья Ивановича Суворова въ Пруссіи, во время его губернаторства. Еще говорили о нѣмецкихъ почтахъ, какъ онѣ скучны, какъ люди лѣнны и грубы, и какъ неучтивы почтовые комиссары.

Послѣ стола, порѣзвзаясь нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Отучась изволилъ просить меня, чтобы я читалъ ему привезенную мною Генрияду. Изволилъ сѣсть со мною къ учительному столу и слушалъ очень внимательно; прочелъ я пѣснь первую и вторую. Пришелъ между тѣмъ фехтовальной мастеръ Тедъ. Изволилъ Его Высочество пойтти съ нимъ фехтовать; послѣ съ танцовщицею Гранжè роль свой изъ балета твердить изволилъ. Графиня Сиверсша, графъ Строгановъ и маленькая Олсуфьевъ тутъ же танцовали. Потомъ отдохнувши, изволилъ Его Высочество ходить къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардной изволила играть въ карты. Великому Князю въ биліардѣ играть изволилъ. Часовъ въ восемь пошла во свояси. Заужиною о своихъ офисіянтахъ разговаривать изволилъ, что они дѣлаютъ, какъ живутъ между собою, и удивительно, какъ все ему столь подробно извѣстно. Въ десятомъ часу въ началѣ легъ опочивать.

23. Государь изволилъ проснуться въ седьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Отучась изволилъ точить,

и около меня попрыгиваючи забавлялся. Рассказывалъ я Его Высочеству о нѣкоторыхъ письмахъ Государя Петра Великаго къ адмиралу Федору Матвѣевичу Апраксину. Оныхъ писемъ дѣлаю книгу съ 1700 году по кончину Государеву получилъ я нѣсколько дней тому назадъ отъ добраго пріятеля Передъ обѣдомъ подводилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ къ Его Высочеству полковника Трусова, которой поднесъ переведенныя имъ съ вѣмецкаго на руской языкъ Рабнеровы сатиры.

Оставленъ онъ обѣдать. Еще обѣдалъ у насъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ и г. Салдернъ. Разговорились между прочимъ о придворныхъ расходахъ на столъ и на прочее содержаніе. Иванъ Перфильевичъ рассказывалъ тутъ, что у нихъ въ канцеларіи есть штатъ дворцовой, которой сочиненъ при Государѣ Петрѣ Великомъ, и имъ самимъ разсматриванъ. Тамъ многія собственной руки Его Величества есть отмѣтки. Между прочимъ положено было какому-то царевнинымъ комнатнымъ женщинамъ отпускать всякія заѣдки, (закуски), ягоды, изюмъ, миндаль и прочее; тутъ изволилъ отмѣтить онъ: бабамъ, сколько сладкова ни дай, все пріѣдять; послѣ за немогутъ; надобно будетъ лечить и платить за лекарство. Еще одной камерфрау положенъ былъ чай и сахаръ. Тамъ приписать изволилъ: она чаю не знаетъ, про сахаръ не слыхала, и пріучать не надобно. Впрочемъ говорили, что столъ Его Величества весьма хорошо былъ снабженъ по тогдашнему времени. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ рассказывать о столѣ покойной Государыни Елисаветъ Петровны, какъ она въ кушанья была разборчива.

Послѣ стола, Его Высочество изволилъ пожаловать Ивану Ивановичу и Савелью Давидычу по два своихъ кафтана къ празднику. Потомъ попрыгавши изволилъ сѣсть учиться. У меня очень хо-

рошо учился. Послѣ ученья, одинъ изволилъ твердить роль своей изъ балета съ танцовщикомъ Гранже. Часу въ седьмомъ въ исходѣ изволилъ пойтить къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардную выходить не изволила, гдѣ мы всѣ дожидались, а Его Высочество, какъ обыкновенно, изволилъ пойтить далѣе. Отъ Государыни прійтить изволилъ часовъ въ восемь; изволилъ мнѣ сказывать, что читали тамъ новую Сумарокова комедію, такъ-же, что видѣлъ (три табели, которыя висятъ) на стѣнѣ въ кабинетѣ Ея Величества: одна табель всѣмъ военнымъ чинамъ, другая всѣмъ штатскимъ чинамъ, третья всѣмъ духовнымъ, съ показаніемъ монастырей и числа душъ; у столика сидѣлъ докторъ Іонъ Іосу, и перебиралъ съ купидономъ эстампы. Государыня сказать изволила: „voilà deux originaux qui s'amusent“. (Сѣли за столъ). Отужнявши изволилъ опочивать лечь въ десятомъ часу въ началѣ.

24. Сочельникъ. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, пришедъ съ половины отъ Ея Величества, послалъ за кушаньемъ. Между тѣмъ разговаривалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ о обычаяхъ и обрядахъ древней церкви. Принесли также образцы бархатовъ и парчей на платье Его Высочеству. Иные выбиралъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, а иные самъ Великой Князь, и просилъ, чтобъ приказано было по тому сдѣлать.

Сѣли мы за столъ въ первомъ часу въ половинѣ. Сперва гостей у насъ было только что Его Сіятельство графъ Захаръ Григорычъ и Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Потомъ пришли еще графъ Иванъ Григорычъ и князь Сергѣй Васильичъ Гагаринъ. Какъ за столомъ разговорились между прочимъ о стерляди, какъ эта рыба скоро пріѣдается, то Его Высочество изволилъ сказать: я думаю, она отъ тово скоро пріѣдаст-

ся, что она очень хороша; ѣдятъ ее съ жадностью, кусковъ хорошенько не разжевываютъ; неразжеванные куски желудка варить трудно; отъ того-та наконецъ и почувствуешь отъ такова кушанья отвращеніе. Сіе разсужденіе конечно нѣкоторымъ образомъ справедливо. Еще зашла рѣчь о саранчѣ. Его Высочество изволилъ говорить: какъ летитъ она такимъ облакомъ, такъ можно бы картечами по ней выстрѣлить, а в ось либо тѣмъ и отогнать бы ее можно. Графъ Захаръ Григорычъ отвѣчалъ на сіе Его Высочеству, что ихъ всѣхъ перебить никакъ нельзя, потому что ужасное множество, а что ежелибъ такъ изъ множества пушекъ поднять сильную стрѣльбу, тобъ можетъ быть, приведши воздухъ въ великое колебанье и движеніе, и отдалить ее можно. Про саранчу говорили, что она, что ни съѣстъ, то тотчасъ экскрементомъ опять и выпускаетъ; для того-то и пожираетъ такое множество хлѣба, и послѣ ея все поле чернью, (которая ничто иное, какъ ея калъ,) покрыто. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказывалъ, что онъ знавалъ одного человѣка, которой за деньги себя показывалъ въ томъ, что онъ могъ безпрестанно пить и безпрестанно при томъ.....; лилъ сквозь себя такъ, какъ-бы сквозь воронку. Разговорились о смерти гвардіи маіора князя Меншикова, которая случилась скоропостижно. Спросили у князя Сергѣя Васильича, не знаетъ ли онъ, какъ отецъ его князь Александръ Данилычъ Меншиковъ умеръ, и какъ онъ потрясши головою сказалъ, что не вѣдаетъ, то графъ Иванъ Григорычъ говорилъ ему: „стыдно русскому человѣку не знать о жизни и о смерти такова человѣка, каковъ былъ покойной князь Александръ Данилычъ Меншиковъ. Не даромъ любимъ онъ былъ отъ величайшаго въ свѣтѣ Государя; человѣкъ былъ отѣннова разуму.“ Сей рѣчью графъ Иванъ Григорычъ утверждалъ то

почтеніе и ту любовь, кои я къ нему имѣю. Разумной человѣкъ во всякомъ случаѣ видѣнъ, знаетъ свою пользу и общую, знаетъ гдѣ онъ, съ кѣмъ онъ и въ какое время. Великой Князь въ сіе время на меня изволилъ поглядывать и улыбаться, зная, что и я точно тѣхъ же мыслей, потому что неоднократно слыхалъ отъ меня такіе и тому подобныя разговоры; впротчемъ довольно шутили за столомъ на щетъ князя Сергѣя Васильича, которому и не могло сіе быть чувствительно, потому что съ тѣмъ самымъ точно соглашалось, въ чемъ онъ честь свою и удовольствіе поставляетъ. Новова роду сія честь и новое сіе удовольствіе состоятъ въ томъ, чтобъ во всякомъ случаѣ казаться страннымъ и упрямымъ.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество пойтить къ обѣднѣ. Ея Величество, не дослушавъ многолѣтія, ретироваться изволила. По окончаніи многолѣтія, слѣдовательно и всей службы, изволилъ и Его Высочество къ себѣ пойтить. Читалъ у себя *Histoires choisies des auteurs profanes* и Генрияду. Вечеру была всенощная; служилъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Потомъ отужинавши, Его Высочество изволилъ опочивать лечь; былъ десятой часъ въ половинѣ.

25. Рождество Христово. Его Высочество изволилъ встать въ седьмомъ часу. Одѣвшисьъ, въ комнатахъ своихъ изволилъ забавляться. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ пойтить къ обѣднѣ; изъ церкви за Ея Величествомъ во внутренніе повон. Тамъ фельдмаршалъ Минихъ подносилъ Государынѣ три прописи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, кои писалъ ученикъ находящейся при лютеранской церкви, подъ покровительствомъ его, школы. Видно, что старичку за восемьдесятъ лѣтъ уже, и что возвращается къ нему златой вѣкъ младенческой.

Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество съѣсть кушать. Обѣдали у насъ вице-адмиралъ Григорій Андренчъ Спи-

ридовъ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ, мичманомъ, и г. Салдернъ. За столомъ, Его Превосходительство Никита Ивановичъ между прочимъ разсказывать изволилъ, что онъ вчерась читалъ описаніе рѣки Терки и мѣстъ около лежащихъ. Хвалилъ весьма тамошней климатъ и во всемъ изобиліе. Григорій Андренчъ сказывалъ, что какъ онъ въ Персінъ былъ, такъ видѣлъ въ Гилинѣ развалины крѣпостцы, о коей связываютъ, что построена была Стенькою Разинимъ. Еще (есть) такоже въ Каспійскомъ морѣ два острова, изъ коихъ одинъ оной же Стенька Разинъ называлъ Святымъ, а другой Жилымъ; на Жиломъ и по нимѣ видны развалины стариннаго, имъ основаннаго, селенія. Никита Ивановичъ о семъ изволилъ пересказывать по-французски г. Салдерну.

Послѣ стола, просить Его Высочество Никиту Ивановича, чтобы Андрею Ангиленчу приказалъ хорошей кафтанъ сдѣлать, и выпросилъ бы ему чинъ ассессорской. Кафтанъ Его Превосходительство приказалъ сдѣлать, а о чинѣ приказалъ себѣ напомнить, какъ завтра пойдетъ въ Государынѣ. Григорій Андренчъ и съ сыномъ своимъ отелаялся у Его Высочества; отъѣзжалъ въ Ревель. Ея Величество изволила прислать къ Его Высочеству гофмаршала, чтобы часу въ пятомъ пожаловать туда на половину, святки встрѣтить. Между тѣмъ изволилъ Государь забавляться, сидя у учительнаго стола: Андрей Ангиленчъ рисовалъ ему кое-что по его идеямъ и поветвіямъ. Въ пятомъ часу пошли мы на половину къ Ея Величеству. Игры происходили передъ билиардной въ аудіенцъ-комнатѣ. Началось танцваньемъ. Ея Величество съ Великимъ Княземъ первой минутъ танцовать изволила. Потомъ изволила поднять графа Петра Борисовича Шереметева. Его Высочество поднялъ фрейлину Анну Алексѣевну Хитрову. Во всѣхъ углахъ танцовали, какъ на маскарадѣ. Потомъ начались контръ-танцы. Его Высочество ихъ не танцуетъ. Никита Ивановичъ сказалъ ему тутъ, что теперь воля,

чтобъ дѣлалъ, что изволилъ. Обрадовавшись сему разрѣшенію, Его Высочество весьма былъ веселъ, дѣлалъ антраша à la façon, попрыгивалъ, и изъ угла въ уголъ перескакивалъ. Всѣ на него любовались; фрейлины, не зная что сказать отъ радости, называли его любезнымъ Пунюшкою (не въ глаза то есть). Какъ начали танцовать контратанцы, Ея Величество изволила въ той же комнатѣ сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ и съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ. Его Высочество изволилъ у другога стола играть въ бирюльки. Играли съ нимъ господа той половины придворные и я. Послѣ контратанцовъ и польскихъ, (въ которыхъ весьма много рѣзвились, завиваючись и развиваючись. вмѣстѣ взявши рука за руку), связали длинную ленту и стали въ кругъ. Ея Величество и Его Высочество тутъ же стать изволили. Началась игра рукоблвка. Потомъ оставя ленту, въ кругъ три человѣка стали: гоняли четвертаго. Игра продолжалась съ часъ или часа съ полтора. По окончаніи оной, Ея Величество изволила опять сѣсть играть въ карты, а мы къ себѣ убрались. Его Высочество пришедши, на бумагѣ показывалъ Андрею Ангиленчу, какимъ образомъ у насъ оная игра происходила. Потомъ изволилъ, надѣвши шлафрокъ, сѣсть въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ ужинать. Послѣ ужина, изволилъ высматривать Ангиленчевы рисунки. Опочивать изволилъ лечь въ десятомъ часу.

26. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись изволилъ забавляться въ учительной комнатѣ. Читалъ потомъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Приходили поздравить Его Высочество съ праздникомъ Его Святельство графъ Григорій Григорьевичъ, адмиралъ Семень Ивановичъ Мордвиновъ и генераль-интендантъ Иванъ Логиничъ Кутузовъ. Разговаривали кое о чемъ. Графъ Григорій Григорьевичъ между прочимъ

сказывалъ, что есть уже извѣстіе, что отпавленной отсюда въ Средиземное море фрегатъ прибылъ въ Ливорну 20-го числа прошедшаго мѣсяца въ гавань; только за мелкостью войти не можетъ. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ Государь пойтти къ обѣдни въ маленькую церковь, гдѣ и Ея Императорское Величество присутствовать изволила. Отъ обѣдни, проводя Ея Величество во внутренніе покои, скоро къ себѣ возвратиться изволилъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представлялъ Его Высочеству новоприѣзжихъ генераль-маіора князя Ивана Андреевича Вяземскаго и Вотчинной Коллегіи президента Михайлу Купреяновича Лунина. До обѣда изволилъ Его Высочество кое чѣмъ веселиться, разговаривать со мною и шутствовать; точить такожь. Приходилъ Его Сіятельство графъ Иванъ Григорычъ; съ нимъ нѣсколько порѣзвился.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только господинъ Салдернъ. До настоящихъ разговоровъ за столомъ не доходило. Разговаривали о форшнейдерствѣ (и) о добротѣ разныхъ блюдъ и тому подобномъ. Рѣчь только зашла про разныя свойства языковъ. Между прочимъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ молвить, что *vieille femme* по французски сказать очень неучтиво и нѣкоторымъ образомъ оскорбительно. Я говорилъ, что это можетъ быть по той причинѣ, что старнѣе или человекъ престарѣлой все таки къ чему набудь годенъ; а старуха куда годится? Сей мысли аплодировали.

Вставши изъ за стола изволилъ Его Высочество забавляться въ желтой комнатѣ и въ учительной; потомъ читалъ я ему Генріаду, пѣсьи третью. Часу въ шестомъ пришелъ танцовщикъ i'rangé, и Его Высочество изволилъ танцовать съ нимъ нѣсколько минутъ. Въ седьмомъ часу пошли мы на половину къ Государынѣ. Тамъ весьма не долго побывши, изволилъ Его Высочество пойтти въ галерею на балъ. Балъ изволилъ (онъ) от-

крыть съ штатсъ-дамой графиней Марьей Андреевной Румянцовой. Потомъ изволилъ танцовать съ княгиней Дарьей Алексѣевной Голицыной. Въ сіе время изволила прійтти и Ея Величество. Его Высочество изволилъ еще танцовать съ Анной Алексѣевной Хитровой, съ Анной Никитишной Нарышкиной и съ графиней Елисаветой Карловной Сивершей. Великому Князю изволилъ такожь четверной (четвертый) минутъ танцовать съ большою дочерью графа Петра Григорьевича Чернышова; другая пара была графъ Пётръ Борисовичъ Шереметевъ съ фрейлиной Хитровой. Изволила Ея Величество ретироваться, и Великому Князю такожь, девятого часу было двадцать минутъ. Сѣли мы ужинать; ужиналъ у насъ Иностранной Коллегіи секретарь Шевіусъ, надъ которымъ во все почти время стола Его Высочество изволилъ шныять и забавляться. Отвѣдывали мы разные меду или морсы. Государю малиновой и косяннишной весьма понравились. Вставши изъ за стола изволилъ Его Высочество нѣсколько поточить; опочивать лезъ въ полдесята.

27. Его Высочество изволилъ встать въ осьмомъ часу. За чаемъ разговаривали мы о вчерашнихъ и третьеводнишнихъ увеселеніяхъ. Во время обубанья, читалъ я Государю Генріаду, пѣсьи третью и четвертую. Изволилъ слушать съ примѣчаніемъ. Случай такожь былъ мнѣ поговорить Его Высочеству съ довольною твердостью, чтобъ онъ никогда неприличныхъ браней не употреблялъ; такожь и съ ущербомъ должнаго освященнымъ вещамъ почтенія никогда не изволилъ шутствовать. „Первымъ, говорилъ я, унижить и обезславить себя можете; другимъ отвратите отъ себя сердца, кои къ вамъ склонны; а сего весьма беречь надобно.“ Послѣ сихъ разсужденій, просилъ меня Его Высочество, чтобъ я волосы свои велѣлъ точно такъ убирать, какъ онъ свои убирать изволилъ, что я и общалъ ему. Одѣвшись, изволилъ пойтти въ жел-

тую комнату, и тамъ кругомъ бѣгать, держа въ рукахъ календарь, гдѣ версты отъ мѣста до мѣста въ россійскомъ государствѣ показаны. Потомъ изволилъ, сѣвши подлѣ меня на канапе, кое о чемъ шутить, и сообщать мнѣ наискровеннѣйшія свои тайны. Въ десять часовъ изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ точилъ

Обѣдали у насъ сего дня графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ и надворной советникъ г. Набоковъ. Разговаривали о походномъ житиѣ и о будущемъ большомъ кампементѣ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество учиться какъ обыкновенно; послѣ ученія пошли въ театръ. Сего дня была трагедія французская „*Tancrède*;" балетъ съ оленемъ; малая піеса „*la nouvelle épreuve*." Послѣ балета, Ея Величество ретироваться изволила и Его Высочеству также ийтить захотѣлось; но Его Превосходительство Никита Ивановичъ оставилъ его, чтобы посмотрѣть еще маленькой піесы. Скучно тутъ стало, и наворачились слезы. Никита Ивановичъ выговаривалъ Его Высочеству за такую нетерпѣливость. По окончаніи зрѣлища, пришедъ во себя, пожурилъ и я довольно Великаго Князя за дурной поступокъ. Наконецъ, какъ сіе миновалося и начали разсуждать о севоднишней трагедіи, то Его Высочество изволилъ сказать: конецъ-отъ ужъ очень жестокъ, *ça fait horreur*; а впротчемъ въ самой-та трагедіи весьма прекрасныя есть *scènes de théâtre*. Въ девятомъ часу изволилъ Его Высочество сѣсть за столъ. Разговаривали по большей части о трагедіи. Опочивать Его Высочество изволилъ лечь въ десятомъ часу (въ половинѣ.)

28. Государь проснуться изволилъ въ шестомъ часу. Жаловался, что болитъ голова и грудь. Послали за Карломъ Федоровичемъ. Часу въ десятомъ подняли Великаго Князя съ постели. Принялъ онъ порошокъ, и былъ во весь день въ шлафрокъ. Кушалъ и забавлялся театраль-

ными своими декораціями, въ опочивальнѣ. Опочивать изволилъ лечь въ девять часовъ. Сего дня для токарныхъ инструментовъ принесено два шкапа изъ красного дерева; также куплена у Архангелогородца Дудина шахматная доска и съ шахматами рѣзными его работы; дано сто рублей.

29. По утру Его Высочество изволилъ принимать порошокъ. Весь день былъ въ шлафрокъ. Забавлялся въ опочивальнѣ, сѣдя у маленькаго стола, и разставляя по оному рисунки вмѣсто театральныхъ украшеній. Изволилъ изъ картъ вырѣзать и носилки со всѣми побѣдоносными знаками, кон третьяго дни въ трагедіи видѣли. Англиченъ представлялъ притомъ машиниста и театральнова живописца. Вечеру на насоздающемъ придворномъ театрѣ была сего дня комедія русская „*Нелюбимъ*“ (*le misanthrope*); балетъ съ саботами; маленькая піеса: „по невогѣ жевитьба.“ Ея Величество, проходя въ комедію, изволила заходить къ Его Высочеству, и побыть минутъ съ пять, шесть. Откушавши въ опочивальнѣ, изволилъ Великой Князь лечь опочивать, было ровно девять часовъ. Въ комедіи былъ я. Дмитревской Мизантропа представлялъ очень хорошо.

30. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣлся въ фракъ. Насморкъ у него былъ жестокой. Не учился сего дня, и весь день былъ въ опочивальнѣ. Забавлялся у маленькаго стола, разставляя изъ картъ домы. Часто травяной чай изволилъ кушать. Вечеру изволилъ смотрѣть планы и фасады города Петербурга. Опочивать изволилъ лечь въ девять часовъ. При Дворѣ былъ сего дня маскарадъ для дворянства и для мѣщанства.

31. Его Высочество проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Часовъ до девяти лежалъ въ постелѣ, и кушалъ травяной чай. Забавлялся между тѣмъ разставляя изъ картъ войско въ лагерь

есть и такіе края, какъ наприм. центральная черноземная полоса, гдѣ по густотѣ населенія и высокой цѣнности земель пріобрѣтеніе ихъ крестьянами и крестьянскими обществами едва-ли окажется возможнымъ, и тутъ надо приступить къ устройству и регулированію переселеній. Съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, надо рассмотреть вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ; обобщая его и подводя все подобныя явленія подъ одинъ соображенія, имъ только усложняемъ задачу и затрудняемъ ее разрѣшеніе. Каждая изъ упомянутыхъ извѣр принесетъ свою долю пользы въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и при данныхъ условіяхъ; но каждая изъ нихъ въ другихъ условіяхъ окажется бесполезной или непригодной).

«Улучшеніе сельскаго хозяйства въ спеціальному, техническому отношеніи, т.-е. усовершенствованіе культуры и земледѣльческихъ орудій, всего болѣе зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ и отъ помощи, какая будетъ оказана земледѣлію отъ земства и правительства; но эта помощь, чтобы быть действительной, должна быть разборчива».

«Въ настоящее время, многіе вопросы о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ уже достаточно проникли въ сознаніе народныхъ массъ, чтобы можно было надѣяться ихъ подвинуть при энергичномъ и совмѣстномъ дѣйствіи земства и правительства. Въ такіихъ вопросахъ можно причислить: осушеніе болотъ въ сѣверной и западной полосѣ; Лѣсонасажденіе въ южныхъ губерніяхъ; Сокращеніе или регулированіе передѣловъ крестьянскихъ полей; Введеніе травосѣянія въ нечерноземной полосѣ; Разведеніе картофеля; Употребленіе нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій».

Таковы, по мнѣнію кн. А. И. Васильчикова, главные предметы, которые должны составить кругъ дѣйствій хозяйственнаго управленія на мѣстахъ, т.-е. въ губерніяхъ и уѣздахъ.

Остановившаяся затѣмъ на весьма существенномъ вопросѣ—могутъ ли такіа предположенія осуществиться безъ общаго соглашенія и въ какой формѣ это соглашеніе можетъ выразиться?—кн. Васильчиковъ замѣчаетъ: «Мы не касаемся здѣсь вопроса о центральномъ представитель-

номъ учрежденіи, въ коемъ сливались бы все интересы—какъ политическіе, такъ и хозяйственные; но и при представительной формѣ правленія, намъ кажется необходимымъ, независимо отъ политическихъ органовъ, имѣть высшее правительственное учрежденіе, заведывающее хозяйственною частью и централизирующее дѣла земскаго и крестьянскаго управленія».

Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ, собранные княземъ Н. Н. Голицынымъ. Корректурное изданіе. Печатано въ числѣ 200 экземпляровъ, не предназначенныхъ для продажи. Кіевъ. 1880. въ больш. 4 д. л. III+223, (печатано безъ оборотовъ, на одной сторонѣ страницъ).

Изъ предисловія къ этому добросовѣстному и обстоятельному труду князя Николая Николаевича Голицына явствуетъ, что «Матеріалы», изданные въ столь ограниченномъ числѣ экземпляровъ, «не предназначены для продажи» и послужатъ основой для другаго изданія безъ сомнѣнія общедоступнаго.

Генеалогическая литература о родѣ князей Голицыныхъ, за исключеніемъ «Бархатной книги», изданной Н. И. Новиковымъ въ 1787 году, донынѣ ограничивалась четырьмя изданіями, или «опытами»: 1) историографа Миллера (1774), 2) князя П. В. Долгорукова (1845), 3) Е. Сергеевскаго (1853) и 4) того-же князя П. В. Долгорукова (первый томъ Россійской Родословной книги, напечатанный въ 1853 году. Какъ на ее продолженіе авторъ указываетъ на двѣ части Родословной книги, изданныя ред. «Русской Старины» въ 1873—1875 гг. Со времени выхода въ свѣтъ Россійской Родословной книги прошло уже 25 лѣтъ, въ теченіе которыхъ родъ князей Голицыныхъ получилъ новые развитія, и въ теченіе которыхъ совершилось не мало генеалогическихъ фактовъ, рожденій, браковъ, кончинъ и проч. Въ виду такого рода обстоятельствъ князь Н. Н. Голицынъ собралъ свои «Матеріалы» и отпечаталъ ихъ, приглашая многочисленныхъ сродниковъ и свѣдущихъ постороннихъ лицъ сообщить ему свои дополненія, адресуя ихъ на его имя въ г. Варшаву (Медовая улица № 18).

РУССКАЯ СТАРИНА“

1881 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектантскіе.—Народ. повѣрья.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

І Ю Н Ъ.

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Канцелярія Конфискаціи, 1729—1780 гг. Историческій очеркъ по необнародованнымъ матеріаламъ. Составилъ профессоръ П. Е. Андреевскій. 167	VI. Воспоминанія В. В. Стасова: Училище Правовѣднія въ 1836—1843 гг. Главы VI—VIII [окончаніе]. 247
II. Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ его письмахъ, 1827—1845 гг. Принятіи Н. П. Барсукова. 187	VII. Жизнь и труды Академика-гравера Л. А. Стрякова † 2-го января 1881 г. [окончаніе] Состав. и сообщ. Н. П. Собко . . . 307
III. Записки войска Донскаго генерал-маіора А. Е. Попова. 1834—1836 гг. 207	VIII. Историческіе матеріалы, замѣтки и стихотвореніе: 1. Иванъ Булгаковъ, 1731—1785 гг. Сообщ. П. Ѳ. Горбуновъ (289). 2. Высылка изъ Россіи членовъ «Общества Спичей» въ 1824 г. (298). 3. «Портреты» въ стихахъ А. И. Тургенева. (300). 4. Ѳ. Г. Солнцевъ и новое собраніе его рисунковъ-акварелей (283).
IV. Исторія моей жизни. Разказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Николая Шипова. Продолженіе: 1824—1835 гг. 221	IX. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ. [на оберткѣ].
V. Николай Алексѣевичъ Милютинъ въ его письмахъ къ Вас. Алекс. Лонгинову, 1844—1845 гг. . . . 241	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. Продолженіе. [стр. 213—277]. — II. Портретъ Академика-гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Стрякова. Гравированъ по фотографіи художникъ П. И. Матюшинъ, ученикъ Л. А. Стрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Египетскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 60—1.

1881.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июня 1881 г.

КАНЦЕЛЯРІЯ КОНФИСКАЦІИ

1729—1780.

[Очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ].

Пятьдесятъ лѣтъ дѣйствовала въ Россіи (съ 19 мая 1729 г. до конца 1780 года) Канцелярія Конфискаціи. Часть указовъ, опредѣлявшихъ ея составъ и основныя функціи, вошли въ полное собраніе законовъ, но значительнѣйшая часть указовъ, касающихся этого учрежденія, до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Именно, въ Канцелярії Конфискаціи, какъ и въ другихъ присутствіяхъ XVIII ст., велась указная книга, т. е. книга, въ которую вносились всѣ получавшіеся канцелярією именныя и сенатскіе указы. Весьма исправная копія этой указной книги, въ одномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ указы, начиная съ инструкціи 1730 г. до 1775 г., имѣется въ архивѣ Археологическаго института въ числѣ многихъ рукописей, пожертвованныхъ въ это недавно создавшееся ученое установленіе. Этотъ томъ рукописи бывшій въ переплетѣ (уже оборванномъ), и написанный весьма четко и исправно, несомнѣнно въ самой канцелярії конфискаціи, составляетъ только первую часть указной книги, что видно изъ слѣдующей отмѣтки на поляхъ 15-й страницы этой книги. Здѣсь, въ видѣ втораго дополненія къ инструкціи, поименованъ указъ 6 ноября 1740 г. (имѣющійся и въ П. С. З.), а на поляхъ слѣдующая отмѣтка: „зри въ книгѣ 3-й части на листу 1218-мъ“. Какъ поиски мои за отысканіемъ слѣдующихъ двухъ частей въ разныхъ архивахъ не увѣнчались еще успѣхомъ, и въ виду того,

что содержаніе указовъ, помѣстившихся въ этой первой книгѣ, обнимающихъ сороквлѣтіе дѣятельности Канцеляріи Конфискаціи, важнѣе послѣдующихъ указовъ, касающихся послѣдняго десятилѣтія канцеляріи, когда значеніе этого установленія уже стало замирать, я нашель нелишнимъ поторопиться ознакомить читателей съ содержаніемъ этой указанной книги ¹⁾.

„Отписать вотчины на великаго государя безповоротно“, „отнять животы“ и тому подобныя многоразличныя обозначенія конфискаціи имущества, какъ наказанія, придаточнаго къ другимъ, было унаслѣдовано XVIII столѣтіемъ отъ прежняго Московскаго правительства и права. При Петрѣ I, какъ конфискація имущества, такъ и система денежныхъ штрафовъ получаютъ еще бдльшее развитіе. И скоро возникаетъ вопросъ, что дѣлать съ недвижимыми имуществами, отписанными на великаго государя? Хотя и даны были повелѣнія „отписанныхъ имѣній не раздавать безъ указа“, но много было охотниковъ попользоваться такими имѣніями, и возбудился вопросъ, кому и какъ управлять ими? Въ 1706 г. Петръ I все это думалъ возложить на Ижерскую Канцелярію. т. е. Приказную Палату, учрежденную въ 1700 г. въ Семеновскомъ, подъ начальствомъ кн. Меншикова, для собиранія различныхъ спеціальныхъ сборовъ, не порученныхъ другимъ финансовымъ учрежденіямъ, какъ-то: сбора съ бань, рыбныхъ ловель, пчельныхъ заводовъ, иновѣрческихъ свадьбъ и т. п. Эта палата потомъ называлась Семеновскою Канцеляріею мельничнаго сбора. Въ 1706 г. сент. 15 и данъ былъ именной указъ: „отписныя на Великаго Государя и выморочныя помѣстья и вотчины жилия со крестьяны и съ бобыли и съ дворовыми и съ дѣловыми людьми и съ заводы и порозжія земли, которыя напередъ сего и впредь будутъ отписаны за доимки и за всякія вины всякаго чина людей изъ разныхъ приказовъ, вѣдать въ Ижерской Канцеляріи“ (П. С. З. № 2120). Но эта канцелярія не имѣла никакой обстановки для того, чтобы выполнить эту функцію и удовлетворить

¹⁾ Изъ 43 указовъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, только 16 вошли въ П. С. З. Невшедшіе туда остальные 43 указа будутъ напечатаны въ „Сборникѣ Археологическаго Института“.

впослѣдствіи требованіямъ Сената относительно отчетности. Строго подтверждалось, чтобы выморочныя и за вины отнятыя имущества не раздавались нигдѣ безъ вышняго указа (№ 2467). Въ 1712 г. для приведенія этого дѣла въ нѣкоторый порядокъ, Прав. Сенатъ сдѣлалъ такое опредѣленіе: „на Москвѣ въ приказахъ и въ губерніяхъ, въ которыхъ прилучится за какую вину или выморочные позитныя и дворы и деревни и вотчины и лавки и въ нихъ товары и корчмы и заводы отписать на Великаго Государя, или и вовсе: и то все отписывать по указамъ, какъ надлежитъ, и цѣнить при фискалахъ, и къ тѣмъ описямъ имъ фискаламъ велѣть прикладывать руки, чтобъ никакой въ той описи утайки и въ оцѣнѣ убавки, а отъ нихъ фискаловъ впредь, въ чемъ какого спора не было, и тѣ описи и цѣновныя присылать въ канцелярію Прав. Сената, а безъ Оберъ-Фискаловъ ничего отнюдь не переписывать и не цѣнить“ (№ 2564). Вслѣдствіе такого опредѣленія Сената центральное завѣдываніе послѣдствіями дѣла конфискаціи должно было сосредоточиться въ канцеляріи Сената, въ рукахъ оберъ-фискала. Но такое сосредоточіе въ рукахъ оберъ-фискала не дало ожидаемыхъ результатовъ: множество разнорѣчивыхъ указовъ относительно этого дѣла путали мѣстныя управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ давали имъ возможность безпрестанно ускользать отъ отвѣтственности при контролѣ со стороны оберъ-фискала. Оттого за разными присутственными мѣстами считалось весьма много казенныхъ денегъ, какъ собиравшихся съ народа податей, но въ казначейство недоходившихъ, такъ и выручавшихся отъ продажи конфискованныхъ и вырученныхъ имуществъ. Съ этою цѣлію императрица Екатерина I повелѣла открыть въ 1727 г. при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Доимочную Канцелярію, (№ 5017, п. 7). Президентомъ ея былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Плещеевъ, а подъ нимъ вышнюю дирекцію долженъ былъ имѣть гр. Толстой. Этой канцеляріи поручено было вести вѣдомости о всякаго рода недоимкахъ и принимать мѣры къ ихъ взысканію, но относительно выручки денегъ съ конфискованныхъ имуществъ прямо ничего не было высказано (№ 5028), что и возбудило на практикѣ чрезвычайныя недоразумѣнія. Этимъ объясняется, почему черезъ два года ее рѣшили преобразовать въ Канцелярію Конфискаціи,

въ которую и повелѣно было передать изъ Доимочной Канцеляріи какъ всѣ ея дѣла и всѣхъ ея чиновниковъ, такъ и отписныя деревни и дворы, лавки и пожитки (№ 5652).

Въ 1729 г. мая 19, при императорѣ Петрѣ II, былъ данъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, именной указъ, повелѣвающій устроить канцелярію конфискаціи, которая исключительно должна вѣдать всѣ отписныя дворы и пожитки. Мотивомъ созданія такого новаго учрежденія прямо поставлена существовавшая до тѣхъ поръ беспорядочность въ управленіи отписывавшимися за вины, доимки и долги дворами и пожитками: „таковые отъ долговременной нескорой продажи гніють и пропадаютъ напрасно, отъ чего тѣ, у кого отписаны, приходятъ въ большія трудности, что не токмо всей доимки или начету, но и никакой малой части отъ тѣхъ сгнилыхъ домовъ и пожитковъ начету быть не можетъ, и такъ та доимка пропадаетъ, а инымъ тѣхъ начетовъ и доимокъ надлежитъ заплатить малое число, а иждивеніе ихъ бываетъ все въ отпискѣ, и оттого многіе люди приходятъ въ раззореніе“ (П. С. № 5414). При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, 27 іюня 1730 г., утверждена подробная инструкція для этой канцеляріи, впоследствии еще дополненная: 21 апрѣля 1738 г. и 6 ноября 1740 г.

Какъ подробная инструкція канцеляріи конфискаціи, въ 34 пунктахъ изложенная, и ея дополненія помѣщены въ полномъ собраніи законовъ, то я здѣсь коснусь ея, какъ и вообще указовъ относительно этой канцеляріи, помѣщенныхъ въ П. С. 3. только вератцѣ, чтобы не порвать связи съ тѣми указами, которые насъ преимущественно интересуютъ, — имѣющимися въ рукописной указной книгѣ и еще ненапечатанными.

Канцелярія конфискаціи, согласно ея инструкціи, должна была взять въ свои руки все управленіе имѣніями, по той или другой причинѣ отписанными въ казну. Именно, 1) всѣ такія имѣнія должны быть оцѣняемы канцеляріею и продаваемы съ публичныхъ торговъ въ Москвѣ. 2) Въ помощь канцеляріи дѣйствуютъ губернаторы и воеводы такимъ образомъ: мѣстный губернаторъ или воевода, принявъ каждое конфискованное имѣніе въ свое вѣдѣніе, извѣщаетъ канцелярію, и дѣлаетъ немедленно

обстоятельную опись имѣнія, при составленіи которой должны быть двое или трое изъ сосѣдей, подписывающіе протоколь описи. 3) Канцелярія конфискаціи о такомъ описанномъ имѣніи должна прибитыми указами трижды публиковать, дабы не вышло какой либо ошибки: если по публикаціи явится въ канцелярію собственникъ имѣнія и путемъ судоговоренія въ канцеляріи докажетъ, что это имѣніе его отписано въ казну незаконно, то это имѣніе ему возвратитъ, но взыскавъ съ него при этомъ убытки казны по временному управленію и охраненію имѣнія. 4) Если настоящій собственникъ не явится, или, явившись не докажетъ незаконности конфискаціи, то канцелярія должна приступить къ продажѣ имущества, соблюдая указанныя въ инструкціи правила самой продажи. 5) Всѣ штрафы должны точно также поступать въ канцелярію. Для понужденія ко внесенію штрафа, продавать движимое имущество оптрафованнаго, а если его не хватитъ для покрытія штрафа, то приступить и къ продажѣ недвижимаго; если при этомъ за послѣднее на торгахъ будутъ предлагать очень мало, что послужитъ къ совершенному разоренію владѣльца, то удержаться отъ продажи, и дать ему срокъ для уплаты штрафа, но при непремѣнномъ условіи—представить въ томъ поручителя. 6) Въ канцеляріи же совершать донимочный правезъ всѣмъ обязаннымъ платить кромѣ плательщиковъ подушныхъ. 7) При такомъ взысканіи казенныхъ долговъ и доимокъ, канцелярія конфискаціи имѣетъ преимущество предъ всѣми частными кредиторами, за исключеніемъ, во первыхъ, вевсельнаго права, и во вторыхъ, держащихъ завладныя на конфискуемыя имѣнія (№ 5601). Дополненія этой инструкціи 1738 г., въ 19 п. изложенныя, указываютъ главнымъ образомъ на порядоѣ веденія счетныхъ книгъ и порядоѣ самой продажи (№ 7556).

Теперь далѣе, не касаясь прямо указовъ, уже извѣстныхъ, помѣщенныхъ въ Полн. Собраніи Законовъ, посмотримъ только, на основаніи неизданныхъ указовъ, занесенныхъ въ указную книгу этой канцеляріи, на самую дѣятельность этого любопытнаго установленія XVIII ст. Эти, неизданные еще, указы проливаютъ свѣтъ: 1) на способы и методы исполненія законовъ вообще въ XVIII ст., 2) на развивавшееся и значительно усовершенствовавшееся, сравнительно съ XVII ст., крѣпостворство, 3) на слабую степень уваженія законности въ средѣ должностныхъ лицъ, 4) на остановки

дѣлопроизводства и медленность теченія дѣлъ, пристокавшія отъ дурнаго распредѣленія предметовъ вѣдомства между различными присутственными мѣстами и вслѣдствіе того множества начальствъ, вѣдавшихъ одно и то же дѣло, на 5) весьма энергичныя стремленія интеллигенціи XVIII ст. попользоваться казенною землею, вслѣдствіе чего конфискованныя имѣнія казались золотою рудою, попользоваться которою желали всѣ, отъ мала и до велика. Кроме того эти указы значительно пополняютъ тотъ образъ этой спеціальной канцеляріи, который рисуется на основаніи извѣстныхъ до сихъ поръ указовъ.

Вся совокупность этихъ неизданныхъ указовъ, касающихся канцеляріи конфискаціи, свидѣтельствуетъ о періодически возникавшихъ со стороны сената и вообще высшаго государственнаго управления неудовольствіяхъ на дѣйствія этой канцеляріи. По поводу такихъ неудовольствій рождались разъясненія канцеляріи, обнажающія массу больныхъ мѣстъ администраціи XVIII ст., а равно изобрѣтались поправки для ея дѣятельности, испытывавшія ту же самую судьбу,—признаніе ихъ неудовлетворительности и возбужденіе новыхъ поправокъ.

Такъ изъ указа 10-го іюня 1737 г. явствуетъ, что правительство недовольно канцеляріею конфискаціи, невыполняющею данной ей инструкціи такъ, какъ предполагала законодательница, а именно: 1) канцелярія не приняла надлежащихъ мѣръ и распоряженій относительно того, чтобы всѣ присутственные мѣста, въ руки которыхъ попадаютъ конфискованныя земли или движим. имущества, тотчасъ представляли ей вѣдомости; напротивъ, и теперь царствуетъ прежняя неизвѣстность, вслѣдствіе чего цѣлое множество отписанныхъ у землевладѣльцевъ имѣній съ тою цѣлію, чтобы изъ доходовъ съ этихъ имѣній покрыть положенный съ нихъ штрафъ, обазываются только фиктивно отписанными: по несмотру канцеляріи конфискаціи, владѣльцы такихъ имѣній, фабрикъ и заводовъ продолжаютъ ими владѣть и штрафовъ и недоимокъ платить не думаютъ,—между тѣмъ канцелярія обязана такихъ владѣльцевъ изъ ихъ имѣній высылать и объявить ихъ людямъ и крестьянамъ, что они могутъ ихъ ни въ чемъ не слушать, а если въ теченіе года штрафа не уплатятъ, то имѣніе ихъ должно быть продано съ торговъ. Между тѣмъ до свѣдѣнія императрицы дошло, что потому и не доносятъ канцеляріи о конфиско-

ванныхъ имѣніяхъ: „что въ губерніяхъ и провинціяхъ малыми отписными деревнями и землями во многихъ городахъ довольствуются воеводы и секретари, раздѣля оныя по себѣ и заставляють тѣхъ отписныхъ людей и крестьянъ всякія работы работать на себя, такъ какъ собственныхъ своихъ, и берутъ съ нихъ хлѣбъ, живность и прочее“... Противъ такой практичности секретарей, эпидемически охватившей и воеводъ желаніемъ попользоваться конфискованными имѣніями, чрезвычайно удобными для хозяйства, во всякомъ случаѣ болѣе удобными, чѣмъ простая казенная земля, которою также не брезгали, но на эту землю надобно было добывать рабочія руки, тогда какъ конфисковались по преимуществу земли населенныя, съ готовыми работниками,—правительство повелѣваетъ изъ сената подтвердить и во всѣ губерніи и провинціи послать съ нарочными наивѣрнѣйшіе указы, чтобы о конфискованныхъ имѣніяхъ присылаемы были вѣдомости. 2) Канцелярія не выполняетъ инструкціи относительно порядка продажи имущества: „чинятся неправильныя продажи и только подъ видомъ публичнаго торгу, а въ самомъ дѣйствѣ, какъ чины нѣкоторые той канцеляріи, такъ и секретари, отбирая лучшія вещи, сами себѣ покупають подлогами чрезъ подставныхъ купцовъ за малыя деньги на ихъ имена, также и другимъ постороннимъ знатнымъ людямъ и сенатскимъ секретарямъ и прочимъ, угождая и маня, что кому потребно, отбирають также лучшія вещи на выборъ и продають за малыя деньги, не допуская вымышленно къ тѣмъ вещамъ и товарамъ знатныхъ купцовъ“..... 3) Для доставленія канцеляріи возможности дѣйствовать основательно, открытъ въ Москвѣ контору этой канцеляріи. Кромѣ того тутъ же придуманы, для поправки дѣла, слѣдующія мѣры: 1) обязать всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и всѣ вообще присутственныя мѣста присылать въ канцелярію конфискаціи вѣдомости, кромѣ того ежемѣсячно регистры, а въ началѣ каждаго года, въ январѣ, обстоятельныя вѣдомости. Эта мѣра, какъ оказалось впоследствии, не только не принесла пользы, но напротивъ обратилась въ ловкій канцелярскій пріемъ, совершенно способный запутать контролирующихъ и спасти отъ отвѣтственности контролируемыхъ. 2) Поставить канцелярію конфискаціи подъ главное начальство президента коммерцъ-коллегіи, тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, который долженъ плохихъ чиновниковъ смѣнить и замѣнить но-

выми. 3) Ему же пересмотрѣть и разобрать оставшіяся до тѣхъ поръ неразобранными дѣла изъ бывшаго доимочнаго приказа ¹⁾ 4) Съ 1738 г. воспрещено дѣлать изъ доходовъ съ конфискованныхъ имѣній какія либо ассигновки безъ особыхъ на каждый предметъ расхода высочайшихъ указовъ ²⁾. 5) Въ помощь канцеляріи конфискаціи, для сбора старыхъ недоимокъ и сыска недоимщиковъ, въ 1739 г. повелѣно было открыть особую доимочную комиссію ³⁾. 6) Сочинены и надобно сказать очень хорошія формы описи движимымъ и недвижимымъ имѣніямъ, поступающимъ въ управленіе канцеляріи конфискаціи: одна форма для описи села и деревни, другая для описи заводовъ, третья для описи городскихъ домовъ, четвертая—лавокъ. Кромѣ формъ описей сочинены и формы рапортовъ ⁴⁾. Но эти формы оказались недостаточными, и въ 1773 г. Канцеляріи конфискаціи сообщены еще формы для показанія окладныхъ доходовъ, поступающихъ съ конфискованныхъ имѣній ⁵⁾.

Изъ двухъ указовъ далѣе обнаруживается, что слабость дѣятельности канцеляріи конфискаціи вызывалась самымъ существомъ канцелярскаго склада: нельзя было взыскивать штрафовъ съ судей и секретарей, а прикрывая ихъ, надобно было прикрывать и остальныхъ. Постановлено было общимъ правиломъ, что если по жалобѣ въ Сенатъ будетъ пересматриваться дѣло, рѣшенное въ Коллегіи, и рѣшеніе коллегіи признано будетъ неправильнымъ, то за такое неправильное рѣшеніе брать съ президента, членовъ и секретаря коллегіи штрафы со всѣхъ поровну,—съ секретаря такуюже часть, какъ и съ члена, дабы прилежнѣе въ томъ поступали ⁶⁾. Это обстоятельство и послужило въ достиженію совершенно противоположной цѣли: секретари канцеляріи конфискаціи понимали затруднительность положенія своихъ

¹⁾ Указная книга, № 17.

²⁾ Именной указъ 5-го янв. 1738, тамъ-же, № 18.

³⁾ Въ П. С. З. помѣщенъ манифестъ 10 дек. 1739 (№ 7946) объ учрежденіи этой комисіи, но подробныя основанія, вызвавшія учрежденіе этой комисіи, изложены въ особомъ указѣ, присланномъ въ канц. конф. 17-го декабря 1739 г. и помѣщенномъ въ ея указной книгѣ за № 21.

⁴⁾ Тамъ-же, № 23.

⁵⁾ № 39.

⁶⁾ Указная кн. № 2, № 4.

собратовъ, да и неприятныя условія платить штрафъ,—потому пускали по отношенію къ такимъ дѣламъ всѣ излюбленныя и всегда вѣрныя канцелярскія средства: пустить дѣло въ отложку за справками, направить бумагу не туда, куда слѣдуетъ, слить такое дѣло съ другимъ, болѣе обширнымъ и сложнымъ, которому конца не предвидится и т. п.

Любопытно, что когда въ 1765 г. главный судья канцеляріи конфискаціи Рыбачевъ, между прочимъ, представлялъ Сенату, что налагаемые на судей и секретарей за неправыя рѣшенія штрафы совсѣмъ почти не взыскиваются потому, что не пишется имянно съ кого взыскать, а говорится только съ таково присутствія, вслѣдствіе чего канцеляріи конфискаціи самой приходится наводить справки и вступать въ переписку, которая безконечно затягивается, то въ резолюціи Сената получилась опять неопредѣленность, обнажающая участіе опытной канцеляріи въ ея составленіи. Сенатъ на это рѣшительное для секретарей предложеніе Рыбачева, даетъ такой указъ: „На кого положенъ будетъ во взысканію штрафъ присутственныхъ мѣстъ съ судей и секретарей за неправое рѣшеніе, также съ разныхъ чиновъ за неправыя-жъ на присутственныхъ мѣста прошенія, о таковыхъ для скорѣйшаго того положеннаго штрафа взысканія изъ получаемаго жалованья, буде онаго достаточно, посылать о вычетѣ въ штатсъ-контору указы, а буде того жалованья на вычетъ тѣхъ штрафовъ недостаточно, въ такомъ случаѣ то недостающее число, таково и кто изъ таковыхъ жалованья не получаютъ, съ такимъ о взысканіи изъ ихъ имѣнія канцеляріи конфискаціи поступать по указамъ, а о проясненіи въ посылаемыхъ указахъ о налагаемыхъ штрафахъ съ кого имянно и за сколько иску взыскать слѣдовать будетъ, сообщить для учиненія о томъ опредѣленія во 2-й прав. сената департаментъ“¹⁾.

Такимъ недоразумѣніямъ канцеляріи помогали и общія стремленія многихъ присутственныхъ мѣстъ дѣйствовать даже въ продажѣ конфискованныхъ имѣній безъ вѣдома канцеляріи конфискаціи²⁾.

¹⁾ Ук. кн. № 34.

²⁾ Ibid., № 13.

Этимъ и можно объяснить, что, не смотря на изложенныя выше придумавшіяся поправки, канцелярія конфискаціи не удовлетворяла желаніямъ высшаго : правительства, и его неудовольствія періодически продолжали высказываться.

Такъ въ указѣ императора Петра III, 8 мая 1762 г., высказывается неудовольствіе, что канцелярія конфискаціи не представляетъ, какъ предписано закономъ, въ сенатъ вѣдомостей, сколько въ ея управленіи находится конфискованныхъ и выморочныхъ имѣній, каковой ежегодный оборотъ ею совершается и какъ великъ чистый доходъ ¹⁾).

Оставленіе сената въ полной неизвѣстности конечно не могло нравиться высшему правительству, но эта темнота и неизвѣстность и составляли прямой расчетъ дѣльцовъ-практиковъ, заправлявшихъ канцелярію конфискаціи. Да и заботы сената о томъ, что бы получать такія вѣдомости, были совершенно напрасны. Развѣ трудно представить такую вѣдомость, но легко ли будетъ сенату ее разобрать? Вотъ это можно видѣть изъ вѣдомости, которую канцелярія конфискаціи (пребывавшая тогда въ Москвѣ) представила въ сенатъ, въ отвѣтъ на только что приведенный его указъ. Это донесеніе, вмѣстѣ съ вѣдомостью,—одинъ изъ перловъ канцелярскаго искусства XVIII ст. И нынѣшніе, уже искусившіеся въ теоріи права канцелярскіе дѣятели, охотники до составленія отписныхъ бумагъ, цѣлю которыхъ ставится и отдѣлаться отъ взыскація начальствующихъ, и сохранить канцелярскую невинность, и обезпечить возможность продолжать эту дѣятельность и на будущее время,—должны преклониться предъ этимъ искусствомъ канцеляриста XVIII ст. Величаво вздымается въ такихъ донесеніяхъ образъ опытнаго и могучаго стараго дьяка, называемаго секретаремъ въ XVIII ст. Вотъ что говоритъ въ своемъ рапортѣ пр. сенату канцелярія конфискаціи. Все, что можно взыскивать, канцелярія сейчасъ и взыскиваетъ, а что не взыскивается за разными невозможностями, то и прописано въ приложенной вѣдомости. Но, во первыхъ, и о всѣхъ этихъ невзысканныхъ еще штрафахъ наирѣпчайше со штрафомъ же подтверждено различнымъ присутственнымъ мѣстамъ о самоскорѣйшемъ взыс-

¹⁾ Уб. кн., № 30.

ваніи штрафовъ. И такъ первый недурной приемъ—сложить съ себя вину на другихъ, поимянно такихъ не называя. Во вторыхъ, въ показанной вѣдомости означено невзысканныхъ еще штрафовъ 71.606 р. 51 коп., но изъ нихъ уже сложено, и прав. сенату извѣстно, такъ какъ сложено съ его вѣдома, 47.737 р. 67 коп., значить для взысканія осталось только 23.868 р. 84 к., но и изъ этихъ денегъ взыскано уже 2989 р. 44¹/₄ к., и такимъ образомъ остается взыскать 20.879 р. 39³/₄ к. Но, въ третьихъ, и изъ этихъ денегъ, по указамъ самаго прав. сената и другихъ присутствій повелѣно, до разсмотрѣнія дѣлъ, воздержаться взысканіемъ 3302 р. 90 к., такимъ образомъ оказывается всего невзысканныхъ 17.576 р. 49³/₄ к. Въ четвертыхъ, относительно этихъ остающихся денегъ затребованы отъ находящихся въ Петербургѣ и Москвѣ присутственныхъ мѣстъ извѣстія, взысканы ли причитающіеся штрафы или почему не взысканы—за смертію ли или за неотысканіемъ наслѣдниковъ или за разными отлучками или за неимѣніемъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ. Въ пятыхъ, по отношенію къ этимъ же суммамъ, изъ нѣкоторыхъ губернскихъ и городскихъ канцелярій получились донесенія, что такое-то количество штрафныхъ денегъ взыскано, но по какимъ дѣламъ—не показано, вслѣдствіе чего канцелярія конфискаціи послала туда указы съ требованіемъ доставленія обстоятельныхъ донесеній, но таковыя еще не получены.—Вотъ содержаніе этого отписнаго донесенія прав. сенату. Извольте, правит. сенатъ, учинять согласныя съ закономъ распоряженія. Сенату ничего и не оставалось, какъ дать указъ канцеляріи конфискаціи, чтобы она неупустительно строжайшими указами, со штрафами же, предписала всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ немедленно доносить ей о штрафахъ, и ограничиться выраженіемъ своего неудовольствія въ такихъ словахъ: „что было той канцеляріи всегда по своей должности въ памяти содержать должно, а то какъ видно по неприлежному той канцеляріи старанію изъ тѣхъ положенныхъ штрафовъ взыскано малое число, а большая часть стоитъ не во взысканіи“ ¹⁾.

Самая существенная функція канцеляріи конфискаціи—опи-

¹⁾ Указная вк., № 32.

саміе конфискованныхъ и выморочныхъ недвижимостей, управленіе ими и продажа ихъ ставила безпрестанно канцелярію конфискаціи въ чрезвычайныя затрудненія, что видно изъ многихъ указовъ, внесенныхъ въ указную книгу канцеляріи.

Такъ весьма скоро послѣ учрежденія канцеляріи, она представила сенату о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ для оцѣнки отписныхъ каменныхъ домовъ и лавокъ. Вслѣдствіе этого сенатъ 23 мая 1735 г. далъ указъ архитектору Мичурину посылать для такой оцѣнки „изъ архитектурныхъ подмастерьевъ и учениковъ искусныхъ людей, комубъ въ томъ можно было вѣрить и цѣнить имъ тѣ дворы при членахъ той канцеляріи самую сущею правдою и настоящею цѣною безъ всякаго пристрастія и подлога подъ присягою, какъ доброму и честному чловѣку надлежить, а ежели въ оцѣнкѣ тѣхъ дворовъ учинится какою подлогъ, и то взыскано будетъ на тѣхъ, кто въ томъ явится виновенъ по указомъ безъ упущенія ¹⁾).

Но такой методъ оцѣнки оказался на практикѣ несогласнымъ съ тѣмъ параграфомъ инструкціи, по которому канцелярія конфискаціи не можетъ продавать ниже оцѣнки, которую можно вывести изъ дохода съ имущества по десяти-лѣтней сложности. Потому черезъ 4 года президентъ комерцъ-коллегіи гр. Мусинъ-Пушкинъ и дѣлаетъ представленіе въ Кабинетъ ея величества, что правила производства оцѣнки невозможно согласить съ этимъ параграфомъ инструкціи, удобнымъ для оцѣнки земель, но мѣшающимъ оцѣнкѣ дворовъ, почему и ходатайствуетъ о разрѣшеніи продавать по послѣдней цѣнкѣ, которая на торгахъ состоитъ, а не по десятилѣтнему доходу. Императрица на такое ходатайство изъявила согласіе ²⁾).

Самый способъ печатанія публикацій о продажѣ конфискованныхъ имуществъ оказался неправтячнымъ. Главный судья канцеляріи представлялъ въ 1765 г. Сенату, что „о продажѣ отписныхъ имуществъ печатными экземплярами (которые печатаются по требованіямъ канцеляріи конфискаціи въ типографіяхъ съ заплаатою за нихъ денегъ) во всемъ государствѣ отъ губерній и

¹⁾ Указная кн., № 15.

²⁾ Ibid., № 20.

публикуется, но по онымъ, какъ изъ получаемыхъ на посланные изъ конфискаціи указы изъ городовъ рапортовъ видно, что по тѣмъ публикуемъ (т. е. публикаціямъ) къ покупке оныхъ охотниковъ въ тѣхъ городахъ не является, и такъ для излишней на то выдачи изъ казны денегъ, а и скорѣйшей сихъ имуществъ продажи, не соизволить ли Сенатъ о продажѣ оныхъ повелѣть только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ письменными листами публиковать и въ русскихъ вѣдомостяхъ о томъ припечатать, чрезъ которыя и во всемъ государствѣ извѣстно быть можетъ“. Сенатъ указомъ 1-го іюля 1765 г. далъ на это разрѣшеніе ¹⁾.

Въ дѣлѣ продажи отписныхъ недвижимыхъ имуществъ, которыхъ собственно бывало двѣ категоріи—отписныя за винны и отписныя вслѣдствіе судебныхъ рѣшеній по частнымъ искамъ, канцелярія производила немалую путаницу, вызывала не только нареванія, но и жалобы. Въ такихъ случаяхъ канцелярія конфискаціи стремилась вытти изъ затрудненія путемъ представленія сенату, какъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ бы привидываясь непонимающею существа дѣла, неумѣющею согласить противорѣчивые указы. Таково представленіе ея въ сенатъ въ 1753 г. Она разъясняетъ, что въ прошломъ году, на основаніи полученной отъ Юстицъ-Коллегіи промеморіи, она послала въ Тверскую провинціальную канцелярію, отписать недвижимое имѣніе капитана Ивана Невлюдова за неплатежъ имъ иску Сатину и пошлннъ; по продажѣ этого имѣнія, напередъ вычтя пошлинныя деньги 279 рублей 75 коп., остальные за искъ отдать Сатину 466 р. 25 коп. Между тѣмъ, продолжаетъ канцелярія конфискаціи, имѣется именной указъ 3-го апрѣля 1747 г., постановляющій нивагихъ деревень, вступившихъ въ конфискацію, безъ именнаго указа ни продавать, ни раздавать, поэтому канцелярія и спрашиваетъ, какъ поступить съ имѣніемъ Невлюдова, отписаннымъ за искъ Сатина, можно ли его, продать? Сенатъ приказалъ продать, изъ вырученной суммы пошлнны отослать въ Юстицъ-Коллегію, а исковую сумму отдать истцу Сатину, а остатокъ возвратитъ владѣльцу, взявъ съ него росписку. При этомъ, Сенатъ, разъясняя, что именной указъ, на который ссылается

¹⁾ Указы. кн., № 34.

канцелярія конфіскаціі, относится только къ имѣніямъ, конфискованнымъ за вины и по поводу взыскапія штрафовъ, но вовсе не касается имѣній, отписываемыхъ по частнымъ искамъ, дѣласть канцеляріи замѣчанія, „о чемъ было той канцеляріи Правительствующему Сенату представленія чинить не подлежало“ ¹⁾. Канцелярія это, конечно, и сама знала, но этимъ способомъ, пущеніемъ дѣла въ отложку, могла услужить Неклюдову, и значить отъ своей пользы отказываться не находила благоразумнымъ. Совершенно такое же предписаніе высказывается Сенатомъ и въ 1754 г., по однородному дѣлу по имѣнію Поповой, въ указѣ, напечатанномъ и въ Полномъ Собр. Законовъ ²⁾. По близкому съ подобными дѣлами помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ указъ Сената 6-го сентября 1763 г., не представляющей мотивовъ, такъ какъ изъ него взята голая резолюція Сената, представляющая нѣкоторую неясность за отсутствіемъ мотивовъ, тѣмъ особенно невыгодную, что въ немъ дается норма чрезвычайной важности. Именно, въ этомъ указѣ постановлено: „когда чье движимое и недвижимое имѣніе признано будетъ за выморочное, а изъ постороннихъ кто на тѣхъ персонахъ имѣть будетъ каковыя претензіи, то, вмѣсто формальныхъ судовъ, производить слѣдствія при членѣ отъ канцеляріи конфіскаціи или ея конторы, и что по слѣдствію окажется, потому и рѣшеніе чинить въ силу законовъ“ ³⁾. Между тѣмъ въ этой указной книгѣ сохранился полный указъ Сената, разъясняющей мотивы, вызвавшіе эту резолюцію, извлеченную для помѣщенія въ Полномъ Собраніи Законовъ. Именно оказывается, что въ Сенатѣ производилось дѣло, перенесенное въ него изъ магистратской конторы по иску С.-Петербургскаго купца Леонтія Горбылева къ Гроздову. Искъ заключался въ томъ, что будто бы Гроздовъ, по бытности его, въ 1744 г., ратсгерромъ магистратской конторы, по разнымъ постороннимъ вексельнымъ претензіямъ награбилъ изъ лавки Горбылева и товарища его, купца Грахова, товаровъ на 15,234 р. 91 к., въ чемъ однакожъ Гроздовъ удиченъ не былъ, т. е. съ награбленнымъ товаромъ пойманъ не былъ; потому надлежало между Гроздовымъ

¹⁾ Указная кн., № 26.

²⁾ П. С. З., № 10238.

³⁾ Указной кн., № 27.

и Горбылевымъ и его товарищемъ произвести судъ на основаніи Петровскаго указа 5-го ноября 1723 г. о формѣ суда и дополненій его 3-го мая 1725 г., что магистратскою конторою и было опредѣлено; но прежде, чѣмъ судъ состоялся, Гроздовъ умеръ, а мнѣніе его Юстиць-Коллегіею признано выморочнымъ. Разсуждая о томъ, какъ въ этомъ дѣлѣ поступить, Правительств. Сенатъ опредѣлилъ представить на утвержденіе императрицы такое мнѣніе, что какъ по этому дѣлу, то и по всѣмъ другимъ подобнымъ дѣламъ, когда относительно имѣнія, сдѣлавшагося выморочнымъ, явятся претензіи со стороны частныхъ лицъ, то суда не давать, а производить слѣдствіе при членѣ отъ канцеляріи конфискаціи или ея конторы. И это мнѣніе Сената императрицею утверждено 25-го августа 1763 г. ¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что канцелярія конфискаціи нерѣдко щадя владѣльцевъ отписныхъ имѣній и не торопилась приступать къ ихъ продажѣ съ публичныхъ торговъ. Подвергаясь за то выговорамъ со стороны Сената, она прибѣгала по временамъ къ весьма любопытнымъ уловкамъ, за которыя получала правда вновь выговоры отъ Прав. Сената. Такъ Сенатскій указъ отъ 25-го декабря 1775 г., послѣдній изъ помѣщенныхъ въ указн. книгѣ, заключаетъ также выговоръ канцеляріи, и какъ кажется, исполнѣ ею заслуженный. Изъ него видно, что когда Сенатъ послалъ подтвержденіе канцеляріи о точномъ выполненіи его инструкціи о продажѣ имуществъ, конфискованныхъ на аукціонѣ въ Москвѣ, заведенномъ согласно Петровскому указу 12-го ноября 1723 г., канцелярія конфискаціи, очевидно уклоняясь отъ безотлагательной продажи конфискованныхъ имуществъ, представила Сенату донесеніе о разныхъ своихъ недоумѣніяхъ, какъ продавать въ этомъ аукціонѣ. Именно, разясняя, что этотъ аукціонъ въ Москвѣ заведенъ въ 1723 г., когда канцелярія конфискаціи еще не существовала, а получила она инструкцію, по которой обязана конфискованныя имѣнія оцѣнять и затѣмъ въ Москвѣ съ публичнаго торга продавать, а по дополненію инструкціи 1738 г. имѣть продажныя и цѣновныя книги, а кромѣ того, на основаніи указа 2-го мая 1772 г., она обязана жалованныя бывшимъ въ лейбъ-

¹⁾ № 31.

компаніи чинамъ недвижимыя имущества, оставшіяся послѣ умершихъ вотчинниковъ, въ разсужденіи низваго наслѣдниковъ состоянія, взять въ свое вѣдѣніе и продавать, а вырученныя деньги отдавать тѣмъ наслѣдникамъ, и потому она не знаетъ, какъ ей всѣ эти имѣнія продавать чрезъ посредство Московскаго аукціона, а потому ожидаетъ отъ Сената особливаго указа. Она и дождалась этого указа, но не совсѣмъ для нея выгоднаго. Прав. Сенатъ совершенно справедливо указываетъ, что никакого недоумѣнія оно не должно было себѣ создавать, что и не рождалось никогда сомнѣнія, гдѣ и какъ ей продавать, что это и дѣлалось всегда въ Московскомъ аукціонѣ. Разъяснивъ все это, Прав. Сенатъ такъ заключаетъ: „канцелярія конфискаціи и не должно было таковымъ недѣльнымъ представленіемъ Сенатъ излишне утруждать. О чемъ и дать ей знать указомъ съ тѣмъ, чтобъ она чиня непремѣнное потому исполненіе, впредь отъ такихъ превратныхъ толкованіевъ воздержалась“¹⁾).

Но если канцелярія конфискаціи нерѣдко, ради своихъ канцелярскихъ интересовъ, искусственно создавала недоумѣнія и утруждала ими Прав. Сенатъ, то въ защиту ея надобно сказать, что иногда ей дѣйствовать дѣйствительно было трудно, что видно опять изъ указовъ, не напечатанныхъ еще, помѣстившихся въ ея указной книгѣ.

. Такъ, во первыхъ, трудны были для нея распоряженія по продажѣ отписныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Скоро послѣ своего открытія она получила указъ, что отписное золото и серебро, „которое въ продажѣ стануть дешевить, такъ что по натурѣ въ немъ чистоты золота и серебра прибыльнѣе можно передѣлать въ монету, то оное отсылать въ монетную контору, въ передѣлъ монеты, а въ убытокъ не продавать“. Для того указывается ей брать пробиреровъ (пробовальщиковъ) изъ монетной конторы, „дабы узнать, сколько въ немъ по пробѣ явится чистаго серебра, дабы въ случаѣ продажи невѣдніемъ убытку не учинилось“²⁾). На эти дѣла, правда, канцелярія конфискаціи не жаловалась, потому что съ пробирерами вообще, а особенно съ про-

¹⁾ Указная кн., № 43.

²⁾ Указная кн., № 1—указъ 13 авг. 1730 г.

бирерами того времени, людямъ знающимъ и душою прямымъ можно жить въ мирѣ, но хлопотъ ей, конечно, было не мало. Точно также относительно мѣди, свинца, олова, желѣза, въ кускахъ и въ издѣліяхъ конфискованнаго, канцелярія ставилась нерѣдко въ затрудненія. По общему правилу, на основаніи указа 20 декабря 1737 г., она обязывалась все это отправлять въ артиллерію, получая за то указныя цѣны, а если указныхъ цѣнъ нѣтъ, то по присяжной оцѣнкѣ, при чемъ, если изъ мѣдныхъ, оловянныхъ и желѣзныхъ вещей встрѣтятся куріозы, таковые изъ артиллеріи продавать охочимъ людямъ по пропорціи цѣны за мѣдь противъ серебра. Между тѣмъ артиллерія нерѣдко мѣдную и оловянную посуду не принимала, по крайней мѣрѣ, не доставляла за нее денегъ. Это побудило канцелярію конфискаціи сдѣлать въ 1742 г. (іюля 12) представленіе Сенату о дозволеніи всякую такую посуду пускать въ продажу съ публичныхъ торговъ, и если на торгахъ дадутъ цѣну большую, чѣмъ указныя цѣны, которыя могутъ быть получены отъ артиллеріи, то продавать съ торговъ, а если цѣны будутъ предлагать меньшія, то отсылать въ артиллерію. Сенатъ указомъ 21-го іюля разрѣшилъ это ¹⁾, и тѣмъ конечно далъ канцеляріи возможность посодѣйствовать увеличенію казеннаго интереса.

Во вторыхъ, не мало хлопотъ встрѣчала канцелярія по продажѣ товаровъ, конфискованныхъ въ портовыхъ таможенныхъ.

По весьма плохому финансовому методу XVIII ст. выдачи авансовъ присутственнымъ мѣстамъ, оказывается, что ни у таможенъ, ни у канцеляріи конфискаціи не было денегъ для перевозки конфискованныхъ въ таможенѣ товаровъ, вслѣдствіе чего таковые весьма долго тамъ оставались и приходили въ истлѣніе, дѣйствительное ли или фиветивное—неизвѣстно, но канцелярскимъ порядкомъ точно означавшееся. Когда Сенатъ возбуждалъ объ этомъ вопросъ, появлялись и донесенія. Такъ, между прочимъ, въ 1765 г. С.-Петербургская контора канцеляріи конфискаціи (дѣйствовавшей тогда въ Москвѣ) доноситъ Сенату, что на ея требованіе о присылкѣ изъ С.-Петербургской портовой таможенн арестованныхъ у иностраннаго купца Бомоса Ишварда товаровъ,

¹⁾ Указная книга, № 22.

поступило изъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи сообщеніе, что этихъ товаровъ много и для доставленія ихъ въ контору канцеляріи конфискаціи потребуются подводы, а денегъ для найма такихъ не имѣется, а и контора канцеляріи конфискаціи съ своей стороны также никакихъ суммъ на это не имѣетъ, отчего товары и остаются непринятыми и непроданными. Прав. Сенатъ указомъ 21 дек. 1765 г. такъ это дѣло разрѣшилъ: контора канцеляріи конфискаціи обязана товары эти принять, перевезти, и изъ вырученной отъ продажи суммы заплатить за подводы, и держаться этого правила и на будущее время, какъ канцеляріи конфискаціи, такъ и ея конторѣ ¹⁾).

Не менѣ хлопотъ и затрудненій, въ третьихъ, встрѣчала канцелярія конфискаціи въ пересылкѣ денегъ. Въ XVIII ст. вопросъ пересылки денегъ составлялъ вообще трудный вопросъ, при недостаточной организаціи почтъ и сколько нибудь обеспеченныхъ способовъ пересылки денежной корреспонденціи. Гг. офицеры, эти администраторы XVIII ст. по преимуществу, а по ихъ примѣру и Петровскіе рентмейстеры выходили изъ такого затрудненія приложеніемъ толкованій, что это лежитъ на повинности крестьянъ. Дѣйствительно, на помѣщичьихъ крестьянахъ лежала повинность выставять изъ своей среды, подъ круговую отвѣтственностію, счетчиковъ денежной казны, которыхъ администраторы того времени, для поощренія тщательнаго исполненія повинности, сажали на цѣпь и изъ своихъ рукъ смертнымъ боемъ бивали. Самую повинность счета денегъ распространяли и на обязанность крестьянъ доставить деньги въ Петербургъ или въ другой пунктъ. А случалось и такъ, что возлагая на крестьянина, дѣлающагося, по произволу администратора, повиннымъ везти деньги, обязанность свезти нѣсколько мѣшковъ монеты, выставляли на накладной большую сумму, чѣмъ находилось дѣйствительно въ мѣшкахъ, — какъ это случилось, напримѣръ, съ Костромскимъ рентмейстеромъ Каблуковымъ ²⁾). Однимъ словомъ, дѣло перевозки денегъ было трудное, что испытывала и канцелярія конфискаціи, и вотъ по какому поводу. Послѣ открытія

¹⁾ Указная книга, № 35.

²⁾ Описаніе докум. и дѣлъ Св. Синода, т. II, № 44.

дворянскаго банка, между конфискованными имѣніями стали оказываться заложеныя въ банкѣ, отписывавшіяся по требованіямъ банковъ за неплатежъ въ положенные сроки занятыхъ денегъ. На основаніи указовъ 1761 и 1765 гг. канцелярія конфискаціи, взявъ такія имѣнія въ свое управленіе, обязана была получаемые доходы отсылать въ банки въ уплату процентовъ и капитальнаго долга. Какимъ же образомъ эти деньги доставлять? Канцелярія предполагала собирать на прогоны по пересылкѣ денегъ съ крестьянъ этихъ заложенныхъ имѣній, съ каждаго рубля ихъ оброка, по скольку придется. Но сенатъ такого предложенія канцеляріи не уважилъ и въ 1767 г. предписалъ ей озаботиться такія деньги переводить чрезъ векселя, отдавая надежнымъ людямъ, съ надлежащею предосторожностію, а если таковыхъ не найти, то отправлять эти деньги при оказіи съ прочею денежною казною, отправляемою изъ другихъ присутствій въ штатсъ-контору, но за провозъ этихъ денегъ особыхъ прогоновъ не платить, дабы не отягощать крестьянъ излишними сборами. Но въ 1774 г. канцелярія конфискаціи вновь доноситъ сенату, что она получила изъ Тульской и Пензенской провинціальныхъ канцелярій увѣдомленія, что охотниковъ на выдачу векселей тамъ не имѣется, и съ прочею денежною казною этихъ денегъ безъ платежа прогоновъ пересылать не удастся, такъ какъ ямщики и наемщики, сверхъ оказавшагося вѣса въ денежной казнѣ, никакихъ новыхъ паветовъ безъ платежа прогоновъ не принимаютъ, а отъ замедленія доставки этихъ денегъ въ банки должники несутъ напрасные убытки, такъ какъ банки до самаго полученія денегъ насчитываютъ на нихъ проценты,—почему канцелярія предлагаетъ платить эти прогоны изъ доходовъ съ заложенныхъ имѣній, что будетъ въ итогѣ для должниковъ дешевле, а она уже часть такой суммы изъ Пензы, 1769 р., переслала, заплативъ прогоны изъ доходовъ съ другихъ деревень, въ ея вѣдѣніи находящихся. Сенатъ не одобрилъ такого распоряженія, повелѣвъ держаться указанныхъ прежде приемовъ, а если не окажется возможнымъ, то платить прогоны только съ доходовъ заложенныхъ банку имѣній по принадлежности ¹⁾).

---

¹⁾ Указная кн., № 40.

Таково содержаніе этихъ 27 указовъ, помѣстившихся въ указанной книгѣ канцеляріи конфискаціи. Несомнѣнно ихъ содержаніе содѣйствуетъ освѣщенію администраціи XVIII ст.: патриархальность старыхъ канцелярскихъ порядковъ пережъшивается съ недобрыми инстинктами, неуваженіе къ законности поощряется развитіемъ неудержимыхъ стремленій попользоваться землями казенными и конфискованными. Все это въ совокупности значительно извиняетъ недостатки и позднѣйшей администраціи, получившей отъ этой практикы XVIII ст. такое наслѣдство, которое слѣдовало конфисковать ради интересовъ государства и требованій права.

И. Е. Андреевскій.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гт.

Письма А. И. Тургенева уже давно оцѣнены въ нашей литературѣ по своему достоинству. Еще въ тридцатыхъ годахъ князь П. А. Вяземскій писалъ о нихъ: „Глубокомыслие, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность слога, полная жизни, движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ; а въ 1870-хъ годахъ И. И. Срезневскій находилъ желаннымъ, чтобы изъ писемъ А. И. Тургенева была составлена книга, которая будетъ необходима для „всякой семейной библиотеки русской. По ней могли-бы дѣти и не дѣти воспитывать себя и въ правдивости, и въ высшихъ стремленіяхъ ума и чувства общечеловѣческаго и вмѣстѣ русскаго“.

Указываемыми качествами въ полной мѣрѣ отличаются и печатаемыя письма, которыя мы получили отъ покойнаго К. С. Сербиновича въ 1871 году. Служебное положеніе Сербиновича: директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и редакторъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, придаетъ этимъ письмамъ особенный интересъ.

Напомнимъ, что на страницахъ нашего изданія уже были помѣщены биографическія свѣдѣнія какъ объ А. И. Тургеневѣ („Припоминанія“ И. И. Срезневскаго „Русск. Стар.“ 1875 г., т. XIII, стр. 555—564), такъ и о К. С. Сербиновичѣ (1874 г., т. XI, стр. 44—75; 236—272). Замѣтимъ здѣсь вкратцѣ, что К. С. Сербиновичъ оставилъ послѣ себя обширное собраніе бумагъ и переписки, результатъ многолѣтней, весьма разнообразной его дѣятельности. Весь этотъ семейный архивъ приобрѣтенъ въ настоящее время отъ наследниковъ Сербиновича княземъ П. П. Вяземскимъ.

По нашей просьбѣ предлагаемыя письма приготовлены къ печати и снабжены примѣчаніями Н. П. Барсуковымъ.

Ред.

I.

Дрезденъ, 26 дек. 1826 г. (7 янв. 1827).

Два письма ваши, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, я получилъ и читалъ ихъ не только съ истиннымъ удовольствіемъ, но и съ благодарностію, которую не перестану никогда къ вамъ чувствовать. Я всегда радовался вашими успѣхами по службѣ, но испытываю неоднократно благородство вашего характера, желаю вамъ болѣе и болѣе дѣятельности и для пользы самой службы. Я увѣренъ, что и новое начальство (1) отдастъ вамъ всю справедливость и по любви къ справедливости, и по уваженію къ памяти того, кто зналъ вамъ всю цѣну и любилъ говорить о вашихъ достоинствахъ (2). Ему обязанъ я и вашей привязанностію, ибо онъ и въ васъ заронилъ искру того чувства, которое самъ питалъ ко мнѣ. Будемъ же мы хранить, питать любовь къ Нему: въ ней чистота души нашей и жизнь сердца. Передайте отъ меня дружескій поклонъ и доброму Б. М. Ѳедорову (3) и скажите, что я ожидалъ съ нетерпѣніемъ Альманаха; радуюсь за него и за читателей, что и Ек. Анд. Кар. (4) позволила напечатать нѣсколько страницъ нашего благодѣтеля и что и Вяземскій даетъ ему стихи свои. Батюшковъ и Жуковскій у него также будутъ. Публика будетъ ему благодарна за сей подарокъ. К. Я. Булгаковъ (5) найдетъ случай переслать ко мнѣ новинки литературныя. Но жалѣю, что Бор. Мих. не увѣдомилъ меня о себѣ: что съ нимъ дѣлается и Музамъ-ли только онъ служить? Полагая, что вы занимаетесь порученнымъ вамъ нѣкогда дѣломъ (6), я отмѣчалъ въ журналахъ тѣ книги, кои могли-бы быть вамъ полезны. Теперь вы заняты уже другимъ; иначе бы я обратилъ ваше вниманіе на періодическое изданіе, которое записалъ я, имѣя въ виду ваше занятіе: «Litteratur-Zeitung für deutsche Volksschullehrer oder kritischer Quartalbericht von den neuesten litterarischen Erscheinungen im Gebiete des Schul-und Erziehungswesens». Въ годъ выходитъ только 4 книжки, въ Ильменау; но въ нихъ много настоятельнаго для тѣхъ, кто занимается учебною частію. Нѣмцы трудолюбивы и собираютъ въ свои котомки плоды чужой и своей опытности въ дѣлѣ воспитанія. Изъ прилагаемаго у сего листа вы увидите ихъ журнальное богатство (хотя оно тутъ еще не вполне), но у нихъ есть и книги. Если онѣ вамъ нужны будутъ для вашего дѣла по службѣ, то напишите что прислать къ вамъ и я воспользуюсь первымъ случаемъ. Желалъ бы указать вамъ, гдѣ найти тѣ руко-

писи, о коихъ вы упоминаете въ послѣднемъ письмѣ вашемъ и кои вамъ нужны для изданія XII тома Р. И. (7), но не знаю куда онѣ дѣвались. Разряды, вѣроятно, отправлены въ Московскій Архивъ иностранныхъ дѣлъ, откуда, сколько помню, бралъ ихъ Н. М. Незнаю, кому принадлежала Латухинская степенная книга (8). Едва-ли не гр. Ѳ. Толстому (9), которому я, по порученію Н. М., возвратилъ нѣсколько книгъ, передъ перѣздомъ въ Таврическій дворецъ. Нѣтъ-ли у него и списка Бояръ, да и степенной книги Латух.? Паерле и Беръ (10) принадлежали едва-ли не гр. Сергѣю Петр. Румянцову. О Ключаревѣ ничего не знаю; вы помните, что оставшіяся книги и рукописи Н. М. уложилъ въ особый ящикъ и хранятся въ домѣ Межуева, если не ошибаюсь. Екат. Ѳед. (11) знаетъ обо всемъ, а Екатерина Николаевна помнить, безъ сомнѣнія, гдѣ что лежитъ; ибо она со мною укладывала книги и рукописи, по указанію покойнаго. Благодарю васъ и за участіе, которое вы приняли въ курьерѣ Семенѣ; я предсказывалъ ему, что эта служба не обезпечитъ его содержанія. Скажите ему, что я просилъ С. П. Жихарева (12) выдавать ему 90 руб. въ годъ, и поручить кому нибудь эту выдачу въ Петербургѣ, начавъ оную съ 1-го сентября 1826 года. Этотъ окладъ будетъ ему отъ насъ производиться до тѣхъ поръ, пока мы въ состояніи будемъ; но съ тѣмъ, чтобы онъ велъ себя добропорядочно. При первомъ извѣстіи о худомъ поведеніи и окладъ прекратится. Надобно, чтобы и жена его трудами способствовала содержанію семейства. Прошу васъ не оставлять вашими добрыми совѣтами и иногда давать ему чувствовать, что вы надзираете за его поведеніемъ, по моей о семъ покорнѣйшей просьбѣ.

Я уже давно не получалъ писемъ отъ сиротъ Ревельскихъ (13). Сбираюсь отвѣчать имъ на послѣднее; но ничто не мѣшаетъ мнѣ думать о нихъ ежедневно. Напишите къ нимъ обо мнѣ и скажите, что письмо ихъ, хотя и давно уже полученное, не покидаетъ меня. Скоро самъ писать къ нимъ буду. Когда увидимъ мы 12-й томъ Р. И.?

Братъ мой Сергѣй (14) вамъ кланяется и благодаритъ за воспоминаніе. Ему лучше и силы мало по малу возвращаются, но онъ смотритъ все еще такимъ старикомъ, что и я еще не могъ привыкнуть къ худобѣ его и къ морщинамъ. Образъ жизни регулярный и спокойствіе души, если оно возможно? можетъ быть, возвратятъ ему хоть часть утраченнаго здоровья! Къ счастью, съ нами Жуковскій (15); разставшись съ нимъ, мы недолго здѣсь останемся и на лѣто укроемся, вѣроятно, въ горахъ Швейцарскихъ, ибо жаръ вреденъ брату. Во всякомъ случаѣ прежде половины апрѣля изъ Дрездена

не выѣдемъ. Поклонитесь отъ меня Г. И. Карташевскому¹⁾ и Н. Ѳ. Покровскому, и послѣднему дружески пожмите за меня руку. Желаю ему здоровья для него самаго и для пользы сиротскаго дѣла, которое въ немъ имѣетъ ревностнаго исполнителя. Здѣсь бывшая наша предсѣдательница К. Мещерская (16) и мы часто о немъ вспоминаемъ. Если кто вспомнитъ обо мнѣ, то поблагодарите за меня и скажите, что и я всѣхъ помню. Живу и здѣсь въ Итальянской Слободкѣ, im Italienischen Dörfchen № 9. Читаю много и многое; давно или лучше со времени Геттингена (17), не вель такой порядочной и дѣятельной жизни. Не успѣваю всего дочитывать, что необходимо дочитать должно, хотя со временемъ. Голова освѣжалась, да и душа съ нѣкотораго времени спокойнѣе. Но и для самонужнѣйшей переписки недостаетъ времени; въ этомъ и мое извиненіе передъ вами въ томъ, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ.—Вѣчная память Нестору Католическаго Духовенства (18); желаю хорошаго преемника, но и Цѣцишевскій (19) не многимъ моложе. Надобно готовить достойныхъ пастырей Римской церкви устройствомъ богатой Виленской Духовной Академіи. Въ матеріальныхъ средствахъ недостатка нѣтъ. Кланяйтесь всѣмъ сослуживцамъ и особенно Геце²⁾ сказавъ ему, что я весь въ нѣмецкой словесности, учебной и ученой, и едва успѣваю освѣжаться англійскою; попросите его поклониться отъ меня Феслеру (20) и увѣдомить, что я здѣсь прочелъ и послѣднюю его книгу: Завѣтъ его потомству. Много умнаго и глупокаго; но о многомъ судить и этотъ Ларинъ поверхностно. Благодарю Феслера и за слова обо мнѣ, въ биографіи его сказанныя; въ нихъ видно болѣе дружбы ко мнѣ, нежели справедливости. Утѣшительно было бы одно мнѣніе, если бы я могъ отъ другихъ заслужить его: что желалъ добра всѣмъ и каждому, а зла никому. Et voluisse sat est.

Простите, любезнѣйшій. Когда вздумаете писать, то адресуйте письма прямо на мое имя: Ins Ital-Dörfchen № 9, или poste restante, какъ угодно, и пользуйтесь оказіями, кои чаще случаются у К. Я. Булг. Еще разъ простите и вѣрьте искреннѣйшей привязанности и почтенію вашего покорнаго слуги—А. Тургенева.

A Monsieur Serbinovitsch, attaché au Département de l'instruction publique à St.-Petersbourg.

¹⁾ Григорій Ивановичъ Карташевскій умеръ въ 1840 г., въ званіи сенатора, и былъ женатъ на сестрѣ С. Т. Аксакова Надеждѣ Тимофеевнѣ.

²⁾ Петръ Петровичъ Геце скончался въ Спб., въ 1880 году.

Примѣчаніи. 1) Во второй половинѣ 1826 года К. С. Сербиновичъ назначенъ былъ цензоромъ Главнаго Цензурнаго Комитета; а 25 ноября того же года, товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія сталъ Д. Н. Блудовъ („Русск. Старина“ 1874 г., т. XI, стр. 272; „Истор. Имп. Моск. Унив.“ М. 1855, стр. 470).

2) О своихъ отношеніяхъ къ Карамзину, Сербиновичъ самъ разсказалъ въ своихъ любопытнѣйшихъ „Воспоминаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. т. XI, стр. 44—75; 236—272.

3) Въ 1827 году Б. М. Оедоровъ издалъ альманахъ: „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“, въ которомъ между прочимъ помѣщены: Отрывки изъ писемъ Батюшкова къ А. И. Тургеневу, Нѣсколько мыслей Карамзина и письмо послѣдняго къ Батюшкову; Письма А. А. Петрова къ Карамзину; Посланіе Батюшкова къ А. И. Тургеневу. Изъ произведеній: кн. П. А. Вяземскаго—Эпиграма: „Кто будетъ красть стихи твои?“ и отрывокъ изъ стихотворенія: „Деревня“; Жуковскаго: Поэзія въ видѣ Лалла-Рукъ, отрывокъ изъ письма въ Москву, стихи, присланные съ комедіями къ К., къ ней, Письмо къ А. А. Нарышкину, На смерть чижика, Надгробіе И. П. и Андр. Ив. Тургеневымъ, Къ графинѣ Ш., Амуръ и мудрость, Невыразимое; А. С. Пушкина: Романсъ, Желаніе, Здравный кубокъ, Фавнъ и Пастушка, Къ живописцу, Союзъ, отрывокъ изъ Новгородской повѣсти Вадимъ. Баронъ Дельвигъ писалъ по этому поводу къ Пушкину: „Обними Баратынскаго и Вяземскаго и подумайте, братцы, объ моихъ „Цвѣтахъ“. Не осрамите моихъ сѣдинъ передъ Оедоровымъ. За канцелярскія услуги А. И. Тургеневъ наградилъ его статьями Карамзина и Батюшкова. Каково это!“ („Русск. Архивъ“ 1880. II, стр. 505).

4) Екатерина Андреевна Карамзина (род. 1780 + 1851), супруга историографа Карамзина и сестра князя П. А. Вяземскаго.

5) О братьяхъ Булгаковыхъ Александрѣ и Константинѣ Яковлевичахъ см. „Воспоминаніе“ князя П. А. Вяземскаго, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г., стр. 1436—1445. Константинъ Яковлевичъ былъ почтъ-директоромъ въ С. Петербургѣ, а Александръ Яковлевичъ занималъ ту же должность въ Москвѣ.

6) Сербиновичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ пишетъ: находясь при министрѣ Шишковѣ, я имѣлъ часто отъ директора канцеляріи, кн. П. А. Шихматова разныя порученія, относящіяся къ дѣламъ просвѣщенія. Мой прежній начальникъ А. И. Тургеневъ снабжалъ меня изъ своей сокровищницы разными статьями, книгами и указаніями („Русск. Стирина“ 1874. XI, стр. 245).

7) Карамзинъ, думая кончить XII томъ своей исторіи за границею, поручилъ Д. Н. Блудову заняться его изданіемъ въ Петербургѣ. По кончинѣ Карамзина, Блудовъ „почелъ непремѣннымъ долгомъ своимъ исполнить его волю“ и издать XII томъ, хотя неоконченный. Въ сотрудничествѣ къ себѣ Блудовъ пригласилъ Сербиновича. Изготовленная послѣднимъ „Примѣчанія“ къ тому были „тщательно пересматриваемы Блудовымъ, который, слыхая ихъ содержаніе съ текстомъ, останавливался надъ всеми подробностями“ („Русск. Старина“ 1874. XI, стр. 270—271).

8) Такъ называемая Латухинская рукописная Степенная Книга, получена Карамзинымъ отъ Волохнинскаго купца Латухина („И. Г. Р.“ I,

пр. 532). Ссылки на этотъ манускриптъ встрѣчаются въ I, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII томахъ „Исторіи Государства Россійскаго“.

9) Графъ Ф. А. Толстой (род. 1758 † 1849) знаменитый собиратель памятниковъ древней нашей письменности не былъ библиографомъ. Строевъ и Калейдовичъ свидѣтельствуютъ: „хранилище нашего патріота доступно всѣмъ пыскателямъ древности. Россійскій исторіографъ извлекъ изъ него многіе матеріалы для безсмертнаго своего творенія“.—Свѣдѣнія о немъ помѣщены въ книгѣ нашей „Жизнь и Труды П. М. Строева“ Спб. 1878.

10) Купецъ Аугсбургскій Георгъ Паерле, въ 1606 году, съ дорогими товарами пріѣхалъ изъ Кракова въ Москву. Здѣсь его настигла смута, послѣдовавшая послѣ смерти Димитрія Самозванца. Едва спасшись отъ смерти, онъ нашель себѣ убѣжище во дворѣ посольскомъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими иностранцами онъ прожилъ около 18 мѣсяцевъ. Въ этомъ заточеніи Паерле написалъ: „Записки о путешествіи изъ Кракова въ Москву, и обратно, съ 19 марта 1606 по 15 декабря 1608“.—Мартинъ Беръ жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василии Шуйскомъ и во все время междоусобія. Все видѣнное и слышанное имъ въ это время и составило предметъ его „Лѣтописи Московской съ 1584 по 1612“. Оба сочиненія въ русскомъ переводѣ изданы Устряловымъ: „Сказанія современниковъ Димитріи Самозванца“. Спб. 1859 (ч. I, стр. 3—143; 147—234).

11) Екатерина Федоровна Муравьева (урожденная баронесса Колокольцова), была супруга извѣстнаго писателя и царскаго наставника Михаила Никитича Муравьева, которому Карамзинъ обязанъ былъ исходатайствованіемъ званія исторіографа. Въ 1816 году, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Е. Ф. Муравьева отвела ему помѣщеніе въ своемъ домѣ, у Аничкова моста (Бартенева „Русск. Арх.“ 1867, стр. 455—466).

12) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, извѣстный авторъ „Записокъ Современника“, Спб. 1859, былъ товарищемъ А. И. Тургенева по Арзамасу, въ которомъ Жихаревъ имѣлъ прозвище Громобоя.

13) 13 іюня 1826 года, вскорѣ послѣ кончины Карамзина, семейство его отправилось въ Ревель. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ туда и князь П. А. Вяземскій („Русск. Стар.“ XI, стр. 269).

14) Князь П. А. Вяземскій писалъ къ И. И. Дмитріеву (изъ Ревеля, отъ 22 іюня 1826 года): „Бѣдный нашъ Тургеневъ! Къ жестокому безпокойствію его объ участи брата Николая, прибавилось не менѣе жестокое безпокойствіе о братѣ Сергѣѣ. Ему пишутъ изъ Дрездена, что онъ боленъ и болѣзнь его по всѣмъ признакамъ есть родъ помѣшательства въ умѣ, которое безъ сомнѣнія есть слѣдствіе сильнаго потрясенія при извѣстіи о судьбѣ, угрожающей брату“ („Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“. Изд. Грота и Пекарскаго. Спб. 1866, стр. 428).

15) Зимѣ 1826 года и началу 1827 года Жуковскій, по болѣзни, провелъ въ Дрезденѣ. Въ маѣ онъ, вмѣстѣ съ Тургеневыми, отправился въ Парижъ, гдѣ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ вскорѣ и умеръ (кн. Вяземскій „Русск. Архивъ“ 1876, II, стр. 91).

16) Княгиня Софья Сергѣевна Мещерская (урожд. Всеволодская), род. въ 1775 г., скончалась въ Москвѣ въ 1852 году. Ее отпѣвалъ, по собственному вызову, митрополитъ Московскій Филаретъ. Въ день погребенія княгини, А. Н. Муравьевъ обѣдалъ у митрополита и, говоря съ нимъ о добродѣтеляхъ покойной, сказалъ ему: „я видѣлъ, что вы были очень тро-

нуты, когда посыпали лице ея землею, и я понималъ ваше чувство, потому что вы любили императора Александра I, а она пользовалась его любовью. Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ:—я дѣйствительно уважалъ вяягнню, и она кажется была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями Государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ“ („Письмо М. М. Филарета къ А. Н. М.“ К. 1869, стр. IV)

17) А. И. Тургеневъ былъ ученикомъ Шлецера и находился въ Геттингенѣ въ то время, когда Шлецеръ приступилъ къ изданію „Нестора“ (Поповъ. „Шлецеръ. Разсужденіе о Русской Исторіографіи“. Моск. Сборн. на 1847 г., стр. 479).

18) Станиславъ Сестринцевичъ Богущъ, митрополитъ католическихъ церквей въ Россіи, род. 1731 † 1826 г.

19) Цѣццешевскій, епископъ Волынской и Подольскій. Еще въ 1820 г. В. Н. Каразинъ указывалъ на него Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу В. П. Кочубею, какъ на человѣка достойнаго быть преемникомъ митрополиту Сестринцевичу („Русск. Стар.“ 1870. II, 376).

20) Фесслеръ, сынъ отставнаго вахмистра австрійской службы, содержавшаго гдѣ-то въ Венгріи трактиръ, родился въ 1756 году и 17-ти лѣтъ былъ постриженъ въ капуцины, но вскорѣ оставилъ монашество, опредѣлился профессоромъ восточныхъ языковъ и философіи при Лембергскомъ университетѣ, и наконецъ, бѣжавъ въ Пруссію и перейдя изъ католицизма въ лютеранскую вѣру, женился и снискивалъ себѣ въ Берлинѣ хлѣбъ учеными занятіями и адвокатурою. Масонъ и иллюминатъ, человѣкъ необыкновенно умный, ученый, съ блестящимъ перомъ и даромъ слова, онъ, по мнѣнію многихъ, не щеголялъ, однакоже, нравственными своими правилами. Когда въ 1808 году въ Александроневскую Академію понадобился преподаватель еврейскаго языка, проф. Лоди рекомендовалъ на эту кафедру Фесслера. По письму Сперанскаго, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1810. Фесслеръ былъ потомъ Саратовскимъ суперинтендентомъ и умеръ въ 1839 году, въ одинъ годъ съ Сперанскимъ. Оставилъ послѣ себя записки. (Корфъ. „Жизнь графа Сперанскаго“. Спб. 1861. I, стр. 256—257). При открытіи Академіи преподаваніе философіи поручено было бакалавру Евгению Казянцову (впослѣдствіи архіепископъ Ярославскій). Но когда прибылъ изъ Берлина Фесслеръ, вызванный на классъ еврейскаго языка, и показалъ отличныя свѣдѣнія въ философіи, то онъ опредѣленъ былъ профессоромъ этой науки. Въ своемъ преподаваніи онъ показалъ „особенную склонность къ мистицизму (Чистовичъ. „Исторія. Спб. Духовн. Академіи“ Спб. 1857, стр. 193). Почтенный адмиралъ Шишневъ такъ отзывался въ комитетѣ гг. министровъ (24 мая 1824 г.) о дѣятельности Фесслера въ Саратовѣ: „Обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества, или, по крайней мѣрѣ, признаваемымъ за людей худыхъ правилъ, и можетъ быть нарочно посылаемымъ къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо должныствовали, какъ и слышно, произвестъ немалые плоды посяганіемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства“ („Записки“. Берлинъ. 1870. II, 204—205).

Н. П. Барсуковъ.

II').

Лондонъ, 28-го января 1831 г.
№ 9. Warwick-Street, pall-mall East.

Третьяго года я обращался къ вамъ съ просьбою и вы съ обыкновенною вашею исправностію исполнили оную; но я поздно, по приѣздѣ въ Дрезденъ, получилъ письмо ваше и потому не благодарилъ васъ. Теперь снова обращаюсь къ вамъ съ новою просьбою, увѣренъ будучи, что ничто не перемѣнило въ васъ того дружескаго расположенія, которое вы нѣкогда ко мнѣ имѣли. И такъ къ дѣлу: въ теченіе прошедшаго года я писалъ нѣсколько писемъ къ Конст. Яковл. Булгакову; большая часть оныхъ не требовала никакого отвѣта, ибо я, не зная къ кому обратиться и не зная гдѣ находился министръ внутреннихъ дѣлъ (21), послалъ, чрезъ почтъ-директора, письма, брошюры и книги о холерѣ, для доставленія куда и кому слѣдуетъ, предоставляя все сіе на его, г. Булгакова, усмотрѣніе. Зная его безчисленныя занятія и глазную боль, я не ожидалъ отвѣта; но за два года предъ симъ Конст. Яковл. требовалъ, чтобы я ему и никому другому не поручалъ полученіе и препровожденіе ко мнѣ моего жалованья, или пенсін—точно не знаю (9000 въ годъ) и арендной ежегодной суммы (около 1200 сер.), которую я получаю по продажѣ аренды имъ же, Константиномъ Яковлевичемъ. Не получая ни отъ него, ни отъ моего друга г. Жихарева никакого извѣстія о сихъ суммахъ, я, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, писалъ къ сему послѣднему объ увѣдомленіи меня, сколько я могу позволить себѣ проживать въ чужихъ краяхъ, желая, подъ бременемъ гѣтъ и горестей, имѣть камердинера, если необходимость того потребуетъ. Ст. Петр. Жихаревъ отвѣчаетъ мнѣ отъ 15-го (27-го) декабря 1830 г.: «Жалованьемъ вашимъ располагаетъ Булгаковъ. Я писалъ уже къ нему, чтобы онъ вамъ оное выслалъ». Но объ арендѣ и Жихаревъ ничего не отвѣчаетъ, полагая, вѣроятно, и ее въ категоріи жалованья. Третьяго года Конст. Яковл. требовалъ отъ меня также (въ прошедшемъ году я не получалъ отъ него ни строки), чтобы я выслалъ къ нему свидѣтельства о жизни, отъ посольствъ, и я за два мѣсяца предъ симъ послалъ къ нему въ послѣдній разъ свидѣтельство о жизни, скрѣпленное нашимъ париж-

---

¹⁾ Послать сіе письмо немедленно къ г. Сербиновичу. Прочти его, если хочешь. А. Т.

скимъ посольствомъ. Но и на это ни письма, ни денегъ не получили. Теперь я прошу васъ, по полученіи сего письма, немедленно сходить къ Б. Я. Булгакову и узнать отъ него, 1-е, получилъ-ли онъ всѣ мои письма, книги и записки о холерѣ къ Закревскому, чрезъ почту изъ Парижа одинъ разъ, и нѣсколько разъ съ посольскими курьерами посланна? 2-е, получилъ-ли онъ свидѣтельство о жизни за два мѣсяца à peu près изъ Парижа, посланное чрезъ наше посольство, или по почтѣ, точно не упомяну, 3-е, если получилъ, то приняты-ли для меня изъ казны деньги, когда и сколько и когда въ послѣдній разъ къ Жихареву посланы, или не посланы? 4-е, сколько слѣдуетъ мнѣ получить изъ казны и сколько арендныхъ и за какое время?—Прислать-ли новое свидѣтельство о жизни? 5-е, можно-ли надѣяться, что купившій аренду и теперь исправно будетъ присылать слѣдующія мнѣ суммы и послалъ-ли онъ и по сію пору исправно, или не посылалъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ, 6-е, съ котораго времени и за который годъ онъ не доставилъ условленной суммы? и 7-е, какъ съ него вытребовать оную и какъ обезпечить вѣрное полученіе сего дохода на будущее время?

Прошу васъ, выписавъ сіи запросы, попросить на каждый изъ оныхъ отвѣтъ отъ Констант. Яковл. и прислать мнѣ оныя сюда немедленно. Если же онъ скажетъ вамъ, что самъ будетъ отвѣчать мнѣ, то примите на себя трудъ, настоять на томъ, что вы хотите обо всемъ меня особо увѣдомить и потребуйте его отзыва на каждый вопросъ и перешлите мнѣ оный, оставивъ ему копию съ сихъ запросовъ и съ того, что въ письмѣ къ нему относится; въ случаѣ нужды можете показать и все письмо.—Адресъ мой на Лондонъ, въ началѣ сего письма. Пишите безъ всякихъ перемоній, и не дѣлая, безъ нужды, пакетовъ, дабы сократить ваши издержки и мои. Я съ благодарностію возвращу вамъ все, что вы на почту и на разныя обо мнѣ хлопоты издержите. Я давно собирался къ вамъ обратиться, по дѣламъ моимъ въ Петербургѣ; но сихъ дѣлъ такъ не много и все мнѣ что-то совѣстно занимать теперь другихъ собою,—вамъ и другимъ не до насъ. Я то чувствую; но въ теперешнихъ обстоятельствахъ я необходимо долженъ былъ къ кому нибудь въ Петербургѣ прибѣгнуть, ибо соотчичи разстроили мой кошелекъ въ Парижѣ, займами безъ уплаты и пр. Подумавъ же безпристрастно, а можетъ быть и пристрастно, я не нашелъ никого, кто бы съ подобною вашею акуратностію и съ вашимъ доброжелательствомъ ко мнѣ могъ взяться за такіе скучныя хлопоты. Я, можетъ быть, если холеры весною не будетъ въ Москвѣ, не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ здѣсь пробуду и желалъ-бы, какъ можно скорѣе, имѣть вашъ адресъ, дабы,

прямо, а не чрезъ другихъ, писать къ вамъ. Увѣдомьте и о судьбѣ вашей по службѣ и въ частной жизни.

Вотъ еще нѣсколько запросовъ, не столь прованческихъ какъ первые: 1) Сказать мнѣ откровенно и обстоятельно о здоровьѣ Жуковскаго, спросивъ о томъ хотя Федора, его камердинера. Каково оно въ сравненіи съ дрезденскимъ или берлинскимъ, въ 1829 году?—Узнать, отъ его Федора, цѣлы-ли всѣ мои вещи, бумаги, шкатулки и посмотрѣть гдѣ онѣ хранятся и отыскаль-ли плафрокъ моего Сережи, съ фельдъегеремъ посланный?—всѣ-ли мои письма Жуковскій получаетъ? 2) Увѣдомить подробно о Карамзинныхъ, въ числѣ коихъ въ моемъ сердцѣ вѣчно и Катенька княгиня Мещерская. (22) Гдѣ онѣ? что дѣти? получили-ли длинное письмо мое? (изъ Парижа прошлаго года). Чему и какъ учатся дѣти? Здорова-ли Кат. Андр. и весела-ли Сонечка (23)? Также читають-ли дѣти по англійски? и не забыли-ли по нѣмецки?—3) Поклониться отъ меня Б. М. Федорову; ибо мнѣ что-то сдается, что одинъ изъ немногихъ, помнящихъ меня въ Петербургѣ, хотя онъ и не прислалъ мнѣ своихъ дѣтскихъ изданій. 4) Если достанетъ досуга и бумаги—написать объ изданіи Б. Дельвига (24) (журнала) и что сдѣлано по собранію русскихъ законовъ (25)? или по прозку новыхъ. 5) Поблагодарить г. Востокова за выписку о рукописяхъ Румянцова изъ здѣшней библиотеки; показать другу-благодѣтелю Жуковскому слѣдующія строки, изъ 2-й части жизни Байрона, Мура: Байронъ, собираясь съ своими Сульотами, на турокъ, пишетъ къ Муру, изъ Кефалоніи, отъ 27-го декабря 1823 г. (стр. 700, изданія in 4, 11 части). If any thing in the way of fever, fatigue, famine, or otherwise, should cut short the middle age of a brother warbler, — like Garcilasso de la Vega, Kleist, Karner, Kutoffsky (a Russian nightingale—see Bowrings Anthology). or Thersander, or, or, somebody else—but never mind—I pray you to remember me in your «Smiles and wine».—Узналь-ли себя Соловей-Жуковскій — въ этомъ Кутовскомъ? И думалъ-ли Муръ, что этотъ же соловей воспѣвалъ и его берлинскую Лала-рукъ, о коей онъ въ той же части на стр. 507 (26). Спросите у Ковлова (27) читалъ-ли онъ 2-ю часть Мура: она интереснѣе 1-й, если только литература можетъ быть теперь интересна...

Я записалъ всѣ вопросы, вамъ сдѣланные, и вамъ стоитъ только отвѣчать на 1-е, на 11-е и пр. для избавленія труда. Увѣдомьте о здоровьѣ—Жихаревой (28). Жуковскій знаетъ ее.

A Son Excellence, Monsieur de Boulgakoff, Directeur des postes à St.-Petersbourg (en Russie) pour Mr. Joukoffsky, au palais d'hiver.

Примѣчанія. 21) Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ то время былъ Арсеній Андреевичъ, впоследствии графъ, Закревскій.

22) Княгиня Екатерина Николаевна Мещерская, рожденная Карамзина, дочь исторіографа. Она вышла за мужъ за кн. П. И. Мещерскаго въ 1828 году („Письма Карамзина къ Дмитріеву“, стр. 439).

23) Софья Николаевна Карамзина, старшая дочь исторіографа отъ перваго его брака съ Елизаветою Ивановною Протасовою. Род. въ 1802†1856.

24) Этотъ запросъ уже не засталъ барона Дельвига въ живыхъ, онъ скончался въ январѣ 1831 года. Съ 1-го января 1830 года онъ началъ издавать „Литературную газету“; а въ концѣ того же года онъ писалъ Пушкину: „Литературная газета выгоды не принесла и притомъ запрещена за то, что въ ней напечатаны были новыя стихи Делавина. Люди, истинно привязанные къ своему государю и чистые совѣстью, ничего не ищутъ и никому не вѣляютъ, думая, что чувства вѣрнопочтенныя ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопотать изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзаютъ на своихъ мерзостяхъ“ („Русск. Арх.“ 1880, II, стр. 508).

25) Труды Сперанскаго, который съ 1826 года поставилъ себѣ задачею уже „не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе“. Отсюда родились два великія отечественныя памятника: 1) Полное собраніе законовъ и 2) Систематическій Сводъ (Корфъ „Жизнь графа Сперанскаго“, II, стр. 311—312).

26) Въ концѣ 1820 года в. кн. Николай Павловичъ съ своею августѣйшею супругою отправились въ Берлинъ, а 27-го янв. 1821 былъ тамъ устроенъ великолѣпный праздникъ съ рядомъ живыхъ картинъ, для которыхъ воспользовались сюжетомъ поэмы Мура „Лалла-Руэкъ“. Главную роль Лалла-Руэкъ исполнила в. кн. Александра Теодоровна, а в. кн. Николай Павловичъ исполнялъ роль поэта Алирриса. Это дало поводъ Жуковскому написать стихотвореніе „Лалла-Руэкъ“ („Сочиненія В. А. Жуковскаго“. Изд. П. А. Ефремова. Спб. 1878, II, стр. 325—329, 500. Яковлевъ. „Импер. Александра Теодоровна“. М. 1866, стр. 46—49).

27) Извѣстный писатель И. И. Козловъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ А. И. Тургеневымъ. Онъ написалъ ему посланіе, въ которомъ призываетъ его вернуться въ Россію:

Изъ края въ край судьбой носимый,
Безцѣнный другъ и гость любимый,
Пріѣдешь ты въ мой уголокъ,
Родными окруженъ сердцами,
Найдешь ты съ тѣми же друзьями
Душистый чай и огонекъ,—
И нашъ Жуковскій будетъ съ нами;
Другъ, безъ него, ты знаешь самъ,
Полна ли жизнь обонимъ намъ!

(„Собраніе Стихотвор.“ Спб. 1849, II, стр. 132).

28) С. П. Жихаревъ былъ женатъ на Федосіи Дмитріевнѣ Нечаевой.

Н. П. Барсуковъ.

III.

В. А. Жуковскому:

10-го мая 1831 г. Лондонъ.

9. Warwick-Street, pall-mall East.

Эти строки пишу только для того, чтобы увѣдомить чрезъ тебя Конст. Степ. Сербиновича, что я получилъ любезное письмо его отъ 2-го апрѣля, съ свидѣтельствами учителей о дѣтяхъ Кар. и что буду и ему я отвѣчать особо и писать къ Кар. Я и съ курьеромъ, и съ Криденеромъ много писалъ и послалъ къ вамъ недавно. Надѣюсь, что заставлю васъ и ко мнѣ написать нѣсколько строкъ. Теперь прошу тебя о покровительствѣ Сашѣ Татаринovu и благодарю за то, что ты уже оказалъ ему; родители его пишутъ ко мнѣ, что онъ служить въ моемъ бывшемъ департаментѣ, но вмѣстѣ, что онъ былъ прикомандированъ и къ Нейману. Я хотѣлъ писать къ Карташевскому и къ Нейману, но, не зная у кого именно онъ служить, прошу Конст. Степ. именемъ Жуковскаго и моимъ—есть-ли оно не повредить—попросить Григорья Ивановича и Неймана о принятіи моего племянника въ ихъ особое покровительство; онъ добрый и благовоспитанный мальчикъ, учился хорошо въ Дерптѣ и я надѣялся быть ему полезнымъ, въ теченіи службы его, и тѣмъ вознаграждать недостаточнымъ родителямъ за ихъ трату на его воспитаніе; но надежды мои не сбылись. Онъ получаетъ маленькое жалованье, а состояніе отца разстроилось такъ, что онъ не можетъ давать ему и того, что давалъ ему на содержаніе въ Дерптѣ. Пусть Конст. Степ. попроситъ и того начальника отдѣленія, у коего Татаринovъ служить и увѣдомитъ меня объ отзвѣ. Сашу заставить, хотя въ своемъ письмѣ, нѣсколько словъ написать ко мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ, о своихъ занятіяхъ: надѣюсь, что онъ не пересталъ учиться и на службѣ. Отъ Жихарева давно не имѣю ни слова, и только по надписи на письмѣ Татаринovыхъ вижу, что онъ живъ.

Вчера газеты снова испугали меня новымъ явленіемъ холеры въ Москвѣ, но можетъ быть это новая выдумка недруговъ нашихъ.

С. П. Свѣчина (29) велѣла написать ко мнѣ, что собирается съ дочерью Гр. Нес. (30) въ Брейтонъ, куда яко бы и вел. кн. будетъ, но здѣсь слышу, что квартиры для ея высочества взяты въ Сидмутъ въ Девонширскомъ графствѣ: гдѣ бы то ни была, отыщу Софью Петровну. На сихъ дняхъ я ѣдилъ за 90 миль отсюда на шумные

выборы — и видѣлъ буйство черни съ одной стороны, и власть закона съ другой; но объ этомъ до досуга.

Вотъ патриотическо-литературная просьба къ Ковет. Степ.: вчера удалось мнѣ достать здѣсь рукопись англійскую: журналъ Александра Гордона (31), съ января 1684 до 1699 года, въ Москвѣ на дурномъ англійскомъ языкѣ писанный. Этотъ журналъ въ трехъ большихъ толстыхъ тетрадяхъ; на каждой отмѣчено по русски и кажется рукою архива московскаго, съ котораго по который годъ журналъ веденъ Гордономъ. Всякій почти день описанъ и обо всѣхъ государственныхъ происшествіяхъ, со времени двоепарствія Петра и брата его, при Софіи; любопытнаго для русскихъ много. Я рѣшился было переписать весь журналъ, хотя онъ составитъ толстый фолиантъ, мелкою рукописью; но опасаясь переписать то, что уже у насъ или напечатано, или хранится въ архивѣ.

Нельзя-ли справиться отъ моего имени у Аделунга, не было-ли что напечатано прежде Гордономъ или его родственниками о Россіи. (Я что-то темно помню, что у меня есть книга о Гордонѣ (32) или самаго Гордона). И нельзя-ли у Александра Яковлевича Булгакова спросить отъ меня, есть-ли оригиналъ сей копій въ московскомъ архивѣ? Не хотѣлось бы мнѣ время и деньги тратить на списокъ того что у насъ хранится; а если нѣтъ, то эта рукопись — точно историческая драгоценность, и объ истинныхъ государственныхъ дѣлахъ, какъ тогда ихъ разумѣли, а не о предметахъ одного ученаго или антикварнаго любопытства. Она годилась бы и Жуковскому для составленія историческаго руководства о сей эпохѣ нашей исторіи, бѣдной документами и подробностями.

Здѣсь былъ на нѣсколько дней Томасъ Муръ; скоро выйдетъ новое изданіе біографіи Бейрона, дешевое. В. Скотъ совершенно выздоровѣлъ: развѣ не захвораетъ-ли снова, съ горя, отъ реформы, которая должна возникнуть изъ новыхъ выборовъ, т. е. изъ новаго парламента, благопріятнаго реформѣ. Слышали-ли объ академической рѣчи Кузенья, заступившаго мѣсто Fourrier? Объ этой рѣчи сказали, что Кузень, какъ Бюфонъ, n'a rien perdu pour la science et pour l'art, pas même un discours de réception. Il a fait l'histoire de la science en voulant écrire l'histoire de Mr. Fourrier. Когда приняли Рас. Коляра въ академію, то люди смыслящіе и практическіе обрадовались, что въ немъ академія получила не только талантъ краснорѣчія и науку, но и представителя политики, и что академическое краснорѣчіе не будетъ ограничиваться однимъ пустоцвѣтомъ литературнымъ; Кузень желаетъ, чтобы это краснорѣчіе пород-

нилось и съ истинной философiей, съ исторiей, съ политикой, и «Дебаты» замѣчаютъ: «Le grand mal des Académies en général, c'est d'avoir isolé l'éloquence de tout, de la philosophie, de l'art, de l'histoire;—c'est d'avoir fait du langage une affaire de dictionnaire, une étude de sons cadencés, une musique vague et sans aucun sens; c'est d'être arrivé, à force de progrès dans cet art misérable de beaucoup parler, aux éloges de Thomas et de Mr. de la Harpe, aux tragédies et aux comédies de l'Empire; c'est d'avoir séparé les sciences, les belles-lettres, les beaux-arts, faisant de chacune de ces parties de l'art autant de sciences isolées et complètes, et ne laissant à l'Académie française que les vers et la prose, sans se soucier seulement de la substance de cette prose et de ces vers». Народный, общественный интересъ къ академіи возбудится только тогда, когда она чувствомъ и занятіями своими породнится съ народомъ: sympathisera.

Булгакову: Прошу Кѣнст. Яковлевича отправить въ Симбирскъ немедленно письмо на имя Татарьнова. Если любовный другъ Кѣнст. Яковлев. прочтетъ конецъ сего письма, то онъ можетъ быть и самъ напишетъ къ Александру Яковлевичу, по моей просьбѣ, о рукописи— и передастъ ему мое дружеское привѣтствіе.

A Son Excellence Monsieur de Boulgakoff. Directeur des postes à St -Petersbourg. Russie.

Примѣчанія. 29) Софія Петровна Свѣчина, дочь Петра Александровича Соѣмонова. Скончалась въ 1857. Графъ де Фаллу написалъ о ней цѣлую книгу „*Vie et oeuvres de m-me Swetchine*“. Paris 1859.

30) Графиня Елена Карловна, дочь государственнаго канцлера графа К. В. Нессельроде (род. 1813) и супруга графа Михаила Иринеевича Хрептовича.

31) Патрiецъ Гордонъ (род. 1635 † 1699) въ 1661 году прибылъ въ Россію, гдѣ вступилъ маіоромъ въ войско царя Алексѣя Михайловича. Петръ Великій умѣлъ оцѣнить таланты его и очень уважалъ его и Гордонъ пользовался безграничнымъ его довѣріемъ. Онъ умеръ въ Москвѣ генераль-аншефомъ. Петръ посѣщалъ его во время болѣзни и находился при немъ при его кончинѣ. Гордонъ оставилъ собственною рукою писанный на англійскомъ языкѣ „Дневникъ“, въ коемъ подробно описалъ всѣ обстоятельства своей жизни до самой кончины. Эта рукопись, составляющая шесть томовъ, хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. (Аделунгъ, II, стр. 222—223). Въ нѣмецкомъ переводѣ Дневникъ этотъ изданъ въ Москвѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Tagebuch des Generals Patric Gordon zum ersten Male vollständig veröffentlicht*» durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. phil. M. E. Posselt, въ трехъ томахъ, 1849—1853.

32) На русскій языкъ часть Дневника Гордонъ а была переведена Ке-

геромъ младшимъ. Многія извѣстія изъ рукописнаго Дневника Милгерь издалъ въ свѣтъ во второмъ томѣ своего «Samml. Russ. Gesch.». Въ 1765 году въ Лейпцигѣ явился нѣмецкій переводъ „Дневника“ Гордона, сдѣланный Вихманномъ, въ 2 частяхъ 8°. (Аделунгъ, II, стр. 223).

Н. П. Барсуковъ.

IV.

Парижъ. Ноября 2 (14) 1835 г.

Очень жалѣю, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, что такъ поздно (дней за 10 предъ симъ) получилъ милое письмо ваше отъ 28-го іюня; а книжекъ вашихъ и совѣтъ еще не получалъ. Иначе давно бы отвѣчалъ вамъ и удовлетворилъ бы отъ всего сердца вашему желанію, вытрехнувъ изъ моей страннической котомки то, что, съ помощію вашей осторожности, могло бы пригодиться въ вашъ всеобъемлющій журналъ (33). Я писалъ сначала цѣлыя тетради писемъ отсюда, изъ Рима и Лондона; но все это останется, вѣроятно, безъ употребленія; а теперь какъ-то не хочется снова приняться за описаніе всего, что вижу и слышу въ европейскихъ салонахъ; да я же теперь почти исключительно занятъ старой Россіей; нахожу сокровища историческія въ бібліотекахъ и въ архивахъ, не успѣваю прочитывать того, что современемъ должно быть главнѣйшимъ источникомъ нашей исторіи со временъ Петра Великаго. Долженъ спѣшить, ибо срокъ моего здѣсь пребыванія слишкомъ кратокъ, судя по массѣ которую я прочесть, пересмотрѣть и привести въ порядокъ долженъ.

Это дѣло достойно бы было вашего просвѣщеннаго трудолюбія и вашего умѣнья въ хаосъ вносить порядокъ. Сколько ни увлекаютъ меня сія занятія, но, по старой привычкѣ, я не оставляю и свѣта, и литературныхъ комеражей; бываю въ засѣданіяхъ академіи наукъ, встрѣчаюсь съ учеными и съ писачками всякаго рода; присутствую при сужденіи любопытныхъ процессовъ, коими полна теперь Франція, и едва успѣваю вносить, сухимъ реэстромъ, въ мой журналъ явленія нравственнаго и политическаго міра. Черезъ улицу журнальный салонъ, гдѣ съ американскими журналами лежитъ Сѣверная Пчела, и Петербургская французская газета, и вся журнальная и помѣсячная литература Европы. Жаль, что курьеры наши рѣдки и нѣтъ оказіи отсюда къ вамъ, иначе приложилъ бы къ письму то, что теперь любопытнаго въ словесности; но вы и безъ меня богаты книгами

новыми и сужденіями о нихъ. Кн. Мещерскій (34) все посылаетъ вамъ; а если вздумаете перечитать старыя мои письма, то обратитесь къ кн. Вяземскому. Онъ сообщитъ вамъ ихъ, если не отослалъ уже въ Москву. Я совершенно съ вами согласенъ съ мнѣніемъ о Киевскомъ университетѣ: я былъ тамъ, на исторической лекціи, кажется, Цыха и описалъ ее въ письмѣ моемъ изъ Кіева. Онъ читаетъ по Герену и во вкусъ его (35); я замѣтилъ тамъ вообще какое-то движеніе интеллектуальное, котораго давно нѣтъ въ Московскомъ университетѣ, благодаря какому-то страху всего и всѣхъ и ничтожности бывшихъ кураторовъ (36). Какъ воспитанникъ университета московскаго, какъ сынъ бывшаго директора (37), отъ сердца порадовался назначенію гр. Строгонова (38). Авось онъ будетъ истиннымъ попечителемъ о наукахъ, а не полицмейстеромъ!

Я два раза былъ и въ Киевской академіи, и въ библиотекѣ, и познакомился съ умнымъ и почтеннымъ ректоромъ оной (39). Въ библиотекѣ нашелъ я тамъ такія книги, какихъ не видѣлъ еще ни въ одномъ русскомъ университетѣ — и книги сіи были прочитаны, и вѣроятно, не разъ, судя по листамъ оныхъ. Тамъ есть еще искры, теплится огонѣкъ въ умахъ и согрѣваетъ, освѣщаетъ ихъ. Бродке (40) мнѣ очень полюбился своею полезною дѣятельностію и жаромъ, съ какимъ онъ занимается ввѣреннымъ ему дѣломъ. Въ Казани меньше учатся: тамъ и менѣе средствъ.

Я познакомился и съ здѣшнимъ священникомъ (41); къ сожалѣнію, у него нѣтъ книжки: «Страстная седмица» (42) хотя и онъ хвалитъ ее.

Благодарю васъ за извѣстіе о Карамзинныхъ; пожалуйста, когда вздумаете еще разъ порадовать меня письмомъ вашимъ, скажите мнѣ о нихъ, все что знаете; я увѣренъ, что они совершенствуются болѣе и болѣе въ характерѣ, въ умѣ и во всѣхъ Карамзинскихъ качествахъ. Обнимите ихъ за меня братски, а у дамъ, не исключая и кн. Мещерской, поцалуйте почтительно ручки. Чему учится Володя (43) въ Петербургскомъ университетѣ и есть-ли чему учиться?

Передайте дружескій поклонъ Борису Михайловичу Федорову. Слышу о какихъ-то диковинкахъ нашей литературы; а здѣсь встрѣчаю, хотя и рѣдко, жертву его: Бальзака. На дняхъ вышла еще какая-то книга его; въ Бальзакѣ много ума и воображенія, но и странностей: онъ заглядываетъ въ самыя сокровенныя, едва примѣтныя для другихъ, щелки человѣческаго сердца и нашей искони прокаженной природы. Онъ физиологъ и анатомъ души: его-ли вина, что души часто безъ душъ? а кое-гдѣ еще и съ крѣпостными душами? (что хуже всякаго бездушія).

Пожалуйста, справляйтесь о курьерах въ иностранномъ департаментѣ и дайте знать и себѣ, и Вяземскому объ оказіяхъ въ Парижѣ. Я совсѣмъ отвыкъ отъ счастья получать письма изъ Россіи. Милому Вяземскому не до писемъ (44); Жуковскій принимается за перо только тогда, когда ему необходимо должно сообщить мнѣ какое нибудь радостное извѣстіе, слѣдовательно очень рѣдко. Козловъ пишетъ ко мнѣ только 30-го августа: вотъ и всѣ: и und Einer nach dem Andern и ich! Я еще ни одной книжки «Наблюдателя» (45) не видѣлъ. Простите. Весь вашъ на вѣки.

Его Высокоблагородію Константану Степановичу Сербиновичу. Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія.

А. И. Тургеневъ.

Примѣчанія. 33) Съ 1833 по 1856 г. К. С. Сербиновичъ состоялъ редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. („Русск. Стар.“ 1874. XI, стр. 272).

34) Князь Элиміъ Петровичъ, (р. 1808 † 1844), который былъ женатъ на дочери Жихарева Варварѣ Степановнѣ. Въ 1839 году съ нимъ познакомился, въ Парижѣ, Погодинъ, который отмѣтилъ въ своемъ „Дорожномъ Дневникѣ“: „Встрѣтился съ любезнымъ княземъ Э. Мещерскимъ, въ которомъ, при Европейскомъ образованіи, много русскаго духа, и который съ успѣхомъ знакомитъ Европу съ Россіей“ (II, стр. 79).

35) О Цихѣ находятся любопытныя свѣдѣнія въ „Запискахъ“ Е. Ѳ. фонъ Брадке. Тамъ сказано, что сначала онъ былъ профессоромъ въ Харьковѣ, гдѣ его ненавидѣли и дѣлали ему непріятности за его „строгія правила“. Въ Харьковѣ въ короткое время смѣнилось три попечителя, изъ которыхъ первый и послѣдній были очень привержены къ церкви, а второй явно безбожничалъ. Преподаватели мѣняли свои убѣжденія сообразно убѣжденію начальниковъ. Это такъ подѣйствовало на Циха, что онъ сталъ рѣшительно презирать человечество и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди льстецы и притворщики. Фонъ Брадке, зная объ его отличныхъ способностяхъ, пригласилъ его въ университетъ св. Владиміра на кафедру исторіи. („Русск. Арх.“ 1875, I, стр. 283).

36) А. И. Тургеневъ былъ въ Кіевѣ въ январѣ 1835 года. Университетъ св. Владиміра былъ открытъ 15-го іюля 1834 г. Вотъ свидѣтельство самовида этого событія М. А. Максимовича: „Въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора, сидѣлъ я у кафедры, съ которой звучала латинская рѣчь проф. Якубовича; а сидѣвшій возлѣ меня графъ Протасовъ напечатывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митр. Евгеній, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ! Обруку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой

двѣнадцатаго года, фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносили и дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора академіи (Иннокентія)... и я угадалъ его! По окончаніи акта, я успѣлъ подойти къ нему: и его первое, теплое слово мнѣ и рукожатые были залогомъ той пріязни, которою скрашена была моя семилѣтняя служебная жизнь въ Кіевѣ. Сколько разъ я приходилъ (къ нему въ Братскій монастырь) истомленный служебными дѣлами, выпѣвшими тогда подъ барабанною скороспѣшностью фонъ-Брадке; и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душею и мыслию». — (См. изданныя мною «Письма о Кіевѣ» Михаила Максимовича. Спб. 1871, стр. 9—10)

37) Отставной бригадиръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ другъ Новикова и первый руководитель Карамзина, Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ опредѣленъ въ директоры Московскаго Университета 15-го ноября 1796 года. Старшіе два сына его Андрей и Александръ воспитывались въ университетскомъ пансіонѣ. По свидѣтельству Шевырева, «узы духовнаго воспитанія и просвѣщенія, узы кровныя семьи привязывали Тургенева къ университету. Религіозный характеръ его давалъ ему силу нравственнаго дѣйствія на все юношество». («Истор. Моск. Университета», стр. 289).

38) Почетительство графа С. Г. Строгонова продолжалось съ 1835—1847 и по свидѣтельству К. Д. Кавелина: «съ графомъ Строгоновымъ кончился блестящій періодъ Московскаго университета, начавшійся съ 1835 года, когда началъ дѣйствовать новый университетскій уставъ, пріѣхала масса новыхъ профессоровъ, приготовившихся къ каедрѣ за границей». Оставленіе графомъ Строгоновымъ поста попечителя «произвело тогда большую сенсацию и въ университетѣ, и въ цѣлой Москвѣ» (См. мои «Русскіе Палеологи». Спб. 1880, стр. 98). Объ этомъ періодѣ мы находимъ также свидѣтельство въ «Воспоминаніяхъ» другаго современника: «Личныя отношенія профессоръ къ студентамъ были самыя тѣсныя и простыя, безыскусственныя. Ничто не препятствовало ихъ сближенію; студенты тянули къ профессорамъ, профессора — къ студентамъ; начальство не становилось поперекъ между ними. Профессора трудились для студентовъ, студенты, ни чѣмъ не развлекаемые, слѣдовали за профессорами. Однимъ словомъ, существовалъ университетъ какъ нѣчто самостоятельное, дѣльное, живое, прямо и непосредственно дѣйствовавшее на жизнь («Изъ воспоминаній Ю. Ф. Самарина „Русь“. 1880, № 1, стр. 19).

39) Рѣчь идетъ о знаменитомъ нашемъ проповѣдникѣ Иннокентіи, вполнѣтвѣн архіепископъ Херсонскій и Тавричскій. См. примѣч. 36., біографію Иннокентія см въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., т. XXI, 193—204; 547—572; т. XXIII, 367—398. Изд. 1879 г., т. XXIV, 651—708.

40) Свѣдѣнія о бывшемъ попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа Егорѣ Федоровичѣ фонъ Брадке, между прочимъ, находятся въ „Запискахъ“ его, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875, I, стр. 13 и 257; а также въ „Письмахъ о Кіевѣ“ Михаила Максимовича, Спб. 1871 г. Любопытную характеристику ему сдѣлалъ Аракчеевъ: „Способенъ и достоинъ; но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ передъ старшими“ („Русск. Арх.“ 1875, I, стр. 589).

41) Протоіереемъ посольской церкви въ Парижѣ былъ въ то время Д. С. Вершинскій, извѣстный своимъ „Мѣсяцесловомъ православно-каеодической

восточной церкви^а (Спб. 1856). Для этого труда онъ пользовался иностранными библиотеками. (Чистовичъ. „Истор. Спб. Духовн. Академіи“. Спб. 1857, стр. 380).

42) Покойный И. В. Кирѣевскій, восхищенный «Страстною седмицею» Иннокентія писалъ Максимовичу, чтобы онъ выслалъ ему въ Долбино все, что напечатано въ Кіевѣ Иннокентіемъ, и высказалъ подробно свое мнѣніе о немъ, сравненіемъ съ Массильономъ, Фенелономъ и другими проповѣдниками. Максимовичъ послалъ въ подлинникѣ это прошеніе о книгахъ къ Иннокентію, который отвѣчалъ: «Книги приготовлю, но съ мнѣніемъ о себѣ никакъ не согласенъ» («Письма о Кіевѣ», стр. 61). Впослѣдствіи Кирѣевскій высказалъ свое мнѣніе печатно: «Читая преосвященнаго Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безызвѣстны наши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки, не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще незнакомаго его многотрудившейся мысли, еще непобѣжденнаго вѣрою. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и необходимо прошедшей сѣвось всѣ нападенія свѣтской мудрости, сѣвось всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки («Поги. Собр. Сочиненій» М. 1861, II, стр. 208) «Тѣ, кто были современниками», пишетъ высокопреосвященный Макарій, ученикъ Иннокентія, «изданія этихъ словъ и особенно „Седмицъ“, тѣ помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи» («Вѣнокъ на могилу Иннокентія», стр. 28—29).

43) Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ, умершій въ 1879 году, въ званіи сенатора.

44) Въ 1835 году у князя П. А. Вяземскаго скончалась и погребена въ Римѣ дочь княжна Прасковія Петровна (р. 1817). Память ея почтила прекраснымъ стихотвореніемъ княгиня З. А. Волконская («Русск. Арх.» 1867, стр. 313).

Въ стѣнахъ святыхъ она страдала,
Какъ мученица древнихъ лѣтъ;
Страдать и жить она устала;
Ужъ все утихло... дѣвы нѣтъ!
И кипарисъ неперемѣнной
Стоитъ надъ дѣвственной главой...
Свидѣтель тайны подземельной,
И образъ горести родной.

«Еще не такъ давно», писалъ Гоголь къ князю Вяземскому, «быть я вмѣстѣ съ княгинею Зинаидой Волконской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ. Кусты розъ и кипарисы растутъ; между ними прокрались какіе то незнакомые два три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые вырастаютъ сами собою на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ

намъ, но мы глѣдимъ, сидимся и не можемъ понять ихъ. Потомъ я былъ еще одинъ разъ съ однимъ москвичемъ, знающимъ васъ, и вновь увѣрился, что эта могила не сирота: въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему» («Русск. Арх.» 1865, стр. 789).

45) «Московскій Наблюдатель» сталъ издаваться съ 1835 года В. П. Андросовымъ при участіи С. П. Шевырева. Въ 1-й и 2-й книгахъ его между прочимъ помѣщено «Письмо изъ Флоренціи въ Симбирскъ», подписанное Араамасскимъ прозвизцемъ А. И. Тургенева—Эолова Арфа.

Н. П. Барсуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ПОПОВА.

1854—1856 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г. томъ XXI, на стр. 305—324 и 491—530 помѣщены интересныя Записки войска Донскаго генерала Александра Ефимовича Попова о пребываніи его въ Крымской арміи въ первый періодъ знаменитой осады Севастополя съ 1-го октября по 1-е декабря 1854-го года.

Полковникъ генеральнаго штаба въ 1854 году — Поповъ пользовался въ гвардейскомъ корпусѣ заслуженною извѣстностью опытнаго, распорядительнаго офицера, хорошо подготовленнаго Военною Академіею въ своей спеціальной службѣ. 19-го сентября 1854 г. вн. А. С. Меншиковъ пригласилъ его, чрезъ флигель-адъютанта Альбединскаго, прибыть въ Севастополь.— 23-го сентября того же года — Поповъ въ Царскомъ Селѣ изъ устъ императора Николая Павловича выслушалъ повелѣніе отправиться въ Крымъ; при этомъ Государь, между прочимъ, сказалъ слѣдующія достопамятныя слова:

— „Скажи Корнилову, что я увѣренъ, что онъ употребитъ все для спасенія Севастополя, а въ случаѣ необходимости потери его, не оставитъ въ немъ камня на камень..... Желаю, чтобы ты засталъ въ Крыму все благополучно: но если бы и не такъ случилось, то я на тебя надѣюсь; ты мнѣ изъ чернаго—сдѣлаешь свѣтлый и радостный день. Я одобряю и смѣлыя дѣйствія, и все, что ты найдешь нужнымъ сдѣлать“.....

Въ этихъ крайне милостивыхъ словахъ государя Николая Павловича, вдохнувшихъ въ молодого полковника энергію и самую самоотверженную готовность отдать жизнь свою на исполненіе воли Монарха,—какъ оказалось, заключенъ былъ и страшный приговоръ ему на судьбу весьма печальную: вн. А. С. Меншиковъ въ первый же день по приѣздѣ въ Севастополь А. Е. Попова, свѣдавъ о томъ напутствіи, какое было сдѣлано ему, Попову, Государемъ — крайне ожесточился противъ присланнаго совѣтника, помощника, сочтя его чуть ли за навязаннаго, ему руководителя и даже замѣстителя. На другой же день по приѣздѣ Попова въ Севастополь, главнокомандующій съ своей

саркоптическоею улыбкой прямо сказалъ Попову:—„вы мнѣ не нужны“—и готовъ былъ сдать его какъ какого либо незначительнаго офицера къ старцу вовсе уже ничего незначащемуся,—то былъ кн. Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, но два дня спустя назначилъ его начальникомъ штаба въ командирующему войсками въ Севастополѣ, отдаливъ такимъ образомъ Попова отъ себя.

Что было далѣе—въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—о томъ повѣствуетъ А. Е. Поповъ въ указанныхъ выше Запискахъ.—Заключеніемъ къ нимъ—служить настоящій рассказъ о приѣздѣ его изъ многострадальнаго Севастополя въ С.-Петербургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1855 г., въ моментъ въ высшей степени важный: государь Николай Павловичъ, уже тогда былъ озабоченъ вопросомъ, кѣмъ замѣнить кн. А. С. Меншикова, изнемогшаго подъ бременемъ трудовъ и нравственныхъ потрясеній.—Вотъ этотъ рассказъ А. Е. Попова.

Ред.

По приѣздѣ изъ Севастополя въ С.-Петербургъ я явился къ начальнику штаба гвардейскихъ корпусовъ Витовтову; онъ принялъ меня съ обыкновенною ему добротою и разспросилъ какимъ образомъ я получилъ откомандированіе изъ арміи? Я рассказалъ какъ это было. Затѣмъ я имѣлъ счастье представиться Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Государь Императоръ Николай Павловичъ былъ боленъ въ это время.

Затѣмъ я явился къ генераль-квартирмейстеру генераль-адъютанту Бергу. Онъ высказалъ мнѣ свое неодобреніе за то, что я оставилъ Крымъ. «Я бы, сказалъ онъ, просилъ батальонъ въ командованіе, но не оставилъ бы армію». Очевидно, что отъѣздъ мой онъ объяснялъ себѣ щекотливостію съ моей стороны и проявленіемъ неудовольствія за то, что я не былъ допущенъ къ занятію Высочайше назначеннаго мнѣ въ арміи положенія. Я желалъ возстановить въ глазахъ Берга въ надлежащемъ свѣтѣ вопросъ этотъ, но онъ съ свойственною ему быстротою видоизмѣнялъ всякое высказанное мною положеніе, и скользилъ на сущности дѣла, а поэтому и не вникалъ въ него. Меня начинало обдавать холодомъ, при такомъ поверхностномъ приѣмѣ, который встрѣчалъ я, какъ будто я возвратился изъ какойнибудь прогулки, предпринятой ради удовольствія.

На другой же день послѣ явленія моего по начальству, я получилъ предписаніе отъ начальника штаба гвардейскихъ корпусовъ, что по волѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича я командируюсь въ г. Вильно временно исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Это уже не только обдавало холодомъ, но я каденнымъ желѣзомъ прошло черезъ всѣ мои ощущенія.

Немедленно я отправился къ Витовтову и просилъ его быть добрымъ и справедливымъ ходатаемъ за меня у Наслѣдника Цесаревича, чтобы избавить меня отъ командировки въ Вильно, отъ незаслуженнаго мною униженія.

— «Я не понимаю, въ чемъ это униженіе?» сказалъ на это Витовтовъ.

— «Оно ясно, Ваше Превосходительство, въ томъ, отвѣчалъ я, что назначеніемъ меня въ должность начальника штаба войскъ, для обороны Петербурга назначенныхъ, не по старшинству моему, а по выбору, по заявленіямъ обо мнѣ, я уже ставился по службѣ на исключительную стезю, назначеніемъ же, затѣмъ мнѣ даннымъ въ дѣйствующей арміи, мнѣ давалось положеніе небывалое въ военныхъ лѣтописяхъ нашихъ для чина полковника, и затѣмъ разомъ быть командированнымъ въ мирно стоящее воинство, временно-исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера корпуса! это уже не нѣзъ поповъ въ діаконы, а прямо въ дьячки».

— «Я васъ рассматриваю, какъ дивизионнаго квартирмейстера» съ горячностію отвѣчалъ мнѣ Витовтовъ.

— «Да и ваше превосходительство, сказалъ я, были прежде батальоннымъ командиромъ, но васъ рассматривать и вамъ давать соответственныя тому назначенія, было бы крайне несправедливо».

— «И какъ вы смѣли?—Вы командируетесь по волѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, а воля Его Высочества священна», отвѣчалъ Витовтовъ.

— «Я радуюсь быть исполнителемъ воли Его Высочества, быть можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо, сказалъ я, но Его Императорское Высочество могъ не остановиться, ни на смыслѣ такого назначенія для меня, ни на отчетѣ, возложенномъ на меня Высочайшею волею при отправленіи меня въ Крымъ, который лежитъ на мнѣ; между тѣмъ, до сего времени меня еще никто не спросилъ объ этомъ. Вотъ почему я и прошу Ваше Превосходительство, для достоинства моего и для чести мундира, который я ношу, быть ходатаемъ у Его Императорскаго Высочества, чтобы отклонить отъ меня всякое назначеніе до выясненія обстоятельствъ моего сюда возвращенія».

— «Я не могу ходатайствовать у Его Высочества по вашей просьбѣ, воля Его Высочества священна», отвѣчалъ Витовтовъ.

Я оставилъ Витовтова въ полномъ смущеніи, не зная, что мнѣ дѣлать. Путей косвенныхъ у меня не было, а прямой служебный закрывался мнѣ. И я не могъ даже объяснить себѣ встрѣченнаго мною отсутствія обычной доброты Витовтова, по отношенію ко мнѣ.

Въ этомъ раздумьи, я отправился къ генераль-адъютанту барону

Ливену, бывшему моему начальнику, который при отъездѣ моемъ въ Крымъ показалъ мнѣ доброе участіе свое совѣтомъ, какъ держать себя съ самолюбивымъ княземъ Меншиковымъ; къ сожалѣнію, ни совѣтъ этотъ, ни все искусство въ мирѣ, не могли приложиться къ дѣлу, въ виду той ненаполнимой брешки въ самолюбіи князя, которая была произведена смысломъ даннаго мнѣ назначенія. Баронъ Ливенъ встрѣтилъ меня съ обычнымъ ему вниманіемъ. Между прочимъ, по поводу командировки моей въ Вильно, Ливенъ разсказалъ мнѣ, что еще до пріѣзда моего, кажется на пути изъ Гатчины въ Царское, въ вагонѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился къ Витовтову съ словами: «вотъ и Поповъ возвращается къ намъ, что же мы съ нимъ сдѣлаемъ? не назначить ли его опять къ Арбузову? онъ такъ сожалѣлъ объ немъ».

«Не знаю, Ваше Высочество, отвѣчалъ Витовтовъ, сколько мнѣ извѣстно, Арбузовъ очень доволенъ своимъ новымъ начальникомъ штаба»¹⁾, впоследствии же я узналъ, что предписаніе о командировкѣ моей приготовлено до моего возвращенія въ Петербургъ и имѣлось въ виду вручить мнѣ оное еще на дорогѣ, чтобы свернуть меня въ Вильно до вѣзда въ Петербургъ. Очевидно, что мое возвращеніе не нравилось Витовтову. При торопливости выпроводить меня изъ Петербурга, забыли даже, что по Высочайшему приказу я значился состоящимъ при князѣ Меншиковѣ, и что нуженъ Высочайшій же приказъ, дающій мнѣ другое положеніе, чтобы другое лицо могло распоряжаться мною; но все это покрывалось священной волею Государя Наслѣдника Цесаревича. Между прочимъ и я разсказалъ Ливену мое участіе въ составленіи диспозиціи къ Инкерманскому сраженію, и онъ осудилъ ее; пусть думалъ я,—одною интригою больше или меньше, пусть, одною очистительною статьею меньше, или одною осудительною больше. Окончательно, спросилъ я у барона, сколько я вижу, командировка въ Крымъ сломала мнѣ шею? «Конечно, да», отвѣчалъ баронъ.

Положеніе мое очерчивалось все болѣе и болѣе въ тяжкомъ видѣ; мнѣ нуженъ былъ анализъ всего пройденнаго мною, мнѣ нуженъ былъ большой свѣтъ, освѣщающій до послѣдняго изгиба прожитна мною событія, а я нашелъ лишь осудительный надъ собою приговоръ и видимое желаніе отодвинуть меня отъ самой возможности быть услышану; проникнуть все это хитросложеніе я не имѣлъ возможности.

---

¹⁾ Къ Арбузову нач. штаба на мое мѣсто былъ назначенъ Глинка, племянникъ Витовтова.

Еще прежде командировки меня въ Крымъ, уже было проявлено стремленіе уменьшить или уничтожить рождавшееся мое значеніе; командировка же въ Крымъ, при обстановкѣ, которую благоугодно было Государю Императору придать ей, возстановила противъ меня князя Меншикова, да и въ Петербургѣ дезориентировала многихъ; тамъ, въ арміи, — князь Меншиковъ систематически дѣйствовалъ къ отклоненію меня отъ участія въ дѣлахъ; здѣсь, въ Петербургѣ, я встрѣтилъ холодность, чтобы не сказать болѣе. Что обо мнѣ писалось, или говорилось, что клалось въ основу, и какія избирались связи для образованія цѣлаго? все это дѣлалось не гласно, а скрытно отъ меня. И, странно, чѣмъ болѣе отягчающихъ обстоятельствъ возникало передъ мною, тѣмъ сильнѣе и явственнѣе развивалось во мнѣ мое убѣжденіе, мое сознаніе.

Однакоже черезъ два или три дня послѣ разговора моего съ Витовтовымъ, я получилъ сообщеніе, что Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ приказать мнѣ на слѣдующій день быть у Его Высочества въ 1 часъ пополудни. Эта почти неожиданная для меня радость, очевидно, происходила непосредственно отъ воли Его Высочества. Въ назначенный часъ, я явился въ Зимній Дворецъ на половину Его Высочества и напелъ тамъ нѣсколько лицъ. тоже по особому назначенію туда собравшихся; въ это время обычный приемъ уже кончился; черезъ полчаса Витовтовъ вышелъ изъ кабинета Его Высочества съ докладомъ, и увидя меня, обратился ко мнѣ съ словами: «вотъ я доставилъ вамъ приемъ Его Высочествомъ; я надѣюсь, что вы будете умѣть держать себя какъ слѣдуетъ посящему мундиръ и вѣрноподданному».

Я высказалъ на это благодарность за доставленный мнѣ приемъ и продолжалъ: «по долгу и обязанности, лежащей на мнѣ, я буду говорить Его Высочеству одну только правду, и не позволю себѣ ни видоизмѣнить, ни утратить ее. Теперь позвольте мнѣ, продолжалъ я, снова просить предстательства вашего превосходительства къ отклоненію отъ меня командировки въ Вильно». «Я этого не могу», отвѣчалъ Витовтовъ. «Въ такомъ случаѣ, я буду принужденъ лично утруждать Его Высочество этою просьбою», сказалъ я. «Не совѣтую», отвѣчалъ мнѣ Витовтовъ.

Въ это время Бруновъ, бывшій посолъ при Великобританскомъ дворѣ, былъ позванъ къ Его Высочеству, а вслѣдъ затѣмъ мнѣ передаю, что Его Высочество не имѣетъ времени принять меня теперь, и проситъ быть у него вечеромъ въ 7 часовъ.

Ровно въ назначенный часъ я былъ принятъ Его Императорскимъ Высочествомъ въ его кабинетѣ. «Разскажи мнѣ, сказалъ Его

Высочество, все, что со времени приѣзда твоего въ Крымъ происходило въ дѣлахъ нашихъ, не выпуская ни чего, что лично къ тебѣ относится».

На этотъ милостивый вызовъ, я имѣлъ счастье послѣдовательно изложить Его Императорскому Высочеству: приѣздъ мой въ штабъ квартиру арміи; приемъ, сдѣланный мнѣ княземъ Меншиковымъ; предположеніе назначить меня къ князю Горчакову, мою рекогносцировку, разговоръ по оной съ Меншиковымъ и опасеніе его покушенія союзниковъ отъ устьевъ Качи и Бельбека; мое назначеніе въ Севастополь и смыслъ онаго; кратчайшее, только для связи, очертаніе первыхъ дней бомбардированія; призывъ меня въ штабъ-квартиру и совѣщаніе къ наступленію съ прибытіемъ 12-й пѣхотной дивизіи; результатъ этого совѣщанія и вкратцѣ, только для связи, дѣло подъ Балаклавою; усиленіе опасности Севастополя послѣ этого дѣла; приѣздъ генерала Данненберга въ Севастополь; мой приѣздъ въ штабъ-квартиру и составленіе диспозиціи къ Инкерманскому сраженію и мое личное въ немъ участіе.

Весь этотъ разговоръ мой соотвѣтствовалъ вполне наложенному мною въ этихъ запискахъ, не только въ существѣ, но въ формѣ и даже въ самыхъ выраженіяхъ¹⁾; я только воздерживался по возможности отъ собственныхъ сужденій, заставляя самые факты говорить за себя. Его Императорское Высочество почти не прерывало моего разсказа и лишь изрѣдка выражалъ свое желаніе узнать какуюнибудь подробность; но когда я окончилъ разсказъ лично видѣннаго мною въ Инкерманскомъ сраженіи, Его Высочество изволилъ выразить: «теперь только я понялъ ходъ Инкерманскаго сраженія; а то, съ полученіемъ перваго донесенія Данненберга, мы ничего не могли связать въ немъ, тоже было и съ полученія болѣе подробныхъ донесеній князя Меншикова. Мы разспрашивали прибывающихъ изъ Крыма, поручали посылаемымъ туда лицамъ выяснитъ это дѣло, наконецъ прибыли и братья мои, сами тамъ бывшіе, и выясненія все же не послѣдовало».

— «Когда князь Меншиковъ въ донесеніяхъ утаилъ диспозицію, отданную имъ къ Инкерманскому сраженію, то естественно всякая связь въ этомъ дѣлѣ исчезала, и дѣйствія войскъ представлялись только отдѣльными явленіями», отвѣчалъ я.

При этомъ Его Высочество изволилъ взять планъ окрестностей Севастополя и прослѣдилъ всѣ передвиженія войскъ нашихъ на Килень-балочномъ плато. вѣтѣмъ выразилъ желаніе свое слышать продолженіе моего пребыванія въ Крыму.

Продолжая разсказъ мой, я изложилъ общее стремленіе войскъ къ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1878 г. томъ XXI.

новому бою; совѣщаніе къ выдвигенію на Рудольфову гору; мое отсутствіе на немъ и исходъ онаго; значеніе бури 2-го ноября, измѣнившей характеръ дѣйствій союзниковъ; наше гибельное бездѣйствіе; неоднократно посѣщеніе мною главнокомандующаго съ цѣлію уяснить ему необходимость наступленія, и тягостное впечатлѣніе этою настоятельностью, на него производимое; командировку мою съ 18-го ноября, для составленія предположенія къ расположенію и могущимъ послѣдовать дѣйствіямъ арміи, въ случаѣ новой высадки союзниковъ для угроженія нашимъ сообщеніямъ; моя донесенія по этому порученію; возвращеніе въ штабъ-квартиру арміи и полученіе откомандировки въ Петербургъ.

— «Странный человекъ князь Меншиковъ, сказалъ Его Высочество, когда я окончилъ рассказъ мой, —еще сегодня полученъ отъ него вмѣстѣ съ вашими документами отзывъ о васъ, и въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ, а то: чернить Кирьякова, мараеть Моллера, (здѣсь Его Высочество назвалъ еще одно имя, которое теперь не упомяну) да и всѣмъ достается, кромѣ васъ и Тотлебена».

«Названныя Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ лица могутъ имѣть и недостатки, отвѣчалъ я, но хорошій главнокомандующій будетъ умѣть воспользоваться хорошими ихъ качествами, возлагая на каждого дѣла, соотвѣтственные ихъ свойствамъ; и самъ князь Меншиковъ, при свѣтломъ умѣ своемъ, дознанной храбрости и обширныхъ военныхъ свѣдѣніяхъ, что же добраго могъ сдѣлать, когда у него не достаетъ силы воли? Какъ кабинетный дѣятель, онъ можетъ даже замѣчательно быть полезнымъ, какъ главнокомандующій ему нельзя вѣрить и двухъ солдатъ въ команду».

— «Мы съ отцемъ уже прежде думали о смѣнѣ его, теперь же это дѣло рѣшенное, но вопросъ, кѣмъ замѣнить его? Мы останавливались на Горчаковѣ, Остенъ-Сакенѣ, Бергѣ и Лидерсѣ», сказалъ Его Высочество.

«Ежели Ваше Императорское Высочество съ такою милостію ко мнѣ изволили коснуться именъ тѣхъ лицъ, на которыхъ можетъ быть возложена надежда къ величію дѣла нашего отечества, то во имя чистѣйшихъ моихъ къ тому стремленій, дозвоьте мнѣ высказать глубокое вѣрноподданнѣйшее по этому убѣжденіе. Князя Горчакова я не знаю лично, но онъ извѣстенъ всѣмъ благородствомъ своихъ побужденій и патриотизмомъ, извѣстенъ и военными дѣлами въ Турецкую и Венгерскую войну, но по разсѣянности и забывчивости своей, тоже общеизвѣстной, въ настоящихъ потребностяхъ нашихъ въ Крымъ, гдѣ требуется отсутствіе суеты и путаницы,—онъ не годится быть главнокомандующимъ. Остенъ-Сакена я тоже лично не знаю,

но онъ уже заявилъ себя, въ короткое пребываніе въ Севастополѣ, совсѣмъ не въ томъ направленіи, котораго требуютъ обстоятельства. Берга я имѣю честь знать лично, онъ безспорно обладаетъ дарованіями, но самая живость ума его будетъ смущать и развлекать его отъ той сосредоточенности мыслей и воли, которая нужна въ положеніи нашемъ подъ Севастополемъ, и будетъ порождать суетню въ его окружающихъ. Лидерса я тоже лично не знаю, но въ Трансильваніи онъ велъ дѣла обстоятельно и умѣлъ заслужить общую любовь къ себѣ войскъ; по этимъ даннымъ онъ болѣе другихъ можетъ быть полезенъ подъ Севастополемъ; но дозвольте Ваше Высочество досказать мое слово до конца. Изъ всѣхъ генераловъ, извѣстныхъ мнѣ лично, или по репутаціи ихъ, по глубокому моему убѣжденію, одинъ только соответствуетъ потребностямъ нашимъ подъ Севастополемъ—это Н. Н. Муравьевъ, который теперь на Кавказѣ. И не потому Ваше Высочество, чтобы онъ отличался особеннымъ блескомъ ума, напротивъ, мышленія его угловаты, и медленны, но разъ, что онъ остановится на какомъ либо рѣшеніи, то ни окружающіе его, ни непріятель, своими демонстраціями, не въ силахъ даже малѣйше уклонить его отъ предпринятыхъ имъ дѣйствій и онъ умѣетъ подчинить дѣйствія другихъ своей волѣ».

— «Да, произнесъ Его Высочество, но онъ нуженъ за Кавказомъ, и его невозможно оттуда тронуть».

«Въ такомъ случаѣ», осмѣлился сказать я, «остается еще одна комбинація и превыше первой, это личное присутствіе Вашего Высочества подъ Севастополемъ, на одну недѣлю. Три дня считаю я для осмотра нашего положенія и принятія рѣшенія, и три дня для исполненія; такъ что ни одного врага не останется на землѣ Херсонеса. Присутствіе вашего императорскаго высочества безмѣрно одушевитъ войска, хотя въ порывѣ и мужествѣ ихъ и нѣтъ недостатка; но главное, оно придастъ то единство, и ту энергію дѣйствій, которыхъ до сихъ поръ у насъ не доставало, что и парализировало всѣ наши предпріятія».

— «Я и самъ останавливался на этой мысли», выразилъ Его Высочество, «но къ сожалѣнію, я никакъ, въ настоящее время, не могу исполнить этого. Государь боленъ и я часто вмѣсто него долженъ направлять важныя государственныя нужды».

Такимъ образомъ, все что относилось къ положенію дѣлъ нашихъ въ Крыму, и все что относилось ко мнѣ лично, благодаря незабвенной милости и вниманія его императорскаго высочества, было исчерпано и выяснено мною. Я сдалъ съ души ту великую нравственную отвѣтственность, которую Государю Императору благоугодно

было наложить на меня, и оправдать которую у меня не доставало власти. Но увлекаемый пламеннымъ желаніемъ торжества нашему оружію, я счелъ долгомъ резюмировать ту настоятельную потребность наступленія, въ которой я оставилъ дѣла наши въ Крыму.

«И такъ, Ваше Императорское Высочество, сказалъ я, кто бы ни командовалъ нашими войсками въ Крыму, пассивная оборона поведетъ насъ къ неизбѣжной гибели, раньше, или позже, это зависитъ уже не отъ насъ, а отъ предприимчивости противника; для возстановленія же нашихъ дѣлъ, намъ необходимо наступленіе и безотлагательное, чтобы воспользоваться нашимъ перевѣсомъ въ силахъ. Направленіе нашего наступленія обусловлено мѣстностію, и должно быть направлено для занятія высотъ у верховьевъ Килень-балки, ибо только успѣхомъ такого выдвигенія мы связываемъ раздѣльныя части нашей арміи, и открываемъ сухопутное сообщеніе Севастополю съ основаніемъ дѣйствій. Предпріятія же, какъ съ праваго нашего фланга на Рудольфову гору, такъ и съ лѣваго на Федюхины высоты, даже при удачѣ первоначальнаго выдвигенія, не усиливаютъ насъ, а даютъ только возможность противнику съ болѣею удобностію поразить ту или другую часть нашей раздѣльной арміи. Самое же наступленіе можетъ быть исполнено: или открытою силою, съ тѣмъ, что бы въ первый же день достигнуть цѣли нашего предпріятія, или постепеннымъ выдвигеніемъ нашихъ укрѣпленій, начиная съ Воронцовской высоты, какъ это было предположено къ дѣлу по прибытіи 12-й пѣхотной дивизіи. Которое изъ этихъ дѣйствій предпочесть—зависитъ отъ свойствъ главнокомандующаго; первое требуетъ находчивости и распорядительности, второе настоятельности. При отъѣздѣ моемъ изъ Крыма, прибавилъ я, въ нашей арміи по спискамъ состояло 101 тысяча человекъ, но, Ваше Высочество, въ числѣ ихъ другаго Попова нѣтъ».

Это было дерзновенно, и въ безусловномъ смыслѣ—крайне несправедливо; конечно, въ арміи нашей было не малое число лицъ, превосходившихъ меня способностями, но не было въ арміи человека, поставленнаго въ столь фальшивое и немощное положеніе, какъ я; и не было человека, столь близко стоявшаго къ рулю управленія дѣлами какъ я, и намѣренно отъ него отклоняемаго; наконецъ я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые воплѣтъ сознавали неурядицу и гибельность нашихъ дѣйствій. Поэтому я переживалъ, я перестрадалъ всѣ ошибки наши, и въ этомъ то исключительномъ смыслѣ едва ли кто ближе меня понималъ наше положеніе въ Крыму, и едва ли кто правильнѣе меня могъ сдѣлать выводы изъ онаго, именно въ то

время, къ которому относится разсказъ мой. Хвалиться мнѣ было не чѣмъ; а только, чтобы означить неопровержимость, въ моемъ понятіи, изложеннаго мною плана дѣйствій, я употребилъ мое заключительное слово. И что же? Послѣдствія, какъ нельзя яснѣе подтвердили высказанное мною; во первыхъ, мы упустили три мѣсяца въ полномъ бездѣйствіи, и дали возможность неприятелю усилиться; во вторыхъ, начали выдвиганіе укрѣпленій съ самаго ничтожнаго пункта, и дали возможность неприятелю не только охранить важнѣйшіе свои опоры, но и отнять устроенныя нами. Въ этомъ мы уподобились начальнику, направляющему войска свои на слабѣйшій, а не на важнѣйшій тактической, или стратегической пунктъ; въ третьихъ, для дѣйствій открытою силою, мы направились на Федюхины высоты, гдѣ и удача не могла доставить намъ успѣха.

Но если и съ теченіемъ времени, мы только претыкались въ ошибочныхъ дѣйствіяхъ, если и до нынѣ даже, есть многіе и многіе, которые ослѣпляясь блескомъ мужества и самоотверженія нашихъ войскъ, считаютъ оборону Севастополя славною, и дѣйствія обороны поучительными, то не въ правѣ ли былъ я, говоря о потребностяхъ нашего положенія въ половинѣ декабря 1854 года, употребить выраженіе, которое могло показаться заносчивымъ.

Дѣйствительно, войска наши покрыли себя безсмертною славю на удивленіе и подраженіе потомства,—но не распорядители; они только гвоздь за гвоздемъ вбивали въ тотъ обширный гробъ, который поглащала героевъ, до тѣхъ поръ, пока нельзя было шевельнуться болѣе, и онъ не поглотилъ и Севастополь, и весь флотъ нашъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надолго и вѣками утвердившееся значеніе Россіи.

При словѣ моемъ другаго нѣтъ я глубоко преклонился,—я высказался весь пѣликомъ. Его Высочество не отвѣчалъ ни слова, и былъ видимо погруженъ въ думу. Тогда я обратился къ нему съ словами: «теперь дозвоьте мнѣ утруждать Ваше Императорское Высочество просьбою о себѣ. Я получалъ предписаніе отправиться въ Вильно, для временнаго исправленія должности оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, поэтому, я обращался къ начальнику штаба Витовтову, прося его ходатайства предъ Вашимъ Высочествомъ отклонить отъ меня это назначеніе, объясняя ему, что послѣ занимаемыхъ мною передъ симъ должностей: начальника штаба войскъ въ окрестностяхъ Петербурга, и затѣмъ начальника штаба дѣйствующей арміи, назначеніе временно-исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера корпуса, было бы болѣе рѣзко, чѣмъ назначеніе изъ

поповъ въ діаконн, но начальникъ штаба отказался быть ходатаемъ за меня; а при возвращеніи моемъ къ нему съ тою же просьбою, очь не совѣтовалъ мнѣ обращаться съ нею и къ Вашему Императорскому Высочеству; но мое положеніе чрезвычайно щекотливо: вся армія, читавшая Высочайшій приказъ объ моемъ въ Крыму назначеніи, не можетъ принять новаго даваемого мнѣ назначенія иначе, какъ за карательный приговоръ; это значить безъ суда быть осужденнымъ, я бы желалъ суда, но судъ невозможенъ, потому мнѣ нужна реабилитація».

— «Я понимаю, произнесъ Его Высочество, всю неловкость этого назначенія, но за отсутствіемъ изъ Вильно оберъ-квартирмейстера, не кѣмъ замѣнить его»; при этомъ Его Высочество взялъ памятную книжку съ именами офицеровъ.

«Если бы отсутствіе не только оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, но и простаго часоваго, было настоятельно нужно къ замѣнѣ, то я съ полною готовностью и въ этомъ случаѣ исполнилъ бы волю Вашего Императорскаго Высочества, но такой надобности не предстоитъ въ даваемой мнѣ командировкѣ, потому что, въ случаѣ движенія корпуса, всегда есть время восполнить этотъ недостатокъ», отвѣчалъ я.

— «Я постараюсь исправить это», произнесъ Его Высочество. Я поклонился снова, и высказавъ неизгладимую благодарность за милостивый пріемъ, которымъ удостоилъ меня Его Высочество, удалился.

Если высокое довѣріе, выраженное мнѣ Государемъ Императоромъ при отправленіи меня въ Крымъ, разлило во мнѣ чувство глубокаго удовлетворенія, то аудіенція Государя Наслѣдника Цесаревича, оставила по себѣ столь же глубокое сознаніе, что мною сдѣлано все отъ меня зависящее, для оправданія этого довѣрія.

Черезъ три дня послѣ этого, я снова получилъ предписаніе начальника штаба, что по волѣ его императорскаго высочества наследника цесаревича, я командируюсь въ г. Вильно для исправленія должности оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса.

На этотъ разъ, это распоряженіе не произвело уже на меня того впечатлѣнія, которое я ощущалъ, получивъ оное въ первый разъ; быть можетъ, я понималъ даже истинные къ тому двигатели. «Не ищите причинъ, писалъ я тогда престарѣлому отцу моему, къ перемѣнѣ моего послѣдняго назначенія, таковыхъ нѣтъ въ дѣйствительности, и это есть только игра страстей и личныхъ интересовъ, и конечно благая судьба отодвинула меня въ мирный уголокъ,—я испепелился-бы, соприкасаясь Крымскимъ дѣламъ.»

Однакоже, черезъ два мѣсяца пребыванія моего въ Вильнѣ, смерть отца моего заставила меня просить отпускъ, чтобы распорядиться оставленнымъ мнѣ имуществомъ; одновременно съ тѣмъ, кончиною Государя Императора, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ призванъ стать самодержавнымъ распорядителемъ трудныхъ дѣлъ ввѣреннаго ему Провидѣніемъ государства. При отпускѣ моемъ, графъ Ридигеръ, главнокомандующій гвардейскими и гренадерскими корпусами, передалъ мнѣ, что Его Императорское Величество, предоставляя мнѣ кратковременный отпускъ, обязываетъ меня явиться къ сроку, такъ какъ Его Величество имѣетъ меня въ виду для важнаго назначенія. Не важность назначенія мнѣ была дорога въ этомъ, но тотъ смыслъ, который просвѣчивалъ въ переданномъ мнѣ намѣреніи, который указывалъ, что я не ошибся въ нравственной моей реабилитаціи въ понятіи Государя Императора; а онъ одинъ только и могъ судить меня, ибо никто кромѣ Его Величества не знаетъ, и даже до сихъ поръ не знаетъ связи моей предшествовавшей службы съ обстоятельствами моей командировки въ Крымъ, и возвращенія изъ онаго.

Въ это время князь Меншиковъ, вслѣдствіе смѣны его въ Крыму, прибылъ въ Петербургъ; я посѣтилъ его, у насъ было такъ много общаго въ прошедшемъ; оно, конечно, видоизмѣнилось временемъ, но оставалось еще самымъ живымъ и могучимъ двигателемъ всеобщаго участія; я засталъ князя одного, но онъ меня не принялъ. Впослѣдствіи я встрѣчался съ нимъ въ англійскомъ клубѣ и мы говорили: о скачкахъ, оперѣ, охотѣ; но никогда ни однимъ словомъ не коснулся онъ прошедшаго. Какъ легко сильныя положеніемъ смываютъ вины свои!..

Состоя, по возвращеніи моемъ изъ отпуска при графѣ Ридигерѣ, я имѣлъ порученія, относившіяся къ оборонѣ Петербурга и его окрестностей. Не смотря на ничтожность угрожавшихъ спокойствію столицы силъ, состоявшихъ изъ 15 т. десанта, плававшего у береговъ Балтики, общее стремленіе занимать и оберегать сколь возможно болѣе пунктовъ, угрожало намъ быстрымъ приведеніемъ въ разстройство силъ нашихъ, въ случаѣ демонстрацій непріятели. а затѣмъ могло привести и къ существеннымъ потерямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ переходомъ моимъ въ Петербургъ, и событія въ Крыму живѣе и болѣе отзывались въ душѣ, при всякомъ оттуда извѣстии. Однимъ словомъ, я былъ глубоко пораженъ нравственно, и все, что тамъ дѣлалось, меня волновало.

Между тѣмъ, военныя дѣла наши въ Крыму все болѣе и болѣе клонились къ упадку. Севастополь палъ, и соотвѣтственно тому, труднѣе и труднѣе дѣлались наши дипломатическія отношенія къ сосѣднимъ государствамъ; въ предполагавшемся мнѣ назначеніи—не представлялось надобности.

Прежде, я никогда даже и не думалъ оставить службу; къ ней готовился я съ дѣтства и съ ней свыкъ въ лучшемъ возрастѣ жизни, но обстоятельства сложились странно, дико; здоровье мое было потрясено въ основаніи, и мнѣ продолжительный отдыхъ былъ необходимъ, почему, съ начатіемъ переговоровъ о мирѣ—я подалъ въ отставку.

Въ отвѣтъ на эту просьбу мою, графъ Барановъ (начальникъ штаба гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ) объявилъ мнѣ: «мнѣ поручено передать, что вы намъ необходимы, и просить васъ не оставлять службы». На это я отвѣчалъ: «только разстройство здоровья моего, и сознаніе невозможности быть полезнымъ заставило меня, по совѣсти, просить объ увольненіи отъ службы». «Но на васъ не будетъ возлагаться никакихъ дѣлъ, только оставайтесь въ службѣ, чтобы въ случаѣ надобности вы были при насъ.»

На послѣднія слова графа Баранова, я отвѣчалъ: «доложите, ваше сіятельство, что при нуждѣ во мнѣ я всегда отзовусь всею силою моего желанія и моей возможности, буду ли я носить мундиръ, или другое платье, а потому и теперь не настаиваю на моей просьбѣ».

Но бранныя тревоги стихали постепенно; весною 1856 года заключенъ парижскій миръ, и когда все улеглось и успокоилось, я снова просилъ объ увольненіи меня отъ службы, и на этотъ разъ получилъ всемилостивѣйшее увольненіе.

При отставкѣ моей Государю Императору благоугодно было явить мнѣ знакъ высокаго своего вниманія и милости. Графъ Барановъ, сообщая объ увольненіи меня въ отставку, сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Его Величеству благоугодно, чтобы при поступленіи моемъ вновь на службу, принять меня, какъ извѣстнаго офицера, генераль-майоромъ.

Я успѣшилъ представиться къ Государю Императору, чтобы выразить глубочайшую мою благодарность за оживившую меня его ко мнѣ милость. Когда я былъ позванъ къ Его Величеству, онъ милостиво встрѣтилъ меня словами: «а ты таки ушелъ отъ насъ, сколько я тебя ни останавливалъ». «Не я ушелъ, Ваше Величество, но здоровье мое принудило меня искать помощи и отдохновенія», отвѣчалъ я.—«Однако я этого не вижу»—произнесъ Государь.

«Ваше Величество, отвѣчалъ я, наружность иногда бываетъ обманчива, но если бы Вы могли видѣть внутренность, то изволили бы усмотрѣть, что всѣ нервы мои пожжены, какъ каленымъ утюгомъ».

— «Ну отдохни, и ты поправишься скоро, я въ этомъ увѣренъ, и тогда опять на службу,—я такъ хочу», произнесъ Государь Императоръ и милостиво подалъ мнѣ свою державную руку.

А. Е. Поповъ.

1878 г

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНАГО КРЕСТЬЯНИНА Н. Н. ШИПОВА.

1824—1827 гг. ¹⁾

Съ 1824 года я очень часто началъ отлучаться изъ дому по торговымъ дѣламъ. Торговля была, попрежнему, уральскимъ скотомъ и пушнымъ товаромъ. Послѣ 1822 года, когда въ Оренбургскомъ краѣ стояла жестокая зима, барановъ тамъ много поубавилось, и цѣны на нихъ были не совсѣмъ подходящія. И вотъ, я задумалъ отправиться для покупки скота къ бугеевскимъ киргизамъ въ барханы ²⁾. Хотя во время прежнихъ моихъ поѣздокъ и неоднократно имѣлъ дѣло съ киргизами и могъ немного говорить по киргизски, но счелъ за нужное нанять толмача. Таковой скоро нашелся, одинъ изъ уральскихъ казаковъ, и я подрядилъ его за 100 руб. асс. ъхать со мной. Мы съ этимъ толмачомъ и нѣсколькими моими работниками отправились, на повозкахъ, въ киргизскіе аулы, верстъ за 40 отъ линіи, гдѣ киргизы кочевали въ своихъ кошомныхъ кибиткахъ. Приѣхали въ аулъ, къ старшинѣ, который назывался Бекъ-Мухамедомъ-Утемясомъ. Онъ насъ принялъ. Я подарилъ ему чаю и сахару; Мухамедъ же далъ намъ особую палатку, угостилъ меня аряномъ (кислымъ молокомъ) и вареной ягнятиной. Арянь мнѣ не понравился, вѣроятно потому, что онъ содержитя киргизами обыкновенно въ сырыхъ кошанныхъ мѣшкахъ. Скоро мы съ Мухамедомъ сдѣлались хорошими знакомыми. Онъ пригласилъ меня съ толмачомъ въ гости къ своему двоюродному брату, Ковдобаю, который находился въ другомъ аулѣ, верстъ за 5 отъ нашего. Я, разумеется, не отказался. Хозяинъ

¹⁾ См. „Русс. Старина“ 1881 г. т. XXXI, май, стр. 133—148

²⁾ Барханами называются пески съ небольшими неровными возвышенностями: они простираются верстъ на 10), а далѣе носятъ названіе „рынь-пески“. Въ нашихъ обыкновенныхъ повозкахъ ѣздить по барханамъ весьма затруднительно.

насъ встрѣтилъ радушно; мы посидѣли, покуда не было все прибрано въ кибиткѣ для пріема гостей. Потомъ, насъ пригласили въ кибитку. Въ ней были развѣшаны ковры: разноцвѣтные сундуки стояли открытыми; на полу тоже разосланы ковры и положены подушки, на которыя мы и сѣли. Хозяинъ спросилъ, что мы будемъ ѣсть: стараго барана, или ягненка? Мы согласились на послѣднее. Жена хозяйина была въ шелковыхъ штанахъ и рубахъ; голова покрыта платкомъ, на ногахъ надѣты красныя киргизскіе, съ большими каблуками, сапоги: это для удобства при верховой ѣздѣ. Она начала раскладывать изъ тезека ¹⁾ огонь посреди самой кибитки; потомъ, поставила на 4-хъ ножкахъ таганъ, а на него большой котелъ съ водою. Принесли кожаный мѣшокъ, изъ котораго хозяйка вытаскивала говядину или кобылятину и клала въ котелъ. Когда говядина сварилась, она вынимала ее изъ котла вилокъ и накладывала въ красную деревянную чашку; хозяинъ же мелко разрѣзывалъ ее ножомъ. Послѣ того хозяйка варила ягненка; хозяинъ и его разрѣзалъ на мелкіе кусочки. Съ нами обѣдали 6 человекъ киргизовъ. Хозяинъ бралъ всѣми 5-ю пальцами кусочки говядины и угощалъ ими прямо въ ротъ; гости подползали къ нему на колѣняхъ, при чемъ старались, чтобы кусокъ не выпалъ изъ рта, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ было-бы стыдно. Для меня хозяинъ положилъ говядину и ягнятину въ чашку. Затѣмъ, хозяйка изготвила еще два кушанья: жидкую молочную кашу съ сорочинскимъ просомъ и жареную въ маслѣ сметану, что по киргизски называется «ремчукъ». Обѣдъ продолжался довольно долго. Разговаривали о баранахъ, о лошадяхъ. Хозяинъ предложилъ мнѣ свои услуги: завтра онъ обѣдетъ свой родъ и объявитъ, чтобы киргизы приходили ко мнѣ для продажи барановъ; при этомъ будетъ стараться о выгодной для меня покупкѣ,—только я долженъ ему что нибудь подарить. Поблагодаривши хозяйку, я въ свою очередь пригласилъ его къ себѣ на чай. Онъ не отказался. Пріѣхали въ мою палатку; пили чай. У меня были мягкія булги и шевячные сухари; я далъ ихъ моему новому знакомцу. Онъ положилъ ихъ въ свою кожаную сумку. Такія сумки киргизы всегда носятъ при себѣ на ремнѣ, а русскій гостинецъ роздаютъ понемногу своимъ женамъ, дѣтямъ и пріятелямъ. Насталъ вечеръ, и мы отправились къ старшинѣ ужинать. На другой день я всталъ утромъ рано. Начали собираться киргизы; одни на лошадяхъ, другіе на верблюдахъ, а иные на быкахъ. Богатые киргизы были въ шелковыхъ бухарскихъ халатахъ, лисьихъ шубахъ, въ синемъ или красномъ чекменѣ, въ лисьихъ бархатныхъ шапкахъ. У нѣкоторыхъ лошади были въ серебряныхъ уборахъ. Черезъ толмача я сталъ торговать у киргизовъ барановъ; но они объявили дорогую цѣну и, не сторговавшись, разѣхались

¹⁾ Тезекъ, или коровій кирпичъ служитъ обыкновеннымъ т плит мѣ у киргизовъ.

по своимъ ауламъ. Вечеромъ прѣѣхалъ ко мнѣ мой новый знакомецъ изъ киргизовъ, Ковдобай, и, узнавъ, что мы не сторговались съ его единоплеменниками, общался завтра уговорить ихъ быть уступчивѣе. Мы разстались. На слѣдующій день киргизовъ собралось въ мой таборъ множество; иные прѣѣзжали просто посмотреть на русскихъ людей. Прибыль и Ковдобай. Онъ просилъ меня нѣкоторыхъ почетныхъ киргизовъ напоить чаемъ и дать имъ сухарей. Это я исполнилъ. Послѣ того, при киргизахъ, Ковдобай спросилъ меня: «почемъ даешь купецъ за джюана, кунана, буйдака?» Джюнанъ—это самый старшій баранъ, кунанъ—средній, а буйдакъ—молодой. Черезъ толмача я отвѣтилъ, что за перваго—9 руб. 25 коп., за средняго—8 руб. и за буйдака 6 руб. 25 коп. Тогда мой знакомецъ закричалъ: «я согласенъ на эту цѣну и завтра же пригоню своихъ барановъ; а другіе какъ хотятъ». Это подѣйствовало на киргизовъ, и они разѣѣхались съ обѣщаніемъ пригнать барановъ. Въ продолженіе двухъ дней я купилъ около 3,000 штукъ, расплатился серебряными деньгами; славно угостилъ старшину Бекъ-Мухамеда съ Ковдобаемъ, простился съ ними и отправился въ Уральскъ. Здѣсь я купилъ еще до 7,000 барановъ, поручилъ ихъ приващикамъ и рабочимъ, а самъ отправился домой, гдѣ мой отецъ встрѣтилъ меня съ моею новорожденною дочерью. Сердце мое забилось радостно.

Впослѣдствіи, мнѣ каждый годъ приходилось имѣть дѣло съ киргизами по покупкѣ барановъ на всемъ пространствѣ ихъ кочевья до Новаго-Узена и далѣе. Я даже завелъ особую торговлю съ киргизами краснымъ товаромъ, который покупалъ въ Москвѣ и въ первыхъ мѣсяцахъ каждаго года отправлялъ его съ прикащиками къ Уральску, а потомъ въ барханы. По киргизски я научился говорить не дурно. Поэтому, мнѣ представлялось возможнымъ довольно хорошо познакомиться съ жизнью киргизовъ.

Киргизы—народъ очень любопытный; обыкновенно разспрашиваютъ: кто ѣдетъ, куда и зачѣмъ? Разѣѣзжая по барханамъ, мы обыкновенно останавливались ночевать близъ ауловъ; это—для безопасности, потому что у киргизовъ существуетъ обычай оберегать своихъ гостей. На степи рѣкъ почти совсѣмъ нѣтъ; во многихъ мѣстахъ вырыты колодцы, къ которымъ пригоняется скотъ для водопоя; ведра вездѣ кожаныя, а корыта сдѣланы изъ досокъ. У нѣкоторыхъ киргизовъ были большія стада барановъ, лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Я зналъ одного киргиза, Танинскаго рода: у него было болѣе 7,000 лошадей. Киргизы питаются, главнымъ образомъ, овечьимъ и коровьимъ молокомъ; употребляютъ и верблюжье. Лѣтомъ они приготавливаютъ молоко для зимы: сушатъ его на солнцѣ до того, что оно дѣлается твердымъ, и хранятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ¹⁾. Такое молоко назы-

¹⁾ Киргизы вырываютъ не очень глубокія ямы, въ которыхъ коптятъ сырыя лошадиныя кожи; изъ этихъ кожъ и дѣлаютъ мѣшки какъ для твердаго, такъ и для жидкаго молока.

вается по киргизски «крутъ»; его растворяютъ въ водѣ и ѣдятъ. Если въ дорогѣ киргизу путь лежитъ аулами, то онъ ничего не беретъ съ собою съѣстнаго, потому что киргизы имѣютъ обычай путешествующаго родича накормить и напоить безмездно.—Киргизы никогда долго не остаются на одномъ мѣстѣ; какъ только скотъ поѣстъ траву, они перекочевываютъ на другое мѣсто, отыскивая тучныя и привольныя пастбища. Зиму они проводятъ обыкновенно близъ Каспійскаго моря, къ западу, съ мелкимъ скотомъ; лошадей же пасутъ на степи, подъ надзоромъ стараго опытнаго киргиза. Случается, что во время бурана скотъ замерзнетъ, но это бѣда не большая: киргизецъ, у котораго это случилось, отправляется въ отдаленныя аулы, гдѣ бурана не было; здѣсь родичи дадутъ ему вдоволь скота, съ тѣмъ, что если и у нихъ случится такое же несчастіе, то онъ долженъ помочь имъ.—Киргизскія свадьбы совершаются такимъ образомъ: невѣсть засватываютъ въ маломъ возрастѣ, лѣтъ 10-ти; при этомъ отецъ жениха даетъ родителямъ невѣсты «калымъ», т. е. будущее приданое скотомъ; количество калыма зависитъ отъ богатства или состоянія дающаго. Когда придетъ время отдавать невѣсту жениху, то приданое возвращается, и съ приплодомъ; кромѣ того, отецъ невѣсты даетъ близкимъ родственникамъ своего зятя разные подарки. Въ известное время женихи на хорошихъ рѣзвыхъ лошадяхъ и невѣсты на иноходцахъ скачутъ по степи. Каждый изъ жениховъ старается догнать свою невѣсту и схватить ее за грудь. Впрочемъ, только та невѣста позволяетъ жениху брать себя за грудь, которая жениха любитъ; въ противномъ же случаѣ бьетъ его плетью.—Когда для женщины-киргизки наступаетъ время разрѣшиться отъ бремени, то всѣ ея домашніе принимаются отыскивать христіанскіе волосы. На вопросъ мой—для чего эти волосы?—миѣ отвѣчали, что ихъ должно сжигать во время родовъ, въ кибиткѣ роженницы, отъ чего облегчаются и ускоряются роды. Вскорѣ послѣ родовъ, мужъ рѣжетъ барановъ, созываетъ гостей и происходитъ пиршество.

1828—1831 гг.

Въ 1828-мъ году, скорѣ послѣ пасхи, я отправился, по обыкновенію, въ Уральскій край, на рѣку Узень, гдѣ съ моимъ прикащикомъ находились гурты барановъ. Здѣсь я получалъ извѣстіе, что отъ жестокой зимы погибло до 1,000 штукъ. Два табуна я отправилъ къ Уральску, приказавъ купить тамъ еще барановъ; а самъ вознамѣрился отправиться степями въ Астрахань съ красною юфтью, которой у меня было болѣе 100 пудовъ. Хотя меня и отговаривали ѣхать степною дорогою, гдѣ кочуютъ киргизы, калмыки, и трухменцы, но миѣ непремѣнно хотѣлось узнать эту дорогу. Я взялъ двѣ повозки, 7 лошадей и 5 верблюдовъ; при миѣ находились

два прикащика, два работника и одинъ киргизецъ—опытный по этой дорогѣ вожакъ. 17-го мая мы выѣхали. Дорога была жесткая. На третій день встрѣтили ужасные пески, называемые рынами, гдѣ кочевали киргизы. Этими мѣстами мы ѣхали нѣсколько дней, совершая не болѣе 15-ти верстъ въ день. Жара была нестерпимая; лошади уморились и не могли поспѣвать за верблюдами. Въ седьмой день нашего путешествія мы получили извѣстіе, что не вдалекѣ отъ насъ стоитъ лагеремъ бугеевскій ханъ и покупаетъ верблюдовъ по случаю войны съ турками. Изъ любопытства, я съ вожакомъ отправился туда. Ханъ сидѣлъ въ палаткѣ съ киргизскими старшинами и казачьимъ майоромъ; конвой его составляли 60 доускихъ казаковъ. Отдавъ хану надлежащее почтеніе, я объявилъ ему, кто я. Онъ нѣсколько времени разговаривалъ со мною по русски о нашей торговлѣ и предложилъ мнѣ купить у него барановъ. Распростившись съ ханомъ, пріѣхали къ своему каравану. На девятой день нашей ѣзды песку стало меньше, дорога становилась легче и удобнѣе, но трава повсюду совершенно засохла, воды нигдѣ не было. Ѣхали еще два дня, и вожакъ сказалъ намъ, что скоро будетъ колодезь. Мы съ усиліемъ и нетерпѣніемъ подвигались къ этому колодезю; однако воды въ немъ не оказалось. Съ досады, я началъ выговаривать жожаку, что онъ повелъ насъ такой скверной дорогой, гдѣ нѣтъ вовсе воды; вожакъ увѣрялъ, что въ прошломъ году здѣсь воды было достаточно, а нынѣ она отъ необыкновенной жары высохла. Нечего дѣлать: двинулись далѣе. Мы и лошади выбивались изъ силъ, да и верблюды изнурились. Наконецъ я послалъ жожака отыскивать воду, а сами медленно подвигались впередъ. Скоро, бывшія при насъ собаки, должно быть, почуяли воду и побѣжали; мы за ними. Спустя немного времени, мы дѣйствительно увидѣли воду. Но что это была за вода?—темно-бѣлаго цвѣта, густая, негодная къ употребленію не только для людей, но и для животныхъ. Я велѣлъ вскипятить эту воду къ чаю; но, устоявшись въ чаѣ, она превратилась въ тѣсто и чай нельзя было пить. Тогда я приказалъ налить воды въ котлы и насыпать туда соли; вода приняла обыкновенный цвѣтъ и хотя стала соленою, но годною для питья. Мы утолили жажду и отправились далѣе по назначенной жожакомъ дорогѣ. Отъѣхавши верстъ 10, мы встрѣтили нашего жожака, который объявилъ, что въ недалекомъ разстояніи находится колодезь съ хорошей водой. При нашей усталости и истощеніи лошадей, мы едва достигли до этого колодезя. Здѣсь мы отдохнули съ истиннымъ удовольствіемъ, давъ волю и скоту насытиться кормомъ и водою. Вода намъ показалась особенно вкусною и прекрасною, хотя на самомъ дѣлѣ она, быть можетъ, вовсе не была такою. При дальнѣйшемъ отсюда путешествіи, въ водѣ мы не нуждались; но у насъ истощались съѣстные припасы. Дорога стала твердая, жесткая и мы ѣхали скорѣе. Черезъ нѣсколько времени мы увидѣли калмыцкіе аулы. Я послалъ

вожака купить въ этихъ аулахъ муки и крупы; сами же расположились на удобномъ мѣстѣ отлѣхать. Это былъ 14-й день нашего странствованія. Солнце склонялось къ западу; наступилъ и вечеръ, а жогакъ не возвращался. Я подумалъ, что одно изъ двухъ: или калмыки взяли его въ плѣнъ, или же онъ измѣнилъ намъ и рѣшился предать насъ въ руки калмыковъ. Поэтому, на ночь я приказалъ рабочимъ взять ружья и пистолеты, и не спать. Около полуночи послышался топотъ лошадей и голосъ какихъ-то пѣсень. То были калмыки, которые скоро прискакали къ нашему табору. Я спросилъ по киргизски: «кто ѣдетъ?» Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «калмыкъ, толмачъ барна», т. е. калмыкъ, есть ли переводчикъ? Я сказалъ, что нѣтъ, и просилъ ихъ не подѣзжать къ нашему табору близко, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы будемъ стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ; если же что имъ нужно, то они могутъ переговорить съ нами завтра днемъ, а не ночью, когда ѣздить одни разбойники. Моя-ли угроза подѣйствовала, или что другое; только калмыки, поговоривъ о чемъ-то между собою, удалились, не причинивъ намъ никакого вреда. Спустя немного времени возвратился жогакъ. Я ему рассказалъ о случившемся; онъ замѣтилъ, что еслибы мы пустили калмыковъ въ таборъ, они непременно разграбили-бы насъ. Въ эту ночь спать мы не ложились. Жогакий увѣрялъ, что до Сентовской пристани осталось не болѣе 35-ти верстъ, что скоро калмыцкіе аулы кончатся и начнутся вочевья тухменцевъ или волжскихъ ногайцевъ. Это народъ смирный и безопасный. Дѣйствительно, версть черезъ 15, мы увидѣли ногайскіе аулы; они очень отличаются отъ киргизскихъ. Почти при каждомъ изъ нихъ стоятъ для перевозки небольшихъ тяжестей арбы, или телѣги на двухъ колесахъ. Убранство въ кибиткахъ мнѣ не понравилось. У молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ ноздряхъ повѣшены серьги. Оставивъ караванъ съ рабочими и жогакомъ, самъ я отправился впередъ; доѣхалъ до рѣки Бузана. Отсюда оставалось до Астрахани 60 верстъ водянаго пути. Плаваніе по рр. Бузану и Волгѣ на лодкѣ было непродолжительно и я прибылъ благополучно въ Астрахань. Черезъ два дня пришли сюда съ товаромъ и прикащики, которыхъ я оставилъ въ ногайскихъ степяхъ. Юфть я размѣнялъ на бухарскіе товары—бумажные и шелковые халаты и кумачи.

Изъ Астрахани я опять отправился въ Уральскъ, но не степной дорогой, а другой, гораздо лучшей и удобной. Отсюда поѣхалъ въ Оренбургъ. Здѣсь, однако, не пришлось мнѣ купить барановъ по случаю дороговизны цѣнъ. Такъ какъ наступило время Макарьевской ярмарки, то я черезъ Казань отправился въ Нижній-Новгородъ. Проживъ три дня и оставивъ въ лавкѣ съ пушнымъ товаромъ прикащика, самъ поѣхалъ домой.

Здѣсь я услышалъ отъ отца, что къ нему въ помощники по управленію свободой назначенъ помѣщикомъ дворовый человекъ Тарховъ. Это извѣ-

стіе было для меня крайне неприятно, потому что Тарховъ, по какой-то злобѣ къ отцу, а также въ видахъ, можетъ быть, занять его мѣсто бурмистра, старался всѣми мѣрами навредить отцу и всему нашему семейству. Въ настоящее время онъ распустилъ слухъ, что на моемъ отцѣ состоитъ большой начеть по управленію вотчиною и что, поэтому, нашъ скотъ и всѣ товары будутъ арестованы. Слухъ совершенно ложный; но онъ дошелъ до купцовъ, съ которыми мы имѣли торговыя дѣла, какъ правдоподобный. На Макарьевской ярмаркѣ, куда я вскорѣ пріѣхалъ изъ дому, купцы мнѣ въ долгъ не довѣрили, во вниманіе именно къ этому нелѣпому слуху. Мнѣ стоило большихъ хлопотъ и усилій, чтобы поддержать нашъ кредитъ. Хотя мнѣ и удалось этого достигнуть, но мы въ 1828-й годъ понесли убытку около 18,000 руб. асс.

Въ слѣдующемъ году Тарховъ продолжалъ свои коварныя проски противъ моего отца; нѣкоторыхъ изъ крестьянъ онъ подговаривалъ подавать управляющему Рагузину на отца разныя жалобы. Былъ у насъ родной племянникъ отца и его крестный сынъ Раевъ, котораго отецъ очень любилъ, чуть ли ни больше меня. По наущенію и подговорамъ Тархова, этотъ Раевъ подалъ прошеніе Рагузину о томъ, будто бы мой отецъ не выдалъ ему всѣхъ денегъ, оставшихся послѣ смерти его матери. Эта неприятность такъ подѣйствовала на отца, что онъ сдѣлался нездоровъ.—Торговля наша пошла плохо. Мы получили опять значительный убытокъ. Оброкъ съ насъ не умалили. За право торговли платили по прежнему 800 руб. асс. въ годъ. Я видѣлъ, что если и впредь такъ пойдетъ дѣло, то мы совершенно раззоримся. Надо было что нибудь придумать къ улучшенію своего положенія. Но что именно? Мы попробовали обратиться съ просьбой къ управляющему Рагузину, чтобы онъ исходатайствовалъ у помѣщика мнѣ свободу за 50,000 руб. асс., съ тѣмъ, что отецъ мой останется крѣпостнымъ. (Моей мачихи въ это время уже не было въ живыхъ). Но управляющій наотрѣзъ отказался даже докладывать объ этомъ господину. Тогда я задумалъ бѣжать изъ дому и болѣе не возвращаться къ отцу. Хотѣлось попытать счастья на чужой сторонѣ. Это было въ концѣ 1830-го года.

Не говоря ни отцу, ни женѣ о своемъ намѣреніи, я собрался въ дорогу. Взялъ съ собою 13,000 руб. денегъ. Отцу сказалъ, что ѣду въ Уральскъ купить сала и рыбы. Когда я разставался съ отцомъ, сердце мое сильно тосковало; на глаза навертывались слезы, какъ я ни старался удерживать ихъ. Прощаясь, отецъ твердилъ мнѣ: «пріѣзжай скорѣе». Жена проводила меня до Арамаса. При прощаньи, я взялъ у ней ея обручальное кольцо, а свое отдалъ ей. Мнѣ было грустно. Я поѣхалъ въ Уральскъ, а отсюда на Узень, чтобы устроить нѣкоторыя дѣла по торговлѣ. 10-го января 1831-го года я прибылъ въ Самару. Здѣсь встрѣтилъ одного изъ нашихъ прикащиковъ, отъ котораго узналъ, что отецъ мой очень боленъ и его ле-

чать докторъ. Это извѣстіе меня поразило. Разныя мысли кружились въ моей головѣ. «Если я не приѣду скоро домой,—думалъ я,—и обо мнѣ не будетъ никакого слуху, отецъ непремѣнно пошлетъ отыскивать меня въ Уральскъ; здѣсь меня не найдутъ, отцу скажутъ, что я пропалъ безъ вѣсти. Онъ—больной—не перенесетъ такого удара и умретъ; тогда я долженъ считаться его убійцей». При этой мысли сердце мое обливалось кровью. Жаль было моего добраго отца, не говоря объ оставленной женѣ и шестилѣтней дочери. Выѣхалъ я изъ Самары съ помянутымъ прикащикомъ. Въ дорогѣ я долго боролся съ своими мыслями и заливался горькими слезами. Я снова спрашивалъ прикащика: «въ какомъ положеніи остался отецъ?» Онъ твердилъ одно и то же, что отецъ очень слабъ. На третьей станціи находилась поворотъ дороги: одна была на Сызрань, а другая въ Симбирскъ. Тутъ я приказалъ ямщику остановиться. Сердце мое сильно билось; во мнѣ не было рѣшимости: ѣхать ли на право, по дорогѣ въ домъ родительскій, или на лѣво—почти не извѣстно куда?—Наконецъ, я сказалъ самому себѣ: «Твори Господи волю свою! Я не оставляю отца въ его тяжкой болѣзни. Богъ дастъ, онъ выздоровѣетъ, и тогда свершу задуманное мною дѣло». Я велѣлъ ямщику ѣхать на право по симбирской дорогѣ.

Дома я засталъ отца лежащимъ въ постели. У него была волынка. Онъ сердечно обрадовался моему приѣзду. Въ первые дни послѣ этого болѣзни стала легче; отецъ началъ поправляться. Но тутъ неожиданно приѣхалъ къ намъ управляющій Рагузинъ, по поводу новыхъ жалобъ на отца, которыя были поданы нѣкоторыми крестьянами, по наущенію Тархова. Это сильно подѣйствовало на отца: съ нимъ приключилась горячка, а черезъ 9 дней моего незабвеннаго родителя не стало.

Я не буду описывать горести, обуявшей мое сердце. У меня была одна только мысль, что болѣе нѣтъ моего дорогаго отца—руководителя и совѣтника въ моей жизни. Теперь живи, какъ знаешь; поступай, какъ умѣешь. Въ то же время я предчувствовалъ, что враги покойнаго отца, во главѣ съ Тарховымъ, не оставятъ меня въ покоѣ и будутъ вредить мнѣ. Предчувствіе не обмануло меня.

Отдавая послѣдній долгъ покойному, я устроилъ пышныя и богатые похороны: пригласилъ архимандрита арзамасскаго Спасскаго монастыря, настоятеля Высокогорской пустыни Антонія ¹⁾ и 16 священниковъ съ причтами. Народу собралось множество. Во время литургіи и панихиды пѣли пѣвчіе; священники говорили проповѣди и надгробныя рѣчи. На обѣдѣ, послѣ погребенія, присутствовало болѣе 100 человекъ родственниковъ и друзей покойнаго. На могилѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ, подъ балда-

¹⁾ Нынѣ намѣстникъ Московской Сергіевской лавры.

хиномъ съ крестомъ, вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ. Нѣкоторымъ бѣднымъ должникамъ я простилъ ихъ долги; роздалъ нищимъ и убогимъ болѣе 100 руб.; выкупилъ на волю двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Потомъ я отправился къ управляющему Рагузину и донесъ, что за покойнымъ отцомъ не осталось никакого начета по управленію имъ вотчиной въ должности бурмистра. Вскорѣ Тарховъ назначенъ былъ преемникомъ моего отца.

Еще за нѣсколько дней до смерти родителя я, въ видахъ предосторожности, отдалъ арзамасскому купцу Подсосову 15,000 рублей подъ векселя, а движимое имущество, наиболѣе цѣнное, отправилъ въ 14-ти сундукахъ, къ своимъ родственникамъ—дядѣ Феоктистову и Потѣхину. Теперь я разсудилъ не торговать болѣе скотомъ и саломъ. Поэтому 13 котловъ изъ своей салотопни я продалъ помянутому купцу Подсосову на заводъ и велѣлъ своему прикащику туда ихъ перевезти. Это было 1-го марта. Въ тотъ же день я пріѣхалъ къ Подсосову. Черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ прикащикъ и разсказалъ, что когда онъ съ рабочими повезъ котлы, то на дорогѣ нѣсколько человекъ крестьянъ, по распоряженію Тархова, ихъ остановили и возвратили ко мнѣ въ домъ. Я не мало этому подивился. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ сельскій староста, пріятель мнѣ и кумь, Павелъевъ, съ требованіемъ, чтобы я сейчасъ же явился въ контору къ Тархову. Контора помѣщалась у меня въ домѣ, занимая одну изъ угловыхъ комнатъ. Я пріѣхалъ домой, но въ контору не пошелъ, хотя присылали за мной неоднократно.

Въ вечеру этого дня послѣдовало такое распоряженіе: прикащиковъ и рабочихъ согнали со двора моего вонъ; дверь у одного крыльца заперли замкомъ, а къ другому крыльцу приставили караулъ, такъ что я не могъ выдти. На ночь около дома находились тоже караульщики. На другой день Тарховъ потребовалъ отъ меня паспортъ; я отдалъ. Родственниковъ и знакомыхъ ко мнѣ не допускали. Прошло недѣли двѣ. О такомъ несправедливомъ заключеніи меня я писалъ помѣщику и управляющему Рагузину; но никакого отвѣта или распоряженія отъ нихъ не послѣдовало. Наступилъ 40-й день послѣ смерти отца; я хотѣлъ помолиться на его могилѣ. Но мнѣ не позволили исполнить и это. Въ грусти и уныніи проходили для меня дни и ночи.

Ровно черезъ мѣсяць, именно 29-го марта, утромъ, я увидѣлъ въ окно, что караулъ у моего дома нѣтъ. Это было для меня непонятно. Но скоро все объяснилось. Въ комнату вошелъ сельскій староста Павелъевъ, отдалъ мнѣ паспортъ и письмо отъ управляющаго Рагузина на мое имя. Рагузинъ писалъ: «Слободское начальство зашло за вами какое-то сумнѣніе, по которому сдѣлали надъ вами арестъ. Я предписалъ Тархову снять оный и куда вамъ угодно отлучаться. Распоряжайтесь своею торговлею, какъ и прежде». Я сейчасъ же пошелъ осмотрѣть дворъ, кладовыя, амбары; вездѣ

замки были сбиты и много товару расхищено. Написалъ объ этомъ объявление и послалъ его въ Земскій Судъ, а самъ отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ Рагузинымъ и помѣщикомъ.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, я остановился въ господскомъ собственномъ домѣ; здѣсь жилъ и Рагузинъ. Онъ принялъ меня ласково; сожалѣлъ о моемъ отцѣ и о случившемся со мною происшествіи; обѣщался разыскать съ виновныхъ причиненныя мнѣ убытки и возстановить мой вредъ. Я плохо вѣрилъ въ обѣщанія Рагузина; но приходилось ждать и надѣяться. Притомъ же, еще разъ я рѣшился попробовать откупиться у помѣщика на волю. Какъ-то за чаемъ, я началъ говорить объ этомъ Рагузину, указывая на то, что если теперь господинъ не сдѣлаетъ меня свободнымъ, то жить въ Выѣздной мнѣ будетъ невозможно. За свое освобожденіе я предложилъ 25,000 руб. асс. Рагузинъ съ недовольнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что надобно повременить докладывать объ этомъ помѣщику; потомъ прибавилъ, что я, по прежнему, прекрасно могу жить въ нашей слободѣ и, можетъ быть, буду на отцовскомъ мѣстѣ бурмистромъ. Я рѣшительно возразилъ Рагузину, что отъ должности бурмистра навсегда отказываюсь: чрезъ то и отецъ мой умеръ, не получивъ отъ господина за свою службу никакой милости. Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился. Идти къ помѣщику для личнаго объясненія по моему дѣлу я не посмѣлъ, такъ какъ это было совершенно противъ желаній Рагузина. Въ Петербургѣ я пробылъ дней пять. Ходилъ въ Казанскій соборъ, Александроневскій монастырь и въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонился всѣмъ въ Божѣ почившимъ императорамъ и императрицамъ. Я уже собирался ѣхать обратно на родину, какъ прошелъ слухъ, что 15-го мая долженъ быть на Царицыномъ лугу смотръ войскамъ, на которомъ будутъ присутствовать Государь Императоръ, Наслѣдникъ и только что прїѣхавшій изъ Тифлиса графъ Паскевичъ-Эриванскій. Я дождался 15-го мая и утромъ отправился къ павловскимъ казармамъ. Войска на плацу было множество, а народу смотрѣть собралось еще большѣ. Около полудня прїѣхалъ Государь съ Паскевичемъ верхами и начался смотръ. Наслѣдникъ въ парадной гусарской формѣ командовалъ взводомъ. По окончаніи смотра народъ побѣжалъ на плацъ, гдѣ находился Государь съ Наслѣдникомъ и Паскевичемъ. Мнѣ удалось попасть впередъ толпы и довольно насмотрѣться какъ на Государя съ Паскевичемъ, такъ и на Наслѣдника. У Государя взоръ былъ строгій, повелительный. Мнѣ показалось, что видѣвшій разъ эти взоры не могъ забыть ихъ во всю свою жизнь. На Наслѣдника я долго и пристально смотрѣлъ, и не могъ вдоволь насмотрѣться. Какъ сейчасъ вижу: премилый—бѣленькій, круглолицый, румяный, какъ наливное красное яблочко; улыбка добрая и невыразимо пріятная, на лицѣ выражалось что-то важное, царственное. Предчувствіе у меня тогда было, что этотъ царь будетъ великій и покровитель всѣмъ угнетеннымъ.— На другой день я отправился домой.

Въ это время мои торговля дѣла шли плохо; но прекратить торговлю мнѣ было нельзя. Поэтому, пріѣхавъ изъ Петербурга домой, я отправилъ оставшійся у меня пушной товаръ на Коренную ярмарку (Бурской губ.) съ прикащикомъ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней и самъ уѣхалъ туда же, какъ будто для продажи этого товара. На самомъ же дѣлѣ цѣль моего отъѣзда была та, чтобы розыскать шурина моего Степана Ланина. Этотъ Ланинъ, лѣтъ пять тому назадъ, бѣжалъ изъ дому въ Бессарабію; потомъ находился въ Валахіи, состоялъ во время похода русской арміи марилтантомъ. Шурина мнѣ надо было отыскать потому, что онъ своими указаніями и содѣйствіемъ могъ помочь мнѣ въ осуществленіи моего намѣренія—скрыться изъ дому, такъ какъ это дѣло ему было хорошо извѣстно по опыту. Гдѣ находился мой шуринъ, я не зналъ; но мнѣ былъ извѣстенъ адресъ одного купца въ Одессѣ, черезъ котораго Ланинъ получалъ письма отъ родныхъ и знакомыхъ. Такъ какъ, по случаю холеры, торговля на Коренной ярмаркѣ была очень плохая, то я съ товаромъ и прикащикомъ поѣхалъ на Ильинскую ярмарку въ Ромны (Полтавской губ.). Здѣсь продалъ товару тысячу на 8; оставшійся товаръ препроводилъ съ прикащикомъ въ Харьковъ на Успенскую ярмарку. Самъ я отправился въ Одессу, гдѣ чрезъ извѣстнаго купца скоро отыскалъ моего шурина Ланина: онъ недавно прибылъ сюда съ виномъ изъ Константинополя и торговалъ въ погребѣ на Рыбномъ базарѣ. Я объяснилъ шурина свои обстоятельства и просилъ его помочь мнѣ бѣжать изъ дому. Онъ согласился съ радостію. Тогда я далъ ему 2,000 руб. асс. на расходы; онъ обѣщался приписать меня съ женою въ Кишиневъ, или гдѣ окажется болѣе удобнымъ, и начпорты лично мнѣ доставить въ Харьковъ на Крещенскую ярмарку слѣдующаго 1832 года. Разумѣется, все это должно было оставаться въ секретѣ.

Изъ Одессы я поѣхалъ въ Харьковъ, а отсюда домой, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца. Свое продолжительное отсутствіе я объяснялъ роднымъ и знакомымъ тѣмъ, что по дорогѣ изъ Ромень, въ Полтавѣ, заболѣлъ холерою и долго лечился.—На другой день послѣ моего пріѣзда ко мнѣ пришли за оброкомъ на послѣднюю треть года и требовали 1150 руб. асс. Тогда я послалъ къ управляющему Рагузину слезное письмо, въ коемъ просилъ его сбавить съ меня хотя сколько нибудь оброка, по той именно причинѣ, что въ настоящей годъ я понесъ большіе убытки и разореніе. На это письмо мною полученъ былъ отъ Рагузина отвѣтъ, чтобы требуемый оброкъ я заплатилъ безпрекословно; а когда онъ самъ пріѣдетъ въ слободу, то дѣло разбереть и оброкъ сбавить. Нечего дѣлать, отдалъ оброкъ. Послѣ этого, чего я могъ ожидать отъ Рагузина по тѣмъ обѣщаніямъ, которыя онъ далъ мнѣ въ Петербургѣ относительно взыскаія убытковъ съ виновниковъ моего ареста и разоренія и относительно возстановленія моего кредита? Разумѣется, ничего. Мало того. Стороною, до меня началъ доходить

слухи, будто бы все мое имѣніе скоро будетъ арестовано, а меня самого если не отдадутъ въ солдаты, то навѣрное сошлютъ въ дальнюю вотчину. Быть можетъ, эти слухи были преувеличены, не вѣрны. Но, вѣдь, кто знаетъ? Все можетъ случиться съ крѣпостнымъ рабомъ. Такъ мнѣ въ то время думалось.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ я началъ приготовляться къ побѣгу и сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Рѣшено было ѣхать мнѣ съ женой; семилѣтнюю же дочь нашу оставить до поры, до времени на попеченіи ея бабушки Ланиной. Наступилъ новый 1832-й годъ. Не радостно привелось мнѣ встрѣтить его....

1832—1835 гг.

1-го января, ночью, выѣхалъ я съ женою на почтовыхъ въ Харьковъ. Здѣсь встрѣтился съ шуриномъ моимъ Ланинымъ, который привезъ мнѣ и женѣ годовые пачпорты подъ именемъ кишиневскихъ жителей Григорья и Елизаветы Бисловыхъ. Отсюда втроемъ отправились въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ. Тутъ съ шуриномъ мы условились, что онъ немедленно поѣдетъ въ Кишиневъ, выхлопочетъ тамъ мнѣ съ женой заграничные пачпорты и отправитъ ихъ въ мѣстечко Бричани Бессарабской области, гдѣ мы должны уже быть и дожидаться. Сказано—сдѣлано. Шуринъ уѣхалъ. На другой день я подрядилъ одного жида везти насъ до мѣстечка Бричани. Санная дорога уже рушилась, а на колесахъ ѣхать было еще нельзя; словомъ, стояла распутица,—такъ, что мы съ трудомъ добрались до Бричани. Въ этомъ мѣстечкѣ не оказалось ни одного русскаго, все евреи. Нечего дѣлать: наняли квартиру у еврея. Комната оказалась весьма неприглядною, съ какими-то особеннымъ тяжелымъ запахомъ. Жена моя не видала такихъ сиверныхъ покоевъ; ей и было противно. Прожили мы тутъ болѣе недѣль. Скука была переносная. Наступила масляница. Жена какими-то манеромъ ухитрилась печь блины—и это составляло для насъ большое удовольствіе. Въ субботу на масляницѣ полученъ былъ отъ шурина заграничный пачпортъ и на другой день мы отправились на молдавскую границу. По переѣздѣ границы, ночевали у одного молдавана. Потомъ наняли у него двѣ повозки, уложили на нихъ свое имущество и двинулись въ путь по невѣдомой для насъ странѣ въ главный городъ ея—Яссы. Ъхали то горами, то долинами, останавливаясь въ корчмахъ, гдѣ ничего нельзя было найти, кромѣ вина и водки. Молдованскаго языка я не зналъ, да и въ деньгахъ не понималъ счету; денегъ тогда находилось при мнѣ около 14,000 рублей. Впрочемъ, кое-какъ я изворачивался и понемногу привыкалъ. Наконецъ, мы прибыли въ первый молдавскій городъ—Баташаны; остановились на постояломъ дворѣ въ жидовской корчмѣ. Изъ повозокъ мы перенесли свое имущество въ большую комнату и сложили въ углу. Въ этой комнатѣ находилось множество жи-

довъ и молдаванъ полуыянныхъ; тутъ же продавали водку и вино. Я оставилъ жену при иибѣнцѣ, а самъ пошелъ на базаръ. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ торговали чисто русскіе мужички, съ бородами. Я обрадовался; вступилъ съ ними въ разговоры. Оказалось, что они—закоренѣлые старообрядцы, давнишніе молдавскіе подданные: отцы и дѣды ихъ пришли сюда изъ Россіи еще во времена Петра I-го. По ихъ словамъ, въ Молдавіи много русскихъ; живутъ своими селеніями, занимаются хлѣбонашествомъ и садоводствомъ, особенно же торговлею. Жить имъ очень привольно, податей платятъ мало; въ рекруты ихъ не берутъ. Старообрядцы, въ свою очередь, распрашивали меня про Россію. Я имъ рассказывалъ, что для свободныхъ у насъ житье хорошее; но господскимъ крестьянамъ жить очень худо: бѣдность, барщина да оброки совсѣмъ ихъ измучили. Старообрядцы объ этомъ ни мало жалѣли.

Въ Баташангахъ мы пробывали менѣе сутокъ. Отсюда я нанялъ большой фургоны на четверкѣ лошадей до Яссы, куда пріѣхали 1-го марта. Остановились на постояломъ дворѣ, въ отдѣльной отъ другихъ комнатѣ. Нашъ хозяинъ умѣлъ говорить нѣсколько порусски. Это мнѣ пригодилось. Я послалъ о своемъ мѣстопребываніи письма въ Москву, Кишиневъ—къ шурина и въ Арзамасъ къ родственникамъ. Потомъ объявилъ свой пачпортъ русскому консулу.

Яссы—городъ обширный и многолюдный, улицы кривыя, узкія и грязныя. Окруженъ фруктовыми и виноградными садами. Въ городѣ много церквей; есть митрополія, въ которой живетъ митрополитъ. Въ церкви Іоанна Предтечи почиваютъ мощи св. Парасковіи. Старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Россіи, здѣсь было довольно. Жили и скопцы. Молдаване употребляли больше хлѣбъ, подъ названіемъ мамалыга ¹⁾. Чай, сахаръ, хлѣбъ, особенно фрукты и вино были дешевы. Напримѣръ, фунтъ обыкновеннаго чаю стоилъ 50 коп., а цвѣточный рубль сереб. Достоинствомъ этотъ чай хуже кяхтинскаго; жида въ большомъ количествѣ тайно провозили его въ Россію.

Передъ Пасхою, я получилъ отъ одного арзамасскаго родственника письмо, съ извѣстіемъ, что гонитель мой—бурмистръ Тарховъ—наконецъ понялъ, что я бѣжалъ, о чемъ и подано объявленіе; мой домъ со всѣмъ находящимся въ немъ описали. Моему тестю и тещѣ начали дѣлать относительно меня строгіе допросы, съ разными угрозами, и при домѣ ихъ поставили караулъ, чтобы я не увезъ какъ нибудь своей дочери. Это извѣстіе сердечно насъ печалило. Наступила Пасха. Въ Свѣтлое Воскрѣсеніе ходили къ заутренѣ въ русскую церковь, а къ обѣднѣ—въ митрополію, гдѣ еван-

¹⁾ Это хлѣбъ, приготовляемый изъ кукурузы; на вкусъ довольно непріятный.

геліе читали на 12-ти языкахъ. Скучно и грустно проводили мы этотъ великій праздникъ. Молдаване находились болѣе въ корчмахъ, пили вино, плясали, а цыгане играли на какихъ-то инструментахъ: музыка выходила странная. При корчмахъ были качели, гдѣ жида продавали разные фрукты. Но все это не веселило насъ. Къ довершенію горя, я получилъ изъ Арзамаса извѣстіе, что слободское начальство послало троихъ крестьянъ насъ розыскивать. Тогда мы отправились въ городъ Галацъ, стоящій на берегу р. Дуная, гдѣ находится пристань морскихъ судовъ, приходящихъ изъ Греціи и Турціи. Здѣсь мы встрѣтились съ шуриномъ Ланинымъ, который задумалъ ѣхать въ Константинополь для покупки товаровъ. Я хотѣлъ послѣдовать его примѣру; но моя жена боялась морскаго плаванія, а оставить ее было не съ кѣмъ. Поэтому мнѣ не пришлось ѣхать. Тогда мы условились съ шуриномъ такимъ образомъ: я далъ ему собственныхъ денегъ 6,000 рублей, подъ росписку, (которую не нашли нужнымъ засвидѣтельствовать у русскаго консула), и онъ купленный въ Константинополь товаръ пришлетъ въ Одессу; а я отправлюсь въ Ромны на ярмарку, чтобы получить, по довѣренности отъ шурина, съ нѣкоторыхъ купцовъ деньги около 4,000 руб. При этомъ я надѣялся развѣдать: дѣйствительно ли посланы изъ Выѣздной слободы за мной сыщики, и буде посланы, то кто именно? Послѣ этого, мы возвратились съ женой въ Яссы. Здѣсь я оставилъ жену у одного знакомаго скопца—Дубровина; купилъ 6 фунтовъ розоваго масла, по 100 руб. за фунтъ, надѣясь выгодно продать его въ Россіи, и отправился черезъ австрійскую границу въ городъ Черновицъ. Я думалъ провезти масло тайно, не платя никакихъ пошлинъ; но это мнѣ не удалось. Масло мое таможенные чиновники открыли, арестовали, и вмѣстѣ со мною препроводили въ Черновицъ. Я смекнулъ, что дѣло можетъ быть худо, и потому, черезъ переводчика Ламиковскаго, показалъ комиссару всю правду. Масло свѣсили, выдали мнѣ въ принятіи его росписку и отпустили меня съ миромъ. Такъ какъ Ламиковскій увѣрилъ меня, что масло будетъ мнѣ возвращено, только не скоро, то я выдалъ ему довѣренность хлопотать по этому дѣлу, а самъ поѣхалъ черезъ Каменецъ-Подольскъ въ Ромны. Здѣсь денегъ, по довѣренности шурина, получать мнѣ не пришлось; но я узналъ достовѣрно, что меня розыскиваютъ. За поимку меня Тарховъ обѣщалъ 1000 рублей. Я сталъ остороженъ; перемѣнилъ свой костюмъ, бороду сбрилъ, волосы остригъ понѣмецки, выходилъ только по вечерамъ. Но все-таки долго оставаться здѣсь мнѣ было не безопасно; поэтому, сдѣлавъ кое-какія распоряженія, я посѣлилъ въ Яссы.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ изъ Константинополя отъ шурина письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ купилъ бакалейнаго товару на 7,000 руб. и отправилъ его въ Одессу на имя одного тамошняго купца. Почти въ то же время дошло до меня извѣстіе отъ арзамасскаго родствен-

ника Потѣхина, что на оставшіяся у него мои деньги, около 5,000 руб., онъ купилъ 100 пудовъ юфти и препроводилъ ее въ Одессу къ извѣстному мнѣ купцу. Кромѣ того, Потѣхинъ увѣдомлялъ меня, что Тарховъ послалъ крестьянина нашей слободы Павельева меня розыскивать, уполномочивъ его особой довѣренностью, въ которой было сказано, что я ушелъ съ большимъ имуществомъ и деньгами; но чья эти деньги и имущество—помѣщичьи, или мои собственные,—того въ довѣренности не значилось. Получивши такія извѣстія, я началъ думать о моей поѣздкѣ въ Одессу, такъ какъ присутствіе мое тамъ было необходимо. Однако эту поѣздку пришлось мнѣ на время отложить. — Былъ у меня знакомый, прежде меня бѣжавшій изъ нашей слободы, крестьянинъ Кожевниковъ; онъ также скрывался, какъ и я. Время-отъ-времени мы съ нимъ видѣлись, вели между собою секретную переписку по своимъ дѣламъ; за услуги и хлопоты я платилъ Кожевникову хорошо. Въ то время онъ находился въ Одессѣ. Вотъ, отъ этого-то Кожевникова я и получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что крестьянинъ Павельевъ пріѣхалъ въ Одессу съ цѣлю непременно розыскать меня, или его самого. Я немедленно извѣстилъ Кожевникова, чтобы онъ пріѣхалъ въ пограничное мѣстечко Скуляны для личнаго со мною объясненія. Тутъ мы условились, что Кожевниковъ будетъ, въ свою очередь, слѣдить за Павельевымъ; потомъ наблюдать за моимъ товаромъ, присланнымъ изъ Арзамаса, а также и относительно дѣла моего шурина,—я обо всемъ увѣдомлять меня безъ замедленія. Я далъ Кожевникову 25 червонцевъ и онъ уѣхалъ въ Одессу.

Скоро я началъ получать отъ Кожевникова извѣстія, одно за другимъ, но не радостныя, а грустныя и печальныя. Такъ, я узналъ, что прикащикъ, съ которымъ прислана была моя юфта изъ Арзамаса, тайно продалъ ее и съ деньгами скрывается не извѣстно куда.—Въ одесскомъ городскомъ правленіи было получено изъ русскаго консульства въ Константинополь свѣдѣніе, что шуринъ мой Ланинъ померъ отъ свирѣпствовавшей тамъ чумы; а такъ какъ въ бумагахъ покойнаго не найдено никакого распоряженія объ оставшемся послѣ него имуществѣ, то положено его продать и деньги отдать въ Приказъ общественного призрѣнія. Это извѣстіе меня очень опечалило, потому что главная моя надежда была на шурина. Я не зналъ, что дѣлать. Думалъ немедленно отправиться въ Константинополь самъ; но многія причины тому воспрепятствовали: и дальность пути, и дороговизна, и тамошняя чума. Къ тому же жена моя ходила послѣднее время беремености. Словомъ, ѣхать въ Царь-градъ мнѣ оказалось невозможно. Наскоро выхлопоталъ я на имя извѣстнаго мнѣ одесскаго купца довѣренность, послалъ ее, вмѣстѣ съ роспискою покойнаго шурина на 6,000 руб., въ Одессу къ этому купцу и просилъ его хлопотать о полученіи денегъ. Затѣмъ, все дѣло это предоставилъ волѣ Божіей.

Тяжело у меня было на душѣ.... 19-го января 1833 г. у меня родился сынъ, котораго назвали Николаемъ. Этому я очень обрадовался, но радость моя омрачилась печальными думами. Не задолго передъ этимъ, мой арзамасскій родственникъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, по приказанію слободскаго начальства, нашу дочь взяли отъ ея бабушки и отправили въ ту вотчину, гдѣ проживалъ управляющій Рагузинъ. Какая цѣль имѣлась въ виду при такомъ распоряженіи—мнѣ было не извѣстно; но я живо представлялъ невеселую жизнь дочери и ничего не могъ сдѣлать къ облегченію ея участи. И новорожденного сына моего чтó ожидало въ будущемъ? Правда, я надѣялся устроить какъ нибудь жизнь свою къ лучшему; но вѣкъ же я буду находиться въ гоненіи и преслѣдованіи отъ моихъ недруговъ. Но когда настанетъ это дорогое времячко?....

На масляницѣ я получилъ изъ Одессы отъ Кожевникова извѣстіе, что сыщика моего Павельева тамъ нѣтъ и, вѣроятно, онъ отправился въ Блшиневъ. Полагая, какъ бы не пожаловалъ этотъ неприятный гость ко мнѣ въ Яссы, я переговорилъ объ этомъ съ своимъ хозяиномъ Дубровинимъ, далъ ему 2,000 рублей денегъ и просилъ его, буде окажется нужнымъ, оградить меня отъ поисковъ Павельева. Тотъ согласился. Прошло нѣсколько дней. Однажды Дубровинъ прибѣжалъ ко мнѣ въ комнату, встревоженный, и сказалъ, что онъ видѣлъ Павельева съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему мушкетеромъ и консульскимъ служителемъ; они идутъ, вѣроятно, сюда. Надо было куда нибудь скрыться. Тотчасъ же снарядили жену, съ ребенкомъ, посадили ее на дрожки и приказали ѣхать къ одному нашему знакомому скопцу. Затѣмъ, мы условились съ Дубровинимъ, чтобы онъ говорилъ Павельеву, что я уѣхалъ въ Константинополь, а имущество заложилъ у него за 4,000 рублей. Я заперъ комнату, отдалъ ключъ Дубровину, а самъ спрятался въ сарай на сѣно. Спустя не много, пришелъ на дворъ Павельевъ съ нѣсколькими лицами. Дубровинъ къ нимъ вышелъ навстрѣчу. (Я наблюдалъ чрезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ сарая).

— Гдѣ Кисловъ ¹⁾ и его квартира?—спросилъ Павельевъ Дубровина.

— Онъ уѣхалъ въ Царь-градъ, отвѣчалъ Дубровинъ; а квартира его здѣсь. Ключъ отъ комнаты у меня. Имущество свое онъ оставилъ у меня въ залогъ за 4,000 рублей.

— Я сегодня самъ видѣлъ Кислова,—говорилъ Павельевъ; онъ долженъ быть здѣсь.

— Если ты видѣлъ его,—сказалъ Дубровинъ, то почему же не взялъ его и не представилъ въ консульство?

¹⁾ Въ это время я жилъ подъ фамиліей Кислова.

— А гдѣ жена Бислова?

— Я почему знаю. Спроси у мужа.

Тутъ кто-то сказалъ Павельеву, что жену мою отвезли къ одному скопцу. Пошли искать жену, но ее, разумеется, не нашли.—Богда Павельевъ ушелъ, я выйдя изъ сарая и на своей квартирѣ не остался, а отправился къ знакомому скопцу Александровскому.—Скоро многіе изъ скопцовъ узнали объ этой нашей исторіи, приняли въ насъ участіе и всячески старались скрыть меня и жену съ ребенкомъ отъ Павельева. Такъ, у скопцовъ, у того или другаго, мы и скрывались нѣсколько времени. Но потомъ это оказалось неудобнымъ по той причинѣ, что у скопцовъ въ домахъ дѣтей нѣтъ; а у насъ былъ ребенокъ. Тогда мы рѣшились оставить Яссы. При помощи и содѣйствіи знакомыхъ скопцовъ мы скоро собрались въ дорогу: они выхлопотали у прусскаго консула паспортъ на имя прусскаго подданнаго Петра Югана съ женою Александрою и сыномъ Николаемъ, т. е. теперь я сталъ уже прусскимъ подданнымъ; купили для насъ фургоны и пару лошадей; снабдили провизіей и дали рекомендательное письмо къ игумену пунгарацкаго монастыря Константину; въ провозытые нанять былъ молдаванъ, верхомъ. 2-го марта мы распростались съ гостепріимными скопцами и отправились въ путь.

Ѣхали мы на городъ Тыргофармосъ; отсюда отѣхали еще верстъ 50 и ночевали въ молдаванской деревушкѣ. Утромъ, мы увидѣли Карпатскія горы, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ, а ниже клубились облака. Видъ былъ величественный и прекрасный; мы любовались довольно. Потомъ, проѣхали черезъ городъ Кятръ, и за него верстъ 20; дорога пошла въ гору; мы подвигались впередъ медленно. Наконецъ, увидѣли церковь и вокругъ ея разбросанные молдаванскіе небольшіе домики. Это — монастырь Пунгарацы.

Игумень монастыря, о. Константинъ, принялъ меня ласково. Я ему по молдавански объяснилъ, что со мною жена и малое дитя, что мы пріѣхали сюда говѣть и что, поэтому, намъ нужно гдѣ нибудь помѣститься. О. Константинъ приказалъ приготовить для насъ особую келью, или комнату, и мы стали жить.—Черезъ недѣлю я съ женою началъ говѣть; исповѣдался и приобщился св. таинъ. Странно: просфоры были изъ черной муки, должно быть потому, что бѣлой муки здѣсь вовсе нѣтъ, или трудно ее достать. Наступила Пасха. Въ первый день, послѣ обѣдни, въ 10 часовъ утра о. Константинъ прислалъ къ намъ монаха просить насъ на обѣдъ. Мы пошли. Обѣдъ былъ скромный, съ мясомъ; приготовленъ хорошо и со вкусомъ. Въ Молдавіи не такъ, какъ у насъ: монахи ѣдятъ скромное и мясо, разумеется, кромѣ постовъ. Праздникъ проводили довольно скучно. Впрочемъ скуку разгоняли тѣмъ, что выходили изъ монастыря на прогулки по окрестностямъ. Тогда была тамъ уже настоящая весна, съ яснымъ солнышкомъ,

теплымъ, пріятнымъ воздухомъ; цвѣты расцвѣли, деревья покрылись зеленью. Видъ окрестностей монастыря былъ прелестный; особенно мы любовались Карпатскими горами, которыя на необъятномъ пространствѣ высились къ небесамъ. Въ этихъ горахъ находится много камней, употребляемыхъ на мельницахъ. Иногда прогуливались и вмѣстѣ съ о. Константиномъ; онъ любилъ ходить на рѣку Быстрицу, которая протекаетъ въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря; она впадаетъ въ Дунай. Вода въ этой рѣчкѣ такъ быстра, что вполнѣ оправдываетъ данное ей названіе. На берегу рѣки живетъ постоянно рыболовъ, который собственно для монастыря и ловить рыбу, называемую здѣсь ласташъ. Эта рыба видомъ похожа на нашу лососину; но вкусъ имѣетъ другой, особенный. Если ласташъ попадался крупный, напримѣръ, болѣе аршина, то о. Константинъ посылалъ его въ Яссы митрополиту.

На фоминой недѣлѣ встрѣтилась надобность о. Константину съѣздить въ Яссы. Я воспользовался этимъ случаемъ и извѣстилъ скопца Дубровина съ товарищами, чтобы сообщили мнѣ о Павельевѣ и выхлопотали другой паспортъ для проѣзда въ Россію черезъ австрійскія владѣнія. Спустя нѣсколько дней, о. Константинъ возвратился изъ Яссъ; привезъ мнѣ денегъ 330 червонцевъ (съ небольшимъ 4,000 рублей) и письма съ паспортомъ на проѣздъ Николаю Николаеву черезъ австрійскую границу въ предѣлы Россіи. Деньги 4,000 руб. были присланы на имя Дубровина однимъ моимъ пріятелемъ изъ Москвы, для передачи мнѣ; онѣ получены отъ купца Подсосова, у котораго я оставилъ передъ бѣгствомъ изъ дому 15,000 рублей. Дубровинъ писалъ, что Павельева въ Яссахъ нѣтъ; ему кто-то сказалъ, будто я захожусь въ Бухарестъ, и онъ уѣхалъ туда. Это извѣстіе для меня было какъ нельзя болѣе кстати. Немедленно мы собрались въ путь; 1-го мая распростились съ монастыремъ Пунгарацы и съ его добрымъ игуменомъ о. Константиномъ.

Переѣхавъ благополучно австрійскую границу, мы остановились въ городѣ Сычавѣ и прожили здѣсь около мѣсяца. Городъ не большой, но красивый и пріятный. Въ одной молдаванской церкви покоятся нетлѣбныя мощи Іоанна Сычавскаго. Недалеко отъ этого города находится извѣстное у нашихъ раскольниковъ селеніе Бѣлая Криница (по молдавански Фонтыцъ-альба); тутъ живетъ старообрядческій митрополитъ, съ разрѣшенія австрійскаго правительства. Житье здѣсь раскольникамъ было привольное, льготное. — Изъ Сычавы мы поѣхали черезъ городъ Сереть въ Черновицъ. Этотъ послѣдній городъ мнѣ былъ извѣстенъ по случаю моего пребыванія въ немъ въ прошломъ году. Здѣсь я узналъ отъ переводчика Ламниковскаго, что дѣло о моемъ арестованномъ розовомъ маслѣ, будто бы, поступило въ высшую инстанцію и скоро рѣшится въ мою пользу. Я былъ радъ и этому.

Изъ Черновиць мы поѣхали Бессарабію въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ и черезъ Балту въ Одессу. Здѣсь я узналъ, что оставшіяся послѣ шурина моего Ланяна товары проданы; деньги 7,100 руб. асс. положены въ Приказъ и получить ихъ можно только по истеченіи годичнаго срока публикаціи о вызовѣ кредиторовъ и наслѣдниковъ. Денегъ у меня оставалось мало, а получение ихъ въ скоромъ времени не предвидѣлось. Тутъ я вспомнилъ, что бѣжавшій изъ нашей Выѣздной слободы, лѣтъ 30 тому назадъ, крестьянинъ, дѣдушка жены моей, Марковъ, живетъ нынѣ въ Симферополѣ. Недолго думая, мы отправились туда. Ѣхали черезъ Николаевъ въ Херсонъ. Этотъ послѣдній городъ, по своему красивому виду и мѣстоположенію, мнѣ очень понравился; впоследствии, много лѣтъ спустя, онъ сдѣлался какъ бы второю моею родиною. Изъ Херсона отправились въ Бреславль, а отсюда въ Перекопъ и Симферополь. Здѣсь я скоро розыскалъ дѣдушку Маркова. Онъ былъ очень радъ нашему приѣзду. Оказалось, что онъ зналъ исторію моего бѣгства изъ дому: трое крестьянъ изъ нашей слободы розыскивали меня въ Симферополѣ и спрашивали обо мнѣ самага дѣдушку; разумѣется, онъ не могъ сообщить относительно меня никакихъ свѣдѣній. Я занялъ у дѣдушки 500 руб. асс. и выдалъ ему открытое письмо—получить эти деньги отъ моего московскаго пріятели. Въ Симферополѣ мы прожили недѣли двѣ, и поѣхали опять въ Херсонъ. Здѣсь мы расположились перезимовать, въ виду того, что этотъ городъ стоитъ какъ будто въ сторонѣ и Павельевъ, мой неутомимый преслѣдователь, могъ сюда не заглянуть; при томъ же я ожидалъ денегъ отъ московскаго пріятели и извѣстій изъ Яссы отъ Дубровина. Наконецъ, изъ Херсона мнѣ удобно было слѣдить за дѣломъ моего шурина, производимымъ въ Одессѣ. Въ Херсонѣ мы прожили спокойно и благополучно до весны слѣдующаго 1834-го года. Потомъ мы поѣхали въ Бессарабію, къ австрійской границѣ; но это путешествіе оказалось совершенно бесполезнымъ; только въ одномъ селеніи мы чуть было не встрѣтились съ Павельевымъ, который проѣзжалъ изъ Черновца черезъ Кишиневъ въ Одессу. Изъ Бессарабіи мы отправились въ Лубны (Полтавской губерніи) на ярмарку. Тутъ я рѣшилъ ѣхать на Кавказъ. Накупилъ нѣкоторыхъ товаровъ, особенно коженнаго, и препроводилъ это съ приващикомъ, при обозѣ донскихъ казаковъ, въ городъ Новочеркасскъ. Здѣсь купилъ я 1,000 бутылокъ черкаскаго вина и со всеміи товаромъ отправился на волахъ далѣе, до Ставрополя. Ѣхали степями; дорога была трудная; подвигались по ней медленно. Въ Ставрополѣ я выправилъ у губернатора паспортъ для проживанія на Кавказѣ. Затѣмъ, мы отправились черезъ Георгіевскъ въ Пятигорскъ, гдѣ я намѣревался пожить подольше, заняться торговлею, или вообще чѣмъ придется. Еще далеко не доѣзжая до Георгіевска, мы увидѣли гору Биштау, а за нею—хребетъ Кавказскихъ горъ на подобіе облаковъ. Гора Биштау

была видна намъ на разстояніи слишкомъ 170-ти верстъ. Названіе ея—татарское и означаетъ пять горъ, т. е. 1) собственно Биштау, 2) Верблюдь, 3) Лысая, 4) Зміева и 5) Машукъ, изъ которой вытекають минеральныя горячія воды. Въ концѣ октября мѣсяца мы прибыли въ Пятигорскъ. Я явился съ паспортомъ къ коменданту и полиціймейстеру, которые пріяли меня вѣжливо и обласкали. Потомъ я нанялъ на базарѣ лавку съ квартирою, срокомъ на годъ. Переехали мы въ это помѣщеніе и, съ разрѣшенія коменданта, начали помаленьку торговать.

Николай Шиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.

Письма его къ Вас. Алексѣев. Лонгинову.

Помѣщаю на страницахъ достоуважаемаго историческаго журнала „Русская Старина“ два письма Н. А. Милютина, найденныя мною въ бумагахъ отца моего Василя Алексѣевича Лонгинова, умершаго въ 1873 г.

Письма эти дороги для меня какъ доказательство того, что отецъ мой нѣвогда былъ другомъ и ближайшимъ сотрудникомъ Н. А. Милютина. Надѣюсь, что и для будущаго біографа послѣдняго онъ пригодится какъ матеріалъ для оцѣнки душевныхъ качествъ одного изъ величайшихъ нашихъ государственныхъ людей. Письма относятся къ раннему періоду службы Н. А. Милютина, а именно—къ дѣятельности его въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Директоромъ упомянутаго департамента былъ въ то время Мих. Ив. Лексѣевъ, при содѣйствіи котораго отецъ мой, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенью магистра, былъ опредѣленъ, въ 1842 г., въ хозяйственный департаментъ. Въ 1844 г. отецъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Перовскомъ и болѣе четырехъ лѣтъ управлялъ дѣлами временнаго отдѣленія, учрежденнаго для устройства го; одсвой части въ имперіи, занимающаго прозава дствомъ болѣе важныхъ законодательныхъ дѣлъ. Такъ, на-примѣръ, участвовалъ въ составленіи городского положенія для С.-Петербурга, проекта преобразования городского судебнаго управленія въ имперіи, положенія о квартирной повинности и т. под. Словомъ, до 1848 г. отецъ мой постоянно работалъ вмѣстѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ. Затѣмъ, съ переходомъ отца на службу въ министерство финансовъ, близкія отношенія къ Милютину прекратились.

Аркадій Вас. Лонгиновъ.

г. Люблинъ.

21-го сентября 1880 г.

I.

Городъ Ревель. 11 августа 1844 года.

Василій Алексѣевичъ. Очень благодаренъ вамъ за письмо, но не благодаренъ за извѣстія. Судьба ваша меня занимаетъ столько же, сколько и моя собственная. Дрсадно, право, что вы такъ долго должны ожидать того, на что имѣете столько неотъемлемыхъ правъ. Въ участіи къ вамъ Михаила Ивановича [Лекса] я такъ увѣренъ, что долженъ приписывать неудачу одной несчастной судьбѣ нашей. Авось либо она перестанетъ оброчиваться задомъ. Первое мое движеніе, по получе-

ніи вашего письма, было написать М. И., но потомъ я побоялся испортить дѣло излишнею торопливостію. Буду ожидать дальнѣйшихъ извѣстій. Надѣюсь, что вы не оставите меня въ невѣдѣніи о такомъ дѣлѣ, которое интересуеть меня не по одной дружбѣ къ вамъ, но еще и по чувству благодарности.

Не менѣе досадно мнѣ было узнать и о несчастныхъ нашихъ канцелярскихъ. Все это невольно охлаждаетъ усердіе.

Не думайте, чтобы я и самъ былъ очень доволенъ своею поѣздкою, она вышла очень неудачна. Неудачна, во-первыхъ, для здоровья отъ дурной погоды,—отъ занятія, которое я имѣлъ глупость принять на себя, и которое увлекаетъ меня слишкомъ далеко, ко вреду леченія,—наконецъ отъ лихорадки, которую я схватилъ здѣсь и которая мѣшаетъ мнѣ купаться уже болѣе недѣли. Неудачна, во вторыхъ, для кармана, потому что здѣшняя жизнь гораздо дороже, чѣмъ я предполагалъ, такъ что я не знаю съ чѣмъ и какъ доѣду. Ко всему этому присоединилась неожиданная непріятность, о которой смѣшно и гадко писать, но я хочу предупредить сплетни, которыя могутъ дойти до васъ. Въ здѣшней гостинницѣ, или лучше клубѣ, на меня наскочилъ пьяный и грубый нѣмецъ, который успѣлъ уже многимъ надѣлать бѣдну дерзостей; но судьба захотѣла, чтобы я былъ одною изъ сильнѣйшихъ его жертвъ. Безъ всякаго повода, онъ мнѣ нагрубилъ до того, что привелъ даже всѣхъ постороннихъ въ негодованье. Тѣмъ менѣе могъ я самъ вытерпѣть. Выведенный изъ всякаго терпѣнія, послѣ тщетныхъ попытокъ остановить грубіяна, я ударилъ его и довольно сильно. Къ счастью, онъ отдѣлался однимъ наружнымъ знакомъ на рожѣ. Хотя все здѣшнее общество приняло мою сторону, особенно же здѣшній военный губернаторъ адмиралъ графъ Гейденъ (одинъ изъ его близкихъ пріятелей, здѣшній ландратъ, графъ Ребиндеръ былъ свидѣтелемъ сцены), но все же мнѣ крайне было не пріятно сдѣлаться героемъ такой глупой исторіи, тѣмъ болѣе, что въ такомъ провинціальномъ городишкѣ, подобное происшествіе дѣлается чуть-чуть не политическимъ дѣломъ. Вы не можете себѣ представить какого шуму надѣлала здѣсь эта исторія. Весь городъ чуть-чуть не перессорился. Надобно знать, что здѣсь до сихъ поръ сохраняется рѣзкое различіе между дворянствомъ или (какъ оно себя называетъ) рыцарствомъ и мѣщанствомъ или бюргерами (т. е. среднее сословіе). Дворяне ужасно возстали на нѣмца, который мнѣ нагрубилъ, а бюргеры стали защищать его. Къ счастью, между послѣдними я уже сдѣлалъ себѣ прежде много пріятелей, и притомъ между людьми сильнѣйшими. Безъ того, право, возгорѣлась бы междоусобная война. Трудно вообразить себѣ, до какой степени все сохра-

нило здѣсь первобытное устройство и первобытныя нравы. И по наружности городъ, и по общественному порядку, и по самымъ понятіямъ, Ревель есть ничто иное, какъ окаменѣлость среднихъ вѣковъ. И смѣшно, и жалко! Какъ бы то ни было, но теперь все утихло. Я упросилъ губ. нач. оставить моего вѣмца въ покоѣ, (губернаторъ далъ предписаніе посадить его въ острогъ), и кромѣ того далъ ему небольшую сумму на леченіе. Такимъ образомъ всѣ довольны. Меня одного только вся эта исторія до сихъ поръ бѣситъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь такая куча Петербургскихъ привѣзжихъ, что вѣроятно найдутся добрые люди, которые повезутъ весь этотъ соръ съ собою на пароходѣ. Это заставило меня сообщить и вамъ эту странную повѣсть, дабы вы могли противопоставить истину сплетнямъ. Ожидали-ли вы подобныхъ новостей? Случаются же такіа диковинки.

Обращаясь отъ пустяковъ къ дѣлу, спѣшу преисродовать къ вамъ:

1) Исправленный мною проектъ формы, по которой, съ болѣшими или меньшими отиѣнами и дополненіями, вы можете сообщить губ. наши общія соображенія объ устройствѣ городского хозяйства. Я заботился только о сущности. Не откажитесь почистить слогъ и прочее. Мнѣ кажется, можно бы теперь же написать по этой формѣ: С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору (о Кронштадтѣ), Московскому (объ уѣздныхъ городахъ), Вологодскому, Казанскому, Тверскому, Орловскому (хотя объ одномъ Орлѣ), генералъ-губернатору Западной Сибири, и т. д.

2) Дѣло о квартирной повинности въ Ревелѣ. Пока здѣсь готовится отвѣтъ на запросъ департамента, я собралъ важнѣйшія свѣдѣнія, которыя помогутъ разрѣшить это дѣло. Между тѣмъ пусть оно остается въ покоѣ.

3) Дѣло о доносахъ на Ревельскій магистратъ и квар. ком. По возвращеніи я представляю объ этомъ особое донесеніе.

Тутъ же находятся бумаги, собственно мнѣ принадлежащія, а также двѣ книги, изъ которыхъ одну благоволите доставить Н. И. Надеждину вмѣстѣ съ письмомъ.

Мнѣ ужасно совѣстно, что до сихъ поръ не успѣлъ написать по двумъ важнѣйшимъ дѣламъ: о Московской торговой полиціи и Виленской квар. ком. Болѣвнѣ и здѣшнія занятія, (которыхъ право не такъ мало, какъ вы могли бы думать), помѣшали мнѣ. О торговой полиціи я уже началъ справлять записку, и съ слѣдующею почтою доставлю. Что касается до Виленскаго дѣла, то сдѣлайте одолженіе, потерпите недѣльки полторы—не болѣе.

Черезъ два дня (14 августа) я выѣзжаю въ Пернову, вмѣстѣ съ Штакельбергомъ, который выѣхалъ сюда ко мнѣ навстрѣчу;

тамъ мы пробудемъ недѣлю и потомъ отправляемся въ Ригу; оттуда начнется мое обратное путешествіе чрезъ Дерптъ. Пожалуста, прикажите отправлять ко мнѣ письма до 20 августа въ Пернову, а потомъ въ Ригу.

Вотъ еще убѣдительнѣйшая просьба: я просилъ выслать мнѣ изъ редакціи денегъ въ Ригу; если это еще не сдѣлано, то сдѣлайте одолженіе, похлопочите, чтобы выслали поскорѣе, и сколь можно болѣе. Безъ того я сяду на мели.

Передайте, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, мое искреннее почтеніе Михаилу Ивановичу, а также род. департаменту. Напомните обо мнѣ всѣмъ нашимъ сослуживцамъ. Будьте здоровы, не скучайте и успѣвайте въ своихъ желаніяхъ. Это истинное, постоянное и вѣчное желаніе всею душою преданнаго вамъ Н. Милютина.

Григорій Ивановичъ совсѣмъ меня забылъ. Газеты я получилъ только по 23 іюля, и крайне нуждаюсь въ нихъ.

II.

6 (18) ноября 1845 года. Неаполь.

Больно мнѣ, любезнѣйшій и многоуважаемой мною Василій Алексѣевичъ, писать вамъ изъ Неаполя въ то время, когда вы такъ великодушно несете тягость моихъ обязанностей въ Петербургѣ. Еще болѣе мнѣ думать, что вы приписываете это, вѣроятно, одному эгоизму, который былъ-бы непростителенъ послѣ столькихъ льготъ и облегченій, сдѣланныхъ въ мою пользу и къ вашему обремененію. Но что дѣлать? Тутъ нѣтъ ни моей воли, ни моей вины. Лѣтнее путешествіе мое не только не ослабило, но еще болѣе укрѣпило мое намѣреніе явиться осенью въ Петербургъ. Укрѣпившись въ силахъ, я приготовился къ этому съ сентября мѣсяца, и готовъ до сихъ поръ. Выѣстъ съ симъ я пишу подробно Михаилу Ивановичу [Лексу] причины, меня удержавшія противъ воли и сверхъ всякаго чаянія. Вамъ извѣстно, что я выѣхалъ съ сестрою, которая занемогла здѣсь и по мнѣнію всѣхъ докторовъ никакъ не можетъ возвратиться нынѣшнею зимою въ Петербургъ. Поэтому мужъ ея рѣшился немедленно ѣхать въ Италію, но вотъ уже 2 мѣсяца, что мы его ждемъ и не дождемся. Когда вы получите это письмо, его вѣроятно уже не будетъ въ Петербургѣ, но до приѣзда его сюда, я не могу бросить больной и слабой сестры своей, которой служу теперь единственной опорой и утѣшеніемъ. Войдите въ мое положеніе, и не обвиняйте меня. На моемъ мѣстѣ, вы безъ сомнѣнія поступили бы не иначе. Мнѣ очень хорошо извѣст-

но, какъ много теряю въ будущемъ отъ этой невольной неаккуратности. Но не это беспокоитъ меня. Мнѣ тяжело за васъ и за любезнѣйшаго нашего Александра Карловича [Гирса]. Одна мысль эта была бы достаточна, чтобы перетащить меня изъ самаго Эдема къ нашимъ мрачнымъ и сухимъ Пенатамъ. Впрочемъ переходъ этотъ не былъ бы и такъ тяжелъ. Откровенно сказать: бездѣлье начинаетъ надоедать мнѣ, и дружба и привычка влекутъ туда, гдѣ сосредоточиваются всѣ интересы и всѣ привязанности.

И такъ, обвиняйте не меня, а судьбу. Мнѣ дорого сохранить и вашу дружбу, и ваше уваженіе. Помните, что вы несете крестъ за ближняго, не по его прихоти, но по волѣ Провидѣнія. Оно же и вознаградитъ васъ, а между тѣмъ, если дружескія благословенія и сердечная благодарность немощнаго товарища можетъ нѣсколько усладить ваши тяжелые труды, то повѣрьте, что благодарность эта съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и исчезнетъ только вмѣстѣ со мною.

Не знаю, успѣю ли написать сего же дня Александру Карловичу [Гирсу], но прошу васъ, передать ему то же самое. Я помню его намѣреніе проситься на зиму въ отпускъ, и мысль, что мѣшаю исполненію такого законнаго и понятнаго всѣмъ желанія, приводитъ меня въ отчаяніе. Бога ради, Бога ради, не много терпѣнія! Скоро колесо перевернется, и можетъ быть все будетъ къ лучшему.

Впрочемъ, я непременно напишу ему особо. Братъ передалъ мнѣ, что онъ послалъ ко мнѣ письмо, но я его не получилъ до сихъ поръ. Подожду еще не много, и затѣмъ напишу еще милому А. К., чтобы успокоить его, если не философскими своими разсужденіями, то воззваніями къ его сердцу, которое мнѣ такъ извѣстно.

Что сказать вамъ о себѣ? Не смотря на Неаполитанское небо, я захворалъ немного простудой и желудкомъ, и теперь сижу на лекарствахъ. Надѣюсь, впрочемъ, на этихъ дняхъ совершенно облегчиться. Погода у насъ стоитъ не очень хорошая. Время отъ времени дуютъ вѣтры и льютя дожди, но солнце еще печетъ, какъ у насъ въ августѣ. Такая зима, для сѣвернаго жителя, есть уже наслажденіе (хотя съ непривычки она можетъ быть опаснѣе нашей). Но все это ничего въ сравненіи съ прелестью здѣшней природы. Неаполитанскій заливъ, со всѣми его крутыми берегами, съ прекрасными островами, съ кучей бѣлыхъ дворцовъ, башенъ, домовъ и садовъ, и наконецъ съ фантастическимъ Везувіемъ, представляетъ дѣйствительно зрѣлище ни съ чѣмъ несравнимое. Каждый день я люблюсь и не налюбуюсь этимъ видомъ. За то здѣсь другаго наслажденія и нѣтъ. Что за народъ? Что за общество? Право, грустно вспомнить.

Но что дѣлается у васъ? Часто тоска беретъ отъ неизвѣстности. Какъ живетъ и растетъ наше шумное Отдѣленіе? Все ли остается по прежнему въ Департаментѣ? Гдѣ ваши Линкъ, Стобеусъ и проч.? Пожалуста, почтеннѣйшій другъ, напомните обо мнѣ всѣмъ моимъ любезнымъ сотоварищамъ, Г. И. Фролову, К. И. Рудницкому и всѣмъ прочимъ, которые не совсѣмъ еще забыли обо мнѣ.

До свиданія. Срокъ его опредѣлить еще не могу. Вы сами легче можете это рассчитать, узнавъ отъ моихъ близкихъ о времени отъѣзда моего зятя изъ Петербурга, ибо немедленно по пріѣздѣ его сюда, я пушусь самымъ кратчайшимъ путемъ, нигдѣ не останавливаясь.

Между тѣмъ, будьте здоровы и счастливы. Дай Богъ вамъ и всему вашему семейству столько благъ, сколько дружбы внушили вы навсегда преданному вамъ душою и сердцемъ Н. Милютину.

На оборотѣ: „Его высоблагородію Василю Алексѣвичу Лонгинову“.
Сообщ. А. В. Лонгиновъ.

Примѣчаніе. Въ письмѣ своемъ Н. А. Милютинъ между прочимъ упоминаетъ объ одномъ изъ своихъ сослуживцевъ, столь недавно еще похороненномъ смертью, А. К. Гирсѣ († въ іюль 1880 г.). Вотъ собственноручная записка его о себѣ самомъ въ нашемъ сборникѣ автографовъ русскихъ дѣятелей:

„Александръ Карловичъ Гирсъ родился 29-го мая 1815 г. Окончилъ курсъ въ императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ въ 1835 г. Поступилъ на службу въ 1836 г. въ государственную канцелярію. Съ января 1838 г. перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ столоначальникомъ въ Дѣлъ Сельскаго Хозяйства. Въ 1841 г. перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ принималъ участіе, между прочимъ, въ составленіи и исполненіи, т. е. приведеніи въ дѣйствіе городского Положенія для С.-Петербурга 1846 г.

„Въ 1859 г. назначенъ, бывъ уже членомъ совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, — членомъ Редакціонныхъ Коммисій. Въ 1862 г. назначенъ помощникомъ предсѣдателя Податной Коммисіи при Министерствѣ Финансовъ. 1-го января 1879 г. назначенъ товарищемъ министра финансовъ“.

„13-го марта 1880 г.“.

Некрологъ А. К. Гирса, составленный Д. О. Кобекко, помѣщенъ въ „Голосѣ“ въ іюль 1880 г.
Ред.

УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ Сорокъ лѣтъ тому назадъ

1836 — 1843 гг.

[Окончаніе].

VI ¹⁾.

Тотъ годъ, когда Сѣровъ вышелъ изъ училища, 1840-й годъ, былъ для меня, во многихъ отношеніяхъ, годомъ перелома и началомъ новой эры. Во-первыхъ, я разставался съ человѣкомъ для меня самымъ близкимъ, съ которымъ привыкъ видѣться и жить вмѣстѣ чувствомъ и мыслями всякій день; во-вторыхъ, я перешелъ въ этомъ году изъ низшаго курса въ высшій и тѣмъ самымъ становился, по казенному училищному счисленію и по класнымъ занятіямъ,—юношей; въ третьихъ, съ этого года для меня начался новый, болѣе прежняго сильный приливъ художественной жизни и въ училищѣ, и внѣ его.

Отсутствіе Сѣрова въ моей ежедневной жизни было для меня ужасной потерей; Сѣровъ говорилъ, что для него тоже слишкомъ было чувствительно мое отсутствіе, не смотря на то, что онъ вышелъ на полную свободу и что у него началась совершенно новая жизнь. Чтобъ поправить нашу утрату, я предложилъ Сѣрову—переписываться. Онъ, конечно, согласился, и въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, что я оставался еще въ училищѣ, т. е. съ осени 1840-го по весну 1843-го года, я получилъ отъ Сѣрова около 50-ти писемъ, самъ написалъ ему, навѣрное, столько же, если не больше, и переписка эта, сдѣлавшаяся для насъ привычкою, продолжалась и впоследствии, даже послѣ моего выхода изъ училища, особливо потому, что съ 1846-го года Сѣровъ былъ переведенъ на службу въ Симферополь, а потомъ во Псковъ.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX (декабрь), стр. 1015—1042; изд. 1881 г., т. XXX (февраль) стр. 393—422; (мартъ) стр. 573—602.

Съ 1840-го по 1843-й годъ я посылалъ ему свои письма, обыкновенно по воскресеньямъ, черезъ одного товарища по классу, Жуковского, который всякое воскресенье бывалъ въ гостяхъ у Сѣрова, и вечеромъ, возвращаясь въ училище, приносилъ мнѣ конвертъ съ длиннымъ письмомъ Сѣрова, писаннымъ въ нѣсколько присѣтовъ, постепенно, въ теченіи всей недѣли, точно также какъ и я свое посланіе писалъ по кускамъ, постепенно, въ продолженіи всей недѣли. Писаніе такого письма, приготовленіе къ нему, наполняли, вѣрнѣе, большую долю всего моего училищнаго времени; только одна меньшая половина оставалась въ моемъ распоряженіи для классовъ, музыки, и всего болѣе для чтенія. И это было вовсе не худо, училище ничего не теряло черезъ такое хозяйство и распорядокъ: чтеніемъ и перепиской съ Сѣровымъ я въ самомъ дѣлѣ «воспитывался» и «росъ», т. е. достигалъ именно того, чего всего болѣе должно желать училище для своихъ воспитанниковъ.

Переходя въ высшій курсъ, каждый изъ насъ думалъ, что вотъ, наконецъ, мы вступаемъ въ настоящее «святое святыхъ», вотъ сейчасъ отдернутся какія-то завѣсы, вотъ мы, наконецъ, увидимъ тайны науки, великой, широкой, глубоко-серьезной. Скоро мы убѣдились, что ожиданія были напрасны. Никакихъ завѣсъ не отдернулось, и мы продолжали слушать то, что прежде слушали. Никакихъ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ не оказалось, продолжалась все та же узкость и ограниченность, только подъ другими заглавіями, что-то въ родѣ плохихъ гостинцевъ, завернутыхъ въ богатые, цвѣтные бумажки съ кружевомъ и золотомъ. Ничего живаго, двигающаго впередъ, одухотворяющаго, раздвигающаго горизонты мысли. Одна только самая ordinaria схоластика, имена, цифры и голые факты—и болѣе ничего. Во-первыхъ, и самое время-то было такое, когда вовсе рѣчи не шло о томъ, какъ-бы развивать людей и дать ростъ ихъ интеллектуальнымъ силамъ, а во-вторыхъ и наши преподаватели были все такой народъ, который еслибъ и захотѣлъ, то не зналъ бы, чему еще насъ учить и въ чемъ насъ просвѣщать, кромѣ того, что стоитъ въ книжкахъ, одобренныхъ самою невѣжественною, глубоко-темною цензурою тогдашнихъ временъ. Нашъ профессоръ уголовнаго права, Калмыковъ, считался тогда въ Россіи однимъ изъ свѣталъ науки права, и училищное начальство считало за особенное для себя счастье, что успѣло его залучить къ себѣ въ училище. И дѣйствительно, какъ было бы и считать иначе? Калмыковъ былъ одинъ изъ молодыхъ студентовъ педагогическаго института, отправленныхъ за границу, по идеѣ Сперанскаго, за ихъ «блестящія способности и знанія», чтобы прослушать тамъ курсы лучшихъ профессоровъ и возвратиться

домой и самимъ зрѣлыми профессорамъ, столпами науки и знанія. Не знаю, какъ другіе, но Калмыковъ возвратился такимъ же ординарнымъ человѣкомъ, какимъ поѣхалъ. Можетъ быть и тѣ нѣмецкія тогдашнія знаменитости права, которыхъ онъ съ благоговѣніемъ ѣздилъ слушать, тоже и сами не далеко ушли отъ послѣдшаго школьнаго доктринѣрства, и потому-то онъ ничуть не удовлетворилъ наши ожиданія. «Да что-же это за высшая, глубокая наука, говорили мы послѣ лекціи другъ съ другомъ, когда тутъ ничего нѣтъ, кромѣ казенщины и ординарщины! Вотъ-то удивилъ, торжественнымъ и патетическимъ голосомъ выкрикивая съ кафедръ, что «наказаніе требуется самою идеею Божеской справедливости», и что ненаказанное преступленіе — есть оскорбленіе Божеству! О, педантъ толстокожіи! Неужели такую непроходимую чепуху (да еще по Канту, какъ этотъ насъ увѣряетъ) читаютъ и въ-заправду въ нѣмецкихъ университетахъ, этихъ для насъ Монбланахъ и Чимборазахъ знанія и истины, въ Германіи, этой для насъ пучинѣ глубины, премудрости, недосягаемаго разума? Неужели тамъ у нихъ ничего лучше и нѣтъ? Чортъ съ нимъ совѣмъ, съ этимъ Калмыковымъ,—но что дѣлать, давайте долбить его глупости». — Другой профессоръ, нѣкто Палибинъ, приводилъ насъ въ изумленіе, читая намъ, подъ заглавіемъ «Государственное право», прямо статьи изъ Свода Законовъ, которыя мы должны были заучивать слово въ слово по его литографированнымъ запискамъ, перечисляя, безъ малѣйшаго пропуска, всѣ «департаменты», «отдѣленія» и «столы» министерствъ, губернскихъ правленій и другихъ мѣстъ, и тутъ же должны были въ зубряшку пересчитывать «предметы ихъ вѣдомства». Спрашивается: какая разница была между такимъ зубреньемъ государственнаго права, въ «высшемъ курсѣ», у Палибина, и зубреньемъ географіи въ «низшемъ», у полковника Вранкова, съ его дубинными стихами «произведеній»: дегтя, канатовъ, сахарнаго тростника, щетины и всего прочаго? Ни того, ни другаго мы никогда не дозубрили, какъ ни старались наши высшіе и низшіе преподаватели. Но, надо замѣтить, всего болѣе поражалъ насъ тотъ паеосъ и энтузіазмъ, съ которымъ Палибинъ, прищептывая, и свистя, и шипя, но тоже вмѣстѣ и грозно рыча, произносилъ тѣ пассажи изъ статей Свода, которые всего болѣе любилъ. Когда же онъ громовымъ голосомъ провозглашалъ: «Императоръ Всероссийскій есть монархъ самодержавный и неограниченный, которому повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ!!!», то для послѣднихъ словъ у него былъ всегда прибереженъ такой голосъ и такое выраженіе, отъ котораго всѣ стекла дрожали въ окнахъ, а мы думали, что мы чуть-чуть не сами евреи, а

передъ нами чуть-чуть не самъ Моисей, сходящій съ горы, со скрижалями въ рукахъ.—Еще одинъ профессоръ, Шнейдеръ, былъ человѣкъ великолѣпный, по прекрасной душѣ, благородству и энергіи своей. Его всѣ у насъ любили и уважали отъ всего сердца. Онъ многимъ изъ насъ сдѣлалъ великое добро, отстаивая въ совѣтѣ училища наши права и училищныя заслуги, помогая одному перейти изъ класса въ классъ, другому—получить, при выпускѣ, тотъ или другой чинъ, наконецъ, спасая еще болѣе многочисленныхъ изъ нашей среды отъ наказаній, а иногда и отъ исключенія изъ училища. Всѣ его у насъ любили, отъ мала до велика, и я думаю, нѣтъ никого изъ бывшихъ въ тѣ времена въ училищѣ, кто не сохранилъ бы о немъ самаго благодарнаго, полнаго симпатіи и уваженія воспоминанія. Но какъ профессоръ, онъ казался намъ тяжелымъ нѣмецкимъ педантомъ, со всѣмъ своимъ «римскимъ правомъ», котораго мы никакъ не соглашались признать чудодѣйственною силой, должною очистить, освѣтить и направить всѣ наши понятія о правѣ, о всемъ справедливомъ, несправедливомъ, законномъ и преступномъ. Намъ казалось, что тутъ излагаются все такія обыкновенныя вещи, которыя мы очень хорошо знаемъ и безъ всякаго классическаго римскаго права, наприм., что нельзя строить свой домъ на чужой землѣ, нельзя продавать яблоки изъ чужаго сада, и тому подобныя необыкновенныя, никому неизвѣстныя истины. «Бъ чему это онъ намъ провозглашаетъ, да еще съ такимъ патетическимъ энтузіазмомъ, говорили мы другъ другу, что не должно признать законнымъ тотъ договоръ, въ основу котораго положена нечестность? Вотъ онъ, Богъ знаетъ какъ торжественно, декламируетъ, что ничего не значитъ такой договоръ, гдѣ сказано, чтобъ одинъ изъ договаривающихся *pu-dus sal-ta-ve-rit in fo-ro* (проплясалъ бы голый на площади)? На что намъ этотъ вздоръ, да еще непременно на латинскомъ языкѣ, да еще какимъ высокопарнымъ, гнусливымъ, протяжнымъ голосомъ! Точно мы и такъ не знаемъ, что чепуха есть чепуха! Чему тутъ учить, посредствомъ Римлянъ и Юстиніана?» Еслибъ мы уже и тогда знали всѣ каррикатурныя мелѣпицы Фрѣбелевской системы, навѣрное, мы тогда такъ прямо и сказали бы: «Вся эта классическая ветошь, весь этотъ великій универсальный «юридическій разумъ»—тотъ же Фрѣбель, спрашивающій ребенка, гдѣ потолокъ и гдѣ дверь, гдѣ носъ и гдѣ правая рука, какъ называется стулъ, и какъ зовутъ господина учителя?—Профессоръ латинскаго языка, Гриммъ, издали казавшійся намъ необычайнымъ какимъ-то свѣтиломъ, оказался такимъ же обыкновеннымъ учителемъ, какъ прежній нашъ Мюхлеръ въ маленькихъ классахъ. Вся разница была только въ томъ, что у этого мы переводили изъ

однихъ латинскихъ писателей, а у того—изъ другихъ, вотъ и все. Впрочемъ оба были премилые, хотя немножко крикливые малые, одинъ помоложе, другой постарше, и оба почти совершенно не знали по русски, такъ что нерѣдко инне между нами, изъ глупаго, непристойнаго школьничества (впрочемъ, довольно забавлявшаго классъ) иной разъ переводилъ Гримму sacerdos—не «жрецъ», а «жеребецъ», и многое на тотъ же ладъ. По латынѣ у насъ никто не выучивался порядкомъ, и, я думаю, не только теперь, но черезъ 2—3 года послѣ училища всѣ лучшіе наши доки ни одного слова не поняли бы ни въ одной латинской надписи, очутившись, наприм., случайно въ какой-нибудь католической церкви, или рассматривая подпись подъ какой-нибудь старинной гравюрой. Въ томъ-то и бѣда, что солидности у насъ было мало въ ученьи, и слишкомъ много фальги на показъ! Въ высшихъ классахъ было у насъ «предметовъ» по 16, по 17. Чтò это такое было, и на что? Не угодно ли допросить когонибудь изъ старыхъ правовѣдовъ, начиная съ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и разныхъ орденовъ кавалеровъ, и кончая титулярными совѣтниками и губернскими секретарями, чтò они помнятъ изъ «энциклопедіи права», проповѣданной намъ съ кафедръ (въ добавокъ ко всему остальному, по нѣмецки), нашимъ сухопаренькимъ музыкантомъ въ бѣломъ галстухѣ и съ Анной на шеѣ, Штѣкгардтомъ, или изъ «мѣстныхъ законовъ», которые намъ мычалъ коровьимъ голосомъ бывшій землемѣръ Малиновскій, нѣчто въ родѣ добродушнѣйшаго гипопотама въ мундирѣ, неповоротливый, со сгорбленной шеей и никогда немытыми руками, или, наконецъ, изъ «логики съ психологіей», читанныхъ намъ нашимъ законоучителемъ старательно и серьезно, но въ томъ совершенно ничтожномъ духѣ, который былъ предписанъ трусливою и невѣжественною опекою тѣхъ временъ—«толкуй-дескать о сухихъ алгебраическихъ формулахъ сколько душѣ угодно, но до какого-нибудь настоящаго дѣла дотронуться—Боже тебя сохрани!» Какъ подумаешь, какая громада брошенныхъ денегъ, понапрасну истраченныхъ хлопотъ, безъ толку ухлопаннаго времени! И вѣдь за все это намъ ставили баллы, и мы отвѣчали (инне даже «очень хорошо» и «превосходно»), инныхъ награждали за всѣ эти классы, другихъ наказывали. Но была ли, въ сущности, большая разница между знающими и незнающими, между высоко и низко отмѣченными по ученью, особливо по части ученья права? Не думаю. Жизнь и служба совершенно иначе разсортировали, впоследствии, гг. правовѣдовъ, и всѣ эти «энциклопедіи права» и многое другое—рѣшительно пошли прахомъ.

Всего лучше процвѣтали въ училищѣ, въ наше время, языки.

Французскому и нѣмецкому языку научались у насъ всего лучше, особливо первому, и это было очень кстати, такъ какъ наврядъ ли другое какое заведеніе доставило Петербургу и вообще Россіи столько ловкихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ, ну—а по этой должности, извѣстное дѣло, безъ французскаго языка и ступить невозможно. Находились такіе молодцы, которые даже и по части мертвыхъ языковъ оказывали способности: не только шли изрядно по латынѣ, но даже пожелали на свой счетъ учиться греческому. Вздумали, переговорили другъ съ дружкой, сложились на свой счетъ, спросили директора, тотъ позволилъ съ удовольствіемъ, и тогда стали ходить къ намъ, раза по два въ недѣлю, Шифнеръ—тогда еще начинающій молодой ученый, впоследствии одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ нашей академіи наукъ по части всевозможнѣйшихъ восточныхъ языковъ: тибетскаго, монгольскаго, всяческихъ сибирскихъ и кавказскихъ. Съ удовольствіемъ теперь вспоминаю, что и я принадлежалъ къ маленькой кучкѣ «добровольцевъ» греческаго языка, и безъ всякаго зазрѣнія горжусь тѣмъ, что не былъ ничуть лѣнивъ (какъ многіе изъ товарищей), и находилъ время, не смотря на всю музыку и чтеніе, учиться по собственной охотѣ еще и греческому языку.

Кромѣ языковъ, въ высшихъ классахъ, составляли у насъ крупное исключеніе, среди остальной безцвѣтности, двѣ науки: политическая экономія и судебная медицина. Мы съ большимъ любопытствомъ ждали всегда и тѣхъ, и другихъ лекцій; и не мудрено—въ общихъ наукахъ было, наконецъ, что-то живое и жизненное для насъ. Преподаватели наши по этой части были далеко не Богъ знаетъ что, и очень мало имѣли понятія о современномъ положеніи своей науки въ Европѣ. Они все намъ читали свои лекціи по тѣмъ самымъ курсамъ, по какимъ сами учились. Притомъ же нашъ политико-экономъ. Уткинъ, былъ ревностный сельскій хозяинъ, и весь годъ сѣялъ и поливалъ свои огороды гдѣ-то въ глуши на Охтѣ, и говорилъ «тетерича» и «гостода» (потому что не могъ произносить букву п), чѣмъ до слезъ смѣшилъ насъ, а нашъ судебно-медицинистъ, Спасскій, будучи тоже и эскулапомъ училища, сильно надоѣдалъ всѣмъ сильною приверженностью къ пациентамъ изъ князей и графовъ, почему, напр., любилъ объявлять, прямо въ классѣ, одному князю Львову, что вчера видѣлся съ его мамашей, и вотъ сегодня привезъ ему въ лазаретъ, изъ особой дружбы, пол-фунта ви-но-гра-ду, купленнаго имъ самимъ (на собственныя деньги!), и еще больше надоѣдалъ всему училищу тѣмъ, что cadaго мальчика, пожаловавшагося хоть на головную боль или на обрѣзанный палецъ, непременно подозрѣвалъ въ «шалости»

и грозилъ передъ носомъ своимъ эскуланскимъ пальцемъ съ перстнемъ. Но не смотря на все это, мы любили ихъ курсы, хотя-бы и старые, и съ восхищёніемъ слушали теоріи Рикардо и Мальтуса о законахъ увеличенія народонаселеній, о правильности рожденій и смертей, о государственнѣхъ долгахъ и деньгахъ, о величій Адама Смита, Росси и Жанъ-Батиста Сэ. Мы ничего подобнаго отроду еще нигдѣ не слышали и не читали, все это такъ близко соприкасалось съ живою жизнью—и оттого-то всё мы вдругъ превращались въ прележащихъ слушателей и никто худыхъ балловъ никогда не получалъ: всё знали и помнили очень твердо, что было читано. Еще жгучѣе былъ интересъ на судебно-медицинскихъ лекціяхъ Спасскаго: вѣдь тутъ дѣло шло о еще большихъ неслыханныхъ чудесахъ, о насильственныхъ смертяхъ, отравленіяхъ, ранахъ «тупыми и острыми орудіями», о преступленіяхъ, совершенныхъ въ «Schlaftrunkenheit», т. е. человѣкомъ еще не совсѣмъ проснувшимся отъ сна, о страстяхъ (слово совершенно для насъ новое, и строго вытолканное вонъ изъ всѣхъ нашихъ курсовъ логики и психологій, словно ихъ вовсе не бывало на свѣтѣ), о волѣ и безволіи человѣка, о «невѣняемости» по указанію самой природы и т. д. Отъ всего этого широко раскрывались у насъ глаза, никого уже не было, кто бы читалъ постороннюю книгу во время лекцій, а когда дѣло пошло о томъ, чтобъ идти въ Маринскую больницу на вскрытіе трупа (куда—смѣшно сказать—начальство посылало не всѣхъ, а лучшихъ!), всё въ одинъ голосъ просились и хлопотали, чтобъ попасть въ списокъ. Многимъ сдѣлалось въ больницѣ дурно (всего больше первому нашему запѣвалѣ Оголину: каковъ онъ ни былъ молодецъ и храбрый изъ храбрыхъ, а сначала поблѣднѣлъ какъ полотно, а потомъ вдругъ упалъ въ обморокъ), даромъ что намъ, передъ походомъ въ больницу, дали по рюмкѣ мадерн: мы вѣдь были уже «большіе», со шпагами, въ высшемъ классѣ училища, значить пить вино уже позволительно. Интересъ къ этому тутъ совсѣмъ другой былъ, чѣмъ къ «Меровингамъ» Шулгина, къ его «борьбѣ буржуазіи съ аристократіей» и «папъ съ императорами»—все по Гизѣ. Это все было такое далекое, чужое, мертвое какъ мумія,—то такое близкое, свое, теперешнее, сейчасъ и вездѣ совершающееся!

Надо было тоже посмотрѣть, что сдѣлалось съ училищемъ нашимъ въ 1841 году, весной, т. е. черезъ годъ послѣ выхода изъ училища Сѣрова съ его товарищами, когда происходили выпускные экзамены 2-го нашего выпуска, и одинъ изъ воспитанниковъ этого выпуска, Калайдовичъ, докладывалъ публично, какъ адвокатъ и судья, гремящее тогда по всей Европѣ дѣло знаменитой французской отра-

вительницы Лафаржъ. Въ этотъ день къ намъ названо было, въ видѣ почетныхъ гостей, оппонентовъ и экзаменаторовъ, множество, считавшихся тогда лучшими, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ сената и начальниковъ отдѣленія министерства юстиціи: училище хвасталось тутъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ своихъ правовѣдовъ. Это былъ Калайдовичъ, сынъ знаменитаго русскаго филолога и историка древней нашей литературы, московскаго профессора Б. Θ. Калайдовича, сподвижника и помощника графа Румянцова въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Молодой Калайдовичъ былъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ выдающихся товарищей нашихъ: прекрасно образованный еще дома, много читавшій и до училища, и во все время своего пребыванія въ немъ, горячій, пылкій, одаренный даромъ слова, умный, честный и свѣтлый головою, онъ былъ бы навѣрное однимъ изъ самыхъ отличныхъ адвокатовъ, еслибъ дожилъ до 1864 года и свободныхъ судовъ. Въ этотъ разъ, при выходѣ своемъ изъ училища, онъ вздумалъ публично защищать ту самую Лафаржъ, которую приговорили къ смерти въ Парижѣ, и въ пользу которой все-таки многое можно было сказать, на основаніи разныхъ подробностей событій ея жизни и послѣдней дѣятельности, вовсе не разъясненныхъ процесомъ. Калайдовичъ взялся за такое возстановленіе невинности со всѣмъ жаромъ новичка и со всею ненавистью, къ казенному суду, 20-лѣтняго чистаго, великодушнаго юноши. Его рѣчь длилась нѣсколько часовъ, и чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ пламеннѣе разгорался и страстнѣе, увлекательнѣе становился. Когда онъ кончилъ, вся зала загремѣла аплодисментами; мы, товарищи, просто выходили изъ себя отъ восхищенія и радости, кричали и хлопали въ ладоши какъ сумасшедшіе: кого-то оправдали, кого-то вырвали, хотя бы даже не въ дѣйствительности, а въ стѣнахъ нашего училища, изъ когтей гнуснаго палача, и это сдѣлалъ одинъ изъ нашихъ—какое счастье могло, въ ту минуту, сравниться съ нашимъ! Утопавшаго вытянули передъ нашими глазами изъ воды, какое же намъ было дѣло, преступникъ ли онъ, или не преступникъ! Да еще въ добавокъ, мы, какъ умѣли, протестовали тутъ противъ отвратительной казни, совершенной гдѣ-то, кѣмъ-то и зачѣмъ-то! Сами высокіе чиновники, въ звѣздахъ, бѣлыхъ галстукахъ и лентахъ, тутъ присутствовавшіе, были увлечены, сколько могли, тоже аплодировали и отпускали комплименты Калайдовичу. Но одинъ изъ самыхъ «важныхъ» и «солидныхъ», оберъ-прокуроръ уголовного департамента сената, Карніолинъ-Пинскій, считавшійся въ тѣ времена великимъ юридическимъ свѣтиломъ, подошелъ къ Калайдовичу, взялъ его за руку, жалъ ее въ своихъ пухлыхъ, лимфатическихъ рукахъ, сначала поздравлялъ и похваля-

валъ Калайдовича, но потомъ сталъ доказывать по пунктамъ, и потрясая пальцемъ, по своей всегданнейшей начальнической привычкѣ, почему Лафаржъ въ самомъ дѣлѣ отравительница, и почему ее оправдывать не слѣдовало. Мы слушали, столпившись кругомъ—и глядѣли на него въ ту минуту, какъ на врага. «Ты тамъ пой-моль, что хочешь, а нашъ Калайдовичъ оправдай... оправдай, и у насъ всѣхъ вотъ и до сихъ поръ сердце дрожить, а ты, негодный, мертвый сухарь, убирайся скорѣе вонъ со своимъ проклятымъ чиновничьимъ краснорѣчіемъ!» И только онъ кончилъ, только онъ отошелъ, мы опять стали хлопать въ ладоши Калайдовичу, и кричать ему bravo! и жать руки, и обниматься, и цѣловаться съ нимъ. День былъ чудесный, солнце свѣтило золотыми столбами во всѣ окна большой нашей залы, и мы были—счастливы, какъ рѣдко случается въ жизни.

Впослѣдствіи, я этому самому Калайдовичу обязанъ былъ первымъ выступленіемъ своимъ на литературное поприще. Въ 1847 году, уже будучи оберъ-секретаремъ сената, онъ былъ переведенъ въ Москву, и порекомендовалъ меня редакціи «Отеч. Записокъ», чтобъ продолжать, послѣ него, обзоры исторической литературы французской, англійской и нѣмецкой. Я же самъ предложилъ, въ добавокъ, писать въ томъ же журналѣ, фельетонъ музыкальный и художественный, что и было принято.

Да, чувство законности и справедливости было въ то время очень сильно въ насъ. Всякая неправда, несправедливость лично оскорбляли насъ, и мы не хотѣли оставаться пассивными жертвами или только зрителями: намъ хотѣлось тотчасъ-же высказать свое негодованіе, свою досаду, свою злобу—публично, всей своей массой, какъ одинъ человѣкъ, хотя-бы только въ стѣнахъ своего класса. Я живо помню одно событіе, которое очень ярко обрисовываетъ это наше настроеніе. Нашъ директоръ Пошманъ, вообще человѣкъ добрый и снисходительный, былъ неумолимъ и жестокъ только въ одномъ пунктѣ: это когда у кого-нибудь изъ воспитанниковъ (конечно старшихъ классовъ) оказывалась нѣкоторая неуказанная болѣзнь. Это было для Пошмана нѣчто въ родѣ пункта помѣшательства: тутъ уже онъ становился не только упрямъ какъ оселъ, но просто жестокъ, и никакія просьбы, никакіе доводы и резоны не помогали; и вмѣсто того, чтобъ пожурить, выскать, наказать, (если уже это было такъ необходимо по училищнымъ, и вообще по тогдашнимъ правиламъ)—а главное, вмѣсто того, чтобъ поскорѣе и получше лечить больнаго—онъ становился вдругъ свирѣпымъ, неумолимымъ, доходилъ чуть не до бѣшенства, и виноватаго непремѣнно—выгонялъ изъ училища. Не правда-ли, какой прекрасный, какой умный педагогъ! Что, если бы весь свѣтъ вздумалъ такъ дѣй-

ствовать—вѣдь пожалуй пол-Россіи пришлось бы повыгнать отовсюду, изъ училищъ, университетовъ, полковъ, монастырей, откуда угодно, все это въ честь чистѣйшей доброй нравственности. Мы уже не разъ были свидѣтелями такого варварства. Вдругъ эта самая болѣзнь оказалась у одного нашего товарища, кн. Т., и никто-бы этого вѣроятно не звалъ, кн. Т. преспокойно-бы вылезлся и дѣлу бы конецъ, но его дядя и понечитель, сенаторъ Горголи, когда-то прежде бывшій оберъ-полицмейстеромъ, на основаніи пріобрѣтенныхъ въ этой должности понятій и привычекъ, счелъ своею священнѣйшею обязанностью пріѣхать въ училище и рассказать Пошману, что вотъ-могъ какой ужасъ онъ открылъ у своего родственника. Пониманъ на другой-же день выгналъ Т. изъ училища. Мы пришли въ неопишемое бѣшенство. Не столько насъ приводило въ негодованіе дурацкое распоряженіе Пошмана, сколько предательство и полицейское усердіе сенатора-дядюшки. И вотъ, одинъ изъ насъ, взойдя на каеэдру, держалъ рѣчь къ «господину классу,» говоря, что если мы уже бессильны что нибудь сдѣлать Пошману и Горголи, если ничѣмъ уже не можемъ помочь бѣдному Т., то должны по крайней мѣрѣ для самихъ себя не оставить это дѣло «такъ», и выразить торжественно наше глубокое негодованіе. «Господинъ классъ» единогласно принялъ предложеніе, и, послѣ нѣкотораго общаго совѣщанія, совершенно было слѣдующее: на классной черной доскѣ написали аршинными буквами, мѣломъ, фамилію «Горголи», и потомъ, послѣ маленькой рѣчи одного изъ насъ, въ ту минуту превратившагося въ прокурора и произнесшаго обвинительную рѣчь, весь классъ сталъ бросать мѣломъ, губками, перьями, карандашами, чѣмъ попало, въ фамилію на доскѣ, громко крича: «Горголи анаеема! Горголи анаеема!» Пускай не слишкомъ-то улыбается и насмѣхается мой читатель: ну да, наша расправа была микроскопическая, безвредная, но чѣмъ же, по существу своему, она была хуже любой официальной расправы и официального обезчещенія? Всякій дѣлаетъ по своимъ средствамъ, какъ можетъ, и что можетъ, но довольны собою мы потомъ остались точь въ точь столько же, какъ будто надѣлали сенатору Горголи самаго сквернаго вреда на всю жизнь.

Впрочемъ, наши домашнія расправы бывали и не всегда такъ безвредны и безобидны какъ эта: у насъ бывали онѣ не только на кулакахъ, по простому, по естественному, но также и перочинными широкими ножами, и я, въ числѣ многихъ другихъ, не разъ тоже попадалъ въ передѣлку. Одинъ разъ нѣкто Обуховъ, юноша очень тупой и глупый, пришелъ въ такую ярость отъ моихъ насмѣшекъ надъ его бараньей натурой, что хватилъ меня ножомъ по рукѣ и

прорѣзаль одинъ палець до кости; мнѣ потомъ насилу спасли этотъ палець, и спрямъ удѣлѣлъ вотъ и до сихъ поръ, послѣ 40 почти лѣтъ. Въ другой разъ, я привелъ, совершенно того не желая, конечно, въ точно такое же бѣшенство другаго товарища, нѣкоего Федорова, страдавшаго впрочемъ падучей болѣзнию: у него стала быть пѣна изо рту, и онъ вдругъ, обратившись ко мнѣ черезъ два ряда столовъ и скамеекъ, пустилъ въ меня своимъ раскрытымъ перочиннымъ ножомъ, въ родѣ того, какъ дикіе пускаютъ въ непріятели своими дротиками и кинжалами. Ударъ былъ вѣренъ, и ножъ, пролетѣвъ во воздуху, вонзился мнѣ въ лѣвое плечо. Кровь полилась. Нечего дѣлать, пришлось отправляться въ лазаретъ; нашъ докторъ Спасскій сказалъ мнѣ потомъ: «ну, братъ, Стасовъ, счастье твое, что ножикъ промахнулся на одну линію; еще бы капельку, и онъ попалъ бы въ аорту и прорѣзаль-бы ее; ты-бы изошелъ кровью—перевязать ее нельзя!» Я принужденъ былъ сказать Спасскому, кто мнѣ это сдѣлалъ, но подѣ честнымъ словомъ, никому не говорить. Онъ слово сдержалъ. Вообще, фискальство было у насъ же принято, не въ ходу, не въ модѣ, не только у воспитанниковъ, но и у «воспитателей» и преподавателей нашихъ. Занимались этимъ одни солдаты (да и то не всѣ), да начальникъ ихъ, экономя нашъ Кузьминъ, самъ изъ преображенскихъ солдатъ, помаленьку и полегоньку сколотившій себѣ на нашихъ обѣдахъ и ужинахъ порядочную кису, и всего болѣе любившій нафабривать, до степени проволокъ, свои рыжіе усы и загибать свою мужицкую талью въ возможно узкій мундиръ. Эти элегантности ничуть не мѣшали ему быть гнуснѣйшимъ наушникомъ.

Мнѣ хочется разсказать здѣсь одно курьезное событіе изъ нашей тогдашней жизни. Оно еще новый разъ докажетъ нашу сплоченность, нашу дѣятельность сообща, цѣлой массой,—отнюдь не врозь, не въ разсыпную, какъ слишкомъ часто бываетъ.

Я выше уже разсказывалъ, какъ мы любили и уважали нашего законоучителя, священника Мих. Изм. Богословскаго. Но это не мѣшало намъ видѣть въ немъ порядочнаго деспота и порядочно прибавляться его. Однажды, когда мы были уже во 2-мъ классѣ, онъ насъ долго мучилъ тѣмъ, что заставлялъ написать объясненіе, вѣчто въ родѣ маленькаго трактата, на тему: «Почему тѣло Христово называется церковью?» Не ручаюсь за полную вѣрность выраженій, послѣ 40-ка лѣтъ антракта (да и самъ М. И. Богословскій, съ которымъ мнѣ случилось снова встрѣтиться лѣтомъ 1880 года, тоже не помнитъ съ точностью этой задачи), но было что-то близкое къ написанному здѣсь мною. Мы бились, бились, подавали всякій понедѣльникъ, въ первый утренній классъ, когда приходилась лекція нашего законоучителя, все

новья и новья объясненія, сколько умѣли при своихъ очень необширныхъ знаніяхъ—нѣтъ, всякій разъ оказывалось все не то, и намъ снова задавали тоже рѣшеніе «къ будущему понедѣльнику». Что намъ было дѣлать? Мы вдругъ выдумали такую штуку. Замятинъ и я, въ одинъ прекрасный день, взошли на кафедру, и предложили «господину классу» сходить, секретно, и допросить разомъ всѣхъ архіереевъ и знаменитыхъ законоучителей, какіе тогда были въ Петербургѣ. Классъ радостно расхохотался, всѣмъ ужасно понравилось такое экстраординарное предложеніе, часъ или два мы держали совѣтъ, какъ чему быть, кому именно изъ насъ и къ которому высокому духовному лицу отправляться въ первое же воскресенье, и дѣло состоялось. Кто отправился къ знаменитому протопопу Павскому, кто къ знаменитому протопопу Сидонскому; именъ тогдашнихъ архіереевъ я теперь уже болѣе не помню, но помню очень хорошо, что моему великому приятелю Замятину досталось, по равверсткѣ, идти на Васильевскій островъ, на рижское подворье, къ архіерею Иліодору курскому, а мнѣ—къ Анничкину мосту, на Троицкое подворье, къ самому митрополиту Филарету московскому, проживавшему тогда, по всегдашнему, нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Мнѣ назначено было идти именно къ этой знаменитости, высшему лицу всего русскаго духовенства и по талантамъ, и по знаніямъ, на томъ основаніи, что моя тетка, родная сестра моего отца, Вѣра Петровна (о которой немало говорено въ 1-й главѣ моей автобіографіи) была довольно хорошо знакома съ этимъ митрополитомъ, еще по Москвѣ. Я тотчасъ-же написалъ ей письмо, прося ее побывать на недѣлѣ у митрополита, и выпросить у него позволеніе для меня явиться къ нему, въ первое же воскресенье, на нѣсколько минутъ, «по одному важному богословскому вопросу». Черезъ день или два я получилъ отвѣтъ, что мнѣ дозволено явиться къ митрополиту. Въ первое-же воскресенье, я полетѣлъ прямо отъ нашей обѣдни въ правовѣдской церкви (кончавшейся довольно рано) на Троицкое подворье. Служилъ самъ митрополитъ, значить служба была несравненно продолжительнѣе нашей. Я засталъ окончаніе молебна, и съ глубокимъ нетерпѣніемъ сталъ ждать «шапочнаго разбора». Скоро молебенъ кончился, и я, протѣснившись со своей теткой, сталъ въ одну изъ двухъ шеренгъ, стоявшихъ сквозь всю церковь, на дорогѣ митрополичьей, чтобы получить благословеніе отъ владыки. Еще нѣсколько минутъ, и митрополитъ Филаретъ уже шелъ, въ бѣломъ клобукѣ съ рубиновымъ крестомъ и въ фіолетовой мантии съ длиннымъ шлейфомъ, ведомый подъ руки діаконами, опираясь лѣвою рукой на богатый посохъ, и благословляя правою. Наклоняясь подъ благословеніе, моя тетка шепоткомъ проговорила: «Ваше

высокопреосвященство... вотъ мой племянникъ». Вслѣдъ за моей теткой приѣхалъ къ митрополитовой исхудалой желтой рукѣ и я, и тутъ услыхалъ надъ ухомъ тихія слова: «Придите ко мнѣ въ покои». Мы съ моей теткой отправились туда. Митрополита еще не было, онъ переодѣвался въ домашнее платье, но въ гостиной, кругомъ стѣнъ, сидѣло уже много старыхъ княгинь и графинь, многа съ молоденькими, расфранченными (но скромно!) дочками и племянницами. Было тутъ также нѣсколько пожилыхъ важныхъ баръ, въ мундирахъ и со звѣздами. Появился въ дверяхъ митрополитъ въ дорогое шелковомъ темномъ подрясникѣ, всѣ встали, произошло снова благословеніе и цѣлованіе руки, потомъ всѣ сѣли. Молодые служки стали разносить чай, дамы хвалили службу, при которой только что присутствовали, хвалили хоръ митрополитскихъ пѣвчихъ, рѣчь шла еще о здоровьи нѣкоторыхъ барынь, потому-то и потому-то не могшихъ сегодня присутствовать на литургіи. Я все сидѣлъ въ глубокомъ молчаніи, на стулѣ у окна, смотрѣлъ и слушалъ. Минуть черезъ 20, всѣ уже, одни за другими, разбѣхались. Мы наконецъ остались вдвоемъ (ушла тоже и моя тетка). Тогда митрополитъ ласково сказалъ мнѣ: «Ну поди сюда, сядь возлѣ меня,—что тебѣ надо спросить у меня?» Я рассказавъ ему подробно все наше дѣло, какъ оно было, и, утаивъ про прочихъ архіереевъ и протопоповъ, сказалъ только, что вотъ, въ такой крайности, мы всѣ, разомъ, рѣшились «прибѣгнуть къ помощи и разъясненію его высокопреосвященства, какъ высшаго духовнаго свѣтила всего нашего отечества». Такія заявленія, прямо въ лицо, намъ были не въ диковинку: мой пріятель Замятинъ, какъ-то ѣхавши по желѣзной дорогѣ въ Царское Село, скоро послѣ ея открытія, въ 1838 году, случайно сидѣлъ рядомъ со Сперанскимъ; тотъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, какъ съ правовѣдомъ (тогда нашимъ училищемъ всѣ интересовались) и постарался ловко наговорить всякихъ комплиментовъ Сперанскому, какъ творцу Свода Законовъ. «Да развѣ вы меня знаете?» спросилъ, улыбаясь и немножко гнуся, Сперанскій, по всегдашнему очень просто одѣтый. «Кто не знаетъ русскаго Требоніана?» отвѣчалъ галантерейно Замятинъ, и Сперанскій остался, повидимому, очень доволенъ. Но на этотъ разъ мои комплименты духовному владыкѣ не достигли ожидаемаго результата. Митрополитъ разсердился. Его кроткіе, глубоко впалые глаза, столько мнѣ всегда правившіеся на его желтомъ исхудаломъ лицѣ, зажглись огнемъ, исчезъ тотъ тихій и милый голосъ, какимъ онъ говорилъ съ графинями и произносилъ церковнія слова со своего амвона, этотъ голосъ замѣнился тономъ сердитымъ и немножко даже ровнымъ. «Что-жь это вы вѣдушали? заговорилъ онъ, я долженъ рѣшать вамъ, мальчишкамъ, задачи для вашихъ классовъ?»

Мои слова должны потомъ идти на судъ вашего законоучителя? Да подумали-ли вы, къ кому вы шли? И позволительны-ли такія выдумки?» Я молчалъ. Митрополитъ прошелся раза два по комнатѣ, все продолжая сердиться и выговаривать мнѣ и «всѣмъ намъ». Но когда первый пылъ у него прошелъ, я самымъ тихимъ и почтительнымъ голосомъ сказалъ, что мы думали, что какъ бы ни худъ былъ нашъ резонъ, но мы считали себя счастливыми, что случай привелъ насъ обратиться къ высшему святителю и духовному просвѣтителю Россіи, и твердо надѣялись, что намъ, какіе мы ни маленькіе люди, все-таки не будетъ отказано въ той пастырской помощи, которую онъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ можетъ намъ подать. Не знаю, отъ моихъ ли словъ, или вслѣдствіе своего собственнаго размышленія, но митрополитъ Филаретъ мало по малу смягчился, пересталъ на меня кричать, лицо и глаза приняли прежнее выраженіе, онъ сѣлъ на диванъ, и сказалъ: «Ну хорошо, садитесь. Я вамъ скажу, что вы спрашиваете; но слушайте хорошенько, и вѣрно передайте вашимъ товарищамъ». Я, съ покраснѣвшими щеками, и порядочно-таки взволнованный, сталъ слушать тихую рѣчь, плавно и краснорѣчиво лившуюся,—съ такимъ чувствомъ преданности, благодарности и почтенія, какъ будто бы который нибудь изъ отцовъ церкви въ эту минуту собственною особою возвратился въ міръ и вѣщаетъ мнѣ глубочайшія откровенія. Когда митрополитъ кончилъ, онъ спросилъ: «Вы все поняли, вы все запомнили, что я вамъ говорилъ?»—«Все, ваше высокопреосвященство», отвѣчалъ я, съ такимъ увлеченіемъ, и такимъ голосомъ, которые по-видимому были пріятны владыкѣ. «Ну, такъ повторите», сказалъ онъ. Я повторилъ, и такъ вѣрно, такъ аккуратно, такъ полно, что митрополиту Филарету пришлось подправить и пополнить очень немногое. Тогда онъ меня благословилъ и сказалъ, на прощанье, нѣсколько любезныхъ словъ про наше училище, какъ онъ его любитъ и какъ много ожидаетъ отъ него въ будущемъ. Я выбѣжалъ изъ Троицкаго подворья, самъ себя не помня отъ радости послѣ такого блестящаго успѣха моей экспедиціи, не зная, какъ дожидаться вечера и возвращенія въ училище, и только рассказалъ всю сцену съ митрополитомъ своему отцу, повѣренному всѣхъ моихъ тайнъ и вообще всего мнѣ самаго важнаго. Онъ качалъ головой, удивлялся нашей вѣтренной, но отважной затѣѣ, но въ концѣ концовъ все-таки былъ, кажется, доволенъ. Вечеромъ, когда мы всѣ снова сошлись вмѣстѣ, оказалось, что и другіе наши товарищи имѣли столько же успѣха, какъ и я. Всѣ воротились съ отвѣтами отъ своихъ архіереевъ и протопоповъ. Въ понедѣльникъ, рано утромъ, мы раздѣлили отвѣты на 7—8 группъ, избѣнивъ ихъ понемножку у каждого, въ родѣ варіацій, и когда

пришелъ батюшка въ классъ, подали ему наши отвѣты, довольно-таки разнообразныя. Но что же оказалось? Нашъ батька прочиталъ ихъ, и съ сердцемъ объявилъ, что опять „все не такъ“, и ни одного толковаго слова нѣтъ во всемъ, что мы написали. Затѣмъ, ничего путнаго уже отъ насъ болѣе не ожидая, онъ разсказалъ намъ свое рѣшеніе вопроса, сойдя съ кафедры, и прохаживаясь, по своему обыкновенію, вдоль всего класса, отъ стѣны до стѣны, впереди нашихъ столовъ и скамеекъ. Ничего не разумѣя въ богословскихъ дѣлахъ и тонкостяхъ, да признаться сказать, и мало ими интересуясь, мы не могли рѣшить: кто болѣе правъ, архіерей-ли, или нацѣ наставникъ по духовнымъ дѣламъ, но удивлены были не мало. Незадолго до выпуска, мы разсказали всю исторію, во всѣхъ подробностяхъ М. И. Богословскому, и онъ хохоталъ до слезъ, говоря: „Вотъ какіе негодные мальчишки! Съ ними просто бѣда! Вонъ что затѣяли!“

Что касается музыкальной части, то она, въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія моего въ училищѣ (1840—1843) была еще въ бѣднѣшемъ процвѣтаніи, чѣмъ прежде. Количество „музыкантовъ“ все болѣе и болѣе увеличивалось, и въ продолженіе рекреаций дѣлаго дня, все училище наполнено было музыкальными звуками, отъ одного конца до другаго. Играли на множествѣ фортепіанъ, на скрипкахъ, флейтахъ, виолончеляхъ, валторнахъ, контрбасахъ, не только въ однихъ дортуарахъ, но даже въ залѣ гимнастики, въ разныхъ закоулкахъ по корридорамъ,—рѣшительно уже мѣста не хватало для всѣхъ учащихъ и экзерцирующихся. Концертовъ у насъ иногда бывало по два въ зиму, вмѣсто одного: на одномъ не успѣвали проявиться всѣ наши таланты, и притомъ-же столько сыпалось похвалъ нашимъ концертамъ со стороны родственниковъ! Что лично до меня касается, то я, въ своей великой ревности къ музыкѣ, бралъ уроки разомъ у двухъ учителей: въ училищѣ—у Гензельта (начиная съ 1838 года, т. е. почти съ самаго пріѣзда его въ Россію; онъ тутъ тотчасъ-же былъ представленъ нашему принцу и сталъ учить въ училищѣ «лучшихъ» изъ тогдашнихъ нашихъ фортепіанистовъ); по воскресеньямъ же я бралъ еще уроки у Герке, и для этого отправлялся къ нему на домъ, у Михайловскаго двorca, въ домъ Жербина, прямо изъ училища, послѣ обѣдни. Это были два музыкальныхъ преподавателя совершенно въ разныхъ родахъ, и ни чуть не похожіе другъ на друга. Гензельтъ былъ болѣе по части классицизма, но съ прибавкой собственныхъ сочиненій; Герке былъ скорѣе на сторонѣ всей новой музыки, и никогда не заставлялъ играть собственныхъ сочиненій, хотя ихъ были у него груды, и онъ иногда проигрывалъ своимъ ученикамъ то которыйнибудь свой громадный концертъ, то элегію, то Improptu или этюду. У Герке мы играли

этюды Моцелеса, позже—Шопена; у Гензельта спасенія не было отъ Крамера, на которомъ онъ всѣхъ своихъ учениковъ душилъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ, но съ прибавкой которыхъ нибудь собственныхъ этюдъ: «Si oiseau étais, à toi je volerais», «Prière après la tempête» и т. д. Впрочемъ онъ давалъ намъ еще играть, иной разъ, въ видѣ фортепіянныхъ этюдъ, «Clavessin bien tempéré», Баха. По части пьесъ, у Герке мы играли нерѣдко Тальберга (наприм. фантазію на «Норму», на «Donna del Lago», и на разныя другія современныя оперы). иногда играли Листа (наприм. «Galop chromatique», великолѣпное переложеніе «Erlkönig»'а Шуберта, его же марши, нѣкоторыя этюды и фантазіи на новыя оперы), у Гензельта ничего этого никогда не бывало въ репертуарѣ нашемъ: надо было вѣчно играть Гуммелевы «Septuor», «Trio», концертъ, фантазію на Оберона, либо сочиненія самаго Гензельта: «Poème d'amour», «Rhapsodie», „Wiegenlied“ и т. д. Листа и Тальберга Гензельтъ рѣшительно не признавалъ, и вовсе не хотѣлъ знать, считая вмѣсто нихъ величайшимъ композиторомъ сухаго формалиста Гуммеля, и говоря про него, нерѣдко, что онъ такъ великъ, такъ великъ, что ему тѣсна рамка одного только фортепіано, и по настоящему ему слѣдовало бы сочинять оперы и симфоніи. Герке проповѣдывалъ „jeu perlé“, рассыпающіеся жемчугомъ пассажи, точность и элегантность, и всего болѣе любилъ, курия длинный свой черешневый чубукъ, повторять вѣчную фразу, что хорошій піанистъ долженъ быть какъ хорошій кучеръ: и сдерживать лошадей, подобравши крѣпкой рукой поводья, а тоже подчасъ дать имъ порядочнаго кнута. Гензельтъ, вмѣсто того, всего болѣе настаивалъ на растягиваньи пальцевъ и руки, и для этого принуждалъ всѣхъ своихъ учениковъ покупать себѣ „нѣмое фортепіано“, т. е. маленькій ящикъ съ клавишами, но безъ струнъ, и на этихъ то нѣмыхъ инструментахъ мы потихоньку стучали у себя въ сквовномъ столѣ часто въ продолженіе многихъ классовъ, дѣлая гаммы и растягивая пальцы. Ни мы, ни Гензельтъ, тогда еще не знали презрительнаго и глубоко-правдиваго отзыва Шумана объ этихъ орудіяхъ пытки: «Изобрѣтены нынче такъ называемыя нѣмыя клавиатуры; испробуй ихъ, чтобъ убѣдиться, что онѣ никуда не годятся. У нѣмага нельзя научиться говорить» (Musical. Naup.-p. Lebensregeln). Шумана Гензельтъ вовсе даже и не зналъ, или не хотѣлъ знать, точно будто его и на свѣтѣ не существовало, нужды нѣтъ, что въ 1840 году Шуманъ собственною персоною пріѣзжалъ въ Петербургъ, и, въ домѣ у графа Віельгорскаго, исполнялъ оркестромъ или на фортепіано нѣкоторыя изъ самыхъ гениальныхъ своихъ созданій. Но пребываніе Шумана въ Петербургѣ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, о немъ никто даже тогда и не говорилъ,

и объ этомъ прїѣздѣ мы узнали только впоследствии, изъ его біографіи и переписки. Напротивъ того, Герке слѣдилъ за всѣмъ новымъ въ музыкальномъ дѣлѣ, и я, именно благодаря ему, слышалъ и зналъ не только всѣ новыя фортепіанныя сочиненія того времени, множество пьесъ и этюдъ Тальберга и Листа, но даже и Шопена и Шумана. Моя старшая сестра, Софья, также какъ и я, брала уроки у Герке, играла прекрасно, и, въ числѣ новыхъ вещей, середины или конца 30-хъ годовъ, Герке ей давалъ играть концертъ Шопена E-Moll, и фантазію Шумана C-Dur, и самъ часто ихъ исполнялъ, въ видѣ примѣра ученицѣ своей: я былъ уже и тогда въ великомъ восхищеніи отъ этихъ пьесъ, хотя и не зналъ хорошенько, что это за такой Шуманъ, у котораго оказываются вдругъ созданія съ такой изумительной новизной и поэзіей, съ такими своеобразными формами, столь мало похожими на сухихъ Гуммелей и на сентиментальныхъ Гензельтовъ, какихъ мнѣ приходилось всего болѣе играть. На фантазіи C-Dur остановилось тогда все мое знакомство, остальнаго Шумана я началъ узнавать не ранѣе какъ 15 лѣтъ спустя, въ 1855 г., послѣ моего возвращенія изъ чужихъ краевъ. При такой разности направленія, нотнаго репертуара и ученья, казалось-бы, все преимущество на сторонѣ Герке, и ничего хорошаго не оставалось за уроками Гензельта. И однако же на дѣлѣ выходило не такъ: у Герке всѣ мы цоучались только хорошей, чистой, аккуратной, выразительной и приличной техникѣ, все остальное, въ томъ числѣ извѣстное поэтическое настроеніе, эlegantность, колоритность и художественное разнообразіе — всего этого требовалъ и старался развить въ насъ только Гензельтъ. Онъ самъ много намъ игралъ въ каждомъ классѣ, въ тѣ минуты, когда не бѣсился на насъ и не бранился на всѣ манеры, на баварскомъ своемъ жаргонѣ, и когда не билъ насъ по пальцамъ длиннымъ карандашомъ.

Съ конца 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, мы стали слышать, даже не выходя изъ училищной сферы, гораздо болѣе музыки и музыкальныхъ исполнителей, чѣмъ прежде. Всѣ прїѣзжія тогда музыкальныя знаменитости играли и пѣли во дворцѣ у принца, и лучшихъ нашихъ музыкантовъ всегда водили на эти музыкальные вечера. Къ Пошману также всегда приглашали, на счетъ принца, лучшихъ изъ прїѣзжихъ солистовъ, «для образованія и развитія нашего вкуса и понятій», и мы такимъ образомъ слышали Тальберга (еще въ 1838 г.), Пасту, Росси, Липинскаго, Ольбулля, Дрейшока, Леопольда Майера и многихъ другихъ. Липинскій, какъ сейчасъ помню, игралъ у Пошмана на квартирѣ одинъ, безъ всякаго аккомпанимента, сидя посреди большой и низенькой залы директорской, и

какъ ни скученъ и ни бѣденъ звукъ уединенной скрипки, все-таки мы были изумлены и приведены въ восхищеніе широкимъ, величавымъ тономъ, благородствомъ выраженія Липинскаго. Дрейшокъ былъ необыкновенно сухъ и деревянень, скученъ до неимовѣрности, но cadaго онъ поражалъ своей игрой на фортепяно одной лѣвой рукой: тутъ техника у него была развита до изумительной степени. Леопольдъ Майеръ, хотя и блестящій пианистъ, поразилъ насъ только своимъ турецкимъ «маршемъ» (Oztape), только что вывезеннымъ изъ Константинополя, и развозимымъ по цѣлой Европѣ: этотъ восточный элементъ былъ для насъ новинкой. Но главными предметами нашего восхищенія были: Тальбергъ, Росси и Паста. Въ тѣ времена Тальбергъ считался по всей Европѣ равней и соперникомъ Листа, не только по сочиненію, но и по исполненію.

Мы, конечно, вполнѣ этому вѣрили. Не слыхавъ еще Листа, мы приходили въ безпредѣльный восторгъ отъ игры Тальберга—конечно, до тѣхъ поръ мы ничего подобнаго еще не слыхали, да, впрочемъ, и дѣйствительно, способъ игры и выраженія Тальберга, способъ употребленія имъ фортепяно, были совершенно новы и своеобразны, быть можетъ всего болѣе благодаря изумительнымъ усовершенствованіямъ въ фортепянной конструкціи, произведеннымъ Эраромъ въ Парижѣ, а Тальбергъ тотчасъ-же воспользовался новооткрытыми способностями фортепяно, и направилъ къ тому всѣ свои сочиненія. Тягучесть тона въ мелодіяхъ, блескъ и легкость въ пассажахъ, окружавшихъ мелодію какъ кружево, и сыпавшихся золотистыми каскадами—это было ослѣпительно для всей тогдашней Европы, разумѣется выходило таковымъ и для насъ. Услыхавъ разъ Тальберга у принца, мы всѣ, училищные музыканты, выпрашивали себѣ потомъ отпуски на многіе его концерты въ Большомъ театрѣ или Энгельгардовой залѣ. Въ одномъ изъ нихъ мы были вмѣстѣ съ А. Н. Сѣровымъ, въ ложѣ, оба были одинаково восхищены, и (какъ читатель можетъ увидѣть изъ напечатанныхъ мною писемъ Сѣрова) мы оба продолжали восторгаться Тальбергомъ вплоть до самаго пріѣзда Листа въ 1842 году. Паста была уже почти старуха, когда пріѣхала въ Петербургъ, и часто фальшила своимъ натруженнымъ и попорченнымъ голосомъ. Но въ ея натурѣ присутствовала глубоко-трагическая сила, соединенная съ необыкновенною страстностью; въ добавокъ къ тому она была изумительно-превосходная актриса, пластика игры у ней была поразительна по красотѣ и силѣ, и хотя она исполняла все только старинную итальянскую дребедень, въ родѣ «Семирамиды» Россини и «Анны Болея» Доницетти, но мы были отъ нея въ восторгѣ, и она у насъ осталась навсегда въ памяти, какъ типъ, никѣмъ не превзойденный, великаго

трагическаго исполненія.—Графиня Росси была вѣчто совершенно противоположное. На сценѣ мы ея никогда не слышали, она была теперь уже не Генріэтта Зонтагъ, а жена итальянскаго посланника Росси, о сценѣ давно уже забыла, проводила время во дворцахъ и аристократическихъ салонахъ, но все-таки иной разъ участвовала въ благотворительныхъ концертахъ Патриотическаго общества, гдѣ участвовали еще и другія княгини и графини; но, не смотря на все это, она сохранила всю свою ангельскую, чисто рафаэлевскую красоту и грацію выраженія, и Сѣровъ, всего прежде всегда наклонный къ граціозному въ искусствѣ, сходилъ отъ нея положительно чуть не съ ума. Много подробностей объ ея пѣніи и исполненіи читатель найдетъ въ восторженныхъ письмахъ Сѣрова ко мнѣ изъ періода 1841 года.

VII.

Пріѣздъ Листа въ Петербургъ, въ 1842 году, былъ для меня съ Сѣровымъ сущее мировое событіе. У насъ воображеніе было сильно настроено заранѣе, послѣ всего читаннаго и слышаннаго о Листѣ, но впечатлѣніе, произведенное на насъ имъ самимъ, было въ тысячу разъ сильнѣе всего, что мы могли предвидѣть. Необычайно дѣйствовалъ на насъ уже и составъ его концертовъ: почти всегда онъ игралъ совершенно одинъ, безъ всякаго оркестра, и безъ всякихъ помощниковъ, собою однимъ наполняя весь концертъ—это была тогда совершенная новость въ Европѣ. Но въ добавокъ къ тому, онъ являлся въ концертъ съ такимъ разнообразіемъ исполняемыхъ сочиненій, о какомъ никто до него не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Концертъ Листа являлся (тоже совершенная новость тогда!) сущею исторической выставкой музыкальнаго творчества. Онъ игралъ заравъ и старинныхъ сочинителей, Баха, Генделя, и разныхъ старыхъ итальянцевъ, и народныя мелодіи и мастерскія переложенія изъ ста плохихъ оперъ, и вальсы и марши Шуберта, и безчисленныя пьесы Шопена, и фортепианныя сочиненія Вебера, множество собственныхъ «сочиненій, множество самыхъ негодныхъ заплеснѣвшихъ ковыляній Гуммеля, Пиксиса, Калькбреннера и имъ подобныхъ, но рядомъ тоже—и крупныя отрывки изъ величайшихъ созданій Бетховена и Берліоза (одного Шумана онъ, какъ и Гензельтъ, никогда не игралъ, кромѣ періода самыхъ юношескихъ лѣтъ своихъ въ Парижѣ). Все это вмѣстѣ являлось какой-то громадной эклектической массой, гдѣ самое дрянное и ничтожное было перемѣшано съ геніальнымъ, заставляя удивляться неразборчивой «всеядности» Листа—изумительная игра природы!—но что-же

дѣлать, когда только цѣною этой неравборчивости и безвкусія выигрывались тоже и изумительные алмазы, какихъ не было ни у одного піаниста. Мы въ концертахъ Листа впервые услышали цѣлый міръ намъ невѣдомыхъ музыкальныхъ твореній, множество такого, чѣмъ гордится исторія музыкальнаго искусства за всѣ времена своего существованія, но какъ это исполнялось! Такъ какъ можетъ исполнять только величайшій музыкальный геній, создавшій изъ фортепіано невѣдомую и неслыханную вещь—цѣлый оркестръ, и играющій на этомъ оркестрѣ какъ съ сотворенія міра еще никто не игралъ.

Въ день перваго концерта Листа, 8 апрѣля 1842 г., мы оба съ Сѣровымъ уже часа за два до концерта, назначеннаго въ 2 часа дня, забрались въ залу Дворянскаго собранія, я—въ своемъ мундирѣ съ золотыми петлицами, Сѣровъ—въ свѣтло-коричневомъ длиннополомъ фракѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами, на распашку. Съ первой же минуты мы были поражены необычнымъ видомъ залы. Была поставлена маленькая четырехъ-угольная эстрада на самой срединѣ залы, между царской ложей и большой противоположной ей ложѣ (называвшейся тогда «дипломатической», такъ какъ на парадныхъ балахъ и концертахъ тамъ всегда сидѣлъ «дипломатическій корпусъ»). На этой эстрадѣ помѣщалось два рояля, концами врозь, и два стула передъ ними: ни оркестра, ни инструментовъ, ни нотъ, никакихъ другихъ музыкальныхъ приготовленій во всей залѣ не было видно. Скоро зала стала наполняться, и тутъ я увидалъ, въ первый разъ своей жизни—Глинку. Это была маленькая приземистая фигурка, съ вихромъ на головѣ и гладко подстриженными бакенбардами, въ черномъ фракѣ, застегнутомъ до верху, съ раздутыми пюврями и поминутно приподнимаемою вверхъ головою, со сдвинутыми бровями и остро смотрящими глазами, съ лицомъ и головою, вообще очень похожими на бюстъ, сдѣланный Степановымъ. Мнѣ его указалъ Сѣровъ, который незадолго до того съ нимъ познакомился, и, конечно, поспѣшилъ подойти къ нему, съ улыбками, вопросами и рукопожатіями. Однако Глинка не долго съ нимъ распространялся; его стала кликать одна знакомая дама, сухая и старая, какъ говорили, отличная тогдашняя піанистка—m-me Палибина. Я протѣснился и сталъ подлѣ: мнѣ до крайности интересно было услышать и увидеть собственными глазами, что это за птица такая—Глинка, котораго оперу «Жизнь за царя» я мало любилъ (изъ за плаксиваго и ноющаго Вани, но именно болѣе всего, кажется, всѣмъ тогда нравившагося), а все-таки про автора я поминутно слышалъ и отъ Сѣрова и въ семействѣ Александровыхъ, гдѣ Глинка тогда часто бывалъ. Разговоръ шелъ громкимъ голосомъ, ничуть не интимный, и потому мнѣ казалось ничуть не

предосудительнымъ услышать изъ него кое-что. Началось съ милыхъ упрековъ, затѣмъ такъ давно не видать м-г Glinka, а она вѣдь живетъ такъ близко, такъ удобно, въ самомъ почти центрѣ города, вотъ тутъ рядомъ на Михайловской площади. Глинка разсыпался въ учтивостяхъ по французски, немного наклоняясь къ креслу своей дамы, и тутъ же оживленно повертывался на всѣ стороны, и, заложивъ палецъ за пуговицу фрака, объявлялъ, что никакъ не можетъ, некогда, кончать свою оперу. «Ah, se sera un opéra délicieux», объявляла m-me Palibine, пожимаясь на своемъ креслѣ, никогда не забуду, какъ вы у насъ пѣли романсы или пѣсню... comment appelez vous cela, этого... этого... Финал!»—Баллада, поправилъ Глинка, —«Oui, c'est admirable», лепетала m-me Palibine, поглядывая въ лорнетъ по залѣ. «Et vous êtes déjà bien avancé, m-g Glinka, avec votre opéra?» — Я кончаю восточные танцы въ III-мъ актѣ. Imaginez, madame, ces maudites danses me donnent bien plus de peine que mes plus grands morceaux.»—«Ah, je sais, je sais, votre «Gorislaw», charmante, charmant! Je l'ai aussi entendue exécutée par vous-même, vous vous rappelez»..., повторяла мадамъ Палибинъ, продолжая водить лорнетомъ по залѣ. Потомъ она стала разспрашивать о разныхъ подробностяхъ оперы, и Глинка отвѣчалъ какъ-то вяло и неохотно, но въ это время сдѣлался какой-то шумъ въ залѣ, всѣ повернулись въ одну сторону, и мы увидели Листа, прохаживающаго по галлерей за колоннами, подъ ручку съ толстопузымъ графомъ Мих. Юрь. Виейльгорскимъ, который медленно двигался, вращая огромными выпученными глазами, въ завязномъ à la Аполлонъ Бельведерскій кудрявомъ парикѣ и въ громадномъ бѣломъ галстухѣ. Листъ былъ тоже въ бѣломъ галстухѣ, поверхъ котораго красовался у него на шеѣ орденъ Золотой Шпори, незадолго передъ тѣмъ данный ему папой, съ какими то еще орденами, на цѣпочкахъ, на отворотѣ фрака. Онъ былъ очень худощавъ, держался сутуловато, и хотя я много читалъ про его знаменитый «флорентинскій профиль», дѣлавшій его будто бы похожимъ на Данта, я ничего не нашелъ хорошаго въ его лицѣ. Миѣ уже сильно не понравилась эта манія орденовъ, а потомъ, точно также мало нравилось его приторное и изысканное обращеніе со всѣми встрѣчавшимися. Но что сильно поражало—это громадная бѣлокурая грива на головѣ. Такихъ волосъ никто не смѣлъ тогда носить въ Россіи, они были здѣсь строжайше запрещены. Тотчасъ пошелъ глухой говоръ по залѣ, замѣчанія и отзывы про Листа. У моихъ сосѣдей разговоръ, на минуту прерванный, снова завязался. Мадамъ Палибина спрашивала Глинку, слышалъ ли онъ уже Листа, Тотъ отвѣчалъ, что да, слышалъ, еще вчера вечеромъ, у графа Виейльгорскаго. «Ну и что же,

какъ вы его нашли?» спрашивала неотвязная знакомая. И тутъ я пришелъ въ неописанное изумленіе и негодованіе: Глинка, безъ малѣйшаго затрудненія отвѣчалъ, что иное Листъ играетъ превосходно, какъ никто въ мірѣ, а иное пренесносно, съ префальшивымъ выраженіемъ, растягивая темпы, и прибавляя къ чужимъ сочиненіямъ, даже къ Шопену и Бетховену, Веберу и Баху, множество своего собственнаго, часто безвкуснаго и никуда негоднаго, пустѣйшихъ украшеній. Я былъ ужасно скандализованъ. Какъ! вотъ какъ смѣетъ отзываться о великомъ геніальномъ Листѣ, отъ котораго съума сходитъ вся Европа, какой то нашъ «посредственный» русскій музыкантъ, еще ничѣмъ особеннымъ себя не заявившій! Я былъ ужасно сердитъ, мадамъ Палибина тоже, кажется, не совѣмъ то расположена была раздѣлять мнѣніе Глинки, и смѣясь говорила: «Allons donc, allons donc, tout cela se n'est-que rivalité de métier!» Глинка тоже смѣясь и пожимая плечами, отвѣчалъ: «Какъ вамъ угодно!» но въ эту минуту Листъ сошелъ съ галереи, протѣснился сквозь толпу и быстро подошелъ къ эстрадѣ; но вмѣсто того, чтобы подняться по ступенькамъ, вскочилъ сбоку прямо на возвышеніе, сорвалъ съ рукъ бѣлыя свои лайковыя перчатки и бросилъ ихъ на полъ, подъ фортепьяно, раскляпая на всѣ четыре стороны при такомъ громѣ рукоплесканій, какого въ Петербургѣ съ самаго 1703 году еще навѣрное не бывало, и сѣлъ. Мгновенно наступило въ залѣ такое молчаніе, какъ будто всѣ разомъ умерли, и Листъ началъ виолончельную фразу увертюры «Вильгельма Телля» безъ единой ноты прелюдированія. Кончилъ свою увертюру, и пока зала тряслась отъ громовыхъ рукоплесканій, онъ быстро перешелъ къ другому фортепьяно, и такъ мѣнялъ рояль для каждой новой пьесы, являясь лицомъ то одной, то другой половинѣ залы. Въ этомъ же своемъ концертѣ Листъ игралъ еще *Andante* изъ «Лучи», переложеніе «Аделаиды» Бетховена, свою фантазію на Моцартова «Донъ-Жуана», и въ заключеніе всего — очень плохой и ничтожный по музыкѣ, но увлекательный по ритму и курьезный по гармоніямъ свой «*Galop chromatique*». Мы съ Сѣровымъ были послѣ концерта какъ помѣшанные, едва сказали другъ другу по нѣскольکو словъ, а поспѣшили каждый домой, чтобы поскорѣе написать одинъ другому свои впечатлѣнія, свои мечты, свои восторги: на единѣ съ бумагой, чернильницей и перомъ вѣдь намъ казалось гораздо лучше, превосходнѣе, возможнѣе, чѣмъ прямо въ лицо одинъ другому, высказывать чтò намъ нужно было и чтò кипѣло внутри. Тутъ мы, между прочимъ, клялись одинъ другому, что этотъ день 8-го апрѣля 1842 года отнынѣ и на вѣки намъ священъ и до самой гробовой доски мы не забудемъ ни одной его черточки.

Мы были какъ влюбленные, какъ бѣшеные. И не мудрено. Ничего подобнаго мы еще не слышали на своемъ вѣку, да и вообще мы никогда еще не встрѣчались лицомъ къ лицу съ такою гениальною, страшною, демоническою натурою, то носившеюся ураганомъ, то разливавшеюся потоками нѣжной красоты и граціи. Впечатлѣніе отъ Листовой игры было рѣшительно подавляющее даже тогда, когда онъ игралъ такія плохія вещи, какъ «Аделаида» Бетховена, или фаворитное у всѣхъ европейскихъ публикъ *Andante* изъ «Лучи». Во 2-мъ концертѣ всего замѣчательнѣе явились у него мазурки Шопена и «*Erlkönig*», Шуберта—этотъ послѣдній въ его собственномъ переложеніи, но исполненный такъ, какъ навѣрное никогда не исполнялъ еще ни одинъ пѣвецъ въ мірѣ. Это была настоящая картина, полная поэзіи, таинственности, волшебства, красокъ, лошадиного грознаго топота, чередующагося съ отчаяннымъ голосомъ умирающаго ребенка. Я думалъ, что никогда на своемъ вѣку не услышу больше ничего подобнаго, и однако вышло, что я жестоко ошибался: въ послѣдствіи я слышалъ много разъ и «*Erlkönig*'а», и мазурки Шопена въ исполненіи Рубинштейна, и долженъ былъ признаться, что тутъ Рубинштейнъ ни на единую іоту не уступалъ Листу. Но чего не далъ мнѣ никогда Рубинштейнъ, не смотря на всю гениальную талантливость своей игры (когда исполнялъ созданія Шопена и Шумана), это такого выполненія, на фортепіано, симфоній Бетховена, какое мы слышали въ концертахъ Листа. Рубинштейнъ, притомъ же, никогда не бралъ себѣ задачей выполнять однимъ фортепіаномъ великія оркестровыя созданія, его задача была всегда болѣе сжатая и тѣсная: однѣ фортепіанныя пьесы.—Во 2-мъ концертѣ своемъ (11 апрѣля) Листъ сыгралъ всю вторую половину «Пасторальной симфоніи»: онъ началъ съ „пляски крестьянъ“, потомъ воспроизвелъ ни съ чѣмъ несравнимую Бетховенскую „бурю“, наконецъ—весь финалъ симфоніи. Мы съ Сѣровымъ этой симфоніи еще вовсе не знали, и оттого наше изумленіе, наша радость, наши восторги были тѣмъ неожиданнѣе и тѣмъ больше. Впослѣдствіи, мнѣ еще одинъ только разъ въ жизни привелось услышать это скерцо и бурю въ подобномъ же исполненіи: это когда Берліозъ сыгралъ ихъ, въ Петербургѣ, на оркестрѣ. Ну, да вѣдь Листъ и Берліозъ, это были два родные брата по гению и глубокой поэзіи!—Въ третьемъ своемъ концертѣ (22 апрѣля), въ залѣ Энгельгардтъ, Листъ игралъ „*Concertstück*“ Вебера и сонату Бетховена „*Sonata quasi fantasia*“. Обѣ вещи были для насъ съ Сѣровымъ совершенно новыя. Какъ онѣ были сыграны—про то нечего и говорить. Но въ „*Concertstück*“ насъ всего болѣе поразило, какъ Листъ распорядился съ маршемъ, стоящимъ посрединѣ

пьесы. Его исполняютъ одинъ оркестръ, сначала *pianissimo*, потомъ, во всемъ блескѣ, и со всюю оркестровою силою. Листъ далъ сыграть первую половину оркестру, но потомъ, точно выхвативъ у него всѣ инструменты изъ рукъ, перебилъ его, и сыгралъ оркестровый *tutti*—одинъ, безъ единой ноты оркестра, но съ такою колоссальною силою, съ такимъ блескомъ и увлеченіемъ, что никогда бы, кажется, никакому оркестру за нимъ не угонаться и не достигнуть его страсти, величія, подавляющей энергіи. Но еще болѣе поразило меня въ это утро „*Sonata quasi fantasia*“, которую я слышалъ въ первый разъ своей жизни. Это была та самая „драматическая музыка“, о которой мы съ Сѣровымъ въ тѣ времена больше всего мечтали и поминутно обмѣнивались мыслями въ нашей перепискѣ, считая ее той формой, въ которую должна окончательнo обратиться вся музыка. Мнѣ показалось, что въ этой сонатѣ есть цѣлый рядъ сценъ, трагическая драма: „въ 1-й части—мечтательная, кроткая любовь и состояніе духа, по временамъ наполненное мрачными предчувствіями; дальше, во второй части (въ *Scherzo*)—изображено состояніе духа болѣе покойное, даже игривое—надежда возрождается; наконецъ, въ третьей части—бушуетъ отчаяніе, ревность, и все кончается ударомъ кинжала и смертью»¹⁾. Сама-ли музыка и исполненіе Листа непосредственно дѣйствовали на меня съ громадною какой-то силою, или въ тотъ день мои нервы были слишкомъ сильно раздражены опасеніемъ не попасть въ этотъ концертъ, такъ какъ меня не пускали изъ училища, а когда отпустили, то было уже такъ поздно, что я, безъ денегъ поѣхалъ прямо въ концертъ, надѣясь встрѣтить при входѣ свою семью, и, значить, рисковалъ до послѣдней минуты, что ничто не состоится, и я постою-постою на подъѣздѣ, да такъ и ворочусь, въ невозможности войти въ залу—такъ или иначе, но я былъ до того возбужденъ и нервно раздраженъ въ этомъ концертѣ отъ мучительнаго слѣпаго страха, томленія, надеждъ, препятствія, и наконецъ внезапнаго исполненія страстнаго моего желанія, какъ никогда, мнѣ кажется, во всю жизнь ни въ какомъ концертѣ; а когда я услышалъ, въ добавокъ ко всему, это страстное, глубоко-патетическое Бетховенское созданіе, «*Sonata quasi fantasia*», въ неподражаемомъ исполненіи Листа, я уже больше не въ состояніи былъ владѣть собою и разревѣлся истерично, сидя у себя на хорахъ, въ этой Энгельгардтовой залѣ, погруженной въ глубокое молчаніе. Сосѣди съ удивленіемъ и досадою посматривали на этого уморительнаго 18-ти лѣтняго правовѣда, ка-

¹⁾ (см. письмо Сѣрова ко мнѣ отъ 26 апрѣля 1842, и мое къ нему: Приищаніе, „Русск. Старина“ 1876, т. XVI, май.

жется уже не ребенка, разливающегося потоками горячихъ слезъ и прячущаго лицо на бархатномъ поручнѣ балкона, — состояніе духа, повидимому ничѣмъ особеннымъ не вызванное. Но именно это сильно потрясенное состояніе духа повлекло за собою, въ тотъ-же день, горячее письмо отъ меня къ Сѣрову, которое очень ему понравилось, и про которое онъ мнѣ напоминалъ даже много лѣтъ спустя, въ своихъ письмахъ и разговорахъ. Мы съ Сѣровымъ присутствовали послѣ того и на всѣхъ прочихъ концертахъ Листа, приходили въ безмѣрный восторгъ отъ всего имъ исполняемаго, и столько же безмѣрно радовались множеству доходившихъ до насъ рассказовъ о необыкновенной натурѣ Листа, о необычайномъ его владѣніи всѣми музыкальными средствами, наприм., разказу о томъ, какъ на вечерѣ у гр. Вьельгорскаго онъ *à livge ouvert* игралъ многія мѣста изъ новой оперы «Русланъ и Людмила», которую видѣлъ въ первый разъ, и которую Глинка принесть ему показать въ полной оркестровой партитурѣ. Каковъ былъ такой музыкантъ! Мы позабыли его и сравнивать съ какимъ-нибудь милымъ, элегантнымъ, но ординарнымъ Тальбергомъ. Одинъ былъ для насъ—недостижимый гигантъ, другой—только приличный салонный пианистъ. И мы, въ нашемъ энтузіазмѣ, взяли да написали пламенные письма къ Листу. Сѣровъ самъ ихъ понесъ къ нему. Сѣрова ввелъ къ Листу и отрекомендовалъ нашъ общій знакомый, Герке, который былъ давно знакомъ съ Листомъ, и, въ своемъ добродушномъ, искреннемъ восхищеніи отъ него, проводилъ у него въ квартирѣ цѣлые дни, неразлучно съ нимъ. Листъ очень мило принялъ Сѣрова, прочелъ наши пламенные письма такъ, какъ всегда подобныя письма читаются — со снисхожденіемъ, самъ тотчасъ-же сталъ играть Сѣрову свою фантазію на «Донъ-Жуана», изъ которой дѣлалъ великолѣпный рядъ смѣняющихся картинъ, и потомъ распрощался съ нимъ, оставивъ въ немъ навѣки неизгладимое, ни съ чѣмъ несравненное чувство обожанія. Листъ не забылъ насъ обихъ. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, болѣе познакомясь съ Сѣровымъ, онъ ему напоминалъ про это первое наше знакомство, а въ 1869 году, когда я съ Листомъ встрѣтился въ Мюнхенѣ, и мы стали припоминать прежнія времена, онъ заговорилъ со мной и про нашу давнишнюю, пламенную юношескую выходку.

При такомъ обожаніи нашемъ къ Листу, мы были вѣ себя отъ негодованія, когда въ слѣдующемъ, 1843 году, постомъ, Листъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, и публика наша уже слишкомъ мало обратила на него вниманія. У публики была уже новая игрушка въ рукахъ, и гораздо болѣе для нея подходящая: итальянскіе пѣвцы и итальянская опера. Теперь уже Рубини всѣхъ сводилъ съ ума, такъ какъ

никто и ничто прежде. Глупѣйшее итальянское пѣніе, ложный паеосъ, искусственная и совершенно условная страстность, отсутствіе всякой естественности, манежная выработанность и цѣлые потоки безвкусныхъ пассажей и фіоритуръ—все это было драгоцѣнно, мило и несравненно для толпы. О Листѣ никто больше и не думалъ. И мы отъ души ненавидѣли итальянцевъ, и всю ихъ нелѣпую музыку. Пржнее мое поклоненіе имъ, условленное первоначальнымъ моимъ полнымъ невѣжествомъ относительно всей остальной музыки, давно уже улетѣло какъ дымъ. Мы дѣлали единственное исключеніе—для Віардо, которая, не взирая на вѣчное свое исполненіе однѣхъ только «Сомнамбулъ» и прочей дребедени, была все-таки громадно-талантлива и дѣйствительно музыкальна. Но о нашемъ съ Сѣровымъ непримиримомъ отношеніи къ итальянизму, обуявшему Петербургъ съ 1843 года, мнѣ придется подробно говорить въ слѣдующихъ главахъ моей автобіографіи.

Въ послѣдніе годы моего пребыванія въ училищѣ правовѣдѣнія, наша переписка съ Сѣровымъ постоянно получала все болѣе и болѣе серьезное и дѣльное направленіе. Не только по одной музыкѣ, но также и по множеству другихъ предметовъ, интересовавшихъ насъ, мы работали и образовывали одинъ другаго. По нашему тогдашнему выраженію, мы «подсаживали» другъ друга вверхъ. О чемъ мы толковали тогда, тому слѣды остались въ уцѣлѣвшихъ (и напечатанныхъ) письмахъ Сѣрова ко мнѣ. Замѣчу здѣсь только, что я постоянно настаивалъ на томъ, чтобы онъ принимался пробовать себя въ сочиненіи, на что онъ, по всегдашней во всемъ робости и нерѣшительности, долго не смѣлъ отважиться, даромъ что его сильно тянуло къ композиторству—и наконецъ-таки рѣшился. Но онъ началъ Богъ знаетъ съ какихъ странныхъ сюжетовъ: съ „Rattenfänger“ а „Gétes!“ Я былъ приведенъ въ необычайное удивленіе, какъ можно такой ничтожный, плоскій сюжетъ брать себѣ задачей, да еще въ первыя минуты позыва къ творчеству. Множество другихъ композицій, большихъ и малыхъ, затѣянныхъ Сѣровымъ въ это же время, остались почти всѣ только въ проэктахъ, а онъ самъ—при однихъ только слабосильныхъ потугахъ, въ чемъ онъ и самъ съ отчаяніемъ сознавался.

Кромѣ Бетховена, Берліоза, Листа и Глинки, которыми мы начинали тогда интересоваться, и которыхъ мы поминутно разбирали и анатомировали, на свой ладъ, въ письмахъ своихъ (Берліоза мы знали очень мало, по однимъ ф. п. переложеніямъ Листа, такъ какъ его сочиненій въ концертахъ нашихъ тогда еще не играли,)—кромѣ вообще музыки, мы съ Сѣровымъ много толковали, въ эту эпоху, и

про другія искусства. Всего болѣе про живопись, и въ ней всего болѣе про Брюлова, который тогда казался намъ (какъ и всей Россіи) величайшимъ художникомъ XIX-го вѣка и колоссальнымъ гениемъ, двигавшимъ искусство на новыя пути. Конецъ 30-хъ годовъ и начало 40-хъ было временемъ самой большой его плодовитости. Портретамъ, картинамъ и образамъ, выходившимъ поминутно изъ его мастерской, благодаря безчисленнымъ заказамъ, не было конца, и мы не пропускали, по возможности, ни одного великаго созданія великаго Брюлова безъ того, чтобъ добиться увидать его, а потомъ всласть и съ упоеніемъ наговориться о немъ лично и въ письмахъ. Я помню даже, что когда, въ 1840-мъ году, появилась въ Казанскомъ соборѣ, въ качествѣ за-престольнаго образа, знаменитая въ то время картина Брюлова: «Взятіе Божіей Матери на небо», то я, уже достаточно наэлектризованный ею незадолго передъ тѣмъ, на академической выставкѣ, дождался пасхи, когда царскія двери отворены, и каждое утро ранехонько бѣжалъ въ Казанскій соборъ, и дождался, когда солнце придетъ съ этой стороны, и на нѣсколько часовъ ярко освѣтитъ мою драгоценную картину, все остальное время дня погруженную въ глубокой мракъ, по совершенно негодному для картины расположенію оконъ. Тутъ я проводилъ нѣсколько часовъ въ безмятежномъ созерцаніи и ощущеніи великихъ красотъ поражавшей меня картины. Я возвращался домой къ утреннему чаю, совершенно счастливый и довольной собою. Точно также, много времени провелъ я тогда, по праздникамъ и на каникулахъ, въ созерцаніи «Распятія» Брюлова въ лютеранской церкви Петра и Павла на Невскомъ проспектѣ. Вся картина, въ своемъ цѣломъ, мнѣ и тогда не очень-то нравилась, по своей сентиментальной сухости и условности, но тѣло, и особенно грудь Христа написаны, дѣйствительно, съ неподражаемымъ рельефомъ, просто выходятъ изъ холста, и я на это любовался сильно. Впрочемъ, надо замѣтить, въ лютеранскую церковь меня часто влекла не одна картина Брюлова: сильной притягательной силой былъ еще громадный новый органъ, недавно привезенный изъ Лудвигсбурга, и въ тѣ времена очень красивый тономъ. Я скоро подружился съ органистомъ этой церкви, Билингомъ, который, правда, былъ несносенъ, когда исполнялъ собственныя сочиненія и фантазировалъ экспромтомъ, но часто игралъ, нарочно для меня, великолѣпнѣйшія фуги и прелюдіи Баха. Я такъ былъ внимателенъ и такъ прилежно разбиралъ и играемое, и играющаго, что Билингъ говаривалъ: «Для васъ стоитъ играть»!, и иногда по полу-часу продолжалъ играть для меня одного, когда уже вся толпа воскресныхъ нѣмцевъ и нѣмокъ разбрелась изъ церкви, и мы оста-

вались съ нимъ одни-одинехоньки на хорахъ. Я тутъ прослушалъ и узналъ много хорошаго, а выходилъ изъ церкви иногда совершенно потрясенный. не только исполненными сочиненіями, но даже и одними только несравненными, величавыми, колоссальными звуками музыкальнаго мастодонта—органа.

Въ послѣдніе три года пребыванія въ училищѣ, нашъ классъ не только продолжалъ много читать, но читалъ все больше и больше. Время было такое, когда нельзя было не читать. Почти въ каждой новой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» появлялось одно или нѣсколько стихотвореній Лермонтова, отрывки изъ «Героя нашего времени», непременно—одна большая статья Бѣлинскаго, и цѣлый рядъ мелкихъ, его разборы книгъ. Я помню, съ какою жадностью, съ какою страстью мы кидались на новую книжку журнала, когда намъ ее приносили, еще съ мокрыми листами, и подавали обыкновенно въ серединѣ дня, послѣ нашего обѣда. Тутъ мы брали книжку чуть не съ боя, перекупали одинъ у другаго право ее читать раньше всѣхъ; потомъ, всѣ первые дни, у насъ только и было разговоровъ, разсужденій, споровъ, толковъ, что о Бѣлинскомъ, да о Лермонтовѣ. Золотинство чудныхъ мелкихъ пьесъ этого послѣдняго мы сейчасъ-же знали наизусть. Бѣлинскій-же былъ—рѣшительно нашимъ настоящимъ воспитателемъ. Никакіе классы, курсы, писанія сочиненій, экзамены и все прочее, не сдѣлали столько для нашего образованія и развитія, какъ одинъ Бѣлинскій, со своими ежемѣсячными статьями. Мы въ этомъ не различались отъ остальной Россіи того времени. Громадное значеніе Бѣлинскаго относилось, конечно, никакъ не до одной литературной части: онъ прочищалъ всѣмъ намъ глаза, онъ воспитывалъ характеры, онъ рубилъ, рукою силача, патріархальныя предрасудки, которыми жила сплошь до него вся Россія, онъ издали приготавливалъ то здоровое и могучее интеллектуальное движеніе, которое окрѣпло и поднялось четверть вѣка позже. Мы всѣ—пряме его воспитанники.

Появленіе «Мертвыхъ душъ», въ концѣ лѣта 1842 года, было для насъ событіемъ необычайной важности. Эта книга пришла къ намъ въ руки въ концѣ лѣта, когда мы воротились съ каникулъ. Классы еще не начинались, нѣсколько дней оставалось совершенно свободными, и мы могли заниматься чѣмъ хотѣли—тѣмъ болѣе, что мы только что перешли въ 1-й, т. е. высшій классъ, получили шпаги, и были уже чѣмъ-то въ родѣ офицеровъ. Вотъ мы и употребили свободное время такъ, какъ намъ было всего дороже: на прочтеніе залпомъ «Мертвыхъ душъ» всѣми нами вмѣстѣ, одной большой толпой, чтобы

прекратить всё споры объ очереди. Время стояло чудесное, августъ былъ, въ тотъ годъ, жаркій, и мы всё полегли въ нашомъ классѣ, разстегнувъ куртки и снявъ галстуки, просто на полъ, а трое изъ насъ, Оголинъ, Замятнинъ и я, какъ лучшіе въ классѣ чтецы, взялись громко читать по очереди—и вотъ въ такомъ-то порядкѣ, мы въ продолженіи нѣсколькихъ дней, читали и перечитывали это великое, неслыханно-оригинальное, несравненное, національное и гениальное созданіе. Мы были всё точно опьянѣлые отъ восторга и изумленія. Сотни и тысячи Гоголевскихъ фразъ и выраженій тотчасъ-же были всёми извѣстны наизусть, и пошли въ общее употребленіе. Гоголевскій лексиконъ нашъ, уже съ 30-хъ годовъ столько богатый, еще больше прежняго разрастался.

Что касается чтенія на иностранныхъ языкахъ, то оно ничуть не замирало, не смотря на все преобладаніе русскихъ великихъ книгъ и авторовъ, такъ сильно завладѣвшихъ нашимъ воображеніемъ и мыслями. Мы продолжали довольно много читать и по-французски, и даже по-нѣмецки. Дорогіе наши «воспитатели» Шнѣрингъ и Бушманъ, еще больше прежняго съ нами сблизившіеся, и почти переставшіе быть для иныхъ изъ насъ казенными «воспитателями», но становившіеся все болѣе и болѣе нашими друзьями, проводили много времени въ разговорахъ съ нами, теперь уже юношами, и давали намъ на прочтеніе множество хорошихъ книгъ. Бушману я обязанъ тѣмъ, что уже 18-ти лѣтъ прочелъ всего Винкельмана, даже со всёми его письмами (нѣмецкое изданіе въ маленькихъ 12-и томикахъ), а Шнѣрингу тѣмъ, что узналъ Гейне. Какъ я уже выше говорилъ, Гейне былъ въ тѣ времена подъ яростнымъ запретомъ по цѣлой Россіи, и мы всё, я въ томъ числѣ, не имѣли о немъ ни малѣйшаго понятія. Но случилось, что меня посадили въ карцеръ, когда я былъ уже въ 1-мъ классѣ, за что—не помню. Мой другъ Шнѣрингъ, съ сожалѣніемъ отпуская меня туда, далъ мнѣ потихоньку книжечку очень маленькаго формата, которую удобно было спрятать въ рукавъ или на груди, подъ курткой. Когда я пришелъ въ карцеръ (на тотъ разъ, къ счастью, свѣтлый), я тотчасъ же вытащилъ книжечку. Оказалось что это—«Salon» Гейне. Я читалъ, и не выпускалъ книгу изъ рукъ, всё три дня, что просидѣлъ въ карцерѣ, пораженный до глубины всего существа моего, этимъ безпримѣрнымъ соединеніемъ таланта, поэзіи, ѣдкой безопадной сатиры, граціи, непримиримаго свободолюбія и свободомыслія. Я высидѣлъ свой карцеръ какъ ничего, ничуть не жалуюсь и не сожалею, и вышелъ оттуда какъ въ чадѣ отъ новой силы, съ которою познакомился. Я полюбилъ Гейне страстно, на

вѣки, не взирая на разныя его странныя уродства и недостатки, которые создавалъ очень хорошо. Первымъ дѣломъ для меня, по выходѣ изъ карцера, было—просить у Швѣринга еще и еще другихъ сочиненій Гейне, и я скоро сталъ знать всего Гейне очень твердо, не хуже кореннаго нѣмца,—какъ одного изъ самыхъ дорогихъ для меня «великихъ».

Кончая перечисленіе всяческихъ подробностей, касавшихся нашей жизни въ училищѣ, скажу здѣсь, что еще въ 3-мъ классѣ прекратились оба журнала, издававшіеся нами, одинъ — «Зничъ» Церпинскаго, другой «Литературныя Записки», издававшіеся всѣми нами. Перейдя въ высшій курсъ, съ золотыми петлицами, мы бросили все это, убѣдившись во-первыхъ, въ скудости своихъ талантовъ, а во-вторыхъ, въ общей лѣни. Добывать статьи отъ авторовъ — это была работа, требовавшая немовѣрныхъ усилій, напоминаній, просьбъ, споровъ, приставанья. Все это, наконецъ, надоѣло главнымъ дирижерамъ, и мы бросили журналъ. Лучшею пьесой, появившеюся у насъ за все время существованія журнала, былъ «Самсонъ» Огодина, довольно большая поэма, очень картинная, со звучными и красивыми стихами, въ нѣкоторомъ родѣ отблескъ картинныхъ поэмъ Льва Мея, котораго Огодинъ обожалъ. Прочія вещи, наприм., повѣсть «Надина», «Очерки путешествія въ Ревель», „Въ деревнѣ“ и тому подобныя стихи и прозы, трактаты и рассказы—были, само собою разумѣется, очень плохи.

Последніе мѣсяцы пребыванія нашего класса въ училищѣ ознаменовались совершенно необычайными событіями. Насъ всѣхъ, повалью, чуть-чуть не „выгнали“ изъ училища. Случилась такая исторія, что у насъ у всѣхъ отобрали шпаги и свезли ихъ во дворецъ къ принцу, значить мы стали въ родѣ какъ арестованные офицеры. Потомъ прекратились у насъ всѣ классы, профессора къ намъ перестали ходить; было схвачено съ десятокъ человекъ между нами, сочтенныхъ главными преступниками, и ихъ разсадили, въ одиночномъ заключеніи, по разнымъ мѣстамъ училища. Въ то же время была наряжена „слѣдственная коммиссія“ подъ предсѣдательствомъ нашего священника, какъ человека суроваго, энергическаго и рѣшительнаго, состоящая изъ нѣкоторыхъ профессоровъ и „воспитателей“. Дѣло состояло въ томъ, что классный солдатъ, Галанинъ, извѣстный фискаль, донесъ, что у насъ играютъ въ карты, пьютъ вино и курятъ. Надо сказать, что тутъ дѣйствительно серьезнаго ничего не было, никакой настоящей игры и питья, а такъ, какое-то недѣльное молодечество и щеголянье нѣсколькихъ самыхъ дрянныхъ и ничтожныхъ субъектовъ въ классѣ, что „вотъ-можь

какіе мы уже выросли большіе, даже виномъ, и картами, и табакомъ умѣемъ заниматься“. Это дурацкое ребячество очень легко было оставить самими простыми, кроткими мѣрами, серьезно вскивать за него вовсе и не стоило. Но нѣтъ, куда! У насъ забили тревогу и подняли пылъ до небесъ. При помощи іуды-предателя, бывшаго сапернаго солдата Галанина, произвели обыскъ въ классѣ, нашли и карты, и какую-то несчастную бутылку съ мадерой, и папироски (которыя наши „молодцы“ обыкновенно курили въ трубу). Ну, и вслѣдъ затѣмъ, сейчасъ комиссія, слѣдствіе, угрозы исключенія. Однакожь, не смотря на весь этотъ террористическій аппаратъ, — совершенно во вкусѣ тогдашняго неразымляющаго, а только давнѣйшаго времени, — наши арестованные товарищи мужественно держались и не дѣлали никакихъ показаній передъ комиссіею, никого не выдавали. Я радостно потиралъ руки, сидя у себя въ классѣ. Я былъ на свободѣ, потому-что всю жизнь свою терпѣть не могъ и карты, и вино, и табакъ, значить въ подобной исторіи попасться никогда не могъ. Сущность исторіи была мнѣ глубоко противна и презрѣнна, и никто болѣе меня не порицалъ моихъ товарищей за ихъ глупости, но я отъ всей души желалъ, чтобъ доносчиковъ между нами не было, чтобъ никто между нами не вышелъ трусомъ и подлецомъ. Вдругъ до насъ дошли слухи, что нѣкоторые изъ арестантовъ колеблются, собираются давать показанія, подъ влияніемъ угрозъ и ложныхъ увѣреній комиссіи, что вотъ-моль такой-то и такой-то уже показалъ то-то и на такихъ-то. Я пришелъ просто въ ярость. Частію подкупомъ, частію ловкостью и просьбами, я сдѣлалъ такъ, что пробрался во всѣ карцеры, во всѣ мѣста заключеній, повидалъ всѣхъ арестованныхъ, со всѣми переговорилъ, оживилъ и укрѣпилъ cadaго, и, главное, рассказалъ имъ, что никто въ комиссіи ничего еще не знаетъ, и никакихъ „раскрытій“ никто изъ нашихъ не дѣлалъ. Это стоило мнѣ не малыхъ усилій. Нѣкоторые изъ любезныхъ товарищей, на порогѣ училища, уже настолько возмужали, что начинали проявлять тѣ прекрасныя собственныя качества, которыми впоследствии ярко блистали: сухость, эгоизмъ, равнодушіе ко всему, кромѣ личной выгоды. Мнѣ особенно памятенъ одинъ изъ милыхъ моихъ товарищей (не хочу только называть его имени), котораго я засталъ сидящимъ въ лазаретѣ, уткнувъ голову въ обѣ руки: онъ былъ мраченъ, гадокъ и блѣденъ, глядѣлъ отвратительными какими-то глазами передъ собою въ полъ, не поднимая головы, и долго молчалъ, не слушая никакихъ моихъ представленій о томъ, что такъ гадко, что такъ скверно, если онъ, съ другими нѣкоторыми, хочетъ сдѣлаться предателемъ и до-

носчикомъ, и что есть что-то поважнѣе и поблагороднѣе грубаго личнаго интереса и спасенія. Наконецъ, онъ цинично объявилъ мнѣ, что что бы я ни говорилъ, а онъ пойдетъ и завтра-же назоветъ комиссіи всѣхъ настоящихъ виновниковъ. «Мнѣ-то какое до нихъ дѣло, твердилъ онъ мнѣ, ну пускай ихъ и выгоняютъ вонъ! Неужели мнѣ черезъ другихъ терять 9-й классъ? Очутиться вдругъ на улицѣ ни съ чѣмъ? Да что мое семейство мнѣ потомъ скажетъ!»... Какъ онъ мнѣ былъ мерзокъ въ ту минуту! Я не позабылъ чувства этой минуты во всѣ 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, и никогда ему не простилъ. Однако въ то мгновеніе рѣчь шла не о его гаденькой личности, надо было другихъ выгораживать. Я умолялъ, упрашивалъ, доказывалъ со всѣмъ краснорѣчіемъ и оживленіемъ, къ какимъ только былъ способенъ, и достигъ наконецъ своей цѣли. Мнѣ кажется, на этого сухаря болѣе подѣйствовали мои угрозы мщеніемъ товарищей:—«Тебѣ, братъ, вѣдь это все равно даромъ не пройдетъ. говорилъ я, помни это — какая же выгода?» Понятно, что подобныя доводы должны были всего положительнѣе дѣйствовать на такого человѣка, какъ этотъ: вѣдь онъ впоследствии, на службѣ, сдѣлался безсердечнѣйшимъ эгоистомъ и деспотомъ. Но такъ или иначе, а я достигъ своей цѣли. Я вырвалъ «честное слово», что онъ доносить и выдавать не будетъ. Мнѣ удалось наконецъ уговорить его, частью угрозами, частью перспективой несмыслимаго позора — удалось уломать даже и этого любителя 9-го класса. Я воротился назадъ, въ полупустой классъ, съ полнымъ торжествомъ. Никто уже болѣе не сказалъ комиссіи ни единого слова, всѣ разомъ замкнулись въ себѣ, и никакихъ показаній не послѣдовало. Но за то все обрушилось на меня одного. Начальство узнало про мою вылазку, и про то, что я уговаривалъ арестованныхъ. Ихъ всѣхъ выпустили на волю, классы снова начались, но меня взяли и отправили вонъ изъ училища. Рѣшено было, что я поплачусь за всѣхъ. «Воспитатель» Бераръ свезъ меня домой, къ моему отцу, и, не оставивъ его дома, написалъ ему такую записку (сохранившуюся у меня и до сихъ поръ): «J'ai l'honneur de ramener à Votre Excellence votre fils Vladimir, dont M. le Directeur de l'Ecole de Droit a à se plaindre. Je regrette de ne pouvoir vous expliquer de bouche la cause qui a forcé notre chef de prendre cette mesure de rigueur».

Le précepteur de la dite Ecole Berrard. Ce 5 Décembre 1842.

Сначала мой отецъ горько выговаривалъ мнѣ за такое окончаніе моего 7-ми лѣтняго пребыванія въ училищѣ, за порванную будущность, за разрушенныя надежды, и изъ-за чего, изъ-за кого? Но потомъ, выслушавъ мой рассказъ и мои доводы, согласился, что я ни-

чего худаго не сдѣлалъ, а только исполнилъ долгъ—и мы съ моимъ отцомъ не только не поссорились, но жарко обнялись и поцѣловались, въ его маленькомъ, заваленномъ планами и чертежами кабинетѣ. Только онъ много дней потомъ былъ сильно грустенъ. Однако, пробивъ недѣли три дома, уже лишенный правовѣдской формы и уже принявшійся за приготовленія, чтобы поступить въ университетъ, я вдругъ получилъ стороною увѣдомленіе, что меня снова возьмутъ назадъ въ училище, если я напишу письмо какое слѣдуетъ къ директору Пошману. Я собралъ въ головѣ всю литературу, къ какой былъ способенъ, и написалъ къ директору письмо самое убѣдительное и самое трогательное, но все-таки ничуть не унижительное для автора. Послѣ новаго года, мнѣ дозволили воротиться въ училище (само собою разумѣется, тутъ всего болѣе подѣйствовало не мое письмо, а пріязнь къ моему отцу Пошмана, а можетъ быть и самага Принца), и я снова зажилъ припѣваючи. Спустя немного мѣсяцевъ произошелъ уже и нашъ выпускъ изъ училища. Мнѣ за эту «исторію» сбавили огромное количество балловъ за поведеніе, но послѣдніе экзамены были у меня такъ хорошо выдержаны, баллы ученья за послѣдніе три года были у меня такіе сильныя, а главное, профессора, члены совѣта, имѣли обо мнѣ такое хорошее понятіе, что въ одинъ голосъ потребовали, чтобъ мнѣ были прощены какія-то недостававшія въ окончательномъ баллѣ итога дробы, и меня, не смотря ни на что, все-таки выпустили изъ училища съ IX классомъ. Всего болѣе мнѣ помогъ профессоръ Шнейдеръ, человѣкъ, сохранившій, какъ я уже говорилъ выше, весь свой вѣкъ золотое сердце и живое доброжелательство ко всѣмъ, особливо къ учащемуся юношеству, не смотря на все «Римское право», надъ которымъ прокорпѣлъ десятки лѣтъ.

VIII.

Не смотря на всѣ семь лѣтъ, проведенныхъ въ училищѣ правовѣдѣнія, изъ меня никакого правовѣда не вышло. Но, я думаю, для меня было великимъ счастьемъ то, что я случайно занесенъ былъ именно въ это училище, а не въ какое нибудь другое. Та обстановка начальниковъ и товарищей, въ которую я попалъ, была та самая, въ какой я всего болѣе нуждался, и какая была мнѣ всего сроднѣе. Во всякомъ другомъ училищѣ того времени, наприм., въ Лицеѣ, все было-бы для меня иное. Попадаи я, въ 1835 году, въ Лицей, я имѣлъ-бы себѣ товарищами многихъ несимпатичныхъ мнѣ уже и тогда (при первой встрѣчѣ въ Царскомъ Селѣ) людей, которые въ одно время со мной держали въ Лицей экзаменъ. Въ числѣ другихъ былъ М. Н. Лонгиновъ, сильно непоправившійся мнѣ надутостью, черствостью и прозаичностью своею (кажется, онъ на всю жизнь такимъ остался), и не заключалъ, вмѣстѣ съ другими товарищами своими, ни одного изъ качествъ, которые были мнѣ такъ нужны и дороги въ иныхъ изъ числа правовѣдскихъ моихъ товарищей. Со стороны начальственной, я, конечно, также не нашель бы въ Лицеѣ такихъ директора и «воспитателей», какихъ нашель въ училищѣ правовѣдѣнія. Сверхъ всего этого я былъ-бы лишень, въ Лицеѣ, того художественнаго элемента, который преобладалъ у насъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Всего-же болѣе, я былъ-бы лишень сосѣдства и сближенія съ Сѣровымъ. А именно близкія отношенія съ нимъ имѣли самое рѣшительное и самое громадное значеніе для меня, въ годы моего воспитанія и развитія.

Мнѣ никогда не пришлось тужить о малыхъ своихъ правовѣдскихъ способностяхъ и познаніяхъ. Въ теченіе 38 лѣтъ, протекшихъ со времени 1843 года, т. е. со времени моего выпуска, мнѣ много разъ, и въ разныхъ обстоятельствахъ собственной и общественной жизни, случалось встрѣчаться съ прежними товарищами. Многие изъ нихъ считались великолѣпными юристами, но, признаться, я никогда не могъ имъ ни позавидовать, ни довѣрять ихъ славы и успѣхамъ. Большинство товарищей моихъ (и по классу, и по училищу) ничуть не проявили того свѣтлаго взгляда, того прямого ума и пониманья, какіе должна давать наука. На всяческихъ мѣстахъ своихъ, и на мѣстахъ сенаторовъ, и секретарей, и всяческихъ слѣдователей,

и прокуроровъ, большинство выказалось такими-же ординарными чиновниками, съ темной, запутанной головою, загроможденной ведомъ и предразсудками, какъ всѣ остальные, не бывавшіе отроду въ училищѣ правовѣдѣнія чиновники русской имперіи, не слушавшіе никакихъ курсовъ «Энциклопедіи права», «мѣстныхъ законовъ», Юстиніанова кодекса, государственныхъ и иныхъ правъ. Чувствительной разницы, кромѣ пышныхъ аттестацій, диплома, и понаторѣлости въ спеціальныхъ техническихъ подробностяхъ, никакой на дѣлѣ не оказывалось. Примѣровъ можно было-бы указать сотни, но всего яснѣе это доказалъ мнѣ тотъ процессъ, въ который мнѣ пришлось попасть однажды въ послѣдствіи. Тутъ я собственною персоною испыталъ, что такое «правовѣдѣніе» господъ моихъ товарищей, на самыхъ разныхъ ступеняхъ ихъ іерархіи. Этотъ процессъ я расскажу подробно въ своемъ мѣстѣ, въ одной изъ слѣдующихъ главъ моей автобіографіи, но здѣсь скажу только, что когда одинъ, обидчивый не по разуму, музыкальный писатель, нѣкто г. Фаминцынъ, сталъ преслѣдовать меня по суду за одну печатную статью мою, подъ заглавіемъ: «Музыкальные лжецы», въ которой ничего экстренно-непозволительнаго не присутствовало, если сравнить ее со всѣмъ тѣмъ, что поминутно печатается и у насъ, и въ остальной Европѣ,—то дѣльныхъ три судебныхъ инстанціи, составленныхъ все только изъ господъ нашихъ правовѣдовъ, нашли, что, правда, напрасно было преслѣдовать меня «за клевету», и нельзя меня наказать за нее, какъ этого желалъ обидчивый и жаждавшій моей крови музыкантъ, но все-таки «слѣдуетъ» наказать меня за то, о чемъ никто не просилъ: за «браниныя слова въ печати». О вѣрные рабы Фемиды! О неумитные оберегатели добрыхъ нравовъ, о свѣтлыя головушки, о стыдливые скромники, какъ я тогда жалѣлъ о пребываніи вашемъ на судейскихъ креслахъ! Какъ мнѣ вы жалки были со своимъ устарѣлымъ правовѣдѣніемъ, и съ темною своею головою! Только-то вы и научились, широкаго, свѣтлаго и глубокаго въ нашемъ училищѣ, что дескать-пусть только бы «словъ неприятныхъ» не появлялось, а на дѣлѣ пусть ты сто разъ правъ—это все равно, но ты долженъ быть наказанъ! О формалисты закоренѣлыи! Да для пріобрѣтенія такихъ прекрасныхъ результатовъ, не стоило въ училище правовѣдѣнія и холить. Вѣдь такъ, точь въ точь такъ, какъ вы нынче, подумалъ и разсудилъ бы любой старинный законникъ изъ покойной управы благочинія, сотню лѣтъ тому назадъ.

Да, я думаю, лучше всѣхъ были между нашими правовѣдами тѣ, у кого всего менѣе было «правовѣдѣнія» въ головахъ.

И тѣхъ я любилъ всегда всею душою, за ихъ свѣтлый умъ, за ихъ прекрасныя дѣла на пользу русскому обществу и на помощь русскому человѣку. Въ образованіи ихъ умовъ и характеровъ наше училище можетъ быть осталось и не совсѣмъ безучастно.

В. В. Стасовъ.

Собрание неизданных рисунковъ-акварелей

профессора живописи **Θ. Г. Солнцева.**

1881 г

Въ 1876 году исполнилось 50 лѣтъ художественно-археологической дѣятельности академика **Θ. Г. Солнцева.** Императорское Русское Археологическое Общество почтило его большой золотой медалью, выбитой въ память этого событія, а совѣтъ Академіи Художествъ возвелъ его въ званіе профессора. Въ томъ-же 1876 году въ первыхъ шести книгахъ «Русской Старины» появилась автобіографія Солнцева: «Моя жизнь и художественно-археологическіе труды», въ которой авторъ, по предложенію редакціи, въ простомъ безыскусственномъ разсказѣ познакомилъ читателей съ своей дѣятельностью и лицами, имѣвшими на нее непосредственное вліяніе.

Въ настоящей зашѣткѣ, считая излишнимъ перечислять многочисленныя работы почтеннаго профессора, мы позволимъ себѣ указать только на его главные труды, по поводу новаго неизданнаго собранія сдѣланныхъ имъ рисунковъ, на которое было бы весьма желательно обратить вниманіе русскаго общества.

Какъ извѣстно, **Θ. Г. Солнцевъ,** помимо своихъ этнографическихъ трудовъ, оказалъ неоцѣнныя услуги отечественной исторіи, археологін и древнему зодчеству, сохранивъ самые разнородные памятники до-Петровскаго времени, начиная съ XI-го вѣка, въ высшей степени точныхъ и художественно выполненныхъ рисункахъ. Онъ отыскивалъ и срисовывалъ русскія древности въ Новгородѣ, Псковѣ, Изборскѣ, Кіевѣ, Твери, Рязани, Суздальѣ, Владимірѣ, Москвѣ, въ Троицкой Лаврѣ, Новомъ Іерусалимѣ и пр., такъ что врядъ-ли найдется какой либо древній русскій городъ, монастырь, храмъ или сколько нибудь замѣчательное историческое мѣсто, въ которомъ бы не побывалъ **Θ. Г. Солнцевъ,** не смотря на различныя, въ прежніе годы, трудности путей сообщенія. Виѣсть съ

тѣмъ, онъ подвергалъ тщательной исторической оцѣнкѣ копируемые предметы на самомъ мѣстѣ находки, пробѣрялъ время сооруженія храмовъ, выдѣляя утвари и оружія, покроя тѣхъ или другихъ оубяній съ помощью лѣтописей, монастырскихъ грамотъ, описей и пр. Благодаря этому почтенному художнику, удалось сдѣлать нѣсколько важныхъ археологическихъ открытій: доказать подлинность вещей, древность которыхъ считалась сомнительною и открыть, что другія вещи, которыя признавались древними, принадлежать къ болѣе новому или даже новѣйшему времени.

Само собою разумѣется, что ученныя изысканія О. Г. Солнцева встрѣчали не мало препятствій со стороны мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, особенно въ тѣ времена, когда большинство русской публики не имѣло никакого понятія объ археологіи. Этого рода препятствія устранялись, когда О. Г. Солнцевъ являлся, какъ официальное лицо, по Высочайшему повелѣнію, или съ письмами отъ своего академическаго начальства. Но при своихъ неоднократныхъ поѣздкахъ въ сѣверную, среднюю и южную Россію, г. Солнцевъ посѣщалъ многія мѣста, по собственной инициативѣ; и тогда ему приходилось прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ для достиженія своей цѣли. Въ тѣхъ случаяхъ—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, (кн. V. май, Р. С. 1876)—когда у меня не было рекомендательныхъ писемъ или официальныхъ предписаній, я выдавалъ себя за какого нибудь странствующаго богомольца, знакомился съ настоятелемъ церкви или монастыря и потомъ уже имѣлъ возможность посмотреть описи храмовъ. Въ видахъ устраненія препятствій при моихъ разысканіяхъ, я находился вынужденнымъ рисовать даромъ портреты настоятелей церквей, священниковъ и монаховъ.....

Но помимо этихъ и другихъ болѣе важныхъ неизбѣжныхъ препятствій, о которыхъ скромно умалчиваетъ авторъ записокъ, трудность дѣла заключалась въ его новизнѣ. При отсутствіи фотографическихъ аппаратовъ и всѣхъ новѣйшихъ приспособленій, О. Г. Солнцеву приходилось создавать методъ сниманія рисунковъ и самый способъ изслѣдованія при исторической оцѣнкѣ копируемыхъ предметовъ. Но на его счастье въ своей ранней молодости онъ имѣлъ достойнаго руководителя въ лицѣ президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина, знатока русской старины, извѣстнаго своими работами по археологіи и археологической живописи. Оленинъ сумѣлъ направить молодого художника на родъ дѣятельности, наиболѣе свойственный его таланту, и развить въ немъ рѣдкую привычку къ труду, чему служить нагляднымъ доказательствомъ невѣроятное количество сдѣланныхъ имъ работъ. О. Г. Солнцевъ съ глубокимъ уваженіемъ отзывается о своемъ учителѣ. „Для меня—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ (кн. II Р. С. 1876)—Алексѣй Николаевичъ останется навсегда незабвеннымъ. Онъ первый вызвалъ меня къ художественной дѣятельности; съ отеческою заботливостью слѣдилъ за моими

работами и постоянно руководилъ меня своими наставленіями и содѣйствіемъ, всегда оказывалъ мнѣ помощь въ трудныя минуты жизни“....

Еще будучи ученикомъ Академіи Художествъ, куда Солнцевъ поступилъ въ 1815 году, онъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей занимался въ кабинетѣ Оленина и подъ его непосредственнымъ руководствомъ срисовывалъ различныя древности, народныя одѣянія и составлялъ рисунки къ Илліадѣ и Одиссеѣ, по поводу переписки Оленина съ Гнѣдичемъ. Занятія эти начались въ 1822 году и продолжались, съ небольшимъ перерывомъ, по выходѣ Ф. Г. Солнцева изъ академіи, до 1830 года включительно, когда молодой художникъ былъ отправленъ Оленинымъ въ Москву и другіе русскіе города „для срисовыванія старинныхъ одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ“.

Эта поѣздка имѣла рѣшающее значеніе на судьбу дальнѣйшихъ работъ художника, потому что государь Николай Павловичъ, любитель русской старины, впервые положившій начала ея изученію въ широкихъ размѣрахъ, пріѣхалъ въ Оружейную Палату, гдѣ тогда занимался Солнцевъ, обратилъ на него вниманіе и, съ тѣхъ поръ, до самой смерти не оставлялъ его своимъ высокимъ покровительствомъ. Этому не мало способствовалъ Оленинъ, который постоянно представлялъ Государю рисунки, посылаемые Солнцевымъ изъ разныхъ городовъ Россіи и преимущественно изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ всего долѣе.

Въ 1835 году вице-президентъ московской дворцовой конторы, баронъ Бодѣ, по рекомендаціи С. Петербургскаго архитектора Штакеншнейдера, бывшаго тогда въ Москвѣ, призвалъ къ себѣ г. Солнцева и предложилъ ему сдѣлать рисунки для возобновленія кремлевскихъ теремовъ, такъ какъ Государю угодно было возобновить этотъ драгоценный памятникъ XVII вѣка, но ни одинъ изъ 14-ти представленныхъ проектовъ не удостоился высочайшаго одобренія. Сначала Солнцевъ долго не соглашался на это предложеніе, изъ боязни, что новыя занятія отвлекутъ его отъ работъ, порученныхъ ему Оленинымъ, но, уступивъ просьбамъ барона Бодѣ, осмотрѣлъ терема и сдѣлалъ рисунки, которые были немедленно отправлены къ Государю и заслужили полное одобреніе его величества.

Весною, 1836 года, Ф. Г. Солнцеву предложено было приступить къ работамъ по составленнымъ имъ рисункамъ, съ помощью двухъ учениковъ московскаго архитектурскаго училища. Терема состояли изъ девяти комнатъ, которыя были совершенно запущены, и въ нихъ жили плотники и столары. Солнцевъ старательно возобновилъ все, что уцѣлѣло изъ прежнихъ украшеній и, сообразно ихъ общему характеру, дополнилъ то, чего уже нельзя было разобрать или что уничтожилось безслѣдно. Что касается обстановки теремовъ, то образцами послужили вещи, сохранившіяся въ загородныхъ

дворцахъ: Измайловскомъ, Коломенскомъ и др. Нѣкоторые предметы сдѣланы по рисункамъ, тщательно выполненнымъ Солнцевымъ со старинныхъ украшеній XVII вѣка.

Эта трудная и кропотливая работа была окончена въ два года.

Въ 1838 году, по желанію Оленина, произведены были опыты литографірованія рисунковъ Солнцева для предполагавшагося изданія „Древностей Россійскаго Государства“. Но это изданіе, по своей дороговизнѣ, не могло быть выполнено частными средствами и состоялось послѣ смерти Оленина (въ апрѣлѣ 1843 г.), благодаря щедрости покойнаго Государя, пожертвовавшаго изъ собственныхъ денегъ 100,000 р. ас. Государь приказалъ возложить изданіе на особый комитетъ, „составивъ оный въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгонова, изъ директора оружейной палаты Загоскина, помощника его Вельтмана, члена Археологической комисіи П. Строева, гг. профессоровъ Московскаго Университета: Погодина и Шевырева и Солнцева, во время его нахождения въ Москвѣ“.

Это драгоцѣнное изданіе, заключающее до 500 рисунковъ, изученіе которыхъ обязательно для лицъ, занимающихся русской исторіей и русской исторической живописью, продолжалось съ 1846 по 1853 г. и разошлось большою частью за границей, такъ что полный экземпляръ его составляетъ теперь весьма дорогую рѣдкость. Въ сожалѣнію, изданіе осталось неоконченнымъ, хотя въ Оружейной Палатѣ хранится до 3000 приготовленныхъ къ изданію рисунковъ Ф. Г. Солнцева, преимущественно писанныхъ акварелью; всѣ они одного формата, кромѣ костюмовъ, которые нарисованы въ меньшихъ размѣрахъ.

Почти одновременно съ изданіемъ «Древностей», благодаря благосклонному вниманію покойнаго государя, Солнцеву удалось срисовать фрески и открыть извѣстныя въ археологій мозаики Кіево-Софійскаго собора, — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ XI вѣка, — скрытыя подъ штукатуркой и новѣйшей стѣнной живописью, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось снимать до семи слоевъ масляной краски. Но и этотъ трудъ, продолжавшійся около десяти лѣтъ и исполненный Ф. Г. Солнцевымъ съ полною добросовѣстностью, не смотря на всѣ представлявшіяся препятствія, не былъ доведенъ имъ до конца. Въ 1852 году покойный Государь, осмотрѣвъ его работы въ Софійскомъ соборѣ, сказалъ ему между прочимъ: «Когда кончишь работу здѣсь, я постараюсь отправить тебя въ Палестину и на Аѳонскую гору; ты съ удовольствіемъ поработаешь тамъ, а потомъ черезъ Римъ возвратишься въ Россію». Но Солнцеву, вслѣдствіе неожиданной кончины императора Николая Павловича, не суждено было окончить свой трудъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, ни совершить заманчивой для него поѣздки,

которая въ настоящее время уже сдѣлалась невозможною для него, по его преклонному возрасту.

Въ послѣдніе годы Ѳ. Г. Солнцева, помимо нѣкоторыхъ частныхъ работъ, преимущественно для св. Синода, окончилъ и привелъ въ порядокъ собраныя имъ рисунки, начиная съ 1820-хъ годовъ и до послѣдняго времени, которые большею частью не вошли ни въ изданіе „Древностей Россійскаго Государства“, ни въ число рисунковъ, хранящихся въ „Оружейной Палатѣ“.

Благодаря любезности почтеннаго художника, намъ удалось на-дняхъ видѣть это новое собраніе, состоящее изъ 250 археологическихъ и этнографическихъ рисунковъ, писанныхъ акварелью и исполненныхъ съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью красокъ. Это собраніе имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ бѣльшая часть снимковъ г-на Солнцева, потому что съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, исчезаютъ безслѣдно драгоценныя памятники русской старины и остатки стариннаго русскаго быта, въ видѣ народныхъ одѣяній, представляющихъ такія рѣзкія особенности въ разныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и даже отдѣльныхъ деревняхъ нашего отечества. Такъ, нѣкоторыя изъ крестьянскихъ и купеческихъ одеждъ, воспроизведенныхъ въ „Новомъ Собраніи“ рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева, даже въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, составляли рѣдкость, и теперь любитель старины напрасно сталъ бы отыскивать ихъ, хотя бы въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, потому что стремленіе къ новизнѣ охватило не только молодое крестьянское населеніе, но замѣтно даже въ старомъ отживающемъ поколѣніи.

Новое собраніе рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева раздѣлено имъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. Изображенія фресковъ стѣнной живописи: а) Кіево-Софійскаго собора, б) Кіевской церкви Спаса на Бору (первой половины XI вѣка), с) Спасо-Нерединскаго монастыря въ Новгородѣ.

II. Древнія и новѣйшія духовныя облаченія, не исключая и старообрядческихъ, съ нѣсколькими портретами.

III. Военные доспѣхи, хранящіеся большею частію въ Оружейной Палатѣ.

IV. Боярскія, посольскія и царскія одежды московскаго періода съ портретами.

V. Польскія одежды 1790-хъ годовъ.

VI. Малороссійскія древнія и новыя одежды казаковъ и гетмановъ съ портретами.

VII. Крестьянскія и купеческія одежды: новгородскія, тихвинскія, бѣлозерскія, торжковскія, валдайскія, вышняго волочка, ржевскія, венецкія, тверскія, ярославскія, курскія, тамбовскія, боровскія, галича (жостромскаго) мышкинскаго уѣзда, устюжны желѣзнопольской, тульскія, каширскаго уѣзда, а также смоленскія, витебскія, рязанскія, воронежскія и пр.

VIII. Старинная и новая одежда татаръ, преимущественно казанской губерніи.

IX. Финскія одежды.

X. Портретъ киргизской дѣвушки въ парадной одеждѣ.

XI. Славяне изъ Буковины.

XII. Албанцы, пріѣзжавшіе въ Россію въ 1828 году.

Любители русской старины и историко-археологической живописи могутъ видѣть новое собраніе рисунковъ Федора Григорьевича Солнцева въ его квартирѣ на Пескахъ, 4-ая улица, домъ № 27, въ С.-Петербургѣ.

Было бы весьма желательнo, чтобы лицо, которое пріобрѣтетъ это драгоценное собраніе, издало рисунки съ надлежащими объясненіями и сдѣлало бы ихъ общимъ достояніемъ русской публики.

ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БУЛГАКОВЪ

въ царствованіи Анны Ивановны, Елисаветы I и Екатерины II

1737, 1751 и 1785 гг.

Читателямъ „Русской Старины“ извѣстно весьма значительное собраніе историческихъ разсказовъ, записанныхъ со словъ разныхъ лицъ П. О. Карabanовымъ („Р. Ст.“ изд. 1871 г., т. IV стр. 583, 685; изд. 1872 г., т. V стр. 129, 457, 670, 767; т. VI стр. 87 и друг.). Между прочими разсказами собиратель передаетъ со словъ Мавры Ивановны Приклонской, рожденной Булгаковой, любопытный случай, бывший съ ея отцемъ въ царствованіе Анны Ивановны: будучи осужденъ къ смертной казни и уже выведенный къ эшафоту, Иванъ Булгаковъ былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни только тому случайному обстоятельству, что послѣ страшныхъ морозовъ, бывшихъ наканунѣ дня казни, 10-го января, внезапно наступила оттепель; смѣнивъ жестокую стужу, оттепель вмѣстѣ съ тѣмъ смягчила сердце императрицы Анны Ивановны: вмѣсто смертной казни Иванъ Михайловичъ Булгаковъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь („Р. Ст.“ изд. 1871 г. т. IV, стр. 690).

Приводимъ документъ, подлинный разсказъ пострадавшаго Ивана Булгакова, отца извѣстнаго дипломата временъ Екатерины II—Якова Ивановича Булгакова—о несчастіи, постигшемъ его въ царствованіе Анны Ивановны. Разсказъ этотъ изложенъ въ проектѣ прошенія къ императрицѣ Екатеринѣ II, который, при письмѣ, престарѣлый Иванъ Булгаковъ препроводилъ, 5-го декабря 1785 года, къ своему сыну Якову, для подачи императрицѣ.

Настоящій документъ, вполне подтверждающій справедливость разсказа Карabanова, хорошо рисуетъ нравы времени Анны Ивановны и знакомитъ съ русскимъ судопроизводствомъ прошлаго столѣтія. Настоящимъ сообщеніемъ мы обязаны талантливому артисту, просвѣщенному любителю и знатому отечественной исторіи — И. О. Горбунову.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что г. Горбуновъ сообщилъ намъ эти документы еще въ ноябрѣ 1871 г. въ подлинникахъ, въ свою очередь получивъ ихъ отъ одного изъ нынѣшнихъ представителей фамиліи Булгаковыхъ.

Ред.

I.

Декабря 5-го дня 1785 г.г. Москва.

Другъ мой Яковъ Ивановичъ, здравствуй, свѣтъ мой, на лѣта многа и буди надъ тобою милость Божія и мое благословеніе.

Во первыхъ, поздравляю тебя, свѣтъ мой, съ наступающими торжественными днями пришествія на землю воплотившагося Господа и Бога Слова и съ новымъ 1786 годомъ, въ которые усердно желаю вступить и препроводить во всякомъ благополучіи и счастіи; а паче въ добромъ здравіи.

Потомъ благодарствую, свѣтъ мой, за письмо твое подъ № 12-мъ, отпущенное отъ тебя ноября отъ 1 числа, которое я здѣсь получилъ сего декабря въ 1-й день, и радуюсь, что ты, свѣтъ мой, благодатию Божіею, здоровъ и желаю, чтобы Всевышній Богъ и впредь тоже продолжалъ и чтобы я на старости моей всегда былъ тѣмъ же порадованъ.

Давно я собрался послать къ тебѣ, свѣтъ мой, со учиненнаго въ Сенатѣ о деревняхъ матери твоей незаконнаго опредѣленія, послать копию, которую при семъ и прилагаю, котораго незаконія истинно стерпѣть не можно. То осмѣливаюсь тебѣ, свѣтъ мой, не можно ли къ ея императорскому величеству послать письмо, каковаго такожь прилагаю форму, написанную пространно со всѣми обстоятельствомъ, вмѣсто экстракта; которое, по благоразумію своему, можешь сократить и написать едину важность дѣла, ибо теперь ты одинъ остаешься къ прошенію челобитничать; дабы не царствовала неправда надъ правдою! ибо прежнее рѣшеніе и въ нихъ имянные какъ государя Петра Великаго 1718 году указы, которыми велѣно виннымъ женамъ ихъ имѣнія отдавать, да и по оному нашему дѣлу, императрицы Анны Іоанновны два указа обошли, а взялись за послѣдній, 1738 года іюля 10-го дня, указъ, который на жалобу полковыхъ штаповъ, что конфискація въ то незаконное отписаніе не вступила, то государыня тѣмъ указомъ велѣла винныхъ имѣніе, а не женъ и отцовъ, имъ отдать, съ которыми какъ хотятъ поступаютъ, или продаютъ, или сами владѣютъ. И нынѣшній сенатъ, вода меня пять лѣтъ, напоследокъ и концы схоронилъ, челобитныя матери твоей и тетки, и брата отослалъ въ вотчинную коллегію, а дѣло въ архивъ спряталъ; о чемъ усмотрите изъ приложеннаго формуляра; въ чемъ и сами сенаторы признавались мнѣ, графъ Остерманъ и Дурновъ, что сдѣлали не хорошо, отговариваясь, „что де намъ оберъ-прокуроръ предложить, то мы и подписываемъ;“ о чемъ я и съ княземъ Гаврилою Петровичемъ Гагаринымъ говорилъ, яко аппеляціоннаго департамента оберъ-прокуроръ, которой такожь удивляется; токмо оное производимо было въ 5 департаментѣ и „безъ повелѣнія де вступится мнѣ не можно, и ежели де Яковъ Ивановичъ (Булгаковъ) къ государынѣ опишетъ и она повелитъ получить, то де я уже изъясню, чего де и сенаторы опасаются“.

А ту неправду учинили Всеволожской, князь Щербатовъ и Обрѣсковъ, знатно завидуя твоему благополучію, и что ты сына его къ себѣ не принялъ. А при томъ можете изъяснить, что ты высочайшею, ея императорскаго величества милостию весьма награжденъ и не долженъ бы ея священную особу утруждать, но къ тому принуждаетъ тебя оставшаяся послѣ брата своего жена и три дочери, въ бѣдности находящіяся, которымъ я и усту-

паю; и такожь и самое правосудіе, чтобъ (не) лишится напрасно родового имѣнія, что все предаю въ ваше разсужденіе, а не то бы не пользовались дѣдовскимъ родового Дуровскаго насильно владѣтели. А когда-бъ то послѣдовало, чтобъ о томъ имено повелѣно бы изслѣдовать Сибирскому намѣстнику, то бы въ томъ краю прославилось бы имя твое и намѣстникъ тебѣ знакомъ, а за то сильное владѣніе слѣдуетъ, по уложенію и указамъ, за всѣ годы двѣсти тысячъ рублевъ ко взыскаію намъ.

Василій Андреевичъ и сестра твоя съ дѣтьми въ Новгородѣ всѣ здоровы и Василій Андреевичъ писалъ генераль-прокурору, чтобъ ему позволено было пріѣхать въ Петербургъ хотя на недѣлю. Токмо отвѣту не получилъ, затѣмъ что онъ, князь Вяземскій, боленъ; такожь и господинъ Безбородко боленъ же, чего жалѣли и господа намѣстникъ и губернаторъ, токмо такожь отвѣту не получили и затѣмъ въ прошедшій праздникъ тезоименитства ея величества никому ничего не было.

Князю Михаилу Никитичу ¹⁾ благодареніе твое приносилъ, а князь Александръ Михайловичъ Голицынъ ²⁾ мнѣ твоего письма, которому я прежде извинялся въ твоёмъ отвѣтѣ, что хотѣлъ ты на будущей почтѣ писать; „мнѣ де весьма хочется съ твоимъ сыномъ познакомиться“. И тако съ любовію моею и благословеніемъ пребываю отецъ твой Иванъ Булгаковъ.

II.

Всемилолюбивѣйшая Государыня! Вашего Императорскаго Величества предесоромъ россійскаго престола, императоромъ, отецъ мой, Иванъ Булгаковъ, служилъ, лейбъ гвардіи въ преображенскомъ полку, полковымъ секретаремъ многіе годы, и во время той службы, по волѣ Божіей, претерпѣлъ большія несчастія: что въ Москвѣ въ 1731 и 1737 годахъ сгорѣли у него два дома, чего ради, на пропитаніе свое принужденъ былъ брать изъ полковой казны подъ росписки свои деньги, какъ и прочіе, того полку офицеры чинили. Чѣмъ и набралъ, въ десять лѣтъ до десяти тысячъ рублевъ, съ надеждою платежа, которые бы могъ и заплатить ежели-бы не учинилось препятствія отъ злости того полку маіора Албрехта происшедшей, о чемъ подробно ниже сего будетъ донесено, а не въ кражу чему свидѣльствуютъ въ полковой канцеляріи и по нынѣ подробныя его росписки, къ чему имѣлъ онъ и кредитъ въ людяхъ. Но когда въ царство государыни императрицы Анны Іоанновны по имѣющейся объ немъ, отцѣ моемъ, репутаціямъ, ея величество изволила его, отца моего, назначить къ себѣ въ комнатныя свои секретари, что было неугодно тогда бывшему герцогу Бирону, а желалъ въ то мѣсто ввести свою клеатуру, иноземца Ехлера и чрезъ того полку маіора искали надъ отцомъ моимъ порока, къ чему и самъ отецъ мой еще къ раздраженію подалъ безвинный случай: что въ то время состоялся указъ, что ежели по присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ не было прокуроровъ, чтобъ тое должность наблюдали секретари. А въ томъ полку случился быть казусъ, что герцога Бирона факторъ жидъ Литманъ взялъ въ Москвѣ того полку изъ полковой казны денегъ

¹⁾ Волконскому.

²⁾ Два слова не разобралъ.

тридцать тысячъ рублей, чтобъ заплатить въ Петербургѣ въ шесть недѣль, а не платить шесть мѣсяцевъ, о чемъ представляемо было отъ комиссаровъ. По которымъ представлениямъ, обнадѣясь на вышепомянутое намѣреніе, написавъ опредѣленіе, чтобъ у того жидка на столько имѣнія арестовать; въ чему принуждалъ отецъ мой онаго маіора Албрехта и другаго секундъ-маіора Воейкова подписать; токмо они долго не подписывали; то отецъ мой формально имъ объявилъ: ежели не подпишутъ, то онъ долженъ будетъ, по силѣ указа, гдѣ надлежитъ, протестовать; то оной маіоръ Албрехтъ ускорилъ этотъ протестъ отвратить, и вѣдая общій за всѣми офицеры порокъ, въ томъ числѣ и за отцомъ моимъ, что брали полковыя деньги, научилъ одного комиссара Ножнева, чтобъ у отца моего испросилъ, вмѣсто дробныхъ росписовъ, одну общую, въ которой бы написано было будто тѣ деньги браны по приказу подполковника графа Семена Андреевича Салтыкова и испросилъ, чтобъ подать въ полковую канцелярію ложное доношеніе и требовалъ о записѣхъ въ расходъ указу. И когда тое факцію устроили, то по тому доношенію означенный маіоръ Албрехтъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ привелъ въ подозрѣніе и испросилъ чтобъ его, отца моего, арестовать. И получили оное повелѣніе; отца моего арестовалъ на полковомъ дворѣ, о чемъ тогда произвѣся слухъ; тогда пріятель его знатныя и честныя люди пріѣхали его посѣтить и освѣдомиться за что онъ арестованъ; которымъ онъ и объявилъ, что арестованъ за забранныя полковыя деньги, то они обнадѣжили, что они въ платежѣ тѣхъ денегъ по немъ поручатся. И на другой день, во дворцѣ, увидя онаго маіора Албрехта стали о томъ ему говорить; на что онъ, со злости своей, не утая самаго намѣренія сказалъ, что-де „не деньги надобны, а надобенъ онъ самъ“. И того-жъ числа отданъ караульному сержанту приказъ, чтобъ къ нему, отцу моему, никого не допускать, почему уже и мать мою не допускали; а къ тому несчастію приключилось и большое несчастіе, что въ томъ году въ бывшей большой въ Москвѣ въ 1737 году пожаръ, сгорѣлъ домъ его и съ пожитками больше нежели на двѣнадцать тысячъ рублей, чѣмъ къ платежу и вся надежда рушилась; и онъ, отецъ мой, на томъ полковомъ дворѣ содержанъ былъ цѣлой годъ, давая время дабы протчія афицеры могли деньги выплатить. А потомъ опредѣленъ былъ генеральный врезрехтъ¹⁾, и какъ надъ нимъ, такъ и надъ протчими комиссары, о нихъ произведенъ судъ, по которому они были къ жестокому штрафу осуждены, въ томъ числѣ и отецъ мой, къ смерти.

Отъ которой (смерти) самъ Богъ послалъ препятствіе: средь зимы генваря 9 числа ниспосланіемъ вѣтра, которымъ возвысило изъ Невы воды до такой высоты, что по улицамъ вѣзли въ судахъ, чѣмъ собраніе полковъ препятство вало, а второе яко стремленіе рѣчное и сердце царево пережѣнило, и та казнь отмѣнена. Однакожъ по винамъ посланы были съ наказаніемъ въ Сибирь, а имѣніе ихъ, какъ по сентенціи суда, такъ и по данному объ отмѣнѣ казни, указу, велѣно отъ нихъ имѣніе отписать на государя, почему оное и отослано было въ тогда вновь учрежденную канцелярію конфискаціи. Въ которую въ реестрахъ, сверхъ собственныхъ ихъ имѣніевъ, написаны были отцовъ ихъ и женъ, которая вида противное указамъ требованіе, опредѣлила виновныхъ людей имѣніе принять въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ оное состоитъ воеводамъ; а показанныхъ виновныхъ Ножнева и Обрютина—за отцами, а Булгакова и Пущина—

¹⁾ То есть военный судъ.

за женами, за силою имяннаго 1718 г. мая 26 дня указа, отписки и продажи чинить не можетъ, понеже на то указовъ не имѣетъ; о чемъ въ тотъ полкъ дала знать, а въ сенатъ репортовала. И по полученіи того отвѣту, полковая канцелярія подавала ея императорскому величеству докладъ, исправившая оное имѣніе себя. На который послѣдовалъ ея величества 1738 году іюля 10 числа имянной указъ, которымъ велѣно: виновныхъ причлчившихся по тому дѣлу, имѣніе изъ канцеляріи конфискаціи взявъ, отдать того полку штабъ-офицерамъ, дабы они отъ себя продавали или сами владѣли, токмо бѣ недоставшее въ полковую сумму отъ себя заплатили, однакожъ не нарушалъ военной сентенціи и даннаго генваря 11 дня 1738 года своего указа не отповъ и не женѣ ихъ. Что получа въ свою власть поступили уже самовластно и не въ силѣ оной сентенціи и оныхъ указовъ, послали отъ себя въ тѣ города солдатъ съ полномочными инструкціями, которымъ велѣ отповъ таѣ и женѣ, а матери моей отца родовое имѣніе отписывать и продавать. Которые егда пріѣхали въ Москву, тогда знающіи учрежденный государственный порядокъ растолковали имъ, что безъ послушныхъ указовъ отъ сената въ городѣхъ ихъ не послушаютъ. То они яко къ главнокомандующему въ Москвѣ командиру и яко того полку подполковнику графу Семену Андреевичу Салтыкову явясъ, и требовали послушныхъ указовъ. Которые имъ изъ сенатской конторы и даны, токмо о не возпрещеніи въ отпискѣ виновныхъ же имѣніевъ; въ чемъ оные солдаты и поступили съ раззореніемъ и не токмо матери моей собственное имѣніе, но и отца ее дворянина Петра Дубровскаго, еще жалованное отъ царя Алексѣя Михайловича родовое имѣніе, отписали и продали.

И тако, всемилостивѣйшая государыня, описавъ ко отцу моему нападеніе и утѣсненіе и отнятіе къ платежу денегъ случая, теперь дерзаю утрудять священную вашу императорскую особу къ незаконному отнятію собственныхъ имѣніевъ матери моей и отца ея, такожъ и сестры ея, а моей тетки, которыя ни мало въ томъ дѣлѣ отца моего были неучастны; рабски прошу терпѣливо выслушать.

Когда съ отцомъ моимъ, тотъ несчастной случай происходилъ, тогда мать моя съ малолѣтними двумя дѣтьми, большими моими братьями (ибо тогда еще я не родился) изъ дома были выбиты. Тогда пришла во дворецъ въ каюнету и стояла въ сѣняхъ. Тогда помянутой маіоръ Адбрехтъ пріѣхавъ къ разводу и увидя ея, кликнувъ сержанта караульнаго и велѣлъ ея посадить на извозника и съ дѣтьми вывести изъ города въ ямскую слободу, чтобъ она ѣхала за мужемъ своимъ; которой ея и вывезъ; запрета ей, чтобъ она отнюдь въ городъ не возвращалась и оставилъ на улицѣ. А тогда была зима мѣсяцъ февраль, въ которомъ случаѣ не знала что дѣлать, ибо ямщики никто на дворъ пустить не смѣлъ, что привезена изъ дворца; а на такую оказію стекло людей не мало. Но Всевышній Богъ наказуя насъ за грѣхи наши, поадеетъ и помощь, ибо между стекающимся народомъ случился быть одинъ человекъ тайнаго совѣтника барона Александра Григорьевича Строганова. Поѣхавъ въ городъ въѣдалъ господъ своихъ природное къ злостраждущимъ милосердіе, донесъ о видѣнномъ и злостраждущемъ случаѣ. Которой хотя отецъ нашъ и мать были имъ незнакомы и дому ихъ неучастны, токмо, по врожденному въ нихъ милосердію, послалъ своего дворецкаго съ однимъ человекомъ и велѣлъ, нанявъ пару подводъ, и искупа одѣжду свои человекомъ, отправилъ въ Москву; которая отца моего постигла въ Москвѣ; но и тамо ея постигло-жъ несчастіе,

что бывшія въ Москвѣ данныя ей двѣ дѣвки отъ свекра ея, по ордеру онаго-жъ маіора Албрехта, бывшимъ при командѣ подпоручикомъ Аргамаковымъ отняты и проданы. И тако вида мать моя безпомощну, и будучи во онасеніи худыхъ съ нею поступковъ, принуждена была ѣхать съ мужемъ своимъ въ самовольную ссылку, въ Сибирь.

А въ полку оставалась еще сестра ее меньшая Марфа, въ замѣствѣ за сержантомъ Самойловымъ, но и ее съ мужемъ своимъ, подъ видомъ службы, отправили въ Сибирь-же, въ гарнизонъ въ офицеры, дабы никого не осталось препятствующихъ въ продажѣ имѣнія, которое продавали незаконно и бывшія на то всякія вѣрности тѣмъ купцамъ выдавали, дабы никакого виду не осталось.

А когда Всевышній Богъ соблагволилъ на російскій престолъ возвести любезную вашего императорскаго величества тетку, императрицу Елисаветъ Петровну, тогда безъ всякаго предствательства вспомня, по недавно прошедшему времени, и вѣдая о бывшемъ притѣсненіи и случаѣ избавленіе отъ смерти, соизволила нарочно посланнымъ, за подписаніемъ руки своей указомъ, отца моего изъ той ссылки свободить и давъ на выѣздъ денегъ сто рублей; почему отецъ мой и съ матерью моею въ 1742 году и пріѣхали въ Москву. Которому ея императорское величество соизволила вину отпустить и чтобъ никто его не порпцалъ прикрыть знаменъ. А мать моя въ томъ же 1742 году, по учрежденному порядку о возвращеніи деревень своихъ, била челомъ въ правительствующемъ сенатѣ. По которому съ полкомъ была справка: по какому указу матери моей и отца ея имѣніе было отписано и продано; по которымъ было отвѣтствовано, якобы по именнымъ указамъ, и когда истребовано было военнаго суда и сентенціи и съ указомъ копіи, то и явилось, что на имѣніе отцовъ и женъ указу не имѣется, то въ 1751 году мая 22 дня правительствующій сенатъ оное дѣло слушали и рѣшили, о чемъ въ обыкновенномъ журналѣ записали и приказали учинить обстоятельной протоколъ, которой тогда у рекетмейстерскихъ дѣлъ и сдѣланъ, и тогда бывшимъ рекетмейстеромъ генераль-маіоромъ Дивовымъ и товарищемъ его, полковникомъ Казариновымъ, подписавъ и по обычаю ко апробаціи—къ тогда бывшему генераль-прокурору князю Трубецкому предложенъ, который его и пробовалъ десять лѣтъ. И какъ мать моя о учиненной резолюціи и мы не вѣдали, а паче о такой медленной апробаціи усумневались, что не безъ причины господинъ генераль-прокуроръ медлилъ, а на прошенія наши только и отвѣтствовать, что за многими дѣлами будто времени рассмотреть не имѣеть. А какъ онъ умеръ и тотъ протоколъ отъ секретаря его Голубцова, по прежнему отдавъ къ рекетмейстерскимъ дѣламъ сенаторами неподписанной, да и предложенъ не бытъ, тогда уже мать наша увѣдала, что въ томъ рѣшеніи положено было, между прочимъ, что мать наша того имѣнія лишилась напрасно, то за всѣ тѣ годы доправить того полку на штапахъ—это о той опискѣ и продажѣ опредѣленіе подписаль. А какъ господинъ князь Трубецкой былъ того полку маіоръ, а опредѣленіе или указы подписывалъ по интригамъ означеннаго маіора Албрехта, якобы по дежурству принцъ Гессенъ Гонбургской, яко чужестранный человекъ совершенной невѣдущей російскихъ правъ, чего мать наша и мы не требовали, а желали одинаго прибѣжища и пропитанія. А тѣ сенаторы, которые оное дѣло рѣшили, всѣ померли.

А вновь вступившія оное дѣло вновь 1761 г. февраля 13 дня пакн слушали и прежнее не порочили, а тоемо дополнили, чтобъ изъ преображен-

ской полковой канцеляріи истребовать извѣстіе: кто объ отписи и о продажѣ того имѣнія, опредѣленіе крѣпили, чтобъ прислать съ того опредѣленія копію; на что изъ той полковой канцеляріи приславъ репортъ, что то опредѣленіе и указы крѣпилъ означенной принцъ Гессенъ Говбургской, ссылаясь на помянутой данной имъ 1738 г. юли 10 дня указъ, тѣмъ оной принцъ былъ и обмануть, ибо сила того указу гласить на имѣніе виновныхъ а не женъ ихъ и отцовъ; въ томъ репортѣ прибавили свое мнѣніе: можетъ-де оны, Булгаковъ, на тѣ забираемыя деньги на имя жены своей купилъ,—и то не правда ибо по слѣдствію того дѣла при крезехтѣ того не явилось.

А въ допросѣ своемъ отецъ нашъ показывалъ, что покупалъ дворы и деревни, что и подлинно нашлось: купилъ оны на свое имя маленькія деревни, подмосковную сельцо Афанаскова 14 душъ, да въ Арзамаскомъ уѣздѣ деревню Бѣльево 4 души, да въ Москвѣ и въ Петербургѣ строилъ дворы, которые, по силѣ сентенцій и указу 1738 г. января 11-го дня, и проданы. И оное мнѣніе-жъ той канцеляріи недѣльное ибо по догадкамъ дѣлъ не дѣлають, а дѣлають по явнымъ и яснымъ обстоятельствамъ, да и Божию и гражданскому закону противно есть, ибо по божественному ветхаго закона писанію, когда Богъ явился Аврааму въ трехъ лицахъ у дуба маврійскаго, что идетъ видѣть грады Содомъ и Гоморъ по воплю-ли ихъ дѣлается и на вопросъ Авраамовъ: ежели обрящеть оны въ нихъ отъ 50-ти до 5-ти челоувѣкъ праведниковъ, пощадить-ли ихъ? на что изъявилъ свое милосердіе, объявилъ, что и для пяти праведниковъ пощадить. А како Богъ всевѣдущій и всевидящій, не для той причины шелъ чтобъ видѣть, но данъ намъ знать, что слухамъ другимъ не вѣримъ; а въ Святомъ Евангеліи и явно сказалъ: „что вижу и сужду и судъ мой праведенъ есть,“ да и по уложенію о свидѣтеляхъ положено, которой свидѣтель самъ не видѣлъ, а слышалъ отъ другихъ, тѣмъ не вѣрить, да и съ натурою не сходно: ибо за вину одного въ наддачи другихъ невинныхъ казнить не можно, чего въ христіанскихъ народахъ не слышно, да паче всего ясна, что въ благополучное ваше царствіе по недавно оказавшимся случаямъ въ каммисаріатѣ и артиллеріи и другихъ мѣстахъ, за пущее похищеніе казны мужьями, у женъ ихъ и у отцовъ, а колыми паче другаго рода, имѣніевъ не отбирается.

А понеже мать наша, по многомъ страданіи и таскотѣ, въ 1778 году умерла; а къ тому имѣнію наследниками оставались брать мой ассесоръ Петръ Булгаковъ и замужня сестра Мавра Приклонская; о чемъ помянутой мой брать Петръ Булгаковъ въ правительствующемъ сенатѣ въ 5-мъ департаментѣ, въ 1780 году марта 13 дня, билъ челомъ, объявляя о смерти матери нашей, представлялъ, что къ тому имѣнію наследники оны и я, да сестра наша Мавра Приклонская, прося чтобъ то имѣніе отдано было намъ; въ тому-жъ и сестра матери нашей Марфа изъ Сибири съ мужемъ своимъ выѣхала, и объ отеческомъ родовымъ имѣніи, въ томъ же департаментѣ и въ томъ же 1780 году въ октябрѣ мѣсяцѣ била челомъ, что отцовское ихъ имѣніе, за вину зятя ее, а нашего отца, отнято напрасно потому только, что когда мать наша въ 1731 г. была у отца своего въ Казанскомъ уѣздѣ и взяла съ собою меньшую свою помянутую Марфу, то отецъ ихъ, провождая до Сибирска, далъ имъ въ запасъ духовную; раздѣля помѣстную свою землю пополамъ, дабы въ случаѣ смерти не имѣли они какой вражды, и хотя она писана въ Сибирскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, токмо къ той духовной руку приложилъ не самъ и по законамъ должно было оную въ юстицкой коллегіи явить и его допросить. И какъ они ее привезли въ Москву къ отцу нашему,

то онъ, отецъ нашъ, не принялъ и въ дѣйство не произвелъ, ибо у него другихъ дѣтей не было. А они, по смерти его, и безъ того законныя суть наследницы, которую въ письмахъ матери нашей, при описи нашли и по ней явобы слѣдующая половина матери нашей, еще при живомъ отцѣ ихъ продали. О чемъ зная тетя наша, въ томъ своемъ челобитѣ изъяснила: при живыхъ завѣщателяхъ духовныя никакого дѣйствія не имѣють, о чемъ приводила св. апостола Павла посланія ко евреямъ: въ 9-й главѣ изъяснено то, идеже бо завѣтъ нужно есть привнети смерти завѣщающаго завѣтъ бо во умершихъ извѣстенъ есть, понеже ничего же можетъ егда живъ есть завѣщаваяй. По которымъ прошеніямъ чинили многія недѣльныя справки и на послѣдокъ прошеніи какъ матери нашей, такъ и брата моего Петра, и означенной тети нашей отослали въ вотчинную коллегію подъ видомъ явобы о справкѣ съ дачами, но самую вещь, чтобы оныхъ въ Сенатѣ не было; и требовали справы съ дачами за кѣмъ оное состоитъ, мнѣнія, кому оное слѣдуетъ. Въ которой по архивѣ и съ канцелярію конфискацію тако-жъ продолжались годъ и четыре мѣсяца. И въ концѣ 1782 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ въ правительствующій сенатъ внесли доношеніе со мнѣніемъ, что де по дачамъ состоитъ за матерью нашею въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Каланинѣ земли 300 четвертей со крестьяны, да въ Галицкомъ уѣздѣ въ деревнѣ Аверкиевой 23 четверти съ третникомъ, на котораго слѣдуютъ, по силѣ законовъ, по смерти матери нашей, сестрѣ нашей увазная часть, а достальное—мнѣ съ братомъ моимъ по полямъ. Однако-жъ оный братъ мой умеръ, а осталась послѣ него жена съ тремъ дочерьми, а роду Дубровскихъ оказавшагося по дачамъ 156 году въ Казанскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Майнѣ, въ селѣ Богоявленскомъ, за Иваномъ Дубровскимъ 70 четвертей, да за граждомъ моимъ Леонтиемъ Дубровскимъ въ селѣ Рождественскомъ 50 чет. оное слѣдуетъ правнукамъ ихъ, матери нашей и тетѣ Марфѣ по полямъ, токмо обѣ померли и Марфа умерла бездѣтна, послѣ которой, по силѣ законовъ, слѣдуетъ намъ-же. Токмо какъ по вышедонесенной неправильной и законамъ противной продажи изъ полковой канцеляріи хотя бы и духовная была правильная и законами утверждена, но матери нашей а не отцу, и то продана слѣдующая половина матери нашей 26 чет.

А купцы оной маіоры Михайла и Осипъ Висленевы и другою половиною т. е. всю землю дворомъ его и усадьбою сильно завладѣли и дѣда нашего изъ двора выбили, которой при самой древности скитался между дворъ восемь лѣтъ, умеръ.

И по тѣмъ прошеніямъ матери нашей, тетки и брата нашего и по мнѣнію вотчинной коллегіи правительствующаго сената 5-го департамента продолжающейся сорокъ три года, рѣшилъ, не уважая имянныхъ 1718 г. мая 26-го дня блаженныя памяти государя Петра Перваго и учиненной по тому дѣлу въ кресрехтѣ сентенціи и точнаго о имѣніяхъ винныхъ государыни императрицы Анны Іоанновны генваря 11-го дня 1738 г. указовъ, а только сославшисяна указъ 1738 г. іюля 10-го дня, будто за онымъ указомъ возвратити не можетъ, поставляя въ резонъ что-де на поданную въ кабинетъ отъ того полку вѣдомость объ отписныхъ по оному дѣлу у подлежащихъ во взысканію движимыхъ и недвижимыхъ имѣніевъ, какъ ихъ такъ и женъ и матерей собственнымъ, въ которыхъ и матери нашей отписныя имѣнія показаны были.

Имяннымъ же 1740 г. мая 27-го дня указомъ велѣно по прошеніямъ поручика Пущина и подпоручика Бахтеева, купленныя на имя жены Пущиной не-

движимыя имѣнія возвратитъ имъ во владѣніе; а о имѣніи матери нашей ничего-же не сказано; которой казусъ не токмо къ отказу, но паче когда они сами не смѣли сдѣлать, вель ихъ къ докладу вашему императорскому величеству. ибо Пущина и Бахтеева жены были на лицо и просили, тѣмъ и пожаловано было; а мать наша и тетка, какъ выше донесено, были въ Сибирѣ въ политической ссылкѣ, то и просить способу не было, да мать наша хотя и приходила въ кабинетъ просить, но злодѣйствомъ каіора Албрехта вывезена подъ карауломъ за городъ. А какъ возвратились въ Москву, то мать наша и стала еще въ 1742 г. просить, то и слѣдовало имъ о семъ доложить, что соизволите ваше императорское величество повелѣть; а не такъ безгласно а паче чужое и другаго роду, т. е. дѣда нашего Дубровскаго и ни мало въ томъ дѣлѣ не участвнаго въ томъ же заключили, въ чемъ вѣдно намъ объявить, котораго объявленія учинить было некому, ибо мать наша и тетка померли.

А я, низжайшій вашъ рабъ, по высочайшему вашего императорскаго величества соизволенію, обрѣтаюсь въ другомъ государствѣ, о чемъ былъ несвѣдомъ и мнѣ знать не дано—къ тому-жъ по должности бывшемъ въ томъ департаментѣ оберъ-прокуроръ г. Обуховъ и оберъ-секретарь Ильинъ силу того 1738 года іюля 10-го дня (указу) господамъ сенаторамъ неистолковали; а какъ правительствующій сенатъ уже крайне и верхній судъ есть, то идти уже некуда, но токмо осталось прибѣгнуть къ правосудному престолу вашего императорскаго величества и припавъ къ священнымъ стопамъ вашимъ и просить.

Всемилоствѣйшая государыня, повелите оное дѣло матери и тетки нашей правительствующаго сената изъ 5-го департамента, такожь и поданныя челобитныя матери и тетки нашей и брата моего изъ вотчинной коллегии взять 6-го департамента оберъ-прокурору и вашего императорскаго величества камергеру князю Ивану Гагарину, и изъ обѣихъ рѣшеніевъ сдѣлать экстрактъ и донести вашему императорскому величеству, и учинить милостивое свое рѣшеніе и не предать насъ тѣмъ рѣшеніемъ во образецъ. А о имѣніи дѣда нашего дворянина Петра Дубровскаго, которой ничѣмъ былъ невиненъ, дать свое имянное повелѣніе Сибирскаго намѣстничества правящему должностъ генераль-губернатора генераль-поручику Осипу Андреевичу Игель-струму, чтобъ онъ вступился въ то дѣло яко безгласное вмѣсто меня, ибо я никакыхъ повѣренныхъ не имѣю, послалъ одного изъ губернскихъ стряпчихъ, который бы ѣхалъ въ городъ Ставрополь, въ которомъ то имѣніе состоитъ и взявъ тамо земскаго судью и землебра и съ ними ѣхалъ-бы въ село Рождественское, что на верхней Майнѣ и собравъ тамо живущихъ дворянъ, изслѣдовалъ гдѣ было селеніе дворянина Петра Дубровскаго и пахатныя земли и кто ими владѣетъ, и по какимъ вѣрностямъ; и тѣ вѣрности отобравъ изслѣдовать въ губерніи въ гражданской палатѣ, подъ смогрѣніемъ его превосходительства. И ежели другихъ какихъ вѣрностей кромѣ незаконно проданной лейбъ-гвардіи преображенскаго полку отъ полковой канцеляріи на 25 четвертей землю, всю отобрать и отдать тамо живущему, матери моей родственнику, секундъ-маіору Якову Михалникову, а за насильное владѣніе повелѣть учинить по силѣ уложенія и указовъ.

Высылка изъ Россіи членовъ „Общества свиней“

въ 1824 г.

Предъ нами лежитъ дѣло 1824 г., принадлежащее нынѣ собранію рукописей редакціи „Русской Старины“ и озаглавленное такъ: „дѣло о членахъ общества именуемаго свиней“. Въ находящемся здѣсь извѣщеніи правителя канцеляріи кронштадскаго военнаго губернатора Баженова, члены этого общества названы членами „Свинаго общества“.

Дѣло начинается предложеніемъ графа Милорадовича оберъ-полицеймейстеру генералъ-лейтенанту Ив. Вас. Гладкову, 7 августа 1824 г., за № 4,190. Графъ Милорадовичъ писалъ:

— „Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, высочайше повелѣть соизволилъ: всѣмъ членамъ Общества называемаго свиней, находящимся нынѣ подъ стражею, выдать паспорта на слѣдованіе за-границу, безъ возврата и приказать имъ сейчасъ выѣхать отсюда за-границу. Сверхъ того, взять съ нихъ подписки, что они въ Россію никогда не возвратятся и внушить имъ, что ежели и за сими подписками возвратится кто-нибудь въ Россію, тогда уже подвергнется строгому взысканію по законамъ“.

Днемъ раньше, 6 числа, по словесному приказанію графа Милорадовича, переданному Гладкову чиновникомъ М. Фогелемъ, оберъ-полицеймейстеръ предписалъ тѣмъ приставамъ, въ частяхъ коихъ содержались члены общества, „сдѣлать распоряженіе въ самой скорости касательно ихъ имущества по квартирамъ, куда и отправить за строгимъ карауломъ, но по домамъ ночевать не позволять“. Одинъ изъ членовъ — Жюсти содержался въ Петропавловской крѣпости; почему Гладковъ просилъ коменданта Сузина передать для этой надобности арестанта квартальному надзирателю Навроцкому. Изъ донесеній приставовъ видно, что члены общества находились подъ арестомъ болѣе двухъ мѣсяцевъ; по крайней мѣрѣ, Марсиль былъ присланъ въ 4-ю адмиралт. часть 3 июня, а съ 15 числа содержался по болѣзни въ больницѣ градской тюрьмы.

Въ теченіи 6 и 7 августа были кончены распоряженія по имуществу, командированы жандармы, заготовлены паспорта и отобраны отъ членовъ общества слѣдующія подписки: „С.-Петербургъ. 1824 г. августа 7 дня, я, нижеподписавшійся, по случаю высылки меня отсюда, за неблаговидные поступки, съ воспрещеніемъ мнѣ впредь въѣзда въ Россійскую имперію, обязываюсь въ предѣлы оной никогда не вступать, и подвергаюсь въ противномъ случаѣ законному взысканію, въ чемъ своеручно и подписуюсь“. Подписка имѣла и французскій текстъ. Всѣ арестованные, въ числѣ 9 человекъ, въ томъ числѣ и Жюсти, взятый изъ крѣпости квартальнымъ надзирателемъ Лефбромъ, вечеромъ 7 августа, были переданы жандармамъ с.-петербургскаго дивизиона, унтеръ-офицерамъ Степану Васильеву, Емельяну Ивановичу и Петру Косолапову, назначеннымъ конвоировать ихъ до Кронштадта, и отправлены къ тамошнему военному губернатору при слѣдующей бумагѣ оберъ-полицеймейстера Гладкова:

„Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: выслать за-границу всѣхъ членовъ общества называвшагося свиней, находящихся здѣсь подъ стражею и прибывшихъ въ Россію въ 1806, 1811, 1820, 1821, 1822 и 1823 годахъ, именно же: швейцарскаго подданнаго изъ Женевы гувернера В а л ь н ь е в а? Фридриха Л е б р ю н а (Willeneuve Ferdinand Le Brun, commis), парижскаго уроженца (зачеркнуто: „уволеннаго отъ нашей службы въ 1821 г. коллежскаго секретаря), Александра Ж о ф ф р е (Alexandre Jauffret, professeur de littérature), итальянскаго подданнаго изъ Болоньи профессора музыки Марко Аврелія З а н и, тосканскаго подданнаго изъ Флоренціи аббата Юсифа Ж ю с т и; французскихъ подданныхъ: изъ Бордо, лекаря Жана-Эмануеля П л а н т е н а, парижскихъ уроженцевъ, купеческаго прикащика и занимающагося также писаніемъ портретовъ Луи-Августа Булана (August Bernard Bouland), доктора медицины Констанса-Альфонса Марсилья (Constant Alphonse Marseille), и учителей французскаго языка Пьера-Филиппа Ростейна (Rostainne), и родившагося въ Безансонѣ Жана-Баптиста М а й“. Гладковъ просилъ отправить ихъ за-границу съ первоотходящимъ кораблемъ.

Арестованные доставлены въ Кронштадтъ 8 августа 1824 г. Вслѣдъ за ними пришло разрѣшеніе графа Милорадовича, дозволявшее П л а н т е н у бракъ съ г-жею Г л о х о в с к о ю, если она пріѣдетъ въ Кронштадтъ до 11 числа. Но здѣсь встрѣтилось какое-то затрудненіе въ отправкѣ выслаемыхъ съ первоотходящимъ кораблемъ, почему графъ Милорадовичъ писалъ 12 августа Гладкову, что такъ какъ его импер. велѣно, „повелѣвъ выслать арестованныхъ за-границу, предоставилъ совершенно ему и отправленіе ихъ, то онъ, графъ, и сообщилъ военному губернатору, что онъ можетъ отправить ихъ по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ возможности“.

Этимъ дѣло и оканчивается. Въ немъ, правда, есть донесеніе Гладкову пристава литейной части о томъ, „что французскаго подданнаго, профессора литературы Д е - П а я н а или П а г н а, по учиненной выправкѣ вѣренной ему части въ жительство не оказалось и не жилъ“, но принадлежалъ ли этотъ французъ къ обществу свиней, или донесеніе о немъ попало въ это дѣло по ошибкѣ, — не извѣстно, и нигдѣ болѣе объ немъ не упоминается, какъ равно нѣтъ никакого указанія ни на дѣйствіи, ни на дѣли общества. При настойчивомъ желаніи нашемъ дорыться болѣе подробныхъ данныхъ объ этомъ обществѣ намъ это не удалось. Что же касается единственнаго, попавшаго въ общество свиней русскаго — Сидорова, то объ немъ въ приведенномъ нами дѣлѣ вовсе не говорится.

Г. И. Студенный.

Примѣчаніе. Характеристика членовъ „Общества свиней“ 1824 г. почерпнутая изъ официальныхъ документовъ того времени, была уже напечатана въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. томъ XXX, (январь), стр. 183—186.

Р е д.

ПОРТРЕТЪ ¹⁾.

J'ai remarqué, que les hommes
distracts sont toujours excel-
lents.

La Duchesse d'Abrantès.

Есть въ мірѣ чудный человекъ,
Едвадь не безпримѣрный:
Онъ въ странствіяхъ проводитъ вѣкъ,
Россіи посвященный.
Онъ вѣжнѣйшій другъ, вѣжнѣйшій братъ,
Мудрецъ, энжуреецъ,
Полу-Катонъ, Алкивиадъ,
И чистый европеецъ.

* *

Гдѣ былъ, нль гдѣ онъ не бывалъ?
И къ дальнымъ—сердцемъ ближе:
Въ Парижѣ о Москвѣ вздыхалъ,
Въ Москвѣ же о Парижѣ.
Европу облетая вкругъ,
Вездѣ снѣшнть явиться:
Изъ Рима рвется въ Петербургъ,
Оттуда въ Римъ умчится.

* *

Пятнадцать лѣтъ—онъ самъ себя
Какъ будто ищетъ въ свѣтѣ;
Когда, разсѣянность любя,
Снѣшнть, какъ на полетѣ,
И даже слухъ о немъ идетъ:
Скиталець вѣчный ожилъ!
За многихъ чувствуетъ, живетъ,
Однѣя—сто жпзней прожилъ.

* *

¹⁾ Въ настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“ июнь, стр. 187—206, напечатано нѣсколько писемъ Александра Ивановича Тургенева—живо воспроизводящихъ предъ нами нравственный обликъ этого замѣчательнаго человека. Здѣсь же перечтываемъ—указанное намъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ—А. Н. Пыпинъ, —весьма характеристическое стихотвореніе неизвѣстнаго автора въ шутиливой, но весьма добродушной формѣ, рисующаго „портретъ“ того же А. И. Тургенева. Стихотвореніе это было напечатано при жизни А. И. Тургенева въ „Литературной Газетѣ“, изд. 1840 г.

Ред.

Ео всѣхъ столицахъ у него
Свои есть кабинеты,
Гдѣ куча книгъ, того-сего,
Брошюры и газеты;
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ-ли онъ,
Въ архивахъ пыль глотаетъ,
И старину со всѣхъ сторонъ
Слѣдить и открываетъ.

* *

Такъ! въ жизни данъ ему въ удѣлъ
Предметъ его желаній:
Собрать минувшихъ память дѣлъ
И хартіи сказаній,
Россіи прежній бытъ раскрыть,
Петровыхъ лѣтъ картины,
Міръ новымъ блескомъ удивить
Въ дѣлахъ Екатерины.

* *

И въ Римѣ, въ ватиканской онъ
Сидитъ библіотекѣ;
Кому вопросъ, кому поклонъ,
Чтобъ знать о каждомъ вѣкѣ,
Что любопытнаго въ дѣлахъ
Бывалыхъ дипломатовъ...
Съ Марини шепчетъ о звѣздахъ
За хартіи легатовъ.

* *

Готовъ всѣмъ музамъ для услугъ:
Вездѣ ихъ почитатель;
Онъ сорокъ лѣтъ съ Жуковскимъ другъ,
Карамзинныхъ пріятель.
Онъ съ Вяземскимъ одна душа,
Козлова утѣшитель,
И, можно молвить не грѣша,
Всѣхъ знавій онъ любитель.

* *

Онъ видитъ зорко, далеко,
Его повсюду око;
Онъ пишетъ сжато, коротко,
А чувствуетъ глубоко!

Влюбленъ въ писателей съ душой,
И, странствуя всеміѣство,
Со всей Европой онъ—какъ свой,
Вездѣ о немъ извѣстно.

* *

У Вальтеръ Скотта онъ жилагь;
Съ Кюве онъ подружился.
У Гёте гостемъ пировалъ,
У Гумбольдта учился.
Съ Шатобрианомъ вечеркомъ
У Рекамье прелестной,
Всѣмъ знаменитостямъ знакомъ,
И гость вездѣ любезной.

* *

И съ Ламартиноомъ онъ ѣзжалъ,
Знавалъ друзей Байрона,
На балѣ въ Римѣ танцевалъ
Съ сестрой Наполеона;
Прахъ Пушкина отвезъ за Псковъ;
Черезъ мѣсяцъ—онъ Парижѣ,
А тамъ¹ у шведскихъ береговъ,
Къ роднымъ снова ближе.

* *

Какъ русскій—въ русскимъ онъ зывалъ
Двѣнадцатаго года,
Надеждой въ Промыслъ возвышалъ
Усердіе народа.
Благословеннаго любитъ,
Служилъ добру трудами,
И память Александра чтитъ
Сердечными слезами.

* *

Искательъ знаній съ правотой,
Изыскаго цѣнителъ,
И славы русской и родной
Повсюду возвѣстателъ,
Причудливъ... это не бѣда!
Онъ Русь въ лицо не хвалитъ;
Но въ сторонѣ чужой—всегда
Родное чтитъ и славитъ.

* *

Знакомить съ русской стариной
И съ молодымъ талантомъ,
И съ лирой Пушкина златой,
И съ ветхимъ фолиантомъ....

* *

Иной не высмотреть и въ годъ,
Что онъ увидитъ въ сутки;
Другой удвоилъ бы доходъ
Слѣда за нимъ,—безъ шутки!
Что день, предметъ къ замѣчанъ данъ:
Лишь слушайте, глядите,
И каждый день себѣ романъ—
Хоть въ двадцать главъ—пишите,

* *

Онъ слушать проповѣдь снѣшить,
И къ лекціи поспѣть,
Двухъ, трехъ посланицъ посѣтить,
Къ больной зайти успѣть.
Оттуда онъ еще зайдетъ
Въ палату депутатовъ,
Къ Гизо, плъ Тьеру на обѣдъ,
На балъ аристократовъ.

* *

На двухъ балахъ, на трехъ балахъ,
Онъ въ вечеръ помелькаетъ,
Но не забудетъ о друзьяхъ:
Тамъ полночь провождаетъ,
И полусонный ѣдетъ спать,
Съ разсвѣтомъ чтобъ проснуться,
И прежде, чѣмъ свой день начать,
На прошлый оглянуться.

* *

Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ къ тремъ:
Друзей не забывалъ,
Сближаетъ ихъ, своимъ письмомъ
Дѣлится заставляя,
Привѣты сердца обѣщать,
И шутки, и намеки,
И радуется, что всѣхъ опять
Ихъ вспомнилъ другъ далекий.

* *

Онъ другъ живыхъ и мертвыхъ другъ,
И арфою Эола
Среди могилъ—нимъ шенчетъ вслухъ:
«У Божія престола
Вы, братья, живы предо мной,
Я помню васъ, какъ прежде,
Люблю, и свидѣться душой—
Въ безсмертной я надеждѣ».

* *

Такъ занята душа его;
Все въ мысль его тѣснится,
И смѣсь и пестрота всего,
И чудно міръ кружится!
Все измѣняется предъ нимъ,
И гдѣ ни побываетъ,
Все недочетъ друзьямъ былымъ,
Все новое встрѣчаетъ.

* *

И рѣчь его—калейдоскопъ
Словъ острыхъ и блестящихъ,
И мчится мысль его въ галопъ,
Въ обгонъ всѣхъ говорящихъ;
Разсказъ его—какъ токъ бѣжитъ,
Жизнь свѣта отражая,
Забавить, трогаетъ, дивить,
Одно другимъ смѣняя.

* *

Какъ часто дремлетъ онъ въ гостяхъ!
Не вѣрьте,—онъ не дремлетъ:
Закрывъ глаза, въ своихъ мечтахъ
Воспоминая внемлетъ.
Но васъ онъ слышитъ. Къ слову вдругъ
Словцо онъ встаети скажетъ,
Развеселитъ замолкшіи кругъ,
Смѣшное выигъ укажетъ,

* *

И вступить въ бѣглый разговоръ,
И весь одушевится,
Все жарче, жарче, въ громкій споръ,
Пока не утомится.

Тогда притяхнетъ, и опять,
Тутъ въ кресла опустясь,
Себѣ позволить онъ дремать,
Прищурясь и смѣясь.

* *

Угодникъ дамъ онъ искони,
Ихъ помнить имянины,
Всѣ сердцу памятные дни
Гафиры, Клары, Нины:
Той шлеть онъ вазу, той платокъ,
Другой перчатокъ датскихъ,
А той хрустальный башмачокъ—
Поклонникъ ножекъ дамскихъ!

* *

Очарователь вѣжныхъ дамъ,
За нищету проситель,
Неутомимъ и по дѣламъ
Гонителей гонитель.
Всѣ анекдоты ихъ слѣдить,
Все помнить, что услышитъ,
Какъ Абрамъ заговоритъ,
Чтобъ не забыть, запишетъ.

* *

Въ немъ пылокъ порицанья духъ,
И скорь онъ въ заключеньяхъ;
То—слишкомъ громко мыслить вслухъ,
То легокъ онъ въ сужденьяхъ:
Онъ передъ истиной святой —
Какъ смертный, заблуждался,
Но все, съ младенческой душой,
Какъ былъ, такъ и остался.

* *

Добру онъ сердцемъ преданъ весь,
Отчета не страшится;
Онъ презираетъ низость, снѣсь,
Клеветъ онъ не боится.
И между тѣмъ готовъ бѣжать
На помощь сирымъ, бѣднымъ,
За нихъ просить и умолять,
И докучать надменнымъ.

* *

Хотите-ль встрѣтиться вы съ нимъ.
То случая вы ждите;
Онъ иначе неуловимъ.
Не тамъ его ищите,
Гдѣ онъ, а тамъ, гдѣ можетъ быть.
Когда жъ писать нужнѣе,
Старайтесь адресъ позабыть,—
Письмо дойдетъ вѣрнѣе.

* *

Вотъ Абуль-Фацарій нашъ,
Герой Шехерезады.
Списать его пришла мнѣ блажь,
И въ спискѣ много правды.
Недовершенъ его портретъ,—
Кто хочетъ, пусть дополнитъ.
Исправить, если сходства нѣтъ,
Добавить что припомнитъ.

1840.

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГРАВЕРА Л. А. СЪРЯКОВА

1824—1881.

V ¹⁾.

Во время писанія біографіи Сѣрякова у меня не было подъ руками всѣхъ его гравюръ, поэтому я не могъ сдѣлать тогда должной оцѣнки его дѣятельности. Постараюсь восполнить этотъ пробѣлъ теперь. Всю дѣятельность Сѣрякова можно раздѣлить на три періода. Къ первому—относятся гравюры, дѣланныя имъ въ 1845—49 гг., для дѣтской книжки Ѳ. Студитскаго и для „Иллюстраціи“; разумѣется, гравюры эти не отличаются еще тѣмъ изяществомъ, какое мы видимъ въ его послѣдующихъ произведеніяхъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и стоятъ выше многихъ работъ другихъ русскихъ ксилографовъ того времени. Но послѣ воинованія съ Одрана, Виля, Клаубера—въ 1850-хъ годахъ, Сѣряковъ сразу становится великимъ техникомъ и дѣлаетъ поистинѣ превосходную вещь—голову съ Рембрандта въ Эрмитажѣ, совершенно въ особенной манерѣ. Съ этого начинается второй періодъ его дѣятельности. Въ томъ же родѣ онъ гравюруетъ въ Парижѣ для Геста; великолѣпные портреты его работы издатель „Magasin Pittoresque“ преподноситъ своимъ читателямъ по одному въ годъ,

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., т. XXX, стр. 423—442. Замѣчу кстати, что въ 1-й моей статьѣ вкралась двѣ крупныхъ ошибки: 1) на стр. 438, въ 6-й строкъ сверху, напечатано: (съ 1870 г.)—вмѣсто: (до 1870 г.), и 2) на стр. 441, въ 4-й строкъ сверху,—пропущено слово: желаніе. Н. С.

выполнѣ сознавая все превосходство ихъ передъ другими гравюрами той же категоріи, работы другихъ всилогографовъ.

По возвращеніи въ Петербургъ въ 1864 г., Свряковъ первое время продолжаетъ еще работать въ той же манерѣ—для Московскаго художественнаго общества и проч.; но потомъ, заваленный спѣшными заказами, начинаетъ дѣлать очень обыкновенныя всилографіи.

Съ 1870-хъ годовъ настаеетъ третій періодъ въ его дѣятельности: подъ его руководствомъ работаетъ цѣлая граверная мастерская и выпускаетъ громадное число елише съ помѣткою „С. и Ко.“; такія гравюры встрѣчаются преимущественно въ разныхъ иллюстрированныхъ журналахъ того времени. Собственныя, немногочисленныя работы Свряковъ отмѣчаетъ тогда автографическою подписью своего имени, изъ извилистыхъ буквъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, какъ напр., въ „Исторіи Литературы“ П. Н. Полеваго, попадаетъ подъ гравюрами похожая на его собственно-ручную подпись,—можетъ быть, она принадлежитъ его первой женѣ, А. А. Гавриловой, которая, будучи сама гравершей и ученицей Сврякова, помогала мужу въ его работахъ (гравюры, подписанныя ея именемъ, встрѣчаются въ „Семьѣ и Школѣ“); вѣроятно, не самимъ Свряковымъ дѣланы и нѣкоторыя изъ гравюръ, помѣченныхъ буквами Л. С.—Оригинальныя его произведенія этой эпохи помѣщались преимущественно въ „Русской Старинѣ“, которой посвящено болѣе четверти всей его дѣятельности. Съ переѣздомъ въ Парижъ и Ниццу въ 1876 г., Свряковъ гравюруетъ уже все самъ.

Въ нашемъ спискѣ перечислены только работы Сврякова, подписанныя его именемъ или, если и неподписанныя, то исполненныя имъ несомнѣнно, какъ напр., указанныя въ его автобіографіи или въ письмахъ ко мнѣ В. В. Маттэ, въ послѣдніе годы ближайшаго къ нему ученика; о прочихъ, т. е. помѣченныхъ буквами: „С. и Ко.“, говорено у насъ въ особыхъ примѣчаніяхъ. Собственныхъ гравюръ Сврякова можно считать отъ 450 до 500, да дѣланныхъ въ его мастерской—отъ 850 до 900, а всего, пожалуй, наберется до 1,500; въ спискѣ онѣ расноложены въ хронологическомъ порядкѣ и по изданіямъ, для которыхъ дѣлались.

Н. П. Собжо.

VI.

II. Путешествіе вокругъ свѣта, изд. О. Студитскимъ. Южная Европа. Спб. 1846. 16°.

Политинажи: 1) Соборъ въ Кордовѣ (стр. 7); 2) Женевское озеро (стр. 13); 3) Чортовъ мостъ (стр. 20); 4) Симплонская дорога (стр. 30); 5) Сенъ-Бернардская собака (стр. 33); 6) Венеція (стр. 40); 7) Соборъ св. Петра въ Римѣ (стр. 45); 8) Колизей (стр. 51); 9) Неаполь и Везувій (стр. 54); 10) Этна (стр. 69); 11) Діонисіево ухо (стр. 79); 12) Греческіе метеоры (стр. 85); 13) Аены (стр. 95); 14) Константинополь (стр. 104); 15) Мечеть Ая-Софья. Соборъ св. Софін (стр. 108)—всѣ безъ подписи Сврякова.

III. Иллюстрація 1846—1849 гг., въ малый листъ:

1) Гулянье на Смоленскомъ кладбищѣ (1846, т. III, № 27, стр. 422)¹⁾; 2) Домъ въ имѣніи Вѣрки и 3) Общій видъ имѣнія Вѣрки (стр. 431)²⁾; 4) Триумфальныя ворота на Невѣ въ 1714 году (№ 28, стр. 439)³⁾; 5) Проспективіе на желѣзной дорогѣ во Франціи (стр. 450)⁴⁾; 6) Принцезы острова, карт. Г. И. Аймазовскаго (№ 34, стр. 543)⁵⁾; 7) Село Ловотки Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи (№ 42, стр. 659); 8) Типографскій наборъ по системѣ Гутенберга (№ 43, стр. 678)⁶⁾; 9) Боярскій домъ временъ Петра Великаго (№ 45, стр. 714); 10) Гр. Віоль и ученикъ его Пачифико Авиньоли.—RZ (т. е. Rudolphe Zukowski).—Свряковъ (стр. 718)⁷⁾; 11) Харьковъ. Ярмарочная площадь (№ 46, стр. 727); 12) Видъ изъ Куликовскаго сада на Захарьковскую часть (№ 47, стр. 742)⁸⁾; 13) Поздравленіе съ Новымъ годомъ.—RZ.—Свряковъ (1847, т. IV, № 1, стр. 12); 14) Сергіевка, дача ея и. в. в. к. Маріи Николаевны (№ 3, стр. 40); 15) Сады въ Бахчисараѣ.—RZ.—Свряковъ (№ 5, стр. 69); 16) Гетманъ Мазепа. — Свряковъ.—М. К. (стр. 77); 17) Лотерея дѣтскихъ пріютовъ (№ 12, стр. 185); 18) Поздравленія, къ статьѣ: Шутки пера и карандаша (стр. 188—189); 19) Бюстъ Э. И. Губера (№ 14, стр. 221); 20) Переѣздъ съ квартиры на квартиру, къ статьѣ: Шутки пера и карандаша (стр. 222—223); 21) Русскій лагерь въ Султаніе (№ 15, стр. 230)⁹⁾; 22) Больница всѣхъ скорбящихъ. Домъ умалишенныхъ.—Срѣвъ (№ 17, стр. 267 bis)¹⁰⁾; 23) Абхазецъ (№ 18, стр. 286); 24) Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ (т. V, № 25, стр. 5); 25) Мѣсто, гдѣ родился Ломоносовъ, въ деревнѣ Денисовой „Болото“ (стр. 8); 26) Зданія, называемыя домомъ Давидовымъ, — нынѣ мечеть въ Іерусалимѣ (№ 26, стр. 20);

¹⁾ Перепечатано въ «Иллюстрированной Газетѣ» Баумана 1866 г. (т. XVI № 30, стр. 69).

²⁾ Тамъ же въ 1868 г. (т. XXI, № 12, стр. 181).

³⁾ Тамъ же въ 1865 г. (т. XVI, № 50, стр. 397).

⁴⁾ Тамъ же въ 1866 г. (т. XVII, № 14, стр. 220).

⁵⁾ Тамъ же въ 1868 г. (т. XXI, № 10, стр. 152).

⁶⁾ Тамъ же въ 1867 г. (т. XIX, № 6, стр. 92).

⁷⁾ Тамъ же въ 1865 г. (т. XVI, № 44, стр. 301).

⁸⁾ Тамъ же въ 1866 г. (т. XVIII, № 50, стр. 393).

⁹⁾ Тамъ же въ 1866 г. (т. XVII, № 2, стр. 25).

¹⁰⁾ Тамъ же въ 1867 г. (т. XIX, № 25, стр. 385).

27) Императоръ Александръ I въ Халаланвангасѣ (№ 28, стр. 58); 28) Переѣздъ императора Александра I-го между Кааны и Сотарила (стр. 59); 29) Видъ казеннаго заведенія въ Лопухинкѣ (№ 29, стр. 74); 30) Общій видъ Лопухинки съ водолечебными заведеніями (стр. 75); 31) Петрарѣ, Сальватора-Розы (№ 30, стр. 90); 32) Краковикъ на праздникъ Карпатскихъ горцевъ.—Р. Ж.—Сѣряковъ—Спб. (№ 33, стр. 135); 33) Старинный національный мазуръ, — съ тѣми же подписями (стр. 139); 34) Дача гр. Строганова со стороны сада.—Р. Жуковскій.—Сѣряковъ—Спб. (№ 34, стр. 151); 35) Моментъ прощанія (воздухоплатателя) г. Леде съ отцемъ, 31-го августа 1847 года.—Р. Ж.—Сѣряковъ (стр. 159); 36) Видъ Гельсингфорса у Телескаго сада (№ 38, стр. 221); 37) Выходъ всякихъ народовъ изъ кабака, въ городѣ.—Г. Агинъ.—Сѣряковъ (№ 45, стр. 329); 38—40) Три рисунка въ разсказу Серегі.—Сѣряковъ.—Мамоновъ (№ 46, стр. 340—341); 41) Образцовый дѣтскій пріютъ въ С.-Петербургѣ. Видъ изъ сада (№ 47, стр. 361); 42) Нищіе (стр. 365); 43) Лѣтній садъ и домъ е. н. в. принца Ольденбургскаго.—Сѣряковъ—Спб.—П. Б. (т. е. Петръ Борель) (1848, т. VI, № 3, стр. 41); 44) Фарисей Фарисеевичъ Фарисеевъ, вводящій на драгоцѣнную стезю филантропіи своего... племянника.—П. (т. е. Петербургъ)—Сѣряковъ (стр. 44); 45) Принцесса Аделаида, сестра короля Французовъ (№ 6, стр. 98); 46) Святогорскій монастырь и могила А. С. Пушкина (№ 9, стр. 133); 47) Новый домъ кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (т. VII, № 25, стр. 9); 48) Петровская площадь въ Кронштадтѣ (№ 29, стр. 77); 49) Воздушное путешествіе Гаэтанъ Жермани, изъ сада заведенія минеральныхъ водъ (№ 31, стр. 109); 50) Серебряная рава св. Александра Невскаго въ Троицкомъ соборѣ монастыря.—Сѣряковъ.—Р. Ж. (1849, т. VIII, № 1, стр. 5)¹⁾; 51) Почему художникъ не могъ выйти въ новый годъ изъ дома.—В. Т. (т. е. Василій Тиммъ)—Сѣряковъ (стр. 9); 52) Видъ Офена и Песта, съ тѣми же подписями (№ 2, стр. 21)²⁾.

III. Альбомъ изъ 15 рисунковъ, представленный Сѣряковымъ чрезъ военнаго министра, А. И. Чернышева, императору Николаю I; въ томъ числѣ гравированная на деревѣ группа изъ трехъ фигуръ, вершка по 4 величиною, изображавшихъ: унтеръ-офицера преображенскаго полка и солдатъ кавалергардскаго и семеновскаго полковъ, въ 1847 г.

IV—VI. Отдѣльно: Гравюры на деревѣ съ Одрана, Вилы, Клаубера, въ 1852 г.

VII. Отдѣльно: Голова старика въ профиль, съ подписью: „Л. Сѣряковъ 1853.—Рисоваль и гравироваль на деревѣ Лаврентій Сѣряковъ.—(Étude).—(съ картины Рембранта).—Изъ галлерей Императорскаго Эрмитажа“; въ $\frac{1}{2}$, оригинала, въ малый листъ (доска погибла при переѣздѣ Сѣрякова моремъ изъ Петербурга въ Парижъ, въ сентябрѣ 1858 г.).

VIII. Историческій обзоръ дѣяствій Корчевской № 14-го дружины государственнаго подвижнаго ополченія Тверской губ. въ 1855 и 1856 гг., Г. Лаврентьева. Съ портретомъ автора и 25-ю политипажамп, исполненными въ рисункахъ и гравированіи на деревѣ художниками императорской академіи: Сѣряковымъ, Куренковымъ, Берестовымъ, Марковымъ и Муравьевымъ. Спб.

¹⁾ Въ «Иллюстрированной Газетѣ», 1867 г. (т. XIX, № 10, стр. 149).

²⁾ Тамъ же въ 1855 г. (т. XVI, № 48, стр. 360).

1857. 8°: Портретъ Лаврентьева (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ), безъ подписи, но съ помѣтою: грав. на деревѣ Л. Сѣряковъ.

ИЖ. Отдѣльно: Невѣріе апостола Фомы, съ эскиза Рембрандта въ Эрмитажѣ; въ величину оригинала: в. 12, ш. 11 $\frac{1}{2}$ верш. (Доска погибла во время пожара въ мастерской у столара, которому дана была для задѣланія трещины).

Ж *Ze Magasin pittoresque, publié sous la direction de M. Édouard Charton. Paris, Typographie de I. Best, 1859—72, pet. fol.:* 1) Tombeau de la villa Querini, près de Padoue. Dessin de Théron, d'après Jacquemin.—E. Théron.—Л. Сѣряковъ. в. (1859, XXVII, № 19, p. 148); 2) Le Vivier, à la Haye.—Rouargue del.—Л. Сѣряковъ (№ 50, p. 393); 3) Pressoir Dezaunay.—Dessin de Lambert.—Л. Сѣряковъ sc. (1860, XXVIII, № 7, p. 53); 4) Une Vue des Mines de Sel de Wieliczka, en Pologne.—Dessin de Lancelot, d'après la Pologne pittoresque.—Л. Сѣряковъ (№ 8, p. 61)¹⁾; 5) La Ville du Grand-Lacsalé. D'après une image daguerienne prise par M. Jules Remy.—A. de Bar.—Л. Сѣряковъ sc. (№ 26, p. 208); 6) A. G. Decamps, d'après une photographie.—Henri Rousseau del.—Л. Сѣряковъ sc. (1861, t. XXIX, № 49, p. 389); 7) Une Chaire du dix-septième siècle, par Lezautre.—Dessin de Chevignard.—Л. Сѣряковъ (1862, t. XXX, № 11, p. 81); 8) La Boutique du forgeron, par Wright.—Dessin de Worms, d'après une estampe à la manière noire.—Л. Сѣряковъ sc. (№ 27, p. 209); 9) Le Cortége pontifical. — Dessin de Worms, d'après le tableau de M. de Coubertin (Salon de 1862).—Л. Сѣряковъ (№ 51, p. 490); 10) F. Halévy. Dessin de Rousseau, d'après une photographie de Carjat.—Henri Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1833, t. XXXI, № 33, p. 257); 11) Horace Vernet. Dessin de H. Rousseau, d'après une photographie de Tournachon jeune.—Henri Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1864, t. XXXII, № 45, p. 353); 12) Eugène Delacroix, mort le 13 août 1863. Dessin de H. Rousseau, d'après une photogravure de Carjat.—Henri Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1866, t. XXXIII, № 51, p. 401); 13) Meyerbeer. Dessin de H. Rousseau, d'après une photographie de Numa Blanc.—H. Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1866, t. XXXIV, № 9, p. 65); 14) François Rude, Sculpteur.—Dessin de Bocourt, d'après une photographie communiquée par la famille.—L. Sériakoff sc. (№ 42, p. 323); 15) Ingres. Dessin de H. Rousseau, d'après une photographie de Carjat. — Henri Rousseau del. — L. Sériakoff sc. (1867, t. XXXV, № 30, p. 233); 16) Forster, graveur.—H. Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1872, t. XL, № 49, p. 385).

ЖИ. Histoire de France, depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours, d'après les documents originaux et les monuments de l'art de chaque époque, par MM. H. Bordier et Éd. Charton. 2 vol. avec un grand nombre de gravures sur bois. Paris 1859—60. 8°: 1) Le Cardinal de Richelieu. D'après la gravure de Michel Lasne.—Л. Сѣряковъ (II, 197); 2) André le Notre. D'après la gravure de Masson.—Л. Сѣряковъ (344); 3) 1 avril 1753. Remon-

¹⁾ Перепечатано во «Всѣмирной Иллюстраціи» 1869 г. (т. I. № 18, стр. 276).

trances du Parlement au roi. Gravure du temps.—I. Gagniet del.—Л. Сѣряковъ (377); 4) 4 mars 1857. Louis XV tenant les sceaux en personne pour la première fois. Gravure de Pasquier.—Л. Сѣряковъ.—Et. David. del. (380); 5) Turgot. D'après Cochin fils.—Л. Сѣряковъ (395); 6) 20 avril 1814. Adieux de Napoléon à sa garde dans la cour du château de Fontainebleau.—Horace Vernet. p.—J. Gagniet. del.—Л. Сѣряковъ (551).

ХІІ. Акаѳисты съ Каноны... въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ лѣто Ѡ сотворенія міра 3700 (7371), Ѡ РЖТКА же по плоти Бга Слова, АѠѠГ (1863), індікта 5, мѣца Феврѣаріа. 4^о: Успеніе Божіей Матери.—гр. на дер. Л. Сѣряковъ—Спб. (по рис. Ѡ. Г. Солнцева).

ХІІІ. Отдѣльно: Голова старика, съ картины Рембрандта въ Луврѣ; въ 1863—64 г. (осталась неоконченною).

ХІV. Отдѣльно: Антиминсъ, по рисунку Ѡ. Г. Солнцева, для св. синода; въ сентябрѣ 1864 г.

ХV. Отдѣльно: Сатиръ и Нимфа, со статуи Ставассера, по заказу Общества поощренія художниковъ въ 1864 г.; съ подписью: „Работы Ставассера—грав. Сѣряковъ.—Сатиръ и Нимфа, снимаемъ съ мраморной группы Императорскаго Эрмитажа.—Le Satyre et la nymphe d'après le groupe en marbre de l'Ermitage Impérial“. Въ малый листъ.

ХVІ. Заглавный листъ къ изданію Московскаго общества любителей искусства, по рис. профессора Ив. Ив. Соколова; въ 1864 г.

ХVІІ. Художественный сборникъ. Изданіе Московскаго общества любителей художествъ. Подъ редакцію графа А. С. Уварова. М. 1866. 8^о: 1) Материнская любовь, статуя С. И. Иванова. Съ фотографіи.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 75); 2) Д. Г. Левицкій. (Портретъ отца художника).—Л. Сѣряковъ sc. 1864. (въ стр. 127).

ХVІІІ. Святые равноапостольные Күріллъ и Мееодій, просвѣтителі Славянъ. Соч. А. С. Князева. Изображенія гравированы Л. Сѣряковымъ по рисункамъ Ѡ. Бронникова. Спб. 1866. 4^о: 1) Загл. листъ съ изображеніемъ памятника св. Кирилла и Мееодія и съ надписью: „Проповѣдническіе подвиги апостоловъ Славянъ святыхъ Кирилла и Мееодія. Изданіе слѣнца Григорія Ширяева. С.-Петербургъ 1866“.—Л. Сѣряковъ.—П. Марковъ рис.; 2) Св. Күріллъ, семи лѣтъ, повѣдаетъ родителямъ знаменательный сонъ свой Ѡ Софіи.—съ одной подписью Ѡ. Бронникова; 3) С Күріллъ, еще штрокомъ, умоляетъ св. Григорія Богослова быть ему наставникомъ; 4) Св. Күріллъ обличаетъ Сарацинскихъ мудрецовъ въ богохульствѣ; 5) Крещеніе Хозарь, святыми Күріллою и Мееодіемъ; 6) Жители города Филлы, по слову св. Күрілла, посѣкають суевѣрнѣо чтимое ими дерево; 7) Св. Күріллъ подно-

сять царю Михаилу III, изобрѣтенную имъ Славянскую азбуку¹⁾; 8) Св. Кирилъ и Меѳодій обучаютъ Славянскихъ дѣтей грамотѣ; 9) Преніе святыхъ Кирилла и Меѳодія въ Венеціи, съ Латинскимъ духовенствомъ ѿ святости богослуженія и на Славянскомъ языкѣ; 10) Торжественная встрѣча св. Кирилла и Меѳодія въ Римѣ, съ мѣщанами св. Климента; 11) Папа Адрианъ II возлагаетъ на св. престолъ переведенныя св. Кирилломъ и Меѳодіемъ богослужебныя (Славянскія книги; 12) Св. Кирилъ на смертномъ одрѣ оумоляетъ брата своего Меѳодія, не покидать Славянъ; 13) Св. Меѳодій въ Швабской темницѣ, за православное проповѣданіе Слова Божія на Славянскомъ языкѣ; 14) Возвращеніе св. Меѳодія изъ Рима въ Паннонію; 15) Предсмертное прощаніе св. Меѳодія съ оучениками²⁾; 16) Святотасенное (sic) сожженіе богослужебныхъ Славянскихъ книгъ панистами, по кончинѣ св. Меѳодія; 17) Апостолы Славянъ святые Кирилъ и Меѳодій³⁾, — всѣ гравюры съ подписями Бронникова и Сѣрякова.

Примѣч. Кромѣ того, въ этой книгѣ есть еще двѣ виньетки въ началѣ главъ: „Святые, равноапостольные Меѳодій и Кирилъ, просвѣтители Славянъ“ (надъ предисл.) и св. Троица (на стр. I); 9 заставокъ при заглавныхъ буквахъ: В (стр. 22), двухъ В (стр. 18 и 32), трехъ К (стр. 1, 52 и 62), двухъ Н (стр. 9 и 36) и Р (стр. 4), и 10 виньетокъ въ концѣ главъ (на стр. 3, 8, 17, 21, 31, 35, 51, 61, 68, VIII). Но, вѣроятно, въ гравированіи рисунковъ для этой книги помогалъ Сѣрякову М. Стариковъ, подписавшійся подъ гравюрой: „Св. Кирилъ силою молитвы укрощаетъ ярость напавшихъ на него Угровъ“, — такъ какъ не на всѣхъ гравюрахъ подпись Сѣрякова автографическая.

ЖИЖ. Отдѣльно: Александръ II, — Императоръ Всероссійскій (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо въ овалѣ). — Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ, — граверъ Его Императорскаго Величества. — 1867. — Imprimé par I. Best; въ большой листъ.

ЖЖ. Отдѣльно: О. И. Комисаровъ—Костромской.

ЖЖІ. Конекъ Горбунокъ. Русская сказка въ трехъ частяхъ. Соч. П. Ершова. Съ семью картинками, рисованными на деревѣ Р. К. Жуковскимъ и гравированными Л. Сѣряковымъ. Спб. 1868, 1-72, 1877, 1880. 16°, — картинки безъ подписей.

ЖЖІІ. Отдѣльно: А. Ф. Кокоринъ (покогѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо), съ подписью: „Рис. и гравир. на деревѣ Л. А. Сѣряковъ. — Печаталъ А. Траншель. Невск. пр. № 45. — Александръ Филиповичъ Кокоринъ — строитель и директоръ академіи художествъ (1726--1772). — Съ портрета Львицкаго, находящагося въ императорской академіи художествъ. — Премія общества поощренія художниковъ на 1869 годъ“. Въ большой листъ⁴⁾.

ЖЖІІІ. Всемирная Иллюстрація. Спб., изд. Г. Гоппе, 1869—74 гг., въ малый листъ: 1) Первая поѣздка Ильи Муромца. — Л. Сѣряковъ. гр. — И. Со-

¹⁾ и ²⁾ Перепечатаны въ «Иллюстрированной Газетѣ» Баумана, 1867 г. (т. XIX, № 12, стр. 181).

³⁾ Перепечатано въ «Нивѣ» 1870 г. (№ 5, стр. 69).

⁴⁾ Перепечатанъ въ «Нивѣ» 1870 г. (№ 47, стр. 740—741).

головъ. (1869, т. I, № 3, стр. 40—41) ¹⁾; 2—13) Петербургскіе типы.—(Рисоваль С. Александровскій.—Грав. Л. А. Свряковъ) (№ 5, стр. 72—73); 14) А. С. Даргомыжскій (полной, $\frac{3}{4}$ вправо), +5-го января 1869 г. (Съ фот. А. Лушева грав. Л. А. Свряковъ).—С. (№ 6, стр. 92); 15) Кубокъ изъ собранія кн. Паскевича.—(Рисоваль Колуччи, гравироваль Л. А. Свряковъ) (№ 7, стр. 100); 16—26) Сцены (1-го и 5-го) акта и типы изъ комедіи г. Аверкіева „Фроль Скабѣевъ“.—(Рисоваль С. Александровскій, грав. Л. А. Свряковъ) (стр. 108); 27) Св. Людовикъ. Картина Леонарда да Винчи. (Изъ собранія гр. Строгонова).—Рѣзалъ на деревѣ граверъ Его Императорскаго Величества академикъ Л. А. Свряковъ (1864 г.) (№ 10, стр. 148); 28) Царская охота на медвѣдей.—(Рисунокъ Ф. Тейхеля, рѣзалъ на деревѣ Л. А. Свряковъ) (стр. 149); 29) Князь В. Θ. Одоевскій (полной, $\frac{3}{4}$ вправо).—(Съ фотографіи Робильера, гравироваль Л. А. Свряковъ) (№ 12, стр. 177); 30) Кресло XVI вѣка изъ собранія кн. Паскевича.—(Рисоваль Колуччи, гравироваль Л. А. Свряковъ) (№ 13, стр. 201); 31) Ходженъ отъ Сыръ-Дарьи.—Рисоваль съ натуры Н. Вележевъ, гравироваль академикъ Л. А. Свряковъ (№ 19, стр. 297); 32) Русскій флотъ: Встрѣча Государя Императора въ Транзундѣ, эскадрою подъ командою адмирала Бутакова, 2 и 3іюля 1869 г.—Рисов. на деревѣ, съ рисунка Бегрова, К. Савицкій, гравироваль Л. А. Свряковъ (т. II, № 31, стр. 72); 33) Василій Васильевичъ Самойловъ (въ разныхъ роляхъ).—Рисоваль на деревѣ профессоръ А. Шарлеманъ, гравироваль академикъ Л. А. Свряковъ (№ 42, стр. 249); 34) Мстинскій мостъ Николаевской желѣзной дороги, сгорѣвшій 18-го октября 1869 г.—Л. Свряковъ вс. (по собствен. рис.) (№ 45, стр. 303); 35) Осада Великаго Новгорода въ 6677 году 72-ми Русскими князьями.—(Рисоваль на деревѣ, И. В. Волковскій, гравироваль Л. А. Свряковъ) (№ 49, стр. 360); 36—47) Петербургскіе типы.—(Рисов. съ натуры С. Ф. Александровскій, грав. Л. А. Свряковъ) (1870, т. III, № 67, стр. 272—273); 48) Картина, поднесенная Е. И. В. Государю Наслѣднику л.-гв. преображенскимъ полкомъ, работы художника Зичи.—(Рисов. на деревѣ О. Май, грав. Л. А. Свряковъ).—Мау.—Zichu 1870 (т. IV, № 80, стр. 488); 49) Картина, поднесенная Е. И. В. Государю Наслѣднику гренадерскимъ астраханскимъ полкомъ, работы художника Зичи.—(Рисоваль на деревѣ А. О. Адамовъ, грав. Л. А. Свряковъ) (стр. 489); 50) Зала присутственныхъ мѣстъ Земли войска Донскаго.—(Съ фотографіи Т. Иванова, рисов. на дер. П. Ф. Борель, гравир. Л. А. Свряковъ) (№ 81, стр. 497); 51) Выставка въ академіи художествъ 1870 г.: „Присяга жителей г. Риги на подданство Россіи, 12 іюня 1710 г.“, картина профессора Коцебу.—(Рисов. на дер. О. Май, грав. Л. А. Свряковъ) (№ 102, стр. 841); 52) Альбертъ Торвальдсенъ, картина Гораса Верне.—(Грав. Л. А. Свряковъ) (№ 102, стр. 849); 53) Сенатская площадь въ Петербургѣ.—К. Брошъ.—Л. Свряковъ (Загл. виньетка съ 1871 г.); 54) Людовикъ-Адольфъ Тьеръ.—(Грав. Л. А. Свряковъ)

¹⁾ Перепечатано, вмѣстѣ съ 8 гравюрами «С. и К.», въ книгѣ: Альбомъ русскихъ народныхъ сказокъ и быльишъ. Составленъ подъ ред. П. Н. Петрова. Изд. Г. Гоппе. Сиб. 1875, въ л.

(1871, т. V, № 112, стр. 117); 55) Мраморное распятіе, работы профессора Бродскаго. — (Рисов. на дер. Л. Колуччи, грав. Л. А. Сѣряковъ) (№ 116, стр. 185); 56) Кобзарь-лирникъ. — Л. Сѣряковъ (по рис. В. Шпака) (т. VI, № 142, стр. 192); 57) Енграфъ Поярковъ до-и послѣ ортопедическаго леченія... г. Корженевскаго. — (Рисов. П. Ф. Бореля, грав. Л. А. Сѣряковъ) (1872, т. VII, № 164, стр. 136); 58) А. Н. Островскій (по грудь, $\frac{3}{4}$ влѣво). — Рис. на дер. П. Ф. Бореля, грав. Л. А. Сѣряковъ (№ 165, стр. 137); 59) Матильда Маллигеръ. — (Рис. К. Брожа, грав. Л. А. Сѣряковъ) (т. VIII, № 196, стр. 253); 60) Михаилъ Васильевичъ Дьяконовъ, директоръ с.-петербургской рисоваальной школы (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо; въ кругу). — Л. Сѣряковъ (по рис. К. Брожа) (1873, т. IX, № 225, стр. 276); 61) Русскій отдѣлъ (на Вѣнской всемірной выставѣ). Модель пароваго молота Пермскаго завода, въ $\frac{1}{2}$ величинѣ ея. — Л. Сѣряковъ (т. X, № 239, стр. 81); 62) Площадь Александринскаго театра. — К. Брожа. — Л. Сѣряковъ. (Загл. виньетки съ 1874 г.).

Примѣч. Затѣмъ, въ первыхъ 6-ти годахъ „Всемирной Иллюстраціи“, насчитывается до 840 гравюръ, вышедшихъ изъ мастерской Сѣрякова съ помѣтою: „С. и К^о“, рѣдко „Сѣряковъ и К^о“. Онѣ дѣланы преимущественно по рисункамъ: А. О. Адамова, П. Ф. Бореля, К. О. Брожа, Г. Бролинга, Н. И. Соколова (515), а также: Агали, А. К. Бегрова, Н. Н. Каразина, А. Колуччи, Липсберговъ, О. Мая, Н. С. Негадаева, А. Н. Нисченкова, И. С. Панова (235) и наконецъ: С. Ф. Александровскаго, Н. А. Богданова, В. М. Васнецова, И. В. Волковскаго, В. М. Резанова, Ф. Тейхеля, В. М. Шпака и мн. др. (90). Большинство изъ этихъ гравюръ, вѣроятно, даже совсѣмъ миновало рукъ Сѣрякова, но въ нѣкоторыхъ сильно замѣтно его участіе и вліяніе, какъ напр., въ гравюрахъ: 1) Конножѣзная дорога Невскаго проспекта (1869, т. I, № 8, стр. 117); 2) Фельдмаршалъ графъ Ф. Ф. Бергъ (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо). — (Съ фот. „Клоха и Дуткевича“, рис. П. Ф. Бореля, грав. Л. А. Сѣряковъ). — С. и К^о. (1872, т. VIII, № 202, стр. 305); 3) Лейбъ-медикъ, профессоръ С. П. Воткинъ (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо). — (Съ фот. Досса, рис. К. Брожа, грав. Л. А. Сѣряковъ). — С. и К^о. (1873, т. IX, № 212, стр. 57); 4) Е. И. В. Вел. Кн. Елена Павловна, † 9-го января (по поясъ, $\frac{3}{4}$ вправо). — С. и К^о. — К. Брожа (№ 213, стр. 77); 5) Е. И. Насръ-Эд-Динъ, Шахъ Персидскій. — (Рис. на дер. К. Брожа, грав. Л. А. Сѣряковъ). — С. и К^о. (№ 228, стр. 309). — Гравюры „С. и К^о“ встрѣчаются также и въ другихъ изданіяхъ Г. Гоппе, какъ напр.: 1. Иллюстрированное описаніе все-россійской мануфактурной выставки 1870 г. Спб. 1870, въ 1. (ок. 30 вещей), и 2) Альбомъ 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго. Рисунки исполнены художниками „Всемирной Иллюстраціи“. Текстъ П. Н. Петрова и С. Н. Шубинскаго. Спб. 1872, въ 1. (35 вещей); но это почти все перепечатки изъ „Всемирной Иллюстраціи“.

ЖЖІV. Сказки, рассказы, очерки и рѣчи Лабула. Сборникъ избранныхъ произведеній. Спб. 1870. 16^о: Загл. виньетка. — П. Марковъ. — Изданіе Н. И. Ламанскаго. — Л. Сѣряковъ (1869)¹⁾.

¹⁾ Помѣщена была также во «Всемирной Иллюстраціи» 1869 г. (т. I, № 18, стр. 240).

ЖЖѢ. Нива. Спб., изд. Маркса, 1870 4^о: 1) Загл. виньетка.—Богдановъ.—Л. Сѣряковъ (съ 1 № 1-70 г. и до 14 № 1871 г.); 2) Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій.—Л. Сѣряковъ (по рис. К. О. Брожа) (1870, № 3, стр. 37); 3) Покровский соборъ (Василій Блаженный) въ Москвѣ.—То же (стр. 45); 4) Память сердца.—Съ картины Сентона.—Л. Сѣряковъ (по рис. Н. А. Богданова) (№ 4, стр. 53); 5) Возвращеніе съ аукціона.—Л. Сѣряковъ (по ориг. рис. В. Е. Маковского) (№ 8, стр. 125); 6) Се діло треба разжувати!... — Съ факсимиле г. Шевченки. Сѣряковъ—И. Пановъ. (№ 10, стр. 149); 7) Дарьяльское ущелье на Кавказѣ.—Съ картины профессора И. К. Айвазовскаго. — Л. Сѣряковъ вс. — р. В. Шпакъ (№ 12, стр. 181); 8) Иванъ Константиновичъ Айвазовскій (поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво). — р. В. Шпакъ. — Л. Сѣряковъ вс. (№ 34, стр. 533).

Примѣч. Сверхъ того, въ «Нивѣ» 1870—73 гг. было помѣщено гравюръ 10 съ помѣтою: «С. и Ко.»

ЖЖѢ. «Русская Старина». Спб. 1870—1881 гг. 8^о:

1) А. Т. Болотовъ.—род. 7-го октября 1738 г., ум. 7-го октября 1833 г.—рис. А. Т. Болотовъ. 1789 г.—грав. Л. А. Сѣряковъ. (1870, т. I);

2) Емельянъ Пугачевъ (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—Род. 1742 г. казнень 10-го января 1775 г.—Грав. Акад. Л. А. Сѣряковъ (т. II);

3) Т. Г. Рябиниъ, крестьяниъ Олонецкой губ., пѣвецъ былинъ (поясной, вправо).—род. 1793 г.—Л. Сѣряковъ вс. (1872, т. V) ¹⁾;

4) Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ,—проектъ академика Витберга.—1817 г.—Л. Сѣряковъ (тамъ-же);

5) Домъ въ Бунцау, въ которомъ скончался 13-го апрѣля 1813 г. кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.—Памятникъ князю М. И. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому въ Бунцау.—Фотографіи сообщ. вице-адм. О. Д. Нордманъ.—Гравировалъ акад. Л. А. Сѣряковъ (тамъ-же);

6) Іоаннъ регентъ—и герцогъ.—De Wigon (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ).—Сѣряковъ (1873, т. VII);

7) Моды въ Россіи—въ 1779 г.—Л. Сѣряковъ (тамъ-же);

8) А. Т. Болотовъ (поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво).—1737—1833.—Л. Сѣряковъ (т. VIII);

9) [Памятникъ] Императрицѣ Екатеринѣ II-й—въ царствованіе императора Александра II-го—1873 г.—Л. Сѣряковъ (по рис. К. О. Брожа) (тамъ-же);

10) Памятникъ Императору Павлу I и дворецъ въ Павловскѣ.—р. В. Шпакъ (тамъ-же, на стр. 649);

11) Генераль-лейтенантъ—Сергій Ивановичъ Маевскій (покойный, $\frac{3}{4}$ влѣво)—1779—1843.—Гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ (по рис. В. С. Шпака) (тамъ-же);

12) Дмитрій Васильевичъ Волковъ.—р. 1718 † 1785 г.—тайный секретарь императора Петра III (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ (1874, т. IX);

---

¹⁾ Перепечатанъ въ изданіяхъ: 1) Книга о кievскихъ богатыряхъ. Составилъ В. П. Азенаріусъ. Сиб. 1876. 8^о и 2) Книга былинъ, его же. Спб. 1880. 8^о.

13) Дѣти правительницы Анны Леопольдовны.—Рисовалъ бывший при нихъ лекарь Карлъ Бошнякъ (4 силуэта) (тамъ-же);

14) А. С. Грибоевъ (по грудь, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ овалѣ)—1795—1829.—Л. Сѣряковъ 1874 г. (по рис. К. О. Брожа) (т. X);

15) Памятникъ надъ частью останковъ кн. М. И. Голенничева-Бутузова-Смоленскаго близъ Бундлау.—р. В. Ш-къ.—Могила кн. М. И. Голенничева-Кутузова-Смоленскаго, въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ (тамъ-же);

16) Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ (поясной, профилею вправо; въ овалѣ).—1760—1825.—К. Брожь.—Л. Сѣряковъ (тамъ-же);

17) Памятникъ основанію города Павловска 1777 (по рис. Шпака) (тамъ-же, на стр. 735);

18) Мариенталь, построенный въ 1778 г., крѣпость Бибъ въ городѣ Павловскѣ (по рис. Шпака) (тамъ-же, на стр. 742);

19) Наталья Федоровна Лопухина (по поясъ, впрямь)—1699 — 1763.—Л. Сѣряковъ (по рис. Шпака) (т. XI);

20) Представители державной власти въ Россіи 1682—1855 г. (Петръ I, Екатерина I, Петръ II, Анна Иоанновна, Елисавета Петровна, Петръ III, Екатерина II, Павелъ I, Александръ I, Николай I). Состав. профессоръ А. Шарлемань.—рис. К. Брожь.—Л. Сѣряковъ (заглавный листъ съ 1875 г., въ каждому тому);

21) Моды въ Россіи—1791 г.—р. В. Шпакъ—1874 г.—Л. Сѣряковъ (1875, т. XII);

22) Атаманъ Войска Донскаго—А. К. Денисовъ (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ)—1763—1841.—Л. Сѣряковъ (по рис. К. Брожа) (тамъ-же);

23) А. Ѳ. Воейковъ (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо)—1779—1839. —То же (тамъ-же);

24) В. Н. Каразинъ—1773—1842—основатель Харьковскаго университета (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ 1875 г. (по рис. Брожа) (тамъ-же);

25) Настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря—Архимандритъ Фотій (поясной, впрямь),—род. 1792 † 1838.—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа (т. XIII);

26) [Памятникъ] Князю Потемкину-Таврическому—въ Херсонѣ — Грав.-Акад. Сѣряковъ (т. XIV);

27) В. Г. Бѣлинскій—† 16-го мая 1848 г. (мертвый)—Писать Акад. К. А. Горбуновъ.—Грав. Акад. Сѣряковъ (1876, т. XV);

28) Францъ фонъ Клугенау (поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ (по рис. Шпака) (тамъ-же);

29) Емельянъ Пугачевъ.—Съ портрета, находящагося въ Ревельскомъ историческомъ музеѣ (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ (т. XVI);

30) Рядовой Архипъ Осиповъ и штабсъ-капитанъ Лико—22-го марта 1840 г.—[Проектъ памятника на Кавказѣ].—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (1877, т. XIX);

31) Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ (отецъ А. И. Герцена). (по грудь, $\frac{3}{4}$ влѣво).—К. Брожь.—Л. Сѣряковъ. Ницца (тамъ-же);

32) Николай Николаевичъ Муравьевъ [Карскій] (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ. 1876 г. (тамъ-же);

33) Михаилъ Г. Кутузовъ (поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ кругу).—Л. Сѣряковъ. Парижъ 1877 г. (т. XX);

34) Княгиня Иоанна Ловичъ,—род. 1795 г. † 17-го ноября 1831 г.—су-

пруга цесаревича Константина Павловича (по поясъ, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ 1877 (по рис. Брожа) (тамъ-же);

35) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.—1814 г. (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ.—В. Шпаѣъ (тамъ-же);

36) Императоръ Александръ I—въ 1802 году (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо).—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ. 1877. Парижъ (съ ориг. Ж. Воаля) (1878, т. XXI);

37) Князь Василій Лукичъ Долгорукій,—членъ верховнаго тайнаго совѣта, вазненъ 26-го октября 1739 г. (по грудь, $\frac{1}{4}$ вправо).—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ.—Парижъ 1878 г. (т. XXII);

38) Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій,—оберъ-камергеръ и св. Андрея кав., род. 1708 г., вазненъ 26-го окт. 1739 г. (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо).—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (т. XXIII);

39) Г. В. Новицкій.—Генералъ отъ артилеріи—1800—1877 (по грудь, $\frac{1}{4}$ вправо).—Издаво иждивеніемъ М. Д. Новицкой.—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (тамъ-же);

40) Иннокентій,—Архіепископъ Херсонскій и Таврическій,—род. 1800 † 1857 г. (поясной, впрямь).—Л. Сѣряковъ. 1878. Ницца (по рис. Брожа) (1879, т. XXIV);

41) Степанъ Михайловичъ Жуконскій,—статсъ-секретарь, членъ и управляющій дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ селскаго состоянія.—род. 1818 † 1877 (по грудь, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. 1878. Парижъ (по рис. Брожа) (тамъ-же);

42) Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—1741 г. (поясной, впрямь; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. Ницца. 1878 г. (по рис. Брожа) (тамъ-же);

43) Осипъ Максимовичъ Бодянский,—профессоръ Московскаго университета.—род. 1808 † 1876 (поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. 1878 г. Парижъ (по рис. Брожа) (т. XXV);

44) Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой,—вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. Ницца (по рис. Брожа) (тамъ-же);

45) Николай Васильевичъ Гоголь—въ 1834 году (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо).—Писаль Венеціановъ.—Гравир. Акад. Л. А. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (т. XXVI);

46) Арсеній Мадѣвичъ—въ Гевелѣ.—† 28-го февраля 1772 г. (поколѣнный, $\frac{1}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ. 1879. Ницца (по рис. Брожа) (тамъ-же);

47) Иринея Нестеровичъ,—Архіепископъ Иркутскій въ 1830—1831 гг.—† 18-го мая 1864 г. (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (тамъ-же);

48) Императоръ Александръ II (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—Л. Сѣряковъ 1880 г. (1880, т. XXVII);

49) Тарасъ Шевченко.—въ 1840 г. (по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо; въ кругу).—Л. Сѣряковъ. 1879. Ницца (по рис. Брожа) (тамъ-же);

50) Станиславъ Романовичъ Лепарскій.—род. 1754, ум. 1837 (поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ овалѣ).—Съ акварели Н. А. Бестужева.—Л. Сѣряковъ 1879. Ницца (по рис. Брожа) (т. XXVIII);

51) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—29-го января 1837 г. (въ гробу).—Л. Сѣряковъ. 1880 г. Ницца (по рис. Брожа, съ рис. Мокрицкаго) (тамъ-же);

52) Герасимъ Петровичъ Павскій.—1787—1863 (поясной, $\frac{3}{4}$ вправо).—

Л. Сѣряковъ. 1880 г. Ницца (по рис. Брожа, съ ориг. Н. С. Волкова 1842 г.) (т. XXIX);

53) Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ—въ 1834 г. (по грудь, $\frac{1}{4}$ вправо; въ овалѣ)—Л. Сѣряковъ. 1879 г. Ницца (по рис. Брожа, съ литогр. 1884 г.) (тамъ-же);

54) Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ—въ 1774 г. (поясной, вправо; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (1881, т. XXX);

55) Императрица Екатерина II въ 1762 г.—Л. Сѣряковъ [будетъ приложено при „Рус. Старинѣ“];

56) Генералъ-аншефъ Кашкинъ, одинъ изъ сподвижниковъ Екатерины II (поясной, въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ (1879) (по рис. Брожа) [будетъ напечатанъ при „Русской Старинѣ“];

57) Историкъ С. М. Соловьевъ (поясной, $\frac{1}{4}$ вправо), по фотографіи.—Это послѣдній предсмертный трудъ Акад. Сѣрякова, начатый имъ лѣтомъ 1880 г., въ горахъ близъ Ниццы, но не оконченный вслѣдствіе болѣзни, сведшей художника въ могилу. Лаврентій Авксентьевичъ успѣлъ только проложить голову и сдѣлать фонъ. Гравюра окончена въ 1881 г., послѣ смерти Сѣрякова, его ученикомъ И. И. Матюшинымъ въ Спб. [Портретъ Соловьева будетъ приложенъ при „Рус. Старинѣ“¹⁾].

XXVIII. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738—93. Приложение въ „Русской Старинѣ“ 1870 г.: полнотажи (I. 15, 272, 376, 434, 450, 459, 460, 474, 475, 487, 498, 505, 506, 514).

XXVIII. Отдѣльно: издатель-редакторъ „Русской Старинѣ“ М. И. Семеновскій, съ фотографіи Бергамаско гравиров. Л. А. Сѣряковъ въ Ниццѣ, въ 1879 г.

XXIX. Семья и Школа. Педагогическій журналъ, издав. подъ ред. Юл. Сямашко, Спб. 1871. 8°: К. Ушинскій.—Род. 1824 г. умеръ 22-го дек. 1870 г. (поясной, $\frac{1}{4}$ влево)—Б. Б. (т. е. Брожъ).—Л. Сѣряковъ (кн. II, № 2).

Примѣч. Въ томъ же журналѣ встрѣчаются гравюры, съ подписями: С. Л. (5), С. и К°. (12), А. Сѣрякова (2)

XXX. Народныя сказанія. Сборникъ для юношества (I. Кельтійскія сказанія о бардахъ.—II. Кельто-германскія легенды о феяхъ и эльфахъ.—III. Финскія сказанія о герояхъ Калевалы). Составилъ П. Полевой. Съ тремя картинками, рисованными художникомъ К. Брожемъ и рѣзанными на деревѣ художникомъ Л. Сѣряковымъ. Спб. 1871. 16°: 1)... „Старецъ пѣлъ тихимъ и торжественнымъ голосомъ“; 2)... „Эльфы любятъ плясать при лунѣ“...; 3)... „Вейнемейненъ увидѣлъ красавицу—дочку старой Лоухи“...; всѣ три съ подписью Сѣрякова.

XXXI. Исторія Русской Литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полеваго. Гравюры исполнены Л. Сѣряковымъ. Спб. 1872, 2-е изд.

¹⁾ Изъ гравюръ Сѣрякова, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ»,—три перепечатаны въ книгѣ: Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. 2 т. Спб. 1878—79. 8°, а именно: 4) проектъ Витберга и портреты—31) Яковлева и 44) гр. Фед. Петровича Толстаго.

1874, 3-е изд. 1878. 8°: 1) Памятникъ св. Кириллу и Меѳодію въ Прагѣ (стр. XVI); 2) Загл. виньетка.—Л. Сѣряковъ.—Пановъ (изд. 1-е стр. 1, 60, 128, 179, 214, 325, 445, 534; изд. 2-е стр. VII); 3) „Пишущій монахъ“—рисунокъ, приложенный къ Лаврентьевскому списку Несторовой лѣтописи (безъ подписи Сѣрякова; изд. 1-е стр. 16, 2-е 17, 3-е 21); 4) Кіево-Печерская лавра.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (изд. 1-е стр. 23); 5) Пещера преподобнаго Нестора лѣтописца въ Кіево-Печерской лаврѣ.—Л. Сѣряковъ вс.—И. Пан. (изд. 1-е стр. 32); 6) Древній соборъ св. Софій въ Новѣгородѣ (изд. 1-е стр. 41, 2-е 42, 3-е 12); 7) Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ (съ ориг. Лампи: изд. 1-е стр. 52, 2-е 54, 3-е 59); 8) Троице-Сергіевская лавра, близъ Москвы (изд. 1-е стр. 86, 2-е 72, 3-е 83); 9) Видъ печатнаго двора въ Москвѣ (изд. 1-е стр. 132, 2-е 119, 3-е 151); 10) Типографскій станокъ XVI вѣка (безъ подписи Сѣрякова; изд. 1-е стр. 133, 2-е 120); 11) Іоаннъ Грозный (изд. 1-е стр. 139, 2-е 127, 3-е 161); 12) Гербъ Курбскихъ (изд. 1-е стр. 145, 2-е 133, 3-е 166); 13) Петръ Могила (изд. 1-е стр. 160); 14) Никонъ (изд. 1-е стр. 172, 2-е 162)¹⁾; 15) Симеонъ Полоцкій (изд. 1-е стр. 174, 2-е 166); 16) Дмитрій Ростовскій (изд. 1-е стр. 187, 2-е 183); 17) Пещь Вавилонская (изд. 1-е стр. 189, 2-е 184, 3-е 215); 18) Петръ Великій (съ миниат. Беннера: изд. 1-е стр. 215); 19) Теофанъ Прокоповичъ (изд. 1-е стр. 223, 2-е 225); 20) Кантемиръ (изд. 1-е стр. 235, 2-е 237, 3-е 270); 21) Татищевъ (изд. 1-е стр. 245, 2-е 247, 3-е 277); 22) Третьяковскій (изд. 1-е стр. 253, 2-е 257); 23) Ломоносовъ (изд. 1-е стр. 267, 2-е 275, 3-е 296); 24) Академія Наукъ во времена Ломоносова (изд. 1-е стр. 271, 2-е 281, 3-е 301); 25) И. И. Шуваловъ (съ ориг. Рокотова: изд. 1-е стр. 277, 2-е 285, 3-е 307); 26) Могила Ломоносова въ Александро-Невской Лаврѣ.—Л. Сѣряковъ. Рис. И. П. (изд. 1-е стр. 281, 2-е 292, 3-е 313); 27) Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ (изд. 1-е стр. 290, 2-е 301); 28) Сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ (изд. 1-е стр. 300, 2-е 312, 3-е 325); 29) Сумароковъ (съ ориг. Лосенко: изд. 1-е стр. 306, 2-е 311, 3-е 322); 30) Екатерина Великая (въ ростъ, съ ориг. Левицкаго: изд. 1-е стр. 324, 2-е и 3-е 336); 31) Эрмитажный театр.—Л. С. (изд. 1-е стр. 332, 2-е и 3-е 345); 32) Е. Р. Дашкова (съ ориг. Левицкаго: изд. 1-е стр. 334); 33) Фонъ-Визинъ (изд. 1-е стр. 349, 2-е 365); 34) Державинъ (съ ориг. Тончи: изд. 1-е стр. 382, 2-е 398, 3-е 379); 35) Казанская гимназія (изд. 1-е стр. 384, 2-е 399, 3-е 373); 36) Званка, усадьба Державина на Волховѣ (изд. 1-е стр. 393, 2-е 408, 3-е 378); 37) Памятникъ Державину въ Казани (изд. 1-е стр. 395, 2-е 410, 3-е 382); 38) Херасковъ (изд. 1-е стр. 414, 2-е 430, 3-е 387); 39) Богдановичъ (изд. 1-е стр. 421, 2-е 437, 3-е 395); 40) Хемницеръ (изд. 1-е стр. 424, 2-е 441, 3-е 399); 41) Новиковъ (съ ориг. Васильевскаго: изд. 1-е стр. 440, 2-е 460); 42) Карамзинъ (съ ориг. Варнека: изд. 1-е стр. 450, 2-е 471); 43) Памятникъ Карамзину—Л. С. (изд. 1-е стр. 466, 2-е 491); 44) Дмитріевъ (изд. 1-е стр. 472, 2-е 495, 3-е 446); 45) Озеровъ (бюстъ; изд. 1-е стр. 478); 46) Жуковский (изд. 1-е стр. 491, 2-е 516, 3-е 460); 47) Розовый павильонъ, въ Павловскѣ (изд. 1-е стр. 500, 2-е 525, 3-е 470); 48) Батюшковъ—Л. С. (съ ориг. Бипренскаго: изд. 1-е стр. 506); 49) Крыловъ (поколѣнный, у стола; съ ориг. Эггинга: изд. 1-е стр. 520, 2-е 546, 3-е 484); 50) Памятникъ Крылову (изд.

¹⁾ Отпечатанъ также въ «Нивѣ» 1871 г. (№ 39, стр. 617).

1-е стр. 529, 2-е 555, 3-е 493); 51) Пушкинъ у стола; съ ориг. Троичинина: изд. 1-е стр. 537, 2-е 563); 52) Домикъ Пушкина въ сельцѣ Михайловскомъ (изд. 1-е стр. 546, 2-е 572); 53) Святогорскій Успенскій монастырь (изд. 1-е стр. 555, 2-е 583); 54) Грибоѣдовъ (изд. 1-е стр. 568); 55) Этміадзинскій монастырь (изд. 1-е стр. 573); 56) Полевой (изд. 1-е стр. 584, 2-е 634, 3-е 544); 57) Лермонтовъ (изд. 1-е стр. 599, 2-е 650, 3-е 557); 58) Село Тарханы (изд. 1-е стр. 600, 2-е 651, 3-е 559); 59) Московскій университетъ (изд. 1-е стр. 602); 60) Могила Лермонтова—Л. С. (изд. 1-е стр. 607, 2-е 661, 3-е 567); 61. Гоголь (съ ориг. Моллера: изд. 1-е стр. 616, 2-е 669); 62) Нѣжинскій лицей (изд. 1-е стр. 620); 63) Бѣлинскій (изд. 1-е стр. 638, 2-е 682, 3-е 589); 64) Новѣйшій бюстъ Бѣлинскаго (раб. Н. Ге: изд. 1-е стр. 647, 2-е 701, 3-е 598); 65) Кольцовъ (съ ориг. Терebeneва: изд. 1-е стр. 652, 2-е 707, 3-е 607); 66) Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ (изд. 1-е стр. 657, 2-е 712, 3-е 612); 67) Казанскій университетъ (изд. 2-е стр. 719, 3-е 603)

Примѣч. Хотя почти всѣ гравюры въ книгѣ П. Н. Полеваго подписаны полнымъ именемъ Сѣрякова или его начальными буквами, но, вѣроятно, не всѣ онѣ дѣланы самимъ Сѣряковымъ, такъ какъ не всѣ онѣ одинаковаго достоинства, да и подписи въ большинствѣ случаевъ не автографическая. Поэтому, при 2-мъ и 3-мъ изд. книги, многія изъ гравюръ Сѣрякова были выключены и замѣнены другими — преимущественно раб. Паннемакера въ Парижѣ. По замѣчанію П. Н. Полеваго, только шесть вещей гравированы несомнѣнно самимъ Сѣряковымъ: 7) Мусинъ-Пушквинъ, 11) Іоаннъ Грозный, 26) Могила Ломоносова, 30) Екатерина Великая, 57) Лермонтовъ, 58) Село Тарханы.

XXIII. Отдѣльно: Д. В. Григоровичъ (Портретъ, дѣланный по заказу вел. кн. Маріи Николаевны или для поднесенія ей и приобретенный П. Н. Полевымъ для предполагаемаго имъ, но несостоявшаго изданія сочиненій Григоровича).

XXIII. Сказки юта-мурман, собранныя Николаемъ Вагнеръ. Изд. Стасовой и Трубниковой. С.-П.-Б. 1872; изд. 2-е 1880. 8°: 1) Фея Фантаста (По рисунку Г. Милъшина). — Миша М. 1872 г.—Л. Сѣряковъ; 2) Пала-Приницъ.—Верещагинъ.—Л. Сѣряковъ; 3) Максъ и Волчокъ.—(По рисунку профессора Любій)—Л. Сѣряковъ; 4) Миля и Ноля.—(По рисунку барона Клодта)—Л. Сѣряковъ.—М. П. К. 1872; 5) Миля и Ноля.—Л. Сѣряковъ.—Зичн.

XXIV. Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами. Спб. 1872—1873. 8°: 1) Загл. виньетка къ I т., съ портретами: Тотлебена, кн. Меншикова и Нахимова, разными военными атрибутами и надписью: „Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ“; 2) Видъ Севастополя въ 1854 году; 3) Нахимовъ (въ ростъ, профилью влѣво); 4) Хрулевъ (въ ростъ, $\frac{3}{4}$ влѣво); 5) Хруцовъ (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо); 6) Загл. виньетка ко II т., съ портретами: кн. Васильчикова, кн. Горчакова и Корнилова (по рис. Панова) и съ той же надписью, какъ и въ I т.; 7) Корниловъ (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо); 8) Батарея Корниловскаго (Малахова) бастіона—на которой убитъ былъ Корниловъ; 9) Тотлебенъ (полной, $\frac{3}{4}$ вправо); 10) Кн. Васильчиковъ (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо); 11) Загл. виньетка къ III т., съ портретами: Истомина, Хрулева и Остенъ-Сабена (по рис. Панова) и съ той же надписью, какъ и въ первыхъ 2-хъ томахъ; 12) Кн. Горчаковъ (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ); 13) Генералъ Данен-

бергъ (поколѣнный, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ); 14) Петръ Кошка (полной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ овалѣ); 15) Рыбаченко, — волонтеръ 15 лѣтъ, отличившійся на Камчатскомъ редутѣ (полной, $\frac{3}{4}$ вправо; въ овалѣ); 16) Юнга Черноморскаго флота — Ршницынъ, Боберь, Фарасюкъ и Повшевъ (по колѣни, впрямь), — всѣ гравюры съ подп. Сврякова. Сверхъ того: 20 заставокъ съ загл. буквами — шесть В (I, 1=III, 283; I, 46; I, 55=III, 107; I, 347; 385; III, 329, — три съ полной подписью Сврякова и три — безъ нея), Д (I, 26 — съ подписью), К (III, 359), Л (I, 197), Н (II, 3), О (II, 39), шесть П (I, 91; 183; 323; II, 71; II, 225=III, 3; II, 435, — два съ подписью и четыре безъ нея), два С (I, 123 и II, 47, — одинъ съ подп. и одинъ безъ нея), Т (I, 407); 3 заставки въ началѣ главъ (I, 113; 353; II, 199, — изъ нихъ 1-я съ подп.) и 25 виньетокъ въ концѣ главъ (I, 25=III, 279; I, 45, 52, 88, 109, 119, 179, 191, 311, 341, 352, 382, 404, 474; II, 35, 43, 67, 193, 291, 432, 488; III, 103, 295, 355, 446, — изъ нихъ пять въ I т. съ подп.).

ЖЖЖ. Отечественная исторія въ разсказахъ для народныхъ и нисшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ. Составилъ С. Рождественскій. Портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы Л. Свряковымъ. Спб. 1873, 1875, 1877, 1880. 8°: 1) Рюрикъ (стр. 3); 2) Святая Ольга (стр. 7); 3) Владимиръ Святой и Равноапостольный (стр. 11); 4) Препод. Несторъ (стр. 18); 5) Ярославъ Мудрый (стр. 20); 6) Владимиръ Мономахъ (стр. 23); 7) Святой Александръ Невскій (стр. 46); 8) Димитрій Донской (стр. 57, 62); 9) Иоаннъ III (стр. 66, 71); 10) Иоаннъ IV Грозный (стр. 74, 79); 11) Ермакъ (стр. 88, 93); 12) Мининъ и Пожарскій (стр. 108, 113); 13) Михаилъ Ѳедоровичъ (стр. 112, 117); 14) Царь Алексѣй Михайловичъ (стр. 116, 121); 15) Патріархъ Никонъ (стр. 119, 124); 16) Богданъ Хмельницкій (стр. 125, 130); 17) Русскій бояринъ (стр. 134, 138); 18) Бояринъ Матвѣевъ (стр. 149, 153); 19) Петръ Великій (стр. 155, 159); 20) Ломоносовъ (стр. 195, 192); 21) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (стр. 201, 196); 22) Екатерина II Великая (стр. 205, 202); 23) Суворовъ (стр. 210, 208); 24) Александръ I Благословенный (стр. 230, 226); 25) Кутузовъ (стр. 236, 232); 26) Императоръ Николай I (стр. 247, 251); 27) Александръ II, Царь-Освободитель (стр. 254, 258), — всѣ портреты полные, съ помѣтами: И. Пановъ. — Л. Свряковъ (только подпись Сврякова не вездѣ автографическая).

Примѣч. I. Со 2-го изд. прибавлены 4 портрета, грав. Вейерманомъ: 1) Сперанскій (стр. 242); 2) Карамзинъ (стр. 244); 3) Крыловъ (стр. 246); 4) Пушкинъ (стр. 249).

Примѣч. II. Большая часть портретовъ изъ соч. Рождественскаго перепечатана въ другой его книгѣ, подъ заглавіемъ:

Краткая отечественная исторія въ разсказахъ. Для начальныхъ народныхъ училищъ и вообще для народа. Съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Составилъ С. Рождественскій. Спб. 1874, 1875, 1877, 1878, 1879. 16°: 1) Рюрикъ (стр. 3, съ 4-го изд. 5); 2) Ольга (стр. 6, 8); 3) Владимиръ Св. (стр. 10, 12); 4) Несторъ (стр. 16, 18); 5) Ярославъ (стр. 18, 20); 6) Владимиръ Мономахъ (стр. 21, 23); 7) Александръ Невскій (стр. 34, 36); 8) Димитрій Донской (стр. 41, 43); 9) Иоаннъ III (стр. 50, 51); 10) Иоаннъ IV (стр. 58, 59); 11) Ермакъ (стр. 68); 12) Мининъ и Пожарскій (стр. 78); 13) Михаилъ Ѳедоровичъ (стр. 83); 14) Алексѣй Михайловичъ (стр. 88); 15) Никонъ (стр. 90); 16) Хмельницкій (стр. 96); 17) Петръ Великій (стр. 105); 18) Екатерина II (стр. 139, со

2-го изд. 142); 19) Суворовъ (стр. 146, 149); 20) Александръ I (стр. 173, 176); 21) Бутузовъ (стр. 179, 182); 22) Николай I (стр. 192, 195); 23) Александръ II (стр. 203, 206).

XXJVII Модный свѣтъ. Иллюстрированный журналъ для дамъ. Спб., изд. Г. Гоппе, въ малый листъ: Загл. виньетка—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (съ 1874 г.).

XXJVIII Степные разбойники въ Техасѣ. Романъ капитана Маннъ-Рида. Спб. Изд. Г. Гоппе. 1874. 8°: Загл. виньетка—Л. Сѣряковъ.

XXJVIII Иоаннъ III, собиратель земли Русской. Историческій романъ Нестора Кукольнича. Спб. 1874. Изд. Г. Гоппе. 8°: Загл. виньетка (Иоаннъ III и скванный татаринъ).—Л. Сѣряковъ.

XXJIX Художественная складчина, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. 1875 годъ. Спб., въ листъ: № 11. Изъ Альбома молодой барышни.—А. Шарлеманъ 74 ¹⁾).

ЖЕ. Русская Библиотека. IV. В. А. Жуковский.—V. А. С. Грибоевъ.—VI. И. С. Тургеневъ. Печатано въ тип. М. Стасюлевича. Спб. 1875—76. 16°: 1) Жуковский (поисной, ³/₄ вправо; въ кругу).—Л. Сѣряковъ; 2) Грибоевъ (поисной, ³/₄ влево).—Л. Сѣряковъ 1875; 3) Ив. Тургеневъ (по грудь, вправо; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ.

ЖЛ. Кругозоръ. Спб. 1876. 4°: 1) Литературный альбомъ. «Огородникъ. Некрасова.—Оригинальный рисунокъ М. О. Микѣшина...—Л. Сѣряковъ.—М.ша М.—1875 (№ 1, стр. 13); 2) Аеонскій образъ Пресвятой Богородицы, именуемый «Достойно есть».—Рисоваль и на деревѣ рѣзалъ... Л. А. Сѣряковъ (№ 2, стр. 28); 3) Ея И. В. Государыня Цесаревна Марія Ѳеодоровна, (по поясъ, ³/₄ влево).—Съ фотографіи С. Л. Левицкаго...—К. Брожъ.—С. и К°. (№ 13, стр. 203).

ЖЛII. Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. Составлено по порученію Е. И. В. Государя Вел. Кн. Константина Николаевича. Спб. 1877. 8°: 1) Дворецъ въ Павловскомъ въ 1780 г.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (виньетка съ буквой П внизу, на стр. 7); 2) «Золотыя ворота».—И. Пан.—Л. Сѣряковъ (виньетка на стр. 10); 3) Маріенталь—(1778).—Л. Сѣряковъ.—Р. В. Шпакъ (къ стр. 14); 4) Домикъ пустытника.—Л. Сѣряковъ.—И. Пан. (вин. на стр. 30); 5) Памятникъ основанія Павловска—(1777).—Л. Сѣряковъ (къ стр. 34); 6) Театръ—(1783).—Л. Сѣряковъ.—В. Шпакъ (къ стр. 60); 7) «Храмъ Розы безъ шиповъ» въ 1793 г.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 82); 8) Горбатый мостикъ черезъ рукавъ Славянки.—И. Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 91); 9) Циль Башня—(1785).—Л. Сѣряковъ.—В. Ш. (къ стр. 102); 10) Модель памятника въ честь Императора Павла Петровича, 1800 г.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. на стр. 118); 11) Памятникъ Палатинѣ Венгерской, Вел. Кн. Александрѣ Павловнѣ.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой П внизу, на стр. 121); 12) Памятникъ Императору Павлу («Супругу Благодѣтелю»; фасадъ зданія).—Л. Сѣряковъ (къ стр. 138); 13) Внутренній видъ Воздушнаго

¹⁾ Перепечатано во «Всемирной Иллюстраціи» 1875 г. (т. XIII, № 330, стр. 340).

театра въ Павловскомъ паркѣ.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 143); 14) „Розовый павильонъ“.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой Р внизу, на стр. 155); 15) Павильонъ Вел. Кн. Анны Павловны на островѣ княгини Ш. К. Ливенъ,—съ тѣми же подписями (вин. съ буквой Ц внизу, на стр. 183); 16) Каскадь у Славянки, близъ Старога Шале.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой С внизу, на стр. 197); 17) Развалины близъ Елисаветинскаго павильона,—съ тѣми же подписями (вин. съ буквой В внизу, на стр. 237); 18) Обелискъ въ Новой Сильвин.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 267); 19) Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ (въ ростъ, профилью влѣво).—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 288); 20) Памятникъ.—Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой С внизу, на стр. 289); 21) Пиль-Башня.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 315); 22) Бельведеръ на границѣ парка.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 342); 23) Старое Шале.—Тоже (въ стр. 346); 24) Храмъ Дружбы.—Л. Сѣряковъ 1876 (въ стр. 350); 25) Молочный домикъ.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 354); 26) Памятникъ Родителямъ.—В. Ш.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 356); 27) Любимое мѣсто покойнаго Цесаревича Николая Александровича.—Л. Сѣряковъ.—В. Шпавъ (въ стр. 358); 28) „Крижъ“ (домикъ)—(1777), съ тѣми же подписями (въ стр. 360); 29) Константиновскій дворецъ.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 372); 30) Памятникъ Императору Павлу (Мавзолей внутри зданія).—Л. Сѣряковъ.—В. Шпавъ (въ стр. 376); 31) Обломокъ статуи.—И. Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 378); 32) „Павильонъ Елисаветы“.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой Е внизу, на стр. 379); 33) Новое Шале.—В. Ш.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 386); 34) Храмъ Аполлона.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 390); 35) «Памятникъ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ».—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой Е внизу, на стр. 391); 36) Дворецъ.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 402); 37) «Библиотека» (рядъ книгъ).—Л. Сѣряковъ.—И. Пан. (вин. на стр. 417); 38) Николаевскія ворота.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ. Ницца 1876 г. (вин. съ буквой Г внизу, на стр. 447); 39) Крѣпость Бипъ.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 454); 40) Охотничій павильонъ.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой З внизу, на стр. 461); 41) Зубры,—съ тѣми подписями (вин. на стр. 465); 42) Портретъ Герстнера (по грудь, ³/₄ вправо),—тоже (вин. съ буквой Ц внизу, на стр. 469); 43) Воксалъ.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (въ стр. 498); 44) Ферма въ первоначальномъ видѣ.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 501); 45) Бесѣдка на фермѣ.—И. Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 516).—Кромѣ того: 18 виньетодъ въ концѣ главъ (на стр. 45, 58, 88, 142, 202, 266, 286, 312, 498,—съ подписями Л. Сѣрякова и И. Панова, а также на стр. 81, 182, 229, 364, 400, 416, 446, 460, 563, — безъ подписей или съ подписью одного Панова) и 9 загл. буквъ—Б (на стр. 242), В (на стр. 11, 46, 205), Д (59, 345), З (365), М (401), Н (103), О (466), П (31, 300), С (230).

XLIII. Отдѣльно: Государыня Наслѣдница-Цесаревна (нижѣ Императрица) Марія Теодоровна,—для общества подаванія помощи при кораблекрушеніяхъ.

XLIV. Отдѣльно: А. А. Половцевъ (остался еще въ 1870 г. незаконченнымъ).

Н. П. Соболю.

Знаменательныя числа.

Къ замѣткѣ г. Раф. Ситовскаго „Знаменательныя числа“.

Еще до прочтенія замѣтки г. Ситовскаго, помѣщенной въ Апрельской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1881 г., я не разъ задумывался надъ страннымъ сочетаніемъ чиселъ въ жизни въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Дѣйствительно, въ жизни Мученика-Царя Освободителя замѣчается сочетаніе цифръ 1 и 8, причемъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ цифры эти повторились по два раза:

1818-й—годъ рожденія.

1881-й—годъ кончины.

18-е февраля 1855 года—вступленіе на престолъ (которое праздновалось 19-го февраля).

Сумма чиселъ рожденія и кончины Его Величества составляетъ сочетаніе тѣхъ-же двухъ цифръ:

17 Апрѣля.

1 Марта.

18.

Сумма цифръ, составляющихъ годъ рожденія и годъ кончины Его Величества, какъ это замѣчено и г. Ситовскимъ, равняется 36, т. е. возрасту, въ которомъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ вступилъ на престолъ.

Преждевременная кончина Его Величества послѣдовала на 27 году царствованія и 63-мъ году отъ рожденія. Оба эти числа сокращаются на 1+8 безъ остатка:

$1+8, 1+8$ и $1+8 = 27$.

$1+8, 1+8, 1+8, 1+8, 1+8, 1+8$ и $1+8 = 63$.

Августѣйшая Семья въ Бозѣ почившаго Государя Императора состояла изъ 8-ми членовъ; Самъ Его Величество былъ девятымъ членомъ.

Наконецъ, покушеній на священную жизнь Его Величества было девять:

1. Въ 1866 году: Каракозова.

2. „ 1867 „ Березовскаго.

3. „ 1879 „ Соловьева.

4. „ „ „ На Лозово-Севастопольской } ж. дорогахъ.

5. „ „ „ „ Московско-Курской }

6. „ 1880 „ взрывъ въ зимнѣ дворцѣ.

7. „ 1881 „ взрывчатый составъ въ видѣ пилюль Лежюжа.

8. „ „ „ мина подъ Малою Садовою улицею.

9. „ „ „ взрывъ двухъ метательныхъ снарядовъ.

Изъ поименованныхъ девяти злодѣйскихъ покушеній, въ 8 случаяхъ Его Величество оставался невредимъ, девятое-же покушеніе было роковымъ и кончилось катастрофой, неизгладимо запятнавшей страницы родной лѣтописи.

I. А. Корого.

г. Бирючь,
Воронежской губерніи.

Бароны П. А. Фредериксъ и П. И. Фредериксъ.

Въ томѣ XXX уважаемаго журнала „Русская Старина“ изд. 1881 г. идетъ рѣчь о двухъ членахъ нашего семейства, нынѣ уже умершихъ, причѣмъ вкралась ошибка въ правописаніи фамиліи, и въ обоихъ случаяхъ пропущенъ титулъ бронскій.

На стр. 508 упоминается нѣсколько лицъ, раненныхъ княземъ Щенинымъ-Ростовскимъ 14-го Декабря 1825 года, и въ числѣ ихъ названъ „Фридериксъ“— это былъ родной дядя мой баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, бывшій въ то время командиромъ л.-гв Московскаго полка, раненый Щенинымъ-Ростовскимъ сабельнымъ ударомъ въ шею; и когда онъ раненый упалъ на мостовую, то Щенинъ пытался пристрѣлить его изъ двухъ бывшихъ при немъ пистолетовъ, но выстрѣлы не послѣдовало вслѣдствіе осѣчки обоихъ пистолетовъ, происшедшей не случайно, а какъ потомъ рассказывали, оттого, что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ (имя его я, къ сожалѣнію, забылъ) во избѣжаніе грѣха, сбросилъ порохъ съ поля (пистолеты были кремневые).

Рассказъ этотъ я лично слышалъ отъ покойнаго дяди моего въ 1849—51 годахъ, въ бытность его уже оберъ-шталмейстеромъ Высочайшаго двора.

На стран. 726 и 727 говорится о бывшемъ Ямбургскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства баронѣ Павлѣ Ивановичѣ Фредериксъ (тоже названъ просто Фридериксъ). Этотъ баронъ П. И. Фредериксъ, бывшій въ 1854 и 1857 году Ямбургскимъ Предводителемъ Дворянства, двоюродный братъ отца моего, покойнаго барона Александра Андреевича, и вышеназваннаго барона Петра Андреевича Фредериксъ.

Въ заключеніе добавлю, что усмотрѣнная мною ошибка встрѣчается и въ другихъ журналахъ въ правописаніи фамиліи нашей.

Баронъ Александръ Александровичъ Фредериксъ.

Тамбовъ.

17 апрѣля 1881 года.

и представляя сраженіе. Вставши, изволилъ одѣться въ фракъ. У Ея Величества сего дня была отпускная аудіенція аглинскому послу милорду Букнигаму, и приемная—на мѣсто его пріѣхавшему посланнику господину Макартнею. Пришолъ съ той половины къ Государю Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ. Разговорились между прочими о прежнихъ нашихъ послахъ въ чужія государства. Графъ Иванъ Григорьевичъ сказывалъ о нѣкоторомъ въ самія старинныя времена послѣ нашемъ Потемкинѣ: мимоходомъ велѣно было ему захватить ко Двору дацкому, и взять у короля аудіенцію. Въ инструкціяхъ обыкновенно писывалось имъ, что они представляютъ особу своего государя, и чтобъ для того отнюдь нигдѣ должнымъ сану его преимуществъ не уступали. Король дацкой случился на то время боленъ. Потемкинъ требовалъ аудіенціи. Говорили, что король боленъ и лежитъ въ постелѣ. Отвѣчалъ онъ имъ, что это не мѣшаетъ; чтобъ велѣли поставить подлѣ него другую постель, на которую онъ легши, съ королею переговорить можетъ; что безъ того ждать онъ времени не имѣетъ; „потому что-де къ такому-та числу велѣно посѣщать еще въ Стокгольмѣ“. Министры дацкіе, не хотѣвши потерять здѣшняго Двора дружбы, принуждены были то ему дозволить. Пріѣхалъ Потемкинъ во дворецъ, легъ на постель и разговаривалъ съ королею. Потомъ поѣхалъ далѣе, куда въ инструкціи ему было назначено. Еще гр. Иванъ Григорьевичъ сказывалъ о резидентѣ нашемъ Никифоровѣ у хана крымскаго. Ханъ нигдѣ сверженъ, какъ прежде о семъ упомянуто. Новой не опредѣленъ еще. Управляетъ Диванъ. У Никифорова сбѣжалъ слуга и принялъ магометанскую вѣру. Онъ велѣлъ схватить его и привести къ себѣ. Засадилъ его подъ караулъ. У Турковъ по закону и по постановленнымъ съ нами трактатамъ положено, чтобъ того не выдавать уже, кто приметъ ихъ вѣру; напротивъ же

того, кто изъ Турковъ нашъ законъ приметъ, тотъ по трактату у насъ остаться долженъ. Показывали Никифорову трактаты, показывали Алкоранъ; онъ напротивъ того утверждалъ, что оной человѣкъ его крѣпостной, и показывалъ крѣпостн. Говорили ему, что до крѣпостей тутъ никакова дѣла нѣтъ; однакожъ со всѣми тѣмъ человѣка онъ не отдалъ; жалобы о томъ дошли до здѣшняго Двора, и нечего много изъяснять, какой господину Никифорову указъ вышелъ. Его Преподобіе Отецъ Платонъ у насъ же былъ и въ сихъ разговорахъ принималъ участіе. Разговаривали еще о Уніятахъ въ Польшѣ и о гоненіи на законъ нашъ, о склонности къ намъ Венгерскаго народа, и о горячести ихъ къ закону нашему. Зашла рѣчь о Іуліанскомъ исчисленіи времени и о циклахъ. Его Преподобіе Отецъ Платонъ говорилъ, что ему хотѣлось (бы) побольше получить свѣденія о натурѣ и основаніи онаго исчисления. Обѣщалъ я ему, собравшись со временемъ, написать о томъ не большую диссертацию. Государь Великой Князь всѣ сіи разговоры слышалъ. Кушалъ Его Высочество въ опочивальнѣ одинъ.

Послѣ обѣда изволилъ разговариваться со мною о русскихъ и французскихъ комедіантахъ. Были тутъ у насъ разсужденія, какъ бы театръ русской привести въ лучшее состояніе; что многіе хулятъ комедіантовъ русскихъ для того только, чтобъ хулить; что намъ надобно въ семъ случаѣ не такъ быть строгимъ, и думать болѣе о исправленіи недостатковъ, нежели пустимъ насмѣшествомъ показывать свое легкомысліе и слабоуміе; что вѣтренная хула прилична только безумнымъ вертопрахамъ; что надобно любить свое отечество, и всѣми силами стараться прирывать какіе есть въ немъ недостатки, и исправлять между тѣмъ оныя; что безъ того никогда выше посредственности вознестись не возможно и проч. Его Высочество забавлялся изволилъ, строя изъ картъ домины. А нгледенча заставилъ рисовать разныя перья

и (потомъ) оныя перья изволилъ вырѣзывать. Подъ-вечеръ читалъ я Его Высочеству Генріаду, и потомъ изъ итальяскаго театру комедію „Aglequin, espregeur de la lune“. Въ сіе время пришли съ той половиною поздравить Его Высочество съ наступающимъ новымъ годомъ графы Захаръ Григорычъ и Иванъ Григорычъ Чернышovy. Побывли очень не долго. Великой Князь изволилъ съестъ ужинать. Послѣ ужина, въ девять часовъ легъ опочивать. Въ постелѣ вывешалъ чашку травянаго чаю.

1765 годъ.

ЯНВАРЬ.

1. Его Высочество проснувшись изволилъ седьмого часу было три четверти. Знаячи, что сего дня ввечеру большой столъ будетъ, говорилъ я за чаемъ Его Высочеству, чтобъ былъ онъ сего дня порядоченъ, вооружился бы всѣмъ возможнымъ терпѣніемъ, и не приключалъ бы мнѣ крайней скорби и печали, такъ какъ въ Екатерининнъ день (см. выше). Обѣщался Великой Князь твердо, чтобъ моему совѣту послѣдовать. Зашло у насъ разсужденіе о новомъ годѣ и вообще о времени. Говорили мы о его неизмѣримости, и какое это обширное позорище, когда себѣ представишь всѣ прешедшіе вѣки, наполненные безчисленными приключеніями и дѣлами, и всѣ слѣдующіе, кои теперь еще пусты и будутъ такожъ наполнены. Государь изволилъ сказывать мнѣ, что онъ прежъ сего плакивалъ, воображая себѣ такое времени пространство, и что наконецъ умереть должно. Во время убиранья волосовъ, читалъ я Его Высочеству Генріаду; кончилъ четвертую пѣснь и много прочелъ пятой. Какъ читалъ я тамъ о извѣстномъ во Франціи за законъ смятенія, то изволилъ сказать Его Высочество: мнѣ кажется, весьма страшно и опасно, какъ въ такое дѣло и чинъ священной вмѣшается. Одѣвшись, изволилъ пойтить къ обѣдни. Ея Величество въ церкви бытъ не изволила. По оковчаніи божественной службы, сказывалъ Преосвященной Могилевской проповѣдь. Отъ обѣдни изволилъ Его Высочество войтить во внутренніе покои къ Ея Величеству, и не долго тамъ побывши, къ себѣ возвратиться изволилъ.

За столомъ никого изъ постороннихъ у насъ не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ за столомъ изволилъ по большей части разговаривать со мною о судахъ, о училищахъ, о военныхъ распоряженіяхъ и о прешедшихъ временахъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество въ желтой комнатѣ попрыгавши нѣсколько, приказать изволилъ, чтобъ я дочелъ ему пѣсню въ Генриадѣ, что съ крайнимъ удовольствіемъ исполнено. Потомъ будучи одинъ со мною, изволилъ меня кое о чемъ весьма любопытно и повѣренно спрашивать. Старался я удовлетворять его со всевозможною подробностію и осмотрительностію. Часу въ шестомъ приказалъ Его Высочество перечесать себѣ волосы. Въ исходѣ седьмага часу пошли на балъ. Открыть балъ изволилъ Государь съ фрейлиной Анной Алексѣевной Хитровой. Потомъ изволилъ танцовать съ графиней Прасковьей Александровной Брюшей, съ книжной Дарьей Алексѣевной Голицыной, и минуетъ четверной съ фрейлиной Анной Петровной Шереметевой. Въ другой парѣ танцовалъ пожалованной сего дня оберъ-штальмейстеромъ князь Петръ Ивановичъ Рѣпинъ съ фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоголовой. Еще изволилъ Его Высочество танцовать минуетъ съ фрейлиной Анной Васильевной Паниной. Ея Величество на балѣ присутствовать не изволила. Изволила на краткое время выходить и играть въ ломберъ, въ комнатѣ подлѣ галлерей, гдѣ балъ былъ. Играли съ Государынею графъ Григорій Григорычъ Орловъ и графъ Захаръ Григорычъ Чернышовъ. Столъ былъ большой въ парадной аванзалѣ, гдѣ тронъ. Сидѣли по бидетамъ. У Его Высочества былъ одиннадцатый номеръ, съ гофмейстериной Аленой Александровной Нарышкиной. Столъ кончился въ началѣ одиннадцатаго часу. Государь изволилъ сдержать данное мнѣ слово; весьма былъ веселъ и словоохотенъ. Пришедъ во своясп, расхвалилъ и разцѣловалъ я его за то. И самъ онъ весьма тѣмъ былъ доволенъ. Любо было, что такъ удалось сыграть свою роль. Пришедши, тотчасъ изволилъ раздѣться и лечь опочивать. Во время балу, въ одной комнатѣ изволилъ Государь, такъ какъ генераль-адмиралъ, представлять Ея Ве-

личеству вновь произведенныхъ морскихъ офицеровъ.

2. Государь проснуться изволилъ въ семь часовъ. Одѣлся въ фракъ. Обѣдать, ужинать, и все время сегодня изволилъ быть въ опочивальнѣ, для отдохновенія. Привезъ я Его Высочеству по утру рисунокъ Ерменева работы, которой севодинъ принесъ онъ ко мнѣ. Государь въ день забавиться изволилъ, ставя на маленькомъ столнѣ оной рисунокъ и многіе другіе, вмѣсто театральныхъ украшеній. Англичанъ рисовалъ ему кое-что. Читали комедіи изъ итальянскаго театру. Сегодня при Дворѣ былъ маскарадъ. Государь опочивать легъ въ 9 часовъ.

3. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣлся какъ обыкновенно. Уволенъ только севодиншней день отъ ученія, потому что изволилъ говорить, что нездоровъ нѣсколько. Получа сію привиллегію, захотѣлось и другой. Просилъ, чтобъ дозволено было одному кушать въ опочивальнѣ, по такой выкладѣ, что за большимъ столомъ сидятъ обыкновенно гораздо долѣе, также что и чиниться надобно: бывають часто гости, а въ опочивальнѣ запросто, и вольности болѣе. На послѣднюю сію привиллегію Его Превосходительство Никита Ивановичъ не согласился, что не очень пріятно было. Его Высочество имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ таковымъ людямъ свойственной, кои болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и къ терпѣнію. Все хочется, чтобъ (дѣлалось) по нашему. А нельзя сказать, чтобъ всё до одново желанія наши таковы были, на которыя бы благоразуміе и объ общей пользѣ попеченіе всегда соглашались дозволяло. Однимъ словомъ, сѣли мы за большой столъ.

Обѣдали у насъ бригадиры князь Прозоровской и Измайловъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ ними по большей части о житѣ московскомъ, какъ

тамъ проводятъ время, какъ веселятся, потому что они недавно изъ Москвы прѣехали. Великой Князь, по причинѣ печали своей, очень мало изволилъ разговаривать.

Послѣ стола просилъ Никиту Ивановича, чтобъ хотя день можно быть ему въ опочивальнѣ. Сперва отказалъ было Его Превосходительство; однако потомъ согласился, только съ тѣмъ, чтобъ ни Андрея Ангиленча, ни Каршизовъ въ опочивальнѣ не было, для того что когда Его Высочество въ опочивальнѣ, то для забавъ своихъ и для игры ихъ по большій части употребляетъ изволить. Отъ сего новая печаль и новое горе родилась. Былъ Его Высочество въ опочивальнѣ, но съ несравненно меньшимъ удовольствіемъ, нежели прежде; разставлялъ свои карточки одинъ, заставлялъ читать театральныя пѣсы; но при всемъ чувствителенъ былъ недостатокъ душевнаго спокойствія, которое для прямого веселья столь необходимо. Ужинать изволилъ Великой Князь одинъ въ опочивальнѣ. Опочивать легъ въ девять часовъ. На придворномъ театрѣ была сего дня комедія французская „le sage étourdi;“ балетъ изъ маленькихъ; вмѣсто малой пѣсы, комическая опера „Annette et Lubin.“

4. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, твердилъ рѣчь свою отвѣтную милорду Букингаму. Въ двѣнадцатомъ часу прѣехалъ милордъ, и была ему отпущеная аудіенція. Его Высочество очень хорошо изволилъ отвѣтствовать. Передъ обѣдомъ сѣли мы въ желтой комнатѣ всѣ рядомъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ тутъ же, и приказалъ господину Сакену читать въ итальянскомъ театрѣ комедію „Vanqueroutier.“

За столомъ нѣкого чужихъ у насъ не было. Никита Ивановичъ дѣлалъ мнѣ честь, что по большой части изволилъ разговаривать со мною.

Послѣ стола, просилъ я Его Превос-

ходительство о кадетскомъ офицерѣ Валуевѣ, которой отъ посла нашего въ Варшавѣ князя Николая Васильевича Рѣнина присланъ сюда съ дѣлами, послѣ коронаціи нѣмѣшняго короля; о немъ просилъ я, чтобъ у Ея Величества исходатайствовать ему изъ милости какое нибудь награжденіе, что мнѣ Его Превосходительство и обѣщать изволилъ. Его Высочество, выкушавши чашку кофе, изволилъ забавляться въ опочивальнѣ у маленькова стола, вырѣзывавши изъ картъ разныя фигуры. Потомъ дочитывали оную комедію Vanqueroutier. Подъ вечеръ разговаривали мы о графѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Матюшинѣ. Онъ сегодншняго утра прѣехалъ мимо дворца въ весьма странномъ нарядѣ. Поставлена на зимнемъ ходу маленькая колясочка, называемая Diable; заложена шестью лошадьми, коины самъ (онъ) въ колясочкѣ стоя правитъ; шляпа подъ пазухой и въ одной рукѣ бичъ, которымъ онъ уклоняя мимоѣдущихъ салютуетъ. Напередѣ ѣхалъ верхомъ шталмейстеръ его, французъ Ригге съ бичемъ же, и очиняя дорогу кричалъ: gare, gare! Его Высочество очень сему смѣялся и весьма здраво рассуждалъ, какъ можно легко смѣшнымъ себя сдѣлать, еслии слѣпо послѣдуешь какому предубѣжденію. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, стоячи въ то время у окошка, какъ Матюшкинъ мимо дворца ѣхалъ, сказалъ смѣючись: „L'Amour même ne sauroit se présenter avec plus de graces.“ Государь и севодни учиться не изволилъ. Все продолжался еще шабашъ. Ужинать изволилъ за общимъ столомъ. Я не ужиналъ. Послѣ ужины, пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ: разговаривалъ съ Его Высочествомъ. Отвѣтствовалъ онъ ему на все весьма изрядно и былъ веселъ. Но какъ разговоръ нѣсколько продолжился, и Его Высочеству показалось, что уже поздно, то начали показываться слезы. Его Превосходительство нарочито пожурилъ его за такое нетерпѣніе и пошелъ къ себѣ.

Справились, такъ только еще девять часовъ было. Тутъ появились новыя слезы изъ сожалѣнія, для чего давича заплакалось безо всякой притчины. Сн по слѣдствію слезы конечно извинительнѣе, нежели первыя. Изволилъ Государь лечь опочивать, былъ десятой часъ въ половинѣ.

5. Сочельникъ. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ пойти въ учительную комнату и тамъ забавлялся. Изволилъ со мною зарядять одну изъ поднесенныхъ на сихъ дняхъ отъ морскаго оберъ-цейгмейстера Демидова двухъ пушечекъ съ приборомъ, на желѣзныхъ лафетахъ. Отвѣдывали сколько разъ въ минуту зарядить можно. Пороху у насъ не было. Я примѣръ только дѣлалъ, будто картузы кладу. Его Высочество посылалъ настоящей приборникъ и банникъ, сдѣланные нарочно по калибру оныхъ (пушекъ), въ дуло. Веребочкой, представляющей фитиль, я прикладывалъ къ затравкѣ и палилъ будто. Такимъ образомъ отъ тринадцати до пятнадцати разъ въ минуту мы палили. Пріѣхалъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Съ нимъ поговоривши, изволилъ Его Высочество съѣсть читать Священное Писаніе. Играли потомъ въ воляны. Отецъ Платонъ пошелъ въ церковь.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никого у насъ не было. Разговаривали сперва о пріемѣ и отпускѣ чужестранныхъ министровъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ о употребляемыхъ при томъ обрядахъ и распорядженіяхъ. Послѣ сего зашла рѣчь о самоубиствѣ. Его Превосходительство изволилъ разсуждать со мной объ ономъ. Пришолъ тутъ обѣдать шталмейстеръ князь Сергій Васильевичъ Гагаринъ. Государь изволилъ сказать ему: Ваше Сіятельство все по сочельникамъ только приходите къ намъ обѣдать. Его Превосходительство Никита Ивановичъ шутилъ надъ нимъ много, объ

опредѣленіи оберъ-шталмейстеромъ князя Петра Ивановича, о деревенской его экономіи и проч. Я уже выше коснулся нѣсколько, какой нравъ имѣетъ князь Сергій Васильевичъ; совѣсть тѣмъ душа у него добрая и совѣсть не широкая.

Откушавши, изволилъ Его Высочество пойти въ церковь, часъ былъ третьей по полудни. Было тамъ послѣ обѣдин и вечерни водоосвященіе и многолѣтіе. Ея Величество такожъ при божественной службѣ изволила присутствовать. Проводя Ея Величество во внутренніи покои, изволилъ Его Высочество возвратиться къ себѣ. Сѣлъ въ опочивальнѣ у маленькова стола (и) вырѣзывалъ изъ картъ полоски, представляя полки, кои завтра по Невѣ-рѣкѣ стоять будутъ. Между тѣмъ изволилъ разговаривать со мною о графѣ Матюшкинѣ и вообще о петimetrствѣ. Часу въ седьмомъ пріѣхалъ опять Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Разговорились мы о разныхъ родахъ стихосложенія, о ямбѣ, о хорей и о дактилѣ. Читалъ я шестую духовную оду г. Ломоносова, преложеніе псалма 143, также и осьмую, выбранную изъ Іова. Зашла у насъ съ Его Преподобіемъ рѣчь о употребленіи металловъ въ дѣло и о изобрѣтеніи музыки. Присказали мы четвертую главу въ книгѣ Бытія. Тамъ о Іувалѣ написано: „сей быше показавъ пѣвницу и гусли.“ А о Фовелѣ: „сей быше млатобіецъ, вовачъ мѣди и желѣза“. Его Высочество все сіе прилежно изволилъ слушать. Въ семь часовъ началъ Его Преподобіе всенощную въ желтой комнатѣ. Его Высочество быть тутъ изволилъ. Въ восемь часовъ вся служба кончилась, и Его Преподобіе поѣхалъ. Сѣли мы ужинать. Разговаривали мы, какъ поздно сего дня начиналася служба при покойной Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Потомъ зашла рѣчь о печатаніи книгъ. Его Высочество не имѣлъ въ ономъ явственнаго понятія; рассказывалъ я ему сколько могъ подробно, какъ льютъ литеры, какъ набираютъ, какъ тередорятъ, какъ пунцуютъ, и какъ по

напечатаніи опять разбирають; заключилъ я разговоръ свой тѣмъ разсужденіемъ, что неизобразимое удовольствіе и благодѣяніе снмъ изобрѣтеніемъ принесено роду человѣческому, и изъяснялъ, какія прежде того въ перепискахъ были трудности. Его Высочество очень любопытно слушать и спрашивать изволилъ; подъ конецъ изволилъ спросить: а какъ давно зачали печатать книги? Доносилъ я, что по Калвизіеву счисленію 325 лѣтъ тому назадъ, какъ слысано сіе рукодѣліе. Изволилъ дивиться, что такъ недавно. Отъ сего новое опять родилось примѣчаніе, какъ трудно смскивать что нибудь новое. Послѣ ужины все еще продолжались оныя же типографскіе вопросы. Опочивать изволилъ лечь Его Высочество въ половинѣ десятаго часу.

6. День Богоявленія Господни. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу. За чаемъ изволилъ разговаривать со мною о севоднишномъ праздникѣ, и еще кое о чемъ. Во время обуванья, читалъ я Государю повопереведенную съ французскаго на російской языкъ книгу: "товарищъ разумной и замысловатой." Тамъ разными повѣсти и замысловатыя рѣчи, кои Его Высочеству весьма понравились. Одѣться изволилъ въ адмиралтейской мундирѣ; чрезвычайно тому радовался, потому что вчерась еще съ вечера хотѣлось, чтобъ севодни надѣтъ оной мундирѣ. Одѣвшись, изволилъ пойтить въ церковь. Прежде еще выходу приходилъ къ Его Высочеству графъ Григорій Григорьичъ. Въ сіе время маршировали мимо окошекъ полки гвардіи на Иорданъ. Какъ поровнялся полкъ семеновской, то хулилъ Его Высочество графу Григорью Григорьичу, что солдаты маршируютъ худо. Какъ Ея Величество на сдѣланную противъ дворца Иорданъ за церковнымъ соборомъ шествовать изволила, то и Его Высочество такожъ послѣдовалъ; но дошедъ до дверей аванзаловъ, изволилъ пойтить въ оныя аванзалы, и тамъ

изъ окна смотрѣть оной процессіи. Всѣ чужестранные министры и здѣшніе бояра, кои не при должности въ сей день были, и коиъ измокнуть не захотѣлось, (на дворѣ снѣгъ шолъ), смотрѣли тутъ же. Отъ берегу до построенной надъ Иорданью большой бесѣдки, по разосланному сукну и коврамъ стояли Кавалергарды. Между ими Ея Величество, въ предшествіи всего священнаго влира, на Иорданъ проходитъ изволила. Войско стояло вокругъ Иордани продолговатомъ и регулярною фигурою. Во время водоосвященія пришло къ намъ вверхъ гр. Захаръ Григорьичъ, и поднесъ Его Высочеству планъ, какъ расположено оное войско, и сколько онаго. Всѣхъ на все и съ гвардіею въ парадѣ было восемь тысячъ девять сотъ и нѣсколько человекъ. Сносили къ Иордани отъ всѣхъ полковъ знамена, кропили ихъ освященною водою, и при погруженіи святаго Креста былъ троекратной бѣлой огонь. По окончаніи онаго огня, изволила Ея Величество сѣвши въ сани, по Невѣ кругомъ всѣхъ полковъ объѣхать. Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ ѣхалъ подлѣ саней верхомъ, въ полномъ римско-россійскомъ уборѣ кавалергардовъ, такъ какъ новопожалованной шефъ онаго корпуса, въ шишакѣ съ бѣлымъ перомъ, что весьма прекрасной и казистой видѣ дѣлало. Его Высочество изволилъ между тѣмъ пойтить въ галерею и ожидать тамъ прибытія Ея Величества. Помянутые Кавалергарды въ уборѣ своемъ стояли, по обѣимъ сторонамъ въ галереѣ, въ одну шеренгу. Сей улицю Ея Императорское Величество и за нею Государь Великой Князь изволили проходить въ свои покои. Какъ пришли мы къ себѣ, то фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, которой всѣмъ вышепомянутымъ войскомъ командовалъ, поднесъ Его Высочеству планъ севоднишняго параду, которой Его Высочество уже имѣлъ отъ графа Захара Григорьича. Видѣ-адмиралъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ поднесъ Государю ра-

портъ о состояніи кронштатской своей команды. До обѣда разговорились о старшинствѣ морскихъ и сухопутныхъ войскъ нашихъ. Морскіе держали сторону морскихъ, а сухопутные сторону сухопутныхъ. Совсѣмъ тѣмъ изъ сего балагурства выпло разсужденіе о началѣ морскихъ и сухопутныхъ войскъ нашихъ, что для Его Высочества слышать не безъ пользы было.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьичъ, графъ Иванъ Григорьичъ, Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и еще какой-то Менденъ, Лифлянецъ. За столомъ, Его Высочество, взглянувши на шитой свой адмиральской мундиръ, изволилъ сказать: ну, ежели будетъ кто Генералиссимъ, такъ гдѣ жъ ему вышивать еще мундиръ свой; швовъ не осталось. Графъ Захаръ Григорьичъ отвѣчалъ ему на то: „генералиссима никогда не будетъ и быть не должно, потому что тѣмъ государь отдастъ войско свое въ руки другаго, а это такая узда, которую всегда въ своемъ карманѣ поближе держать надобно.“ Великому Князю изволилъ на то сказать только: а! а! Впрочемъ во все почти время стола разговаривали о Государѣ Петрѣ Великомъ съ должными ему похвалами, и о нѣкоторыхъ тогдашнихъ анекдотахъ, о Князѣ-цесарѣ Романовскомъ и проч.

Послѣ стола оной же разговоръ продолжался. Какъ разошлись гости, изволилъ Его Высочество пойтить въ опочивальню, и сѣвши тамъ у маленькаго стола, устанавливалъ изъ карточныхъ жеребейковъ полки, какъ они сего дня въ парадѣ стояли. Потомъ изволилъ въ придворномъ календарѣ считать, сколько котораго ордена кавалеровъ. Не успѣлъ до конца кавалеровъ ордена Св. Анны, какъ пришло Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ карты, а Его Высочество въ бильярдъ съ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Гагари-

нимъ. Какъ позамѣшались тамъ (нѣсколько) долго, то у Великаго Князя на глазахъ начали показываться слезы. Пошли мы къ себѣ. Никита Ивановичъ, пожури за то гораздо Его Высочество, пошелъ къ себѣ. Сѣли за столъ. Разговаривали о полкахъ, кои сего дня были на Иордани. Въ половинѣ десятаго легъ Государь опочивать.

7. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣлся по обыкновенному. Сей день былъ день отдохновенія. По утру изволилъ только съ Отцемъ Платономъ читать Священное Писаніе.

Изъ стороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Я весь день не былъ; имѣлъ у себя дѣло. Государь послѣ изволилъ мнѣ о всѣхъ слѣдующихъ сего дня происшествіяхъ разсказывать. Ввечеру приходилъ Григорій Николаичъ Тепловъ, и разговаривали о собакахъ. Пришелъ гофмаршалъ князь Николай Михайлычъ Голицынъ. Зашла рѣчь о арифметическихъ дѣйствіяхъ, и какъ князь Николай Михайлычъ сказалъ Его Высочеству, чтобъ ему надобно прежде долей учить тройныя правила, то Великому Князю изволилъ сказать ему: знать, что не надобно, когда мнѣ нимъ образомъ показывали; а тому человеку (ссылаясь на меня) больше Вашева Сіятельства въ этомъ случаѣ извѣстно, что прежде надобно показать и что послѣ. И въ самомъ дѣлѣ, посѣдуя натуральному порядку, возможно-ли тройныя правила, основанныя на геометрической пропорціи, толковать прежде нежели свойства и дѣйствія чиселъ ломаныхъ. Есть русская пословица: „зналъ бы сверчокъ свой шестокъ.“ Я никогда не вступлю въ споръ, сколько свѣтъ надобно въ которую комнату, и которое блюдо надобно поставить на краю стола, которое о среднѣхъ. Еще читали сего дня ввечеру Бюфонову Натуральную Исторію о зрѣніи и слухѣ. Пришелъ Его Превосходительство Никита Ивано-

вичъ. Разсуждалъ объ оной книгѣ, также и о *Lettres Juives*, *Lettres Persannes*, *Lettres cabalistiques*, *Lettres Chinoises*, и *Lettres Russiennes*. Говоря о сей послѣдней, сказалъ Его Превосходительство о авторѣ ея господинѣ Штрубѣ: „il a dit tout ce qu'il a pu dire, а Монтекиу все Монтекиу останется.“ Въ восемь часовъ изволилъ Государь сѣсть за столъ. Въ четверти десятаго изволилъ лечь опочивать.

8. Въ седьмомъ часу проснувшись, Государь изволилъ жаловаться, что голова болитъ. Послали за г-мъ Фузадье. Между тѣмъ боль по-маленьку прошла, и Его Высочество одѣлся по обыкновенному.

Кушалъ за большимъ столомъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Сей день однакожъ Государь не учился. По утру изволилъ ходить во внутренніи покои къ Ея Величеству, и тамъ крестить съ Ея Величествомъ у камеръ-юнкера Михайлы Баскавова и у подполковника Якова Перфильева.

Послѣ обѣда попрыгавши, изволилъ пойтти въ опочивальню, и сѣвши у маленькова стола устанавливать изъ картъ декорациі. Между тѣмъ читали *Натуральную Исторію Бюфонову*, я, перемежаясь съ г. Остервальдомъ. Потомъ изволилъ Государь сѣсть со мною къ другому столу, и читать служебникъ, Литургію Святаго Іоанна Златоустаго. Въ восемь часовъ сѣлъ ужинать. Разговаривали о прежнемъ житьѣ Великаго Князя, когда мамы при немъ еще были. Изволилъ онъ между прочнимъ сказывать, что случилось, что и ночью вухать ему давали, какъ попросить изволилъ. Въ половинѣ десятаго изволилъ Его Высочество лечь опочивать. До ужины все мы думали, что пойдемъ къ Государынѣ. Ея Величество общать изволила для Его Высочества сдѣлать у себя въ покояхъ игрище; однакожъ ничего не было. Государыня не очень была здорова.

9. Воскресенье. Государь, одѣвшись, изволилъ читать съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. По окончаніи сего чтенія изволилъ пойтти въ церковь; а послѣ обѣдни, къ Государынѣ во внутренніе покои. Ея Величество выходитъ сего дня не изволила. Сказываютъ, что не очень здорова. Побывши тамъ съ-полчаса, изволилъ Государь Цесаревичъ пойтти къ себѣ. Позвали тотчасъ аглицкаго посланника Макартнея, и была ему у Его Высочества аудіенція. Государь отвѣтствовать изволилъ изрядно и твердо; только нѣсколько тихо. Были у насъ графы Захаръ и Иванъ Григорычъ Чернышовы; играли въ шахматы. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представлялъ Его Высочеству новоприѣзжаго смоленской дивизіи генераль-маіора Нумерса. Пожаловавши его въ руки, изволилъ Великою Князь сказать мнѣ: съ лица видно, что Нѣмчинъ; мнѣ вѣжетъся, братецъ, что не онъ въдумалъ пороховъ.

Спустя нѣсколько времени сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ только помянутой генераль-маіоръ Нумерсъ и г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большей части разговаривалъ съ Нумерсомъ, давно ли онъ здѣсь не бывалъ, какъ давно онъ служить, и о вещахъ тому подобныхъ, о конхъ для тово говорить только, чтобы гость не сказалъ послѣ: (*Seine Excellenz sind so ungnädig gewesen und haben kein Wort mit mir besprochen*), Ваше Превосходительство изволили изъ гнѣву говорить со мной только одно слово, а не для того, чтобы распространить разсужденія свои или знанія. *M. de Rapine connaissait son homme.*

Послѣ стола забавлялся Его Высочество въ желтой комнатѣ, и потомъ въ опочивальнѣ. Вечеру изволилъ ходить въ галерею на вуртагъ. Ея Величество присутствовать тутъ не изволила. Разговаривалъ Великою Князь съ чужестранными министрами, съ графомъ Захаромъ

Григорьевичемъ Чернышовымъ, и съ вице-канцлеромъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голлицынымъ. Побывши на куртагѣ съ три четверти часа или съ часъ, изволилъ ретироваться. Покушавши, опочивать легъ въ половинѣ десятого часу.

10. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись пообыкновенному учился. Отучась, изволилъ играть въ воланы, потомъ со мною въ шахматы. Сего дня по утру ходилъ я въ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу съ дѣлами морскими и по Павловской больницѣ. Исходатайствовалъ такожь дозволеніе о печатаніи катихизиса Отца Платона, о чемъ Его Преподобіе столь долго старался, не потому чтобъ Никита Ивановичъ на печатаніе не соглашался, но что книга у Его Превосходительства заложена была въ бумагахъ далеко, и отыскать времени не доходило. Увѣдомилъ я о семъ Отца Платона, и получилъ отъ него отвѣтное письмо, въ коемъ онъ между прочимъ ко мнѣ пишетъ, что я оной вѣдомостью такъ его обрадовалъ, какъ древле обрадовала летящая голубица Ной и все его ковчешное сообщество. Подполковника Якова Перфильева новорожденного сына пожаловалъ Государь Великою Князь въ морской кадетской корпусъ сержантомъ. О семъ написалъ я отъ Его Высочества въ государственную адмиралтейскую Коллегію сообщеніе, которое подписавъ Великою Князь приказалъ отослать туда. Передъ обѣдомъ пришелъ вырасирской полковникъ князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой. Его Высочество, онъ и я, ставши въ кучку, до самаго почти обѣда разговаривали о новыхъ воинскихъ штатахъ, о содержаніи полку, о обученіи онаго и о снабженіи всѣмъ потребнымъ, о полковой экономіи.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ, Карлъ Федоровичъ Крузь и полковникъ князь Трубецкой. Разговаривали о вышнѣмъ расположеніи полковъ, о мѣстоположеніи около Ревеля,

гдѣ стоитъ полкъ онаго Трубецкова. Сказывалъ онъ, что мѣста весьма тамъ каменистыя и множество камней величины ужасной. Изъ сего Никита Ивановичъ вывелъ генеральное разсужденіе о рашеніи камней; изъ рашенія камней и изъ морскаго хрипу, коимъ дно покрыто, о древности міра. Пришла рѣчь и о китайскомъ исчисленіи времени. Въ сихъ разговорахъ всякой сказалъ, что что смыслилъ. Иной и ничево не сказалъ, для того что сказать было нечево. Не смысли, молчать всегда лутче; авось иной еще молчаніе припишетъ и одной только скромности.

Вставши изъ за стола, изволилъ Его Высочество въ желтой комнатѣ на столѣ дудинскія шапки въ строй устанавливать. Потомъ сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Часовъ въ шесть пошли мы въ театръ. Комедія сего дня была французская, сочиненія комедіанта Л'Анжа: „le bienfait rendu;“ балетъ Нейвилевъ „la jalousie villageoise;“ маленькая піеса „le Deuil.“ Ея Величество бытъ не изволила. Великою Князь напросился самъ сего дня, чтобъ итти въ комедію, болѣе для угожденія Никитѣ Ивановичу, нежели по собственной охотѣ. Вообще сказать, Его Высочество театральныя позорница не весьма изволилъ жаловать, частію отъ того, что они иногда долго продолжаются и онъ принужденъ сидѣть все на одномъ мѣстѣ, что живости его почти несосно; такожь, что въ такомъ случаѣ и опочивать лечь противъ обыкновеннаго опоздаетъ, что намъ всего тяжеле; частіюжь и въ самыхъ оныхъ (позорищахъ,) по собственному Его Высочества увѣренію, не изволилъ онъ находить большаго веселья и удовольствія. Великою Князь несказанно похвалялъ автора выборныхъ Исторій изъ свѣтскихъ писателей („histoires choisies des auteurs profanes“) за то, что въ артикулѣ о позорищахъ, которой мы съ Его Высочествомъ нѣкогда читали, разсуждаетъ, что театральныя позорница развращаютъ нравы, отвлекаютъ отъ дѣлъ, и человѣка въ нѣкоторое тунелдство приводять.

Возвратясь изъ комедіи, изволилъ онъ пойтить къ Государынѣ во внутренніе покои. Мы дожидались въ билиардной. Болѣе четверти часа быть тамъ не изволилъ. Пришедъ къ себѣ, сѣли мы за столъ. Разговаривали по большей части о актерахъ. Опочивать изволилъ Государь дечъ, было три четверти десятаго.

11. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу въ исходѣ. За чаемъ изволилъ онъ мнѣ рассказывать, что въ прошлые дни случилось, когда меня не было, что выше сего внесено уже мною. Во время обуванья изволилъ расписывать онъ французскія пѣсенки. Я сидя подлѣ, писалъ. Одѣвшись, изволилъ пойтить со мною въ желтую комнату и сѣсть на канapé. Тутъ сказалъ я Его Высочеству о разсѣваемыхъ о немъ въ липштадскихъ вѣдомостяхъ подъ артикуломъ изъ Кельна злодѣйскихъ слухахъ. Докладывалъ я о томъ третьяго дни Его Превосходительства Никитѣ Ивановичу, и получилъ отъ него позволеніе, чтобы сказать между рѣчей Великому Князю. Никита Ивановичъ на оной артикулъ приказалъ написать возраженіе. Какъ рассказалъ я обстоятельно Его Высочеству, то перемишвшись въ лицѣ изволилъ сказать мнѣ: э к ъ х т о - т о м е н я ж а л у е т ъ ; j e m ' e n m o q u e . Говорилъ я Его Высочеству, что пользуясь бездѣльническимъ онымъ разглашеніемъ, надобно вести себя осторожно, и съ состояніемъ своимъ сходственнѣе, особливо въ публикѣ; и притомъ безъ нужды большимъ не сказываться, дабы злобные недоброхоты не имѣли поводу къ завистливымъ наветамъ. Очень благодарилъ меня Великій Князь за соувѣтъ и что я ему сказалъ о семъ. Съ полчаса времени поговорили мы о сей матеріи. Въ десять часовъ изволилъ Его Высочество сѣсть за свои учения. Послѣ ученья, изволилъ перебирать книги въ своей библіотекѣ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ только г. Салдернъ. Разговаривали о бывшихъ здѣсь въ свитѣ

французскаго посла маркиза Лопиталя, кавалерахъ Деонѣ и Данжелѣ. Сей послѣдней сочинилъ книгу о прибыткахъ и убыткахъ комерціи въ Англіи и во Франціи. Объ оной книгѣ рассуждали. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что онъ все выкралъ изъ одного аглинскаго автора. Зашла тутъ рѣчь вообще о системѣ государственныхъ доходовъ. Никита Ивановичъ хулилъ французскую. О нашемъ государствѣ изволилъ сказывать, что казна имѣетъ доходу слишкомъ двадцать милліоновъ рублей. Говорилъ, что наши двадцать милліоновъ рублей, вразсужденіи разныхъ государственныхъ обстоятельствъ и причинъ гораздо болѣе, нежели сто милліоновъ ливровъ во Франціи. Отъ сего вышло довольно плодovitое рассужденіе, и видно было, что Никита Ивановичъ говорилъ уже не съ Нумерсомъ.

Послѣ стола позабавясь нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть за обыкновенныя свои учения. Послѣ ученья, часу въ пять началась у Его Высочества въ парадной залѣ генеральная проба его балета. Онъ самъ тутъ же танцовать изволилъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ тутъ, и я сказалъ, что ему-то можно теперь выговорить: „се азъ и дѣти мои“, потому что около его никово почти свыше тридцати лѣтъ небыло. Какъ до балету фрейлины пришла нѣсколько еще рано, то Его Высочество изволилъ играть съ ними въ фанты. Ему по фанту досталось по комнатѣ попрыгать; и безъ фантовъ не рѣдко у насъ это случается. Послѣ балету гораздо усталъ Его Высочество. Приказалъ подать себѣ чаю. Установливалъ потомъ дудинскія шашки такимъ порядкомъ, какъ балетъ сего дня танцовали. Въ началѣ девятаго часу изволилъ сѣсть ужинатъ. За ужинною тихо было. Въ четверть десятаго часу легъ опочивать.

12. Государь изволилъ встать въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Передъ обѣдомъ изволилъ играть въ воланы.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ. Говорили почти во все время стола о придворной конюшнѣ и о власти, какую оберъ-штальмейстеръ имѣеть надъ кн. Гагаринимъ. Князю Сергѣю Васильевичу жестоко то было досадно. При семъ случаѣ спросилъ Никита Ивановичъ у Его Высочества: „какъ вы думаете, повелѣвать-ли лучше, или повиноваться?“ На сіе изволилъ сказать Государь: все свое время имѣеть; въ иное время лучше повелѣвать, въ иное лучше повиноваться.

Послѣ стола, попрыгавши по комнатамъ, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться; у меня очень хорошо учился. Потомъ съ танцовщикомъ Гранже изволилъ твердить роль свою изъ балета. Разговаривалъ со мною Государь Цесаревичъ о вчерашнемъ балетѣ и о тѣхъ, кои въ немъ танцуютъ. Разговоръ его утверждалъ всегдѣшнее мое мнѣніе о чувствительности его сердца и подавалъ мнѣ поводъ думать, что онъ со временемъ не будетъ лѣнивымъ или не послушливымъ обитателемъ въ странахъ цитерскихъ. Въ шесть часовъ пошли мы въ театръ. Комедія была сего дня русская: „Русской Французъ“ (Jean de France de Mt. Holberg); балетъ „la coquette ruinée“, маленькая пѣса „слѣпой вудушей.“ Возвратясь изъ комедіи, изволилъ Его Высочество ходить къ Государынѣ. Ея Величество все еще не очень была здорова. Пришедъ оттуда къ себѣ, заставилъ меня Государь читать новой адресъ-календарь, которой Государыня пожаловать ему изволила. Черезъ четверть часа сѣли мы ужинать. За ужиной разговаривали о каруселѣ, которой Ея Величество къ будущему лѣту собирать изволилъ. Ъздоки въ ономъ карусели одѣты будутъ въ платье разныхъ народовъ, и раздѣлятся на четыре части. Въ первой части, такъ какъ Его Высочество изволилъ сказывать, предводителемъ будетъ Ея Величество; во второй графъ Григорій Григорьевичъ Ор-

ловъ; въ третьей, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ; въ четвертой, оберъ-штальмейстеръ кн. Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ. Государь изволилъ говорить, чтобы я шолъ въ оную кадрили. Не хотѣлось мнѣ, и я сказалъ, что тогда пойду (уже) въ кадрили карусельную, какъ онъ вырастетъ. Послѣ стола, изволилъ Его Высочество лечь опочивать, часъ былъ въ половинѣ десятой.

13. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученья изволилъ читать въ жолтой комнатѣ, на канале сѣдя, *Histoires choisies des auteurs profanes*. Передъ обѣдомъ пришли съ той половинки за Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ, кн. Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ и графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ. Говорили о упоминаемой вчерасъ карусели, или лучше сказать говорилъ, потому что говорилъ почти только одинъ князь Петръ Ивановичъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изъ эстампнова кабинету Его Высочества тѣ приказалъ принести книги, гдѣ изображены бывшіе во Франціи карусели. Смотрѣли мы оныя книги, и князь Петръ Ивановичъ на время себѣ ихъ выпросилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только Его Сіятельство князь Петръ Ивановичъ и г. Салдернъ. Говорили сначала, продолжая прежнюю рѣчь, о карусели, а потомъ по большой части рассуждали о верховой ѣздѣ, о лошадяхъ и о учрежденіяхъ конюшенныхъ. Видно, примѣтно и чувствительно было, что за столомъ былъ оберъ-штальмейстеръ.

Послѣ стола, попрыгавши нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть ко мнѣ на канале въ учительной комнатѣ. Читалъ я ему нѣкоторыя подробности о Генрихѣ Четвертомъ, въ запискахъ, служащихъ къ исторіи госпожи Ментенонши. Въ четвертомъ часу изволилъ сѣсть Государь учиться. У меня очень хорошо

учился. Приходилъ танцовщикъ Гранжé, и Его Высочество изволилъ твердить съ нимъ роль свой изъ балета. Въ шестомъ часу въ исходѣ, пошли мы на комедию. Комедія была французская: «le Sage étourdi»; маленькая пьеса «François à Londres;» балетъ съ саботами. Его Высочество довольно ашодировать изволилъ. Ея Величество присутствовать не изволила. Послѣ комедиі, читали мы вчерашней адресъ-календарь. Съѣли ужинать. Разговаривали за столомъ о академіи художествъ. Доносилъ я Его Высочеству о новомъ ея штатѣ, съ своими на то мнѣніями и примѣчаніями. Вставши изъ за стола, черезъ нѣсколько времени изволилъ онъ опочивать улечься, десятого часу было двадцать минутъ.

14. Его Высочество проснувшись изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился по обыкновенному. По окончаніи ученія, списывалъ нѣкакой живописецъ французъ съ Его Высочества портретъ на финифти. Пришолъ танцовщикъ Гранжé, и Государь изволилъ съ нимъ твердить роль свой изъ балета. Послѣ сего изволилъ съѣсть со мною на канале, и разговаривать о намняшемъ балетѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ долго былъ у Ея Величества съ докладами. Дожидаюсь его, читалъ я Его Высочеству Генріаду. Весьма прилежно изволилъ слушать, особливо въ томъ мѣстѣ, гдѣ описанъ приступъ Великаго Генриха къ городу Парижу, храброе нападеніе осаждающихъ и мужественный отпоръ осажденныхъ. Пришолъ Никита Ивановичъ. Не успѣли дочитать шестой пѣсни.

Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. За обѣдомъ разговаривали по большей части о развращенномъ экономическомъ управленіи при Дворѣ. Сколь много расходить, естьли кому при Дворѣ опредѣленъ столъ, чай и кофе; и какъ напротивъ того все дурно изготовлено. Поводъ къ сему разговору подало то, что Григорій Нико-

лаичъ о своемъ придворномъ столѣ сказывалъ, какъ его подчиваютъ. Раза три или четыре принужденъ онъ былъ докладывать Ея Величеству и на многія бездѣлницы выпрашивать именнаго указа. Столъ его, какъ (онъ) сказывалъ, до семи тысячъ въ годъ Государынѣ стоитъ. Проглязъ деньгами: деньгами не даютъ. Послѣ сего рѣчь зашла о скупости. Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ о нѣкакомъ прежде бывшемъ въ гвардіи капитанѣ Рудяковѣ, которой, естли кто придетъ къ нему ввечеру говорить съ нимъ о какой нуждѣ, обыкновенно зажегнную передъ нимъ самую тоненькую свѣчку погашивалъ, говоря: „намъ я безъ свѣчки говорить видно: что ей горѣть напрасно, погасимъ-ка ее лучше.“

Встали изъ за стола. Пришолъ прусской министръ графъ Сольмсъ съ флейтою играть въ оркестрѣ. Сего дня положено быть у Его Высочества пробѣ балету. Его Превосходительство Никита Ивановичъ помогъ на часъ къ себѣ съ Григорьемъ Николаичемъ. Пришли между тѣмъ фрейлины. Пока собиралися танцовщики, изволилъ Государь съ фрейлинами съѣсть играть въ фанты. Досталось Его Высочеству по фанту плясать по-русски. Изволилъ плясать онъ съ маленькимъ графомъ Шереметевымъ. Черезъ часъ времени пришелъ и Никита Ивановичъ. Пошли въ парадную залу. Начался тамъ балетъ. Какъ первой разъ танцовали, все стоялъ я въ самой дали у стѣны, противъ оркестру, съ Его Высочествомъ. Пока дошло до его роли, изволилъ онъ разговаривать съ Шереметевымъ, съ Олсуфьевымъ, съ нѣкоторыми изъ кадетскихъ офицеровъ, кои въ балетѣ, и съ фрейлинами. По окончаніи балета, зачали его танцовать въ другой разъ. Говорилъ мнѣ Его Высочество, чтобы я шелъ къ оркестру и примѣтилъ въ танцующихъ то и то. Пошелъ я туда, и стоялъ во все время какъ балетъ танцовали. Продолжался оной по моимъ часамъ ровно три четверти часа. Какъ въ дру-

гой разъ оттанцовали, изволилъ Его Высочество пойтить къ себѣ, а прочіе по домамъ. Почти до осьми часовъ сидѣлъ у насъ Никита Ивановичъ. Изволилъ по большей части разговаривать со мною о нѣкоторыхъ придворныхъ обстоятельствахъ, во владѣніе Императрицы Елисаветъ Петровны, о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, о заведеніи здѣсь банковъ, о прошлой войнѣ и проч. Его Высочество спроситъ тутъ между прочимъ у меня изволилъ: чтѣ легче, пудъ-ли пуху или пудъ свищу? Изъяснилъ я ему о равенствѣ вѣсу и о разности протѣженіи матерій. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, услышавши о семъ, такожъ присталъ къ рѣчи и толковалъ объ ономъ Его Высочеству. Говорили о вѣсахъ справедливыхъ и подложныхъ, и тому подобномъ. Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ. Его Высочество въ девятомъ часу сѣлъ кушать. Въ десятомъ въ половинѣ легъ опочивать. При Дворѣ сего дня маскарадъ былъ.

15. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу въ началѣ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Отучась, изволилъ играть въ воляны. Передъ обѣдомъ заставилъ его Никита Ивановичъ въ желтой комнатѣ ходить взадъ да впередъ, чтобъ шелъ прямо, вольно и осанисто. Его Превосходительство вчера въ багетѣ примѣтилъ, что когда Его Высочество впередъ выступаетъ, (такъ выступаетъ) очень на солдатскую статью.

Сѣли за столъ. Изъ стороннихъ никого у насъ не было. Сперва было очень тихо. Потомъ поразговорились. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ разговаривать со мною о Французяхъ, кои здѣсь въ домахъ слывуть учителями. Рассказывалъ мнѣ о своемъ учителѣ. Доносилъ я Его Превосходительству, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у одного московскаго дворянина Чухонецъ нанялся въ учителя, назвавъ себя Французомъ, и дѣтей его вмѣсто фран-

цузскаго языка, чухонскому выучилъ. Съ тѣхъ поръ (всѣмъ) такимъ учителямъ положено давать прежде аттестаты изъ академіи, освидѣтельствовавъ ихъ въ знаніи. Говорили еще о книгахъ и о учрежденіи библиотекъ.

Послѣ (стола) зашла рѣчь о Телемакѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что ему сей книги на русскомъ языкѣ никогда видать не случалось. Доносилъ я ему, что есть она переводу г. Хрущова, и что я для Его Превосходительства ее достану. Разговорились такожъ о привичкѣ Великаго Князя, чтобъ все новое нюхать, книга-ли бы то была, или кафтанъ, или пушка, или столъ, или бѣ что такое ни было. Его Превосходительство шпынялъ (шутилъ) при семъ случаѣ надъ Его Высочествомъ. Онъ, попрыгивавши, отшучивался. Пошелъ Никита Ивановичъ къ себѣ. Рассказывалъ я Государю нѣкоторые анекдоты, касающіеся до покойнаго его Прадѣда Государя Петра Великаго и до Бабки его Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны. Въ четвертомъ часу изволилъ Его Высочество сѣсть за ученья. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья, читалъ я Государю Генриаду. Потомъ долго со мною самъ-другъ изволилъ онъ ходить и сидѣть, разговаривая съ несовершеннѣйшею откровенностью и довѣренностію. Приходилъ камеръ-юнкеръ Александръ Федорычъ Талызинъ. Сказывалъ о смерти покойнаго князя Бориса Александровича Куракина. Его Высочество между прочимъ сказалъ изволилъ: отъ ево смерти и государству потеря; человекъ онъ былъ достойной, и за дѣла принятъ было очень прилежно. Талызинъ сказывалъ, что покойнаго Куракина большому сыну Ея Величество дозволила жить во дворцѣ, у Никиты Ивановича. Въ девятомъ часу сѣли мы за столъ. Разговаривали о кадетскомъ корпусѣ, о пожарѣ, бывшемъ въ кунсткамерѣ, также вообще о пожарахъ и о пожарныхъ распоряженіяхъ.

Послѣ ужины долго Его Высочество не ложился опочивать, и чуть было до того феномену не дошло, которой мы у себя en termes de l'art дождемъ называемъ. Изволилъ лечь, одиннадцатаго уже часу было пять минутъ.

16. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе, какъ то обыкновенно по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ передъ обѣдомъ бываетъ.

Часу въ одиннадцатомъ Его Высочество изволилъ пойтить къ обѣду. Ея Величество сего дня обѣдню изъ той же боковой комнаты слушать изволила, гдѣ обыкновенно Его Высочество въ нынѣшнее зимнее время становится. Изъ церкви проводя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, изволилъ Великой Князь возвратиться къ себѣ.

Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у себя; отдыхалъ, потому что ночь всю просидѣлъ за дѣлами. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и флотской генераль-интендантъ Кутузовъ. Разговаривали о кавалерской комедіи, и шутили кое о чемъ. Заспорилъ г. Салдернъ съ Его Высочествомъ въ одномъ дѣлѣ. Государь по своей во мнѣ милости сдѣлалъ мнѣ честь ту, что выбралъ меня судьей, чтобы послѣ обѣда разрешить споръ ихъ. Его Высочество чрезвычайно былъ веселъ и порядоченъ. Въ ономъ спорѣ, шути, такими околнчностями господина Салдерна вызывалъ будто на поединокъ: *Nous irons Monsieur, s'il vous plait, cet après-diner converser un peu dans cette salle vide. Nous ferons fermer les portes. Nous serons tête à tête. Il y aura là seulement un petit seigneur, qui m'accompagne toujours du coté gauche, quand je sors quelque part (то есть шпага) etc.* Послѣ обѣда также все время Его Высочество очень былъ веселъ. Изволилъ посякивать, и кое чѣмъ

забавляться. Вечеръ дню не соответствовалъ; пошли мы на куртагъ. Ея Величество изволила тамъ присутствовать, и играть въ пиветь съ чужестранными министрами и съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ знатныхъ. Его Высочество изволилъ стоять тутъ же въ кругу. Сперва веселье былъ: разговаривалъ съ министрами, и изъ нашихъ съ князь Петромъ Ивановичемъ Рѣппнымъ, съ вице-канцлеромъ, съ графомъ Петромъ и Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевыми. Наконецъ скучилось ему. Зачалъ подзывать Никиту Ивановича домой. Его Превосходительству хотѣлось дожидаться того, какъ Государыня изволилъ ретироваться, и для того отказывалъ ему. Зачалъ Великою Князь съ ножки на ножку переступать, помингивать и смотрѣть на плафонъ, чтобъ скрыть свое нетерпѣніе. Между тѣмъ очень оно видно было, и собирающіяся на глазахъ тучки еще болѣе оное показывали. Никита Ивановичъ принужденъ былъ итти съ Его Высочествомъ. Какъ скоро добрались мы до своихъ предѣловъ, и вошли въ желтую комнату, остановились всѣ. Никита Ивановичъ приказалъ съ Великаго Князя снять тутъ шпагу, и чтобъ онъ далѣе нигде не ходилъ. Давъ ему нанжесточайшей выговоръ, оборотился къ намъ и сказалъ, чтобъ мы на сей вечеръ Великаго Князя всѣ оставили, и никто не говорилъ бы съ нимъ ни слова. Сказавъ сіе, пошелъ Его Превосходительство къ себѣ, оставивъ у насъ по себѣ тишину неописанную. Великою Князь выговоромъ весьма огорченъ былъ, и стоя у печи разными знаками показывалъ свое неудовольствіе. По предписанію, никто не говорилъ ему ничего. Разговаривали мы между собою, показывая будто со всѣмъ на него не примѣчаемъ. Были у меня при семъ случаѣ кое какія разсужденія, кои отчасти сообщалъ я тѣмъ, на ково по-болѣ позлагался, отчасти обращалъ только въ головѣ своей. Оныя разсужденія пусть при мнѣ останутся. По приказанію Его Превосходительства

Никиты Ивановича, ужинать съѣлъ Его Высочество уже въ десятомъ часу, опочивать легъ въ одиннадцатомъ, что для него было пболою терпѣніи. Весь вечеръ происходилъ въ тихости. Вотъ такъ-то и во всѣхъ дѣлахъ бываетъ: на суслѣ пива не узнаешь. День начался такъ хорошо и весело, а кончился наискучивѣйшимъ образомъ.

17. Его Высочество проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Очень сожалѣлъ и раскаивался о вчерашнемъ приключеніи. Одѣвшись, изволилъ учиться, какъ обыкновенно. Послѣ ученія попрыгалъ въ желтой комнатѣ, и никто съ нимъ по вчерашнему заказу не вступалъ еще ни въ какіе (почти) разговоры.

Сѣли за столъ. И тамъ очень тихо было. Изъ стороннихъ никто не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большей части сидѣлъ задувавшись.

Послѣ обѣда, въ четвертомъ часу, изволилъ Его Высочество сѣсть за ученія. У меня очень хорошо учился. Окончавъ свое дѣло, изволилъ говорить мнѣ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, что онъ весьма сожалѣетъ, что оно сдѣлалось, что показалось ему поздно и скучно; не могъ преодолѣть себя, изволилъ просить у меня вангорячѣйшимъ и повѣреннѣйшимъ образомъ совѣту, какъ бы сдѣлать, чтобъ таковыхъ, какъ самъ онъ выговаривать изволилъ, проказъ впередъ не было. Отвѣчалъ я Его Высочеству:

— „Инова способа я, Милостивый Государь; не знаю, какъ только что когда въ публикѣ придетъ къ Вамъ такое нетерпѣніе и такая скука, то дайте тотчасъ волю Вашему разсужденію: представьте себѣ, что полчаса или четверть часа разницы никакой почти не дѣлаютъ; что Вы отъ того ни занежете, ни похудѣте; что всѣ на Васъ смотрятъ, и примѣта такое нетерпѣніе и малодушіе, послѣ называть стануть ребенкомъ, и никакого почтенія имѣть не будутъ. Скажутъ, что-де Его Высочеству

одиннадцатой годъ уже, а ведетъ себя какъ пяти-лѣтней мальчикъ: знать, что впередъ надежды на него не много. Сверхъ того, Милостивый Государь, продолжалъ я, Вы уже чрезъ искусство знаете, что всякой разъ, какъ Вы такой поступокъ сдѣлаете, ужинаете Вы позже и опочивать ложитесь гораздо позже, и всѣ на Васъ сердятся. и показываютъ свое неудовольствіе, и такъ вмѣсто мнимаго Вами выигрышу, изволите видѣть явной во всемъ проигрышъ и весьма худыя слѣдствія. Я увѣренъ, что когда Ваше Высочество во время перваго къ вамъ пріступу нетерпѣнія, оними разсужденіями вооружиться изволите, то конечно непріятеля далеко отгоните, и никогда мы Васъ отъ него побѣжденнымъ не увидимъ.“ Выслушавши сію проповѣдь со вниманіемъ, бросился ко мнѣ Его Высочество, и дѣлу изволилъ увѣрять меня, что онъ не преминетъ предложенія отъ меня наставленія при первомъ случаѣ произвести въ дѣйство и употребить въ свою пользу. Въ шесть часовъ пошли мы въ театръ. Ея Величество такожь присутствовать тамъ изволила. Комедія была французская г. Детуша: „l'obstacle imprévu;“ балетъ г. Гранжé „Аполлонъ и Дафна;“ маленькая піеса «l'étrange réciproque.» Послѣ комедіи, пришедъ къ себѣ, изволилъ забавляться Его Высочество, разставляя по столу шахматы. Приходили къ Великому Князю камеръ-иньеръ Бибииковъ и Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Положили, какъ завтра быть пробѣ комедіи и балету. Въ девять часовъ съѣлъ Его Высочество ужинать; въ десять легъ опочивать.

18. Его Высочество проснуться изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился по обыкновенному. Отучась изволилъ ходить въ опочивальню и смотрѣть въ библіотекъ своей книги. Принесли купленными по моему совѣту для Его Высочества двѣ книги: *magazin des enfans*, и *magazin des adolescents*. Переплетены

онѣ были а да грекъ чрезвычайно хорошо. Его Высочество очень любоваться ими изволилъ. Первую началъ и читать сего дня. Говорилъ я Великому Князю, что есть ли бы попросилъ онъ Никиту Ивановича, чтобъ приказалъ мнѣ для Его Высочества собрать небольшую комнатную библіотеку, тобъ подлинно я ее учредилъ. Во всякомъ родѣ досталъ бы наилучшія книги, и всѣ велѣлъ бы такъ переплести, какъ онны двѣ книжки. Большая, купленная у Борфа библіотека, хотя и будетъ, но та (не) для всегдашняго употребленія. Его Высочеству очень сіе предложеніе понравилось. Хотѣлъ просить Никиту Ивановича.

Въ началѣ втораго часу сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ г. Салдернъ и камеръ-юнкеры графъ Матюшкинъ и Александръ Федоровичъ Талызинъ. За столомъ очень тихо было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ мало разговаривалъ.

Вставши изъ за стола, какъ время пришло, учился Его Высочество по обыкновенному. Приходилъ князь Петръ Ивановичъ Рѣпинъ, и слушалъ какъ Великому Князю изволилъ играть на клавикортахъ. Въ пятомъ часу въ исходѣ пошли мы въ театръ. Его Высочество изъ своей ложи смотрѣть изволилъ, какъ репетиція была кавалерской комедіи и маленкой пьесѣ. Потомъ, какъ начался балетъ, изволилъ сойти на театръ. Какъ стало доходить до его роли, то изволилъ сѣсть на свое мѣсто, вдали на театрѣ приготовленное. Весь почти партеръ полонъ былъ зрителей. Отъ хлопанья въ ладоши, въ танцованья Его Высочество нѣсколько сбился и обробѣлъ. Конецъ балету танцовали еще разъ. Тутъ шло полутче. Пришедъ къ себѣ, гнѣвался Его Высочество, для чего бьютъ въ ладоши. Изволилъ сказать: не успѣлъ еще выйтти я, такъ уже и аплодируютъ; то-то ужъ настоящіе персики, (персики значать у насъ ласкательство: есть тому особливая деривация изъ нѣкоего случившагося при

Дворѣ анекдоту); ой Дворъ, Дворъ! Въ десятомъ часу изволилъ Его Высочество сѣсть за столъ. Разсужденіе было о томъ, что человѣкъ самъ внутреннее чувствуетъ удовольствіе, когда сдѣлаетъ что нибудь хорошее. Въ половинѣ десятаго часу изволилъ Великому Князю лечь опочивать.

19. Государь встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Отучась, изволилъ читать *magasin des enfans*. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представлялъ Его Высочеству новопріѣзжихъ господина Рижскаго Регирунгс-Рата Фитингофа и генералъ-маіора Билау.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ онны господа новопріѣзжіе и еще генералъ-поручикъ Веймаритъ, Александръ Ильичъ Бибииковъ, Александръ Петровичъ Сумароковъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. Говорилъ почти только (одинъ) Александръ Петровичъ, съ обыкновенною своею бѣглостію и остротою. Разсуждалъ о кулачныхъ бояхъ, о подъячыхъ, о авторахъ, о стѣнахъ Іерусалимскихъ (*bon mot* его), о обновленіи храма и проч. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговорами его очень много веселился.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество. Александръ Петровичъ сказывалъ мнѣ о новосочиненной имъ комедіи, называемой «опекунь»; дѣлалъ мнѣ ту честь, что увѣрялъ меня въ своемъ ко мнѣ почтеніи, и наговорилъ мнѣ похвалъ съ три кузова. Въ доказательство, что «его ко мнѣ почтеніе не ложное, приводилъ онъ между прочимъ то, что наканунѣ представленія вышепомянутой его комедіи, намѣренъ онъ раздать шесть только экземпляровъ, а именно: 1, Государинѣ; 2, Великому Князю; 3, Никитѣ Ивановичу; 4, (гр.) Григорью Григоричу; 5, г. Остервальду; 6, мнѣ. Вотъ у него какой списокъ. Въ четвертомъ часу сѣлъ Его Высочество учиться; у меня очень хорошо учился. Въ шестомъ часу изволилъ пой-

тить въ театрѣ; комедія была русская „Мотъ“; балетъ съ саботами; маленькая пьеса „Болтунъ“. Обѣ сии пьесы оригинальныя сочиненія г. Лукина, секретаря при Иванѣ Перфильевѣ Елагинѣ. Аплодированы были обѣ очень много. Ея Величество присутствовать не изволила. По окончаніи большой пьесы, изволилъ Его Высочество автора призывать къ себѣ въ ложу; пожаловалъ его къ рулѣ, и хвалилъ за трудъ. Послѣ комедіи, изволилъ Государь ходить къ Ея Величеству. Побывши тамъ съ четверть часа, возвратился въ свои покои. Государыня изволила быть въ бильярдной, въ спальномъ платьѣ. Пришедъ къ себѣ, послали мы за кушаньемъ. Сѣвши за столъ, разговаривали по большей части о севоднишней комедіи. Опочивать Его Высочество изволилъ лечь въ исходѣ десятаго часу.

20. Государь изволилъ встать въ исходѣ седьмаго часу. Какъ одѣвшись изволилъ войти въ учительную комнату, то пришелъ съ той половины гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, и показывалъ Его Высочеству подтвержденныя Ея Величествомъ доклады. Его Сіятельству поручено главное смотрѣніе надъ галернымъ флотомъ. Какъ ушелъ онъ, изволилъ Его Высочество сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ забавлялся Государь около своихъ пушечекъ, и корабли устанавливалъ въ боевой порядокъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ, князь Сергій Васильевичъ Гагаринъ, генералъ-поручикъ Веймарнъ, Александръ Ильичъ Вибиковъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. За столомъ ни до какихъ почти примѣчательныхъ разговоровъ не доходило. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большой части тронулъ надъ кн. Сергѣемъ Васильевичемъ. Веймарнъ и Вибиковъ имѣють съ Никитою Ивановичемъ какую-та конференцію о пограничныхъ дѣлахъ поль-

скихъ; и для того такъ часто и сѣзжаются.

Послѣ обѣда, попрыгавши, изволилъ Великой Князь сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Часу въ шестомъ пошли мы за Его Высочествомъ въ театръ. Комедія была французская „le bienfait rendu“ сочиненія комедіанта Ланжа; балетъ Нейвилевъ „la jalousie villageoise“; вмѣсто маленькой пьесы, комическая опера „Annette et Lubin“. Ея Величество присутствовать не изволила. Государь очень много аплодировать изволилъ, особливо въ балетѣ и въ комической оперѣ. О сей оперѣ изволилъ рассуждать онъ, что сентиментовъ въ ней хорошихъ очень много, а что такихъ явленій совсѣмъ почти нѣтъ, кои бы въ глаза бросались. Послѣ комедіи, изволилъ Его Высочество ходить къ Государыни. Ея Величество въ бильярдную выходить не изволила; слѣдовательно сей разъ не имѣлъ я счастья Ея видѣть. Пришедъ отъ Государыни, сѣли мы ужинать. Разговаривали о севоднишней комедіи, о Лукина комедіи и о кавалерскомъ зрѣлищѣ. Отуживши, изволилъ Государь скоро лечь опочивать; десятаго часу было тридцать пять минутъ.

21. Его Высочество проснувшись изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ изволилъ войти ко мнѣ, и звалъ пить чаю. Сказывалъ я Его Высочеству, что не могу очень, правой бокой такъ простудилъ, что съ трудомъ дышу и ворочаюсь. За чаемъ изволилъ онъ откырывать мнѣ, что какъ вчерась былъ у Государыни, то Ея Величество изволила спросить его, позволявъ къ себѣ тихонько: отъ чего Никита Ивановичъ такъ не веселъ? и что какъ онъ отвѣтствовалъ, что не изволилъ знать, то Государыня сказала ему изволила: „n'est ce pas vous qui l'avez chagriné? Si c'est vous, je vous prie de ne le point faire à l'avenir“. Его Высочество признаваться мнѣ изволилъ, что оное увѣщаніе такъ его тронуло, что у него

IX

слезы навернулись. На сіе говорилъ я, что надобно себя вести такъ, чтобъ Ея Величеству причины никогда не было подумать, чтобъ Его Высочество Никиту Ивановича когда нибудь чѣмъ могъ опечалить. Какъ во время обуванья прииѣтилъ я, что Его Высочество очень не веселъ, и спросилъ у него тому причины, то изволилъ отвѣтствовать мнѣ: какъ мнѣ не за печалиться; давеча какъ я вошелъ къ тебѣ звать тебя пить чаю, такъ ты такъ меня холодно принялъ, что нельзя больше: развѣ эдакъ дѣлается между пріятелями? Сія Его Высочеству чувствительность крайне меня тронула, и я разцѣловавъ у него руки, увѣрялъ его, что давнишнему моему угрюмому приему не иное что причиною, какъ то, что я не могу очень. Прииѣхалъ господинъ Фузадье. Надобно знать, что господинъ Фузадье каждое утро въ десятомъ часу къ Его Высочеству прииѣзжаетъ; спросить, въ добромъ ли Великой Князь здоровъ, обмоетъ у него маленькую на лѣвой щекѣ отъ золотухи ранку и уѣдетъ. Это уже всякой день, какъ по ногѣ, происходитъ. Какъ скоро господинъ Фузадье прииѣхалъ, то Государь изволилъ рассказывать ему о моей болѣзни, и просить его, чтобы написалъ мнѣ рецептъ. О рецептѣ долго просить господина Фузадье нѣтъ нужды; не знаю другаго, кто бы писалъ ихъ съ такимъ усердіемъ и съ такою охотою. Лишь только скажи въ разговорахъ, что чѣмъ нибудь не можешь: не знаешь ни вѣдаешь, тотчасъ уйдетъ онъ, напишетъ тебѣ рецептъ, и вотретъ въ руки. И такъ рецептъ мнѣ скипѣлъ тотчасъ. Его Высочество весьма милостиво и съ особливою горячностью изволилъ прощаться со мною, и просить меня, чтобы я побылъ дома, и поберегъ себя, дабы болѣзнь опасною не сдѣлалась. Пустился я на лекарство и на діету. Былъ дома до 25 числа сего мѣсяца. Что въ сіе время безъ меня происходило, рассказывать мнѣ послѣ изволилъ самъ Его Высочество. Охѣв-

шись, изволилъ онъ учиться, какъ обыкновенно.

Обѣдали у насъ генераль-маіоръ Гурдовичъ, (которой при покойномъ Государѣ Петрѣ III былъ генераль-адъютантомъ) и полковникъ Гурчевъ. Оба они прииѣхали на сіихъ дняхъ изъ Парижя. Его Высочество изволилъ разспрашивать ихъ о Парижѣ и о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, которой нынѣ живеть тамъ. Скоро, какъ они сказывали, намѣренъ онъ ѣхать въ Лондонъ, и оттуда въ Италію.

Какъ скоро встали изъ за стола, послали за маленькими господами кадрили Его Высочества, чтобы въ маскарадѣ были. Часу въ четвертомъ приходилъ графъ Григорій Григорьевичъ, и показывалъ Его Высочеству новую какую-то трагедію, имянуемую: -смерть Сенеки-. Государь изволилъ мнѣ сказывать, что она трагедія ему понравилась. Въ шестомъ часу начали маленькіе господа въ маскарадѣ съѣзжаться. Первой прииѣхалъ гр. Николай Петровичъ Шереметевъ. Его Высочество очень много изволилъ съ нимъ забавляться. Потомъ какъ и прочіе посѣхались, и прииѣхали Вадковскіе, то начали ихъ гонять и надъ ними посмѣиваться, что всякой почти разъ случается. Изволила заходить къ Великому Князю Ея Величество въ маскарадномъ платьѣ въ провозжаніи Ивана Ивановича Бецкова. Въ седьмомъ часу въ исходѣ изволилъ и Его Высочество итти въ маскарадъ со всѣмъ своимъ сообществомъ. Изволилъ танцовать тамъ въ обоихъ залахъ, въ дворянскомъ и въ мѣщанскомъ, по большей части съ фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоглоковой и съ меньшей дочерью Григорья Николаича Теплова. Изъ маскараду изволилъ возвратиться, было девятаго часу сорокъ минутъ; кушалъ за большимъ столомъ, какъ обыкновенно. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу.

22. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. По утру прино-

слии примѣривать танцевальное платье. Передъ обѣдомъ, отучась, изволилъ Его Высочество твердить роль свой изъ балета съ танцовщицею Гранжé; маленькой Олсуфьевъ танцовалъ тутъ же.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Разговаривали о репетиціи, также и о графинѣ Аннѣ Михайловнѣ, женѣ графа Александра Сергѣича. Никита Ивановичъ при семь случаяхъ много забавлялся и шутилъ о житіи ихъ, о домашнихъ ссорахъ и о разводѣ ихъ. Гр. Строгановъ подавалъ о томъ недавно письмо Ея Величеству.

Послѣ обѣда изволилъ Государь учиться. Часу въ пятомъ пришолъ Григорій Николаевичъ Тепловъ. Великой Князь изволилъ при немъ играть на клавикортахъ. Тепловъ послалъ въ театръ за дочерью своимъ. Пришолъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Играли при немъ Теплова дочери концертъ на клавикортахъ очень хорошо. Григорій Николаичъ и самъ хорошо играетъ. Я примѣтилъ, что иногда цѣлая фамилія въ чему нибудь особливую склонность и способность имѣеть. Есть родовые пороки, есть родовыя и добродѣтели, хотя и нельзя о семь сдѣлать общаго заключенія. Бываетъ цѣлой родъ музыкантовъ, цѣлой родъ комедіантовъ, цѣлой родъ дураковъ, цѣлой родъ людей умныхъ; повседневное искусство сему научають. Послушавши маленькихъ музыкантовъ, изволилъ Его Высочество пойтти въ театръ. Тамъ была проба сперва комедіи, состоявшей все изъ благородныхъ, потомъ балету. Его Высочество роль свой весьма хорошо танцовать изволилъ, и Никита Ивановичъ очень тѣмъ былъ доволенъ. Пришедъ къ себѣ въ девятомъ часу, изволилъ Государь сѣсть ужинать. Послѣ ужина о послѣдней Волтеровой трагедіи Танкредѣ разговаривать изволилъ, и многіе стихи оттуда изустъ декламовалъ. Въ десятомъ часу въ половинѣ легъ опочивать.

23. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Въ исходѣ одиннадцатаго часу изволилъ пойтти въ церковь. Оттуда проводя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, и побывъ тамъ въ бильярдной нѣсколько времени, изволилъ къ себѣ возвратиться.

Обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ [Голицынъ]. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, Иванъ Логиновичъ Кутузовъ и господинъ Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ очень много издѣвался надъ приближающею старостью Его Сіятельства князя Александра Михайловича.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество, и попрыгиваючи сзади Алексѣя Петровича Мельгунова колотилъ по пальцамъ. Разошлись всѣ: остался только г. Салдернъ, и пробылъ долго, что Его Высочеству, какъ сказывать мнѣ изволилъ, не очень было пріятно. Часу въ седьмомъ изволилъ Государь пойтти на куртажъ. Разговаривалъ тамъ съ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ, съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ тайнымъ совѣтникомъ гр. Минихомъ. Куртажъ кончился въ десять минутъ девятаго часу, чему Его Высочество весьма радъ былъ. Ужиналъ у насъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ; говорилъ о госпожѣ Шмидтъ, называя груди ея брустверомъ. Послѣ ужина Его Высочество скоро изволилъ лечь опочивать. Былъ десятой часъ въ началѣ.

24. Государь проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ ко мнѣ прислать Его Высочество скорохода, спросить о моемъ здоровьѣ.

Обѣдали у Его Высочества генералъ-поручикъ Лачиновъ, генералъ-поручикъ Веймарнъ, г. Салдернъ, Кропотовъ, Бибииковъ, Александръ Фи-

Лозофовъ, Набоковъ. Разговаривали о Воронежѣ, о Оренбургѣ и о границахъ польскихъ.

Послѣ обѣда изволилъ Государь читать древнюю Ролленеву Исторію, и музыкѣ учился. Вечеру изволилъ ходить въ театръ. Комедія была французская: „l'homme du jour;“ балетъ Гранжеевъ „Аполлонъ и Дафна;“ маленькая пѣса „l'heureusement“. Пришедъ изъ комедіи, скоро изволилъ сѣсть ужинать. За ужиною разговаривали о ѣздѣ въ Москву и изъ Москвы, какъ мы въ дорожѣ время препроводжали. Послѣ ужина обрѣзывалъ господинъ Фузадѣ Его Высочеству ногти. Опочивать Государь изволилъ лечь въ половинѣ десятого часу.

25. Государь проснувшись изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Часу въ двѣнадцатомъ имѣлъ у Его Высочества аудіенцію курляндской гофмаршала барона Кнлге.

Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ не кушалъ тутъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ тайной совѣтникъ графъ Мюнхъ и Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Послѣ обѣда, поучась, изволилъ Государь поѣхать на новоселе къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову въ Вульфовой домъ, что на набережной. Я не заставши уже Его Высочества во дворцѣ, прямо туды поѣхалъ, и весьма милостиво тамъ отъ него былъ принятъ. Изволилъ спрашивать о состояніи моего здоровья, и какъ я прошедшіе дни препроводжалъ время. Часу въ осьмомъ изволила прибыть тудъ и Ея Императорское Величество. Изволила сѣсть играть въ ломберъ. Въ залѣ изволилъ и Его Высочество къ столу игорному сѣсть и пуэтировать. Нарочно для него банъ сдѣлали. Въ девятомъ часу зажгли приготовленной передъ домомъ на Невѣ фейерверкъ, которой сдѣланъ былъ и горѣлъ весьма изрядно. Какъ за везловыми ниянемъ Его Высочества огненные колеса весьма быстро вертѣлись, то изво-

лилъ сказать Великому Князю: вотъ видно, что Меллессино (артиллерійской полковникъ, которой оной фейерверкъ дѣлалъ), меня знаетъ, и видалъ, какъ я у себя прыгаю: обружилъ ния мое рѣзвыми колесами. Прежде нежели зажгли фейерверкъ, подносили хозяинъ описаніе его на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Послѣ, какъ подошелъ Государь къ столу, гдѣ множество оныхъ описаній лежало, изволилъ сказать, что онъ и еще экземплярцъ хотѣлъ бы взять, то графиня Прасковья Александровна Брюсса, взявъ одинъ, поднесла ему. Увидѣвъ, что написано по-нѣмецки, изволилъ Его Высочество сказать ей: извольте этотъ у себя удержать; я бы лутче арабской взялъ, естълибъ былъ, нежели нѣмецкой. Часу въ десятомъ сѣли ужинать. Сидѣли по билетамъ. Его Высочество изволилъ сидѣть съ графиней Варварой Алексѣевной Шереметевой; между ими сидѣлъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Ея Величество подлѣ себя въ парѣ указала сѣсть хозяину, графу Алексѣю Григорьевичу. Въ одинадцатомъ часу, вставъ изъ за стола, изволилъ Его Высочество тотчасъ поѣхать во дворецъ. Ея Величество тутъ еще изволила остаться. Прибывъ къ себѣ, Государь тотчасъ изволилъ раздѣться и лечь опочивать; былъ двѣнадцатой часъ въ началѣ.

26. Его Высочество встать изволилъ въ осьмомъ часу въ началѣ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Сдѣлался у Его Высочества поносъ, и продолжался февраля по первое число, въ которые дни учился Государь по-немногу.

Ф Е В Р А Л Ъ .

1. У Его Высочества за ушми показалась опухоль. Приложили припарку. Одѣться Государь изволилъ въ фракъ, и былъ весь день въ опочивальнѣ. У графа Петра Борисовича Шереметева была

сего дня ввечеру представлена въ домѣ комедія, на которой Его Высочество по одной причинѣ быть не изволилъ. Ея Величество изволила тутъ присутствовать. Комедія представлена была господина Детуша „le philosophe marié“, т. е. женившийся философъ. Роли раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: Аристъ кн. Петръ Васильевичъ Хованской. Дамонъ кн. Андрей Михайлычъ Бѣло-сельской. Лизимонъ кн. Андрей Николаичъ Шербатовъ. Жеронтъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Маркизъ Делоретъ графъ Солюмъ, прусской министръ. Мелита графиня Анна Петровна Шереметева. Целианта графиня Дарья Петровна Чернышова. Финета (гр.) Наталья Петровна Чернышова. Маленькая пѣса была „les moeurs du temps“, т. е. испорченные нравы нынѣшняго вѣку. Дѣйствующія лица изъ тѣхъ же были, кои въ большой комедіи, выключая графа Николая Петровича и сестры его графини Варвары Петровны Шереметевыхъ, кои также въ маленькой пѣсѣ играли. Смотрителей было сто девять человекъ. Входили по билетамъ. Собирателемъ билетовъ былъ Его Сіятельство графъ Захаръ Григорычъ Чернышовъ; указательницею ложъ графиня Анна Александровна Чернышова, невѣстка его; директоромъ всего позорья графъ Иванъ Григорычъ Чернышовъ; директоромъ оркестру князь Петръ Никитичъ Трубецкой. Я былъ на оной комедіи; имѣлъ билетъ Его Высочества: также отъ графа Петра Борисовича и еще одинъ билетъ имѣлъ. Съ сего числа, по самое 13-е число, изволилъ Его Высочество кушать и во весь день забавляться въ опочивальнѣ. Одѣвался въ фракъ. За ушными прикладывали припарку. Забавы по большой части состояли въ разставкѣ по столу декораций. Читали Волтерева Задига всякой (день) по немногу. 7-го числа началъ Государь въ опочивальнѣ своей до обѣда и послѣ обѣда слегка учиться порядочно.

6. Воскресенье. Началась сырная недѣля. Его Высочество, какъ выше упомянуто, совсѣмъ изъ опочивальни выходить не изволилъ до 13 числа сего мѣсяца. Для публики на сей недѣлѣ ниже слѣдующія были увеселенія. Сего числа ввечеру была на большомъ придворномъ театрѣ дворянская комедія: „мнѣніемъ больной“. Входили по билетамъ. Дѣйствующія лица были: Арганъ Иванъ Ивановичъ Кропотовъ. Берадъ г. Титовъ, офицеръ гвардіи. Діафорій Александръ Андреечъ Волковъ. Фома Діафорій Василій Ильичъ Бибииковъ. Докторъ Пургюнь Волковъ меньшей. Аптекарь меньшей Бибииковъ. Женскія роли всѣ играли сестры Василя Ильича Бибиикова, выключая дочь Аргантову, которую представляла какая-то дѣвушка Ушакова. Балетъ былъ „Ацисъ и Галатея“. Танцовали все фрейлины и кавалеры. Роль Его Высочества, тожъ Именемъ, танцовалъ графъ Николай Петровичъ Шереметовъ. Маленькая пѣса была: „Филантропъ“. Филантропъ былъ Титовъ; жена его жену Филантропову представляла; кучера Александръ Волковъ игралъ очень хорошо.

7. Ввечеру французская комедія была: „surprise de la haine;“ маленькая пѣса „le triple mariage;“ балетъ Гранжеевъ.

8. Ничего для публики не было. У графа Петра Борисовича Шереметева маскарадъ былъ, гдѣ и Ея Императорское Величество присутствовать изволила. Тутъ всѣ были званые.

9. Ввечеру вышепоминутая-жъ дворянская комедія и тѣми же лицами была представлена. Балетъ былъ тотъ же, и маленькая пѣса та же. Передъ комедіей имѣлъ у Ея Величества аудіенцію Польскій Малаховской.

10. На придворномъ театрѣ ввечеру комедія была французская „le joueur“; маленькая пѣса „Arléquin Nula“; балетъ „Аполлонъ и Дафна“. По окончаніи по-

зорища, изволила Ея Величество поѣхать въ штегельманской дожь, къ графу Григорью Григорьевичу Орлову. Изволила тамъ кушать и забавляться разными играми.

11. Повѣстка была, чтобъ въ комедію съѣзжаться въ маскарадномъ платьѣ и оттуда, кто изволитъ, ѣхать въ маскарадъ къ Локателію, въ старой деревянной дворецъ. Оному маскараду положено продолжаться отъ сего вечера до воскресенья до утра. Съѣхались въ маскарадномъ платьѣ въ комедію. Комедіи была французская „l'homme du jour;“ балетъ новой Гринжеевъ со змією; вмѣсто маленькой піесы, комическая опера „on ne s'avise jamais de tout“. Послѣ зрѣнща, отужинавши у Его Высочества, поѣхалъ я въ маскарадъ. Тамъ, по приказу его, кланялся отъ него одному человѣку. Ея Величество изволила быть въ маскарадѣ, закрывшись въ мужской кофейной дѣмишѣ. Изволила ходить съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ и съ фрейлиной Анной Васильевной Паниной, ухватясь за руку. Встрѣчаячись со мною, раза два изволила мнѣ кланяться. Напоследокъ подозвала меня къ себѣ и болѣе получаса разговаривать и шутить изволила, не сказывая о себѣ; но нельзя Ея было не узнать, хотя я того и не показывалъ. Въ маскарадѣ тѣснота была ужасная.

12. Весь день, какъ упомянуто, маскарадъ продолжался. Государь сей день въ опочивальнѣ своей со мною забавляючись, изволилъ сочинять списокъ полкамъ. Назначивалъ къ нимъ полковниковъ изъ офицеровъ, коихъ знать онъ изволилъ. Въ число полковниковъ и самъ себя включить изволилъ, подъ именемъ Павла Романова, которое имя всегда присвоить себѣ изволилъ отъ высочиняной фамилии Романовыхъ, по большой части по моему внушенію и истолкованію. Надъ всѣмъ онымъ, въ воображеніи пребывающимъ, войскомъ, изволилъ учре-

дить меня шефомъ. Сей списокъ приложенъ при семъ въ подлинникѣ собственной руки Его Высочества ¹⁾.

13. Воскресенье. Государь одѣвшись, изволилъ ѣхать въ церковь. Вечеру изволилъ пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ стоятъ Кавалергарды. Ея Величество изволила тутъ присутствовать. Съ куртагу пошли въ театръ. Входили всѣ по билетамъ. Какъ Его Высочество совсѣмъ уже выздоровѣлъ и опухоль миновалась, то изволилъ онъ пойтить тудажъ. Была трагедія (русская) „Синавъ и Труворъ“. Играли благородные: Синавъ Иванъ Ивановичъ Кротова; Труворъ Петръ Ивановичъ Меллиссино. Гостомыслъ господинъ Титовъ. Ильмена жена госп. Титова: очень хорошо играла. Вѣстникъ Василій Ильичъ Бибииковъ. Пажъ артиллерійской кадетъ. Балетъ былъ прежней же „Адисъ и Галателъ“. Маленькая піеса была „Пустомеля“, сочиненія господина Лукина. Роль пустомели игралъ Василій Ильичъ Бибииковъ. Играть было графу Григорью Григорьевичу Орлову; но отѣвнилось, не знаю за чѣмъ. Смыль и кончилась честная масленица. Я думаю, что и кромя театру въ городѣ сего дня такихъ пустомель довольно было. Вино и молчаливова говорливымъ дѣлаетъ, а въ масленицу на Руси вино расходъ не малой.

14. Чистой понедѣльникъ. Его Высочество какъ сего дня такъ и во всю (сію) недѣлю одѣваться изволилъ въ обыкновенное время, кушалъ за большимъ столомъ, и учился каждой день. Въ среду и въ пятницу изволилъ быть въ церкви у прежде-освященной обѣдни. А подробно дней на сей недѣлѣ записывать не имѣлъ я времени; да не много и происходило примѣчанія достойнаго. Тишина была

¹⁾ Списокъ этотъ, напечатанъ въ числѣ прочихъ приложеній въ концѣ книги.

повсюдная. 17 числа послѣ обѣда стошнилось Его Высочеству. Раздѣлся онъ и легъ въ постель; заснулъ, и послѣ сна гораздо стало легче. Съяъ я подлѣ его постели. Читалъ Государю походы французскаго короля Людвига XV и смотрѣли мы съ нимъ въ оной книгѣ эстампы. Часу въ шестомъ изволилъ встать онъ съ постели. Пришолъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Показывалъ намъ Его Превосходительство картонную игру, берланъ называемую; Государь тотчасъ понялъ ее, и играли мы болѣе часа. Опочивать изволилъ Государь лечь въ десятомъ часу.

На другой день, то-есть 18 числа, изволилъ Государь одѣться какъ обыкновенно; учился и былъ у обѣдни. 19 число проведено такожь въ ученіи и въ разныхъ забавахъ. Ея Величество сего дня Святыхъ Таинъ приобщаться изволила. Часу въ двѣнадцатомъ ходилъ Государь на ту половину, поздравлять Ея Величество.

Обѣдалъ у насъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ и г. Салдернъ. Передъ обѣдомъ, рифмачъ Владимкинъ, надворной совѣтникъ съ Шарнасу поднесъ Его Высочеству поэму „на ложь и истину“, довольно вздорно сложенную. Послѣ обѣда, по ученіи, Его Высочество въ берланъ самъ-другъ со мною играть изволилъ. Потомъ на столѣ ставилъ бумажную крѣпость и около ея полки деревянные; одною половиною полковъ онъ изволилъ командовать, другіе у меня были, и дѣлали мы ими по столу разные контрамарши. Опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

20. Воскресенье. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Изволилъ пойтти въ церковь. По возвращеніи оттуда, была у Его Высочества аудіенція польскому министру Малаховскому. Подполковникъ Нартовъ под-

несъ Государю переводу своего книжку, называемую „Торжество Филозофіи“.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ и г. Аргамаковъ. Разговаривали сперва о межеваніи, которое разсмотрѣтъ вчерась поручено Его Превосходительству Петру Ивановичу съ нѣкоторыми другими; потомъ говорили о уложеніи и о законахъ; потомъ о легкихъ войскахъ нашихъ; о храбрости казаковъ и проч.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество разными своими увеселеніями. Подъ вечеръ зашла рѣчь о коронованіи Ея Величества; и какъ Его Высочество въ то время въ Москвѣ жестоко былъ боленъ, то изволилъ онъ приказать мнѣ, чтобъ я объ ономъ рассказалъ ему подробно; въ чемъ Его Высочество и былъ отъ меня удовольствованъ. Покушавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго. Куртагу сего дня не было.

21. Его Высочество изволилъ сего дня принимать лекарство. Одѣтъ былъ въ фракъ, и кушалъ одинъ въ опочивальнѣ. Ученіи сего дня не было. Государь забавлялся изволилъ, устанавливая картинки вмѣсто театральныхъ украшеній, и распоряжая полки свои, изъ деревянныхъ дощечекъ сдѣланные.

22. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Часу въ двѣнадцатомъ пришолъ къ Государю новой ордена Александра Невскаго кавалеръ генералъ-поручикъ Лачиновъ, которой на сихъ дняхъ на Воронежъ въ губернію свою отъѣзжаетъ. Его Высочество изволилъ къ нему выйтти въ желтую свою аудіенцъ-комнату. Разговаривалъ съ нимъ о состояніи воронежской губерніи; спрашивалъ, въ чемъ тамъ изобиліе, въ чемъ недостатокъ. Между тѣмъ ходилъ я на половину къ Государынѣ. Ея Величество изволила смотрѣтъ въ дальнихъ парадныхъ покояхъ поставленнаго своего

портрету, гдѣ Ея Величество на конѣ въ мужскомъ платьѣ представлена. Портретъ написанъ весьма сходно. Возвратясь оттуда, изволила Ея Величество во внутреннихъ своихъ покояхъ играть въ бильярдъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Оборотясь ко мнѣ, изволила улыбаячися сказать: а чаю, вамъ въ нынѣшнее время безъ маскараровъ и скушно. Знать что о послѣднемъ (маскарарѣ) изволила вспоминать, въ которомъ разговорѣ своимъ меня почтила. Пришедъ съ той половины за Его Превосходительствомъ Никитю Ивановичемъ, скоро сѣли мы за столъ.

Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, генералъ-поручикъ Лачиновъ и Василій Евдокимичъ Адагуровъ. Разговаривали о путешествіяхъ подъ линією, о новопріѣзжемъ французскомъ полковникѣ Конфлансѣ, о вступившемъ было въ службу нашу контръ-адмиралѣ Дулгасѣ, которой недавно въ отечество свое Англію возвратился и нашу службу оставилъ и проч.

Вставши изъ за стола, часу въ четвертомъ изволилъ Государь сѣсть за свои ученія. Часу въ шестомъ пришло къ намъ отъ Никиты Ивановича графъ Иванъ Григорьевичъ, и началось у насъ засѣданіе комнатной Адмиралтействъ-Коллегіи. Чтѣ она такое, и чтѣ значать оныя засѣданія, о томъ гдѣ нибудь ниже опишу обстоятельно. Въ исходѣ седьмого часу пришло къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. При немъ такожь съ четверть часа (еще) присутствіе у насъ продолжалось. Пошли потомъ на половину къ Ея Величеству. Государыня въ бильярдной комнатѣ изволила играть въ ломберъ съ генералами кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Въ началѣ девятаго часу возвратился Его Высочество къ себѣ. Откушавши, легъ опочивать, десятаго часу было тридцать пять минутъ.

23. Государь изволилъ встать въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, учился. Передъ обѣдомъ пришло къ намъ графъ Захаръ Григорьевичъ. Сказывалъ о будущемъ сего году кампementѣ подъ Петербургомъ. Около сорока тысячъ въ лагерь будетъ. Станутъ дѣлать различныя военныя движенія. Съ одной стороны сама Ея Величество командовать изволилъ: надъ первую ея дивизію будетъ фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ; надъ вторую генералъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Съ другой стороны командовать будетъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ. Армія его представлять будетъ неприятельскую армію. Кырасирской Его Высочества полкъ будетъ въ дивизіи князя Александра Михайловича.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьевичъ и Григорій Николаичъ Тепловъ. Разговаривали по большей части о медицинскомъ здѣшнемъ факультетѣ, также и о медицинской Коллегіи, особливо о ея президентѣ: нельзя сказать, чтобъ съ похвалами. У Его Превосходительства Никиты Ивановича съ Тепловымъ превеликой споръ былъ, въ армію докторовъ медицинской-ли Коллегіи опредѣлять по своему благоизобрѣтенію, или давать того, котораго командующій дивизією генералъ требовать будетъ; также должны ли медицинская Коллегія смѣнять докторовъ и опредѣлять другихъ по требованіямъ генеральскимъ, хотябъ она сама того за нужное и не признавала. Никита Ивановичъ и графъ Захаръ Григорьевичъ были того мѣнѣя, что все оное оставлено быть должно на попеченіе и разсмотрѣніе командующаго генерала. Григорій Николаичъ былъ противныхъ мыслей. За столомъ приказалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ послать на конюшню, чтобъ были кареты для выходу Его Высочества. День сегодни былъ прекрасной. Какъ скоро выговорилъ Никита Ивановичъ, чтобъ бы-

ли кареты, то у Ею Высочества особливая на лицѣ веселость изобразилась и заиграла радостной румянецъ. Для сей причины, какъ разговоръ о Медицинѣ нѣсколько продолжался, изволилъ онъ сказать Никитѣ Ивановичу: вить вы севодни всево курсу медицины не пройдетежъ; такъ не лучше-ли до другога дни оставить.

Вставши изъ за стола, скоро мы поѣхали. Ѣздили до самаго Катерингофа. Возвратились уже въ шестомъ часу. Ею Высочество усталъ очень. Приказалъ подать себѣ чаю съ молокомъ и съ сахарями. Послѣ обѣда сего дни уже не учился. Часу въ осьмомъ изволилъ ходить къ Государынѣ въ самые внутренне покон; потому что Ея Величество въ бильярдную комнату выходить не изволила. Возвратясь отъ Государыни, изволилъ Ею Высочество читать французскія вѣдомости. Ужинать сего дни не изволилъ; не было апетиту. Опочивать легъ въ девять часовъ.

24. Ею Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Какъ маршировалъ мимо караулъ гвардіи, и Государь изволилъ увидѣть офицера Лунина, то сказалъ о немъ: что это значитъ, иногда вижу я ево въ прапорщичьемъ мѣстѣ, а иногда въ подпорутческомъ; онъ починамъ-та ѣдитъ. Часу въ двѣнадцатомъ спросилъ у меня Ею Высочество, не помню-ли я, котораго числа онъ пожалованъ генераль-адмираломъ, и приказалъ мнѣ прислать данной о томъ указъ Сенату въ печатной указной книгѣ. И какъ я тамъ онаго указу не нашолъ, то гнѣвался Государь, для чего онъ не внесенъ туда. Передъ обѣдомъ изволилъ Ею Высочество ходить со мною въ парадныя свои комнаты, смотрѣть принесеннаго изъ лѣтняго дворца корабля. Оной корабль принесенъ былъ на рукахъ, Ею Высочества гребцами. Гребцы всѣ ребята видны, и Государь весь

ма любовался ими. Не оставилъ я присоединить къ тому и свои похвалы, дабы Ею Высочеству съ хорошей стороны представить народъ російской.

Сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ одинъ только гость Карлъ Федоровичъ Крузъ. За столомъ очень тихо было. Никита Ивановичъ съ Крузомъ разговаривалъ только по большой части о домашнихъ обстоятельствахъ и о болѣзняхъ.

Послѣ обѣда попрыгаючи, изволилъ Ею Высочество сѣсть учиться. У меня изрядно учился; въ томъ только неудовольствіе мое состояло, что не съ довольнымъ вниманіемъ входилъ въ предлагаемыя заданія. Сего дни пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ. Вечеру назначено ему было видѣть Ея Императорское Величество. Ею Высочество изволилъ отерываться мнѣ, что онъ опасается, чтобъ не удержали его долго за тѣмъ у Государыни, какъ ийти туда изволилъ; что быть тамъ ему скучно и принужденно, и что принужденіе такое ему несносно. Въ семь не оставилъ я, чтобъ не дать Государю надлежащаго увѣщанія. Послѣ ученья, захотѣлось Ею Высочеству читать русскую трагедію „Синавъ и Труворъ.“ Не нашли мы ея въ его библиотекѣ. Послалъ я къ фрейлинамъ Аннѣ Алексѣевнѣ Хитровой, къ Елисаветѣ Николаевнѣ и къ Вѣрѣ Николаевнѣ Чоголовымъ; тамъ трагедіи не скажи. Проговорилъ и только оттуда Государю нѣкоторыя стихи наизусть, кои могъ упомянуть. Въ началѣ осьмага часу пошли мы къ Государынѣ Ея Величество въ бильярдную комнату выходить не изволила. Канцлеръ былъ уже у Государыни и уѣхалъ. Въ самые внутренне покон указала послать къ себѣ графа Захара Григорыча Чернышова, Петра Ивановича Нарышкина, Семена Бирюковича Нарышкина, генерала князь Александру Михайловича Голицына и князь Якова Петровича Шаховскаго. Ею Высочество, побывши тамъ не съ большимъ часъ, возвратился къ себѣ.

Сѣли мы за столъ. Разсказывалъ Государь, что онъ сего дня отъ Ея Величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбой въ московской губерніи одинъ дворянинъ, за кониъ душь овило четырехъ сотъ было. Оной дворянинъ былъ въ отпуску изъ службы, просрочилъ долго, въ полку не смѣлъ явиться и пошелъ въ разбой. Разговаривали мы потомъ вообще о разбойникахъ и о ихъ злодѣйствахъ. Вставши изъ за стола, въ половинѣ десятаго часу легъ Государь опочивать.

25. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. За чаемъ изволилъ разговаривать со мною о графахъ Разумовскихъ и о роднѣ ихъ; о бывшемъ ихъ случаѣ во владѣніе Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны. Во время убирания волосовъ читалъ я Государю въ новопереведенной на руссiйской языкѣ книгѣ господина Шюффена „о житіяхъ славныхъ государей и великихъ полководцевъ“ изображение Дюка Бургонскаго. Въ ономъ изображеніи описаны обстоятельно нравъ, душевныя качества, привычки и упражненія сего Дюка. Государь изволилъ слушать съ крайнимъ вниманіемъ, и вездѣ старался на себя апликацію дѣлать. Какъ началъ я его умывать, и онъ нѣсколько заупрямился (не захотѣлось въ ухахъ у себя давать вычистить), то тотчасъ сказалъ я тутъ Его Высочеству: „Бургонской Дюкъ конечно уже такъ неупрямился.“ Сіе присоединяя къ твердости, съ какою я сталъ въ происходящемъ у насъ дѣлѣ, принудило Государя къ повинности. Не хотѣлося мнѣ, чтобъ онъ на своемъ поставилъ изъ одного только своеправія. Одѣвшись, забавлялся со мною Его Высочество очень долго въ желтой комнатѣ, и какъ я поѣхалъ домой, то проводилъ меня и отпустилъ съ крайнимъ лобзаніемъ. Одѣвшись и сѣздя къ генералу фельдцейгмейстеру Вильбуа съ порученною мнѣ отъ Его Превосходительства Никиты Ивановича ко-

миссією, пріѣхалъ я обѣдать къ Его Высочеству.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только г. Салдернъ и Эпинусъ. Никита Ивановичъ по большой части былъ задумчивъ, и до пространныхъ разговоровъ за столомъ не доходило. Говорили только о графѣ Александрѣ Сергѣичѣ Строгановѣ, въ какомъ онъ теперь смущеніи, что графиня Анна Михайловна возвратилась. Вчерась о томъ же говорили, и для того сказалъ Государь: мнѣ кажется теперь это la nouvelle du jour.

Откушавши, изволилъ Его Высочество ходить въ билиардную. Тамъ играли мы въ билиардъ двѣ партіи. Часу въ четвертомъ сѣлъ Государь за обыкновенныя свои ученія. Вечеру приходилъ къ нему графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ; онъ сего дня лишь пріѣхалъ изъ деревни своей Ропши. Сказывалъ, какъ онъ тамъ убилъ медвѣдя, и принялъ его самъ на рогатину, и какъ самъ загоналъ лисицу. Отужинавши, легъ Государь опочивать въ половинѣ десятаго часу.

26. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученья, приказалъ принести карту дороги отсюда до Москвы и оную разсматривалъ.

За столомъ у насъ сего дня изъ постороннихъ никого не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ таже тутъ не кушалъ; поѣхалъ провожать Ея Сіятельство княгиню Катерину Романовну, которая сего дня въ Москву отъѣзжала.

Откушавши, въ четвертомъ часу сѣлъ Государь учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья изволилъ точить и потомъ разговаривать со мною о рудокобахъ и о землетрясеніи. Подъ снѣгъ и небольшая нѣкоторая аллегорія заключалась. Вечеру ходилъ Государь на половину къ Ея Величеству. Государыня въ билиардной комнатѣ въ ломберъ итратъ изволила. Побывши тамъ, возвратился

Его Высочество въ себя въ девятомъ часу. Съѣлъ кушать. Отужинавши, опочивать легъ, было десятого часу двадцать восемь минутъ.

27. Воскресенье. Одѣвшись, позволилъ Его Высочество читать Священное Писаніе съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ. Часу въ двѣнадцатомъ пошли въ церковь. По окончаніи обѣдни, сказывалъ Его Преподобіе Отець Платонъ проповѣдь: „о побѣжденіи страстей.“ Изъ церкви проводя Ея Величество во внутренніе покои, я побывъ тамъ очень недолго, изволилъ Его Высочество возвратиться къ себѣ. Передъ обѣдомъ Тимофей Ивановичъ, г. Остервальдъ и Карлъ Федоровичъ Крузь играли партію въ шахматы. Великій Князь изволилъ поставить рубль за Остервальда, а я другой рубль поставилъ за Круза. Крузь выигралъ, и оба рубля мнѣ достались.

Сѣли мы за столъ. Передъ обѣдомъ имѣлъ у Его Высочества аудіенцію графъ Ржеутской. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ князь Сергій Васильевичъ Гагаринъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Иванъ Ивановичъ Кропотовъ. Говорили по большей части о дѣлахъ конюшенныхъ и о дѣлѣ Строганова съ женою. Его Превосходительство Никита Ивановичъ въ обоихъ сихъ толь разнаго роду разговорахъ очень много сатириствовалъ. Какъ дошла рѣчь до оберъ-штабмейстера князя Петра Ивановича, и Никита Ивановичъ спросилъ у князя Гагарина, любятъ-ли онъ его, то Его Высочество тотчасъ, вмѣсто князя Гагарина, Никитѣ Ивановичу отвѣтствовалъ: онъ сударь князя Петра Ивановича любитъ, да оберъ-штабмейстера не любитъ, подастъ вамъ знать, что онъ команды никакой терпѣть надъ собою не можетъ. И для того смѣячися называлъ (его) Его Превосходительство Никита Ивановичъ республиканцомъ, бунтовщикомъ, и говорилъ, что естлибъ можно было, тобъ и

Государини онъ не слушался, что уже сжавъ сердце Ей повинуется. Сему очень много смѣялись. Великій Князь изволилъ между прочимъ сказать въ тому: мнѣ кажется, кто повиноваться не можетъ, тотъ и повѣлывать не умѣеть.

Послѣ обѣда часу въ третьемъ въ исходѣ поѣхали мы прогуливаться. Ѣздили на Лптейную. Въ каретѣ Его Высочество по большей части сидѣлъ тихо. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ со мною о строеніяхъ, также разсуждалъ о разныхъ путяхъ, кои люди доходятъ до благополучной жизни. Возвратясь, накушался Государь чаю. Принесли къ нему собачку его Филлидора, которая была отдана на воспитаніе егерю. Долго забавлялся съ нею Его Высочество. Бросалъ поноску, и заставлялъ сидѣть ее. Въ началѣ осьмага часу изволилъ пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ безъ музыки, въ той комнатѣ, гдѣ стоятъ на часахъ Кавалергарды. Ея Величество, какъ обыкновенно, изволила играть въ пикетъ. Его Высочество разговаривалъ по большей части съ шанскимъ министромъ графомъ Герейріа, съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, съ генералъ-фельдцеймистеромъ Вильбоа и съ Семеномъ Ивановичемъ Мордвиновымъ. Ея Величество Никитѣ Ивановичу говорить позволила, что она будущимъ лѣтомъ намѣрена проѣхать ладожскимъ каналомъ и вверхъ по рѣкѣ Волхову, приговля къ тому: „c'est très nécessaire, plus nécessaire que vous ne vous imaginez peut-être; car nous radotons furieusement.“ Сіе послѣднее разумѣлось, думаю я, о фельдмаршалѣ Мнинхѣ. Волховскіе пороги подъ его смотрѣніемъ. Куртагъ кончился въ началѣ десятого часу. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество съѣсть ужинать. Говорили мы о бывшемъ кавалерскомъ зрѣлщѣ, о Ильменѣ, какъ хорошо она представляла, и какъ дурно напротивъ того игралъ Иванъ Ивановичъ Кропотовъ. Еще, между прочимъ, позволилъ мнѣ

сказывать Его Высочество, какъ ему нѣкто указывалъ на одного морскаго чело-вѣка, которой иногда имѣеть честь быть при столѣ Его Высочества, и будто со всякаго блюда, какъ бы далеко оно ни стояло, громкимъ голосомъ просить: слушай ка ты, братецъ, отрѣжь мнѣ по жалуй цы пленочка-та, а какъ станутъ рѣзать, то будто онъ громчае еще прежняго загромчить: не тутъ, не тутъ, крылышка-та мнѣ по жалуй. Извинялъ я его и заглаживалъ сколько могъ передъ Его Высочествомъ. Говорилъ при томъ, чтобъ Его Высочество иногда и въ глаза не сказалъ тово сему господину, (что) онъ тѣмъ весьма будетъ опечаленъ. Откушавши, попрыгалъ Государь, и очень былъ веселъ. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

23. Государь изволилъ встать въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись сѣлъ за обыкновенными свои ученія. Послѣ ученья точить изволилъ.

Сѣлъ за столъ. Изъ чужихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большей части былъ задумчивъ, и разговаривалъ не много.

Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ пришло къ Его Высочеству Иванъ Ивановичъ Бедькой сказать, что Ея Величество скоро садиться въ карету и въ Сарское село отбыть изволить. Послалъ Государь за Его Превосходительствомъ Никитомъ Ивановичемъ. Дождавшись его, пошли мы къ Ея Величеству; побили тамъ съ полчаса времени. Государыня изволила отбыть въ Сарское село, а Великой Князь возвратился въ свои покои. Сѣлъ учиться. У меня сего дня весьма хорошо учился. Послѣ ученья изволилъ онъ разсматривать со мною подробно карту дороги отсюда до Москвы и вспоминать гдѣ мы въ послѣдней прѣздѣ какъ время препровождали. Читалъ я Его Высочеству Вертотову Исторію объ Орденѣ Мальтійскихъ кавалеровъ. Изволилъ онъ потомъ забавляться, и привя-

завъ къ кавалеріи своей флагъ адмиральской представлять себя кавалеромъ Мальтійскимъ. Въ девятомъ часу сѣли мы ужинать. Разговаривали о Москвѣ и о драматическихъ представленіяхъ. Хотѣли было изъ за стола уже вставать, какъ не помню кто-то изъ насъ попросилъ масла и сыру. Великой Князь, осердасъ тутъ на тафельдевера, сказалъ: для чего прежде не ставите? и потомъ оборотасъ къ намъ: это они все для себя вору ютъ. Вооружились мы всѣ на Его Высочество и говорили ему по французски, какъ дурно оскорблять такімъ словомъ челоуѣка, о которомъ онъ конечно заподлинно знать не можетъ, виновать ли онъ или нѣтъ. Вставши изъ за стола продолжалася сія проповѣдь. Госп. Остервальдъ и я говорили Его Высочеству весьма сильно, какъ дуренъ оной поступокъ былъ, и какъ онъ тѣмъ у людей въ ненависть привести себя можетъ. Признавался онъ въ томъ и расканывался. Зашла по семъ рѣчь о трудахъ, въ коихъ Государю обращаться всегда должно. Его Высочество между прочимъ молвилъ тутъ: чтожь, витъ Государю-та не все-таки трудиться. Онъ не лошадь, надобно и отдыхъ, такъ же иногда и свои увеселенія. На сіе говорилъ и Великому Князю, „что никто того не потребуетъ, чтобъ государь никогда не имѣлъ отдохновенія, и для того, что сіе сверхъ челоуѣчества, а государь такой же челоуѣкъ, какъ и прочіе; только, что онъ возвышенъ отъ Бога въ сіе достоинство не для себя, а для народа; что для того безпрестанно пешись и стараться долженъ всѣми силами о народномъ благосостояніи и просвѣщеніи; что увеселенія и удовольствія его въ томъ состоять должны, что онъ вѣдаетъ и представляетъ себѣ живо, какое множество его подданныхъ отъ его трудовъ и попеченій наслаждаются благополучіями и неисчетными довольствами, и государство цвѣтущимъ своимъ состояніемъ, въ которое отъ его трудовъ приходитъ, сохраняетъ имя его

съ праведною славою до позднѣйшаго потомства." Сія суть точныя слова, которыми говорилъ я Его Высочеству. Служалъ онъ ихъ весьма внимательно. Въ десятомъ часу какъ камердинеры за ужинной позасидѣлись, а Государю опочивать позахотѣлось, дошло было до слезъ, слѣдовательно и до ссоры. Со всѣмъ тѣмъ легъ опочивать въ исходѣ десятаго часу.

МАРТЪ.

1. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Какъ одѣвшись вышелъ въ учительную комнату, и пріѣхалъ я, то показывалъ я Государю сочиненія господина Буало съ эстампами, и потомъ чертежи, кои меньшая сестра моя чертила, и которые я получилъ недавно съ пріѣхавшимъ изъ Сибири братомъ своимъ. Чертежи Его Высочеству весьма понравились; изволилъ хвалить ихъ, и послѣ многихъ показывать. Въ десять часовъ сѣлъ Государь Цесаревичъ за свои ученія. Приходилъ между тѣмъ Иванъ Перфильичъ Елагинъ прощаться. Отъѣзжалъ онъ въ Сарское село. Его Высочество спросилъ его: скоро ли вы ѣдете? И какъ Иванъ Перфильичъ отвѣтствовалъ, что зайдетъ только къ Никитѣ Ивановичу взять отъ него нѣсколько бумажекъ, и потомъ тотчасъ поѣдетъ, то сказалъ Государь: конечно Никита Ивановичъ бумаги для того даетъ вамъ, чтобы прибавить грузу, чтобы вы дорогой не перепрокинулись. Разговорились тутъ о опредѣленномъ отъ Ея Величества пенсіонѣ для бѣдныхъ. И какъ сказалъ Иванъ Перфильичъ, что онаго положено сто тысячъ, то Государь изволилъ было сказать сперва: вуды какъ много; но потомъ какъ изяснено о государственныхъ доходахъ и о множествѣ бѣдныхъ офицеровъ, сиротъ и вдовъ, то изволилъ войти въ дѣло и согласиться, что не худо опредѣлять по столбу пенсіону или бѣ и болѣе. Отгла-

нился Иванъ Перфильичъ, и Его Высочество продолжалъ свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ точить. Пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ Григорьевичъ Разумовской, которой недавно изъ Москвы пріѣхалъ, свойственникъ Кирилы Григорьевича камергеръ Михайло Власыичъ Будянской, пріѣхавшей недавно изъ чужихъ краевъ, бывшей въ Москвѣ въ Павловской больницѣ докторъ г. Леклеръ и Григорій Николаичъ Тепловъ.

Спусти нѣсколько времени были (сѣли) за столъ. Всѣ оные у насъ обѣдали. До разговоровъ примѣчанія достойныхъ со всѣмъ почти не доходило.

Вставши изъ за стола, сказывалъ Григорій Николаичъ Тепловъ о Салтыковѣ, которой прежде отъ Ивана Ивановича Шувалова посланъ былъ къ Волтеру, а потомъ былъ у Григорья Николаича. Объ ономъ Салтыковѣ сказывалъ онъ, что нынѣ отъ себя его отбросилъ, за дурнымъ его поведеніемъ. Тутъ зашла рѣчь о путешествіяхъ, что иные путешествуя, небо только переменяютъ, а разума и нравовъ своихъ не переменяютъ. Его Высочеству сравненіе сіе понравилось. Отвѣлъ онъ Григорья Николаича Теплова и меня, и изволилъ забавляясь съ часъ времени спрашивать то про того, то про инаго, переменяли-ли онъ путешествуя и разумъ свой, такъ какъ переменялъ небо. Много смыскалося такихъ, кои путешествуя, небо только переменяли, а разума своего не просвѣтили, ничему не научились, и ничего не примѣтили. Произошло отъ сего и общее у насъ разсужденіе о путешествіяхъ. Въ четвертомъ часу сѣлъ Государь за свои ученія. По окончаніи оныхъ, читалъ я Его Высочеству въ Боаловыхъ сочиненіяхъ третью и десятую сатиры. Въ семъ упражненіи напечатъ насъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Приятно то ему было, сколько могъ (я примѣтитъ. Изволилъ онъ) сѣсть самъ, и читать въ оной же книгѣ

одну изъ одъ господина Боало. Подали между тѣмъ карты. По окончаніи чтенія, стали мы играть въ берлявъ. Играло насъ пятеро: Его Высочество, Никита Ивановичъ, г. Остервальдъ, маленькой князь Куракинъ и я Пулю выиграть Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Въ девятомъ часу сѣли мы ужинать. Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ. За столомъ очень веселье былъ Его Высочество. Откушавши, изволилъ играть партію въ шахматы съ маленькимъ вн. Александромъ Борисовичемъ. Опочивать положилъ я Великаго Князя въ исходѣ десятого часу.

2. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ изволилъ приближать ко мнѣ, очень веселье былъ, дѣловалъ меня и попрыгивалъ. Пошли мы пить чаю. За чаемъ разговаривали, между прочимъ, о происхожденіи здѣшнихъ фамилій, и я изъяснилъ Его Высочеству объ ономъ, сколько мнѣ слышать и читать случилось. Потомъ разговорились мы о лавей Его Высочества Полянскомъ, котораго Государь, жалю предъ прочими, намѣренъ давно выпросить въ офицеры. Свѣтовалъ я Его Высочеству, чтобъ приказалъ кликнуть Полянского, и изволилъ самъ сказать ему о томъ, а при томъ спросить, куды онъ опредѣленъ быть желаетъ. Согласился на то Государь Цесаревичъ. Велѣлъ я послать Полянского, и положили, чтобъ его, по пожалованіи офицеромъ, выпросить въ кому нибудь изъ генераловъ въ адъютанты. Во время уборяны волосовъ, читалъ я Государю Боалоу героикомическую поэму, называемую: Lutrin т. е. „Напой“. Его Высочество весьма забавлялся симъ чтеніемъ. Убравшись, изволилъ выйтти со мною въ желтую комнату. Попрыгаючи изволилъ тамъ много разговаривать со мною, и повѣрять всѣ свои тайства (тайны). Въ десять часовъ изволилъ сѣсть за свое ученіе. Послѣ ученья точилъ, и устанавливалъ въ строй шахматы.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у своего брата.

Послѣ обѣда учился Государь, какъ обыкновенно. У меня весьма хорошо дѣло свое сдѣлалъ. Часу въ пятомъ приходилъ къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Тутъ между прочимъ опять возобновилась матерія о геометріи. Г. Остервальдъ говорилъ, что Эпинусъ намѣренъ съ Его Высочествомъ начать оную науку. У меня уже написана она, и я представлялъ о томъ Никитѣ Ивановичу. Приказалъ Его Превосходительство, чтобъ я къ г. Эпинусу съѣздилъ, сказалъ ему о томъ его имянемъ, и на всегда бы съ нимъ постановилъ, какимъ порядкомъ впредь у насъ пойдетъ Его Высочества математическое ученіе. Ѣздилъ я къ г. Эпинусу, былъ у него часа съ два, и постановилъ слѣдующій порядокъ: по окончаніи ариметики, буду я предлагать Государю Великому Князю геометрію теоретическую и практическую, потомъ фортификацію и артиллерію, и начальныя основанія механики и гидростатики, наконецъ генеральныя правила о галтиѣ. Господинъ Эпинусъ мнѣ проходитъ будетъ съ Великимъ Княземъ физику, независимо отъ математики; какъ же скоро отъ меня свѣдаетъ, что Его Высочество довольно уже твердъ въ геометріи, то начнетъ съ нимъ математическую часть физики, пространную механику, правила оптики и астрономіи, основываясь на моей геометріи. При томъ г. Эпинусъ покажетъ Его Высочеству и алгебру. Сіе пересказалъ я и Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу и онъ весьма похваля, а пробовать изволилъ все оное сіе расположеніе. Вечеру изволилъ Его Высочество играть въ берлявъ. Часовъ въ восемь началъ Великой Князь очень часто цѣлѣваться и жаловаться головою. Никита Ивановичъ приказалъ подать ему чашку чаю съ лимономъ; потомъ раздѣли Его Высочество и положили опочивать. Часъ былъ въ половинѣ девятой.

3. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ, и ни чѣмъ не жаловался. Одѣвшись учился по обыкновенному.

За обѣдомъ изъ постороннихъ никого у насъ сего дня не было, кромѣ дежурнаго гвардіи майора Любима Артемьича Челищева. Его Превосходительство Никита Ивановичъ ѣздилъ въ Ея Величеству въ Сарское село съ дѣлами. Въ четвертомъ часу по полудни сѣлъ Государь за свои ученія. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученія, изволилъ смотрѣть книгу „le temple des Muses“. Между тѣмъ ѣздилъ я заказывать для Его Высочества въ будущему кампенту разные кирасирскіе прѣборы. Какъ прѣехалъ я назадъ, сѣли мы играть въ берланъ. Играло насъ пятеро. Его Высочество, Тимофей Ивановичъ Остервальдъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинской, Петръ Ивановичъ Пастуховъ и я. Пулю я выигралъ. Послѣ игры разговорились мы о стихотворствѣ. При семь случаѣ много говорили о Ломоносовѣ, о Валлерѣ и о Гинтерѣ. Сѣли мы ужинать. За столомъ говорили о кузнецахъ, о столерахъ, о кучерахъ и о иныхъ ремесленникахъ, и о ихъ жизни. О купцахъ такожь разсужденіе у насъ было. Послѣ ужина говорили мы о балетахъ, и особливо о Нейвидеомъ; также и о комедіантахъ французскаго театру, прежнихъ и нынѣшнихъ. Десятаго часу было сорокъ минутъ, какъ Его Высочество опочивать легъ.

4. Государь встать изволилъ въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ приходилъ къ намъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Съ нимъ взадъ да впередъ въ жолтой комнатѣ разхаживая, разговаривалъ Его Высочество о лагерѣ и о кавалерійской службѣ. Уѣхалъ графъ Иванъ Петровичъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Иностранной Коллегіи членъ Иванъ Осиповичъ Пуговишниковъ, князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ, которой нынѣ

пожалованъ въ Москву сенаторомъ и Коллегіи Экономіи президентомъ на мѣсто покойнаго князя Бориса Александровича Куракина, и еще гвардіи майоръ князь Матвѣй Алексѣевичъ Гагаринъ. За столомъ разговаривали по большой части о рыбной ловлѣ и о другихъ дѣлахъ экономическихъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ пошутилъ нѣсколько надъ князь Сергѣемъ Васильичемъ.

Послѣ обѣда учился Его Высочество, какъ обыкновенно. По окончаніи ученія забавлялся, привѣся къ кавалеріи своей флагъ адмиральской. Представилъ себя посломъ Мальтійскимъ, и говорилъ передъ маленькимъ княземъ Куракинымъ рѣчь; потомъ игралъ съ нимъ въ шахматы. Послѣ ужина изволилъ лечь опочивать около половины десятаго часу.

5. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обычно. Послѣ ученія изволилъ играть въ билиардъ à la guette. Пулю онъ выигралъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. Разсужденіе было о разности климатовъ и о преимуществѣ сѣверныхъ нашихъ странъ предъ жаркими полуденными. Говорили тутъ о заразительныхъ язвахъ и о множествѣ ядовитыхъ гадинъ, кои въ жаркомъ полѣсѣ господствуютъ. Его Высочество приставалъ такожь къ разсужденіямъ и противъ тѣхъ, кои съ восхищеніемъ о полудни говорили, твердо защищая востокъ и сѣверъ.

Послѣ обѣда позабавясь, сѣлъ Государь за свои ученія. У меня весьма хорошо учился. Вечеру ходили мы на половину къ Государынѣ. Ея Величество въ билиардную комнату выходитъ не изволила. Государь Цесаревичъ былъ у Ея Величества въ опочивальнѣ, и получилъ отъ Нея сего дня въ подарокъ картину, гдѣ на тафтѣ нарисована и вырѣзана маленькая собачка. Возвратясь къ себѣ, скоро изволилъ Его Высочество сѣсть

кушать. За столомъ по большой части разговаривали мы о здѣшнемъ строеніи, какъ оно положено дѣлать по новому плану, и въ какихъ мѣстахъ; какія будутъ съ домовъ полицейскія подати, и сколько дома хозяевамъ своимъ могутъ приносить прибыли. Я покушался было тутъ брать себѣ мѣсто для дому, но только одно находилъ препятствіе, что строиться не чѣмъ. Вставши изъ за стола изволилъ Государь долго разговаривать со мною о полку своемъ кирасирскомъ и вообще о военной службѣ. Донесилъ я Его Высочеству, сколько по новому штату кирасирской полковникъ какого прибора имѣть и сколько заводныхъ лошадей содержать должны. Забавлялся онъ и изволилъ говорить, что не имѣя столько у себя заводныхъ лошадей, сколько положено по штату, принужденъ онъ будетъ взять извоичныхъ, и накрыть мундирными поповами. О лошади своей шутить изволилъ, что какъ она не той шерсти, какія въ полку Его Высочества, то прикажетъ ее подъ тотъ цвѣтъ выкрасить. Государь сего вечера очень былъ веселъ. Опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

6. (Воскресенье). Его Высочество проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Въ двѣнадцатомъ часу изволилъ пойтить въ церковь. Послѣ обѣдни, проводя Ея Величество во внутренніе покои, возвратился къ себѣ. Забавлялся съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ и съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. По утру откланивался у Его Высочества генераль-фельдцейхмейстеръ Вильбоа, которой на годъ уволенъ въ отпускъ. Переводу г. Козельскаго книга «жизніе генераловъ», сочиненное г. Шофеномъ поднесена сего дни.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только флота генераль-интендантъ Кутузовъ. Съ нимъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ раз-

говаривалъ о нѣкоторыхъ морскихъ учрежденіяхъ.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество, по сдѣланнымъ на паркѣ звѣздамъ съ одной на другую перепрыгивая, и представляя себѣ, что между ими мѣста болотныя. Въ исходѣ седьмага часу изволилъ Государь пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды, безъ музыки. Ея Величество изволила тутъ присутствовать, и играть въ пикетъ. Его Высочество стоялъ подлѣ стола, гдѣ игра была. Изволилъ между тѣмъ разговаривать съ испанскимъ министромъ графомъ Герейриа, съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, котораго просилъ Государь, чтобъ завтра пріѣхалъ къ нему обѣдать. Никита Ивановичъ на куртагѣ по большой части говорилъ особо съ даднимъ министромъ графомъ Остенюмъ. Куртагъ кончился въ началѣ девятаго часу. Возвратясь къ себѣ, скоро изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. За столомъ разговаривали мы о проказахъ и похожденияхъ нѣкоего Италіянца Казаново. Послѣ ужина изволилъ Его Высочество съ маленькимъ княземъ Куракянскимъ играть въ шашки, въ волки. Опочивать положилъ я его въ половинѣ десятаго часу.

7. Государь проснуться изволилъ въ началѣ осьмага часу. Надѣвши плафрокъ и туфли, изволилъ войтить ко мнѣ въ учительную свою комнату, и попрыгавши и поваляясь на моей постелѣ, звалъ меня пить чаю. За чаемъ изволилъ онъ меня о многихъ спрашивать, каково они разуму и какихъ способностей люди. Между прочими спрашивалъ и о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, котораго хвалилъ я, сколько хвалить можно, зная его доброе сердце и другія изрядныя качества. Убравши волосы, обло-

журналъ за июль 1786 г. и озаглавлена: «Домовая Записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ, исцѣляющихъ отъ оной, подъ псевдонимомъ Правдубаевъ».

Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, изд. по поруч. Импер. рус. истор. общ. Я. Гротомъ. Спб. 1880. 439 стр. Ц. 2 р.

Сношенія Гримма съ импер. Екатериною начались съ 1764 г. (Гротъ, Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Спб. 1879, стр. 8, по государ. архиву). Онъ сталъ присылать ей свою литературную корреспонденцію, которою она осталась очень довольна и просила продолжать ее. Повидному эти отношенія завязались при участіи Жооеренъ (письма Екатерины къ Жооеренъ, Сборн. рус. ист. общ. I, 271). Въ своей запискѣ о сношеніяхъ съ Екатериною II (ibid. II), Гриммъ ведетъ разсказъ только съ 1773, т. е. со времени пріѣзда своего въ Россію. Въ 1877 г., подъ редакцію г. Грота, были издааны уже тѣмъ же обществомъ письма Екатерины къ Гримму (т. XXIII). Появившіяся теперь письма Гримма большею частію даже не предвидались тогда, такъ какъ онѣ только потомъ были отысканы въ Госуд. архивѣ. Небольшое количество ихъ было найдено П. И. Бартеневымъ въ Воронц. Архивѣ и передано въ общество. Изъ этихъ двухъ коллекцій и составилось настоящее изданіе—весьма важное какъ дополненіе къ напечатаннымъ прежде письмамъ императрицы, безъ котораго нельзя было бы вполне понять самаго характера этой переписки. Гриммъ былъ дорогъ Екатеринѣ какъ чрезвычайно умный, искусный комиссіонеръ: это человекъ практической, смысленный, свѣдущій, представляющій рѣдкое соединеніе самаго изящнаго француза съ глубокомысленнымъ нѣмцемъ (какимъ онъ былъ по рожденію), довѣренный наперсникъ всѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, пламенный ревнитель всѣхъ интересовъ русской императрицы. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ, посреди самыхъ разнообразныхъ интересовъ, постоянно занимаетъ ее только однимъ... именно ею самою. Таковъ общій характеръ его писемъ. Только къ г-жѣ Бельке и къ Гримму Екатерина писала прямо начисто, съ полною откровенностію, и потому такъ хлопотала, чтобы ея письма къ нему не попали въ чужія руки. Многія изъ его писемъ имѣ-

ютъ характеръ обширныхъ докладовъ о всемъ важномъ и неважномъ. За исключеніемъ трехъ первыхъ номеровъ (1764 и 1765 гг.). всѣ остальные письма Гримма обнимаютъ періодъ съ 1776—1798 г., т. е. до смерти императрицы. Въ приложеніяхъ къ нимъ помѣщены записки педагогическаго содержанія, представленныя Гриммомъ по желанію императрицы, и два письма—одно къ Потемкину и другое къ служившему при немъ барону Бюлеру. Изъ замѣтки, приложенной при этомъ, видно, что Гриммъ велъ переписку съ Потемкинскимъ, которая составляетъ порядочную тетрадь, хранящуюся въ Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ.

Сборникъ московскаго главнаго архива мин. иностр. дѣлъ. Вып. I. Изд. комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ. М. 1808, 211 стр. Ц. 75 к.

Нельзя не порадоваться, что одно изъ важнѣйшихъ архивныхъ учрежденій въ Россіи предприняло подобное изданіе. Оно доставитъ возможность служащимъ и занимающимся въ моск. арх. ин. дѣлъ помѣщать свои отчеты и статьи, касающіеся матеріаловъ означеннаго архива, а отчеты и самые матеріалы, заслуживающіе особеннаго вниманія, но которые почему либо не могутъ найти мѣста въ другихъ изданіяхъ. Вѣсть съ тѣмъ начальство архива обязываетъ издать въ Сборникѣ матеріалы для исторіи самаго архива, собираемые уже нѣсколько лѣтъ. Въ первый выпускъ вошли статьи объ архивѣ, помѣщенные прежде въ другихъ изданіяхъ архива, между прочимъ въ сборникѣ на франц. языкѣ, (о которомъ см. «Рус. Стар.» 1881 г. № 2) или въ журналахъ и потому сохранились въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, это именно: 1) Свѣдѣнія объ устройствѣ архивной части въ Россіи (отвѣты на запросы иностран. правительствъ); 2) Вопросъ о прусскомъ союзѣ въ первую половину Сѣверной войны; 3) Янтарная комната Царскосельскаго дворца; 4) Русскіе великаны въ прусской службѣ; 5) Первые русскіе гардемарины за границею въ XVIII стол. Кроме того въ первомъ выпускѣ помѣщенъ одинъ изъ каталоговъ архива первой четверти XIX столѣтія, составленный подъ руководствомъ управляющаго моск. архивомъ А. Ѳ. Малиновскаго.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1881 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложения, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи главной конторы при книжномъ магазинѣ: Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Вольшую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія явѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектантскіе.—Народ. повѣрья.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семеновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

І Ю Л Ъ.

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія о поремитомъ и порочествованномъ съ 1803 г. А. П. Бѣляева. Гл. XIV—XV. 327	VII. Оренбургскіе помары въ 1879 г. Забѣтки и воспоминанія. Сообщ. А. М. Пустоваловъ 487
II. Между двумя войнами. Императоръ Николай Павловичъ въ виду французской революціи 1830-го года 371	VIII. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. † 2-го мая 1881 г.: Письма къ императору Николаю Павловичу, 1836 г. 493
III. Николай Аленстевичъ Милютинъ: выдержки изъ писемъ его въ 1857 г. 401	IX. Кн. М. С. Воронцовъ и кн. А. И. Барятинскій. Забѣтка. Сообщ. И. Ѳ. Золотаревъ 495
IV. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій въ 1878—1881 гг. 411	X. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и епископъ Цвинскій. Сообщилъ А. Е—въ 496
V. Исторія моей жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова, 1835—1845 гг. 437	XI. Языкъ любви сто лѣтъ тому назадъ. Выдержки изъ писемъ неизвѣстной дамы 498
VI. Протоіерей Г. П. Павскій и митрополитъ Филаретъ. Забѣтки. Сообщ. А. Сулоцкій. 479	XII. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ [на оберткѣ]. Состав. профессоръ В. С. Иконяковъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ: Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича. Семени Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. Продолженіе [стр. 277—341].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Батеряинскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1.

1881.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июля 1881 г.

Русская историческая библиотека, изд. Археографич. комиссиі. Т. VI. 1880. П. 3 р.

Настоящій объемистый томъ Библиотеки содержитъ въ себѣ памятники русскаго каноническаго права XI—XV стол., а именно каноническіе отвѣты, поученія и посланія русскихъ пастырей—митрополитовъ, архіереевъ и другихъ іерархическихъ лицъ; акты и постановленія русскихъ соборовъ; грамоты и постановленія константинопольскихъ патриарховъ по дѣламъ русской церкви; формы разныхъ каноническихъ актовъ; наконецъ грамоты русскихъ князей, греческихъ императоровъ, литовскихъ и польскихъ государей по вопросамъ единства и самостоятельности русской митрополіи. Такимъ образомъ здѣсь собраны памятники, разсыянные въ разныхъ изданіяхъ, которыя составляютъ теперь библиографическую рѣдкость, притомъ въ лучшихъ спискахъ, какіе только можно было найти въ книгохранилищахъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, съ пояснительными примѣчаніями. Около 30 статей введены въ первый разъ. Въ приложеніяхъ помѣщены 46 греческихъ актовъ по дѣламъ русской церкви, съ точнымъ русскимъ переводомъ. Составленіе этого сборника и переводъ греческихъ актовъ принадлежатъ професс. моск. унив. А. С. Павлову. Понятна вся важность этого собранія какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. V. Спб. 1880. 432.

Кромѣ цѣлаго ряда небольшихъ біографій (Десницкаго, Зыбеліна, Никитина, Суворова, Малыгина), большая часть этого тома посвящена жизнеописанію И. Н. Болтина, извѣстнаго критика и историка времени Екатерины II (62—296 стр., 313—333). Его литературныя труды, знакомство съ западно-европейскими произведеніями, филологическія понятія, мнѣнія объ историческихъ событіяхъ и явленіяхъ, религиозныя воззрѣнія, сужденія о вопросахъ государственной и общественной жизни, дѣятельность какъ члена Россійской академіи, критическіе приемы—разсмотрѣны авторомъ во всей подробности.

При такой широкой постановкѣ вопроса, означенная біографія представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историографію. Дѣлая оцѣнку трудовъ академіи, авторъ говоритъ: «лучшею порою для академіи были времена Екатерины II и главными участниками въ трудахъ и предпріятіяхъ академіи были ученые и писатели, извѣстные Екатеринѣ не по одному только имени. Въ числѣ членовъ рос. академіи находились и сотрудники журналовъ, въ которыхъ участвовала Екатерина, и лица, доставлявшія матеріалы для ея литературныхъ работъ, и восторженные почитатели ея идей и дѣйствій, и ея литературные противники. Въ собраніяхъ рос. академіи времени Екатерины II можно было встрѣтить цѣлѣ тогдашняго образованнаго общества. Если бы изложить со всею подробностію литературную и общественную дѣятельность всѣхъ членовъ рос. академіи въ первый періодъ ея существованія, то получилась бы вѣрная и довольно полная картина нашей умственной и общественной жизни конца XVIII столѣтія».

Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ. Соч. Ивана Попоко. В. I. Гребенское войско. Спб. 1880. 516 стр. П. 3 р. 50 к.

Авторъ настоящаго очерка поставилъ свою задачу довольно широко. Слѣдя за появленіемъ казачества въ означенномъ край съ первыхъ моментовъ знакомства его съ Прикавказьемъ, онъ обращаетъ вниманіе на политическія и религиозныя причины его постепеннаго заселенія русскими. Онъ слѣдитъ за колонизаціоннымъ движеніемъ и развитіемъ здѣсь русскаго населенія, а также за отношеніемъ къ нему движенія въ средѣ донскихъ раскольниковъ; онъ обращаетъ вниманіе на военный и домашній бытъ казаковъ на Кавказѣ (общинный и земскій строй). Довольно обстоятельный очеркъ представляетъ изложеніе распространенія раскола въ Гребенскомъ войскѣ (стр. 129—187). Далѣе слѣдуетъ описаніе экономическаго, военнаго быта, постепеннаго уничтоженія стариннаго самоуправленія, нравственнаго состоянія края, народнаго образованія. Очеркъ событіи заканчивается 30-ми годами

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

ГЛАВА XIV ¹⁾.

Минусинскъ.

Пріѣхавъ въ Минусинскъ, я подѣхалъ прямо къ дому окружнаго начальника. Въ это самое время онъ передавалъ какія-то распоряженія секретарю Окружнаго Совѣта. Когда я хотѣлъ войти въ залъ, гдѣ онъ ходилъ, то увидя появившуюся какую-то фигуру, запыленную и запачканную, онъ безстрастно сказалъ: «подожди, братецъ». Я отступилъ въ прихожую. Надо сказать, что на мнѣ былъ сѣрый байковый казакинъ, спитый изъ байковаго одѣяла товарища нашего Евгенія Петровича Оболенскаго, своими портными товарищами, между которыми былъ и онъ самъ. Это было въ Петровскомъ острогѣ. Я пріѣхалъ 8-го іюля, время самыхъ сильныхъ жаровъ, когда сухость смѣняется иногда дождемъ и грязью, пріѣхалъ на перекладной, то наружность моя должна была представляться особенно интересною, и надо удивляться, что онъ не бросилъ всѣ дѣла и не обратился съ любопытствомъ ко мнѣ. Затѣмъ, отпустивъ секретаря, онъ позвалъ меня. Когда я объявилъ ему, что присланъ на поселеніе и назвалъ свою фамилію, онъ очень обрадовался, сказалъ, что уже давно они съ братомъ моимъ ожидали меня, такъ какъ получено было увѣдомленіе отъ генераль-губернатора о моемъ переводѣ. Онъ дружески разцѣловался со мной, тотчасъ послалъ за братомъ и велѣлъ дать чаю. Нужно ли описывать, какое счастье было снова увидѣться съ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX (ноябрь) стр. 599—616; (декабрь) стр. 883—890. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь) стр. 27—42; (мартъ) стр. 487—518; (апрѣль) стр. 799—838.

братомъ и другомъ и заключить другъ друга въ объятія! Теперь намъ уже казалось, что мы вполне счастливы,—такъ немного нужно человѣку, только что освободившемуся отъ оковъ и выпущенному на свѣтъ Божій изъ тюрьмы. Мы были еще молоды, мнѣ не было 30-ти лѣтъ, а братъ былъ тремя годами моложе меня. Наши политическія страсти уже улеглись, а разумъ настолько просвѣтился истинною вѣрою, размышленіемъ и безпристрастнымъ изученіемъ религіозно-философическихъ вопросовъ, что уже ясно видѣлъ всю пагубу кровавыхъ революцій. Слѣдовательно, намъ теперь на поселеніи, гдѣ мы ожидали оставаться навсегда, предстояла новая жизнь. Мы должны были трудиться для своего безбѣднаго содержанія, могли пользоваться нѣкоторою свободою заводитьъ и заниматься хозяйствомъ, что было въ нашемъ вкусѣ и характерѣ; наслаждаться чудною природою, которую всегда страстно любили—и этого для насъ пока было довольно.

Пробывъ нѣкоторое время у окружнаго начальника, мы отправились на квартиру брата, съ обѣщаніемъ возвратиться вечеромъ. У него по вечерамъ всегда собирались нѣсколько человѣкъ ему близкихъ, играли въ бостонъ, который не мѣшалъ и разговорамъ иногда очень занимательнымъ. Квартира брата состояла изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ я и занялъ одну.

На этой квартирѣ мы прожили болѣе года, пока наши сестры не стали намъ пересылать небольшой капиталаецъ, отдѣленный намъ изъ общей суммы, накопленной для семейства незабвенною нашею матерью. Тогда мы наняли другую квартиру, особенный домикъ въ 5 комнатъ, гдѣ и устроились очень хорошо. Затѣмъ мы стали придумывать, какое намъ избрать занятіе, чтобы получать доходъ съ нашихъ денегъ. Но прежде описанія нашей дѣятельности въ Минусинскѣ, считаю не лишнимъ описать какъ самый городъ, такъ и его обитателей.

Главный центръ Минусинскаго округа былъ тогда маленькій городокъ, называемый Минусинскомъ, имѣвшій съ дюжину широкихъ улицъ, одну хорошеенькую каменную церковь, зимой теплую, и при ней богадѣльню, гдѣ содержались старыя и увѣчныя, гостинный дворъ порядочной архитектуры съ колоннами, присутственные мѣста, двѣ площади, словомъ, все нужное или необходимое для города. Онъ очень недавно переименованъ въ городъ изъ села Минуси, жители котораго только съ тѣмъ согласились сдѣлаться мѣщанами, чтобъ имъ оставить всѣ ихъ поля, дуга, пастбища, сѣнокосы, и не имѣвать ихъ прежнихъ земледѣльческихъ занятій. Въ то время они исключительно продолжали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Даже самые богатые не оставляли земледѣлія и скотоводства и то и другое

было доведено у нихъ, какъ и у другихъ сибиряковъ старожиловъ, до весьма значительныхъ размѣровъ, такъ что отъ двухъ до трехъ сотъ головъ и до 30, 40 десятинъ посѣвовъ имѣли многіе крестьяне. Послѣ посѣва всѣ жители близъ Енисея занимались рыболовствомъ чтобы запастись рыбой на посты, а нѣкоторые изъ стариковъ все лѣто проводили за самоловами для добыванія красной рыбы и на продажу, но это такіе, у которыхъ было кому работать въ полѣ и безъ нихъ. Вообще благосостояніе сибиряковъ старожиловъ было замѣчательно. Интеллигенцію Минусинска составляли чиновники разныхъ вѣдомствъ, которыхъ считаю долгомъ помянуть добрымъ словомъ за то участіе и ту пріязнь, какую всѣ они оказывали намъ во все время нашего тамъ пребыванія.

Минусинскій округъ былъ подъ управленіемъ окружнаго начальника, который, по положенію Сперанскаго, былъ нѣчто въ родѣ губернатора, и предсѣдалъ въ Окружномъ Совѣтѣ. Эту должность при нашемъ пріѣздѣ занималъ коллежскій совѣтникъ Александръ Кузьмичъ Кузьминъ, человекъ лѣтъ сорока, высокій, толстый, нѣсколько рябой, но съ пріятнымъ, симпатичнымъ выраженіемъ лица. Онъ воспитывался въ лѣсномъ корпусѣ, былъ уменъ, хорошо образованъ, начитанъ и остроуменъ. Всѣ подчиненные очень любили его за доброту, снисходительность и вѣжливое обращеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ слабъ по службѣ, хотя характеръ имѣлъ самый мягкій, и строго преслѣдовалъ злоупотребленія и особенно кляузу. Онъ ненавидѣлъ кляузы и потому былъ противникомъ даже грамотности въ народѣ. Въ такомъ образованномъ либеральномъ человекѣ, странно было видѣть противника грамотности въ народѣ, о чемъ мы съ нимъ иногда и спорили; но онъ былъ убѣжденъ, что при тогдашнихъ нравахъ и невѣжествѣ народа, грамотность, говорилъ онъ, есть язва: выучился писать, и тотчасъ-же давай писать кляузные прошенія, а какъ за это платятъ, то и подбивать на кляузы мало-мальски чѣмъ нибудь недовольнаго человека.

Но изъ того, что спичками производятъ пожары и ими отравляются, нельзя же запрещать ихъ производство.

Александръ Кузьмичъ очень любилъ свой городъ Минусинскъ и нѣсколько гордился имъ. Оно и понятно; его заботливости городъ былъ обязанъ тѣмъ, что скоро сталъ очень приличнымъ деревяннымъ городомъ. Климатъ въ Минусинскѣ довольно мягкій и хотя морозы доходятъ до 30-ти и 35°, но не надолго, средняя же температура довольно высока. Лѣтомъ жары въ наше время доходили до 32 въ тѣни по Реомюру. Въ одномъ только Минусинскомъ округѣ росли на бахчахъ арбузы хотя и не крупныя, но это за отсутствіемъ вся-

кихъ плодовыхъ деревьевъ, кромѣ китайскихъ яблоковъ пигмеевъ и это преимущество округа Минусинскаго дѣлало его какою-то обѣтованною землею для сибиряковъ и поселенцевъ.

Съ Александромъ Кузьмичемъ мы были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Еще до моего приѣзда, онъ съ братомъ составили товарищество на табачную плантацію и у нихъ въ этотъ годъ хорошо выросъ и дошелъ табакъ, который тамъ сильно требуется инородцами. Табакъ, для нихъ пригодный, махорка, очень крѣпкій и цѣнный ими тѣмъ выше, чѣмъ болѣе онъ поднимаетъ дерева, какъ они выражаются. Такъ какъ это не для всѣхъ понятно, то надо объяснить приемы ихъ куренія. Мы потомъ по дѣламъ часто бывали въ ихъ улусахъ и юртахъ и присмотрѣлись къ нимъ. Сидя у костра всегда флегматическій татаринъ-курильщикъ, прежде всего, беретъ березовое полѣно, нарочно приготовленное и высушенное, наскабливаетъ ножомъ извѣстное ему по крѣпости табака количество тонкихъ стружекъ, вынимаетъ изъ кармана узенькій, продолговатый, кожаный кисеть, въ которомъ съ табакомъ затуфта маленькая мѣдная китайская трубочка, называемая гамзой; насыпаетъ на ладонь въ стружки табакъ, тщательно и долго мѣшаетъ, затѣмъ набиваетъ трубку, беретъ и кладетъ уголь на устье трубки, закуриваетъ, щелчкомъ скидываетъ уголь, и въ двѣ три затяжки втягиваетъ въ себя, какъ видно изъ физиономіи, съ величайшимъ наслажденіемъ весь дымъ трубки, потомъ вытряхиваетъ золу, непременно опять завязываетъ и прячетъ въ глубочайшій карманъ кисеть, конечно, очень не надолго: они много и часто курятъ.

На слѣдующее лѣто еще продолжался посѣвъ табаку, а уже потомъ мы занялись хлѣбонашествомъ и этотъ посѣвъ оставили, такъ какъ уборка его, распыловка, развѣска и расушка дѣло довольно сложное. Но въ Шушѣ, гдѣ жилъ смотритель поселеній Илья Васильевичъ Кутузовъ, посѣвъ табаку у него былъ въ ходу, и у него же дѣлались даже сигары. Это была особенная охота нашего товарища Фаленберга, жившаго вмѣстѣ съ Кутузовымъ, съ которымъ познакомлю далѣе.

Какъ я сказалъ, у Александра Кузьмича, вечеромъ, всегда собирались на бостонъ, бесѣду и ужинъ. Эти вечера всегда были очень пріятны, по великорусскому обществу, которое тутъ собиралось, а извѣстно, что встрѣча съ земляками въ отдаленныхъ и пустынныхъ странахъ всегда почти производитъ дружескія и пріятныя отношенія. Но вспоминая объ этихъ вечерахъ, нельзя не вспомнить очень забавнаго казуса, случившагося въ началѣ его приѣзда окружнымъ начальникомъ, и съ началомъ его вечеровъ. Какъ окружному началь-

нику, ему по положенію назначался ординарецъ или вѣстовой изъ за-Байкальскихъ казаковъ. Эти такъ называемые казаки были просто мужики хлѣбопашцы и скотоподы, не имѣвшіе въ себѣ ничего похожаго на казаковъ дѣйствительныхъ. Не менѣе того, казакъ этотъ долженъ былъ сидѣть въ прихожей у окружнаго до самой ночи, и теперь уже въ первый разъ одѣтый въ казачій синій кафтанъ, что конечно ему было весьма неудобно и неловко. Что дѣлать одному весь вечеръ какъ не спать, и вотъ онъ забирался на сложенный обѣденный столъ, такъ какъ стульевъ, по новости, въ прихожей не полагалось, а сѣсть на полъ—долго вставать, если неравно позовутъ; и такъ, облокотившись на стѣну волаѣ печки, онъ началъ дремать подъ говоръ и споръ играющихъ въ карты, конечно, усиленно прогоняя сонъ; но долѣе 10 часовъ борьбы не могъ выдержать, заснулъ и вслѣдъ за этимъ съ грохотомъ слетѣлъ со стола. Въ первый разъ этотъ стукъ, конечно, заставилъ всѣхъ соскочить со своихъ мѣстъ и посмотреть, что случилось, но когда увидѣли опрокинутый столъ и испуганную фигуру казака, расхохотались и забыли. Такъ какъ казаки смѣялись, то эти продѣлки иногда повторялись, конечно, изрѣдка. Когда это повторялось, то Александръ Кузьмичъ съ своею флегматическою улыбкою только замѣчалъ: «а, падаетъ казакъ, значить больше 10-ти часовъ, господа, и пора закусить».

У Александра Кузьмича въ Россіи были родные, онъ имѣлъ тамъ маленькое имѣніе, а служба съ тогдашнимъ жалованьемъ для него, не дозволявшая себѣ никакихъ другихъ безчестныхъ доходовъ, не представляла достаточныхъ средствъ, особенно когда онъ сталъ семьяниномъ, а потому онъ скоро вышелъ въ отставку. Онъ пріѣхалъ въ Сибирь холостымъ и уже тутъ женился и также оригинально, какъ оригиналенъ былъ его характеръ, вся его жизнь и его взгляды на жизнь. Мы у него бывали каждый день и замѣтили, что не смотря на свою флегму онъ былъ способенъ и къ нѣжнымъ чувствамъ, но никакъ не думали, чтобы онъ женился. Противъ него, на другой сторонѣ улицы, жила молодая и прелестная вдовушка покойнаго ветеринарнаго врача, у которой онъ бывалъ, правда, довольно часто, но онъ посѣщалъ и многіе другіе семейные дома, и потому изъ этого нельзя было заключить о его намѣреніи. Но вотъ однажды, когда мы жили во флигелѣ у казначея въ домѣ противъ церкви, видимъ Александра Кузьмича прогуливающагося тихимъ шагомъ, какъ онъ всегда гулялъ, подъ руку съ Екатериной Петровной, такъ звали вдовушку, и проходя мимо насъ завернувшихъ въ церковь. Черезъ полчаса они вышли и тѣмъ же порядкомъ, тихой прогулкой возвратились домой; а на другой день узнаемъ, что они обвѣнчались.

Тотчасъ же всѣ служащіе и живущіе въ городѣ его знакомые отира-
вились къ нему съ поздравленіями. Мы съ братомъ также отъ души
поздравили его; и какъ жена его тоже была дружески расположена
къ намъ, то мы еще болѣе сблизились съ ними. Старшая дочь была
въ возрастѣ ученія, они просили насъ давать ей уроки. Болѣе за-
нимался съ нею братъ, а когда онъ уѣзжалъ на пашню, то я засту-
палъ его мѣсто на это время. Послѣ женитьбы онъ оставался не
болѣе года и уѣхалъ въ Россію. Весь городъ провожалъ его съ
искреннимъ сожалѣніемъ, и, дѣйствительно, лучшаго начальника и
добрѣйшаго, пріятнѣйшаго человѣка не легко найти. Но какъ вся
жизнь наша проходитъ въ свиданіяхъ и разставаніяхъ до самаго
конца жизни, то и мы съ нимъ разстались. Какъ чудны пути Божіи
въ судьбахъ человѣческихъ! Можно ли было думать, прощаясь съ
нимъ навсегда, что мы встрѣтимся съ нимъ въ Россіи, уже совер-
шенно въ другихъ обстоятельствахъ. Товарищъ нашъ Сергѣй Ива-
новичъ Кривцовъ, поселенный до насъ въ Минусинскѣ, по возвра-
щеніи съ Кавказа, сдѣлался опекуномъ дѣтей брата его Павла Ива-
новича Кривцова и предложилъ Кузьмину управленіе ихъ имѣніемъ
въ Балашовскомъ уѣздѣ. Мы съ нимъ увидѣлись въ этомъ имѣніи
по возвращеніи съ Кавказа, гостивши у сестры, которой имѣніе было
въ сосѣдствѣ, а послѣ его смерти я занялъ его мѣсто, по предло-
женію опекуна, съ котораго и началъ свое русское хозяйственное
поприще, потомъ продолжавшееся 18-ть лѣтъ.

На мѣсто Александра Кузьмича, окружнымъ начальникомъ посту-
пилъ бывший исправникомъ Петръ Аеоновъичъ Меркушовъ, тоже
человѣкъ очень хорошій. Конечно, онъ уступалъ Алекс. Кузьм. въ
солидномъ образованіи, но его приемы и обращеніе были весьма при-
личны и вообще онъ держалъ себя съ достоинствомъ.

За окружнымъ, по важности мѣста, слѣдуетъ городничій. Въ те-
ченіи семилѣтняго пребыванія нашего въ Минусинскѣ, городничихъ
перемѣнилось трое. Первый, съ которымъ мы сошлись дружески, былъ
Илья Алекс. К., добрый и благородный человѣкъ, очень набожный, не
пропускавшій въ праздники ни заутрени, ни обѣдни и щедро пода-
вавшій милостыню. Онъ хотя былъ человѣкъ одинокій, но какъ гра-
доначальникъ, то у него также собирались по временамъ на вечера,
а иногда обѣды и завтраки. Но это бывало тогда, когда онъ былъ
въ нормальномъ положеніи, по временамъ же онъ страдалъ болѣзью
запоя, хотя сознавалъ вполне всю тяжесть и всю грѣховность для
христіанина этой все же произвольной болѣзни, такъ что однажды
онъ прислалъ за мной и говоритъ: «что мнѣ дѣлать! я погибаю.
Если остановиться, боюсь удара!» Я на это ему сказалъ: «не бойтесь

этого, и если бы васъ постигла смерть вслѣдствіе того, что вы рѣшились для Бога пожертвовать даже живнію, чтобы исполнить долгъ христіанина, вы получите полное отпущеніе грѣховъ». Онъ такъ и сдѣлалъ. Это былъ человѣкъ прекрасной души. По выходѣ его, былъ короткое время старичекъ оригиналь, выходящій изъ ряда всѣхъ оригиналовъ, какъ думаю, и изъ всѣхъ городничихъ. Невѣжество его было образцовымъ: онъ еще вѣрилъ въ сказочнаго змѣя-горыныча, въ чудо-юдо, и когда добивались у него толкованія, то выходило, что онъ такъ называлъ крокодила. Все, что онъ въ многолѣтней своей жизни видѣлъ и слышалъ, такъ перепуталось въ его головѣ, что легче было понять человѣка, говорящаго на непонятномъ языкѣ, нежели его. Службу свою онъ называлъ шагами «и вотъ, говорилъ онъ, я шагнулъ и сюда въ городничіе!» Прежде онъ служилъ на Аландскихъ островахъ, гдѣ былъ, кажется, смотрителемъ госпиталя, и тамъ-то, какъ рассказывалъ, онъ видѣлъ чудо-юдо и змѣя-горыныча. За змѣя-горыныча онъ, вѣроятно, принималъ какой нибудь метеоръ, а за чудо-юдо онъ могъ бы принять кита, но киты не заходятъ въ Балтійское море и потому это осталось тайной. Подобное невѣжество въ человѣкѣ, бывшемъ судьей въ Каинскѣ, какъ рассказывали, и наконецъ городничимъ, конечно, замѣчательно; но этому прошло уже болѣе 40 лѣтъ, значитъ воспитаніе его и грамотность относятся еще къ прошлому или къ началу этого столѣтія, да еще въ Сибири, и потому неудивительно.

Вотъ уже 30 лѣтъ прошло какъ я служилъ на Кавказѣ и тогда еще встрѣчались офицеры, знавшіе свое дѣло, порядочнаго поведенія, закаленные въ походахъ, т. е. достойные полного уваженія, во которыхъ необразованность или, лучше, невѣжество въ самыхъ простыхъ и обыденныхъ явленіяхъ природы были поразительны. Для образчика расскажу какъ однажды въ экспедиціи въ Чечнѣ, послѣ дневной перестрѣлки и сожженія нѣсколькихъ черкесскихъ хуторовъ и стоговъ сѣна, во время стоянки лагеремъ, мнѣ случилось вечеромъ прогуливаться съ однимъ изъ старыхъ Кавказскихъ офицеровъ передъ палаткой. Между разговорами, зная, что я прежде служилъ въ морской службѣ, онъ спрашивалъ меня о морѣ, и когда я рассказывалъ ему о моихъ плаваніяхъ океаномъ, онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «скажите, пожалуйста, Александръ Петровичъ, какъ вы на морѣ избавляетесь отъ радуги?» Не понимая, что онъ хотѣлъ сказать, я спросилъ: «какъ отъ радуги?» — «Да вѣдь радуга всасываетъ воду и если попадетъ подъ нее корабль, то она вѣдь можетъ всосать его вмѣстѣ съ водой». Тутъ только я и понялъ вопросъ и объяснилъ ему что такое радуга. Онъ полагалъ, что корабль, попавшійся подъ

радугу, можетъ быть увлеченъ въ другое воздушное плаваніе по этому великолѣпному небесному каналу: какъ до сихъ поръ Жюлю-Верну не пришло въ голову описать подобное путешествіе? Какъ ни чуденъ былъ городничій въ Минусинскѣ, но жена его была возлѣ него совершенной аномаліей, указывавшей на то, какъ составлялись тогда, а иногда можетъ быть и теперь еще, браки. Она была хороша собой, умна, пріятна и вообще прилична въ полномъ смыслѣ слова. Дѣти ихъ были прелесть, старшая дочь лѣтъ 14-ти обѣщала быть красавицей. Сама она воспитывалась въ Петербургѣ; но что удивительно, такъ это то, что дамы въ Сибири безъ особеннаго воспитанія, безъ серьезнаго образованія, выросшія въ этой Сибирской глуши, тогда еще могли достигать такой степени такта, приличія, любезности, что нельзя было не удивляться, откуда все это взялось; а между тѣмъ это было такъ дѣйствительно.

Третьимъ городничимъ былъ Ел. Анд. Онъ когда-то служилъ комиссаромъ на военномъ кораблѣ, то-есть завѣдующимъ всѣми корабельными матеріалами и провизіей, подчиненный вполнѣ морскому начальству, начиная съ вахтеннаго лейтенанта и далѣе. Такъ какъ мы были прежде морскими офицерами и еще служили въ гвардейскомъ экипажѣ, то это обстоятельство очень расположило его къ намъ, такъ что мы пользовались особенною его пріязнью. Онъ былъ вдовецъ. Жилъ одинокимъ, но по временамъ къ нему пріѣзжала меньшая дочь, которая воспитывалась въ губернскомъ городѣ и жила съ замужнею сестрою. Это была дѣвушка восхитительной красоты, нѣсколько восточнаго типа и въ уровень съ своею красотой была умна, развита не по лѣтамъ умственно, и очаровательна. Во время ея посѣщеній Минусинска, мы, конечно, очень часто бывали у нихъ приглашаемые отцемъ, такъ какъ она находила удовольствіе въ нашемъ обществѣ.

За городничимъ слѣдовалъ домъ исправника г. Шихутскаго, не помню имени, человѣка очень хорошаго и честныхъ правилъ. Впрочемъ, въ Сибири въ наше время исправникамъ не нужно было брать взятокъ, такъ какъ волости, очень богатые въ то время, общей раскладкой собирали суммы и платили имъ жалованье, зная, что казеннымъ нельзя было жить. Домъ этотъ былъ для насъ самымъ пріятнымъ пріютомъ. Жена его Анна Ивановна, урожденная Коновалова, дочь Красноярскаго совѣтника, того самаго, который встрѣтилъ насъ, когда насъ провозили съ Нарышкинымъ и А. И. Одоевскимъ въ Читѣ. Она была хорошо воспитанная дама, очень умная, пріятная, обладавшая въ обращеніи тою милою непринужденною простотою, которая такъ привлекательна въ молодой и хорошенькой женщинѣ.

Меньшая сестра ея, съ нею жившая, во всемъ соотвѣтствовала ей. Онѣ обѣ играли на фортепьяно, у нихъ часто составлялись танцы и вообще было всегда очень весело. Ихъ милое домашнее общество, когда не было гостей, было особенно пріятно.

Далѣе слѣдуетъ казначей. Это былъ высокій, худощавый, крѣпкаго сложенія господинъ съ самымъ простымъ выраженіемъ въ лицѣ, на которомъ однакожь нельзя было не замѣтить свойства умныхъ сибиряковъ—нѣкоторой дозы хитрости. Онъ былъ очень оригиналенъ во всѣхъ своихъ пріемахъ, какъ-то втягивалъ въ себя воздухъ и при каждомъ утвержденіи или разсказѣ всегда прибавлялъ свою поговорку: «да, пра, безъ изыятія». У него прежде былъ одноэтажный небольшой домъ противъ церкви; Алекс. Кузьмичъ подбилъ его разпространить домъ пристройкой и сдѣлать мезонинъ. За лѣсомъ тамъ дѣло не стояло и вотъ домъ перестроенъ, огромный мезонинъ перекинутъ, черезъ весь домъ, который и сталъ красотою этой мѣстности; но тутъ случилась та бѣда, что такъ какъ парадныя комнаты были велики и высоки, съ огромными окнами, то домъ, сколько ни топили, былъ очень холоденъ, потому что все тепло поднималось въ мезонинъ, чему конечно былъ очень радъ докторъ Дмитрій Вас. Раевскій, занимавшій весь мезонинъ. Его это обстоятельство очень сердило и особенно, если кто нибудь замѣчалъ ему объ этомъ. Къ тому же еще, такъ какъ роль архитектора выполнялъ какой нибудь подрядчикъ изъ крестьянъ, то мезонинъ, не приходившійся на капитальныхъ стѣнахъ, осѣлъ и поля въ немъ покосились. Мы у него иногда проводили вечеръ и, входя въ комнаты, хотя не ощущали жилой теплоты, прійдя къ нему въ сильный морозъ, но, не желая огорчать его, говорили: «а что, Дмитрій Гаврилычъ, у васъ кажется тепло»; тогда онъ, улыбаясь, поднималъ къ верху свою костлявую руку и, затягивая воздухъ, говорилъ: «да, пра, безъ изыятія». У него также бывали званые вечера, на которые, какъ и на всѣ другіе, мы всегда были приглашаемы, гдѣ также танцевали. За ужиномъ онъ никогда не садился за столъ, а ходилъ вокругъ, наблюдая, чтобы никто не отказывался отъ обносимаго блюда и тотчасъ же приступалъ съ умиленной просьбою. Но особенно оригинальное обыкновеніе его было идти съ лакеемъ, обносившимъ вино. Грѣшно подшучивать надъ тѣми, кто насъ радушно принималъ, еще радушнѣе угощалъ, но это не будетъ подшучиваніемъ, а простымъ описаніемъ особенности, при которой, помимо всей признательности моей и всей оцѣнки его доброты и радушія, нельзя было внутренно не улыбнуться. Когда за ужиномъ лакей предлагалъ разныя вина, называя каждое, то если кто отказывался, онъ около самаго уха самымъ тихимъ умоляющимъ голо-

сомъ повторять: «пожалуйста»; при второмъ отказѣ повторялось тоже «пожалуйста», но послѣ третьяго, убѣдившись, что гость болѣе пить не могъ, онъ обращался къ лакею, ожидавшему дѣйствія слова «пожалуйста», вдругъ перемѣнялъ тонъ и уже басомъ, грозно, говорилъ: «не беспокойте». Другую противоположность, но въ томъ же родѣ представлялъ секретарь, у котораго также бывали вечера и съ ужиномъ. У этого произносилось тоже слово «пожалуйста» и также по нѣсколько разъ сряду: «пожалуйста», но серьезнымъ безъ повышенія голоса, отрывочно, безстрастно, какъ бы командуя и не допуская возраженія.

Казначейство въ Минусинскѣ было образцовымъ по порядку, строгой отчетности и ревностному исполненію обязанностей всѣхъ у него служившихъ. Сынъ его отъ перваго брака, молодой человекъ, былъ совершенный снимокъ съ отца, такъ онъ былъ похожъ на него, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Этотъ скромный и тихій юноша любилъ свою службу до страсти; и то, что на другаго производило бы одуряющую скуку, для него было наслажденіемъ. Мѣсячные отчеты, подведенные итога до полупешечной точности, его радовали, какъ игрушка ребенка; онъ рассказывалъ объ нихъ съ восторгомъ. Можно сказать, что по честности, акуратности, это казначейство, съ казначеемъ во главѣ и его сыномъ, было дѣйствительно образцовымъ.

Затѣмъ слѣдуетъ окружной докторъ Дмитрій Васильевичъ Раевскій, Тульскій помѣщикъ и воспитанникъ Московскаго университета. Вскорѣ за Кузьминимъ и онъ уѣхалъ въ Россію. Это былъ очень пріятный, умный, добрый человекъ, хорошій врачъ. Онъ-то жилъ въ мезонинѣ у казначея и похищалъ всю зиму его тепло.

Въ Минусинскѣ командовалъ инвалидной ротой Александръ Кузьмичъ Милютинъ, у котораго мы также часто бывали. Жена его, Юлія Ивановна, добрая, милая женщина, очень благоволила къ намъ и всегда дружески принимала. У нихъ много было дѣтей, малъ-мала меньше, которыхъ нѣжный отецъ часто самъ нянчилъ, припѣвая: «милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня», но на бѣду бровей-то у него и не было. Въ этомъ домѣ неизбежно и постоянно была игра въ мельники, которая продолжалась безконечно, что крайне утомляло насъ, хотя всѣ другіе партнеры играли съ наслажденіемъ. Кто проигрывалъ послѣдній, тотъ довершалъ зданіе на сукнѣ стола — и это продолжалось иногда до 12 часовъ. Но недѣля не помянуть добрымъ и благодарнымъ словомъ это милое, радѣющее и гостепріимное семейство. Вотъ все то доброе, простое общество, между которымъ мы прожили 7 лѣтъ нашей ссылки. Все это, собственно го-

воря, городское чиновное общество, а надо вспомнить также и тѣхъ гражданъ, мастеровыхъ-старожилъ, мѣщанъ и другихъ, съ которыми судьба свела насъ въ страннической нашей жизни.

Кузнечнымъ мастерствомъ въ Минусинскѣ занимался только одинъ мѣщанинъ, а остальные были поселенцы скопцы, сосланные за эту секту. Тамъ былъ одинъ очень хорошій слесарь, двое хорошихъ сапожниковъ, одинъ изъ нихъ, изъ Петербурга, поселенецъ, работалъ такъ, что и въ Петербургѣ былъ не послѣднимъ; а другой—сосланный черкесь, который тамъ пріютился, женился и вовсе не жалѣлъ о своихъ горахъ и разбояхъ. Было и нѣсколько очень замѣчательныхъ портныхъ. Главнымъ изъ нихъ считался жидокъ; но прежде онъ имѣлъ соперниковъ въ триумвиратѣ портныхъ, очень оригинальныхъ, тоже изъ поселенцевъ, изъ коихъ знаменитѣйшимъ былъ по имени Трофимъ, который во время своего процвѣтанія выстроилъ даже себѣ большой домъ и былъ въ силѣ. На этомъ домѣ красовалась вывѣска съ надписью порусски: Трофимъ портной; а повѣмецки *Troschen dir*, т. е. «Трофимъ воръ»; этой нѣмецкой надписи, разумѣется, никто не понималъ, но она придавала важность его заведенію и онъ былъ очень доволенъ. А эту штуку сыгралъ съ нимъ его благодѣтель Сер. Ив. Кривцовъ, декабристъ, жившій тамъ на поселеніи. Этотъ Трофимъ, наконецъ, спился съ кругу и, конечно, продалъ бы этотъ домъ, еслибы не вмѣшалось городское начальство, такъ какъ онъ имѣлъ маленькаго сына. Физиономія этого челоуѣка была чрезвычайно забавна. Толстый и большой носъ, туповатые навкратѣ глаза, огромный подбородокъ и большой ротъ, гдѣ виднѣлись два три зуба, и наконецъ маленькій ростъ и кривыя ноги. Онъ имѣлъ страшное самолюбіе, ненавидѣлъ своего соперника жидка и приходилъ въ ярость, когда его съ нимъ сравнивали. Не смотря на это, онъ пропился и принужденъ былъ наняться къ жида въ работники. Казалось бы, безславіе его было несомнѣнно; не тутъ-то было; когда мы замѣчали ему объ этомъ, то онъ, плутовски выглядывая поверхъ огромныхъ очковъ, сидѣвшихъ безъ всякихъ обоймовъ на его носу, наклоняясь къ уху, шопотомъ увѣрялъ, что тотъ взялъ его для того только, что самъ не умѣлъ скроить фрака, который ему заказали. Думаю, что изъ всѣхъ портныхъ это былъ изъ самыхъ комичныхъ, даже комичнѣе Куперовскаго въ «Красномъ корсарѣ». Другой изъ триумвирата былъ нѣкогда унтеръ-офицеръ гвардейскаго егерскаго полка. До сихъ поръ онъ не могъ удержаться, чтобы не стать во фронтъ, когда говорилъ съ кѣмънибудь изъ чиновниковъ. И когда былъ выпивши, то очень часто принималъ то направо, то налево, точно по командѣ. Онъ шилъ очень порядочно, но также былъ подверженъ припадкамъ запоя и

когда мы ему выговаривали и стыдили его, то онъ отвѣчалъ: что у него уже такая натура, вотъ только перегуляю два дня и опять пошелъ на цѣлый годъ; но эта перегулка часто продолжалась по мѣсяцу и болѣе, такъ что разъ онъ все пропилъ и когда очнулся, то увидѣлъ себя въ необходимости идти на пріиски и наняться на цѣлый годъ въ простые работники. Поправившись, онъ опять возвратился въ городъ, нанялъ работниковъ и къ нему тоже пошелъ Трофимъ. Третій былъ извѣстенъ подъ нѣмецкой фамиліей Шнейдеръ, хотя имѣлъ русскую и былъ чистый русакъ. Это былъ авантюристъ, человѣкъ очень неглупый и страшный пройдоха; по его словамъ, онъ нѣкогда воровалъ сотнями тысячъ, но, обанкротившись, попалъ въ Сибирь. Онъ былъ и кожевникомъ, и свѣчникомъ, лилъ свѣчныя формы и наконецъ тоже сдѣлался портнымъ; во всѣхъ ремеслахъ ему не было подобнаго, по его словамъ, и самолюбію. Весь этотъ триумвиратъ нѣсколько разъ пропивался и опять поправлялся. Въ одинъ изъ такихъ перебоевъ прежде другихъ поправился Николай, бывшій егеръ. Онъ нанялъ работниковъ и въ томъ числѣ двухъ изъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ весь триумвиратъ снова слѣдъ чинно на верстакъ. Когда же мы по одиночкѣ спрашивали у нихъ, то каждый увѣрялъ, что онъ хозяинъ, а тѣ два—работники. Немного продолжалось это торжество трезвости и трудолюбія; случились крестины у Николая; вкусивши завѣтнаго напитка, всѣ они запили, снесли въ кабакъ все свое питье, кто что успѣлъ, и исчезли. Одинъ босой, въ одной рубашкѣ, въ страшный морозъ, пробираясь къ тещѣ въ село Тель за 40 верстъ, и, на удивленіе всѣхъ, пробрался и опять чинно засѣлъ на верстакъ, но уже шилъ однѣ деревенскія однорядки. Таковъ былъ скончавшійся цехъ портныхъ въ городѣ Минусинскѣ. Впрочемъ, кромѣ «слабости», всѣ эти портные были очень добрые люди.

Городъ имѣлъ также кожевниковъ, разумѣется, самыхъ плохихъ. Хорошій товаръ привозили изъ Казани и Томска, сиромятныя-же кожи для сбруи дѣлали всѣ горожане у себя дома. Столярный цехъ имѣлъ своимъ представителемъ старшаго Московскаго иконостащика, но который здѣсь дѣлалъ только рамы. Онъ былъ человѣкъ князя Долгорукова и всегда съ умиленіемъ и слезными гримасами рассказывалъ о прежней своей славѣ, о почетѣ, въ которомъ былъ онъ у управителя, о нашествіи французовъ, съ интересными и длинными подробностями; все это онъ, всегда рассказывалъ, съ слезными гримасами утирая глаза; но когда отнималъ руки, то ни одной слезинки не было. Наконецъ, тамъ былъ шляпникъ, по фамиліи Шляпниковъ, который дѣлалъ наденки и въ то же время шляпы. Одинъ крещенный жидокъ шилъ фуражки. Иногда наѣздомъ бывали обойщикъ, печ-

никъ, штукатурщикъ, шорникъ, шерстобиты, колесники, словомъ въ Минусинскѣ было очень мало настоящихъ ремесленниковъ, но можно было все имѣть, только съ терпѣніемъ.

Во всѣхъ странахъ свѣта, при самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, люди всегда находили, находятъ и до скончанія вѣка будутъ находить, чѣмъ развлекать и услаждать свою жизнь.

Такъ и въ Минусинскѣ составлялись гулянья перваго мая и въ Троицынъ день; а при Александрѣ Кузьмичѣ однажды устроилось довольно далекое плаваніе цѣлой флотиліей, сперва по Енисею, а потомъ по Абакану, рѣкѣ, въ него впадающей, въ инородческую Абакунскую думу, расположенную на самомъ берегу. Въ большомъ домѣ думы расположилось все общество, тутъ пили чай, послѣ того гуляли по улицамъ татаръ, которые были очень довольны видѣть такое большое городское общество и самаго окружнаго начальника, почтить котораго пріѣхалъ самъ Тайша, ихъ властелинъ, особа очень важная, при появленіи котораго всѣ его подданные падаютъ ницъ. Послѣ ужина былъ устроенъ фейерверкъ, на который собрались всѣ иногородцы изъ дальнихъ и ближнихъ улусовъ. Ихъ восторгъ и удивленіе выражались въ самыхъ разнообразныхъ возгласахъ; а когда пустили шутиху, то вся толпа пустилась бѣжать, сперва съ криками ужаса, а потомъ съ хохотомъ, когда убѣдились, что вреда отъ этого огня не было. Потомъ на ночь все общество размѣстилось какъ попало, дамы по комнатамъ, а мушны въ большомъ залѣ и по юртамъ. На другой день въ экипажахъ возвратились въ городъ.

Все чиновное общество Минусинска осенніе и зимніе вечера проводило за картами; разумѣю одну мужскую половину; дамы же обыкновенно собирались поболтать кой о чемъ и чаще, разумѣется, здѣсь какъ и вездѣ, о нарядахъ и модахъ, почерпаемыхъ изъ какого нибудь губернскаго обрашника; иногда потанцовать подѣ скрипку какого нибудь музыканта, вырощеннаго на крѣпостной почвѣ и за что нибудь сосланнаго на поселеніе. О музыкѣ мы тамъ совершенно забыли, кромѣ впрочемъ церковной, такъ какъ мы пѣли еще прежде въ Петровскомъ казематѣ, подѣ управленіемъ нашего регента Петра Николаевича Свистунова ¹⁾, а теперь здѣсь на крилось. Во всемъ городѣ было одно фортепьяно у жены исправника. Но ни одни именины не проходили безъ вечеровъ и ужиновъ даже роскошныхъ по обилію кушаній, винъ и закусокъ. На всѣ эти вечера и обѣды мы были радушно приглашаемы и раздѣляли общія удовольствія кромѣ

¹⁾ Нынѣ живеть въ Москвѣ.

танцевъ. Въ танцахъ же первенствовалъ изъ присланныхъ туда, уволенный съ работъ нѣкто Лаптевъ, очень оригинальная личность. Онъ былъ роднымъ братомъ бывшему когда-то корпуснымъ командиромъ генералу Лаптеву и сосланъ въ каторжную работу за то, что выдралъ за бороду священника во время выноса Св. Даровъ и причащенія. Онъ леталъ въ экосезѣ со всевозможною претенсіею на грацію, и когда мы замѣчали ему, не безъ лукавства, о его ловкости, то онъ говорилъ: «о! я въ экосезѣ всегда экселировалъ». Онъ былъ уже при Павлѣ I гвардейскимъ, помнится, преображенскимъ офицеромъ. Былъ большой любезникъ съ дамами и помогалъ имъ въ вышиваніи по канвѣ; эту работу онъ, не знаю, какъ и гдѣ выучившись, дѣйствительно исполнялъ не дурно, по отзывамъ дамъ. Безъ сомнѣнія, въ свое время онъ былъ въ лучшемъ обществѣ по своему званію гвардейскаго офицера, по богатству и родству. Онъ занимался также поэзіею и писалъ стихи, немного напоминашіе Третьяковскаго. Это былъ типъ тогдашняго русскаго образованнаго по тому времени дворянства, съ московскимъ акцентомъ, протянутою пѣвучею рѣчью. Онъ говорилъ по-французски, читалъ энциклопедистовъ, Вольтера и набрался, вѣроятно, той умственной чепухи, которая и подвинула на его хвастливо-безбожный поступокъ. Но въ наше время онъ уже отрѣзвился и конечно считалъ свой поступокъ безбожнымъ. Ему въ то время уже было 60 лѣтъ, но не смотря на свои лѣта, онъ очень любилъ танцовать и выдѣлывалъ съ строгою точностію всѣ тогдашнія па. За нимъ слѣдовали кавалеры, которые конечно отдавали ему первенство и можетъ быть старались достигнуть того-же совершенства, не знаю только, успѣшно-ли.

Изъ этого можно видѣть, что въ Минусинскѣ, не менѣе всѣхъ другихъ уѣздныхъ городовъ, жили общественною жизнью, веселились по своему, и обильно угощали гостей. Думаю, что начало этому положилъ Александръ Кузьмичъ, затѣмъ его преемникъ, выстроившій себѣ прекрасный большой домъ, съ большимъ заломъ, гдѣ могли танцовать безъ всякаго стѣсненія. На святкахъ играли въ фанты, наряженные разтѣзали по домамъ, вездѣ принимались и угощались. Но надо замѣтить одну черту въ угощеніи, собственно принадлежащую Минусинску или вообще тому краю. Это—угощеніе неподслащенной и крѣпчайшею наливкой, непременно передъ чаемъ подаваемою; другая особенность, это—настоячивое подчиваніе, что конечно доказываетъ прекрасное качество хозяевъ—ихъ радушное гостеприимство и твердое желаніе, чтобы гость былъ вполне упитанъ, упоенъ и вынесъ изъ дома полное довольство.

Въ наше же время начала развиваться въ Минусинскомъ округѣ

золотопромышленность; городъ много оживился прїѣдомъ разныхъ повѣренныхъ, горныхъ штегерей, прикащиковъ и другихъ служащихъ на прїискахъ. Сбытъ произведеній увеличился, какъ усилилась съ золотой горячкой и порча патриархальныхъ нравовъ. Для розысковъ золота прїѣхали капиталисты и первымъ—Екатеринбургскій купецъ Михайло Григорьевичъ Крюковъ, молодой человекъ очень прїятной наружности. Онъ явился съ визитомъ къ окружному въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ круглой шляпой — полнымъ джентльменомъ. Тутъ и мы съ нимъ познакомились, и какъ насъ очень интересовало это дѣло для будущихъ нашихъ хозяйственныхъ плановъ, и какъ онъ оказался человекомъ очень практичнымъ и очень хорошимъ, то мы скоро сошлись съ нимъ. На слѣдующій годъ онъ же прїѣхалъ съ родственниками своими Яковомъ Ивановичемъ Расторгуевымъ и Александромъ Петровичемъ Колесниковымъ. Золото уже было найдено, прїиски и контора были устроены. На эти то прїиски мы начали потомъ поставлять свои произведенія: муку, крупу, говядину. Колесниковъ былъ юноша лѣтъ шестнадцать, очень умный, скромный, съ прекраснымъ направленіемъ, котораго мы съ братомъ и всѣ наши товарищи очень любили. Дядя его Яковъ Иван. Расторгуевъ, тогда еще молодой человекъ, только что начинавшій золотопромышленную карьеру, теперь уже отецъ 16 или 17-ти дѣтей, истинный патриархъ, и какъ я узналъ, выдающійся общественный дѣятель въ своемъ краѣ. Я недавно здѣсь въ Москвѣ увидѣлся съ нимъ и это свиданіе произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Вотъ, подумалъ я, въ какихъ людяхъ сила Россіи, а ихъ конечно много,—много невѣдомыхъ и невидимыхъ. вмѣсто очень молодаго человека, искателя золота, теперь передо мной стоялъ человекъ съ окладистой черной съ просѣдью бородой, крѣпкаго сложенія, съ умнымъ выраженіемъ лица, горячій патриотъ, но патриотъ чисто русскаго закала, безъ малѣйшей примѣси чего либо чуждаго; правда, нѣсколько старой Руси, но гораздо больше новой, по идеямъ прогресса, свободы, но свободы, въ строго русскомъ православномъ духѣ. Третій изъ нашихъ друзей, Михаилъ Григ. Крюковъ, въ томъ же родѣ и духѣ, но онъ къ несчастью ослѣпъ еще въ молодыхъ лѣтахъ и потомъ умеръ.

XV.

Жизнь въ Минусинскѣ.

Теперь приступлю къ описанію нашей жизни. Жизнь наша въ Минусинскѣ въ послѣдствіи была очень дѣятельна; по сначала мы не знали еще за что взяться; наконецъ рѣшились заняться рыболовствомъ, такъ какъ Енисей чрезвычайно богатъ всевозможными сортами рыбы. Не долго думая, мы наняли рыбака за 10 руб. ассиг. въ мѣсяць, купили лодки самоловы (это большіе крючки, бичевками привязанные къ толстой веревкѣ, называемой хребтинкой). Ловъ производится слѣдующимъ образомъ: поперегъ рѣки съ одного конца хребтины бросаютъ якорь, чтобъ не свесло веревки теченіемъ, а съ другого конца поплавокъ; такимъ образомъ самоловъ, протянутый на значительное пространство, пересѣкаетъ часть рѣки и рыба, проходящая подъ самоловомъ, зацѣпляемая крючкомъ, останавливается; рыбакъ на лодкѣ беретъ хребтину отъ поплавка, и вынимая ее постепенно, осматриваетъ крючки, и на которомъ оказывается рыба онъ ее снимаетъ и бросаетъ въ лодку.

Когда все было готово для ловли, мы на двухъ лодкахъ отправились изъ города по протоку Енисея внизъ по теченію. Въ одной лодкѣ съ рыбакомъ были всѣ самоловы и принадлежности ловли, а въ другой, меньшей, отправились мы вдвоемъ съ братомъ; одинъ правилъ рулемъ, а другой веслами. Берега Енисея восхитительны! Это высокія скалистые горы, съ самыми фантастическими и разнообразными очертаніями. Иногда эти утесы нагромождены одни на другіе, какъ будто какая-то страшная сила внезапно окаменила волновавшуюся массу и она стала хребтомъ горъ. Иногда эти массы дѣйствительно представлялись въ видѣ гигантскихъ волнъ, внезапно какою-то силою превращенныхъ въ твердыя скалы, такъ что сохранили видъ волнъ, съ загнутыми когда-то пѣнящимися верхушками.

Наконецъ изъ протока мы выплыли въ самый Енисей, котораго ширина съ островами простирается на нѣсколько верстъ. Въ руслѣ своемъ, окраенномъ гигантскими по высотѣ берегами, быстрота его почти водопадная. Вся поверхность его въ тихую погоду покрыта безчисленными кругами. Хотя мы нѣкогда были моряками и не трусливыми, но видъ огромной рѣки, помчавшей нашу маленькую ладью, страшное теченіе, попадавшіеся огромные корни (вѣковья деревья) вырванные водой съ низменныхъ мѣстностей берега, озадачили насъ, и мы съ братомъ переглянувшись, увидѣли, что надобно было рабо-

тать веслами изъ всѣхъ силъ, чтобы переплыть поперегъ такой рѣки къ другому берегу. Здѣсь мы на островѣ, по указу рыбака, должны были расположиться; а быстротой теченія насъ могло снести такъ далеко, что ночь застигла бы насъ однихъ гдѣ нибудь у берега, откуда подняться намъ, невнакомымъ съ мѣстностью, не было никакой возможности. По счастью и по сноровкѣ моряковъ, мы наконецъ пристали къ острову, называемому Березовымъ. Съ нами былъ самоваръ, чай, сахаръ, бѣлый и черный хлѣбъ, кострюли и все нужное для кочеванья. Дѣло шло уже къ вечеру и мы съ рыбакомъ едва успѣли поставить самоловы. Затѣмъ мы принялись за чай и каждый пойметъ, какъ онъ былъ приятенъ, послѣ такихъ усиленныхъ трудовъ, какъ переправа на греблѣ черезъ такую широкую и быструю рѣку; съ какимъ наслажденіемъ мы выпили понѣскольку стакановъ и выкурили понѣскольку трубокъ. Мы расположились подъ тѣнью великолѣпнаго тополя, замѣнивъ столъ стволомъ другаго тутъ же лежавшаго дерева, а стулья обрубками, обдѣланными топоромъ рыбака. Разложили костеръ, устроили рогульки для котелка и затѣмъ, къ ночи, работникъ отправился осмотрѣть самоловы: не попалась ли какая нибудь рыба на крючекъ. Не доплывъ еще до половины хребтинки, онъ снялъ порядочную стерлядку, которую и сварилъ на ужинъ. Хотя уха была безъ всякихъ гастрономическихъ приправъ, кромѣ впрочемъ луку, который у насъ былъ съ собой, но она была такъ вкусна, что думаю, ни одинъ изъ богатыхъ гастрономовъ не ѣлъ своей роскошной ухи съ такимъ удовольствіемъ. Послѣ ужина, помолитвшись Господу, мы разостлали свои войлоки, укрылись пинелями и подъ гулъ теченія гигантской рѣки и оклика ночныхъ птицъ, уснули сладчайшимъ сномъ. Островъ былъ расположенъ у подошвы высокой конусообразной горы, какъ разъ противъ протока, называемаго быстрымъ по чрезвычайной быстротѣ теченія, который отдѣлялъ островъ отъ берега. Гора эта, чрезвычайно живописная, называлась Самохваломъ. Преданіе говорило, что она такъ названа потому, что одинъ туземецъ изъ Енисейскихъ инородцевъ, наѣздникъ, похвалился, что съѣдетъ съ нея верхомъ до низменной полосы берега, на которой росли огромныя деревья. Гора такъ крута, что онъ, пустившись въ этотъ путь, не могъ сдержать коня, который покатился вмѣстѣ съ сѣдокомъ и кружась съ страшною быстротою былъ убитъ и унесенъ Енисеемъ.

Осмотрѣнные самоловы доставили еще нѣсколько стерледей и другихъ рыбъ, которыя и были на привязи цупены въ воду. Затѣмъ, собравъ свои вещи, мы отправились домой, а рыбакъ нашъ занялся устройствомъ шалаша для себя и для нашего пріѣзда.

Мы неоднократно посѣщали свои самоловы, которые потомъ переносили съ одного мѣста на другое. Промысломъ этимъ мы занимались нѣсколько мѣсяцевъ; увидѣвъ, что онъ кромѣ своего стола давалъ не болѣе того, что стоить намъ рыбакомъ, мы его прекратили, имѣя всегда рыбу очень дешево, такъ какъ фунтъ красной рыбы продавался по двадцати копѣекъ ассигнаціями. Правда, что эта новая для насъ кочевая жизнь среди чудной природы была восхитительна и доставляла самыя чистыя, высокія наслажденія, но по трудности переѣздовъ, перекочевки съ одного мѣста на другое и по ничтожной выгодѣ, мы его оставили.

Въ самомъ началѣ нашей жизни въ Минусинскѣ пріѣхалъ богатый золотопромышленникъ Кузнецовъ и видя, что мы не имѣемъ еще занятій, предложилъ намъ мѣсто на своихъ пріискахъ съ жалованьемъ по четыре тысячи рублей; это для насъ было бы очень хорошо, но какъ при этомъ нужно было выѣхать изъ города на пріиски, то окружной начальникъ спросилъ генераль-губернатора, тотъ представилъ объ этомъ въ III-е отдѣленіе, откуда было въ этомъ ходатайствѣ отказано. Когда было намъ отказано въ пріискахъ, получено было предписаніе окружному начальнику устроить на берегу Енисея овчарню на 7000 русскихъ овецъ и присланы были меринцовые производители. Это былъ опытъ, не помню, самаго ли правительства или какой нибудь компаніи, о которыхъ впрочемъ тогда еще не было и поминна, но все же опытъ былъ очень удаченъ, такъ какъ въ третьемъ колѣнѣ уже овцы имѣли очень тонкую шерсть. Окружной начальникъ опредѣлилъ временноуправляющимъ овчарней моего брата, пока онъ не получитъ разрѣшеніе свыше. Представленіе ходило нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ онъ и занимался овцеводствомъ, но потомъ былъ полученъ отказъ. Въ это время для этого занятія мы купили первую свою лошадь и легонькую телѣжку, въ которой и ѣздили въ овчарню, расположенную на островѣ по другой сторонѣ протока Енисея. Потомъ купили бѣговныя дрожки, санки и мало по малу стали обзаводиться.

Находя, что живя на наемной квартирѣ не удобно было имѣть огородъ, который бы доставилъ намъ пріятную и полезную работу, мы купили небольшой домикъ, состоявшій изъ двухъ чистыхъ комнатъ и передней. Площадь передъ домомъ лѣтомъ покрывалась травой и представляла зеленѣющійся лугъ. Дворъ былъ обширный, покрытый тесомъ, амбары, кладовныя изъ превосходнаго лѣса, а за дворомъ сзади усадьбы былъ огородъ и большое мѣсто. Купивши домикъ, мы наняли пахатную землю, оставленную прежними владѣльцами, конечно, за безцѣнокъ, въ количествѣ шестидесяти или семиде-

сяти десятинъ. Купили лошадей, бороны,—наняли работниковъ и сдѣлались въ полномъ смыслѣ фермерами.

Пашня наша была въ двадцати верстахъ отъ города на значительной возвышенности. Почва была превосходный черноземъ. Мы наняли такихъ работниковъ, которые сами дѣлали и плуги, и бороны, разумѣется то, что въ нихъ было изъ дерева, а желѣзо покупали и оковывали въ кузницѣ, которой хозяномъ былъ скопецъ Герасимъ, отличный человекъ, у котораго была хорошенькая взрослая дочь и, что было удивительно между этими фанатиками, не принадлежавшая къ сектѣ.

Вмѣсто рыболовнаго кочеванія мы стали вести кочевую жизнь земледѣльческую, пока не устроились окончательно. Первый годъ мы устроили себѣ шалаши, называемые въ Сибири станаша. Это очень хорошее и теплое помѣщеніе. Вбиваются крѣпко въ землю четыре столба, довольно толстые, на нихъ кладутся и крѣпко утврждаются перекладины, а къ перекладинамъ наклонно прикрѣпляются толстыя доски, одѣваются дерномъ и прижимаются драначками. Сверху оставляется отверстіе для дыма, въ серединѣ выкладывается кирпичемъ мѣсто для огня, на очагѣ варятъ кашу, щи, тутъ же и кипятится вода для чая.

Первый годъ мы устроили для себя такой станъ и въ немъ кочевали до осени, а между прочимъ начали строить большую избу для рабочихъ и такъ какъ она была пятистѣнная, то возлѣ рабочей казармы была наша комната свѣтлая и очень уютная. Около избы былъ устроенъ токъ для молотбы, а по обѣимъ его сторонамъ два овина для сушки сноповъ зимой. Эта изба была выстроена красиво, съ большимъ крыльцомъ и покрыта тесомъ. Вокругъ и далѣе расположены были группами большія, хотя и рѣдкія березы. Въ близъ лежащемъ оврагѣ бѣжалъ родникъ, откуда брали воду для питья и чая. Кромѣ родника на пашнѣ были выкопаны небольшіе пруды для поенія и купанія лошадей и коровъ.

Первый годъ, какъ я упомянулъ, мы кочевали въ такъ называемомъ станѣ, въ которомъ одна сторона была наша, а другія двѣ занимали работники съ своими котомками. Когда земледѣліе сдѣлалось нашимъ постояннымъ занятіемъ, мы съ братомъ чередовались по недѣлѣ. Въ понедѣльникъ одинъ изъ насъ уѣзжалъ на пашню, а другой оставался дома и занимался въ школѣ, которую мы устроили по просьбѣ мѣщанъ, крестьянъ близъ лежащихъ селъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ. Небольшое количество учебниковъ грамматики, географія, исторія и ариметики было у насъ съ собой; ариметику же мы преподавали по Фрапкору съ лекціей Бобріщева-Пушкина, читавшаго въ

Петровскомъ еще казематѣ. Конечно, ученіе наше ограничивалось правильнымъ чтеніемъ, хорошимъ и нѣскольکو правильнымъ письмомъ, основными краткими понятіями о географіи, священной и русской исторіи. Черезъ нѣскольکو лѣтъ мы имѣли утѣшеніе видѣть учениковъ нашихъ поступившими одного въ казначейство, другаго въ волостное правленіе писаремъ, а другихъ теперь уже не припомню. Школа имѣла въ разное время до двадцати учениковъ. Главная наша цѣль была, съ развитіемъ ума, внушить правила чистой нравственности, разумной религіозности, честности и уничтоженія дурныхъ привычекъ, въ чемъ, какъ кажется, мы съ помощью Божіею и успѣли. Между учениками нашими былъ и татаринъ, сынъ тамопняго кочевника, богача Чирки Каркина, который просилъ помѣститъ его у насъ въ домѣ на жительство и по окончаніи ученія подарилъ намъ жеребца своихъ табунновъ. Далѣе я еще упомяну о немъ.

Устроившись въ своей жизни, мы чтобы не совсѣмъ погрязнуть въ матеріальныхъ заботахъ, начали переводить съ англійскаго языка завоеваніе Гренады Вашингтона Ирвинга. Мы еще въ Минусинскѣ кончили переводъ, который и до сихъ поръ хранится у меня въ рукописи; на пашню же брали книги для чтенія въ свободное время. На пашнѣ въ станѣ мы помѣщались довольно удобно. Отгороженное досками мѣсто, чтобы не разваливалось посланное сѣно, покрывалось ковромъ, а ночь простыней. Бѣдствіе мое сначала заключалось въ томъ, что въ этомъ зимнемъ станѣ гнѣздились мыши, съ которыми я никогда не могъ ужиться, но тутъ моимъ избавителемъ былъ мой крестникъ Петръ, который стрѣлялъ въ нихъ изъ лука безъ промаха, какъ только покажется какая нибудь изъ нихъ. Передъ сномъ онъ обыкновенно тщательнo перебивалъ сѣно и осматривалъ дернъ. Въ дождливое время всѣ работники забирались въ станъ. Въмѣсто чая они дѣлали себѣ настой изъ кореньевъ шиповника, которые выпаривали, и довольно густой настой пили, находя его очень вкуснымъ. Всѣхъ другихъ пить этотъ чай научилъ крестьянинъ изъ поселенцевъ Тихонъ, большой краснобай, очень умный и знаменитый сказочникъ. Онъ зналъ пропасть сказокъ, изъ коихъ нѣкоторыя были очень забавны; рассказываемыя съ присказками русскаго юмора, онъ часто дѣйствительно возбуждали искренній хохотъ. Убирали мы сѣно и хлѣбъ съ найма и подесятинно, и съ копны. Онъ былъ въ числѣ этихъ работниковъ. Въ рабочіе дни, еще на зарѣ, лошади уже запрягались въ сабаны и отправлялись пахать. Сабаны—это небольшіе плуги, передѣланные и упрощенные изъ большихъ малороссійскихъ плуговъ, весьма удобные; они не имѣютъ рѣзака, а два сошника, изъ коихъ одинъ съ загнутымъ перомъ вмѣсто рѣзака и называется муженькомъ, а другой пло-

скій—женкой. Ими пахать очень легко и можно пахать мелко и глубоко. Сибиряки, поднимая пласты, берутъ очень мелко, сберегая плодородный черноземъ, а послѣ известнаго періода времени, прибавляютъ глубины, чтобы захватить свѣжей земли, что составляетъ тоже удобрение; къ тому же тамъ система переложная, конечно, по обилію земель. Только одинъ хлѣбъ снимается, а на другой годъ земля отдыхаетъ, но не пустуетъ, порождая сорныя травы, а пашется, боронуется и во второй разъ пашется къ осени, такъ что на слѣдующій годъ она готова къ посѣву подъ борону или подъ соху. Гречи тамъ тогда не сѣяли, только мы ввели ея посѣвъ. Какъ по Волгѣ господствуетъ каша пшенная, въ Великороссіи—гречневая, такъ въ Сибири—ячменная или яшневая. Мы сѣяли Гималайскій ячмень многоплодный. вмѣсто ржи, тамъ сѣется яровая рожь или ярица. Изъ нея хлѣбъ гораздо бѣлѣе противъ озимой ржи.

Когда наша изба и горница были готовы, мы подняли изъ города образа и на всѣхъ поляхъ служили молебны. Крыльцо было убрано вѣтвями, полы травой и цвѣтами. Послѣ молебна, образа были внесены въ избу, все окроплено святой водой, затѣмъ послѣдовало угощеніе чаемъ и пирогами. Образа несли мы сами, ученики наши и работники, на разстояніи отъ города двадцати верстъ.

На нашиѣ мы вставали вмѣстѣ съ зарей, когда запрягали лошадей, обходили всѣ работы, посѣвъ, бороньбу, пахату. Свѣжій утренній воздухъ, напитанный ароматомъ цвѣтовъ, усыпанныхъ брилліантами росы, уже съ утра радостно настроивалъ чувство; и во время этой хозяйственной прогулки, я обыкновенно выполнялъ свою утреннюю молитву и какъ сладостна была эта молитва среди чудной природы и уединенія! Сколько благодарныхъ чувствъ возникало въ душѣ, при воспоминаніи всего тяжело уже минувшаго; въ такомъ настроеніи я былъ совершенно доволенъ своей судьбой.

Обойдя всѣ работы, я возвращался въ домъ, гдѣ уже на разложенномъ огнѣ на очагѣ кипѣлъ чайникъ. Петръ уже приготовилъ посуду и я принимался за чай, выкуривалъ свою трубку, читалъ или писалъ свой дневникъ. Это было время отдыха. Потомъ снова ходилъ по работамъ, что продолжалось цѣлый день. Когда возвращались лошади и работники, я также возвращался съ ними. Лошадямъ задавали кормъ, а работники садились обѣдать. Кушанье какъ имъ, такъ и намъ, готовила стряпуха, жена одного изъ нихъ. Когда работники обѣдали, мы иногда садились воелѣ нихъ, слушали ихъ разговоры, въ которыхъ и сами принимали участіе.

Несмотря на неразвитость нашего простаго народа, бесѣды съ ними были очень занимательны. Кромѣ того, что они чрезвычайно прак-

тичны во всемъ, что касается ихъ быта, но имъ доступны по простому здравому смыслу и болѣе серьезныя, даже отвлеченныя идеи, конечно болѣе изъ бытовой или религіозной сферы, такъ какъ православіе глубоко проникло во весь нашъ народный организмъ; и проникло не замѣтно, не смотря на то, что народъ нашъ не имѣлъ воспитанія и къ сожалѣнію рѣдко слышалъ даже и проповѣдь, но онъ какъ бы съ молокомъ матери всосалъ вѣру, и вѣру правую, и крѣпко держится ея. Проведя много лѣтъ моей жизни въ близкомъ сообщеніи съ простымъ народомъ, я убѣдился въ этомъ. Наши реформаторы обыкновенно говорятъ, что русскій крестьянинъ, какъ дикій, поклоняется иконамъ, какъ идоламъ, что ставятъ въ упрекъ ему и даже православію. Но наши мыслители реформаторы, неимѣющіе понятія о своей церкви и своемъ народѣ, основываютъ свои мнѣнія всегда на какомъ нибудь непремѣнно извращенномъ фактѣ. Сколько я видѣлъ изъ разговоровъ съ ними, я убѣдился, что народъ нашъ поклоняется иконѣ не какъ доскѣ или холсту, вмѣщающему въ себѣ силу, а поклоняется изображеннымъ на нихъ Спасителю, Богородицѣ и тѣмъ прославленнымъ самимъ Богомъ святымъ, въ которыхъ онъ обиталъ при жизни ихъ во времени, какъ обитаетъ въ вѣчности. Что въ народѣ развито суевѣріе и иногда весьма грубое, то это справедливо; но суевѣріе есть достояніе большинства людей, многихъ очень образованныхъ и даже самихъ безбожниковъ.

Всѣ наши работники были ссыльные поселенцы, то есть по закону преступники; и вотъ что я долженъ сказать о нихъ съ полнымъ безпристрастіемъ, а именно, что всѣ они, за исключеніемъ одного, были не только хорошіе, но и очень хорошіе люди. Наступившая ли реакція въ ихъ внутреннемъ состояніи, или то, что каждый человѣкъ есть смѣшеніе добра и зла, и что даже въ тотъ моментъ, когда онъ совершалъ зло, его увлекала какая нибудь страсть, мгновенно имъ овладѣвшая, а прирожденное добро только уступило въ ту пору, чтобы снова и крѣпче утвердить свою власть,—только наши работники-поселенцы, то есть ссыльные, осужденные закономъ, вѣроятно уже были въ томъ состояніи, когда отступившее нѣкогда добро снова овладѣло ихъ природой; я тутъ не разумѣю тѣхъ злодѣевъ, которые подъ вліяніемъ духа зла совершенно извращаютъ природу человѣка и дѣлаютъ ее вѣрообразною.

Первый работникъ нашъ былъ Якокъ Петровъ, сосланный изъ Саратовской губерніи еще по помѣщичьему праву, по наговору бурмистра, какъ онъ рассказывалъ, а по правдѣ или неправдѣ—знаеть Богъ и его совѣсть, но у насъ онъ жилъ шесть лѣтъ вплоть до нашего отъѣзда на Кавказъ и во все время былъ честнѣйшимъ и до-

бросовѣстнымъ работникомъ. Другой былъ владимірецъ Никифоръ, очень бойкій и умный человекъ — типъ великорусса, грамотный и способный на всякую работу. Третій—Андронъ, литовецъ, очень кроткій и совѣстливый человекъ. Четвертый—саратовецъ Кононъ, звали же его работники Кона Егоровичъ, маленькій человекъ и большой говорунъ. Этотъ былъ сосланъ за первый опытъ конокрадства вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, подговорившимъ его, еще молодого, на этотъ подвигъ. Онъ у насъ жилъ тоже шесть лѣтъ и былъ отличнымъ работникомъ. Всѣ эти люди были трезваго поведенія, хотя въ храмовые праздники и другіе случались съ ними и прорухи, забирали ихъ въ въ полицію, откуда протрезвившись посылали намъ прошенія объ ихъ освобожденіи, обѣщаясь уже впредь не довести себя до такого сраму. Мы ихъ, разумѣется, освобождали съ хорошей головомойкой и дѣло шло своимъ порядкомъ. Одинъ изъ неудачныхъ работниковъ былъ Гаврило, котораго и физіономія не обѣщала добраго, но въ это время намъ нужно было прибавить работниковъ и мы его взяли. Онъ былъ сосланъ за бродяжничество, какъ онъ рассказывалъ. Мы указывали ему вредъ такой жизни, которая вела его къ преступленіямъ, но онъ не сознавался, и увѣрялъ что теперь уже намѣренъ оставить такую жизнь, къ которой было пристрастился, и хотеть жить честно на одномъ мѣстѣ. «А то бывало, говорилъ онъ, какъ кукушка закукуетъ, то такъ и тянетъ въ лѣсъ». И дѣйствительно, какъ только закуковала кукушка, онъ въ одну безлунную ночь, собравъ лопатъ своихъ товарищей (такъ въ Сибири называютъ вообще одежду) скрылся, то есть бѣжалъ и конечно въ лѣсъ, такъ что кукушка оказалась сильнѣе его рѣшимости жить на одномъ мѣстѣ. Не знаю, что удержало его състь на одну изъ лошадей нашей конюшни. Посо- вѣстился ли онъ того, что нарушилъ свое обѣщаніе намъ, или опасался, что за лошадь его сильнѣе будутъ преслѣдовать. Съ тѣхъ поръ мы о немъ не слыхали. Но самый оригинальный изъ нашихъ работниковъ былъ такъ называемый Кона Егоровичъ, бывший конокрадъ. Онъ оставлялъ въ Россіи молодую жену и маленькаго сына, которыхъ выписывалъ пріѣхать къ нему; мы обѣщались помѣстить ее у насъ стряпухой къ работникамъ, а сына воспитывать. На его письма не было отвѣта, такъ что онъ наконецъ потерялъ надежду, полагая, что она вышла замужъ. Однажды черезъ Минусинскъ проводили партію ссыльныхъ и вдругъ Кононъ является къ намъ и просить позволенія жениться. Мы сначала подумали, что онъ нашелъ невѣсту между горожанками, а оказалось, что онъ проситъ взять женщину изъ партіи ссыльныхъ, отправлявшихся далѣе. Мы старались представить ему весь рискъ такого выбора, но оказалось, что ему

крѣпко приглянулась одна очень молодая женщина, Кунгурская горожанка, и онъ уже имѣлъ ея согласіе. Нечего было дѣлать, какъ исполнить его желаніе и мы черезъ окружнаго начальника въ тотъ же день устроили это дѣло.

На другой же день была свадьба и я долженъ былъ благословить ихъ. Его Варя, дѣйствительно, оказалась очень недурна собой, не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, и не смотря на все то, что она должна была перенести, бывши подъ судомъ, конечно заключенная въ острогѣ, сдѣлавши нѣсколько тысячъ верстъ съ партией, сохранила всю свою юную свѣжесть. Съ тѣхъ поръ мнѣ уже не было другаго имени какъ «батюшка родимый». Не знаю, за что она была сослана, мы не поднимали этой завѣсы, за которой скрыты человѣческія страсти, человѣческія преступленія, причины ихъ и побужденія; но въ новой жизни своей она оказалась кроткою женщиной, работающею кухаркой и вѣрною женою; по крайней мѣрѣ не было у насъ случая проявленія какого либо неудовольствія между мужемъ и женою или несогласія.

Временнымъ работникомъ былъ тоже у насъ изъ казанскихъ татаръ, преоригинальная личность, какъ по наружности, такъ и по флегматическому характеру. Однажды за обѣдомъ на нашей полевой заимкѣ работники, которые любили его за его кроткость, подшучивая, уговаривали его вступить въ крещеную вѣру, доказывая ему, что Магометъ его былъ не пророкъ, а обманщикъ. Онъ съ обычной своей флегмой кротко отвѣчалъ: «христіанская вѣра добрая вѣра и наша тоже вѣра добрая, а если-бъ она была худая вѣра, то царь не строилъ бы намъ мечетей, а велѣлъ бы креститься». Я старался объяснить ему, что царь не строить и не приказываетъ строить мечетей, а позволяетъ, потому что лучше какая нибудь вѣра, чѣмъ никакой; церковь наша не позволяетъ никого насильно крестить, а крестить тѣхъ, которые пожелаютъ, и то прежде еще обучить ихъ закону Божію; онъ какъ будто уразумѣлъ доводъ и замолчалъ. Вотъ какое понятіе о терпимости имѣютъ наши невѣжественные инородцы и это особенно можно относить къ сибирякамъ-язычникамъ, которымъ прямое покровительство оказываютъ наши же христіанскія власти; какъ было прежде такъ и продолжается теперь, по свидѣтельству миссіонеровъ. Безъ сомнѣнія это отъ того, что между этими полу-цивилизованными чиновниками царствуетъ общее нашей интеллигенціи равнодушіе къ вѣрѣ. Эти великіе философы считаютъ равными всѣ вѣры, потому что сами не имѣютъ никакой. Этотъ флегматическій татаринъ однажды удивилъ насъ своимъ спартанскимъ подвигомъ. Онъ почему-то находилъ нужнымъ пускать себѣ кровь ежегодно. Когда пришло это время, онъ просилъ насъ позвать фельдшера для операціи, но мы просили на-

шего доктора, хорошаго знакомаго, осмотрѣть его и ежели нужно — пустить ему кровь. Докторъ, осмотрѣвъ, нашель ненужнымъ кровопусканіе и что-то прописалъ ему. Крайне недовольный отказомъ, онъ отправился къ себѣ и шиломъ самъ себѣ прокололъ жилу; какъ онъ не нашель и какъ совершилъ эту операцію—это осталось для насъ тайной. Когда я увидѣлъ его съ забинтованной рукой, онъ улыбался довольный, что надулъ доктора.

Наша кухарка, она-же и экономка, которая завѣдывала всѣмъ нашимъ хозяйствомъ и бѣльемъ, была туземка, смѣшанной русской и татарской крови, сирота, воспитанная въ домѣ священника и выданная замужъ противъ воли за туземца, жившаго въ работникахъ у того же священника. Это была молодая женщина двадцати двухъ лѣтъ, очень хороша собой, умна и по своей честности, способности и преданности, была для насъ съ братомъ истиннымъ кладомъ. Мужъ ея жилъ на Абаканѣ у одного думскаго писмоводителя. Она была такъ хороша, а главное такъ умна, что впоследствии, когда овдовѣла, уже послѣ нашего отъѣзда на Кавказъ, на ней женился нашъ товарищъ и другъ Н. А. Крюковъ.

Зимой мы также чередовались съ братомъ и по недѣлямъ жили на заимкѣ (по здѣшнему хуторъ), такъ какъ тамъ производилась молотба пшеницы, овса, ячменя, ярицы и это время конечно было поскучнѣе, не то что лѣтомъ. Но вотъ черезъ три года пріѣхали въ Минусинскъ, тоже на поселеніе, Крюковы, наши товарищи, и такъ какъ они пріобрѣли также пашню, по нашему примѣру, и около насъ, то мы уже жили на заимкѣ съ Николаемъ, съ которымъ были дружны еще въ нашемъ заключеніи. Какая была радость, когда въ одинъ прекрасный лѣтній день, мы увидѣли остановившуюся у нашихъ воротъ бричку и выходящихъ изъ нея нашихъ друзей и товарищей! Какъ крѣпко обнялись мы, сколько разспросовъ объ оставшихся товарищахъ и о нашихъ милыхъ, незабвенныхъ дамахъ; они-же разспрашивали о нашемъ бытѣ-жизнѣ; разспросамъ и отвѣтамъ не было конца и только поздняя ночь и сонъ положили имъ конецъ. Помню, что въ эту самую памятную ночь была гроза, лилъ дождь и у насъ, подъ шумокъ, украли изъ кладовой провнано.—Съ ихъ пріѣдомъ и половня занятія наши стали много пріятнѣе, потому что намъ всегда сопутствовалъ Николай. Это былъ человекъ кипучей дѣятельности, онъ полюбилъ хозяйство и повелъ дѣло очень хорошо. Братья Крюковы оба служили во второй арміи, тогда еще подъ начальствомъ графа Витгенштейна; старшій былъ его адъютантомъ кавалергардскаго полка, а младшій генеральнаго штаба. Онъ прежде былъ въ университетскомъ пансіонѣ, кончилъ-же въ училищѣ колонновожатыхъ

у Николая Николаевича Муравьева. Они также купили домъ не далеко отъ насъ, завели домашнее хозяйство, которое исключительно принялъ на себя Александръ Александровичъ. Онъ былъ большой гастрономъ и не любилъ полевого хозяйства, которымъ занимался исключительно меньшей братъ; вставалъ и ложился онъ поздно, проводя вечера у окружнаго Петра Аф. или у когонибудь, гдѣ собирались на бостонъ и вистъ. Одно воскресенье положено было обѣдать у насъ, а другое у нихъ. Если ктонибудь изъ знакомыхъ пріѣзжалъ въ городъ, то останавливался или у насъ, или у нихъ. Вместе съ ними пріѣзжалъ тоже на поселеніе Ив. Вас. Кир., который и жилъ у насъ; потомъ еще пріѣзжалъ съ большимъ семействомъ И. Осиповичъ Мос., такъ что наше общество увеличилось значительно.

Все, что пріѣзжало въ городъ изъ образованнаго класса людей, какъ-то: ученые, иностранцы, пріѣзжавшіе понюхать счастья на золотѣ, или ученые, командируемые съ какоюнибудь ученою цѣлью,—все это группировалось около насъ. Между этими господами были личности очень пріятныя.

Такъ, два года сряду посѣщалъ Минусинскъ берлинецъ Лесингъ, потомокъ писателя, какъ онъ заявлялъ. Онъ ѣздилъ въ Саянскія горы для барометрическаго измѣренія горъ. Это былъ славный молодой человекъ, очень умный, ученый, занимательный, но въ то же время и нѣсколько забавный по своему нѣмецкому самолюбію. Напримѣръ, онъ выдавалъ себя за хорошаго ѣздока, тогда какъ былъ очень плохимъ. Онъ возилъ съ собою уральское казачье сѣдло, находя его очень покойнымъ для долгой верховой ѣзды, что и справедливо. Ему привели даже оттуда казачью лошадь. Однажды мы собрались съ нимъ на тетеревей, оба верхомъ. Подо мной была молодая игрневая лошадь, ходившая иноходью, до того покойная въ ѣздѣ, что я дѣлалъ на ней бывало верстъ тридцать, ѣздивши въ улусы за покупкой скотины и пріѣзжалъ домой, какъ будто не ѣздивъ. Возвращаясь съ охоты, неудачной, такъ какъ тетеревей не видѣли, я замѣтилъ, что нѣмецъ мой на рыси былъ не совсѣмъ по себѣ, фигура его изображала это. Мнѣ пришло въ голову испытать его наѣздничество и я сталъ понемногу прибавлять иноходи; вижу, что его стало крѣпко привскидывать; видя же съ боку его страждущую фizioномію, хотѣлъ внутренно. Онъ нѣсколько времени крѣпился, но, наконецъ, не выдержалъ и взмолился лозаннымъ русскимъ языкомъ, и мы поѣхали шагомъ, но я едва, едва могъ сдерживать разбивавшій меня хохоть. При отъѣздѣ въ Саянскъ, онъ пожалалъ и насъ сдѣлать маленькими участниками его ученыхъ работъ, оставивъ намъ свой стеклян-

ный термометръ и просилъ дѣлать метеорологическія наблюденія, что и исполнялось братомъ акуратно, записывалось и потомъ передано ему.

Потомъ былъ у насъ астрономъ Федоровъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ того времени, кажется онъ былъ помощникомъ Струве на Пулковской обсерваторіи. Онъ былъ командированъ для астрономическаго опредѣленія широтъ многихъ изъ Сибирскихъ городовъ. Это была чудная и симпатичная личность, какую рѣдко можно встрѣтить; что за кротость, что за безмятежное спокойствіе, что за мягкость и ровность характера. Мы съ братомъ просто влюблены были въ этого чуднаго человѣка и съ большимъ сердечнымъ сожалѣніемъ съ нимъ расстались,—такъ онъ привязалъ насъ къ себѣ въ теченіи одной или двухъ недѣль своего пребыванія. Мы часто бывали у него во время его наблюденій, которыя дѣлались черезъ каждыя пять часовъ и въ свободное время смотрѣли въ его огромный телескопъ. Этотъ чудный небесный міръ долженъ имѣть огромное вліяніе на духъ человѣка и астронома. Смотря въ огромный телескопъ, какъ будто отдѣляешься отъ земли и чувствуешь себя въ воздушномъ пространствѣ. Эти свѣтлые безчисленные міры, быстро проплывающіе, недосыгаемая пространства въ таинственной тишинѣ ночи, постигнѣ имѣютъ что-то чарующее и можетъ ли разумное мыслящее существо не сознать то необъятное, непостижимое величіе существа, опредѣлившаго ихъ мѣсто и ихъ движеніе! Понистнѣ, небеса повѣдаютъ славу Божию! Вотъ почему, думалъ я, эта чудная натура такъ гармонична, такъ возвышенна и такъ привлекательна. Казалось, астрономъ Федоровъ только частію своего существа былъ на землѣ, а вся остальная принадлежала небу, и дѣйствительно онъ вскорѣ перешелъ въ эти обители свѣта, бывъ еще очень молодымъ.

Иногда пріѣзжалъ въ городъ главный комиссіонеръ по откупамъ богача Рязанова, золотопромышленника и откупщика, Дм. Ф. Ъз., человѣкъ очень образованный, хорошаго общества, чрезвычайно пріятный, благороднѣйшій по своимъ правиламъ и добрѣйшій по сердцу. Мы его очень полюбили и были связаны дружбой до самаго нашего выѣзда. Изъ всего этого можно видѣть, что недостатка въ пріятномъ обществѣ въ Минусинскѣ не было.

Въ Читѣ мы одно время занимались изученіемъ земледѣлія и вообще хозяйства, читали по этому предмету книги съ Константиномъ Петровичемъ Торсономъ, который основательно изучилъ этотъ предметъ, и написалъ нѣсколько весьма интересныхъ проектовъ объ улучшеніи экономическаго положенія Россіи. Не знаю, сохранились-ли гдѣ эти рукописи, но онѣ были замѣчательны по своей строгой отчетливости, новизнѣ взгляда и показывали какими разнообразными

свѣдѣніями обладалъ этотъ человѣкъ. Нужно сказать, что онъ еще во время службы отличался своими свѣдѣніями, своею изобрѣтательностью и новѣйшее вооруженіе того времени корабля, который отвозилъ въ Ростовъ покойнаго Николая Павловича съ семействомъ, еще великимъ княземъ, было поручено ему по его и имъ выполненному проэктѣ. Торсонъ дѣлалъ кругосвѣтную кампанію лейтенантомъ въ экспедиціи для открытія у южнаго полюса, съ знаменитымъ нашимъ капитаномъ Беллинсгаузеномъ. Въ числѣ экономическихъ вопросовъ, значительное мѣсто занимали у Торсона машины, облегчающія и упрощающія тяжелый земледѣльческій трудъ. Онъ сдѣлалъ чертежъ 4-хъ конной молотилки-вѣялки-сортировки Дамбалея; но такъ какъ эта машина имѣла пропасть чугунныхъ колесъ, такъ что въ Сибири устройство подобной машины было немислимо, то Константинъ Петровичъ придумалъ всѣ эти колеса замѣнить деревянными кругами съ ремнями, а такъ какъ ремни требовались толстые постромпные, то за недостаткомъ этого, онъ придумалъ къ механизму простыя веревки. Когда хлѣбопашество наше устроилось и усилилось, то мы съ братомъ вздумали приступить къ постройкѣ молотильной машины Дамбалея, весьма сложной. Всѣ чертежи и съ размѣрами частей, поставленные Константиномъ Петровичемъ были намъ переданы, такъ какъ мы ранѣе его выѣзжали на поселеніе, и вотъ мы отыскали мастеровъ столяровъ, въ числѣ коихъ былъ и московскій иконостащикъ Звѣревъ, и принялись за дѣло. Впрочемъ, этимъ дѣломъ преимущественно занимался братъ, который былъ больше знакомъ съ механикой, чѣмъ я похвалиться не могу, хотя проходилъ ее въ курсѣ Гамалея; но между нами была та разница, что братъ вышелъ въ первомъ десяткѣ отличныхъ, а я въ 30-хъ обычныхъ. Покончивъ части, приступили къ самому остоу. За городомъ была выкопана яма, гдѣ должна была помѣщаться нижняя часть, сортировка зерна, другая для привода. Приводъ состоялъ изъ центральнаго на шпалѣхъ столба, вершиной своей входившаго въ подшипникъ перекладки. Огромнаго размѣра колесо было утверждено на немъ, а въ окружность вбиты желѣзныя рогульки, чтобы канатъ не скользилъ и не сдавалъ. Молотильный барабанъ сдѣланъ былъ деревянный съ березовыми кулаками, обитыми желѣзными толстыми полосами; подъ барабаномъ была вѣялка, съ деревянными гладкими дощаными скатами, откуда зерно скатывалось внизъ, просѣивалось и падало въ три отдѣленія: самое тяжелое, среднее и легкое или аватки. Впереди барабана были грабли съ желѣзными зубцами, все изъ дерева. На пробу собрались многіе знакомые изъ города. Рожь молотилась очень чисто, ячмень и овесъ хуже, такъ что приходилось

его перебивать другой разъ. Но все же дѣло было сдѣлано и машина отправлена на пашню.

Оверхъ земледѣльческой нашей дѣятельности мы были въ сношеніи съ золотыми приисками, и поставляли имъ муку, крупу и говядину, а все это требовало частыхъ разѣздовъ, для чего у насъ была сформирована славная тройка лошадей. Въ коню была небольшого роста рысистая лошадь, а пристяжные оба красавца, особенно правая была прекрасно сложена съ хорошенькою маленькою головою, чудными глазами, какъ будто арабской породы. Сносливость сибирскихъ лошадей замѣчательна: однажды братъ передъ праздникомъ Рождества ѣздилъ въ округъ для покупки хлѣба, что продано до сочельника; на пути къ дому онъ остановился въ нѣкоторыхъ деревняхъ, но не надолго и возвратился вечеромъ, сдѣлавъ 100 верс. не кормя. Взявшись поставлять говядину, мы ѣздили за скотомъ въ улусы, и были у богача Чирки-Каркина, котораго сынъ учился у насъ. Этотъ маленькій илюродецъ имѣлъ до ста табуновъ лошадей, около ста головъ въ каждомъ, до 4000 рогатаго скота и до 10,000 овецъ; и такъ какъ такое количество скота конечно привлекало къ себѣ большія стаи волковъ, то у него, смѣшно сказать, на зѣря полагалось до восьмидесяти головъ. Быки его зиму и лѣто паслись въ степи и были такъ дики, что стороннему человѣку пѣшкомъ нельзя было показаться, все это вдругъ бросалось на него и въ такомъ случаѣ оставалось одно средство спасенія, какъ намъ рассказывали, это ложиться на землю, что бы не быть посаженнымъ на рога.

Ставка Чирки-Каркина въ Улаѣ, по множеству юртъ, для семейства, родичей, прислуги представляла особый улусъ. Юрта его была очень большого размѣра, но и тутъ тѣ-же неизмѣнные сундуки, ковры, обычный по серединѣ юрты огонь, надъ которыми навѣшаны котелки съ бараниной и неизмѣннымъ кирпичнымъ чаемъ, какъ и во всѣхъ юртахъ. Хозяева татары очень радушны и когда принимаютъ русскихъ изъ почетныхъ гостей, то угощаютъ весьма щедро. У Чирки Каркина тутъ же устроенъ деревянный домъ для зимы по образцу Сибирскихъ. Деревянные скамейки со спинкой и ручкой, грубой работы стулья, шкафы съ посудой и проч. У Чирки Каркина имѣлся и фамильный чай и сахаръ; большею же частью тамъ съ чаемъ употребляютъ китайскій леденецъ.

По нашимъ хлѣбнымъ поставкамъ намъ съ братомъ случалось часто ѣздить по округу и останавливаться у крестьянъ, которые, въ случаѣ пріѣзда въ городъ, останавливались у насъ. Когда дѣла наши приняли довольно обширный объемъ, мы, продавъ свой маленькій домъ, купили большой о шести комнатахъ съ терасой. Черезъ сѣни

была большая свѣтлая изба съ высокими палатами и съ комнаткой у печи для кухарки, такъ что прїѣзжіе помѣщались свободно, а въ конюшни ихъ лошади. На дворѣ была еще большая изба для работниковъ. Когда мы останавливались у знакомыхъ нашихъ крестьянъ, то намъ отводили обыкновенно горницу. Всѣ крестьянскіе дома въ Минусинскомъ округѣ строились по одному русскому образцу: съ одной стороны была горница, съ другой изба, раздѣленная стѣнами. Стѣны горницы у многихъ были разрисованы масляною краскою; изображались тутъ и роши, и летающія птицы, и дикія ковы, и охотники, стрѣляющіе лѣвой рукой, словомъ всѣ фантазіи странствующаго художника тутъ были истощены; а между тѣмъ какъ внутренней штукатурки тамъ не употреблялось, и стѣны были гладкія и ровныя изъ превосходнаго строеваго лѣса, то этотъ способъ успѣшно препятствовалъ размноженію клоповъ и таракановъ. Въ переднемъ углу горницы помѣщался кивотъ съ образами, въ другомъ кровать съ ситцевыми занавѣсками, пуховиками и чистой простыней съ одѣяломъ. Угощеніе сибиряковъ вполнѣ выражало тогда и ихъ благоденствіе, и образцовое русское гостепрїимство. Чего не наставать бывало на столѣ радушныя и добрыя хозяйшкі! «Что есть въ печи—все на столѣ мечи», по пословицѣ; а когда случалось прїѣзжать въ какойнибудь праздникъ, особенно храмовой, то тутъ уже не было конца угощенію. Столъ, какъ въ Пасху, постоянно заставленъ кушаньями; гости одни приходятъ, другіе уходятъ. Приходящіе разсаживаются около стола по скамейкамъ и стульямъ, а старшая хозяйка тотчасъ же является съ рюмками, графиномъ съ виномъ на подносѣ, обходя всѣхъ гостей и не допуская отказа. Въ это самое время она прїѣзжаетъ и ей подтягиваютъ присутствующіе. Всѣ, конечно, мужчины и женщины въ праздничныхъ одеждахъ. По улицамъ пѣніе и хороводы безконечныя и безконечное шолканіе кедровыхъ орѣховъ. Группы крестьянъ, уже конечно подпившихъ на радостяхъ праздника, ходятъ по улицамъ, обнявшись, съ громкою пѣснью. Миѣ случалось ночевать въ такой праздникъ и помню, что я не могъ спать, потому что пѣніе и клики не умолкали и продолжались всю ночь, да и дверь безпрестанно то отворялась, то затворялась.

Для покупки же хлѣба намъ случалось ѣздить и въ казенныя вновь устроенныя поселенія. Поселенцы хорошаго поведенія, которые все же составляютъ около половины всего населенія, успѣшно занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и такъ какъ земля имъ была отведена превосходная и вѣроятно никогда не паханная, то у нихъ хлѣба на продажу было много. Однажды намъ пришлось прїѣхать въ одно изъ этихъ поселеній вечеромъ, и помню, что сторгова-

шихъ и купивъ хлѣбъ, я имѣлъ неосторожность, выдавая задатокъ продавцу, дать ему замѣтить оставшуюся у меня пачку денегъ. За то, когда мы сѣли въ сани, то порядочно побаявались, вспоминая, что это былъ одинъ изъ поселенцевъ, который если бы и не самъ захотѣлъ напасть на насъ, то могъ передать другимъ товарищамъ; а мошенниковъ между ними было много, и къ тому же оружія у насъ никакого не было. Когда мы выѣхали, была уже ночь, и дорога лежала черезъ дѣвственный лѣсъ съ вѣковыми соснами, лиственницей и елью гигантскихъ размѣровъ. Хотя тройка наша мчалась быстро, но мы все же озирались по сторонамъ, пока не выѣхали изъ лѣсу и не пріѣхали на почлегъ.

Во время зимнихъ разѣздовъ, иногда при очень сильныхъ морозахъ, одежда наша состояла изъ полдубка внутри и сверху благодѣтельной сибирской дохи, изъ шкуръ дикой ковы шерстью наружу. При всей легкости своей, въ ней никакой морозъ не страшень. Случалось намъ, когда узнавали, что продавались сходно бычки, дѣлать и довольно опасныя путешествія въ кочевья, въ большіе морозы, и благодѣтельная доха всегда выручала.

Въ путешествіяхъ нашихъ, намъ случалось также видѣть и такія картины, которыя только и возможны въ безграничныхъ пространствахъ сибирскихъ и азіатскихъ степей. Такъ, однажды, ѣхавши съ нашимъ докторомъ, мы увидѣли незнакомую еще намъ, но очень интересную картину. На высокомъ берегу видимъ стоитъ большой табунъ лошадей въ кучѣ и разъяренный жеребецъ, съ поднятыми гривой и хвостомъ, защищаетъ свой табунъ отъ трехъ волковъ. Мы видѣли, что одинъ волкъ бросался къ табуну, чтобы заставить его выдти изъ кучи, въ которое загналъ лошадей съ матками и жеребятами жеребецъ или хозяинъ табуна, какъ тамъ его называютъ, но жеребецъ не допускалъ его, а бросался на него, становясь на дыбы, чтобы копытами ударить его; другіе волки лежали растянувшись на землѣ въ сторонѣ, ожидая момента, когда жеребецъ, увлекшись за волкомъ, отдалится отъ табуна, что случается съ молодыми жеребцами, которымъ по этому хозяева и не вѣряютъ табуна, тогда они бросаются на табунъ, который, пархнувшись, разбредется и уже представить имъ легкую добычу. Но пока табунъ былъ у насъ еще въ виду, волкамъ не удался ихъ маневръ, потому что умный жеребецъ никогда не увлекался погоней за волкомъ, а тотчасъ возвращался къ табуну сперва тихо, чтобы завлечь волка, а потомъ обскакивая табунъ вокругъ. Много разъ также случалось видѣть какъ передъ бурей и грозой жеребецъ собираетъ въ кучу табунъ, исполняя при этомъ

свою обязанность довольно безцеремонно, такъ что и зубами, и копытами заставляють стягивать безпечныхъ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что главный промыселъ Сибири, это— бѣлка и соболь. Осенью обыкновенно собираются артели инородцевъ татаръ и русскихъ звѣропромышленниковъ (ясашные платили подать мѣхами) и цѣлыми партіями конныхъ проходятъ черезъ городъ Минусинскъ. Они уходятъ обыкновенно на нѣсколько недѣль въ тайгу, съ винтовками и собаками; берутъ съ собой лѣтомъ приготовленную сушеную птицу, баранину, рыбу, хлѣбъ и сухари. Въ хорошие года, когда урожай на кедровые орѣхи изобилуетъ, промышленники имѣють хорошей заработокъ. Все это охотники стрѣлки, бьющіе въ голову, чтобы не попортить мѣха. Правда, что они стрѣляютъ съ козель или рогулкѣ, которые всегда при нихъ у сѣдла или у винтовки.

Въ большомъ ходу была охота и на медвѣдей, и намъ случалось видѣть такихъ охотниковъ, которые подходили подъ сорокъ. Сороковаго, не знаю почему-то, уже тамъ боятся какъ роковаго. Такъ какъ вообще звѣринный промыселъ всегда сопряженъ съ опасностями, то обыкновенно рассказывается множество разныхъ случаевъ иногда и чудеснаго избавленія, а иногда и несчастія. Расскажу объ одномъ случаѣ счастливомъ. Въ тридцати верстахъ отъ Минусинска есть село Каменка, гдѣ жилъ нашъ пріятель казачій урядникъ Серебренниковъ. Его сынъ или внукъ учился и жилъ у насъ. Онъ былъ человѣкъ состоятельный, имѣлъ прекрасный домъ, славную семью и хотя тамошній уроженецъ, но былъ довольно развитъ, читалъ св. писаніе и былъ очень гостеприменъ. Съ нимъ то случилось происшествіе, которое едва не стоило ему жизни. Одинъ годъ въ Сибири выгорѣла въ Барнаульскомъ округѣ тайга, такъ называютъ тамъ дремучій лѣсъ, и медвѣди, выгнанные пожаромъ, разбрелись всюду и во множествѣ появились въ нашемъ округѣ. Даже опасно было ѣхать или идти куда нибудь изъ города. Однажды верховой возвращался въ городъ и за двѣ или за три версты на него напалъ медвѣдь; онъ усккалъ, но медвѣдь преслѣдовалъ его почти до города. Въ это-то медвѣжий набѣгъ Серебренниковъ, Ив. Сем., ходилъ куда-то и съ нимъ для предосторожности была рогатина. Возвращаясь домой, онъ, въ полуверстѣ или менѣе отъ села, видитъ огромнаго медвѣдя, идущаго прямо на него; онъ кинулся за большое дерево, медвѣдь за нимъ, Серебренниковъ хотѣлъ хватить его рогатиной, но медвѣдь лапой сломалъ рогатину и наконецъ повалилъ его, уже взобрался на него, чтобы конечно добраться до его черепа. Тотъ не испугался, а сталъ изъ подъ медвѣдя натравливать собаку, съ нимъ бывшую; та-

ожная опытная собака тотчасъ начала его хватать за задъ, который составляетъ слабое мѣсто звѣря, и онъ тотчасъ же слѣвъ съ казака и слѣлъ на задъ, обороняясь отъ собаки. Молодая собака измѣнила и убѣжала. Какъ только онъ освободился изъ подъ медвѣдя, тотчасъ бросился бѣжать въ село. Навстрѣчу ему мужикъ, онъ рассказываетъ ему наскоро случай и приглашаетъ идти вмѣстѣ, а мужикъ отвѣчаетъ ему: пойду, если половина шкуры моя, онъ не согласился и побѣжалъ въ домъ за винтовкой, осмотрѣлъ ее и къ медвѣдю. Опытная таяжка собака, отбѣгая и опять забѣгая къ заду, задержала медвѣдя; Серебрянниковъ прицѣлился и медвѣдь упалъ мертвый. Нужно сказать, что Иванъ Семеновъ и прежде хаживалъ на медвѣдей. Проѣздомъ въ Шущъ мы всегда у него останавливались, въ этотъ же разъ видимъ Серебрянникова съ бородой, а онъ прежде всегда брилъ бороду, спрашиваемъ, что это значить? онъ указываетъ на огромную медвѣжью шкуру, прибитую къ стѣнѣ, и тутъ рассказываетъ намъ случай, прибавивъ, что подъ медвѣдемъ далъ обѣтъ не брить бороды.

Въ наше время въ шестидесяти верстахъ отъ города, въ Минусинскомъ округѣ, начали устраивать и устроили казенныя поселенія для сосланныхъ на поселеніе, подъ руководствомъ смотрителя этихъ поселеній Ильи Васильевича Голенищева-Кутузова, отставнаго капитана арміи. Тогда правительство рѣшило всѣхъ поселенцевъ вывести изъ волостей, гдѣ они были приписаны, въ особня нарочно для этого выстроенныя селенія и водворить вмѣстѣ. Думаю, что эта мѣра не была полезна въ то время. Селенія красивыя, правильныя, воздвигались быстро подъ руководствомъ Ильи Васильевича, но проѣзжая эти красивыя селенія, какая-то грусть охватывала при видѣ этихъ пустынныхъ улицъ. Ни одного женскаго лица, ни одного ребенка или кой-гдѣ, какъ исключеніе. Можетъ быть вполнѣдствіи, когда поселенцы переженились, обзавелись семьями, хозяйствомъ, расплодился, эти селенія и стали богатыми и многолюдными селами, но тогда это была пустыня. Соединенные въ общества, составивъ отдѣльныя отъ старожиловъ группы, эти міазмы общества скоро образовали изъ себя шайки грабителей и воровъ; и еслибъ не удивительная энергія смотрителя, то жители Минусинскаго округа были бы разворены. Поселенцы, когда жили по волостямъ, были работниками у богатыхъ Сибиряковъ, жили среди ихъ семействъ; обѣдали, ужинали съ хозяевами, у которыхъ смѣнялось до шести кушаній; слѣдовательно, живя среди порядочныхъ людей и такого изобилія, нѣкоторые и сами исправлялись, оставляя свои прежнія дурныя наклонности и сами потомъ дѣлались хозяевами. Но все же нельзя не сказать, что ссыльные имѣютъ вредное вліяніе на край. Другіе же по-

женились на сибирячкахъ, хотя это было также трудно, какъ трудно бѣлокожему американцу открыто жениться на цвѣтнокжею, такъ какъ сибиряки-старожилы народъ гордый и у нихъ считалось по-зоромъ отдать дочь за ссыльнаго.

По этому случаю расскажу одинъ интересный эпизодъ. У одного богатаго сибиряка жилъ въ работникахъ одинъ молодой поселенецъ, красивый, ловкій, трудолюбивый, кажется москвичъ, котораго старикъ хозяинъ очень полюбилъ. Помимо отца и дочка полюбила молодца, но они знали, что на ихъ соединеніе никогда не послѣдуетъ согласія. Вотъ они придумали, чтобъ онъ укралъ ее, какъ тамъ выражаются. По гордости сибиряковъ поселенцы иначе не женятся, а въ видахъ населенія края отъ синода разрѣшено вѣнчать такія свадьбы безъ всякаго изслѣдованія, самыя свадьбы называются тамъ краденными. Онъ подговорилъ лихую тройку быть готовою и объявилъ хозяину, что намѣренъ жениться, тотъ одобрилъ его намѣреніе, обѣщалъ наградить и все приготовить къ свадьбѣ и принять въ работницы его жену. Въ назначенный часъ храмъ освѣтился, священникъ съ причтомъ готовы и вотъ примчалась тройка. Невѣста, нарядно одѣтая, подъ покрываломъ вступаетъ на приготовленную ткань, принимаетъ зажженную свѣчу и обрядъ начинается. Старикъ же хозяинъ сторожить у дверей, не впуская любопытныхъ, изъ опасенія, чтобъ погоня не разстроила свадьбы. Когда вѣнчаніе кончилось, тѣмъ же порядкомъ поѣхали къ дому; и когда молодне поклонились по обычаю отцу въ ноги, то онъ тутъ только увидѣлъ, что вмѣсто чужой неизвѣстной молодой, у ногъ его лежала его дочь и не вставая просила прощенія. Старикъ погнубался, пошумѣлъ и благословилъ.

Къ Ильину дню мы обыкновенно ѣздили въ с. Шущъ къ Ильѣ Васильевичу Кутузову, упомянутому выше смотрителю поселеній, на его именины. Это былъ самый гостепріимный, самый радушный хозяинъ; и какъ человекъ въ своемъ родѣ замѣчательный, то съ нимъ надо нѣсколько познакомиться читателя. Онъ былъ небольшого роста, съ живыми сѣрыми глазами, довольно большимъ носомъ и быстрыми движеніями, былъ очень уменъ, образованъ, добръ, но злой языкъ его былъ остеръ какъ бритва. Это былъ бичъ всѣхъ чиновническихъ нечистыхъ продѣлокъ, не щадилъ ни низшихъ, ни высшихъ, и по его рѣзкому замѣчанію «русскимъ государствомъ въ сущности правили столоначальники»—такъ мало, по его мнѣнію, было способныхъ начальствующихъ. Мы его очень любили и уважали за его честность, безкорыстіе и прямоту, хотя и спорили съ нимъ по нѣкоторымъ взглядамъ. Его энергія и дѣятельность были изумительны; онъ управлялъ вновь устроенными казенными поселеніями, такъ что ему одному

Минусинскій округъ былъ обязанъ своею безопасностью отъ поселенцевъ, теперь собранныхъ вмѣстѣ и образовавшихъ шайки воровъ и мошенниковъ. Только его желѣзная рука удерживала ихъ. Правда, что строгость его доходила иногда до жестокости, какъ рассказывали. Но онъ находилъ эту жестокость единственнымъ средствомъ спасенія для населенія. Онъ навелъ на мошенниковъ такой страхъ, что они лучше готовы были идти подъ кнутъ, нежели попасть къ смотрителю. Онъ даже однажды едва не заплатилъ жизнью за свою грозную дѣятельность. Къ нему привели двухъ пойманныхъ воровъ и бродягъ; это было лѣтомъ, онъ вышелъ къ нимъ на террасу, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ быстро выхватилъ изъ сапога ножъ и навесъ ему рану въ животъ, но къ счастью не прорѣзалъ кишекъ и онъ остался живъ. По выздоровленіи онъ поѣхалъ по поселеніямъ, и когда старосты, послѣ этого случая для его безопасности ставили большой караулъ, онъ отпускалъ караулъ и приказывалъ растворить всѣ двери. Онъ имѣлъ необыкновенныя полицейскія способности, и на европейскомъ поприщѣ былъ бы извѣстенъ какъ одинъ изъ тѣхъ истиннѣ великихъ полицейскихъ агентовъ, которые стяжали такую огромную славу въ своей странѣ и литературѣ. Съ началомъ пріѣзда его въ Сибирь, губернаторъ Красноярска, временно, до пріѣзда назначеннаго, поручилъ ему должность полиціймейстера и въ мѣсяцъ съ чѣмъ нибудь, онъ открылъ и перехваталъ цѣлыя шайки, въ ихъ притонахъ, которыми служили дома, какъ открылось, многихъ изъ незапятнанныхъ до того гражданъ города. Посредствомъ своей полиціи, выбранной имъ изъ помидованныхъ мошенниковъ, онъ зналъ о грабительствахъ прежде нежели поступало къ нему объявленіе или жалоба. Весь округъ былъ оцѣпленъ его тайными агентами. Когда онъ вышелъ въ отставку и занялся устройствомъ чугунно-плавильнаго завода, то крестьяне думали, что теперь уже пришелъ конецъ ихъ благосостоянію, хотя онъ не даромъ былъ семь лѣтъ смотрителемъ и устройтелемъ поселеній. Онъ сумѣлъ ихъ приучить къ труду, всегда благодарному тамъ, много увеличить благоденствіе порядочныхъ людей, такъ что и дурные прежде — стали держаться хозяйства и бродяжничество много уменьшилось. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ исполнилъ свое назначеніе. При всей его строгости, желѣзной волѣ и силѣ характера, это былъ человѣкъ самый кроткій въ домашнемъ быту, добрый и нѣжный мужъ; дѣтей у нихъ не было, но они воспитали прелестную дѣвочку по имени Поленька, которую онъ любилъ со всею нѣжностью отца.

Поселившись въ Шушѣ, ближайшемъ мѣстѣ отъ завѣдываемыхъ

имъ поселеній, онъ пригласилъ жить съ собою Петра Ив. Фаленберга, нашего товарища, выстроилъ уютный домикъ, завелъ хозяйство и довелъ его до самаго цвѣтущаго состоянія; и все это въ такой глуши, какъ село на пустынныхъ берегахъ Енисея.

Такъ какъ у насъ было много работы дома, то мы ѣздили въ Шушъ, одинъ разъ въ годъ въ Ильинъ день. День его именинъ былъ днемъ самымъ пріятнымъ для всѣхъ насъ изгнанниковъ, гдѣ забывалось все тяжелое минувшее, все далекое, дорогое и милое, подъ впечатлѣніемъ радушія и сердечной дружбы этого человѣка, почему я и рѣшаюсь, въ память этой дружбы къ намъ и его гостепрѣимства, описать одинъ изъ дней его именинъ, составлявшихъ, можно сказать, для насъ эпоху.

Когда мы всѣ собрались въ Шушъ, я съ братомъ, Кирѣевымъ и Крюковымъ, то обыкновенно прѣзжали наканунѣ Ильина дня какъ разъ къ чаю.

Домъ его, хотя простой архитектуры, былъ довольно обширенъ и уютенъ. Петръ Ивановичъ Фаленбергъ тутъ имѣлъ особое помѣщеніе; комнатъ было сколько нужно: спальня, кабинетъ, дѣтская, диванная, гостинная, залъ довольно обширный, буфетъ, двѣ проходія, словомъ домъ былъ самый хозяйственный, свѣтлый съ террасами; мебель прекрасная и все своего домашняго мастерства. Пріятно вспомнить и самую тѣ жилища, гдѣ обитатели давно уже ждали васъ, съ обращенными на дорогу взорами и гдѣ уже ожидали васъ дружескія объятія, гдѣ виднѣлись радостныя лица, съ любовью встрѣчавшія васъ.

Самоваръ уже кипѣлъ, чай розлитъ и мы усаживаемся вокругъ этого семейнаго средоточія. Превосходнѣйшія сливки, превосходное печеніе и все это домашнее. Прислуга ихъ, одна молодая и хорошенькая женщина, была замѣчательна по своей удивительной способности все умѣть дѣлать и услужить такъ, какъ бы не могли служить четыре человѣка ловкихъ лакеевъ. Она пекла крендели и сухари, она дѣлала различныя соленія, варила варенья, водицы, наливки, служила за столомъ, за чаемъ, ходила за барыней, была превосходной прачкой, словомъ эта женщина была все въ домѣ и сверхъ того была вѣрна, кротка, услужлива и искренно привязана.

Послѣ шестидесяти-верстнаго пути, конечно, чай имѣлъ свою прелесть, тутъ же былъ и превосходный варенецъ и творогъ со сливками. Напившись чаю и закусивши, прошлись по улицѣ, а по возвращеніи домой тотчасъ поставили пюльпитръ и Петръ Ивановичъ Фаленбергъ съ Николаемъ Крюковымъ начали дуэтъ на скрипкахъ,

приготовившись каждый у себя дома. Илья Вас., Алекс. Александровичъ и нѣкоторые изъ стороннихъ гостей сѣли за бостонъ. Послѣ ужина въ оживленныхъ разговорахъ пробило часъ и милая хозяйка Екатерина Петровна, пожелавъ всѣмъ пріятнаго сна, удалилась въ свою спальню. Вслѣдъ затѣмъ на диванахъ послали и намъ постели и мы скоро заснули въ самомъ веселомъ настроеніи.

Въ восемь часовъ благовѣстили къ обѣдни. Подавались длинныя и очень покойныя дроги и всѣ ѣхали въ церковь. Мы съ братомъ и Ник. Алекс. занимали правый клиросъ, такъ какъ всегда пѣли и въ Минусинскѣ обѣдню Бортнянскаго.

Возлѣ стояли любители подтягивать, между которыми былъ Мих. Иван. Свѣшниковъ, жившій въ Шущѣ, уже выпущенный «на пропитаніе», офицеръ, сосланный въ работу за выстрѣлъ въ полковаго командира и потомъ въ себя. Эта личность очень оригинальная, и въ то же время очень забавная по своему огромному самолюбію, которое подавало поводъ ко многимъ шуткамъ надъ нимъ. У него былъ басъ, и еще накавунѣ его приготовили держать нѣкоторыя басовыя ноты и тѣмъ удержать въ границахъ его оглушительный, но рѣдко вѣрный голосъ. Послѣ обѣдни всѣ отъ души повдравили имянинника и Екатерину Петровну.

Послѣ обѣдни приходилъ священникъ съ причтомъ, служилъ молебенъ, а затѣмъ хозяинъ всѣхъ гостей пригласилъ въ столовую, гдѣ на большомъ столѣ красовался великолѣпный имянинный и огромной величины пирогъ.

Послѣ закуски, гуляли и посѣщали его заведенія, которыя были замѣчательны тѣмъ, что вполне соответствовали нуждамъ пустынного края и были весьма важны, какъ образцы для будущей промышленности, съ какою цѣлью онъ ихъ и устраивалъ. Первое посѣщеніе было сдѣлано конной мельницѣ, стоявшей на ближайшемъ дворѣ; потомъ зашли въ кожевню, гдѣ вкопанные въ землю чаны наполнены были кожами, лежавшими въ квасу, и были также готовыя. Тутъ хозяинъ съ торжествомъ показывалъ доброту и мягкость отдѣлки. Изъ кожевни проходили въ столярную, гдѣ работали разную мебель, а также сѣдла для азіатцевъ туземцевъ. Знаменитый мастеръ этого заведенія назывался Сергѣй Конд. Это былъ человѣкъ дѣйствительно съ гениальными способностями. Онъ дѣлалъ все, и линейки, и сани, и качалки для тайги, (золотопромышленники перевозили на свои золотыя промыслы своихъ дамъ въ качалкахъ, родъ носилокъ, утвержденныхъ и прикрѣпленныхъ къ сѣдлу), а также и тарантасы. Онъ былъ и мельникомъ, и столяромъ дѣйствительно превосходнымъ. Словомъ, этотъ

человѣкъ все умѣлъ дѣлать и дѣлать отлично, такъ что Илья Васильевичъ намѣревался, какъ онъ шутилъ, заказать ему фортепіано.

Потомъ проходили въ шорную, гдѣ дѣлались комуты, шили уздечки подъ руководствомъ тоже замѣчательнаго по своему искусству Иванъ Алекс., къ сожалѣнію, горькаго пьяницы и табачной напехи, какъ его величали. Отсюда проходили въ мастерскую, гдѣ шьютъ обувь для присковъ и для базара. Изъ этого обзора уже видно какъ предпримчивъ и дѣятеленъ былъ этотъ человѣкъ. Сколько труда и настойчивости положилъ онъ на устройство всѣхъ этихъ разнообразныхъ заведеній. Надо было и покупать хлѣбъ для мельницы, весь сырой матеріалъ, прискивать мастеровъ, за всѣмъ наблюдать и все это при его многотрудной и опасной казенной службѣ смотрителя и устроителя казенныхъ поселеній, при его служебной перепискѣ, безпрестанныхъ развѣздахъ, такъ что надо было удивляться какъ его достаетъ на все это. Правда, что ему во всемъ помогала его жена и Петръ Ивановичъ Фаленбергъ, жившій съ ними въ одномъ домѣ. Еще позабылъ упомянуть, что у нихъ же была табачная плантація и выдѣлывались сигары.

Когда обоидя всѣ заведенія, мы возвратились домой къ обѣду, то уже нашли многихъ гостей. Въ этотъ день обыкновенно съѣзжалось къ имѣннику много знакомыхъ. Окружной начальникъ Петръ Афонасьевичъ Меркуловъ и управляющій питейными сборами уже пріѣхали, потомъ вошла дородная молодая дама, довольно красивая и щеголевато одѣтая, въ сопровожденіи мужа своего, волостнаго писаря. По походкѣ этого господина, легкой и плавной, можно было узнать бывшаго танцовальнаго учителя губернскаго города Красноярска, тоже сосланнаго на поселеніе. Было вѣсколько и золотопромышленниковъ, въ числѣ которыхъ былъ очень красивый и благородной наружности молодой человѣкъ Александръ Ивановичъ Кованько, отставной горный инженеръ и Минусинскій золотопромышленникъ, человѣкъ очень образованный и пріятный; другой тоже отставной горный инженеръ съ Анной на шеѣ, и теперь управляющій въ золотопромышленной компаніи, человѣкъ дѣльный, умный, веселый и острякъ; съ ними же вошелъ Александръ Филипповичъ Фроловъ, нашъ товарищъ декабристъ, поселенный въ Шушѣ, и Михайло Ивановичъ Свѣшниковъ, о которомъ уже было упомянуто. Тутъ былъ и Иполитъ Александровичъ Корсакъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, сосланный по дѣлу польской революціи изъ помѣщиковъ Минской губерніи. Онъ былъ поселенъ въ Шушѣ и со всѣми нами былъ въ самыхъ

дружескихъ отношеніяхъ. Онъ глубоко чтить Александра I-го за дарованную Польшѣ конституцію и былъ сторонникомъ искренняго соединенія Польши съ Россіей съ условіемъ общей и свободной конституціи, что было завѣтнымъ желаніемъ и всѣхъ декабристовъ. Независимость же Польши, съ передачей ей русскихъ губерній, какъ утверждали нѣкоторые, никогда не была въ намѣреніяхъ Сѣвернаго общества, что по крайней мѣрѣ заявляли всѣ вожаки общества, бывшіе съ нами въ заключеніи. Мы всѣ любили Кюраса и дѣйствительно это былъ благородный полякъ; онъ съ своей стороны также очень былъ преданъ намъ. Помнится, что сосланъ былъ за то, что получалъ письма отъ сына его, бывшаго эмиссаромъ за-границей. Затѣмъ пріѣхали двое золотопромышленниковъ, уже намъ извѣстные Расторгуевъ и юноша Александръ Петровичъ Колесниковъ.

Таково было общество, которое славно обѣдало, славно веселилось и танцовало у радушнаго хозяина.

Наша свобода въ развѣздахъ и дѣлахъ уже была намъ разрѣшена выше. Стѣсняемые прежде, мы писали графу Венкендорфу, начальнику жандармовъ, и просили его ходатайства предъ Государемъ о разрѣшеніи намъ снимать въ аренду казенныя земли, дѣлать промышленныя постройки и вообще просили, чтобы намъ была предоставлена свобода дѣйствія для своего содержанія, такъ какъ мы не прибѣгали къ пособію правительства, которое немущимъ изъ декабристовъ выдавало по 200 руб. На это письмо послѣдовало милостивое Высочайшее повелѣніе, не стѣснять насъ въ нашей хозяйственной дѣятельности, и разрѣшено снимать въ аренду казенныя земли на общемъ законномъ основаніи, съ публичныхъ торговъ. Тогда мы сняли землю пахатную и сѣнокосную, нѣсколько сотъ десятинъ, а для скотоводства—островъ, прилежащій къ городу и отдѣленный отъ него протокомъ Енисея, за 15 руб. ассигнац. Пахатную и сѣнокосную землю сняли по 5 коп. за десятину; таковыя были тогда тамъ цѣны!

На островѣ, въ пяти верстахъ отъ города, мы устроили заимку съ дворами для скота, съ избой для пастуховъ, и чистою комнатою для нашего пріѣзда. У насъ было до 200 головъ рогатаго скота, въ томъ числѣ 20 коровъ доилось и продавалось масло, быки-же продавались нагульными гуртовщикамъ. Мѣстоположеніе нашей заимки было поистинѣ восхитительно. На самомъ берегу на такъ называемой тамъ забокѣ, то есть низменной полосѣ берега, подходящей къ самой рѣкѣ, былъ выстроенъ небольшой домикъ. Отъ самой забокы берегъ

поднимался уступами на огромную высоту. На уступахъ, какъ бы громадныхъ ступеняхъ гигантской лѣстницы, по обѣимъ сторонамъ, были раскинуты прелестныя березовыя рощи, а вершина представляла огромный каменистый кряжъ, составлявшій берегъ Енисея. Видъ съ высокаго берега на гигантскую рѣку съ ея лѣсистыми островами былъ поразительно величественъ. Займка наша съ татарскими юртами внизу представлялась въ видѣ карточныхъ домиковъ. Въ юртахъ помѣщались пастухи, татары съ ихъ семьями: мужья пасли скоть, а жены и дочери доили коровъ и пасли телятъ. Молочное хозяйство было ввѣрено мѣщанкѣ нашего города, женѣ одного изъ нашихъ работниковъ Егора Керобкова, честнаго человѣка и отличнаго пахаря. Жена же его Пелагея была бойкая, умная молодая женщина, всегда хорошо одѣтая и вполне чистоплотная, какъ всѣ сибирячки. Ея молочное заведеніе было образцовымъ: что за чистота посуды, полотенцевъ, цыдильниковъ, горшковъ и всей молочной принадлежности. Мы часто съ знакомыми нашими дамами и мужчинами, пріѣзжали на займку, чтобы полюбоваться чудными видами Енисея, который весь видѣнъ во всю его ширину со всѣми зеленѣющими островами какъ на ладони, а нагулявшись вдоволь отдохнуть въ чистой избѣ, напиться чаю, поѣсть сливокъ, простокваши и варенца. Все это у Пелагеи было превосходно. Иногда и Ильѣ Васильевичъ изъ Шуши съ семьей, Фаленбергомъ и другими нашими товарищами, пріѣзжалъ на нашу прелестную займку. Но было время, когда удовольствіе гулянья отравлялось тучами мошекъ и комаровъ. На сѣнокосѣ, тоже близъ города, и на берегу рѣки, сѣрая лошадь была неузнаваема подъ попоной сплошнаго комара. Работники вымазывали себѣ дегтемъ все лицо и шею. По скошеніи травы и уборкѣ сѣна этотъ бичъ исчезалъ. Мошка же налетала по временамъ съ вѣтрами изъ Барабинской степи.

Но предпримчивость наша не ограничилась однимъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ: мы вознамѣрились поставять на прински наши земледѣльческія произведенія. Для этого мы рѣшились купить мѣсто въ 5-ти верстахъ отъ города на рѣкѣ Минусѣ и построить мельницу, и тотчасъ приступили къ дѣлу. Лѣсъ намъ привозили дешево по 20 к. а. за 4-хъ саж. бревно, мельница имѣла два этажа, но верхній этажъ составляла одна чистая, для нашего пріѣзда, комната. Всю работу кончили къ осени и пустили въ ходъ. Она была въ одинъ поставъ, работала весьма успѣшно, и мы уже радовались совершеніемъ дѣла, какъ вдругъ, въ одну октябрскую ночь, плотину,

которая была очень высока, такъ какъ для успѣшнѣйшей работы мы сдѣлали колесо наливное, прорвало у берега, противоположнаго строенію. Мы не оробѣли и съ весной вторично запрудили мельницу и начали работать, поставивъ срубъ въ прорванномъ мѣстѣ, который нагрузили камнями, но какъ послѣдняя работа дѣлалась въ субботу на воскресенье, то нѣкоторую часть сруба не успѣли набить камнями, и пошабашили. Вода была въ полномъ подъемѣ, срубъ выдержалъ одинъ день напора. и затѣмъ его снова своротило и вода ушла. Кажется, этого было бы довольно, чтобъ остановить насъ, но не тутъ-то было, мы съ новой энергіей принялись за поправку, и на этотъ разъ всю плотину одѣли досками, сомкнутыми въ пазы, проконопаченными и засмоленными; доски, или одежда входила въ пропаженныя лежни, положенныя въ выкопанную до крѣпкаго грунта канаву, и также проконопаченные и засмоленные. Отъ прорваннаго мѣста прорыли канаву до самаго грунта въ берегѣ, на нѣсколько сажень, положили огромные пропаженныя лежни, а на лежняхъ въ столбы утвердили деревянную стѣну, которая соединялась съ плотинной у нижнихъ лежней, и обѣ стороны забора забили землей и затромбовали. Казалось бы, такая работа должна была устоять. Вода была поднята, ставни закрыты и мы только ожидали полного накопленія воды, чтобы начать молотъ. Наступилъ Покровъ Божіей Матери. Мы съ братомъ шли къ заутрени, что во всѣ праздники всегда исполняли; какъ уже подходя къ церкви слышимъ, что кто-то въ темнотѣ называетъ насъ по имени; это былъ житель малой Минусы, и возвѣщаетъ намъ, что мельницу нашу опять прорвало. Да будетъ воля Божія! сказали мы и вошли въ церковь. Уже не могу теперь сказать—стали бы мы снова за нее приниматься, но какъ въ эту зиму мы получили отъ сестеръ извѣстіе, что по Высочайшему повелѣнію опредѣлены солдатами на Кавказъ, куда мы и уѣхали въ мартѣ мѣсяцѣ, то мельница наша и осталась разрушенною. Мельница эта, или лучше сказать, наше упорство стоило намъ много денегъ, которыя очень бы пригодились во время семи-лѣтняго пребыванія нашего на Кавказѣ.

Для насъ милость эта Государя была совершенною нечаянностію. Она радовала насъ тѣмъ, что подавала надежду увидѣть милыхъ родныхъ и свою дорогую родину, но и печалила тѣмъ, что оканчивалась наша хозяйственная дѣятельность, совершенно измѣнялось теченіе жизни, къ которой мы уже привыкли и оставляли добрыхъ друзей, насъ полюбившихъ.

Передъ самымъ нашимъ переводомъ на Кавказъ, женился нашъ товарищъ Петръ Ивановичъ Фаленбергъ. Невѣста его была изъ Саянска, дочь одного казачьяго урядника. Жена его въ Россіи, которую мать отговорила ѣхать къ нему въ Сибирь, различными ухищреніями, умерла и онъ былъ свободенъ, хотя и до смерти ея, они по закону были разведены. Всѣ наши товарищи были на его свадьбѣ. Дѣвишникъ происходилъ въ домѣ отца невѣсты, по всѣмъ обычаямъ русской старины. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ, а вечеромъ пѣсни и пляска. Мы присоединились къ общему хору и свадебнымъ играмъ. Между пѣснями были очень интересныя, съ прекрасными мотивами; я помню одну, которая пѣлась всѣми дѣвицами, составлявшими кругъ: «Вы, бояре молодые» и проч.; при этомъ пѣніи одна изъ дѣвицъ круга ходила съ платкомъ, приплясывая плавно, а платокъ бросала кому нибудь изъ сидящихъ молодыхъ казаковъ, который выходилъ къ ней и вмѣстѣ проходили, приплясывая въ кругѣ тихо и плавно, въ тактѣ пѣсни, а затѣмъ пѣсня переходила въ речитативъ съ словами: «ужъ и я твой кумъ, ужъ и ты моя кума, гдѣ мы сойдемся — тамъ обоймемся, гдѣ мы свидимся — поцѣлуемся»; а затѣмъ протяжно снова повторялось: «вы, бояре-ль молодые» и проч. Въ это время молодая разносила угощеніе. При этомъ много оживленія придавала игра на скрипкѣ Н. А. Крюкова, очень хорошаго музыканта, и наше участіе въ хорѣ.

Свадьба для Петра Ивановича была очень счастлива. Жена его была преданная и нѣжная подруга, и вполне усладила его изгнанническую жизнь. Она скоро усвоила себѣ всѣ образованные приемы и могла стать въ уровень съ своимъ мужемъ, принимая конечно во вниманіе, что для женщины и не нужны тѣ обширныя и спеціальныя свѣдѣнія, какія, по прежней его службѣ генеральнаго штаба и по его образованію, имѣлъ мужъ. Онъ имѣлъ отъ нея сына и дочь, которая была замужемъ, кажется, въ Харьковѣ и своею смертію такъ поразила 80-ти лѣтнаго отца, что онъ тотчасъ же послѣ извѣстія умеръ. Сынъ его, вмѣстѣ съ сыномъ Фролова, тоже нашего товарища, кончилъ курсъ въ высшемъ военномъ училищѣ, выпущены въ конную артиллерію. Онъ вызвалъ къ себѣ своихъ родителей и нарочно для этой цѣли изъ конной артиллеріи перешелъ въ корпусные офицеры одной изъ московскихъ военныхъ гимназій, но по смерти отца къ нему пріѣхала одна мать.

Отпраздновавъ свадьбу нашего товарища и друга, мы стали готовиться къ отъѣзду. Домъ свой мы продали, а ховяйство съ лошадей

ми, скотомъ во всемъ объемѣ передали нашему многосемейному товарищу Ник. Осиповичу Мозалевскому, сначала изъ третьей части дохода, а послѣ его смерти, которая скоро послѣдовала, отдали со-всѣмъ его вдовѣ. Во время жизни онъ пересылалъ намъ на Кавказъ нашу часть дохода.

Неожиданный переводъ нашъ на Кавказъ связанъ съ нашимъ отрочествомъ и нашею юностью, съ воспоминаніемъ о тѣхъ неподобныхъ и благодѣтельныхъ существахъ; которыя насъ воспитали и любили какъ родныхъ своихъ дѣтей. Въ заключеніи нашемъ въ Читѣ и Петровскомъ, писать писемъ къ роднымъ намъ не дозволялось, а потому, когда черезъ семь лѣтъ насъ выпустили на поселеніе и когда мы соединились съ братомъ, первая наша мысль была выразить имъ нашу благодарность за ихъ родительскую любовь къ намъ, и за ихъ благодѣянія. Изъ писемъ сестеръ мы узнали, что въ этомъ году княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукая скончалась, потому рѣшились писать князю. Въ письмѣ этомъ мы откровенно сознавали свои заблужденія, объяснили ему, что въ нашемъ фанатическомъ ослѣпленіи, мы были искренни, и тогда считали своимъ священнымъ долгомъ всѣ привязанности и родственныя чувства—принести въ жертву своему несчастному убѣжденію. Если мы по наружности и казались неблагодарными передъ ними, такъ какъ воспитаны въ домѣ высшаго госуд. сановника, и, участвуя въ возмущеніи, мы какъ бы компрометировали домъ его, но въ то же время мы увѣряли его, что этотъ порывъ безумной молодости, это ослѣпленіе, ни на одну минуту не ослабили и не измѣнили нашихъ чувствъ, не охладили нашей любви и благодарности, которыя были всегда живы и которыя никогда не изсякнутъ въ нашемъ сердцѣ. Въ заключеніе мы увѣдомляли его, что живемъ очень хорошо, трудимся, ни въ чемъ не нуждаемся и просимъ его не думать, чтобы какія нибудь другія соображенія кромѣ чувствъ нашихъ, побудили насъ написать ему; и онъ бы совершенно не понималъ насъ, еслибъ увидѣлъ въ этомъ письмѣ, и въ выраженіи нашихъ чувствъ, желаніе подвигнуть его къ какому бы то ни было ходатайству о насъ, чего мы никакъ не желали. Получивъ это письмо князь былъ такъ разстроганъ, что тотчасъ-же поѣхалъ къ Государю и сталъ просить его сдѣлать ему единственную милость, помиловать его питомцевъ, и показалъ письмо. Государь принялъ его ходатайство и далъ повелѣніе опредѣлить насъ рядовыми въ одинъ изъ полковъ Кавказской арміи.

Вотъ какъ мы попали на Кавказъ.

И какъ чудны пути Божіи и какъ безпредѣльна Его благодѣньность къ намъ грѣшнымъ. Мы прошли Кавказъ, соединились съ нѣжно любящими родными, и потомъ я еще былъ такъ счастливъ, что не желалъ ничего болѣе въ мірѣ. Сверхъ всего этого я снова и лично могъ убѣдиться въ отеческой любви нашего благодѣтеля князя Долгорукова, который принялъ меня съ отверстыми объятіями, когда я былъ въ Петербургѣ, принялъ какъ блуднаго сына, возвратившагося подъ кровь отчій.

А. П. Вѣлявъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ.

(Эпизодъ изъ царствованія императора Николая).

1830 г.

17-го октября 1829 года послѣдовала ратификаціи мирнаго трактата съ Турціею—окончательный актъ Адрианопольскаго мира, вынужденнаго у султана Махмута II нашимъ движеніемъ къ его столицѣ; въ обѣихъ частяхъ Оттоманской имперіи замолкли громы войны и армія наша, доблестно исполнившая свой долгъ, стала готовиться къ возвращенію въ отечество; нѣкоторые пограничныя области и пункты (въ томъ числѣ крѣпость Силистрія) оставались, однако, занятыми нашими войсками, въ обезпеченіе выполненія всѣхъ принятыхъ на себя турками обязательствъ.

Ряды нашей арміи, вслѣдствіе тягостей кампаніи, страшно порѣдѣли. Не столько непріятельское оружіе, сколько разнаго рода болѣзни, между которыми самою грозною являлась чума, вырвали изъ строя множество бойцовъ. Разительнѣйшимъ примѣромъ громаднхъ потерь, нами понесенныхъ, могъ служить 2-й пѣхотный корпусъ, лишившійся двухъ третей своего состава. Лошадей кавалерійскихъ и артиллерійскихъ стибло великое множество; соотвѣтственно тому, и вся матеріальная часть была, конечно, въ болѣе или менѣе разстроенномъ состояніи.

Восстановленіе комплектнаго состоянія въ возвратившихся и возвращающихся изъ Турціи корпусахъ требовало не малаго времени и усиленнаго труда. Заключеніе мира давало, повидимому, право надѣяться, что намъ удастся залѣчивать наши раны не торопясь и при условіяхъ довольно благоприятныхъ: на востокъ все затихло; западъ же Европы хотя и обнаруживалъ тревожныя симптомы, въ

видѣ пронсковь тайныхъ революціонныхъ обществъ, но со стороны правительствъ, покоившихся на мнимо-незыблемомъ фундаментѣ Священнаго союза, не предвидѣлось—по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени—никакихъ вызывающихъ дѣйствій. Можно было, казалось, и нашему правительству вздохнуть свободнѣе и обратить все вниманіе на внутреннее благоустройство; однако судьба рѣшила иначе.

Едва прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи войны и еще не исцѣла въ нѣкоторыхъ пунктахъ Черноморскаго побережья занесенная туда чума, какъ на юго-востокѣ Россіи появился врагъ новый и страшный—холера. Невиданная и неизслѣдованная болѣзнь, не поддававшаяся никакому опредѣленному лѣченію и съ первыхъ же шаговъ начавшая похищать множество жертвъ, распространяла панической страхъ въ областяхъ, ею посѣщенныхъ. Заставы и карантинны, повсюду учрежденные, не въ силахъ были остановить злую гостью и только еще болѣе увеличивали общее бѣдствіе, препятствуя свободѣ торговаго и промышленнаго движенія внутри страны.

Появленіе этого новаго бѣдствія, постепенно приближавшагося къ самому сердцу Россіи, сильнѣе всего беспокоило и огорчало самаго императора Николая Павловича, горячо любившаго свое отечество и народъ, но при этомъ сознававшего свое безсиліе поставить преграду надвигавшейся эпидеміи.

Озабоченный положеніемъ Россіи, онъ, въ это же время, долженъ былъ обратить вниманіе на то, что происходило въ западной Европѣ, надъ которою, около половины 1830 года, начали собираться злобѣщія тучи. Революціонная партія давно уже подкапывалась подъ существовавшій тогда политическій и общественный строй, созданный договорами 1815 года; развѣтвленія ея проникали повсюду, но главный притонъ былъ во Франціи, гдѣ безтактность, или самоувѣренность королей, изъ опустившей странѣ династіи Бурбоновъ, давали этой партіи страшное оружіе въ руки. Образъ дѣйствій Карла X и его министровъ давно уже беспокоилъ нашего государя; явное нарушеніе конституціи, гарантированной представителями Священнаго союза, лишало бы французскаго короля права на ихъ поддержку и доставило бы открытую побѣду оппозиціи,—побѣду, которая могла повести за собою неизчислимыя послѣдствія и отозваться на всей остальной Европѣ, особенно на Германіи и Италіи, гдѣ демократическая партія годъ отъ году усиливалась. Понятно, что мысль объ этомъ сильно тревожила императора Николая: онъ былъ искренне преданъ идеѣ легитимности и принципамъ Священнаго союза, а—помимо всего прочаго—уже одинъ первыя впечатлѣнія при восшествіи на престолъ должны были внушить ему глубокую ненависть къ про-

искалъ революціонеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая всю трудность положенія Карла X-го въ борьбѣ съ французскимъ парламентомъ, онъ постоянно увѣщевалъ короля строго держаться конституціи и сильно опасался за послѣдствія слишкомъ самовластныхъ распоряженій его министровъ ¹⁾.

Взрывъ іюльской революціи въ Парижѣ вполне оправдалъ опасенія государя. Онъ надѣялся однако, что съ паденіемъ Карла X-го принципъ легитимности не будетъ нарушенъ и что на престолъ Франціи вступитъ герцогъ Бордо; но и этой надеждѣ не суждено было осуществиться: представители народа, почти единогласно, избрали въ короли герцога Орлеанскаго Людовика Филиппа. Принятіе послѣднимъ королевскаго титула императоръ Николай Павловичъ считалъ и открыто называлъ «узурпаціею», которой—какъ онъ полагалъ—не потерпятъ законныя монархи. «Что касается до меня—заявилъ онъ—то я поступлю такъ, какъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ покойный братъ мой Александръ!» ²⁾

Первыя впечатлѣнія, произведенныя на государя извѣстіями о торжествѣ революціи во Франціи, до того противурѣчили его образу мыслей и такъ оскорбляли его задушевнѣйшія убѣжденія, что онъ, со свойственною ему энергіею, готовъ бы былъ рѣшиться на самыя крайнія мѣры. По зрѣломъ размышленіи и по выслушаніи мнѣній приближенныхъ къ нему людей (въ особенности, министра финансовъ, Канкрина, заявившаго, что послѣ огромныхъ пожертвованій на войны съ Персіею и Турціею, Россія необходимо нуждается въ отдыхѣ и экономіи); государь нѣсколько успокоился. При всемъ томъ, полагая, что прочіе монархи, члены Священнаго союза, будутъ столь же послѣдовательны въ своихъ консервативныхъ воззрѣніяхъ, какъ и онъ, императоръ Николай рѣшился отправить въ Вѣну графа Орлова, для узнаванія намѣреній австрійскаго правительства, а въ Берлинъ—фельд-маршала графа Дибича-Забалканскаго, для предложенія королю Фри-

¹⁾ Лакруа, въ своей «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-er», приводитъ слѣдующія слова, сказанныя государемъ первому секретарю французскаго посольства Бургоэню, во время разговора о новомъ порядкѣ вещей, водворившемся во Франціи:

«... если бы въ ваши славные іюльскіе дни народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и опубликовалъ мои депеши, то для всѣхъ было бы большою неожиданностію увидѣть, что я былъ противъ „coup d'état“,—и весьма удивились бы, узнавъ, что самодержецъ всероссійскій поручилъ своему послу давать совѣты французскому королю, чтобы онъ точно и строго придерживался установленной конституціи, на соблюденіе которой далъ присягу“.

(Р. Lacroix, T. 5, p. 108).

²⁾ Р. Lacroix, T. 5, p. 102.

дриху-Вильгельму III мобилизовать тотъ войсковой контингентъ, который Пруссія, по условіямъ Священнаго союза, обязывалась выставить въ случаѣ коалиціи. Самъ же онъ, съ своей стороны, распорядился принятіемъ мѣръ для постановки на военную ногу сильной арміи, готовой, по первому повелѣнію, двинуться къ нашимъ западнымъ предѣламъ и далѣе.

Графъ Дибичъ, только что завершившій свой турецкій походъ, гдѣ счастье покровительствовало ему, какъ на военномъ такъ и на дипломатическомъ поприщѣ, пользовался почти безграничнымъ довѣріемъ Государя. Такой человекъ болѣе другихъ способнымъ считался выполнить данное порученіе согласно желаніямъ своего вѣнценоснаго друга. Переписка Дибича, веденная имъ во время пребыванія въ Берлинѣ, представляетъ весьма важные и интересные документы для уясненія политическаго состоянія дѣлъ въ послѣдніе мѣсяцы 1830 года, —года, какъ бы затерявшагося въ исторіи нашего недавняго прошлаго, между крупными и шумными явленіями Турецкой и Польской войнъ.

Первымъ и крайне любопытнымъ документомъ является собственноручная меморія гр. Дибича—несомнѣнный плодъ его интимныхъ бесѣдъ съ императоромъ, передъ отъѣздомъ въ Берлинъ. Въ ней выраженъ взглядъ государя на послѣднія событія во Франціи и программа его дѣйствій, которую Дибичу слѣдовало изложить передъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ, въ виду достиженія возможнаго съ нимъ согласія. Меморія эта (помѣченная августомъ 1830 года) написана, какъ и всѣ почти документы той эпохи, на французскомъ языкѣ. Представляемъ здѣсь ея точный переводъ:

«Е. В. Императоръ, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, считаетъ дѣломъ крайней важности, прийти въ соглашеніе со своими союзниками, въ особенности же и самымъ искреннимъ образомъ съ своимъ августѣйшимъ тестемъ; а также опредѣлить, сколь возможно точно, какъ тотъ образъ дѣйствій, коего слѣдуетъ держаться въ нынѣшнюю минуту, такъ и тѣ мѣры, которыя надо принять на будущее время. Его Величество полагаетъ, что въ обстоятельствахъ, столь важныхъ, письменныя объясненія недостаточны, и что онѣ не всегда могутъ передать, съ должною ясностію, самаго тона мысли; а такъ какъ онъ болѣе всего желаетъ, чтобы самыя вѣренныя помышленія его, касающіяся сего важнаго дѣла, были вполнѣ извѣстны е. в-ву королю, то избралъ для сего фельдмаршала гр. Дибича-Забалканскаго и, открывшись ему съ полнымъ довѣріемъ, поручилъ передать его королевскому величеству взглядъ императора на нынѣшнія обстоятельства и ихъ вѣроятныя послѣдствія.

«Государь Императоръ желаетъ во всемъ и съ полнымъ довѣ-

ріємъ соображаться съ совѣтами своего августѣйшаго тестя, вести свою политику путемъ, совершенно согласнымъ съ тѣмъ, который избересть Пруссія; а относительно направленія, котораго слѣдуетъ держаться, будетъ принимать мнѣнія его королевскаго величества такъ, какъ бы онѣ исходили отъ блаженной памяти императора Александра. Поэтому онъ, и съ своей стороны, считаетъ долгомъ выразить собственное мнѣніе съ полною откровенностію.

«Государь Императоръ, скорбя о несчастіяхъ, въ которыя противозаконное и непостижимое поведеніе Карла X-го снова повергло Францію и всю Европу, и будучи возмущенъ слабостію принцевъ старшей линіи, равно какъ якобинствомъ герцога Орлеанскаго, не можетъ однако отказать сему послѣднему въ признаніи его законнымъ представителемъ (*chef légitime*) Франціи, на время малолѣтства герцога Бордо, такъ какъ назначеніе Людовика-Филиппа намѣстникомъ (*Lieutenant*) королевства облечено въ законную форму Карломъ X-мъ, отставшимъ ему (герцогу Орлеанскому) даже остатки своихъ храбрыхъ и вѣрныхъ гвардейцевъ. Но не иначе, какъ въ этомъ лишь качествѣ намѣстника Генриха V-го, его величество можетъ считать герцога Орлеанскаго законною властію; законнымъ же королемъ Франціи онъ сдѣлался бы только въ случаѣ личнаго отреченія отъ престола герцога Бордо, или же смерти его.

«Не смотря на это непоколебимое мнѣніе свое, Государь Императоръ не полагаетъ, чтобы немедленное вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи было желательнымъ, такъ какъ Карлъ X самъ, первый, нарушилъ конституцію, дарованную подъ охраною (*sous l'égide*) союзныхъ дворовъ, и этимъ отказался отъ права требовать ихъ помощи;—потому также, что вторженіе во Францію, не вызванное агрессивными дѣйствіями, со стороны нинѣшняго ея правительства, вѣроятно, сочлось бы всѣмъ французскимъ народомъ за слѣдствіе честолюбивыхъ замысловъ сосѣдственныхъ державъ и, если бы даже успѣхи союзниковъ доставили имъ побѣду на войнѣ (которая, вѣроятно, сдѣлалась бы народною), то оставалась бы еще самая трудная задача—утвержденія послѣдующаго порядка дѣлъ во Франціи, такъ какъ герцогъ Бордо крайне молодъ и такъ какъ онъ не могъ бы найти себѣ законнаго попечителя иначе, какъ въ той же фамиліи Орлеановъ.

«Но, съ другой стороны, императоръ полагаетъ крайне важнымъ, что бы въ деклараціяхъ своихъ союзные дворы держались твердыхъ выраженій чистой и ясной законности (*de la légitimité pure et simple*), которая служитъ единственнымъ прочнымъ ручательствомъ въ установившемся спокойствіи государствъ; а на герцога Орлеанскаго онъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ на намѣстника королевства.

«Если бы, по своимъ высшимъ соображеніямъ, прочіе союзные дворы побуждаемы были признать нинѣшній порядокъ вещей во Франціи, то его величество полагаетъ, что это могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если они заручатся увѣренностію въ сохраненіи общаго спокойствія,—увѣренностію, которая была бы достаточно гарантирована со стороны французскаго правительства и которая могла бы получить болѣе законныя основанія чрезъ отреченіе Карла Бурбона отъ престола, въ пользу своего внука (какъ бы отреченіе это, само по себѣ, ни было мало правильнымъ). При такомъ рѣшеніи союзниковъ, основанномъ на твердыхъ и успокоительныхъ гарантіяхъ, императоръ не отказался бы послѣдовать ихъ примѣру; но, жертвуя при этомъ своимъ задушевнымъ убѣжденіемъ, ради спокойствія и счастья Европы, онъ всегда будетъ хранить въ сердцѣ своемъ то чувство, что во Франціи нѣтъ другаго законнаго короля кромѣ Генриха V-го. Государь Императоръ за честь себѣ поставитъ то, что послѣднимъ уступилъ убѣжденіямъ своихъ августѣйшихъ союзниковъ, и никогда не будетъ онъ въ состояніи побѣдить въ себѣ чувства преврѣнія, внушеннаго ему яacobинскимъ поведеніемъ нинѣшняго правительства Франціи.

«Его Величество предвидитъ возможность и того, что король Карлъ и дофинъ, видя надежды свои относительно поведенія герцога Орлеанскаго разрушенными, захотятъ отказаться отъ своихъ заявленій и снова воспринять бразды правленія. Такой образъ дѣйствій государь счелъ бы столь же неприличнымъ и вреднымъ, сколь и незаконнымъ; но онъ не могъ бы, напротивъ того, считать незаконными какія либо движенія, которыя бы возникли для защиты дѣла (la cause) герцога Бордо. Государь Императоръ всѣмъ сердцемъ раздѣляетъ желаніе августѣйшаго своего тестя относительно сохраненія всеобщаго мира; но онъ не можетъ скрывать отъ себя, сколь мало надежды настоящія обстоятельства даютъ на исполненіе этого общаго желанія.

«Полное разрушеніе французской конституціи, ускоренное незаконными дѣйствіями предшествовавшаго правительства, запечатлѣно революціонною партіею и нинѣшними правителями самою демократическою окраскою. Все, что еще было монархическаго въ конституціи, уничтожено палатою депутатовъ (собравшеюся нелегальнымъ порядкомъ и подъ эгидою черни), а также и герцогомъ Орлеанскимъ, котораго направленіе достаточно уже обозначилось его декларациею относительно національныхъ цвѣтовъ. Государь Императоръ, видя крайнюю податливость, съ какою герцогъ уступаетъ всѣмъ предложеніямъ революціонной партіи, убѣжденъ въ томъ, что демократія будетъ требовать все новыхъ и новыхъ уступокъ и недалеко отъ того,

чтобы придти къ чистой республикѣ; герцогу и его партіи придется окончить этимъ, или же они должны будутъ прибѣгнуть къ повдному сопротивленію; то и другое поведетъ къ республикѣ прямо демократической, а съ нею и ко всѣмъ проявленіямъ революціи 1789—1793 годовъ и къ послѣдующимъ за ними войнамъ,—если только заранѣе не подумать объ употребленіи тѣхъ средствъ, которыя милость Божія даровала святому дѣлу законности.

«Его Величество искренне желаетъ, чтобы всѣ его опасенія не оправдались; но онъ не простилъ бы себѣ, еслибъ не заявилъ о нихъ, во всемъ ихъ объемѣ, и не принялъ заблаговременно всѣхъ мѣръ для оказанія твердой и энергичной встрѣчи всякому напору либерализма или, лучше сказать, якобинства, къ которому настоящій порядокъ вещей во Франціи можетъ привести.

«Государь Императоръ снова повторяетъ, что, по его мнѣнію, какія либо открытыя мѣры, въ настоящее время, не могутъ быть полезны, такъ какъ таковыя, пожалуй, усилили бы еще волненіе умовъ во Франціи; но крайне необходимо уже заблаговременно согласить всѣ мысли союзныхъ дворовъ, на случай наступательныхъ дѣйствій, которыя могутъ явиться ранѣе нежели того ожидаютъ, и даже приготовиться къ случайности частнаго разрыва, которому состояніе умовъ въ Бельгіи и Пиемонтѣ можетъ придать ужасающіе размѣры.

«Во всякомъ случаѣ, государь желаетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ союзниками, въ особенности же съ своимъ августѣйшимъ тестемъ. Его Величеству крайне желательно, чтобы, въ случаѣ войны съ Франціею, войска прусскія и русскія дѣйствовали съ тѣмъ же единодушіемъ, которому они обязаны славными успѣхами 1813-го и 1814-го годовъ. Ему хотѣлось бы, кромѣ того, чтобы дѣйствія его войскъ (количество коихъ будетъ сообразно величію и важности дѣла) вполне согласовались съ дѣйствіями прусскихъ армій,—чтобы они, такъ сказать, были сплетены между собою настолько, насколько это не можетъ вредить единству общей организаціи,—и чтобы русскія арміи всѣми силами своими содѣйствовали выполненію общаго операціоннаго плана, который, на случай войны, одобренъ былъ бы его королевскимъ величествомъ.

«Государь Императоръ, наименовывая фельдмаршала гр. Дибича-Забалканскаго начальникомъ войскъ, предварительно назначаемыхъ на случай таковой войны и состоящихъ изъ 14-ти пѣхотныхъ и 12-ти кавалерійскихъ дивизій, надѣется, что довѣріе, которымъ его королевское величество всегда удостоивалъ этого генерала, облегчитъ послѣднему возложенное на него порученіе, состоящее въ томъ, чтобы доставить королю нужныя подробности о настоящей дислокаціи войскъ

и, сообразно его приказаніямъ, уговориться съ назначенными для сего лицами обо всемъ, что будетъ касаться движенія и дѣйствій русской арміи.

«Государь императоръ, согласно выше заявленному намѣренію—не выказывать въ настоящую минуту никакихъ непріязненныхъ знаковъ,—станетъ выжидать, пока его королевское величество не выразитъ мнѣнія, что избѣжать войны онъ уже не считаетъ возможнымъ, вслѣдствіе событій, совершающихся во Франціи. Тогда государь поставитъ свои войска на полное военное положеніе и приблизитъ ихъ къ границѣ,—на чтò, для болѣе отдаленныхъ изъ нихъ, потребуется отъ 3 до 4-хъ мѣсяцевъ. Но если бы вторженіе французовъ—особенно, въ Бельгію, или въ Рейнскія провинціи—потребовало болѣе скорой, частной помощи,—если время года то дозволитъ, и если таково же будетъ мнѣніе его кор. величества, то государь предполагалъ бы перевезти моремъ, въ указанное августѣйшимъ его тестемъ мѣсто, 2-ю дивизію русской гвардіи, съ ея артиллерію.

«На движеніе впередъ своихъ войскъ, Государь Императоръ будетъ ожидать приглашенія отъ его кор. величества, а затѣмъ предполагаетъ, отдавъ нужныя повелѣнія, поспѣшить въ Берлинъ, для того, что бы лично совѣщаться съ августѣйшимъ тестемъ своимъ и затѣмъ, рядомъ съ нимъ, сражаться противъ враговъ общаго спокойствія».

Снабженный этими указаніями, гр. Дибичъ отправился въ Берлинъ, куда и прибылъ въ ночь 26-го августа 1830 г. На другой же день онъ приглашенъ былъ въ Шарлотенбургъ, гдѣ на аудіенціи, продолжавшейся 1½ часа, изложилъ передъ Фридрихомъ Вильгельмомъ все, что поручилъ ему сказать государь. Король былъ видимо тронутъ дружескими чувствами и довѣріемъ къ нему нашего императора; заявлялъ, что вполне раздѣляетъ его политическія убѣжденія и считаетъ войну неизбежною; но при этомъ выразилъ (ссылаясь на примѣръ императора Александра I-го, въ 1812 году), что не ждалъ бы, ни въ какомъ случаѣ, быть начинающею стороною. Нежеланіе это раздѣлялось и большинствомъ приближенныхъ къ королю лицъ, при чемъ, въ числѣ прочихъ причинъ, ссылались и на то, что самая организація тогдашнихъ прусскихъ войскъ мало соотвѣтствовала войнѣ наступательной, такъ какъ главная ихъ сила состояла въ ландверѣ, назначавшемся преимущественно для внутренней обороны. Напротивъ того, если бы агрессивныя дѣйствія послѣдовали со стороны Франціи, то король рассчитывалъ на возбужденіе національнаго духа германцевъ, а слѣдовательно и на готовность ихъ ко всякаго рода жертвованіямъ.

Раздѣляя политическія возрѣвія императора Николая Павловича, король крайне неохотно рѣшался на признаніе Людовика Филиппа королемъ Франціи; но въ это время, со стороны, сначала Англіи, а потомъ и Австріи, признаніе это уже послѣдовало; да кромѣ того и прусскіе министры такъ опасались, что бы въ ихъ образѣ дѣйствій не было усмотрѣно какого либо вызывающаго оттѣнка, что Фридрихъ-Вильгельмъ III видѣлъ себя обреченнымъ на совершенную пассивность. Незавидное финансовое положеніе Пруссіи ставило также большія затрудненія быстрому пополненію рядовъ дѣйствующей арміи, наличность которой была крайне слаба; такъ что, напр., въ 4-мъ корпусѣ, отправленномъ на Рейнъ, считалось всего около 8 т. человекъ.

Увѣдомляя о всемъ этомъ государя, Дибичъ, въ томъ же письмѣ, сообщалъ о дошедшихъ до него извѣстіяхъ о возмущеніи въ Брюсселѣ. Событіемъ этимъ оправдывались опасенія, что французскою революціею будетъ нарушенъ покой всей Европы, такъ какъ и въ Италіи и въ Германскихъ земляхъ ясно стали обнаруживаться признаки сильнаго броженія умовъ.—«Судя по всему, происходящему въ Германіи и Бельгіи,—такъ заключалъ нашъ фельдмаршалъ,—дѣло не можетъ обойтись безъ кровопролитной борьбы между законною властію и революціею»¹⁾.

Въ виду быстро измѣняющагося хода событій и являвшихся, вслѣдствіе сего, чуть ли не ежедневно, новыхъ соображеній, Дибичъ, что бы ближе слѣдить за ходомъ дѣлъ, а также и по желанію короля, счелъ нужнымъ отложить свое возвращеніе въ Россію до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не выяснятся.

Тѣмъ временемъ, въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ умы нѣсколько уже успокоились относительно европейскихъ дѣлъ. Денешни графа Поццо-ди-Борго,²⁾ изъ Парижа и увѣренія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Бургоэна въ миролюбіи Людовика Филиппа и рѣшимости его противудѣйствовать демагогической пропагандѣ, убѣдили наконецъ императора Николая Павловича въ необходимости признать совершившійся фактъ. Въ глубинѣ души, однако, онъ съ этимъ фактомъ не примирился и, не покидая опасеній относительно близкаго взрыва революціи въ другихъ странахъ, не переставалъ дѣятельно заботиться объ укомплектованіи своей арміи. Вспыхнувшее въ Брюсселѣ, 13 (25) августа, возстаніе не замедлило оправдать его опасенія.

Около этого же времени, т. е. во второй половинѣ августа, при-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича, отъ 28 августа 1830 г.

²⁾ Посоль нашъ во Франціи.

былъ въ Петербургъ адъютантъ Людовика Филиппа, съ адресованнымъ къ государю письмомъ, въ которомъ новый французскій король, объявляя о восшествіи своемъ на престолъ, старался разъяснить и оправдать свой образъ дѣйствій. Письмо это при всемъ вниманіи, оказанномъ его подателю—не заставило однако императора Николая Павловича измѣнить своимъ легитимистскимъ воззрѣніямъ. Отвѣтъ его Людовику Филиппу былъ холодно учтивъ и крайне сдержанъ:

«Я—писалъ онъ—принялъ изъ рукъ генерала Аталена (Athalin) письмо, съ которымъ онъ былъ посланъ. ¹⁾ Событія, достойныя вѣчнаго сожалѣнія, поставили ваше величество въ жестокую альтернативу. В. В. приняли рѣшеніе, которое, какъ вамъ казалось, одно могло спасти Францію отъ горчайшихъ бѣдъ, и я ничего не скажу о побужденіяхъ, которыми В. В. руководились въ семъ случаѣ; но я горячо молю Божественное Провидѣніе, да благословитъ оно намѣренія В. В-ва и ваши труды на благо французскаго народа. Въ согласіи съ моими союзниками, я съ удовольствіемъ принимаю выраженное в. в-омъ желаніе поддерживать мирныя и дружественныя сношенія съ европейскими государствами. Доколѣ отношенія эти будутъ основываться на существующихъ трактатахъ и на твердомъ намѣреніи поддерживать права и обязательства, торжественно ими признанныя, равно какъ и неприкосновенность владѣній территоріальныхъ, дотолѣ

¹⁾ Французскій текстъ письма слѣдующій:

—"J'ai reçu des mains du général Athalin la missive dont il était porteur. Des événements à jamais déplorables ont placé V. M. dans une cruelle alternative. V. M. a pris une résolution qui seule lui paraissait propre à épargner à la France de plus grands maux, et je ne dirai rien des motifs qui ont conduit V. M. dans cette occasion; mais j'adresse les vœux les plus ardents à la divine Providence, pour qu'il lui plaise de bénir les desseins de V. M. et vos efforts pour le bien-être du peuple français. De concert avec mes alliés, je reçois avec satisfaction le désir exprimé par V. M. d'entretenir des relations de paix et d'amitié avec les Etats européens. Aussi longtemps que ces relations seront fondées sur les traités existants et sur la ferme volonté d'en maintenir les droits et les obligations, solennellement reconnus par ceux-ci, ainsi que les propriétés territoriales, l'Europe y verra une garantie de la paix, qui est nécessaire même pour le repos de la France. Appelés conjointement avec mes alliés à continuer avec la France, sous son nouveau gouvernement, ces relations conservatrices, je m'empresserai, de mon côté, de mettre non seulement tous les soins qu'elles exigent, mais je manifesterai encore sans cesse les sentiments de la sincérité des quels je me fais un plaisir d'assurer V. M. en échange de ceux qu'elle m'a exprimés. Que V. M. veuille agréer etc.

Nicolas".

Tsarskoe-Selo, 6 (18) septembre 1830.

Европа будетъ видѣть въ этомъ обезпеченіе мира, нужнаго даже для спокойствія Франціи. Призванный, совмѣстно съ союзниками моими, поддерживать съ Франціею эти консервативныя отношенія и при новомъ ея правительствѣ, я, съ моей стороны, не премину приложить всѣ требуемыя для сего усилія, но всегда буду выражать чувства мои съ тою искренностію, въ которой поставляю себѣ за удовольствіе увѣрить В. В. ....».

Письмо это, конечно, не могло удовлетворить французовъ, особенно при тогдашнемъ возбужденіи умовъ, и подало поводъ журналистамъ и ораторамъ разразиться потокомъ брани и угрозъ противъ Россіи и противъ Священнаго Союза. Французамъ извѣстна была цѣль посланки въ Берлинъ фельдмаршала графа Дибича и они опасались новой противъ нихъ коалиціи. На первый разъ, опасенія эти оказались преждевременными; но возстаніе Бельгійцевъ, пользовавшееся полнымъ сочувствіемъ французской либеральной партіи, и мятежи въ Саксоніи, Брауншвейгѣ и другихъ мелкихъ германскихъ владѣніяхъ снова возбуждали и усугубляли тревогу европейскихъ кабинетовъ. Наша воинственная партія, во главѣ которой стояли графы Дибичъ и Чернышевъ (военный министръ) опять заговорила рѣшительно и громко. На сторону этой партіи склонялся и императоръ Николай, искренно и серьезно глядѣвшій на свою обязанность—какъ члена Священнаго союза—сопротивляться всякому нарушенію установленнаго политическаго порядка Европы, и убѣждавшійся все болѣе и болѣе, что всякая уступка революціонерамъ ведетъ лишь къ новымъ съ ихъ стороны требованіямъ. Вообще, онъ находился въ то время въ возбужденномъ состояніи, потому что, помимо раздражающихъ его событій на западѣ, грозная холера надвигалась все ближе и ближе: Москва съ трепетомъ ожидала ея появленія въ своихъ стѣнахъ.

Между тѣмъ, гр. Дибичъ, оставшись въ Берлинѣ, не переставалъ понукать пруссаковъ. Современное положеніе дѣлъ сильно безпокоило его. «Тревожныя извѣстія изъ Бельгій—писалъ онъ государю—и смуты, обнаружившіяся во многихъ мѣстахъ Германіи, предвѣщаютъ, къ несчастію, слишкомъ положительнымъ образомъ, что вооруженное вмѣшательство европейскихъ державъ не можетъ быть замедляемо безъ великаго вреда для общаго спокойствія!» Онъ предвидѣлъ, что при утвержденіи мятежниковъ въ Брюсселѣ и при плохомъ состояніи голландскихъ войскъ, послѣднія вскорѣ принуждены будутъ укрыться по своимъ крѣпостямъ, которыя тоже въ такомъ положеніи, что не имѣютъ возможности долго держаться. «Тогда-то—продолжаетъ Дибичъ—тайныя крамолы Франціи открыто явятся на свѣтъ и честолюбивыя виды этой державы могутъ обнаружиться внезапнымъ заня-

тѣмъ помянутыхъ крѣпостей, что солиднымъ образомъ обезпечить ихъ власть въ сей странѣ (Бельгін)».

Во избѣжаніе сего, Дибичъ считалъ весьма нужнымъ, что бы пруссаки, совмѣстно съ англичанами, неотлагательно заняли бельгійскія крѣпости, въ особенноти же Мاستрихтъ ¹⁾.

Прусское правительство далеко не увлекалось воинственнымъ пыломъ нашего фельдмаршала и явно обнаруживало, что безъ Англіи ни на что не рѣшится. Для Англіи же раздѣлъ и ослабленіе Нидерландскаго королевства были выгодны, потому что голландскій торговый флотъ и бельгійская промышленность конкурировали съ ея собственными и, будучи въ однѣхъ рукахъ, становились вдвое для нея опаснѣе. Понятно, послѣ этого, что отвѣта изъ Лондона, на прусскіе запросы, долго не приходило. Людовикъ-Филиппъ, съ своей стороны, далъ понять союзнымъ дворамъ, что при вооруженномъ внимательствѣ ихъ въ бельгійскія дѣла, онъ не можетъ поручиться за то, что въ состояніи будетъ сдержать французовъ отъ содѣйствія бельгійцамъ. Все это, въ соединеніи съ послѣдними неудачами голландскихъ войскъ, заставило прусское правительство весьма несочувственно относиться къ мысли, о занятіи своими войсками бельгійскихъ крѣпостей. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Дибича, въ Берлинѣ всѣ вѣрили въ неизбежность войны и, хотя медленно, но продолжали вооружаться ²⁾.

Въ то время, какъ фельдмаршалъ писалъ свои воинственныя письма и мечталъ о возможности коалиціи, подобной той, которая образовалась въ 1813 году, вниманіе императора Николая было отвлечено другою, болѣе серьезною заботою: около 20 сентября онъ получилъ извѣстіе о появленіи холеры въ Москвѣ; а вслѣдъ за тѣмъ другое— о быстромъ усиленіи и злокачественности эпидеміи, похищавшей въ теченіи нѣсколькихъ часовъ почти всѣхъ пораженныхъ ею. Черный народъ сталъ уже волноваться, приписывая болѣзнь отравителямъ.

Получивъ эту грозную вѣсть, царь немедленно принялъ рѣшеніе, вполне соответствовавшее его характеру и убѣжденіямъ, и ни на минуту не задумался лично явиться въ самое горнило заразы, передъ которою тогда трепетали еще гораздо болѣе, чѣмъ впоследствии, потому что бѣдствіе было еще совершенно новаго и неизвѣданнаго рода. Онъ счелъ своимъ долгомъ быть тамъ, гдѣ грозила наибольшая опасность, дабы присутствіемъ своимъ удержать чернь отъ бунта и личнымъ примѣромъ и словомъ поднять духъ въ высшихъ классахъ, ободряя ихъ на посильную борьбу съ ужасною болѣзнію. 27-го сен-

¹⁾ Всепод. записка Дибича, отъ 21 сентября (3 октября).

²⁾ Письмо Дибича графу Нессельроде, 23 сентября (10 октября.) 1830 г.

тября онъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи генерала Бенкендорфа и двухъ флигель-адъютантовъ, а 29-го былъ уже въ Москвѣ. Прибытіе его туда быстро оказало благотворныя послѣдствія: народъ, видя въ Москвѣ своего царя, безотчетно успокоился; исчезло и малодушное уныніе, овладѣвшее было высшими классами; дворянство и купечество, возбуждаемое увѣщаніями монарха, наперерывъ спѣшили заявить свое усердіе личными и денежными пожертвованіями на борьбу съ эпидеміею,—что много содѣйствовало ея ослабленію.

Успокоившись отчасти, относительно результатовъ своей поѣздки въ первопрестольную столицу, императоръ Николай опять вынужденъ былъ обратить вниманіе на дѣла запада, откуда доносились до него все менѣе и менѣе утѣшительныя вѣсти и наконецъ получено было письмо отъ Нидерландскаго короля, который, въ виду успѣховъ революціи, просилъ о неотлагаемой военной помощи. Вслѣдствіе этого письма, государь рѣшился немедленно двинуть къ западнымъ предѣламъ имперіи значительную армию. Намѣренія и распоряженія его по сему поводу выразились въ слѣдующемъ письмѣ военному министру, графу Чернышеву. 1):

1)

Moscou, le 5 octobre 1830.

„Les dépêches que je viens de recevoir, mon cher ami, sont de telle nature, qu'il s'agit sans delai de prendre des mesures d'exécution pour notre entrée en campagne. Le Roi des Pays-Bas vient de m'écrire pour me demander, en vertu des traités existants, un secours militaire. Son impatience à cet égard est telle, que Guillaume me demande en son nom, s'il est possible, l'envoi d'une partie de troupes par eau. Vous sentez vous même que la chose n'est pas faisable dans cette saison. Cette demande tardive, si elle était venue un mois plutôt, toutes mes mesures étaient prises pour pouvoir y adhérer. Voici ce dont il s'agit maintenant: vous commencerez par informer le Marechal Sacken que le 1-er et le 2-me corps, ainsi que le 3 et 5 de cavallerie de reserve, doivent immédiatement être mis sur le pied de guerre. Vous savez déjà par l'office d'Edouard, que l'ordre a été donné directement au 5-me corps de cavallerie de reserve de marcher en Wolhynie, pour se rapprocher de la frontière. J'envoie demain l'ordre au 3-me de cavallerie de reserve (déjà sur le pied de guerre) de marcher en Podolie et d'y prendre des cantonnements, en passant provisoirement sous les ordres de Sacken; de même, l'ordre a été donné à la 3-me division d'infanterie de se concentrer vers Wilna. Voila à quoi se bornent les mesures déjà prises. Il faut immédiatement commencer l'achat de chevaux d'artillerie, pour les 12 pièces, et ceux du train (фурштаты); et pour que cette mesure soit le plus promptement exécutée, vous communiquerez l'ordre de procéder directement au Comte Pierre Pahlen, pour son corps; vous informerez de même mon frère Constantin qu'il ait à exécuter immédiatement la même mesure pour toute son armée, dans la composition qui lui avait été prescrite pour le cas de marche. Vous aurez soin à ce que toutes les mesures

Москва, 5 октября 1830 г.

(Переводъ съ франц.) «Любевный другъ, депеши только что полученныя мною, таковы, что надо принять безотлагательныя мѣры для нашего выступленія въ походъ. Король Нидерландскій пишетъ мнѣ, прося—въ силу существующихъ трактатовъ—вооруженной помощи. Неприятнѣе Вильгельма, относительно сего, такъ велико, что онъ проситъ меня, своимъ именемъ, послать часть войскъ, если то возможно, моремъ. Вы сами чувствуете, что это вещь неисполнимая, въ настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба явилась мѣсяцемъ ранѣе, то всѣ мои мѣры были бы приняты для ея удовлетворенія. Теперь же, вотъ въ чемъ дѣло: вы начнете увѣдомленіемъ фельдмаршала Сакена, что 1-й и 2-й корпуса, равно какъ 3-й и 5-й резервные кавалерійскіе, должны быть приведены на военное положеніе. Вы знаете уже изъ записки Эдуарда (Адлерберга), что 5-му резервн. кавалерійскому корпусу дано приказаніе двинуться въ Волинскую губернію, дабы быть ближе къ границѣ. Завтра я посылаю приказаніе 3-му резервн. кавал. корпусу (уже приведенному на военное положеніе) идти въ Подольскую губернію и тамъ расположиться, подчиняясь временно начальству Сакена; 3-й пѣхот. дивизіи тоже

---

soient exécutés avec le plus d'épargnes possibles, et vous concentrerez la dessus avec le Ministre des finances et Grabovsky. Je ne parle pas encore ni de grenadiers, ni de la garde, car je ne les ferai bouger qu'à la dernière nécessité; d'ailleurs, les grenadiers peuvent marcher dans 15 jours, et nos mesures sont prises en conséquence.

„Vous écrirez aussi à Pierre Pahlen, toute en informant le maréchal Sacken, de faire passer les 4-mes bataillons des 4-mes régimens de ligne de la 4 division à Riga, pour y faire garnison, et les deux bataillons de chasseurs de la même division—à Dunabourg. La 1-re division devra être concentrée le plus près possible de la frontière Prussienne, de façon à faire tête de colonne. Je propose, pour accélérer la mise au complet des chevaux de l'artillerie du 1-r et du 2 corps, de prendre les chevaux de la 4-me et 8-me brigades d'artillerie, pour les fondre dans les autres, quitte à les remplacer par des chevaux nouvellement achetés. Vous informerez de même mon frère Constantin, que du moment où le 1-r corps se met sur le pied de guerre, la 1-re division de Hussards doit rentrer sous les ordres de Pahlen; il s'entend de soi même que tous les semestriers des corps qui doivent marcher doivent être immédiatement rappelés. Vous informerez de toutes les mesures Constantin, par courrier; de même Diebitch qui doit se trouver près de lui, ou qui est sur son retour. Faites en part à Nesselrode, à qui cette lettre à vous servira d'ample réponse. Le premier contingent dont, comme membre de l'alliance, je suis contribuable, sera formé de l'armée aux ordres de mon frère; je lui en écris moi même demain.—D'après mon calcul, à moins de deux mois de temps, nous ne pourrons être prêts à marcher, du moins avec le tout. Ainsi, chaque instant gagné là

приказано сосредоточиться къ Вильнѣ. Вотъ чѣмъ ограничиваются мѣры, уже принятыя. Надо немедля приступить къ закупкѣ артил. лошадей на 12-ти орудійный комплектъ, а также и для обоза; для того же, чтобы распоряженіе это было какъ можно скорѣе исполнено,—сообщить приказаніе о семъ прямо графу Петру Палену, относительно его корпуса. Также увѣдомьте брата моего Константина, что онъ немедленно долженъ принять тѣ же мѣры для всей своей арміи, согласно составу оной, который былъ ему предписанъ на случай похода. —Приложите стараніе, чтобы всѣ эти мѣры исполнены были съ возможною бережливостію и переговорите о семъ съ министромъ финансовъ и съ Грабовскимъ. О гренадерахъ и гвардіи я еще не упоминаю, потому что двину ихъ лишь въ послѣдней крайности. Впрочемъ, гренадеры могутъ въ двѣ недѣли изготовиться къ походу и мѣры наши согласуются съ симъ соображеніемъ.

«Вы напишете тоже Петру Палену (увѣдомивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фельдмаршала Сакена), чтобы перевести 4 баталіоны 4-хъ пѣхотныхъ полковъ 4-й дивизіи въ Ригу, для занятія карауловъ, а оба егерскіе баталіона той же дивизіи въ Динабургъ; 1-я дивизія должна сосредоточиться какъ можно ближе къ прусской границѣ, такъ, чтобы составить голову колонны.

«Чтобы ускорить комплектованіе артиллерійскихъ лошадей 1-го и 2-го корпусовъ, я предлагаю взять лошадей 4-й и 8-й артил. бригадъ, для распредѣленія ихъ по другимъ бригадамъ, съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ лошадьми, вновь купленными.

---

dessus sera d'un grand prix. Reste à savoir, si rien que la connaissance de ces préparatifs formidables, dont, loin de faire un secret, vous pouvez parler hautement, quoique sans affectation, ne préviendra déjà une guerre que nous désirons tous sincèrement éviter. Vous informerez directement le g-l Witzleben des mesures qui viennent d'être ordonnées, en lui disant, pour être soumis au Roi, que dès ce moment je regarde nos armées comme déjà réunies; que je désire par conséquent que pour tout ce qui est rapports militaires entre nous, toute forme diplomatique soit mise de côté; que vous avez l'ordre de le tenir constamment au courant de tout ce qui se fera chez nous, et que je serai très reconnaissant au Roi, s'il daignait permettre qu'on en usât de même à mon égard, dans les formes les plus simples et les plus directes.—En voila assez; j'espère pour le premier moment; le reste au moment où, avec l'aide de Dieu, je serai hors du choléra et des quarantaines, auxquelles je ne pourrai échapper. Grace au bon Dieu, la maladie diminue chez nous, et surtout en intencité. Calmez Cancrine sur ces premières dépenses et tâchez de les diminuer le plus possible.—Tout à vous N^o.

„Hâtez la marche des cosaques:“

«Вы увѣдомите также брата моего, что какъ только 1-й корпусъ приведенъ будетъ на военное положеніе, 1-я гусарская дивизія должна опять поступить подъ начальство Палена. Само собою разумѣется, что въ корпусахъ, предназначаемыхъ къ походу, всѣ отпускные должны быть немедленно созваны. О всѣхъ этихъ распоряженіяхъ увѣдомьте, съ фельдъегеремъ, Константина, а также Дибича, который долженъ быть при немъ, или же на возвратномъ пути. Сообщите о семъ и Нессельроде, которому письмо это, вамъ адресованное, будетъ служить полнымъ отвѣтомъ. Первый контингентъ, который я, какъ членъ Союза, обязанъ поставить, будетъ состоять изъ арміи, состоящей подъ командою моего брата; объ этомъ я самъ завтра напишу ему. По моимъ расчетамъ, ранѣе какъ черезъ два мѣсяца мы не въ состоянн будемъ выступить, по крайней мѣрѣ, со всѣми силами; поэтому, всякій выигрышъ изъ этого срока будетъ очень цѣненъ. Остается знать, не послужатъ ли однѣ извѣстія обо всѣхъ этихъ обширныхъ приготовленіяхъ, (о коихъ—далеко не дѣлая изъ нихъ тайны—вы можете говорить громко, хотя и безъ аффектаціи), къ тому, чтобы предотвратить войну, которой всѣ мы искренно желаемъ избѣгнуть. Сообщите прямо отъ себя генералу Вицлебену ¹⁾ о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему, для сообщенія королю, что отнынѣ я считаю наши арміи уже соединенными и желаю посему, чтобы во всѣхъ между нами сношеніяхъ, касающихся военнаго дѣла, всякая дипломатическая формальность была отложена;—что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности обо всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ, и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ, въ самыхъ простыхъ и ясныхъ формахъ. Этого и довольно. На первый разъ, я питаюсь надеждами; остальное же отложимъ до того времени, когда, съ помощію Божіею, я буду внѣ холеры и карантинновъ, отъ которыхъ нельзя мнѣ избавиться. Благодаря всеблагову Богу, болѣзнь у насъ уменьшилась и, главное, сдѣлалась менѣе упорною. Успокойте Канкринна относительно этихъ первоначальныхъ расходовъ и старайтесь по возможности уменьшить ихъ. Вашъ Н».

«P. S. Ускорьте движеніе казаковъ».

Сообщая всѣмъ, поименованнымъ въ вышеприведенномъ письмѣ лицамъ о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ императора, Чернышевъ, уже отъ себя, прибавлялъ гр. Дибичу: «когда Государь заблагоразсудитъ отдать свои повелѣнія (отъ 5-го числа сего мѣсяца): онъ еще

¹⁾ Генералъ Вицлебенъ состоялъ при прусскомъ королѣ и былъ однимъ изъ его довѣрнѣйшихъ людей.

не зная о перемѣнѣ въ рѣшеніяхъ короля Нидерландскаго, т. е. о назначеніи принца Оранскаго ¹⁾ правителемъ Бельгіи. Богъ знаетъ, будетъ-ли имѣть успѣхъ эта заповодаая мѣра и всѣ эти уступки послѣ неудачъ. Во всякомъ случаѣ, приготовленія наши,—хотя онѣ и обойдутся намъ дорого, должны оказать внушительное дѣйствіе и мы будемъ готовы на всѣ случайности. Если бы другіе кабинеты имѣли ту же энергію, какую имѣетъ императоръ, то какъ должны бы были трепетать зачинщики смутъ и мятежей! Придется прибѣгнуть къ мѣрамъ репрессивнымъ, но—геній зла будетъ имѣть время усилиться!>....²⁾.

Слова эти должны были оживить надежды Дибича на неизбежность вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла западной Европы; но полученное имъ, почти одновременно съ предшествовавшимъ, письмо нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде могло способствовать лишь къ охлажденію такихъ надеждъ. Какъ и ожидать слѣдовало, старый дипломатъ склонялся на сторону безкровной, бурмажной войны, особенно послѣ заявленнаго ему (8 октября) предложенія Англіи—рѣшить бельгійскій вопросъ на конференціи, имѣющей собраться въ Лондонѣ.

-Любезный графъ — писалъ онъ Дибичу — отсутствіе императора ставитъ меня въ невозможность дать нашимъ союзникамъ такіа сообщенія, которыхъ бы требовала важность нынѣшнихъ обстоятельствъ. Впрочемъ, мы третьяго дня лишь узнали рѣшеніе Англіи; а пока онѣ не были извѣстны, трудно было и намъ на чтонибудь положительное рѣшиться. Къ несчастію, онѣ не таковы, какихъ мы имѣли бы поводъ ожидать отъ человѣка, столь славно и энергично боровшагося съ Наполеономъ. Сказано про Веллингтона, что онъ левъ въ полѣ, а заяцъ въ кабинетѣ: надо сознаться, что онъ никогда еще въ такой мѣрѣ не оправдывалъ сего мнѣнія. Но какъ бы онъ ни поступалъ, я убѣжденъ, что событія увлекутъ его далѣе, нежели онъ думаетъ, и что какъ бы ни былъ робокъ усвоенный имъ образъ дѣйствій, — онъ, рано или поздно, приведетъ его туда, куда мы хотимъ его привести. Что онъ не приступилъ къ немедленнымъ дѣйствіямъ—это понятно; ибо у него не было для этого средствъ. Все, что онъ могъ бы послать въ Бельгію, это отрядъ тысячъ въ десять; Пруссія не могла бы отдѣлать болѣе 25 т. человекъ изъ Рейнскихъ провинцій, гдѣ ей нельзя оставлять слишкомъ мало войска; наши же подкрѣпленія могутъ подойти лишь че-

¹⁾ Старшій сынъ Нидерландскаго короля, пользовавшійся популярностью въ Бельгіи.

²⁾ Письмо гр. Чернышева Дибичу, отъ 7 октября.

резь четыре мѣсяца. Но чего бы я желалъ, это—чтобы съ Франціею говорили познергичнѣе. Она боится войны только съ Англіею; дать почувствовать ей возможность этой войны, если она не откажется отъ своего гнуснаго (одіеих) принципа невмѣшательства—вотъ что, можетъ стать, было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ сохранить общій миръ. Касательно Пруссіи, я долженъ вамъ признаться, что ея нежеланіе вдаваться въ столь обширное усложненіе дѣлъ, не будучи предварительно увѣренною въ Англіи и ея вооруженномъ содѣйствіи, кажется мнѣ весьма естественнымъ. Поэтому я нисколько не удивляюсь тѣмъ затрудненіямъ, которыя вами встрѣчены, и той нерѣшительности, о которой вы скорбите, но которыя мнѣ кажутся основанными на ея (Пруссіи) выдающемся положеніи, на слабости ея средствъ, на отдаленности нашей помощи и на неблагоприятномъ расположеніи общественнаго духа. Единственный упрекъ, который, кажется мнѣ, можно бы было сдѣлать прусскому кабинету, это то, что онъ, не посовѣтовавшись съ вами, послалъ своему лондонскому повѣренному въ дѣлахъ такія инструкціи, которыя скорѣе подкрѣпили, нежели ослабили тѣ аргументы, коими герцогъ Веллингтонъ старался оправдать свой образъ дѣйствій.

«Такъ какъ я разлученъ съ императоромъ, то вотъ пока и все, что могу сообщить вамъ, любезный графъ, и прошу васъ глядѣть на вышесказанное, только какъ на выраженіе моего личнаго мнѣнія. Намъ подають надежду, что государь возвратится въ будущій вторникъ, 14 (26) октября. Вы можете понять, какъ затрудняетъ меня мое отдаленіе отъ него въ столь критическую минуту. Мы, любезный графъ, тоже не отдыхаемъ на розахъ: холера господствуетъ въ очень многихъ губерніяхъ, которыя посему пришлось освободить отъ рекрутской повинности; внутренняя торговля остановилась вслѣдствіе мѣръ, кои понадобилось принять для воспрепятствованія распространенію этого бѣдствія, и мы не увѣрены въ томъ, что оно и здѣсь не настигнетъ насъ, такъ какъ говорятъ о его появленіи уже около Тихвина. Урожай былъ дуренъ и уплата податей идетъ плохо. Вотъ подъ какими предзнаменованіями мы приступаемъ къ приготовленіямъ къ войнѣ, послѣдствія которой одинъ лишь Богъ можетъ предвидѣть. Не надо, конечно, унывать и падать духомъ передъ обстоятельствомъ; но я считалъ необходимымъ представить вамъ печальную картину нашего внутренняго положенія, дабы вы могли принимать ее въ соображеніе во всѣхъ совѣщаніяхъ вашихъ съ прусскимъ кабинетомъ». ¹⁾

¹⁾ Письмо графа Нессельроде Дибичу, отъ 10/22 октября (переводъ).

Графъ Нессельроде, какъ видимъ, былъ чуждъ увлеченія идеею военнаго вмѣшательства и старался охладить пылкость Дибича весьма вѣскими соображеніями о нуждахъ и бѣдствіяхъ собственнаго края, вынуждающихъ необходимость падить государственные финансы. Повидимому, и самъ фельдмаршалъ началъ сознать въ это время, что какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Пруссіи не дождаться; что Франція не страшится войны ни съ кѣмъ, кромѣ Англіи, что Англія воевать не хочетъ, а что безъ Англіи нельзя рассчитывать на Пруссію, тѣмъ паче на Австрію. Приходилось удовлетвориться сдѣланными уже военными приготовленіями пруссаковъ и затѣмъ считать свою миссію оконченною. Это Дибичъ и выражаетъ въ письмѣ своемъ государю, отъ (10) 22 октября, вмѣстѣ съ надеждою черезъ недѣлю уѣхать изъ Берлина.

Но не успѣлъ онъ еще изготвиться въ обратный путь, какъ получилъ письмо изъ Варшавы, отъ цесаревича Константина Павловича, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ о полученномъ имъ высочайшемъ повелѣніи мобилизовать польскую армію. Великій князь, очевидно, былъ противъ войны и, воспользовавшись предлогомъ неимѣнія никакихъ указаній отъ фельдмаршала (котораго государь предполагалъ уже въ Варшавѣ), отложилъ приведеніе польской арміи на военное положеніе, до полученія этихъ указаній. Сообщая о семъ Дибичу, великій князь, между прочимъ, пишетъ:

«Не имѣя отъ васъ никакихъ указаній; не имѣя свѣдѣній о мѣрахъ, которыя приняты прусскимъ дворомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Бельгіи; видя съ другой стороны, изъ извѣстій, обнародованныхъ въ «*Observateur Autrichien*», что Австрія не намѣрена становиться въ наступательное положеніе, я имѣю поводъ думать, что если мы одни станемъ принимать мѣры, долженствующія повести къ вооруженному вмѣшательству въ бельгійскія дѣла, предпринимая обширныя военныя приготовленія и подвергаясь большимъ затратамъ, безъ единодушнаго принятія такихъ же намѣреній другими державами, то эта сильная поспѣшность съ нашей стороны только усилитъ нынѣшнее смятеніе и можетъ повредить интересамъ Пруссіи».

«Если бы во Франціи царствовалъ еще Карлъ X, а въ Бельгіи вспыхнула подобная революція, то военное вмѣшательство Россіи, совмѣстно съ другими державами, получило бы другое освѣщеніе; пріобрѣтая законное основаніе, въ силу самаго совершившагося факта и по смыслу трактатовъ, оно налагало бы на эти державы неотмѣнную обязанность водворить въ томъ краю спокойствіе и возстановить короля во всей полнотѣ его власти. Но духъ крамолы и

броженія, царящій теперь не только во Франціи, но и во многих частяхъ остальной Европы, могъ бы лишь усилиться отъ шума этихъ военныхъ приготовленій и произвести всеобщій пожаръ, участіе въ коемъ могла бы принять Франція, и послѣдствія котораго трудно было бы въ настоящую минуту опредѣлить.

«Такъ какъ высочайшее повелѣніе, сообщенное графу Чернышеву, указываетъ на 10 (22) декабря, какъ на срокъ, къ которому войска должны быть готовы къ выступленію, и такъ какъ срокъ сей приближается, то посылаю къ вамъ этого фельдъегеря, прося увѣдомить меня, съ нимъ же и въ возможно скорѣйшемъ времени: слѣдуетъ ли привести сіи мѣры въ исполненіе, или нѣтъ. Я озабочусь пока изготовленіемъ всѣхъ, нужныхъ на сей предметъ, приказаній» ¹⁾.

Дибичъ не замедлилъ отвѣчать на это письмо, въ удовлетворительномъ для цесаревича духѣ:

«Уже нѣсколько недѣль тому назадъ—пишетъ онъ—я имѣлъ честь докладывать Его Величеству мое мнѣніе, что изъ числа вооруженій, вынуждаемыхъ настоящимъ положеніемъ Европы, можно бы было еще, на нѣкоторое время, отложить мобилизацію Польской арміи и резервнаго ея корпуса, въ виду ихъ близости къ предполагаемому театру будущихъ дѣйствій. Я не имѣлъ еще на это отвѣта Его Величества, вѣроятно потому, что онъ полагалъ, что я немедленно возвращусь, въ чемъ я и самъ обнадеживалъ. Тѣмъ не менѣе, и вопреки перемѣнамъ, происшедшимъ въ политическомъ состояніи Европы, я все таки полагаю, что мобилизація Польской арміи и резервнаго ея корпуса можетъ быть отложена, по крайней мѣрѣ, еще на мѣсяць» ²⁾.

Изъ письма этого видно, что Дибичъ настолько уже разочаровался въ своихъ воинственныхъ ожиданіяхъ, что принялъ смѣлость измѣнить весьма категорическое приказаніе самаго Государя. По тону, царствовавшему въ правительственныхъ кружкахъ Пруссіи, онъ видѣлъ, что вопреки нѣкоторымъ, подготовительнымъ мѣрамъ, государство это подниметъ мечъ развѣ для самозащиты, а ужъ никакъ не изъ-за платонической любви къ легитимности, или безусловной преданности принципамъ Священнаго союза. Ни обѣщанная нами помощь, ни заявленная около того же времени готовность Австріи, выставить 150 т. человекъ въ Италіи и столько же въ Германіи ³⁾, не могли сбить пруссаковъ съ принятаго ими направленія.

¹⁾ Письмо цесаревича отъ (14) 26 октября (переводъ).

²⁾ Письмо Дибича цесаревичу, (17) 29 октября (переводъ).

³⁾ Объ этомъ упоминается въ томъ же письмѣ Дибича.

Распоряженія императора Николая относительно вооруженій нашихъ, представленныя Дибичемъ королю прусскому (18) 30 октября, въ Шарлотенбургѣ, были встрѣчены обычными, красивыми фразами о великодушїи и энергїи государя. Мобилизацію и приближеніе русскихъ корпусовъ къ западной границѣ, Фридрихъ Вильгельмъ называлъ одною изъ спасительнѣйшихъ мѣръ, такъ какъ онъ, якобы, не сомнѣвался въ необходимости покончить дѣло оружіемъ. Къ окончательной же мобилизаціи Польской арміи король отнесся несочувственно по той причинѣ, что часть его арміи, стоявшая въ одной стратегической линїи съ польскими войсками, еще не могла собрать своихъ ландверовъ и, вообще, встрѣчала разныя затрудненія въ постановкѣ на боевую ногу ¹⁾. Затѣмъ, показавъ Дибичу послѣднія депеши изъ Англіи и выразивъ негодованіе по поводу дѣйствій тамошняго правительства, король заявилъ, что не усматриваетъ возможности поступить иначе, какъ составить «меморію» о настоящихъ политическихъ дѣлахъ и ихъ вѣроятныхъ послѣдствїяхъ, а также и о планахъ военныхъ дѣйствїй, которыя ими могутъ быть вызваны, и послать эту меморію на обсужденіе австрійскаго и англійскаго кабинетовъ. Отвѣта на нее король просилъ Дибича обождать въ Берлинѣ, для совмѣстнаго соображенія, что вслѣдствіе этого отвѣта надо будетъ предпринять ²⁾.

Дѣло, очевидно, вступало въ фазисъ нескончаемыхъ дипломатическихъ переговоровъ, которые въ то время, при отсутствїи желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ, подвигались впередъ черепашьими шагами.

Пока тянулись всѣ эти обсужденія и переписка, императоръ Николай успѣлъ покончить свое дѣло въ пораженной холерою Москвѣ и отправиться въ обратный путь. Выдержавъ карантинъ въ Твери, съ строгимъ подчиненіемъ всѣмъ предписаннымъ правиламъ, онъ, 19 (31) октября, благополучно прибылъ въ Царское Село, гдѣ августѣйшая семья ожидала его съ нетерпѣливымъ страхомъ. Дибича все еще не было и никакихъ рѣшительныхъ отвѣтовъ, даже на счетъ его возвращенія, не получалось. Можно себѣ представить, какъ отявлялась эта медлительность, это ни то ни сѣ, на Государѣ, особенно

¹⁾ Это обстоятельство, конечно, было тоже однимъ изъ побужденій, заставившихъ Дибича измѣнить высочайшее повелѣніе, такъ какъ государь выразилъ желаніе соображаться во всемъ съ дѣйствїями своего августѣйшаго тестя.

²⁾ Всепод. письмо Дибича, отъ 8 (30) октября (переводъ).

при его тогдашнемъ, возбужденномъ состояніи. Переждавъ нѣсколько дней, онъ, наконецъ, написалъ фельдмаршалу слѣдующее письмо:

С. Петербургъ, 1 (13) ноября 1830. ¹⁾

(Переводъ). «Любевный другъ, я рѣшительно теряю терпѣніе; въ одномъ письмѣ за другимъ вы извѣщаете меня, то объ отъѣздѣ курьера съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, то о близости собственнаго вашего отъѣзда.—и вотъ скоро два мѣсяца, а ни тотъ ни другой не прибываютъ. Вотъ вамъ разгадка того, что я не отвѣчалъ вамъ на ваши письма. Я хотѣлъ отвѣчать на что либо положительное, а это положительное не являлось. Наконецъ, вчера, жена моя получила письмо отъ короля, который пишетъ ей, что еще удержалъ васъ при себѣ, ради важныхъ причинъ. Хочу, по крайней мѣрѣ, что бы вы знали, что мы здоровы,—что наши военныя приготовленія, при помощи Божіей, идутъ хорошо и что 10 (22) декабря мы можемъ выступить съ корпусами 1-мъ, 2-мъ и Литовскимъ, съ польскими войсками.

¹⁾ Pour le coup, mon cher ami, je perds patience: d'une lettre à l'autre vous m'annoncez, ou le départ d'un courrier décisif, ou bien votre prochain départ; et voila bientôt deux mois que ni l'un, ni l'autre n'arrive; voila pour vous l'énigme de ce que je ne vous répondais pas à vos lettres; je voulais répondre à du positif, et ce positif n'arrivait pas. Enfin hier, ma femme a reçu une lettre du Roi qui lui dit vous avoir encore gardé pres de lui, par des raisons importantes. Je veux du moins que vous sachiez que nous nous portons bien; qu'avec l'aide de Dieu nos préparatifs de guerre vont bien, et que le 10 (22) de Décembre nous pourrons marcher avec le 1, 2, Lithuanie, Polonais et grenadier, et la cavallerie de réserve; pour ôter même le doute aux résolutions que j'ai fortement et irrevocablement prises, j'ai fait annoncer le tout dans les journaux. Je suis plus convaincu que jamais, que s'il y a encore un moyen de prévenir la guerre, c'est en prouvant au Jacobins de tous les pays que l'on n'a point peur d'eux, que l'on est partout sous les armes, et que si même, dans ses impénétrables decrets, la Providence a resolu que nous devons périr, nous périrons avec honneur et sur la brèche. Tel est mon sentiment depuis cinq ans, tel il sera toute ma vie. Je voudrais communiquer cette manière de voir partout et à tous; en attendant, faisons notre devoir.

L'Empereur d'Autriche désire que les armées soient mises sous votre commandement; je n'ai eu garde de refuser, comme une marque de confiance flatteuse et comme un gage de ses intentions.

Je suis parfaitement satisfait des sentimens de nos militaires: tous sont prêts et enchantés de marcher; et moi je prie Dieu qu'il n'en soit pas besoin.

Constantin ne veut pas marcher comme commandant en chef; il demande à être placé sous les ordres de qui je voudrai.

Mille choses à toutes mes connaissances, si vous êtes encore à Berlin, où je vous adresse ces lignes. Ma femme vous dit mille choses, et moi je vous embrasse, étant pour la vie votre bien affectionné N.

съ гренадерскимъ корпусомъ и резервною кавалерією; а дабы устранить и сомнѣніе въ томъ, что мною твердо и неизмѣнно рѣшено, я приказалъ все это обнародовать въ газетахъ. Болѣе чѣмъ когда либо убѣжденъ я, что если есть еще средство предупредить войну. то оно состоитъ въ томъ, что бы доказать якобинцамъ всѣхъ государствъ, что ихъ не боятся, что вездѣ стоятъ подъ ружьемъ, и что если бы, даже, Провидѣніе, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, рѣшило намъ погибнуть, то мы погибнемъ съ честью, и грудью защищая пробитую брешь. Таковыя чувства я питаю уже пять лѣтъ и таковыми онѣ останутся на всю мою жизнь. Желалъ бы сообщить такой взглядъ на вещи повсюду и всѣмъ; а пока, будемъ исполнять нашъ долгъ.

«Австрійскій императоръ желаетъ, что бы арміи поставлены были подъ ваше начальство; я, конечно, не отказалъ, такъ какъ это есть знакъ лестнаго довѣрія и служить ручательствомъ въ его намѣреніяхъ.

«Я совершенно доволенъ чувствами нашихъ войскъ; всѣ полны готовности и въ восхищеніи, что идутъ въ походъ,—а я молю Бога. что бы въ этомъ не было надобности.

«Константинъ не хочетъ идти въ качествѣ главнокомандующаго; онъ проситъ быть поставленнымъ подъ чье мнѣ угодно начальство.

«Поклонъ всѣмъ моимъ знакомымъ, если вы еще въ Берлинѣ, куда я адресую это письмо. Жена моя вамъ кланяется; я же васъ обнимаю, пребывая навсегда васъ любящимъ Н.»

Письмо это любопытно сопоставить съ двумя другими, около того же времени написанными Дибичу: одно (5 ноября) отъ графа Нессельроде, другое (6 ноября) отъ в. к. Константина Павловича.

(Переводъ). «Если графъ Алопеусъ уже далъ вамъ прочесть мою пространную депешу г. Татищеву (пишетъ Нессельроде), то вамъ вполнѣ извѣстно, какъ императоръ смотритъ на важныя событія, происходящія въ Европѣ. Такъ какъ, при наилучшемъ желаніи, не было бы никакой возможности приступить къ немедленнымъ дѣйствіямъ, ибо ни одна изъ державъ, не исключая и Россіи, сдѣлать этого не въ состояніи, то не остается ничего болѣе, какъ воспользоваться зимою, для организованія грозной коалиціи четырехъ державъ. Одна только эта комбинація можетъ спасти Бельгію и предохранить Европу отъ еще болѣшихъ несчастій; между тѣмъ, какъ если бы каждая держава отдѣльно, одна за другою, вздумала бы ввязываться въ борьбу съ Францією, то повторились бы тѣ же ошибки, которыя повели къ разрушенію всѣхъ коалицій, начиная съ вторженія въ Шампанію до сраженія при Ваграмѣ. Правда, мы даемъ нашему непріятелю время

организовать свои силы; но такъ какъ его средства у него болѣе подъ рукою, нежели у насъ наши, то я думаю, что въ этомъ случаѣ выигрышь времени, въ концѣ концовъ, послужить на пользу болѣе намъ нежели Франціи, особенно, если удастся намъ во время зимы удержать на своей сторонѣ Англію и приобрести увѣренность въ ея фактическомъ содѣйствіи.—что было бы невозможно, еслибъ общая война вызвана была одиночными дѣйствіями той или другой континентальной державы. Таковы соображенія, которыя должны уменьшить сожалѣніе наше о сдержанномъ поведеніи и нерѣшительности Пруссіи. Поведеніе ея, конечно, носитъ отпечатокъ большой слабости; но слабость эта не есть ли слѣдствіе ея (Пруссіи) положенія, свойства и недостаточности ея средствъ, наконецъ—общественнаго настроенія, которое, въ Германіи, такъ противится всякой войнѣ,—развѣ только явнѣ агрессивныя дѣйствія со стороны французовъ сдѣлали бы ее для всѣхъ очевидно необходимою. Россія, къ счастью, не имѣетъ надобности примѣнять эти соображенія къ себѣ самой; но мы вынуждены вводить ихъ въ наши расчеты, когда рѣчь идетъ о соглашеніи нашихъ политическихъ и военныхъ операцій съ таковыми же другихъ державъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ установить полное согласіе въ видахъ и намѣреніяхъ между различными правительствами, соединенными для одной и той же цѣли, и нѣтъ ничего менѣе удобоуправляемаго, какъ коалиція. Управиться съ нею можно лишь, следя твердость съ уступчивостію; и только при особыхъ усиліяхъ и внимательности удастся, съ теченіемъ времени, достигнуть рѣшеній и мѣръ, къ которымъ быстрый ходъ событій потребовалъ бы, можетъ стать, прибѣгнуть скорѣе. Такой образъ дѣйствій и не остается совершенно безрезультатнымъ: мы уже видимъ, что Англія заговорила съ Франціею болѣе твердымъ языкомъ, а Пруссія послала своему уполномоченному въ Лондонѣ такія инструкціи касательно бельгійскихъ дѣлъ, какія не оставляютъ желать ничего большаго. Этимъ, первымъ проявленіемъ энергіи мы, безъ сомнѣнія, обязаны вашимъ усиліямъ, любезный графъ, равно какъ и военными приготовлениями, которыя, говорятъ, идутъ болѣе дѣятельно. Если бы вы не понукали ихъ (пруссакъ) неотступно (*si vous ne leur aviez pas mis consamment l'épée dans les reins*) мы еще не дождались бы этого. Такимъ образомъ, вы оказали великую услугу, которую императоръ оцѣниваетъ вполне. Матушевичъ, въ своемъ кругу дѣйствій, дѣлаетъ что можно для внушенія болѣе энергіи благородному герцогу, управляющему Англіею; онъ пользуется его полнымъ довѣріемъ и имѣетъ на умъ его такое вліяніе, какимъ только можетъ пользоваться иностранецъ въ отношеніи англійскаго премьера. Но по этому полю надо ѣхать, подтянувъ

поводья (bride en main); мы имѣемъ тамъ дѣло съ артачливою лошадейю (à un cheval retif), которая становится на дыбы, если ее пришпорить. Надо, посредствомъ переговоровъ и конференцій, такъ объѣздить герцога, что бы ему не оставалось никакого выхода (mus man den Herzog so hinein reiten dasz er gar nicht wieder heraus kome) и что бы отступление сдѣлалось для него невозможнымъ, или позорнымъ. Въ турецкихъ дѣлахъ мы такъ и вели его; и мнѣ пріятно сослаться на antecedенты и примѣры изъ такого предпріятія, которое, подъ вашимъ руководствомъ, возвело Россію до апогея славы и могущества. Впрочемъ, есть вещи въ мірѣ семь, которыя надо увидѣть, что бы имъ повѣрить, и я не желаю себѣ представить, что бы такая держава, какъ Англія могла допустить Францію безпрепятственно завладѣть Бельгією и разрушить комбинацію, придуманную ею самою (Англією), въ видѣ противовѣса ея соперницѣ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю открытія лондонскихъ конференцій и ихъ первыхъ преній,—ибо въ нихъ нашъ спасительный якорь. Война безъ Англіи можетъ явиться для насъ необходимостію, и я далеко не думаю, что отъ необходимости этой слѣдовало бы уклониться; но это было бы однимъ большимъ шансомъ на успѣхъ менѣе; а я не могу отказаться отъ убѣжденія, что для увѣренности въ успѣхѣ мы должны стараться собрать какъ можно болѣе силъ нравственныхъ и матеріальныхъ. Наши приготовленія идутъ дѣятельно; холера не воспрепятствуетъ имъ...»

Въ письмѣ, полученномъ отъ цесаревича Константина, послѣдній, сообщивъ фельдмаршалу о приведеніи Литовскаго корпуса и Польской арміи на военное положеніе, продолжаетъ такъ:

(Переводъ.) ....«При всѣхъ распоряженіяхъ моихъ, я принимаю въ руководство осторожность и имѣю въ виду, что бы излишнею торпливостію и несвоевременными мѣрами не повредить интересамъ нашего августѣйшаго, почтеннаго и уважаемаго союзника, короля прусскаго. Впрочемъ, какъ бы мудры ни были повелѣнія, приходящія ко мнѣ изъ Петербурга,—для меня онѣ уже старая исторія, такъ какъ я двумя недѣлями ранѣе узнаю о событіяхъ. Ожидая, посему, указаній отъ васъ, любезный фельдмаршалъ, и, относительно меня лично, признаюсь, что буду крайне сожалѣть о вашемъ отъѣздѣ изъ Берлина. Мнѣ будетъ казаться тогда, что я нахожусь между молотомъ и наковальней: положеніе очень ненадежное и весьма трудное!—Причины, заставляющія меня все крѣпче и крѣпче держаться принятаго мною образа дѣйствій, основываются на доходящихъ до меня политическихъ извѣстіяхъ о мнѣніяхъ и поступкахъ Англіи, въ конхъ

я усматриваю лишь ровнь и формальное отреченіе отъ единодушнаго согласія, которое должно быть на первомъ планѣ въ намѣреніяхъ августѣйшихъ союзниковъ. Что касается Франціи, то она, не отказываясь отъ логики и не впадая въ противорѣчіе, не можетъ въ чужихъ земляхъ проповѣдывать не тѣ принципы, что у себя самой,—открыто заявлять себя противъ революціи внѣшней, между тѣмъ какъ внутри она вся дышетъ одною лишь революціею. Впрочемъ, по моему слабому мнѣнію, ей слѣдовало бы предоставить рвать и раздирать себя на части (*la laisser se déchirer et s'entredéchirer à elle seule*)—но не кратковременными смутами и бунтами, а искусно возбуждаемою, междусобною войною (*par une guerre civile bien fomentée*); въ противномъ случаѣ, война Европы противъ Франціи только бы соединила въ ней всѣ партіи, въ видахъ сохраненія неприкосновенности французской почвы и обезпеченія оной отъ всякихъ покушеній. Это не должно мѣшать намъ быть готовыми къ дѣйствію; но я говорилъ и всегда буду говорить, что слѣдуетъ поступать не торопливо, вооружаясь спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Вотъ вамъ, любезный фельдмаршалъ, мое вѣроисповѣданіе, во всей его полнотѣ и чистотѣ; повергаю его съ совершеннымъ довѣріемъ на просвѣщенное воззрѣніе ваше. Наконецъ, если бы я долженъ былъ дѣйствовать вопреки моему мнѣнію, то исполню это съ тѣмъ послушаніемъ, которое вамъ извѣстно; но сохраняю всегда мой взглядъ на вещи....»

Изъ писемъ цесаревича Константина Павловича и графа Нессельроде мы видимъ, что ни тотъ ни другой не склонялись въ пользу неотлагаемости военныхъ дѣйствій. Первый, хотя безусловно подчиняется даннымъ ему предписаніямъ, но прямо выражаетъ мысль, что лучше бы было дать Франціи ослабиться внутренними раздорами; а послѣдній, хотя не возстаётъ открыто противъ войны, но даетъ почувствовать Дибичу, что спасительный якорь не въ ней, а въ лондонскихъ конференціяхъ, т. е. въ дипломатическомъ улаженіи вопроса.

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ отъ графа Нессельроде графу Дибичу (отъ 9 (21) ноября) встрѣчается еще болѣе инсинуаціи противъ затѣваемой войны; выразивъ сожалѣніе о выводѣ голландскихъ войскъ изъ Антверпена и воскликнувъ: «вотъ правительство, которое мы должны спасать и поддерживать!», Нессельроде присовокупляетъ:

«... Я провелъ утро въ засѣданіи весьма грустнаго комитета, гдѣ Канкринъ развернулъ передъ нами картину бѣдности нашихъ финансовъ. Не вполне раздѣляя его мнѣніе относительно нашихъ невозможностей (*nos impossibilités*), я долженъ однако согласиться, что источники для выполненія мѣръ чрезвычайныхъ совершенно иссякли. Безъ субсидій отъ Англій, я не знаю, гдѣ мы почерпнемъ

ресурсы для веденія войны, продолжительность которой никто не можетъ предвидѣть».

Въ тотъ же самый день (9-го ноября), и чуть ли не съ тѣмъ же самымъ курьеромъ, отправлено было Дибичу письмо отъ военнаго министра, отличающееся совершенно инымъ тономъ. «Хотя (пишетъ гр. Чернышевъ) и есть еще люди достаточно слѣпые для того, чтобы вѣрить въ возможность отстраненія грозы посредствомъ переговоровъ и конференцій; но въ настоящее время идетъ уже вопросъ о существованіи, о борьбѣ на жизнь и смерть между законными правительствами и демагогіею, во всемъ, что послѣдняя можетъ представить наиболѣе отвратительнаго и наиболѣе циническаго. Время уже поставить твердую преграду этому ужасному пожару, который въ одинъ годъ, а, можетъ быть, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ охватитъ значительную часть Европы и тогда: гдѣ взять средства для его прекращенія? Если бы лондонскій, берлинскій и вѣнскій кабинеты мыслили о семъ также, какъ нашъ возлюбленный государь, который съ перваго же раза не усомнился оцѣнить, какъ должно, послѣдствія всѣхъ этихъ грустныхъ событій, то зло давно уже было бы подрѣзано въ корню»....

Затѣмъ, Чернышевъ увѣдомлялъ фельдмаршала о всѣхъ совершающихся и уже исполненныхъ вооруженіяхъ и передвиженіяхъ войскъ, замѣчая при этомъ, что важнымъ препятствіемъ для военной администраціи служила холера и сопровождавшій ее, совершенный застои внутренней торговли и промышленности. При всемъ томъ, къ концу декабря 1830 г., всѣ войска, назначенныя въ походъ, должны были быть готовыми къ выступленію. Мѣстомъ сосредоточенія ихъ было назначено царство Польское, выдающееся положеніе коего представляетъ важныя стратегическія выгоды; да кромѣ того, при этомъ имѣлась въ виду и экономія для государственной казны, такъ какъ содержаніе вводимой въ царство арміи императоръ Николай полагалъ возложить на польское правительство, въ зачетъ уплаты должныхъ имъ нашему казначейству 30-ти милліоновъ рублей. Начальникомъ штаба дѣйствующей арміи государь назначалъ графа Толля, ближайшаго сподвижника Дибича въ послѣдней турецкой войнѣ ¹⁾.

Должно полагать, что различіе возрѣвій, обнаруживавшееся въ вышеприведенныхъ письмахъ отъ такихъ вліятельныхъ государственныхъ лицъ, ставили гр. Дибича въ весьма затруднительное и щекотливое положеніе; а между тѣмъ бельгійскій вопросъ еще болѣе усложнился, вслѣдствіе паденія министерства Веллингтона и неизвѣст-

¹⁾ Письмо гр. Чернышева Дибичу, отъ 9-го ноября 1830 г.

ности, какое направлѣніе приметъ теперь англійская политика. Это обстоятельство, равно какъ новыя успѣхи бельгійской революціи, заставили Дибича опять отложить свое возвращеніе въ Петербургъ, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали. Увѣренность, что дѣло придется порѣшить оружіемъ, въ немъ не исчезала и, если онъ былъ убѣжденъ въ превосходствѣ этого средства надъ другими, то рѣшительный тонъ высочайшаго письма, отъ 1-го ноября, и письмо гр. Чернышева отъ 9-го числа того же мѣсяца, конечно, должны были только усилить въ немъ это убѣжденіе; тѣмъ болѣе, что и средства оказывались уже почти готовленными. Хладнокровная и умѣренная политика графа Нессельроде не поколебала взглядовъ Дибича на необходимость быстрыхъ и энергическихъ мѣръ,—въ чемъ убѣдиться мы можемъ изъ слѣдующихъ словъ, въ письмѣ его къ названному министру, отъ 11-го (23-го) ноября:

«Мнѣ кажется, что прогрессивный ходъ событій все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ кризису, который будетъ тѣмъ сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ болѣе мы будемъ стараться его избѣжать посредствомъ полу-мѣръ, или, еще хуже,—посредствомъ уступокъ. Поэтому я болѣе чѣмъ когда либо доволенъ, видя, что вооруженія наши подвигаются впередъ, потому что скоро, очень скоро, мы несомнѣнно будемъ имѣть большую въ нихъ надобность. Дай Богъ только, чтобы, вслѣдствіе слишкомъ долгаго замедленія, онѣ не оказались недостаточными и не потребовалось еще новыхъ подкрѣпленій, а, значить, еще новыхъ, но къ несчастію необходимыхъ жертвъ»....

Въ отвѣтъ своемъ на послѣднее письмо графа Нессельроде, Дибичъ высказывается еще рѣшительнѣе. Упомянувъ о тщетѣ надежды на улаженіе голландско-бельгійской распри посредствомъ конгресса, и о вызывающемъ, яко бы, образѣ дѣйствій французскаго правительства, онъ продолжаетъ такъ:

«Если наши финансы не дозволяютъ намъ защищать спокойствіе Европы, то они еще гораздо менѣе дозволяютъ намъ выдерживать борьбу, когда эта же Европа станетъ освобождать Польшу. Таково, по крайней мѣрѣ, мое убѣжденіе. Такъ какъ я никогда еще не имѣлъ чести служить въ австрійскихъ войскахъ, то не могу еще понять аксіомы Монтекуколи; напротивъ того, я раздѣляю мнѣніе нашего послѣдняго великаго учителя военнаго искусства, что война даетъ и средства для ея веденія,—если вести ее какъ слѣдуетъ, т. е. vorwärts (впередъ), ура!... Тогда она бываетъ менѣе продолжительна. Стоитъ менѣе денегъ и, въ особенности, меньшихъ пожертвованій людьми и принципами,—что я, какъ стараго рода дворянинъ и усердный служивый, долженъ считать гораздо выше злополучнаго денеж-

наго двигателя (*mobile d'argent*). Система, созданная жидями и атеистами, намѣрена изъ этого двигателя сдѣлать основу всѣхъ будущихъ порядковъ въ Европѣ и замѣнить металломъ и бумажками понятія о вѣрѣ и чести, которыми руководились наши отцы, а также и тѣ изъ насъ, которые ставятъ себѣ за честь походить на нихъ».

«Если меня иногда упрекаютъ въ томъ, что я гляжу на вещи черезъ слишкомъ розовое стекло, то вы видите, по крайней мѣрѣ, любовный графъ, что расположеніе моего духа не всегда бываетъ такого цвѣта. Впрочемъ, оно измѣнится, какъ только увижу, что убѣдились наконецъ въ томъ, что отлагательства болѣе портятъ дѣло, нежели подвигаютъ его впередъ. То, что совершилось, къ счастью, въ нашемъ восточномъ дѣлѣ, — которое не могло и не должно было иначе быть разрѣшено, какъ мечемъ, — то совершится опять, и только сей же самый мечъ разрубить гордіевъ узелъ бельгійскаго вопроса; но ударъ потребуетъ тѣмъ сильнѣйшій, чѣмъ болѣе дадутъ времени всѣмъ нитямъ перепутаться, и всякаго рода потери — даже въ деньгахъ и кредитѣ — отъ этого увеличатся».... ¹⁾

Совершенно ли искренни были приводимыя здѣсь слова Дибича, или же онъ старался согласоваться съ тѣмъ камертономъ, звуки коего доносились къ нему изъ высшихъ сферъ Петербурга — рѣшать не беремся. Во всякомъ случаѣ, не ему, представителю русскаго воинства, уклоняться было отъ войны, которая, очевидно, въ принципѣ была уже рѣшена, и на приготовленіе къ которой затрачено уже было столько трудовъ и столько денегъ. Оставалось лишь рѣшить куда и противъ какого нарушителя общественнаго спокойствія двинуты будутъ собранныя силы? ²⁾.

¹⁾ Письмо Дибича графу Нессальроде, отъ 18 (30) ноября.

²⁾ На случай военныхъ дѣйствій на Западѣ, предназначались слѣдующія войска: а) отдѣльный гвардейскій корпусъ, съ причисленнымъ къ оному, 1-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, б) гренадерскій корпусъ, в) 1-й и 2-й пѣхотные, г) 3-й и 5-й резервные кавалерійскіе, д) отдѣльный Литовскій корпусъ, е) резервный корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, ж) Польская армія.

Изъ нихъ, къ концу ноября 1830 г., отчасти приведены, отчасти уже кончали переходъ на военное положеніе слѣдующія части: 1-й и 2-й пѣхотные корпуса (кромя 4-й и 8-й пѣх. дивизій), 3-й и 5-й резервные кавалерійскіе, Литовскій корпусъ, 3-я гренадерская и 1-я уланская дивизіи, съ состоящими при послѣдней конно-артилерійскими ротами № 11 и 12.

По общему своду предварительнымъ и послѣдующимъ расходамъ на приведеніе всѣхъ вышепоименованныхъ войскъ на военное положеніе, операція эта — согласно бумажному расчету — должна была обойтись намъ въ 10,882,294 р. 76½ коп.

Вопросъ этотъ разрѣшился гораздо ранѣе, чѣмъ думали, и дѣль дѣйствій явилась вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось. Приведеніе войскъ нашихъ на военное положеніе, для распутыванія чужихъ дѣлъ, неожиданно оказалось какъ нельзя болѣе кстати для улаженія дѣлъ собственныхъ.

17-го ноября 1830 г., въ Варшавѣ, вспыхнулъ бунтъ, вскорѣ поднявшій на ноги всю Польшу. Сила и размѣры этой неожиданной революціи втянули насъ болѣе чѣмъ въ полу-годовую, кровопролитную войну. Трудно сомнѣваться въ томъ, что борьба эта продлилась бы еще гораздо болѣе, если бы часть нашей арміи, уже приводившаяся на военное положеніе, не могла быть вскорѣ двинута къ западнымъ границамъ и этимъ далось бы время полякамъ еще болѣе усилиться. При тогдашнемъ, напряженномъ состояніи умовъ на западѣ, а особенно во Франціи, вполне сочувствовавшей полякамъ, война могла сдѣлаться обще-европейскою и—каковъ бы ни былъ исходъ ея—потребовала бы отъ насъ новыхъ, громадныхъ жертвъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

въ 1857 г.

Въ „Русской Старинѣ“ напечатаны Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ нихъ, между многими другими именами, упоминается о С. С. Ланскомъ, о Нижегородскомъ губернаторѣ Александрѣ Николаевичѣ Муравьевѣ и Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ; предлагаемыя ими письма касаются всѣхъ этихъ личностей, и хотя крестьянская реформа въ нихъ еще не обсуждается, онѣ представляютъ, какъ намъ кажется, интересную характеристику какъ личности Н. А. Милютина, такъ и служебнаго положенія, на которомъ засталъ его крестьянскій вопросъ,—хотя частнымъ образомъ онъ уже давно имъ занимался, а въ 1856 году составлялъ проектъ освобожденія для крестьянъ Полтавской губ. с. Карловки, по просьбѣ владѣтельницами, великой княгини Елены Павловны.

С.-Петербургъ, Владимірская ул., 23- о мая 1857.

... Терпѣнія нужно много. До сихъ поръ я еще не много подвинулъ дѣло, и когда справлюсь—не вижу конца.

... Вторая часть отчета подана и кажется не безъ успѣха. Но сколько еще осталось дѣла!

... Сегодня вечеромъ былъ въ комитетѣ у Игнатьева... отчаянье беретъ, когда вспомнишь, что со всѣмъ этимъ надо кончить до отъѣзда. О радостномъ свиданіи нельзя и помышлять до половины іюля.

27-го мая.

Сегодня ровно двѣ недѣли что мы разстались;—когда это кончится—Богъ знаетъ, а съ каждымъ днемъ лишь становится тяжелѣе и тошнѣе.

... Третьяго дня я обѣдалъ на дачѣ у министра;—кончилъ день, какъ всегда, за письменнымъ столомъ.

... Я цѣлый день работаю, кромѣ обѣденнаго времени,—которое стараюсь сократить сколько можно. Для этого не хожу болѣе въ клубъ, гдѣ проходитъ много времени и за столомъ и за болтовней,—а вмѣсто того предпочитаю плохенькій обѣдъ у Клея. А дѣло все таки идетъ медленно. Вмѣсто окончанія тѣхъ работъ, для которыхъ я

остался,—набѣгаютъ новыя, съ которыми едва-едва справляюсь. Голова совсѣмъ утомлена .....

... Голова совсѣмъ утомлена. Сегодня ужасно работалъ, бѣгалъ, хлопоталъ, а весь вечеръ былъ у меня Шуваловъ съ разными чиновниками, полицейскими и другими, для совѣщаній объ ихъ полицейскихъ дѣлахъ. Все это меня такъ заторможило, что всѣ мысли перепутались. Постараюсь припомнить наши собственныя дѣла...

3 го іюня.

.. Жизнь моя движется, какъ маятникъ. Утромъ за работой, вечеромъ тоже. Труды ползутъ ужасно медленно. Бываютъ минуты совершеннаго отчаянья. На прошлой недѣлѣ дурныя вѣсти объ урожаѣ насъ очень напугали и могли надолго задержать меня здѣсь. Дожди о которыхъ и ты пишешь, могутъ нѣсколько поправить дѣло и ты легко себя представишь, какъ я радовался этому извѣстію, хотя для твоихъ прогулокъ это и не очень удобно. Нѣсколько дней пропало за этимъ неожиданнымъ дѣломъ. Теперь вижу, что прежде второй половины іюня нельзя мнѣ думать объ отъѣздѣ.

....Сегодня я говорилъ съ министромъ на счетъ своей поѣздки. Онъ такъ добръ и внимателенъ, а дѣла, дѣйствительно, такъ много, что я не рѣшился назначить свой отъѣздъ такъ скоро, какъ бы хотѣлось. До 20-го я обѣщался остаться, и дай Богъ, чтобъ къ тому времени удалось привести въ порядокъ тѣ дѣла, которыя по со-вѣсти не могу оставить безъ окончанія. Итакъ придется еще пробыть здѣсь отъ 2-хъ до 3-хъ недѣль. Мы условились, что съ будущей недѣли я начну передавать своему вице-директору, постепенно, часть своихъ обязанностей, чтобъ избавиться отъ текущихъ дѣлъ, которыя отнимаютъ болѣе всего времени. Тогда главныя работы пойдутъ авось-либо скорѣе.

10-го іюня.

.... Сегодня я передалъ часть своихъ обязанностей Шумахеру. Но прежде, какъ черезъ недѣлю, не могу сказать положительно, какъ удастся выѣхать. Того и гляди пойдутъ новыя помѣхи.

.... Вотъ уже четыре недѣли, какъ мы разстались, а еще ничего не могу сказать о времени своего отъѣзда. Къ 20-му нельзя и думать. Надѣюсь, что освобожусь между 20 и 29. Отправляюсь же въ командировку, то есть мѣсяцъ проведу въ Райкахъ ¹⁾ (будетъ уны!

¹⁾ Имѣніе Московской губ. Богородскаго уѣзда, гдѣ находилась жена Н. А. Милютина.

и работа съ собою), потомъ около мѣсяца—въ развѣздахъ, во Владимірѣ, Нижній и можетъ быть въ Казань; а послѣ авось либо удастся хоть двѣ недѣли опять отдохнуть. Впрочемъ все это предварительныя планы.

....Даже теперешнія страданія цѣнятся не много. Но лишь бы совѣсть была покойна,—остальное все трень-трава. Впрочемъ не думай, чтобъ кто нибудь мнѣ дѣлалъ минны. Напротивъ, все идетъ, какъ нельзя лучше. Досадно, что никто не подоврѣваетъ, какъ дорого мнѣ стоитъ теперешнее желаніе: окончить всѣ важнѣйшія работы до отъѣзда. Какъ поразмыслишь, такъ это нисколько до другихъ не касается, и они этого знать не должны, а все таки досадно.

17 го іюня.

....Здѣсь городъ совершенно опустѣлъ и погода такая гнусная, что я не могу порадоваться, что вы всѣ избавились отъ этой неимоверной гадости. Вообрази, что даже не было ни одного жаркаго, даже теплаго дня. Самые отчаянные купальщики не могли еще окунуться въ эту болотную Неву. Вѣтеръ постоянно дуетъ сырой и холодный. Эти дни идетъ непрерывный мелкій осенній дождь. Чахоточныя сирени только что распцѣли и уже вянуть. Вчера я принужденъ былъ провести вечеръ на дачѣ у министра, и мы грѣлись у каміна. Сегодня былъ у А. В. Головнина, который воротился изъ Франціи и привезъ хорошія извѣстія о графѣ Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ. Онъ здоровъ и веселъ. Я ему началъ было писать письмо, но здѣсь всякая минута, которую я отрываю отъ департаментской работы, кажется мнѣ преступленіемъ. Окончу письмо въ Райкахъ. Кромѣ обѣда я не отхожу отъ работы утромъ съ 9-ти часовъ, а вечеромъ отъ 9-ти до 2-хъ. Дмитрій Оболенскій ѣдетъ въ командировку и взялся доставить это письмо съ посылкою.

20-го іюня.

....Наконецъ, я могу опредѣлить кажется день своего отъѣзда. Дней въ пять надѣюсь кончить свои дѣла, и предполагаю выѣхать въ среду 26 го числа. Итакъ, надѣюсь быть въ Москвѣ въ четвергъ 27-го числа..... Еще цѣлая недѣла ожиданій, безпокойства и тревоги. Я такъ боюсь разныхъ неожиданныхъ препятствій, что едва смѣю надѣяться. Еслибъ что либо помѣшало, дамъ знать по телеграфу. Главное препятствіе можетъ произойти отъ неожиданныхъ экстренныхъ дѣлъ по службѣ. Они столько разъ приходили не кстатѣ, что невольно этого боюсь..... Не могу безъ страха подумать, сколько еще будетъ тяжкихъ минутъ, опасеній, ожиданій и тревогъ.....

Недѣли двѣ спустя по прїѣздѣ въ деревню, Никол. Алекс. писалъ министру внутр. дѣлъ С. С. Ланскому:

С. Райки, 15-го іюля 1857 г. (Москов. губ. Владим. уѣзда).

Беру смѣлость беспокоить васъ этимъ письмомъ, хотя не могу еще довести ни о чемъ особенно любопытномъ до вашего свѣдѣнія. Съ самаго моего отъѣзда я живу въ деревнѣ, гдѣ (при постоянно дурной холодной и дождливой погодѣ) провожу большую часть времени въ чтеніи, и другихъ, такъ сказать подготовительныхъ работахъ. Особенно увлекло меня изученіе вопросовъ по крестьянской части (которыми давно желалъ заняться глубже) и надѣюсь, по возвращеніи, представить нѣкоторыя соображенія и общій выводъ изъ собранныхъ свѣдѣній о нашихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ.

Здѣшнее хозяйство терпитъ отъ непрерывныхъ дождей, которые мѣшаютъ сѣнокосу, а безъ того сѣна было бы довольно. Хлѣба въ хорошемъ положеніи, что впрочемъ менѣе важно для здѣшняго фабричнаго населенія. Оно жалуется главнѣйше на затрудненія въ сбытѣ своихъ тканей, такъ какъ московскіе купцы прїостанавливались въ закупкахъ, ожидая новаго тарифа; теперь, безъ сомнѣнія, торговля и фабрикація скоро оживятся, хотя въ этомъ отношеніи весьма жаль, что государственнй совѣтъ не согласился назначить срокъ для новыхъ пошлинъ, (хотя бы по важнѣйшимъ статьямъ).

Черезъ недѣлю я полагаю отправиться дня на три въ Москву, а потомъ во Владиміръ и Нижній Новгородъ, откуда, осмотрѣвшись, я не премину донести подробно.

Не могу не повторить еще разъ моей глубочайшей признательности за дозволеніе мнѣ этой поѣздки, которая, при всей кратковременности, доставляетъ возможность нѣсколько отдохнуть и освѣжиться.

Райки, 18-го іюня 1857 г.

....По дѣлу о процентахъ мною составлены подробныя указанія въ департаментѣ, и съ этою почтою я напоминаю о нихъ вице-директору. Между тѣмъ я прошу г-на Шумахера прислать мнѣ копію съ бумагъ, которыя будутъ окончательно одобрены вашимъ превосходительствомъ, дабы я могъ при личномъ осмотрѣ Владимірскаго и Нижегородскаго приказовъ удостовѣриться ближе, не встрѣтится ли какихъ либо затрудненій или неясностей при исполненіи. Теперь я готовлюсь къ предстоящему осмотру, чтобы извлечь изъ него болѣе пользы для себя, а можетъ быть помочь и губернскимъ чиновникамъ личными объясненіями. Надѣюсь все это исполнить совершенно ми-

ролюбиво, при содѣйствіи господъ губернаторовъ; Тиличеева я давно знаю, а съ А. Н. Муравьевымъ, вѣроятно удастся мнѣ сблизиться, особенно послѣ всего, что вы изволили передавать мнѣ объ его характерѣ.

2-го августа Николай Алексѣевичъ выѣхалъ изъ с. Райковъ въ Нижній, а 4-го писалъ женѣ:

Изъ Нижняго Новгорода, 4-го августа 1857 г.

Несмотря на всю тягость моего одиночества, я радуюсь, что ты осталась дома. Безъ обязанности здѣсь рѣшительно дѣлать нечего, болѣе одного или двухъ дней. Все пересмотрѣлъ и всѣмъ наслаждался до пресыщенія. Ярмарка хороша, какъ панорама, поглядѣлъ въ окошечко, пожалуй хоть съ разныхъ сторонъ,—и довольно. Жизни внѣшней почти нѣтъ. Движеніе какъ на базарѣ пестрое, грязное и вялое. Толпа очень не элегантная. Жизнь, какая есть, происходитъ въ купеческихъ конторахъ, чего видѣть нельзя, да пожалуй, вечеромъ, въ харчевняхъ самаго низшаго разбора. Ресурсовъ для тебя не было бы никакихъ. Княгиня Дондукова уѣхала давно въ Венденъ. Я весь день провожу съ чиновниками, хоть до сихъ поръ не началъ собственно еще осмотра. Живу я на самой ярмаркѣ, въ губернаторскомъ домѣ. Генералъ-губернаторъ Муравьевъ ¹⁾—человѣкъ прекраснѣйшій, и кажется, мы вполне сойдемся. Семейство его состоитъ изъ дальнихъ родственницъ почтенныхъ лѣтъ, весьма, кажется, добрыхъ. Вчера я у нихъ обѣдалъ, а цѣлый вечеръ шатался, чтобъ познакомиться съ мѣстностью. Сегодня все утро знакомился съ губернскими чиновниками, потомъ работалъ одинъ и съ губернаторомъ, а въ промежуткахъ мечталъ о Райкахъ.

5-го августа.

....Нестерпимая жара совершенно уничтожаетъ меня. Здѣсь нѣтъ ни дерева, ни тѣни; дома и на улицѣ между лавками—совершенная печь; я изнемогаю, голова тяжела, какъ камень, и вся жажда дѣятельности уничтожается. Какъ бы то ни было, заживаться здѣсь я не буду и черезъ недѣлю надѣюсь быть во Владимірѣ. Тамъ, по настоянію губернатора, я обѣщалъ остановиться у него, ходя и не всѣмъ мнѣ нравится, что придется être hébergé par lui. Здѣсь я устроился удобнѣе, потому что напротивъ меня кофейный домъ, который снабжаетъ меня всѣмъ нужнымъ; во Владимірѣ, вѣроятно, этихъ удобствъ не будетъ.

¹⁾ Александръ Николаевичъ Муравьевъ изъ декабристовъ. Мужъ привезъ ему письмо отъ Сергѣя Степановича Ланскаго, его стараго пріятеля. Съ нимъ онъ поговорилъ и о предстоящей крестьянской реформѣ подъ величайшимъ секретомъ, и старикъ былъ весьма обрадованъ добрыми вѣстями.

7-го августа.

....Здѣсь я оканчиваю свои дѣла и въ субботу или въ воскресенье надѣюсь выѣхать отсюда. Жара здѣсь невыносимая. Съ утра солнце печетъ меня такъ, что насилу можно записаться, а разѣяды, которые я принужденъ дѣлать по ярмаркѣ, больницамъ, присутственнымъ мѣстамъ и пр. еще утомительнѣе. Дѣла очень много, и я стараюсь не терять ни одной минуты. Обѣдаю или одинъ дома, или въ семействѣ губернатора, съ которыми мы совершенно сошлись. Его дамы, княгиня Шаховская и Голынская знаютъ Полину и Вѣру и, кажется, очень удивились, что я женатъ на самой младшей, такъ что я принужденъ былъ доказывать, что ты не такой ребенокъ, а я не такой почтенный старецъ, какими мы кажемся. (Впрочемъ, успокойся, ни въ твоихъ, ни въ моихъ дѣтахъ, я фальши себѣ не позволялъ)....

Съ каждымъ днемъ мнѣ становится легче, потому что ближе минута свиданія. О себѣ никакихъ подробностей не пишу, чтобы было что рассказывать. Впрочемъ, вся моя жизнь официальная. Уличной жизни, которую почти всѣ ведутъ здѣсь, не могу предаваться, по причинѣ занятій и отъ нестерпимой жары. Въ здѣшнемъ театрѣ не былъ еще, хотя мои хозяева меня ежедневно приглашаютъ въ ложу. За то я разъяснилъ себѣ все, что интересовало меня по службѣ. По крайней мѣрѣ не даромъ ѣздилъ. Отъ Шумахера получилъ здѣсь письмо. Ничего новаго, кажется, въ Петербургѣ нѣтъ. Всѣ заняты свадебными торжествами.

Отъ Н. А. Милютина министру внутр. дѣлъ С. С. Ланскому:

Нижній Новгородъ, 11-го августа 1857 г.

Осмотрѣвъ всѣ учрежденія въ Нижнемъ Новгородѣ по моей части и ознакомившись съ подробностями ярмарочнаго управленія, считаю долгомъ, впредь до представленія официальныхъ работъ своихъ, изложить вкратцѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, удостоятся вашего вниманія. Ярмарка теперь въ полномъ ходу. Важнѣйшая оптовая сдѣлка (продажа чаевъ) не состоялась. Размѣнная торговля не развилась вполнѣ, ибо множество покупателей (особенно изъ помѣщиковъ) прѣзжаютъ только къ концу ярмарки. Но главная часть товаровъ уже привезена и теперь извѣстно, что привозъ далеко превышаетъ прошлогодній. На послѣднюю ярмарку, 1856 года, привозъ былъ менѣе значителенъ послѣ войны, а покупателей являлось много; отъ этого дѣла развязывались очень скоро и выгодно для продавцевъ. Въ эту пору важнѣйшія дѣла были тогда почти кончены. Теперь онѣ идутъ медленнѣе, но пониженія въ цѣнахъ, котораго слѣдовало бы ожидать, еще не замѣтно. Желѣзо, между прочимъ,

продается дороже прежняго; первая чайная продажа (впрочемъ еще незначительная) состоялась по очень высокимъ цѣнамъ. Для свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, я истребовалъ и при семъ имѣю честь представить официальные данныя о привозѣ и цѣнахъ, до сего времени обозначившихся. Къ сожалѣнію, собраніе этихъ данныхъ такъ затруднительно, что еслибъ даже были болѣе благонадежные собиратели, то и тогда официальные итоги не могли бы достигнуть необходимой вѣрности. Отличительная черта этой ярмарки, поражающая всякаго прїѣзжающаго, это отсутствіе той гласности, которая обезпечиваетъ правильную торговлю. Биржа, не смотря на всѣ уставы и положенія, стоитъ пустая. Правильныхъ посредниковъ между продавцами и покупателями (т. е. биржевыхъ маклеровъ въ настоящемъ значеніи этого слова) вовсе нѣтъ. Прейсъ-курантъ не существуетъ. Каждый продавецъ или покупатель долженъ разными ухищреніями вымѣдывать то, что дѣлается кругомъ. Такой азіатскій способъ торга можетъ быть выгоденъ только для нѣсколькихъ торговцевъ—ярмарочныхъ набобовъ, которые окружены массою кліентовъ, должниковъ и пр., они то и держатъ всѣ нити этой сложной паутины, нерѣдко распоряжаются самовластно, и устанавливають цѣны по произволу. Понятно, что они особенно стараются окружить всѣ дѣла непроницаемою тайной. Каково же для несчастныхъ торговцевъ. Сколько затрудненій пробить эту китайскую стѣну! Какое поле для обмановъ и ошибокъ! Были примѣры (какъ я слышалъ), что иностранные негодіанты прїѣзжали сюда, чтобы познакомиться съ ярмарочными дѣлами, а потомъ принять въ нихъ участіе, но, не найдя самыхъ первоначальныхъ удобствъ для торговыхъ сдѣлокъ, уѣзжали съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться. Это очень жаль, ибо близко то время, когда съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, прежняя рутинная окажется недостаточною. Нижній, кажется, долженъ бы оставаться по прежнему большимъ складочнымъ мѣстомъ между Европой и Средней Азіей, Россіей и Сибирью; но въ торговлѣ, безъ сомнѣнія, явятся иные пути и распорядки. Если она не найдетъ здѣсь удобствъ, вызываемыхъ новыми отношеніями и обстоятельствами, то будетъ искать другихъ выходовъ, и, конечно, это совершится не безъ ущерба для здѣшней ярмарки. Что касается до устройства ярмарочнаго управленія, то, увидѣвъ его вблизи, я вполнѣ убѣдился какой напрасный и непрактичный трудъ представляютъ составленные объ этомъ проекты. Достаточно сказать, что послѣдній проектъ вмѣщалъ до 400 параграфовъ, которые, конечно, были бы совершенно недоступны для торгующаго купечества и, слѣдовательно, нисколько бы не оградили его отъ произвола. Все это произошло отъ стремле-

нiя дать излишнее развитiе и несвойственное значенiе ярмарочному управленiю. По соглашенiю съ господиномъ военнымъ губернаторомъ, который вполнѣ раздѣляетъ это мнѣнiе, я приступилъ къ составленiю новаго упрощеннаго проекта штата, требуемаго государственнымъ совѣтомъ, и по возвращенiи представляю его вашему высокопревосходительству.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ дѣятельно занимается ярмаркой, защищаетъ торговцевъ и обуздываетъ произволъ чиновниковъ. Это общiй голосъ. Приятно слышать, какъ его уважаютъ въ губернiи (особенно бѣдный классъ), и дѣйствительно онъ такъ дѣятеленъ, справедливъ и доступенъ, что его популярность вполнѣ заслужена и понятна. Самая большая забота губернатора относительно ярмарки—это отвращенiе пожаровъ. Настоящее устройство ярмарки представляетъ въ этомъ отношенiи многiя неудобства, которыя могутъ быть отвращены только постепенно и современнымъ. Объ этомъ мы не разъ съ нимъ совѣщались; все, что можно, дѣлается теперь же; коренныя же мѣры будутъ изложены мною при представленiи проекта. На этихъ дняхъ мы были перепуганы пожаромъ въ сосѣднихъ слободахъ, которыя граничатъ съ ярмарочною землею. Губернаторъ уже донесъ объ этомъ подробно; съ своей стороны могу только доложить, что пожаръ этотъ, самъ по себѣ незначительный, получаетъ важность лишь отъ того, что произошелъ во время ярмарки и вблизи отъ нея. Погорѣли преимущественно помѣщичьи крестьяне (въ деревнѣ, принадлежащей княгинѣ Бутеры); слѣдовательно никакихъ пособiй отъ правительства не нужно, но желательно бы воспользоваться этимъ, чтобы оградить ярмарку отъ подобныхъ опасностей на будущее время. Мнѣ кажется, государственная польза требовала бы, по исключительности мѣстоположенiя деревни, подчинить ея постройки нѣкоторымъ правиламъ, предоставивъ помѣщику или перенести деревню подальше, или обстроиваться каменными домами съ надлежащими разрывами. Мысль эту я также передалъ Александру Николаевичу.

Приказы и его заведенiя отличаются замѣчательнымъ внѣшнимъ порядкомъ. Вслѣдствiе мѣстныхъ объясненiй, я убѣдился въ совершенной необходимости измѣнить нѣсколько приготовленный проектъ циркуляра о пониженiи процентовъ, и вслѣдъ за симъ сообщу всѣ подробности господину вице-директору для доклада вашему высокопревосходительству.....

Я остаюсь здѣсь еще, чтобъ познакомиться съ нѣкоторыми купцами, которые, быть можетъ, доставятъ мнѣ еще нѣсколько необходимыхъ данныхъ. Затѣмъ отправлюсь во Владимiрскую губернiю для дальнѣйшихъ занятiй.

Слѣдующія письма отправлены Н. А. Милютинимъ къ его женѣ:

Нижній Новгородъ, 9-го августа.

Увы! нѣтъ надежды получить письмо прежде вечера, и отвѣчать на него сегодня—не удастся, почему что мое письмо придется прежде отправить на почту. Вообще, всѣ мои расчеты рушились; я слишкомъ полагался на официальные обѣщанія. Выходитъ, что почты опаздываютъ—(шутка сказать!) 12-ю и болѣе часами.

Поди, послѣ, полагайся на печатныя объявленія! Боясь, что и мое письмо не дойдетъ въ время, если Райковскій посланецъ не догадается подождать въ Москвѣ прихода почты.

...Когда то опять отдохну я въ Райкахъ. Вѣдь поди же несчастіе: тамъ, гдѣ я могъ вѣжиться и прохладяться въ волю,—меня преслѣдовали холода и дождь; здѣсь,—нестерпимая жара меня уничтожаетъ.

Нижній Новгородъ, 11-го августа (воскресенье).

...Наконецъ, я вѣзжаю отсюда сегодня вечеромъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ надѣюсь быть во Владимірѣ, гдѣ ожидаю письма.... а въ концѣ этой недѣли, дастъ Богъ, буду въ Райкахъ. Здѣсь я пробылъ долѣе, чѣмъ хотѣлось; авось либо во Владимірѣ меня не задержатъ...

...Я въ суетѣ съ утра до поздней ночи. Эту страницу пишу весь день. Пора обѣдать, — а того и гляди кто нибудь опять помѣшаетъ мнѣ докончить письмо.

Н. А. Милютинъ—министру внутр. дѣлъ С. С. Лацскому:

г. Владиміръ, 15-го августа 1857 г.

Въ дополненіе къ письму отъ 11-го сего мѣсяца,—имѣю честь представить при семъ первый официальный отчетъ о нынѣшней Нижегородской ярмаркѣ.

Во Владимірѣ я уже занимался въ приказѣ и посѣтилъ богоугодныя заведенія. Счетоводства перваго въ совершенномъ порядкѣ. Впрочемъ, кредитная операція его ничтожна,—ибо капитала всего 2 милліона, а въ ссуды частнымъ лицамъ роздано лишь 200 т., т. е. не болѣе $\frac{1}{10}$. Весьма прискорбно, что въ новомъ положеніи о % сдѣлано опять исключеніе для приказовъ. Заведеніе далеко не такъ блестяще какъ въ Нижнемъ, но содержится, по возможности, исправно.

По возвращеніи въ деревню, я займусь немедленно приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ (которыхъ накопилось великое множество),—и затѣмъ надѣюсь обработать проэкты, какъ о ярмарочномъ управленіи, такъ и о справочныхъ цѣнахъ, а равно и другіе, болѣе мелкіе, какъ то: о трехлѣтнихъ городскихъ росписяхъ, о

нѣкоторыхъ улучшеніяхъ по приказамъ, о продовольственныхъ коммисіяхъ, по квартирной части. Собранныя на мѣстахъ данныя, которыя нужны для дѣлъ ввѣреннаго миѣ департамента — будутъ мною переданы господину вице-директору, для сообщенія ихъ вашему превосходительству, въ свое время.

Вернувшись въ деревню Николай Алексѣвичъ по 3 и по 4 часа въ день занимался (какъ писалъ Сергѣю Степановичу) «приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ» и «обработкой проектовъ» для разныхъ отраслей управленія любимаго его департамента,—обязанности котораго онъ понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и нерѣдко говорилъ, что хозяйственный департаментъ одинъ объемлетъ весь кругъ дѣятельности французскаго Ministère de l'Agriculture et du Commerce. Онъ и считалъ со временемъ необходимымъ создать изъ этого департамента Министерство Земледѣлія и Торговли. Заботливостью своею, своевременнымъ вниманіемъ къ извѣстіямъ лишь о возможномъ неурожаѣ и своевременными распоряженіями о доставкѣ хлѣба въ нуждающіяся мѣстности,—онъ предупреждалъ крайнія бѣдствія голода, раззорившія нѣкоторыя наши губерніи съ гораздо бѣльшей силой какъ до его вступленія директоромъ хозяйственнаго департамента (1852), такъ и по удаленіи его изъ министерства, 1861 г. Подтвержденіе въ томъ подъ рукою: въ письмѣ отъ 3-го іюня 1857 года онъ пишетъ: «дурныя вѣсти объ урожаѣ могли на долго задержать меня здѣсь»... для него было немислимо предаться отдыху, если бѣднѣйшему классу населенія грозило какое либо бѣдствіе.

Недолго оставался Николай Алексѣвичъ въ Райкахъ по возвращеніи изъ командировки—(добровольно на себя принятой): онъ вернулся 17-го августа, а 30-го уже ѣхалъ съ семьей обратно въ Петербургъ. Въ послѣдніе дни его деревенское уединеніе было пріятно нарушено совершенно неожиданнымъ посѣщеніемъ Юрія Ѳедоровича Самарина....

Оба были сильно озабочены препятствіями, которыя встрѣчала разработка новаго закона объ устройствѣ крестьянъ. Оба понимали, что ему грозитъ опасность, что вопросъ надо вывести на «чистый воздухъ» изъ Секретнаго комитета, гдѣ его всячески душили (до поступленія въ Комитетъ Великаго Князя Константина Николаевича) несмотря на то, что уже болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Государь впервые выразилъ въ Москвѣ свое желаніе устроить бытъ сельскаго населенія на новыхъ свободныхъ началахъ....

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

въ 1878—1881 гг.

Въ началѣ 1878 года, пользуясь пребываніемъ И. К. Айвазовскаго въ Петербургѣ, мы обратились къ нашему высокоуважаемому художнику съ просьбою сообщить на страницы „Русской Старины“ нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія отъ самыхъ юныхъ его лѣтъ за все продолженіе его блестящаго артистическаго поприща. Иванъ Константиновичъ весьма обязательно исполнилъ нашу просьбу и, припоминая бывшее, отъ дальнихъ лѣтъ постепенно переходя къ ближайшему времени, рассказалъ намъ все, что сохранилось въ его свѣжей памяти о его художественной дѣятельности въ теченіе сорока двухъ лѣтъ. Эти автобіографическіе рассказы, напечатанные въ „Русской Старинѣ“, были весьма сочувственно приняты читателями ¹⁾ и многочисленными дѣятелями высокаго, необыкновеннаго дарованія Айвазовскаго. Изъ рассказовъ педьидущихъ, читатели ознакомились съ происхожденіемъ и фамильными подробностями дѣтства и отрочества гениальнаго художника, съ первыми годами его обученія въ Академіи Художествъ подъ руководствомъ француза Таннера и нашихъ русскихъ профессоровъ: Воробьева и Зауервейда. Читатели видѣли, какими подводными камнями усяянъ былъ фарватеръ юнаго мариниста, когда онъ только что отчалилъ отъ ученической своей гавани: завистливый Таннеръ едва не потопилъ будущую красу, гордость и истиннаго основателя русской маринистской школы... Надъ головою Айвазовскаго висѣла громовая туча гнѣва государя Николая Павловича, вполнѣдствіи милостиваго и благосклоннаго покровителя Айвазовскаго. Но гнѣвъ разсѣялся, подобно облакамъ, небо прояснѣло, и дальнѣйшій, многолѣтній путь художника можно назвать благополучнымъ плаваніемъ. По прошествіи десяти лѣтъ (1835—1845) со времени первой академической выставкн,

---

¹⁾ См. изданіе 1878 года: Томъ XXI, стр. 649—674. Томъ XXII, 423—444. Томъ XXIII, 55—74 и 281—306.

на которой находилась картина Айвазовскаго, имя его уже гремѣло въ Россіи съ самымъ сочувственнымъ отзывомъ въ художественной Европѣ. Строганъ, неподкупная экспертиза Италіи, Франціи, Германіи и Англіи признала въ русскомъ живописцѣ талантъ первоклассный; портретъ его занялъ почетное мѣсто во флорентинской галлерей Пятти; дворцы владѣтельныхъ особъ, палаты вельможъ и богачей украсились и донныя украшаются его произведеніями; даже въ Испаніи, Турціи и въ Египтѣ извѣстно имя Айвазовскаго. Рѣдкій, завидный удѣлъ для художника вообще, русскаго въ особенности!

Помимо великой тайны полнаго обладанія свѣтомъ и тѣнью, воздушной перспективой, сѣмими мимолетными измѣненіями неба и морской волнъ; тайны—которую Айвазовскій, какъ Прометей, похитилъ у самой природы, онъ, вмѣстѣ съ правдивостью и фотографическою точностью въ воспроизведеніи живой природы, достигъ и изумительной, истинно фотографической быстроты. Последняя выставка картинъ Ивана Константиновича, зимою 1880—1881 гг.¹⁾ доказала неопровержимо, что годы не вліяютъ ни на зрѣніе, ни на кисть почтеннаго нашего художника; что онъ, неутомимо дѣятеленъ и плодотворенъ. Сѣнь густо разросшихся лавровъ служить ему не для празднаго покоя, но лишь для кратковременнаго отдохновенія. Продолжительное пребываніе въ одной и той же мѣстности невыносимо нашему почтенному художнику и въ его склонности къ перемѣнамъ мѣстъ нельзя не угадать потребности, вытекающей изъ самыхъ свойствъ высокаго дарованія Айвазовскаго. Въ данномъ случаѣ художника можно сравнить съ перелетной птицей, ищущей себѣ приволья то въ одной, то въ другой странѣ. Горизонтъ мариниста, въ особенности такого, каковъ Айвазовскій—широкъ, далекъ, беспредѣленъ какъ самый океанъ. Можетъ-ли кругозоръ подобнаго таланта ограничиваться однимъ городомъ, либо даже и одною мѣстностью.

Три года тому назадъ мы разстались съ И. К. Айвазовскимъ передъ отъѣздомъ его въ чужіе края. Заносимъ на страницы „Русской Старины“ разсказы его объ этомъ періодѣ времени; помѣщаемъ ихъ въ шести главахъ, составляющихъ продолженіе нами же изданной его автобіографіи. Ред.

¹⁾ Выставка помѣщалась на набережной Фонтанки у Симеоновскаго моста въ домъ Яева.

XVI.

Голландія.—Парижъ.—Франкфуртъ.—Штутгартъ.—Флоренція.—Генуя.

Проведя лѣто и часть осени 1878 года у себя въ имѣніи, гдѣ имъ было написано двѣ картины, Иванъ Константиновичъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ отправился въ Голландію, которую онъ давно уже посѣщалъ. По словамъ нашего художника, живопись въ Голландіи находится въ цвѣтущемъ состояніи, подобно тамошнему садоводству: словарь замѣчательныхъ, изъ ряда вонъ, живописцевъ, также богатъ какъ и ботаническій голландскій словарь. Изъ Голландіи Айвазовскій отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ до 15 декабря.

— „Кипучая жизнь, многолюдство, неутомимая дѣятельность европейской столицы (говоритъ Иванъ Константиновичъ) особенно поразительны послѣ таковой апатичной Голландіи. Словно переходъ изъ полу-темнаго сыраго подвала въ ярко освѣщенную большую залу. Изъ массы впечатлѣній, новыхъ встрѣчъ и старыхъ знакомствъ въ Парижѣ, на этотъ разъ ничто особенно не врѣзалось въ мою память. Изъ тѣхъ художниковъ, съ которыми видѣлся, могу назвать Густава Доре, извѣстнаго у насъ своими прекрасными рисунками къ Библии, Потерянному Раю и проч. Тогда Густавъ Доре, измѣнивъ карандашу, прилежно занимался скульптурою. Вообще я замѣтилъ, что на парижскихъ художниковъ напала какая-то страсть къ лѣпкѣ. За нее принялась, по совѣту и подъ руководствомъ Густава Доре, и талантливая сценическая артистка Сара Берпартъ. Воздерживаясь отъ всякихъ сравненій ея дарованія сценическаго со скульптурными ея произведеніями, могу сказать только, что въ нихъ замѣтны признаки богатыхъ способностей. О себѣ позволю сказать только, что въ Парижѣ я не работалъ; занялся картинами во Франкфуртѣ, куда пріѣхалъ въ половинѣ декабря. Здѣсь въ теченіе мѣсяца я написалъ до десяти картинъ, изъ которыхъ три большія: 1) Завать солнца у береговъ Абхазіи, 2) Бурное утро, 3) Константинополь и Мраморное море ночью. Всѣ эти картины вошли въ составъ выставки, устроенной мною во Франкфуртѣ въ пользу бѣдныхъ. Сборъ былъ изрядный. Потомъ, отправивъ картины на выставку въ Мюнхенъ, я самъ поѣхалъ въ Штутгартъ“.

Въ столицѣ Виртембергскаго королевства нашъ художникъ былъ приглашенъ во дворецъ къ обѣденному столу. Бесѣда отли-

чалась отсутвіемъ стѣснительнаго этикета; его величество король, какъ добрый и радушный хозяинъ, оказывалъ гостю самую лестную внимательность; что-же касается до королевы Ольги Николаевны, Ея Величество, какъ извѣстно, русская въ душѣ и достойная дщерь Императора Николая Павловича, высокаго покровителя отечественныхъ талантовъ. Ея благосклонный разговоръ, величественныя черты лица, свѣтлый взглядъ, улыбка, воскресили въ памяти Айвазовскаго минувшія времена, когда Родитель королевы Виртембергской неоднократно говорилъ съ высокоталантливымъ художникомъ и посвѣтилъ его мастерскую ¹⁾.

— Жаль, что вы оставались писать во Франкфуртъ, а не здѣсь, у насъ! сказала между прочимъ ея величество.

— Располагая моимъ временемъ, отвѣчалъ Иванъ Константиновичъ—я могу, ваше величество, пользуясь вашимъ милостивымъ дозволеніемъ, остаться въ Штутгартѣ и позаняться работою.

Двумя картинами, написанными въ Штутгартѣ, И. К. Айвазовскій истинно по русски отблагодарилъ короля и его супругу за хлѣбъ за соль. Почтенный художникъ въ томъ же Штутгартѣ вспомнилъ о немущихъ и голодающихъ и картины свои представилъ обзорѣнію публики, съ обращеніемъ платы за входъ въ пользу бѣдныхъ. Эта выставка дала значительный сборъ. Одну изъ этихъ картинъ Иванъ Константиновичъ подарилъ королевской академіи художествъ; другая („Буря“) была куплена королевою Ольгою Николаевною для подарка супругу. Въ награду за свое приношеніе академіи и въ знакъ королевскаго благоволенія къ нему, художникъ удостоился получить орденъ Виртембергской короны 2 степени съ командорскимъ крестомъ.

Оставивъ въ Штутгартѣ добрую по себѣ память, какъ художникъ и человѣкъ, Айвазовскій отправился въ Мюнхенъ—на отдыхъ.

„Нѣмецкія Аѳины“, по отзыву Ивана Константиновича, богаты высокоталантливыми художниками. Особенно процвѣтаютъ жанръ и живопись историческая. Нашему художнику особенно понравились картины Лехбаха и Пелотти. Послѣдній, высокоталантливый портретистъ, написалъ громадную картину, изображающую

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1878 г. Томъ XXIII, стр. 64—65, 69—71

въ лицахъ важнѣйшія событія исторіи Баваріи со множествомъ фигуръ разныхъ эпохъ.

Въ половинѣ марта того-же 1879 года Иванъ Константиновичъ отправился во Флоренцію, гдѣ написалъ четыре картины. Но конечною цѣлью его путешествія была Генуя—родина Христофора Колумба. Обдумывая сюжеты картинъ, посвященныхъ памяти великаго мореплавателя, нашъ художникъ желалъ собрать историческія свѣдѣнія до мельчайшихъ подробностей относительно костюмовъ, вооруженія, постройки и оснастки кораблей въ исходѣ XV столѣтія. Плодомъ совѣстливыхъ, прилежныхъ изысканій Ивана Константиновича въ Генуѣ, была масса эскизовъ, очерковъ и набросковъ, воспроизведенная въ его картинахъ, воскресившихъ въ памяти зрителей мировое событіе открытія Новаго Свѣта. Столь строгое отношеніе Ивана Константиновича къ обязанностямъ историческаго живописца служитъ самымъ категорическимъ отвѣтомъ тѣмъ изъ непризванныхъ критиковъ его произведеній въ историческомъ родѣ живописи, которые селятся подыскивать въ нихъ небывалые анахронизмы. По весьма справедливому мнѣнію уважаемаго художника, историческихъ картинъ нельзя писать наобумъ, полагаясь единственно на свою память, или на уроки исторіи, преподанные въ дѣтствѣ. Это то-же самое, что писать исторію безъ справокъ съ лѣтописями и хронологіею. Между тѣмъ, замѣтимъ, что анахронизмы въ исторической живописи новѣйшихъ временъ (о древнихъ временахъ уже не говоримъ) встрѣчаются сплошь и рядомъ на картинахъ талантливѣйшихъ художниковъ и нашихъ, и заграничныхъ... Анахронизмовъ не чужды и гениальный Корнелюсъ и Каульбахъ; по вѣрности исторіи несравненно выше ихъ стоитъ Мейснъ, Клауберъ—и въ особенности, Лейбъ, картины котораго изъ голландскаго быта XIV и XV столѣтія, можно принять за произведенія Луки Кранаха и Гольбейна. По глубокому изученію сюжета, по историческимъ деталямъ „Христофоръ Колумбъ“ Айвазовскаго можетъ смѣло стать на ряду съ „Помпеею“ Брюллова ¹⁾. По собственному признанію

¹⁾ И сколь возможно далѣе отъ „Мѣднаго Змія“ Бруни. Гранитная, или мраморная колонна, превосходно отшлифованная съ поставленнымъ на ней и того превосходнѣе отлитымъ мѣднымъ змиемъ, бросается въ глаза даже самымъ свиходительнымъ зрителямъ.

послѣдняго лицамъ близко знакомымъ, онъ, въ бытность свою въ Неаполѣ, посѣщалъ останки „Помпей“ ежедневно, стараясь запечатлѣть въ своей памяти каждый камешекъ мостовой, каждый завитокъ карниза. Для костюмовъ, туалетныхъ принадлежностей и украшеній, Брюлловъ цѣлые дни посвящалъ обзору Бурбонскаго музея. Съ тою-же самою добросовѣстностью отнесся и И. К. Айвазовскій въ своему „Христофору Колумбу“.

XVII.

Возвращеніе въ Россію.—Кончина Гавріила Айвазовскаго.—Біографическіи о немъ подробности.—Положеніе Арменіи и отношенія армянъ къ Россіи.—Эпизодъ изъ послѣдней войны.—Представители армянскаго народа въ ихъ службѣ Императору всероссійскому.

Лѣтомъ 1879 года Иванъ Константиновичъ возвратился въ Россію и, проведя въ Феодосіи часть осени и начало зимы, прилежно занимался живописью, исполнивъ четыре большія картины. Само собою разумѣется, что не полгода трудился надъ ними нашъ заслуженный художникъ, кисть котораго такъ послушна быстротѣ воображенія и живости его многообъемлющей памяти.

По разсказамъ Ивана Константиновича, читатели, знакомые съ ними, могли себѣ составить ясное понятіе о личномъ его характерѣ о которомъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ. Художникъ, написавшій въ теченіе многолѣтняго своего поприща, въ числѣ тысячъ картинъ, такъ много бурь и яростныхъ явленій стихійныхъ силъ, можетъ—въ противоположность сюжетамъ своихъ картинъ—назваться олицетвореніемъ невозмутимаго душевнаго спокойствія. Его счастливая память сохранила самыя нѣжныя чувства признательности къ лицамъ, которые покровительствовали ему въ юности; но изъ нея совершенно изгладились, какъ неприятыя событія въ жизни, такъ равно и ихъ виновники. Правда, что судьба сторицею вознаградила за нихъ нашего гениальнаго художника и подъ массою впечатлѣній отрадныхъ, отличій и почестей, до которыхъ достигаютъ весьма немногіе изъ русскихъ талантовъ, могли исчезнуть воспоминанія грустныя или неприятыя. Однакоже, большинству даровитыхъ людей, прошедшихъ шквалу испытаній, злопамятіе какъ будто сродно; они какъ будто тщеславятся мнувшими страданіями, какъ инвалиды, своими ранами. Въ харак-

терѣ Ивана Константиновича нѣтъ этой черты и, припоминая бывшее, онъ вообще съ добродушіемъ и признательностью къ Провидѣнію благодарить Бога за свой жребій. „Грѣшно мнѣ было-бы жаловаться“—говоритъ онъ нерѣдко—„особенныхъ тяжелыхъ страданій въ жизни моей я не испытывалъ, а если что и было, то прошло слишкомъ давно, что бы о томъ воспоминать!“

Но весною 1880 года заслуженный художникъ былъ потрясенъ жестокимъ ударомъ: старшій его братъ Гавріилъ, епископъ имеретинскій, скончался въ маѣ мѣсяцѣ въ Тифлисѣ. О дѣтствѣ и жизни покойнаго, до прибытія его въ Россію, читателямъ уже извѣстно изъ предъидущихъ разсказовъ Ивана Константиновича ¹⁾. Здѣсь, дополнимъ ихъ свѣдѣніями о жизни преосвященнаго Гавріила съ 1857 года. Разрывъ его съ римскимъ дворомъ, имѣвшій послѣдствіемъ отложеніе Гавріила отъ католицизма и присоединеніе его въ армяно-григоріанскому исповѣданію имѣлъ важныя послѣдствія для русской Арменіи. Съ милостиваго разрѣшенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора, Гавріилъ, по прибытіи его въ 1858 году въ Крымъ, былъ назначенъ епископомъ Таврической епархіи. Свѣтлый умъ, глубокая ученость, превосходное образованіе Гавріила Айвазовскаго обратили на него вниманіе какъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, такъ и всего общества въ Крыму, а затѣмъ и въ Петербургѣ. Гавріилъ былъ явленіемъ необычайнымъ, не только въ средѣ армянскаго духовенства, но даже духовныхъ лицъ и другихъ исповѣданій. Зная основательно восемь языковъ (кромѣ своего роднаго армянскаго—русскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій, турецкій, персидскій и польскій), свѣдущій не только въ богословіи, но и въ исторіи, и словестности, Гавріилъ, въ бытность свою за границею, перевелъ на армянскій языкъ Исторію Россіи, Турціи, басни Крылова, редактировалъ въ Парижѣ журналъ, который велъ успѣшную борьбу съ католицизмомъ. Въ Крыму, продолжая заниматься духовною литературою, Гавріилъ издавалъ журналъ „Мосисъ“ (Ковчегъ) и редактировалъ епархіальную газету, посвященную интересамъ армяно-григоріанской церкви. Капитальнымъ-же его трудомъ, драгоценнымъ по разоблаченію многихъ тайнъ духовной администраціи, была

¹⁾ См. „Русская Страница“ изд. 1878 г., томъ XXII, ст.: 433—434.

написанная Гаврииломъ „Исторія Θεодосійскаго Халибовскаго училища“, о которой мы поговоримъ ниже.

Появленіе въ средѣ армяно-григоріанскаго духовенства, лица европейски образованнаго, удостоеннаго вниманіемъ высочайшихъ особъ, лица энергичнаго и въ честной дѣятельности своей непреклоннаго, возбудило, разумѣется, зависть, во многихъ. Это недоброе чувство, вмѣстѣ съ зложелательствомъ, преслѣдовало Гавриила и по переводѣ его въ Закавказскую епархію. Защитникомъ и покровителемъ Гавриила былъ постоянно его высочество великій князь намѣстникъ Кавказскій Михаилъ Николаевичъ. Главною задачею Гавриила въ его святительской дѣятельности было обращеніе армянъ-католиковъ къ григоріанскому исповѣданію. Противниками этой пропаганды, кромѣ вѣрныхъ рабовъ Ватикана, были приверженцы стараго порядка вещей, вольно, или невольно услуживавшіе правительству Порты. Несчастное географическое положеніе Арменіи, сопредѣльной Персіи и Турціи, подвергаетъ ея жителей частымъ столкновеніямъ съ ино-вѣрцами и иноисповѣдниками. Живѣйшія симпатіи народа армянскаго клонились и постоянно клонятся къ Россіи; но совершенному слиянію ихъ съ нами много вредитъ раздвоеніе церкви на исповѣдниковъ ученія Григоріанскаго и исповѣдниковъ католицизма. Послѣднему тайно покровительствуетъ турецкое правительство, въ той надеждѣ, чтобы католическая Арменія, въ отношеніи къ Россіи, была тѣмъ же, что Польша. Хотя армяно-католики и армяно-григоріанцы въ одинаковой степени вѣрны въ своемъ подданствѣ Россіи, однако же на сторонѣ послѣднихъ, по тождеству догматовъ исповѣданія и обрядовъ, несравненно болѣе сочувствія къ православію. Этому сочувствію, во все время святительства своего на Кавказѣ, Гавриилъ энергично содѣйствовалъ, снискивая себѣ этимъ самымъ немало тайныхъ и явныхъ зложелателей. Это враждебное чувство, помимо всякаго рода происковъ, проявлялось въ минувшую войну въ нѣкоторыхъ безтактныхъ выходахъ. Такъ, на примѣръ, высшая духовная власть отклонилась отъ присоединенія своего голоса къ воззванію къ нашему правительству жителей Арменіи. Этотъ фактъ—къ которому Гавриилъ отнесся съ справедливымъ, но къ несчастію невольно бессильнымъ негодованіемъ—свидѣтельствуетъ о той робости, которую питаетъ духовенство Арменіи въ его отношеніяхъ

къ турецкому султану. Огорченія, перенесенныя Гавриломъ въ послѣдніе три года его жизни, способствовали главнымъ образомъ смертельному его недугу—органическому страданію сердца. Смерть его была внезапна; еще за два часа до нея, онъ говорилъ довольно бодро, ни въ выраженіи его лица, ни въ общемъ состояніи организма не было замѣтно признаковъ такой близкой и скорой кончины. „Для армянской національности смерть Гавриила Айвазовскаго — большая утрата!“ писалъ преосвященный Нерсесъ Ивану Константиновичу.

„Исторія Θεодосійскаго Халибовскаго училища“, оставленная покойнымъ въ рукописи, до такой степени досадна многимъ духовнымъ лицамъ, что онѣ весьма старались объ ея истребленіи послѣ смерти Гавриила. Эти старанія были однако-же безуспѣшны: рукопись спасена и безъ сомнѣнія появится въ печати. Сущность ея покуда неизвѣстна; что-же касается до Халибовскаго училища въ Θεодосіи, упраздненнаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ, оно было основано и отстроено на капиталъ въ 300,000 руб., пожертвованный богатымъ жителемъ Нахичевани, Халибовымъ, и было прогимназіею. Вопреки волѣ жертвователя и самымъ законамъ, на постройку ея употреблена была лишь третья доля капитала, остальные двѣ — исчезли; куда? — объ этомъ находятся самыя вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія въ книгѣ Гавриила Айвазовскаго. Нынѣ въ зданіи бывшаго Халибовскаго училища помѣщается учительская семинарія.

Въ дополненіе къ предъидущимъ замѣткамъ о народѣ армянскомъ приводимъ нѣсколько отрадныхъ фактовъ, выясняющихъ его отношенія къ Россіи и служащихъ залогомъ тѣснаго, родственнаго слиянія ихъ съ нашею національностью.

Одинъ изъ героевъ минувшей войны, покоритель Ардагана—Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, рассказывалъ Ивану Константиновичу слѣдующее:

— „При слѣдованіи моего отряда, верстахъ въ пятнадцати отъ Эрзерума,—изъ города, на встрѣчу войскамъ выступила, съ архимандритомъ монастыря во главѣ, духовная процессія, едва-ли когда виданная: священники съ крестами и хоругвами ѣхали на коняхъ, верхами. Въ первую минуту я былъ этимъ не совсѣмъ пріятно пораженъ; не могъ понять цѣли этого шествія: парламентары, депутаты они, что-ли? Ни то, ни другое: духовенство

турецкаго города выступило для привѣтствія нашихъ! Надобно было видѣть съ какимъ восторгомъ солдаты бросились цѣловать Крестъ и Евангеліе... Они напоминали людей, изнуренныхъ жаждою, напавшихъ на пути на свѣтлый, прохладный источникъ. Да, въ отношеніи духовномъ, оно и дѣйствительно такъ было. Поблагодаривъ Эрзерумскихъ священниковъ за ихъ вниманіе, я выразилъ опасеніе: не пришлось бы имъ дать отвѣтъ турецкому правительству за эту смѣлую демонстрацію. Однако-же они безъ особенныхъ тревогъ возвратились въ городъ и никто изъ нихъ не пострадалъ“.

Назвавъ одного изъ героевъ минувшей войны—русскаго армянина, не можемъ не припомнить о его единокровныхъ — Иванѣ Давыдовичѣ Лазаревѣ и о графѣ Михаилѣ Таріеловичѣ Лорисъ-Меликовѣ—не говоря уже о другихъ военноподполковникахъ, украшающихъ своими славными именами лѣтописи Кавказской войны, съ самаго ея начала и послѣдующихъ войнъ съ Персією и Турцією.

Графъ Михаилъ Таріеловичъ, еще въ бытность свою на Кавказѣ, снискалъ всеобщую любовь и искреннее безграничное уваженіе всѣхъ своихъ подчиненныхъ, до послѣдняго рядоваго. Неизмѣнно гуманный въ обхожденіи съ низшими, онъ не измѣнялъ его рѣшительно ни съ кѣмъ. Не мѣсто говорить здѣсь о воинскихъ подвигахъ графа, о его заслугахъ на поприщѣ высшей, гражданской администраціи; можно только отмѣтить заслугу его, съ которою тѣсно связаны чувства пріязни и вѣрной преданности армянъ азіатской Россіи. Во время минувшей войны, когда большинство жителей Закавказья и Арменіи почти сомнѣвалось въ ея благополучномъ исходѣ, графъ Михаилъ Таріеловичъ сумѣлъ до таковой степени возстановить колебавшееся довѣріе къ Россіи, что имѣлъ возможность, въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ былъ военноподполковникомъ, сохранить номинальную цѣнность нашихъ бумажныхъ денегъ: курсъ нашего бумажнаго рубля не понизился ни на полушку, и за все время войны графъ не израсходовалъ и сотни золотыхъ, оборачиваясь лишь кредитными билетами. Армянскіе торговцы и промышленники, питая полное довѣріе къ нашимъ финансамъ, охотно и усердно содѣйствовали этой финансовой операціи, которая сберегла казнѣ не одинъ миллионъ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда въ Азіатской Турціи и сосѣднихъ областяхъ султанскіе „каиме“ (ассигнаціи) утратили

всякую стоимость, русскіе кредитные билеты цѣнились точно также, какъ въ Петербургѣ, или въ Москвѣ.

Мѣриломъ заслугъ предъ нашимъ правительствомъ какъ доблестныхъ представителей армянской націи, такъ и ихъ одноплеменниковъ изъ среды народной, можетъ служить ненависть къ нимъ правительства турецкаго. По сознанию турокъ, главные виновники ихъ неудачъ въ минувшую войну—армяне.

Но армяне (григоріанцы) жители Крыма, Грузіи и Арменіи, не скрывая сочувствія своего къ Россіи, соблюдаютъ долгъ вѣрноподданнической присяги. Замѣчательно; что ихъ единовѣрцы, турецкіе подданные, съ патриархомъ Нерсесомъ во главѣ, питаютъ къ Россіи тѣ-же самыя пріязненные чувства. Турція, какъ страна, не смотря на свой наружный европеизмъ, придерживающаяся въ своей внѣшней политикѣ и внутренней администраціи преданій XV и XVI столѣтій, для подавленія пріязни къ Россіи армянскихъ своихъ подданныхъ, помимо содѣйствія католической пропаганды, прибѣгаетъ и къ другимъ средствамъ. Однажды патриархъ Нерсесь, радушно приглашенный верховнымъ визиремъ, едва не былъ отравленъ у него чашкою кофе.

Армяне-католики, подстрекаемые ультрамонтанами, ропщутъ на отсутствіе, яко-бы, вѣротерпимости въ Россіи. Во время частыхъ пребываній Ивана Константиновича за-границею, ему случалось выдерживать, по этому поводу, жаркіе споры. По неизбѣжно вѣсскихъ фактовъ, клеветники ухватываются за малѣйшій поводъ къ обвиненіямъ. Такъ, по безтактности администраціи, въ Карсѣ, по овладѣніи нами этой крѣпостью, были закрыты народныя училища, въ которыхъ преподавался Законъ Божій. Вскорѣ послѣ того, Иванъ Константиновичъ получилъ изъ-за границы, отъ одного изъ своихъ оппонентовъ въ спорахъ о вѣротерпимости, безымянное письмо съ ехидною замѣткою: „припомните, теперь, какъ вы защищали русское правительство“. Отвѣчать было трудно, но, слава Богу, вскорѣ нелѣпое распоряженіе начальства города Карса было отмѣнено. Перейдемъ къ дальнѣйшимъ личнымъ воспоминаніямъ нашего заслуженнаго художника.

XVIII.

Θеодосія въ минувшее и въ наше время.—Ея значеніе въ торговлѣ Крыма.—
Возможныя улучшенія.—Художественная галлерей Айвазовскаго.

Θеодосія, родина Ивана Константиновича, имѣетъ свою исторію и знаменитое прошлое. Какъ Марсель, во Франціи, основанъ Фокеевыми, такъ наша Θеодосія, древняя „Кафа“, построена въ XIII вѣкѣ Генуэзскими выходцами. Въ 1783 году, присоединенная къ Россіи, она могла сдѣлаться важнымъ торговымъ пунктомъ, на что было обращено вниманіе въ первые годы царствованія Александра I. Къ сожалѣнію, въ 1830-хъ годахъ, въ бытность генераль-губернаторомъ Новороссійскаго края князя Михаила Семеновича Воронцова, прогрессивное развитіе Θеодосіи было приостановлено. Отдавая предпочтеніе Бердянску и Керчи, князь, бывший тогда въ большой силѣ, направилъ торговлю на эти два пункта и, дѣйствительно, оживилъ ихъ, убивъ торговое движеніе въ Θеодосіи. Бывало, по Арабатской стрѣлкѣ, въ этотъ городъ направлялись огромные караваны хлѣба; промышленность кипѣла, обогащая весь край. Иванъ Константиновичъ, тогда еще отрокъ, помнить это время. Но, постепенно, по мѣрѣ усиленія Бердянска и Керчи, торговля Θеодосіи стала азмирать; наконецъ, затихла окончательно.

— „Перебирая въ моей памяти (разсказываетъ Иванъ Константиновичъ) впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, — даже при замираніи промышленнаго движенія въ моемъ родномъ городѣ, не могу остановиться на какомъ нибудь безобразномъ явленіи городскаго быта. Потому-ли, что душа моя лежитъ къ дорогому для меня мѣсту моего рожденія и дѣтства; или, въ силу знаменательнаго стиха: „дымъ Отечества намъ сладокъ и пріятенъ“, но въ туманной дали годовъ, я вижу Θеодосію чистенькимъ, опрятнымъ городкомъ, пожалуй, чуждымъ хваленаго „интеллигентнаго“ движенія, но не скуднымъ задатками для будущаго свѣтлаго, благодатнаго—въ чемъ я увѣренъ. У насъ, вообще, какъ-то принято, при сопоставленіи минувшаго съ настоящимъ, обязательно бранить первое, ради похвалы второму. Но у меня языкъ не повернется бранить ту Θеодосію, которую я видѣлъ бывши мальчикомъ 12—14 лѣтъ. Сѣтованія на то, что въ исходѣ 1820-хъ

годовъ въ этомъ городѣ не было асфальтовыхъ мостовыхъ, или газоваго освѣщенія, были-бы ребячествомъ, не подходящимъ ни къ моимъ лѣтамъ, ни къ воспоминаніямъ моимъ о родномъ городѣ, съ воспоминаніями о которомъ неразлучны благословія первымъ моимъ покровителямъ. *L'ingratitude est l'indépendance du coeur* (неблагодарность — независимость сердца) сказалъ какой-то философъ новѣйшаго времени; но я смѣюсь этому глупому парадоксу. Если бы кто спросилъ меня: улучшилась-ли Θεодосія въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ? я отвѣтилъ-бы, разумѣется, утвердительно; однако-же и тогда она не могла назваться городомъ грязнымъ, запущеннымъ. На перенесеніе торговой гавани въ Бердянскъ сѣтовали многія лица даже чуждыя коммерціи. Въ числѣ таковыхъ находилась вдова ѳеодосійскаго коменданта Гейнца. Женщина умная, бойкая, ретивая защитница родной своей Θεодосіи, Гейнецъ, при каждой встрѣчѣ съ княземъ Воронцовымъ, укоризненно повторяла ему: „за что вы насъ обижаете, ваше сіятельство“? Однажды князь Михаилъ Семеновичъ, стоя на берегу неволью залюбовался нашимъ Θεодосійскимъ рейдомъ. Въ числѣ лицъ обоего пола, окружавшихъ генераль-губернатора, находилась и старушка Гейнецъ. Приблизясь къ князю, она, по своей привычкѣ, подбоченилась и произнесла съ усмѣшкой:

— Что, ваше сіятельство, любуетесь нашей превосходной бухтой? Да-съ, хороша; хоть ее-то не удастся вамъ перетащить въ вашу керченскую лужу!

Эти слова были отголоскомъ мнѣнія всѣхъ ѳеодосійцевъ. Долговременное управленіе князя Воронцова Новороссійскимъ краемъ и Бессарабією ¹⁾ оставило по себѣ, безспорно, незабвенную память и благотворные, неизгладимые слѣды, но все-же нашу Θεодосію—по вѣрному выраженію старушки Гейнецъ—кн. Воронцевъ „обидѣлъ“. Въ настоящее время мой родной городъ значительно улучшился: въ его окрестностяхъ разведено много садовъ и виноградниковъ, чего при князѣ Воронцовѣ не было; въ самой Θεодосіи отстроено не мало красивыхъ каменныхъ домовъ, общественныхъ зданій. Къ послѣднимъ, позволю себѣ причислить построенные мною музей и галерею, открытую въ прошломъ году.

¹⁾ Оно продолжалось съ 7 мая 1823 по 27 декабря 1844 года.

— „Но внѣшнихъ украшеній для города недостаточно; ему необходима жизнь торговая и промышленная. Феодосія, по своему мѣстоположенію по близости отъ Азовскаго моря, имѣетъ въ тому много благоприятныхъ задатковъ. Съ 15 ноября по 15 марта море замерзаетъ; привозъ и отпускъ товаровъ приостанавливается до открытія навигаціи, тогда какъ грузы могли-бы безостановочно быть доставляемы по сю сторону Азовскаго моря въ Феодосію. Для этого нужно только соединить городъ съ берегомъ моря на протяженіи двадцати верстъ рельсовымъ путемъ. Эта завѣтная моя мысль (говоритъ Иванъ Константиновичъ) можетъ быть и осуществится въ близкомъ будущемъ. Напоминаю, что Феодосія находится на перепутьи съ западныхъ береговъ Кавказа въ Крымъ и, конечно, никогда не можетъ утратить своего значенія въ отношеніи торговомъ“.

Въ чужихъ краяхъ, нѣтъ не только городка, но даже сколько нибудь замѣчательнаго помѣстья, о которыхъ не было-бы упомянуто въ издаваемыхъ тамъ „Путеводителяхъ“ (guides). У насъ повсюду, еще нѣтъ сколько нибудь толковаго „Путеводителя“ по Россіи. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городовъ, хотя и по слухамъ, обращаютъ на себя вниманіе путешественниковъ своими достопримѣчательностями. Туристы, посѣщающіе Феодосію, и путешественники, ѣдущіе изъ Крыма къ берегамъ Кавказа или обратно, долгомъ себѣ поставляютъ побывать въ домѣ Ивана Константиновича Айвазовскаго, чтобы полюбоваться находящимися тамъ произведеніями его волшебной кисти. Такихъ посѣтителей, въ лѣтніе дни, бываетъ до пятидесяти, и болѣе, человекъ. Какъ ни лестно подобное вниманіе нашему почтенному художнику, однако-же эти посѣщенія бывають подчасъ и стѣснительны для хозяина, особенно во время работъ въ его студіи. Для обоюднаго удобства и публики, и себя самаго, Ивану Константиновичу пришла счастливая мысль—пристроить къ своему дому „картинную“, или вѣрнѣе „художественную галерею“. Это отдѣльное помѣщеніе для его картинъ, соединенное съ домою, но имѣющее особый подъѣздъ, даетъ возможность посѣтителямъ не только свободно и во всякое время осматривать ихъ, по даже заниматься копированіемъ. Постройка этой каменной галлерей, по плану и подъ наблюденіемъ самаго Ивана Константиновича, была исполнена въ теченіе шести мѣсяцевъ. Въ концѣ

галлерей съ хорами, имѣющей 17 сажень длины и 6 ширины, устроена сцена (о ней далѣе мы поговоримъ подробнѣе); по сторонамъ галлерей комнаты для тѣхъ изъ почитателей-художниковъ, которые пожелали-бы заниматься копированіемъ картинъ. Изъ нихъ, размѣщенные по стѣнамъ, составляютъ непривосновенную собственность галлерей; разставленные на мольбертахъ—принадлежать самому художнику, или его семейству. Это распоряженіе облечено строителемъ галлерей въ узаконенную форму. Изъ первыхъ произведеній, украсившихъ это собраніе картинъ Ивана Константиновича, изъ большихъ, назовемъ: „Переходъ Израилтянъ черезъ Черное море“, „Корабль въ бурю“ и „Овцы передъ стрижбою“ (бывшая на выставкѣ картинъ Айвазовскаго въ Петербургѣ, зимою 1877—1878 гг.); кромѣ того, есть нѣсколько картинъ меньшихъ размѣровъ. Но галлерей еще предстоитъ обогащаться, ежегодно, новыми—да продлитъ Господь жизнь высоко-талантливаго художника!

Глубина театра, т. е. задняя его стѣна расписана самимъ Иваномъ Константиновичемъ: на ней изображенъ видъ Неаполя. О размѣрахъ этой волшебной, очаровательной картины (ее нельзя назвать девораціею) можно судить потому, что зала имѣетъ 11 аршинъ высоты. Но Иванъ Константиновичъ не намѣренъ ограничиться однимъ только этимъ видомъ.

Увлекаясь прекрасной своей мыслию, онъ, бесѣдуя съ нами говорилъ:

— „За Неаполемъ, у меня послѣдуетъ Венеція, съ искусственною водою каналовъ и движущимися по ней гондолами. Потомъ съ помощью Божіей, хочу написать панорамическій видъ Москвы, можетъ быть и Петербурга, Константинополя и другихъ. Кромѣ того, желалъ-бы изобразить въ движущихся живыхъ картинахъ: Наваринскую битву; подвигъ Казарскаго на бригѣ „Меркурій“... Корабли, съ распущенными парусами будутъ маневрировать на кипящихъ волнахъ; по небу понесутся тучи; всѣ эффекты освѣщенія будутъ приспособлены для возможной вѣрности живой природѣ... Постараюсь осуществить эту мысль, которая занимаетъ меня“!..

Въ близкомъ будущемъ художественная галлерей Айвазовскаго приобрѣтетъ ту-же европейскую знаменитость какъ и его картины, и скромной Θεодосіи позавидуютъ и Петербургъ, и Москва. „Музы—

сестры“ говаривали древніе; мы-же скажемъ: „художества — братья“. Страстная любовь Ивана Константиновича не ограничивается одною живописью: онъ артистъ въ душѣ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова; ея пониманію въ одинаковой степени доступны: архитектура, ваяніе, музыка и сценическое искусство.

Ремонтъ галлерей обезпечивается доходомъ съ небольшого дома, вблизи ея находящагося; скромная плата за входъ (20 коп. сер.) идетъ на жалованье сторожу при галлерей. Помимо своего художественнаго—а вмѣстѣ съ нимъ и культурнаго значенія—это зданіе—источникъ благотворительности, неразлучной со всѣми выставками картинъ Ивана Константиновича и въ Россіи, и за границей. Спектакли въ пользу бѣдныхъ на сценѣ галлерей, доставляя удовольствіе участвующимъ и зрителямъ, вызовутъ не мало благословеній благородному основателю галлерей, въ средѣ немущихъ его соотчичей, еоодосійцевъ.

XIX.

Празднество открытія галлерей-мастерской „Айвазовскаго“ 17 іюля 1880 г.

Торжество открытія художественной галлерей (или картинной галлерей-мастерской) Ивана Константиновича совпало съ празднованіемъ дня его рожденія. Изъ всѣхъ овацій, которыми чествовали нашего знаменитаго художника и на родинѣ, и за границею, ни одною, по собственному его сознанію, не былъ онъ такъ глубоко тронутъ, какъ сдѣланною ему роднымъ городомъ—17 іюля 1880 года.

По русскому, завѣтному обычаю отслуженъ былъ молебенъ, за которымъ слѣдовало пѣніе народнаго гимна, по требованію присутствующихъ повтореннаго нѣсколько разъ. Затѣмъ Иванъ Константиновичъ, съ свойственными ему радушіемъ и привѣтливостью, пригласилъ многочисленныхъ своихъ гостей на завтракъ, сервированный во вновь открытой галлерей. Украшенная, кромѣ картинъ, бюстомъ Государя Императора (блаженной памяти) Александра Николаевича, бюстами Пушкина и Брюллова, купами зелени, національными и морскими флагами—галлерей поразила вступившихъ въ нее какъ своими размѣрами, такъ равно

изяществомъ постройки. Хоры и музыка во время стола придавали много веселости и оживленія бесѣдѣ. Къ концу завтрака, когда въ бокалахъ заискрилось шампанское, градской глава В. Н. Алтуховъ, отъ имени города Феодосіи, обратился къ почетному виновнику торжества съ слѣдующею задушевною рѣчью:

„М. Г. Иванъ Константиновичъ! сегодняшній дорогой для насъ день—день вашего рожденія, вы ознаменовали новымъ, достойнымъ васъ дѣломъ, положивъ основаніе драгоценной для нашего города художественной галлерей—сокровищницы гениальныхъ произведеній вашего бессмертнаго таланта.

„Торжество это не можетъ имѣть характера только вашего домашняго праздника, такъ какъ произведенія вашей художественной висти—достояніе всей Европы и особенная гордость нашего города, волыбели вашего таланта. Вотъ почему, нарушая ваше скромное желаніе, чтобы на сегодняшнемъ празднествѣ не говорилось никакихъ рѣчей, я позволилъ себѣ сказать эти нѣсколько словъ. Кромѣ того, я обязанъ постановленіемъ Феодосійской городской думы, въ день вашего рожденія и открытія вашей галлерей, выразить вамъ, отъ имени городского общества, его признательность за ваши заслуги на пользу нашего города и сообщить вамъ, что въ томъ же засѣданіи городская дума, желая увѣковѣчить дорогое для нашего города имя ваше, постановила: 1) ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на присвоеніе вамъ званія почетнаго гражданина города Феодосіи; 2) гору, на которой заботами вашими сооруженъ музей древности ¹⁾, наименовать „горой Айвазовскаго“; 3) нисходящую отъ нея къ собору улицу, на которой стоитъ домъ, гдѣ вы родились,—„улицей Айвазовскаго“—и, наконецъ, 4) отвести мѣсто отъ Генуэзскаго моста до конца вашего дома для устройства „бульвара Айвазовскаго“. Такимъ образомъ изреченіе, что никто не можетъ быть пророкомъ въ своей землѣ, относительно васъ теряетъ всякое примѣненіе. Достигнувъ европейской извѣстности, окруженный произведеніями своего гениа, среди любящей васъ семьи и дорогихъ друзей, обожаемый согражданами роднаго вамъ города, вы во-очію видите славу вашу. Пусть же Провидѣніе надолго сохранить драго-

¹⁾ См. о немъ „Русская Старина“ изд. 1878 года, томъ XXIII, стр. 288.

цѣнные дни ваши для продолженія вашей благотворной дѣятельности. Да здравствуетъ славный художникъ и доблестный гражданинъ нашъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій на многія лѣта!“

Послѣ городскаго главы произнесъ прекрасную рѣчь А. О. Балкъ—командиръ поповки „Новгородъ“, по счастливой случайности стоявшей въ Θεодосіи. Привѣтствуя Ивана Константиновича отъ имени своихъ сослуживцевъ, моряковъ, А. О. Балкъ замѣтилъ, что имя Айвазовскаго—дорогое для всѣхъ русскихъ, особенно дорого морякамъ, такъ какъ изображенію ихъ родной стихіи геніальный художникъ посвятилъ большую часть своихъ произведеній. Послѣднюю рѣчь произнесъ полковникъ Н. М. Юсть. Обращаясь къ далекому прошлому Θεодосіи (Кафы), онъ указалъ на нѣсколько періодовъ поперемяннаго процвѣтанія и упадка города; потомъ, сравнивая ихъ между собою, выразилъ убѣжденіе, что никогда—даже въ періодъ высшаго торговаго и матеріальнаго процвѣтанія Θεодосіи, извѣстность ея не была такъ неизблемо упрочена, какъ 60 лѣтъ тому назадъ. „То былъ день, когда маститый жрецъ высокаго искусства, тотъ самый, котораго Θεодосія во всѣ времена съ гордостью назоветъ своимъ сыномъ, впервые взглянулъ на далекое лоно величественной и гордой, но покорной ему, стихіи! Извѣстность по богатству не прочна и относительна, какъ непрочно и относительно самое понятіе богатства. Поэтому-то Θεодосія то процвѣтала, то падала. Но теперь, когда имя ея связано съ другимъ, тѣмъ самымъ, которому суждено отъ вѣка и до вѣка красоваться на страницахъ исторіи міроваго прогресса, и Θεодосія не умретъ. Счастлива земля, именующая его своимъ сыномъ!“

Число всѣхъ выставленныхъ картинъ въ день открытія галереи простиралось до двадцати трехъ. Изъ нихъ три, изображающія эпизоды плаванія Христофора Колумба и открытіе имъ Новаго Свѣта, произвели на зрителей особенное, чарующее впечатлѣніе. Бура, грозящая сокрушить утлый корабль геніальнаго пловца и утро пятницы 12 октября 1492 года (картина громаднхъ размѣровъ) въ виду американскаго острова „Сан-Сальвадоръ“—цѣлая поэма, написанная вистью Айвазовскаго!

Торжественный день закончился достойнымъ образомъ пріятнымъ сюрпризомъ, приготовленнымъ для Ивана Константиновича въ городскомъ саду, въ который онъ отправился вечеромъ со сво-

ими гостями. При входѣ въ садъ, почтенный художникъ былъ встрѣченъ дирекціей, еще разъ поздравившей его отъ имени Θεодосійскаго собранія съ днемъ рожденія. Звуки музыки, громогласное ура, трескъ фейерверка, вспышки бенгальскихъ огней, свѣтящіеся вензеля имени новорожденнаго—все это слилось въ прелестную живую картину, неуловимую кистью, но глубоко запечатлѣвшуюся въ памяти зрителей. При звукахъ марша Иванъ Константиновичъ вступилъ въ павильонъ сада, гдѣ на самомъ видномъ мѣстѣ красовался его, большихъ размѣровъ, фотографическій портретъ, изящно разубранный лавровою гирляндю и живыми цвѣтами... Достоинному—достоинное!

Первый спектакль въ „галлерей Айвазовскаго“ происходилъ 14-го февраля 1881 года. Онъ состоялъ изъ продолжительной живой картины съ пѣніемъ и танцами, изображавшей площадь въ Неаполь. Въ то время, какъ на авансценѣ кружились и рѣзвились танцующіе, въ глубинѣ, на берегу залива, рыбаки вытягивали сѣти, по самой площади бѣгали миловидныя продавщицы цвѣтовъ и апельсиновъ; даже появлялся живой осель, нагруженный корзинами съ овощами. Соблюденіе строгой вѣрности костюмовъ, пѣсни съ характерными мотивами, кипучая, истинно южная жизнь, одушевлявшая участниковъ спектакля и разлитая въ самой живописи задней стѣны на сценѣ—затрудняли зрителей въ опредѣленіи рубежа, отдѣлявшаго природу отъ искусства... Это былъ поистинѣ уголокъ Неаполя, какою-то волшебной силою перенесенный на берега Чернаго моря.

XX.

Воспоминанія по поводу нѣкоторыхъ картинъ.—Замѣтка о выставкахъ и характеристика публики.

Бесѣды наши съ Иваномъ Константиновичемъ происходили въ концѣ февраля мѣсяца 1881 года. Нѣкоторыя изъ его воспоминаній вслѣдствіе страшнаго, всю Россію обуявшаго ужасомъ событія, получили съ тѣхъ поръ особое значеніе, придавъ рассказамъ оттѣнокъ грусти... Говоримъ о воспоминаніяхъ нашего художника о почившемъ въ Божѣ Государѣ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Припоминалъ Иванъ Константиновичъ о томъ, какъ по приглашенію г. министра высочайшаго двора онъ привозилъ въ Ялту свою картину „бомбардированіе Севастополя“, пожертвованную художникомъ въ морской музей. „Надобно замѣтить“ (сказалъ онъ, рассказывая намъ о ней) „что картина эта писана по эскизамъ, снятымъ съ натуры, на мѣстѣ, во время одной изъ бомбардировокъ. Я тогда ѣздилъ въ Севастополь и былъ принятъ княземъ А. С. Меншиковымъ. Объ этой картинѣ говорилъ Государю Императору контръ-адмиралъ К. Н. Посѣтъ, видѣвшій ее у меня въ Θεодосіи. Прибывъ въ Ялту, я поспѣшилъ представиться его сиятельству г. министру двора, но онъ, по нездоровью, не могъ принять меня. Я отправился въ церковь, а изъ нея во дворецъ, гдѣ имѣлъ счастье видѣть Государя.

— Здравстуй, Айвазовскій! сказала Онъ мнѣ съ его обыкновеню, кроткою, привѣтливою улыбкою.

„Затѣмъ, отъ имени Его Величества я получилъ приказаніе представить Ему мою картину. Я немедленно телеграфировалъ въ Θεодосію, откуда человекъ мой на пароходѣ переслалъ картину въ Ялту. Но картина моя, по какому-то недоразумѣнію, удостоилась монаршаго вниманія лишь черезъ два дня. Извѣстіе о представленіи ея я получилъ въ ту самую минуту, когда готовился отослать ее въ Θεодосію, въ томъ предположеніи, что Его Величеству не угодно ее видѣть... Однаво-же картина удостоилась милостиваго одобренія Государя Императора. Впослѣдствіи времени, одно лицо, мнѣ знакомое, дало мнѣ понять, что я моею поспѣшностью могъ нарушить правила этикета и нѣкоторыя требованія придворнаго чиновочитанія. Я не могъ не посѣтовать на тѣхъ лицъ, отъ которыхъ вполне зависѣло не ставить меня въ такое странное положеніе въ отношеніи къ высокой особѣ Императора, мною столь глубокочтимаго...

„Въ другой разъ, въ мартѣ 1878 года, я имѣлъ счастье представлять мои картины на воззрѣніе Государя императора и покойной Государынѣ императрицы въ Зимнемъ дворцѣ. И на этотъ разъ поспѣшность исполнить желаніе моего Августѣйшаго покровителя заставила меня уклониться отъ нѣкоторыхъ формъ, соблюденіе которыхъ потребовало бы дня два, или три времени. Люди сановные, мнѣ повидимому доброжелательные, совѣтывали мнѣ тогда, чрезъ г. министра Высочайшаго двора, обратиться съ все-

подданнѣйшею просьбою о всемилостивѣйшемъ дозволеніи представить мои картины Государю императору. Совѣтъ прекрасный, крайне лестный для моего художническаго самолюбія; но подобная просьба, сама по себѣ, не могла ли показаться весьма многимъ дерзостною доучливостью, меркантильнымъ расчетомъ?.. Съ другой стороны, какая обильная пища злословію, которое (между нами сказать) иногда любить на мой счетъ полакомиться.

„Небольшая картина: „Переправа Государя императора черезъ Дунай у Систова“ была мною представлена по собственному Его Императорскаго Величества желанію. Лестно отозвавшись о ней, Государь императоръ спросилъ меня:

— А у тебя выставка въ Петербургѣ?

— Точно такъ, ваше величество,—въ домѣ Кононова...

— Постараюсь повидать, милостиво сказалъ Государь.

„Но я не смѣлъ увлекаться этой лестной для меня надеждой, зная, что его величеству затруднительно будетъ взойти въ третій этажъ громаднаго дома (для этого во дворцахъ устроены были особенные подъемные снаряды). Надежда моя осуществилась однако-же тѣмъ, что мнѣ было повелѣно доставить мои картины въ Зимній дворецъ. Для исполненія этого я имѣлъ въ моемъ распоряженіи лишь нѣсколько часовъ времени. Была-ли мнѣ физическая возможность, сообщить о томъ по начальству?“

Послѣдняя выставка картинъ И. К. Айвазовскаго (у Симеоновскаго моста въ домѣ Яффа), по его собственному сознанію, превзошла всѣ его ожиданія. Донинѣ еще ни разу такъ явно не выражалось сочувствіе публики къ заслуженному художнику и ни одна изъ предъидущихъ выставокъ не привлекала такого многолюдства. Въ теченіе декабря 1880 и января 1881 года выставку посѣтили 22,000 человекъ; число посѣтителей выставокъ академическихъ свыше 35,000 не простирается. За исключеніемъ воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній, массу публики можно раздѣлить, по сословіямъ, на группы.

Группа высшаго класса составляетъ меньшинство. За немногими исключеніями истинныхъ меценатовъ и знатоковъ изящныхъ искусствъ, представители высшаго класса относятся къ нимъ безучастно; не особенно охотно посѣщаютъ выставки; развѣ только тогда, когда на нихъ находится какое нибудь произведеніе, надѣлавшее шуму за-границею. Намъ случалось слышать, по по-

воду выставки Айвазовскаго: „je connais ça, Айвазовскій... Морскіе виды! У меня есть его картины!“ Для подобныхъ цѣнителей и судей непонятно усовершенствованіе, или депрессія таланта. Какъ нельзя судить о достоинствахъ композитора по одной оперѣ, такъ нельзя составлять себѣ понятія о талантѣ живописца, по двумъ, или тремъ его картинамъ; особенно такого таланта, каковъ Айвазовскій, въ недавніе годы обратившійся, и такъ успѣшно, къ историческому роду живописи!

Вторую группу—большинство—составляетъ, такъ называемый, средній классъ, приносящій настоящую дань уваженія талантамъ, въ большинствѣ случаевъ произносящій надъ ними судъ—справедливый и безпристрастный. Онъ-то именно и составляетъ ту публику, мнѣніемъ которой дорожатъ писатели и художники. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, Пушкинъ укорялъ русскихъ женщинъ въ ихъ равнодушіи къ поэзіи и ко всему изящному. Онъ не сказалъ-бы этого въ наше время: дочери и внуки Пушкинскихъ современницъ горячо сочувствуютъ и литературѣ, и художествамъ—и женскій элементъ преобладаетъ надъ мужскимъ на нашихъ художественныхъ выставкахъ. На это обратилъ вниманіе Иванъ Константиновичъ. Доходившіе до него слухи объ отзывахъ посѣтительницъ его послѣдней выставки, радовали почтеннаго художника не похвалами (прибавимъ—совершенно справедливыми), но именно своею отзывчивостью на идею художника, поэтическую идею, выраженную его кистью.

Третья группа—собственно народъ—распадается на мелкое купечество и на простыхъ, русскихъ людей, если не въ тулупахъ, то въ поддевахъ и сибиряхъ. Тутъ высказываются вслухъ не только мнѣнія о картинахъ и простодушныя имъ похвалы, но даже и наивныя объясненія ихъ сюжетовъ. Высоко и дорого цѣнить художникъ эти искренніе отзывы, чуждые педантизма, искренніе, душевные. Тутъ природный русскій умъ блещетъ подчасъ своимъ оригинальнымъ юморомъ; одобреніе выражается иногда той „ласкательной бранью“, которая напоминаетъ возгласъ Гоголя о степяхъ, но она отраднѣе для слуха художника стереотипныхъ похвалъ невѣждъ, имѣющихъ притязаніе казаться знатоками.

— „Нѣкоторые изъ зрителей (разсказывалъ Иванъ Константиновичъ) занимаютъ меня гораздо болѣе, нежели ихъ самихъ мои картины. Особенно забавны простодушныя истолкованія сюжетовъ,

напоминающія рассказы дѣтей, перелистывающихъ книжку съ картинками. Тутъ иной рассказчикъ невольно заставляетъ меня улыбнуться своими замысловатыми догадками. Разъ, подхожу къ группѣ простолюдиновъ, столпившейся предъ картиною: „Пушкинъ на берегу моря“:

— Это, вишь ты, говорилъ одинъ зритель другому—атаманъ разбойничій: онъ, братецъ ты мой, ждетъ, чтобы суденышко къ берегу подъѣхало... Махнетъ гребцамъ, они подъѣдутъ—онъ и былъ таковъ!

— „Пускай-себѣ Пушкинъ будетъ и атаманомъ разбойниковъ, (подумаль я), все-же мнѣ отраднѣе, что взглядъ добраго сына природы угадалъ въ немъ „набольшаго“... Придетъ пора, Богъ дастъ, и тотъ-же простякъ узнаетъ, что онъ былъ дѣйствительно „атаманомъ“ — родной поэзіи!

„Въ другой разъ, спускаясь съ лѣстницы, слышу голосъ какого-то, повидимому, подгулявшаго еупчива:

— Нѣтъ, говорить — нынѣшная выставка не „тово“... прошлогодняя была позабористѣй: и Шипка, и турки, и все такое... Тутъ, значить, хочу дать мелочи хопъ на тысячу рублей—пожалуйте! Нонѣ не важно: вода да вода, буря послѣ дождя, дождь послѣ бури—и только!..

— „Насмѣшилъ меня мой милый рецензентъ до слезъ... Что на умѣ, то и на языкѣ! Что дѣлать: не потрафилъ я на его „скусъ“ нынѣшній разъ, авось въ будущій угожу. Это любитель баталической живописи да еще непременно въ самомъ патриотическомъ духѣ!“

Въ нынѣшнюю выставку, Иванъ Константиновичъ, по обыкновенію, имѣлъ намѣреніе дополнять ее постепенно новыми картинками, которыя писалъ здѣсь въ Петербургѣ. При необычайной быстротѣ его работъ, нѣтъ сомнѣнія, что картины эти уже имъ написаны. Въ то-же время, когда мы бесѣдовали съ художникомъ, изъ трехъ задуманныхъ имъ картинъ была уже готова одна, другая—только начата... Переходимъ къ этимъ картинамъ, равно и къ нѣкоторымъ другимъ, покуда проектируемымъ.

XXI.

Дунай, Волга, Карсъ.—Проекты нѣсколькихъ новыхъ картинъ.—Заключеніе.

1881 г.

На картинѣ „Дунай“ изображена переправа Государя Императора у Систова, совершенно въ иномъ видѣ противу картины 1878 года на этотъ же самый сюжетъ. По легкимъ зыбямъ величественной рѣки, на первомъ планѣ, несетса большой катеръ съ сидящими на немъ Государемъ Императоромъ, Его Августѣйшими сыновьями и нѣсколькими генералами изъ свиты. Цѣлая группа поразительно схожихъ портретовъ. На носовой части казачи изъ собственнаго Его Величества конвоя съ императорскимъ штандартомъ въ рукахъ. Надъ катеромъ, несущимъ славу, мощь и величіе Россіи, въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ паритъ орелъ; въ отдаленіи сквозъ легкую дымку надводнаго тумана бѣлѣютъ зданія Систова.

Размѣры второй картины почти въ четыре раза превосходятъ размѣры предыдущей. Это — „Волга подъ Ветляною“. Ранній часъ солнечнаго восхода; туманъ, клубящійся надъ рѣкою, разстилающеюся раздольно и широко, восходя къ ясному небу, образуетъ легкія, бѣловатыя облака. Парусъ плывущей расшивы загораживаетъ солнце отъ глазъ зрителя, но онъ его чувствуетъ, оно сквозитъ чрезъ грубую ткань паруса, какъ бы процѣживаетъ сквозъ нее яркіе свои лучи. Справа отъ зрителя нагорный берегъ нашей царственной рѣки; на дальнемъ планѣ силуэты церкви и домовъ Ветлянки. Свѣжесть, вѣющая отъ этой картины, отстраняетъ отъ зрителя всякую грустную мысль о чумѣ, свирѣпствовавшей на этихъ берегахъ; не хочется допустить, чтобы при этой массѣ чистой текучей воды и прозрачнаго, свѣжаго воздуха, въ немъ струились тлетворные міазмы заразы...

Третья картина — по предположенію нашего почтеннаго художника — будетъ изображать видъ Карса въ ночное время. Кромѣ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ Иванъ Константиновичъ намѣревался воспользоваться указаніями лицъ, видѣвшихъ эту твердыню Азіатской Турціи.

— „Каждая побѣда нашихъ войскъ (сказалъ при этомъ Иванъ Константиновичъ) на сушѣ или на морѣ, радуетъ меня, какъ русскаго въ душѣ, и даетъ мысль, какъ художнику, изобразить ее на полотнѣ. Но насколько близка моему сердцу Россія съ ея минувшимъ, настоящимъ и будущимъ, настолько-же любезна Греція—съ ея древностью и давно прошедшимъ временемъ. Эта страна героевъ, съ самаго моего младенчества, глубоко врѣзалась въ мою память. Первые картинки, видѣнныя мною, когда во мнѣ разгоралась первая искра пламенной любви къ живописи, были литографіи и гравюры (очень плохія), изображавшія подвиги героевъ, въ исходѣ двадцатыхъ годовъ сражавшихся съ турками за освобожденіе Греціи; къ первому моему ребяческому лепету примѣшивались имена Боболины, Канариса, Міаули и др. ¹⁾). Впослѣдствіи времени я узналъ, что сочувствіе къ грекамъ, свергавшимъ турецкое иго, выказывали тогда всѣ поэты Европы: Байронъ, Пушкинъ, Гюго, Ламартинъ; первый — принималъ даже дѣятельное участіе въ возстаніи Греціи и умеръ среди грековъ, въ Миссолунги, хотя и не на полѣ битвы... Такъ воспоминанія дѣтства и отрочества связаны у меня съ чувствами любви къ Греціи. Мысль объ этой великой странѣ часто посѣщала меня то въ видѣ смутной толпы героевъ древности и новѣйшихъ временъ, то въ видѣ битвъ на сушѣ и на морѣ... Наконецъ, отъ этого хаоса выдѣлились въ моемъ воображеніи три сюжета для картинъ, посвященныхъ тремъ эпохамъ бытія Греціи: доисторической, древней и новѣйшей.

— „Представителями эпохи доисторической (1200 л. до Р. X.) будутъ у меня „Аргонавты“, плывущіе въ древнюю Колхиду за золотымъ руномъ... Какое раздолье для кисти живописца, какіе богатые типы: Язонъ съ своими спутниками: Геркулесомъ, центавромъ, Харономъ, Орфеемъ и др. Эти баснословные герои—представители перваго морскаго похода Греціи.

— „Морская битва при Саламинѣ (480 л. до Р. X.) истинное, историческое событіе, прославившее флотъ древней Эллады. ГеройThemistocle—уже не мнѣ; это—воплощенный идеалъ всѣхъ доблестей великаго народа, память о которомъ сохраняется донинѣ между его потомками, имя котораго донинѣ одно изъ самыхъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 654.

употребительныхъ въ Греціи. Эта картина, для предварительной подготовки, потребуеть у меня, вонечно, гораздо болѣе времени, нежели ея исполненіе. Чтобы соблюсти строжайшую историческую вѣрность, мнѣ придется многое перечитать изъ сочиненій археологическихъ, пересмотрѣть многое въ европейскихъ музеяхъ; по-сѣтитъ, разумѣется, мѣсто событія—берега нынѣшняго Колури и острова Эгинны... Надѣюсь, съ помощію Божіею, сдѣлать все, что только въ моихъ силахъ.

— „Десятилѣтняя борьба Греціи съ Турціею (1820—1830 гг.) и въ наше время возстаніе Кандіотовъ, достаточно доказали Европѣ, что отечество Мильтіада,Themistocla и Павзанія еще не окончательно оскудѣло героями. Я уже написалъ въ 1860-хъ годахъ нѣсколько картинъ, изображающихъ эпизоды возстанія на островѣ Кандіи (1866—1867 гг.)¹⁾; но третью картину изъ новѣйшей греческой исторіи я посвящу герою Канарису и его подвигамъ на водахъ Турціи; на примѣръ, когда онъ ночью, на брандерѣ, пробирается къ непріятельскимъ судамъ... Ихъ взрывъ и потопленіе—могутъ послужить богатымъ сюжетомъ для эффектной картины. Впрочемъ — заключилъ съ улыбкою нашъ почтенный художникъ—увлекаясь мечтами, не слѣдуетъ забывать своего возраста, надобно быть благоразумнымъ“!

Со своей стороны, позволимъ себѣ прибавить къ этой оговоркѣ наше искреннее пожеланіе: чтобы годы позабыли о гениальномъ художникѣ и, безсмертный въ своихъ произведеніяхъ, онъ жилъ еще долго и долго. Его бодрость, ясность духа и пылкость воображенія на многіе годы превосходятъ его возрастъ; да для такого таланта, каковъ Айвазовскій, и нѣтъ возраста!²⁾

28-го февраля 1881 г.

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 283.

²⁾ Крайне пріятно отмѣтить здѣсь, что и въ новѣйшее царствованіе почтенныя заслуги И. К. Айвазовскаго въ области искусства: ему пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНАГО КРЕСТЬЯНИНА Н. Н. ШИПОВА.

1835—1836 гг. ¹⁾.

Прошелъ годъ. Во все это время, ни слободское начальство, ни пресѣдователь мой Павельевъ, меня не тревожили, и я спокойно занимался торговлею: ѣздилъ въ Моздокъ и Кизляръ для покупки мѣстнаго вина, подъ именемъ чихиря, и, такъ называемой, кизлярской водки ²⁾, а также свѣжей рыбы шамаи, которую солилъ и коптилъ по способу, употребляемому армянами; приготовлялъ «шишлыкъ» ³⁾; прочій же товаръ для лавки выписывалъ большею частію изъ Москвы. Торговля моя шла довольно успѣшно, такъ что я заявилъ уже желаніе приписаться въ пятигорскіе купцы и представилъ соотвѣтствующій капиталъ; но дѣло это почему-то затнулось въ Ставрополѣ, въ областномъ управленіи.

Благодаря моему торговлѣ, я познакомился со многими лицами и въ томъ числѣ съ сотникомъ донскаго полка Василіемъ Сухоруковымъ. Это былъ человекъ умный, ловкій, предприимчивый и пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ снималъ на Кавказѣ почтовые станціи, бралъ казенные подряды и вообще пускался въ разныя коммерческія предпріятія. Вотъ, этотъ-то Сухоруковъ предложилъ мнѣ быть у него какъ бы комисіонеромъ, съ жалованьемъ по 1,000 руб. асс. въ годъ, и кромѣ того, 2,000 руб. для тор-

---

¹⁾ См. „Русск. Ст.“ изд. 1831 г., т. XXXI, (май), стр. 133—148; (іюнь), стр. 221—240.

²⁾ Чихирь, красный и бѣлый, обыкновенный, я покупалъ по 1 руб. 60 к. асс. за ведро, а водку по 5 руб. Чихирь старый, напримѣръ десятилѣтній, былъ несравненно дороже.

³⁾ Это — жареная на вертелѣ баранина; „шишлыкъ изъ тюртны“ — значить: изъ мяса дикаго горскаго барана.

говилъ по моей лавкѣ. Это предложеніе было какъ нельзя болѣе мнѣ по сердцу, и я согласился.—Въ это время объявлены были торги на казенные нефтяные колодцы, находящіеся въ горахъ близъ крѣпости Грозной. Сухоруковъ пожелалъ снять эти колодцы, и поручилъ мнѣ сначала съѣздить на торги въ Ставрополь, а потомъ на самые колодцы и заняться нефтянымъ дѣломъ. Это было въ началѣ 1836-го года. Для своей лавки я нанялъ прикащика и его, вмѣстѣ съ моею женою, оставилъ торговать, а самъ отправился исполнять приказанія Сухорукова.

На торгахъ, нефтяные колодцы остались за Сухоруковымъ, и я поѣхалъ въ Грозную крѣпость; здѣсь принялъ отъ полковника колодцы, распорядился съ рабочими по переливкѣ нефти изъ колодцевъ въ бочки и приказалъ отправить ее въ складъ на станцію Науръ, куда, чрезъ нѣсколько времени, прибылъ и я, для слѣдованія съ нефтью на ярмарки—въ Моздокъ, Екатериноградъ и Егорьевскъ. На этихъ трехъ ярмаркахъ мною продано было нефти довольно много и выгодно. Послѣ того я возвратился въ Пятигорскъ, съ отчетомъ Сухорукову, который остался мною доволенъ и просилъ меня найти мастера для выгонки изъ черной нефти бѣлой. Мастеръ скоро отыскался, и онъ принялся за дѣло при нефтяномъ складѣ въ станціи Науръ.

Спустя нешного времени, именно въ маѣ мѣсяцѣ, Сухоруковъ послалъ меня въ разные южные города Россіи и на австрійскую границу для узнанія цѣны на бѣлую нефть, и для запродажи какъ ея, такъ и черной нефти. Ѣхалъ я на почтовыхъ черезъ знакомые мнѣ города—Ставрополь, Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ, Херсонъ и Одессу; отсюда—на Скуляны и Каменецъ-Подольскъ, а потомъ черезъ Староконстантиновъ и Дубно въ Радзивилловъ. Здѣсь я нашолъ одного еврея-фактора и послалъ его съ пробной нефтью за австрійскую границу, въ мѣстечко Броды, развѣдать не требуется ли тамъ нефть? Между тѣмъ, я узналъ, что верстъ за 30 отсюда находится Почаевскій монастырь, съ явленною иконою Божіей Матери, известной подъ именемъ почаевской. Недолго думая, поѣхалъ я въ Почаевъ. Монастырь стоитъ на горѣ, окруженъ большимъ лѣсомъ. Явленная икона Божіей Матери поставлена въ алтарѣ, за престоломъ; посреди храма находится камень, на которомъ, по преданію, Пресвятая Богородица стояла своими св. стопами. Изъ камня вытекаетъ каплями вода, которую собираютъ въ особый большой осудъ; при молебнахъ съ водосвятиемъ вливаютъ нѣсколько капель этой воды и роздаютъ богомольцамъ, чего удостоился и я.

Изъ монастыря я возвратился въ Радзивилловъ, и отъ еврея-фактора узналъ, что въ Бродахъ нефть никому не требуется. Тогда я отправился черезъ Бременчугъ въ Кіевъ, а отсюда на Роменскую ярмарку и въ Харьковъ; здѣсь продалъ нефти достаточное количество и прибылъ въ Ставрополь, гдѣ находился въ это время Сухоруковъ. Я отдалъ ему отчетъ о моей поѣздкѣ, послѣ чего онъ отправилъ меня покупать житную муку по пятигорскому округу,

для взятого имъ казеннаго подряда. Скоро я прибылъ въ Пятигорскъ и черезъ три дня собрался ѣхать въ Кисловодскъ. Въ это время пришло ко мнѣ одинъ изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, бывший полицейскій писмоводитель въ Пятигорскѣ, Кастыченко. Узнавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ Кисловодскъ, я попросилъ его купить тамъ ржаной муки, четвертей 200, такъ какъ самому мнѣ для такой малости ѣхать туда не хотѣлось: я рассчитывалъ купить муку въ Егорьевскѣ и въ селеніяхъ по рѣкѣ Кумѣ. Кастыченко согласился. Я далъ ему 200 руб. на задатокъ и свою верховую лошадь черноморской породы. Послѣ этого мы разстались, и я отправился на Буму. Купивъ значительное количество муки въ селеніяхъ, я прибылъ въ Егорьевскъ, гдѣ услышалъ, что нѣсколько дней тому назадъ (дѣло было въ половинѣ октября мѣсяца) на Кисловодокъ напали ночью черкесы, казаковъ на посту порубили, разграбили и сожгли станицу; нѣсколько человекъ взяли въ плѣнъ. Этотъ слухъ сильно поразилъ меня и встревожилъ: что случилось съ Кастыченко? Въдъ такъ возможно было мнѣ самому быть на его мѣстѣ!—Я немедленно поѣхалъ въ Пятигорскъ, а отсюда въ Кисловодскъ; здѣсь узналъ, что слухъ о набѣгѣ сюда черкесовъ былъ справедливъ, Кастыченку съ моею лошадью черкесы увели въ плѣнъ. И то сказать: набѣги разныхъ горскихъ хищниковъ на мирныхъ жителей въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ годы случались нерѣдко.

Въ это время Сухоруковъ получилъ изъ Тифлиса, отъ почтъ-инспектора Клементя, письмо съ извѣстіемъ—не желаетъ ли онъ принять участія въ торгахъ на снятіе почтовыхъ станцій во всей Грузіи. Сухоруковъ призвалъ меня и сказалъ, чтобы я ѣхалъ въ Тифлисъ на торги, но не для того, чтобы дѣйствительно снять станціи, а съ тою цѣлію: не удастся ли мнѣ взять съ почтъ-содержателей сколько нибудь денегъ въ его пользу? Эта задача была для меня трудная, да и дорога предстояла неизвѣстная для меня, а главное—опасная. Однако раздумывать мнѣ было некогда: Сухоруковъ торопилъ меня отъѣздомъ. Я взялъ денегъ у Сухорукова, простился съ женою и сыномъ и 17 октября отправился въ путь по эстафету. На закатѣ солнца я пріѣхалъ въ Екатериноградъ. Такъ какъ у меня было рекомендательное письмо отъ Сухорукова къ тамошнему почтмейстеру, то онъ немедленно далъ для меня верховую лошадь и вытребовалъ въ прожатые мнѣ десять казаковъ съ урядникомъ и столько же солдатъ съ унтеръ офицеромъ,—это для безопасности отъ нападенія ночныхъ хищниковъ. Съ такимъ конвоемъ я отправился. Переѣхали рѣку Малку черезъ мостъ. Ночь была лунная, ясная; звѣзды сверкали, какъ брилліанты; тутъ и тамъ возвышались серебристыя исполинскія горы, между которыми рѣзко выдѣлялись Казбекъ и величественный Эльбрусъ. Въ лѣвой сторонѣ шумѣлъ бурливый Терекъ. Мы ѣхали тихо, молча, прислушиваясь къ каждому шороху, или малѣйшему звуку. Я невольно предался своимъ думамъ, думамъ грустнымъ. Что дѣлается на моеѣ

дорогой роднѣ, тамъ, гдѣ протекаетъ Волга многоводная, гдѣ раскинулись уральскія степи привольныя? И гдѣ я теперь влачу жизнь мою? Въ Кавказскихъ горахъ, въ опасности отъ хищниковъ, ежеминутно ожидая смерти.... О, свобода, свобода! Гдѣ тѣ люди счастливые, подъ какою планетою родились, которые не видѣли и не видятъ никакого гоненія, никакого стѣсненія? Живутъ они по своей вольной волюшкѣ и ничего не боятся. А я?... Миѣ постоянно, во снѣ и на яву, представляется, что меня преслѣдуютъ. — въ темницу сажаютъ, деньги мои отбираютъ, жену съ сыномъ и дочерью со мною разлучаютъ, въ домѣ моемъ повелѣваютъ и все по своему распоряжаютъ; изъ отчины милой въ изгнаніе посылаютъ и на прахъ родителей пролить слезы не допускаютъ.... Незабвенный родитель! Встань и посмотри на сына своего, тобою столь много любимаго. Что съ нимъ?... Вотъ—вотъ набѣгъ хищниковъ,—и разрубать меня горцы своими острыми шашками; тогда окровавленный трупъ мой не будетъ лежать возлѣ твоего млага праха и никто не придетъ оросить родными слезами мою одинокую дальнюю могилу. Развѣ только какой-нибудь провзжій путникъ, подобно миѣ, увидитъ мой бугорокъ могилки и скажетъ: „вотъ здѣсь лежитъ, вѣрно, какой-нибудь несчастный, убитый хищниками“.—Тяжело и грустно миѣ было; слезы невольно катились изъ глазъ.... Тутъ унтеръ-офицеръ прервалъ мои размышленія, начавъ разсказывать, что дня четыре назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, хищники убили одного ротнаго писаря и ямщика, ѣхавшихъ изъ Ардона въ Екатеринбургъ. Я сказалъ унтеръ-офицеру:

—Можетъ быть и намъ будетъ такая же участь?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—если набѣжить на насъ большая шайка горцевъ.—Я струсилъ не напустку. Однако, чрезъ нѣсколько времени, мы прибыли благополучно въ укрѣпленіе Ардонъ. Здѣсь миѣ тоже дали конвой изъ 12-ти казаковъ, и я поѣхалъ далѣе. На разсвѣтѣ прибыли въ укрѣпленіе Манаретъ. Тутъ я немного отдохнулъ, подкрѣпилъ себя въ духанѣ пищею и опять-таки съ казаками отправился до слѣдующей станицы. Такъ я доѣхалъ до Владикавказа. Отсюда опасности отъ горцевъ не предвидѣлось, и потому миѣ посовѣтывали взять съ собою только одного казака. Отправились мы, переплыли шумный Терекъ на плувучемъ мостѣ и въѣхали въ самыя горы кавказскія. Дорога непримѣтно повышалась, то извиваясь узкой полосой по берегу Терека, то пролегая между страшныхъ каменистыхъ утесовъ, нависшихъ надъ головою путешественника. Съ непривычки кажется, что эти утесы вотъ—вотъ сей часъ обрушатся: страшно становится, сердце сильно бьется и творишь молитву, желая одного—какъ бы поскорѣе миновать эту скалистую дорогу. Доѣхали до селенія Казбекъ, расположеннаго близъ горы этого названія, которая возвышалась надъ селеніемъ нѣсколько верстъ; на вершинахъ горы висѣли огромные сугробы снѣговъ, какъ-бы готовыхъ обрушиться и задавить это небольшое селеніе. Отсюда я поѣхалъ уже въ повозкѣ, на

тройкѣ лошадей. Тутъ дорога измѣнилась къ лучшему, только немного. Со станціи Пасанауръ она стала замѣтно скатистою съ горъ на обширную равнину, до самаго города Тифлиса. Съ лѣвой стороны стояли высокіе утесы, а съ правой—страшные обрывы съ долинами внизу, гдѣ замѣтны были селенія, пасущіеся скотъ и люди. Все это казалось столь малымъ, какъ маленькія дѣтскія игрушки. По мѣстамъ, дорога была такъ узка, что мы съ трудомъ проѣзжали по ней; я обыкновенно вылезалъ изъ повозки, такъ какъ упасть ей въ обрывъ было очень легко. Но вотъ мы спустились на станцію Анауръ, дорога стала не такъ крута и мы поѣхали рысью до города Душеть, а отсюда прямо въ Тифлисъ.

Нимало не медля, я отправился къ почтъ-инспектору Клементу и подалъ ему письмо отъ Сухорукова. Онъ принялъ меня радушно, видимо былъ радъ, что Сухоруковъ прислалъ меня для снятія почтовыхъ станцій въ Грузіи и, между прочимъ разговоромъ, серьезно спросилъ меня: дѣйствительно ли найдутся у Сухорукова лошади, если станціи останутся за нимъ, и можетъ ли онъ содержать ихъ? Я, помня приказъ Сухорукова, отвѣчалъ на это утвердительно. Тогда Клементъ обѣщался сдѣлать для меня все, отъ него зависѣвшее.

Между тѣмъ, съѣхались въ Тифлисъ почтъ-содержатели, повѣдались съ Клементомъ и узнали отъ него, что я, какъ повѣренный Сухорукова, пріѣхалъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ снять всѣ станціи въ Грузіи. Они желали переговорить со мной и для свиданія назначили домъ одного почтъ-содержателя. Клементъ, сообщивъ мнѣ объ этомъ, выразилъ мысль, что еслибы почтъ-содержатели предложили мнѣ порядочную сумму денегъ, то можно бы торги оставить и безъ хлопотъ возвратиться къ Сухорукову. Я это замоталъ себѣ на усъ и въ назначенный день, вечеромъ, отправился на свиданіе съ почтъ-содержателями. Меня попросили въ большую залу, гдѣ были армяне, грузины, татары—человѣкъ 30. Я раскланялся и мнѣ предложили сѣсть на диванъ. Тутъ находились какіе-то князья, другіе—съ золотыми и серебряными медалями,—словомъ—все лица важныя, представительныя. Нѣкоторые изъ нихъ знали Сухорукова лично, спрашивали объ его здоровьи, дѣлахъ, и потомъ повели разговоръ на счетъ предстоящихъ торговъ. Я имъ рѣшительно заявилъ, что пріѣхалъ снять станціи, такъ какъ у Сухорукова лошадей много и онъ ни въ чемъ не нуждается. Подали чай, затѣмъ ромъ. Я сказалъ, что крѣпкихъ напитковъ не пью. Всѣ очень этому удивились и высказали: не можетъ быть, чтобы русскій ничего не пилъ. Потомъ, разными намеками стали говорить мнѣ, чтобы я не вмѣшивался въ торги, за что предлагали денежную благодарность. На это я сказалъ:—если вы хотите, чтобы я не мѣшалъ вамъ на торгахъ, то дайте мнѣ 10,000 руб. сереб. Они положительнаго ничего не говорили и стали угощать меня разными европейскими винами, закусками и наконецъ шампанскимъ. Уви-

дѣвъ, что я упорно отказываюсь отъ ихъ угощенія, переплились сами и съ тѣмъ всѣ разбѣхались.

На другой день явился я къ Клементу и рассказывалъ, что было на свиданіи съ почтъ-содержателями. Онъ похвалилъ меня и сказалъ: .

— Теперь я буду дѣлать все въ пользу Сухорукова и на то употреблю всѣ свои силы. Если скоро онъ не вышлетъ тебѣ денегъ, то я могу дать тебѣ своихъ тысячъ до десяти; на нихъ ты пока будешь покушать здѣсь ячмень, сѣно и саманъ (ячменную солому). Только вотъ что: скажи мнѣ откровенно—сдержитъ ли Сухоруковъ станціи? Вѣдь къ 1-му января (1837 г.) надобно выставить на всѣ станціи 360 тройекъ лошадей и 360 русскихъ ямщиковъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ,—что я тогда скажу барону Розену? ¹⁾ Вѣдь я подвергнусь большой непріятности и даже могу попасть подъ судъ.

Я, видя такія добросердечныя чувствованія и расположеніе Клемента къ Сухорукову, затруднился въ своихъ мысляхъ. Знаю, что Сухоруковъ послалъ меня только съ обманомъ; но придется ли мнѣ взять что-нибудь съ почтъ-содержателей—неизвѣстно. А завтра торги; время коротко. Я сказалъ Клементу:

— Василій Михайловичъ! Я вижу ваши добрыя намѣренія. Но если я вамъ скажу всю правду и Сухоруковъ о томъ узнаетъ, вѣдь мнѣ будетъ бѣда.

— Не беспокойся,—живо возразилъ мнѣ Клементъ; я буду защищать тебя отъ нападокъ Сухорукова.

Тогда я признался Клементу, что у Сухорукова нѣтъ ни денегъ, ни лошадей и что онъ вовсе не намѣренъ снимать станціи. Клементъ остался этимъ очень доволенъ, велѣлъ мнѣ явиться на торги только для проформы и обѣщавъ взять что-нибудь съ почтъ-содержателей въ мою пользу.

На другой день состоялись торги, но баронъ Розенъ ихъ не утвердилъ и отдалъ всѣ почтовые станціи въ Грузіи своему любимцу, грузинскому купцу Зубалову, впрочемъ съ большою уступкою въ пользу казны.

Въ Тифлисѣ я прожилъ до половины ноября мѣсяца. Денегъ у меня оставалось мало, а Сухоруковъ не присылаетъ. Тогда Клементъ далъ мнѣ денегъ на путевыя издержки, и скоро я оставилъ Тифлисъ. Въ дорогѣ пришлось пробыть довольно долго, потому что близъ Кваторинограда я просидѣлъ 14 дней въ карантинѣ. По прибытіи въ Пятигорскъ, явился къ Сухорукову и отдалъ справедливый отчетъ о своей поѣздкѣ. Сухоруковъ на этотъ разъ худого мнѣ ничего не сказалъ; но скоро обнаружилось его худое противъ меня замыслы.

¹⁾ Баронъ Розенъ былъ въ это время главнокомандующимъ въ Грузіи.

1837—1841 гг.

Въ январѣ мѣсяцѣ стали доходить до меня слухи, что Сухоруковъ велъ переписку съ своими тифлисскими пріятелями относительно того: не взялъ ли я сколько нибудь денегъ съ почтъ-содержателей, будучи на торгахъ въ Тифлисѣ? Нока слухи эти ничѣмъ не подтверждались. Но вотъ въ половинѣ апрѣля Сухоруковъ призвалъ меня къ себѣ на квартиру и сказалъ, что я получилъ отъ почтъ-содержателей 4,000 руб. асс. При этомъ онъ подалъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ отставнаго полковника Городинскаго. Разу-мѣется, я утверждалъ, что Городинскій написалъ обо мнѣ неправду. Тогда Сухоруковъ предложилъ мнѣ сдѣлать сейчасъ же слѣдующее: написать женѣ моей письмо, что, будто-бы, я уѣхалъ по дѣлу Сухорукова въ Егорьевскъ и чтобы она прислала мнѣ деньги съ подателемъ письма—на-шимъ общимъ знакомымъ, прапорщикомъ Гловацкимъ. Ничего не подо-зрѣвая, я исполнилъ это требованіе Сухорукова, и Гловацкій отправился съ письмомъ къ женѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился и въ другой комнатѣ о чемъ-то переговаривалъ съ Сухоруковымъ. Послѣ этого Сухоруковъ вышелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ну, Николай Николаевичъ, вѣрно правда, что Городинскій навралъ про васъ, потому что у вашей жены не оказалось никакихъ денегъ.—Я это и безъ того зналъ.

Мы съ Сухоруковымъ разстались друзьями.—Когда я пришелъ домой, то жена моя не мало дивилась происшедшему и рассказала, что такъ какъ у нея денегъ не было, то она пошла къ одному знакомому занять денегъ, а Гловацкаго просила подождать ее; но знакомаго не застала дома и верну-лась ни съ чѣмъ. Послѣ того Гловацкій ушелъ. Я посмотрѣлъ въ столовый ящикъ, гдѣ обыкновенно хранились у меня разныя бумаги и документы: многихъ изъ этихъ бумагъ, особенно касающихся Сухорукова, не оказалось; пропалъ также и лежавшій тутъ же брилліантовый перстень. Тогда я по-нялъ предѣлку со мною Сухорукова и Гловацкаго. На другой день мною подана была объ этомъ жалоба коменданту Симборскому, съ цѣлію огра-дить себя отъ притѣсненій и притѣсненій Сухорукова. Но послѣ я каюсь, что подалъ эту жалобу. Дѣло въ томъ, что Сухоруковъ, узнавъ о моей жалобѣ, сильно на меня разгнѣвался и рѣшился во чтобы-то ни стало сдѣлать мнѣ зло. Начальникъ Бисловодской линіи, баронъ Ганъ, храбрый воинъ и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, былъ коротко знакомъ съ Сухоруковымъ. Послѣдній упросилъ Гана послать тому же коменданту Симборскому такую бумагу, что, будто бы, пойманы двое хищниковъ, при комъ найдено 10 фунтовъ пороху, и они показали, что порохъ этотъ кун-

день ими у меня въ лавкѣ, гдѣ его имѣется достаточное количество, и что, поэтому, слѣдуетъ сдѣлать у меня въ квартирѣ и въ лавкѣ надлежащій обыскъ, а затѣмъ—отдать меня подъ судъ. Въ одинъ несчастный день неожиданно явились ко мнѣ комендантъ, полиціймейстеръ и стряпчій съ понятыми для обыска. Однако пороку не нашли. Спросили хозяйна моей квартиры и сосѣдей о продажѣ мною пороку, но тѣ сказали, что ничего подобнаго не видали и не слышали. Тѣмъ дѣло и кончилось. Тогда Сухорукъ воспользовался такимъ случаемъ. Мои родственники и знакомые адресовали свои письма на имя Сухорукова, съ передачею мнѣ. Сухорукъ сталъ предварительно прочитывать присылаемые мнѣ письма. Однажды онъ получилъ изъ Одессы письмо отъ Кожевникова, который писалъ мнѣ, что преслѣдователь его и мой—крестьянинъ Павельевъ—находится въ Одессѣ и что ему, Кожевникову, вѣрно, не укрыться отъ него и быть въ острогѣ; поэтому Кожевниковъ, просилъ меня, чтобы я выслалъ ему денегъ, за что онъ не скажетъ Павельеву о моемъ мѣстопробываніи. Сухорукъ представилъ это письмо полиціймейстеру и меня посадили подъ арестъ при полиціи. Прошло недѣли три, и я упросилъ письмоводителя, чтобы мнѣ дозволено было хоть изрѣдка навѣщать свое семейство. Тутъ я узналъ, что Сухорукъ подалъ на меня въ полицію заявленіе, будто я долженъ ему 500 руб. асс. и просилъ описать мое имущество. Это было исполнено, лавка запечатана; должники по лавкѣ отказались платить мнѣ. Наконецъ, Сухорукъ добился того, что меня съ женою и сыномъ отправили по этапу изъ Пятигорска въ Ставрополь. Здѣсь препроводили меня изъ полиціи въ острогъ, а жену—въ женскую тюрьму. Это было 1-го августа.

Меня помѣстили въ казармѣ, на дверяхъ которой висѣла доска съ надписью: «за бродяжничество». Началась для меня невыразимо горькая жизнь, столь горькая, что и теперь, при воспоминаніи о ней, изъ моихъ глазъ катятся невольныя слезы.... Но буду продолжать разсказъ.

Прошло мѣсяць. Жену мою выпустили изъ тюрьмы на поручительство. Изрѣдка она съ сыномъ навѣщала меня; но мнѣ отъ этого было не легче. Она поступила работницей къ одному купцу, да притомъ же ходила послѣдніе дни беременности. Я ничего не могъ сдѣлать къ облегченію ея горькой участи. Впрочемъ, 4-хъ лѣтняго сына нашего взялъ къ себѣ въ острогъ.

Въ октябрѣ мѣсяцъ прошелъ слухъ, пронвишій и въ нашу камеру, что проѣздомъ изъ Грузіи скоро будетъ въ Ставрополь Императоръ Николай Павловичъ и посѣтитъ острогъ. Всѣ арестанты пришли въ движеніе, и хотя намъ было объявлено, чтобы мы не смѣли беспокоить государя ни письменными, ни словесными просьбами; однако многіе запаслись прошеніями, надѣясь подать ихъ лично государю. Я также рѣшился сказать незабвенному монарху о злоупотребленіяхъ на Кавказской линіи, въ той увѣренности,

что онъ окажется мнѣ какою-либо милость. Въ день прїѣзда государя, съ ранняго утра все начальство острога было на ногахъ. Вездѣ чистили, выметали соръ, полы усыпали пескомъ. Арестантамъ выдали по новому полушубку; наварили говяжьихъ и каши, словомъ, для насъ наступилъ настоящій праздникъ. Въ 12 часовъ прїѣхалъ государь. Я всталъ у самой двери нашей казармы. Лишь только отворилась эта дверь и я увидѣлъ государя, какъ тотчасъ же палъ на колѣна и произнесъ: «ваше императорское величество!» Но въ тужь минуту дверь затворилась; государь не вошелъ въ нашу казарму. Такъ я и остался влечти жизнь свою по прежнему.

Въ сосѣдней съ нашей казармѣ посажены были раскольники, человѣкъ 35. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я познакомился и они рассказали мнѣ про себя слѣдующую исторію. Всѣ они государственные крестьяне селенія Михайловки, отстоящей 15 верстъ отъ Ставрополя. Они были люди зажиточные, трудолюбивые. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ пришло на умъ развѣдать: какая на Руси вѣра правая, истинная? Съ этой цѣлю они отправили въ Москву, въ разные другіе города и мѣста двоихъ стариковъ. Когда старики возвратились домой, то рассказали, что лучшей вѣры, какъ старая поморская, не было и нѣтъ; такъ говорили и въ Москвѣ, и на Унжѣ, и вездѣ. Тогда михайловцы избрали себѣ наставника, по имени Гаврила, начали жить по этой старой вѣрѣ и никто ихъ не тревожилъ. Въ началѣ прошлаго (1836) года пришло въ Михайловку какой-то странникъ, по фамиліи Липатовъ, и попросился у одного крестьянина пожить немного времени. Тотъ согласился. Скоро старообрядцы узнали о новоприбывшемъ странникѣ, стали навѣщать его и слушать его рѣчи «отъ книжнаго писанія». Липатовъ говорилъ: въ словѣ Божіемъ сказано: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое, и роздай нищимъ, и слѣдуй за Мною»¹⁾. Поэтому слушатели должны были оставить дома свои съ имуществомъ и бѣжать въ горы далѣе немирныхъ черкесовъ, въ мѣста пустынные и безлюдныя, и тамъ поселиться. На дорогу слѣдовало взять съ собою только самое необходимое. Если бы они пошли, то онъ, Липатовъ, всѣхъ ихъ перекрестить, но именъ имъ не переимѣнять, и будетъ во всемъ ихъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ; они станутъ называться братьями, а жены ихъ сестрами. Еслибы на дорогѣ, или гдѣ либо, они попались и ихъ стали бы обращать назадъ въ дома свои, то они не ходили бы и облачали антихриста. Такое ученіе Липатова прельстило михайловцевъ и они рѣшились ему послѣдовать. Исполдволь, понемногу они распродали скоть, хлѣбъ и другое имѣніе, а въ ночь на свѣтлое Христово воскресенье (1837 г.) на нѣсколькихъ повозкахъ выѣхали изъ своего селенія. Отъѣхавъ верстъ 40, остановились близъ какой-то рѣчки кормить лошадей. Тутъ Липатовъ всѣхъ ихъ

¹⁾ Еванг. отъ Мате., гл. XIX, стихъ 21; отъ Луки, гл. XVIII, ст. 22.

перекрестилъ и они стали называться «братьями», а жены ихъ «сестрами». Прибыли на Кубань, гдѣ были разставлены казачьи посты изъ линейныхъ казаковъ. Эти казаки оказались тоже какіе-то старообрядцы, и михайловцы скоро сторговались съ ними, чтобы они пропустили ихъ за Кубань, да кстати нашли имъ одного черкеса въ провожатые. Ночью наши странники переправились черезъ Кубань и вожакъ повелъ ихъ далѣе въ горы. День провели въ лѣсу, а ночью вожакъ опять повелъ ихъ; но чрезъ нѣсколько времени скрылся, и они остались одни въ совершенно незнакомой имъ мѣстности. На разсвѣтъ, не вдалекѣ отъ себя они увидѣли черкесскую деревню. Вошли въ большой лѣсъ и расположились тутъ передневать. Изъ деревни (она оказалась мирныхъ черкесовъ) вышелъ одинъ черкесъ въ лѣсъ осмотрѣть капканы, разставленные для ловли дикихъ козъ и оленей; онъ замѣтилъ таборъ михайловцевъ и далъ знать объ этомъ начальнику своей деревни — офицеру русской службы изъ черкесовъ. Офицеръ, съ вооруженными черкесами, немедленно прибылъ къ странникамъ и началъ ихъ спрашивать: кто они, куда идутъ и проч.; но въ отвѣтъ получалъ только грубости и бранныя слова. Тогда офицеръ приказалъ гнать ихъ въ станицу, гдѣ находился полковой штабъ. Полковникъ вышелъ къ старообрядцамъ и спросилъ: «кто у васъ начальникъ?» — «Я», — отвѣчалъ Липатовъ и началъ говорить разными грубостями. Полковникъ тутъ же приказалъ дать ему 200 ударовъ казацкой плетью. Липатовъ подъ этими жестокими ударами не стоналъ, не охалъ, а произносилъ только слова: «братцы мои! помолитесь за меня грѣшнаго». Товарищи его стояли на колѣняхъ и молились на востокъ. По окончаніи экзекуціи, Липатовъ всталъ, повернулся лицомъ къ востоку, перекрестился и сказалъ: «слава тебѣ, Господи, что снялъ съ меня всю нечисть». Полковнику не понравились эти слова и онъ приказалъ дать Липатову еще 70 ударовъ, послѣ чего онъ уже не могъ встать: его подняли товарищи. Послѣ Липатова наказанъ былъ еще Гаврило 80-ю ударами. Потомъ, на другой день всѣхъ ихъ погнали въ Ставрополь. Здѣсь имъ были разные допросы; ходили къ нимъ священники, уговаривали, утѣщали; но толку отъ всего этого выходило мало. Впрочемъ, человекъ десять изъ нихъ возвратились въ свои дома, а остальные были посажены въ этотъ острогъ, гдѣ и я влачилъ съ ними свою горестную жизнь. — Наставникъ ихъ Липатовъ содержался отъ нихъ особо, на гауптвахтѣ, въ тяжелыхъ кандалахъ; онъ приходилъ только въ острожную баню, гдѣ видѣлся съ своими товарищами и говорилъ съ ними. Я видѣлъ этого наставника. Онъ былъ роста средняго, широкоплечій и, казалось мнѣ, очень не глупъ. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ этихъ старообрядцевъ скоро померли, другіе возвратились въ свои дома, человекъ 15 сослано было въ Сибирь, а нѣкоторые отданы въ солдаты.

Въ концѣ этого (1837) года начали собирать обо мнѣ справки изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я получалъ заграничные паспорта. Вѣроятно, благодаря этому

обстоятельству, сыщик мой Павельевъ въ Бессарабін, въ Одессѣ, или въ какомъ другомъ мѣстѣ узналъ, что я содержусь въ ставропольскомъ острогѣ и пріѣхалъ въ Ставрополь. Свиданіе мое съ нимъ было непродолжительно, но крайне неприятно и тяжело для меня. Павельевъ говорилъ мнѣ, чтобы я возвратился домой въ Выѣздную слободу и помѣщикъ меня простить. Я отвѣчалъ, что такъ какъ теперь дѣло пошло по суду, то пусть судъ и разсудитъ насъ; я лучше буду жить въ Сибири, а къ помѣщику не пойду. Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился.

Прошло болѣе года. Въ это время Губернскимъ Правленіемъ собраны были обо мнѣ справки изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и дѣло мое поступило на разсмотрѣніе Уѣзднаго Суда, а отсюда, какъ я слышалъ, скоръ должно было перейти въ Уголовную Палату, и, благодаря ходатайству за меня генерала Реброва, оно должно было рѣшиться, наконецъ, въ мою пользу. Такъ я ожидалъ и надѣялся.

Но не дремали и мои недруги. Не припомню, въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1839 года, въ Ставрополѣ получено было изъ арзамасскаго Уѣзднаго Суда отношеніе, коимъ требовалось, чтобы я высланъ былъ въ Арзамасъ, на мою родину, для очныхъ ставокъ съ крестьянникомъ Божевниковымъ, который содержался въ арзамасскомъ острогѣ. (Вѣроятно, все это сдѣлалось по пронкамъ и домогательствамъ Тархова съ Рагузинимъ). 19-го апрѣля меня съ женою и сыномъ отправили по этапу изъ Ставрополя на родину. Здѣсь посадили меня въ арзамасскій острогъ, обрили мнѣ половину головы и бороды и заковали въ кандалы. — а жена моя съ сыномъ, по распоряженію Тархова, была отправлена на жительство въ село Ларионово (100 верстъ отъ Арзамаса), гдѣ жилъ управляющій Рагузинъ и гдѣ находилась моя дочь. — Скоро родные, знакомые и слободскіе крестьяне узнали о моемъ печальномъ прибытіи и положеніи; хотя всѣмъ имъ запрещено было навѣщать меня, но это не всегда соблюдалось. Поэтому жить мнѣ въ острогѣ было особенно тяжело; я собралъ даже съ прежнихъ моихъ должниковъ порядочно денегъ, благодаря которымъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и выпущенъ былъ изъ острога на поручительство.

Я поселился у дяди своего Феокистова; ко мнѣ пріѣхала жена съ сыномъ¹⁾. Въ декабрѣ мѣсяцѣ родилась у меня еще дочь, и я, въ память освобожденія моего изъ острога на поруки, 10-го октября, назвалъ ее Евлампіей. Сынъ началъ учиться грамотѣ. Мы стали жить не совсѣмъ худо, особенно по сравненію съ только что пережитымъ временемъ.

Не прошло и полгода, какъ стали доходить до меня слухи, что Тарховъ, по приказанію Рагузина, хлопочетъ и домогается, чтобы вновь посадить меня въ острогъ. Дѣйствительно, 30-го іюля 1840 года, я призванъ былъ

¹⁾ Взять къ себѣ мою дочь Рагузинъ мнѣ не позволилъ.

въ Уѣздный Судъ, гдѣ судья прочелъ мнѣ указъ изъ Нижегородской Уголовной Палаты о заключеніи меня вновь въ арзамасскій острогъ. Дѣлать нечего: пришлось покориться необходимости.

Между тѣмъ, дѣло мое разсматривалось въ Уѣздномъ Судѣ, который рѣшилъ: по наказаніи, сослать меня въ Сибирь. Уголовная Палата это рѣшеніе утвердила. Но Сенатъ, согласно ходатайству Нижегородскаго губернатора Панова, опредѣлилъ: водворить меня къ помѣщику.

5-го ноября 1841 года я былъ выпущенъ изъ острога.

1842—1844 гг.

Въ январѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ нашу слободу главноуправляющій Рагузинъ и я упросилъ его выдать мнѣ полугодовой паспортъ на случай куда-бы то ни было моею поѣздки изъ дому. Я постарался собрать съ прежнихъ своихъ должниковъ кое-какія деньги, до 1000 рублей; получилъ отъ Тархова полугодовой паспортъ и 15-го мая выѣхалъ въ Москву. Здѣсь отыскалъ я жену моего покойнаго друга, у котораго нѣкогда мною оставлены были деньги и часть имущества. Эта женщина оказалась уже вышедшею за мужъ; она сказала мнѣ, что не знаетъ никакихъ денегъ и имущества, которыя я, будто бы, оставилъ у нихъ, и въ завѣщаніи покойнаго объ этомъ ничего не сказано. Я прослезился, и съ тѣмъ ушелъ отъ нея.—Въ Москвѣ нашлись нѣкоторые старые мои пріятели, сдѣлали мнѣ послѣднее денежное пособіе и я отправился черезъ Боренную ярмарку въ Херсонъ. Здѣсь служилъ двоюродный братъ мой военнымъ писаремъ у коменданта; онъ переведенъ былъ сюда изъ Брестъ-Литовска. Съ этимъ братомъ я не видался болѣе 11-ти лѣтъ. Какая радость у насъ была при свиданіи!... Хотя онъ былъ и солдатомъ, но дышалъ свободно; за вѣрную и добросовѣстную службу его любили начальники и давали препорученія, какія выпадаютъ на долю не всякаго. А я все еще находился подъ бременемъ своихъ гонителей и влачилъ жизнь свою, какъ въ полѣ былинки, засохшая отъ бездомія. И за что же? За то единственно, что я желалъ вольности до послѣдняго моего издыханія; искалъ не чести, славы и богатства, а только независимости себѣ и моему потомству отъ жестокосердаго помѣщика. Но мнѣ предлежало еще много перенести горя и лишеній, пока не пробилъ для меня вождеденный часъ....

Въ Херсонѣ у брата я пробылъ недѣли двѣ; потомъ поѣхалъ на Одессу, а отсюда черезъ Тирасполь въ Кишиневъ. Тутъ я случайно узналъ, что, упоминаемый мною прежде, Годуновъ имѣлъ здѣсь собственный домъ, неправедными дѣлами воздвигнутый. Теперь мнѣ нечего было страшиться, какъ прежде, когда онъ виѣстѣ съ Павельевымъ розыскивалъ меня въ Яс-

сахъ. Поэтому, я попомъ къ нему. Онъ зналъ меня только по портрету; бывшему въ то время у Павельева. Придя къ Годунову, я сказалъ:

— Когда-то, вы съ Павельевымъ задорого желали посмотрѣть на Шипова. Теперь можете даромъ его видѣть и не стараться его розыскивать. Я—Шиповъ.

Годуновъ, повидимому, обрадовался мнѣ и просилъ меня остановиться у него въ домѣ. Я согласился. Въ разговорахъ мы припоминали прошлыя обстоятельства моей жизни, въ которыхъ Годуновъ принималъ столь неприятное для меня участіе. Между прочимъ, я узналъ отъ него, что покойный шуринъ мой Ланнинъ оставилъ часть нашихъ денегъ и имѣнія у одного кишиневскаго купца. Эти деньги и вещи отданы были въ полицію; но мнѣ получить ихъ не привелось: сказывали, что всё онѣ были раскрадены.

Изъ Кишинева я отправился въ Яссы. Здѣсь я получилъ отъ кума моего, скопца Чукова, часть своихъ денегъ, золотыя вещи и жемчугъ. Вещи эти я распродалъ и думалъ было заняться въ Яссахъ какою либо торговлею. Но это показалось мнѣ неудобнымъ потому, что мое слободское начальство опять могло приняться меня розыскивать, и тогда ужъ мнѣ не сдобровать. Я распростился съ Чуковымъ и возвратился въ Кишиневъ, гдѣ случайно узналъ, что одна купчиха сдастъ въ наемъ свой клеинный заводъ съ шерстяною мойкою, стоящій на рѣкѣ Бычкѣ. Мнѣ показалось это дѣло выгоднымъ и я снялъ этотъ заводъ на три года съ тѣмъ, чтобы вступить въ него 18-го февраля слѣдующаго 1843 года. Задатокъ, матеріалъ для выгонки клею и проч.,—все это стоило мнѣ 1,200 рублей.

12-го декабря я возвратился на родину. Рагузинъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Я пришелъ къ Тархову и объяснилъ, что выгодно снялъ въ Кишиневѣ клеинный заводъ, употребивъ на то почти всё свои деньги, и просилъ его дать мнѣ паспортъ. Тарховъ снесся объ этомъ съ Рагузинымъ, который чрезъ нѣсколько времени писалъ ему, что помѣщикъ не приказалъ выдавать мнѣ болѣе паспорта. Тогда, жалѣя, чтобы деньги мои не пропали, я, въ началѣ 1843 года, нанялъ въ Арзамасѣ мастера, прикащика съ работникомъ и отправилъ ихъ на заводъ въ Кишиневъ. Однако, безъ меня они ничего не могли тамъ сдѣлать и возвратились ко мнѣ ни съ чѣмъ. Такъ погибло для меня это предпріятіе, а вѣсть съ нимъ—и послѣдняя надежда поправить свои денежные обстоятельства.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1843 года начали сватать мою дочь женихи—изъ хорошихъ и богатыхъ домовъ, съ тѣмъ, чтобы отдать за нею въ приданое мой домъ, на что я былъ согласенъ; но отъ помѣщика разрѣшенія на это не послѣдовало. Видя, что зажиточные люди дочь мою не возьмутъ замужъ, я рѣшился выдать ее за одного небогатаго слободскаго крестьянина—Пу-

закова, по ремеслу сапожника ¹⁾). Свадьба у насъ была самая бѣдная, и скоро молодые уѣхали въ Нижній-Новгородъ, на ярмарку, для занятія сапожнымъ мастерствомъ.

Въ это время я находился въ бѣдственномъ положеніи. Въ услуженіе меня никто не принималъ; меня боялись, какъ медвѣдя. Къ тому же я долженъ былъ платить 400 руб. оброку, которыхъ мнѣ рѣшительно негдѣ было взять. Въ силѣ крайнихъ обстоятельствъ я рѣшился обратиться къ не разъ упоминаемому прежде дядѣ моему Феоктистову, у котораго все-таки оставалась часть моего имѣнія; но онъ не хотѣлъ отдать мнѣ его. Я подалъ объ этомъ прошеніе въ магистратъ, который рѣшилъ дѣло такъ, что имѣніе мое принадлежитъ Феоктистову на основаніи десятилѣтней давности владѣнія имъ. Я обратился съ жалобою въ гражданскую палату; но она разсудила, что по этому дѣлу долженъ былъ хлопотать самъ помѣщикъ, или его управляющій. Я просилъ Тархова войти въ мое положеніе; но онъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ходя по этому моему дѣлу, я познакомился съ однимъ столоначальникомъ, который давалъ мнѣ читать законы. Однажды онъ принесъ мнѣ IX-й томъ Свода Законовъ и я нашелъ тутъ статью, въ которой было сказано, что крѣпостные люди, бывшіе въ плѣну у горскихъ хищниковъ, по выходѣ изъ плѣна, освобождаются на волю со всеѣмъ семействомъ и могутъ избрать родъ жизни, гдѣ пожелаютъ, въ теченіи девяти мѣсяцевъ. Тогда я рѣшился испробовать и это крайнее средство, лишь бы избавиться отъ власти помѣщика. Затѣмъ отъ всѣхъ такое мое намѣреніе, я въ декабрѣ мѣсяцѣ хлопоталъ кое-какъ у Рагузина полугодовой паспортъ, собралъ отъ добродушныхъ людей 25 руб. на дорогу и 3-го января 1844 года покинулъ свою родину....

Я не буду (да и не могу) описывать тѣ чувства, которыя наполняли и волновали въ это время мое бѣдное сердце. Помню, что губы мои шептали только одно: Всемогущій Боже! Вразуми меня и услышь вопль души моей, хотя не для меня, но для наследника сына моего. Творецъ милосердный! Дай мнѣ крѣпость и терпѣніе перенести всѣ несчастія... Впрочемъ, да будетъ воля Твоя!...

Съ попутчиками поѣхалъ я на Тамбовъ, а отсюда въ Воронежъ, гдѣ отыскалъ одного стариннаго пріятеля; онъ отдалъ мнѣ немного прежняго долгу и свою лошадь съ повозкой и упряжью. На этой подводѣ я отправился сначала въ Харьковъ, а отсюда въ Херсонъ—къ брату, у котораго

¹⁾ Этотъ Пузаковъ былъ младшій изъ семи братьевъ при отцѣ. Нѣкогда, домъ Пузаковыхъ былъ самый богатый во всей нашей слободѣ; но помѣщикъ совсѣмъ разорилъ это семейство, какъ случилось и со многими другими.

провелъ маслинницу. Сдѣлалась распутица, дорога стала ужасно трудная, грязная. Я купилъ себѣ маленькую, легкую повозку, на двухъ колесахъ, называемую по малороссійски «бѣда» или «выгода». Въ этомъ-то экипажѣ я и поѣхалъ въ разные города, какъ-то: въ Одессу, Кишиневъ, Яссы и Черновицъ, съ тою цѣлю, не получу ли гдѣ денегъ. Деньгами хоть я и раздобылся, но очень немного—всего 250 руб. Однако и этому я былъ радъ. 3-го апрѣля возвратился въ Херсонъ, гдѣ съ братомъ думали и совѣтывались: что мнѣ слѣдовало предпринять? Въ то время генералъ Лидерсъ выступилъ изъ Херсонской губерніи съ 5-мъ корпусомъ въ походъ на Кавказъ. Я рѣшился послѣдовать туда же, съ намѣреніемъ поступить тамъ къ маритантамъ въ работники, или не примутъ ли они меня къ себѣ товарищемъ. По приѣздѣ въ Одессу, продалъ я свою лошадь, взялъ пассажирскій билетъ до Берчи и въ концѣ апрѣля, на пароходѣ «Наслѣдникъ», отправился на Кавказъ.

Погода была теплая, ясная; море тихо и спокойно. На поверхности его играло множество морскихъ свинокъ, которыми я любовался. Севастополь оставался у насъ въ лѣвой сторонѣ, да къ тому же мы проѣхали тутъ ночью. Но вотъ показалось издали имѣніе графа Воронцова—Алупка. Когда пароходъ поровнялся съ нимъ, намъ салютовали съ гавани изъ пушекъ, на что съ нашего парохода отвѣчали тѣмъ же. Съ моря видъ на Алупку былъ очарователенъ: строенія, причудливой архитектуры, очень красивы; кругомъ ихъ, по горѣ, прекрасные сады, которые покрыты были свѣжей весенней зеленью; извилистые, какъ змѣи, дорожки, и вездѣ цвѣли цвѣты, какъ лучшій персидскій коверъ; вѣтромъ доносилъ къ намъ ароматный запахъ и долетали пѣсни соловьевъ.—Мы поплыли въ Ялту, гдѣ пароходъ на два часа останавливался,—въ Феодосію и Берчъ, куда прибыли 1-го мая. Отсюда, проливомъ верстъ 30, я поѣхалъ въ городъ Тамань на лодкѣ. Этотъ городъ хуже деревни, но изъ него прекрасный видъ—Берчи, Еникаля и Евпаторійскаго госпиталя. Изъ Тамани я нанялъ извозчика до Екатеринодара, а отсюда въ Ставрополь. Здѣсь я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ, и они не мало дивились моему приѣзду. Имъ было хорошо извѣстно дѣло по заключенію меня въ Ставропольскій острогъ, но они не знали—чѣмъ оно кончилось, и считали меня или сосланнымъ на край свѣта, или же умершимъ. Я рассказалъ имъ эту горестную исторію.

Между тѣмъ, срокъ моему паспорту черезъ мѣсяць истекалъ и я сталъ придумывать—какъ бы мнѣ получить новый паспортъ? Думалъ я, думалъ, и рѣшился написать въ Петербургъ главноуправляющему Рагузину слѣдующее: «Проѣзжая черезъ городъ Екатеринодаръ, я видѣлъ тутъ бѣжавшихъ изъ слободы Выѣздной четырехъ крестьянъ, которые годны въ солдаты. Я могу поймать этихъ крестьянъ и представить ихъ въ мѣстную полицію, для препровожденія на родину. Но безъ довѣренности этого сдѣлать нельзя. Поэтому, неудобно ли вамъ будетъ прислать мнѣ эту довѣренность, а вѣстѣ

съ нею пришлите и паспортъ». Отправляя это письмо, я надѣялся, что Рагузинъ съ поштинкомъ повѣрятъ моему выдумкѣ. И не ошибся: черезъ два мѣсяца я получилъ и довѣренность, и паспортъ. Но, разумеется, для меня нуженъ былъ только послѣдній.

Изъ Ставрополя я отправился въ Пятигорскъ пѣшкомъ, такъ какъ нарочно нанимать подводу было для меня не по карману, а поштинковъ не находилось. Шолъ я этимъ путемъ-дорогомъ, придерживаясь старой поговорки: «мнѣ не привыкать куликать—гдѣ пришлось, тутъ и остановился». За станціей Александровской мнѣ вновь открылись величественныя Кавказскія горы; я увидѣлъ знакомыя мѣста и дорогу. Въ одномъ мѣстѣ я присѣлъ на камень отдохнуть, прослезился и подумалъ: «Господи! Еще разъ Ты привелъ меня видѣть эти исполины. Въ виду ихъ я претерпѣлъ самое горестное событіе моей жизни... Но—гдѣ получишь несчастье, тутъ должно ждать и радости». Я вынулъ изъ мѣшечка кусокъ хлѣба, закусалъ и пошелъ далѣе. Къ Пятигорску прибрелъ я поздно вечеромъ, и думалъ: куда мнѣ идти ночевать? Знакомые въ Пятигорскѣ у меня, конечно, были; но не забыли ли меня? Пошелъ я къ одному пріятелю-армянину, по фамиліи Аракчееву; онъ имѣлъ собственный домъ недалеко отъ базара. Аракчеевъ не узналъ меня, и сначала не хотѣлъ пускать меня ночевать; но когда узналъ, принялъ меня какъ роднаго и немало дивился моему прибытію: въ теченіи семи лѣтъ ему ничего не было обо мнѣ извѣстно. Въ это время у Аракчеева находился упомянутый мною выше бывший полицейскій писмоводитель Бастыченко, который въ 1836-мъ году взятъ былъ въ плѣнъ хищниками. Велика и непритворна была радость при нашемъ свиданіи. Мы всю ночь провели въ разговорахъ за стаканами чихирю. На другой день я вышелъ на базаръ и скоро всѣ знакомые и пріатели узнали о моемъ прибытіи.

Въ Пятигорскѣ я прожилъ до іюня мѣсяца, а потомъ отправился черезъ Екатериноградъ въ Моздокъ. Здѣсь я пробылъ всего одни сутки и пѣшкомъ пошелъ далѣе. Солнце стало заходить за Кавказскія горы, когда я приближался къ станціѣ Науру. Но вотъ и самая станція. Я вошелъ въ одинъ духанъ и сѣлъ на лавку отдыхать. Между прочимъ, я спросилъ сидѣльца: кто у него хозяинъ? и въ отвѣтъ услышалъ, что ростовскій купецъ, еврей Осипъ Борисовичъ Фавишевичъ. Эта фамилія мнѣ показалаcя знакомой; я сталъ припоминать, что въ 1836-мъ году, когда я служилъ у Сухорукова, то тогда былъ у насъ прикащикомъ по продажѣ нефти еврей Оська, какъ мы его называли, по фамиліи Фавишевичъ. Я началъ подробно спрашивать сидѣльца объ его хозяинѣ и убѣдился, что нашъ бывший Оська теперь сталъ Осипомъ Борисовичемъ. (На Кавказѣ, да въ нѣкоторыхъ и другихъ мѣстахъ, лицъ бѣдныхъ, особенно евреевъ, называютъ полуименемъ; если же кто нибудь изъ такихъ лицъ сдѣлается богатымъ и вліятельнымъ, то его уже величаютъ по имени и отчеству). Сидѣлецъ мнѣ сказалъ, что его

хозяйннъ завтра долженъ быть въ Наурѣ. Тогда я подумалъ: «въ былое время я оказывалъ этому Осипу Борисовичу возможное пособіе и добро, при его бѣдности, и онъ хоть еврей, но, вѣрно, не забылъ того, что я для него сдѣлалъ»,—и рѣшился повидать Фавишевича. На другой день, около полудня, сидѣлецъ сказалъ мнѣ, что хозяйннъ его пріѣхалъ съ братомъ своимъ Леономъ Борисовичемъ (прежде мы звали его Лейба). Я тотчасъ же пошелъ къ Фавишевичамъ. На дворѣ ихъ квартиры стояла коляска, запряженная тройкою отличныхъ гнѣдыхъ лошадей. «Вотъ тебѣ и Оська!» подумалъ я. Придя въ комнату, я сдѣлалъ привѣтствіе обоимъ братьямъ и сказалъ:

— Признаете ли меня, Осипъ Борисовичъ и Леонъ Борисовичъ?

— Нѣтъ, — отвѣчали братья въ одинъ голосъ; мы васъ совсѣмъ не знаемъ.

— Вы, вѣроятно, помните, Осипъ Борисовичъ, Николай Шипова, — сказалъ я;—я рекомендовалъ васъ по торговлѣ нефтью, въ 1836-мъ году, въ бытность мою у Сухорукова комиссіонеромъ.—Тогда они бросились ко мнѣ и начали цѣловать меня, говоря:

— Ахъ, другъ нашъ любезный! Какими судьбами ты сюда попалъ?— Слухъ былъ, — продолжалъ Осипъ Борисовичъ, — что негодяй Сухоруковъ васъ обидѣлъ и довелъ до несчастія. Я жалѣлъ объ этомъ, сердечно жалѣлъ; но пособить вамъ ничѣмъ не могъ, потому что не зналъ, гдѣ вы тогда находились. Мы даже слышали, что, будто бы, вы сосланы были въ Сибирь за какое-то важное преступленіе. Садитесь, пожалуйста, любезный Николай Николаевичъ.

Я сѣлъ и рассказалъ Фавишевичамъ о постигшемъ меня, по винѣ Сухорукова, бѣдствіи. Выслушавъ меня, Осипъ Борисовичъ сказалъ:

— Душевно сожалѣю о вашемъ несчастіи и желаю помочь вамъ,—потому, помню ваши для меня благодѣянія.

Потомъ Фавишевичъ предложилъ мнѣ быть съ нимъ компаньономъ по торговлѣ, рассказавъ, что онъ съ однимъ товарищемъ, Бѣлевскимъ купцомъ Бузнецовымъ, заключилъ контрактъ съ Кабардинскимъ егерскимъ полкомъ на три года—доставлять полку жизненные припасы. Штабъ этого полка находился въ крѣпости Незапной, за Терекомъ, на рѣкѣ Акташѣ, близъ Андреева аула, а баталіоны расположены по разнымъ укрѣпленіямъ, не подалеку отъ Незапной. Такъ какъ у Осипа Борисовича были еще другія дѣла, то онъ соглашался дать мнѣ довѣренность и я могъ, по усмотрѣнію, торговать или при полковомъ штабѣ, или же идти съ полкомъ въ походъ, который предполагался въ этомъ мѣсяцѣ (іюніѣ). Разушѣтся, мнѣ ничего не оставалось, какъ съ радостію принять это предложеніе Фавишевича. На другой день я поѣхалъ съ нимъ въ Незапную крѣпость, и немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ этой Незапной крѣпости и объ Ан-

дреевскомъ аулѣ, такъ какъ здѣсь совершилось одно изъ самыхъ важныхъ событій моей жизни.—Крѣпость стоитъ близъ лѣса, на правой гористой сторонѣ быстрой, каменной рѣчки Анташа. Въ крѣпости находятся казармы, церковь и дома каменные; кругомъ ихъ—крѣпостной валъ, на которомъ четыре бастіона съ большими орудіями. Этотъ валъ соединяется съ форштатомъ, гдѣ живутъ въ собственныхъ домахъ женатые казаки. Здѣсь находится домъ полковаго священника, разныя казармы, маркитанскій дворъ и двѣ обвахты или заставы, изъ коихъ одна на рѣку Анташъ, по дорогѣ къ укрѣпленію Бастычамъ, а другая—въ Андреевскій аулъ, отстоящій отъ Форштата не болѣе версты. За дровами ѣздятъ изъ Незапной всегда съ конвоемъ; это называется «оказіей». Скотъ пасутъ за р. Анташемъ тоже подъ конвоемъ, такъ какъ не рѣдко случалось, что черкесы нападали на скотъ.

Андреевскій аулъ—татарскій, большой; въ немъ было болѣе 5,000 жителей. Улицы въ аулѣ очень узкія, грязныя и безтолково построенныя, такъ что въ нихъ легко заблудиться. Дома или сакли деревянныя, безъ заборовъ; крыши илбскія, земляныя; на нихъ родится крупный красный лукъ, который на вкусъ сладковатый. Печей въ сакляхъ нѣтъ; только въ одной изъ стѣнъ проведена труба, подъ которой разводять огонь и готовятъ кушанья. Виноградное вино татары пьютъ кипяченое или молодое; хлѣбную водку любятъ. Лошадей держатъ хорошихъ, въ полѣ работаютъ съ осторожностью и недалеко отъ своего аула, по которому ходятъ всегда вооруженными прекрасными кинжалами: Андреевскій аулъ всегда славился этимъ оружіемъ. Базаръ въ аулѣ бывалъ по пятницамъ; народу сходилось множество. Торговлею занимались татары, евреи, а частію мздоокскіе и визлярскіе армяне. Говорить покумычки и научился довольно скоро, такъ какъ этотъ языкъ сроденъ киргизскому. Въ Андреевскомъ аулѣ мнѣ приходилось бывать часто и я хорошо познакомился тутъ съ нѣкоторыми татарами; они звали меня «Мекелей».

И такъ, съ половины іюня мѣсяца (1844 г.) я началъ въ Незапной крѣпости заниматься по торговымъ дѣламъ у Фавишевича ¹⁾. Это занятіе

¹⁾ Иногда мнѣ приводилось ѣздить изъ Незапной въ Богоматовъ мость; это ничто иное, какъ мирная черкесская деревня, разстояніемъ отъ Незапной 50 верстъ, а отъ Кизляра 30. При ней было небольшое укрѣпленіе и рота солдатъ съ 50-ю казаками, для конвоирования оказій и рекрутъ, идущихъ въ Темирханъ-Шуру изъ Кизляра. Здѣсь я покупалъ сѣно, разную дичь, которой было множество по небольшимъ озерамъ и заливамъ. Въ огромныхъ камышахъ, на подобіе лѣса, водились дикія свиньи; ихъ безпощадно убивали татары. Свинья противна ихъ закону. Когда татарявъ застрѣлятъ ее, то не беретъ въ руки; заденетъ за морду свиньи веревку, привяжетъ къ лошадиному хвосту и тащить волокомъ. Эти свиньи продавались чрезвычайно дешево.

было не легкое. Надобно было наблюдать интересы хозяина и въ то же время ладить съ разнымъ полковымъ начальствомъ, начиная отъ ротнаго фельдфебеля.—Въ укрѣпленіи Таскичахъ, при баталіонѣ нашего полка, торговалъ у насъ прикащикъ; тамъ-же находился и Кузнецовъ. Прикащикъ что-то не поладилъ съ баталіоннымъ лекаремъ. Этотъ подалъ полковому командиру рапортъ, будто прикащикъ доставлялъ для баталіона нехорошую говядину, отъ чего солдаты болѣютъ. Полковникъ вспыхнулъ гнѣвомъ, призвалъ къ себѣ Кузнецова и распорядился съ нимъ такъ, что онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ Незапауну, какъ полуумный, весь въ слезахъ и просилъ меня поправить дѣло. Я пошелъ въ Таскичи; повидался съ лекаремъ, далъ ему подавальнице, достождливо угостилъ его,—и съ тѣхъ поръ отъ него не было никакихъ подобныхъ рапортовъ.

А такихъ случаевъ—что грѣха таить?—могло быть не мало. То, вотъ, говядина нехороша, то сѣно гнилое, то водка ужъ слишкомъ разбавлена водою—да мало ли что? Бывало, полковой квартирмейстеръ знаетъ, что такого-то предмета у насъ въ лавкѣ нѣтъ, а по контракту онъ долженъ быть. Квартирмейстеръ прибѣжить въ лавку и начнетъ требовать, чего нѣтъ, къ завтрашнему дню непременно; зашумитъ, раскричится,—такъ что и самъ Фавишевичъ не показывается ему на глаза. Что тутъ дѣлать? Обыкновенно, вечеромъ, незамѣтно для другихъ, я отправлялся къ разгнѣванному квартирмейстеру на квартиру и умѣлъ сдѣлать такъ, что онъ перемѣнялъ гнѣвъ на милость; и потомъ съ улыбкой говорилъ:

— Давно бы такъ дѣлали; а то съ вами одно только безпокойство и неудовольствіе.

На другой день квартирмейстеръ присылалъ въ лавку своего деньщика за даровой провизіей. Плацъ-адъютанту и адъютанту полковому у насъ тоже шла дача не малая; а, напримѣръ, ротнымъ командирамъ такъ самъ Фавишевичъ приказывалъ отпускать изъ лавки безданно-безпошлинно все, что имъ заблагоразсудится...

Изъ Незапапой крѣпости выходили нѣсколько разъ летучіе отряды, которые скоро опять возвращались въ Незапауну. Съ этими отрядами я или отправлялъ прикащика при нагруженныхъ провизіей арбахъ, или же присутствовалъ самъ. Однажды, въ концѣ августа мѣсяца, изъ Незапапой выступилъ отрядъ въ 3000 пѣхоты и артиллеріи, подъ командою полковника Козловскаго. Я снарядилъ двѣ арбы съ разными припасами. Отрядъ направился вверхъ по р. Акташу и, отойдя верстъ 6, встрѣтился съ хищниками. Завязалась перестрѣлка. На другой день черкесы заняли р. Акташъ, заградивъ намъ путь къ водѣ, засѣли за большими камнями, въ ущельяхъ, и открыли огонь. Всѣ усилія Козловскаго выбить черкесовъ изъ ущельевъ оставались тщетными, тогда какъ черкесы безпокоили насъ сильно, потому что бивакъ нашъ расположенъ былъ на открытомъ мѣстѣ. Мы даже съ тру-

домъ могли доставать изъ Акташа воду. Кончилось тѣмъ, что на 4-ю ночь Козловскій сдѣлалъ безпорядочное отступление обратно въ Незапную. При этой суматохѣ, у меня у одной арбы изломалась ось, и весь бывший на ней товаръ достался въ добычу хпшинцамъ. До арбы ли тутъ, когда только думы и заботы: какъ бы самому остаться цѣлымъ и невредимымъ?—Охъ, ты жизнь и торговля маркитанская!..

1845 г.

Изъ Незапной крѣпости въ Андреевскій аулъ я ходилъ довольно часто, какъ для учета сидѣльцевъ въ двухъ духанахъ Фавишевича, такъ для покупки скота и разныхъ припасовъ. По пятницамъ (базарные дни) я бывалъ въ аулѣ непремѣнно. Ходить приходилось большею частію одному, иногда довольно поздно. Нѣкоторые знакомые татары предупреждали меня, чтобы я опасался ходить ночью. На такія предостереженія я мало обращалъ вниманія: я боялся только смерти; плѣна же у горцевъ хоть и страшился, но въ душѣ желалъ его. Наступило 8-е число февраля, пятница.

8 февраля.

Въ этотъ день я, по обыкновенію, былъ въ аулѣ на базарѣ, купилъ, что надобно, и къ вечеру возвратился домой въ Незапную; отдалъ отчетъ и деньги Фавишевичу. Поблагодаривъ, онъ сказалъ мнѣ:

— У насъ въ лавкѣ совсѣмъ нѣтъ коровьяго масла. Сегодня послѣднее взяли въ полковую квартиру. А завтра, утромъ, опять потребуется, какъ полковнику, такъ и офицерамъ.

— Масло я сегодня приторговалъ у одного татарина,—доложилъ я Фавишевичу,—только не далъ ему задатка.

Тогда Фавишевичъ сталъ просить меня, чтобы я шелъ въ аулъ и далъ татарину задатокъ, и чтобы масло было доставлено завтра, рано утромъ въ лавку. Хоть мнѣ и не хотѣлось идти, потому что весь день провелъ на ногахъ, бѣгая по аулу,—но я хорошо зналъ полковаго командира и просьба Фавишевича мнѣ показалась основательной. Я пошелъ въ аулъ. Солнце закатилось за горы, съ которыхъ потянулся ужасно густой туманъ. Близъ обхвата попался мнѣ навстрѣчу знакомый унтеръ-офицеръ и спросилъ:

— Буда такъ позднею идешь?

— Въ аулъ,—отвѣчалъ я.

— Смотри, Николай Николаевичъ,—сказалъ мнѣ унтеръ-офицеръ,—теперь ходить опасно: какъ бы тебя чеченцы гдѣ не схватили. Проклятые азіаты замысловаты; они знаютъ, что при тебѣ всегда есть деньги. Подкараулятъ и отправить въ горы, а то такъ прямо на тотъ свѣтъ.

— Вотъ, вздоръ какой,—сказалъ я; позже ходилъ, да съ рукъ сходило. Авось, и теперь ничего не случится.

Мы разстались. Когда я шолъ по улицамъ аула, было уже очень темно, и я съ трудомъ отыскалъ саклю татарина, у котораго утромъ сторговалъ масло; далъ ему задатокъ и приказалъ привести масло завтра пораньше. Отсюда я захопъ въ нашъ духанъ, гдѣ сидѣлецъ отдавалъ мнѣ вырученныя имъ деньги 200 руб.; но денегъ этихъ я не взялъ до завтра. Посидѣвъ немного въ духанѣ, я пошелъ домой. Темнота была ужасная,—хоть глазъ выколи. При выходѣ за аульскія ворота меня окликнулъ часовой: «кто идетъ?» — «Маркитантъ» отвѣчать я. Отъ воротъ дорога шла подъ гору; съ лѣвой стороны былъ утесъ горы, а съ правой—къ р. Акташу—крутой яръ. Я шолъ близъ самаго утеса. Какъ разъ на половинѣ дороги отъ аула и форштата меня вдругъ схватили неизвѣстные люди и потащили подъ гору къ Акташу; внизъ я скатился съ ними по снѣгу. Я вздумалъ было кричать часоваго, но хищники обнажили свои кинжалы и приставили ихъ къ моей груди. Я обмеръ. Потомъ, хищники надѣли мнѣ на голову какой-то башлыкъ,—перевязали его, такъ что я не могъ ничего ужъ видѣть; руки мои тоже связали ремнемъ и повели. Мы прошли близъ какой-то водяной мельницы, гдѣ я слышалъ разговоръ на кумыцкомъ языкѣ. Перешли въ бродъ рѣку, вѣроятно Акташъ; потомъ повели меня далѣе; но куда—я не понималъ. Гдѣ-то вдали послышался лай собакъ. Тутъ спутники мои начали разговаривать между собой почеченски; этого языка я почти не понималъ. Прошли по снѣгу такъ версты 4. Лай собакъ сталъ слышнѣе. Перешли еще разъ рѣку поколѣно и я полагалъ, что это опять-таки Акташъ. Мы поднимались какъ будто на гору. Потомъ хищники остановились и начали кого-то окликать. Откуда-то, сверху, тихо отвѣчали, потомъ что-то сбросили. Хищники перевязали меня веревкой поперегъ живота, развязали руки и покумыцки сказали: «уста арканъ» (держись за веревку). Я это сдѣлалъ. Меня потащили вверхъ, гдѣ, сажени черезъ три, я былъ принятъ за руки двумя человѣками, которые вели меня потомъ съ четверть часа. Затѣмъ, они связали мнѣ руки назадъ, толкнули въ какой-то чуланъ, хлопнули дверью и заложили ее цѣпью. Мое новое помѣщеніе оказалось не изъ теплыхъ: въ него со свистомъ врывался холодный вѣтеръ. На мнѣ была тогда бешметъ и легкая на ватѣ шинель; проможшія ноги холодѣли, связанныя руки коченѣли. Я стоялъ на ногахъ, боясь ходить или двигаться. Такъ прошло довольно времени. Потомъ кто-то вывелъ меня въ другое помѣщеніе и развязалъ мнѣ голову. Тутъ я увидѣлъ большую саклю, которую освѣщало горящее на табуреткѣ сало. Передо мной стоялъ кумыкъ—высокій, стройный, широкоплечій, котораго я никогда не видѣлъ. Онъ спросилъ меня:

— «Таннисанъ менеке» (знаешь-ли меня?).

— «Бельмейма» (не знаю),—отвѣчалъ я. Тогда кумыкъ, указавъ мнѣ

на табуретку, сказалъ: «ултаръ» (садись). Я исполнилъ это приказаніе. Кумыкъ вынулъ изъ кармана ножъ и началъ его оттачивать на брускѣ. У меня волосы на головѣ становились дыбомъ; сердце мое такъ сильно забилось, что, полагаю, и кумыкъ могъ слышать это біеніе моего сердца. Я мысленно прощался съ своими родными и со всѣмъ свѣтомъ, полагая, что настали послѣднія минуты моей жизни... Кумыкъ кончилъ точить ножъ, подошелъ ко мнѣ, прижалъ къ себѣ мою голову и, сказавъ: «коркма» (не бойся), принялся мылить мнѣ голову. Я догадался, что онъ будетъ брить мои волосы. Сердце мое стало отходить. Кумыкъ обрилъ мои волосы, подстригъ бороду, надѣлъ на меня шапку, завязалъ тѣмъ-же башлыкомъ, отвелъ меня въ прежній чуланъ и безмолвно затворилъ за мною дверь. Эту ночь я проводилъ очень спокойно; отъ холода не могъ сомкнуть глазъ. Пропѣли въ аулѣ пѣтухи.

9-го февраля.

Вотъ я слышу: люди загадѣли, буйволы заревѣли, арбы заскрипѣли, залаяли собаки. Должно быть, разсвѣтало. Я то разминалъ свои кочевѣвшіе члены, то сидя или стоя прислонялся къ стѣнѣ, и дремалъ. Какой-то человѣкъ отворилъ дверь и сказалъ: «аманъ, Мекелей» (здравствуй, Николай). Я очень обрадовался, что меня назвали по имени и ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтѣ пришедшій будетъ говорить мнѣ; но этого я не дождался: дверь захлопнулась. Вѣроятно, уже вечеромъ меня опять привели въ ту савлю, гдѣ вчера кумыкъ обрилъ мнѣ голову. Когда меня развязали, я увидѣлъ того же кумыка, который меня спросилъ:

— «Ахча барма сенике» (есть ли у тебя деньги?).

— «Юкъ ахча» (нѣтъ денегъ),—отвѣчалъ я.

Тогда кумыкъ всего обыскалъ меня, но денегъ не нашолъ; только вынулъ изъ кармана въ бешметѣ мою записную книжку съ карандашомъ и сказалъ:

— «Зжясъ Осипъ кагасъ» (пиши Осипу записку).

— «Не зжяздымъ» (что напишу?).

— «Мень чебердымъ саганъ, беръ ахча чусъ тюмень кумышь» (я отпущу тебя; дай десять десятковъ серебряныхъ рублей).

Я вырвалъ изъ книжки чистенькій листокъ и Фавишевичу (Осипу) написалъ: «Нахожусь въ плѣну и не знаю гдѣ; а выкупъ за меня просятъ 300 рублей. Ради Бога, выручи несчастнаго Н. Шипова». Кумыкъ взялъ эту записку и снова заперъ меня въ чуланъ. Эту ночь я провелъ какъ и прошлую, съ тою лишь разницею, что мнѣ очень хотѣлось чего нибудь поѣсть.

10 февраля.

Въ этотъ день ко мнѣ никто не показывался. Уже поздно вечеромъ, когда въ аулѣ все смолкло, пришелъ татаринъ и повелъ меня изъ темницы. Черезъ нѣсколько времени мы остановились, и близъ меня очутилось четыре человѣка; они развязали мнѣ руки, которые обтерлись отъ ремня до крови;

перевязали вокруг живота веревкой и, сказавъ по-русски:—держиcя крѣпче, столкнули меня съ крутизны, и начали спускать внизъ. «Вѣрно, въ первую ночь меня здѣсь втаскивали», подумалъ я. Внизу приняли меня два человека, и о чемъ-то тихо поговорили съ верхними. Потомъ, связавъ мнѣ руки ремнемъ, повели меня въ бродъ черезъ рѣчку; затѣмъ скорыми шагами пошла по снѣгу! Собачій лай оставался у насъ назади. Дулъ не очень холодный вѣтеръ. Дорога шла то подъ гору, то въ гору. Я сталъ догадываться, что теперь ведутъ меня къ немирнымъ черкесамъ въ самыя горы. Шли мы довольно долго. Вѣтеръ сталъ тише. Мы какъ будто подходили къ лѣсу. Тутъ развязали мнѣ глаза и руки. Передо мной стояли два, средняхъ лѣтъ, татарина, которые ниѣли при себѣ по ружью, шашки, пистолеты и книжалы. Они глядѣли мнѣ въ глаза, а я на нихъ смотрѣлъ; потомъ они спросили меня по кумыцки—знакома-ли мнѣ мѣстность, на что я отвѣчалъ отрицательно, — и сталъ осматривать окрестность. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся небольшой лѣсъ; чѣмъ далѣе шли впередъ, тѣмъ дорога дѣлалась уже и уже. Ночь была пасмурная; на небѣ ни звѣздочекъ. Татары, насмѣхаясь надо мной, говорили мнѣ:

— «Согомъ саганъ керекъ, ахча баръ» (надо тебѣ скотныя; деньги ниѣшь) ¹⁾. Я имъ сказалъ только, что теперь у меня нѣтъ денегъ.

Вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо; я освѣжился; мнѣ стало легче и пріятнѣе. Прошли лѣсомъ нѣсколько верстъ. Татары свистнули, на что послѣдовалъ тоже свистокъ; а спустя немного, подошелъ къ намъ молодой татаринъ, который сдѣлалъ мнѣ провожатымъ привѣтствіе: «саламаликамъ», давали другъ другу руки и говорили почеченски. Пришедшій и мнѣ сказалъ: «аманъ-ма» (здорово). Я сказалъ ему то же. Потомъ всѣ мы пошли узенькою снѣговою тропинкой. Лѣсъ становился крупнѣе. Тропинка стала извилистой, подъ гору. Впереди я замѣтилъ какъ-будто татарское кладбище, на которомъ стояли разные каменные памятники. Когда мы поровнялись съ этимъ мѣстомъ, татары остановились и громогласно сказали: «саламаликамъ». Тогда я спросилъ:

— «Не бу монда» (что такое здѣсь?).

Одинъ изъ нихъ на какомъ-то странномъ кумыцко-русскомъ языкѣ отвѣчалъ: «кардашъ умрить, копъ салдатъ убить, монда бардымъ аулъ» (умерли братья, много убито солдатъ, здѣсь была деревня). Тогда я понялъ, что татары здравствовались съ своими умершими родичами.

Мы пошли далѣе, и скоро послышался шумъ быстро текущей воды. Я спросилъ спутниковъ—что это за рѣка? Они сказали: «Эракъ-су». Тутъ

¹⁾ Это горькій намекъ на мое теперешнее положеніе по сравненію съ прежнимъ, когда я покупалъ скотъ въ Андреевскомъ аулѣ для Осипа Фавишевича и при мнѣ всегда находились деньги. Татары, очевидно, знали это.

мнѣ стало ясно—гдѣ мы идемъ, и я сталъ внимательно примѣчать мѣстность. Перешли рѣку въ бродъ и стали подниматься на гору. Потомъ вышли на ровную дорогу и шли довольно долго. Далеко впереди я увидѣлъ огонь и спросилъ:

— «Байда отъ-курнеда» (что за огонь видно?). Мнѣ отвѣчали:

— «Караулъ чечень-баръ» (чеченскій караулъ).

Подошли близко къ огню. Для меня это было интересно. Я какъ будто позабылъ, что я плѣнный и что могло со мной случиться. А могло случиться, какъ я слышалъ, вотъ что: у горцевъ есть, будто-бы, обыкновеніе, что когда ведутъ плѣннаго и въ это время навстрѣчу попадется кто-нибудь изъ хищниковъ же, то между ними происходитъ большой споръ и распря: встрѣчному хочется взять что-нибудь съ того, кто ведетъ плѣннаго; а тотъ ничего не даетъ, потому что встрѣчный не участвовалъ въ поимкѣ плѣннаго, всегда сопряженной съ большимъ трудомъ и опасностью. Тогда, со злобы, встрѣчный хищникъ убиваетъ плѣннаго: пускай, молъ, никому не достается. Вотъ что могло со мной случиться. Но, слава Богу, намъ навстрѣчу никто изъ хищниковъ не попался.

Наконецъ, мы подошли къ плетневымъ воротамъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ были вырыты небольшія канавы, съ землянымъ валомъ, и наверху наложенъ колючій терновникъ. Мы отворили ворота; насъ окликнулъ вооруженный чеченецъ и повелъ къ плетневой караулѣ, близъ которой ярко горѣлъ огонь. У огня спали 4 черкеса. Когда мы пришли, черкесы встали и привѣтствовали насъ. Потомъ они сѣли возлѣ огня и стали разговаривать почеченски, послѣ чего всѣ легли спать. Прикурнулъ у огня и я. Скоро мои товарищи заснули; но мнѣ было не до сна. У меня въ головѣ роились разныя мысли. Богъ дастъ, думалъ я, какъ нибудь удастся мнѣ бѣжать изъ плѣна; тогда я буду вольный человѣкъ и потомство мое всегда будетъ благодарить меня. А что подумаютъ гонители мои, когда узнаютъ, что я съ семействомъ свободенъ? Они будутъ очень недовольны собой, что выпустили меня изъ своихъ рукъ, и притомъ ни за копѣйку. Они никогда не простятъ за это ни себѣ, ни мнѣ. А можетъ быть, мнѣ уже болѣе никогда не придется видѣть ни родины, ни милаго семейства.. Тутъ часовой разбудилъ моихъ спутниковъ, и мы пошли далѣе. Дорога шла подъ гору и опять начался крупный лѣсъ. Въ правой сторонѣ отъ насъ въ лѣсу, на возвышенномъ мѣстѣ, видѣлся огонь и шумѣли люди. На вопросъ мой провожатые отвѣтили: «алтмишъ-кши караулъ баръ салдаты зяиберьма» (60 человѣкъ караульныхъ солдатъ не пускаютъ). Почти тотчасъ же прибѣжалъ къ намъ съ того караула чеченецъ, поговорилъ съ моими спутниками и ушелъ обратно, а мы начали спускаться подъ гору. Свѣтало.

11 февраля.

Мы подошли къ рѣкѣ, о которой провожатые мнѣ сказали, что это—Яманъ-су. Перейдя рѣку въ бродъ, мы пошла вверху по ея теченію. На

косогорѣ, по мелкому лѣсу, видѣлись разбросанныя сакли, изъ которыхъ выбѣгали къ намъ злыя собаки. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ моихъ спутниковъ простился съ своими товарищами; потомъ онъ подалъ мнѣ руку и также сказалъ: «саубулъ» (прощай). Стало совершенно свѣтло. По обѣимъ сторонамъ ровной дороги возвышался большой чанаровый лѣсъ, въ которомъ какая-то птица пѣла страннымъ заунывнымъ голосомъ и я думалъ: не предвѣщаетъ-ли она мнѣ смерть? Но вотъ, подъ горою, показался небольшой аулъ; изъ разбросанныхъ саклей шло дымъ, который, мѣшаясь съ туманомъ, разстился по низменной равнинѣ и чанаровому лѣсу. Изъ горъ протекала въ Яманъ-су маленькая рѣчка. Когда мы спустились по извиистой дорогѣ въ аулъ, то вошли въ саклю о двухъ трубахъ. Насъ встрѣтила очень хорошенькая молодая черкешенка, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, съ прелестнымъ видомъ смотрѣла на моихъ спутниковъ, изъ которыхъ одинъ, какъ потомъ оказалось, былъ ея мужъ; время-отъ-времени и на меня обращала она свои быстрые, огневые, черные глаза. Сѣли мы въ саклѣ на разосланныя кошмы; я—возлѣ камня, въ которомъ горѣлъ небольшой огонь. Черкешенка съ ребенкомъ вышла изъ сакли и скоро возвратилась въ шелковыхъ шараварахъ и бумажномъ бешметѣ. Черезъ нѣсколько времени я прилежъ у камня и крѣпко заснулъ. Долго ли спалъ—не знаю. Меня разбудилъ хозяинъ, сказавъ мнѣ: «туръ» (вставай). Тутъ я увидѣлъ полную саклю черкесъ и черкешенокъ разнаго возраста. Мужчины и мальчишки были вооружены кинжалами, а нѣкоторые и пистолетами. Всѣ смотрѣли на меня своими черными глазами съ любопытствомъ и неприязненно; а я, какъ невольникъ, глядѣлъ на нихъ съ унылымъ видомъ. Они между собой говорили покумыцки, чеченски и тавлински. Черкешенка-хозяйка вынимала изъ золы въ каминѣ небольшія круглыя лепешки изъ пшеничной муки (чуреки) и, вытеревъ ихъ грязной тряпкой, подавала моимъ спутникамъ; одинъ чурекъ дала и мнѣ. Я его съ большимъ аппетитомъ съѣлъ, держа надъ горстью, какъ просфору: вѣдь трои сутокъ я не принималъ никакой пищи. Затѣмъ, хозяйка, подложивъ въ огонь дровъ, повѣсила надъ нимъ небольшой котелокъ съ водой, всыпала въ него ячменной крупы и положила немного сала. Когда это кушанье поспѣло, хозяйка разлила его въ чашки, положила въ чашки по ложкѣ и подала моимъ хозяевамъ, а также и мнѣ; при этомъ она дала мнѣ еще одинъ чурекъ. Я поѣлъ съ удовольствіемъ, отдалъ чашку хозяйкѣ и сталъ сидѣть безмолвно. Народъ то приходилъ въ саклю, то уходилъ, и дверь безпрестанно скрипѣла, какъ нежданное колесо. Часа черезъ три меня отвели въ другую саклю; здѣсь, по стѣнамъ висѣли ружья, пистолеты, шашки и сѣдла; по срединѣ стояла наковальня. Я своего провожатаго спросилъ:

— «Кѣмъ дарханъ монда баръ» (кто здѣсь кузнецъ?).

— «Бардашъ маганъ» (братъ мой).

Тутъ я понялъ, что меня вели два брата, изъ коихъ одинъ былъ холостой, а другой женатый. И сюда началъ приходить народъ. Изъ пришедшихъ одинъ кумыкъ съѣлъ со мною рядомъ и началъ порядочно говорить по-русски. Оказалось, что онъ житель Андреевскаго аула, гдѣ у него былъ домъ, жена и двое дѣтей. Имя его—Мустафа. Какъ-то разъ, онъ кушилъ въ аулѣ Таскичахъ у неизвѣстнаго татарина пару лошадей. Лошади оказались краденными, и Мустафа посаженъ былъ подъ арестъ съ тѣмъ, что если онъ не розыщетъ татарина, у котораго кушилъ лошадей, то будетъ преданъ военному суду. Найти этого татарина было невозможно, и Мустафа изъ подъ ареста бѣжалъ въ здѣшній аулъ, гдѣ и жиялъ уже болѣе мѣсяца. Тайно онъ ходилъ въ Андреевскій аулъ къ своему семейству. Я былъ очень радъ, что встрѣтился съ этимъ Мустафой, и подробно рассказалъ ему о своемъ плѣнѣ. Выслушавъ меня, онъ замѣтилъ, что мнѣ едва-ли удастся отсюда вырваться скоро; вѣроятно, меня поведутъ къ Шамилю въ Красный аулъ (Дарго), который въ 40 верстахъ отъ здѣшняго аула. Тутъ вошелъ въ савлю черкесь, пожилыхъ лѣтъ, рослый, стройный, красивый; одѣтъ онъ былъ въ желтую черкеску, убранную серебрянымъ галуномъ; на груди прекрасныя патроны, на лѣвомъ боку кинжалъ съ дорогой рукояткой, сзади пистолетъ. Онъ съѣлъ возлѣ меня, бросилъ на меня свой орлиный взоръ и сказалъ:

— «Аманъ, салдаты» (здравствуй, солдаты).

Я отвѣтилъ: «аманъ», и потомъ спросилъ Мустафу—кто это?

— Чеченецъ, отвѣчалъ Мустафа,—этого и окрестныхъ ауловъ начальникъ. Тысячнымъ прозывается. Въ случаѣ какого приказа отъ Шамиля къ треволѣ, онъ выгоняетъ изъ ауловъ вооруженныхъ людей и представляетъ, куда слѣдуетъ.

Послѣ этого Мустафа разговаривалъ съ тысячнымъ минутъ 10 почеченски. Потомъ тысячный черезъ Мустафу спросилъ меня—сколько у русскаго царя войска? Я отвѣчалъ, что два милліона. Мои собесѣдники очень этому удивились; тысячный полагалъ, что въ Россіи только и войска, которое дерется съ ними въ горахъ. Тысячный сказалъ еще, что у нихъ есть свой порохъ; дѣлаютъ его тавлинцы; онъ не такъ силенъ, какъ русскій. При этомъ тысячный высыпалъ изъ одного патрона порохъ и показалъ мнѣ. Порохъ похожъ на нашъ пушечный, только помельче. Русскій порохъ черкесы доставали отъ мирныхъ черкесовъ по 2 абазы (40 коп.) за фунтъ. По словамъ тысячнаго, у Шамиля пушки лили бѣглыя поляки.

Въ вечеру черкесы ушли изъ савли, а въ томъ числѣ и тысячный. Остались только четыре молодыхъ черкеса и одинъ старикъ, да Мустафа, который сказалъ:

— Тебѣ скучно; я принесу карты и будемъ играть.

Онъ ушелъ; а одинъ изъ черкесовъ принесъ ножныя желѣзы и сказалъ

миѣ ноги. Скоро Мустафа возвратился съ новенькими картами. Мы сѣли у камня, въ которомъ ярко горѣлъ огонь. Съ намъ присоединились два черкеса и мы стали играть въ дураки. Черкесы играли плохо; но я нарочно оставался дуракомъ; они были очень довольны и смѣялись надо мной, говоря: «салдатъ теньтякъ» (солдатъ дуракъ). Часа черезъ два хозяинъ принесъ миѣ чурекъ; я бросилъ карты и началъ его ѣсть съ водою, которая была въ чугунномъ кувшинѣ. Эта вода служить черкесамъ для умыванья рукъ и лица, когда они идутъ въ мечеть на молитву. Поѣвши, я началъ опять играть въ карты и играли до поздняго вечера. Потомъ Мустафа сказалъ миѣ: хочу спать, и сталъ собираться уходить. Я просилъ его прийти ко миѣ завтра, и буде услышалъ бы въ аулѣ какую новость, то подѣлился бы ею со мной: вѣдь такъ приятно было слышать хоть чтонибудь!.. Когда Мустафа ушелъ, молодые черкесы легли спать, а старикъ предварительно осмотрѣлъ на миѣ желѣзы, привалилъ къ двери стоящую по срединѣ сакли наковальню и потомъ уже расположился спать. Я легъ у самаго огня подъ своей шинелью, но долго не могъ заснуть отъ разныхъ невеселыхъ думъ.

12 февраля.

Проснулся я рано. Товарищи мои еще спали крѣпкимъ сномъ. Я прозябъ и сталъ разводить огонь въ каминѣ. Когда разсвѣтало, загалдѣлъ въ аулѣ народъ, замычали коровы, заблеяли бараны, закричали пѣтухи, кудахтали куры, ревѣли буйволы, въ лѣсу кричали филины. Товарищи мои встали и выходили изъ сакли. Я тоже вышелъ подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Небо было пасмурно; съ горъ разстился по аулу густой туманъ; на высокихъ чанаровыхъ деревьяхъ висѣлъ серебристый иней; вдали шумѣла по камнямъ р. Яманъ-су. Я возвратился въ саклю и сѣлъ у огня. Черезъ нѣсколько времени пришелъ ко миѣ хозяинъ съ какимъ-то одѣяншемъ и пантоминно объяснилъ, чтобы я перемѣнилъ свой костюмъ; при этомъ онъ отперъ мои кандалы. Я надѣлъ рубашку столь грязную, какъ у трубочистовъ, овчинную, дырявую шубу, на ноги—худые «чевяки», а на голову—рваную шапку. Въ этомъ нарядѣ я, вѣроятно, похожъ былъ на пугало, чтѣ ставить въ деревняхъ на огородахъ. Хозяинъ заперъ у меня кандалы, взялъ съ собой мою одежду и вышелъ изъ сакли. Спустя немного, жена хозяина принесла миѣ кашницы съ саломъ и нѣсколько болѣе обыкновеннаго чурекъ. Лишь только окончилъ я свою трапезу, какъ пришелъ Мустафа; онъ сказалъ, что былъ у тысячнаго, который ему передалъ, будто меня скоро поведутъ къ Шамилю; только мой хозяинъ уговорилъ его повременить, обѣщаясь дать ему за это подарокъ. Тутъ миѣ пришло на мысль: не хлопочетъ-ли Осипъ Фавишевичъ о моемъ выкупѣ. Кромѣ меня и Мустафы въ саклѣ никого не было. Я его спросилъ: нельзя-ли миѣ какъ-нибудь бѣжать отсюда? Мустафа отвѣчалъ, что онъ душевно радъ бы миѣ помочь въ

этожъ дѣлѣ; но одному ему тутъ ничего не подѣлать, а кому нибудь сказать объ этомъ онъ страшитса. Впрочемъ, завтра ночью онъ отправится въ Андреевскій аулъ къ своему семейству и можетъ быть что-нибудь развѣдаетъ тамъ относительно моего освобожденія. Тутъ пришли мои товарищи и нѣкоторые другіе черкесы. Мы стали опять играть въ карты, и, какъ вчера, я умышленно оставался дуракомъ, чѣмъ доставлялъ видимое удовольствіе черкесамъ.

Вечеромъ мы остались съ Мустафой одни. Четверо моихъ молодыхъ товарищей не показывались. Мустафа сказалъ, что они уѣхали на воровство.

— А куда? полюбопытствовалъ я.

— Они и сами не знаютъ, когда выѣзжаютъ изъ своего аула,—отвѣчалъ Мустафа. Обыкновенно, ѣздятъ и бродятъ, какъ голодные волки, по разнымъ дорогамъ и близъ мирныхъ ауловъ. Если кто встрѣтится — ограбить; попадется скотъ—угонять. Они не устращивы. Этими только и живутъ. Да вотъ еще — кого въ пѣни возьмутъ; если не убиваютъ — продаютъ.

При этомъ Мустафа грустно взглянулъ на меня, а мнѣ было грустиѣе его. — Онъ простился со мной. Хозяйка принесла мнѣ чашку кашицы и чурекъ. Потомъ пришелъ старикъ, осмотрѣлъ на мнѣ кандалы, не забылъ привалить къ скрипучей двери наковальню и расположился спать. Въ каминѣ горѣлъ огонь. Съ тревожными мыслями заснулъ и я.

13-го февраля.

Проснулся рано. Старикъ всталъ, посмотрѣлъ мои кандалы, взялъ топоръ и ушелъ изъ сакли. Я остался одинъ и съ горечью вспомнилъ этотъ незабвенный въ моей жизни день: въ этотъ день скончался дражайшій мой родитель. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ.... Явился хозяинъ, поздоровался со мной и ушелъ. Хозяйка принесла кашицы и чурекъ. Спусти немного, забѣжалъ ко мнѣ Мустафа, — сказалъ, что ему сегодня некогда и завтра, по возвращеніи изъ Андреевскаго аула, у меня будетъ. Я вышелъ изъ сакли и тяжелыми стопами направился въ гору. Хозяинъ прошелъ мимо меня, но не сказалъ ни слова. Сѣлъ я на приталинкѣ, какъ жаворонокъ, возлѣ огромнаго чанароваго дерева и сталъ разсматривать окрестность. Солнце ясно выкатывалось изъ-за горъ и своими лучами пригрѣвало землю. Съ горъ журчала вода; р. Яманъ-су шумѣла. Съ деревьевъ осыпался иней. Въ гѣсу черкесы рубили столѣтніе чанары, которые съ трескомъ валялись на землю, и ихъ возили на буйволахъ въ аулъ. Жаворонки пѣли; филины кричали какимъ-то страннымъ голосомъ. Черкешенки гнали на водопой скотъ; нѣкоторые носили изъ протока на плечахъ воду въ кувшинахъ. Ео мнѣ подходили ребяташки; у нихъ были кинжалы и небольшіе пистолеты. Они садились возлѣ меня и смотрѣли очень недружелюбно. Между собой говорили

по чеченски и я не понималъ. Но вотъ я остался одинъ, сталъ смотрѣть въ землю и тутъ замѣтилъ: что-то свѣтится, въ родѣ звѣздочекъ. Покопалъ щепкой немного въ землѣ—звѣздочки умножились. Мнѣ пришло на умъ, что это, должно быть, какой-нибудь горный металлъ, я подумалъ: дай Богъ нашему царю скорѣе покорить Шамшия съ его хищными народами и завоевать эту мятежную землю, въ которой можно найти не мало богатства и жюбилія; Богъ дастъ, настанетъ конецъ этимъ постояннымъ бранямъ и кровопролитіямъ, и нашъ царь овладѣетъ этою прекрасною страной.. Въ слухъ размышленій я замѣтилъ—вдали съ горы къ аулу спускались какіе-то два человѣка въ бѣлыхъ чалмахъ, ведя осѣдланныхъ лошадей. Хозяинъ мой, увидѣвъ этихъ людей, пошелъ къ нимъ скорыми шагами, и долго о чемъ-то съ ними разговаривалъ; при чемъ всѣ трое посматривали на меня. Когда тѣ отправились далѣе, хозяинъ подошелъ ко мнѣ и, вздохнувъ, спросилъ:

— «Сенике катанъ баръ» (есть-ли у тебя жена?).

— «Баръ катанъ улу нике кызъ» (у меня есть жена, сынъ и двѣ дочери).

Хозяинъ опять вздохнулъ и пошелъ отъ меня въ свою саклю. Я совершенно терялся въ догадкахъ: для чего это онъ спросилъ меня о моемъ семействѣ? Я думалъ, что нѣтъ ли тутъ какой связи съ моею запиской къ Осипу Фавишевичу, у котораго я просилъ для выкупа меня 300 рублей. Мнѣ по опыту извѣстно, что худо дѣлается скоро, а добро творится медленно. И Фавишевичъ едва ли обратитъ вниманіе на мою записку. Вотъ если бы онъ хоть догадался и написалъ женѣ моей въ Выѣздную слободу—другое дѣло: жена, можетъ быть, какъ нибудь собрала бы въ Арзамасѣ отъ сродниковъ и знакомыхъ требуемую сумму. Но это дѣло могло очень затянуться. Я заплакалъ неутѣшно... Уже вечеромъ, когда воздухъ началъ чувствительно холодѣть, я пришелъ въ саклю, поужиналъ извѣстной кашницы съ чуркомъ и расположился у огня. Пришелъ мой неизмѣнный стражъ—старикъ, съ охапкой дровъ и, бросивъ ихъ возлѣ меня, сердито сказалъ: «ма, салдатъ, отъ—салъ» (на, солдатъ, владн на огонь). «Чтожъ,—подумалъ я: отъ бездѣлья и то рукодѣлье», и сталъ подкладывать дрова въ огонь.

14-го февраля

Рано утромъ пришелъ ко мнѣ Мустафа и сказалъ, что онъ только-что прибылъ изъ Андреевскаго аула, гдѣ видѣлся съ своею женою, которая передала ему обо мнѣ слѣдующее: на другой день моего лаѣна (9-го февраля), утромъ, Фавишевичъ, будто бы, заявилъ полковому командиру Козловскому, что ночью я не пришелъ домой изъ Андреевскаго аула, куда онъ, Фавишевичъ, послалъ меня по дѣлу. Полковникъ полагалъ, что меня убили Андреевскіе татары или передали въ горы хищникамъ, и поэтому приказалъ солдатамъ искать меня по подозрительнымъ въ аулѣ саклямъ; но эти по-

иши, разумѣется, оказались тщетными. На другой день найдена была по дорогѣ въ аулъ та записочка, которую я писалъ Фавишевичу о своемъ выкупѣ, и теперь, будто бы, полковникъ, по просьбѣ Фавишевича, хлопочетъ выкупить меня или сдѣлать промѣнъ на хищниковъ, содержащихся на обвахтѣ. Но когда это будетъ — неизвѣстно. Разумѣется, я былъ очень радъ этимъ вѣстямъ. — После этого хозяинъ принесъ мнѣ извѣстный обѣдъ; я сталъ ѣсть, а онъ разговаривалъ съ Мустафой. По уходѣ хозяина, Мустафа передалъ мнѣ свой разговоръ съ нимъ. Хозяинъ говорилъ, что вчера мимо здѣшняго аула проѣзжали два черкеса изъ купцовъ, узнали, что у него есть лѣбный (т. е. я) и покупали меня за 100 барановъ; но хозяинъ на это не согласился и сказалъ, что онъ еще подождетъ — не будетъ ли лазутчика изъ Андреевскаго аула на счетъ выкупа меня за деньги; это для него удобнѣе, такъ какъ деньги всегда можно имѣть при себѣ, а скотъ держать опасно, даже отъ набѣговъ русскихъ. Потомъ мы дѣльный день играли въ карты. Уходя, Мустафа сказалъ мнѣ, что, кажется, его скоро простятъ, и тогда онъ будетъ въ состояніи отсюда меня украсть. Обрадовало меня и это. Я заснулъ съ приятными мечтаніями. Сонъ мнѣ привидѣлся: будто, мой покойный родитель, пришедши ко мнѣ въ эту савлю, сказалъ: «что ты, Николай, здѣсь сидишь? Я тебя давно ищу. Пойдемъ скорѣе». И, взявъ меня за руку, повелъ изъ савли. Мы вышли на ровную, чистую дорогу; по обѣимъ сторонамъ зеленѣлись обширные луга съ сочной высокой травой и цвѣли цвѣты. Я былъ очень радъ..... и проснулся.

15-го февраля.

Я началъ разводить въ каминѣ огонь. Старикъ проснулся, быстро всталъ, посмотрѣлъ на мнѣ кандалы и взглянулъ на дверь: она была не завалена наковальней. Старикъ покачалъ головой и чуть слышно сказалъ: «алла, алла». Черезъ нѣсколько времени хозяйка принесла мнѣ обычную порцію кашицы и чурекъ. Поѣвши, я пошелъ изъ савли на прежнее мѣсто къ высокому чанару; сѣлъ на камень и, смотря какъ-бы на знакомую мѣстность, призадумался. — Ко мнѣ подошелъ пожилой лѣтъ мужчина; въ одной рукѣ онъ держалъ деревянную необдѣланную ложку, а въ другой — родъ топорика, которымъ ложку эту обдѣлывалъ. Онъ поздоровался со мной, сѣлъ и изломаннымъ кумыцимъ языкомъ сталъ говорить; я съ трудомъ понималъ его. Муштина объяснилъ, что онъ тавлинецъ, живетъ въ здѣшнемъ аулѣ. При этомъ онъ указалъ рукою на одну изъ савлей. Потомъ говорилъ, что у него есть много всякаго хорошаго оружія, овецъ, лошадей и рогатаго скота; имѣетъ дочь. Вслѣдъ за тѣмъ, совершенно неожиданно для меня, онъ предложилъ мнѣ, чтобы я взялъ дочь его въ замужество и остался здѣсь навсегда. Я ему отвѣчалъ, какъ умѣлъ, что у меня есть жена и дѣти, и законъ нашъ не позволяетъ жениться при живой женѣ. Тавлинецъ покачалъ

головой, вздохнулъ и задумался. Потомъ онъ сталъ обдѣлывать ложку, которую я похвалилъ. Онъ ушелъ отъ меня, не сказавъ болѣе ни слова.

День былъ ясный, теплый. Я просидѣлъ до вечера, когда стало холодать: тутъ я возвратился въ саклю; развелъ въ каминѣ огонь. Пришелъ Мустафа и сказалъ, что онъ былъ въ мечети. Вслѣдъ за нимъ хозяинъ принесъ мнѣ молочнай кашницы съ сорочинскимъ просомъ и два куриныхъ яйца, промолвивъ, что сегодня у нихъ «байрамъ» (праздникъ). Потомъ онъ началъ разговаривать съ Мустафой, который разговоръ этотъ переводилъ мнѣ. Хозяинъ говорилъ, что, по случаю давнишней брани съ русскими, у нихъ въ горахъ все дорого; не будь этой брани—было бы совершенно на оборотъ: самый хлѣбъ ничего бы не стоилъ, потому что почва здѣсь плодороднѣйшая. Житье имъ стало трудное и потому, что надобно бояться и Шамиля, и русскихъ, которые всегда могутъ напасть на нихъ въ распахъ и истребить до основанія. Поэтому, если ему, хозяину, удастся продать меня въ горы или получить выкупъ съ русскихъ, то онъ оставитъ здѣшнія мѣста и приметъ русское подданство. Мы стали играть въ дурачки. Черезъ нѣсколько времени вошелъ въ саклю рослый, совсѣмъ вооруженный, черкесъ, котораго хозяинъ и Мустафа приняли благосклонно и съ почтеніемъ просили садиться. Этотъ черкесъ посмотрѣлъ на меня очень свирѣпо, какъ звѣрь; казалось, своими быстрыми глазами онъ хотѣлъ съѣсть меня. Такой взглядъ былъ для меня неудивителенъ, потому что рѣдкій азіатъ смотрѣлъ на меня съ улыбкой или сожалѣніемъ. Это и понятно. Всѣ горскіе народы отъ вѣка своего жили свободно и независимо ни отъ кого. Только съ русскими они вели давнишнюю непрерывную брань. Во все это время много пролито русской крови; а изъ горцевъ, можетъ быть, изъ десяти одинъ найдется, у котораго не былъ бы убитъ русскими дѣдъ, отецъ, сынъ—какой-либо родственникъ. Поэтому, какъ же иначе, какъ не съ ненавистью долженъ былъ смотрѣть на меня азіатъ?

Пришедшаго черкеса я еще не видалъ у себя въ саклѣ, и думалъ: не пришелъ ли онъ сюда покупать меня или вести къ Шамилю? Сердце мое забилось. Я спросилъ о черкесѣ Мустафу, который отвѣчалъ, что это—здѣшняго аула житель, отважный храбрецъ, уважаемый всѣми, даже самимъ Шамилемъ; онъ только сегодня пріѣхалъ изъ горъ. Я успокоился. Пришедшій черкесъ не умѣлъ играть въ карты; онъ только смотрѣлъ на насъ. Потомъ вступилъ со мной въ разговоръ, выражаясь по кумыцки съ изломаннымъ русскимъ языкомъ.

— Сколько у вашего царя войска? спросилъ меня черкесъ.

— Много,—отвѣтилъ я. А у вашего Шамиля сколько?

— Годныхъ къ ружью выйдетъ тысяча 60.

— У нашего царя въ 30 разъ больше.

Черкесъ подумалъ и потомъ сказалъ:

— Ваши четыре солдата не стоятъ нашего одного горца. У насъ каждый приученъ стрѣлять съ малолѣтства. Съ малыхъ же лѣтъ каждому внушается, что русскіе много убили нашихъ и они наши враги. Потому, черкесь модничаетъ убить русскаго и промаха не даетъ: дорожить пулей. Опять и то: мы хорошо знаемъ мѣстность. Русскій солдатъ всегда идетъ грудью: открытъ для нашихъ выстрѣловъ, и мы стрѣляемъ то съ дерева, то изъ-за камня. Въ насъ не легко попасть. Потомъ, помолчавъ, онъ спросилъ меня:

— Когда выгоняють скоть для питья изъ Незапной крѣпости на р. Акташъ, и бываетъ ли при немъ конвой?

— Пить скоть, — отвѣчалъ я, — когда взойдетъ солнце и туманъ совсѣмъ разсѣется; если же есть туманъ, то скоть на Акташъ не гоняють: боятся черкесовъ. Да вамъ зачѣмъ это знать?

— Миѣ давно хочется угнать скоть изъ Незапной, — сказалъ черкесь.

— Но вокругъ всей крѣпости расположены секреты, — возразилъ я. Сей-часъ дадутъ знать на обвахту; забьютъ тревогу и маіоръ Бишинскій въ самыхъ горахъ васъ будетъ преслѣдовать.

— Охъ, ужъ этотъ Бишинскій, — сказалъ черкесь. Много вреда онъ намъ дѣлаетъ. Но когда нибудь онъ попадетъ же намъ. Тогда съ живаго кому сдеремъ и вамъ пришлемъ чучело. Намъ много еще вредитъ вашъ толстый полковникъ¹⁾; и до него доберемся. Онъ прошлой весной много нашихъ черкесовъ перебилъ.

— Да, правда, — замѣтилъ я. Хоть меня въ то время и не было, но я слышалъ, что 23-го апрѣля приходилъ Шамилъ въ Незапной крѣпости и полковникомъ Козловскимъ былъ прогнанъ съ большимъ урономъ.

Послѣ этого разговора черкесь ушелъ. Затѣмъ, Мустафа разсказалъ миѣ новость, что Шамилъ издалъ повелѣніе по всей Чечнѣ, чтобы его подвластные горскіе народы не курили табакъ и не пили водки. Какой смыслъ въ этомъ повелѣніи — миѣ было неизвѣстно. Я спросилъ Мустафу:

— А что, исполняютъ это повелѣніе?

— Да, — отвѣчалъ онъ, — въ самой точности. Даже и я не могу курить здѣсь явно, а курю секретно; потому — какъ разъ наживешь себѣ худо.

Мустафа просидѣлъ у меня до поздней ночи, и потомъ ушелъ въ свою саяку. Мы остались вдвоемъ со старикомъ, который скоро заснулъ. А я началъ думать: нельзя ли бы миѣ убѣжать какъ нибудь? Вотъ, еслибы можно было чѣмъ нибудь разбить желѣзы, или отпереть ихъ. До Незапной не болѣе 40 верстъ; дорогу я помню. Но если навстрѣчу попадутся хищники — что тогда? Положимъ, я могу взять со стѣны кой-какое оружіе, но вѣдь все-таки я буду одинъ въ дорогѣ.... Вдругъ собачій лай разнесся по всему аулу; люди начали громко кричать. Старикъ проснулся, выбѣжалъ изъ

¹⁾ Это Кабардинскаго полка командиръ Козловскій.

сакли и чрезъ нѣсколько времени возвратился, сказавъ мнѣ: «касъ-кыръ-кольды» (къ скоту пришли волки). Шумъ въ аулѣ продолжался не болѣе полчаса и затѣмъ все сполгло. Старикъ уснулъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я.

16-го февраля.

Утромъ пришелъ ко мнѣ хозяинъ и, послѣ привѣтствія «аманъ», разсказалъ мнѣ, что ночью приходили волки и утащили много овецъ. Хозяйка принесла мнѣ вашицы и чурекъ. Потомъ пришелъ ко мнѣ Мустафа съ извѣстіемъ, что по утру тысячнаго затѣмъ-то потребовали къ Шамилю. «Вотъ, — подумалъ я, — теперь, вѣрно, скоро и меня поведутъ къ нему». Между тѣмъ, пріѣхали четверо моихъ прежнихъ товарищей, которые ѣздили на грабежъ. Мустафа объяснилъ мнѣ, что имъ на воровствѣ удачи не было никакой, и что дня черезъ три они отправятся за добычей на самый Терекъ. Весь день играли въ дурачки. Вечеромъ хозяйка принесла мнѣ известное кушанье, къ которому я сталъ привыкать. Товарищи мои, вѣрно, утрудившись въ дорогѣ, скоро легли спать, а за ними и старикъ.

На дворѣ былъ морозъ; въ саклѣ становилось холодно. Я прибавилъ въ огонь дровъ и безмолвно грѣлся. Старикъ позабылъ запереть дверь и завалить ее наковальной. Я задумалъ бѣжать. Вышелъ тихонько изъ сакли и направился къ конюшнѣ: она оказалась незапертой. Я также тихо вернулся въ саклю и сталъ обдумывать сдѣлующее:—оружіе, развѣшенное по стѣнамъ, надобно вынести и спрятать; если черкесы мои и проснутся—не бѣда: у нихъ не будетъ оружія. Затѣмъ, возьму съ собой два ружья, пистолеть и книжалъ; осѣдлаю лошадь, отведу ее изъ аула сажень 40, разобью книжаломъ свои желѣзы, сяду на лошадь и ускачу. Если попадется кто изъ хищниковъ—у меня все-таки три выстрѣла. Да,—думалъ я,—надо бѣжать! Благослови меня Господи! И началъ пандалы свои обвертывать тряпкой, чтобы они не бряцали. Только-что хотѣлъ достать сѣдло и оружіе, какъ одинъ изъ черкесовъ заворочался, приподнял голову и, взглянувъ на меня, спросилъ:

— «Не турассанъ» (что ты сидишь?)

— «Бекъ сувукъ» (очень холодно),—отвѣчалъ я, и затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

Черкесъ всталъ и вышелъ изъ сакли, а чрезъ нѣсколько минутъ вернулся. Хотя онъ и легъ спать, но все что-то ворочался. Нѣтъ, — подумалъ я, — видно, не насталъ еще часъ моего побѣга, и началъ развертывать съ желѣзъ моихъ тряпку. Послѣ этого я легъ у самого огня; но отъ сильнаго волненія и мыслей о дорогихъ родныхъ не могъ заснуть до самого разсвѣта.

17-го февраля.

День начался обычнымъ движеніемъ въ аулѣ. Рано пришелъ ко мнѣ Мустафа и, вынувъ изъ кармана трубку и табакъ, сказалъ:

— Хоть Шамиль и запретил курить въ горахъ табакъ, но — только своимъ подданнымъ; а вы не подданные—плѣнные: сегодня здѣсь, а завтра у русскихъ.

— Твоими бы устами да медъ пить,—проговорилъ я.

Потомъ пришелъ хозяинъ съ четырьмя моими прежними товарищами. Онъ спросилъ меня:

— «Аманъ-ма, салдаты» (здоровъ ли солдаты?).

— «Бекъ-аманъ» (очень здоровъ),—отвѣчалъ я. Хозяинъ улыбнулся.

Слуста немного, хозяйка принесла мнѣ обычное кушавье. Потомъ играли въ карты. Около полудня я вышелъ изъ сакли и, сѣвъ на толстое сухое дерево, предался своимъ печальнымъ думамъ.... Тутъ пришелъ ко мнѣ хозяинъ и сказалъ:

— «Юръ мень курсетемъ ать-хансы урланда Андрейвъ аулъ у салдаты» (пойдемъ, я покажу тебѣ лошадей, которыхъ украли въ Андреевскомъ аулѣ у солдатъ). Дѣйствительно, я увидѣлъ великолѣпныхъ четырехъ лошадей, принадлежавшихъ батальону Замойскаго полка, расположеннаго въ Андреевскомъ аулѣ.

Вечеромъ опять сѣли за карты.* Правда, это—пустое занятіе; но въ моемъ положеніи—и за то спасибо: безъ этого развлеченія обуюла бы меня скука смертная и дума горькая. Къ полуночи игра кончилась и я, завернувшись въ свою дырявую шубу, подложивъ подъ голову кулакъ, уснулъ. Мнѣ привидѣлся сонъ, будто меня привели къ Шамилю, который уже былъ не молодъ, съ подращенной бородой, худощавый, въ пестрой чалмѣ, въ бѣломъ шелковомъ бешметѣ, подпоясанный наборнымъ серебромъ ремнемъ, съ убраннымъ драгоценными камнями кинжаломъ;—онъ сѣдѣлъ на прекрасномъ персидскомъ коврѣ; поджавъ подъ себя ноги. Я ему поклонился и онъ также, сказавъ: «аманъ, московъ». Я сказалъ: «аманъ», и проснулся. Да,—подумалъ я,—можетъ быть, сонъ мой осуществится сегодня же. И что со мною будетъ? Я слышалъ, что Шамиль круто обходится съ нашими офицерами, попавшими къ нему въ плѣнъ. А ужъ мнѣ и думать нечего о какойнибудь милости, или снисхожденіи. Впрочемъ и то: вѣдь я не сдѣлалъ никакого зла повелителю горскихъ народовъ; такъ за что же онъ меня будетъ тиранить? Но—чему быть, того не миновать.

18-го февраля.

Утромъ, по обыкновенію, пришелъ ко мнѣ хозяинъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, сказалъ:

— «Монда турассанъ сугасъ кунъ» (ты здѣсь сидишь осьмой день).

Послѣ этого ушелъ. «Вѣрно, — подумалъ я, — хозяинъ высчитываетъ цѣну меня».

Явился Мустафа и передалъ мнѣ, что если не завтра, то послѣ завтра тысячный поведетъ меня къ Шамилю.

Я ничего не сказалъ, а только вспомнилъ прошедшій сонъ. — Хозяйка принесла мнѣ больше обыкновеннаго чурекъ и кашицы; она какъ будто знала, что мнѣ предлежитъ не легкій путь къ повелителю горскихъ народовъ. Когда я пообѣдалъ, Мустафа, подавая мнѣ трубку, сказалъ:

— Кури и накуривайся. У Шамиля курить не позволять.

Мы вышли изъ сакли и сѣли на пригорѣхъ.

— Ты очень измѣнился въ лицѣ,—промогнулъ Мустафа.

Я согласился, что это можетъ быть, — и снова началъ говорить ему о своей тоскѣ, по пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Потомъ Мустафа ушелъ.

Весь день и вечеръ провелъ я невыразимо скучно.

19-го февраля.

Когда я проснулся, въ саклѣ было уже свѣтло. Товарищи мои встали, надѣли на себя свои боевые доспѣхи, осѣдлали лошадей и уѣхали на грабительскій промыселъ. Скоро пришелъ ко мнѣ Мустафа, а за нимъ — хозяинъ, который сказалъ мнѣ черезъ Мустафу, что его тревожитъ тысячный относительно того, чтобы меня вести къ Шамилю, и затѣмъ съ огорченіемъ оставилъ саклю. Думать надобно, что это огорченіе происходило отъ того, что Фавишевичъ не присылалъ лазутчика съ выкупомъ за меня, а, при отпавкѣ меня къ Шамилю, хозяинъ могъ и ничего не получить; значить — труды его и какое ни на есть содержаніе мое пропали для него даромъ. — Мустафа угостилъ меня трубкой, обѣщался придти ко мнѣ завтра по ранше проводить меня, какъ поведутъ къ Шамилю, и обо всемъ поговорить. Онъ удалился.

Слушавъ чурекъ и кашу, я вышелъ изъ сакли и, поднявшись въ гору, сѣлъ на камень. Знакомыя картины!. Я сталъ смотрѣть въ ту сторону, куда меня поведутъ: тамъ снѣжи высокія горы, на вершинахъ которыхъ бѣлѣлся снѣгъ и клубился густой туманъ, а тамъ — облака неслись по направленію полуденнаго вѣтра къ сѣверу. Выглянуло солнце, но прискорбное сердце мое не находило отрады.....

Бо мнѣ подошелъ какъ будто черкесь, не высокаго роста; при немъ былъ одинъ кинжалъ. Подошелъ ко мнѣ и чисто по-русски сказалъ: «здравствуй, братъ». Это меня удивило, и я любопытствовалъ узнать: кто онъ?

— Я,—сказалъ онъ,—Кабардинскаго полка солдатъ, татаринъ. Изъ полка бѣжалъ, ужъ года три. Живу здѣсь, въ аулѣ. Вонъ моя сакля. (При этомъ онъ протянулъ правую руку къ краю аула). Я видѣлъ, когда тебя вели два брата—кумыки. Говорятъ, изъ Андреева аула. У меня знатная собака; первая въ здѣшнемъ аулѣ.

— Видѣлъ, братъ, твою собаку, какъ вели меня въ этотъ аулъ. Собака злая. Еслибы ее въ Россію—для гуртовщиковъ, то не пожалѣли бы и

ста рублей, потому—не подпустить къ скоту хищнаго волка. А какой ты губернии и уѣзда?

— Оренбургской,—отвѣчалъ онъ; Баргалинской слободы житель.

— Я, любезный, очень хорошо знаю Оренбургъ и слободу Баргалу. Тамъ у меня есть знакомые купцы и татары. Я покупалъ у нихъ барановъ. Да и на мѣновномъ дворѣ, въ 1828 г., прикащикъ мой имѣлъ тамъ лавку и обмѣнивалъ барановъ на красивый товаръ у киргизовъ.

Солдаты спросилъ:

— А какъ звали прикащика?

— Иванъ Семисъ ¹⁾,—отвѣтилъ я.

— Я служилъ у него 4 мѣсяца въ томъ году,—началъ татаринъ. Видѣлъ киргизовъ въ его лавку, именно мѣнять барановъ на товаръ. За это получалъ отъ него хорошее жалованье. Но васъ въ лавкѣ не видалъ. Къ вашему прикащику я поступилъ въ августъ мѣсяцѣ.

— Въ это время меня ужъ не было въ Оренбургѣ. Уѣхалъ. Но вотъ что, любезный другъ: какой странный случай видѣть въ горахъ, у хищниковъ, своего работника! Какъ ты сюда попалъ?

— Въ солдаты я пошелъ за братьевъ; потому — у нихъ дѣти. Назначили въ этотъ самый Кабардинскій полкъ. Пригнали на Кавказъ. Но какъ я привыкъ дышать свободой, то не хотѣлъ служить, ушелъ сюда и живу ладно: развѣ только при большой тревогѣ потребуютъ къ Шамилю. Да и то отлыниваю. Что я за дуракъ такой—въ своихъ стрѣлять? Это противно и грѣшно. Живу себѣ здѣсь, коплю копѣйку; завелся саклей; хочу жениться. Можетъ быть, здѣсь и умру.

Тутъ онъ попросилъ меня рассказать ему мою исторію жизни. Разумѣется, я съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу, и свою печальную повѣсть заключилъ такъ:

— Ты видишь — я теперь плѣнный человекъ у хищниковъ. У меня осталось много, дорогое семейство. Мнѣ его душевно жаль. А какъ ты ѣлъ мой хлѣбъ и слышалъ обо мнѣ, кто я былъ таковъ, — то, добрый работникъ мой, помоги мнѣ въ моемъ несчастіи: помоги мнѣ отсюда бѣжать. Я могу, тамъ, дать тебѣ 200 рублей.

При этомъ я взялъ его за руки и самъ горько заплакалъ.

— Я слышалъ, почтенный мой хозяинъ,—сказалъ татаринъ,—что завтра васъ поведутъ къ Шамилю. Вырваться оттуда трудно. Я бы помогъ вамъ, только.... (Тутъ онъ задумался). Знайте: изъ этого проклятаго аула черкесы часто ѣздятъ на воровство, или къ роднымъ и знакомымъ въ Андреевскій аулъ. Вѣдь понадеешься — смерти не минуешь. А дорога не близка. Положимъ, до Незаппой добѣжать можно. Все-таки.....

¹⁾ Фамілія киргизская; по русски—значить: жирный.

Тутъ татаринъ опять задумался и потомъ сказалъ:

— Миѣ жалко васъ, хозяинъ, — и хочется сдѣлать вамъ добро. А денегъ вашихъ миѣ не надо, да и трудно получить ихъ; опасно.... Когда вы вышли изъ плѣна, то, по крайней мѣрѣ, сказали бы, что татаринъ освободилъ васъ только изъ одного сардоболія.

Мой собесѣдникъ снова умолялъ. Затѣмъ онъ, оглянувшись кругомъ, началъ говорить миѣ слѣдующее:

— Да, такъ: я хочу только помочь вамъ. И вотъ что я сдѣлаю: желѣзы на вашихъ ногахъ отопру; провожу два караула; дорогу разскажу, а самъ вернусь поспѣшно въ свою саклю. Бѣгите до Незапной, какъ знаете. Если же на дорогѣ вы попадетесь хищникамъ, и будете живыми возвращены въ этотъ аулъ, или въ другіе немирные аулы, то никакъ не открывайте: кто вамъ отперъ желѣзы и выпроводилъ отсюда. Въ дорогѣ не медлите.

Въ порывѣ радости я произнесъ:

— Ты—второй отецъ мой, покровитель и избавитель въ гоненіяхъ моихъ и всего рода моего во вѣки.

Татаринъ говорилъ миѣ:

— Теперь ступайте въ свою саклю: насъ могутъ замѣтить. Я буду у васъ передъ вечеромъ, когда ваши хозяева будутъ въ мечети, и принесу вамъ—чѣмъ можно отпереть на вашихъ ногахъ желѣзы. Дайте, взгляну.

Онъ посмотрѣлъ на ногахъ моихъ желѣзы и, сказавъ «хорошо», молвилъ:

— Уждо, какъ выйдете изъ сакли, идите вонъ по той тропинкѣ (онъ указалъ рукой), и ждите меня. Я свистну.

У меня былъ точно чадъ въ головѣ. Неужели это правда? Вѣдь правда такъ не сбыточна!... Я утеръ кулакомъ катившіяся по лицу моему слезы и пришолъ въ свою саклю. Растопилъ камень и сталъ смотрѣть на свои желѣзы. Будетъ ли миѣ обѣщанный ключъ отпереть ихъ? Жду—не дождусь своего благодѣтеля-татарина. Но вотъ онъ торопливо вошелъ въ саклю и сказалъ:

— Давай отпирать ваши желѣзы: скоро изъ мечети придутъ хозяева.

Онъ вынулъ изъ кармана какія-то четыре желѣзки, изъ коихъ одной было очень ловко отпереть замокъ на моихъ кандалахъ. Эту желѣзку я взялъ.

— Иди тихо,—сказалъ татаринъ,—какъ бы собаки не услышали.

И поспѣшно ушелъ.

Хозяйка принесла миѣ чурекъ и кашницу. Я подумалъ: «можетъ быть, въ послѣдній разъ угощаюсь этимъ кушаньемъ».—Покушавши, осмотрѣлъ свои чевяки: онѣ были худыя. Ни чулокъ, ни портинокъ нѣтъ. Я разодралъ неприглядную хозяйскую рубашку, въ торопливости, дрожащими руками, обмоталъ свои ноги и надѣлъ худыя чевяки.—Пришелъ мой стражъ-

старикъ, сѣлъ возлѣ огня и сталъ со мною грѣться. Потомъ онъ осмотрѣлъ на мнѣ кандалы, завалилъ дверь наковальнею и легъ спать. «Господи! подумалъ я, можетъ быть, этотъ старичекъ въ послѣдній вечеръ исполняетъ свой дозоръ: осматриваетъ на мнѣ желѣзы и запираетъ дверь. Когда я уйду, онъ, вѣроятно, получитъ за меня жестокіе побои». Мнѣ стало его жаль (а себя — не скрою — больше). Я легъ возлѣ старика и притворился спящимъ. Черезъ нѣсколько времени, будто во снѣ, я толкнулъ старика ногой, но онъ лежалъ, какъ убитый. Тутъ я всталъ, перекрестился, отперъ замокъ на кандалахъ желѣзкой, которую мнѣ далъ татарякъ, взялъ небольшую палку и тихо, осторожно вышелъ изъ сагли. Собаки не почували меня. Выбрался я изъ аула и по указанной тропинкѣ пошелъ на гору. Тутъ остановился близь толстаго чанароваго дерева и сталъ прислушиваться. Прошло минутъ 10. Слышу — кто-то идетъ ко мнѣ по тропинкѣ и, остановившись на минуту, тихонько свистнулъ. Это былъ мой благодѣтель-татаринъ, вооруженный по черкесски. Мы пошли скорыми шагами. Я не чувствовалъ подъ собою ногъ — какъ перо на воздухѣ поднимался. Перешли въ бродъ Яманъ-су и поднялись на гору въ лѣсъ. Тутъ добрый спутникъ мой сказалъ, что одинъ караулъ надобно обойти лишняго версты на три, чтобы не попасться съ этого караула возвращающимися въ свои аулы хищникамъ.

— Ради Бога, веди, гдѣ знаешь, — сказалъ я. Я теперь пройду не только что три лишнія версты, а и 20.

Мы пошли далѣе въ лѣсъ, безъ дороги, снѣгомъ, который подъ нашими ногами проваливался. Мои худыя чевяки были полны снѣгомъ; но мои разгоряченные ноги того не чувствовали. Вышли изъ большого лѣса въ маленький, на узенькую, чуть-видную тропинку. Потомъ спутникъ приказалъ мнѣ сѣсть въ сторонѣ подъ кустъ; а самъ пошелъ по тропинкѣ къ караулу развѣдать: спятъ ли часовые? Минутъ черезъ 15 благодѣтель мой пришелъ ко мнѣ съ поспѣшностію, говоря, что всѣ караульные спятъ. Мы пошли тихо, съ осторожностію. Вотъ — и тѣ ворота, черезъ которыя вели меня аульскіе хозяева въ плѣнъ. Я взглянулъ на караулку, въ которой горѣлъ небольшой огонь, и — сердце мое забилося. Пролезли въ ворота очень осторожно; отъ нихъ дорога пошла подъ гору, къ рѣчкѣ Эраксу. Отошли не много; добрый провожатый мой остановился и сказалъ:

— Я, хозяинъ, больше провожать тебя не могу. Вотъ тебѣ дорога. Вправо не сворачивай — попадешь въ немирный аулъ Аухи. Если влѣво попадешь, когда перейдешь Эраксу, то выйдешь въ мирный Акташъ-ауль, или на большую дорогу, которая идетъ съ линіи Акташъ-аула, и тебѣ будетъ все равно бѣжать до Незапной ли крѣпости, или до Акташъ-аула. Если же не собьешься съ прямой дороги, то прибѣжишь въ Незапную прямо. Будь остороженъ, прислушивайся. Чуть что слышишь впереди — бросайся въ сторону. Въ случаѣ, поймаютъ тебя хищники — не сопротивляйся; ста-

новись на колѣни и проси прошенія: они это любятъ. Не теряй времени; оно для тебя дорого. Прощай.—Онъ крѣпко пожалъ мою руку и примолвилъ:

— Если благополучно доберешься до Незапной, вспомни, что я сдѣлалъ это для тебя изъ сѣрдоболю. Прощай.

Я поклонился ему въ ноги и поцѣловалъ его.

Какъ стрѣла пустился я подъ гору. Добѣжалъ до Эраксу, перебрелъ ее по колѣна и побѣжалъ далѣе, опять подъ гору. По обѣимъ сторонамъ былъ лѣсъ и небольшіе каменные утесы. Миѣ мерещилось, какъ будто за мной бѣгутъ. Остановлюсь на минуту, прислушаюсь,—и снова бѣгу. Дорога стала суживаться. Вотъ татарскія кладбища; скорѣе—мимо ихъ. Ноги мои начали путаться въ наполненныхъ снѣгомъ чевякахъ. Потъ съ меня лилъ градомъ; страшную жажду утолялъ снѣгомъ, который хваталъ пригоршнями. Такъ пробѣжалъ я, примѣрно, верстъ 20 и сълъ въ изнеможеніи на снѣгъ. Какъ отъ лошади, послѣ долгой ѣзды въ морозную зиму, шолъ отъ меня паръ. Я слышалъ: кто-то по тропинкѣ идетъ. На головѣ мокрые волосы встали у меня дыбомъ. «Ну, теперь не миновать миѣ своей погибели», мелькнуло у меня въ умѣ. Я началъ всматриваться впередъ, откуда явственно слышался какой-то шорохъ, и увидѣлъ огромную дикую свинью. Какъ быть? Когда свинья приблизилась ко миѣ сажени на двѣ, я крикнулъ, что было мѣчи. Свинья шаркнулась съ тропинки въ сторону и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, въ снѣгу завязла. Потомъ полезла далѣе. Я тихо пошелъ по тропинкѣ, не спуская глазъ съ дикаго животнаго. Отойдя сажень десять, пустился бѣжать, что называется, во все лопатки. Долго ли бѣжалъ, не помню. Тутъ и чересовъ забылъ. Остановился, посмотрѣлъ назадъ: не бѣжать ли за мной свинья? Нѣтъ, и рысью побѣжалъ далѣе. Взмошная на миѣ шубенка стала тяжела; въ цору бы ее и сбросить. А снѣгъ безпрестанно бросалъ себѣ въ ротъ, какъ воду на каменку. Отъ свиньи отбѣжалъ приблизительно верстъ 10. Мои портянки и чевяки размочалились. Я пошелъ шагомъ. Начала занимать заря. Дорога видѣлась впереди шире и шире, и миѣ было очень способно бѣжать. Вотъ и лѣсъ сталъ рѣже. Потому—дорога санная, миѣ попутная: вѣрно, въ Незапную. Тутъ я, немного отдышавшись, тихо проговорилъ: «Господи! вынеси раба твоего грѣшнаго. Непусти врагамъ или звѣрямъ растерзать мое нечистое тѣло на чужбинѣ. И приведи миѣ быть у Твоего св. гроба въ Іерусалимѣ, чтобы пролить чистосердечныя мои слезы за толь щедрія и богатія Твои милости».—Свѣтало. Миѣ подумалось, что откуда нибудь, издали, хищники могутъ меня завидѣть и миѣ будетъ невозможно укрыться отъ нихъ. Я бѣжалъ, сколько оставалось силъ моихъ. Слезы лились отъ встрѣчнаго вѣтра; но миѣ было не до нихъ... Вотъ вдали, по правую сторону, я увидѣлъ башню Незапной крѣпости, а тамъ—и Андреевскій аулъ. Скорѣ лѣсъ совершенно кончился.

Я выбѣжалъ на большую дорогу, которая шла съ линіи отъ Терека. Вонъ, часовой на крѣпостной стѣнѣ. Я прибѣжалъ къ форштадскимъ воротамъ и упалъ замертво....

Фавишевичъ ужаснулся, увидѣвъ меня въ такомъ помстившій плачевномъ видѣ, и былъ очень радъ моему возвращенію. Онъ, по прежнему, взялъ меня къ себѣ на службу. Хотя и искажена была моя голова, но въ ней, благодаря Бога, умъ не повредился. — Прошло близъ мѣсяца, и я началъ хлопотать по дѣлу о моемъ плѣнѣ. Пришолъ къ полковому командиру Козловскому, рассказалъ ему все дѣло и просилъ выдать мнѣ свидѣтельство о томъ, что въ плѣну у хищниковъ я дѣйствительно былъ. Командиръ сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за то, что я иногда поздно ходилъ въ Андреевскій аулъ; однако приказалъ отобрать отъ меня въ полковой канцеляріи подробное объясненіе, выдать мнѣ надлежащее свидѣтельство и отнести къ начальнику лѣваго фланга генералу Гасверту.

Послѣ того Фавишевичъ далъ мнѣ порученіе ѣхать на линію до Ставрополя для разузнанія цѣны на скотъ. Это порученіе мнѣ теперь было какъ нельзя болѣе кстати. 21-го марта я отправился верхомъ, при «оказіи», до Терека, а потомъ одинъ, по большой дорогѣ, на старое свое пепелище—Пятигорскъ. Здѣсь съ старинными пріятелями провелъ первые три дня пасхи и двинулся въ Ставрополь. По приѣздѣ сюда, на Фоминной недѣлѣ, въ понедѣльникъ, я подалъ прокурору, съ приложеніемъ свидѣтельства о плѣнѣ, прошеніе, конимъ ходатайствовалъ «объ освобожденіи меня отъ помѣщичьяго владѣнія». Послѣ того возвратился въ Незашпую крѣпость.

Помнитея, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца у насъ разнесся слухъ, что Незашпую посѣтитъ главнокомандующій графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Онъ осматривалъ въ горахъ всѣ укрѣпленія. Ѣхалъ, будто бы, изъ Тифлиса чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуру и аулы: Казіуртъ и Кустяки, а затѣмъ и Андреевскій. Въ назначенный день мы всѣ вышли за крѣпостныя ворота встрѣчать высокаго гостя. Когда графъ, съ многочисленнымъ конвоемъ и свитой, показался изъ Андреева аула, началась стрѣльба изъ крѣпостныхъ орудій. Онъ, украшенный сѣддинами, ѣхалъ на бѣлой черкесской лошади. Съ лица его не сходила пріятливая улыбка. Подѣхавъ къ намъ, графъ спрашивалъ: вѣтъ-ли кому отъ кого обиды или притѣсненія? Тогда полковникъ Козловскій представилъ меня предъ лицомъ графа. Его сіятельство очень ласково со мной говорилъ и спрашивалъ о моемъ плѣнѣ. Въ заключеніе онъ съ улыбкою сказалъ:

— Молодецъ! Скоро ушло отъ нихъ. Вѣрно, тебѣ тамъ не повредилося.

И съ тѣмъ поѣхалъ отъ меня. Въ крѣпости былъ разводъ, которымъ графъ остался доволенъ и благодарилъ Козловскаго. На другой день графъ

оставил Незапауню и чрез Баташъ-Юргъ отправился на ливню въ Бастыченское укрѣпленіе.

По отъѣздѣ графа, войско изъ крѣпостей начало стекаться въ сборный пунктъ—укрѣпленіе Таскичи. Съ своими нагруженными разною провизіей арбами притащились и мы. Войска собралось тысячъ до 30. Скоро прибылъ графъ Воронцовъ, и выступилъ изъ Таскичей къ Незапной ¹⁾. Въ одномъ мѣстѣ войско расположилось на отдыхъ. Зной былъ нестерпимый, и потому всѣми чувствовалась сильная жажда. Отъ меня потребовали для графа портеру. Я взялъ съ дюжину бутылокъ и съ ними явился къ графу. Онъ спросилъ: какого я полка маркитантъ? Козловскій отвѣчалъ, что вѣреннаго ему полка.

— Да это горскій плѣнникъ,—сказалъ съ улыбкою графъ. Сколько стоитъ бутылка портеру?

— Два рубля,—отвѣчалъ я.

Графъ подивился, что такъ дорого. Я высчиталъ всѣ расходы, во что обходится каждая бутылка маркитанту. Графъ покачалъ головою и сказалъ.

— На тебѣ за 10 бутылокъ (20 руб.).

Я поклонился и пошелъ къ своему обозу.

29-го мая войско, подъ начальствомъ графа Воронцова, выступило изъ Незапной на Метлинскую переправу черезъ рѣку Сулакъ. Съ этимъ войскомъ пошелъ самъ Фавишевичъ, а я получилъ расчетъ, и 12-го іюня отправился въ Ставрополь.

Здѣсь, въ областномъ правленіи, извѣстное дѣло мое затнулось разными справками, переписками, да проволочками. Между тѣмъ, я получилъ отъ жены письмо съ извѣстіемъ, что тамъ, на родинѣ, прошолъ слухъ о моемъ плѣнѣ и новый бурмистръ (Тархова уже не было на свѣтѣ) писалъ въ Незапную крѣпость, въ полкъ, чтобы я высланъ былъ по этапу на родину. Но изъ полка отвѣчали, что меня тамъ нѣтъ и потому всѣ находятся въ недоумѣніи относительно моего пребыванія. А я спокойно торговалъ въ лавкѣ знакомыхъ купцовъ и ждалъ рѣшенія своего дѣла.

Наступило 16-е число октября. Поутру пришелъ ко мнѣ знакомый чиновникъ, поздравилъ меня съ освобожденіемъ отъ помѣщичьяго ига и просилъ идти въ Областное Правленіе за полученіемъ свидѣтельства. Выслушалъ я это и ни слова не могъ вымолвить счастливому вѣстанку. Бывала

---

¹⁾ Передъ эгимъ выступленіемъ графъ отправилъ одинъ баталіонъ кабардинскаго полка съ нѣсколькими сотнями донскихъ казаковъ, подъ командою храбраго полковника Домбровскаго, въ горы, въ Чечню, съ тѣмъ, чтобы въ назначенное время и на извѣстномъ урочищѣ соединиться съ главнымъ отрядомъ. Но въ одной стычкѣ съ хищниками Домбровскій былъ убитъ; а нашъ прикащикъ съ рабочими едва спаслись.

въ жизни моей радости, но такой, какъ въ настоящую минуту, я не испытывалъ никогда... Господь праведный, какъ много я чувствую безконечное Твое милосердіе... Отселѣ начинается для меня новая жизнь...

Какъ на крыльяхъ прилетѣлъ я въ Областное Правленіе. Столовачальникъ. вынесъ мнѣ свидѣтельство, я росписался въ исходящей книгѣ въ его полученіи и поклонился столоначальнику въ ноги; больше мнѣ нечѣмъ было благодарить его. Потомъ этотъ чиновникъ сказалъ мнѣ, что на дняхъ будетъ дано знать по сему дѣлу Нижегородскому Губернскому Правленію для объявленія моему помѣщику и женѣ моей съ дѣтьми. Я еще разъ низко поклонился и вышелъ. Придя къ знакомымъ, началъ было читать свидѣтельство, но слезы радости застилали зрѣніе, и я ничего не могъ разобрать. Да, такія рѣдкія, столь счастливыя минуты не забываются во всю жизнь. Вотъ и теперь, я стою уже на краю гроба, а вспоминаю ихъ съ неописуемымъ удовольствіемъ.

Денегъ у меня въ это время оставалось 3 рубля, да незавидные серебряныя часы, которые я розыгралъ въ лотерею за 15 руб., и я задумался надъ тѣмъ: куда мнѣ пуститься, гдѣ приписаться? Тутъ получалъ я отъ двоюроднаго брата изъ Херсона письмо, которымъ онъ приглашалъ меня ѣхать къ нему. (Онъ былъ извѣщенъ мною, что я хлопочу въ Ставрополѣ о своей вольности). Я такъ и сдѣлалъ. Приписался въ херсонскіе мѣщане и извѣстилъ жену, чтобы она пріѣзжала съ дѣтьми ко мнѣ. Ее старались задержать и притѣснить (какъ она мнѣ рассказывала); но противъ закона и права ничего не могли подѣлать мѣстныя власти, тѣмъ болѣе, что главные мои гонители—помѣщикъ и главноуправляющій Рагузинъ въ это время отдали Богу свои грѣшныя души. Жена съ дѣтьми пріѣхала ко мнѣ въ Херсонъ и мы начали жить по новому.

Н. Н. Шиповъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Г. П. ПАВОКІЙ И МИТРОПОЛИТЪ ФИЛАРЕТЪ.

Въ XII главѣ біографіи знаменитаго по своей учености протоіерея Герасима Петровича Павскаго, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» прошедшаго 1880 г. (въ № 5-мъ, на стр. 116—118), 1) разсказывается о судѣ надъ Герасимомъ Петровичемъ за его переводъ Св. Писанія на русскій языкъ, отлитографированный студентами С. Петербургской дух. академіи и разосланный ими едва ли не по всей Россіи, и о доносѣ касательно будто-бы не православія сего перевода, который (доносъ) сдѣланъ былъ инспекторомъ Московской дух. академіи, соборнымъ іеромонахомъ (впослѣдствіи архіепискомъ Волынскимъ) Агаѳангеломъ и который послужилъ началомъ къ тому суду, и главное—2) возводится обвиненіе на покойнаго московскаго митрополита Филарета, будто-бы онъ внушилъ своему любимцу, названному іеромонаху (Агаѳангелу) написать доносъ на Павскаго,—будто бы онъ научилъ его сдѣлать это. Но справедливо ли это обвиненіе?

1) Чтобы довѣряться чрезвычайно серьезному, при томъ весьма высоко стоящему начальнику въ важной тайнѣ, довѣряться своему, притомъ молодому, подчиненному, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково обвиненіе предъ лицомъ цѣлой всероссійской церкви Герасима Петровича въ неправославіи, еретичествѣ его перевода Св. Писанія, дѣйствовать не прямо, не открыто, бросать, такъ сказать, камнемъ въ бывшаго своего и даровитѣйшаго ученика изъ за угла, нападать на ближняго какъ бы изъ засады, вообще дѣйствовать коварнымъ образомъ,—сообразно ли это съ характеромъ покойнаго знаменитаго святителя? Онъ, когда встрѣчалъ въ какихъ-либо изданіяхъ, напр. въ Разсужденіи о ересьяхъ Руднева, въ Библейской исторіи для дѣтей священ. Красноцвѣтова (см. «Душ. Чт.» 1880 г. дек. стр. 498—503), въ Св. ист. прот. Богданова (въ томъ же журналѣ) и пр. что нибудь не согласное съ Св. Писаніемъ, съ ученіемъ и преданіями церкви, онъ всегда дѣйствовалъ открыто, писалъ замѣчанія начальству, отъ котораго зависѣло пропустить съ тѣми или другими недостатками сочиненіе, грозно замѣчалъ цензурнымъ комитетамъ, одобрявшимъ къ напечатанію произведеніе, недостойное одоб.

ренія ¹⁾), даже писалъ, подавалъ доклады о томъ Св. Синоду. Припомнимъ при этомъ въ особенности примѣчанія митр. Филарета на «Христ. ученіе въ краткой системѣ»... и «Начертаніе церковной исторіи», преподанныхъ Государю Наслѣднику Престола, незадолго предъ симъ царствовавшему Государю Императору. Тутъ дѣло начиналось не только церковное, но и политическое, тутъ дѣло начиналось, правда, съ тѣмъ же прот. Герасимомъ Петр. Павскимъ, но съ прот. Павскимъ, не живущимъ только на пенсіи и безвѣстно, смиренно служащимъ при церкви Таврическаго дворца, а въ собственномъ смыслѣ служащимъ при Императорскомъ Дворѣ, имѣющимъ тамъ важныя связи, съ высокочтимымъ законоучителемъ Наслѣдника Престола и дорого цѣнимымъ профессоромъ С.-Петербургской Дух. Академіи, и главное—дѣло начиналось такое, которое все-непремѣнно должно было дойти до Государя Императора Николая Павловича и которое могло очень встревожить Государя и ему не понравиться. Однакожъ высокопреосвященный митрополитъ не сталъ тутъ молчать, или не сталъ при этомъ дѣйствовать чрезъ другихъ какихъ либо подставныхъ лицъ, не пошелъ окольными, тайными путями, а пошелъ прямымъ путемъ, самъ и открыто написалъ и препроводилъ къ главному руководителю въ дѣлѣ ученія Государя Наслѣдника Вас. А. Жуковскому о недостаткахъ, о несообразностяхъ (положимъ, мнимыхъ) въ христіанскомъ ученіи и церковной исторіи, преподаваемыхъ имѣющему быть Государемъ Императоромъ Россіи и будущему главному защитнику и покровителю православной, государственной вѣры и церкви. Если при этомъ въ 1835 году преосв. митрополитъ дѣйствовалъ такъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ имѣлъ успѣхъ; то отчего же бы онъ теперь—въ 1841 году—сталъ дѣйствовать иначе: скрытно, изъ за угла и съ лукавствомъ, когда притомъ противникъ его сдѣлался слабѣе и когда дѣло начиналось, повидимому, менѣе важное, только церковное, а не политическое вмѣстѣ (хотя, впрочемъ, ему послѣ, и помимо митр. Филарета, и приданъ былъ оттѣнокъ политическаго)?!

Это однакожъ, скажутъ, только разсужденіе, это одна теорія, основывающаяся на характерѣ митр. Филарета, а авторъ біографіи Павскаго, помѣщенной въ «Русской Старинѣ», основываетъ свое обвиненіе, по крайней мѣрѣ поводъ къ обвиненію Филарета, въ томъ, что именно онъ внушилъ инспектору Московской академіи Агавангелу составить и послать тремъ митрополитамъ доносъ о неправославіи, о

¹⁾ Заимѣчанія Митр. Филарета на Библ. ист. для дѣтей свящ. Красноцѣтова стояли не мало горя цензору, помнится ректору С.-Петерб. семинаріи, архим. Макарію (Змину) и были причиною того, что эта исторія въ концѣ 1830-хъ годовъ была отобрана изъ семинарскихъ и училищныхъ бібліотекъ.

еретичествѣ перевода Св. Писанія на русскій языкъ Павскаго,—основываетъ на фактѣ, или почти на фактѣ, и именно на автобіографіи Гер. П. Павскаго, которому, какъ замѣчаетъ онъ (т. е. авторъ его біографіи), исторія съ русскимъ переводомъ библіи, конечно, лучше была извѣстна, чѣмъ кому либо. Павскій же въ своей автобіографіи о разсматриваемомъ нами дѣлѣ вотъ что говоритъ: «Видя, что я не совсѣмъ уничтоженъ первымъ натискомъ (доносомъ митр. Филарета по поводу «Христіанскаго ученія въ краткой системѣ»...), враги мои постарались сдѣлать вторую пробу придавить меня. Послѣ отказа моего отъ профессорства въ академіи (въ 1835 г.), ученики, довольные моими уроками, собрали ихъ и, налитографировавъ, разослали и другимъ бывшимъ моимъ ученикамъ. Эти литографированныя тетради попали моимъ врагамъ... Московскіе невѣжды нашли въ моихъ урокахъ несообразное съ 70-тью толковниками, и одинъ изъ нихъ, бывший тогда инспекторъ академіи Московской, Агаѳангелъ, написалъ на нихъ злую критику и по почтѣ изъ Владиміра послалъ къ тремъ митрополитамъ: Серафиму, Филарету Кіевскому и Филарету Московскому. Послалъ онъ обвиненіе будто отъ своего имени, а между тѣмъ меня увѣряли, что это новая продѣлка Филарета Московскаго. Огорчаясь прежнею неудачею и моимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на его прежнія замѣчанія, не мудрено, что онъ и въ шилъ и сію вторую попытку любимому своему монаху Агаѳангелу. Сія попытка имѣла такое слѣдствіе: когда присланъ былъ литографическій переводъ Св. Писанія и ябедническія замѣчанія къ тремъ митрополитамъ... ¹⁾ Но этотъ фактъ къ обвиненію митр. Филарета въ наущеніи Агаѳангела написать доносъ на Павскаго о неправославіи его перевода Св. Писанія на р. языкъ—только мнимый, а не дѣйствительный фактъ... Герасиму Петровичу и весьма естественно было заподозрить высокопреев. митрополита въ недоброжелательствѣ къ нему, во внушеніи подчиненному и любимцу своему соборному іеромонаху—написать неблагопріятныя, даже гибельныя для него замѣчанія на его переводъ Св. Писанія. Между нимъ, Герасимомъ Петровичемъ, и митр. Филаретомъ существовалъ, какъ видно изъ самой біографіи, помѣщенной въ «Р. Старинѣ», постоянный антагонизмъ, едва ли не съ самаго окончанія курса академіи Павскимъ, или по крайней мѣрѣ со времени отверженія симъ послѣднимъ Филаретова предложенія о принятія имъ монашества, и по поводу всегдашняго уклоненія Павскаго отъ желаемыхъ Филаретомъ совѣщаній съ нимъ на счетъ преподаванія имъ—Павскимъ—богословія въ университетѣ, касательно составленія программы для преподаванія Закона Божія

¹⁾ Этотъ отрывокъ автобіографіи Павскаго напечатанъ въ его біографіи Н. И. Барсова. См. „Р. Стар.“ 1880 г. № 5 стр. 116—118.

въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и тѣмъ болѣе программы для преподаванія сего предмета будущему Государю Россіи. Въ особенности же нерасположенность Герасима Петровича къ митр. Филарету усилилась съ тѣхъ поръ, какъ симъ послѣднимъ сдѣланы были строгія и, быть можетъ, не всѣ безпристрастныя и справедливыя замѣчанія на его уроки по Закону Божію, преподаваемые Государю Наслѣднику престола. И дѣло тутъ понятное: онъ — Герасимъ Петр.— при этомъ оглашенъ былъ не вполне православнымъ и преподающимъ ученіе вѣры будущему Государю Россіи индѣ въ духѣ протестантизма и рационализма; онъ, Герасимъ Петр., чрезъ эти замѣчанія устраненъ былъ отъ исполненія такой важной, высокой и для него пріятной обязанности, каково наученіе православной вѣрѣ и наставленіе въ христіанской нравственности Наслѣдника престола; онъ вслѣдствіе ихъ, въ 1835 году, долженъ былъ отказаться отъ любимаго имъ профессорства въ дух. академіи и вмѣстѣ отъ участія въ изданіи тогда единственнаго въ цѣлой Россіи дух. журнала, «Христіанскаго Чтенія».

И такъ повторю, Павскому въ своей автобіографіи весьма немудрено, даже почти весьма естественно было взвести обвиненіе въ доносѣ на неправославіе его перевода библии на русскій языкъ и на непричастнаго къ тому Московскаго архипастыря. Но зачѣмъ г. составителю біографіи Павскаго, напечатанной въ «Р. Старинѣ» (см. 1880 г., № 5, стр. 118) было умалять вину виновнаго, инспектора Моск. академіи, слагать съ виновнаго въ доносѣ и возлагать ее на неповиннаго въ томъ его высокаго начальника? Отчего онъ, г. составитель біографіи, не принялъ во вниманіе взволнованное, раздраженное состояніе Герасима Петровича, между прочимъ даже и въ то время, когда имъ писана была автобіографія? Отчего онъ, авторъ біографіи, не обратилъ вниманія на то, что Герасимъ Петр. въ своей автобіографіи, вводя обвиненіе на митр. Филарета, не привелъ ни малѣйшаго факта, который бы могъ служить къ сему обвиненію, а основалъ его единственно на предположеніи, что если прежде (въ 1835 г.) Филаретъ обвинялъ его въ неправомисліи, то и въ 1841 г. никто болѣе какъ онъ же могъ обвинять его въ томъ же, или и еще болѣе—въ вольнодумствѣ, въ еретичествѣ, въ маркіонизмѣ: «Огорчаясь прежнею неудачею и своимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на его прежнія замѣчанія, немудрено, что онъ, Филаретъ, внушилъ и сію вторую попытку любимому своему монаху Агавангелу»? Отчего онъ, авторъ біографіи, упустилъ изъ вида и то обстоятельство, и то сознание самаго Герасима Петрова, что онъ винилъ въ доносѣ своего ученаго и высокостоявшаго противника, съ чужихъ словъ, со словъ недоброжелателей (которыхъ у митр. Филарета завсегда, особенно въ средніе

годы его жизни, было не мало): «Послалъ онъ (Агаангелъ) обвиненіе будто отъ своего имени, а между тѣмъ меня увѣрили, что это новая продѣлка Филарета московскаго»!!? Наконецъ, отчего авторъ біографіи упустилъ изъ вида и слова одного безъимяннаго, но примѣтно, добраго и главное—хорошо знавшаго дѣла, по крайней мѣрѣ начало дѣла, «одного изъ почитателей» талантовъ Герасима Петровича, который, увѣдомля о сдѣланномъ доносѣ на него, на его русскій переводъ писанія, и совѣтуя ему принять «предосторожности отъ имѣющихъ еще послѣдовать» результатовъ доноса, говоритъ въ письмѣ своемъ между прочимъ: «Онъ, бывшій инспекторъ Московской дух. академіи, соборный іеромонахъ Агаангелъ, а нынѣ харьковскій ректоръ... сознался уже въ этомъ» (въ томъ, что съ Владимірской почты послалъ три письма преосвященнымъ митрополитамъ о найденномъ неправославіи въ переводѣ, чрезъ студента академіи, отправлявшагося на Рождество Христово во Владиміръ) «владыкѣ московскому Филарету, но по чрезвычайному честолюбію думаетъ еще выгодать чрезъ сіе у начальства» ¹⁾. Еслибъ Агаангелъ написалъ и сдѣлалъ доносъ по внушенію именно митр. Филарета, то въ чемъ же и для чего ему было сознаваться предъ высокопреосвященнымъ? Вѣдь, право, это была бы, мало сказать, недостойная, а глупѣйшая изъ глупѣйшихъ комедія, нисколько неподходящая къ извѣстному характеру покойнаго московскаго владыки.

И вотъ авторъ біографіи, не обративъ вниманія на эти обстоятельства, по приводѣ вышепомѣннаго отрывка изъ автобіографіи Павскаго, смѣло говоритъ: «Въ этомъ разсказѣ Павскаго важно то обстоятельство, что починъ этого дѣла (доноса о неправославіи перевода Св. Писанія Павскаго) онъ приписываетъ митр. Филарету... дѣйствительно, прочитавъ доносъ Агаангела, нельзя не замѣтить нарочитаго соответствія его сужденій съ извѣстными воззрѣніями Филарета... потерпѣвъ самъ при замѣнѣ Голицына Шишковымъ за то, что приводилъ въ своемъ катихизисѣ тексты Св. Писанія въ русскомъ переводѣ, митр. Филаретъ, однако, радъ былъ встать въ ряды противниковъ Павскаго и нанести ему (внушеніемъ сдѣлать доносъ) ударъ» ²⁾.

Впрочемъ, желающіе винить въ доносѣ о неправославіи перевода библіи в. завѣта, сдѣланнаго Павскимъ, покойнаго архипастыря московскаго, скажутъ: да у автора біографіи Павскаго, кромѣ приведеннаго факта (т. е. словъ, взятыхъ изъ автобіографіи Гер. Петровича) этого, такъ сказать, внѣшняго доказательства къ обвиненію

¹⁾ Письмо „почтателя талантовъ“ Павскаго напечатано тамъ же, т. е. въ „Р. Старинѣ“ 1880 г. № 5 на стр. 116—118.

²⁾ „Р. Старина“ 1880 г. № 5 стр. 116—118.

митр. Филарета въ подстрекательствѣ Агаангела на доносъ, есть еще другой и важный фактъ, внутреннее доказательство,—доказательство, заключающееся въ самомъ доносѣ Агаангела. Это согласіе, единство взгляда донощика на необходимость синодальнаго изданія всего Св. Писанія въ русскомъ переводѣ съ таковымъ же взглядомъ на это дѣло митр. Филарета. «Дѣйствительно, прочитавъ доносъ Агаангела, говоритъ авторъ біографіи Гер. Петровича, нельзя не замѣтить нарочитаго соответствія его сужденій съ извѣстными воззрѣніями Филарета. Жестоко нападая на Павскаго, какъ еретика, маркіонита, котораго непременно нужно судить судомъ церкви, а самый переводъ истребить, донощикъ очень убѣдительно и краснорѣчиво доказываетъ необходимость церковнаго, синодальнаго, авторизованнаго перевода библіи на русскій языкъ. Это была всегдашняя мысль Филарета, бывшаго члена библейскаго общества, одного изъ главныхъ сотрудниковъ его по изданію русскаго перевода Св. Писанія (преимущественно новаго завѣта). Потерпѣвъ самъ... за то, что приводилъ»...¹⁾ Но кто же изъ учившихся въ академіяхъ и служившихъ какъ въ сихъ заведеніяхъ, такъ и въ семинаріяхъ въ 1830 и 1840 годахъ не зналъ, не вѣдалъ объ этихъ воззрѣніяхъ митр. Филарета на дѣло переложенія Св. Писанія на русскій языкъ и изданія его въ публику для всеобщаго употребленія? Если мы, учившіеся (въ 1833—37, а также въ 1831—35 и въ 1835—39 гг.) въ Петерб. академіи, неподчиненной непосредственно митр. Филарету, твердо знали объ этомъ и если намъ, служившимъ (въ 1838—48 гг.) за тридцать земель отъ столицъ, въ одной изъ сибирскихъ семинарій, это хорошо было извѣстно; то какъ же этого было не знать Агаангелу—одному изъ первыхъ студентовъ московской, (1832—36 гг.), непосредственно подчиненной Филарету, академіи, а потомъ ея бакалавру и инспектору, притомъ пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ митрополита? Къ тому же въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ студенты всѣхъ академій, также служащіе во всѣхъ семинаріяхъ и образованные изъ лицъ духовныхъ, можно сказать, горѣли желаніемъ видѣть Св. Писаніе въ русскомъ переводѣ и этотъ переводъ имѣть у себя подъ руками для чтенія, для пользованія имъ, для назиданія; да и изъ свѣтскихъ особенно изъ образованныхъ, не много находилось лицъ, подобныхъ адмиралу Шишкову и знаменитому Аракчееву, которые не желали видѣть писаніе въ переводѣ на общепонятный языкъ, даже противодействовали этому святому дѣлу. Это-то, можно сказать, почти всеобщее желаніе видѣть и имѣть писаніе въ русскомъ переводѣ и было причиною столь быстраго расхода въ концѣ 1830-хъ годовъ трехъ

¹⁾ Р. Стар. 1880 г., № 5, стр. 116—118.

литографированныхъ студентами Петербургской академіи изданій перевода Павскаго. Какъ было сильно желаніе видѣть и имѣть писаніе въ русскомъ переводѣ въ академіяхъ въ указанное время—объ этомъ весьма дѣльно и подробно высказалъ покойный профессоръ московской академіи Петръ Симонъ Казанскій въ статьѣ своей, которая напечатана въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ «Прав. Обзорѣнія»—но которой, къ сожалѣнію, нѣтъ теперь у меня подъ руками. О себѣ скажу, что когда вѣсть о налитографированіи перевода Павскаго разошлась по семинаріямъ, я немедленно выписалъ экземпляръ его чрезъ земляка своего, бывшаго въ числѣ студентовъ XIII курса П. академіи, а ректоръ нашей (Тобольской) семинаріи, архим. Венедиктъ, (давно уже покойный), учившійся впрочемъ не въ Петербургской академіи и слѣдовательно не имѣвшій причины быть особенно привязаннымъ къ Павскому, выписалъ для себя экземпляръ чрезъ кого-то другаго. Мой экземпляръ не одинъ разъ побывалъ въ рукахъ, кромѣ сослуживцевъ моихъ, и у тогдашняго глубокоученаго архіепископа Тобольскаго Аѳанасія (Протопопова, скончавшагося въ исходѣ 1842 г.), товарища по академіи Павскаго (этотъ кончилъ курсъ 1-мъ, а Аѳанасій—2-мъ и по окончаніи курса тотчасъ сдѣланъ инспекторомъ академіи). Чтожъ касается учениковъ семинаріи богословскаго класса, то по крайней мѣрѣ добрая половина ихъ готовы были своеручно переписывать для себя переводъ. И такъ, чтоже удивительнаго, особеннаго и, главное, могущаго служить признакомъ, доказательствомъ наущенія со стороны митр. Филарета противъ перевода Павскаго въ томъ, что донощикъ въ своемъ доносѣ «очень убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ необходимость» изданія, по истребленіи неправильнаго перевода библіи Павскаго, изданія «церковнаго, синодальнаго, авторизованнаго перевода библіи (ветхозавѣтной) на русскій языкъ»? И всѣ, кромѣ какихъ нибудь Шишковыхъ и Аракчеевыхъ, а особенно занимавшіеся такъ или иначе изученіемъ богословскихъ наукъ желали этого! И такъ, «нарочитое соотвѣтствіе сужденій» донощика о необходимости изданія въ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ учебный и ученый, «правильнаго, синодальнаго, авторизованнаго перевода библіи на русскій языкъ», соотвѣтствіе съ извѣстными воззрѣніями Филарета на обсуждаемый здѣсь предметъ—вовсе не можетъ служить доказательствомъ (притомъ внутреннимъ) того, будто инспекторъ московской академіи, сочиняя въ 1841 году доносъ о неправославіи перевода библіи Павскаго и отправляя съ доносомъ письма къ тремъ предстоятелямъ Россійской церкви, дѣйствовалъ по внушенію митр. Филарета.

2) Обвиненіе покойнаго знаменитаго московскаго владыки во внушеніи соборному іеромонаху Агаѳангелу довести о неправославіи

перевода Св. Писанія в. завѣта на русскій языкъ Павскаго (хотя оно и основывается на автобіографіи самаго Павскаго, а также и на соответствіи мыслей донощика о необходимости синодальнаго изданія Св. Писанія въ р. переводѣ съ воззрѣніями на это дѣло митр. Филарета), оказывающееся несостоятельнымъ при сопоставленіи его съ характеромъ и положеніемъ митр. Филарета, тѣмъ болѣе несостоятельнымъ оно оказывается предъ лицомъ свидѣтельскихъ о томъ заявленій, показаній. «Что говорилъ покойный Павскій въ своей автобіографіи о митр. Филаретѣ (что будто-бы онъ внушилъ Агаѳангелу...), пишетъ своему знакомому лицу ¹⁾ въ высшей степени компетентное въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, «это чистѣйшій и самый недостойный поклѣпъ на великаго архипастыря. Я положительно знаю, (знали, впрочемъ, и говорили объ этомъ, какъ хорошо памятно пишущему и ранѣе сего, притомъ говорили люди и не близко стоявшіе къ дѣйствовавшимъ лицамъ), какъ жестоко бранилъ онъ (Филаретъ) Агаѳангела за то, что онъ, не спросясь его, сдѣлалъ доносъ членамъ Св. Синода о переводѣ Павскаго ²⁾. Покойный Агаѳангелъ, продолжаетъ вышепомянутое лицо, читалъ одному довѣренному ему человѣку свое черновое письмо къ митр. Филарету, въ которомъ оправдывался въ своемъ смѣломъ поступкѣ. Видно, заканчивается письмо замѣчаніемъ, что о. Павскій сильно вооруженъ былъ противъ Филарета, что взнесъ на него такой поклѣпъ». Не излишне здѣсь повторить и выше приведенныя слова изъ письма «одного изъ чтущихъ таланты» Герасима Петровича, который извѣщалъ его о сдѣланномъ на его переводъ доносѣ: «онъ (Агаѳангелъ) сознался уже въ этомъ (въ томъ, что послалъ три письма тремъ преосвящ. митрополитамъ о найденномъ неправославіи въ переводѣ...) Владикѣ московскому Филарету». Еслибъ доносъ Агаѳангела не былъ секретъ для моск. владыки, то, конечно, не въ чемъ и не для чего было бы предъ нимъ соборному іеромонаху и сознаваться.

Омскъ. 11 марта 1881 г.

Протоіерей Александръ Суходкій.

¹⁾ Лицо это уже никакъ не я—пишущій: я учился въ Петербургской академіи, и нигдѣ не служилъ подъ начальствомъ покойнаго Агаѳангела, даже никогда и не видалъ его.

²⁾ Гнѣвъ м. Филарета на Агаѳангела, конечно, былъ причиною того, что онъ, Агаѳангелъ, тотчасъ послѣ доноса оказался повидимому и на высшемъ мѣстѣ, на Харьковской ректорѣ, только уже не въ моск. академіи. У высокопреосв. Филарета соблюдалась такого рода тактика: не понравился, провинился инспекторъ академіи (хотя бы то и не по отношенію къ нравственности), сейчасъ же его вонъ изъ академіи, прочь отъ непосредственнаго его начальствованія, сейчасъ же ему дается высшее назначеніе, въ ректоры какой либо семинаріи. Такъ, напр., было поступлено нѣсколько ранѣе событія съ Агаѳангеломъ съ усвоившимъ духоборческія мнѣнія инспект. моск. академіи Платономъ (въ мирѣ прот. Петромъ Гавр. Казанскимъ), сейчасъ онъ получилъ мѣсто ректора въ Нижегородской семинаріи, а оттуда чрезъ непродолжительное время потянулся несчастный на длинное и предлинное испытаніе въ Валаамскій монастырь.

А. С.

ОРЕНБУРГСКІЕ ПОЖАРЫ

въ 1879 г.

Въ апрѣльской книгѣ ежемѣсячнаго историческаго изданія «Русская Старина» за 1881 годъ, между прочимъ, помѣщена статья г. Тимановскаго «Оренбургскіе пожары». Описывая въ оной пожаръ, бывшій 16-го апрѣля 1879 года, и свое личное участіе въ принятіи мѣръ къ огражденію общественной безопасности, г. Тимановскій говоритъ, что въ первомъ часу дня, явись къ губернатору Астафьеву, засталъ его «лежащимъ на диванѣ; около него ни одного офицера и даже ни одного полицейскаго; никакихъ свѣдѣній (Астафьевъ) о пожарѣ не получаетъ, никакихъ распоряженій не дѣлаетъ». Далѣе, говоря о роли, принятой на себя въ распредѣленіи по разнымъ пунктамъ нижнихъ чиновъ для обхода и окарауливанія имущества погорѣльцевъ, г. Тимановскій приводитъ этотъ фактъ какъ доказательство, насколько теряются иногда люди, и утверждаетъ, что «въ городѣ, полномъ равныхъ высшихъ военныхъ чиновъ, въ центрѣ генераль-губернаторства, полномъ административныхъ властей, пришлось распорядиться охраненіемъ общественной безопасности чело-вѣку, къ тому вовсе не подготовленному».

Нѣтъ сомнѣнія, что по фактамъ, приводимымъ г. Тимановскимъ, люди, не имѣющіе никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Оренбургской администраціи въ роковой день 16-го апрѣля, могутъ вывести заключеніе, что въ это время Оренбургскія власти, въ виду ужаснаго бѣдствія, опустили руки и не знали, что дѣлать. Какъ очевидецъ, пережившій Оренбургскіе пожары, и какъ чело-вѣкъ, которому, по служебному положенію, были извѣстны распоряженія, сдѣланныя въ упомянутый день, я считаю долгомъ, въ интересахъ справедливости, со-

общить по сему предмету нѣкоторые свѣдѣнія, основанныя на точныхъ данныхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ фактической передачѣ означенныхъ свѣдѣній, я не могу не замѣтить, что г. Тимановскій, повидимому, придаетъ особенное значеніе личному содѣйствію, оказанному имъ въ указаніи воинскимъ частямъ пунктовъ, куда онѣ должны были отправиться для окарауливанія принадлежащаго погорѣльцамъ имуществу. Я не отрицаю этого содѣйствія. Скажу даже болѣе: я отдаю полную справедливость г. Тимановскому за предложеніе своихъ услугъ для пользы общей въ самый разгаръ пожара. Все это, однакожъ, не устраняетъ у меня сомнѣнія въ томъ, чтобы при выясненіи факта, указывающаго на личную дѣятельность, было правильно говорить о другихъ лицахъ, не принимавшихъ совмѣстно участія, какъ о потерявшихся въ это время. Не рискуя впасть въ ошибку, я полагаю, что г. Тимановскій усвоилъ себѣ подобный взглядъ потому, что ему не были извѣстны вообще всѣ мѣры, принятыя Оренбургскими властями, какъ для прекращенія распространившагося пожара, такъ и для облегченія участи погорѣльцевъ.

Въ ряду этихъ мѣръ содѣйствіе г. Тимановскаго къ огражденію общественной безопасности въ городѣ Оренбургѣ 16-го апрѣля 1879 г. было далеко не послѣднимъ словомъ, сказаннымъ въ пользу бѣдствующаго населенія. При громаднхъ размѣрахъ, принятыхъ пожаромъ, необходимо было позаботиться: во 1-хъ, объ изысканіи средствъ для прекращенія самаго пожара, который не только 16-го апрѣля, но и на другой день, въ случаѣ перемѣны вѣтра, могъ перевестись на удѣльвишую часть и угрожалъ полнымъ истребленіемъ города; во 2-хъ, о продовольствіи массы нуждающихся; въ 3-хъ, о размѣщеніи ихъ и въ 4-хъ, о предупрежденіи беспорядковъ, столь возможныхъ при возбужденномъ состояніи населенія.

Имѣющіяся у меня подъ рукою данныя представляютъ мнѣ возможность привести почти все, что было сдѣлано для достиженія указанныхъ выше цѣлей. Прежде всего, не дагѣ какъ въ часъ полудни, 16-го апрѣля, т. е. вскорѣ послѣ порученія г. Тимановскому принять на себя указаніе, куда должны быть направлены воинскія части для огражденія общественной безопасности, губернаторомъ Астафьевымъ были посланы въ Самару двѣ телеграммы: одна къ начальнику Самарской губерніи, а другая къ городскому головѣ съ извѣщеніемъ о пожарѣ и съ просьбою о присылкѣ пожарныхъ инструментовъ съ прислугою при нихъ, такъ какъ на мѣстныя силы, истощенныя уже въ борьбѣ съ огнемъ, было мало надежды для энергическихъ дѣйствій при потушеніи пожара.

Объѣхавъ послѣ сего со мною мѣста, охваченныя пожаромъ, и убѣдись, что пожаръ продолжается съ возрастающею силою, что нѣтъ никакой возможности остановить распространеніе огня по направленію вѣтра и что тысячи семействъ послѣ этого бѣдствія останутся безъ крова, губернаторъ Астафьевъ, въ два часа пополудни, вновь телеграфировалъ объ этомъ Самарскому губернатору, прося его предложить торговцамъ печенымъ хлѣбомъ доставить оный 17-го апрѣля, утромъ, въ гор. Оренбургъ. Независимо отъ этого, по порученію генералъ-лейтенанта Астафьева, и. д. наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, бывшій у него неоднократно въ этотъ день, распорядился извѣстить, чрезъ особыхъ нарочныхъ, жителей окрестныхъ станицъ и поселковъ о постигшемъ г. Оренбургъ несчастіи, предлагая имъ оказать немедленно помощь бѣдствующему населенію платьемъ, хлѣбомъ и другими продуктами ¹⁾. Изъ тѣхъ же мѣстъ и въ то же время были потребованы бочки, которыя, по доставленіи въ Оренбургъ, употреблены для возки воды, необходимой при потушеніи огня на пепелищахъ отъ пожара, и находились въ Оренбургѣ, сколько мнѣ помнится, не менѣе 2-хъ недѣль.

Въ видахъ размѣщенія погорѣльцевъ, по соглашенію того же генерала Астафьева съ подлежащимъ начальствомъ, было разрѣшено занять баракы военной гимназіи и артиллерійской команды, находящіяся на маячной горѣ, вблизи г. Оренбурга. Мѣра эта представила возможность, на другой же день послѣ пожара, помѣстить тамъ до 500 человекъ погорѣльцевъ, исключительно изъ семейныхъ людей.

Для усиленія средствъ мѣстной полиціи, на случай возникновенія какихъ либо беспорядковъ, по распоряженію и. д. наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, основанному на приказаніи генералъ-лейтенанта Астафьева, была вызвана учебная команда № 5-го полка, расположенная въ лагерѣ близъ г. Оренбурга. Команда эта въ полномъ составѣ прибыла на мѣсто къ 2-мъ часамъ пополудни 16-го апрѣля и предоставлена въ распоряженіе Оренбургскаго полиціймейстера.

Съ цѣлю усиленія конныхъ патрулей, 16-го того же апрѣля тотъ же и. д. наказнаго атамана распорядился о вызовѣ изъ ближайшихъ станицъ всѣхъ молодыхъ казаковъ, зачисленныхъ въ 1879 г. на службу. Мнѣ положительно извѣстно, что казаки эти на другой же день на-

¹⁾ Пожертвованія отъ казачьяго населенія хлѣбомъ и другими предметами на другой же день стали поступать и были направлены и. д. наказнаго атамана въ образовавшійся комитетъ народной помощи, для употребленія по назначенію.

чали прибывать въ г. Оренбургъ; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали переходъ отъ 70 до 80 верстъ въ 12—15 часовъ. Кромѣ сего, 16-го же апрѣля, были сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія о сборѣ льготныхъ казаковъ 1-го отдѣла, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ надобности, усилить ими воинскія части въ гор. Оренбургѣ и имѣть возможность подавить въ самомъ началѣ какіе либо беспорядки. Въ вызовѣ этихъ казаковъ не встрѣтилось, впрочемъ, необходимости при полномъ спокойствіи населенія.

Вотъ рядъ тѣхъ распоряженій, которыя были приняты въ памятный для жителей г. Оренбурга день 16-го апрѣля 1879 г. Изъ краткаго перечисленія оныхъ каждый непредубѣжденный человекъ увидитъ, что г. Тимановскій, принимавшій участіе въ огражденіи общественной безопасности, не былъ единственнымъ дѣятелемъ въ день пожара и что въ это же время другія служебныя лица, на отсутствіе коихъ при губернаторѣ Астафьевѣ сѣтуеть г. Тимановскій, скромно исполняли свои обязанности, приводя въ исполненіе мѣры къ прекращенію огня, обезпеченію продовольствія нуждающихся въ первое время послѣ пожара, размѣщенію ихъ и предупрежденію беспорядковъ. Всѣ эти мѣры были приняты въ моментъ самаго сильнаго распространенія пожара, а потому даже нынѣ, когда наступило время для спокойнаго обсужденія пережитаго событія, едва ли можно говорить что либо противъ дѣлесообразности означенныхъ мѣръ и приходить къ заключенію, что Оренбургскія власти потерялись въ виду ужаснаго бѣдствія. Такое заключеніе, я полагаю, могло-бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы указанныя мѣры не были приняты, или власти, дѣйствуя въ одностороннемъ направленіи, не предусмотрѣли всѣхъ случайностей, ожидаемыхъ отъ исключительнаго положенія обстоятельствъ. Казалось бы, что по приведеніи въ дѣйствіе указанныхъ выше мѣръ, Оренбургская администрація на другой день послѣ пожара, т. е. 17-го апрѣля, имѣла полное основаніе послать въ Петербургъ, какъ выражается г. Тимановскій, успокоительную телеграмму съ стереотипною фразою: «надлежащія мѣры къ устройству погорѣльцевъ приняты», но на самомъ дѣлѣ телеграммы въ такомъ содержаніи послано не было, а отправлена нижеслѣдующая: «Министру Внутреннихъ Дѣлъ» ¹⁾).

«Пожаръ, начавшійся въ г. Оренбургѣ съ 10-ти часовъ утра, продолжался, при страшной бурѣ, день и ночь 16-го апрѣля. Сегодня утромъ продолжаютъ догорать дома на всемъ пространствѣ пожарища.

¹⁾ Телеграмма эта была напечатана въ № 86 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1879 годъ.

Обгорѣла одна церковь, сгорѣли: двѣ, окружный штабъ, артиллерійскія казармы, городская дума, инженерное управленіе, гостинный дворъ, телеграфная станція, учительскій институтъ, казенная и контрольная палаты, отдѣленіе государственнаго банка, военно-окружный судъ и лучшія части города. Казенныя суммы и большая часть дѣлъ спасены. Понесенные народонаселеніемъ убытки громады; найдено пока три обгорѣвшихъ трупа. Болѣе половины народонаселенія находится безъ крова и хлѣба. Погорѣвшіе размѣщаются въ воинскихъ баракахъ за городомъ и лѣтнемъ помѣщеніи военной гимназіи. О доставленіи печенаго хлѣба телеграфировалъ Самарскому губернатору и распорядился по окрестнымъ станицамъ. Части пожарной команды, по требованію моему, прибываютъ сего дня изъ Самары. Предполагаю организовать комитетъ для помощи бѣдствующимъ, но масса нуждающихся столь велика, что мѣстныя средства будутъ далеко недостаточны для оказанія помощи. Покорнѣйше прошу, какъ можно поспѣшнѣе, ассигновать деньги для пособія изъ казны, или другихъ источниковъ. При пожарѣ, за принятыми мѣрами, случаевъ грабежа и насилія не было. Въ числѣ пострадавшихъ находится весьма много должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ».

Къ 18-му апрѣля были собраны болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о причинахъ пожара и о числѣ сгорѣвшихъ зданій; равнымъ образомъ выяснилось, въ чемъ заключаются первыя нужды погорѣльцевъ и что предпринято къ удовлетворенію ихъ. На основаніи сего, въ тотъ же день, утромъ, была послана начальникомъ губерніи министру внутреннихъ дѣлъ телеграмма ¹⁾ слѣдующаго содержанія:

«Комитетъ оказанія помощи погорѣльцамъ открытъ и приступилъ къ своей дѣятельности. Помощь оказывается отводомъ помѣщеній въ артиллерійскихъ баракахъ и военной гимназіи, выдачею хлѣба и продуктовъ, доставленныхъ изъ Самары. Причина пожара—неосторожность. Денежныя суммы городского банка, думы, общества взаимнаго кредита, отдѣленія государственнаго банка спасены, за исключеніемъ въ послѣднемъ на незначительную сумму кредитныхъ билетовъ, истлѣвшихъ въ несгораемомъ шкафу. Зданіе губернскаго казначейства не сгорѣло; казенныя суммы и дѣла въ сохранности. Дѣлъ казенной палаты не было возможности спасти. Сгорѣли: девятьсотъ сорокъ девять домовъ, двѣ церкви, мечеть, четыре мельницы, двѣсти девяносто двѣ лавки съ кладовыми; дегтярные и угольные балаганы, мясной, овощной, хлѣсной и дровяной базары. Кромѣ зданій, о коихъ изъ-

¹⁾ Телеграмма эта напечатана въ томъ же № 86 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1879 годъ.

вѣстно изъ телеграммы отъ 17-го апрѣля, сгорѣли: женская гимназія, прогимназія, общественное собраніе, богадѣльня, помѣщеніе Тургайскаго губернатора, телеграфная станція, первая полицейская часть, камера мирового судьи. Зданіе контрольной палаты спасено отъ истребленія».

По поводу сѣтованія г. Тимановскаго на нѣкоторыя ошибки въ дѣйствіяхъ комитета народной помощи, открытаго вскорѣ послѣ пожара, не могу не замѣтить, что справедливѣе было бы оцѣнивать дѣятельность сего комитета не по этимъ маловажнымъ ошибкамъ, неизбежнымъ въ каждомъ новомъ дѣлѣ, а по результатамъ, достигнутымъ при существовавшихъ условіяхъ. Смотра на дѣятельность комитета съ этой точки зрѣнія, я, на основаніи точныхъ, извѣстныхъ мнѣ, данныхъ, считаю не лишнимъ привести, что при помощи выданныхъ изъ упомянутаго комитета безвозвратныхъ ссудъ, къ концу 1879 года, т. е. въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были возобновлены и исправлены въ г. Оренбургѣ 731 домъ, изъ коихъ каменныхъ 259 и деревянныхъ 472. Кромѣ того 150 домовладѣльцамъ, получившимъ заимообразныя ссуды на опредѣленный срокъ, въ количествѣ 77,095 р., предоставлена возможность устроить дома къ тому же времени. Полагаю, что однѣ эти цифры, безъ всякихъ комментарій, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, насколько означенная дѣятельность была плодотворна для жителей гор. Оренбурга, пострадавшихъ отъ пожара.

А. М. Пустоваловъ.

28-го апрѣля 1881 года.

ПРИНЦЪ ПЕТРЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ

† 2-го мая 1881 г.

„Русская Старина“ уже представила на своихъ страницахъ, въ Воспоминаніяхъ В. В. Стасова объ Училищѣ Правовѣднія, оцѣнку одной изъ главнѣйшихъ заслугъ покойнаго Принца Петра Ольденбургскаго, оказанной имъ Россіи. Заслуга эта, уже независимо отъ многихъ другихъ, ознаменовавшихъ усердную, добрую службу Петра Георгіевича нашему Отечеству, настолько велика, что выдвигаетъ ея виновника въ рядъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, память о которыхъ съ благодарностью перейдетъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ русскаго народа. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость имѣть жизнеописаніе такого человѣка.

Приглашаемъ почитателей памяти покойнаго принца сообщить на страницы „Русской Старины“—матеріалы къ его биографіи, и теперь же приводимъ два его письма къ императору Николаю Павловичу, писанныхъ принцемъ по русски—въ бытность его за границей въ 1836 году. Ред.

I.

Берлинъ. 25-го марта (6-го апрѣля) 1836 г.

При отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга Вамъ благоугодно было повелѣть мнѣ, писать донесенія мои не по формѣ, употребляемой всѣми вѣрноподавшими Вашими, а просто къ дражайшему моему дяди, заступившему мнѣ мѣсто отца. Съ сыновною благодарностью принимаю я таковое всемилостивѣйшее столь лестное приказаніе какъ новый, драгоценный знакъ всегдашняго Вашего ко мнѣ благоснисхожденія.

19-го (31-го) марта, я послѣ восьми дневнаго путешествія благополучно прибылъ въ Берлинъ, и въ тотъ же день имѣлъ счастье представиться его величеству королю и всѣмъ принцамъ, и принцессамъ, которые всѣ поручили мнѣ, повергнуть ихъ къ стопамъ Вашимъ. Всѣ члены королевской фамиліи, благодаря Бога, совершенно здоровы, а здоровье короля, какъ подтверждаютъ всѣ, которые ежедневно имѣютъ счастье его видѣть, никогда не было въ лучшемъ состояніи, какъ въ сіе послѣднее время.

Употребивъ первые дни моего пребыванія къ осмотру нѣкоторыхъ достопримѣчательностей города, я вчера имѣлъ счастье обѣдать у

короля въ Потсдамѣ, и получить соизволеніе посѣтить тамошній кадетскій корпусъ и военно-сиротское отдѣленіе. Къ крайнему моему сожалѣнію, весеннее время не доставляетъ мнѣ случая, видѣть въ строю большое количество войскъ, которыя нынѣ обучаются еще по ротно и по эскадронно; однакоже я изъ любопытства присутствовалъ при эскадронномъ ученіи одного эскадрона Gardes du corps. Завтра увижу здѣшній кадетскій корпусъ, и вечеромъ отправлюсь въ Веймаръ, чтобы поспѣть къ празднику Св. Пасхи.

Осмѣливаясь всепокорнѣйше просить, повергнуть меня къ стопамъ Е. В. Государыни Императрицы, имѣю счастье быть Ваннимъ всепреданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ племянникомъ принцъ Петръ Ольденбургскій.

II.

Лондонъ. 3-го (15-го) іюля 1836 г.

Вчера, по окончаніи трехнедѣльнаго путешествія въ сѣверной части Англіи, я имѣлъ величайшее счастье, получить безцѣнное письмо Ваше. Не нахожу словъ выразить всю мою непредѣльную благодарность за Вашу отеческую милость и вниманіе. Нѣсколько дней тому назадъ, на возвратномъ пути сюда, получилъ я въ Ливерполѣ согласіе герцога Нассаускаго, теперь остается только испросить у Господа Бога благословенія на сей шагъ, отъ котораго будетъ зависѣть судьба моей жизни.

Фельдъегерь, за присылку котораго всепокорнѣйше благодарю, отправится назадъ тѣмъ же путемъ, которымъ пріѣхалъ.

Такъ какъ письмо сіе идетъ не по почтѣ, то я могу откровенно говорить на счетъ пріема, мнѣ здѣсь сдѣланнаго. Весьма замѣтно, что король не любитъ ни Россіи, ни русскихъ, однакоже, не смотря на сіе, онъ соблюдалъ всѣ формы, чтобы скрывать душевное нерасположеніе, королева же и всѣ члены королевской фамиліи обходились совершенно въ противномъ смыслѣ, и старались оказать всевозможное вниманіе. Всѣ служащіе при дворѣ были чрезвычайно вѣжливы, въ обществѣ же мнѣ слишкомъ мало случалось быть, чтобы имѣть основательное мнѣніе. Все, что я видѣлъ во время путешествія, чрезвычайно мнѣ понравилось.

Послѣ завтра ѣду къ морскимъ ваннамъ, въ продолженіи коихъ постараюсь болѣе ознакомиться съ южнымъ берегомъ Англіи, въ исходѣ же сего мѣсяца буду въ Биберихѣ.

Покорнѣйше прося повергнуть меня къ стопамъ Гос. Имп., я

имѣю счастье быть Вашимъ всепокорнѣйшимъ и всепреданнѣйшимъ племянникомъ принца Петръ Ольденбургскій.

Примѣчаніе. Генераль Будбергъ, сопровождавшій принца, писалъ императору Николаю объ англійскомъ дворѣ:

Londres 4 Juillet 1836.

«Personnellement le Prince a été accueilli avec politesse, mais pas avec les egards qu'on aurait du avoir pour un aussi proche parent de V. M., ce n'est que les dehors qui du moins ont été observés, car Monseigneur a été reçu par le Roi en audience particulière, a diné une couple de fois à la Cour et a eu une invitation pour Windsor; mais pour ne mettre aucun doute que ce n'était qu'au Prince qu'on voulait faire un accueil poli, on a toujours eu soin de ne l'inviter que seul».

Кн. М. С. Воронцовъ и кн. А. И. Барятинскій.

[Отвѣтъ Д. И. Романовскому].

По поводу поправки, сдѣланной мною къ весьма интересному историческому очерку генераль-лейтенанта Д. И. Романовскаго о генераль-фельдмаршалѣ князѣ А. И. Барятинскомъ, помѣщенному въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“ относительно компаса и краткой замѣтки, которую я позволилъ себѣ сдѣлать относительно плана кавказской войны, такъ блистательно оконченной княземъ Барятинскимъ, уважаемый авторъ статьи удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ ему угодно было упрекнуть меня въ какой-то удивительной рѣшимости и развязности, съ которыми я дозволилъ себѣ сдѣлать мою замѣтку.

Я очень далеко отъ того, чтобы хотя сколько нибудь умалять высокія достоинства и военныя дарованія князя Александра Ивановича Барятинскаго, къ которому я всегда питалъ величайшее уваженіе и искреннѣйшую преданность.

Я высказалъ только то, что могъ припомнить изъ того времени, когда и имѣлъ честь быть близкимъ къ незабвенному князю Михаилу Семеновичу, котораго сопровождалъ въ ежегодныхъ лѣтнихъ объѣздахъ его края въ 1849, 1850, 51, 52 и 53 годахъ. Живо помню назначеніе князя Александра Ивановича начальникомъ главнаго штаба, въ іюлѣ 1853 г., во время пребыванія нашего въ Боржомѣ; хорошо припоминаю и бывшій тогда при мнѣ разговоръ, когда князь Михаилъ Семеновичъ выражался, „что назначеніе это сближаетъ его съ княземъ Барятинскимъ и онъ, зная его военныя дарованія, будетъ теперь имѣть случай постоянно съ нимъ совѣщаться, передавать ему свои соображенія и планы, предвидя въ немъ будущаго своего преемника, который довершитъ то, что ему вѣроятно исполнить не суждено“.

Затѣмъ и въ Боржомѣ, и въ Тифлисѣ часто приходилось мнѣ видать главнокомандующаго и начальника штаба, внимательно разсматривавшихъ карты Чечни и Дагестана, слышать разговоръ о продолженіи лѣсныхъ просѣкъ, о стѣсненіи Шамиля движеніями со всѣхъ сторонъ, о возможномъ привлеченіи къ себѣ ближайшихъ къ Шамилю горскихъ обществъ, тогда еще покорныхъ

власти имама, о возможномъ подступѣ и концентрированіи войскъ все ближе и ближе къ его мѣстопребыванію. Пржегніа указанія стараго опытнаго воина новыи главнокомандующій, безъ сомнѣній, дополнилъ собственными соображеніями, своимъ знаніемъ края и съ вновь наступившими обстоятельствами блистательно привелъ дѣло въ исполненіе, къ славному концу. *L'art est difficile*, говоритъ пословица, — вотъ эта-то трудность искусства, трудность исполненія строго обдуманнаго предпріятія, при воспоминаніи соображеній стараго своего начальника, съ настойчивостію и умомъ, отличавшими покойнаго князя Барятинскаго и составляетъ поистинѣ его славу и нисколько не умаляетъ историческаго значенія великой его заслуги передъ отечествомъ въ окончаніи Кавказской войны.

Замѣтка моя была не болѣе какъ воспоминаніе, отнюдь не для уменьшенія славы князя Барятинскаго и не навязываніе новыхъ заслугъ князю Воронцову. Она и не была мною озаглавлена именемъ князя Михаила Семеновича, а надпись эта надъ статьею была сдѣлана редакціею. Приведенный мною отзывъ князя А. И. Барятинскаго слышалъ отъ него не я одинъ, и оный отнюдь не свидѣтельствуетъ о самоуниженіи, какъ помялъ оный Д. И. Романовскій, а напротивъ—полную достоинства скромность—свойство истинно великихъ душъ, какою и обладалъ покойный фельдмаршалъ кн. Барятинскій.

И. О. Золотаревъ.

6 апрѣля 1881 г.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ и епископъ Цывинскій.

1839 г.

[Изъ семейной хроники]. Въ концѣ 1839 г., вскорѣ послѣ казни Канарскаго, покойный дѣдъ мой по матери, командовавшій 3-й гвардейской пѣхотной дивизіею, генералъ-лейтенантъ Есаковъ, былъ назначенъ комендантомъ въ г. Вильну. Обстоятельства того времени требовали, чтобы онъ неотложно отправился къ мѣсту своего назначенія, такъ что, не успѣвъ даже покончить съ своими частными дѣлами, онъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ трехдневный срокъ. Поручивъ устройство дѣлъ бабушкѣ, дѣдъ мой просилъ графа Бенкендорфа—по настоянію котораго совершился его столь послѣдній отъездъ—о предоставленіи оаоушкѣ (мачихѣ моей матери, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся его супругой) удобствъ при предстоящемъ ей одной далекомъ путешествіи. Проводивъ дѣда и покончивъ съ дѣлами, бабушка написала гр. Бенкендорфу письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ напомнила ему объ обѣщанномъ ей содѣйствіи при переѣздѣ къ мужу. Черезъ часъ по отправленіи ею этого письма, графъ прибылъ къ ней лично. Любезно расшаркиваясь и цѣлуя ей ручку, онъ заявилъ, что имъ уже сдѣланы нужныя распоряженія, чтобы путешествіе показалось ей не длиннымъ и пріятнымъ. Вездѣ на станціяхъ, по отданному имъ приказанію, въ распоряженіе бабушки предоставлялись царскіе покон и, кромѣ того, курьеръ долженъ былъ сопровождать ее до самой Вильны. Затѣмъ, графъ сталъ говорить ей о томъ, въ какомъ положеніи находится Сѣверо-Западный Край, о сильномъ броженіи въ немъ умовъ, о тамошнемъ обществѣ и о томъ, какою она, по положенію

своего мужа, должна играть роль въ столицѣ Литвы. Коснувшись этого предмета, онъ очень ловко перешелъ къ главной цѣли своего посѣщенія и сталъ доказывать бабушкѣ, что, независимо отъ общественнаго своего положенія, она, пользуясь этимъ положеніемъ, можетъ, какъ русская, оказать большую услугу отечеству, сообщая секретно ему, гр. Бенкендорфу, все, что ей покажется тамъ въ салонныхъ кружкахъ достойнымъ его вниманія.

— „En un mot, закончилъ онъ свою рѣчь, Vous pouvez être, Madame, d'une grande utilité au gouvernement et... à la troisième section...“

Какъ ни молода и неопытна была въ то время бабушка, но тутъ она сразу поняла въ чемъ дѣло и чего отъ нея добивается грозный начальникъ III-го Отдѣленія. Она встала, сдѣлала реверансъ и сказала:

— „M-r le Comte, je ne vous connais que comme un cavalier de salon et je me sent trop bête pour vous être utile en quelque chose dans votre rôle d'homme d'état.“

Послѣ искусителя въ мундирѣ голубаго цвѣта, бабушкѣ, вскорѣ по прїѣздѣ въ Вильну, пришлось выдержатъ новое искушеніе отъ искусителя въ сунанѣ фіолетоваго цвѣта, а именно отъ тогдашняго Виленскаго ; католическаго епископа Цывинскаго.

Прелатъ этотъ задался мыслию обратитъ бабушку изъ схизмы въ лоно католической церкви, рассчитывая черезъ нее дѣйствовать на участь политическихъ преступниковъ изъ поляковъ, замѣшанныхъ въ дѣло Канарскаго и содержащихся въ крѣпости подъ надзоромъ коменданта. Поводомъ къ этой его затѣи послужила просьба бабушки къ нему о разрѣшеніи ей отслужитъ молебень предъ когда-то православной иконой Остробрамской Божіей Матери, одинаково чтимой какъ православными, такъ и католиками, и находящейся и по сіе время во власти послѣднихъ. Цывинскій сталъ съ тѣхъ поръ часто посѣщать бабушку и однажды велѣлъ передать ей чрезъ своего племянника, молодаго пана, танцовавшаго гдѣ-то съ ней на балу мазурку, что онъ, епископъ, приготовилъ ей ковчежець съ частицею мощей Св. Казимира, почивающаго въ Виленскомъ соборѣ Св. Станислава, отъ которыхъ она можетъ имѣть чудеса. Не зная, на что рѣшиться—принять или не принять такое благословеніе католическаго епископа,—бабушка обратилась за совѣтомъ къ тогдашнему архіепископу, впоследствии митрополиту Виленскому и Литовскому, Іосифу, извѣстному болѣе подъ фамиліей Семашко. Этотъ знаменитый архіепастырь пользовался необыкновеннымъ расположеніемъ императора Николая Павловича, отличался мѣткимъ умомъ и превосходно понималъ всѣ проски всендзовъ, такъ какъ самъ былъ прежде уніатскимъ епископомъ и перешелъ со всею своею паствою въ православіе. Узнавъ въ чемъ дѣло, Семашко сказалъ бабушкѣ:

— „Совѣтую вамъ во время мазурки заниматься танцами, а когда вамъ предложить мощи Св. Казимира, то сказать, что вы русская и отъ мощей того, который гдѣ-то поколотилъ русскихъ, вы для себя чудесъ никакихъ не ожидаете и на этомъ—прекратить неподходящій разговоръ“.

Полагаю приводимое нелишнимъ интереса для характеристики двухъ извѣстныхъ, но разнородныхъ, дѣятелей царствованія императора Николая.

Анатолій Е—овъ.

Н. И. Пироговъ.

1810 г.

Въ дополненіе въ превосходной статьѣ, напечатанной въ журналѣ „Русская Старина“ за мартъ мѣсяцъ 1881 г. профессоромъ І. В. Бертенсономъ о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ, предлагается при семъ выпись:

1) Изъ метрической книги Московской Троицкой въ Сыромятникахъ церкви за 1810 годъ въ статьѣ о родившихся подъ № 58 написано: „Ноября 13 числа у коллежскаго секретаря Ивана Иванова Пирогова родился сынъ Николай, крещенъ 20 числа. Восприемниками были: Московскій именитый гражданинъ Семенъ Андрѣевъ Лукутинъ и Московскаго купца Петра Николаева Андрѣева жена Екатерина Васильева. Крестилъ священникъ Алексѣй Стефановъ съ причтомъ“.

2) Въ исповѣднѣхъ вѣдомостяхъ той же Троицкой въ Сыромятникахъ церкви — за 1815 годъ записано: „12 класса коммиссіонеръ Иванъ Ивановичъ Пироговъ 43 лѣтъ, жена его Елисавета Иванова 39, дѣти ихъ: Петръ 21, Александръ 18, Пелагея 17, Анна 16, Аммосъ 9 и Николай 5 лѣтъ“.

Н. П. Розановъ.

23 апрѣля 1881 г.

ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Въ послѣдніе годы все чаще и чаще появляются романы, хроникѣ, повѣсти и сказанія, сюжеты которыхъ заимствованы отечественными романистами изъ русской исторіи. Богатый матеріалъ для этого длиннаго ряда произведеній фантазіи сочинители черпаютъ въ историческихъ повременныхъ изданіяхъ. Для составителей же историческихъ романовъ и хроникъ мы представили образцы любовныхъ эпитетовъ изъ переписки XVIII-го вѣка (см. „Русскую Старину“ изд. 1878 г.), а гораздо ранѣе напечатали довольно большое собраніе писемъ великолѣпнаго князя Тавриды Г. А. Потемкина къ Прасковьѣ Андреевнѣ Потемкиной, рожд. Закревской, предмету его пылкой страсти (см. „Русскую Старину“ изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 164—174).

Предъ нами теперь нѣсколько коротенькихъ нѣжно-любовныхъ, отвѣтныхъ цидуловъ графу Григорію Александровичу Потемкину. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ исключительно какъ матеріалъ для нашихъ романистовъ, матеріалъ не бесполезный при обработкѣ ими сюжетовъ изъ жизни русскаго общества во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Р е д.

1. Вздоръ душненька несешь, я тебя люблю и буду любить вѣчно противу воли твоей.

---

2. Батенька, сударушка, здравствуй, ты мнѣ милъ на равнѣ съ душою, чтобъ ни говорилъ противное знай что лжешь и для того не вѣрь бредни подобной.

---

3. Голубчикъ мой я здорова и къ обѣднѣ выйду, но очень слаба и не знаю обѣдню снесу ли я, сударушка милой, цѣлую тебя мысленно.

---

4. Батенька здоровъ ли ты и каково опочиваеъ? дай знать душа милая.

---

5. За апельсины благодарствую батя; мнѣ есть легче, я спала днемъ четыре часа; у Турчанинова готова крестить, или сама или *par delegué*; прощай, Богъ съ тобою.

---

6. Душенька разчваннисть ты очень, пзволишь ли быть сегодня и играть на бильярды, прошу прислать сказать на словахъ да или нѣтъ, для того, что письма въ комедии безъ очковъ прочесть нельзя. Мррр: разчваннисть ты душенька.

---

7. Богъ видитъ, голубчикъ, я не пеняю, что не видишь, а только сожалѣю о томъ, что не домогаешь и что тебя не увижу; останься дома, милушка, и будь увѣренъ, что я тебя очень очень люблю.

---

8. Милуша что ты мнѣ ни слова не скажешь и не пишешь, сейчасъ слышала я, что не можешь и не выйдешь, *est ce que vous êtes faché contre moi et pourquoi?*

---

9. Былъ у меня извѣстной господинъ и такъ покоренъ, почтителенъ и умнековекъ, что любо смотреѣть, а я была такъ, какъ условились, душа милая, голубчикъ.

---

10. Батенька душа овромѣ слабости теперь ничего не чувствую.

---

11. *Воп jour mon coeur comment vous portés vous?* Моей головѣ есть легче и я васъ чрезвычайно люблю.

---

12. Весьма мнѣ прискорбно милюшкой что не домогаешь, а наипаче что монми разсужденіями, кои тебѣ неприяты были вчерась, можетъ быть что я умножила въ тебѣ болѣзни, ибо онѣ тебя мнѣ казалось обезпокоили. Милая душа вѣрь, что я тебя люблю до безконечности.

---

13. Я и съ губками спужу на кожаномъ канapé, ноги протянувши, ибо бродила по горамъ и лощинамъ часа два, не попадался мнѣ на встрѣчу овромъ трехъ камеръ-юнгферовъ моихъ и Авдотьиной собаки, никто; теперь принялась за дѣло любя тебя безмѣрно и веселясь твоей ко мнѣ любовью, милой и безцѣнной мой другъ, собственной голубчикъ, ангель.

14. Батинька здравствуй, каковъ ты, а я здорова и тебя чрезвычайно люблю.

15. Лучшій подарокъ въ свѣтѣ ты мнѣ сдѣлалъ сегодня, тѣмъ же отдаю рываюсь милой мой и прелюбезный другъ.

16. Батинька сударышка, ласковое твое письмо о новомъ лѣтѣ не инако мною принято какъ съ тѣмъ нѣжнымъ чувствомъ, съ которымъ принимаю все то, что отъ тебя приходитъ; дай Богъ и тебѣ все то, чего только желать можешь; люблю тебя сердечно, и буде ты мнѣ другъ, то знай, что, конечно и я вѣрнѣйшій, котораго имѣешь, я твои просьбы исполняю, прошу тебя и моихъ не предать забвенію. Прощай душа милая.

17. Mon cher ami j'ai fini mon diner et la porte du petit escalier est ouverte. Si vous voulez me parler vous pouvez venir.

18. Съ благодареніемъ принимаю присланные отъ васъ ко мнѣ богатые подарки, и все то, что при семъ случаѣ ко мнѣ пишешь, таковой образъ мысли благородной душѣ свойственъ, а я бываю ли благодарна или нѣтъ, тому свѣту на судъ отдаю.

19. Mon cher ami, je viens de sortir du bain l'esprit souhaitait d'y aller avant hier, mais cela sera difficile aujourd'hui; primo, parcequ'il est neuf heures déjà; secundo, que toutes mes femmes ils sont presentement et probablement n'en sortiront d'une heure, et puis il faudrait encore remettre de l'eau, etc: cela prendrait la reste de la matiné. Adieu mon cher ami.

20. Благодарствую за посѣщеніе, я не понимаю, что у васъ удержало, не ужели что мои слова подавали къ тому поводъ; я жаловалась, что спать хочу единственно для того, чтобъ ранѣе все утихло, и я бъ васъ и ранѣе увидѣть могла, а вы тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли, но ни изволь бояться, мы сами догадливы, лишь только что легла и люди вышли, то явни встала, одѣлась и пошла въ вивліофику къ дверямъ, чтобъ васъ дожидаться, гдѣ въ сквозномъ вѣтрѣ простояла два часа, и не прежде какъ уже до одиннадцатаго часа въ исходѣ я пошла съ печали лечь въ постель, гдѣ по милости вашей пятую ночь проводила безъ сна, а нынѣшнюю ломить голова; чтобъ узнать что вамъ подало причину къ отиѣнѣ вашего намѣренія, къ которому вы казались безо всякаго отвращенія приступали... Я же ни въ чемъ, не призналась, но и не отговаривалась, такъ

чтобь могли понять, что я солгала. Однимъ словомъ, многое множество имѣю тебѣ сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двѣнадцатымъ и вторымъ часомъ вчера, но не знаю, во вчерашнемъ ли ты расположенъ, и соотвѣтствуютъ ли часто твои слова, такъ мало дѣла какъ въ сѣи послѣднія сутки; ибо все ты твердилъ, что придешь, а не пришелъ, не можешь сердиться, что пеняю. Прощай Богъ съ тобою; всякой часъ объ тебѣ думаю. Ахъ-тихъ какое долгое письмо намарала. Виновата позабыла, что ты ихъ не любишь, впередъ не стану.

21. Маллеманъ приказалъ мнѣ сказать чрезъ Кельхенъ, что ни малѣйшей дескать опасности и обмороками назвать нельзя, а кровь поднимается къ верху и причинить ей тягости и все это значить ничего, и она свѣжехонька.

22. *Que faites vous? Que fait ma Perruche?*

23. Душенокъ мой, сердечно жалѣю, что не домогаешь и прошу объ насъ не забыть, а мы душою и сердцемъ на вѣкъ Гришаткѣ вѣрны.

24. Батенька, мой милой другъ, приди ко мнѣ, чтобъ я могла успокоить тебя безконечной лаской моей.

25. Голубчикъ милой благодарствую за хлѣбъ за соль, Гришенокъ мой, накормилъ и напоилъ вчера однако не виномъ же.

26. Батюшка голубчикъ весьма тоскую, что ты не домогаешь, сдѣлай мнѣ ту ласку, пошли по Кельхена, явить всѣ твои болѣзни, очень боюсь, знаю какъ худо трагуешь болѣзни. *Mon cher ami Dieu donne, que vous vous portiez mieux demain.*

27. Батенька, сударушка, здравствуй, ты мнѣ милъ наравнѣ съ душою; чтобъ не говорилъ противное, знай что лжешь и для того не вѣрь бредни подобной.

28. Вздоръ душенька несешь, я тебя люблю и буду любить вѣчно противу воли твоей.

29. Вы и вамъ, дуракъ, ей Богу ничего я холодности таковой не заслуживаю, а приписую ее моей злодѣйскѣ провлятой хандрѣ, *vous affichés il me semble cette froideur sachez que cette affiche tout comme cette froideur sont deux betes ensemble*, однако же если это affiche только для того, чтобъ я сказала, что ни на есть ласковое, то знай, что это трудъ пустой, ибо я божи-лась, что окромѣ одной ласки я ласкою платить не буду, а хочу ласки, да и ласки нѣжной самой лучшей, а холодность глупая съ глупою хандрою въ мѣсто не произведутъ кромѣ гнѣва и досады! дорого тебѣ стоило знатно молвить или душенька или голубушка, ни уже что сердце твое молчить, мое сердце право не молчить.

30. Душенька я взяла веревочку и съ камнемъ да навязала ихъ на шею всѣмъ ссорамъ, да погрузила ихъ въ прорубь; не прогнѣвайся душенька, что я такъ учинила, а буде понравится, изволь перенять; здравствуй миленькой безъ ссоръ, споровъ и раздоровъ.

31. Здравствуй душенька, я спала до девятаго часа и теперь только встала, каково ты опочивалъ, пришли сказать, буде писать полѣнишься рано. Люблю тебя какъ душу душа, думатка милая.

32. Bonjour mon coeur каковъ ты голубчикъ сегодня? при семъ посылаю къ вамъ мое маранье, изволь читать и сказать намъ о семъ, буде добро и буде не добро. Душечка милая выйдешь ли сегодня?

33. Хотя тебѣ душечка до меня и нужды нѣту, но мнѣ весьма есть до тебя, каковъ ты въ своемъ здоровьи и въ опалѣ ли я или нѣту, а тебѣ объявлю всякую милость отъ Бога, да и отъ меня.

34. Нѣтъ ужъ и въ девять часовъ тебя не можно застать спящаго, я приходила, а у тебя сударушка люди ходятъ и кашляютъ и чистятъ, а приходила я за тѣмъ, чтобъ тебѣ сказать, что я тебя люблю чрезвычайно.

35. Je vous embrasse моя жизнь, seulement de toute mon ame et vous aime plus que ma vie. Adieu mon coeur je me dépêche pour la messe.

36. Гришенюкъ, безцѣнной безпримѣрной и милѣйшей въ свѣтѣ, я тебя чрезвычайно и безъ памяти люблю, другъ милой, цѣлую и обнимаю тебя душою и тѣломъ му: доро...

37. Милая, милуша, письмо твое весьма меня обрадовало тѣмъ наипаче, что Левъ Катанскій мнѣ сказывалъ, что ты не можешь и давалъ выразумѣть что не весель, а моя мысль, какъ залетаетъ обыкновенно уже сумнѣние, получила, что едва не я ли тебѣ чѣмъ досадила и думала, что письмомъ конечно; оно ему не ласково показалось и сбиралась писать по своимъ чувствамъ къ тебѣ вторично, а сн чувства суть наполнены ласкою къ тебѣ, сударику моему; сожалею, душа безпримѣрная, что не домогаешь, впредь по лѣстницѣ босикомъ не бѣгай, а естли захочешь отъ насморка скорѣе отдѣлаться, понюхай табакъ крошечку, тотъже часъ лучше будетъ. Adieu m'amour mon coeur, мой дорогой, славной и сладкой, и все что себѣ милое, пріятное, умное представить можешь.

38. Длинное ваше письмо и рассказы весьма изрядны, но то весьма глупо, что ни единого ласковаго слова нѣту; мнѣ что нужды до того, кто какъ вретъ въ длину и поперегъ, а вы перевираючи мнѣ казалось по себѣ судя обизаны были вспомнить, что я я на свѣту и что я ласки желать право имѣю, дуракъ, татаринъ, возакъ, яуръ, московъ morbiel!

котился Его Высочество, стоя на приступочкѣ, на парикмахера своего Дюфура, и сказала съ восхищеніемъ: *Seul soutien de sa regnicque!* Вчера съ изъ казенной велѣлъ я снести внизъ весь Его Высочества въ прошломъ годѣ сдѣланной для него приборъ вирасирской. Просилъ его, чтобъ напившись чаю, изволилъ все прибирать, что и сдѣлано въ высокомъ присутствіи Его Высочества портнаго Фавантена, къ коему вчера еще послана была отъ меня повѣстка. Часовъ въ десять сѣлъ Его Высочество учиться. Послѣ ученія была аудіенція курляндскому гофмаршалу барону Книгге, на котораго по окончаніи аудіенціи надѣлъ Его Высочество орденъ Святыя Анны. Ея Величество пожаловала сегодня польскіе ордены: 1) Адаму Васильичу Охсуфьеву; 2) князю Петру Нивитичу Трубецкому; 3) князю Александру Алексичу Вяземскому; 4) Ивану Перфильичу Елагину; 5) графу Якову Александровичу Брюсу; 6) голштинскому тайному совѣтнику г. Салдерну. Говорятъ, что Елагину и Салдерну отъ польскаго короля ордены на имя присланы, а прочимъ пожаловала Ея Величество по своему благозобрѣтенію. Еще говорятъ, что ленты привезены сюда еще г. Малаховскимъ; но что по сіе время за тѣмъ раздаваны не были, что господамъ Орловымъ не хотѣлось, чтобы дана была лента Елагину. О немъ отъ короля сказываютъ такъ точно написано было: *à son ami M. de Jelagin*. Передъ обѣдомъ игралъ Его Высочество въ игру, называемую цинкъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только званной гость гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ, да еще лейбъ-медикъ Карлъ Федоровичъ Крузъ. Разговаривали о множествѣ рыбъ въ Россіи и о ихъ качествахъ, также о будущемъ лагерѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сего дня у своего брата. Какъ скоро изволилъ Его Высочество встать изъ за стола, то пришелъ къ намъ съ той половины Алексѣй

Петровичъ Мельгуновъ, которой мѣсяца тому два назадъ какъ пріѣхалъ сюда изъ губерніи своей Новой Россіи, и употребленъ, между прочимъ, въ Комисію о межеваніи. Мельгуновъ, побывши нѣсколько времени, уѣхалъ. Его Высочество изволилъ точить и показывалъ графу Ивану Петровичу всѣ свои токарные инструменты, и употребленіе оныхъ. Часу въ четвертомъ изволилъ сѣсть учиться. У меня учился не весьма хорошо. Нетецкѣлилъ былъ очень сегодня. Послѣ ученія изволилъ играть въ карты. Къ Государынѣ сего вечера не ходили. Откушавши легъ Его Высочество опочивать въ половинѣ десятаго часу.

8. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Отучась, изволилъ играть въ цинкъ. Потомъ смотрѣлъ планъ здѣшняго города и мѣста, гдѣ по новому распредѣленію положено строиться.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, генераль-поручикъ Веймарнъ, генераль-маіоръ и маіоръ гвардіи Измайловскаго полку Александръ Ильичъ Бибиковъ и Михайло Михайловичъ Философовъ. Разговаривали по большей части о разныхъ распоряженіяхъ армейскихъ.

Послѣ обѣда, по окончаніи ученія, было сего дня комнатнаго нашего флоту засѣданіе, въ которомъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, какъ комнатной нашъ генераль-адмиралъ президировалъ. Вечеру ходилъ Его Высочество къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардной комнатѣ изволила играть въ карты. Возвратясь оттуда, сѣлъ Его Высочество тотчасъ кушать. Опочивать легъ въ началѣ десятаго часу.

9. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ изволилъ точить.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ Его Святѣйство графъ За-

X

харь Григорьичъ, новопріѣзжей генераль Петръ Дмитриячъ Еропкинъ, и камеръ-юнкерь Александръ Николаичъ Зеновъ е в ъ. Говорили о прошлой войнѣ прусской. Графъ Захарь Григорьичъ рассказывалъ о Петрѣ Семеновичѣ Салтыковѣ, какого онъ крѣпкаго сложенія: въ самыя большіе вѣтры, въ громовую и дождливую погоду ѣзжалъ за охотой.

Послѣ обѣда, побѣгавши кругомъ въ желтой комнатѣ, сѣлъ Его Высочество за свои ученія. Г. Эпинусъ началъ продолжать свои физическія лекціи, которыхъ уже мѣсяца двѣ или три не было, за положеннымъ на г. Эпинуса отъ Иностранной Коллегіи дѣломъ. Прибавлено на то часовъ и по утру, по бывшему у насъ съ нимъ общему положенію, какъ вышеупомянуто. У меня Государь учился сего дня очень хорошо. Послѣ ученья, сѣлъ Его Высочество разписывать сколько на корабль какихъ принадлежностей надобно. Въ семь упражненій нашелъ его и Никита Ивановичъ. Сѣли мы играть въ берланъ. Его Высочество игралъ сегодня со всѣми своими придворными, кромѣ Петра Иваныча Пастухова, котораго не было. А имянно играли: Его Высочество, Никита Ивановичъ, г. Остервальдъ, Борятинской, Перфильевъ, Саженія, да еще князь Александръ Борисычъ Куракинъ. Въ осьмомъ часу, не разыгравъ еще пули, пошли мы къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ карты въ ломберъ, съ графомъ Кирилой Григорьевичемъ Разумовскимъ и съ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Его Высочество, постоявъ подлѣ стола, взялъ масъ и началъ играть, съ дозволенія Ея Величества, въ билиардъ съ камеръ-юнкеромъ Баскаковымъ. Сыгравъ партію, подошелъ опять къ тому столу, гдѣ играла Ея Величество, и разговаривалъ тутъ много съ камеръ-юнкеромъ Бибиковымъ. Въ другихъ углахъ были также игры: партію въ ломберъ играли Николай Ивановичъ Зеновъ е в ъ, графъ Федоръ Григорьичъ Орловъ и Иванъ

Иванычъ Юшковъ; другую партію въ ломберъ же играли генераль князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, графъ Романъ Ларионовичъ Воронцовъ и гвардіи майоръ князь Матвѣй Алексѣичъ Гагаринъ. Въ четвертомъ углу фрейлины съ кавалерами въ берланъ играли. И такъ сего дня былъ ровно какъ нарядной куртагъ. Возвратясь къ себѣ сѣлъ Его Высочество доигрывать пулю. Выигралъ ее г. Остервальдъ. Сѣли мы уживать. За столомъ говорили о склонностяхъ разныхъ народовъ, и какъ онѣ перемѣняются, особливо приводилъ я въ примѣръ Римлянъ и Итальянцовъ. Откушавши скоро (легъ Государь опочивать. Былъ) одиннадцатой часъ въ началѣ. Со всѣмъ тѣмъ Его Высочество не показалъ ни малаго нетерпѣнія.

10. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Передъ обѣдомъ изволилъ играть въ билиардъ партію à la guette.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ сегодня не обѣдалъ. За столомъ говорили по большей части о строеніи. Его Превосходительство Никита Ивановичъ входилъ во всѣ подробности внутренняго въ домахъ расположенія. Изъ за стола позвали Его Превосходительство къ Государынѣ.

Встали мы безъ него. Возвратясь выпилъ Никита Ивановичъ чашку кофе, и пошелъ къ себѣ. Его Высочество изволилъ точить, и потомъ играть въ шахматы съ маленькимъ княземъ Куракинымъ. Въ четвертомъ часу сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья, сѣли мы играть въ карты въ берланъ; играло насъ: Его Высочество, г. Остервальдъ, Пастуховъ, маленькой князь Куракинъ, и я. Часовъ въ шесть изволила Ея Величество прислать Ивана Ивановича Бедкаго, звать Великаго Князя къ себѣ. Пошелъ туда Его Высочество, дождавшись Никиты Ивановича. Побывъ съ часъ времени у Го-

сударыни въ опочивальнѣ, вышелъ оттуда за Ея Величествомъ въ билиардную комнату. Ея Величество изволила сѣсть играть въ ломберъ съ гр. Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ и съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Его Высочество игралъ между тѣмъ партіи три въ билиардъ съ оберъ-маршаломъ графомъ Сиверсомъ. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ Его Высочество доигрывать начатую нашу пулю въ берлянь. Между тѣмъ поставили кушанье. Донгравъ, сѣли мы за столъ. Говорили о слабости многихъ природныхъ Россіянъ въ російскомъ штатѣ, такожь и о строеніи. Откушавши побѣгаль нѣсколько Его Высочество въ учительной комнатѣ, и легъ опочивать, десятаго часу была четверть. Ея Величество подарила сего вечера Великому Князю часы, у коихъ стрѣлка осмѣлана брилліантами, а на днѣ фицифъ: дѣланы они здѣсь однимъ изъ выѣзжихъ на поселеніе мастеровъ. Вчера съ Его Высочество на строеніе дома г. Остервальду выпросилъ у Никиты Ивановича полторы тысячи рублей.

11. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свонученія. Сегодня изволила Ея Величество присутствовать въ Сенатѣ и было большое собраніе. Всѣхъ Коллегій члены созваны были. Разсуждали о постановленіи закону для тѣхъ, кои въ малолѣтствѣ прилчтятся въ смертномъ убійствѣ и въ другихъ тяжкихъ преступленіяхъ, и до которыхъ лѣтъ считать малолѣтними. Какъ отучился Государь Великои Князь, то разсуждали мы объ ономъ, и какіе сего рода казусы бывали. Въ собраніи положено, чтобъ впредъ доглядывать всегда Сенату, естли такіе случаи произойдутъ. Передъ обѣдомъ изволилъ Его Высочество пойтить въ свою билиардную. Тамъ играли мы à la guette.

Окончавши партію, сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ и г. Салдернъ.

Разговаривали о Сенатскомъ своднишномъ собраніи. Его Превосходительство Никита Ивановичъ отъ сего разсуждалъ генерально о законахъ и о штатскихъ учрежденіяхъ. Пришолъ съ той половины изъ за стола Ея Величества князь Сергій Васильевичъ Гагаринъ. Шутилъ съ нимъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и разговаривалъ о прежней жизни, какъ они еще унтеръ-офицерами были. Разсказывалъ Его Превосходительство какъ тогда гвардіи майоръ Шенелевъ у князя Сергія Васильевича отнял табакерку, и послѣ его же хотѣлъ батожемъ высѣчь. Подали на столъ гомара или очищенныя рязи клеши и хвостныя съ укусомъ и съ перцомъ. Попросилъ ихъ Его Высочество, и какъ скоро поднесъ къ носу, тотчасъ отдалъ тарелку назадъ, сказавъ: фи, какъ воилетъ. Никита Ивановичъ взялъ къ себѣ и говорилъ, что очень хорошо пахнетъ. Его Высочество отвѣчалъ ему на то: можетъ быть тѣ, кои вы прежде ѣдали, еще гораздо хуже этихъ пахли; такъ отъ того такъ хороши эти и кажутся.

Встали мы изъ за стола. Пошелъ Государь опять въ билиардную и изволилъ играть тамъ. Часу въ четвертомъ сѣлъ за свонученія. Послѣ ученія играли въ берлянь. Въ седьмомъ часу пришолъ къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и пошелъ въ Государынѣ. Тамъ изволилъ Его Высочество играть партію въ билиардъ съ камеръ-юнкеромъ Бибиковымъ. Ея Величество въ той же комнатѣ въ ломберъ играть изволила съ графами Кириломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Какъ между прочимъ графъ Григорій Григорычъ заговорилъ, по обыкновенію своему, о фицифѣ и упомянулъ о гремящемъ золотѣ, *augur fulminans*, то присталъ Его Высочество къ рѣчи и спорилъ противъ Григорья Григорыча. Дѣланныя при семъ случаѣ Его Высочествомъ разсужденія и примѣчанія служили къ общему удоволь-

X*

ствію всѣхъ его доброхотовъ. Возвратясь отъ Ея Величества въ свои покои, скоро изволилъ Государь Великій Князь сѣсть кушать. За ужинной говорили мы по большой части о строеніи. Сегодня я взялъ себѣ мѣсто для дому на площади, противъ Матой Морской улицы. Не знаю какъ Богъ судить привести къ окончанію; только то знаю, что загнулъ я сеть элева, а выиграетъ ли или нѣтъ, время покажетъ. Откушавши, въ десятомъ часу въ половинѣ изволилъ Его Высочество лечь опочивать.

12. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. За чаемъ разговаривалъ со мною о своихъ офиціантахъ. Въ то время какъ изволилъ обуваться, писалъ я, сидячи подлѣ его, письма, а онъ пѣлъ французскія пѣсенки. Очень я былъ не веселъ. Хотя Его Высочеству и хотѣлось, чтобы я былъ повеселѣе: однакожь трудно мнѣ было преодолѣть себя, и прогнать скуку и задумчивость. Одѣвшись, сѣлъ Государь за свои ученія. Отучась, точить изволилъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, Александръ Ильичъ Бибииковъ, г. Салдернъ и генералъ-интендантъ Кутузовъ. За столомъ Петръ Ивановичъ говорилъ по большой части о межеваніи земель, о причинахъ худаго успѣху заведеннаго покойнымъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ межеванія, и о способахъ къ произведенію сего въ государствѣ толь нужнаго и великаго дѣла.

Послѣ обѣда, попрыгавши нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. У меня очень хорошо училися. Послѣ обѣда изволилъ играть въ берлянь. Вечеру ходилъ къ Государынѣ. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ кушать. Послѣ ужинны легъ опочивать: десятого часу была четверть.

13. Воскресенье. Государь изволилъ встать въ началѣ осьмаго часу. Одѣв-

шись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцомъ Платономъ Священное Писаніе. Въ двѣнадцатомъ часу изволилъ пойтить въ церковь. Сего утра Ея Сіятельство графиня Анна Карловна Воронцова подарила Его Высочеству двѣ коробочки, сдѣланныя на подобіе медалей; въ нихъ на кружкахъ положены изображенія и описанія всѣхъ происшествій послѣдней войны прусской. По окончаніи обѣдни, проводя Ея Величество во внутренніе покои, возвратился къ себѣ. Его Преподобіе Отецъ Платонъ говорилъ сего дня проповѣдь о молитвѣ. Ея Величество послѣ обѣдни возвратился въ бильярдную свою комнату, изволила весьма хвалить Отца Платона. Напоминала при томъ о проповѣди его, которую онъ прежь сего говорилъ о воскресеніи мертвыхъ. Тамъ Ея Величеству понравилось одно сравненіе, которое она чрезвычайно выхвалять изволила.

Въ началѣ втораго часу сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьичъ, Петръ Ивановичъ, Александръ Ильичъ Бибииковъ, г. Салдернъ и Иванъ Логиновичъ Кутузовъ.

Вечеру изволилъ Его Высочество ходить на куртагъ. Куртагъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ стоятъ на часахъ Кавалергарды. Ея Величество изволила тутъ присутствовать, и играть въ пикетъ въ пулю, какъ обыкновенно. Куртагъ кончился въ началѣ девятаго часу. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ Его Высочество кушать. Вставши изъ за стола, легъ опочивать въ половинѣ десятаго часу.

14. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія въ бильярдъ играть изволилъ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только старикъ Илья Александрьичъ Бибииковъ, которому вчерась данъ орденъ Св. Александра. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у своего брата. Я нездоровъ былъ сего дня, и весь день пробылъ дома.

Откушавши, попрыгаль нѣсколько Его Высочество, и сѣлъ учиться. Послѣ ученія игралъ въ берлавъ. Къ Государынѣ на половнну ходить сего дня не изволилъ. Отужинавши легъ опочивать въ половннѣ десятаго часу.

15. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои* ученія. Отучась, въ билиардъ играть изволилъ.

Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и сего дня здѣсь не кушалъ. Изъ постороннихъ такожь никого не было. Послѣ обѣда учился Его Высочество. Въ шестомъ часу пріѣхалъ графъ Иванъ Григорьичъ Чернышевъ, и было у насъ адмиралтейское комнатнаго флоту присутствіе. Его Высочество подалъ графу Ивану Григорьевичу, такъ какъ генералу-адмиралу табель, обо всѣхъ чинахъ нашего флоту, которую подписалъ такъ: Генераль-Интендантъ П. Романовъ. Въ сегодняшномъ зазданіи г. Генераль-Интенданту былъ выговоръ, для того что многія до экспедиціи его касающіяся вещи нашлись въ неисправности. Вечеру и сего дня Государь къ Ея Величеству на половнну ходить не изволилъ. Откушавши, легъ опочивать въ половннѣ десятаго часу.

16. Государь изволилъ встать въ исходѣ седьмага часу. Одѣвшись, вышелъ въ желтую комнату. Были мы съ нимъ самъ-другъ только, какъ пришли графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и Григорій Николаичъ Тепловъ. Сперва говорилъ графъ Григорій Григорьичъ о трудностяхъ новой его должности; ибо велѣно ему третьяго дня быть на мѣстѣ генерала фельдцеймейстера Вильбоа, которой на годъ уволенъ въ отпускъ. Потомъ разговаривали о физикѣ, о химіи, о боганиѣ и о анатоміи. Какъ стали говорить, что иногда для показанія, какъ сокъ въ кровъ претворяется, живыхъ скотовъ анатомять, и что нѣкогда въ Англіи случилось, что и человѣка живаго

анатомили, то Его Высочество, показывая свое отвращеніе, просилъ, чтобы матерію разговора перемѣнили, и называлъ оное тиранствомъ, какъ то и въ самомъ дѣлѣ есть. Часу въ одиннадцатомъ ушли гости, и Его Высочество сѣлъ учиться. Послѣ ученія изволилъ ходить въ билиардную, и тамъ игралъ со мною паітію въ билиардъ.

Сѣли потомъ за столъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьичъ Чернышовъ, оберъ-маршалъ Сиверсъ, Отецъ Платонъ и г. Салдернъ. Графъ Иванъ Григорьичъ сказывалъ, что онъ между многими оригинальными письмами, писанными отъ Государя Петра Великаго къ отцу его, нашелъ въ своемъ домѣ два оригинальныхъ-жъ письма, которыя писалъ Государь, одно къ брату своему Царю Ивану Алексѣевичу; (пишетъ къ нему: «братецъ батьку!») а другое къ фельдмаршалу графу Миниху. Первое пишетъ Государь изъ подъ Азова, и изъясняетъ въ немъ предпріятія свои и военныя дѣйствія. Къ Миниху пишетъ въ отвѣтъ на письмо его о строеніи Ладожскаго канала, и опровергаетъ тамъ Миниховы мнѣнія, черти на полѣ изображенія прожектующимъ гидравлическимъ работамъ. Графъ Иванъ Григорьичъ говорилъ, что въ обонхъ сихъ письмахъ видны остроуміе и великость духа Петрова. При семъ разговорились о инструкціяхъ, какія Государь давалъ своимъ генераламъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ говорилъ, что онъ имъ такіа тогда принужденъ былъ давать инструкціи, и такъ расписывать имъ всѣ подробности, что ннѣ капитанъ, когда отправляется къ какому дѣлу, толь обстоятельнаго наставленія обо всѣхъ мелочахъ не получаетъ. По семъ разговорились о Грекахъ подъ турецкимъ владѣніемъ. Его Преподобіе Отецъ Платонъ сказывалъ тутъ о многихъ обстоятельствахъ, касающихся въ сихъ мѣстахъ до нашего православія. Говорили, какія Греки имѣютъ притѣсненія, и какія напротивъ того выгоды.

Зашла наконецъ рѣчь о бывшей здѣсь главной танцовщицѣ Сантинишѣ, которая прошлаго году отсюда и съ мужемъ уѣхала къ сыну (въ Вѣну). Нынѣ соглашается назадъ прїѣхать, естли дано ей будетъ жалованья пять тысячъ рублей. Тутъ говорили еще о балетмейстерахъ Новерѣ и Гильфердингѣ, о Гасѣ, о Галуппи, о Питро, о театрахъ нѣмецкихъ принцовъ.

Послѣ обѣда поѣхалъ Его Высочество въ каретахъ прогуливаться. Ѣздили мы на Литейную и оттуда артиллерійскими казармами назадъ оборотили. Прїѣхавши, напился Государь чаю и сѣлъ учиться. У меня поучился не много, потому что усталъ и уже поздно было. Въ шестомъ часу сѣли мы играть въ берланъ. Играли Его Высочество, Остервальдъ, Куракинъ, Перфильевъ и я. Въ семь часовъ пошли на половину къ Ея Величеству. Государыня въ биліардную комнату выходитъ сего дня не изволила. Его Высочество, побывши у Ея Величества съ часъ времени, возвратился въ свои покои. Сказывалъ, что Государыня очень устала, потому что сего вечера стояніе было. Великой Князь, пришедъ отъ Ея Величества, изволилъ сѣсть на кавале. Сколько насъ было, всѣ подаѣ него сидѣли, а именно г. Остервальдъ, кн. Куракинъ и я. Разговорились мы о мундирахъ. Великіи подаѣ изъ бібліотеки Его Высочества двѣ книжки о прусскихъ и австрійскихъ мундирахъ и оныя смотрѣли. Сѣли ужинать. За столомъ разговаривали о лакеяхъ Его Высочества, которой каковъ. Послѣ ужины говорили объ офиціантахъ, описывая разные ихъ достоинства. Въ десятомъ часу въ половинѣ легъ Государь опочивать.

17. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу. За чаемъ разговаривали мы о будущемъ лагерѣ и о карусели. Во время убирания волосовъ изволилъ Его Высочество читать книжку „magazin des adolescents.“ Прїѣхалъ г. Фузадье и подходя къ Его Высоче-

ству, вапнулъ на бѣлий его тафтяной шафрокъ изъ носу табакомъ. Великому Князю такъ гадко сіе показалось, что великіи онъ подаѣ себѣ ножницы, и лишь я отвернуся, все оное мѣсто изъ шафрока своего вырѣзалъ. Изъ дворца поѣхалъ я прямо къ Карлу Федоровичу Крузу, и у него вмѣстѣ съ нимъ пустилъ кровь, по той причинѣ, что уже нѣсколько дней назадъ какъ великую въ себѣ тягость всегда чувствовалъ. Сего дня ввечеру званъ былъ Государь Цесаревичъ къ графу Алексію Григорьевичу Разумовскому на именины. Тамъ Его Высочество изволилъ ужинать. Передъужиной изволилъ играть въ берланъ. Играли съ нимъ: Его Превосходительство Никита Ивановичъ, графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, вице-канцлеръ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, графиня Анна Карловна Воронцова, графиня Прасковья Александровна Брюша, княгиня Дарья Алексѣевна Голицына и другіи. Часу въ девятомъ зазѣнъ былъ на дворѣ передъ Анпчковскимъ домоу, гдѣ живеть Его Сіятельство Алексій Григорьевичъ, изрядной фейерверкъ. Ея Величество изволила во все время тутъ же присутствовать, и вечернее кушанье кушать. Его Высочество былъ веселъ, хотя уже и позднею было. Послѣ стола возвратился во дворецъ, и тотчасъ раздѣвшись легъ опочивать. Былъ двѣнадцатой часъ въ началѣ.

18. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученья, у электрической машины забавляться изволилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, г. Салдернъ, Петръ Ивановичъ Панинъ и Александръ Ильичъ Бибииковъ.

Вечеру, послѣ ученья, изволилъ ходить Его Высочество къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардной комнатѣ въ ломберъ играть изволила съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ

и съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество играть въ шахматы съ княземъ Куракинымъ. Послѣ ужина скоро легъ опочивать. Не было еще половины десятого часа.

19. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмого часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно.

Обѣдали у насъ сего дня князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ и г. Салдернъ.

Послѣ обѣда, Его Превосходительство Никита Ивановичъ водилъ Великаго Князя въ дальніе парадные покои, смотрѣть Государынина портрету. Портретъ писалъ датской живописецъ, и очень схоже. Ея Величество въ пѣхотномъ гвардейскомъ мундирѣ, и на той сѣрой лошади написана, на которой она во время восшествия своего на престолъ, изъ Петергофа обратно сюда шествовать изволила. Волосы написаны распущенные, и платье все въ пыли, какъ то мы своими глазами тогда видѣли.

Пришедъ къ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть за ученье. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья хотѣлъ было Никита Ивановичъ ийти съ Государемъ къ Ея Величеству, но заѣхали къ нему польскіе министры Ржеутскій и Малаховскій, и пробыли столь долго, что къ Государынѣ ийти уже поздно было, и такъ остались мы во-сволясахъ. Его Высочеству не противно то было. Изволилъ сѣсть играть въ берланъ. Послѣ того въ обыкновенное время, то есть въ восемь часовъ съ четвертью, послали за кушаньемъ. Отужинавши, скоро Государь легъ опочивать. Было полдевята часа (не-вступно).

20. Воскресенье. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ быть въ большой придворной церкви у обѣдни. Послѣ обѣдни была

аудіенція Малаховскому у Его Высочества.

Обѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Александръ Ильичъ Бибиновъ, Философовъ, г. Салдернъ и Иванъ Логичъ Кутузовъ.

Послѣ обѣда забавлялся Государь околѣ маленькой электрической машины, и когда вертѣли другіе, то онъ съ удовольствіемъ попрыгивалъ. Вечеру изволилъ пойтти на куртагъ. Куртагъ былъ безъ музыки, великопостной, въ той залѣ, гдѣ стоятъ на часахъ Кавалергарды. Ея Величество изволила тутъ присутствовать и играть въ пикетъ, какъ обыкновенно. Во время куртагу, Государь Цесаревичъ подовзавъ меня къ себѣ, просилъ, чтобъ я сыскалъ Александра Ильича Бибинова, и позвалъ его къ нему ужинать. Государыня въ сіе время изволила послать Малаховскаго смотрѣть самыхъ внутреннихъ ея покоевъ. Позвалъ я ужинать Бибинова, и онъ тотчасъ послѣ куртагу пришелъ къ намъ. Куртагъ кончился въ началѣ девятого часу. Пришедъ къ себѣ, послали мы за кушаньемъ. Бибиновъ между тѣмъ по просьбѣ Государевой рассказывалъ ему о бывшемъ въ послѣднюю войну первомъ нашемъ походѣ подъ Колбергъ, какъ мы испугавшись пустыхъ слуховъ, дали изъ подъ городу тягу, и тогдашней оберъ-цейгмейстеръ Демидовъ побросалъ всю артиллерію. Заужиной продолжая Колбергскую исторію, сказывалъ Александръ Ильичъ о взятіи сего города нашимъ войскомъ, подъ командою графа Петра Александровича Румянцова. Упоминалъ при томъ о приступѣ нашемъ къ зеленой батарее, при которой весьма много урону съ нашей стороны было. Капитанъ Поповъ два раза сбитъ былъ съ оной батареи, и два раза бралъ ее. Не умолчалъ Бибиновъ и о храбрости онаго капитана. Прусской ретраншементъ располагалъ генералъ Таденъ, человекъ въ нижнерствѣ весьма искусной и извѣстной. Сказывалъ еще Бибиновъ о сшибкѣ,

которую онъ имѣлъ у городка Трештау съ неприятельскимъ войскомъ. Тутъ взявъ въ полонъ прусской генералъ Вернеръ. Взявъ его казакъ, по прозванью Каифара. Бибииковъ сказывалъ, что какъ онъ тогда подѣхалъ, то оной казакъ Вернерову лошадь держалъ подъ уздцѣ. Спросилъ его Вернеръ, кто онъ таковъ, и какъ Бибииковъ сказавши, то просилъ, чтобъ велѣлъ его отпустить въ городокъ Трештау, даючи свое слово, что онъ сдается уже военнопленнымъ, и ручаясь въ томъ своею честію. Неоднократно случалось и прежде, что офицеровъ на поролъ отпускавали. Приказывалъ Бибииковъ казаку, чтобъ пустилъ Вернера; но казаку весьма чудно то показалось. Оборотясь къ Бибиикову говорилъ онъ: „што ты баринъ, не съ ума ли сошелъ, какъ его пустить, вить уже онъ нашъ. Пуститца, такъ конь такой доброй, тотчасъ унесетъ, и не съустачъ будетъ.“ Послѣ ужины разговорились мы о графѣ Петрѣ Александровичѣ Румяновѣ и о графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышовѣ. Про перваго говорилъ Бибииковъ, что онъ хотя и строгъ при командѣ, однако принимаетъ хорошо и надъ офицерами больше трунить, ежели увидитъ какую несправность; но что графъ Захаръ Григорьевичъ совсѣмъ инаго нраву, строгъ чрезвычайно и особливо по утру почти неприступенъ, приказываетъ въ полслова, и милова виду никому не сдѣлаетъ, такъ что и генералы подчиненные передъ нимъ трепещутъ, не иначе какъ бы самой строгой и самовластной государь тутъ присутствовалъ. По сихъ разговорахъ изволилъ Его Высочество ретироваться, и раздѣвшись, легъ опочивать; былъ десятой часъ въ исходѣ.

21. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученья, въ билиардъ à la quette играть изволилъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ и Карлъ

Федоровичъ Крузъ, которой хотя и ко Двору нашему принадлежитъ, однако по нечастому быванью, гостемъ почтенъ быть можетъ. Говорилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, между прочимъ, Великому Князю о нѣмецкомъ языкѣ, что онъ мало въ немъ успѣваетъ. И какъ Его Высочество отвѣчалъ, что онъ хотя самъ не говоритъ, однако чтѣ говорить другіе, то почти все разумѣетъ, особливо когда говорить не очень скоро, то шутилъ тутъ надъ нимъ Никита Ивановичъ говоря, какъ у насъ иные о себѣ сказываютъ, что они грамотѣ про себя только умѣютъ. Наконецъ разговорились мы о неустрашимости. Его Превосходительство Никита Ивановичъ о себѣ сказывалъ, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ рассуждать началъ, не памятуетъ, чтобъ какое происшествіе его смутило, и чтобъ онъ въ сердцѣ своемъ болѣзнь почувствовалъ. Зашли и далѣе въ сіе рассужденіе, и говорили, что между дерзостью и неустрашимостію справедливое различіе дѣлать надобно. Говорилъ я о Государѣ Петрѣ Великомъ, что онъ отъ природы, какъ сказываютъ, не весьма храбръ былъ, но что слабость свою преодолѣвалъ рассужденіемъ, и въ безчисленныхъ случаяхъ показывалъ удивительное мужество, что не токмо не умаляетъ его великости, но еще утверждаетъ оную. О семъ обстоятельстве многіе заподлинно меня увѣрили.

Послѣ обѣда позабавясь, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья играли мы въ берланъ. Потомъ пошли къ Государынѣ. Она въ билиардной комнатѣ въ ломберъ играть изволила (съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ и съ генералъ-прокуроромъ князь Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ). Людей очень мало было; всѣхъ на все не больше какъ человекъ восемь. Стоявши нѣсколько времени у ломбернаго стола, изволилъ Его Высочество играть партію въ билиардъ съ камеръ-юнкеромъ Васильемъ Бибииковымъ. Графъ

Григорій Григорьевичъ въ фонариѣ въ цинѣ игралъ съ Строгановымъ. Государь къ себѣ возвратился въ началѣ девятого часу. Послали за кушаньемъ. Послѣ ужина скоро опочивать легъ. Былъ десятой часъ въ половинѣ.

22. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Прислалъ Таубертъ статушку Его Высочества въ бюстѣ, сдѣланную при Академіи Наукъ въ департаментѣ Художествъ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ, Алексій Петровичъ Мельгуновъ, генералъ-поручикъ Штофель и архангелогородской губернаторъ Головцннъ.

Послѣ обѣда, отучась, Его Высочество въ берланъ играть изволилъ. Потомъ пошли къ Государынѣ. Ея Величество въ билиардной комнатѣ изволила играть въ ломберъ съ гр. Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ, съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Головцннмъ. Его Высочество изволилъ тутъ играть между тѣмъ партію въ билиардъ съ камеръ-юнкеромъ Талызинымъ. Въ половинѣ девятого возвратился къ себѣ, и отужинавши легъ опочивать; десятого часу было сорокъ минутъ.

23. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Послѣ обѣда такожь изволилъ учиться. Часу въ седьмомъ изволилъ ходить къ Ея Величеству. Государыня въ билиардной комнатѣ изволила играть въ ломберъ. Его Высочество за другимъ столомъ игралъ въ берланъ, и въ посыльные короли съ дежурными фрейлинами, графиней Шереметевой и г-жею Сасъ, и съ кавалерами. Часу въ девятомъ изволилъ возвратиться къ себѣ, и покушавши, въ десятомъ часу легъ опочивать.

24. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Потомъ изволилъ играть

въ билиардъ, и послѣ вздѣ да впередъ бѣгалъ. Съ нѣкотораго времени примѣчаю я, что Его Высочество началъ становиться слишкомъ рѣзовъ и нѣсколько своенравенъ. Вѣдаю тому и притчину; да пусть я только одинъ ее вѣдаю.

Въ обыкновенное время сѣли мы за столъ, то есть въ началѣ втораго часу. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Нивита Ивановичъ дѣлалъ мнѣ честь, что по большой части разговаривалъ со мною. Зашла рѣчь объ астрономіи, и Его Превосходительство спросилъ Великаго Князя, о чемъ онъ нынѣ изъ астрономіи проходилъ съ г. Эпинусомъ. Какъ Его Высочество отвѣтствовалъ, что проходилъ о параляксисѣ, то Нивита Ивановичъ заставилъ его пересказать о томъ, чему Его Высочество и повиновался. Тутъ, продолжая рѣчь, говорилъ со мною Его Превосходительство о Лейбницѣ, о д'Аламбертѣ и о Фонтенелѣ. Упомянулъ я между прочимъ, чтобъ не худо было, еслибъ и Его Высочество прочелъ Фонтенелево сочиненіе „о множествѣ мировъ“. Его Превосходительство весьма апробовалъ оное. Извѣстно, сколь въ приятномъ видѣ представляетъ Фонтенель наитруднѣйшія вещи. Послѣ сего шутилъ Его Превосходительство, напоминая о похожденияхъ моихъ съ нѣкоторой дамой.

Послѣ обѣда поѣхали мы гулить въ каретахъ, по набережной, за Крюковъ каналъ, и тамъ оборота назадъ, по Мойкѣ. Возвратясь назадъ, отослалъ Нивита Ивановичъ камеръ-лакея Игнатьева къ оберъ-маршалу, чтобъ разжаловать его (въ лакеи, за то что сегодня его) небреженіемъ экипажи пришли гораздо позже, нежели было приказано. Приѣхавши, учился Его Высочество. Потомъ играли мы въ берланъ. Поссорились мы нѣсколько съ Великимъ Княземъ. Часовъ въ семь пошелъ онъ къ Государынѣ. Ея Величество выходить не изволила. Дожидались мы въ билиардной съ дежурными кавалерами, покаместъ Его Высочество тамъ (быть) изволилъ. Пришедъ къ себѣ,

сѣли мы за столъ. Отужинавши, Цесаревичъ скоро легъ опочивать. Былъ въ исходѣ десятой часъ.

25. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ пошелъ въ церковь; изъ церкви за Государынею въ билиардную. Ея Величество изволила тамъ весьма тонкимъ образомъ и почти смѣючись выговаривать Семеновскаго полку маіору графу Якову Александровичу Брюсу о неосмотрительномъ ихъ поступкѣ въ дѣлѣ Озерова. Въ концѣ рѣчей своихъ изволила сказать Государыни: *j'aime que toutes les choses soient dans leur forme*. Потомъ изволила ретироваться, и Государь Цесаревичъ къ себѣ пойтить изволилъ. Никита Ивановичъ просилъ Игнатѣева о лакеѣ Полянскомъ, по просьбѣ Его Высочества. Приказалъ написать челобитную, объ отсылкѣ его отъ Двора въ Военную Коллегію, для опредѣленія въ офицеры.

26. Читалъ я письмо свое къ Сумарокову. Очень понравилось. Сѣлъ учиться. Въ билиардъ игралъ. Долго на дворѣ смотрѣлъ, какъ караулъ смѣнялся. Сѣли за столъ. О трусости князя Куракина и о дуеляхъ. Никита Ивановичъ говорилъ, что и Государю куражъ надобенъ. Послѣ стола читалъ Никита Ивановичъ мое къ Сумарокову письмо и хвалилъ его. Стороннихъ никого у насъ не обѣдало. Учился Его Высочество у меня очень хорошо. Въ берланъ играли онъ, я, Остервальдъ и Куракинъ двѣ пульки, одну выигралъ Куракинъ, другую я. Пріѣхалъ его преподобіе, въ началѣ осьмагаго часу началась всеобщая. Благодѣтельно стоялъ Государь. Приходилъ Григорій Орловъ отъ Государыни звать въ церковь, однако Великой Князь велѣлъ себя извинить, отслушалъ всеобщую дома. Съ вербой рѣзвился. Сѣли за столъ. Ужиналъ у насъ отецъ Платонъ. Шутилъ

по большой части надъ княземъ Куракинымъ о новоизобрѣтенныхъ словахъ его. Встали. Отецъ Платонъ уѣхалъ. Г. Фузадье обрѣзывать Его Высочеству ногти. Легъ опочивать въ исходѣ десятаго часу.

27. Въ седьмомъ часу. За чаемъ о наступающемъ говѣніи. Обуватца сталъ, мокрица ползла; боялся, чтобъ не раздавили и кричалъ. Мундиры французскіе. Кормилица приходила. Въ церковь пошли. Опять туда проводили Государыню. Въ билиардной Платонъ поднесъ ей книгу. Цесаревичъ за нею пошелъ и смотрѣли садъ. Возвратился къ себѣ. Платонъ поднесъ и ему оную книгу. Иванъ Григорьевичъ батюшкины письма мнѣ показывалъ. О больницѣ. Письмо архимандрита читано. Сѣли за столъ. О церковныхъ обрядахъ, о пѣніи столовомъ и знаменномъ. Пѣли Платонъ и Никита Ивановичъ. Обѣдали Платонъ только и Кутузовъ. Какъ пошелъ я провожать Кутузова, присылалъ за мною раза три Цесаревичъ; когда я вошелъ, то онъ лежалъ ничкомъ передъ нами у дверей, салфетки свертывалъ и рѣзвился. Такъ встрѣтилъ меня. Поѣхалъ я съ Остервальдомъ кататпа. Рѣзвился между тѣмъ Великой Князь; въ вечеру былъ у Государыни, мало тамъ было. Играла она въ ломберъ съ Захаромъ Чернышевымъ и Вяземскимъ. Пришедъ спать легъ, поужинавши. Государыня въ саду была, какъ я мимо ѣхалъ.

28. Вставши чай безъ молока пилъ, потомъ попрыгивалъ. Весьма опечаленъ былъ, что мясо ѣсть велѣлъ Никита Ивановичъ. Къ обѣднѣ пошли. Во второмъ часу въ началѣ пришли. Уволенъ на всю недѣлю отъ ученья, радость превеликая.—Рыбу ѣсть съ середи, радость же. Обѣдали у насъ генераль-аншефъ Петръ Ивановичъ Олицъ и генераль-поручикъ Мельгуновъ. Говорили за столомъ о Украинскихъ мѣстахъ, о рыбной

ловѣ и прочее, о теченіи рѣкъ тамошнихъ, о Полтавской баталіи очень много, потому, что Олицѣ самъ на ономъ мѣстѣ былъ и видѣлъ, гдѣ былъ нашъ станъ, ретраншементъ и Государева ставка. Послѣ обѣда отъ Сумарокова получилъ я письмо; докладывалъ Никитѣ Иванычу. Пошолъ къ ефимонамъ. Передъ тѣмъ разбранился съ Великимъ Княземъ, заставляя его играть на музыкѣ. Весьма неохотно пошолъ, защищался своимъ правомъ, что совсѣмъ нынѣ уволенъ отъ ученья; лѣнтяя: послѣ того игралъ съ Куракинымъ въ шахматы, рѣзвился, ужиналъ, спать легъ.

29. Всталъ въ семь. Одѣвшись читалъ съ Платономъ Священное Писаніе. Около станка потомъ забавлялся. Ходилъ я съ Платономъ рѣки смотрѣть, вчера съ вскрылась. Пошли въ церковь, отъ туда тотчасъ къ себѣ. Никита Иванычъ въ шахматы игралъ съ Крузомъ. Сѣли за столъ, обѣдали г. Салдернъ, Строгановъ и Крузе. Говорили о уменьшеніи воды въ моряхъ и о Даліновой исторіи, потомъ о древнемъ мореплаваніи, о Соломонѣ, объ Офирѣ. Вообще о путешествіяхъ. Встали и рѣки смотрѣть ѣздилъ. Цесаревичъ водилъ по столу шашки строемъ, игралъ потомъ въ шахматы съ Куракинымъ. Пріѣхалъ отецъ Платонъ, была заутрени.

30. Одѣвшись къ обѣдн ходилъ. Пришедши Куракина валяли и въ шахматы играли. Обѣдалъ Иванъ Григорычъ и Строгановъ; передъ обѣдомъ маріонетова театру смотрѣлъ. Великой Князь ходилъ по театру, Никита Иванычъ трясъ досками нарочно, чтобъ Его Высочество смѣлъ быть. За обѣдомъ о строевн. Иванъ Григорычъ о своемъ домѣ, о заводахъ и откупяхъ. Послѣ обѣда мы всѣ исповѣдались. Пріѣхалъ отецъ Платонъ, всенощная началась; до того Великой Князь шашки въ строй устанавливалъ и ходилъ взадъ и впередъ, готовясь къ

исповѣди; отецъ Платонъ и Никита Иванычъ дали ему къ тому наставленіе. Послѣ всенощной сѣли за столъ, послѣ ужина послали за духовникомъ отцомъ Ѳеодоромъ. Великой Князь пошолъ на исповѣдъ. Прежде заставили читать Вѣру, нѣсколько сбился, испугавшись духовника. Былъ на исповѣди съ четверть часа. Потомъ пошелъ Никита Иванычъ. Великой Князь послѣ сказывалъ намъ, какъ его духовникъ о рѣзвости спрашивалъ его голосомъ. Никита Иванычъ оговорилъ его taquíperie. Легъ спать въ десятомъ.

31. Марта. Въ шесть всталъ, въ семь совсѣмъ готовъ былъ. Отецъ Платонъ читалъ молитвы къ причащенію. Пошли въ маленькую придворную церковь, причащались тамъ. Пришедъ чай пили, потомъ пошли въ большую церковь смотрѣть омовеніе ногъ. Оттуда пошли за Государыней, потомъ къ себѣ. Въ шахматы играли, Куракина валяли и на бутылку сажали, въ билъбокеть. Сѣли за столъ, обѣдали у насъ Петръ Ивановичъ, гр. Иванъ Григорычъ, Талызинъ, Крузь, Строгановъ. Говорили о ядахъ разныхъ, потомъ о французскомъ министерствѣ. Встали, опять валяли Куракина. Всѣ разѣхались, многіе въ католическую церковь поѣхали. Мы съ Цесаревичемъ двое только остались. Говорили о милостяхъ, о щедрости. Мои рефлексіи о предупреденіи просьбъ. Читалъ службу пасхальную. Великой Князь въ шахматы игралъ съ Куракинымъ. Читалъ я Сорена. Пріѣхалъ Платонъ, пѣли мы. Началась служба, рано кончилась, часу въ девятомъ; въ большой церкви первое еще Евангеліе читали. Сѣли за столъ, Никита Иванычъ съ нами же. Говорили о церемоніи умовенія, о Императрицѣ, короляхъ и о Императорѣ. О нашихъ нѣкторыхъ духовныхъ. Послѣ ужина о томъ, что растетъ Великой Князь, о нетерпѣннн его. Ушолъ Никита Иванычъ. Великой Князь легъ спать. Было три четверти десятого, на той половинѣ служба еще

продолжалась. За ужиною просилъ я Платону на рясу. Согласился на табакерку. Звѣзда на кафтанѣ.

А П Р Ъ Л Ъ.

1 Апрѣля. Одѣвшись читалъ съ отцомъ Платономъ Священное Писаніе, потомъ въ желтой комнатѣ забавлялся. Григорій Орловъ былъ и игралъ съ Никитой Иванычемъ въ шахматы. Сѣли за столъ. Обѣдали Григорій Григорычъ, Захаръ Чернышевъ, Иванъ Перфильчъ, вице-канцлеръ, Салдернъ, Строгановъ и Крузъ. Орловъ рассказывалъ traits объ Андреюшкѣ и о Каинѣ. Захаръ Григорычъ о мошенникахъ Московскихъ. Рефлексія его: а небось на доброе столько смыслу не имѣли. О вчерашнемъ приключеніи въ Морской церкви. Встали. Захаръ о вице-полковникѣ. Пошли къ вечернѣ. Платонъ проповѣдывалъ очень хорошо. Къ плащаницѣ прикладывались. Его Высочество очень чинно кланялся и прикладывался. Пришли, въ воланы играли, смѣялись. Въ вечеру затренняя, у насъ Платонъ служилъ. Сѣли ужинать. Никита Иванычъ тутъ же сѣлъ и очень былъ веселъ. Платонъ, хотя не ужиналъ, однако тутъ же сѣлъ. Шутилъ съ нимъ много Никита Ивановичъ. Его Высочество, вставши изъ за стола, скоро легъ опочивать, въ десятомъ часу въ исходѣ.

2 Апрѣля. Всталъ въ семь, одѣвшись пошолъ къ обѣднѣ; въ боковой комнатѣ стоялъ. Сидѣлъ, какъ царемъ читали. Пришолъ во второмъ уже часу. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только Александръ Бибииковъ и Строгановъ. О Яворскомъ и о чудныхъ его и тогда употребительныхъ текстахъ (гдѣ слаще любовь якъ между ногъ) и проч. Анекдоты о глухыхъ полахъ. О Аксаковѣ и объ архивѣ, а Никита Иванычъ говорилъ, что оный Аксаковъ сумасшедшій. Послѣ стола платье свое показывалъ Великой Князь Никитѣ Ивановичу и роздалъ Савелью Данилову, Ивану

Иванычу и кормилицину сыну. Я табакерку Никитѣ Иванычу показывалъ для Платона. Велѣлъ посылать у Французовъ. Въ воланы мы играли. Великой Князь читалъ мнѣю общую и ходилъ къ Государынѣ, она откушала уже. Ужинать и спать.

3 Апрѣля. Свѣтлый праздникъ. Всталъ въ шесть. Одѣлся. Въ восемь началась затренняя, служилъ отецъ Платонъ. Послѣ затренняя орденъ на Остервальда. Къ обѣднѣ въ малую церковь. Послѣ обѣднѣ привѣтствіе Платоново. Послѣ разговорились. Попрыгивалъ и яйцами бился и каталъ въ спальнѣ. Въ воланы. Къ вечернѣ, оттуда къ Государынѣ. Тамъ въ билірдной игралъ въ берланъ и въ короли съ Паниной и Полянской. Государыня въ ломберъ съ Кирилломъ Григорычемъ и съ Григорьемъ Орловымъ. Къ себѣ пошли. Я въ шахматы. Никита Иванычъ спросилъ, что думаемъ: о Платонѣ, о монашесствѣ... Ужинать. Раздѣлся, спать положили десятого въ десять.

4 Апрѣля. Одѣвшись въ церковь. Великой Князь рапортъ подноситъ. Пришедъ оттуда, въ шахматы играли. Обѣдали у насъ графъ Захаръ и Иванъ Григорычъ Чернышевы, Салдернъ, Талызинъ и графъ Петръ Григорычъ Чернышевъ. Говорили объ экономіи, какъ Петръ Григорычъ мѣдными деньгами дочерямъ выдаетъ жалованье. Вставъ изъ за стола, яйцами всѣ катали, и Никита Иванычъ гонялъ Куракина кругомъ, заставляя его подносить и поднимать яйца. Съ Талызиннымъ бахтался онъ. Яицъ въ карманъ насовали. Бились. Куракину карманъ вырѣзалъ. Никита Иванычъ трунилъ надъ нимъ. Отдыхалъ Великой Князь. Въ берланъ. Пошолъ къ Государынѣ. Я между тѣмъ къ золотарямъ ѣздилъ и къ отцу Платону. Тамъ былъ архіерей Ростовской и архимандритъ Троицкой, яйцами бились. Отецъ Платонъ като-

лическія мощи миѣ показывалъ. У Государынѣ Цесаревичъ въ берланъ съ фрейлиной граф. Разумовской и Хитрово и потомъ въ посольные короли игралъ. Шалилъ много. Государыня играла въ ломберъ съ графомъ Кирплой Григорьячемъ и съ Петромъ Ивановичемъ Шанинымъ. Иванъ Григорьячъ Никитѣ Иванычу между тѣмъ рассказывалъ объ Александрѣ Борисовичѣ Вутурлинѣ, какъ онъ при покойной императрицѣ Ивану Иванычу приплясывалъ и свою Катерину Александровну выхвалявалъ. Очная ему ставка съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Пришелъ домой съ нами за столъ. Послѣ стола тотчасъ спать легъ. Десятаго часу было двадцать пять минутъ.

5. Всталъ въ семь часовъ. Приѣхавъ я сказалъ ему о смерти Ломоносова. Отвѣтилъ: что о дуракѣ жалѣть, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ. Платонъ приѣхалъ. О Ломоносовѣ еще, и онъ сожалѣлъ, возбуждая къ тому я Великаго Князя. Остервальдъ пришелъ, тому сказалъ я, а ничего не отвѣчалъ. Табакерку подарилъ Великой Князь отцу Платону. Пришелъ Никита Иванычъ, къ Государынѣ прошолъ и генераль-поручикъ и сенаторъ Еропкинъ. (Обрался было Государь къ обѣднѣ, однако не былъ. Никита Иванычъ затворился на той половинѣ съ Бецкимъ. Игралъ Великой Князь въ воланы, а потомъ à la guette. Обѣдали у насъ Салдернъ, графъ Захаръ Григорьячъ, Петръ Иванычъ и Григорій Николаячъ. Говорили о заведеніи здѣсь художествъ и что вчерась нѣкто Государынѣ сказалъ, что надобно здѣсь стараться приращеніе дѣлать, а основаніе изъ чужихъ краевъ брать надобно. О Цорндорфской баталіи Петръ Иванычъ, о Ферморѣ въ дезавантажъ его. Захаръ Григорьячъ о Александрѣ Борисовичѣ. Il mettait en parallèle le grand savoir du Roi de Prusse avec la parfaite ignorance de notre marechal. Примѣръ то-

му. Послѣ обѣда десерту смотрѣли изъ здѣшнева фарфору и изъ тѣста. Никита Иванычъ и протчіе пошли къ нему. Цесаревичъ игралъ въ воланы и поѣхалъ съ Крузомъ кататца. На комедіи народной былъ. Приѣхалъ Цесаревичъ, волосы убиралъ, рассказывалъ я ему о томъ. Рефлексія его о раздачѣ своихъ кавалерій. Досадила я ему. Пошли на куртагъ, который былъ въ галлерей. Государыня въ пиветъ играла. Цесаревичъ такъ стоялъ. Пришелъ туда, раздразилъ онъ Куракина своею шалостію, тотъ и ужинать не остался. Послѣ сдѣлался очень вѣжливы. Спать десятаго три четверти.

6. Всталъ въ исходѣ седьмого. За чаемъ о качеляхъ и о гулянѣ. Убирался пѣлъ и на часы смотрѣлъ. Считалъ, въ которыхъ часахъ прежде сего за кушаньемъ посмывали. Говорилъ передъ тѣмъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то. Avec les meilleurs intentions du monde vous vous ferez hair, monseigneur. Убравшись пошолъ со мною въ желтую и кругомъ бѣгалъ. Очень сталъ etouardi и непріятель порядочныхъ разговоровъ и разсужденій. До обѣда морскихъ кадетскихъ офицеровъ представляли. Зачалъ учиться. Рѣзвился, въ биліардѣ игралъ. Съѣли за столъ, стороннихъ никого кромѣ Салдерна. Никита Иванычъ у графа Петра Григорьяча обѣдалъ. Государыня тамъ кушала. Послѣ обѣда игралъ Великой Князь въ берланъ. Въ вечеру къ Государынѣ ходилъ. Пришелъ назадъ въ началѣ девятого. Ужинать, спать легъ.

7. Учился. Никита Иванычъ у брата обѣдалъ. Послѣ обѣда приѣхалъ и поѣхали съ Цесаревичемъ гулять. Были на публичной комедіи. Описаніе оной комедіи. Денегъ дали. Въ берланъ. Къ Государынѣ ходилъ. Ужинать и спать. Я былъ у Сумарокова.

8. Вставъ учился. Пожаръ сдѣлался у Нѣмецкой кирки. Цесаревичъ ходилъ къ Государынѣ. Потомъ пошелъ къ Настасѣ и оттуда смотрѣли. Изъ сторон-

нихъ нѣто не обѣдалъ. Изъ Синода по утру поднесли книги. Миѣ пожаловалъ осьмогласникъ и четвиннею. Былъ у насъ Орловъ. Куракина въ русскомъ языкѣ экзаминовали. Въ вечеру Цесаревичъ къ Государынѣ не ходилъ, для того что по утру видѣлся, и притомъ Никитѣ Иванычу недосугъ было. Въ берланъ игралъ, въ билиардъ. Ужинать и спать въ обыкновенное время. Государыня севодни на публичной комедии быть изволила, верхомъ въ мундирѣ конной гвардіи. Пожаловала денегъ.

9. Одѣвшись учился. Обѣдалъ графъ Захаръ Григорычъ, Петръ Иванычъ. О лагерѣ, что за столомъ вмѣсто бутылокъ бочки будутъ. Потомъ о экономическихкихъ учрежденіяхъ. О ландмилищеныхъ полкахъ и ихъ екипажѣ, что Олицъ сказывалъ, какъ въ дорогу собираться чтобъ всему мѣсто, все приготовлено было. Послѣ обѣда учился Цесаревичъ. Въ подлomberъ съ Куракинымъ. Кукольнова театру смотрѣть ходили. Къ Государынѣ. Тамъ они играли въ карты съ Петромъ Иванычемъ Панинымъ и съ Григорьемъ Григорычемъ. Великой Князь въ берланъ, въ шкaпъ и разныя карточныя штуки съ фрейлнами Шереметевой и Сасъ. Къ себѣ пришедъ, сѣли ужинать и спать. Государыня севодни, въ мундирѣ пѣшей гвардіи, верхомъ ѣздила до Трехъ Рукъ и тамъ кушала. Назадъ по полудни часу въ пятомъ прибыла въ каретѣ, а въ карты играла уже раздѣвшись, въ кофточкѣ.

7. Четвергъ. . . . Пастуховъ.

8. Пятница. . . . Барятинской.

9. Суббота. . . . У Государыни, на балъ, у Трехъ Рукъ.

10. Воскресенье. . Я дежурной.

11. Понедѣльникъ. Перфильевъ.

12. Вторникъ. . . Пастуховъ.

10 Апрѣля. Воскресенье. Одѣвшись, съ отцомъ Платономъ читалъ Священное Писаніе. Рапорты недѣльные отъ морскихъ принималъ. Въ церковь. Государыня въ фонарикѣ, не очень была здо-

рова. Прпшедъ, окно отворили. Радость крайняя. Не отходилъ отъ окна и по-скакивалъ. Черни много звало. Нищему рубль далъ. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ, г. Салдернъ и Крузъ. Петръ Иванычъ похвалы солдатамъ нашимъ. О Порндорфской, Франкфуртской и Пальдигской баталияхъ. Что на спектаклѣ народъ тихъ и не пьянъ. Рефлексія, что народъ у насъ исправляется, да мы не исправляемся. Послѣ обѣда полтомберъ съ Куракинымъ. Танцы и вчерась танцы. Къ Государынѣ на балъ. Государыня совсѣмъ не выходила. Цесаревичъ открылъ балъ съ графиней Анной Карловой. Потомъ поднималъ я для него гетманшу: нога болитъ. Танцевалъ съ княгиней Дарьей Алексѣвной, съ Шереметевой и нѣкоторыми. Шутилъ, пока былъ гр. Иванъ Григорычъ, съ княгиней Барятинской. Потомъ еще мѣнуеть съ большой Чоглоковой. Смотрѣлъ на контраданцы. Слезы было на-вернулись. На балѣ Нивита Иванычъ разсуждалъ со мною о Французахъ. Прямо былъ конфіансъ. Цесаревичъ о Болотниковѣ за меня просилъ гр. Чернышева. Шутилъ, чтобъ посадить его въ болото. За ужиномъ о балахъ и о танцахъ. Куракина походъ къ Строганову. Цесаревичъ опочивать легъ въ исходѣ десятаго.

11. За чаемъ говорилъ со мною о Чоглоковой, о вчерашнемъ карабинерномъ офицерѣ, о Полянскомъ и представлялъ. Во время убирания шутилъ. Убравшись, въ желтую. Орловъ приходилъ. О деревнѣ его Ропшѣ. О болѣзни государыниной. Заснула она. Потомъ тотчасъ за нимъ прибѣжали. Великой Князь сердился и кропотался. Изъ стороннихъ Салдернъ только обѣдалъ. Учился до обѣда. Послѣ обѣда у оца смотрѣлъ. Штуки съ Куракинымъ. Въ шахматы игралъ. Поскакивалъ и кланялся нарочно низко мимоходящимъ. Шутя на ухо со мною перебранивался. Учился у меня хорошо. Цугъ его лоша-

докъ передъ окно приводили. Танцевать. Никита Ивановичъ смотрѣлъ. Онъ лишь только прѣхалъ, ѣздилъ верхомъ прогуливаться. Цесаревичъ у Государыни былъ. Она все еще немогла лихорадкой.

12 Апрелья. Проснулся въ семь часовъ. Учился. По утру ходилъ къ Государыни. Въ сапоги еще съ утра обулся и очень радъ былъ, что на манежъ идти. Государыни полегче. Тамъ гулялъ въ саду Великой Князь. Сѣли за столъ; обѣдали Круузъ и Салдернъ. Послѣ обѣда тотчасъ на манежъ. Тамъ часа два были. Великой Князь ѣздилъ на воронинькой турецкой лошади, которую прислалъ Обрѣзковъ. Спотыкнулась, и онъ самъ удержалъ. Какъ отъѣздилъ, то началъ ѣздить Ребиндеръ. Никита Ивановичъ ѣздилъ же. Савелій Данилычъ на чаленькой, прежней Великаго Князя. Выводили маленькихъ Великаго Князя лошадей. Куракина учили. Стрѣляли. Были съ Великимъ Княземъ вице-канцлеръ, Матюшкинъ и Талызинъ. Его Высочество бѣгалъ по манежу и очень веселъ былъ. За балюстрадаю и сторонніе офицеры, кромѣ конюшенныхъ, кое-кто были. Съ манежу въ себѣ, потомъ тотчасъ на комедію: *Medisant et Indiscret*, балетъ Аполлонъ и Дафна. Аплодировали много. Государыни не было. Кулаки мои больше еще устали, нежели я, свазалъ Великой Князь. Три четверти чевятаго было, какъ все кончилось. Ужиналъ Великой Князь, надъ Куракинымъ шпынилъ, какъ онъ не поворотливъ и трусливъ и какъ сегодня упалъ въ манежѣ. Въ исходѣ десятаго раздѣлся и легъ Его Высочество.

13. Всталъ въ семь. Учился. Обѣдали Салдернъ только и Талызинъ. Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ кругъ дворца. Радъ очень былъ. Въ берланъ играли, въ воланы. Къ Государыни; она не выходила, хотя уже здорова была. Ужинать и спать.

14. Отучась по утру ходилъ Великой Князь къ Государыни. Обѣдали у насъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Строгановъ, Салдернъ, Талызинъ. Петръ Ивановичъ о межеваніи говорилъ. Послѣ обѣда учился Его Высочество. Въ овно долго смотрѣлъ. Погода хороша была. Въ воланы играли. Ужинать и спать.

15. Всталъ въ семь часовъ. На балконѣ смотрѣли. Учился. Графъ Иванъ Григорьевичъ съ патентами. Великой Князь подписалъ въсколко. Аглинской пастору поднесъ Польшу и съ отцемъ Платономъ познакомился. Въ зеленой кафтанъ и въ сапоги одѣтъ былъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ, Строгановъ, Талызинъ, Круузъ и Тепловъ; говорили о комерціи и о продуктахъ земли. Пророчество Крузово, что въ Америкѣ желѣзные заводы будутъ, и Агличане ничего желѣза отъ насъ брать не будутъ. Никита Ивановичъ пророчествовалъ, что когда до того дойдетъ, то Американскія селенія за Агличанами не останутся. О тиранствѣ Агличанъ надъ областями Американскими. Иванъ Григорьевичъ объ Аглинскомъ народѣ. „Купецъ банкротомъ сдѣлался отъ долговъ, заимодавцы послѣднее отдали, чтобъ восстановить кредитъ, и удалось“. О преніяхъ ихъ. Тепловъ о разводѣ у нихъ земледѣльства, въ голодное время, наложеніемъ награжденія тѣмъ, кои хлѣбъ за границу выпускать будутъ. Какой бы кто прожектъ ни принесъ, въ Парламентѣ червонные. Послѣ обѣда Григорій Орловъ приполъ. Въ воланы, шалилъ и *adresse* свою показывалъ. Въ манежѣ поѣхали съ нами Орловъ, Иванъ Чернышевъ, Александръ Бибиковъ и Строгановъ. Великой Князь хорошо ѣздилъ *à deux chevaux*. Долгоша свихнулъ шею. Иванъ Григорьевичъ съ Орловомъ черезъ стулья въ ложѣ прыгали. Изъ манежа домой. Тамъ чаю напилься. Прѣхалъ къ Никитѣ Ивановичу Остенъ, и Великой Князь съ нетерпѣніемъ до-

жидался. Учился между тѣмъ бороться. Пошли наконецъ въ спектакль. Трагедія „Хоревъ“. Ссора у мужа съ женою и парадный балетъ съ волювкой. Государыня была. Дмитревской очень хорошо игралъ. Пришедъ къ себѣ, сѣли ужинать. О спектаклѣ говорили. Польскую карту передъ ужиномъ раскладывалъ. Его Высочество опочивать легъ въ исходѣ десятаго. Очень усталъ.

16. Всталъ почти въ половинѣ осьмова и нахмурился, что поздно. Однакожь развеселился. За чаемъ говорилъ со мною о вчерашней манежной ѣздѣ, и что ему хочется быть лѣтъ въ пятнадцать. Проворства Дмитрія Демьяновича, и во вторыхъ его поставилъ. Одѣвшись патенты подписывалъ. Въ биль-бокетъ игралъ. Учился. За столъ сѣли; обѣдали графъ Минихъ, Салдернъ, Строгановъ, Талызинъ, Ребиндеръ, князь Сергѣй Меншиковъ, Набоковъ. Послѣ обѣда Орловъ приходилъ, проказилъ я простася ушолъ. Пошли къ Государынѣ. Она поѣхала въ Сарское Село. Великой Князь до самаго крыльца внизъ ее проводилъ. Часъ былъ четвертый. Пришли мы къ себѣ. Радовался Цесаревичъ, что хлопотъ убыло. Игралъ въ воланы. Учился у меня очень хорошо. Фектовалъ. Въ берланъ. Алисоново путешествіе. Въ подломберъ. Въ берланъ. Ужиналъ. Какъ зачалъ раздѣваться, пришолъ Никита Ивановичъ и былъ тутъ, пока Государь легъ въ поддесятомъ. Потомъ Никита Ивановичъ самъ Куракина повелъ въ темныя сѣни къ Строганову и, попугавъ, возвратился. Прочіе повели Куракина къ Строганову. Тамъ Строганова слуги наряжались въ бѣлую рубашку и въ парикъ. Куракинъ жестоко трусилъ.

17. Воскресенье. Всталъ въ семь. Одѣвшись читалъ Священное Писаніе съ отцомъ Платономъ. Пошолъ къ обѣднѣ. Слушалъ изъ боковой. Потомъ въ церковь ко кресту ходилъ. Во время обѣднѣ со мною много разговаривалъ.

Къ себѣ возвратился. Весьма многіе за нимъ пришли. Съ полчаса побыли и ушли. Многихъ видѣ-канцлеръ звалъ къ себѣ обѣдать. Чтеніе и раздача Сумарокова Притчей. Великой Князь Польскую карту вмѣсто декораціи установилъ. Обѣдали у насъ только Петръ Ивановичъ Панинъ и Александръ Федоровичъ Талызинъ. Петръ Ивановичъ говорилъ о своихъ депансахъ, потомъ о деревенской экономіи, потомъ о стрѣльбѣ и объ охотѣ. Послѣ обѣда Великаго Князя Никита Ивановичъ заставлялъ въ биль-бокетъ играть. Очень искусно игралъ. Потомъ много играли мы въ воланы. Послѣ Великой Князь съ Куракиннмъ сѣлъ играть въ свой подломберъ. Послѣ ужина съ Никит. Ивановичемъ и съ Куракиннмъ, и къ Строганову ходили. Его Высочество недолго былъ; тамъ пугали Куракина.

18. Послѣ ученья рѣзвился. Смотрѣлъ книги въ своей библіотекѣ, ружьемъ тамъ дѣлалъ. За столъ мы сѣли. Только Салдернъ былъ. Никита Ивановичъ со мною о Тредьяковскомъ, о сочиненіихъ его и анекдотахъ и проч. Послѣ обѣда бѣгалъ со мною Его Высочество изъ комнаты въ комнату. Учился у меня очень хорошо. Эстампы смотрѣлъ. Танцовалъ. Въ берланъ, ужиналъ. Никита Ивановичъ приходилъ, поговорилъ. Государь спать легъ.

19. Вставъ, учился по обыкновенному. Богдановичъ поднесъ поэму. Захаръ Григоричъ пріѣхалъ. Ему, Никитѣ Ивановичу и Великому Князю читалъ я письмо Чупятова. Много смѣялись. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ гр. Захаръ Григоричъ. О строгости его говорили. Потомъ о субординаціи. Никита Ивановичъ, какъ камердинеры должны насъ слушаться. О просьбѣ благороднымъ образомъ. Никита Ивановичъ говорилъ, что читать книгъ ему некогда. Великой Князь на то: Вотъ вчерась, какъ у меня глыбыли, могли бы и читать. Говорилъ Ни-

нита Иванычъ, что онъ не попустому къ нему ходить, но примѣчаетъ его поступокъ, что надо отмѣнить, что дать времени и тому подобное. Читали послѣ обѣда Богдановичеву поэму. Очень хвалили Никита Иванычъ Между тѣмъ за великаномъ послали. Ужасное чудовище: три аршина и пять вершковъ. Ущипывали его и проходили подъ ноги и подъ руки. Имя Бернардо Ж и л и н. Портретъ его и фамилии. Пожаловалъ ему Никита Иванычъ отъ Великаго Князя 300 рублей. Отъ роду ему двадцать седьмой годъ. Гасконецъ съ нимъ. Дивились ему всѣужасно. Послѣ учился Великой Князь. Въ воланы играли. Пошли въ комедию. Комедія была *Esc. le des amis*, балетъ со змѣю. Маленькая пѣса *Triple mariage*. Въ сіе время изъ Сарскаго Села прѣѣзжіе приходили: Бецкой, Елагинъ, Василій Бибииковъ; первые двое долго съ Никитою Ивановичемъ говорили и на комедию совсѣмъ почти не смотрѣли. Бибииковъ сказывалъ, что и въ Сарскомъ Селѣ велѣно быть спектаклямъ, въ пятницу французскимъ, а во вторникъ русскимъ. Послѣ комедіи сѣлъ Государь ужинать. Говорили о покойномъ Ломоносовѣ, редактировалъ послѣднюю его строфу изъ одной оды. О Сумароковѣ, потомъ о великанѣ. Послѣ ужиномъ скоро спать легъ, въ исходѣ десятаго.

20. Всталъ въ семь. Одѣвшись у меня патенты подписывалъ. Потомъ учился. Я между тѣмъ отцу Платону читалъ Сумарокова притчу и письмо Чупятова. Великой Князь потомъ въ воланы. Послѣ *danses gabattues* съ Куракиннмъ. Никита Иванычъ въ сіе время прѣѣхалъ. Ѣздилъ верхомъ съ нимъ Александръ Бибииковъ, Салдернъ да Куселевъ; обѣдали у насъ Салдернъ и Талызинъ. Говорили о вчерашнемъ гигантѣ, Никита Иванычъ, чтобъ его во двору сюда взять. Объ... о Гамбургцахъ и о Голландцахъ, о правленіи ихъ и о вольности. Послѣ обѣда пѣшкомъ гу-

лить по Луговой и кругомъ. Великой Кн. въ воланы. Учиться сѣлъ. Очень хорошо у меня учился. Фектоваль, былъ тутъ Никита Иванычъ и скоро ушолъ. Въ берланъ двѣ пули. Одну Куракиннъ, другую Великой Князь выигралъ. Въ воланы Его Высочество и въ *danses gabattues*. Ломоносову надгробную пѣснь читали. Ужинать. За ужиномъ Богдановичеву эпитафію Ломоносову. О дняхъ Американцахъ. О воспитаніи Куракина и сравненіе онаго съ воспитаніемъ Великаго Князя между мамками. Послѣ ужины въ Средиземное море собирался ѣхать и считалъ, сколько чего взять надобно. Спать десятаго сорокъ минутъ.

P. S. Курьеры изъ Сарскаго Села и отсюда каждый день.

21. Апрѣли. Рожденіе Государынино. Къ обѣдни. Послѣ обѣдни столъ большой.—Анна Карлова, Аграэена Леонтьевна, Матюшкина, княгиня Дарья Алексѣевна, Морскіе, Селивановы и Петръ Григорычъ и Иванъ Григорычъ и другіе, всего кувертовъ на 30. Въ вечеру ничего публичнаго не было. У насъ въ комнатахъ берланъ и воланы. Ужинать и спать.

22. Одѣвшись учился. Передъ обѣдомъ дежурной маіоръ гвардіи Щербатовъ поднесъ рогъ Сибирскаго барана въ 13-ть фунтовъ. Онъ у насъ только обѣдалъ изъ чужихъ. Никита Иванычъ кушалъ у брата. Послѣ обѣда Цесаревичъ учился. Берланъ и воланъ очень въ модѣ. Ужинать и спать.

23. Одѣвшись учился. Обѣдалъ у насъ Юшковъ и Строгановъ. Говорили о Московской губерніи, потомъ о мѣрахъ, о футахъ и рутахъ, о счетахъ. Строгановъ говорилъ, что счеты его предками вошли въ Россію. О народномъ употребленіи счетамъ. Послѣ обѣда Юшковъ откланялся. Великой Князь жаловался головою. Раздѣть его велѣлъ Никита

Иванычъ, и положили, не уснетъ ли онъ. Легче стало; играли въ берланъ, потомъ смотрѣлъ онъ эстампы. Въ опочивальнѣ ужиналъ и спать легъ.

24. Воскресенье. Одѣвшись, съ отцомъ Платономъ у обѣди. Послѣ сѣли за столъ. Никит. Иван. послалъ за Крузомъ, чтобъ Великаго Князя покормить умѣренно, а самъ поѣхалъ на званой обѣдъ къ Миниху. Онъ всю его родню звалъ. Послѣ обѣда въ берланъ и воланы. Ужинать и спать.

25. Въ фразѣ одѣлся. Слабительное принималъ, въ спальнѣ кушалъ. Потомъ въ бильбокетъ, въ воланы, въ берланъ, въ гусекъ. Я читалъ ему свѣтилъ описаніе. Отужинавши, спать. Сегодня ѣздилъ я съ Ник. Иван. въ манежѣ. Ѣздили тамъ, онъ очень благосклоненъ ко мнѣ былъ, а за столомъ обѣдалъ у насъ гр. Иванъ Григорычъ Чернышовъ. Никита Иванычъ рассказывалъ о вчерашнемъ обѣдѣ Миниха, какъ онъ его заподчивалъ, и показывалъ всю свою послѣ обѣда канцелярію, какъ планы у него расположены. Говорили тутъ о Минихѣ, о зубной болѣзни. Гр. Иванъ Григорычъ показывалъ мнѣ зубы. Одинадцати нѣтъ. Послѣ обѣда большой планъ о лѣсахъ отдалъ Великому Князю Чернышову, чтобъ отвезъ въ коллегію. Самъ подписалъ на немъ: Отдать въ Адмиралтейскую коллегію, а я въ низу подписалъ годъ и число.

26. Всталъ въ седьмомъ. Пивъ чай, спрашивалъ меня, чтѣ я вчерась съ Крузомъ говорилъ о Новѣгородѣ и о собачкѣ, коя оттуда. Потомъ стожнило. Положилъ я его въ постель. Вырвало. Далъ пить eau rapée. Заснулъ. Проснувшись, гораздо легче. Приѣхалъ Крузъ и Фузядье, я послалъ. У Никиты Иван. конференція о новой Сербіи и Запорожской (ѣхалъ съ Вяземскимъ и Захаромъ. Великому Князю кушалъ въ опочивальнѣ. Послѣ кушанья въ берланъ и гусекъ.

За большимъ столомъ изъ постороннихъ Елагинъ, Сумароковъ и Строгановъ. Брань у Елагина съ Сумароковымъ. Никита Иванычъ на силу превратилъ. Въ вечеру комедія Bourgeois à la mode, балетъ Magicien, пьеса Chasseur, опера comique. Великаго Князя не было.

27. Всталъ въ 8-мъ часовъ. Сердился, что проспалъ и кричалъ на камердинера, для чего не разбудилъ. Одѣлся и учился, какъ обыкновенно. Кушалъ за большимъ столомъ. Никита Иванычъ тутъ же, а по утру былъ въ манежѣ Никиты Иванычъ. Стороннихъ никого не обѣдало. Послѣ обѣда учился Великому Князю, потомъ въ воланы и въ берланъ. Ужинать и спать. Я приѣхалъ сей день послѣ обѣда, и Никита Иванычъ говорилъ, для чего я не былъ въ манежѣ. Знакъ благосклонности. Великому Князю ужиналъ за большимъ столомъ. Спать въ полдесятаго.

28. Вставши и одѣвшись, учился Астрономіи не весьма охотно. Въ воланы. У Ник. Иваныча конференція: Григорій Орловъ, Захаръ, вице-канцлеръ и еще незнаю кто. Никита Иванычъ съ ними и обѣдалъ у себя. У насъ изъ постороннихъ никто не обѣдалъ. Для Великому Князя Фузядье былъ. Остервальдъ тутъ же. Говорили о строеніи, во что станеть; Фузядье съ обыкновенною простотою, какъ я началъ строить, не имѣя ни полушки въ карманѣ. Послѣ обѣда въ воланы. Учился у меня изрядно. Призывалъ его Никита Иванычъ къ себѣ, играли тамъ въ берланъ. Ужинать и спать.

29. Одѣвшись учился. Государыня изъ Сарскаго Села прибыла въ Сенатъ. Какъ приѣхала изъ Сената, Цесаревичъ ходилъ къ ней. Простился съ нею, а она поѣхала кушать къ Бецкому. Откушавши въ четвертомъ часу, опять въ Сарское Село. Великому Князю у себя кушалъ.

Графъ Иванъ Григоричъ и Салдернъ. Послѣ обѣда учился. Потомъ въ комедию. Игрокъ, балетъ со змѣей и Пустомеля. Дмитревскова въ ложу приводили. Послѣ комедии въ воланы. Ужинать и спать. На меня все таки сердить.

30 Апрѣля. Одѣвшись, обыкновенно учился. Съѣли обѣдать. Обѣдали Алексѣй Бибииковъ, Философовъ и Сумароковъ. Сумароковъ о великанѣ, о Елагинѣ, о подлости. Никита Ивановичъ о Поздѣевѣ. Сумароковъ о механическомъ правилѣ. Послѣ обѣда прѣѣхалъ Бецкой. Подарилъ Великому Князю двухъ калуциновъ на картинѣ. Послѣ обѣда учился. Въ воланы, въ берланъ. Пришолъ Ник. Иван., игралъ въ воланъ. Потомъ со мною читалъ Волтеровы сентенціи. Ужинать съѣли. Никита Ивановичъ съ нами же. Говорили о Бенуа и о Руссо со мною. Послѣ ужинны силу пробовали. Рогъ и штудеръ я поднималъ. Спать. Къ Никитѣ Ивановичу братъ его прѣѣхалъ.

М А Й.

1 Маія. У обѣдни былъ. Послѣ обѣдни многіе приходили. Обѣдалъ только Салдернъ. Послѣ обѣда очень тихо и пусто было. Цесаревичъ никуда не ѣздилъ. Никита Ивановичъ съ братомъ верхомъ въ Катерингофъ. Я былъ у Рубановскова и въ девятомъ вернулся. Играли въ воланы и въ берланъ. Ужинать и спать.

2. Одѣвшись учился, а потомъ въ воланы. Ник. Ивановичъ не обѣдалъ, и никого чужихъ не было. Послѣ обѣда учился. Въ берланъ, въ воланы. Ужинать и спать.

3. Одѣвшись учился. Съѣли за столъ. Обѣдали дежурной Челищевъ, Салдернъ, Крузь, Строгановъ и гофмаршалъ Голицынъ. Ник. Иван.

поутру въ десять часовъ въ Сарское поѣхалъ. Я обѣдалъ у графа Сакена. Были тамъ: тайной совѣтникъ графъ Минихъ, два брата Мелиссины, Бецкой. Изъ иностранныхъ: Аглинской, Шведской, Дацкой, Прусской. Потомъ я къ великану. Во дворцѣ комедія: Le legataire и Somnambule. Балетъ ..... Великому Князю не былъ. Игралъ между тѣмъ. Шахматы разставлялъ и въ воланъ. Въ осьмомъ часу прѣѣхалъ Никита Ивановичъ изъ Сарскаго, приходилъ къ Великому Князю и ушолъ. Съѣли мы ужинать, потомъ спать. За ужинномъ о лунаткахъ и о балетахъ.

4. Одѣвшись учился. Обѣдали у насъ вице-кандцлеръ, Салдернъ, князь Матвѣй Гагаринъ и Челищевъ. О лошадяхъ говорили. Послѣ обѣда дацкихъ лошадей смотрѣли. Гулять поѣхали въ каретахъ на Литейную, въ лѣтній дворецъ, въ садъ, и погулявши опять въ каретахъ домой. Прѣѣхавши не учился, въ воланъ и въ берланъ. Ужинать и спать.

5 Мая. Одѣвшись въ колетъ, къ балкону. Много со мной шутилъ. Потомъ учился. Пошолъ на . . . и пробѣжалъ къ Никитѣ Ивановичу. Онъ одѣвался. Къ себѣ пошли и въ воланы. Пришелъ Ник. Ивановичъ, съѣли за столъ. Обѣдали у насъ Адамъ Олсуфьевъ, Веймарнъ, Бибииковъ, князь Сергѣй Гагаринъ, Мельгуновъ и Крузь. Послѣ обѣда въ манежъ. Тамъ поѣзда, гулять по улицамъ верхомъ. Изъ постороннихъ съ нами Салдернъ, Алексѣй Бибииковъ и Талызинъ; на Литейную и кругомъ. Chemin de bonne aventure черезъ Миліонную, дома. Чаю напился, не учился. Въ берланъ, въ воланы. Ужинать и спать.

6. За чаемъ о вчерашнемъ гуляньѣ разговаривали. Потомъ кирасирскую амуницію и сапоги я ему велѣлъ примѣрять.

Я былъ у Рубановскова, въ Корпусѣ и на Петербургской сторонѣ. Обѣдали у Великаго Князя Веймарнъ, вице-канцлеръ и Петръ Ивановичъ Паинъ. До обѣда и послѣ обѣда учился Его Высоч-во, потомъ въ воланы, въ берланъ. Ужинать и спать.

7. Одѣвшись учился. Строганова челоѣвка шуточное письмо читалъ. Въ воланы. Обѣдать. За обѣдомъ о моемъ житѣ, потомъ о кадетскомъ строеніи и вообще о строеніяхъ. Въволены. Астрономію; на токарномъ станкѣ планеты устанавливалъ. У меня хорошо учился. Берланъ, ужинать и спать. Никита Ивановичъ обѣдалъ у брата и потомъ верхомъ ѣздилъ; говорить, что борется съ лихорадкой. У насъ изъ постороннихъ за столомъ ни одной души не было.

8 Маія. По утру занемогъ головою, тошнилось и рвало. Купалъ слегка въ опочивальнѣ, сперва немножко въ часъ, потомъ въ пятью, а тамъ ужиналъ. Забава берланъ только.

9. Лѣкарство принималъ и во фракѣ былъ, кушалъ въ опочивальнѣ и сожалѣлъ, что для сегодняшняго праздника не могъ въ Морской церкви быть. Кушалъ въ опочивальнѣ. Я былъ въ Морской церкви, я и Иванъ Чернышовъ. Сказывали, какъ много тамъ людей было. Эстампы смотрѣли, послѣ обѣда въ берланъ. Читалъ Его Высочество Кандида. Ужинать и спать. Ник. Иван. кушалъ сегодня у вице-канцлера.

10. Всталъ въ 7-мь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Никита Иван. въ шлафоркѣ еще приходилъ смотрѣть. Никит. Ивановичъ у себя обѣдалъ. Приходилъ къ намъ графъ Захаръ Григоричъ и Салдернъ. Гр. Захаръ читалъ со мной *Eloge de Daguessau*. Обѣдали они у Ник. Иваныча. У насъ изъ стороннихъ Строгановъ только. Говорено о ратныхъ пародіяхъ и нѣсколько о граж-

данскихъ законахъ. Послѣ стола въ воланы. Учился. На комедію. Комедія русская *Jean de Etance*, балетъ Гранжеевъ со змией, маленькая пѣса: Слѣпой видящій. Передъ комедіей писалъ я стихи на Филлора и *attelage à la grec*. Послѣ комедіи ужинали; о Сумароковѣ, о его трагедіяхъ и притчахъ и скоро спать, десять часовъ было.

11. Всталъ четверть осьмага. За чаемъ говорилъ со мною о вчерашнемъ балетѣ и кое о какихъ вчерашнихъ его примѣчаніяхъ, о лѣтнемъ дворцѣ, о переходѣ туда и проч. Во время убранія волосовъ сперва твердилъ Платоновъ урокъ изъ Богословія, потомъ фаворovy сочиненія читалъ, оперу *comme Anette et Lubin* и *Fête d'amour*. Одѣвшись бѣгалъ кругомъ въ желтой комнатѣ. Въ началѣ одинадцатаго сѣлъ учиться, потомъ въ воланы. Обѣдалъ у насъ Салдернъ, дежурной гвардіи майоръ кн. Черкасской и Набоковъ. Никита Ивановичъ тутъ же обѣдалъ. Послѣ обѣда учился Великой Князь у меня очень хорошо. Потомъ стали понаѣзжать изъ Сарскаго Села, Елагинъ, гофмаршалъ и проч. Въ седьмомъ часу и Государыня изъ Сарскаго прибыть изволила. Поздоровавшись съ Великимъ Княземъ, за собой ему ийти въ опочивальню приказала. Черезъ полчаса времени вышла, и онъ за нею. Надъ Гагаринымъ шутить изволила и то съ тѣмъ, то съ инымъ говорила. Черезъ полчаса времени или меньше изволила пойти ко всеиошной, а мы къ себѣ. Тамъ съ княземъ Сергѣемъ Гагаринымъ и со мною рассуждалъ Ник. Ивановичъ, какъ бы здѣсь въ деревняхъ завести фермы. Пришелъ братецъ его, пошли они къ себѣ, а Великой Князь скоро сѣлъ ужинать и потсмъ спать, десятого въ половинѣ.

12 Маія. Вознесеніе Господне. Его Высочество одѣвшись, изволилъ читать съ отцомъ Платономъ Священное Писаніе. Въ церковь. Отъ туда къ Госуда-

рыи. Туда въ билиардную мичмана Алисова приводили, которой прѣѣхалъ изъ Остѣ-Индіи. Предъ тѣмъ въ кавалергардской представляли Государынѣ всѣхъ офицеровъ, кои 21-го Апрѣля по вышедшимъ докладамъ произведены. Пошли мы къ себѣ. Туда позвали Алисова. Обѣдалъ онъ у насъ. Еще обѣдали гр. Иванъ Григорьичъ и Кутузовъ. Алисовъ за обѣдомъ и послѣ обѣда про Остѣ-Индію рассказывалъ. Иванъ Григорьичъ про флотъ и неудовольствіе его по оному. Послѣ обѣда Великой Князь по собственному своему побужденію выпросилъ Алисову 30-ть имперіаловъ, кои я ему отдалъ. Играли мы въ воланъ, потомъ въ цинкъ. Съ Цесаревичемъ были я только и маленькой Куракинъ. Тутъ, отвори окно, съ фрейлинами говорили: Хитрово, двѣ Чоглоковы и Ефи. Вликой Князь шутилъ. Пошли потомъ въ берланъ. Послѣ къ Государынѣ, тамъ большой берланъ былъ, и она играть изволила. Въ пуди червонцевъ съ пятьдесятъ, раздѣлили ихъ за тѣмъ, что для Великаго Князя поздравато становилось. Остальные онъ выигралъ. Государыня короли сбросила для него, какъ мнѣ показалось. Государыня говорила объ обмчанъ по смерти Французскаго короля, о коронаціи цесарской. Въ берланъ играли: Никита Иванычъ, вице-канцлеръ, генералъ Голицынъ, молодой Минихъ, Вадковской, Вяземской, Гагаринъ, Зинovieвъ, Шереметевъ, Государыня и нашъ. Потомъ пришелъ къ себѣ ужинать и спать.

13. Одѣвшись учился, въ воланы. Обѣдалъ у насъ Салдернъ и Тепловъ. Послѣ обѣда учился. Потомъ въ комедію; комедія была *La gouvernante de la chaizée*, маленькая піеса *Somnambule*, балетъ Гранжевъ Аполлонъ и Дафна. Послѣ большой піесы пошли въ ложу къ Государынѣ. Послѣ маленькой піесы, Государыня откланилась, забывшись, и ретировалась, а Ве-

ликой Князь остался въ ея ложѣ, и тутъ до конца балету смотрѣли. Со мной много разговаривалъ. Пришедъ, ужинать и спать.

14 Маѣ. Всталъ въ семь. Одѣвшись, учился. Пришелъ офицеръ 2-го ранга капитанъ Пушинъ докладываться о трешкотѣ, сдѣланномъ для Государыни. Привели его передъ дворецъ по Невѣ. Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Вяземской и Кутузовъ. У Вяземскаго съ Никитомъ Иванычемъ кака-то комиссія секретная. Послѣ обѣда пошли всѣ трешкотъ смотрѣть. Дождикъ пошелъ. Однакожь Великой Князь на трешкотъ сходилъ и все тамъ высматривалъ. Возвратясь учился, о пространствѣ всего міровданія. Разсужденіе. У меня очень хорошо учился. Къ Государынѣ пошли, тамъ берланъ большой играли: 1) Государыня, 2) Великой Князь, 3) Никита Иванычъ, 4) Видъ-Канцлеръ, 5) Генералъ Голицынъ, 6) Князь Сергѣй Гагаринъ, 7) Чичеринъ, 8) Вяземской, 9) Головинъ, 10) Мельгуновъ, 11) Кашталинской. Надъ Гагаринымъ много смѣялись. Пулю опять раздѣлили не доигравъ. Орловъ изъ Краснова Села прѣѣхалъ. Пришедъ сѣли мы ужинать. Вскорѣ спать. Не уснулось съ вечера Его Высочеству, велѣлъ я суконные занавѣсы раздернуть и двери растворить. Заснулъ часу въ одиннадцатомъ.

15. Всталъ въ началѣ осьмага. За чаемъ говорили мы о верховой їздѣ. Убираясь твердилъ отвѣтъ Воссету. Седня послѣ обѣда ему аудіенція. Послѣ обѣда аудіенція Воссету, сперва у Государыни, потомъ у насъ. Его Высочество отвѣтствовалъ прядно. Физіонмія Воссетова понравилась. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ Панинъ, гр. Иванъ Григорьичъ, г. Салдернъ, Кутузовъ, Михайла Михайловичъ Филозофовъ, отставной ротмистръ Масаль-

ской. Говорили о здѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ, о великанѣ и проч. Его Высочество изъ за стола вскакивалъ, — поносъ сдѣлался. Послѣ обѣда попрыгивалъ и игралъ въ воланы. Я ѣздилъ прогуливаться съ г. Остервальдомъ и разговаривали кое о чемъ. Въ вечеру на куртагѣ. Куртагъ былъ въ галереѣ съ музыкою. Ея Величество, какъ обыкновенно, въ пикетъ играть изволила. Великой Князь стоялъ тутъ. Куртагъ кончился въ 8-ть часовъ. Пришли мы къ себѣ. Ужинать и спать.

16. Одѣвшись учился. Сѣли обѣдать. Никита Иванычъ у насъ кушалъ. Изъ постороннихъ Салдернъ и Тепловъ. Послѣ обѣда учился у меня хорошо. Потомъ играли въ биліардъ, мнѣ проигралъ онъ шесть рублей, да еще полтинникъ пробилъ о закладъ. Я вчерась говорилъ, что севодни хороша погода будетъ, а онъ изволилъ утверждать, что дурна и пробилъ. Подъ вечеръ къ Государынѣ ходилъ, тамъ берланъ. Пришедъ ужинать и спать.

17. Одѣвшись учился Его Высочество. Сѣли за столъ, обѣдалъ у насъ вице-капцлеръ и Салдернъ. О короляхъ и принцахъ Нѣмецкихъ разсуждали, кто важковъ. Послѣ обѣда въ воланы. Учился. Потомъ на комедію, русская (Менехли.....), балетъ Аполонъ и Дафна. Піеса Новопріѣзжіе. Послѣ ужинать и спать.

18. Не учился поутру. Сегодня перѣѣздъ въ Лѣтній дворецъ, суетился, чтобъ все было убрано. Въ первомъ часу поѣхали. Онъ въ каретѣ съ Государыней, сидѣлъ противъ нее; прочіе починамъ сидѣли. Мы въ церемоніи жъ были. Тамъ Трубецкой и Вецкой съ хлѣбомъ да съ солью Государыню встрѣтили. Въ церковь она прошла и къ иконамъ приглядывалась; отъѣзжая изъ Зимняго дворца, также. Потомъ ретировалась къ себѣ. Великой Князь у нее

кушалъ. Мы у себя. Послѣ обѣда пришолъ къ себѣ. Играли двѣ партіи въ берланъ, также и въ воланы. Къ Государынѣ пошла, тамъ большой берланъ былъ. Пришелъ гр. Григорій Григорьячъ. Его ахту севодня спускали, тамъ они обѣдали и послѣ куликнули всѣ. Не доигравъ пули, раздѣлили. Пришедъ къ себѣ, сѣли мы ужинать. Потомъ спать.

19. Семикъ. Одѣвшись учился Великой Князь какъ обыкновенно. Обѣдать долго дожидались Никиту Иваныча. Онъ былъ въ комиссіи о разсмотрѣніи крѣпостей. Мы между тѣмъ въ воланы играли, и Великой Князь попрыгивалъ, не скучая излишне. Приѣхалъ Никита Иванъ съ гр. Захаръ Григорьячемъ съ вице-канцлеромъ и съ Петромъ Иванычемъ, которые, погода нѣсколько, поѣхали къ Лобковичу на званой обѣдъ. У насъ обѣдалъ Круузъ только. Послѣ обѣда съ той половинны намерь-юнкеръ Талмзи нѣ приходилъ. Поѣхали въ каретахъ гулять на Васильевской Островъ, мимо биржи, на большую перспективу. Недоѣзжая до Галерной гавани, воротились, и тамъ съ большой перспективы поворотили по осьмой линіи на среднюю. Проѣхали мимо Корпуса и назадъ восвоеси. Приѣхавъ отдохнули, послѣ чаю играли въ воланъ. И со мной у окна сидя, Великой Князь съ полчаса порядочно разговаривалъ. Не учился послѣ обѣда, и къ Государынѣ не ходили. Ужинать и спать. Ужиналъ у насъ Строгановъ, говорили о спектакляхъ. Потомъ спать.

20 Мая. За чаемъ разговаривалъ со мною порядочно о нравочительныхъ матеріяхъ и входилъ въ мои разсужденія. Убираючись, изъ Богословія урокъ твердилъ и потомъ фаворитишны сочиненія читалъ. Убравшись игралъ со мною въ воланы. Потомъ сѣлъ учиться. Отучась, въ воланы. За столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Иванычъ говорилъ съ нимъ по большой части о Голштинскихъ дѣлахъ, а я съ

Крокомъ о Каменномъ островѣ разсуждагь, который совсѣмъ уже купленъ за 30-тъ тысячъ и съ 1-го числа сего Маія числится за Великимъ Княземъ. Съ г. Остервальдомъ я разговаривалъ также о книгахъ. Послѣ обѣда Великой Князь въ бильярдъ игралъ. Ник. Ивановичъ скоро къ себѣ пошелъ. Гораздо былъ не веселъ. Я, ѣдучи во дворецъ часу въ первомъ, встрѣтилъ въ Миліонной Государыню, не знаю въ чьей каретѣ, четверней ямскихъ; одна изволила сидѣть, и занавѣсы опущены. Назадъ только одинъ лакей придворной. Часу въ седьмомъ Государыня и Великой Князь пріѣхали въ Зимній дворецъ на комедію. Комедія была: *L'homme singulier*, пьеса *A nette et Lubin*. Валетъ новой.... *Le ven'dange* въ первой разъ. Въ десятомъ часу въ исходѣ все кончилось. Великой Князь, пріѣхавши и покушавши, въ одиннадцатомъ легъ опочивать.

Отъ 21-го Маія до
3-го Іюня недостаетъ
двухъ Дней.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

і ю н ь

3 Іюня. Вставши, одѣлся и учился. За Богословіей шалилъ. Платонъ и я журили. Въ бильярдъ. Приходилъ Григорій Григорьичъ и звалъ къ себѣ на яхту, которая нѣсколько выше большаго Каменнаго дворца стояла. Съѣли мы обѣдать: Салдернъ, Кропотовъ и Василій Вябииковъ. За столомъ читали Аггинское о своевольствѣ тамошнейя народу и разсуждали о Аггинскомъ правленіи. Послѣ обѣда, какъ уснулъ Никита Ивановичъ, поѣхали мы въ баржѣ отъ пристани, что у дворца на Фонтанкѣ. Пріѣхали. Государыня тамъ уже была. Яхта очень хороша, убрана вся красивымъ деревомъ. Имя ей Алексѣй. Какъ Государыня зачала ее хвалить, то графъ

подарилъ ее Государынѣ. Подняли тотчасъ военной флагъ. Отъ туда поѣхали пшше по Невѣ, къ мосту, на государынину яхту, которой имя Андрей. Отъ туда въ каменной дворецъ пристали и пошли на комедію: *Surprise de la haine*, балетъ *Le magicien*, пьеса: *On ne s'avise jamais de tout*. Отъ туда въ каретахъ домой. Великаго Князя Государыня посадила съ собою; двое ихъ только. Какъ шли чрезъ покои графа Григорья Григорьича, тутъ показывалъ онъ Государынѣ модель береговъ Мойки, Чорной рѣчки и Фонтанки, какъ положено ихъ дѣлать. Споръ былъ. Пришли мы домой. Я къ Никитѣ Ивановичу за дѣломъ былъ. Писали письмо въ Академію Художествъ и еще кое что. Великой Князь межъ тѣмъ отуживалъ, я пришедъ положилъ его почивать. Десять било уже, потому велѣлъ себѣ особый столъ накрыть.

4 Іюня. Великой Князь за чаемъ со мной по большой части о вчерашнемъ волжѣ. За убраніи жъ пѣлъ изъ фаворитишнихъ оперъ. Учился. Послѣ ученья въ бильярдъ. Обѣдали у насъ Гагаринъ, князь Сергѣй и Тепловъ. Послѣ обѣда учился у меня очень хорошо. Елиноса диссекцію глаза. Цесаревичъ очень любопытствовалъ. Потому въ берланъ. Ужинать и спать. Государыня севодня послѣ обѣда въ Катерингофѣ ѣздитъ изволила.

5. Воскресенье. Одѣвшись къ обѣдн. Послѣ обѣдни въ Государынѣ. Тамъ словесно репортовалъ Великой Князь Государынѣ, гдѣ находится теперь Мордвиновъ со флотомъ. Отъ туда къ себѣ. Съѣли за столъ. Обѣдали всѣ три брата графовъ Чернышовыхъ, Петръ Ивановичъ Панинъ, вице-канцлеръ и Филозофовъ. Послѣ обѣда кирасирскую своихъ кучеровъ амуницію Его Высочество всю смотрѣлъ. Хвалили. Въ воланы. На куртагъ. Тамъ долго разговаривалъ Его Высочество съ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ и со мною. Также гово.

рилъ съ Каменскимъ. На куртагѣ обручила Государыня Бестужева съ княжной Долгоруковой. Отъ туда домой ужинать и спать.

6. Одѣвшись учился. Потомъ игралъ въ волчки. У Никиты Иваныча комиссія была о Ягужинскова дѣлѣ. Послѣ комиссіи обѣдали у насъ гр. Захаръ Чернышевъ, князь Яковъ Петровичъ Шаховской, Олсуфьевъ и Гагаринъ. Недокушавши, принужденъ былъ Его Высочество встать и пойти въ Государынѣ. Она отбыть изволила на яхту Андрей, чтобъ пойти въ Кронштатъ, а отъ туда далѣе къ Красной Горѣ, гдѣ флотъ для дѣланія эволюцій дожидается. Проводя часу въ шестомъ, поѣхалъ Государь гулять верхомъ въ Катерингофъ. У Захара Григорыча на дачѣ былъ, что подѣ Катерингофомъ и отъ туда пѣшкомъ въ Катерингофъ. Дома часовъ въ девять, ужинать и спать.

7. Всталъ въ седьмомъ. Одѣвшись, учился, въ билиардъ игралъ. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ дежурной майоръ Шиповъ и Василій Бибииковъ. Говорили по большей части о кирасирскихъ полкахъ и вообще о службѣ. Никита Иванъ обѣдалъ севодни на дачѣ Аграфены Леонтьевны на Охтѣ. Послѣ обѣда, попрыгавъ, учился Его Высочество. Потомъ пошли мы въ садъ самъ третьей только: Его Высочество, Остервальдъ и я; тамъ немногихъ встрѣтили, всѣ въ комедіи были. Комедія была: Безстыдной любопытной, піеса: Нечаянное возвращеніе, балетъ съ зміемъ. Погулявъ въ саду, пришли мы къ себѣ. Его Высочество шутилъ со мною кое о чемъ. Ужинать и спать.

8. Всталъ въ семь; одѣвшись, учился. Потомъ въ билиардъ. Ник. Иванъ поѣхалъ обѣдать къ Бецкому и отъ туда въ корпусъ. Тамъ экзаменъ. Обѣдалъ у насъ только Салдернъ. Говорили о Голштиніи, о Нѣмецкихъ земляхъ и о

власти Цесарей. Вставши изъ за стола, рѣзвился Его Высоч-во. Изъ огня желтой комнаты черезъ дворъ съ фрейликами кланялся. Потомъ въ учительскую пошли для того, что тамъ похолоднѣй было, а день весьма жаркой. Тамъ самъ другъ со мною сядя, о всѣхъ своихъ секретяхъ разговаривалъ. Потомъ учился у меня изрядно, у Епинуса лѣнп-венько, о Антильяхъ севодня. Потомъ еще играли мы въ билиардъ. Пошли въ садъ самъ третьей только: онъ, г. Остервальдъ и я. Встрѣтили графа Петра Григорыча съ дочерью и графиню Анну Петровну. Тамъ домой. Читали Нише. Ужинать и спать. За ужиномъ о партикулярной экономіи и о моемъ домѣ. Положивъ Его Высочество, пошелъ я въ садъ. Прислалъ онъ туда за мною, что жарко спать. Пришелъ я, теплую фуфайку съ него велѣлъ снять и уложилъ его.

9. Въ началѣ осьмова. За чаемъ говорили объ освященіи знаменъ, потому что меня севодни въ бомбардирской полкъ звали, гдѣ освящены будутъ данныя туда нынѣ новыя знамена, конхъ въ артиллеріи прежде сего никогда не бывало. За убираньемъ балетъ пѣлъ. Учился. Сѣли за столъ. Салдернъ обѣдалъ только. Никита Иванычъ нездоровъ былъ и у себя кушалъ. Послѣ обѣда учился Его Высочество. Игралъ. Учился. Въ билиардъ. Ужинать и спать. Гулять нигде не ходилъ, потому что вѣтрено было. Я былъ въ бомбардирскомъ полку, обѣдалъ тамъ. Послѣ обѣда ученъе было генераловъ и министровъ.

10. Юня. Одѣвшись учился. Въ билиардъ. Обѣдать сѣли. Изъ постороннихъ только дежурной майоръ Челіщевъ. Никита Иванычъ говорилъ по большой части о кадетскомъ корпусѣ и о тамошнихъ наукахъ. Третьяго дня на экзаменѣ ему очень понравилось. Послѣ обѣда учился Его Высочество, потомъ черезъ садъ изволилъ пойти Миліонною пѣшкомъ въ комедію. Комедія была: La

fausse confidence Marivaux, балетъ Гранжеевъ, пьеса: *L'etourderie de Mr Fagon*. Отъ туда въ каретахъ домой. Ужинать и спать. Никита Ивановичъ отъ Козмина получилъ письмо, отвѣтъ на его о здоровьѣ Великаго Князя; притомъ увѣдомляетъ, что Государыня завтра прибыть изволитъ.

11. Всталъ въ семь. Поутру, отучась, ходилъ по саду по большому и по третьему. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ горной Суворовъ и Челыщевъ. Говорили о старинной службѣ и о выѣзженной, о деньщикахъ Государевыхъ. Также о заводахъ. Послѣ обѣда учился Великой Князь у меня посредственно. Потомъ подписалъ письмо и штучку въ Академію Художествъ. Часу въ седьмомъ пошли къ Государынѣ во внутренніе покои и тамъ въ верхній маленькой садикъ. Ждали ее съ часъ, однако какъ прибыть не изволила, пошли къ себѣ и сѣли ужинать. Лишь отуживали, въ девять часовъ прибыла Государыня, ѣхала отъ Петергофа сухимъ путемъ. Замѣшталась за тѣмъ, что на дорогѣ попался бомбардирской полкъ, которой полкъ въ лагерь, и его смотрѣла. На водѣ очень понравилось. Великой Князь сказалъ Государынѣ, что онъ за столомъ еще сидѣлъ, какъ она прибыла. Послѣ сцена о томъ и слезы; въ одиннадцатомъ опочивать легъ.

12. Воскресенье. Всталъ въ семь и одѣвшись, съ отцемъ Платономъ въ церковь, отъ туда къ Государынѣ. Домой пришолъ. Иванъ Григорьичъ расписывалъ о морскихъ эволюціяхъ послѣднихъ, также и о флагманахъ во флотѣ. Обѣдали у насъ Петръ Ивановичъ Панинъ, гр. Иванъ Григорьичъ, князь Сергій Васильичъ и г. Салдернъ. Послѣ обѣда рѣзвился Его Высочество даже и слѣшкомъ самовольно. Одѣлся потомъ въ сапоги и въ адмиральской мундиръ. Поѣхали въ шестомъ часу къ Синверсу на дачу, что на Петергофской дорогѣ, на 12-й верстѣ отъ Петербурга, смотрѣть

оттуда бомбардирскаго полку, которой маршировалъ мимо въ лагерь. Звалъ графъ Григорій Григорьичъ. Государыня также быть изволила. Великой Князь, спустя нѣсколько послѣ Государыни, особо своей свитой поѣхалъ. Пока ждались полку, Государыня въ ломберъ играла съ Захаромъ Чернышевскимъ и съ генераломъ княземъ Голицынымъ, а Его Высочество въ берланъ въ другой комнатѣ. Какъ графъ Орловъ пришолъ доложить, что полкъ маршируетъ, то пошли смотрѣть въ верхъ. Я, тамъ постоявъ, въ низъ сошелъ, чтобъ ближе видѣть. Слѣшкомъ 3000 всѣхъ людей по репорту было, 44 орудія. Какъ двое бомбардировъ занемогли и вышли къ сторонѣ изъ фрунту, Государыня послала къ нимъ водки и денегъ. Какъ полкъ прошолъ, сошли въ низъ. Сѣли ужинать. Послѣ ужина Государыня сѣла доигрывать пулю, а мы поѣхали. Въ началѣ двѣнадцатаго пріѣхали. Тотчасъ почивать. Соненъ былъ.

13. Одѣвшись учился. Въ биліардъ. Сѣли за столъ. Я сего утра долго былъ одинъ у Никиты Ивановича, и онъ очень благосклонно и повѣренно разговаривалъ, также ѣздилъ отъ Его Высочества къ Вецкому съ письмомъ и со штучкой. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ только г. Салдернъ. Послѣ обѣда часу въ пятomъ въ началѣ поѣхали смотрѣть Петра Ивановича Панина Финляндскую дивизию изъ деревяннаго зимняго дворца, гдѣ она мимо маршировала. Петръ Ивановичъ самъ предводительствовалъ. Шестъ полковъ было нѣхотныхъ, одинъ гусарской и Архангелогородской карабинерной Мансурова. Полки очень понравились. Какъ поѣхали смотрѣть, то Его Высочество сѣлъ съ Государынею противъ нее, а съ нимъ рядомъ графиня Брюсова: трое. Назадъ также. Пріѣхавъ въ началѣ осьмова часу, по саду по большому съ Государыней гулять пошли. Погода хороша была. Государыня приказала подать придворныхъ шлюпен и поѣхала по

Невѣ гулять, а нашъ генералъ-адмиралъ до дому. Сѣли мы ужинать и все о полкахъ разговаривали. Его Высочеству очень понравились. Въ три четверти десятаго опочивать.

14. Всталъ въ исходѣ седьмаго. За чаемъ о полкахъ. Потомъ о мундирахъ Гребенскихъ, коиъ нынѣ я образцовой сдѣлалъ. Убравшись ружьемъ салютировалъ и артикулъ дѣлалъ, вспоминая о вчерашнемъ войскѣ. Потомъ тавлейки по столу водилъ вмѣсто полковъ. Учился. Въ билиардъ. Сѣли за столъ. Обѣдали Салдернъ, Крузъ и Нагаевъ, коему недавно Анненскую ленту дали, за которую онъ изъ Кронштата благодарить пріѣхалъ. Говорили о кампанетѣ, также о вѣтахъ. Никита Иванычъ обѣдалъ у Аграфены Леонтьевны, она больна. Послѣ обѣда похвали опять къ Сиверсу на дачу, и Великой Князь сѣлъ съ Государыней, рядомъ съ Великимъ Княземъ Брюсса. Тамъ севодни гвардія мимо въ лагерь проходить. Назадъ въ двѣнадцатомъ.

15. Всталъ, было десять минутъ девятаго. Сердился, что поздно, торопился. Въ часъ съ четвертью совсѣмъ одѣлся. Учился въ билиардъ, обѣдали у насъ Мельгуновъ и Кропотовъ. Никита Иванычъ задумчивъ былъ. Послѣ обѣда, попрыгавши, Его Высочество учиться сѣлъ. У меня хорошо учился. Въ берданъ играли. Государыня севодни куда-то ѣздитъ изволила; говорятъ, что въ Красное Село. Часу въ седьмомъ пришло къ намъ Никита Иванычъ, пошли мы въ садъ. Тамъ видѣли штрауса, коего недавно привезли, и особоймой домикъ въ саду сдѣлали. Пришедъ домой, ужинать. Послѣ ужины Великой Князь итѣлъ ариетты изъ оперы *Mageschal*; опочивать въ половинѣ десятаго.

16. Всталъ въ седьмомъ. Одѣвшись, учился. Въ билиардъ. Утро говорили о походѣ нашемъ въ Красное Село, кото-

рой послѣ завтра назначенъ. Обѣдали у насъ князь Алексѣй Семеновичъ Козловской и еще Козловской тайной совѣтницѣ, губернаторъ Смоленской и вице-полковникъ Пушкинъ, которой изъ лагеря привезъ къ Его Высочеству репортъ и списокъ. Говорили тутъ, какъ Великому Князю къ полку пріѣхать, какъ командовать. Сн дин у него только что полки да барабаны въ головѣ. Въ концѣ обѣда пришелъ фельдмаршалъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Въ сапогахъ и въ шарфѣ, бодръ еще. Послѣ обѣда учился у меня Великой Князь не такъ чтобы. Все въ головѣ лагерь. Въ вечеръ Государыня за нимъ присылала. Тамъ въ берданъ играли. Пришедъ, ужинать и спать. Государыня севодня прѣбыла, ночевала въ Красномъ Селѣ, тамъ инкогнито по лагерю ходила. Сегодня видѣлъ я письмо благодарственное къ гвардіи за исправность ея въ маршѣ въ лагерь, отъ гр. Орлова къ фельдмаршалу Бутурлину именемъ Ея Величества.

17. Одѣвшись учился. Очень *etourdi*. Все о лагерьѣ Сѣли за столъ. Обѣдали принцъ Карлъ Курляндской и Салдернъ. Никита Иванычъ говорилъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ рапортовъ отъ Его Высоч-ва приготовить. Послѣ обѣда учился и рѣвился. Въ комедію *Jaloux des abusés*. Балетъ *Парадисовъ* съ волиной. Маленькая піеса *l'etourderie*. Изъ комедіи похвалъ, сѣлъ Цесаревичъ съ Государыней; еще сѣла Марья Андреевна. Пріѣхавъ, ужинать и спать.

18. Отъѣздъ въ Красное Село. Поутру учился Его Высочество, отучась въ билиардъ игралъ. Фельдмаршалъ Минихъ представилъ ему внука своего, полку Его Высочества офицера. Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ графъ Иванъ Григорычъ и Салдернъ, говорили о походѣ. Часу въ седьмомъ похвали. Въ девятомъ часу пріѣхали въ Красное Село. Тутъ встрѣтилъ во дворцѣ графъ Григорій Григорычъ, также Савронской и Елагинъ.

Черезъ часъ времени прѣѣхала и Государыня въ новопостроенной дворецъ подлѣ стараго, въ коемъ мы расположились. Мы въ то самое время ужинали. Вставъ, встрѣтили Государыню. Она услышавъ, что мы встали изъ за стола, тотчасъ Великаго Князя отпустила. Дожидаясь мы и положили Великаго Князя спать. У него все лагерь въ головѣ былъ. Насилу я уложилъ его, сказавъ, что ежели все о томъ думать и худо спать будетъ, не выспится, и завтра Никита Ивановичъ и въ армию передъ сорокъ тысячъ не повезетъ. Илучи еще къ постели жмурился, для того чтобъ поскорѣе заснуть.

19. Воскресенье. Вставъ въ десятомъ часу, одѣлся Его Высочество въ сапоги и въ колеты. Я посылая въ полкъ за ординарцемъ и послалъ вахмистра курьеромъ. Отобѣдавъ часу въ четвертомъ, поѣхали въ каретахъ въ лагерь, котораго правое крыло версты съ полторы отъ Краснаго Села стояло. Лошадей верховыхъ за нами вели. Армія стояла въ двѣ линіи, а главная квартира была къ лѣвому флангу на отлогости горы Дудоровской. Прѣѣхали мы на правой флангъ первой линіи, гдѣ стоялъ Наслѣдниковъ Кирасирской полкъ. Тутъ за фронтомъ вышли изъ кареты и пошли въ ставку вице-полковника графа Пушкина. Всѣ офицеры полка тутъ. Его Высочеству подалъ рапорты генераль-поручикъ отъ кавалеріи Бергъ, бригадной его командиръ генераль-маіоръ графъ Салтыковъ, вице-полковникъ и перваго шквдрону его роты поручикъ Баумгартенъ. Прошли между палатокъ и перваго шквдрону и людей посмотрѣть. Первой кирасиръ Поняковъ ужасно большой мужикъ и лошадь большая. Велѣли ему сѣсть на лошадь и смотрѣли его. Часу въ пятомъ данъ сигналъ, чтобъ выводить полкъ въ линію. Зачали выводить и тотчасъ вывели. Его Высочество сѣлъ тутъ на лошадь въ кирасѣ и во всемъ уборѣ. Какъ скоро Государыня

къ правому флангу прѣѣхала и генераль-поручикъ Бергъ кавалерійскимъ полкамъ командовалъ: „слушай, палаша вонъ“, то и Его Высочество вынулъ свой палашъ и повторилъ оную команду своему шквдрону. Государыня, поровнявшись противъ его, приказала ему за собой ѣхать. Пока мимо полку его ѣхала, то онъ за нею ѣхалъ въ кирасѣ и держа палашъ въ рукахъ; какъ же скоро полкъ прѣѣхали, то палашъ положилъ онъ въ ножны, и Ник. Иван. кирасу велѣлъ съ него снять; и такъ поѣхали за Государыней. Тутъ Его Высочество подалъ рапортъ бригадному своему командиру Ивану Петровичу Салтыкову. Такихъ рапортовъ пять-шесть было приготовлено, чтобъ раздать генераламъ, однако не дошло время; всѣ остались у меня. Одинъ прилагаю здѣсь въ оригиналѣ. Такимъ образомъ ѣхалъ Его Высочество съ праваго флангу въ доль по фрунту до самаго лѣваго флангу, а потомъ съ лѣваго флангу второй линіи до праваго флангу онаго за Государыней верхомъ. Государыня была верхомъ же, въ мундирѣ мужскомъ конной гвардіи. Отдавали честь и склоняли знамена. Какъ прѣѣхали на правой флангъ второй линіи, сошли съ лошадей, и былъ бѣглой огонь. По окончаніи онаго изволила Государыня сѣсть въ карету, а Его Высочество въ свой фаetonъ, и поѣхали въ главную квартиру. Туда велѣно быть всѣмъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, коихъ всѣхъ Ея Величество жаловала въ рукѣ. Его Высочеству приказано показывать свою опочивальню и прочіе покои въ ставкахъ. Мы за нимъ тудаже ходили. Между прочимъ была тутъ Персидская ставка, подаренная здѣшнему двору отъ шаха Надръа. Потомъ, погодя сѣли мы въ кареты, поѣхали домой въ Красное Село. Тамъ, поужинавши, спать.

20. Его Высочество всталъ въ восемь часовъ, одѣлся въ кирасирское платье, только полетче, шолковое, и шиага вмѣсто палаша, сапоги легкіе. Обѣдалъ между

протчными у насъ Его Высочества полку вице-полковникъ, подполковникъ Телкинъ и два майора того же полку Мавкины. Сказывали, какъ всѣ кирасиры обрадованы, что видѣли Государя передъ фронтомъ. Всѣ движенія его примѣтили. Въ пятомъ часу поѣхали въ лагерь. Петра Иваныча дивизія отдѣлилась отъ главной арміи; такимъ образомъ, какъ скоро данъ сигналъ, въ пять минутъ весь лагерь той дивизіи сняли и вступили въ походъ двумя колоннами, конкъ tête и queue составляла кавалерія. Государыня, Великой Князь и великое множество генераловъ, волонтеровъ ѣхали тутъ подлѣ верхами, и мы тутъ же. Государыня пѣсни пѣтъ указала марширующимъ. Вступили они въ лагерь подъ мызою Сиворицами двумя жъ колоннами и въ двѣ линіи расположились. На правомъ флангѣ была высота, на которой сдѣлали батарею. Обѣ колонны потянулись вдоль назначенныхъ линій и стали на мѣсто въ одно почти время. Обозъ составлялъ третью колонну. Какъ скоро дошли, свернули знамена, а какъ сигналъ данъ, чтобъ ставить лагерь, тотчасъ помаршировали отводные и палочные караулы, а протчіе принялись ставить палатки. Весь лагерь поставленъ былъ въ четыре минуты. Ея Величество таковыми проворствомъ и исправностью и регулярствомъ чрезвычайно была довольна. Изволила съ Его Высочествомъ въ фаetonъ поѣхать въ квартиру къ командующему генералу Панину. Квартира была въ оной мызѣ Сиворицахъ, верстахъ въ двухъ позади второй линіи. Свѣтлочки изрядныя, накрытъ былъ столъ. Государыня и Его Высочество ужинали. Тотчасъ послѣ ужина мы поѣхали въ каретахъ, а Государыня еще остаться изволила. Ѣхали сквозь лагерь, часть былъ двѣнадцатой. Солдаты изъ палатокъ кучами выбѣгали и смотрѣли съ жадною радостію на Цесаревича. Домой пріѣхали въ началѣ перваго. Тотчасъ Великой Князь раздѣлся и легъ опочивать.

21. Всталъ въ исходѣ осьмага. Поутру шапки вмѣсто войска разставлялъ и въ барабанъ билъ. Только что тѣ и въ головѣ. Обѣдали у насъ Елагинъ, Тепловъ и Гагаринъ. Послѣ обѣда поѣхали въ каретахъ въ лагерь въ главную квартиру. Государыня поѣхала верхомъ въ пѣхотной гвардіи мундирѣ, въ четвертомъ часу рекогносцировать неприятельскую армію. Цесаревичъ за нею жъ верхомъ, и мы всѣ. Въ конвоѣ были впереди корь-волянъ, состоящій изъ карабинернова Петербургскаго полку, казаковъ, гусаръ и баталіона Студальскаго пѣхотнаго полку. По сторонамъ конвоировали гусарской полкъ и казачей полкъ. Позади полкъ конной гвардіи. Какъ скоро на высоты противъ праваго неприятельскаго лагеря пришли, началось сраженіе между нашими передовыми войсками и его форпостами. Съ его пригорка изъ двухъ пушекъ зачали стрѣлять. Тутъ его резервы, приступивъ къ пикетамъ, впередъ маршировали, а со сторонъ вся конница авансировала. У оной пѣхоты, какъ Петръ Иванычъ самъ мнѣ послѣ сказывалъ, было 11-ть пушекъ, подъ которыми ему насъ подманить хотѣлось: для того уступалъ. Однихъ легкихъ войскъ только было сраженіе и, какъ выше сказано, изъ оныхъ пушекъ перестрѣливались. Потомъ Государыня послала въ Панину, что пора перестать, и все кончилось. Намъ съ горы все видно было, и спектакль очень хорошей (описать надобно подробнѣе). Пріѣхали домой въ каретахъ. Ужинать и спать.

22. Всталъ въ восемь часовъ. Никита Ивановичъ не очень здоровъ былъ. Никуда не ѣздили, и день дождливой былъ, и въ арміи растагъ и обѣимъ арміямъ вина дать велѣли. Между тѣмъ какъ Петръ Иванычъ человекъ въ 70-ть ѣздилъ сегодняшніе форпосты рекогносцировать, то у насъ въ лагерь потревожились. Министры были въ ставкѣ Государыни; какъ пришли сказать, что неприятель

приближается, всё засуматошились и разбѣжались. У здѣшнихъ форпостовъ съ тѣми конвойными была перестрѣлка. У Цесаревича обѣдали севодня генераль-майоръ Масловъ, полковникъ Нероновъ и бригадиръ князь Прозоровской, кои при здѣшной арміи волонтерами изъ своихъ дивизій пріѣхали. День мы въ карты играли, а самъ только рѣзвился и въ барабанъ колотилъ. Въ вечеру неприятельской генералъ къ намъ въ гости пріѣзжалъ. Говорили о вчерашней сшибкѣ. Ужинать и спать.

23. Всталъ въ осьмомъ. Никита Иванычъ слабительное принималъ. Я ѣздилъ поутру въ лагерь къ генералу-квартирмейстеру, чтобы планы и проекты прислалъ къ Великому Князю. По утру сталъ было я изъ инструкціи короля Прусска читать Его Высочеству, для какой причины баталіи и какъ даются, однако совсѣмъ никакой аттенціи не было: шашечки свои ставилъ, имажинировалъ небыллицы и колотилъ въ барабанъ. Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ, поѣхали мы въ главную квартиру. Никита Иванычъ оставался за болѣзнію дома, Великому Князю верхомъ не велѣлъ безъ себя ѣздить, и такъ поѣхали мы въ каретѣ. Отъ туда поѣхалъ я одинъ къ легкому корпусу бригадира Измайлова. Какъ обходился оной неприятеля, былъ я тамъ и смотрѣлъ. Скрытой маршъ прекрасно былъ дирижированъ, и деплоировались очень скоро. Впрочемъ учрежденія здѣшнія нужно выбрать и описать съ разсужденіями изъ здѣшнихъ приказовъ, а неприятельскія изъ присылаемыхъ ко мнѣ записокъ. Государыня съ Дудоровской горы изволила пріѣхать, неприятельская пѣхота уже деплоировалась. Великому Князю тутъ же пріѣхалъ, только въ фастояѣ. И лишь неприятель сталъ ретироваться, то послалъ онъ меня спросить Государыню, домой ли ему, или въ главную квартиру ѣхать. Велѣно домашней. Пріѣхавши разставилъ шашки. Ужинать и спать.

24. Его Высочество кушалъ и весь день былъ дома. Обѣдалъ у насъ гр. Иванъ Григорычъ. Послѣ обѣда поѣхалъ я верхомъ въ главную квартиру и отъ туда въ неприятельской лагерь съ билетомъ, которой я получилъ отъ Никиты Иваныча. Севодня вся здѣшняя конница приходила къ неприятельскому лагерю. Пушками и послѣдними распоряженіями отбились. Я съ Петромъ Иванычемъ во все время ѣхалъ съ нимъ верхомъ и въ Красное Село пріѣзжалъ. Рассказывалъ Великому Князю о севодншнемъ дѣлѣ. Отужинавши Великому Князю спать легъ въ одиннадцать часовъ.

Потомъ пошолъ я къ Никитѣ Иванычу. Тамъ Петръ Иванычъ былъ, Салдернъ и видъ-канцлеръ. О военныхъ учрежденіяхъ говорили. Сегодня получилъ я отъ Никиты Иваныча *Dictionnaire philosophique de Voltaire*, которой онъ нарочно для меня велѣлъ сюда взять.

25. Всталъ въ осьмомъ. Одѣвшись, шашки разставлялъ, въ барабанъ билъ и съ собаками игралъ. Обѣдали у насъ гр. Иванъ Григорычъ, Елагинъ, Тепловъ и кн. Сергій Гагаринъ. Сей день генеральная баталія. Приказъ отданъ поутру, чтобы въ пять колонъ выступить всей арміи и проч. (Смотри Приказъ). Въ четвертомъ часу поѣхали мы въ главную квартиру въ каретахъ. Никита Иванычъ выѣхалъ севодня. Отъ туда верхомъ за Государыней къ неприятельскому лагерю. Какъ на правомъ его флангѣ переднюю вышину взяли и большой его пикетъ сбили, то поставили тутъ наши пушки и стали стрѣлять по большой его батарее. Тутъ мы подѣхали. Четвертая колонна отъ сего мѣста въ право начала строиться. Конфузія въ бомбардирскомъ подку. Стали проходить и прочія колонны и деплоироваться. Поѣхали мы на правой флангъ. Какъ отъ туда помаршировала наша конница передъ фрунтомъ на лѣвое крыло, то за нею пѣхота заходила въ лѣвой флангъ къ неприятелю. Однако онъ

растянуть фрунтъ, построивъ обѣ линіи въ двѣ шеренги и переиѣняя позицію лѣваго своего фланга, конимъ ретировался, маневрировалъ своею конницею. Изъ мелкаго ружья далеко стрѣлять зачали. Великой Князь все былъ на правомъ нашемъ крылѣ за Государынею. Какъ непріятель ретировался, то мы сѣли въ кареты и поѣхали домой. Государыня тутъ еще осталась. Армія осталась еще въ ружьѣ и выставила ведети. Ночью и армія возвратилась. Великой Князь севодни очень усталъ. На мѣстѣ баталіи, верхомъ сѣдя, покушалъ ерпендѣя. Домой пріѣхавши и не ужиналъ, легъ опочивать было въ началѣ одиннадцатаго.

26. Всталъ въ восемь; представлены были Его Высочеству поутру всѣ офицеры его полку и Трубецкова третьяго кирасирскаго. Обѣдать изъ нихъ оставлены Пушкинъ, Телкинъ и одинъ Манекинъ, другой при полку былъ дежурной. Трубецкой одинъ оставленъ былъ при его полку. Обѣдалъ еще у насъ вчерашній непріятель Петръ Ивановичъ, гр. Иванъ Григорьевичъ и Строгановъ. Говорили о вчерашнемъ сраженіи, и болѣе говорилъ Петръ Ивановичъ и удивлялся, что послѣ никто не выѣзжалъ на мѣсто баталіи, чтобы видѣть, какъ онъ стоялъ и какъ переиѣнялъ позицію. Чужестранные министры всѣ вчерась туда выѣзжали, и онъ имъ толковалъ. Послѣ обѣда всѣ разѣхались. Великой Князь рѣвнился и нигуда не ѣздилъ. Ужинать и спать. Никита Ивановичъ ѣздилъ послѣ обѣда верхомъ съ Захаромъ Григорьевичемъ, съ братомъ и съ вице-канцлеромъ; смотрѣть приуготовленные въ полѣ для военнаго праздника залы. Въ главной квартирѣ севодни всѣ гвардіи офицеры допущены къ ружьѣ.

27. Одѣвшись рѣвнился съ собачкою и шашки ставилъ и караулъ смѣнялъ и проч. Въ главной квартирѣ поутру допущены севодня въ ружьѣ всѣ офицеры дивизіи князя Александра Михайловича

Голицына, а послѣ полудни и всѣ же офицеры дивизіи Петра Ивановича Панина. Никита Ивановичъ обѣдалъ севодня у брата своего въ Сиворипахъ. У насъ обѣдалъ Тепловъ и присланные изъ кирасирскаго Его Высочества полку ротмистръ Вурмъ, Штакембергъ и Саженъ. Послѣ обѣда поѣхали мы въ каретахъ въ главную квартиру. Тамъ оную дивизію къ ружьѣ Государыни жаловала. Мы между тѣмъ на Дудоровскую гору поѣхали и Цесаревичъ верхомъ выѣзжалъ на самую верхушку; въ тамошнемъ садикѣ были. Съѣхали на другую сторону въ лагерь конной гвардіи. Тутъ показывали Его Высочеству, гдѣ изъ земли родникъ бьетъ, и онъ воду пилъ отъ туда. Мужикъ огороднику, которой насъ по Дудоровской горѣ водилъ, пожаловалъ Цесаревичъ 5-тъ рублей. Пріѣхавши домой, игралъ Цесаревичъ съ кн. Курарахинимъ въ подломберъ. Потомъ ужинать и спать. Никита Ивановичъ ужиналъ съ нами и говорилъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ, какъ онъ при Государѣ сюда пріѣзжалъ министромъ и о революціяхъ при Аннѣ Іоанновнѣ и по смерти ея.

28. Поутру одѣвшись, поѣхали мы за Его Высочествомъ въ главную квартиру. Онъ наряженъ былъ въ колеты, палашъ и большіе свои сапоги. Тамъ, принеся Государынѣ поздравленіе, поѣхалъ съ нею въ поставленную недалеко отъ главной квартиры на горѣ Преображенскаго полку полковую церковь. Около вся армія стояла въ парадѣ. Панина дивизія тутъ же. По окончаніи обѣдни былъ троекратной бѣглой огонь. Очень хорошо шогъ. Послѣ сего поѣхали мы въ Красное Село. Тамъ въ большой залѣ приготовленъ былъ столъ, за конимъ Государыня и Его Высочество кушали; до полковничьяго чина всѣ туда приглашены были. Послѣ стола тотчасъ потомъ Цесаревичъ къ себѣ. Въ седьмомъ часу поѣхалъ онъ къ генераламъ на балъ. Сѣлъ съ Государыней. Мы также званы

всѣ туда, Описаніе онаго празднества. Менуетовъ пять протанцовавши, занемогъ Его Высочество. Сыро было, да и за обѣдомъ можетъ быть лишнее скушалъ. И такъ ни ужинны, ни фейрверка не дождавшись, поѣхали мы въ Село. Рвало Великаго Князя; напоявши чаемъ, положили его Никита Иванычъ спать.

29. Опочивалъ очень хорошо и поутру 29-го одѣлся; однако не выходилъ, и всѣмъ приходившимъ для поздравленія съ именинами отказывано. Государыня въ сельской церкви обѣдню слушала. Платонъ послѣ обѣдни говорилъ проповѣдь. Государыня плакала. Послѣ обѣдни заходить изволила къ Великому Князю. Поговоривъ о вчерашнемъ его припадѣ, говорила похвалу Платону. Его Высочество севодня совсѣмъ не выходилъ на ту половину и забавлялся. Тамъ въ вечеру былъ во дворцѣ балъ и ужинъ. Государыня однакоже кушать не изволила. Его Высочество обѣдалъ у себя за большимъ столомъ, а ужиналъ одинъ. Опочивать легъ въ десятомъ. Вчерась двое Всеволожскихъ сдѣланы камеръ-юнкерами, а всѣмъ бывшимъ при вступленіи на престолъ дано 4, 000 руб. За севодни ничево.

30 Іюня. Проснулся въ осьмомъ. совсѣмъ здоровъ былъ. Отъѣздъ севодня. Надѣлъ вице-полковничей мундиръ. Обѣдали у насъ бригадиръ Петръ Фёдоровичъ Апраксинъ и вн. Сергѣй Трубецкой. Отобѣдавши, не успѣли мы еще пойтить на ту половину, какъ Ея Величество отбыть уже изволила. Спустя нѣсколько времени поѣхали и мы. Пѣхали нѣсколько прежде Государыни, въ городѣ съ нею развѣхались. Какъ прибыла Государыня, то пошли къ ней. Цесаревичъ въ берланъ игралъ тамъ. Потомъ къ себѣ ужинать и спать. При отъѣздѣ изъ Краснова Села пожаловалъ Цесаревичъ бывшему у него на ординаріи вахмистру Толю изъ своихъ рубъ имперіалами 100 руб. и обѣщала представить о немъ военной коллегіи, чтобы произвести въ офи-

церы, а третьяго дни черезъ меня изволилъ отослать въ полкъ свой кирасиру Ильину 100 руб., которой переломилъ себѣ ногу во время бывшихъ маневровъ.

і ю л ь .

1 Іюля. Одѣвшись, учился и такъ и сякъ. Потомъ въ билиардъ, сѣли обѣдать, изъ постороннихъ только Салдернъ.

Говорили о казни Лопухиныхъ и о другихъ анекдотахъ, также о владѣніи императрицы Анны Іоанновны. Рефлексія Никиты Иваныча, что ежелибы и теперь ихъ братья боярамъ дать волю и ихъ слушаться, тобъ другъ друга и нынче сѣчь и головы рубить зачали. И такъ въ оныхъ строгостяхъ винилъ министерство.

Послѣ обѣда учился Его Высочество. Въ вечеру поѣхали въ каменной зимней дворецъ на комедію: *Les fausses confidences*, новой совсѣмъ балетъ Невильевъ *Chasseurs, opera comique*. Возвратись, не ужинавши, легъ Его Высочество опочивать. Жаловался, что голова болитъ и тошнитъ.

2. Всталъ въ осьмомъ. Учился, потомъ въ билиардъ, обѣдалъ у насъ Салдернъ, князь Сергѣй Васильичъ Гагаринъ, которой севодня откланивался, чтобъ ѣхать въ Москву. Шутили надъ нимъ. Послѣ обѣда учился Его Высочество, потомъ пришелъ Никита Иванычъ; выбирали образчики бархату на платье. Фланговой бархатъ. Смѣялись. Пошли въ садъ гулять. Никита Иванычъ морализировалъ о непостоянствѣ и легкомыслии Великому Князю, и я очень радъ былъ, что тоже самое ему говорилъ, что отъ меня прежде неоднократно говорено Его Высочеству. Пришедъ назадъ, ужинать и спать. Государыня севодня изволила ѣздить на охоту съ соколами.

3. Воскресенье. Проснулся Его Высочество въ восемь часовъ. Жаловался головою. Давали ему доктора какую-то

бѣлую емульцію. Одѣли его въ фракъ. Не выходилъ. Онъ севодня обѣдалъ и ужиналъ въ опочивальнѣ. Между тѣмъ забавлялся, раскладывая Норвежскую и Россійскую карту, принесенную отъ Дюмареска, также красками мараль кое что.

За большимъ столомъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Ивановичъ разсуждалъ о смерти и очень хорошо.

Куртагъ севодня очень недолго продолжася. Государыня по саду гулять изволила, и публика также гуляла.

4. Всталъ въ исходѣ осьмага. Здоровъ, слава Богу. За чаемъ шутилъ со мною. За убраньемъ читалъ и распѣвалъ изъ Службника. Учился. Игралъ навязавши къ мазу веревочекъ съ коклюшками, бѣгалъ по бильярдной, представляя, что это штандартъ. Все лагерь въ головѣ. За столъ мы сѣли, изъ постороннихъ только Салдернъ. Никита Ивановичъ мало разговаривалъ. Послѣ обѣда учился у меня Великой Князь очень хорошо. Когда Никита Ивановичъ пришелъ, то въ вечеру ходили мы на карусель, тутъ дамы учились. Пришедъ рѣзвился. Ужинать и спать. Я ѣздилъ отъ него Брюсшу звать въ кумы у Дмитревска съ нимъ. Онъ подписалъ севодня представленіе о Голѣ

5. Всталъ въ осьмомъ часу. Принималъ въ презервативъ, по совѣту докторовъ, слабительное. Одѣтъ въ былъ въ фракъ. Не выходилъ нигуда и не учился. Забавлялся, разставляя шашки и попрыгиваячи. Севолни были на комедіи, французская *Le dissipateur*, пьеса *Somnambule*, балетъ съ змией. Государыня изволила присутствовать.

6. Одѣвшись, учился. Потомъ въ церковь ходилъ крестить у Дмитревска сына Петра съ графиней Прасковей Александровной Брюсшой. Пришедъ къ себѣ порѣзвился. Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ вице-полковникъ Валентинъ

Пушкинъ, полковникъ князь Петръ Голицынъ, которой севодня отѣзжалъ въ Москву къ полку своему, Салдернъ и Петръ Ивановичъ Панинъ. Послѣ обѣда не учился Его Высочество, ѣздилъ за Государыней на охоту за Ямскую съ соколами и съ вречетами. Государыня въ конно-гвардейскомъ мундирѣ была и какъ выѣхали за Ямскую, то верхомъ изволила сѣсть, и мы всѣ верхомъ сѣли, а Его Высочество сѣлъ въ таратайку и тутъ же ѣздилъ. Съ нимъ сѣдѣли Никита Ивановичъ, Салдернъ и графиня Брюсша. Назадъ пріѣхали мы въ исходѣ девятаго. Ужинать и спать.

7. Проснулся въ седьмомъ часу. Въ девятомъ совсѣмъ готовъ былъ. Въ началѣ одиннадцатаго поѣхали мы на иновуграцію Академіи Художествъ водою. Его Высочество въ шлюпку сѣлъ съ Государынею. Какъ подъ мостъ стали подъѣзжать, то на носу всю рѣзбу обломали. Очень низко было. Наверху жь шли люди и кареты ѣхали. Его Высочество очень испугался. Въ Академіи великолѣпная церемонія. Назадъ поѣхали также водою, и Его Высочество сѣлъ съ Государынею. Пріѣхавши домой, сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Послѣ обѣда часу въ пятомъ поѣхалъ Его Высочество въ Катерингофъ. Тамъ долго пѣшкомъ ходили, и Его Высочество попрыгивалъ. За домомъ къ водѣ скинулъ съ него Никита Ивановичъ шпагу, кафтанъ и кавалерію, и онъ бѣгалъ. Потомъ пошли, гдѣ лошади наши передъ дворцомъ стояли. У разнощика апельсини брали. Двое ихъ было. Цесаревичъ обоемъ пожаловалъ по червонному. Поѣхали назадъ верхами же. Переѣхавши Калининъ мостъ, видѣли мы окнѣ Мадониса сумасшедшева. Остановивался Великой Князь, заставляя его играть на скрипкѣ; игралъ онъ, но не гораздо хорошо; видно, что недавнишняго его композиція. Пріѣхавши ужинать и спать. Государыня сегоднешняго вечера изволила ѣздить по Невѣ водою.

настоящаго столѣтія. Въ концѣ книги помѣщены приложенія—матеріаловъ. Кроме печатныхъ источниковъ, авторъ пользовался кавказскими архивами (ставропольскимъ — военнымъ и губерньскимъ, кизлярскимъ—военнымъ, терскимъ войсковымъ, и старымъ архивомъ астраханской дух. консисторіи, переданнымъ въ Кавказскую консисторію).

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Д. А. Кюраскова. Казань. 1880. 303+86. Ц. 3 р.

Мы не согласны назвать періодъ, разсматриваемый авторомъ, мало изслѣдованнымъ въ русской исторической литературѣ. Емъ нему не разъ уже обращались наши историки и въ общихъ сочиненіяхъ, и въ отдѣльныхъ очеркахъ. Поэтому «зюду» г. Кюраскова скорѣе слѣдуетъ дать значеніе «пересмотра» самаго вопроса, причемъ авторъ, пользуясь матеріалами архивовъ, могъ провѣрить прежніе источники и отчасти пополнить ихъ новыми свѣдѣніями. Для этого онъ воспользовался архивами: государственнымъ, правительствующаго сената, синодальнымъ и москов. главнымъ архивомъ мин. иностран. дѣлъ. Въ своемъ очеркѣ онъ представляетъ довольно обстоятельный обзоръ источниковъ, причемъ сообщаетъ не безынтересныя замѣчанія по литературѣ своего вопроса (о запискахъ Ф. Прокоповича, Дюпа де Лиріа, Степанова, Долгорукова). Затѣмъ, главный интересъ изслѣдованія, помимо очерка событій, сосредоточивается на характеристикѣ императрицы Анны и мнѣній, высказанныхъ по поводу замысловъ верховниковъ. Мнѣнія верховниковъ и ихъ противниковъ поставлены въ связи съ идеями и источниками, откуда онъ могли быть почерпнуты въ ту эпоху. Въ приложеніяхъ авторъ сообщаетъ критико-библиографическія замѣтки о важнѣйшихъ ооциальныхъ документахъ, неизвѣстные еще проекты шляхетства и извлеченія изъ депешъ датскаго посланника Вестеалена, на основаніи дѣлъ королевскаго копенгагенскаго архива. Впрочемъ, во многомъ, выводы и освѣщеніе авторомъ событій заслуживаютъ замѣчаній и возраженій, но это не можетъ входить въ планъ нашей краткой замѣтки: скажемъ только, что при этомъ

необходимо имѣть въ виду рецензію на его книгу Н. П. Загоскина: «Верховники и шляхетство 1730 г.» Казань 1881 г.

Архивъ князя Воронцова. Книга XX, М. 1881. Ц. 3 р.

Весь настоящій томъ посвященъ перепискѣ братьевъ (Р. Р. и А. Р.) Воронцовыхъ, имѣющей дипломатическій характеръ. Сюда вошли письма гр. А. И. Маркова 1786—1816 г., (изъ Петербурга и Парижа) и второстепенныхъ русскихъ дипломатовъ: Тамары (изъ Константинополя и Италіи, 1773—1803), Италіанскаго (тоже за 1787—1806), Лизакевича (изъ Лондона, Гамбурга и Копенгагена, 1800—1804), священ. Смирнова (временно-завѣдывавшаго посольскими дѣлами, изъ Англии, 1800—1802 г.); но особенно интересны, по личности корреспондента, письма извѣстнаго энциклопедиста, барона Гримма, писаннаго уже въ старости (1793—1804), послѣ бурь французской революціи (изъ Гамбурга, Брауншвейга, Верлима, Готы), дополняющія его обширную корреспонденцію. Изъ другихъ матеріаловъ здѣсь напечатаны: переписка по поводу книги «Кумъ Матвѣй», интересная въ цензурномъ отношеніи (1803), записка о родѣ занятій русскаго посла въ Римѣ (1803) и мнѣніе гр. А. Р. Воронцова по дѣламъ, касающимся Валахи (1803).

Исторія русской церкви в. Макарія, митр. московскаго и воломенскаго. Спб. 1881. Ц. 2 р. 50 к.

Новый томъ «Исторія русской церкви» посвященъ исторіи патриаршества въ Россіи до патр. Филарета и борьбѣ православія съ униєю въ Западной Россіи при митрополитахъ Михаилѣ Рогозѣ, Ипатіѣ Подцѣѣ и Веніаминѣ Рутскомѣ. Такимъ образомъ весь этотъ трудъ сосредоточивается на смутной эпохѣ въ московскомъ государствѣ и религіозной борьбѣ въ Западной Руси въ тотъ же періодъ. Весьма полный сводъ историческихъ данныхъ и, по возможности, объективная точка зрѣнія на ходъ церковныхъ событій, насколько въ правѣ ожидать читатель отъ церковнаго писателя, составляютъ главное достоинство трудовъ в. Макарія, а равно и настоящаго тома.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1881 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложения, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи главной конторы при книжномъ магазинѣ: Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изгородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Еватернинскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автографы, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской и горической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписки, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектантскіе.—Народ. повѣрья.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ съ 17 портрет., 8 руб.

Издатель-редакторъ М. И. Семеновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

АВГУСТЪ.

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Одно изъ воспоминаній моея молодости. Разсказъ декабриста М. А. Фонъ-Визина. Сообщ. В. Н. Лихачевъ	503
II. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и Павелъ Воиновичъ Нащокинъ. Очерки и воспоминанія Н. М. Мушкова. [Окончаніе]	599
III. Иванъ Андреевичъ Крыловъ и басня, имъ написанная, «Ковъ». Статья Н. Ф. Крузе	623
IV. Императоръ Николай Павловичъ. Письма къ графу Н. А. Толстому, 1828—1831 гг.	547
V. Общество поощренія художниковъ въ 1850—1862 гг. Изъ воспоминаній О. О. Львова	633
VI. Моя жизнь и художественные труды. Воспоминанія академик-гравера на мѣди И. П. Пожалостина. Главы I—IV	569
VII. Исторія моея жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина П. Н. Шниова. Продолженіе, 1846—1856 гг.	666
VIII. Записки Ильи Васильевича Селиванова. Главы IX—XI. [Окончаніе]	531
IX. Историческіе матеріалы. Инструкція о воспитаніи, 1772—1775 гг. Сообщ. С. П. Писаревъ	655
X. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ [на оберткѣ].	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. Продолженіе [стр. 341—405]. — II. Азбучный указатель личныхъ именъ въ томѣ XXXI-мъ «Русской Старины» изд. 1881 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Еваторинский каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1.

1881.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1881 г.

Архивъ князя Вяземскаго. Изданіе гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1881. 369 стр. Ц. 2 р.

Нельзя не отметить выходъ новаго собрания семейныхъ документовъ, которые въ теченіи послѣдняго 20-лѣтія сообщали такъ много историческихъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи. Матеріалы изъ Остафьевскаго архива, принадлежащаго князю Вяземскому, появились уже на страницахъ «Рус. Архива» и въ другихъ изданіяхъ (о Пушкинѣ и т. п.). Новые матеріалы, появившіеся въ указанномъ собраніи, относятся къ жизни князя А. И. Вяземскаго, служившаго въ военной конторѣ въ Москвѣ, наѣзничкомъ пензенскимъ и нижегородскимъ и сенаторомъ. Представленная имъ «военная записка» даетъ интересную характеристику русскихъ военныхъ силъ во время первой турецкой войны при Екатеринѣ II; «Записка гражданская» — знакомитъ съ трудностями тогдашней русской юриспруденціи и лицъ, посвящавшихъ себя на служеніе ей; отчетъ о состояніи означеннаго наѣзничества знакомитъ съ управленіемъ края въ концѣ царствованія Екатерины II. Для біографіи самаго кн. Вяземскаго и исторіи его времени важны письма къ нему Н. М. Карамзина—(о современныхъ политическихъ событіяхъ, 1796 г.), Зубовыхъ, Ханькова, Новосильцова, Н. С. Мордвинова, А. П. Воронцова, (болѣе другихъ) и пр. Наконецъ больше интересны путевыя записки кн. Вяземскаго за границею, веденныя въ 1782 г.

Пожелаемъ, чтобы и другіе, болѣе важные матеріалы того же архива нашли мѣсто на страницахъ предпріяятаго изданія.

Описаніе рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Черниговской духовной семинаріи. Составилъ М. И. Лилеевъ. Спб. 1880. 215 стр. Ц. 2 р.

Настоящее изданіе принадлежит обществу любителей древней письменности, такъ много сдѣлавшему по части описанія и обнародованія самыхъ рукописей. Замѣчательная бібліотека Черниговской семинаріи образовалась изъ рукописей монастырскихъ бібліотекъ, частныхъ пожертвованій и распыльничьихъ рукописей, отобранныхъ административнымъ порядкомъ. Въ ряду частныхъ жертвова-

телей видное мѣсто занимаетъ собраніе извѣстнаго церковнаго историка Филарета бывшаго архіеп. черниговскаго. Всѣхъ копійей семейнарской бібліотеки—201, числѣ которыхъ наиболее заслуживающія вниманія учебныя системы старой школы, а также и другихъ этого рода, и рукописи по исторіи ла, представляющія самый интересный дѣлъ по новости матеріала. Система санія принята такая же, какъ и въ Оп рукоп. синодальной бібліотеки, а отличается достаточною полнотою самостоятельностью.

Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787. (Москва). Спб. 1881. Изд. книжн. магазинъ „Новаго Времени“. Ц. 2 р.

Въ числѣ перепечатокъ прежнихъ изданій—«Драматическій словарь» составляетъ весьма цѣнное приобрѣтеніе для исторіи театра и русской литературы вообще. Онъ представляетъ въ алфавитномъ порядкѣ перечень оригинальныхъ и переведенныхъ пьесъ, дававшихся на сценѣ или появившихся въ печати со времени возникновенія русскаго театра. При этомъ указаніе пьесъ нерѣдко сопровождается замѣчаніями объ успѣхѣ ихъ, о мѣстѣ представленія, о театрахъ того времени, объ игрѣ актеровъ и т. п. Такъ, по поводу представленія оперы «Земира и Азоръ» замѣчено, что актриса московскаго театра Соколова была апплодирована металлами кошелевковъ. Опера и музыка столько интересны, что никогда изъ вкуса вытти не могутъ». Подобныя знаки одобренія повторялись тогда и съ другими актерами. Отметимъ еще слѣдующее мѣсто о Гётте, указывающее на литературныя понятія того времени: «Клавиго»—трагедія г. Гётте, славнаго нѣмецкаго автора, которой написана отличную книгу, похвальному повсюду: «Страданіе младаго Вертера». Мысль въ сей трагедіи, такъ какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ его, подраженіе единой натурѣ и не слѣдующія правиламъ; слѣдственно сія трагедія писана не принужденнымъ, а естественнымъ слогомъ». Въ словарѣ разбрасано множество замѣчаній, относящихся къ области литературы и драматическаго искусства. Относительно Дейдаміи Тредьяковскаго замѣчено, что «сія трагедія есть наиболѣе продолжительная изъ всѣхъ рус-

ОДНО ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕЙ МОЛОДОСТИ.

Разсказъ декабриста М. А. Фонъ-Визина.

1807 г.

I.

Нѣкоторые древніе философы, особенно стоики, вѣрили въ бытіе непостижимой, сокровенной, міровой силы, верховно властвующей, и которая всевластно управляетъ всѣми человѣческими помыслами, намѣреніями и дѣйствіями. Никакой умъ, никакая мудрость, никакія усилія воли не могутъ отвратить, или измѣнить предопредѣленій неумолимаго рока, страшнаго *Fatum*'а, которому, по вѣрѣ язычниковъ, и сами безсмертные боги были подвластны. То былъ чистый фатализмъ, отвергающій свободную волю человѣка въ избраніи добра и зла—стало быть и всякую нравственную отвѣтственность,—признающій безусловную, неизбѣжную необходимость всего, что дѣлается на свѣтѣ: въ бытіи-ли государствъ и народовъ, въ жизни-ли всякаго человѣка.

Въ новѣйшей философіи пантеистъ Спиноза основывалъ эту ничѣмъ неотвратимую, неизбѣжную необходимость всѣхъ событій и дѣлъ человѣческихъ на идеѣ, что міръ въ самомъ себѣ содержитъ причину своей реальности, своего бытія, и что внѣ міра эта причина не можетъ находиться. Пантеисты: Фейербахъ, Бруно, Бауеръ и пр., которыхъ называютъ лѣвой стороной Гегелевой школы, слѣдуютъ подобной системѣ фатализма.

Такія умозрѣнія противны и Евангельской истинѣ, и глубокому внутреннему чувству, и вѣрѣ въ Бога и Его всеблагій промыслъ.

Бываютъ однако чудныя явленія въ нравственномъ мірѣ, въ которыхъ какая-то враждебная сила овладѣваетъ всею жизнію человѣка, разжигаетъ въ немъ страсти до изступленія, и, какъ нарочно, всѣ обстоятельства устриваются такъ, что несчастный непреодолимо влечется въ бездну зла, и въ какомъ-то обаяніи рѣшается на ужасныя преступленія. Видя это, и вѣрующій христіанинъ можетъ на минуту усумниться, и подумать о *Fatum*'ѣ, о слѣпомъ, враждебномъ роѣ.

Исторію этого рода слышалъ я отъ человѣка, достойнаго вѣроятія, и тѣмъ болѣе убѣдился въ ея истинѣ, что мнѣ самому случилось быть очевидцемъ ея развязки.

Да, въ молодости моей, я былъ свидѣтелемъ послѣдняго эпизода страшной драмы, продолжавшейся болѣе полувѣка; началась эта драма во Франціи, за долго до революціи, еще въ царствованіе Людовика XV, а послѣдній актъ видѣлъ я самъ въ Литвѣ, въ 1807-мъ году.

Хотя уже прошло 45 лѣтъ, но я живо помню все, что мнѣ тогда рассказывали объ этомъ необыкновенномъ происшествіи, и что видѣлъ своими глазами.

Мнѣ вздумалось описать его въ короткихъ словахъ. Увѣренъ, что мой простой голословный рассказъ могъ бы послужить какому нибудь А. Дюма, или Е. Сю, или Бульверу канвою для психологическаго романа въ нѣсколько томовъ, котораго основой былъ бы не вымыселъ, а истинное происшествіе.

Начну рассказъ мой съ того, какъ я попалъ въ Литву и по какому случаю мнѣ привелось быть свидѣтелемъ послѣдняго явленія драмы, о которой идетъ рѣчь.

II.

Послѣ достопамятныхъ событій октября 1806-го года, когда на поляхъ Іенскихъ и Ауерштедскихъ, императоръ Наполеонъ разгромилъ прусскую армію и королевство, овладѣлъ Берлиномъ, почти всѣми крѣпостями и самымъ Магдебургомъ, почитавшимся несокрушимою твердынею, — когда побѣдоносная французская армія двинулась въ Варшавѣ и угрожала нашимъ границамъ, Россія поставлена была въ необходимость вступить за союзную

Прусею, и къ разбитымъ остаткамъ ея арміи присоединить свои свѣжія, еще нетронутыя силы. Война съ Наполеономъ была неизбѣжна, и наши арміи, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Каменскаго, вступили въ Прусскую Польшу;—открылись военныя дѣйствія.

Не стану распространяться объ этомъ извѣстномъ походѣ, въ которомъ наши войска покрыли себя славою въ столькихъ битвахъ, особенно подъ Прейсишъ-Эйлау, Гутштатомъ, Гейльбергомъ, и претергѣли поражение подъ Фридландомъ. Эти подробности не относятся къ моему разсказу. Упомяну только, что въ числѣ приготовленныхъ мѣръ для войны, наше правительство направило набранныхъ передъ тѣмъ рекрутъ въ западныя губерніи, чтобъ изъ нихъ составить на нѣсколькихъ пунктахъ рекрутскіе депо, изъ которыхъ рекруты по обученіи ихъ и обмундированіи, поступали бы въ дѣйствующую армію. Съ этою цѣлію были выдвинуты изъ внутреннихъ губерній гарнизонные баталіоны въ Литовскую и Минскую губерніи, и при этихъ баталіонахъ учредили рекрутскія депо. Императоръ Александръ, для успѣшнѣйшаго обученія рекрутъ, самъ назначилъ изъ тогдашнихъ 4-хъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ 12 оберъ-офицеровъ, ему лично извѣстныхъ,—по 3 съ каждаго полка. Я служилъ тогда подпоручикомъ, и былъ въ числѣ избранныхъ. Какъ ни досадно было въ военное время заниматься скучною гарнизонною службою и рекрутскою школою, а нечего было дѣлать, какъ покориться царской волѣ и даже почитать высокою честію государево назначеніе.

Намъ приказано было ѣхать въ Вильно и явиться къ военному губернатору генералу Римскому-Корсакову, который и распредѣлил насъ по рекрутскимъ депо. Я получилъ отъ него предписаніе немедленно отправиться въ Гродненскую губернію, въ м. Селець, лежащее на большой дорогѣ, между Слонимомъ и Пружанами. Тамъ нашель я Витебскій гарнизонный баталіонъ и при немъ 1000 рекрутъ, поступившихъ въ мое завѣдываніе. Мнѣ дали офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ по моему выбору изъ баталіона: я ихъ размѣстилъ по селеніямъ, въ которыхъ расположены были рекруты, въ 3-хъ, 4-хъ и болѣе верстахъ отъ м. Селець, моей постоянной квартиры. Въ декабрѣ 1806-го года, началось обученіе рекрутъ подъ моимъ наблюденіемъ. Я всякій

день объѣзжалъ часть селеній, гдѣ расположена была моя команда: смотрѣлъ за экзерциръ-мейстерами, и все шло своимъ порядкомъ. Самое дальнее отъ меня селеніе было Картузская Береза— въ 9-ти верстахъ отъ м. Селець. Тамъ находился древній католическій, картезіанскаго ордена монастырь, но какъ въ немъ давно не было монаховъ, то правительство распорядилось, чтобы опустѣлый монастырь заняли траписты, во время революціи удалившіеся изъ Франціи, и испросившіе себѣ у императора Павла I-го убѣжище въ Россіи. Это было въ 1797-мъ году.

Зная по наслышкѣ, и изъ того, что случилось читать, что французское братство Латрапъ было одно изъ самыхъ строгихъ монашескихъ орденовъ, и что аскетизмъ доведенъ былъ въ немъ до высшей степени, мнѣ очень было любопытно видѣть монастырь трапистовъ, въ который доступъ мірянамъ не всегда дозволенъ. Въ первый мой пріѣздъ въ Картузскую Березу въ моимъ рекрутамъ, я встрѣтилъ тамъ земскаго засѣдателя, котораго передъ тѣмъ видѣлъ у баталіоннаго командира. Услышавъ мое желаніе посмотрѣть монастырь, засѣдатель вызвался познакомиться меня съ пріоромъ, котораго мнѣ хвалилъ, какъ чловѣка радушно принимающаго русскихъ и особенно военныхъ. Я воспользовался предложеніемъ: мы въ то же утро пошли въ монастырь и я представился отцу Иларію. Наружность его сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе: онъ былъ лѣтъ 60-ти, но бодръ и свѣжъ,—средняго роста, съ выразительной фізіономіей, правильными чертами лица, голубыми глазами, въ которыхъ сіяло добросердечіе и кротость. По всѣмъ его пріемамъ, замѣтно было, что онъ жилъ въ лучшемъ обществѣ: хорошо говорилъ по французски; выражался онъ какъ чловѣкъ очень образованный, который много испыталъ, много видѣлъ,—много перечувствовалъ. Севозъ неувлужую его монашескую одежду проглядывали изящныя аристократическія формы. Пріоръ мнѣ съ перваго знакомства очень полюбился:—во мнѣ родилось желаніе сблизиться съ нимъ, и въ свободное отъ служебныхъ занятій время сколь возможно часто пользовался его живою, умною бесѣдою. Онъ, какъ бы по сочувствію, очень обласкалъ меня, и просилъ почаще его навѣщать. Знакомыхъ у меня въ той сторонѣ не было, книгъ также, свободнаго времени довольно, и я далъ себѣ слово

всякій разъ, какъ буду въ Картузской Березѣ, непременно захо-
дить къ о. пріору.

Въ слѣдующія посѣщенія я короче познакомился съ нимъ, и онъ мнѣ откровенно разсказалъ свою исторію:—онъ изъ польскихъ старинныхъ дворянъ, воспитывался во Франціи и получилъ классическое образованіе—въ одномъ изъ парижскихъ высшихъ училищъ. Имѣя независимое состояніе, онъ молодость свою провелъ въ кругу высшаго французскаго дворянства. Въ войну съ Англіей за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, онъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Костюшкой служилъ волонтеромъ въ арміи Вашингтона,—по заключеніи мира возвратился во Францію,—женился по склонности на французенѣ, былъ съ нею очень счастливъ, имѣлъ дѣтей,—страстно любилъ свое семейство; но счастье земное непрочно и исчезаетъ какъ дымъ! Эта пошлая истина сбылась и надъ добрымъ пріоромъ: послѣ нѣсколькихъ блаженныхъ лѣтъ, онъ, въ самое короткое время, лишился сперва обоихъ дѣтей, а потомъ и обожаемой имъ жены. Поразившій его ударъ вызвалъ въ немъ глубокое религіозное чувство, и оно спасло его отъ унынія и отчаянія. Утративъ всѣ земныя радости, страдалецъ рѣшился отказаться отъ свѣта—вступить въ монастырь Латрапъ, близъ котораго находилось имѣніе жены его, и домъ, гдѣ онъ былъ такъ счастливъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ строгаго искуса онъ постригся.

Отецъ Иларій былъ точно человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, искренно отказавшійся отъ міра и его прелестей. Одно земное чувство не совсѣмъ еще угасло въ его сердцѣ: патріотизмъ,—любовь къ Польшѣ и надежда на ея возстановленіе. Это была единственная сердечная струна, издававшая отъ малѣйшаго прикосновенія къ ней жалобный звукъ. Пріоръ, какъ почти всѣ поляки въ то время, былъ восторженный почитатель Наполеонова генія и въ императорѣ французовъ хотѣлъ видѣть возстановителя своей отчизны. Когда наши бесѣды касались политики, то очень естественно, что всякій разъ мы оба разсуждали, онъ, какъ полякъ, а я, какъ русскій, и между нами завязывалась горячая полемика; но эти пренія нисколько не нарушали гармоніи между мной и о. Иларіемъ: мы разставались всегда добрыми пріятелями.

Кромѣ еженедѣльныхъ поѣздокъ моихъ въ Картузскую Березу

по дѣламъ служебнымъ, я почти всякое воскресенье бывалъ у обѣдни въ монастырѣ и оставался обѣдать у пріора.

Съ нимъ мы прогуливались по монастырю: онъ показывалъ мнѣ все достойное примѣчанія, объяснялъ уставы, обычаи и исторію своего суроваго ордена, котораго члены осуждали себя на вседневный трудъ и на лишенія всякаго рода.

Монастырь расположенъ былъ на отлогомъ пригорѣ, въ четверти версты отъ селенія. Каменная ограда съ толстыми стѣнами составляла не совсѣмъ правильный паралелограмъ, съ четырьмя небольшими четверугольными башенками. Ворота были противъ селенія и прямо противъ нихъ стоялъ обширный старинный костель, кавихъ много въ Польшѣ. Въ немъ не было произведеній живописи знаменитыхъ художниковъ, но вообще образа и картины были не дурны и не уродливы—рѣзба и позолота, подновленная при нынѣшнемъ пріорѣ, блестящіе органы, недавно выписанные изъ Вѣны, громкіе и стройные, священныя одежды и вся церковная утварь пребогатая. Траписты принесли съ собою значительные капиталы, и потому могли, занявъ опустѣлый монастырь, хорошо и прилично устроить его. Церковь и настоятельскія комнаты занимали меньшую половину монастырскаго двора,—въ другой обширѣйшей половинѣ устроены были кругомъ вдоль стѣнъ монашескія кельи одинаковой величины и съ огражденнымъ садикомъ передъ каждою, который принадлежалъ жителю кельи, и онъ по своему вкусу могъ засадить его деревьями, цвѣтами и овощами. Въ садикахъ отшельники для развлечения своего, въ лѣтнее время держали въ большихъ вѣткахъ канарѣекъ, и развели ихъ такое множество, что они сдѣлались предметомъ торговли. Близъ монастыря были лѣсныя, луговые и пахотныя дачи, отданныя ему правительствомъ, и ихъ обрабатывали частію сами монахи, частію наемные работники. Въ ограды были монастырскія конюшни и скотскій дворъ. Всѣмъ хозяйствомъ и полевыми работами управлялъ экономъ изъ братіи.

Для ясности моего разсказа считаю нужнымъ представить нѣкоторыя историческія подробности объ орденѣ де-Латрапъ, заимствованныя изъ бесѣдъ моихъ съ о. Иларіемъ, изъ сочиненій Шатобріана: жизнеописанія преобразователя ордена де-Латрапъ, де-Раше, и изъ нѣмецкаго конвѣрсационъ-лексикона.

III.

На западѣ отъ Парижа, въ 34-хъ часахъ ѣзды, въ Нормандіи (въ нынѣшнемъ депар. Орны) находится долина среди лѣса и неприступныхъ скалъ. Еще въ XII вѣкѣ Ротру, графъ Першскій (comte de Perche), основалъ въ этомъ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ цистерцинское аббатство, которое по узкому ущелію, ведущему въ долину, названо де-Латрапъ, по русски—западня. Къ монастырю не было проѣзжей дороги, и путникъ не иначе могъ добраться до него, какъ наблюдая положеніе солнца, и по немногимъ деревьямъ, отмѣченнымъ особенными насѣчками, направляя шаги свои. Глубокое безмолвіе царствовало далеко вокругъ обители и въ этой дикой пустынѣ отсутствіе всякой жизни удовлетворяло строжайшему отрѣшенію отъ міра и его прелестей, которое требовалось отъ отшельниковъ. Не смотря на то, въ XVI-мъ вѣкѣ, они предавались самому необузданному разврату и нечестію. Разбои, убійства и похищенія младенцовъ женскаго пола, съ преступною цѣлю воспитывать ихъ для удовлетворенія гнуснаго распутства, были обычными занятіями цистерцинскихъ монаховъ: они наводили ужасъ на всю страну, и ихъ не иначе называли, какъ разбойниками,—бандитами де-Латрапъ. Наконецъ правительствомъ, чтобы обуздать этотъ разбойничій вертепъ, рѣшилось проложить черезъ дремучій лѣсъ проѣзжую дорогу, которая отъ городка Мортанъ проходила возлѣ самаго монастыря къ Гонфлеру, портовому городу на каналѣ Ламаншъ (въ нынѣшнемъ депар. Кальводосса).

Въ XVII вѣкѣ обитель де-Латрапъ пришла въ совершенный упадокъ, и въ ней оставалось не болѣе семи монаховъ. Какъ пребеида, или церковное помѣстье, монастырь перешолъ во владѣніе десятилѣтняго дворянина Жанъ Бутилье де-Рапе, котораго дальній предокъ основалъ его на своихъ земляхъ. Де-Рапе послѣ былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ щеголей и красавцевъ двора Людовика XIV. Среди роскоши и наслажденій очаровательной парижской жизни и забавъ большаго свѣта, онъ испыталъ несчастіе, лишившись страстно имъ любимой женщины (госпожи де-Монбазонъ) и это такъ поразило его, что онъ вдругъ рѣшился отречься отъ міра—произнесъ монашескіе обѣты, и

скоро сдѣлался настоятелемъ въ монастырѣ де-Латрапъ, имѣя на то право по своему происхожденію. Предавшись всей строгости подвижнической жизни аскета, онъ занялся преобразованиемъ своей обители и издалъ для братіи уставъ до того суровый, что не смотря на все уваженіе къ нему людей набожныхъ, его невыносимо строгимъ правиламъ могли развѣ подчиняться добровольно люди, подобно ему утомленные жизнію и ея страданіями, или восторженные подвижники, готовые къ безусловному самоотверженію.

На монастырскихъ воротахъ, де-Рапе вырѣзалъ четыре стиха, выражающіе строгій аскетизмъ пустынно-жителей Латрапа:

*C'est ici que la mort et la verité
Elèvent leur flambeau terrible;
C'est de cette demeure, au monde inaccessible,
Que l'on passe à l'éternité.*

Вотъ обычный образъ жизни трапистовъ, установленный пріоромъ де-Рапе:

Они проводятъ въ молитвѣ одиннадцать часовъ въ сутки, прочее время, за исключеніемъ непродолжительнаго сна, занимаются тяжелыми работами, чтеніемъ святаго писанія и безмолвнымъ созерцаніемъ. Кромѣ молитвъ и гимновъ и обычнаго привѣтствія *memeto mori* при взаимныхъ встрѣчахъ, уста трапистовъ не должны произносить ни одного слова, а свои желанія и нужды дозволено имъ выразить знаками и тѣлодвиженіями.

Богослуженіе у трапистовъ въ обыкновенные дни отправляется отъ вечерней зари во всю ночь—перемѣняющимися братіями,—дни же посвящены труду. Только въ воскресные дни и годовые праздники служатъ они со всею торжественностью и великолѣпіемъ литургію при звукахъ органа, неупотребляемаго въ обыкновенное время. Преобразователь ордена, пріоръ де-Рапе, и послѣ него многіе изъ братій были знаменитые проповѣдники. Послѣ чтенія евангелія за литургіей всегда произносится поученіе къ народу.

Умерщвленіе плоти траписты простираютъ далѣе всѣхъ извѣстныхъ монашескихъ орденовъ: имъ не дозволено имѣть денегъ и никакой собственности: пищу и одежду получаютъ они отъ монастыря.

Скудная пища ихъ состоитъ изъ хлѣба, овощей и плодовъ—употребленіе въ пищу мяса, молока, яицъ имъ вовсе запрещено,—

рыба дозволена въ праздники и въ воскресные дни также, какъ и растительныя масла. Обыкновенное питье ихъ—вода; вино—только съ разрѣшенія настоятеля. Все мірское должно быть для нихъ чуждо: имъ запрещено даже искать, узнавать, что происходитъ съ ихъ свѣтскими родными и друзьями. Въ продолженіи всей жизни трапистъ копаютъ для себя могилу, готовятъ гробъ. Пріоръ, экономъ и привратникъ освобождаются, пока они въ должности, отъ исполненія самыхъ строгихъ правилъ ордена: они могутъ выѣзжать изъ монастыря и имѣть сношенія съ мірянами. Настоятель по усмотрѣнію можетъ дозволять нѣкоторые послабленія братьямъ. Въ послѣдствіи времени строгій уставъ пріора Рапе подвергся многимъ измѣненіямъ: уже не требовалось совершеннаго безмолвія отъ всѣхъ братій, а только немногіе аскеты добровольно исполняли это правило.

Первое аббатство Латрапъ въ Нормандіи, по преобразованіи ордена пріоромъ де-Рапе, состояло въ послѣдствіи болѣе, чѣмъ изъ 500 братій, которые дѣлились на 3 степени: 1) профессоръ, произносившихъ полныя обѣты по уставу учредителя: они всѣ были священники, составляли капитулъ ордена, избирали изъ среды себя пріоровъ, экономовъ и привратниковъ. Одежда профессоръ: бѣлая суконная ряса съ кашпономъ (похожимъ на нашу схиму), который покрывалъ голову и часть лица,—нарамникъ и родъ епитрахили, суконные, того же цвѣту, съ тремя красными крестами. Въ служеніи профессы облачались въ обыкновенныя церковныя ризы. Имъ воспрещено было исповѣдывать женскій полъ, недопускаемый въ монастырскую ограду. 2-я степень: братія послушники (*frères lais*), дававшіе неполныя обѣты: одежда ихъ того же покроя какъ у профессоръ, только темно-коричневая, суконная, съ синими крестами. 3-я степень: братія приходящіе (*frères damnés*) не произносили обѣтъ; одежда ихъ темнаго или чернаго сукна: родъ долгополаго полувафтаныя съ стоячимъ воротникомъ—головъ они не брили. Это были міряне, временно подчинившіеся строгимъ правиламъ ордена, исполняя ихъ какъ эпитимію, наложенную духовникомъ, за какойнибудь тяжкій грѣхъ, или люди, по набожному чувству вступившіе добровольно въ монастырь, для испытанія строгостей аскетической жизни.

Траписты принимали въ свою обитель сиротъ-мальчиковъ, которымъ давали самое строгое воспитаніе—подвергали ихъ вся-

каго рода лишениѣмъ, даже побоямъ—всячески испытывая ихъ терпѣніе—приучали къ безусловному повиновенію, чтобы образовать изъ нихъ достойныхъ членовъ въ духъ своего суроваго ордена.

Приоръ трапистовъ во Франціи не зависѣлъ отъ епархіальнаго архіерея, а подчиненъ былъ одному папѣ, который утверждалъ его по избраніи капитуломъ, и предоставлялъ ему право рукополагать въ священники своихъ монаховъ. Il était revêtu du droit de la crose et de l'anneau, то есть имѣлъ перстень и посохъ, какъ архіерей.

Еще при приорѣ де-Раше, принцесса Луиза де-Конде основала женскую обитель сестеръ де-Латрапъ, которая руководилась уставомъ преобразователя де-Раше.

До французской революціи орденъ де-Латрапъ имѣлъ большія богатства отъ обильныхъ владовъ. Въ революцію, когда первое учредительное собраніе (l'Assemblée constituante) уничтожило монашескіе обѣты и монастыри были упразднены, траписты остались вѣрными своимъ обѣтамъ, но принуждены были выѣхать изъ Франціи. Они разошлись въ разныя стороны, гдѣ основали монастыри своего ордена: въ Германіи близъ Падерборна—въ Испаніи, въ Сѣверной Америкѣ. Принесли съ собою капиталы и трудолюбіе, траписты приобрѣли покупкою зѣмли, преимущественно въ мѣстахъ малозаселенныхъ, дикихъ, посреди лѣсовъ. Привыкшіе въ трудамъ, они расчищали лѣса, заводили пашни и съ постоянствомъ занимались земледѣліемъ и садоводствомъ. Одна часть братьевъ, числомъ отъ 40 до 80-ти человекъ, между которыми были болѣею частію французы, нѣсколько италіанцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, думали найти убѣжище въ католической Австріи. Императоръ Францъ и дозволилъ имъ поселиться въ Моравіи въ городѣ Ольмюцѣ, и повелѣлъ отвести имъ старинное опустѣлое церковное зданіе неподалеку ольмюцкой цитадели.

Въ цитадели содержались тогда извѣстный французскій республиканскій генералъ маркизъ де-Лафайетъ, и два его товарища Александръ де-Ламетъ, и Бюро де-Пуэзи. Траписты прибыли въ Ольмюцъ не задолго до заключенія кампоформійскаго мира первымъ консуломъ Наполеономъ Бонапарте, который, между прочими статьями договора, включилъ освобожденіе французскихъ узниковъ, содержащихся въ Ольмюцѣ и размѣнъ ихъ на дочь Людовика

XVI-го, вышедшую послѣ за герцога Ангулемскаго, и которую французская директорія удерживала еще въ Парижѣ, какъ заложницу. Одинъ изъ трапистовъ былъ родственникъ и другъ одного изъ товарищей Лафайета—кажется де-Ламета. Узнавъ, что другъ его томится въ тяжелой неволѣ, трапистъ пожелалъ войти съ нимъ въ сношеніе, единственно изъ участія къ нему, и черезъ деньги въ этомъ успѣлъ. Но скоро полиція открыла ихъ тайную переписку и донесла объ этомъ въ Вѣну. Императоръ Францъ приказалъ навсегда выслать трапистовъ изъ австрійскихъ владѣній немедленно. Они рѣшились искать убѣжище въ Россіи—прибыли въ пограничное м. Тирасполь на Бугѣ,—противъ Бреста-Литовскаго. Пограничное австрійское начальство не дозволяло трапистамъ оставаться въ Тирасполѣ, а русское не рѣшалось впустить ихъ въ Брестъ-Литовскій безъ разрѣшенія С.-Петербурга. Покамѣстъ шла объ этомъ переписка, траписты недѣли 4 принуждены были жить на судахъ на рѣкѣ Бугѣ. Потомъ пришелъ указъ объ отведеніи имъ упраздненнаго монастыря Картузской Березы. Прибывъ туда, избрали они пріоромъ отца Иларія, который былъ тогда же утвержденъ въ этомъ званіи императоромъ Павломъ I-мъ.

IV.

Возложенное на меня дѣло приходило къ концу: рекруты мои уже столько были выучены, что ихъ можно было отправить въ армію. Изъ Виленской комиссаріатской коммисіи доставлены были мундиры, сшитые на три руки: на большой, средней и малый ростъ. Надобно было пригонять ихъ на людей—хлопотъ было премножество: мнѣ пришлось самому составлять списки и вѣдомости для отправленія партій. Маршруты уже были присланы, и мнѣ предписано, послѣ выступленія партій въ походъ, самому отправиться въ г. Несвижъ и принять въ завѣдываніе расположенное тамъ рекрутское депо.

Въ концѣ апрѣля и началѣ мая (1807 г.), я не имѣлъ почти свободной минуты, и двѣ недѣли не видался съ моимъ любезнымъ пріоромъ, какъ передъ Троицынымъ днемъ, получаю отъ него записку: онъ пенялъ мнѣ, что я забылъ его и приглашалъ меня

непремѣнно прїѣхать въ Картузскую Березу, въ Троицынъ день, въ обѣднѣ, чтобы не пропустить такого чрезвычайнаго зрѣлища, котораго я не только когда нибудь видѣть, но и вообразить себѣ не могъ.

Насталъ Троицынъ день — я рано поѣхалъ въ Картузскую Березу въ обѣднѣ и засталъ начало. По окончаніи литургіи начался ходъ съ крестами и хоругвями, предшествуемый пріоромъ, при пѣніи псалмовъ и гимновъ. Процессія вышла изъ монастыря и повернула на лѣво къ угловой западной башнѣ — я послѣдовалъ за ней. Нѣсколько каменщиковъ съ ломами и кирками давно разбирали стѣну, и проломъ, чрезъ который можно было проникнуть въ башню, почти былъ готовъ. Процессія остановилась у башни — еще нѣсколько ударовъ кирками и открылся свободный входъ въ башню. Пріоръ взомель въ нее. Всѣ присутствующіе были въ напряженномъ, тревожномъ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго; какъ чрезъ минуту онъ вывелъ оттуда за руку человѣческій остовъ съ лицомъ, обтянутымъ кожей, съ впальми глазами, длинной сѣдою бородою и съ включенными пожелтѣвшими волосами. На этомъ призракѣ было изношенное полукафтанье чернаго цвѣта и онъ подпоясанъ былъ ремнемъ. Всѣ были поражены неожиданнымъ явленіемъ. О. Иларій произнесъ надъ этимъ живымъ мертвецомъ разрѣшительную молитву, и со слезами обнялъ его; старецъ едва могъ передвигать ноги, и два монаха взяли его подъ руки. Процессія тѣмъ же порядкомъ возвратилась въ монастырь.

Я былъ тогда молодъ, и, какъ нынѣ (1852 г.) говорятъ, впечатлительнъ, т. е. impressionable. Все, что я видѣлъ, до того поразило меня, что я не вдругъ могъ собраться съ мыслями и стоялъ какъ вкопанный. Когда всѣ ушли, я бросился чрезъ проломъ въ башню — и что же увидѣлъ? — Этотъ каменный гробъ былъ длиною и шириною въ 4 шага; въ стѣнѣ, обращенной къ монастырю, примѣтна была кирпичемъ закладенная дверь и возлѣ нея — что-то въ родѣ лежанки съ кирпичнымъ изголовьемъ. То было ложе затворника и вмѣстѣ печь, которую зимою топили снаружи. Надъ лежанкой круглое окошко, чрезъ которое узнику подавали пищу и все ему необходимое. На стѣнѣ противъ лежанки висѣло кожаное распятіе, потемнѣлое отъ времени; передъ распятіемъ теплилась неугасимая лампада и на полочкѣ лежали книги: ла-

тинскій молитвенникъ и французская библія. На каменномъ полу стоялъ оловянный вувшинъ съ водой, такая же чашка съ картофелемъ. Осмотрѣвъ все это съ трепетнымъ чувствомъ, я поспѣшилъ въ келью къ о. Иларію, чтобы услышать отъ него объясненіе видѣннаго мною. У него собралось тогда нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, и онъ на вопросъ ихъ сказалъ только, что видѣнный нами старецъ былъ трапистъ, совершившій преступленіе, которое однакожь оставалось скрыто. Но мучимый угрызениями совѣсти, преступникъ рѣшился сознаться въ тяжкомъ грѣхѣ своемъ папѣ Клименту XIV (Ганганели), послалъ ему подробную исповѣдь, и папа, снисходя къ чистосердечному раскаянію грѣшника, возвративъ ему исповѣдь, повелѣлъ ее прочитать передъ капитуломъ монастыря, а ему добровольно пребыть закладеннымъ въ монастырской стѣнѣ въ продолженіи 30-ти лѣтъ, если только продлится жизнь его. Исполняя эту страшную эпитимію, старецъ прожилъ въ каменномъ гробѣ 20 лѣтъ во Франціи. Когда же траписты разошлись по свѣту, то онъ послѣдовалъ за тѣми изъ нихъ, которые переселились въ Россію, и просидѣлъ остальные 10 лѣтъ въ башнѣ Картузской Березы (1797—1807 г.). Это заключеніе его сохранялось въ такой тайнѣ, что никто даже изъ жителей селенія не подозрѣвалъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ 10 лѣтъ томился человекъ, похороненный заживо.

V.

Когда всѣ посѣтители разошлись отъ пріора и я остался одинъ съ нимъ, онъ согласился удовлетворить нетерпѣливому моему любопытству, и разсказалъ мнѣ печальную исторію несчастнаго затворника, которая со всѣми подробностями была извѣстна въѣхавшимъ изъ Франціи трапистамъ.

Этотъ несчастный родился въ началѣ второй четверти XVIII вѣка, т. е. въ 1727 или 1728 году во Франціи, и съ появленіемъ на свѣтъ лишился матери, которая была жертвою крутаго и подозрительнаго характера отца его. Баронъ Р., отецъ его, былъ потомокъ древней дворянской фамиліи въ провинціи Пуату. Имя предка его, какъ знаменитаго рыцаря, упоминается въ лѣтописяхъ крестовыхъ походовъ. Но вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, этотъ древній

родъ обѣднялъ до того, что баронъ Р. наслѣдовалъ отъ отца полуразвалившійся замокъ съ нѣсколькими акрами земли. Оставивъ службу за ранами, онъ и существовалъ только пенсіономъ, получаемымъ отъ короля. Баронъ Р. женился на предостойной дѣвицѣ, бѣдной, такъ и самъ, но въ несчастію онъ былъ такъ ревнивъ и подозрителенъ, какъ мучилъ жену свою ревностію, что вогналъ ее въ чахотку и она умерла родами. Ревнуя ее безумно, безъ малѣйшаго основанія, онъ увѣрилъ себя, что и родившійся младенецъ, котораго назвали Эдуардомъ, не его сынъ; эта безумная мысль до того овладѣла имъ, что бѣдное дитя сдѣлалось предметомъ его ненависти. Эдуардъ, какъ сталъ помнить себя, не только не видѣлъ отъ отца ласки, но боялся его и не смѣлъ показываться ему на глаза. Прислуга барона состояла изъ стараго конюха, ключницы и вмѣстѣ кухарки, сердитой и своенравной старухи, которой Эдуардъ и отданъ былъ на воспитаніе. Мальчикъ не красивый, но очень не глупый, наслѣдовалъ желчный, страстный и раздражительный характеръ отца, и при такомъ воспитаніи совсѣмъ одичалъ—сердце его окаменѣло—онъ былъ недовѣрчивъ къ людямъ, скрытенъ, молчаливъ и никого не любилъ. Проходили годы, и ничто не измѣнялось въ этомъ грустномъ домѣ. Эдуарду минуло восемь лѣтъ, и его стали учить грамотѣ; но расположеніе отца къ нему осталось все то же, онъ почти его не видалъ. Баронъ, всегда угрюмый и мрачный, находилъ только отраду и развлеченіе въ охотѣ: по цѣлымъ днямъ бродилъ онъ съ ружьемъ и собакой вокругъ своего замка. Въ одну осень онъ занемогъ: прежнія раны его открылись и онъ, не зная, что дѣлать отъ скуки, вздумалъ, въ первый разъ по смерти жены, войти въ ея комнату. Тамъ оставались принадлежащія ей вещи и ящикъ съ бумагами. Баронъ открылъ ящикъ и ему попала толстая тетрадь: журналъ покойницы, въ которомъ она всякій день записывала, что съ ней случалось—мысли свои, ощущенія и тѣ мученія, которыя она терпѣла, будучи чиста и невинна, отъ несправедливой ревности мужа. Душа ея излилась на этихъ листахъ, и они до того проникнуты были духомъ истины и чистосердечія, что старикъ ужаснулся своей несправедливости и жестокости, залился слезами и, вспоминая прошедшее, повѣрилъ сердцемъ, что жена любила его, и что Эдуардъ его сынъ. Радостно и вмѣстѣ мучительно было для старика это открытіе, въ одно мгновеніе перемѣнившее его не-

ненависть къ сыну въ самую нѣжную любовь. Онъ бросился искать его и, увидѣвъ, въ порывѣ чувствъ, прижалъ испуганнаго мальчика къ своему сердцу, называя его самыми вѣжными именами—просилъ у него прощенія въ своей несправедливости противъ него, и въ samozабвеніи высказалъ ему причину такой внезапной переменѣны. Но ласки его не встрѣтили сочувствія въ сердцѣ Эдуарда: онъ остался холоденъ и со страхомъ смотрѣлъ на отца, котораго столько лѣтъ привыкъ не любить, а бояться.

Барону Р. было тогда болѣе 50-ти лѣтъ, а на видъ онъ казался старѣе, и отъ душевныхъ тревогъ, имъ пережитыхъ, и отъ прежнихъ ранъ. Послѣдній нравственный переломъ, такъ сильно поразившій душу его, отозвался и на тѣлѣ: онъ видимо слабѣлъ и предчувствовалъ, что дни его сочтены, и что смерть у него за плечами. Одна мысль, одна забота занимала его: не оставить безпомощнымъ сиротою сына, котораго нечаянно узнавъ, полюбилъ такъ страстно.

Не имѣя никого родныхъ, кому бы послѣ своей смерти баронъ Р. могъ поручить сына, онъ вспомнилъ, что у него есть вѣрный другъ, съ которымъ онъ хотя давно не видался, но увѣренъ былъ въ его неизмѣнной привязанности. Еще въ молодости своей, служа въ наслѣдственную войну въ Испаніи подъ начальствомъ маршала Бѣрвика, онъ полюбилъ со всею юношескою горячію своего сослуживца графа А., который нѣсколькими годами былъ его моложе. Взаимная дружба ихъ скрѣпилась еще тѣмъ, что въ одномъ сраженіи съ австрійцами, баронъ Р. спасъ другу своему жизнь: на графа А. напали три австрійскіе драгуна, и онъ, отбиваясь отъ нихъ раненый, былъ въ крайней опасности, какъ баронъ Р. бросился на непріятелей съ отчаянною храбростію и выручилъ своего друга. Графъ А. былъ человекъ чрезвычайно добродушный и притомъ богатый.

Баронъ Р. рѣшился написать къ нему — напомнить ему ихъ старинную дружбу и просить его быть отцемъ и воспитателемъ его 10-ти лѣтнему Эдуарду. Едва достало у него силы дрожащею рукою написать нѣсколько строкъ къ своему другу, убѣждая его поспѣшить пріѣздомъ своимъ къ нему, если хочетъ застать его въ живыхъ. Письмо было отправлено съ нарочнымъ.

Баронъ Р. не обманулся въ чувствахъ друга своего; получивъ его письмо, онъ тотчасъ собрался въ дорогу и на почто-

выхъ посезабалъ къ умирающему—увидѣлся съ нимъ—уладилъ послѣднія его минуты увѣреніемъ,—что исполнить свято послѣднюю его волю и заступитъ мѣсто отца 10-ти лѣтнему Эдуарду. Закрывъ глаза умершему другу и похоронивъ его, графъ А. увезъ съ собою въ Турень бѣднаго сироту.

Въ Туренѣ, одной изъ самыхъ прекрасныхъ, плодоносныхъ и живописныхъ областей королевства, которую называли садомъ Франціи, находились обширныя и богатыя помѣстья графа А.; оставя службу онъ постоянно жилъ въ старинномъ великолѣпномъ замкѣ на берегахъ Луары, отдѣланномъ со всею причудливою роскошью времени Людовика XV,—и который окруженъ былъ садами въ тогдашнемъ вкусѣ, и древнимъ паркомъ, вашихъ не много и во Франціи. Графъ А. не жалѣлъ денегъ на постройки и разныя украшенія въ своемъ имѣніи: жилъ открыто и славился своимъ гостепрѣимствомъ. Добрый христіанинъ, самый пѣнный супругъ и отецъ, снисходительный господинъ, сострадательный къ бѣднымъ, которымъ никогда не отказывалъ въ помощи, графъ А. своими добродѣтелями и щедрою благотворительностію снискалъ общее къ себѣ уваженіе и любовь.

Но при всемъ богатствѣ графа А. и большомъ кредитѣ, дѣла его были не въ надлежащемъ порядкѣ. Самъ онъ, плохой хозяинъ, не занимался ими, а ввѣрилъ одному хитрому адвокату, который полновластно управлялъ всѣмъ графскимъ имѣніемъ и дѣлами. Онъ вѣрался въ довѣренность графа А., умѣлъ угождать ему, всегда безотговорочно удовлетворяя его требованіямъ денегъ, которыя доставалъ подъ векселя своего довѣрителя. Такимъ образомъ долги ежегодно возрастали, притомъ графъ наследовалъ нѣсколько значительныхъ тяжбъ по имѣнію, длившихся многіе годы, и которыхъ проигрышъ могъ быть ему очень чувствителенъ. Управитель мало заботился объ этихъ процессахъ, а старался только сохранить вліяніе на графа своею угодливостію и скрывая отъ него настоящее положеніе дѣлъ изъ собственныхъ корыстныхъ видовъ.

Графъ и графиня А., лишившіеся первыхъ дѣтей въ младенчествѣ, имѣли только одного сына 11-ти лѣтняго Альфонса, прекраснаго мальчишка съ мягкимъ и чувствительнымъ сердцемъ, живымъ и острымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ; онъ былъ очень ловокъ, милъ и граціозенъ. Отецъ и мать боготворили его и онъ

платилъ имъ самую нѣжною привязанностію. Альфонсъ былъ лю-
бимцемъ и всѣхъ домашнихъ, и посѣтителей, и учителей своихъ.

Молодой Эдуардъ, по общанію графа А. покойному отцу
его, былъ принятъ, какъ самый близкій родственникъ въ семей-
ствѣ добраго своего опекуна и сдѣлался неразлучнымъ товари-
щемъ и соученикомъ сына его.

Но натуры Альфонса и Эдуарда были такъ противоположны, что
при всемъ желаніи перваго, и по влеченію сердца его любить, они
никакъ не могли сблизиться. Эдуардъ остался все тѣмъ же мрач-
нымъ, скрытнымъ, необщительнымъ существомъ, какимъ сдѣлали
его первоначальное воспитаніе и желчный его темпераментъ. Къ
тому же первое чувство, овладѣвшее имъ при вступленіи въ домъ
своего опекуна, была зависть, со всякимъ днемъ усиливающаяся
въ его сердцѣ, во всѣмъ преимуществамъ, которыми и природа, и
обстоятельства такъ щедро надѣлили Альфонса. Это адское чув-
ство, возрастая, перешло въ ненависть.

Аббатъ Ж., добрѣйшій и весьма ученый человекъ, старинный
другъ дома, ревностно занимался воспитаніемъ Альфонса и
Эдуарда; при нихъ были учителя музыки и танцованья, верхов-
ной ѣзды и фехтованья. Когда Эдуардъ былъ отданъ на руки
аббата, онъ умѣлъ только читать и писать, тогда какъ Альфонсъ
нѣсколько лѣтъ занимался уже подъ руководствомъ аббата на-
уками, доступными его возрасту. Эдуардъ чувствовалъ свое не-
вѣжество, но сильная воля, подстрекаемая завистью, заставила его
учиться съ такимъ прилежаніемъ и настойчивостію, что въ года
два онъ въ иныхъ предметахъ догналъ своего соученика. Онъ
отвѣзывалъ себѣ во всѣхъ развлеченіяхъ и играхъ, свойственныхъ
его возрасту, и безпрестанно сидѣлъ надъ книгами. Это удивляло
добраго аббата, и онъ конечно бы полюбилъ его, если бы не
догадался, что всѣ эти усилія происходили отъ затронутаго са-
молюбія—отъ зависти и неприязни къ нѣжно-любимому имъ Аль-
фонсу, который выросъ на его глазахъ. Способности обоихъ маль-
чиковъ были совершенно разнородныя: Эдуардъ пристрастился къ
точнымъ, наукамъ, и, оказавъ въ нихъ значительные успѣхи, лю-
билъ заниматься математикой и особенно химіей. Въ этихъ на-
укахъ Альфонсъ былъ слабѣе его. Эдуардъ всегда торжествовалъ,
когда могъ подмѣтить ошибку въ какомъ нибудь математическомъ
вычисленіи его, или въ разрѣшеніи задачи, и тѣмъ уничтожить

товарища. За то Альфонсъ, рожденный съ поэтической душою, съ глубокимъ чувствомъ изящнаго, далеко превосходилъ Эдуарда успѣхами въ словесныхъ наукахъ, въ знаніи древнихъ и новыхъ языковъ и ихъ литературы, въ исторіи и пр., также въ музыкѣ и во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Воспитатель обоихъ юношей аббатъ Ж. былъ самъ глубоко проникнутъ христіанскими истинами. Украшая умъ ихъ науками, онъ усердно старался поселить въ сердцахъ ихъ религіозное чувство. Благіе примѣры и истинная набожность графа, графини и самаго аббата давали силу его наставленіямъ и предохранили его питомцевъ отъ распространявшагося тогда во Франціи невѣрія.

Альфонсу минуло 17-ть лѣтъ, а Эдуарду 16-ть, какъ въ семействѣ графа А. случилось новое обстоятельство, усилившее вражду Эдуарда къ своему соученику. Близкая родственница графини, умирая, поручила ея попеченіямъ свою единственную 14-ти лѣтнюю дочь Терезу, прелестную дѣвушку. Добрые графъ и графиня приняли сироту съ самымъ нѣжнымъ участіемъ, и просили аббата Ж. заняться ея окончательнымъ образованіемъ. Тереза вслѣдъ за тѣмъ участвовала въ урокахъ Альфонса и Эдуарда, и все время проводила въ ихъ обществѣ. Не прошло и года, какъ оба юноши страстно влюбились въ нее. Отъ наблюдательнаго и въ себѣ сосредоточеннаго Эдуарда не скрылось, что Тереза любитъ Альфонса, а къ нему не только равнодушна, но даже старается убѣгать его. Это открытіе исполнило его завистливую душу всѣми муками ревности и безнадежной любви, что еще усугубило его ненависть къ счастливому сопернику, и сильнѣе воспламеняло его страсть. Къ несчастію, онъ случайно подслушалъ, что графъ и графиня съ удовольствіемъ смотрѣли на рождающуюся взаимную склонность сына и племянницы, и въ будущемъ желали ихъ брака.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ—научное образованіе молодыхъ людей было кончено. Альфонсу минуло 21-й годъ, а Эдуарду 20-ть. Пора имъ было вступить въ военную службу. Графъ А. отправился съ ними въ Парижъ и представилъ ихъ военному министру. По происхожденію своему они имѣли право поступить прямо офицерами, и оба получили патенты на чинъ поручика въ драгунскомъ полку, который имѣлъ постоянныя квартиры въ Нормандіи въ г. Мортань. До отправленія своего въ полкъ, молодые люди

съ графомъ А. возвратились въ Турень. Альфонсъ открылся отцу и матери въ любви своей къ Терезѣ, и просилъ ихъ благословенія на бракъ его съ нею. Позвали Терезу и она созналась въ своей привязанности къ Альфонсу. Графъ и графиня, давно желавшіе этого соединенія, радостно изъявили свое согласіе, но отложили бракъ еще на два года по молодости жениха и невѣсты. Это осталось тайною для всего дома. Черезъ нѣсколько дней молодые люди отправились въ Нормандію въ полеъ. Альфонсъ счастливый своими надеждами на соединеніе съ любезною ему Терезою; а Эдуардъ съ прежнею ненавистью къ счастливому сопернику, и съ своею безнадежною любовію къ Терезѣ.

Они явились въ полеъ.

Прекрасный собою, ловкій, любезный и откровенный Альфонсъ скоро сдѣлался любимцемъ товарищей-офицеровъ и самаго полковника.

Эдуардъ, всегда мранный, необщительный, чуждался общества, былъ уважаемъ, какъ точный исправный офицеръ, но ни съ кѣмъ не сблизался, никого не любилъ и ни кѣмъ не былъ любимъ.

Съ прибытіемъ въ полеъ онъ не захотѣлъ жить съ Альфонсомъ и они разстались. Въ свободное отъ службы время Эдуардъ единственное находилъ развлеченіе отъ снѣдающей его тоски, занимаясь химіей. Чтобы дѣлать опыты, онъ устроилъ у себя маленькую лабораторію, гдѣ и проводилъ цѣлыя дни. Однажды, разбирая какой-то химическій трактатъ, онъ попалъ на статью объ ядахъ, и между описаніями ихъ составленія нашель одинъ способъ приготовить такой ядъ, который мгновенно умерщвляетъ и безъ страданій. Жизнь такъ опустыла несчастному юношѣ, что ему не разъ и прежде приходила мысль однимъ разомъ прекратить свои мученія. Имѣя подъ руками всё снадобья, для приготовления этого сильнаго яда, онъ принялся составлять его—приготовилъ приемъ, съ тѣмъ, чтобы его всегда имѣть при себѣ. Онъ носилъ на груди золотой медаліонъ покойной своей матери; въ которомъ хранились ея волосы: въ этотъ медаліонъ и вложилъ онъ завернутый въ листокъ пергамента приготовленный имъ ядъ. Безнадежная любовь его къ Терезѣ была все также сильна: онъ рѣшился принять ядъ въ тотъ день, когда узнаеть, что она выходитъ замужъ за ненавистнаго ему соперника.

Въ продолженіи двухъ лѣтънаго пребыванія въ полку Альфонсъ

нѣсколько разъ бралъ отпускъ для свиданія съ родными и невѣстою, и въ эти отлучки его, Эдуардъ испытывалъ невыносимыя терзанія ревности.

Въ французскихъ полкахъ есть обычай (1852 г.), что всѣ офицеры имѣютъ общій столъ, въ какомъ нибудь трактирѣ города. Такъ было и въ то время (XVIII в.). Однажды за общимъ столомъ сидѣли съ товарищами Альфонсъ и Эдуардъ, какъ съ почты принесли письмо къ первому, и онъ, прочитавъ его, съ радостнымъ лицомъ объявилъ присутствующимъ, что наконецъ онъ получилъ согласіе отца на бракъ съ давно любимою имъ дѣвицею, и что завтра-же, взявъ отпускъ, онъ свачетъ къ своей невѣстѣ.

Товарищи, любившіе Альфонса, искренно поздравляли его съ доброю вѣстью—потребовали вина—и началась попойка. Эдуардъ, какъ громомъ пораженный этимъ извѣстіемъ, былъ внѣ себя: адъ кипѣлъ въ его душѣ. Разносятъ вино, и онъ, избѣгавшій всякихъ излишествъ, въ какомъ-то изступленіи опоражниваетъ стаканъ за стаканомъ: распаленный злобою и виномъ онъ всячески придирается къ Альфонсу—спорить съ нимъ—позволяетъ себѣ обидные намеки на счетъ его невѣсты—и вызвавъ съ его стороны оскорбительный отвѣтъ, въ бѣшенствѣ бросается къ нему и даетъ ему пощечину.

Всѣ присутствующіе пришли въ негодованіе отъ такого безчестнаго и злобнаго поступка: но рѣшили, что обезпеченный, любимый ими Альфонсъ, только кровію можетъ смыть тяжкое оскорбленіе, чести его нанесенное: положили, что противники должны драться на смерть. Всѣ разошлись, давши слово сохранить въ тайнѣ несчастное событіе, чтобы начальство, узнавъ объ немъ, не помѣшало дуэли. Секунданты были назначены обществомъ офицеровъ, условились, что на другой день на зарѣ поединокъ будетъ на шпагахъ.

Дуэль состоялась.

Эдуардъ, бросившись яростно на Альфонса, не смотря, что тотъ фехтовалъ гораздо искуснѣе его, проволочъ ему шпагою грудь около сердца—кровь хлынула изъ раны, и лекаръ, осмотрѣвъ ее, призналъ смертельною.

Въ то время законъ противъ дуэлей былъ строгъ: при обстоятельствахъ, усиливающихъ виновность (*circonstances aggravantes*), убійца подвергался смертной казни.

Эдуарду оставалось одно средство въ спасенію: послѣшно бѣжать изъ Франціи. Секунданты, предвидя это, имѣли въ готовности верховую лошадь, гражданское платье и нужныя бѣглецу деньги: они заставили Эдуарда, не теряя ни минуты, переодѣться и скакать по дорогѣ, ведущей къ каналу Ламаншъ, чтобы достигнувъ береговъ моря съ помощію рыбаковъ или контрабандистовъ, добраться до Англіи.

Эдуардъ въ первую минуту былъ какъ въ безпамятствѣ и оцѣпенѣніи—безпрекословно повиновался всему, что ему совѣтовали: переодѣлся, и во всю прыть поскакалъ по дорогѣ на сѣверъ.

Проѣхавъ нѣсколько льѣ, онъ пришелъ въ себя: имъ овладѣлъ ужасъ при воспоминаніи, что убилъ сына своего благодѣтеля. Совѣсть, усиленная его пагубною страстію, мучительно пробудилась, и онъ въ отчаяніи хотѣлъ самъ наказать себя, принявъ ядъ, который всегда при себѣ носилъ.

Въ эту минуту Эдуардъ слышитъ звонъ колокола, призывающій къ вечерней молитвѣ: онъ подѣзжалъ къ монастырю де-Латрапъ, воелѣ котораго лежала большая дорога. Эти торжественныя звуки внезапно пробудили въ его сердцѣ религиозное чувство, посѣянное съ дѣтства: онъ почувствовалъ неодолимую потребность молитвы, соскочилъ съ лошади и упросилъ монастырскаго привратника впустить его въ ограду. Привратникъ согласился, и онъ съ невъяснимымъ трепетомъ вошелъ въ слабо-освѣщенную церковь. Траписты служили всенощную.

Таинственный сумракъ, унылое пѣніе инокъвъ, долетавшіе до его слуха слова покаянныхъ псалмовъ, могущественно потрясали душу тяжкаго грѣшника—чувство жгучаго раскаянія овладѣло всѣмъ существомъ его. Съ горькими слезами и рыданіемъ онъ повергся передъ престоломъ, и мгновенно пришла ему мысль остаться навсегда въ этой обители, всю жизнь свою посвятить покаянію и умолившенію превѣчной любви къ тяжкому его преступленію.

Эта мысль пролила въ сердцѣ несчастнаго Эдуарда нѣкоторое успокоеніе и онъ ту же минуту просилъ доложить о себѣ пріору. Пріоръ благосклонно принялъ его, и онъ, бросившись предъ нимъ на колѣни, со слезами открылъ ему свою душу и умолялъ его позволить ему вступить въ монастырь де-Латрапъ. Старецъ, тро-

нутый его раскаяніемъ, согласился на его просьбу, и Эдуардъ остался въ монастырѣ.

Искусъ его начался подъ непосредственнымъ надзоромъ самаго пріора, который искренно любилъ молодаго послушника. Въ продолженіи двухъ лѣтъ этого искуса, онъ безпрестанно ломая свою волю, въ подвижнической жизни превзошелъ самыхъ строгихъ аскетовъ монастыря, и послѣ допущенъ былъ къ прознесенію полныхъ обѣтовъ траписта—рувоположенъ въ священники и профессы, подъ именемъ брата Іеронима. Созерцательная жизнь, молитва и постоянное чтеніе св. писанія развернули въ немъ проповѣдническій даръ—и скоро братъ Іеронимъ прославился и святостію жизни, и назидательными поученіями не въ одномъ только монастырѣ: многіе набожные міряне издалека пріѣзжали слушать превосходныя его проповѣди.

Старикъ пріоръ, по дружбѣ своей къ прежнему послушнику, видѣлъ въ немъ своего преемника—часто совѣтывался съ нимъ по монастырскимъ дѣламъ, убѣдилъ капитулъ выбрать, на мѣсто умершаго тогда эконома, брата Іеронима, который по рѣшительному вліянію своему на пріора сдѣлался полновластнымъ распорядителемъ монастыря. Прежнія страсти въ немъ угасли, но вмѣсто ихъ могущественно возобладала въ душѣ его новая: властолюбіе, которое можетъ сдѣлаться господствующею ненасытимою страстію не только знатныхъ и великихъ этого міра, но и смиренныхъ отшельниковъ, отрешившихся отъ міра.

VI.

Покажѣсть все это происходило въ монастырѣ де-Латрапъ, графъ Альфонсъ остался живъ—крѣпкое его тѣлосложеніе, вопреки приговора лекаря и всѣхъ вѣроятностей, восторжествовало надъ самою опасною раной—онъ выздоровѣлъ, оставилъ службу, возвратился къ родителямъ—женился на своей Терезѣ, былъ отцемъ двухъ мальчиковъ ангельской красоты, и окруженный всѣми существами, сердцу его любезными, прожилъ шесть лѣтъ самыхъ блаженныхъ и спокойныхъ. Но этому добродѣтельному и счастливому семейству угрожали тяжкія бѣдствія. Дѣла графа А., невѣрностію управителя и по его собственной безпечности, пришли

въ такое разстройство, что это сдѣлалось почти гласнымъ. Старика же все это сильно огорчало, не столько за себя, какъ за обожаемаго сына и его семейства. Графа А. разбилъ параличъ и онъ, благословивъ сына, свончался на его рукахъ; за нимъ скоро послѣдовала и добрая графиня. Это были первые удары, поразившіе сердце Альфонса. Когда онъ вступилъ въ управленіе отцовскимъ имѣніемъ, ему открылось, что покойный графъ былъ жертвой своей довѣрчивости въ коварному управителю, который обогатился на его счетъ. Всякій день поступали на огромныя суммы графскіе векселя во взысканію; наслѣдственные процессы были проиграны, потому что важныя старинныя документы на право владѣнія графа А. были выграблены управителемъ и переданы въ руки противной стороны. Все имѣніе секвестровано и несчастный Альфонсъ съ семействомъ лишился почти всего. Почти въ то же время, умерли отъ скарлатины два его сына. Тереза, беременная, поражена будучи этой новой бѣдой—разрѣшилась прежде времени мертвымъ младенцемъ, и сама послѣдовала за нимъ. Несчастный палъ подъ всѣми этими тяжкими ударами судьбы и предался такому мрачному отчаянію, что если бы не добрый аббатъ Ж., то Альфонсъ лишился-бы себя жизни. Но когда все его оставило,—этотъ вѣрный и неизмѣнный другъ не покидалъ его ни на минуту. Онъ окружилъ своего несчастнаго воспитанника самою нѣжною любовію и участіемъ. Его исполненное помазанія слово проникло въ душу страдальца и мрачное уныніе его перешло въ тихую скорбь, улаждаемую надеждою свиданія, въ жизни за гробомъ, съ милыми существами, которыхъ онъ лишился. Вѣра въ Искупителя оживила страждущую душу Альфонса. Въ одной только молитвѣ находилъ онъ отраду и успокоеніе. Свѣтъ такъ ему опостылъ, что онъ сильно желалъ оставить его навсегда, и удалиться въ монастырь.

Тутъ Альфонсъ вспомнилъ о братствѣ де-Латрапъ, и въ одну минуту рѣшился вступить въ него. Добрый аббатъ Ж., которому онъ сообщилъ свое намѣреніе, не противился, и даже самъ вызвался проводить его, будучи знакомъ съ пріоромъ трапистовъ.

Не откладывая, они оба отправились въ Нормандію и достигли до Латрапа.

Аббатъ Ж. представилъ пріору своего воспитанника, рассказалъ ему его неслыханныя несчастія, возбудилъ въ немъ живое

чувство состраданія въ несчастливцу, и Альфонсъ былъ принятъ въ число братій.

Началось время его искуса.

Пріоръ предупредилъ брата Іеронима о вступленіи въ монастырь его соперника. Сперва это извѣстіе взволновало его, но какъ прежнія страсти его утихли, то онъ при свиданіи съ нимъ изъяснилъ даже участіе. Добрый Альфонсъ, узнавъ объ его искреннемъ раскаяніи, котораго лучшимъ доказательствомъ было его постриженіе, не только простилъ ему въ душѣ, но даже готовъ былъ полюбить его.

Несчастія, испытанныя Альфонсомъ, скоро сдѣлались извѣстны въ монастырѣ и возбудили въ нему общее состраданіе всѣхъ монаховъ, которые полюбили его за его необыкновенную кротость, благорасположеніе ко всѣмъ и искреннюю набожность.

Прошли два года самаго строгаго искуса и Альфонсъ, давъ полные монашескіе обѣты, былъ постриженъ и рукоположенъ въ священники подъ именемъ брата Ансельма. Когда онъ совершалъ литургію, то невозможно было оставаться равнодушнымъ и не прійти въ умиленіе, видя, съ какимъ глубокимъ чувствомъ и истиннымъ духовнымъ помазаніемъ онъ молился у св. Трапезы. Его молитва могущественно дѣйствовала на всѣхъ присутствующихъ и возбуждала въ нихъ молитвенное чувство. Брата Ансельма всѣ считали святымъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и престарѣлый пріоръ скончался. Послѣ его погребенія Іеронимъ, какъ экономя, заступившій временно мѣсто умершаго настоятеля, созвалъ капитулъ для избранія новаго пріора. Онъ былъ въ полной увѣренности, что выберутъ его, и спокойно ожидалъ исполненія своихъ желаній и надеждъ. Ансельмъ былъ тогда боленъ и не могъ засѣдать въ собраніи капитула. Послѣ обычной молитвы, всѣмъ наличнымъ профессамъ розданы были бумажки, на которыхъ каждый долженъ былъ написать имя брата, избираемаго имъ въ пріоры. Свернутые билеты опущены были въ нарочно для того приготовленную вазу, и секретарь капитула, вынимая по одному билету изъ вазы, записывалъ голоса: по повѣркѣ оказалось, что значительнымъ большинствомъ избранъ былъ въ пріоры не Іеронимъ, а Ансельмъ!

Можно представить себѣ, что въ эту минуту почувствовалъ властолюбивый, желчный и во всемъ чрезмѣрный Іеронимъ. Ро-

вовое предпочтеніе ему ненавистнаго соперника такъ поразило его, что онъ чуть ни упалъ въ обморокъ. Адская злоба кипѣла въ его сердцѣ, но силою воли онъ удержалъ ея порывы, и принявъ на себя спокойный видъ, велѣлъ написать протоколъ избранія, и заготовить представленіе папѣ объ утвержденіи избраннаго пріора.

Прямо изъ капитула Иеронимъ ушелъ въ свою келью, и заперъ дверь. Оставшись одинъ, онъ въ иступленіи предавался, то отчаянію, то бѣшенству—проклиналъ день своего рожденія—приносилъ хулы на Бога, скрежеталъ зубами, при мысли о своемъ ненавистномъ соперникѣ—придумывалъ способы мщенія и въ этомъ состояніи провелъ весь день. Вечеромъ овладѣвшій его душою дьяволъ напомнилъ ему, что у него есть ядъ, который онъ нѣкогда приготовлялъ для самаго себя. Внезапно пришла ему страшная мысль отравить Ансельма, который больной лежалъ не далеко отъ него въ кельѣ своей. Иеронимъ судорожно схватилъ отраву, и когда совсѣмъ смерлось, ни кѣмъ не примѣченный, тихо прокрался въ келью того, кого считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Ансельмъ былъ одинъ и утомленный приступомъ лихорадки спалъ тихимъ и спокойнымъ сномъ. Иеронимъ высыпалъ ядъ въ стоявшую подлѣ больного кружку съ водою и ушелъ.

На другой день, кто-то изъ братій вошелъ въ келью Ансельма и увидѣлъ одинъ бездыханный трупъ. Вѣсть объ этомъ въ минуту разнеслась по монастырю, и всѣ сердечно соболѣзновали о кончинѣ новаго своего настоятеля: но никому и въ голову не входило, что онъ умеръ не своею смертію. Всѣ приписали внезапную кончину его внутреннимъ сворбямъ и изнуренію отъ строгой подвижнической жизни.

Предали землѣ тѣло брата Ансельма. Собрался опять капитулъ для избранія пріора, почти всѣ голоса были даны Иерониму, и онъ избранъ пріоромъ.

Братъ Иеронимъ былъ однимъ изъ тѣхъ странныхъ существъ, въ которыхъ переходъ отъ зла къ добру бываетъ быстръ, иногда мгновененъ. Съ необыкновенною воспримчивостію, и къ злымъ, и къ благимъ внушеніямъ, смотря по обстоятельствамъ и измѣнчивости внутренняго настроенія, такіе люди могутъ быть и великими злодѣями, и пламенными христіанами. Иеронимъ достигъ преступленіемъ ужаснымъ до цѣли давнихъ желаній, и тутъ-же

совѣсть его пробудилась: онъ увидѣлъ разверстую предъ собою адскую бездну. Со всею силою воли предавъ себя правосудію небесному, онъ рѣшился открыть злодѣяніе свое предъ судомъ земнымъ.

Уединившись въ свою келью, онъ цѣлую недѣлю писалъ свою исповѣдь, въ которой разсказалъ всю жизнь свою: эту исповѣдь послалъ съ довѣреннымъ трапистомъ въ Папѣ Клименту XIV-му, вмѣстѣ съ протоколомъ своего избранія: извѣстно рѣшеніе главы римской церкви.

Это было въ 1770-мъ году.

VII.

Прошло слишкомъ четыре года, какъ я разстался съ пріоромъ трапистовъ Картузской Березы, и ничего не зналъ объ немъ, какъ совсѣмъ неожиданно судьба меня опять свела съ нимъ въ Петербургъ на нѣсколько часовъ.

Это было въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ 1811 года.

Готовились тогда къ войнѣ съ императоромъ французовъ, и вся Россія была въ тревожномъ ожиданіи, что на весну начнутся военныя дѣйствія, которыя должны рѣшить кому: Франціи или Россіи первенствовать въ Европѣ. Чудное было тогда время, кнѣвшее жизнію, и исполненное страха и надеждъ!

Стоялъ я въ караулѣ на Петровской площади въ зданіи Сената. Постъ этотъ самый безпкойный въ цѣломъ городѣ, отъ большой ѣзды по Петровской площади: всякую минуту ждешь, что звонокъ вызоветъ караулъ къ ружью. Я цѣлый почти день простоялъ на платформѣ и такъ усталъ, что по пробитіи вечерней зари вошелъ въ свою караульню, протянулся на диванъ и заснулъ вѣрнымъ сномъ. Часовъ въ 11-ть ночи старшій унтеръ-офицеръ будить меня и доулаживаетъ, что привезли арестанта; я поспѣшно встаю—входитъ чиновникъ сенатскій, подаетъ мнѣ записку отъ коменданта, по которой я долженъ принять отъ него арестанта и до утра содержать подъ самымъ строгимъ карауломъ, а что на другой день за нимъ явится чиновникъ съ комендантскою запискою, которому я долженъ сдать его. Арестантъ

этотъ, къ великому моему удивленію, былъ никто другой, какъ мой добрый о. Иларій. Мы тотчасъ узнали другъ друга, и когда чиновникъ ушелъ, взявъ отъ меня росписку въ принятіи арестанта, мы крѣпко обнялись и очень обрадовались въ первую минуту. Послѣ мнѣ стало сердечно жаль своего стариннаго пріятеля. Напоилъ я его чаемъ—подчивалъ ужиномъ, и мы, усѣвшись на диванѣ, провели всю ночь въ дружеской бесѣдѣ. О. Иларій съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и добродушіемъ откровенно рассказалъ мнѣ, что онъ взятъ по подозрѣнію въ политическихъ сношеніяхъ съ Варшавскими патриотами, которые надѣялись, что императоръ Наполеонъ въ предстоящей неизбѣжной войнѣ съ Россією, одолѣвъ ее, возстановитъ Польшу. О. Иларій точно получилъ изъ Варшавы нѣсколько писемъ, и, въ счастію, онъ ихъ истребилъ—стало быть прямыхъ уликъ противъ него не было. Но онъ чрезвычайно уважаемъ былъ полскими дворянами, и къ нему собирались изъ окрестныхъ мѣстъ помѣщики, извѣстные своимъ недоброжелательствомъ къ Россіи. Это обстоятельство не скрылось отъ русскаго мѣстнаго начальства, и оно донесло объ немъ въ Петербургъ—вслѣдствіе чего за пріоромъ посланъ былъ фельдъегерь, который и привезъ его.

Передъ свѣтомъ опять явился чиновникъ съ запиской отъ коменданта за моимъ пріателемъ. Я съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ сдать его—мы со слезами простились, и послѣ я его уже не видалъ. Сколько ни старался провѣдать объ его участи, но ничего узнать не могъ. Его посадили, вѣроятно, или въ Алексѣевскій рavelинъ, или отправили въ Шлиссельбургскую крѣпость.

На вопросъ мой о затворникѣ Картузской Березы отецъ Иларій сказалъ мнѣ, что онъ умеръ вскорѣ послѣ своего освобожденія, слишкомъ 80-ти лѣтъ.

М. А. фонъ-Визинъ.

1852 г.

Примѣчаніе. Напечатанный выше рассказъ принадлежитъ родному племяннику знаменитаго писателя Д. И. фонъ-Визина — Михаилу Александровичу фонъ-Визину, одному изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей эпохи Александра I-го. Отставной генералъ-маіоръ, онъ принадлежалъ къ „Сѣверному Обществу“ — т. е. стоялъ на сторонѣ необходимости реформъ; участіемъ по отношенію къ вооруженному возстанію не принималъ. Въ ссылкѣ, въ Сибири, онъ много писалъ и ему принадлежитъ нѣсколько историческихъ и философско-критическихъ трудовъ. Крайне желательно, чтобы владѣльцы его бумагъ собрали ихъ и издали; для таковога изданія мы предлагаемъ страницъ „Русской Старинѣ“.

Настоящая рукопись сохранилась, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, у Владимира Ивановича Лихачева, которому за сообщеніе ея приносимъ глубочайшую благодарность.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ умеръ въ с. Марьинѣ, близъ города Бронницъ, Москов. губерніи, 30-го апрѣля 1854 г. Женатъ онъ былъ на Натальѣ Дмитриевнѣ Апухтиной, во второмъ замужствѣ за Ив. Ив. Пущинымъ, тоже декабристомъ, † 3 апрѣля 1859 г. (См. „Русскую Родословную книгу“, изд. ред. „Русской Старинѣ“, томъ I, стр. 311 - 313).

Ред.

ЗАПИСКИ ИЛЬИ ВАСИЛЬЕВИЧА СЕЛИВАНОВА.

IX ¹⁾.

Управление генераль-полицмейстера или, говоря точнѣе, министерство полиціи въ Царствѣ Польскомъ, созданное Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинимъ,—имѣло двойную задачу: оно должно было слѣдить за развитіемъ мятежа, уничтожать его и принимать всѣ мѣры для успокоенія края, а вмѣстѣ съ тѣмъ давать направленіе, токъ, быть, однимъ словомъ, проводникомъ той идеи управления краемъ въ эти горячія минуты, какую хотѣлъ дать ей намѣстникъ. Заваленный работою съ утра до вечера, гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ, неутомимый, несмотря на преклонныя лѣта свои, труженикъ своего положенія, выпрашивающій иногда у докладчика десяти минутъ, чтобъ вздремнуть на креслѣ, и тѣмъ освѣжить свою голову, осаждаемую со всѣхъ сторонъ, и при этомъ умѣвшій сохранить въ себѣ всю ясность духа, всю подвижность молодости и всю увѣренность въ себѣ самомъ, во всѣ самыя тяжелыя минуты, графъ Бергъ необходимо долженъ былъ имѣть около себя человѣка, который могъ бы понимать его желанія и умѣть осуществить ихъ. Въ этомъ хаосѣ событій, среди которыхъ происшествія гнали, толкали одно другое, гдѣ надо было дѣйствовать чрезвычайно быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ съ чрезвычайной оглядкой, потому что тысячи враждебныхъ глазъ готовы были печатно передать на судъ и позоръ Европы малѣйшій промахъ, малѣйшее уклоненіе отъ правды,—и вмѣстѣ съ тѣмъ некогда было оглядываться, потому что земля горѣла подъ ногами,—въ этой горячкѣ, которую болѣе или менѣе пороли почти всѣ—не растеряться, не потерять головы, была уже великая заслуга передъ Россією. При

---

¹⁾ „См. Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVIII, іюнь, стр. 286—316, іюль, стр. 477—484; августъ, стр. 725—752; декабрь, стр. 861—890.

этомъ давленіи, которое старались дѣлать на намѣстника всѣ—ому надо было найти человѣка неутомимаго, честнаго, на котораго онъ могъ бы вполне положиться. Въ такія минуты Треповъ былъ для него безцѣннымъ приобретеніемъ.

Какъ отыскали Трепова и почему на немъ остановился выборъ для такого серьезнаго поста, какъ генераль-полиціймейстеръ,—я не знаю. Когда я пріѣхалъ въ Варшаву—онъ былъ уже имъ. Судить и говорить о немъ я могу только потому, что видѣлъ. Видя его каждый день, иногда по нѣскольку разъ, я могу, какъ мнѣ кажется, нѣкоторымъ образомъ опредѣлить, чѣмъ онъ былъ тогда для занимаемаго имъ поста. Такого неутомимаго человѣка, какъ онъ, я не встрѣчалъ въ жизни. Жутко было служить съ нимъ, по его требовательности, въ такое время, вполне необходимой и разумной,—но тѣмъ не менѣе подчасъ до того утомительной, что нельзя было выносить. Дошло до того, что однажды я былъ вынужденъ сказать ему, что требованіе его невозможно.

— На службѣ нѣтъ отговорокъ и невозможности, отвѣчалъ онъ.

И говоря это, онъ былъ вѣренъ самому себѣ. Днемъ, ночью, въ полночь, точно также какъ въ полдень, онъ былъ готовъ всегда на исполненіе обязанности службы. Когда онъ ѣлъ, когда онъ спалъ—я не знаю. Будучи неумолимо строгъ къ самому себѣ, онъ точно также строго требовалъ того же и отъ другихъ. Ко мнѣ въ департаментъ поступало иногда до 250 бумагъ въ день; на большую часть изъ нихъ надо было отвѣчать. И если отвѣтъ посылался не на другой день,—онъ уже сердился. Надо было прочитать эти бумаги, по порядку, заведенному въ военномъ министерствѣ, заготовить отвѣты на нихъ и тогда уже идти съ докладомъ. Когда отвѣты ему не нравились или не согласны были съ его мнѣніемъ и взглядомъ—набыло ихъ переписывать. Писаря, которыхъ у меня въ департаментѣ было человѣкъ до 30, сидѣли не разгибая спины—утромъ отъ 8 до 5 и вечеромъ отъ 7 до 10, а иногда и позже. Можетъ быть мнѣ, какъ гражданскому чиновнику, такъ казалось—только я не могъ привыкнуть къ такому порядку и много разъ предлагалъ и просилъ Трепова позволить мнѣ измѣнить порядокъ веденія дѣлъ. Онъ согласился только передъ тѣмъ, какъ я оставилъ службу въ управленіи, чтобъ перейти въ редакторы русской газеты, которая по мысли Милютина должна была быть основана, но объ этомъ послѣ.

Для насъ, гражданскихъ чиновниковъ, принятый порядокъ казался совершенной безтолковщиной. Къ какой-то бумагѣ, помнится, къ доставленію о перерѣзанной телеграфной проволоки, понадобилась справка. Регистраторъ, къ которому обратились за этимъ, отвѣчалъ: въ дѣлѣ

№ 1, листъ, положимъ, 153. Что это такое—первое дѣло. Это меня озадачило. Я велѣлъ себѣ подать это первое дѣло—и чтожь оказалось: всѣ бумаги, полученныя въ продолженіи извѣстнаго времени, какого бы содержанія онѣ ни были, подшивались вмѣстѣ. Изъ этого составился столбецъ безъ малаго въ аршинъ вышины. Когда поступала бумага послѣ записи ея во входящую книгу,—регистраторъ обязанъ былъ внести ее въ регистръ, подъ тѣмъ названіемъ, какое онъ находилъ это приличнымъ. Такъ, напр., подъ названіемъ: «Телеграфная проволока», значились всѣ бумаги, поступившія по этому предмету. Еслибъ ихъ было сто,—онѣ всѣ значились бы подъ этимъ названіемъ, только съ показаніемъ страницъ столбца. При такомъ огромномъ полученіи бумагъ, какое было, такихъ дѣлъ въ департаментѣ всего было 5—но это были монстры, которые едва можно было поднять; разбирать ихъ и отыскивать нельзя было сидя, надо непремѣнно было дѣлать это стоя.

При такомъ порядкѣ, конечно, очень часто нельзя было навести справки. Представьте себѣ, что надо было найти что нибудь о высланномъ въ имперію Домбровскомъ. Домбровскій этотъ былъ высланъ не одинъ, а можетъ быть въ числѣ 5 человекъ, и въ регистръ записанъ былъ первый навзванный въ списокъ,—положимъ Иваницкій. Ну объ Иваницкомъ только и можно было справиться, а объ остальныхъ четырехъ, чтобъ добратъся есть ли что нибудь, надо было по листу пересмотрѣть всѣ эти 5 монстровъ дѣлъ. Какъ я говорилъ выше—я много разъ просилъ у Трепова позволенія ввести порядокъ, какой соблюдается въ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ, т. е. чтобъ для каждаго предмета было свое особое дѣло, которое производителю дѣлъ отыскать ничего не стоитъ. Какъ военный, Треповъ подверженъ былъ общей слабости военныхъ—считать порядокъ, введенный въ военномъ управленіи, лучшимъ и относился съ пренебреженіемъ къ гражданскому порядку. Только по прошествіи полугода, я успѣлъ убѣдить его въ превосходствѣ гражданского порядка.

Переданныя въ наше управленіе бумаги комисіи по дѣламъ военного положенія были въ страшномъ безпорядкѣ. Ихъ скорѣе свалили, нежели сдали. Одинъ только служившій въ этой комисіи аудиторомъ (Никольской) и могъ найти въ нихъ что нибудь. Отбитые знамена у повстанцевъ, значки, фотографіи начальниковъ бандъ, картины революціонныя, брошюры,—все это свалено было рѣе-мѣле въ шкафъ, бывшій въ завѣдываніи сына одного военного генерала, (Варшавскаго уроженца, Эсакова), который не затруднялся таскать изъ этого запаса, на память, что казалось ему болѣе интереснымъ, такъ что когда изъ Петербурга потребовали присылки этихъ видимыхъ

признаковъ возстанія, то ихъ оказалось такъ мало, что и послать почти было нечего, какъ какъ изъ комисіи по дѣламъ военнаго положенія они привезены были безъ описи.

Возвращаюсь къ Θ . Θ . Трепову.

Окруженный недоброжелательствомъ и завистью, не могущею простить ему, что онъ въ чинѣ генераль-маіора занималъ мѣсто министра полиціи, онъ мало обращалъ на это вниманія и ежели кого сильно не долюбивалъ,—то это начальника Варшавскаго Отдѣла барона К-а, который платилъ ему тѣмъ же и по мѣрѣ возможности кляузничалъ на него намѣстнику, конечно не впопадъ, потому что дѣйствительно въ поведеніи ген. Трепова трудно было найти что нибудь, къ чему можно было прицѣпиться. Баронъ же К—ъ, давшій волю своимъ адъютантамъ выдавать дозволеніе на свиданіе въ цитадели съ преступниками ихъ семействамъ, во многихъ случаяхъ давалъ поводъ сильно осуждать его за его слабость къ своимъ адъютантамъ. За письменное дозволеніе, молодые люди съ хорошенькихъ просительницъ брали натурою, въ Варшавѣ же просительницы болѣею частію хорошенькія. Какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе справедливо. Вотъ какимъ образомъ узналъ я это.

Въ одно утро я пришелъ къ г. Трепову съ докладомъ раньше обыкновеннаго. Еще не было 12 часовъ. Зала (онъ жилъ еще тогда во флигелѣ Брюлевскаго дворца) была полна просительницъ. Ихъ было по крайней мѣрѣ дамъ до 30 — и замѣтите — все хорошенькія, такъ что, по русской пословицѣ, ни одной нельзя было выкинуть изъ десятка. Смотря на нихъ, можно было подумать, что Варшава населена только однѣми красавицами. И одѣты все какъ! Атласъ, бархатъ, кружево... ну, просто заглядѣнье. Вынужденный ждать окончанія приѣма, я сѣлъ съ портфелемъ на окошко и сталъ наблюдать.

Въ началѣ перваго вышелъ изъ кабинета оберъ-полицмейстеръ Фредериксъ,—а за нимъ и Треповъ, и началъ принимать прошенія. Вѣроятно, эти прошенія были писаны на разныхъ языкахъ, потому что съ одной онъ говорилъ по польски, съ другой по французски, съ третьей по нѣмецки. Предполагалось, что всѣ эти красотки были жены, сестры, даже матери заключенныхъ,—хотя ни одной изъ нихъ не было старше 30 лѣтъ—болѣею частію лѣтъ 18—23. Хотя и это уже было удивительно, что матери были все такія молодыя—но что еще больше всего меня удивило, такъ это то, что всякая, подавши прошеніе, старалась поцѣловать «генерала» или въ плечо, или ловила поцѣловать руку, а ежели этого не удавалось, то старалась поцѣловать хоть коленко. Это было не только удивительно, но даже гадко видѣть—и когда, оставшись у Трепова для доклада, я выразилъ ему

мое удивленіе по этому поводу, онъ, принимавшій всѣ эти изъясненія подобострастія, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ,—отвѣчалъ мнѣ:

— Да развѣ вы думаете, что изъ всей этой толпы есть хоть одна, которая въ дѣйствительности жена, невѣста, сестра, или тетка тѣхъ, за кого онѣ просятъ? Это всѣ нанятія за рубль, за два, подать прошеніе. Это остатки прежняго обычая.

Впослѣдствіи, въ разговорѣ съ тѣми, которыя или родились, или жили долго въ Варшавѣ, я узналъ, что завелось это преимущественно въ царствованіе Паскевича, при которомъ хорошенькая женщина, обращаясь къ нему, всегда могла быть увѣрена въ успѣхъ своего дѣла.

Чему же послѣ того удивляться, что молодые адъютанты барона Б.—а такъ мало встрѣчали затрудненій, при выдачѣ дозволеній на свиданіе съ сидѣвшими или въ цитадели, или на Павьей улицѣ. Имъ чтó было за дѣло, что на свиданье шли не тѣ, которымъ они выдали дозволенье. Имя было то, какое нужно—чего же больше. Вѣдь на дозволенія не прописываютъ гѣтъ просительницы,—слѣдственно, кто бы ни пришелъ подъ этимъ именемъ, всякій долженъ считаться за настоящаго.

Не знаю, Милютину или графу Бергу обязана Россія выборомъ Трепова,—но не могу не сказать, что онъ вполне оправдалъ этотъ выборъ. Его неуспяной дѣятельности—и надо прибавить—расположенію къ нему намѣстника, мы обязаны тѣмъ, что возстанію былъ положенъ предѣлъ: не думаю, чтобъ военныя дѣйствія однѣ могли установить успѣхи возстанія; рядъ мѣръ, придуманныхъ намѣстникомъ и осуществленныхъ болѣе или менѣе Треповымъ, болѣе всего способствовалъ, что возстаніе прекратилось *faute de combattants*. Великолѣпная и благороднѣйшая мысль Милютина—освободить крестьянъ отъ зависимости пановъ и уничтожить вліяніе духовенства, лишило возстаніе почвы и оно должно было умереть собственною смертію, безъ особенныхъ насилій, и особенно безъ жестокостей, къ которымъ графъ Бергъ чувствовалъ инстинктивное отвращеніе.

Стоя среди этого хаоса, видя лично и по бумагамъ, которыя сосредоточивались въ моемъ департаментѣ,—я съ гордостію и смѣло могу сказать, что жестокостей, что несправедливостей, сознательно допускаемо не было, и что ежелибъ кто нибудь ихъ себѣ позволилъ, онъ былъ бы тотчасъ лишень возможности продолжать ихъ. Малѣйшій слухъ о неблагонадежности того или другаго агента русской власти, въ лицѣ ли то военнаго начальника уѣзда или кого другаго, достаточенъ было для того, чтобъ онъ тотчасъ былъ смѣшонъ съ должности. Бывали примѣры, что такой господинъ, особенно русскій, который бы позволилъ себѣ какую нибудь несправедливость,—назначенный нынѣ,

былъ же смѣшонъ завтра. Говорю это не на основаніи слуховъ, а на основаніи того, что переписка объ этомъ была въ моихъ рукахъ.

Вѣроятно всѣмъ извѣстно, что управленію генераль-полицмейстера было предоставлено право (конечно, съ утвержденія намѣстника) касировать рѣшенія трибуналовъ въ дѣлахъ, имѣющихъ политическую подкладку. Такъ какъ дѣла эти тоже производились въ моемъ департаментѣ, то я, какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ другихъ всевозможныхъ случаяхъ, слышалъ отъ Ѳ. Ѳ. Трепова одно и то же:

— Ради Бога, поступайте какъ можно законнѣе! Ради Бога, никакой несправедливости....

Думаю, что даже наши заклятые враги, про революцію 1863 года не скажутъ чего нибудь, недостойнаго русскаго имени. Мы можемъ съ гордостью смотрѣть Европѣ въ глаза и только смѣяться, когда такіе защитники поляковъ, какъ, напр., Лавернь вздумаютъ бросать намъ въ глаза обвиненіе въ притѣсненіи и тиранствѣ.

Вотъ чтó мнѣ извѣстно по этому поводу. Когда уже я былъ назначенъ редакторомъ русскаго «Варшавскаго Дневника»,—управляющій дѣлами печати въ Польшѣ, Н. И. Павличевъ пригласилъ меня къ себѣ и спросилъ: могу ли я написать что нибудь въ опроверженіе статьи Лаверна, по крестьянскому вопросу въ Польшѣ, напечатанному въ *Revue de deux Mondes*. Прочитавши статью, я, какъ самъ русскій помѣщикъ и слѣдственно хорошо знавшій обстоятельства, сопровождавшія крестьянскую реформу въ Россіи—отвѣчалъ, что могу. Надо думать, что приглашеніе это послѣдовало по совѣту Н. А. Милютина, бывшаго тогда въ Варшавѣ и жившаго въ томъ же Брюлевскомъ дворцѣ, какъ я Павличевъ, и я.

Статья моя, написанная въ отвѣтъ на статью «*Revue des deux Mondes*», переведенная на польскій языкъ, была тогда же напечатана въ польскомъ Варшавскомъ Дневникѣ.

Х.

Я говорилъ выше, что графъ Бергъ вообще не любилъ жестокихъ, тѣмъ болѣе кровавыхъ мѣръ: онъ находилъ, что надо уничтожать возстаніе не столько страхомъ, сколько невозможностію продолжать его. Безъ денегъ революція невозможна, надо бить по карману, и тогда она уничтожится сама собою,—вотъ слова его. Вслѣдствіе этого, какъ я говорилъ выше, была введена система штрафовъ, даже иногда огромныхъ, какъ напр. штрафовъ въ 25 т. руб. съ имѣнія Потоцкаго, о чемъ я упоминалъ выше. Количество собираемыхъ

штрафовъ вслѣдствіе этого было значительно. Но куда бы вы думали шли эти штрафы? Вы думаете—въ казну, на пополненіе суммъ, издерживаемыхъ на восстаніе, по передвиженію войскъ, созданіе новыхъ должностей и проч. То-то что нѣтъ!

Вотъ чтó я узналъ по этому случаю и узналъ совершенно случайно.

Однажды утромъ *Ф. Ф. Треновъ* призываетъ меня къ себѣ и поручаетъ мнѣ поговорить отъ его имени съ начальникомъ штаба генераломъ *Минквицемъ*, нельзя ли взыскавіе штрафовъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ, такъ какъ ихъ взыскивало и военное вѣдомство, и уѣздное военное начальство, подчиненное управленію генералъ-полицмейстера, и начальники отдѣловъ, такъ что никто изъ всѣхъ этихъ вѣдомствъ не могъ сказать съ точностію—сколько штрафовъ было наложено, сколько взыскано и куда они поступили. Кажется, одинъ только графъ *Бергъ* зналъ это...; говорю это потому, что слышалъ, что о всякомъ наложенномъ штрафѣ, о чемъ конечно ему доносили тотчасъ, онъ записывалъ въ особенную, собственно свою и при томъ собственноручно, книжку.

Пришедши къ *Минквицу*, я передалъ ему предложеніе *г. Тренова*, говоря, что пора уничтожить этотъ бевпорядокъ, соединенный со значительной перепиской и съ невозможностію какого либо контроля.

— А въ состояніи ли вы справиться съ этимъ? Да прежде всего скажите мнѣ: знаете ли вы куда идутъ деньги, взысканныя въ штрафъ?

— Куда? Я навѣрное не знаю, отвѣчалъ я, Думаю, что въ казначейство, потому что иногда изъ донесеній уѣздныхъ начальниковъ вижу, что они отосланы въ губернское правленіе.

Надо вамъ сказать, что по прежнему устройству счетной части въ *Польшѣ*, казначейства принадлежали къ компетентности губернскихъ правленій, и чтобъ быть справедливымъ, долженъ прибавить, что отчетность была въ примѣрномъ порядкѣ...

— Хорошо! возразилъ *Минквицъ*; поступаютъ-то они въ губернское правленіе,—но куда затѣмъ расходуются?

— Вѣроятно, на общія государственныя надобности, какъ и всѣ суммы, поступающія въ казначейство? возразилъ я.

— Вотъ то-то что нѣтъ! прервалъ меня *Минквицъ*. Увѣряю васъ, что взыскавіе этихъ штрафовъ обязанность далеко не легкая и я душою радъ былъ бы отъ нея избавиться... но думаю, что передать вамъ ее нельзя, потому что у васъ не достанетъ на это способовъ... Много ли чиновниковъ у васъ въ управленіи, которые могли бы этимъ заниматься?

— Вся переписка о взыскаініи штрафовъ производится у меня въ департаментѣ, отвѣчалъ я, а такъ какъ другой департаментъ имѣетъ свои опредѣленныя и весьма значительныя обязанности, то и думаю, что кромѣ тѣхъ, которые служатъ въ моемъ департаментѣ, другихъ занять этимъ будетъ нельзя.

— А много ли ихъ?

— Да человекъ 15 чиновниковъ, да человекъ 20 или 25 писарей.

— Вотъ видите ли, я и правъ, говоря, что вамъ не сладить съ этимъ. У меня занимаются этимъ человекъ до 70 офицеровъ, не считая рядовыхъ. Вы можете быть не знаете, что на Повонскомъ полѣ есть бараки, оставшіеся пустыми за выходомъ войскъ—въ нихъ-то помѣщены семейства тѣхъ, которыхъ поляки, подорѣвая въ шпионствѣ или преданности къ русскому правительству повѣсили, разстрѣляли или уничтожили другимъ какимъ образомъ. Семейства эти состоятъ изъ женщинъ и дѣтей. Ихъ нѣсколько тысячъ. Русское правительство ихъ кормитъ и одѣваетъ. Надо приготовить имъ что ѣсть; приготовить чѣмъ одѣться... Надо заказывать или покупать холстъ, сукно, башмачки, чулочки, сапожки, что нибудь теплое для зимы, дрова, муку, масло... однимъ словомъ, все, что нужно для существованія. Есть-ли у васъ кому заниматься этимъ...

— Ужъ конечно нѣтъ! отвѣчалъ я.

— Вотъ видите ли.... И это все дѣлается изъ штрафныхъ денегъ... Повторяю вамъ, я бы радехонекъ избавиться отъ этой обузы.. первое. что отвлечены отъ своего настоящаго дѣла много офицеровъ и рядовыхъ, которые могли бы быть употреблены въ другомъ мѣстѣ, вторыхъ, потому что отчетность въ употребленныхъ деньгахъ, при мелочности расходовъ—вещь тяжелая. Передайте объ этомъ отъ меня Ѳеодору Ѳеодоровичу; вѣроятно онъ самъ согласится, что принять ему это на себя—врядъ ли можно.

Тѣмъ это дѣло такъ и кончилось. Сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ нигдѣ не было еще въ печати. Я радъ душевно, что мнѣ первому удастся сдѣлать извѣстнымъ эту благородную черту русскаго правительства. Не помню, гдѣ-то я читалъ, что такихъ призываемыхъ поляками шпеговъ, т. е. шпионовъ (кажется, большею частію евреевъ и другихъ несчастныхъ),—поляками умерщвлено было до 800 человекъ, (полагая только по 3 человека на семейство, а ихъ, у евреевъ особенно, всегда гораздо больше) составитъ около 3 тысячъ душъ, всѣхъ возможныхъ возрастовъ. Одѣтъ и прокормить такую семейку, дѣйствительно, надо много хлопотъ.

Чья была мысль содержать этихъ сиротъ, этихъ несчастныхъ жертвъ политическаго фанатизма—не знаю. Думаю, что скорѣе всего

она могла принадлежать графу Бергу, но чтобъ содержать ихъ на счетъ штрафовъ, взыскиваемыхъ съ тѣхъ, кто были ихъ убійцами,— что эта мысль принадлежитъ ему—это несомнѣнно. Вспоминая о наружно-спокойномъ, привѣтливомъ и мнимо-добродушномъ графѣ Бергѣ, вновь обращаюсь къ его сотруднику—Ф. Ф. Трепову. Раздражительный, скорый, вѣчно въ тревогѣ, вѣчно торопящійся, неутомонный, неутомимый, чувствительный и боящійся показать эту чувствительность, чтобъ не причли ее къ слабости, далеко не дипломатъ, нѣсколько грубый, честный, не любящій косвенныхъ путей, нѣсколько подозрительный и недоувѣрчивый,—вотъ вамъ портретъ этого человѣка, по моимъ понятіямъ, принесшаго огромную пользу въ то тяжелое, смутное время.

Нельзя при этомъ не сказать, что по городу Варшавѣ Треповъ нашелъ себѣ помощника въ оберъ-полицмейстерѣ Фредериксѣ. Въ 6 съ небольшимъ лѣтъ, какъ мнѣ говорили, попавши изъ штабсъ-капитановъ въ генераль-майоры, онъ заслужилъ эти эполеты въ какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ: самъ онъ говорилъ мнѣ, что въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ онъ спалъ не болѣе 2-хъ или 3-хъ часовъ въ сутки и этому можно было повѣрить, смотря на его блѣдное, осунувшееся лицо; идя, онъ шатался, до того былъ слабъ. Порядокъ въ его безчисленныхъ канцеляріяхъ былъ удивительный; точность почти невѣроятная. Въ продолженіи 6 мѣсяцевъ 1864 года общій номеръ его канцелярій доходилъ до 96 тысячъ и ни одна бумага не была вздорною отпиской, но давала удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ. Списки арестованныхъ, списки состоящихъ подъ надзоромъ, списки высланныхъ—все было въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы это было въ самое спокойное время, какъ будто Фредериксъ, только этимъ и занимался. А между тѣмъ онъ скакалъ изъ конца города въ другой; ночью производилъ аресты, обыски, повѣрки часовымъ—однимъ словомъ, онъ былъ всюду—только не въ своей постелѣ. Какъ онъ успѣвалъ дѣлать все это—это его секретъ: я могу засвидѣтельствовать только, что все это самая строгая истина.

Все Царство Польское, не исключая августовской губерніи, которая какъ, вѣроятно помнятъ, причислена была къ сѣверо-западному краю и состояла подъ вѣдѣніемъ графа Муравьева, была раздѣлена на 9 главныхъ отдѣловъ, а эти въ свою очередь раздѣлялись на уѣзды. Въ каждомъ отдѣлѣ и въ каждомъ уѣздѣ были военные начальники, уѣздные, конечно, были подчинены начальникамъ главныхъ отдѣловъ и косвеннымъ образомъ генераль-полицмейстеру.

Не смотря на учрежденіе этихъ военныхъ начальниковъ, вся администрація, существовавшая до мятежа, оставалась на своемъ мѣстѣ;

уѣздные военные начальники только наблюдали за ними, не вмѣшиваясь прямо въ дѣла этой общей администраціи, выходящей изъ круга ихъ обязанностей, а также въ дѣла судебныя, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя имѣютъ политическій характеръ. Затѣмъ имъ предоставлено было право надзора за всѣмъ, что происходило въ уѣздѣ: открывать шайки, притоны, типографіи, налагать штрафы, выдавать свидѣтельства на полученіе заграничныхъ паспортовъ, виды на отлучку землевладѣльцамъ далѣе 20-ти верстъ отъ мѣста жительства, отобрание оружія, производить обыски, наблюдать за почтами и производить имъ ревизіи, производить вырубку лѣсовъ, гдѣ они могли служить притономъ для шаекъ, учреждать сельскіе караулы и проч. Въ случаѣ появленія мятежническихъ шаекъ, они, не трогаясь сами съ мѣста, обязаны были извѣщать объ этомъ начальниковъ войскъ. Имъ же подчинены были мѣстныя жандармскія, инвалидныя и этапныя команды.

Все это было въ подробности наложено въ инструкціи, утвержденной намѣстникомъ 8-го (20-го) января 1864 г.

Не смотря на то, что Августовская губернія была причислена къ Сѣверо-Западному краю, жандармерія въ ней оставалась въ подчиненіи Трепову, какъ начальнику жандармскаго округа. Донесенія отъ тамошняго штабъ-офицера Треповъ иногда давалъ читать мнѣ. По словамъ этихъ донесеній, тамъ все основано было на страхъ и ужъ конечно далеко не походило на тотъ порядокъ умиротворенія, какой былъ принятъ въ Варшавѣ.

Въ одинъ прекрасный день, Ѡ. Ѡ. Треповъ вдругъ спросилъ меня:

— Читали вы послѣдній номеръ «Московск. Вѣдомостей», въ которомъ восхваляется порядокъ, принятый въ Сѣверо-Западномъ краѣ?

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Прочтите, продолжалъ онъ, — и ежели вы находите, что порядокъ, принятый у насъ, лучше, — то попробуйте доказать это. А для того, чтобъ вамъ быть au courant того, какъ ведется дѣло въ Августовской губерніи, приходите ко мнѣ обѣдать — вы встрѣтите тамошняго штабъ-офицера жандармовъ — полковника Г. Онъ вамъ изустно можетъ объяснить то, чего вы, можетъ быть, хорошо и не знаете.

За обѣдомъ онъ посадилъ меня рядомъ съ полковникомъ (помнится, Голубевъ) и такъ какъ въ предложеніи Трепова написать отвѣтъ «Московск. Вѣдомостямъ» — я видѣлъ или желаніе самаго намѣстника, или желаніе Трепова угодить намѣстнику, то я и составилъ статью, которая и была напечатана въ одной изъ большихъ газетъ въ Петербургѣ, въ формѣ руководящей статьи.

Когда статья эта, напечатанная, какъ выше сказано, въ одной изъ газетъ Петербургскихъ, получена была въ Варшавѣ (такъ ли она была напечатана, какъ послана была мною,—я не помню) Павлицевъ отвезъ ее къ графу Бергу. Прочитавши ее, онъ, не говоря ни слова, заперъ ее въ свое бюро.

Какъ сказано въ статьѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что самою дѣйствительною мѣрою къ прекращенію (не къ подавленію, замѣтьте) мятежа было уничтоженіе зависимости крестьянина отъ пановъ. Чего ни дѣлали паны, чтобъ поддерживать эту зависимость! Не было нелѣпости, которой бы они ни выдумали, чтобъ поддерживать политическій фанатизмъ. Можно ли повѣрить, напр., что въ народныхъ школахъ, крестьянскимъ ребятишкамъ съ кафедры внушали, что первые два человѣка, Адамъ и Ева, были поляки и такъ какъ отъ нихъ произошелъ весь родъ человѣческій, то всѣ народы міра должны быть обязаны полякамъ за свое происхожденіе, а ежели обязаны жизни, то и обязаны ихъ защищать,—и что тѣ, которые не дѣлаютъ этого, отцеубійцы, заслуживающіе смерть. И не только дѣтей трудно было увѣрить, что это вздоръ; даже взрослые, особенно женщины, повторяли эту нелѣпость, какъ она ни глупа,—и ей безусловно вѣрили.... Стоитъ прочесть молитвы, сочиненныя для этого времени, которыя съ приличными картинками тысячами распускались въ народѣ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ, въ переводѣ, конечно:

МОЛИТВА.

„Всемогуцій и всеблагій Боже Іисусе Христе, избавитель нашъ, котораго чудеса и всемогущества ни одинъ языкъ выразить не можетъ; который единымъ словомъ воскресилъ дочь Іанра, младенца въ Наннѣ и Лазаря! Ты Боже, который всегда избавлялъ отъ бѣды, на охрану котораго надѣются народы, святыи Боже, святыи вѣрпкій, святыи безсмертныи, умилосердись надъ нами! Возри окомя милосердія на мученія насъ бѣдныхъ отъ лютаго врага. Мы дѣти твои, нашъ Отче, возносимъ къ тебѣ длани, мы тонемъ въ крови и слезахъ; охрани насъ десницею своею отъ врага, угрожающаго намъ, говоря: гдѣ же Богъ вашъ, къ которому вы взываете? Внемли, милосердый отецъ, нашимъ моленіямъ, учини чудо для бѣдныхъ сиротъ, гонимыхъ въ собственной землѣ и какъ нѣкогда воскрешалъ мертвыхъ, такъ и теперь изреки всемогущее слово: Возстань! и возстанетъ Польша въ хваленіи и славѣ, вопреки врагамъ Твоего имени и будемъ Тебя славословить всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Картинка, на оборотѣ которой напечатана эта молитва, изображаетъ воскресеніе дочери Іанра.

Есть еще у меня картинка, изображающая толпу безоружных повстанцев, которых колят пиками, съ двухъ сторонъ, ряды русскихъ солдатъ, а другіе ряды стоятъ кругомъ, чтобъ никто не могъ укрыться отъ смерти. Многие ужъ попадали, другіе съ мужествомъ ожидаютъ смерти. Подпись подъ картинкой: умерщвление 60 безоружныхъ повстанцевъ на Литвѣ, и стихи:

Zbójcy, sierpaczę, nikczemni morderce!
 Tygrysie u was, a nie ludzkie serce.
 Hańba wam wieczna okrutni zbrodniarze.
 Chańba ci podły i zdradziecki carze!
 Przeklęta ziemo, matko podłych dzieci,
 Wolność prawdziwa tobie nie zaświeci!
 Odrzycie nędzni cara niwolnicy!
 Jest jeszcze Sędzia na niebios stolicy!
 On was ukarze, a wdanej godzinie,
 Gdy cierpliwości ludów kres przeminie.
 Kiedy wam zginąć będzie osadzono
 Piekło się wzdrygnie przyjąc waws swe (?) łono.

Само собою разумѣется, что подобнаго избіенія безоружныхъ и нѣкоторыхъ на колѣняхъ никогда не было, да и не могло быть со стороны военнаго начальства, такъ какъ на картинѣ представлены и офицеры, и главные начальники верхомъ, вѣроятно приказавшіе эту рѣзню, чтобъ придать больше вѣроятности выдумкѣ.

Въ письмѣ архіепископа Фелинскаго къ государю императору прямо высказывается желаніе, чтобъ Польша была независима и соединена съ Россією только посредствомъ династии и только такимъ способомъ можно остановить пролитіе крови и прибавляется, что Польша не можетъ удовлетвориться административной автономіей, она требуетъ политической жизни. Каждый прошедшій день увеличиваетъ пропасть между трономъ и народомъ.

Ежели не ошибаюсь, Фелинскимъ было запрещено звонить въ церквахъ въ колокола въ знакъ траура по отчизнѣ. Мнѣ случилось быть у графа Берга, когда пріѣхалъ къ нему епископъ, замѣнившій Фелинскаго. Онъ пріѣзжалъ къ нему съ извѣщеніемъ, что онъ разрѣшилъ звонить въ колокола, надѣясь вызвать благодарность графа. Бергъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ придавать этому дѣлу какую либо важность и, какъ тогда говорили, отвѣчалъ ему, что это хорошо, но что онъ не придаетъ этому какого нибудь особаго значенія и что они могутъ звонить или не звонить, онъ предоставляетъ это совершенно на ихъ усмотрѣніе....

Я говорилъ выше, что изъ управления генералъ-полицмейстера, я, по приглашенію цензора и редактора польскаго Варшавскаго Дневника, перешелъ въ редакторы русской правительственной газеты, которая тоже должна была называться: «Варшавскимъ Дневникомъ».

XI.

Закревскій былъ заклятой противникъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія, онъ даже не допускалъ возможности осуществленія этого и считалъ всякаго челоуѣка, желавшаго этого уничтоженія, ежели не революционеромъ, то по крайней мѣрѣ самымъ опаснымъ мечтателемъ. — Вотъ одинъ изъ случаевъ, доказывающихъ взглядъ его на это дѣло:

Въ 1858 году былъ въ Москвѣ губернскимъ предводителемъ гусарскій полковникъ, Петръ Петровичъ Воейковъ. Это былъ челоуѣкъ рыцарски честный, прямой, прямодушный, недопускающій даже возможности какой бы то ни было сдѣлки со своей совѣстью; къ нему ближе всего можно было примѣнить извѣстный девизъ Байрда: «челоуѣкъ безъ страха и упрека».

Вскорѣ послѣ заявленнаго дворянствомъ Литовскихъ губерній желанія освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, государь Александръ II изволилъ пріѣхать въ Москву, и увидавши его вмѣстѣ съ предводителями дворянства во время выхода въ кремлевскомъ дворцѣ, сказалъ ему, что онъ недоволенъ московскимъ дворянствомъ, что въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ оно было ни первымъ, ни вторымъ и даже ни третьемъ, и что это ему прискорбно вслѣдствіе того, что онъ любитъ Москву, потому что въ ней родился и полагалъ, что она первая отзовется на его желаніе.

Какъ истинно вѣрнопопданнаго, слова эти глубоко огорчили Воейкова. Онъ прямо изъ дворца бросился къ Закревскому, рассказавъ ему то, что слышалъ отъ Государя и объявилъ, что онъ сейчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе о созывѣ дворянъ Московской губерніи для объявленія имъ того, что удостоился слышать отъ Государя. Тогда Закревскій формально, какъ генералъ-губернаторъ, запретилъ ему созывать дворянъ и прибавилъ, что освободить крестьянъ невозможно, что это минутная вспышка и что Государь Императоръ самъ, и даже въ скоромъ времени, отмѣнитъ свое рѣшеніе.

Не считая себя въ правѣ послѣ такого формальнаго запрещенія Закревскаго, какъ своего ближайшаго начальника, созывать дворянъ, онъ, созвавъ къ себѣ на квартиру предводителей дворянства, соста-

вилъ вмѣстѣ съ ними записку о томъ, что они слышали отъ Государя, и эту записку передалъ Закревскому съ просьбою представить ее на усмотрѣніе государя. На это онъ получилъ отъ Закревскаго слѣдующую бумагу (смотри далѣе на стр. 546). Одинъ изъ предводителей, ярый защитникъ крѣпостнаго права, (не хочу называть ни фамиліи его, ни уѣзда), сталъ рассказывать объ этомъ происшествіи и о словахъ государя въ превратномъ видѣ, и это дошло до свѣдѣнія его величества. На замѣчанія, сдѣланныя государемъ по этому поводу Воейкову, Воейковъ отвѣчалъ просьбою дозволить ему изложить слышанныя имъ слова на бумагѣ и повергнуть записку объ этомъ на благоусмотрѣніе его величества. Государю императору благоугодно было изъявить на это свое согласіе.

Записка, представленная государю, была слѣдующаго содержанія (смотри приложение, бук. А.). Государю благоугодно было на верху этой записки начертать слѣдующія слова: «съ прибавленными мною карандашемъ словами совершенно такъ».

Въ слѣдующую затѣмъ зиму происходили въ Москвѣ дворянскіе выборы; на этихъ выборахъ Воейковъ снова былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ на четвертое трех-лѣтіе громаднымъ большинствомъ. По нашимъ законамъ на должность губернскаго предводителя избираются два кандидата, изъ которыхъ одинъ утверждается государемъ императоромъ по его личному усмотрѣнію. Въ виду громаднаго большинства бѣлыхъ шаровъ у Воейкова, ни одинъ изъ уѣздныхъ предводителей не пожелалъ балотироваться въ кандидаты, изъ опасенія быть забалотированнымъ. Тогда Воейковъ, боясь, чтобы выборы не остались несостоявшимися, сталъ просить князя Льва Николаевича Гагарина, какъ попечителя гимназій, позволить балотировать себя, и князь Гагаринъ изъявилъ на это свое согласіе. Хотя князь и былъ выбранъ, но вслѣдствіе состоявшагося передъ балотировкой соглашенія, количество бѣлыхъ шаровъ у князя Гагарина несравненно было меньше, нежели у Воейкова.

Тѣмъ не менѣе государю императору благоугодно было утвердить не Воейкова, а князя Гагарина.

Эта явная немилость Государя такъ глубоко огорчила Воейкова, что онъ сталъ тосковать, заболѣлъ, бросилъ всѣ свои дѣла и уѣхалъ съ семействомъ въ южную Францію, гдѣ и поселился въ окрестностяхъ По въ Пиренейскихъ горахъ. Тамъ прожилъ онъ около полутора года. Воротившись въ Россію, онъ, какъ знатокъ въ лошадахъ, самъ заводчикъ, состоявшій много лѣтъ предсѣдателемъ скаковаго общества въ Москвѣ, былъ опредѣленъ по управленію государственнаго коннозаводства и уже на смертномъ одрѣ получилъ Станислав-

скую ленту, въ которой прежде ему было отказано и замѣнено орденомъ св. Владиміра 3-й степени, что Закревскій объяснялъ тѣмъ, что орденъ Владиміра 3-й степени государь императоръ ставить выше Станиславской ленты, чему Воейковъ, конечно, не повѣрилъ и приписалъ это его проискавъ.

Когда получено было свѣдѣніе о томъ, что государю было угодно утвердить предводителемъ князя Гагарина, а не Воейкова, Воейковъ получилъ отъ дворянъ Можайскаго уѣзда слѣдующій адресъ: (смотри приложение В.).

А. Слова, сказанныя императоромъ Александромъ II предводителю дворянства, и приблизительно изложенныя 31-го августа 1858 г.

— «Мнѣ гг. всегда пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но протавъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ, я всегда говорю правду, и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ премѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобы оно лучше началось сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ, и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что Московское дворянство первое отзовется, но отозвалось Нижегородское, а Московская губернія ни первая, ни вторая, даже и ни третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю и теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала, и отъ нихъ никакъ не отступлю. (Здѣсь Государь изволилъ повторить главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ).

— «Я люблю дворянство, считаю его первою опорю престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотреть вся Россія. Я готовъ всегда дѣлать для васъ, что могу; дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли гг.? Я слышу, что комитетъ многое уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченіе изъ его занятій;—многое мнѣ кажется хорошо;—одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю землю. Еще разъ повторяю гг., дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять, этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность».

На копіи со словъ, сказанныхъ государемъ, его величество надписалъ:

«Съ прибавленными мною карандашемъ словами совершенно такъ».

Б. Управление Московскаго военнаго генераль-губернатора. По секретной части. Москва. 1-го сентября 1858 г. № 988. Господину Московскому губернскому предводителю дворянства.

Я имѣлъ счастье довести сегодня утромъ до свѣдѣнія государя императора, что гг. предводители дворянства, послѣ вчерашняго представленія его величеству, собравшись въ квартирѣ в. п., поспѣшили записать приблизительно высочайшія слова, для внесенія акта о томъ въ Московскій губернскій комитетъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Затѣмъ, согласно высочайшей волѣ, получа отъ васъ помянутую записку, въ томъ самомъ видѣ, какъ она составлена была вчера, я сего же числа представилъ оную его величеству.

Государь императоръ, разсмотрѣвъ помянутую записку, изволилъ возвратить мнѣ ее, предъ высочайшимъ отъѣздомъ своимъ отсюда, съ нѣкоторыми немногими собственноручными добавленіями и надписью сверху: «Съ прибавленными мною карандашемъ словами совершенно такъ». Актъ сей спѣшу препроводить къ вашему превосходительству для объявленія гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и внесенія въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу. Московскій военный генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ графъ Закревскій.

В. Письмо дворянъ къ П. П. Воейкову.

Милостивый государь, Петръ Петровичъ. Можайскіе дворяне, считая себя неотъемлемою частью большой семьи московскихъ дворянъ, выборомъ своимъ, совмѣстно съ прочими уѣздами, указали на васъ, какъ на главу и представителя своихъ правъ.

Суждено было иначе; но нѣкто не въ правѣ заставить насъ измѣнить наши убѣжденія въ нашемъ правѣ.—А поэтому можайскіе дворяне и теперь, и послѣ не могутъ не считать васъ за человѣка, который въ самое трудное время шелъ неуклонно по пути чести и правды, безъ страха и упрека, къ цѣли благородной и святой; а это и есть въ настоящее время истинный девизъ губернскаго предводителя дворянства.

Позвольте же, Петръ Петровичъ, намъ, близкимъ свидѣтелямъ вашихъ дѣлъ, сказать вамъ русское „спасибо“ за прошлое, и, выразивъ при этомъ наше глубокое огорченіе о несбывшихся надеждахъ нашихъ, пожелать вамъ въ грядущемъ много дней, въ которые вы среди насъ несомнѣнно будете, какъ и прежде, безустанно трудиться на пользу и благо нашей родины.

(Слѣдуютъ подписи фамилій двадцати пяти человѣкъ дворянъ Можайскаго уѣзда.)

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Письма къ гр. П. А. Толстому.

1828—1831 гг.

Графъ Петръ Александровичъ Толстой, нѣкоторыя письма къ которому отъ императора Николая ниже сего приводятся, родился въ 1761 г., и поступилъ въ военную службу въ 1775, капраломъ л.-гв. Преображенскаго полка. Еще въ очень молодыхъ годахъ онъ сумѣлъ сдѣлать имя свое извѣстнымъ, участвуя въ бою при Мацѣвицѣ (гдѣ взятъ въ плѣнъ Костюшко) и при штурмѣ Праги, гдѣ, командуя двумя баталіонами, въ числѣ первыхъ ворвался на польскую батарею и раненъ былъ въ руку.—Въ 1799 г., будучи уже въ званіи генералъ-адъютанта, онъ, по приказанію императора Павла, отправился къ главнокомандовавшему австрійскою арміею въ Германіи, эрцгерцогу Карлу, для сношеній съ Суворовымъ, который всегда удостоивалъ Петра Александровича особымъ уваженіемъ.—Въ 1803 г. онъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; а въ 1806 г. ему поручено начальство надъ 20-ти тысячнымъ десантнымъ корпусомъ, посланнымъ въ сентябрѣ того же года, изъ С.-Петербурга и Ревели, въ сѣверную Германію, для дѣйствій, вмѣстѣ съ шведскими, англійскими и другими союзными войсками, противъ французовъ. Вслѣдствіе измѣнившихся, послѣ Аустерлицкаго сраженія, обстоятельствъ, вся эта армія разошлась и корпусъ гр. Толстаго вернулся въ Россію.

Въ началѣ войны 1806 и 1807 годовъ, графъ Петръ Александровичъ былъ посланъ въ Берлинъ и Эрфуртъ, чтобъ состоять при особѣ короля прусскаго и объявлять его волю русскимъ войскамъ, слѣдовавшимъ на помощь пруссакамъ. Послѣ разгрома послѣднихъ, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, Толстой вернулся въ Россію, засѣдалъ въ военномъ совѣтѣ, обсуждавшемъ планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, и потомъ, въ званіи дежурнаго генерала, былъ отправленъ въ армію, вступившую въ восточную Пруссію. Кромѣ обязанностей своей должности, онъ имѣлъ порученіе соглашать мнѣнія и мѣры враждовавшихъ между собою корпусныхъ командировъ, Беннингсена и гр. Буксегвена и доносить о всемъ Государю. По назначеніи Беннингсена главнокомандующимъ, Толстой продолжалъ занимать при немъ мѣсто дежурнаго

генерала; отличался въ кровавомъ бою при Прейсишъ-Эйлау и потомъ временно командовалъ 6-ю пѣхотною дивизіею, вторымъ резервомъ арміи и корпусомъ заболѣвшаго генерала Тучкова.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира Толстой отправленъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ (въ октябрѣ 1807), гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ принятъ былъ Наполеономъ, всячески старавшимся убѣдить его въ своей дружбѣ къ Россіи. Петръ Александровичъ не поддался однако этимъ обольстительнымъ увѣреніямъ, но яснымъ умомъ своимъ тотчасъ понялъ и разоблачилъ передъ правительствомъ замыслы повелителя Франціи; писалъ, что всѣ его дружескія увѣренія лицемерны, умолялъ не довѣрять имъ, а готовиться заранѣе къ отпору, и предсказывалъ близкое вторженіе завоевателя въ наши предѣлы. Такого рода посолъ, конечно, не могъ быть подходящимъ для Наполеона, который, при свиданіи съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ, вѣроятно, убѣдилъ Государя смѣнить его, потому что вскорѣ послѣ того, (въ октябрѣ 1808 г.) Толстой былъ отозванъ изъ Парижа. Затѣмъ онъ удался отъ дѣлъ и жилъ въ Москвѣ до 1812 г., когда, особымъ высочайшимъ рескриптомъ (17 іюня) назначенъ былъ воинскимъ начальникомъ въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Сибирской и Вятской. При изгнаніи непріятеля изъ Россіи, онъ посланъ былъ, съ сформированнымъ имъ ополченіемъ, къ западнымъ предѣламъ нашимъ; затѣмъ вступилъ въ Германію и принималъ участіе въ войнѣ 1813 г.—Послѣ осады Гамбурга, онъ возвратился въ Россію, гдѣ сформированное имъ ополченіе распущено было по домамъ.

Последніе годы царствованія императора Александра, гр. Толстой провель въ Москвѣ, командуя 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, по востшествіи же на престолъ императора Николая вызванъ былъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь, въ качествѣ члена государственнаго совѣта, онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ правленія; въ отсутствіе Государя, во время турецкой войны, былъ главнокомандующимъ С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ, а въ 1831 г. сформировалъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ резервную армію и, бывъ назначенъ ея главнокомандующимъ, въ короткое время усмирплъ возстаніе въ Литвѣ и очистилъ ее отъ вторгнувшихся туда польскихъ корпусовъ Гелгуда и Хлаповскаго, которые отброшены были за прусскую границу. Въ 1836 году онъ временно исправлялъ должность московскаго военнаго губернатора, при отъѣздѣ за границу князя Д. В. Голицына, и потомъ снова возвратился въ своимъ занятіямъ государственными дѣлами. Онъ умеръ скоропостижно, въ Москвѣ, 28 сентября 1844 г., и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Два изъ ниженапечатанныхъ писемъ къ графу Петру Александровичу Толстому, отъ императора Николая, относятся къ эпохѣ турецкой войны 1828—29 гг., остальные же писаны ему во время польскаго возстанія, когда онъ занятъ былъ организациею резервнаго корпуса и труднымъ дѣломъ усмиренія мятежниковъ, поддерживаемыхъ сильными отрядами регулярныхъ польскихъ войскъ.

I.

Одесса, 4-го августа 1828 г.

Не взыщи, любезный Петръ Александровичъ, что я тебѣ все это время не писалъ; но точно, досугу не было. Я радуюсь добрымъ вѣстямъ, которыя вы мнѣ сообщаете и, благодаря вамъ, надѣюсь—когда Богъ дастъ возвращусь—найти все въ желаемомъ порядкѣ.—Здѣсь, т. е. въ арміи, я все оставилъ въ наилучшемъ видѣ, и послѣ меня все идетъ хорошо. Подъ Варной наши моряки опять отличились самымъ блестящимъ образомъ. Я здѣсь погоняю резервы, въ которыхъ наступаетъ нужда, ибо больные у насъ умножаются, а при томъ и убитые, и раненые. Если не дастъ Богъ намъ скорого мира, нельзя будетъ обойтись безъ набора рекрутъ въ генварѣ.—Я намѣренъ пробыть здѣсь до 20-го числа, послѣ чего поѣду опять моремъ въ Варну, или Коварну и примкну къ гвардіи, съ которою пойду туда, гдѣ удобнѣе будетъ дѣйствовать, или нужнѣе подкрѣпить. *L'homme propose, Dieu dispose*; а потому, я ничего не предсказываю о послѣдствіяхъ войны и съ покорностію и полною надеждою на Бога жду исполненія Его воли.

Всѣмъ нашимъ прошу поклониться отъ меня. Прощайте и вѣрьте искренней дружбѣ стараго друга Николая.

II.

Берлинъ, 27 мая 1829 г.

Любезный Петръ Александровичъ, вчера получилъ я письмо Дибича, а сегодня твой, совершенно одного содержанія; отвѣтъ на оба слѣдующій: если, по личномъ осмотрѣ твоёмъ, найдешь ты резервныя войска, на твоей дорогѣ въ Яссы, въ томъ видѣ, чтобы—не уничтожа фундаментъ будущаго резервнаго формированія—можно было нынѣ же двинуть обѣщанное въ августъ число, или близкое къ оному, къ арміи,—то судя по онымъ о состояніи и прочихъ, разрѣшаю симъ тебѣ: велѣть всему двинуться, кромѣ артиллеріи, на счетъ которой ожидать особаго повелѣнія. Здѣсь все прекрасно, и мы какъ въ своей семьѣ. Твой на вѣки Н.

III.

С.-Петербургъ, 23 апрѣля 1831 г.

Письмо твое, любезный Петръ Александровичъ я получилъ вчера, съ кн. Урусовымъ; желаю, чтобъ и впередъ вѣсти твои были также хороши. Надо обратить строгія мѣры на каналѣй въ Люцинскомъ

уѣздѣ, и прошу не упустить сего изъ вида.—Сегодня ѣдетъ къ тебѣ Савояни. Надо ему скорѣе приняться за свое дѣло и успѣшнѣе приступать къ формированію резервовъ,—въ томъ числѣ и гвардіи, которая въ жалкомъ положеніи, по словамъ Милеулина.

Храповицкій ¹⁾, какъ будто умеръ: ни отъ него, ни отъ Хилкова ²⁾ ничего не знаю. Надо тебѣ ихъ всѣхъ разбудить и дать скорѣйшее и сильнѣйшее всему направленіе. Не мѣшало бы хоть часть 4-го корпуса пѣхоты двинуть на подводахъ, чтобъ скорѣе имѣ смѣнить войска 2-го корпуса, которія нужны въ арміи. Чернышевъ тебѣ про все пишетъ; прошу только чаще мнѣ доставлять свои извѣстія. Сегодня видѣлъ я рекрутъ Псковскихъ въ 3-й гренадерской дивизіи—весьма посредственныхъ; изъ нихъ до 100 чел. не могъ оставить въ грендерахъ и велѣлъ отправить въ Ригу, въ баталіоны 1-го корпуса, съ тѣмъ, что бы столько же велѣлъ ты выбрать хорошихъ рекрутъ изъ остальныхъ, туда назначенныхъ, въ гренадеры.

Вотъ и все. Прощай и не забывай. Твой на вѣки Н.

Нашимъ мой поклонъ.

IV.

С.-Петербургъ, 29 апрѣля 1831 г.

Извѣстія, вами мнѣ сообщенныя, любезный Петръ Александровичъ, мнѣ были весьма пріятны. Но надо обратить все вниманіе ваше, дабы наипоспѣшнѣе кончить мятежъ въ Минской губерніи и съ большымъ порядкомъ докончить усмиреніе Литвы; съ сей стороны послышка П. Коцебу будетъ весьма полезна. Бар. Паленъ ³⁾ дѣйствуетъ медленно и безъ всякой рѣшимости. Последнія извѣстія Храповицкаго, отъ 21-го числа, доказываютъ, что и Хилковъ хотя дѣйствуетъ, но также безъ общей цѣли; что же Отроценко ⁴⁾ въ Опшянахъ предпринялъ, я еще менѣе понимаю. Надо все направить къ одной цѣли и къ одной сторонѣ тѣснить бунтовщиковъ.—Не мѣшаетъ также велѣть мелкимъ начальникамъ болѣе бунтовщиковъ самимъ не разстрѣливать, а отсылать къ суду, въ Вильну, Динабургъ и Минскъ, гдѣ

¹⁾ Литовскій военный губернаторъ.

²⁾ Князь Хилковъ командовалъ 1-ю уланскою дивизіею и дѣйствовалъ противъ мятежныхъ шаекъ, въ Литвѣ.

³⁾ Баронъ Паленъ—лифляндскій генералъ-губернаторъ, принимавшій тоже, съ вѣренными ему отрядомъ войскъ, участіе въ дѣйствіяхъ противъ литовскихъ шаекъ.

⁴⁾ Генералу Отроценко поручено было очистить Опшянскій уѣздъ и дороги въ Гродно и Минскъ.

и кончатъ надъ ними судъ и приговоръ, съ твоей конфирмаціей,—если дѣло терпѣть; а въ однихъ крайнихъ случаяхъ разстрѣливать на мѣстѣ.—Бунтъ, начавшійся въ Умани, надѣюсь, благоразумными мѣрами ген. Сакена и ген. Эжелна скоро утихнетъ; тѣмъ болѣе, что Дверницкій уже кончилъ свое гарцованіе ¹⁾.—Рекомендую особенному попеченію формироваіе резервовъ: оно важнѣе, чѣмъ когда либо; и свѣдѣнія объ успѣхахъ по сей части прошу сообщать съ каждой почтой, равно какъ и списочное состояніе оныхъ. Здѣсь новаго ничего нѣтъ и все идетъ хорошо и успѣшно. Прошу чаще писать. Всѣмъ нашимъ кланяюсь.

Обнимаю васъ сердечно. Н.

V.

30 апрѣля 1831 г.

А праксинъ везетъ письмо сіе. Сейчасъ получилъ весьма неприятное извѣстіе о занятіи бунтовщиками Дисны. Какъ могъ оттуда баталіонъ Могилевскій быть вытѣсненъ — мнѣ непонятно. Надо какъ наискорѣе вновь очистить пунктъ сей и обезпечить впредь судоходство по Двинѣ, иначе сіе будетъ имѣть самое несчастное вліяніе на торговлю въ Ригѣ. Обратите на сіе все ваше вниманіе.—Желательно бы было ускорить приходъ 6-й гусарской дивизіи и хотя части пѣхоты 4-го корпуса, дабы скорѣе усмирить Минскую губернію, а потомъ и Литву; ибо хотя и донесено сегодня, что Хилковъ открылъ сообщенія Вильны съ Динабургомъ, но надо оное упрочить, успокоивъ край.

Отъ Палена все ничего нѣтъ, кромѣ слуховъ, что онъ соединился съ Ширманомъ ²⁾ послѣ взятія симъ послѣднимъ Шавли. Настоятельно прошу чаще писать.

VI.

С.-Петербургъ, 2-го мая 1831 г.

Письмо твое, любезный Петръ Александровичъ, получилъ я вчера поутру. Повторяю мое неотступное требованіе, какъ наискорѣе очистить Дисну и обезпечить весь ходъ по Двинѣ; это необходимо по

¹⁾ Польскій генераль Дверницкій, вторгнувшійся въ Волинскую губернію, былъ разбитъ Ридигеромъ и вынужденъ бѣжать въ Галицію, гдѣ отрядъ его былъ обезоруженъ.

²⁾ Генер.-лейт. Ширманъ командовалъ особымъ отрядомъ и дѣйствовалъ, преимущественно, въ Ковенской губерніи.

всѣхъ отношеніяхъ.—Наконецъ получили мы, отъ 26-го, изъ Шавли извѣстіе отъ Палена, что онъ тамъ встрѣтился съ г. Сулимой¹⁾, принесшимъ съ собой холеру и пошедшимъ оттуда на Россію; а Паленъ пошелъ на Тельшу, боясь, по словамъ Ренненкампа²⁾, новаго, сильнаго покушенія на Полянгенъ. Такъ какъ уже почта иностранная второй день опаздываетъ, то я крайне опасуюсь, не удалось ли мятежникамъ завладѣть Либавой. Последнее было бы хуже всего, ибо раззорило бы городъ торговый, прервало наши сообщенія съ чужими краями и произвело самое дурное вліяніе. Если же точно такъ было, то сіе единственно приписать должно будетъ безтолковой медленности Палена; но я сего крайне опасуюсь.

Изъ арміи новаго ничего нѣтъ, кромѣ настоятельной просьбы. возвратить, елико можно поспѣшнѣе, войска 2-го корпуса.

Надѣюсь, что ты ускорилъ походъ 4-му корпусу, въ особенности гусарамъ. 13-я дивизія весьма слаба, и надо будетъ по приходѣ ея на мѣсто, подъ Вильну, укомплектовать рекрутами, изъ баталіоновъ 3-го корпуса.—Меня пуще всего сокрушаетъ замедленіе въ формированіи резервовъ пѣхоты. Пора кончить рѣшительно всѣ сіи бунты и, успокоивъ край, вознаградить потерянное время; ибо некомплектъ дѣйствующихъ войскъ ужасно возрастаетъ, даже въ гренадерскихъ, особенно—въ 3-й дивизіи. У нихъ было болѣе 400 больныхъ холерою на полкъ; но нынѣ слабѣетъ, и умершихъ не болѣе 6-й части.

Нашимъ всѣмъ кланяюсь. Прощай, не забывай и пиши почаще. Жена тебѣ кланяется. Твой на вѣки Н.

Съ каналий, взятыхъ въ плѣнъ, вели брать и присылай допросы ко мнѣ.

VII.

С.-Петербургъ, 9-го мая 1831 г.

Баронъ Паленъ донесъ мнѣ, любезный Петръ Александровичъ, что онъ, занявъ Тельшу, соединился въ Кретингенѣ съ г.-м. Ренненкампомъ и послалъ г.-м. Ширмана преслѣдовать мятежниковъ на Юрбургъ. Всѣ сіи распоряженія благоразумны; но такъ какъ бар. Паленъ боленъ и просилъ моего согласія на возвращеніе въ Ригу, сдаль Ширману команду надъ отрядомъ своимъ, то необходимо при-

¹⁾ Генералъ Сулима—начальникъ одного изъ нашихъ отрядовъ въ Литвѣ.

²⁾ Генералъ Ренненкампфъ, съ небольшимъ сборнымъ отрядомъ, защищалъ гор. Полянгенъ, а также принималъ, совмѣстно съ другими начальниками, экспедиціи противъ мятежныхъ шаекъ въ Ковенской губерніи.

вести все въ должное устройство, сходно принятому нами плану, т. е. дѣйствовать баталіонами 4-й дивизіи, а край занимать резервными баталіонами, дабы не развлекать ихъ и обратить къ формированію рекрутъ.— Не зная, что у тебя дѣлается, не могу рѣшить, можно ли тебѣ пріѣхать уже нынѣ въ Динабургъ; но считаю, что переносъ туда главной твоей квартиры будетъ весьма полезенъ, ибо не только сблизитъ тебя съ театромъ дѣйствій, но поставитъ въ центрѣ расположенія войскъ своей арміи. Сверхъ того, сіе мѣсто удобно для дальнѣйшаго направленія дѣйствій по усмиренію и дастъ надежду скорѣйшаго очищенія тракта на Вильну, который необходимо наипоспѣшнѣйше возстановить. Для облегченія способовъ формировки и въ особенности, для подновленія надежныхъ кадровъ резервныхъ баталіоновъ 1-го и 2-го корпусовъ, я велѣлъ сформировать при образцовомъ пѣхот. полку по одной ротѣ на каждый полкъ дѣйствующихъ дивизій сихъ корпусовъ,—что исполнится и скоро, и отлично. Симъ способомъ будетъ какъ бы основа къ 4-мъ баталіонамъ всѣхъ полковъ, на случай продолженія войны; а если сего не нужно будетъ, то дастъ вновь въ резервные баталіоны отличную основу. Вели Клейнмихелю увѣдомить меня, сколько готовится въ сіи баталіоны барабанщиковъ и горнистовъ при здѣшнемъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ. Назначивъ ген. Палена 2 командовать всею кавалеріею резервной арміи, прошу въ особенности употребить на успѣшное формирование резервовъ,—на что онъ очень способенъ и полнъ усердія.

Сейчасъ получилъ я письмо и донесенія ваши. Весьма радуюсь добрымъ вѣстямъ. Считаю нынѣ переносъ главной квартиры весьма удобнымъ. Комисіи учредить—какъ полагаете—подъ предсѣдательствомъ Энгеля, считаю полезнымъ; о томъ Чернышевъ напишетъ въ подробности. Изъ арміи все та же пѣсня: шагъ впередъ, шагъ назадъ. Крейцъ разбилъ вновь отрядъ, шедшій ему въ спину ¹⁾, но не могъ помѣшать ему достигъ Замость, куда скрылся, хотя въ разстроенномъ положеніи; теперь надо Ридигеру быть вновь осторожну. На Подоліи у насъ все не кончится; а пора бы очень.—Весьма хорошо будетъ, хотъ часть 2-го корпуса, особенно пѣхоты, возвратитъ къ арміи; иначе тамъ ничего не предпримуть и все ничего не будетъ. Прощу мнѣ чаще писать. Жена кланяется, а я обнимаю сердечно. Вашъ на вѣки П.

Всѣмъ нашимъ мой поклонъ.

¹⁾ Отрядъ этотъ находился подъ командою Хржановскаго и состоялъ изъ отборныхъ польскихъ войскъ. Онъ двинутъ былъ къ кр. Замость, для собранія свѣдѣній о Дверницкомъ и поданія ему, въ случаѣ надобности, помощи.

VIII.

С.-Петербургъ, 14-го мая 1831 г.

Изъ донесенія г. Дибича видѣлъ ты, любезный Петръ Александровичъ, положеніе дѣлъ въ арміи; минута рѣшительная, и съ помощію Божіею можно ожидать счастливаго оборота, если дѣйствовать, наконецъ, будутъ съ должною рѣшительностію. Михайло (sic) Павловичъ выпалъ съ честію и съ похвальнымъ искусствомъ изъ затруднительнаго положенія ¹⁾ и завлекъ поляковъ такъ далеко, что дастъ всѣ способы г. Дибичу ихъ разбить и отбросить отъ Буга. Дай Богъ успѣху!

Не понимаю, отчего ты мнѣ такъ рѣдко пишешь; между тѣмъ дѣла въ Литвѣ все не кончаются и, напротивъ, кажется мятежъ снова усиливается. Пора, очень пора это кончить и скорѣе воротить въ армію ей принадлежащія части.—Паленъ пошелъ на Юрбургъ, гдѣ долженъ быть и Сулима; но про него ни слуху, ни духу—не понимаю!—а между тѣмъ повади Палена вновь собираются сильныя шайки: также между Вильны и Динабурга, гдѣ съ трудомъ воротиться могъ посланный мною фельдъгеръ. По слухамъ, и въ Гроднѣ то же. Все это крайне непріятно. Неужели въ Дисненскомъ уѣздѣ все еще не кончено?—почти невѣроятно.

Софію Петровну видѣлъ я вчера: она здорова и похорошѣла, но жалуется, что ты ей не пишешь. Здѣсь все въ порядкѣ. Пожалуй, чаще пиши. Жена тебѣ кланяется. Твой на вѣки Н.

Нашимъ всѣмъ мой поклонъ.

IX.

Александрія близъ Петергофа, 19-го мая 1831 г.

Письмо твое, любезный Петръ Александровичъ, получилъ сегодня утромъ, въ одно время съ донесеніемъ г. Дибича изъ подъ Замброва. Упустивъ удобный случай уничтожить мятежниковъ, когда они погнались за гвардіею, онъ надѣется настичь ихъ еще при Наревѣ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь.

---

¹⁾ Противъ вел. князя Михаила Павловича, находившагося съ гвардейскимъ корпусомъ близъ Ломжи, направлена была главная польская армія, подъ начальствомъ Скржиницкаго, съ цѣлью разбить эти отборныя войска. Своевременнымъ, искуснымъ отступленіемъ и упорною обороною арріергарда, гвардія избавилась отъ грозившей ей опасности.

Ты хорошо сдѣлалъ, что двинулъ кавалерію; но еще будетъ лучше, когда отправишь пѣхоту 2-го корпуса къ арміи, ибо безъ того тамъ ничего не сдѣлаютъ; а войска въ Литвѣ набралось довольно. Весьма странно и непростительно, что никто ничего не знаетъ про отрядъ г. Сулимы. Глупѣе ничего не можетъ быть, какъ пропасть съ 2-мя баталіонами, 12-ю эскадронами и 16-ю орудіями. Хорошъ дивизионный командиръ!

Отъ Палена имѣю я донесенія изъ окрестностей Россіиенъ, куда онъ направился; и тамъ все идетъ тихо, медленно и безъ положительнаго плана. Пора все это кончить прочнымъ образомъ.

Такъ какъ про отрядъ г. Сакена, бывшій въ Ломжѣ, мнѣ ничего не извѣстно, то весьма можетъ быть, что поляки его отбросили и что такой же отрядъ пробираться будетъ на Литву, какой въ Бѣловѣжу. Надо сіе предупредить, или уничтожить, елико можно скорѣе. Желательно весьма, чтобы пѣхота 4-го корпуса успѣвала занять край, дабы не тревожить резервныхъ баталіоновъ, которымъ дѣла довольно. Гдѣ Савонни?—Были у меня вчера депутаты Витебскіе. Если словамъ ихъ вѣрить, то они всѣ вѣрны. Я имъ говорилъ откровенно и сильно; посмотримъ, что изъ сего выйдетъ; но мы столько имѣли примѣровъ вѣроломства, что я не знаю, кому изъ нихъ вѣрять можно. Ты мнѣ писалъ, что Гечевичъ взять; отецъ его здѣсь и почтенный старикъ; вели сына сюда прислать подъ строгимъ карауломъ и, если нужно, такъ и закованнаго; надо, чтобы онъ отъ отца всю правду выслушалъ, а потомъ найдемъ ему уголокъ. Убыль въ лошадяхъ въ арміи становится значительна; надо приступить къ формированію и вторыхъ конныхъ эскадроновъ; люди есть, лошадей должно купить; объ этомъ пишетъ г. Чернышевъ. Но такъ какъ пѣшіе люди и замороженные лошади г. Дибичемъ отосланы, въ кадрахъ, въ депо, то надо тебѣ послать ихъ осмотрѣть и узнать, сколько чего; а ему будетъ писано, ихъ тебѣ отправить, чтобы не было разныхъ дробныхъ командъ. Повторяю мою просьбу: чаще мнѣ писать. Прощай, любезный Петръ Александровичъ; жена моя тебѣ кланяется. Твой на вѣки Н.

Нашимъ всѣмъ мой поклонъ.

X.

Александрія, 21-го мая 1831 г.

Я получилъ сегодня письмо отъ Константина Павловича, при самомъ отъѣздѣ его изъ Слонима въ Минскъ. Онъ на сіе рѣшился потому, что посланный имъ офицеръ въ Бѣлостокъ, близъ Свислоча, попался въ плѣнъ патрулю корпуса Хлаповскаго, прорвавшася въ Бѣловежскую пушу; его тамъ очень хорошо приняли; онъ видѣлъ 4 эскадрона 1-го уланскаго полка, 4 орудія конной артиллеріи, нѣсколько иррегулярной кавалеріи и равныхъ полковъ сбродъ пѣхоты. При немъ пришло съ 200 равныхъ бродягъ, которые тотчасъ приняты въ службу. Хлаповскій ему далъ письмо къ княгинѣ Ловичъ, на сестрѣ которой онъ женатъ, и отпустилъ офицера къ брату, въ Слонимъ, сказавъ, что скоро оба главные тракта въ арміи будутъ пересѣчены. Это обстоятельство слишкомъ важно, чтобы сейчасъ принять сильныя мѣры, чтобы сему возбранить. Если ты не принялъ другихъ мѣръ, то сейчасъ прикажи, любезный Петръ Александровичъ, составить отрядъ изъ бригады кавалеріи, съ ротой конной артиллеріи, и баталіоновъ 2-хъ пѣхоты, и поручи въ команду кн. Хилкову, съ тѣмъ, чтобы не медля пошелъ на угрожаемые пункты и дѣйствовалъ быстро и рѣшительно, съ тѣмъ чтобы непременно очистить и обезпечить совершенно оба тракта, на Брестъ и на Бѣлостокъ. Такъ какъ пѣхота твоя подходитъ уже близко, я считаю весьма полезнымъ тебѣ перевести твою главную квартиру въ Минскъ, ибо онъ на большой дорогѣ и на половинѣ дистанціи отъ арміи сюда; стало (быть), удобно и скоро, съ обоихъ концовъ, получать будешь извѣстія. Минута сія весьма важная, ибо если удалось полякамъ сбить Сакена ¹⁾, то весьма вѣроятно явится отрядъ ихъ въ Мерече, или Олитѣ, и тогда весь край примкнетъ къ нимъ, наши же отряды очень разсыяны и притомъ дѣйствуютъ столь тихо и вяло, что изъ рукъ вонъ; въ особенности куда дѣвался Сулима—совершенная загадка. Подумай и исполни, но не мѣшкай; минуты терять не должно.

Нашимъ всѣмъ мой поклонъ. Твой на вѣки Н.

---

¹⁾ Отрядъ генер. Остенъ-Сакена находился въ Августовскомъ воеводствѣ.

XI.

Александрія, 23-го мая 1831 г.

Спасибо за письмо и добрыя вѣсти отъ 20-го; всего лучше, что помѣщики сами ловятъ; за это объяви имъ мое спасибо, а усердныхъ и предводителя представь къ награждѣ.

Попытка Хлаповскаго крайне неприятна ¹⁾; распоряженія Храповицкаго весьма благоразумны; но куда дѣвался дуракъ Сулима?—непонятно. Жаль, что Хилковъ далеко зашелъ; но и тамъ пригодится. Отрощенко хорошъ и храбръ; но я боюсь крѣпко за малыя и дробныя команды; тутъ не далеко до бѣды.

Чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе кончимъ съ Хлаповскимъ; тѣмъ лучше; и тогда войска 2-го корпуса, какъ наипослѣпнѣе, послать къ арміи.

Ротъ ²⁾ вогналъ бунтовщиковъ въ Галицію, гдѣ ихъ обезоружили—прекрасно! Cholera ужасно свирѣпствуетъ въ Ригѣ и показалась и въ Рыбинскѣ; боюсь весьма, чтобъ и ядѣсь не ушли отъ нея. Да будетъ воля Божія!

Пиши почаще и не забывай. Жена тебѣ кланяется. Нашимъ мой поклонъ. Твой на вѣки Н.

XII.

Александрія, 26-го мая 1831 г.

Письмо твое, любезный Петръ Александровичъ, получилъ я сегодня утромъ. Всѣ принятія мѣры одобряю; но боюсь за Вильну, а пуще—за Гродно. Много начальниковъ, а, по пословицѣ, у семи нянекъ дитя безъ глазу. Жаль, что ты съ 4-мъ корпусомъ не подоспѣешь во время, а то бы иначе пошло. Вели наблюдать, когда Богъ благословитъ, что отобьютъ и Хлаповскаго, и Гелгуда ³⁾,—чтобы

¹⁾ Хлаповскій дѣйствовалъ въ Гродненской губерніи и на границахъ Виленской и Минской, волнуя край, разсѣвая или захватывая въ плѣнъ мелкія русскія команды.

²⁾ Командиръ 5-го корпуса. Ему поручено было охранять спокойствіе въ Подольской губерніи.

³⁾ Польскій генералъ Гелгудъ посланъ былъ, съ 12-ю тысячнымъ корпусомъ, въ Литву и, по соединеніи съ Хлаповскимъ, двинулся къ Вильнѣ, подъ стѣнами которой былъ разбитъ.

ихъ отрѣзать отъ Самогидіи и отъ Бѣловежской пустоши, но гнать прямо въ Пруссію, отнюдь не входя въ оную, но не давая имъ ни вправо ни влѣво сдаваться. Это въ томъ случаѣ, если ихъ на мѣстѣ нельзя уничтожить.

Графъ Дибичъ проситъ настоятельно, прислать хотя нѣсколько, на укомплектованіе ослабленныхъ полковъ. Сколько бъ я ни желалъ, но не вижу возможности сего исполнить нынѣ. Одинъ способъ предстанетъ, по усмиреніи Литвы—послать съ полковъ 4-го корпуса по 250 человекъ, что составитъ 2750 старыхъ солдатъ; полки же укомплектовать до полнаго штатнаго числа изъ людей, назначенныхъ въ резервные баталіоны 3-го корпуса. Но при семъ обрати особенное вниманіе, что бы собраны были всѣ оставшіеся люди, по госпиталямъ, отъ полковъ дѣйствующей арміи и вели изъ нихъ составить сводный баталіонъ и отправить къ арміи, черезъ Бѣлостокъ. Такovýchъ людей должно быть много, начиная съ Минска, въ Несвижѣ и Слонимѣ. Поручи это надежному адъютанту. Разумѣется, отсылать однихъ пѣхотинцевъ и артиллеристовъ.

Нашимъ всѣмъ поклонъ; прощай, не забывай, и бей супостатовъ. Твой на вѣки Н.

ХІІІ.

Александрія, 1-го іюня 1831 г.

Вчера вечеромъ получилъ письмо твое, любезный Петръ Александровичъ, вмѣстѣ съ рапортомъ Храповицкаго объ отступленіи г. Сакена въ Ковно и про движеніе Гелгуда на противную сторону Нѣмана. Хотя я и увѣренъ, что ты уже принялъ всѣ нужныя мѣры, чтобъ наискорѣе уничтожить всякое покушеніе его вторгнуться въ Литву, но считаю однако нужнымъ приказать тебѣ слѣдующее: тебѣ поручаю, съ полученія сего, принять на себя уничтоженіе Гелгуда и для того, одному, или съ 4-мъ корпусомъ, немедля, идти на Вильну. Главное попеченіе твое должно обратиться на то, чтобъ не могъ онъ идти въ Самогидію и Курляндію, куда, по всѣмъ свѣдѣніямъ, направляется и откуда можетъ удобно дѣйствовать даже на Витебскую губернію. Потому—стараться сему воспрепятствовать, прогнавъ сейчасъ за Нѣманъ, буде перешелъ, и послѣ того переправиться самому черезъ оный, съ войсками, тебѣ ввѣренными, и непремѣнно вогнать въ Пруссію. Съ симъ вмѣстѣ отправь тогда войска 2-го корпуса къ арміи, занявъ Вильну и Литву частію 4-го корпуса, не нужно для преслѣдованія Гелгуда. Я ни мало не сомнѣваюсь, что имѣя

въ твоёмъ распоряженіи 4 дивизіи пѣхоты и три съ половиною кавалеріи, со всею ихъ артиллеріею, успѣешь скоро и рѣшительно уничтожить бунтовщиковъ. Съ нетерпѣніемъ ждуть буду извѣстій твоихъ. Минута рѣшительна и важна; ибо надо ихъ уничтожить, или весь край снова подымется. Не теряй времени и — Богъ съ тобой. Пиши мнѣ елико можно чаще. Твой на вѣки Н.

Не вѣрю, чтобъ у Гелгуда было, какъ пишетъ Сакенъ, отъ 15 т. до 20 т.—невѣроятно; развѣ всякій сбродъ.

Забылъ прибавить, что я непременно требую, чтобъ г. Довре вступилъ въ исправленіе своей должности, ибо донинѣ сего не вижу; а въ важное время оно необходимо. Не знаю даже, зачѣмъ онъ оставленъ въ Витебскѣ.

XIV.

Александрія, 14-го іюня 1831 г.

Наконецъ, сегодня, послѣ трехъ-дневнаго жестокаго безпокойства, получилъ письмо твое, любезный Петръ Александровичъ, отъ 9-го (21-го), изъ Вильны. Письмомъ брата узналъ, три дня тому назадъ, что происходило дѣло подъ самой Вильной и ждалъ три дня, чѣмъ оно кончилось! Ты можешь вообразить, сколько сіе меня тревожило. Слава Богу и честь войску, храбрости коего обязаны мы сямъ славнымъ дѣломъ; но нельзя не жалѣть, что не было должнаго преслѣдованія. Надѣюсь, что ты, умѣвъ столь скоро подоспѣть, будешь умѣть столь же скоро настичь Гелгуда и уничтожить его въ конецъ. Да поможетъ тебѣ въ томъ всемилосердый Богъ! Ни мало не сомнѣваюсь, что предпріятіе твое должно увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Такъ какъ Гелгудъ потерянъ изъ виду, то должно полагать, что, или перейдетъ Нѣманъ, или разсѣется на партіи — что всего хуже бы было для насъ. Но въ первомъ случаѣ, не дай ему инаго убѣжища, какъ Пруссію, стараясь его отбросить туда, перейдя Нѣманъ выше Ковны. Побереги гвардію брата; елико можно, равно и тѣ части моей гвардіи, кои случайно туда попали. Кажется, войска довольно набралось; было бы только чѣмъ кормить. Жаль, что кирасиръ ты раздѣлялъ; хорошо бы было всю дивизію имѣть вмѣстѣ. Объ отличившихся въ дѣлѣ 7-го числа вели себѣ представить черезъ Куруту и перешли мнѣ, а покуда роздай Георгіевскіе солдатскіе кресты самъ. Здѣсь все покуда хорошо; но холера всюду разлилась, и все полагаю, что и мы ея не избавимся. Резервы здѣсь формируются, но еще рекрутъ много ждемъ. Ты на меня гнѣваешься, что тре-

бовалъ, чтобы г. Довре былъ на своемъ мѣстѣ: я настоялъ въ томъ, что въ порядкѣ службы, стало нечего на меня гнѣваться, кажется. Правду буду я всегда тебѣ говорить, такъ какъ ты поклялся и отъ меня ее не скрывать. Мы квиты. Прощай, не забывай, пиши и бей почаще, и вѣрь дружбѣ моей. Твой на вѣки Н.

Мой поклонъ всѣмъ нашимъ.

XV.

Александрія, 29-го іюня 1831 г.

Тринадцать дней прошло, а я никакихъ донесеній отъ тебя не получаю, Петръ Александровичъ, и то въ самую важную и рѣшительную минуту. Не знаю, что мнѣ изъ сего заключить должно, и желаю, чтобы другой сему причины не было, кромѣ пропажи курьера—что однако было бы довольно странно. Не зная, что у тебя дѣлается, не знаю о чемъ тебѣ и писать. Здѣсь появилась холера и уже около 2 т. ею заболѣло и половина померла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращены безъ оружія; — но гибель это большая.

Ради Бога, пиши чаще и кончи скорѣе. Н.

XVI.

Александрія, 3-го іюля.

Наконецъ, послѣ 16-ти дней напраснаго ожиданія, получилъ я донесенія твои, Петръ Александровичъ, отъ 24-го іюня. Не могу понять, что могло побудить тебя оставить меня 7 дней, въ столь важную эпоху, безъ всякаго донесенія; на это не нахожу никакого извиненія и строго подтверждаю, не упущать, впредь по крайней мѣрѣ, доносить черезъ каждые четыре дня о всемъ пронесодящемъ. Изъ рапортовъ ничего не могу заключить объ движеніяхъ, кромѣ что всѣ движенія исполнены довольно медленно, тогда когда каждая минута дорога. Надѣюсь, что скоро кончишь. Необходимо отправить сейчасъ къ арміи, прямо черезъ Ковно, всю гвардію, равно и прочія части войскъ, къ дѣйствующей арміи принадлежащія; тамъ въ нихъ будетъ крайняя необходимость.

Благодарю за себя и за жену, за поздравленіе. Поздравь насъ уничтоженіемъ Гелгуда; это лучший будетъ намъ подарокъ. Прощай, пиши чаще и кончи скорѣй. Твой на вѣки Н.

Всѣмъ нашимъ кланяюсь. Холера у насъ много бѣдъ надѣлала, но, кажется, утихаетъ. Умеръ, къ крайнему моему прискорбію, Оперманъ и плохъ очень Ланжеронъ.

XVII.

Александрія, 8-го іюля 1831 г.

Наконецъ, сегодня утромъ, получилъ я донесеніе твое, Петръ Александровичъ, о благополучномъ вогнаніи Гелгуда въ Пруссію; уже третій день, какъ извѣстіе сіе дошло сюда черезъ Мемель и мы не могли понять, почему отъ тебя мы ничего не получали, тогда какъ курьеры изъ дѣйствующей арміи, отъ тѣхъ же чиселъ, исправно прибывали.

Слава Богу, что дѣло сіе кончено; хотя не скрою, что больно, что не предъ нашимъ войскомъ мятежники положили оружіе и что, хотя по твоимъ словамъ ихъ вездѣ били, но не взято ни одной пушки.

Я вполне одобряю, что ты направляешь войска дѣйствующей арміи обратно къ оной; надо симъ поспѣшить елико возможно, поручивъ все въ команду г. Крейца и направивъ прямо на Ломжу. Если, съ помощію Божіею, съ Дембинскимъ ¹⁾ будетъ скоро кончено, то хорошо бъ тебѣ перейти съ главной квартирой въ Гродно, дабы ближе быть къ центру происшествій и легче принимать было мѣры противъ издыхающаго, но отчаяннаго врага. Пѣхоту 4-го корпуса надо поставить между Гродны, Вильны и Бѣлостока, кавалерію—частью въ Кальваріи и Сувалкахъ, частью въ Тикочинѣ и Цехановцѣ, собравъ и держа въ резервѣ весь 2-й резерв. кавал. корпусъ. Вели 4-ю дивизію поставить въ Ковнѣ и Самогиціи, а резервные баталіоны собрать и поставить по бригадно въ лагеря, гдѣ удобно и нужно, и принятыя за формировку. Если пруссаки сдадутъ пушки и ружья, отправь все въ Вильну, для приведенія въ порядокъ, и лошадей употреби въ самѣнъ убытыхъ и подъ обозъ свой, а лишникъ отправь въ резервы. Вели Клейнмихелю объѣхать всѣ пѣшіе резервы и посмотреть, что нужно сдѣлать, чтобы все устроить въ порядокъ. Повторяю: пиши чаще и обстоятельнѣе, ибо изъ донесеній ничего не вижу и мало понимаю.

Жена кланяется и поздравляетъ съ успѣхомъ. Холера у насъ немного слабѣе, но унесло многихъ отличныхъ, коихъ крайне жаль. Прощай и вѣрь дружбѣ моей. Н.

Всѣмъ нашимъ мой поклонъ; объ отличившихся представь.

¹⁾ Послѣ сраженія Гелгуда у Вильны, Дембинскій, находившійся съ небольшимъ отрядомъ польскихъ войскъ въ Самогиціи, съ необыкновенною быстротою и искусствомъ успѣлъ проскользнуть между преслѣдовавшими его со всѣхъ сторонъ отрядами нашими и спасся въ Польшу.

XVIII.

Царское Село, 18-го іюля.

Послѣ 14-ти дней совершенной безъизвѣстности объ тебѣ и арміи твоей, сегодня утромъ получилъ письмо твое, Петръ Александровичъ, изъ Вильны, отъ 15-го числа. По смыслу онаго полагать долженъ, что ты писалъ мнѣ 10-го числа, но сіе письмо до меня не дошло и, какъ выше сказалъ, даже постороннихъ свѣдѣній или слуховъ никакихъ сюда не доходило, и ставило насъ въ самое затруднительное положеніе. Имѣвъ отъ фельдмаршала Паскевича извѣстія уже отъ 8-го числа, послѣ благополучной переправы всей арміи черезъ Вислу, подобная неизвѣстность становилась еще менѣе понятна, тѣмъ болѣе что и графъ Паскевичъ, до 8-го числа, никакихъ отъ тебя извѣдомленій не получалъ, съ самаго твоего пріѣзда въ армію. Одни пруссаки извѣщали его о томъ, что въ Литвѣ происходило. Положеніе его было самое затруднительное, но Богъ помогъ ему оное превозмочь славно и совершить безъ выстрѣла переправу, которая столь долго казалась непреодолимою преградой. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что отправилъ войска, къ арміи принадлежащія; но крайне жаль, что голова оныхъ могла пройти Ковно только 13-го числа, ибо ранѣе 1-го августа никто изъ нихъ не дойдетъ до Вислы!—Минута важная; ибо нынѣ, на дняхъ, все рѣшиться должно. Да поможетъ намъ всемогущій и всемилосердный Богъ!

Движеніе Дембинскаго крайне неприятно; боюсь, чтобы не направился онъ на Несвижъ, дабы истребить наши артиллерійскія запасы; въ семъ случаѣ Станковичъ не довольно будетъ еяленъ, чтобы его отбить, въ особенности, если край въ возстаніи.

Между тѣмъ здѣсь у насъ, въ военномъ поселеніи, произошло для меня самое прискорбное и весьма важное происшествіе. Тѣ же глупые толки и разглашенія, что и въ Петербургѣ, произвели бунтъ сначала въ Старой Русѣ, гдѣ звѣрски убиты Монжосъ, Мевесъ и лѣкаря; прибытіе 2-хъ баталіоновъ съ 4 орудіями остановило своеволие, но въ то же время, въ округахъ 1-й и 3-й бригадъ, но въ особенности въ артиллерійскомъ округѣ, бунтъ сдѣлался всеобщій: били и терзали всѣхъ почти баталіонныхъ командировъ и офицеровъ, кои едва, и то не всѣ, спаслись. Эйлеръ принялъ хорошія мѣры, и 1-я бригада приведена уже въ порядокъ. По баталіону, отправленному въ артиллерию, стрѣляли, и даже изъ орудій, но посланный баталіонъ, подъ командой Молива, прогналъ ихъ за 20 верстъ

и занялъ штабъ. Между тѣмъ толпы артиллеристовъ разграбили сосѣдніе помѣщичьи дворы и дѣлаютъ ужасъ окрестностей. Тоже были безпорядки и въ Коростени. Но, что всего хуже—въ Австрійскомъ полку убили баталіоннаго командира Бегновича, и кажется резервный сей баталіонъ въ томъ участвовалъ. Въ Старой же Русѣ, 10-й рабочій почти весь участвовалъ въ бунтѣ. Я посылаю завтра Орлова, гр. Строганова и кн. Долгорукова, чтобъ моимъ именемъ восстановить порядокъ; но не ручаюсь, чтобъ успѣли, и тогда поѣду самъ. Все сіе крайне меня сокрушаетъ. Такъ какъ на Литвѣ почти все кончено, и скоро войска 4-го корпуса и 2-го резервнаго кавалерійскаго сойдутся съ войсками, подчиненными графу Сакену, то и считаю твое пребываніе гораздо поменѣе здѣсь, чѣмъ въ Вильнѣ. Если завтра не получу лучшихъ извѣстій отъ Эйлера, коему велѣлъ ежедневно себѣ доносить, то велю тебѣ немедленно сюда быть съ Клейнмихелемъ, чтобъ восстановить должный порядокъ. 4-й корпусъ и 2-й резервный кавалерійскій подчиню гр. Сакену, равно какъ и 4-ю сводную дивизію; а резервы могутъ относиться, по формировкѣ, сюда. Бунтъ въ Новгородѣ важнѣе, чѣмъ бунтъ въ Литвѣ; ибо послѣдствія быть могутъ страшныя! Не дай и сохрани насъ отъ того милосердый Богъ! но я крайне беспокоюсь. Войска, участвовавшія въ бунтѣ, велѣлъ я обезоружить, раскасировать и отправить немедленно врозь и малыми частями въ 13-ю и 15-ю дивизіи, на распредѣленіе, чтобъ изъ корня вырвать. Вообще, надо сдѣлать примѣръ самый строгій.

Повторяю: пиши чаще и обстоятельнѣе, ибо наиболѣе догадкой увнаю, чтó дѣлалось, а ни одного подробнаго рапорта не получилъ.

Вѣрь моей дружбѣ. Н.

Здѣсь болѣзнь скоро уменьшается.

XIX.

Царское Село, 22-го іюля 1831 г.

Донесеніе твое, Петръ Александровичъ, отъ 10-го іюля, получилъ я третьяго дня, а сейчасъ дошли два письма твои: первое, съ извѣстіемъ о появленіи Ромарино ¹⁾; второе—въ отвѣтъ на мое письмо

¹⁾ При движеніи главной арміи въ переправѣ на нижней Вислѣ, польскій главнокомандующій задумалъ воспользоваться отдѣльнымъ расположеніемъ

отъ 15-го числа. Сличая числа отправленія твоихъ донесеній съ тѣми, въ кон оныя до меня доходятъ, ты долженъ самъ видѣть ясно, въ какомъ я положеніи нахожусь и могъ ли быть симъ доволенъ. Послѣ рапорта отъ 3-го, рапортъ отъ 15-го числа получивъ я здѣсь 18-го, стало пробывъ пятнадцать дней безъ малѣйшаго свѣдѣнія объ тебѣ; тогда какъ рапортъ отъ 10-го прибылъ сюда 20-го числа!—и только отъ того, что вмѣсто должнаго направленія, посланъ былъ курьеръ съ посторонними порученіями въ Минскъ. Нынѣ обстоятельства столь трудны, что каждая минута дорога; потеря одной минуты можетъ быть причиною неизчислимыхъ бѣдствій. Я никакъ не могу согласиться на отъѣздъ твой, даже по причинѣ болѣзни; ибо сколько бъ ни желалъ—по тому, что происходитъ въ поселеніяхъ—имѣть тебя при себѣ, но присутствіе твое на Литвѣ, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, признаю необходимымъ. Признаюсь, что я ожидалъ подобнаго, новаго покушенія, ибо сіе одно можетъ продлить войну,—въ чемъ весь расчетъ поляковъ, по наущенію Франціи. Такъ какъ, къ несчастію, не удалось уничтожить Дембинскаго, а нынѣ онъ, соединясь съ Ромарано, составитъ вновь сильный отрядъ, тебѣ должно не медля соединить все и употребить всѣ усилія, чтобъ совершенно уничтожить сей замыселъ. Для того считай г. Крейца съ его войсками въ твоемъ распоряженіи, если бъ весь его корпусъ, или часть оного потребовалась къ скорѣйшему достиженію уничтоженія Дембинскаго и Ромарино. Считаю присутствіе твое въ Гроднѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ, необходимымъ: надо стараться не раздроблять силъ, но придвинуть и соединить все, что можно, что бъ нанести рѣшительный ударъ,—вѣроятно, въ то же время, какъ и г. Розень, съ своей стороны дѣйствовать будетъ. Не полагаю, чтобъ на Ломжу, или на Герстенцвейгъ обратились большія силы; иначе, что же останется противъ гр. Паскевича, который, по вчерашнему его рапорту отъ 14-го (26-го) числа, изъ Нешавы, пишетъ, что на другой день выступаетъ къ Варшавѣ и что подъ Сухачевымъ непріятель его ждетъ, сильно укрѣпясь. Ты изъ сего видишь, что довѣренность моя къ тебѣ не переставала; но не переставало во мнѣ никогда чувство—

отряда Ридгера, въ Люблинскомъ воеводствѣ, и разбить его. Для этой цѣли двинуты были въ означенное воеводство отряды Ромарино и Янковскаго, а Хржановскій долженъ былъ, отъ Замостья, дѣйствовать Ридгеру въ тылъ. Предпріятіе это рушилось вслѣдствіе снѣлаго движенія Ридгера на встрѣчу Янковскаго и пораженія, претерпѣннаго послѣднимъ.

требовать отъ тѣхъ, кои облечены моею довѣренностію, что бѣ исполняли свой долгъ, какъ подобаетъ. Амины!

Сейчасъ получилъ я первый рапортъ Орлова. Въ Австрійскомъ полку пришло опять все въ должный порядокъ; есть надежда и на прочіе округа 1-й дивизіи, коихъ посланные были у меня. Въ Медвѣдѣ все пребыло спокойно; но въ Коростенѣ, подобно прочимъ—кромѣ одного округа 2-й дивизіи—буйство и злодѣйства были страшныя. Коростенскіе были у меня, въ искреннемъ раскаяніи; жду послѣдствій. Резервные баталіоны: Кіевскій и гр. Аракчеева рѣшительно вышли изъ повиновенія; прочіе 2-й дивизіи мало надежны, также и артиллерія гренадеръ. Тѣ же двѣ роты, кои остались въ своемъ округѣ, дѣйствуютъ за одно съ бунтовщиками, перебивъ офицеровъ. Надо идти осторожно и взять строгія мѣры. Орловъ дѣйствуетъ умно и прекрасно; но Эйлеръ, Леонтьевъ и Томашевскій совершенно потеряли голову, и боюсь, что бѣ уронили совершенно духъ въ остальныхъ войскахъ.

По всему этому и дабы имѣть хоть одно довѣренное лицо при себѣ, знающее порядокъ дѣлъ военнаго поселенія, крайне бы нуженъ мнѣ былъ Клейнмихель, или ты; его одного можешь мнѣ прислать, оставя весь штабъ при себѣ. Такъ какъ ты не довѣряешь Довре, я предлагаю тебѣ, на время, Деллинггаузена, или Крейцъ тобой употребленъ будетъ, подумай, и рѣшись скорѣе. Вотъ все, что имѣлъ тебѣ сказать; говорю всегда всю правду, какъ есть—это долгъ мой и нравъ мой. Я на правду себѣ никогда не сержусь—позволь себя поставить въ примѣръ. Прощай и вѣрь моей дружбѣ. Н.

XX.

Царское Село, 28-го іюля.

Въ дорогѣ, на обратномъ пути изъ поселеній, получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, за которое благодарю, какъ и за нынѣшнюю твою исправность въ перепискѣ со мной. Богъ меня наградила за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Вели возвѣститъ пушечными выстрѣлами вѣрной Вильгѣ: пусть они видятъ, что Богъ не оставляетъ тѣхъ, кои на Него одного возлагаютъ всю надежду. Въ Новгородѣ нашелъ я всѣ власти съ длинными, запуганными лицами, сверхъ всякаго вѣроятія. Всѣ голову потеряли; и вотъ причина всѣмъ убив-

ствамъ и невѣроятнымъ неистовамъ, кои къ несчастію были почти вездѣ. Но пріѣздъ Орлова, потомъ мой приказъ все сіе кончили. Я одинъ пріѣхалъ прямо въ Австрійскій полкъ, который велѣлъ собрать въ манежъ, и нашелъ все на колѣнахъ, въ слезахъ и чистомъ раскаяніи. На другой день, въ Новѣгородѣ, видѣлъ три резервные баталіоны австрійскіе и 1-й и 2-й карабинерные и три кадровые баталіона 1-й и 2-й дивизій, равно 24 орудія сводной артиллеріи 1-го и 2-го корпусовъ. Пѣхота посредственна и требуетъ взять въ руки, по фронту; артиллерія въ порядкѣ, но нова. Потомъ поѣхалъ въ полкъ Наслѣднаго Принца, гдѣ менѣе было грѣха, но нашелъ тоже раскаяніе и большую глупость въ людяхъ. Потомъ въ полкъ короля Прусскаго; они всѣхъ виновитѣ, но столь глубоко чувствуютъ всю вину, что можно быть увѣрену въ ихъ покорности. Тутъ инвалидная рота прескверная, которую я уничтожу. Потомъ, въ полкъ гр. Аракчеева — та же самая покорность совершенная и раскаяніе; но тутъ мастеровая рота готова была къ бунту, и я ихъ при себѣ отправилъ вонъ, въ походъ. Я тутъ обѣдалъ и вездѣ все по дорогѣ нашелъ въ порядкѣ. Замѣть, что кромѣ Орлова и Чернышева я былъ одинъ среди ихъ, и все лежало ницъ! — вотъ русскій народъ! Въ Старой Руссѣ все приходитъ къ порядку, а въ Медвѣдѣ все такъ оставалось и во все время; — безподобно! Есть черты умиленные: но долго все описывать. Всѣ резервные баталіоны я вывожу, съ артиллерією, въ Гатчино. Cholera, слава Богу, совсѣмъ пропадаетъ.

Жду съ нетерпѣніемъ возвращенія Клейнмихеля. Если же самъ можешь пріѣхать, то и то бы лучше. Отвѣчай скорѣй. Изъ арміи имѣю извѣстія отъ 19-го, изъ Гомбина; и все шло хорошо. Ты войска поставилъ очень хорошо, но въ Ковнѣ нужно бы хотѣть два орудія, на случай. Прощай и вѣрь дружбѣ моей. Н.

Жена тебѣ кланяется.

XXI.

Царское Село, 1-го августа.

Письмо твое, отъ 27-го числа, получилъ я третьяго дня, Петръ Александровичъ, и радуюсь, что все начинаетъ приходить въ порядокъ, и дѣло, на тебя возложенное, приведено симъ къ окончанію. Клейнмихель прибылъ, но, за карантинномъ, я его еще не видалъ. Хотя, благодаря Бога, дѣла въ Новѣгородѣ и Старой Руссѣ улучшились, но требуютъ непременно строгаго разбора, а можетъ быть и

силы, дабы придти въ должное устройство. Не сомнѣваюсь, что г. Орловъ исполнитъ первое; второе же и разборъ грѣховъ одинъ ты можешь сдѣлать, ибо мнѣ нѣтъ возможности, ни часто, ни долго отлучаться; потому считаю твой прїѣздъ сюда, нынѣ же, необходимымъ; потомъ ѣхать въ Москву можешь и насколько тебѣ потребуется. Открываются важныя упущенія г. Полуектова и нѣкоторыхъ его подчиненныхъ; а все сіе требуетъ строго и безпристрастнаго разбора, но безъ слабости и съ полнымъ познаніемъ сего дѣла. Увѣдомъ о твоёмъ отъѣздѣ г. Сакена и, велѣвъ Савонни вступить въ командованіе сходно предписанію, отправился тѣмъ путемъ, который предпочтешь, сюда, отпустивъ и г. Довре и прочій штабъ. Здѣсь все въ порядкѣ. Изъ арміи получилъ извѣстія отъ Ловича, который намъ отдалъ безъ выстрѣла, что отъѣнно важно. Одно затрудненіе отъ карантинныхъ Пруссій, для нашего продовольствія, что крайне все затрудняетъ. Но, съ помощію Божіею, и это превозмочь можно.

Жена поправляется и тебѣ кланяется. Вчера тяжелый былъ мнѣ день: свиданіе съ сестрой и съ тѣломъ брата ¹⁾; больнымъ прїѣхалъ домой.

Прощай, вѣрь моей дружбѣ. Н.

XXII.

Царское Село, 6-го августа 1831 г.

Я получилъ два письма твои, любезный Петръ Александровичъ: одно, третьяго дня, отъѣзжая въ Красное Село, другое, отъ 2-го августа, сегодня,—за которое весьма благодарю, равно какъ и за сообщеніе добрыхъ вѣстей отъ Розена; дай Богъ, чтобы онѣ оказались справедливыми. По извѣстіямъ изъ Полангена, носилась тамъ молва, будто новыя шайки мятежниковъ изъ Августовскаго воеводства намѣревались ворваться къ намъ; хорошо бы сему помѣшати, дабы не дать вновь разстроиться порядку, съ толикими трудами нынѣ только восстановленному. Въ Красномъ Селѣ я видѣлъ Клейнмихеда, который мнѣ передалъ всѣ твои порученія. Я утвердилъ предположенія объ отравленіи пѣхотныхъ резервовъ, съ тою только разницею, чтобы направлять ихъ не на Ковно, а на Гродно,

¹⁾ Съ княгинею Ловичъ, привезшей въ Петербургъ тѣло супруга своего вел. кн. Константина Павловича, скончавшагося отъ холеры въ Витебскѣ.

дабы на всякій случай имѣть ихъ подъ рукой и ближе. Здѣсь, слава Богу, идетъ все очень хорошо; въ поселеніяхъ приходитъ все въ порядокъ; зачинщиковъ и убійцъ выдали сами поселяне. Резервные баталіоны частію уже прибыли, частію же идутъ. Екатеринбургскій баталіонъ покрылъ себя славой, примѣрнымъ духомъ своимъ и дѣйствіемъ противъ бунтовщиковъ своего округа, точно геройски. Когда всѣ соберутся, я ихъ осмотрю въ Гатчинѣ и отошлю къ арміи, по двѣ роты съ баталіона, ибо пора полки усилить; а къ нимъ пришло и идетъ довольно рекрутъ. Я тебя жду въ такомъ случаѣ, если все въ Литвѣ спокойно; въ противномъ случаѣ увѣренъ, что ты не выѣдешь, не обезопасивъ вновь ввѣренный тебѣ край. Такъ какъ Храповицкій убѣдительно проситъ его уволить отъ должности, то я назначаю на его мѣсто сенатора Горголли, человѣка способнаго, проворнаго и строгаго. Вотъ и все. Жена благодаритъ тебя и кланяется; она уже другой день, какъ встала. Уланъ мой ¹⁾ здоровъ. Прощай, вѣрь моей дружбѣ. Николай.

---

¹⁾ Новорожденный великій князь Николай Николаевичъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АКАДЕМИКА-ГРАВЕРА НА МЪДИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПОЖАЛОСТИНА.

Автобіографія и воспоминанія отечественныхъ художниковъ, какъ старинныхъ такъ и современныхъ, съ перваго-же года изданія „Русской Старины“ составляютъ одинъ изъ существеннѣйшихъ отдѣловъ ея программы. Независимо отъ записокъ нашихъ знаменитыхъ композиторовъ (М. И. Глинки, А. С. Даргомыжскаго, А. Н. Сѣрова), артистовъ сценическихъ (П. А. Каратыгина, В. В. Самойлова, Л. П. Никулиной-Косицкой), на страницахъ „Русской Старины“ читатели ознакомились съ подробностями жизни и художественною дѣятельностью графа О. П. Толстаго, А. Л. Витберга, И. И. Свѣיצева, профессоровъ: О. Г. Солнцева, И. К. Айвазовскаго, академика-гравера Л. А. Сѣрякова, литографо-археолога самоучки И. А. Голышева и многихъ другихъ. Нынѣ представляемъ читателямъ Воспоминанія о дѣтствѣ и о художественномъ поприщѣ нашего даровитаго гравера, на мѣди, академика Ивана Петровича Пожалостина, изящныя произведенія котораго извѣстны просвѣщеннымъ любителямъ гравировальнаго искусства въ Россіи и въ ихъ числѣ читателямъ нашего изданія. „Русская Старина“ украсилась портретами работы Ивана Петровича съ 1875 года, заслужившими единогласное одобреніе: митрополитъ Филаретъ московскій, А. П. Ермоловъ, князь Потемкинъ Таврическій, полководецъ Михельсонъ, графъ Мамонтовъ, князь Платонъ Зубовъ, Н. А. Некрасовъ — произведенія, могущія смѣло соперничать съ наилучшими европейскими произведеніями этого рода. Помимо мягкости рѣзца, мастерскаго расположенія бликовъ, свѣта и тѣней и другихъ достоинствъ техники гравирования, портреты Пожалостина, при совершенномъ сходствѣ, отличаются, такъ сказать, „національнымъ“ характеромъ — для иностранныхъ художниковъ неудовимымъ. Русскій типъ, особенности одѣянія, детали священническихъ облаченій: панаги, наперсные кресты и т. д., а также военные мундиры, эполеты, ордена и проч. на портретахъ русскихъ дѣятелей, гравированныхъ за границею — никогда не бывають изображены безукоризненно вѣрно: въ большинствѣ случаевъ они грѣшатъ противъ правды и отличаются

произвольными прикрасами. Талантъ нашего гравера проявляется въ каждой складкѣ одежды, въ каждой морщинкѣ лицъ его портретовъ.

Достойно вниманія, что большинство даровитѣйшихъ русскихъ художниковъ—сыны народа, исторгнутые силою ихъ талантовъ изъ темной среды крестьянства, будто цѣнныя жемчужины, выброшенныя волною изъ морской глубины. Проявленіе божественной искры таланта русскаго живописца обнаруживается въ кускѣ угля, которымъ простой крестьянскій мальчишъ, почти бессознательно чертитъ рисунки на стѣнахъ избы, овина, или сарая, — достается за это „баловство“ мальчугану отъ родныхъ и отъ старшихъ; но никакія гоненія не въ состояніи загасить разгорающійся талантъ — и лѣтъ черезъ двадцать, — пройдя всякія мытарства, преодолевъ проски завистниковъ, причуды начальства и проч. и проч., крестьянскій мальчишъ—академикъ-профессоръ, пользующійся почетомъ, извѣстностью и въ Россіи, и въ чужихъ краяхъ... Завидный удѣлъ—не многихъ:

Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить....

сказалъ Некрасовъ... но слабость не можетъ быть совмѣстна съ истиннымъ талантомъ: гдѣ оный—тамъ и энергія; талантъ—какъ младенецъ-Геркулесъ въ колыбели—душитъ змѣй вражды и зложелательства. Примѣръ тому—покойный Сѣряковъ; другой—авторъ прилагаемыхъ воспоминаній; со временемъ Россія насчитаетъ такихъ примѣровъ многіе десятки; число талантовъ возрастаетъ по мѣрѣ распространенія грамотности, образованія и просвѣщенія въ народѣ, богатомъ духовными силами, какъ родная ея земля силою растительною, а вѣдра ея минеральными сокровищами.

Ред.

I.

Крестьяне Храповы.—Смерть матери.—Священникъ Колумбовъ.—Хожденіе по мѣу.—Служба въ батракахъ у священника.—Поступленіе въ училище.—
Происхожденіе фамиліи Пожалостинъ.

Родился я въ крестьянской семьѣ Храповыхъ (Рязанской губерніи, Рязскаго уѣзда), въ маѣ 1837 года. Кромѣ меня, были у отца и у матери еще сынъ и дочь, умершая года черезъ два послѣ отца. У насъ, въ деревняхъ, какъ извѣстно, свой календарь и свое лѣтосчисленіе. Обращаясь къ воспоминаніямъ ранняго дѣтства, я не могу съ точностью означить ни годовъ, ни мѣсяцевъ, да и надобности особенной въ томъ не вижу. Дѣда, со сто-

роны отца, едва помню; но смерть жены его, бабушки Авксентьевны запечатлѣлась въ моей памяти. Когда она лежала трудно больная, я, малолѣтокъ, сиди на загнетѣ¹⁾, пеку картофель, разумѣется, едва обращая вниманіе на окружавшую меня суматоху. Вдругъ въ подпольѣ что-то завывло—и тогда мои родные порѣшили, что „знать бабушка кончается“. Открыли подполье, спрашиваютъ, къ добру, или къ худу? Невидимка-домовой отвѣтила тѣмъ-же воємъ; значить—къ худу! Значеніе смерти, я, ребенокъ, конечно сознавать не могъ; но плачущій и завывающій нечистый, спрашиваніе его родственниками умирающей—сильно на меня подѣйствовало. Дѣдъ вдовѣлъ не долго; женился на другой, а насъ выдѣлили или выгнали—не знаю навѣрное, только мать, со мною и другими дѣтьми, жила послѣ того въ чужомъ домѣ.

Отецъ матери, дѣдушка Ефимъ Васильевичъ, задумалъ взять нашу семью къ себѣ и для этого раздѣлился съ братомъ, очень богатымъ крестьяниномъ, выставившимъ тогда за себя, для отбытія рекрутской повинности, двухъ охотниковъ. Въ моемъ отчимѣ и, въ особенности, въ матери, дѣдѣ, безъ сомнѣнія, нашель добрыхъ себѣ помощниковъ въ хозяйствѣ. Мать моя была женщина ловкая проворная, очень собою красивая. Замужъ за моего отчима она вышла когда мнѣ было восемь лѣтъ; онъ самъ былъ вдовый и имѣлъ дочь отъ первой жены. Отъ втораго брака у матери родились—дочь, а затѣмъ двойни-сыновья. Это было въ холерный 1848 годъ; матушка скончалась отъ этой страшной болѣзни вскорѣ послѣ родовъ; а за нею послѣдовали и несчастные близнецы, умершіе—ужасно вымолвить!.. голодною смертью. Дѣло въ томъ, что ни одна женщина не рѣшилась кормить ихъ своимъ молокомъ, боясь заразиться холерою. Коровушки у насъ, конечно, были; но о вскармленіи малютокъ съ рожка не позаботились (знать за недостаткомъ, или по недогадливости)... такъ младенцы и лежали въ люлькѣ безъ всякой пищи, покуда не отдали Богу безгрѣшныхъ своихъ душъ. Да сказать по правдѣ, и матушка-то скончалась по совершенному отсутствію врачебной помощи—и какую помощь могли подать бѣдной страдалицѣ въ нашей деревенской глуши, когда и въ городахъ и въ столицахъ, отъ холеры

¹⁾ „Загнетъ“ находится у самаго устья русской печи по обѣимъ сторонамъ шестка.

1848 года гибли тысячи народа!.. Долго и горько оплакивалъ я мою родную. Ея любовь и ласки я нашолъ въ сердцѣ ея матери, а моей бабушки—Василисы. Впрочемъ и дѣдъ, Ефимъ Васильевичъ, любилъ насъ, и его заботамъ я обязанъ первымъ знакомствомъ съ грамотою.

Дѣдъ, человѣкъ набожный, разумный, трезвый и строгихъ правилъ, былъ довѣреннымъ отъ нашего сельскаго общества и занимался по постройкѣ церкви; у него было нѣсколько грамотъ и разныхъ аттестатовъ, а также, между прочими документами, бумаги, свидѣтельствовавшія о нашихъ правахъ, какъ однодворцевъ. Не понимая ихъ значенія, я употребилъ ихъ на изготовленіе бумажныхъ змѣевъ! Не по этой именно причинѣ, но вообще уважая грамотность, дѣдъ рѣшилъ отдать меня непременно въ школу: „хоть одного да сдѣлаю грамотнымъ“, говорилъ онъ обыкновенно. Но въ эту первоначальную мою школу ходилъ я недолго: со смертію дѣда пришлось мнѣ извѣдать всю тягость сиротства и нищеты.

Въ домѣ у дѣдушки, послѣ смерти матери, мы прожили не болѣе года. Разъ, возвращаясь отъ обѣдни, Ефимъ Васильевичъ вздумалъ зайти въ питейный домъ выпить рюмочку. Человѣкъ онъ былъ, какъ я уже говорилъ, трезвый и воздержный и на этотъ разъ мысль выпить была причиною его гибели. Питейный домъ былъ съ крыльцомъ; выпивъ роковую рюмку, дѣдъ, нисколько не охмѣлѣвшій, вышелъ за порогъ, спотынулся о ступени, упалъ—и расшибъ себѣ голову. Рана была тяжелая, быстро перешла въ апоноувъ огонь и на третій день Ефимъ Васильевичъ скончался, оставивъ по себѣ полу-слѣпую жену и насъ бѣдныхъ сиротъ, съ отчимомъ. Имущества, кромѣ избы, осталось немного: корова, двѣ лошади и, кажется, три овцы. Зажили мы скудно; отчимъ видимо тяготился нами, наконецъ раздѣлился: оставивъ за собою домъ, онъ отдалъ намъ корову, трехлѣтня-жеребенка и отпустилъ насъ на всѣ четыре стороны. Приютила насъ родная, со стороны матери, тетка, сама замужня съ троими дѣтьми... Жили они перебиваясь со дня на день, сами едва кормились, —такъ дармоѣдовъ держать было нерасчетливо. Взяли меня изъ школы... Учителемъ въ ней былъ священникъ, добрый, вроткій, отецъ Михаилъ Алексѣевичъ Колумбовъ; съ чувствомъ сердечной благодарности вспоминаю о немъ.

Горемычное наше житье было у тетки; истинно сказать, что ѣсть было нечего. Хлѣбъ, похожій Богъ вѣсть на что, пекли изъ просяныхъ отолчеевъ. Хлѣбъ клали въ печь, потомъ эту массу вытаскивали вочергой, такъ какъ безъ примѣси муки это мѣсиво не можетъ сплотиться въ коровай. Таковой хлѣбъ и свиньи неохотно ѣдятъ...

Кромѣ меня у тетки проживалъ братъ мой Егоръ. Чтобы избавиться отъ лишняго рта, задумала она сбыть меня на чужія руки и отдала въ село Дегтяное слѣпыхъ водить. Тамъ у одного слѣпаго не было жоатаго: онъ къ другимъ перешолъ; да и кромѣ того его хотѣли смѣнить за то, что онъ, какъ-то, своего слѣпаго въ крапиву завелъ. Покуда слѣпой странствовалъ, я, ради куска хлѣба, нанялся въ „собѣжки“: такъ называютъ у насъ одиновихъ пастуховъ, или подпасковъ, гоняющихъ скотъ до Егорьева дня (23 апрѣля) не въ стадѣ, а только съ одного, или двухъ дворовъ. Эту должность правилъ я не болѣе недѣли; нашли, что я для нее недостаточно смѣлъ, и вмѣсто всякихъ иныхъ заработковъ стали посылать просить милостыню. Для этого занятія одежишка моя была самая подходящая, т. е. лучше сказать, у меня ее почти не было. Однакоже я отказался и настолько упрямылся, что меня къ тому принудить не могли. Однако подошла самая голодная для деревни пора—февраль мѣсяцъ. Опять стала тетка посылать меня по міру, но такъ какъ я одинъ идти не рѣшался, то она въ спутницы мнѣ снарядила свою дочь, дѣвочку, Авсинью. Пошли мы съ двоюродной сестренкой въ деревню Мордвиновку, версты за четыре отъ насъ. Морозъ порядкомъ пробиралъ сквозь лохмотья и мы бѣжали въ припрыжку, спѣваясь дорогою, какъ-бы пожалобиѣ пѣть. Подойдя къ первому окошеу, затанули нашу тоскливую пѣсенку: „подайте милостинку, Христа-ради!“ Тянули, тянули и вытянули—блинъ, который тотчасъ-же съѣли; тоже повторилось у слѣдующей избы; но у третьей на насъ навинулись сабаки, бывшія, вѣроятно, голоднѣе насъ самихъ. Мы опрометью пустились домой, куда и прибыли съ пустыми руками.

Полуслѣпая бабушка съ нами же у тетки жила и ее, бѣдную, мнѣ особенно было жалко. Отправился я съ братомъ Егоромъ за шесть верстъ въ село Конзино, въ которомъ жили все однодворцы и тутъ мы съ нимъ понабрали порядочно. Сложивъ

подаваніе въ мѣшечки, мы пошли въ обратный путь, по дорогѣ, обсаженной ветлами. Идучи мимо деревьевъ, вздумали мы ударять по нимъ наши мѣшечки: пришли домой, а въ нихъ вмѣсто хлѣба однѣ крошки. Старушку все же мы навормили. Больше я уже не ходилъ за подаваніемъ.

На весну возвратился къ теткѣ ея мужъ, который гдѣ-то пропалъ. Вздумали они тогда приучать меня къ паханію, а было мнѣ тогда лѣтъ двѣнадцать. На пашню отправлялся я вмѣстѣ съ братомъ; но работалъ развѣ онъ одинъ: для меня это былъ трудъ непосильный. Обыкновенно я упрявился и садился на межу, настойчиво требуя, чтобы меня опять отдали въ шволу. За это дядя однажды постегалъ меня внутикомъ. Вмѣсто шволы отдали меня въ село Ухлово, въ работники къ священнику, отцу Петру (онъ донинѣ еще здравствуетъ). Обязанность моя заключалась въ уходѣ за лошадью. Уходъ-то былъ плохой, но, жалѣя свотинку, я ее часто кормилъ хлѣбомъ, такъ какъ имъ обильно снабжали священника.

Село Ухлово—богатое село; тамъ бываютъ еженедѣльные базары. Въ эти дни отецъ Петръ посылалъ меня за провизіею. Бывало, только скажешь: „отцу Петру“—и каждый торговецъ удѣлитъ малую толику; это крупки, это мука, это чего. Точно также хаживалъ я и на бойню, гдѣ мясники, не скупясь, охотно давали свѣжинки на батюшкинъ столъ. Мальчишка я былъ веселый—все пѣсни пѣлъ. Послѣ меня у отца Петра доживалъ братъ мой, о которомъ священникъ говорилъ: „этотъ все молится, а тотъ распѣвалъ пѣсни“. Случалось мнѣ ѣзжать съ попадьею, за вучера, и сважу не хвастая: по всей губерніи мудрено было отыскать другаго возницу... хуже меня! Я никогда не умѣлъ запречь лошадь какъ слѣдуетъ; въ особенности бился съ супонью. Вслѣдствіе этого, дорогу, которую можно было-бы проѣхать часа въ три времени, мы тащились чуть ни цѣлый день, такъ какъ лошадь безпрестанно распрягалась... Терпѣливая женщина была матушка-попадья!

Къ отцу Петру поступилъ я на жалованье двадцать пять рублей ассигнаціями въ годъ. Одежишку мнѣ справили дома: тетка дала нѣсколько рубахъ, да изъ какого-то старья спила полушубокъ. Но я не выжилъ у священника и четверти условленнаго срока. Какъ-то въ наше село Еголдаево, не знаю по какому слу-

чаю, еще до поступленія моего въ священнику, прїѣхалъ управляющій палатою государственныхъ имуществъ, Андрей Осиповичъ Андреевъ. Призвавъ къ себѣ старшину (онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ), Андреевъ сталъ его спрашивать: кто именно изъ сиротъ учится въ нашемъ сельскомъ училищѣ. Крестный называлъ меня, а управляющій записалъ, хотя въ то время меня въ училищѣ уже не было. Одинъ изъ бывшихъ моихъ товарищей, мой тезка Ванюша, пришелъ мнѣ сказать, что меня записалъ какой-то баринъ, прїѣхавшій въ тарантасѣ. Я пустился бѣжать; бабушка за мной: кричитъ, спотыкается. Не хотѣлось ей, чтобы меня взяли въ училище, такъ какъ отъ моего ученья ни ей, ни тетѣ, не предвидѣлось никакой поживы. Но Андреева я уже не захватилъ—онъ уѣхалъ въ Рязань, отъ которой наше село находилось въ 110 верстахъ.

Мѣсяца черезъ два дядя, прїѣхавъ къ отцу Петру, сказалъ мнѣ, что меня требуютъ въ училище; доживать же срокъ въ батракахъ у священника дядя привезъ брата Егора. Распростился я съ моими хозяевами и повезли меня въ наше сельское общество. Дѣло было въ декабрѣ, холода стояли сильные, а на мнѣ, кромѣ худенькаго сѣраго кафтана, другой одежишки не было и прозябъ я жестоко. Когда меня привезли въ правленіе, тамъ происходила расправа съ однимъ крестьяниномъ: его только что отодрали, а потомъ съ него же взыскали выпивку. Наказанный былъ негодный мужиченко; его высѣкли за неплатежъ податей и, главное, за частыя кражи; за что же онъ угощалъ своихъ судей и экзекуторовъ, этого я и до сихъ поръ не понимаю. Попадъ на этотъ пиръ, я потерпѣлъ въ чужомъ пиру похмѣлье. Изъ опасенія, чтобы я не замерзъ дорогою, мірошды вздумали поднести мнѣ большой стаканъ вина, который я, понятіе не имѣя объ этомъ зельи—осушилъ залпомъ.

— Ай молодецъ! крикнули крестьяне. Будетъ человекомъ!

Не помню, какъ меня довели до Рязска: я просто обезумѣлъ отъ выпитаго вина. Ввели меня въ окружное правленіе, начальникомъ котораго былъ тогда нѣкто Федоровъ. Насъ, сиротъ, понабрано было очень много и изъ нихъ-то надобно было еще сдѣлать выборку. Окружной начальникъ, обращаясь къ ребятишкамъ, спросилъ: „кто желаетъ учиться?“

— Я желаю учиться! крикнулъ я, выскочивъ впередъ.

— Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! сказала Федоровъ.

Готовность моя понравилась ему тѣмъ болѣе, что остальные дѣти почти всѣ пятились съ видимымъ не желаніемъ попасть въ училище. Я же самъ напрашивался.

Здѣсь необходимо объяснить, почему я изъ Храпова былъ переименованъ въ Пожалостина, тѣмъ болѣе, что покойные мои отецъ и мать были Храповы-же, однофамильцы.

Дѣдъ, отецъ матери, былъ, какъ я уже рассказывалъ, строителемъ нашей новой церкви. Со дня ея освященія по самую смерть старикъ постоянно посѣщалъ божественныя службы, стоя въ уголкѣ и держа меня подлѣ себя. Чуть, бывало, я зазѣваюсь по сторонамъ, онъ меня—дергъ за хохоль: „молись“, говоритъ, „молись“!

Набожень, благочестивъ русскій народъ, въ особенности сельскіе обыватели; но ребятишки и въ церкви тѣ-же баловники. У насъ въ селѣ, на примѣръ, мелюзга имѣла обыкновеніе, во время церковной службы, дурачиться и щелкать другъ дружку по мордасамъ, толкаться, съ шумомъ тѣсниться подъ благословеніе и т. д. Дѣдъ мой, унимая шалуновъ, твердилъ имъ постоянно: „пожалуйста, не деритесь! пожалуйста, не деритесь!“ Мальчишки, разумѣется, его не слушались, но однѣ и тѣ-же слова дѣда, постоянно повторяемые, вошли у шалуновъ въ поговорку. Размѣниваясь щелчками и толчками, они сами шептали: „пожалуйста, не деритесь!“ Отъ этого слова: „пожалуйста“ ребятишки, а за ними уже и взрослые, дали дѣду прозвище: „Пожалостина“. Наконецъ, оно замѣнило ему настоящую фамилію. Когда я ходилъ въ школу къ священнику Михаилу Алексѣевичу Колумбову ¹⁾, онъ не называлъ меня иначе; Пожалостинимъ записали меня и въ училище.

Въ школѣ у отца Михаила не успѣлъ я научиться многому; но благодаря Бога не позабылъ того, что зналъ. Церковную грамоту я читалъ порядочно, гражданскую—плохо; писалъ крупно, ариѳметики не зналъ, цифры чертилъ безсознательно. Склонность къ рисованію обнаруживалась у меня въ дѣтствѣ, какъ почти и

---

¹⁾ Этотъ почтенный человекъ—олицетвореніе доброты, скромности и безкорыстія, живъ до сихъ поръ подъ гнетомъ совершенной нищеты. У него сынъ въ семинаріи и восемь дочерей и почти никакихъ средствъ къ существованію!

въ каждомъ ребенкѣ: я рисовалъ на грифельной доскѣ видъ церкви; чертилъ углемъ, на воротахъ, фигуры солдатъ въ киверахъ. Я видалъ ихъ у насъ въ Еголдаевѣ при слѣдованіи отрядовъ черезъ наше село... Помнится еще, что забѣгая въ питейный домъ, они, выходя изъ него, прятали въ свои кивера косушки водки.

Изъ толпы мальчиковъ, представленныхъ окружному начальнику, кромѣ меня, нашелся еще одинъ охотникъ; остальные въ наборъ не попали. Въ этой группѣ дѣтей было нѣсколько типовъ, жестоко обиженныхъ природою; помнится, у одного мальчика лѣвая рука имѣла видъ рыбаго хвоста; не мало было хворыхъ и тщедушныхъ. Говорю не хвастая, но по наружности я рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ. Взявъ меня къ себѣ на квартиру, окружной купилъ мнѣ теплые сапоги (въ Рязскѣ я пріѣхалъ въ однѣхъ портянкахъ), далъ мнѣ брюки и одѣлъ довольно прилично. Потомъ, въ сопровожденіи старосты, при запискѣ, онъ отправилъ меня въ Рязань (за 105 верстъ отъ Рязска). Это было въ декабрѣ 1850 года; мнѣ было тринадцать лѣтъ. По пріѣздѣ въ Рязань, меня и другихъ мальчиковъ, изъ разныхъ волостей, до тридцати человекъ, до времени, помѣстили на квартирѣ въ Ямской слободѣ. Здѣсь оставались мы только одинъ день. 30 декабря послѣдовало открытіе въ Троицкой слободѣ сиропитательнаго пріюта, въ которомъ я получилъ первоначальное воспитаніе, пользуясь покровительствомъ человека, память котораго я чту и благословляю, какъ-бы память отца роднаго...

Это былъ тотъ самый Андрей Осиповичъ Андреевъ, который пріѣзжалъ лѣтомъ въ наше Еголдаево.

II.

Устройство училища.—Воспитатели.—Товарищи.—Первые опыты въ рисованіи.—Уроки рисованія.—Покровительство А. О. Андреева.—Директоръ гимназіи Шиллингъ.—Виноградовъ.—Увольненіе Андреева и его прощаніе съ нашимъ училищемъ.

Троицко-Зотиковское сиропитательное (или кругло-сиротское) училище было устроено на суммы отъ министерства государственныхъ имуществъ. Оно помѣщалось въ Троицкой слободѣ въ особомъ домѣ красивой постройки, съ прикупленною въ нему землею въ количествѣ 25 десятинъ. На этомъ пространствѣ раз-

ведены были садъ, огородъ, находилась образцовая ферма и пашня для практическихъ занятій учениковъ. Душою и, такъ сказать, сердцемъ этого благодѣтельнаго заведенія былъ А. О. Андреевъ. Учебная программа ограничивалась закономъ Божиимъ, арифметикою, чтеніемъ и письмомъ; остальные часы посвящены были практическому изученію разныхъ отраслей сельскаго хозяйства— преимущественно въ весенніе, лѣтніе и осенніе мѣсяцы, такъ какъ заведеніе, по самому своему составу, не могло быть иное, какъ закрытое. Комплектъ полагался въ 40 человекъ учениковъ, въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ. Плата за каждаго воспитанника, по 36 рублей въ годъ, производилась отъ сельскихъ обществъ, въ которымъ сироты принадлежали. При моемъ поступленіи въ училище въ немъ находилось тридцать девять человекъ воспитанниковъ. Это была, выражаясь словами Пушкина, самая пестрая смѣсь... „лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Рязанцы (и я въ ихъ числѣ) „щокали“, т. е. вмѣсто „что“ говорили „що“: (щоты гуторишь?); Касимовцы—вмѣсто ч, выговаривали ц: „цево“, „хоцу“; выискался даже представитель какого-то совершенно невозможнаго нарѣчія; никто изъ насъ не могъ добиться смысла, напримѣръ, этой фразы: „какая моя тряпица“ (которая моя тряпка)?

Переходъ отъ деревенской нищеты къ довольству и удобствамъ жизни въ училищѣ, на всѣхъ насъ—и на меня, перваго—произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Прекрасная, вдоволь даваемая пища, опрятное помѣщеніе, невиданныя вѣкъмъ изъ насъ до того времени кровати съ тюфяками, подушками, одеялами и чистымъ бѣльемъ. Нашли намъ красныхъ кумачныхъ рубахъ, нанковыя паровары, кафтанчики съ синими кушаками: это были наряды праздничные. Въ будни мы ходили въ бѣлыхъ полотняныхъ рубахахъ—всегда мило, чисто, красиво! На открытіи училища въ числѣ именитыхъ гостей находился нашъ владыко, высокопреосвященный Гавріилъ; губернаторъ, по болѣзни, отсутствовалъ.

При воспоминаніи о школьныхъ годахъ, въ разсказахъ устныхъ и печатныхъ, принято разоблачать изнанку и выставять темныя стороны нашего воспитанія. Не могу и я, въ моихъ разсказахъ, миновать этого; но оборачивая медаль обратною стороною, дѣлаю это безъ всякаго чувства озлобленія, или ропота. Тридцать два года тому назадъ, о гуманномъ обхожденіи съ учениками не имѣли понятія не только въ сельскихъ школахъ, но даже и въ

остальныхъ училищахъ. Первый мой учитель, священникъ Колумбовъ, никого изъ своихъ учениковъ не только не трогалъ пальцемъ, но даже не укорялъ браннымъ словомъ. Но, люди подобные ему—рѣдки, даже въ наше человѣколюбивое время. Учитель въ нашемъ заведеніи, преподававшій намъ всѣ предметы, былъ со-всѣмъ инаго характера. Онъ былъ изъ „кутейниковъ“ перваго разряда, его помощникъ—изъ втораго. Фамилія перваго была Горячевъ, помощника его—Смирновъ и, сказать по правдѣ, только въ старинныхъ романахъ и театральныхъ пѣсахъ можно было бы отыскать тавія подходящія прозвища, или, по просту выражаясь, „клички по шерсти“. Горячевъ соединялъ въ своей особѣ должности учителя и—едва не палача: тиранилъ насъ безбожно; розгами сбѣлъ до обморока, волосы вырывалъ клочьями. Одинъ ученикъ Лазутинъ оплѣшивѣлъ по его милости. Дѣло дошло до того, что нашъ дядька, человѣкъ мягкосердый, кроткій, донесъ на учителя А. О. Андрееву. Въ первый-же свой прїѣздъ къ намъ, во время уроковъ, Андрей Осиповичъ, въ классѣ прочелъ „съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой“ басню: „Волкъ и овцы“. Горячевъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ, приподнялся съ мѣста и опять опустился.... Послѣ мы узнали, что онъ захворалъ со злости, но мѣста все-таки не лишился—его не смѣнили, а онъ обхожденія съ нами не перемѣнилъ. Порядкомъ доставалось намъ, овечкамъ, отъ этого волка.

Помощникъ его, Смирновъ, былъ совершенная „смиреница“; именно это слово употребляю потому, что обхожденіе его отличалось истинно женственною кротостью.

Учился я хорошо и по спискамъ значился попеременно, когда—первымъ, когда—вторымъ, но никогда не ниже. Въ старшинствѣ со мною соперничалъ другой ученикъ, дѣтина двадцати лѣтъ, по умственному развитію и по знанію и даже по росту—превосходилъ и меня, и всѣхъ насъ. Однакоже я успѣшно соперничалъ съ нашимъ Голиаѳомъ; отвѣчалъ всегда хорошо изъ всѣхъ предметовъ, особенно отличался въ чистописаніи, получая всегда „пятерку“, т. е. высшій баллъ. Навонецъ, за успѣхи въ ученіи я удостоился получить лестную награду: галунныя нашивки на плечи вафтана, въ родѣ военныхъ погоновъ. Я былъ въ восторгѣ!

Въ свободные отъ ученія часы, по вечерамъ, я занимался рисованіемъ на грифельной доскѣ: выводилъ треугольники, глазки,

купидошекъ. Не довольствуясь этими первыми опытами, я захотѣлъ рисовать на бумагѣ. У насъ въ Рязани былъ древній соборъ, построенный княземъ Олегомъ-Рязанскимъ въ исходѣ XIV вѣка ¹⁾. Я задумалъ нарисовать именно этотъ соборъ. Добылъ себѣ бумагу, но свѣту у меня не было, такъ какъ, уходя для рисованія въ нашу молельню, я былъ принужденъ работать при свѣтѣ огарка. Спутникомъ моимъ былъ обыкновенно одинъ изъ товарищей, такъ какъ я боялся домовыхъ, а рисовалъ по ночамъ, когда все училище спало глубокимъ сномъ. Внутренній видъ собора я задумалъ нарисовать въ одну ночь. Старался всѣми силами, вырабатывая мельчайшія подробности, само собою—безъ всякаго соблюденія перспективы.... Занятіе, увлекательное для меня, нагоняло дремоту на бѣднаго моего товарища: долго онъ вѣпилъ, наконецъ ушелъ спать. Углубясь въ свое рисованье, я позабылъ мой суевѣрный страхъ и докончилъ рисунокъ. На утро товарищъ говорилъ мнѣ:

— Какъ только я пришолъ отъ тебя вчера, въ спальню, и легъ въ постель, вижу—къ тебѣ пошла какая-то женщина, одѣтая вся въ голубомъ, будто Богородица. Я, какъ увидалъ, такъ и подумалъ: „ну, достанется ему!“

Понятно, товарищу моему во снѣ пригрезилось, но его рассказъ глубоко запалъ въ мою память. Я рѣшился рисовать, пользуясь отсутствіемъ Горячева, должность котораго занималъ тогда нашъ добрый Смирновъ. Отъ Горячева досталось бы мнѣ порядкомъ; можетъ быть онъ отбилъ бы у меня навсегда охоту къ рисованію. Будучи старшимъ ученикомъ, я долженъ былъ репетировать уроки съ младшими, а между тѣмъ—грѣшенъ! время репетицій я тратилъ на рисованіе. Какъ ни скрывалъ я своей „картины“ отъ товарищей, но на утро всѣ они знали, что у меня есть рисунки. Пришолъ Смирновъ, Иванъ Семеновичъ—они и ему разболтали:

— Покажи-во мнѣ, что ты нарисовалъ? спросилъ меня Смирновъ.

— Я струсилъ и прошепталъ, что не рисовалъ ничего. „Покажи, покажи!“ настаивалъ онъ—„вѣдь я тебѣ за это ничего не

¹⁾ Князь Олегъ (Іаковъ) Рязанскій, сынъ Коротопола, родился около 1330 года, скончался 5 іюля 1402 года, погребенъ въ Солотчинскомъ монастырѣ въ 18 верстахъ отъ Рязани.

сдѣлаю". Ободренный его ласковымъ голосомъ и доброю улыбкою, я показаль свой рисунокъ. Смирновъ долго его разсматриваль и сказалъ:

— Послушай: сегодня прѣдетъ къ намъ нашъ управляющій, Андрей Осиповичъ; я покажу ему твой рисунокъ. Это—гордость наша! Ты никогда не учился рисовать, а между тѣмъ такъ хорошо это сдѣлаль.

Андрей Осиповичъ посѣщаль насъ каждую недѣлю и прѣзды его были для всѣхъ насъ настоящими праздниками. Бывало, съ пустыми руками не прѣзжалъ, а всегда привозилъ съ собою и раздаваль каждому по калачику и по яблоку, а то и по вязочкѣ кренделей. Эти гостинцы онъ всегда покупаль на свой собственный счетъ... Заговоривъ объ этомъ добрыйшемъ человѣкѣ, я не приберу словъ, чтобы достойнымъ образомъ воздать хвалу святой его памяти. Къ нему примѣнимы были слова Спасителя: „Царство мое не отъ міра сего“. Онъ скончался немного лѣтъ тому назадъ—и въ крайней бѣдности (люди, подобные ему, никогда не могутъ быть богаты); но даже, нуждаясь самъ, никогда не могъ пройти мимо нищаго, не подавъ ему милостыни—и не копѣйку, не грошь, а чаще всего мелкую серебряную монету. И дѣлалось это всегда безъ всякой хвастливости, просто, добродушно, даже съ какою-то стыдливостью благотворенія!

Смирновъ показаль мой рисунокъ Андрею Осиповичу, оставшись съ нимъ наединѣ. Погода немного, они меня позвали.

— Это ты рисоваль, Пожалостинъ? спросилъ Андреевъ.

— Я—самъ, Андрей Осиповичъ! отвѣчаль я.

— Молодецъ! Пречудесно... У него есть большой талантъ, обратился онъ къ Смирнову. А скажи мнѣ, Пожалостинъ, хотѣлъ бы ты учиться рисовать?

Не помню, что я отвѣчаль Андрею Осиповичу; онъ опять похвалиль меня и уѣхаль.

На другой день приходитъ къ намъ учитель рисованія. Фамилія его не помню; знаю, только, что онъ былъ изъ крѣпостныхъ и очень способный. Занимаясь живописью, бѣднякъ укрывался отъ преслѣдованій своего барина, до времени; но кончилось тѣмъ, что помѣщикъ все-таки вытребоваль его къ себѣ и его занятія со мною прекратились. Сначала учился я одинъ; потомъ вызвали желающихъ и таковыхъ оказалось, кромѣ меня, четверо.

Но ихъ успѣхи далеко не соответствовали охотѣ къ рисованію; я же, съ помощію Божіею, настолько успѣвалъ, что черезъ два мѣсяца, мой благодѣтель, Андрей Осиповичъ, помѣтилъ въ своемъ дневникѣ.... „удивлялся успѣхамъ въ рисованіи мальчика Ивана Пожалостина, который въ 8 или 9 уроковъ прекрасно вырисовываетъ головки...“ За уроки рисованія Андреевъ платилъ изъ собственнаго кармана по 5 рублей: цѣна, сравнительно, не малая, если взять во вниманіе, что старшій учитель получалъ у насъ 10 руб. асс. въ мѣсяцъ. По уходѣ перваго моего учителя рисованія, пригласили другаго, именно Горюшкина. Онъ написалъ портретъ съ Андреева и вообще былъ человѣкъ талантливый. Это все происходило уже на второй годъ пребыванія моего въ училищѣ, весною и лѣтомъ 1852 года. Занятія мои рисованьемъ шли безпрепятственно и успѣшно. Должность старшаго учителя, по болѣзни Горячева, исправлялъ Смирновъ. Законоучителемъ, вмѣсто прежняго приходскаго священника отца Петра, былъ магистръ, учитель въ семинаріи. Горячевъ, слава Богу—рѣдко бывалъ у насъ. Узнавъ, что я учусь рисованію, онъ обозлился, да ничѣмъ не могъ мнѣ повредить, потому что Андрей Осиповичъ заботился обо мнѣ съ самымъ отеческимъ участіемъ. Злость и ехидство Горячева, безъ всякаго сомнѣнія, происходила отъ какой-нибудь болѣзни печени, или легкихъ; но намъ-то отъ этого не было легче! Въ мое время, и сельскихъ и городскихъ учителей набирали — „съ бору да съ сосенки“, и въ дѣлѣ педагогическомъ, положимъ, я человѣкъ темный... но думается мнѣ, что людей больныхъ, нервныхъ, желчныхъ, чахоточныхъ и т. п. не слѣдовало и не слѣдуетъ помѣщать на должности учителей и наставниковъ. Говорятъ: нечистый сосудъ можетъ отравить самый сладкій напитокъ; точно также наука, преподаваемая человѣкомъ желчнымъ, ядовитымъ, можетъ приобрести, въ глазахъ учениковъ, ей неприличный характеръ жестокости и злобы. Учитель исторіи, словесности, самаго закона Божія, можетъ придать своимъ предметамъ форму самую непривлекательную. Но возвращаюсь къ моимъ занятіямъ.

Удѣляя большую часть учебнаго времени на мои занятія рисованіемъ, Андрей Осиповичъ приказалъ уволить меня на лѣтнее время отъ работъ въ саду и на практической пашнѣ. Это распоряженіе имѣло цѣлю предохранить мои руки отъ огрубѣнія и неизбѣжнаго ихъ дрожанія послѣ тяжкихъ механическихъ трудовъ. Но

не я одинъ пользовался милостивымъ вниманіемъ Андреева: для него наше училище было чѣмъ-то роднымъ, близкимъ сердцу. Не желалъ бы я употребить избитое сравненіе его съ отцомъ, а насъ, воспитанниковъ — съ дѣтьми; между тѣмъ, оно именно такъ было. Обхожденіе его, всегда привѣтливое, кроткое, отличалось чисто родственнымъ характеромъ. Иногда, пріѣзжая къ намъ со своею доброю женою и дѣтьми, онъ отпускалъ послѣднихъ гулять и играть вмѣстѣ съ нами, воспитанниками. Въ теперешнее время подобное обхожденіе съ питомцами казенныхъ заведеній не только не рѣдкость, но почти обязательно, какъ для высшихъ, такъ и для ближайшихъ начальниковъ. Тридцать лѣтъ назадъ, было иное. Слѣдя за успѣхами учениковъ вообще, мой благодѣтель сообщалъ о нихъ постоянно министру государственныхъ имуществъ графу Павлу Дмитріевичу Киселеву. Такъ, между прочимъ, 29 апрѣля 1852 года, рапортуя ему о цвѣтущемъ состояніи училища, Андрей Осиповичъ писалъ:

... „Имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего сіятельства шесть рукописей трехъ питомцевъ Круглосиротскаго училища: Луки Дорогина (14 лѣтъ отъ роду), Ивана Пожалостина (13 лѣтъ) и Ивана Жохова (13 лѣтъ) и три образца рисованія средняго изъ сихъ мальчиковъ, т. е. Пожалостина, который отличаюсь особенною добротою сердца, прекрасными умственными способностями, ревностнымъ прилежаніемъ къ учению, преимущественно расположенъ въ сему высокому изяществу, для ознакомленія съ коимъ имѣлъ еще не болѣе двѣнадцати двухчасовыхъ уроковъ. Милостивое вниманіе вашего сіятельства на первые, слабые дѣтскіе опыты упомянутыхъ воспитанниковъ сиротъ въ чистописаніи, и исключительно Пожалостина въ рисованіи, который въ обществѣ своемъ, откуда взятъ въ училище, не имѣетъ рѣшительно никакого имущества, я сочту за великую награду себя“.

Въ этой-же бумагѣ Андреевъ ходатайствовалъ о наименованіи нашего заведенія: „Центральнымъ Зотиковскимъ Сиропитательнымъ училищемъ, въ память св. Зотика, празднуемую въ день основанія (30 декабря 1850 г.). Ходатайство его было уважено. Его заботы объ училищѣ были неутомимы и цвѣтущее его состояніе составляло, можно сказать, всю цѣль жизни этого достойнѣйшаго человѣка. Къ несчастію, именно доброта и благородная довѣрчивость были причинами, если не гибели Андрея Осиповича, то, по крайней мѣрѣ, совершенному разстройству всей его служебной карьеры.

Главнымъ распорядителемъ по нашему училищу былъ, служившій подъ начальствомъ Андреева, Евгенийъ Николаевичъ Виноградовъ, казначей палаты государственныхъ имуществъ. Этотъ человѣкъ, въ чести котораго Андрей Осиповичъ былъ вполне увѣренъ, впоследствии былъ подъ судомъ за растрату. Но за годъ до того, не вѣдаю по какой причинѣ, Андрееву предложили подать прошеніе объ отставкѣ, за болѣзнію. Осенью 1852 года онъ, по этому неприятому обстоятельству, ѣздилъ въ Петербургъ, а уволили его указомъ отъ 31 декабря—на другой день нашего училищнаго праздника. Сдавъ всѣ дѣла по службѣ и по попечительству своему преемнику, нашъ благородный, сердечный Андрей Осиповичъ—5 февраля 1853 года—распростился съ нами и уѣхалъ на житье въ Кострому.

Жестокій ударъ, постигшій Андреева въ его служебной карьерѣ, не вызвалъ въ его чистой душѣ ни малѣйшаго проблеска эгоизма, или забвенія пользы другихъ. Иной, въ его положеніи, въ особенности человѣкъ, который заискивалъ-бы въ начальствѣ притворнымъ усердіемъ—махнулъ на все рукой, а на воспитанниковъ въ особенности. Но не таковъ былъ нашъ Андрей Осиповичъ. Передавая училище въ вѣдѣніе другаго лица, онъ продолжалъ заботиться о дѣтяхъ, еще нѣжнѣе, еще горячѣе прежняго. Въ доказательство привожу слѣдующій отрывокъ изъ его дневника:

— „13 января 1853 г. (во вторникъ) послалъ я къ г. министру государственныхъ имуществъ портретъ его, нарисованный отлично питомцемъ Троице-Зотиковскаго сиропитательнаго пріюта, сиротою Иваномъ Пожалостинымъ, карандашемъ итальянскимъ, съ портрета графа прежняго еще изданія, который находится въ томъ пріютѣ. Представленіемъ, при коемъ отправлены портретъ и вѣдомость объ успѣхахъ сиротъ въ ученіи, просилъ я его сіятельство о порученіи будущему преемнику моему обратить христіанско-отеческое вниманіе на этотъ пріютъ, какъ поставленный мною, съ Божіей помощью, твердо на религіозно-нравственныхъ началахъ и отъ котораго посему ожидать должно для сельскихъ обществъ государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи однихъ только добрыхъ плодовъ народнаго образованія. Въ этотъ-же день я отнесся письменно съ просьбой къ г. директору гимназій Федору Ивановичу Шиллингу о содѣйствіи мальчику Пожалостину къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію въ немъ отличной способности къ рисованію, чрезъ допущеніе его къ хожденію въ рисовальный классъ гимназій.“

Ө. И. Шиллингъ, при личномъ свиданіи съ Андреемъ Осиповичемъ, объяснилъ, что посѣщеніе мною классовъ рисованія въ гимназіи тѣмъ неудобно, что гимназисты, нося форму, неохотно будутъ видѣть среди себя мальчика-крестьянина. Догадываюсь, что и сословное предубѣжденіе родителей было при этомъ на видѣ поставлено. Поэтому устроили дѣло такъ: уроками рисованія я могъ пользоваться въ квартирѣ учителя Николая Степановича Иванова, въ послѣобѣденную пору, отъ двухъ до четырехъ часовъ.

Въ четвергъ 5 февраля 1853 года, по выслушаніи напутственнаго молебна, въ присутствіи нѣсколькихъ чиновныхъ лицъ, Андрей Осиповичъ распростился съ нами. Не умѣю я говорить фразы, но здѣсь скажу, что прощаясь съ Андреевымъ, мы, сироты, каждый изъ насъ—вторично теряли добраго, нѣжнаго отца. Нашъ законоучитель о. Николай Михайловичъ Смирновъ написалъ кантату на отъѣздъ нашего благодѣтеля, переложенную на музыку другимъ священникомъ, Виноградовымъ. Мы пѣли ее хоромъ, прерываясь рыданьями; плавали почти всѣ присутствовавшіе. Въ дневникѣ покойнаго Андрея Осиповича сохранились слова этой кантаты; привожу двѣ первыя строфы. Да не взмущетъ читатель на этихъ „виршахъ“—отсутствіе литературныхъ достоинствъ искупается въ нихъ неподдѣльностью и искренностью:

Отецъ ты нашъ и нѣжный другъ,
Какъ жаль съ тобой разстаться вдругъ!
Когда того мы и не ждали,
Но долго жить съ тобой мечтали!

* * *

Случилось Иисусъ Навину,
Когда война шла въ половину,
Остановить и солнце смѣло ..
Чтобы свое повончить дѣло!
Остановись и ты предъ нами,
Взываемъ дѣтскими устами,
Чтобъ дѣтямъ, намъ, въ послѣдній разъ
Твой слышать кроткій, сладкій гласъ;
Что бы твой милый, кроткій ликъ,
Намъ въ душу дѣтскую проникъ!
И въ ней остался навсегда,
Не изглаждаисъ никогда!

Оставивъ по себѣ въ нашемъ училищѣ добрую, неизгладимую память, Андреевъ сердцемъ не разставался съ нимъ. Нашъ священникъ и нѣкоторые изъ воспитанниковъ (въ томъ числѣ и я) вели съ нимъ постоянную переписку. Далѣе я приведу нѣсколько выдержекъ изъ нашихъ писемъ къ Андрееву и его отвѣтовъ; теперь-же возвращаюсь къ рассказамъ лично о себѣ.

III.

Рисунокъ Венеры Медицiйской.—Уроки у Иванова.—Кутежи Виноградова.—Пѣвчiе.—Судъ надъ казнокрадомъ.—Поджигатель.—Мой выпускъ изъ училища.—Лозинскiй.—Поступленiе на службу въ село Солотчи.

Мои занятiя рисованьемъ подъ руководствомъ Горюшкина шли настолько успѣшно, что къ экзамену у насъ въ училищѣ я приготовилъ рисунокъ со статуи Венеры Медицiйской. Этотъ выборъ покажется, можетъ быть, нѣсколько страннымъ—но, въ оправданiе учителю могу сказать, что онъ былъ также чистъ сердцемъ и наивенъ, какъ его ученикъ: онъ въ безсмертномъ произведенiи дряннаго ваянiя видѣлъ лишь образецъ изящества, а я былъ слышкомъ невиненъ, чтобы глядѣть на Венеру глазами материалиста. Простодушие нашего училищнаго начальства простерлось до того, что мой рисунокъ представили посѣтившему экзаменъ преосвященнѣйшему Гавриилу, архiепископу Рязанскому и Зарайскому. Сочли неприличнымъ только назвать ему языческую богиню и переименовали ее Евою... Читателю, конечно, извѣстно, что въ лѣвой рукѣ у статуи край драпировки.

Благословивъ меня, владыко внимательно осмотрѣлъ рисунокъ и одобрилъ, но обращаясь къ Андрееву сказалъ:

— Андрей Осиповичъ, гдѣ-же Ева-то полотенце взяла? Въ раю полотенецъ, кажется, не было.

Не помню, кто-то сказалъ въ отвѣтъ, что это-де Ева—послѣ грѣхопаденiя!

Заслуживъ всеобщiя похвалы за рисованье, я „срѣзлся“ изъ ариѳметики, изъ которой прежде, при всей строгости учителя, всегда получалъ пятерки. Но этотъ разъ меня наградили трой-

вою. По просьбѣ Андреева, которому писали объ этомъ, мнѣ въ награду постояннаго прилежанія прибавили еще одинъ баллъ.

Живя въ училищѣ, я, какъ уже было говорено выше, ходилъ учиться рисованію къ Иванову на его квартиру, въ гимназію. Учитель помѣстилъ меня у себя въ передней, разумѣется, не большой, но свѣтлой каморкѣ. Одною изъ первыхъ моихъ работъ была копія съ гравюры: Сивстинская Мадонна; потому я вопировалъ все, что учителю было угодно. По неимѣнію циркуля, я бралъ размѣры бумажною линейкою. Замѣчу, что отсутствіе техническихъ пособій развиваетъ въ ученикѣ смѣтливость, сноровку и, отчасти, глазомѣръ.

Директоръ гимназіи Федоръ Ивановичъ Шиллингъ, человекъ высокообразованный и добрый, не оставлялъ меня вниманіемъ. Когда я ованчивалъ Мадонну, разъ, взглянувъ въ окно, вижу — идетъ Шиллингъ, а за нимъ вереницей тянутся гимназисты. Войдя въ прихожую, онъ ласково сказалъ:

— Что, занимаетесь? Хорошо, хорошо, продолжайте!

Потомъ сдѣлавъ рукою знакъ гимназистамъ, пригласилъ ихъ по десяти человекъ подходить и смотрѣть на мое рисованье. „Видите-ли, говорилъ онъ при этомъ, простой крестьянскій мальчишъ, и какъ хорошо и прилежно работаетъ, а вы ничего дѣлать не хотите. Берите съ него примѣръ“.

Но гимназисты примѣра съ меня не брали, а ихъ учитель рисованія, пользуясь моею страстью къ искусству, обыкновенно передъ актомъ, давалъ мнѣ рисунки гимназистовъ для подправки и ованчанія, что я весьма охотно дѣлалъ. Не знаю, извѣстно-ли это было директору. У Иванова, кромѣ меня, былъ еще другой ученикъ, отданный къ нему на года, за опредѣленную плату. На тѣхъ же условіяхъ онъ желалъ принять и меня, такъ какъ до того времени я пользовался его уроками бесплатно. Это желаніе было тѣмъ справедливѣе, что Ивановъ, человекъ не богатый, тогда только что женился. Но кто-же взялся-бы платить за меня? При Андреевѣ дѣло могло-бы уладиться; но онъ жилъ тогда въ Костромѣ, почти изъ милости у своей родственницы. Новый покровитель учениковъ, — Виноградовъ былъ человекъ инаго закала, а занявшій мѣсто Андрея Осиповича въ палатѣ государственныхъ имуществъ Вердеревскій, жилъ слишкомъ на барскую ногу,

чтобы обращать вниманіе на крестьянскихъ мальчишекъ, учащихъ рисованью. Его вскорѣ смѣнили другой чиновникъ, при которомъ наше училище окончательно перестало занимать собою высшее начальство.

И такъ, уроки мои у Иванова прекратились и—на продолжительное время. Тогда, какъ разъ, обнаружена была растрата казенныхъ денегъ, произведенная Виноградовымъ, на сумму двадцать три тысячи. Происходила она еще при Андреевѣ, такимъ образомъ: получая деньги съ почты, Виноградовъ, не говоря о нихъ ни слова Андрею Осиповичу, клалъ ихъ спокойно себѣ въ карманъ, безумно расходуя на собственные прихоти. Андреевъ, будучи самъ человѣкомъ честнѣйшимъ, не могъ допустить и тѣни сомнѣнія въ отношеніи къ Виноградову.

Принявъ въ свое вѣдѣніе наше училище, по отъѣздѣ Андрея Осиповича, этотъ господинъ, подражая ему, посѣщалъ насъ часто, и ласкалъ, деньгами и лакомствами дарилъ. Но самая его внимательность въ дѣтямъ избличала человѣка съ испорченнымъ сердцемъ. Андреевъ, какъ я уже говорилъ, навѣщавъ насъ, какъ отецъ дѣтей, лакомилъ на свой счетъ, знакомилъ съ своимъ семействомъ, внушалъ правила благочестія, нравственности и неподкупной честности. Виноградовъ, не имѣя о нихъ можетъ быть и понятія, не заботился о нашемъ нравственномъ развитіи, обращая вниманіе исключительно на уроки пѣнія. И надобно правду сказать, нашъ хоръ успѣшно соперничалъ съ архіерейскими пѣвчими, первыми въ городѣ. Правда, между нами не было басовъ; за то альты и дисканты отличались металлическою звонкостью и нѣжностью голосовъ. Я былъ не изъ послѣднихъ. Помню, когда насъ учили пѣть, одинъ изъ учениковъ никакъ не могъ правильно выговаривать: „Царю небесный“; какъ ни старался—всегда выходило: „чарю“... За это его препорядочно дули линейкой.

Забавляясь нашимъ пѣніемъ, и, въ свою очередь, желая забавлять насъ, Виноградовъ, вмѣстѣ съ учителемъ пѣнія, водилъ насъ гулять въ лѣсъ, въ сосѣдній Троицкій монастырь и тамошнюю слободу, заселенную „монашескими женами“. По этому прозвищу, данному въ народѣ тамошнимъ жительницамъ, читатель можетъ судить о нравственности слобожанокъ и о ихъ отношеніяхъ въ монахамъ. Намъ, дѣтямъ, по милости Виноградова перѣдко

случалось бывать свидѣтелями разгульнаго пьянства и кощунственныхъ шутокъ братіи! Какъ я, такъ и многіе изъ моихъ одноклассниковъ жестоко разочаровались въ томъ мнѣніи, которое издѣтства сложилось у насъ о монашествующихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то мертвящимъ холодомъ охватило и наши дѣтскія вѣрованія... Богъ вѣсть, до чего дошло бы вредное вліяніе на насъ отъ посѣщеній слободы, если-бы, наконецъ, не обнаружили растраты, производимыя Виноградовымъ.

Подвергнутый аресту, онъ, при первыхъ-же вопросахъ, повзвалъ, что документы, къ этому дѣлу относящіеся, имъ затеряны. Слѣдователи, подозрѣвая, что нашъ учитель пѣнія, а можетъ быть даже и нѣкоторые изъ старшихъ воспитанниковъ, не безъ грѣха, произвели обыскъ въ нашемъ училищѣ. Меня и двухъ старшихъ товарищей приводили къ присягѣ: не извѣстно-ли намъ чего о растратахъ Виноградова? Учитель пѣнія, О—въ, заранѣе припугнулъ насъ розгами, если мы скажемъ хоть одно слово во вредъ его пріятелю, т. е. о гулянкахъ въ слободѣ. Съ своей стороны и судья страдалъ наказаніемъ за утайку при нашихъ показаніяхъ. Впослѣдствіи времени, припоминая объ этомъ казусѣ, я недоумѣвалъ: какимъ это родомъ, насъ, несовершеннолѣтнихъ приводили къ присягѣ? Но, мало-ли что бывало тридцать лѣтъ тому назадъ. На вопросахъ я и товарищи мои отвѣчали заповѣдное: „знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“, чѣмъ конечно выгородили нашего учителя. Но Виноградовъ не могъ дешево отдѣлаться: онъ высидѣлъ въ тюрьмѣ двѣнадцать лѣтъ и получилъ прощеніе вслѣдствіе всемілостивѣйшаго манифеста. Обживаясь и по обыкновѣнью въ своемъ заточеніи, Виноградовъ не пожелалъ воспользоваться предоставленной ему свободой и остался въ тюрьмѣ на постоянное жительство, взявъ въ свое вѣдѣніе столярную мастерскую. Эта поворность своему жребію бывшаго чиновника тронула тюремное начальство и оно, позывывъ о казнокрадствѣ Виноградова, довѣрилось ему. Нашему молодцу только этого-то и нужно было: въ одинъ прекрасный день, обокравъ мастерскую, онъ скрылся изъ тюрьмы и сдѣлался окончательнo мошенникомъ, потомъ пропалъ безъ вѣсти. Такова ужъ видно была натура!

Къ слову объ испорченности природы приведу примѣръ изъ нашего школьнаго быта, случившійся еще при Андреевѣ. Приводятъ, какъ-то, новаго воспитанника.

— Какъ твоя фамилія? спрашиваетъ Андрей Осиповичъ.

— Несчастливъ.

— У меня всѣ должны быть счастливы; называйся Счастливымъ.

Переименованіе мальчика не повело ни къ чему, такъ какъ видно ему было на роду написано оправдать первоначальную фамилію. На меня съ первой-же встрѣчи онъ произвелъ самое не-приятное впечатлѣніе; я замѣтилъ у него въ глазахъ что-то злое и лукавое; учился онъ лѣнливо, былъ грубъ съ товарищами, дерзокъ съ учителями. Какъ старшій по училищу, я слѣдилъ за нимъ, опасаясь какой нибудь недоброй выходки. Мои опасенія оправдались: Счастливый поджогъ флигель нашей школы, въ которомъ жилъ учитель. Главное зданіе отстояли. Этотъ поджогъ не былъ обнаруженъ и пожаръ приписали простой случайности. Счастливый не унялся и, наконецъ, былъ пойманъ на чердакѣ училища, гдѣ развелъ огонь, опять съ цѣлью поджога. На этотъ разъ, уличенный, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, потомъ сданъ въ солдаты. Дальнѣйшая его судьба мнѣ неизвѣстна, но не думаю, чтобы служба могла исправить человѣка съ враждебными преступными наклонностями.

Настало время моего выпуска изъ училища. Готовясь разстаться съ нимъ, уже достигнувъ юношескихъ лѣтъ, я вполне сознавалъ и свое сиротство, и безотрадное будущее. Добрый мой учитель рисованія Николай Степановичъ Ивановъ ¹⁾ взялъ меня къ себѣ и пріютить изъ жалости. У него я занялъ должность краскотера и поэтому имѣлъ возможность заниматься живописью масляными красками. Писалъ, по отзывамъ знающихъ людей, недурно и очень скоро. Образъ Симеона Богопріимца, начатый другимъ ученикомъ, на холстѣ, я очень удачно докончилъ. Неодолимая сила влекла меня къ прекрасному искусству, но выше этой силы была другая — начальство. По распоряженію палаты государственныхъ имуществъ я былъ опредѣленъ на службу къ гражданскому инженеру Лозинскому, у котораго прожилъ недѣли три. Онъ хорошо обходился со мною и въ будущемъ обѣщаль мнѣ порядочныя выгоды. Помимо своей должности инженера,

¹⁾ Почтенный мой учитель живъ донинѣ, въ отставкѣ и на пенсіи.

Лозинскій занимался землемѣрными работами. Желая меня къ нимъ пріохотить, онъ часто говорилъ о выгодахъ этихъ работъ: „протащишь цѣпь—тебѣ рубля три дадутъ!“ Но эти благостыни не больно-то меня привлекали, а раскрашиваніе архитектурныхъ и геодезическихъ плановъ имѣло въ живописи точно то же отношеніе, какъ маршруровка къ танцованью. Кончилось тѣмъ, что я обратился къ окружному начальнику Петру Павловичу Донскому съ просьбою о перемѣщеніи меня отъ Лозинскаго, опять къ Иванову. На это Петръ Павловичъ не соизволилъ, а назначилъ меня помощникомъ волостнаго писаря въ село Солотчи, на постоянное жалованье.

Село Солотчи, прежде принадлежавшее монастырю, основанному Олегомъ Рязанскимъ (онъ въ тамошней соборной церкви и похороненъ) образовалось изъ водворившихся въ немъ монастырскихъ служителей. Составлявшіе часть населенія государственные крестьяне были всѣ иконописцы. Главнымъ воротилой этого мастерства въ Солотчахъ былъ старикъ Люхинъ, въ свое время успѣшно занимавшійся живописью, но, впоследствии, сдѣлавшійся чѣмъ-то въ родѣ аффериста. Онъ выписывалъ изъ Москвы не только искусныхъ мастеровъ, но даже и настоящихъ художниковъ. Таковъ былъ нѣкто Мягковъ. Но о жизни въ Солотчахъ я расскажу подробнѣе на слѣдующихъ страницахъ; теперь, по порядку времени, упомяну о моихъ родныхъ, о которыхъ не имѣлъ ни слуху, ни духу въ теченіе четырехъ лѣтъ.

IV.

Участь моихъ родныхъ.—Рекрутчина и избавленіе брата.—Мои странствованія.—Булачная расправа Органова.—Новый тулупъ.—Сельскія дѣвушки.—Оеия.—Мое сватовство.—Брачный договоръ.—Невѣста.—Смотрини.

Бабушка моя меня помнила и любила. Еще въ бытность мою въ училищѣ, я, какъ-то, послалъ ей въ гостинецъ серебряный рубль и она многіе годы его берегла.

Братъ Егоръ нанялся въ работки къ крестьянину съ условіемъ получить по окончаніи срока четвертую часть со всего нажитаго имущества. Выживъ срокъ, онъ задумалъ жениться на хо-

зайской племянницѣ, носившей съ нами одну фамилію, Храповыхъ. Вслѣдствіе этого, во избѣжаніе какихъ-либо препятствій со стороны духовнаго начальства, будущая теща Егора пріѣзжала въ Рязань, гдѣ мнѣ—тогда бывшему уже на выпускѣ изъ училища—довелось ей услужить. Одинъ изъ нашихъ училищныхъ наставниковъ далъ мнѣ письмо къ архіерею и владыко, по личной моей просьбѣ, далъ свое благословеніе на бракъ Егора съ его однофамилицей. Послѣ того я узналъ, что брата хотятъ сдать въ солдаты. По закону, его, какъ старшаго сироту, не имѣли права назначать въ рекрутскую очередь; но—„что и законъ, когда судья знакомъ“, говорить пословица. На очереди былъ другой Храповъ, крестьянинъ богатый: онъ раскошелился, подсыпалъ, подмазалъ и сельское начальство ухватилось за бѣднаго Егора. Я сходилъ къ окружному начальнику, завѣдывавшему нашимъ училищемъ, и объяснилъ ему всю эту штуку. Наборъ происходилъ зимой. Окружной далъ мнѣ отпускъ изъ Рязани въ Сапожокъ и до первой станціи отвезъ самъ, а потомъ приказалъ до самаго мѣста давать мнѣ лошадей. Пріѣхалъ я въ наше Еглдаево и всѣхъ своихъ родныхъ засталъ въ слезахъ, да и по всему селу, по поводу отвоза сдаточныхъ въ рекруты, былъ стонъ и плачь. Съ нашего села въ тотъ наборъ назначено было пятьдесятъ человѣкъ. Потуживъ съ моими родными, я изъ Еглдаево въ Сапожокъ отправился пѣшкомъ, что составляетъ версть сорокъ. Пришелъ прямо къ окружному начальнику, у котораго, кромѣ меня, было еще двое просителей, да приемщиковъ человѣка четыре.

Окружной приказалъ мнѣ идти въ присутствіе и дожидаться тамъ, когда введутъ брата. Надобно замѣтить, что въ рекрутское присутствіе никого изъ родныхъ набранныхъ крестьянъ не пускали; но я прошелъ благодаря моему училищному вафтану съ нашивками изъ галуна. Стою въ сторонѣ и вижу: брата ввели, раздѣли и крикнули: „годень“. Вызвали и того крестьянина, за которымъ былъ жребій, но у него былъ дальній, а у брата—ближій, 10-й. Я упалъ на колѣни, не говоря ни слова. Здѣсь присутствовалъ другой окружной начальникъ изъ Сапожка. Ему уже было передано письмо отъ Рязанскаго окружнаго. Замѣтивъ меня, онъ спросилъ, кто я? Ему отвѣчали: ученикъ изъ Александровскаго училища (они тогда такъ называли, по ошибкѣ, наше (Зотиковское). Тотчасъ-же брата освободили и оставили въ „затылочныхъ“.

Радъ и счастливъ былъ Егоръ, да и я не меньше. Выхода изъ присутствія, я, на радостяхъ, соскочилъ ступеней съ десяти.

— Вотъ „склизкій“ какой, сказали бывшіе тутъ. Самъ выскочилъ, да и брата вытащилъ!

Братъ поѣхалъ въ свое Еголдаево, а мнѣ дорога было въ Рязань, верстъ за полтораста, (мѣрныхъ 156 верстъ). Это было въ январѣ, или въ февралѣ 1855 года, въ самый разгаръ Крымской войны. Холода стояли жестокіе, а я хоть и въ тулупчикѣ, да въ полотняныхъ панталонахъ и съ гривеникомъ въ карманѣ: холоду и голоду предстояло впереди не мало. Дорога тянулась по громаднымъ снѣжнымъ сугробамъ, вѣтеръ осыпая меня ледяными иглами, пронизывалъ насевозъ. Вижу, тянется обозъ, я къ нему и присталъ. Подъ вечеръ дотащились до постоялаго двора, гдѣ извозчики расположились на ночлегъ. Здѣсь я отдалъ мои послѣднія десять копѣекъ, поужиналъ и переночевалъ, въ предчувствіи долгаго, мучительнаго пути проселочной дорогой. Помню, что во все его продолженіе до слѣдующаго ночлега у меня заледѣнѣли волѣни... На ночлегѣ извозчики сѣли за столъ и принялись ужинать ситнымъ хлѣбомъ съ медомъ. Меня голодъ мучилъ, но я по неимѣнію денегъ и за столъ не садился. „Ты что-жъ не сядишься?“ спросили обозчики.—Денегъ, говорю, нѣтъ.—Покормили.

Верстъ за тридцать до Рязани мнѣ дали лошадей и я доѣхалъ безъ особенныхъ приключеній. Но этимъ хлопоты мои о братѣ Егорѣ не кончились: нѣсколько времени спустя теща его опять пріѣзжала по поводу вторичнаго его вызова въ Сапожокъ. На этотъ разъ окружной начальникъ, по моей просьбѣ, далъ письмо, выручившее брата, а я болѣе уже не ѣздилъ.

Братъ Егоръ здравствуетъ донинѣ и живетъ въ деревнѣ Буграй; при немъ пять, или шесть человѣкъ дѣтей. Мужикъ онъ трезвый и работающій. При расчетѣ съ хозяиномъ онъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, былъ обдѣленъ. Я помогалъ ему, чѣмъ могъ.

Теперь возвратимся къ началу моего служебнаго поприща въ должности помощника волостнаго писаря въ селѣ Солотчахъ.

Представителями тамошнихъ „властей“ были: голова (человѣкъ хорошій), засѣдатель и волостной писарь. Послѣднему было сообщено, что главная моя цѣль при поступленіи къ нему въ помощники—занятія живописью, такъ какъ Солотчи были колонією ху-

дожниковъ. Дѣйствительно, первую пору я не занимался въ правленіи, и познакомясь со старикомъ Люховымъ и нѣкоторыми изъ иконописцевъ, усердно принялся за живопись. Портретъ, написанный мною съ Мягкова, заслужилъ отъ него большіе похвалы, а Люхова просто удивилъ. Жалованья по должности помощника писаря я получалъ 4 руб. 75 коп. на своихъ харчахъ и квартирѣ. За тѣ и за другія я платилъ ежемѣсячно два цѣлевыхъ, такъ что отъ жалованья еще оставалось на сапоги.

Однажды сижу и занимаюсь живописью. Нежданно, негаданно, въ правленіе пріѣзжаетъ помощникъ окружнаго начальника—Егоръ Николаевичъ Органовъ. Взяточникъ, каковыхъ мало свѣтъ производилъ, и нечистый и тяжелый на руку. „Есть у васъ“—говорить—„помощникъ?—Есть—отвѣчаетъ волостной писарь—онъ живописью занимается. „Живописью?! гаркнулъ Органовъ. Ишь какой писарь-живописецъ! Позвать его!“

Я вошелъ въ правленіе въ то самое время, когда почтенный начальникъ только что запалилъ чернилицей въ лицо волостному писарю. Былъ-ли онъ въ это время выпивши—не знаю, но только онъ и трезвый обыкновенно давалъ волю рукамъ, повуда не получалъ взятки.

— Гдѣ ты былъ? напустился онъ на меня. Вотъ тебѣ живопись! Вотъ тебѣ живопись!! Всю морду расковыряю...

Это „благосклонное вниманіе“ начальства отбило у меня охоту заниматься живописью. Распростившись съ красками, засушивъ свои кисти, я погрузился въ чернила и мѣсяца въ два превратился въ канцелярскую машину, снимая копіи съ циркуляровъ волостнаго правленія. Было мнѣ тогда 17½ лѣтъ. Первое жалованье, выданное мнѣ впередъ (рублей десять или пятнадцать) я употребилъ на постройку себѣ тулупика и теплой шапки. До того времени все въ училищномъ платьи ходилъ. Тулупчикъ былъ щегольской, расшитый по груди разноцвѣтными шнурами; онъ, какъ увидимъ, былъ главною причиною моей женидбы. Впрочемъ, помимо нарядной одежды, я былъ и „чиновною особою“. Случайно заѣхавъ въ Солотчи, Петръ Павловичъ Донской (окружной начальникъ) произвелъ меня въ сельскіе писаря. Дѣвушки села Солотчи стали обращать на меня вниманіе, благодаря, разумѣется, не моему „чину“, но, единственно, нарядному тулупчику. Да и

самъ я уже вступилъ въ тотъ возрастъ, когда сердце начинаетъ лепетать свой первый любовный бредъ.

Кокетство поселенокъ было, что называется, по просту — безъ затѣй. Бывало, въ правленіи, прилягу отдохнуть на полу — и въ оконную раму начинается стукотня, и вижу нѣсколько рукъ приложено къ оконницамъ. Всочу, брошусь къ окну — никого нѣтъ; лягу — опять та же исторія. „Погодите-же“, думаю я себѣ разъ, „подкараулю!“ Отстегнувъ крючки у оконъ, я слегка притворилъ оконцы и жду... Какъ только на нихъ показались руки, я быстро распахнулъ окно, выглянулъ: цѣлая толпа, дѣвушекъ въ десять, бѣжитъ отъ него опрометью! Короче сказать, меня въ селѣ признали „женихомъ“. Дѣвушки видали меня у одной вдовы, на посидѣлкахъ. Избу этой хозяйки почему-то называли „звѣринцемъ“, и не въ обиду, а такъ, шутки ради.

Изъ всѣхъ дѣвушекъ мнѣ въ особенности нравилась одна, Оenea, красивая собою, добрая, милая. Она жила рядомъ съ нашимъ волостнымъ правленіемъ. Могу себѣ позволить припомнить о моей первой любви потому, что она не оставила во мнѣ ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти; это была любовь честная, безупречная. Размѣнивались мы нѣжными взглядами, вздохами, изъ городу я привозилъ ей гостинцевъ; разумѣется, и колечки мы другъ другу подарили... Ея признаніе покажется читателю оригинальнымъ. Разъ, когда я проходилъ мимо ея оконъ, она бросила мнѣ, не любовную записочку — а башмакъ (какъ извѣстно, бросаннымъ на улицу башмакомъ гадаютъ о суженомъ). Я его поднялъ, принесъ домой и недоумѣваю, чей-же онъ? Слѣдомъ за мною пришла знакомая молодая женщина и говоритъ: „отдайте, пожалуйста, вашу находку; это башмакъ Оенинъ“. Послѣ этого, она стала со мною разговорчивѣе; мы даже нашли возможность приходить на свиданіе другъ съ другомъ. Это мнѣ удавалось, когда бывало въ правленіе къ старшему писарю пріѣзжали знакомые, или это изъ начальства, у нихъ начиналось угощеніе, а я тихонько уходилъ на условленное мѣсто. Наши свиданія напоминали миеологическихъ Пирама и Тизбу: я разговоривилъ съ Оенею сквозь разщелину забора. Впослѣдствіи уже мы узнали, что за нами слѣдили тѣ, которымъ былъ прямой расчетъ разлучить насъ.

Разъ иду мимо сосѣдина окошка, Оenea дала мнѣ знакъ, чтобы я шелъ къ забору. Прихожу; немного погода приходитъ Оenea.

— Я знаю—говорить—что ты въ зятя къ Агаѳоновымъ входишь... Такъ что-же ты...

Тутъ у нея голосъ прервался—и она со слезами продолжала.

— У насъ свой домъ, а тамъ старикъ злой...

И заливаается, заливаается слезами.

Это извѣстіе было новостью для меня: мнѣ и въ голову не приходило, что нашъ голова прочитъ мнѣ въ жены свою куму, дочь иконописца Агаѳонова. Грустно разстались мы съ Ѳеней и еще досаднѣе мнѣ стало, когда я узналъ, что за нами, во время послѣдняго свиданія, подсматривали, а потомъ Ѳеню стали дразнить, даже обидную пѣсню про нее сложили.

Впослѣдствіи бѣдняжка вышла за мужъ за пьяницу—да такъ и пропала отъ хорошаго житя съ негодеемъ: умерла вскорѣ. Понялъ я и ея красоту и сердце, когда потерялъ ее безвозвратно.

Голова, мой самовольный свать, распорядился моею будущностью безъ всякихъ околичностей. Вскорѣ послѣ разговора моего съ Ѳеней, онъ какъ-то и буркнулъ мнѣ:

— Хочешь попасть въ зятя къ Агаѳоновымъ?

— Да развѣ можно безъ вѣдома окружнаго? говорю я ему— а какъ онъ меня за это выпоретъ...

— Это не твое дѣло.

— Но я невѣсту не знаю.

— Узнаешь, говорить.

Съ дочерью Агаѳонова я встрѣчался въ „звѣринцѣ“, да только не обращалъ на нее вниманія; она была дѣвушка скромная, застѣнчивая.

Сватомъ моимъ вызвался быть хозяинъ постоялаго двора (по нашему „дворникъ“), снимавшій его у дѣда моей будущей жены. Пришелъ онъ въ волостное правленіе и говорить: „приходи ко мнѣ, увидишь невѣсту“. И повелъ онъ меня къ себѣ, а моя суженая въ это время, въ рваномъ полушубкѣ, мела крыльцо; завидѣла насъ, застыдилась и убѣжала. Не знала она, что я ее сватать буду, а то, конечно, не вырядилась-бы въ рваный полушубокъ. Въ воротахъ мы встрѣтили ея сестру, я и подумалъ: ужъ не эта-ли моя невѣста? А собой она была очень некрасива. Послѣ этого дворникъ спрашиваетъ:

— Видѣлъ невѣсту?

— Видѣлъ, говорю—да что-же это за гадость такая!

— Да ты про которую говоришь?—„Про ту, которая намъ встрѣтилась“.—Нѣтъ, это не та; вотъ другая, которая крыльцо мела? „Другую видѣлъ да не разглядѣлъ; только полушубокъ хорошо замѣтилъ“...

Сватовство пошло далѣе. Начались переговоры съ жениными родными, дѣдомъ и отцомъ относительно того, на какихъ условіяхъ примутъ меня въ свой домъ. Привели криваго дѣда невѣсты—Агаѳона Никитина Короткова, котораго однакоже называли не иначе, какъ „Агаѳоновымъ“. Принялись писать условіе — что домъ и все хозяйство сдадутъ мнѣ, съ тѣмъ, что я буду кормить, поить, уважать, почтеніе и всякія благодѣянія оказывать и дѣдушкѣ, и тятенькѣ. Дѣдъ передалъ это условіе будущему моему тестю, а тотъ мнѣ. Это условіе или „духовная“ была передана въ волостное правленіе. О духовной позаботились, а того въ соображеніе не приняли, что безъ дозволенія окружнаго начальника вѣнчаться мнѣ было нельзя. Пріѣхалъ, наконецъ, Петръ Павловичъ Донской. Мои сваты говорятъ: позвольте ему „пристроиться“.

— А невѣста достойна-ли жениха?

— Достойна, отвѣтилъ голова, дѣвушка хорошая, скромная, мнѣ—кума. Могу за нее ручаться.

Окружной приказалъ было привести ее къ себѣ, однако удовольствовался этой рекомендаціей. Да и невѣста моя, скромная и застѣнчивая, едва-ли согласилась бы предстать предъ „ясныя очи“ начальства.

По написаніи духовной (или контракта) слѣдовало, по обычаю, совершить „малое благословеніе“. До того дня я ни слова не говорилъ съ моей невѣстой. Меня повели въ домъ Агаѳоновыхъ голова и волостной писарь, прочіе гости были уже тамъ, въ полномъ сборѣ. Пріѣдя въ домъ невѣсты, гляжу: по брусью занавѣска навѣшена—„а за занавѣсвой, значить, мой владъ сидитъ“, подумалъ я. Подошелъ ко мнѣ кривой дѣдъ невѣсты и поднялъ мнѣ волосы отъ лба, посмотрѣлъ мнѣ на лобъ и важно произнесъ:

— Ничего, годится!

Жаль не крикнулъ „лобъ!“ словно въ рекрутскомъ присутствіи. Въ этомъ обычаѣ осмотра лба у жениха много комиче-

скаго: точно мѣсто для будущаго украшенія высматриваютъ, либо дѣдъ—физиономистъ, по физиономіи и характерѣ заключалъ!

Потомъ вывели мою невѣсту изъ-за занавѣски и насъ благословили образомъ. Съ перваго-же взгляда она показалась мнѣ очень красивою, съ роскошными черными косами; но, говоря по совѣсти, наружность ея не произвела на меня того впечатлѣнія, какое произвела прежде того Оня. До меня, невѣсту мою другою женихъ сваталъ.

И. П. Пожалостинъ.

{Продолженіе слѣдуетъ}.

А. С. ПУШКИНЪ и П. В. НАЩОКИНЪ.

Очерки и воспоминанія.

VIII).

Воспитанный тщательно на французскомъ діалектѣ и не знавшій правилъ русской грамматики, Нащокинъ впоследствии подкрѣпилъ себя самообразованіемъ: благодаря огромной начитанности, онъ зналъ хорошо французскую и русскую литературу, а черезъ французскіе переводы знакомился и съ литературой другихъ народовъ. При его званіи жизни, при его вкусѣ и любви ко всѣмъ отраслямъ изящныхъ искусствъ, онъ обладалъ критическимъ чутьемъ и стоялъ въ этомъ отношеніи выше своего времени, такъ что его литературные приговоры можно справедливо назвать: критикой чистаго разума.

Когда Россія зачитывалась сочиненіями Марлинскаго, Нащокинъ хохоталъ надъ фантастическимъ вычурнымъ изложеніемъ и словоиграніемъ автора, предсказывая поклонникамъ его, что скоро они и сами посмѣются надъ своимъ увлеченіемъ. А самъ, зачитываясь Бальзакомъ, заставляя насъ, молодыхъ людей, читать его, кричалъ объ немъ и дома, и въ гостяхъ, и въ клубѣ.

О Марлинскомъ предсказаніе его, дѣйствительно, скоро сбылось: уже въ 1834-мъ году новое свѣтило критики (Бѣлинскій), въ первой статьѣ своей, еще сильнѣе напалъ на бѣднаго Марлинскаго и почти слово въ слово съ Нащокинимъ превозносилъ Бальзака. (Не даромъ впоследствии Павелъ Воиновичъ указалъ Пушкину на Бѣлинскаго.) А всего замѣчательнѣе, что въ концѣ 1820-хъ и въ началѣ 1870-хъ гг. Нащокинъ, а въ 1834 г. Бѣлинскій, говорили о великихъ достоинствахъ Бальзака, какъ реалиста, то Зола повторилъ только въ 1879 году.

) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX (декабрь) стр. 989—998.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXXI, 1881 г., АВГУСТЪ.

Н. Ф. Павловъ, прославившійся временно своими повѣстями, ужасно обижался и сердился, когда Нацокинъ указывалъ на его выраженія à la Марлинскій, при чемъ особенно доставалось автору за слѣдующую фразу: «въ ней все было небесное: даже рѣсницы ея какъ-бы тянулись къ небу».

Конечно, Пушкинъ сумѣлъ оцѣнить критическій талантъ друга молодости и ему первому читалъ свои сочиненія, совершенно соглашаясь съ его взглядомъ, вкусомъ и тонкими психическими замѣчаніями.

«Бахчисарайскій фонтанъ», «Кавказскій плѣнникъ» и «Цыгане», печатанные въ отсутствіи автора, разлученнаго и съ критикомъ, при первомъ свиданіи ихъ подверглись любопытной домашней критикѣ.

«Плѣнника» назвалъ Нацокинъ нелѣпымъ баринкомъ, не стоящимъ жертвы драматической Черкешенки, а восхищаясь вмѣстѣ съ поэтомъ стихами, описаніями и, такъ сказать, этнографическою частью поэмы, онъ сказалъ:

— «Приличнѣе бы назвать поэму «Кавказъ и горцы».

А при разборѣ «Цыганъ», оба, авторъ и критикъ, хотали надъ фантастическимъ Алекомъ. Нацокинъ увѣрялъ, что къ бродящимъ по Руси цыганамъ изъ всѣхъ классовъ общества даже мужики не пристанутъ, развѣ бѣгле каторжники и подобные имъ, т. е. отпѣтые и изгнанные изъ среды людей! «Да вотъ я самъ примѣръ: ухаживая за Ольгой Андреевной, не хаживалъ и въ ихъ таборъ, а здѣсь у себя на дому выдалъ имъ откупное! .. съ цыганской совѣстью они обобрали меня! Впрочемъ, нельзя иначе», прибавилъ онъ смѣясь: «при аристократическомъ происхожденіи Оли: она вѣдь дочь знаменитой Стешки, удивившей своимъ пѣніемъ не менѣе знаменитую Каталани!»

IX.

Многія лица изъ московскаго общества: мужья и жены, родители и дѣти, или братья, споря объ имѣніяхъ, дѣля наследства, утомленные семейными раздорами, не доводя дѣло до процессовъ, но зная и уважая Павла Воиновича, обращались по взаимному согласію къ его третейскому суду... и онъ, выслушавъ внимательно обѣ спорящія стороны, такъ умно и справедливо рѣшалъ дѣло, что они, охотно слѣдуя его приговору, мирились. Пользуясь знакомствомъ или, лучше сказать, уваженіемъ московскихъ властей, онъ любилъ выручать захваченныхъ полиціей, по недоразумѣнію, невинныхъ лицъ, даже иногда и виновныхъ въ легкихъ шалостяхъ. Разъ я пріѣхалъ

къ нему, куря всю дорогу трубку, и, прїѣхавъ, даже похвастался передъ нимъ такимъ удалствомъ.

— «Это прекрасно, либерально... я особенно радуюсь, что вы такъ отличились днемъ».

— «Почему-же?»

— «Я бы васъ успѣлъ выручить изъ полиціи, а случись вечеромъ— вы переночевали бы въ сибиркѣ». Прїѣхаль въ Москву знаменитый скрипачъ Гауманъ (по московски Оманъ); услыхавъ игру на скрипкѣ воспитанника театральнаго училища, А. Щепина, онъ предложилъ ему ѣхать въ Парижъ на свои средства, а тамъ общалъ ему бесплатное содержаніе и ученіе. Старшій братъ Щепина, оперный режиссеръ и всѣ артисты сразу собрали деньги для молодаго челоуѣка и была подана просьба объ отпускѣ въ дирекцію. Директоръ, извѣстный М. Н. Загоскинъ, храбрый патріотъ и трусливѣйшій администраторъ, наотрѣвъ отказалъ не только въ отпускѣ, но даже въ ходатайствѣ о томъ у министра двора,—ссылаясь на эмиграцію ученика пѣвческой капеллы Иванова! Что тутъ дѣлать? Старшіе артисты послали Щепинныхъ къ Павлу Воиновичу. Выслушавъ все, Нащокинъ рѣшилъ такъ: «Отъ моего имени просите у Мих. Никол. отпускъ въ Петербургъ на казенный срокъ; въ Петербургѣ найдете Николая Ивановича, (я тогда служилъ тамъ), расскажите ему все подробно; скажите, что я прошу свезти васъ къ кн. П. А. Вяземскому, и чтобы Никол. Ив., тоже въ подробности объяснивъ князю ваше дѣло, попросилъ его отъ меня напредѣнно ¹⁾ у министра выпросить вашъ отпускъ за границу...» Все было устроено, какъ по писанному и Щепинъ возвратился въ Москву превосходнымъ музыкантомъ, занявъ мѣсто первой скрипки въ оперѣ и въ балетѣ.

Х.

Въ началѣ 1830 годовъ, лѣтомъ, Нащокинъ и А. С. Пушкинъ съ невѣстой и съ ея семьей прїѣхали въ Нескучный садъ погулять и посмотреть только что отстроенный воздушный театръ, гдѣ происходила репетиція. Артисты, увидавъ Пушкина, прекратили репетицію... и пока онъ осматривалъ сцену и мѣста для зрителей, они толпою ходили за нимъ, не сводя глазъ ни съ него, ни съ невѣсты! Нащокинъ, поздоровавшись съ знакомыми артистами, вдругъ, взявъ Ленскаго подъ руку и подводя его къ Пушкину, сказалъ: «А вотъ

¹⁾ Вмѣсто *не*, онъ всегда говорилъ напредѣнно, съ удареніемъ, какъ бы сего переимѣнить уже нельзя.

тебѣ, на всякій случай, и Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій». Пушкинъ, ласково пожавъ руку Д. Т., привѣтствовалъ сконфузившагоса артиста такъ: «я очень желалъ познакомиться съ вами, Дмитрій Тимофеевичъ! я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вашу пьесу: «Хороша и дурна», въ ней вѣтъ и тѣни французскаго оригинала: отъ господъ до слугъ, по характерамъ, по разговорамъ—все чисто русское! Прекрасно, прекрасно! Вотъ я и хотѣлъ вамъ посовѣтывать. просить васъ, не переводить, не передѣлывать, а сочинять... у васъ всѣ данныя есть на это и талантъ, и знаніе сцены... послушайте, начните...» Ленскій возразилъ, что не можетъ самъ придумать сюжетовъ.

— «Не могу-ли я въ этотъ помочь вамъ? Возьмите любую изъ моихъ повѣстей: «Барышня-Крестьянка», «Станціонный смотритель», особенно «Выстрѣлъ», мнѣ кажется годятся для сцены?»

Ленскій пробовалъ, но не могъ ничего сдѣлать. Мѣжду тѣмъ предложеніе поэта разлѣтѣлось по театральному міру обѣихъ столицъ.

Н. А. Коровкинъ удачно передѣлалъ «Барышню-Крестьянку» въ 2-хъ актную комедію, гдѣ Сосницкій создалъ превосходный типъ русскаго барина-англомана, а двѣ сестры Самойловы: Марья Васильевна (рано оставившая сцену), а за ней Надежда Васильевна—прелестно исполняли роль причудливой барышни. Пишущій это воспользовался «Станціоннымъ зрителемъ» и пьеса эта до сихъ поръ, почти 30 лѣтъ, не сходитъ съ репертуара и казенныхъ, и частныхъ сценъ. «Странная ночь», комедія въ стихахъ, соч. А. М. Жемчужниковымъ, имѣвшая въ свое время большой успѣхъ, прямо указываетъ на сюжетъ повѣсти «Выстрѣлъ». Напомню кстати о трагедіи «Керимъ-Гирей» изъ поэмы Бахчисарайскій фонтанъ, о трилогіи «Финя» изъ эпизода поэмы «Русланъ и Людмила», о драмѣ «Пиковая дама» изъ повѣсти того-же имени, передѣланныхъ для сцены, по собственной инициативѣ, княземъ Шаховскимъ, и о балетѣ Дидло «Кавказскій плѣнникъ».

Одна свѣтская дама читала намъ превосходно сочиненную ея драму изъ «Капитанской дочки», но какъ тамъ выведенъ былъ Пугачевъ, то цензура и не дозволила представленія драмы.

XI.

Въ 1833 году Нащокинъ пріютилъ у себя замѣчательнаго музыканта, бывшаго полковаго учителя и капельмейстера Андрея Петровича Эссаулова, капризнаго и неуживчиваго артиста. Онъ, ссорясь съ начальствомъ, переходилъ изъ полка въ полкъ, наконецъ, безъ

мѣста и безъ средствъ къ жизни, явился въ Москву, какъ-то познакомился съ Павломъ Воиновичемъ и, разумѣется, воспользовался отъ него квартирой и столомъ. Мало того: видя задумчивый, меланхолическій нравъ артиста, Нащокинъ устроилъ для него квартетные вечера; нарочно поѣхалъ съ визитами къ В. И. Живокини и къ П. М. Щепину и пригласилъ ихъ на квартеты; они играли первую и вторую скрипку, Эссауловъ альтъ, а я виолончель.

Въ концѣ іюня, послѣ обѣда и нѣсколькихъ квартетовъ, Нащокинъ говоритъ, что скоро ѣдетъ въ Петербургъ крестить перваго сына Пушкина и опредѣлитъ Андрея Петровича въ придворный оркестръ. Я, съ ювошеской восторженностью, только успѣлъ сказать: «ахъ! какъ я завидую всѣмъ, кто ѣдетъ въ Петербургъ и за границу!», Нащокинъ въ ту-же минуту, не думая, подхватилъ: «за границу не могу васъ свести, потому что и самъ не ѣду, а на счетъ Петербурга вотъ что: сейчасъ летите къ Верстовскому, кланяйтесь отъ меня и скажите, чтобы васъ напредѣнно отпустилъ со мной въ Петербургъ... скорѣй, скорѣй! Мы васъ дождемся къ чаю». Разумѣется, все устроилось по желанію и мы (Нащокинъ, Эссауловъ и я) въ концѣ іюня собрались въ конторѣ дилижансовъ. Тамъ уже ждалъ Нащокина извѣстный пѣвецъ Н. В. Лавровъ, (отецъ знаменитой артистки Е. Н. Васильевой и дѣдъ нашей талантливой актрисы Н. С. Васильевой); съ нимъ была жена актера Третьякова. Они обратились къ Павлу Воиновичу съ просьбой: актеръ К. В. Третьяковъ, по капризу директора, былъ отставленъ отъ службы, переѣхалъ въ Петербургъ, и больше года не могъ тамъ не только опредѣлиться, но и дебютировать! Лавровъ объяснялъ крайнюю нужду прежняго товарища, оставившаго и жену здѣсь безъ всякихъ средствъ; несчастная жена плакала... Павелъ Воиновичъ, не могшій выносить подобныхъ сценъ, утѣшалъ ее, самоувѣренно повторяя: «напредѣнно, напредѣнно будетъ тамъ служить! Вотъ пусть Николай Ивановичъ мнѣ тамъ покоя не дастъ, пока я не устрою это дѣло». Тутъ просьбы обратились ко мнѣ, причемъ дилижансъ тронулся съ мѣста.

XII.

Мы ѣхали почти четверо сутокъ въ сухое, жаркое время, задыхаясь отъ пыли, покрытые ею съ головы до ногъ и даже проникнувшей въ поры тѣла. Отдыхали только на станціяхъ за вкусными обѣдами, приготовленными для проѣхавшей тогда-же въ Москву В. К. Елены Павловны. Приѣхавъ въ Петербургъ, мы заняли 2 комнаты, гдѣ, за недѣлю, какъ я писалъ сестрѣ:

-Въ известной Демута отели
 Берутъ съ насъ 50 рублей
 И то за мягкія постели:
 За кофе-же, обѣдъ и чай
 Особой платой отвѣчай.

И гдѣ каждому изъ гостей, по широко-барской натурѣ, предлагались: водка, вино, закуска, завтраки, чего хочешь, того просишь:

А счетъ
 Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

На другой день, 29 іюня, рано утромъ, пѣшкомъ, съ Черной рѣчки, первымъ явился А. С. Пушкинъ. Поздоровавшись съ дорогимъ гостемъ, Павелъ Воиновичъ представилъ ему и насъ, артистовъ; а относясь ко мнѣ, прибавилъ: «а сей юноша замѣчательнъ еще тѣмъ, что, читая всѣ журналы, романы и слѣдя за литературой, никакъ не могъ дочитать Ивана Выжигина!» Александръ Сергѣевичъ, пожавъ мнѣ еще разъ руку, сказалъ: «лучше сей рекомендаціи и не надо». Вскорѣ собрались пріятели Павла Воиновича: полковникъ Манве, князь Эрстовъ, Даявась (впослѣдствіи секундантаъ Пушкина) и другіе. Общая радость, веселый говоръ, шутки, остроты, воспоминавія о прошломъ времени, анекдоты о настоящемъ, хохотъ шумъ, крикъ! А между тѣмъ такой-же громкій хохотъ, шумъ и крикъ со двора почти заглушалъ, даже мѣшалъ веселости друзей... они невольно оглядывались на окно, наконецъ всѣ подошли къ нему. Окна нашего № выходили на дворъ, загромаженный стѣною сложенныхъ кирпичей, на которыхъ куча полупьяныхъ каменьщиковъ, устроивъ себѣ сѣдалище и столъ изъ того-же матеріала, опорожнивая ведро водки и закусывая хлѣбомъ и кусками говядины изъ большой деревянной чашки, весело пируя, перекричали нашу компанію! Больше всѣхъ горданилъ лысый мужикъ съ рыжими волосами.

Пушкинъ легъ грудью на подоконникъ; взглянувъ на право, сразу замѣтилъ крикуна и, повернувъ голову къ намъ, стоявшимъ у окна, сказалъ: «тотъ рыжій должно быть именникъ!» Повернувъ голову направо, закричалъ:

— «Петръ!»

— «Что баринъ?»

— «Съ ангеломъ».

— «Спасибо, господинъ!»

«Павелъ!» (Въ такой кучѣ и Павелъ найдется) ¹⁾.

¹⁾ Решивъ къ намъ выставлю въ скобкахъ.

- «Павелъ ушелъ».
- «Куда? зачѣмъ?»
- «Въ кабакъ... все вышло! Да постой, баринъ, скажи: почему ты меня знаешь?»
- «Я и старушку-матушку твою знаю!»
- «Ой?»
- «А батька-то померъ?» (очень вѣроятно у такого лысаго).
- «Давно, царство ему небесное! Братцы, выпьемте за покойнаго родителя!»

Въ это время входитъ на дворъ мужикъ со штофомъ водки; Пушкинъ, увидавъ его раньше, закричалъ: «Павелъ! съ ангеломъ! Да неси скорѣй!» Павелъ, влѣзая на камни, не сводитъ глазъ съ человѣка, назвавшаго его по имени! Другіе, ему объясняя, пьютъ, а рыжій не отстаегъ отъ словоохотнаго барина:

- «Такъ, стало, и деревню нашу знаешь?»
- «Еще бы не знать! Вѣдь она близъ рѣки?» (какая-же деревня безъ рѣки.)
- «Такъ, у самой рѣчки».
- «А ваша-то изба, почитай, крайняя?»
- «Третья отъ края. А чудной ты, баринъ! Ужъ поясни, сдѣлай милость, не святимъ-же Духомъ всю подноготную знаешь?»
- «Очень просто: мы съ вашимъ баринкомъ на лодкѣ утокъ стрѣляли, вдругъ—гроза. дождь, мы и зашли въ избу, къ твоей старухѣ...»
- «Такъ... теперь смѣкаю...»
- «А вотъ мать жаловалась на тебя: мало денегъ высылаешь!»
- «Грѣшенъ, грѣшенъ!.. да вотъ все на проклятое-то выходить», сказалъ онъ, указывая на стаканъ, изъ котораго выпилъ залпомъ, прокричавъ: «Здравствуй, добрый баринъ!»

Пушкинъ, пригласивъ Нацокина завтра обѣдать и слушать его новыя сочиненія, ушелъ; оставшаяся компанія продолжала веселиться, особенно отличался князь Эристовъ, съ его милымъ, привлекательнымъ, чрезвычайно выразительнымъ и подвижнымъ лицомъ! Онъ, вѣроятно, занималъ значительное мѣсто по службѣ, такъ какъ при молодой еще наружности, украшенъ былъ двумя звѣздами.

Но тутъ, чтобы потѣшить прѣзжаго гостя, князь сбросилъ фракъ, началъ представлять разныя сцены изъ житейскаго быта всѣхъ слоевъ общества: то извѣстную особу, барыню-ханжу, съ молитвой раздающую пощечины дѣвкамъ, то съ циническимъ отгѣнкомъ крестьянскую дѣвочку, то губернатора гр. Эссена, съ мужиками, остановившими его коляску и проч. т. п. Наконецъ, драпируясь

одѣяломъ, вмѣсто греческой мантіи, онъ началъ декламировать изъ какой-то трагедіи отчаянную тираду, копируя А. М. Каратыгина съ ужасной утрировкой ея выговора на *pp...* Во время общаго громкаго хохота, вдругъ увидали стоявшаго при входѣ въ эту комнату трагика Каратыгина, пришедшаго съ визитомъ къ Нащокину. Павелъ Воиновичъ встрѣтилъ его дружески, всѣ раскланялись и сейчасъ-же разбрелись по домамъ; гость пріятный, но въ это время былъ хуже татарина. Впрочемъ эти веселыя собранія продолжались постоянно, исключая только тѣхъ дней, когда Нащокинъ уѣзжалъ на Черную рѣчку. Тамъ у Пушкина онъ встрѣтилъ старика Боголюбова, котораго тоже началъ частенько посѣщать его вмѣстѣ съ прочими.

Боголюбовъ, старикъ ловкій и подвижной, съ отталкивающей сатанинской фізіономіей, носилъ 2 звѣзды и былъ извѣстенъ, какъ креатура Уварова. Весь кружокъ обращался съ нимъ сдержанно, какъ онъ ни юлилъ передъ всѣми, подражая имъ въ сообщеніи новостей или смѣшныхъ разсказовъ. Я и теперь съ негодованіемъ вспоминаю его скверное повѣствованіе о петербургскомъ мальчигѣ. Тогда-же и всѣ приняли его разсказъ съ сомнительнымъ видомъ: а я, вотъ теперь, живя болѣе 40 лѣтъ въ Петербургѣ, смѣло увѣрю, что подобной уличной сцены не было, не могло быть, да—по правамъ русскаго народа—никогда и не можетъ быть! Такъ подлю клеветушціи на свой народъ, даже на дѣтей, старикъ, способенъ на всякое зло и предательство!

XIII.

Отставной московскій актеръ К. В. Третьяковъ, по письму Лаврова, на 5—6 день явился къ Павлу Воиновичу и обласканный, обнадеженный имъ, долженъ былъ на другой-же день явиться за отвѣтомъ, такъ какъ Павелъ Воиновичъ сейчасъ-же отправился съ визитомъ къ директору театровъ А. М. Гедеонову, захвативъ съ собой «на всякій случай» (одно изъ любимыхъ выраженій Павла Воиновича) Эссаулова.

Гедеоновъ, тоже москвичъ, пріятель Нащокина по клубу и вообще по картамъ, принялъ его отлично, сразу опредѣлилъ Эссаулова на службу въ оркестръ и обѣщалъ дать дебютъ Третьякову, прибавивъ, что ему уже давно, по личной его просьбѣ, разрѣшенъ дебютъ, но онъ пропалъ и съ тѣхъ поръ не показывался! Третьяковъ, пришедшій на другой день за отвѣтомъ, объяснилъ исчезновеніе свое такъ: начальникъ репертуарной части, которому директоръ приказалъ

допустить его до дебюта, назначилъ ему прийти черезъ недѣлку, потомъ еще черезъ недѣлку, далѣе черезъ двѣ, наконецъ на святки передъ новымъ годомъ, какъ время выгодное для дебютовъ... а тутъ, отговорясь неизмѣнимъ времени для репетици, такъ и довелъ его до закрытія театровъ въ великій постъ!

— «Теперь идите къ директору отъ моего имени: Богъ дастъ вы и пристроитесь, а мнѣ потрудитесь принести извѣстіе о ходѣ дѣла».

Бѣдный артистъ принесъ хотя и пріятное извѣстіе, но лицо его что-то противорѣчило радостной вѣсти. Нащокинъ сразу замѣтилъ это и сталъ спрашивать о подробностяхъ. Директоръ, по словамъ Третьякова, особенно ласково принялъ его, позвалъ того-же начальника репертуарной части, приказалъ позаботиться о дебютѣ, прибавивъ: «я помню его по Москвѣ... талантливый, полевный артистъ... здѣсь нѣтъ такого на амплу благородныхъ отцовъ.» И начальникъ репертуарной части, съ особенной лаской обратясь съ артисту, потребовалъ списокъ его ролей, внимательно пересмотрѣлъ все и обѣщая свое покровительство, дружески посовѣтовалъ отложить дебютъ до конца августа, справедливо замѣчая, что для возобновленія, напримѣръ: «Сына Любви» нужны репетици, а артисты или въ отпуску или на дачахъ, да и самъ Третьяковъ, какъ опытный актеръ, видя лѣтомъ отсутствіе публики, навѣрно считаетъ невыгоднымъ дебютировать при пустомъ театрѣ! Съ этимъ Третьяковъ согласился.

— «Ну все это хорошо, а вы, кажется, недовольны», сказалъ Павелъ Воиновичъ—пристально глядя на взволнованнаго артиста.

— «Я больше года прожилъ здѣсь, Павелъ Воиновичъ, и откровенно скажу, что Петербургъ не Москва: здѣсь всѣ мягко стелютъ, да жестко спятъ».

— «Такъ, знаю. Такъ вотъ что, почтенный Кузьма Васильевичъ: я сейчасъ ѣду съ визитомъ къ графу М. Ю. Вельгорскому, поѣжайте и вы со мной на всякій случай... я попрошу его объ васъ, даже возьму съ него слово опредѣлить васъ... онъ не такой маленькій человѣчекъ, какъ я... для него Гедеоновъ, не смотря на препятствія и интриги, опредѣлитъ васъ. Видите-ли, голубчикъ Кузьма Васильевичъ, ваше опредѣленіе на службу мнѣ нужнѣе, чѣмъ даже вамъ, ибо я далъ слово Николаю Владиміровичу (Лаврову) и супругѣ вашей напередъ пристроить васъ».

Вельгорскій далъ слово; просилъ только при неудачѣ въ августѣ прямо идти къ нему, а теперь вписать свой адресъ въ книгѣ швейцара. Но Павелъ Воиновичъ на этомъ не остановился. При первомъ свиданіи съ Александромъ Сергѣевичемъ, рассказалъ ему все дѣло

бѣднаго артиста съ подробностями. Вотъ за что Третьяковъ получилъ отставку: играя резонера въ комедіи Загоскина, написанной 6-ти стопными стихами, Третьяковъ, по роли, принимаетъ барина за шута и для того, чтобы онъ не сердился на него, даетъ ему денегъ, говоря: «На, гривенникъ возьми»...

Третьяковъ, играя въ своей жилеткѣ, гдѣ была мелочь, вынулъ пятиалтынный, да думая не о стихахъ, а объ натурѣ, (чѣмъ отличался въ игрѣ) и брякнулъ: «На, возьми пятиалтынный!»

Вспыльчивый отъ природы, директоръ вскочилъ съ мѣста, кубаремъ скатился съ лѣстницы на сцену, крича: «Дайте мнѣ его, дайте!» И когда Третьяковъ вошелъ за кулисы, схватилъ его за грудь, трепля и крича:

— «Разбойникъ! варваръ! Что ты сказалъ? Я бы тебѣ все простилъ: дурное поведеніе, грубость, пьянство... но этого не прощу! Завтра дать ему отставку... но... съ хорошимъ аттестатомъ...», одумавшись добавилъ директоръ предстоящимъ тутъ чинамъ дирекціи (конторы).

Пушкинъ, заливаясь смѣхомъ, сказалъ: «дѣльно! Я и самъ бы ужасно обидѣлся за такое искаженіе моихъ стиховъ, но, конечно, не лишилъ бы его за это куска хлѣба».

Тутъ Павелъ Воиновичъ серьезно и настойчиво просилъ знаменитаго поэта принять участіе въ дѣлѣ Третьякова, говоря: «Графъ сдержитъ обѣщаніе, но ты знаешь его безпамятство, разсѣянность,—такъ я прошу тебя постоянно напоминать ему и требовать у него отчета, пока не поступитъ на службу Кузьма Васильевичъ. Ты мнѣ окажешь дружескую услугу. Я далъ слово опредѣлить его... только замѣть и передай это замѣчаніе графу, что по русскому обычаю, вся суть не въ правителяхъ, а въ секретаряхъ: Гедеоновъ и мнѣ далъ слово и графу дастъ обѣщаніе, но у него какой-то баринъ всѣмъ ворочаетъ. И такъ, если въ августѣ не примутъ моего протеже, укажи Вельгорскому на сего барина».

Такъ и вышло. Третьяковъ явился въ свое время; начальникъ, не отказывая въ дебютѣ, съ участіемъ и лаской говоритъ: «я вамъ по чести обязанъ сказать, что какъ бы ни былъ удаченъ вашъ дебютъ, на службу васъ не примутъ, потому что на ваие амплуа у насъ есть актеры, и притомъ и знаменитый артистъ И. И. Сосницкій думаетъ переходить на тѣ-же роли».

Бѣдный артистъ, потерявъ всякую надежду, въ отчаяніи бѣжитъ къ графу; тотъ, допекаемый Пушкинымъ, съ сердцемъ спрашиваетъ Третьякова: кто въ театрѣ распоряжается еще помимо директора?

— «Р. М. З...»

— «Э, милый другъ! Давно бы такъ и сказали: я самъ и опредѣлилъ къ театру этого З*. Успокойтесь... я за нимъ пошлю и за вами пришлю... оставьте адресъ у швейцара».

Дня черезъ два является къ Третьякову въ щегольской ливреѣ лакей: «пожалуйте, сию минуту къ его сіятельству». Приходитъ. Графъ, очень веселый и довольный, встрѣчаетъ его такой радостной вѣстью: «поздравляю... и дебютъ дадутъ, и примутъ на службу,—это вѣрно! Идите къ З*».

Такъ все и совершилось.

Кузьма Васильевичъ Третьяковъ былъ полезный, добросовѣстный, уважаемый начальствомъ и товарищами артистъ и дослужился до пенсія ¹⁾.

И со мной не обошлось дѣло безъ особеннаго пріятнаго для меня столкновенія съ великимъ поэтомъ.

Разъ утромъ, вставъ очень рано, переписывалъ я два письма мои въ стихахъ къ Ленскому и къ сестрѣ моей П. И. Орловой. Нацокинъ, заставъ меня въ расплохъ, заставилъ прочесть ему, расхвалилъ, да и кончилъ такъ: «Очень радъ, очень радъ! Вотъ мы съ вами порадуемъ и Александра Сергѣевича... Онъ сейчасъ придетъ». Я ни за что не соглашался... онъ настаивалъ... заспорили... я стоялъ на своемъ! Тутъ Павелъ Воиновичъ, съ своей неотразимой логикой, рѣзко сказалъ: «Ну такъ слушайте! Пушкинъ и весь кружокъ нашъ, гдѣ вы приняты на общихъ правахъ, не зная васъ, вѣрно думаетъ: «что за барина привезъ Нацокинъ? Вѣдь это еще не важная рекомендація, что вы Булгарина не можете читать. А вотъ, какъ Александръ Сергѣевичъ одобритъ ваши стихи и всѣ узнаютъ объ этомъ, то и поймутъ, что Нацокинъ ввелъ къ нимъ талантливаго и умнаго юношу». Не успѣлъ я покориться подобной аргументаціи, какъ входитъ Пушкинъ.

— «Разсуди насъ, Александръ Сергѣевичъ, я къ тебѣ съ жалобой на сего юношу: во 1-хъ, онъ вчера въ 1-й разъ сбрилъ усы, во 2-хъ, влюбился въ Елену Яковлевну Сосницкую, а въ 3-хъ, сочинилъ хорошіе стихи и не соглашается прочесть тебѣ».

— «Усы — его собственность; любовь къ Еленѣ — грѣхъ общій: я самъ въ молодости, когда она была именно прекрасной Еленой, попался было въ сѣть, но взялся за умъ и отдѣлался стихами, а юношѣ скажу: берегись; а что касается до стиховъ, то въ семъ грѣхопадѣніи онъ обязанъ покаяться передо мной!»

¹⁾ Сынъ его, талантливый артистъ, принявшій въ провинціяхъ фамилію Стрѣльскаго, недавно принятъ въ Петербургскую драматическую труппу.

Говоря это весело, въ рѣскант тону Нацокина, Александръ Сергѣевичъ взялъ меня подъ-руку, ввелъ во вторую комнату, посадилъ на диванъ, самъ сѣлъ, съ правой стороны, поджавъ по турецки ноги, и сказалъ: «Кайся, юный грѣшникъ!»

Нацокинъ сѣлъ съ лѣвой стороны, а я въ полъоборота къ нему, чтобы отвернуть пылавшее лицо отъ Пушкина, дрожащимъ голосомъ началъ чтеніе.

По прочтеніи письма къ Ленскому, Александръ Сергѣевичъ сказалъ свое всегдашнее словцо: «ну вотъ и прекрасно, и очень хорошо».

Изъ втораго письма къ сестрѣ, послѣ списанія сна, гдѣ я видѣлъ между прочимъ:

„Друзей, начальниковъ, враговъ....“

указательный перстъ поэта быстро длиннымъ ногтемъ чертилъ по запятой, какъ бы выскабливая ее: «запаяю прочь! маленькое тире, знакъ соединительный: начальники-враги слова однозначущія!» Я продолжалъ:

Ну словомъ всѣхъ во снѣ я видѣлъ:
И съ кѣмъ живу я, и съ кѣмъ жилъ,
Кого сердечно я любилъ,
Кого душевно ненавидѣлъ...
У соннаго-жъ со всѣми ладъ:
Я всѣмъ во снѣ былъ очень радъ...
и проч, и проч.

По окончаніи чтенія благодушный судья сказалъ: «Вотъ мой приговоръ: можете напечатать эти стихи съ подписью: Александръ Пушкинъ... я протестовать не буду».

Я, конечно, понимаю теперь, что все это было снисхожденіемъ великой души; но можете вообразить, какой восторгъ былъ въ душѣ человѣка, на 21 году возраста! Читатель не посѣтуетъ за изложеніе дѣлъ маленькихъ людей, когда увидитъ мое намѣреніе показать, какъ въ то доброе (впрочемъ относительно), доброе время большіе охотно дѣлались слугами меньшихъ.

XIV.

..... А счетъ!

Межъ тѣмъ недѣлами ростеть.

Пушкинъ, приглашая Нацокина крестить, обѣщавъ заплатить двѣ тысячи, взятыя имъ у Павла Воиновича въ Москвѣ передъ свадьбой, но исполненіе обѣщанія, по обстоятельствамъ, затянулось!

Въ это-же утро собрались почти всѣ пріятели, а разговоры были втянутые, невеселые... потомъ перешли въ довольно бурную сцену... все вертѣлось на злобѣ дня, т. е. на безденежьи. Слово за слово... и друзья начали обвинять самаго поэта: «почему онъ не печатаетъ свои новыя сочиненія, читанныя Нащокину и которыхъ—по словамъ Павла Воиновича—у него полный сундукъ? Зачѣмъ онъ нигдѣ не показывается? для чего съ прежними друзьями не видится? а изъ нихъ, богачи, сейчасъ бы снабдили его тысячами! Можно любить жену, дѣтей,—но зачѣмъ погрязать въ семейномъ болотѣ?» А одинъ выскочилъ съ такимъ упрекомъ: «Да почему ты и у себя никого не принимаешь, кромѣ Боголюбова, этого уваровскаго шпиона-переносчика?»

Вотъ нѣкоторыя изъ возраженій Александра Сергѣевича:

— «А! вы все судите по прежнему времени, когда я съ вами гуляя по Питеру, растряхивалъ карманы, наполненные золотомъ? Да, правда, теперь у меня полонъ сундукъ новыхъ сочиненій... это наследство дѣтямъ... не печатаю затѣмъ, что теперь на мой товаръ запросу нѣтъ! Оадушка охаялъ, а Смирдинъ спустилъ цѣну, вотъ я и припряталъ товаръ ¹⁾. Вѣдь мы—купцы, а нынѣ творчество—коммерчество!» и т. д.

Все это было высказано горячо, но несвязно, съ какимъ-то задыханіемъ или захлебываніемъ, тѣмъ болѣе, что нападающіе перебивали его, подсмѣиваясь, называли оправданія его—ребяческими, словомъ: по одиначкѣ и всѣ вмѣстѣ закидали некраснорѣчиваго поэта словами.

Тутъ Нащокинъ, сидѣвшій и слушавшій все молча, поднялся съ мѣста, уставилъ въ упоръ свои большіе глаза на нападчиковъ и началъ такъ умно, логично, краснорѣчиво и, главное, справедливо защищать своего друга, что всѣ прикусили языки! А поэтъ, отъ удовольствія, только подпрыгивалъ на диванѣ, да поддакивалъ: «да, да! правда! правда! Вотъ и прекрасно, и очень хорошо».

Я, конечно, теперь не могу воспроизвести этой блистательной рѣчи, тѣмъ болѣе, что многого не понималъ изъ намековъ въ ихъ пріятельскихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Особенно ловко Павелъ Воиновичъ кончилъ, обратясь къ попрекнущему Боголюбовымъ: «ты, братъ, кажется, школу-то жизни изучилъ на опытѣ, прошелъ огонь и воду, такъ могъ бы понять, что въ людскихъ отношеніяхъ и Бого-

¹⁾ Поэтъ съ обидой говорилъ о критикѣ Булгарина на 4-ую или 5-ую главы Онѣгина, гдѣ сказано: „вотъ новое лицо Жуковъ... не лучше-ли онъ выдержитъ характеръ, чѣмъ другія лица поэмы“.

любовыхъ создалъ Господь Богъ, на всякій случай! Да! а вотъ и доказательство: вы нападаете съ упреками, какъ лицемѣрные друзья на многострадальнаго Иова, а Боголюбовъ ищетъ для него денегъ!» Всѣ расхохотались... все успокоилось, повеселѣло... а къ довершевію общаго удовольствія является Боголюбовъ и подаетъ Пушкину свертки золота.

XV.

Поэтъ, развернувъ свертки и высыпавъ на столъ кучу блестящихъ монетъ, превратился въ совершеннаго ребенка: то пригоршней подниметъ золото, то вновь разсыплетъ по столу, то хочетъ захватить одной рукой, да длинные ногти мѣшаютъ, тогда, опрокинувъ кисть руки и подсовывая ногти подъ кружки, собираетъ ихъ на ладонь и пересыпаетъ изъ одной въ другую, приговаривая: «люблю играть этой мелочью... но беречь ее не люблю... поиграю и пускаю въ ходъ, ходячая монета!»

Тутъ Боголюбовъ объявилъ новость, что сегодня утромъ изъ за границы черезъ Кронштадтъ пріѣхалъ музыкантъ съ запрещеннымъ инструментомъ, въ родѣ Эоловой арфы, а администрація распорядилась выслать его обратно тою-же дорогой въ 24 часа.

Эта новость въ высшей степени возбудила общее любопытство и всѣ пристали къ Пушкину, чтобы онъ сейчасъ-же ѣхалъ просить кого слѣдуетъ изъ властей—о дозволеніи нынѣшнимъ вечеромъ въ № гостинницы Демута послушать необыкновенный инструментъ, говорилъ: «тебѣ одному въ подобной просьбѣ не откажутъ». И, дѣйствительно, не отказали. Вечеромъ собралось все общество и привезли артиста съ большимъ ящикомъ, т. е. его инструментомъ. По поднятіи крышки, въ ящикѣ оказался валъ, на которомъ отъ правой руки къ лѣвой насажены изъ толстаго стекла круги, въ формѣ тѣхъ, что ставятся подъ цвѣточные горшки: справа очень большіе и уменьшающіеся до самыхъ малыхъ размѣровъ къ лѣвой сторонѣ. Артистъ, спросивъ стаканъ воды, намочилъ губку и воткнулъ ее на шпинекъ; отъ давленія ногою педали завертѣлся валъ; тогда артистъ омочивъ о губку оконечности пальцевъ и чуть-чуть касаясь ими вертящихся круговъ, началъ играть симфонію, арію всѣхъ знаменитыхъ композиторовъ старой и новой школы!

Что за гармонія! что за волшебные звуки! по истинѣ—что-то неземное! Рояли, арфы и др. подобные инструменты обыкновенно въ басахъ и дишкантахъ теряютъ полноту звуковъ, а тутъ—басъ звучитъ какимъ-то страшнымъ гуломъ, сильнѣе и полнѣе дребезжащей

струны контрабаса, также равно и сильны, и сладкозвучны маленькіе кружки до послѣдняго!

А еще главное преимущество этихъ воздушныхъ колокольцевъ— это піано и форте, зависящіе отъ легкаго или тяжелаго давленія перстовъ искусства артиста! Ну ужъ и искусникъ-же попался къ намъ! Не только всѣ были въ восторгѣ, но даже поражены, ошеломлены... а Пушкинъ, лежа на диванѣ, заложивъ руки подъ голову и закрывъ глаза, повторялъ: «и замереть, и умереть можно». Въ полночь, простясь съ рѣдкимъ гостемъ и наградивъ его по достоинству, всѣ, подъ впечатлѣніемъ волшебныхъ звуковъ и въ память любимыхъ поэтомъ прогулокъ въ свѣтлыя петербургскія ночи, согласились и эту ночь прогулять по площадямъ города и по набережной Невы. Всѣ гурьбой вывалили на Невскій... но поэтъ, любитель свѣтлыхъ ночей, торопился на дачу, отвѣчая на приставање друзей: «гуляйте, гуляйте, для васъ всегда время, а мое разгульное времячко прошло»...

Изъ нашего пріятнаго ночнаго шатанія замѣчательнъ разговоръ друзей о прежнихъ прогулкахъ съ Пушкинымъ-холостякомъ; какъ они, бывало, заходили къ наипочтеннѣйшей Софѣ Евстафьевнѣ, провести остатокъ ночи съ ея компаньонками и гдѣ Александръ Сергѣевичъ, бывало, выберетъ интересный субъектъ и начинаетъ расспрашивать о дѣтствѣ и обо всей прежней жизни, потомъ усовершенствуетъ и уговариваетъ бросить блестящую компанію, заняться честнымъ трудомъ—работой, идти въ услуженіе, притомъ дастъ деньги на выходъ и такимъ образомъ не одну жертву спасъ отъ гибели; а всего лучше, что благоправная Софья Евстафьевна жаловалась на поэта полиціи, какъ на безнравственнаго человѣка, развращающаго ея овецъ. Я не могу не засвидѣтельствовать такую прекрасную черту пѣломудренной души поэта, равно и нижеслѣдующій разговоръ объ его жизни въ Кишиневѣ. Онъ тамъ квартировалъ противъ тюрьмы или острога, куда, съ позволенія начальства, часто ходилъ разговаривать съ арестантами, расспрашивать объ ихъ удалствѣ. Всѣ они охотно другъ передъ другомъ старались занимать его своими похождениями, особенно главный, первостатейный каторжникъ, всѣми уважаемый, до того полюбилъ сочинителя, что однажды вечеромъ сказалъ ему:

— Ну, Пушкинъ, прощай... ужъ завтра не найдешь меня здѣсь.

— На Владимірку?

— На всѣ четыре!

— Какъ такъ?

— А такъ: клѣтка надломлена, настанетъ ночь, а мы ночныя птицы и вольныя! Прощай братъ, сочинитель.

— При такой дружеской откровенности, продолжалъ Пушкинъ, я ни на минуту не допустилъ мысли о доносѣ, пошелъ домой, поработалъ и легъ спать».

«Ночью барабанъ бьетъ тревогу! Я, надѣвъ архадукъ, сбѣжалъ съ горы въ крѣпость... изъ воротъ команда бѣжить во всѣ стороны съ крикомъ: лови, лови! Я вбѣгаю въ ворота... какая картина поражаетъ меня: барабанщикъ, мальчикъ 16 или 17 лѣтъ, бьетъ азартно тревогу, а у него по лицу струится кровь и глазъ, вырванный изъ своей орбиты—виситъ на щекѣ! Этотъ молодецъ ночью зачѣмъ-то вышелъ на воздухъ и увидя, что какія-то тѣни мелькаютъ по стѣнѣ, схватилъ барабанъ и забилъ тревогу... въ эту-то минуту одинъ изъ бѣглецовъ, пробѣгая мимо, ударилъ его ножомъ въ глазъ! Многихъ переловили, а мой другъ убѣжалъ. Но этого героя-барабанщика я не могу забыть!»

Наканунѣ отъѣзда нашего въ Москву, Пушкинъ повезъ Нащокина въ англійскій магазинъ, гдѣ предоставилъ ему выбирать что только понравится въ подарокъ Ольгѣ Андреевнѣ. Павелъ Воиновичъ, кромѣ мелкихъ вещей, взялъ паль или индѣйскій кашемиръ, не помню; но памятна мнѣ большая цѣпь, составленная изъ цѣльныхъ палочекъ червоннаго и бѣлаго золота (платины). Вѣроятно, этимъ и кончился расчетъ между друзьями, при неограниченномъ кредитѣ поэту англійскаго магазина.

XVI

Въ 1836 г., въ концѣ октября, возвратясь изъ-за границы и немного просрочивъ 6-ти мѣсячный отпускъ, я рѣшился еще погостить въ Петербургѣ,—такъ не хотѣлось мнѣ возвращаться въ Москву, а притомъ хотѣлось видѣть 1-е представленіе оперы «Жизнь за царя». И. И. Сосницкій досталъ мнѣ свидѣтельство доктора и полициі о болѣзни, онъ-же записалъ и кресло на торжественный спектакль, что безъ протекціи было трудновато. Здѣсь я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Сергѣевича: его кресло было крайнее у прохода въ 11 ряду, мое—за нимъ въ 12-мъ.

Въ антрактахъ все интеллигентное общество изъ первыхъ рядовъ подходило къ нему съ похвалами Глинкѣ и вообще опера имѣла блестящій успѣхъ ¹⁾).

¹⁾ Вопреки какому-то нынѣшнему писателю, увѣряющему, что она никому не понравилась,—что дѣйствительно случилось съ оперой „Русланъ и Людмила“, такъ высоко цѣнимой въ послѣднее время.

Возвратясь передъ Р. Х. въ Москву, я попрежнему почти ежедневно навѣщалъ Нащокина... но когда въ началѣ февраля 1837 года дошла до Москвы роковая вѣсть о дуэли Пушкина, мы въ ту-же минуту съ М. С. Щепкинымъ бросились къ Павлу Воиновичу! Онъ, конечно, изъ первыхъ рукъ получилъ увѣдомленіе и подметное письмо съ «соси»; впрочемъ, замѣчательно, что оно тогда же ходило по рукамъ не только въ высшемъ кругу московскаго общества, но и въ среднемъ. Боже мой! въ какомъ отчаянномъ положеніи застали мы бѣднаго Нащокина! Никогда и при его собственныхъ несчастіяхъ онъ не терялъ присутствія духа, спокойнаго и веселаго нрава. А тутъ онъ, какъ маленькій ребенокъ, метался съ мѣста на мѣсто, ласкался къ намъ—благодаря за посѣщеніе, то проклиналъ Петербургъ и даже ругалъ самаго Пушкина!

— «Если бы я въ то время жилъ тамъ, онъ не надѣлалъ бы такихъ глупостей. Я бы не допустилъ ихъ до дуэли, я бы и Дантеса, и мерзавца отца его заставилъ бы уважать такого поэта, поклоняться ему и извиниться передъ нимъ... ну, конечно, не допустилъ бы и Пушкинское дерзкое письмо дойти къ Геккерену». Щепкинъ замѣтилъ на это: «а почему-же не сдѣлали этого другіе его петербургскіе друзья, какъ, напримѣръ, Жуковскій, Вяземскій, Вьельгорскій и главный участникъ дуэли Данвасъ, его лицейскій товарищъ?»

— «Гм! Данвасъ—веселый малый, храбрый служака и остроумный каламбуристъ... онъ могъ только акуратнѣйшимъ образомъ размѣрить шаги для барьера, да зорко слѣдить за соблюденіемъ законовъ дуэли, но не только не сумѣлъ бы разстроить ее, даже обидѣлъ бы Пушкина малѣйшимъ возраженіемъ. А тѣ, высокіе придворные и поэтическіе друзья, по этикету деликатности, не рѣшились бы проникать въ тайны домашняго очага своего славнаго друга... да и самъ поэтъ въ такое щекотливое для его чести время ни за что не обратился бы къ нимъ даже за совѣтомъ, зная очень хорошо, что они, по вліянію ихъ при дворѣ, непременно остановили бы дуэль, а это враги могли приписать трусости Пушкина, что для него хуже смерти. Я же съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, продолжалъ Павелъ Воиновичъ, что безъ меня, т. е. не посовѣтовавшись со мной—онъ не началъ бы ревновать, безъ спросу у меня не сталъ бы сердиться, а тѣмъ паче писать къ Геккерену дерзкія вызывающія письма. Самъ Пушкинъ, всѣ друзья его и большая часть общества, какъ пишутъ изъ Петербурга, воображаютъ, что анонимныя шуточки съ «соси» разсмѣлялись изъ посольства? А я увѣряю теперь васъ и увѣрилъ бы тогда Пушкина, что они шли изъ русскаго враждебнаго лагеря: у него есть врагъ сильный, вліятельный, злой и мстительный.

Да вотъ голубчикъ, Михаилъ Семеновичъ, вы человекъ ума и опыта, подумайте, поразсудите, и вѣрно согласитесь со мной, что Дантесъ, счастливый или несчастный въ любви въ отношеніи жены Пушкина, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не сталъ бы, да и не могъ бы въ подметныхъ письмахъ называть мужа рогоносцемъ: это не въ натурѣ вещей! не правда-ли?

— «Да», отвѣчали мы оба со Щепкинымъ.

— «А вотъ, я вамъ кстати приведу рассказъ Пушкина, по которому вы увидите все это дѣло еще яснѣе».

XVII.

Когда ходила по рукамъ извѣстная эпитаграма:

„Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ“ и проч.

на вечерѣ у Карамзинныхъ къ Пушкину подошелъ Уваровъ и свисока, вниательно началъ выговаривать, что онъ роляетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпитаграмами!

Горячка-поэтъ, по обыкновенію вспыхнувъ, рѣзко возразилъ: «Какое право вы имѣете дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи!»

— «Но всѣ говорятъ, что ваши?»

— «Мало-ли, что всѣ говорятъ! а я вамъ вотъ что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью!»

И вотъ когда извѣстный богачъ смертельно заболѣлъ, а жадный наследникъ, заранѣе опечатывая его имѣнія, такъ осрамился на всю столицу—при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи... и хотя замаскировалъ ихъ заглавіемъ: «На выздоровленіе Лукулла» (съ латинскаго), но ни одинъ петербургскій журналъ не рѣшался принять ихъ! Тогда мы позаботились напечатать ихъ здѣсь въ одномъ изъ московскихъ журналовъ, и только что № этого журнала прибылъ въ Петербургъ, какъ на другой день Александръ Сергѣевичъ получилъ любезное приглашеніе пожаловать въ такомъ-то часу къ графу А. Х. Бенкендорфу.

— «Вхожу... (такъ слово въ слово рассказывалъ мнѣ Пушкинъ): графъ съ серьезной, даже строгой миной, впрочемъ учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола *vis-à-vis*. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ и онъ сейчасъ-же предъявилъ мнѣ его, сказавъ: «Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ неприятное и щекотливое дѣло по поводу

вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукулломъ и переводомъ съ латинскаго... но согласитесь, что мы, да и все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣтъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя?»

— «Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества...»

— «Но позвольте замѣтить, (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта, тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность—особа значительная въ служебной іерархіи»...

Тутъ я перебилъ его:

— «Но позвольте-же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?»

— «Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, привнесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить Государю! и даже то, какъ вы у Карамзинныхъ сказали ему, что напишите на него стихи и не отпретесь, то есть подпишитесь подъ ними?»

— «Сказалъ, и теперь не отрицаясь... только вотъ эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него».

— «А на кого-же?»

— «На васъ!»

Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола, и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:

— «Что-о? на меня?»...

А я, заранѣе восхищаясь развязкой,—вскочилъ съ мѣста и быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ! на васъ!»

Тутъ ужъ Александръ Христофоровичъ, во всемъ величій власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ: «Однако, послушайте, г. сочинитель! Что-же это такое! Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ):

„Теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ“...

— «Ну это ничего... (продолжаетъ читать):

„Теперь мнѣ честность—тринь-трава,
Жену обманывать не буду!“...

— «Ну и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непово-
лительное мѣсто (читая):

„И воровать уже забуду
Казенныя дрова!“

— «А? что вы на это скажете?»

— «Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой личности!»

— «Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?»

— «Такъ стало быть У. воровалъ, когда подобную улику при-
нялъ на себя?»

Банкендорфъ понявъ силлогизмъ, даже сердито улыбнулся и про-
мчалъ: «Гм! да! самъ виноватъ»...

— «Вы такъ и доложите государю. А за симъ—честь имѣю
кланяться вашему сіятельству».

Окончивъ этотъ интересный разговоръ, Нащокинъ обратился къ
намъ съ вопросомъ: «ну-ка, рѣшите, кто довелъ Пушкина до послѣд-
ней степени отчаянія анонимными письмами?»...

— «Ясно—кто!» отвѣчалъ Щепкинъ.

18.

Когда же дальше въ разговорѣ Михаилъ Семеновичъ намекнулъ
на общественное мнѣніе, что въ Москвѣ, многіе, во всей этой не-
счастной исторіи обвиняютъ жену Пушкина... Нащокинъ вспыхнулъ: —
«Знаю! Изъ Петербурга пишутъ о томъ-же! Клянусь всѣмъ, это самая
низкая и подлая клевета! Наталья Николаевна молода, легкомы-
сленна, но она любитъ мужа, никогда не измѣнила и не намѣнитъ,—
за это я головой моею ручаюсь! Нѣтъ, вы теперь, друзья мои, поду-
майте только объ ея настоящемъ положеніи? Вотъ мы вдѣсь горюемъ
о раненомъ поэтѣ... а каково ей видѣть его страданія? А если онъ
такъ преждевременно умретъ, какова будущность ея и дѣтей?»

Павелъ Воиновичъ сквозь слезы говорилъ все это, а Щепкинъ,
самъ заливаясь слезами, старался успокоить его: «Богъ милостивъ...
рана можетъ быть не опасна... не такія выгѣчивались!»

Тутъ Нащокинъ, поцѣловавъ и дружески пожимая руку славнаго
артиста, неожиданно перешелъ къ нижеслѣдующему:

— «Помните, почтенный Михаилъ Семеновичъ, вы рассказывали
Пушкину и мнѣ, какъ вы, обремененные большой семьей, не можете
выпутаться изъ долговъ?»

— «Теперь, слава Богу, понемножку выпутываюсь, расплачиваясь
бенефисами».

- «А все-таки должны, не расплатились?»
- «Такъ, тыщѣнки двѣ осталось»...
- «Такъ вотъ что-сь: если Александръ Сергѣевичъ останется живъ, я уплачиваю весь вашъ остальной долгъ».

XIX.

Быль уже часъ одиннадцатый ночи; въ это время прѣхалъ Гончаровъ, братъ жены Пушкина. Нашокинъ, не давъ сѣсть гостю, закидалъ его вопросами: «что? что? Нѣтъ-ли какого пріятнаго извѣстія? Будеть-ли живъ? Не смертельна-ли рана?» Гончаровъ отвѣчалъ, что судя по послѣднему письму, гдѣ описываютъ заботы докторовъ, особенно Арнда, присланнаго самимъ государемъ—можно надѣяться на благополучный исходъ...

Нашокинъ вдругъ перебилъ его:

- «Ты знаешь Дантеса?»
- «Да».
- «Какой цвѣтъ волосъ у него?»
- «Бѣлокурный».
- «Конецъ! Конецъ! надежды нѣтъ! Александръ Сергѣевичъ умреть отъ раны!.. никакіе Арнды не помогутъ. Умреть непремѣнно!»

Мы въ недоумѣніи спрашиваемъ: какъ? почему? какое отношеніе бѣлокурныхъ волосъ Дантеса къ смерти его соперника?

— «А вотъ какое: ему предсказана такая смерть. Это странная, непостижимая, даже—какъ и мы тогда думали—невѣроятная вещь... а вотъ теперь оказывается вѣроятной! Вотъ что Пушкинъ рассказывалъ мнѣ, а при мнѣ и другимъ, объ известной въ Петербургѣ ворожѣ. «Разъ, послѣ пирушки, Всеволожскій, я и актеръ Сосницкій повхали ворожить. Гадальщица, глядя на руку Сосницкаго, съ удивленіемъ сказала: «ай, ай! въ первый разъ вижу такого счастливаго человѣка! Васъ, господинъ, всѣ любятъ... всѣ, всѣ, нѣтъ такого, кто бы васъ узналъ и не полюбилъ! счастличикъ! ай! ай! Какой вы счастличикъ!» А Сосницкій, подмигнувъ намъ, сказалъ тихо: «вѣрно, шельма, знаетъ меня по сценѣ?»

«Когда дошла очередь до меня, продолжалъ Пушкинъ, ворожея начала тѣмъ: «о голова! голова!»

(Пушкинъ съ удовольствіемъ повторялъ въ рассказѣ эти слова, замѣтилъ Нашокинъ).

— «Вотъ и вы, господинъ, тоже любимы многими, но не всѣми... у васъ есть враги»...

— «Вѣрю, но я прошу сказать мнѣ, какую смертью я умру?»

«Ворожея отказывается предсказывать подобныя вещи, я настаиваю, увѣряю, что ни полиція не узнаетъ, ни самъ я не боюсь смерти. Уговорили, упрости гадальщицу и вотъ что она сказала: «Васъ убьетъ бѣлокурый мужчина» ¹⁾).

Послѣ разказа Павелъ Воиновичъ, убитый горемъ, съ совершенной увѣренностью прибавилъ: «вотъ увидите, что скоро придетъ извѣстіе объ его смерти! Бѣдный, несчастный другъ! Знаете-ли, что изъ всѣхъ заблужденій молодости, даже воспѣтыхъ имъ стихами, онъ за одно только укорялъ самъ себя, съ душевнымъ искреннимъ покаяніемъ проклиналъ одно свое противо-религіозное стихотвореніе. «Клянусь Богомъ (часто говорилъ онъ мнѣ), я съ радостью отдалъ бы полъ-жизни, если-бъ могъ уничтожить существованіе этого мерзкаго богохульства!» И вотъ ровно полъ-жизни отдаетъ по волѣ Провидѣнія! Будемъ-же, друзья, молиться, да проститъ Богъ заблужденіе поэта!»

И мы, почти увѣренные въ скорой смерти Пушкина, грустные и безнадежные растались съ другомъ его.

XX.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ, вмѣстѣ съ А. Щепинимъ, возвратившимся изъ Парижа ученикомъ Гаумана, поѣхалъ я въ Москву, гдѣ первымъ дѣломъ нашимъ было отыскать Нащокина, устроившаго судьбу юнаго артиста, (о чемъ сказано въ началѣ статьи).

Недаромъ подчеркнул я слово отыскать Нащокина: гдѣ-то чуть не у заставы, въ ветхомъ деревянномъ домѣ, проживалъ Павелъ Воиновичъ съ семьей, совершенно разстроивъ свои дѣла, но нисколько не разстроясь своимъ благодушнымъ и веселымъ нравомъ.

Жена его, Вѣра Александровна, эта чудная женщина была истинно дорогая половина своего мужа: добрая, умная, любезная и привѣтливая, притомъ замѣчательно-хорошенькая, она любила Павла Воиновича безгранично и какъ въ счастливой долѣ, такъ и въ несчастной, была весела, покойна и довольна, увлекаясь неистощимо-игривымъ умомъ мужа.

¹⁾ Приѣхавъ въ Петербургъ на службу, въ томъ-же 1837 году, я обратился съ вопросомъ къ И. И. Сосницкому и онъ подтвердилъ все вышесказанное, а главное: убьетъ бѣлокурый мужчина, а не бѣлый человѣкъ, какъ въ наше время иллюстрируютъ Дантеса! Красиво, но невѣрно! Н. К.

Удивительно! При этой бѣдной, сравнительно съ прежнимъ, обстановкѣ, хлѣбосольный хозяинъ ни за что не отпускалъ насъ безъ обѣда.

— «Какъ можно не угостить артиста, особенно парижскаго виртуоза! Модеста—на ноги!»

Модестъ—честнѣйшій слуга изъ крѣпостныхъ, служившій ему съ молодости до старости, полетѣлъ по разнымъ направленіямъ Москвы.. и вотъ только вмѣсто 2—3 часовъ обыкновеннаго обѣденнаго времени Павла Войновича, мы къ 6-ти часамъ сѣли за изысканный и роскошный обѣдъ съ отличными винами и десертомъ!

Тутъ весело и добродушно рассказали намъ Пав. Войновичъ какъ онъ потерялъ, т. е. проигралъ въ короткое время и запасный капиталъ, и все что имѣлъ.

Можетъ быть я наскучу читателю рассказывая и мелочи, но иначе трудно выяснитъ двойственность природы человѣка, совокупность ума и глупыхъ предрасудковъ, особливо въ такой личности, какъ Нацокинъ.

— «Я, послѣ смерти Пушкина, говорилъ Павелъ Войновичъ, съ горя или къ горю, постоянно проигрывалъ, но все еще при мелкихъ ставкахъ... вдругъ, вообразите, три ночи къ ряду я вижу одинъ и тотъ-же вотъ какой сонъ: въ большой залѣ весь полъ усыпанъ картами, крапомъ внизъ, а знаками вверхъ, а мы съ Пушкинымъ будто ползаемъ по нимъ... но только встрѣтимъ двойку (или фигурную карту, не помню теперь какую онъ называлъ), — Пушкинъ указываетъ на нее пальцемъ, значительно взглянувъ на меня! И все это точь-въ-точь повторялось 2-ю и 3 ночь—съ указаніемъ на одну и ту-же карту! Я такъ увѣровалъ, какъ въ указаніе судьбы, что въ клубѣ, придерживаясь этой роковой карты, началъ ставить огромные куши—и все неудачно! Но я до того на стаивалъ, что наконецъ и ставить было нечего!»

Павелъ Войновичъ былъ очень доволенъ, когда я приподнесъ ему (и ему первому) пародію мою на братьевъ-разбойниковъ Пушкина, подъ названіемъ «Братья-журналисты».

XXI.

Въ это послѣднее мое посѣщеніе, я замѣтилъ — не замѣчаемое мною прежде — религиозное направленіе Павла Войновича. Въ углу спальнй комнаты, за занавѣской, большая картина, писанная масляными красками, изображающая Христа распятаго, по сторонамъ образа и всѣ принадлежности молельни. А недавно въ какомъ-то журналѣ я прочелъ, что оба Нацокины, и мужъ и жена, увлеклись

модной чертовщиной, т. е. верченіемъ столовъ, вызываніемъ духовъ и проч. Не мудрено, при его предвзвѣсудкахъ и при любовнательности. Однако, впоследствии, какъ подробно налагаетъ журнальная статья, не смотря на нѣкоторыя удачи въ спиритизмѣ, даже какъ будто явленія тѣни Пушкина.—Павелъ Воиновичъ скоро понялъ всю глупость и грѣховность подобнаго заблужденія и оба съ женой, раскаясь искренно, дали слово, даже клятву другъ другу не увлекаться подобной чертовщиной и такъ восторжествовали надъ прежней слабостью! А вѣрнѣе, въ этомъ должно видѣть торжество ума, подкрѣпленнаго вѣрой!

Слѣдовало-бы въ концѣ прибавить: Нацокинъ умеръ въ такомъ-то году... но я, увы, не знаю, въ какомъ именно! Навѣрно только въ концѣ 1850-хъ годовъ.

Н. И. Куликовъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

I.

Кто написалъ басню „Конь“?

(Посвящается памяти А. П. Ермолова).

Вопросъ объ авторской принадлежности известной басни „Конь“ возникъ уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ, не смотря на участіе въ немъ лицъ, весьма компетентныхъ и авторитетныхъ въ вопросахъ нашей литературы.

Зная подробно, вполне достоверно и неоспоримо всѣ обстоятельства, относящіяся къ этому интересному произведенію, я считаю своимъ долгомъ представить вниманію публики мои свѣдѣнія, и дѣлаю это тѣмъ смѣлѣе, что всѣ лица, къ которымъ вопросъ относится болѣе или менѣе непосредственно, сошли уже въ могилу и принадлежать исторіи. Такимъ образомъ нѣтъ болѣе основанія опасаться быть нескромнымъ, или оскорбить чье либо чувство и самолюбіе.

Для болѣе ясной я изложу сначала исторію самаго спора.

Въ изданномъ въ Москвѣ, въ началѣ 1859 г., литературномъ сборникѣ „Утро“ появилась, въ первый разъ въ печати, известная до того въ публикѣ лишь по многочисленнымъ рукописямъ, басня «Конь». Издатели сборника помѣстили внизу страницы, въ выноскѣ, слѣдующее примѣчаніе: «Эта басня, какъ многимъ известно, давно ходитъ по рукамъ, приписываемая Крылову. Читателямъ судить, принадлежитъ ли она славному баснописцу»¹⁾.

---

¹⁾ Утро. Литер. Сбор. М. 1859 г.

Затѣмъ лишь въ 1864 г. извѣстный библиографъ, М. Н. Лонгиновъ, возбудиль вопросъ о принадлежности этой басни Крылову. Онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«П. А. Плетневъ въ прекрасномъ изслѣдованіи своемъ «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова» говоритъ, что Крыловъ написалъ 197 басень. (Полн. Собр. соч. И. Крылова, 1847 г., т. I, стр. 1.)»

«Въ показаніе это вкралась ошибка: Крыловъ написалъ 196 басень, въ чемъ можно убѣдиться, провѣривши число ихъ по полному изданію его сочиненій».

«Не считалъ ли почтенный біографъ Крылова сто девяносто седьмою баснею его — басню «Конь», много лѣтъ не бывшую въ печати и появившуюся въ публику въ недавнее время, въ альманахѣ «Утро»? Ее точно приписывали Крылову и напечатали съ такою отмѣткою. Но басня эта, какъ я знаю достовѣрно, написана не Крыловымъ. Авторъ ея живъ; но я не имѣю права назвать его».

«Можно, кажется, утвердительно сказать, что Крыловъ не написалъ ни одной басни, которая бы не была напечатана при его жизни¹⁾».

Не смотря однако на такое категорическое заявленіе почтеннаго библиографа, (какъ я знаю достовѣрно, говоритъ онъ), Н. В. Гербель, въ изданной имъ въ 1873 г. «Христоматіи для всѣхъ» помѣстилъ басню «Конь» уже прямо съ именемъ И. А. Крылова²⁾.

Такимъ образомъ эта басня появилась въ печати во второй разъ и притомъ съ нѣкоторыми вариантами въ текстѣ. Значитъ г. Гербель не перепечатывалъ басни изъ сборника «Утро», а издалъ ее по своему списку, нѣсколько измѣненному противъ бывшаго въ рукахъ издателей сборника. Ниже я объясню, который изъ двухъ текстовъ долженъ быть признанъ подлиннымъ.

Появленіе басни «Конь» въ «Христоматіи для всѣхъ» г. Гербеля, съ именемъ Крылова, вызвало со стороны П. А. Ефремова замѣтку, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Въ Христоматіи для всѣхъ», изданной Н. В. Гербелемъ, напечатана басня «Конь», съ подписью Ив. Андр. Крылова³⁾ и безъ всякой оговорки въ сомнительности этой подписи. Мнѣ кажется, что вообще приписывать въ печати какое нибудь произведеніе одному изъ лучшихъ писателей нашихъ слѣдуетъ съ крайней осмотрительностію и непременно дѣлать оговорку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1864 г. Вып. 11 и 12, стр. 1246.

²⁾ „Христоматіи для всѣхъ“. Н. В. Гербеля. Сиб. 1873 г., стр. 617.

³⁾ Слова разрядкой напечатаны такъ въ подлинной статьѣ. Н. К.

нѣтъ вѣрныхъ указаній, что это произведеніе принадлежитъ именно ему. Въ настоящемъ случаѣ дѣло принимаетъ еще худшій видъ, потому что г. Гербель, безъ всякой оговорки и какъ бы не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія, подписалъ имя Крылова подъ такой басней, которая дѣйствительно когда-то приписывалась ему, но уже почти десять лѣтъ не считается его произведеніемъ. Въ отвѣтъ на рецензію книги ¹⁾ г. Гербель опять съ достовѣрностію подтверждаетъ принадлежность этой басни Крылову, говоря, что басня Крылова «Конь» напечатана имъ въ шутовскомъ отдѣлѣ, потому что была пропущена въ своемъ мѣстѣ, «а пропустить ее вовсе мнѣ не хотѣлось» ²⁾. Между тѣмъ еще въ 1867 г. была помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 11—12, стр. 1246) замѣтка М. Н. Лонгинова о басняхъ Крылова, въ которой авторъ говоритъ и т. д. (слѣдуетъ приведенное уже мною выше дословно замѣчаніе Лонгинова).

«Приведенныхъ строкъ вполне достаточно, чтобъ устранить малѣйшее сомнѣніе въ принадлежности названной басни Крылову, не говоря уже о томъ, что всѣмъ, имѣющимъ понятіе о нравственномъ характерѣ Крылова и о его самоустраниеніи отъ всѣхъ сколько-нибудь щекотливыхъ сюжетовъ, и безъ этого заявленія было ясно, что подобной басни Крыловъ написать бы не рѣшился: трудно предположить, чтобы на 196 случаевъ 197-й явился исключеніемъ изъ общаго правила» ³⁾.

Такова до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, исторія вопроса о принадлежности басни «Конь» перу Крылова, или другаго, неизвѣстнаго пока, автора. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, отвѣчалъ ли Н. В. Гербель на приведенное замѣчаніе П. А. Ефремова, остался ли онъ при своемъ первоначальномъ мнѣніи и какія имѣетъ у себя на то доказательства?

Разсмотримъ теперь подробно тѣ несомнѣвныя данныя, которыя должны раскрыть всю истину вопроса и порѣшить, наконецъ, существующія недоразумѣнія, такъ часто встрѣчающіяся въ нашей жизни при условіяхъ, въ которыя поставлена у насъ до сихъ поръ литература наша вообще.

¹⁾ Рецензія эта была помѣщена въ „Спб. Вѣд.“ 1873 г., №299, съ подписью В. М., но въ ней нѣтъ воп. оса о баснѣ „Конь“.

²⁾ „Спб. Вѣдом.“ 1873 г., № 310. — Во всякомъ случаѣ нельзя не сожалѣть, что басня „Конь“ попала въ шутовской отдѣлъ, гдѣ ей никакимъ образомъ не мѣсто.

³⁾ „Спб. Вѣдом.“ 1873 г., № 326.

Покойный М. Н. Лонгиновъ, первый возбуждвшій сомнѣніе въ принадлежности басни «Конь» перу Крылова, основалъ свои соображенія, какъ мы видимъ изъ его словъ, во первыхъ, на числѣ басенъ, написанныхъ нашимъ знаменитымъ баснописцемъ; во вторыхъ, на томъ предположеніи, что всѣ его басни были напечатаны при его жизни въ полномъ собраніи его сочиненій и, наконецъ, на томъ обстоятельстве, что ему будто былъ достовѣрно извѣстенъ дѣйствительный авторъ басни «Конь», назвать котораго онъ не считалъ себя въ правѣ, какъ еще живаго въ то время.

Выдерживаютъ ли критику всѣ эти соображенія покойнаго библиографа?

Замѣчанія Лонгинова о числѣ написанныхъ Крыловымъ басенъ оказывается невѣрнымъ. Теперь уже извѣстно изъ послѣдняго восемнадцатаго изданія, что басень считается не 196 и не 197, а 201, (кромѣ басни «Конь», не вошедшей и' въ это изданіе), изъ которыхъ три только не были напечатаны ни въ одномъ изъ собраній басенъ Крылова, изданныхъ при его жизни ¹⁾. Слѣдовательно и второй доводъ Лонгинова падаетъ вмѣстѣ съ первымъ. Относительно же достовѣрнаго свѣдѣнія о дѣйствительномъ авторѣ басни «Конь», мнѣ остается сказать, что Лонгиновъ не былъ счастливѣе и въ этомъ послѣднемъ утверженіи. Онъ подразумѣвалъ подъ лицомъ, котораго не въ правѣ былъ назвать, извѣстнаго въ Москвѣ Степ. Алексѣев. Маслова (тоже уже умершаго не такъ давно). Каждый, кто зналъ г. Маслова, можетъ судить безъ ошибокъ, въ состояніи ли онъ былъ написать басню «Конь», или что нибудь подобное.

Видѣвшись весной, въ 1874 г., съ Лонгиновымъ и разговорившись съ нимъ о настоящемъ вопросѣ, по поводу его замѣчаній и замѣтки г. Ефремова, я передалъ ему мои свѣдѣнія и Лонгиновъ сознался, что никогда ихъ не зналъ ранѣе и что принялъ на вѣру сообщенное ему завѣреніе объ авторствѣ Маслова, полагая его вполне достовѣрнымъ.

П. А. Ефремовъ, съ своей стороны, положился вполне на авторитетъ Лонгинова, какъ знатока-библиографа, прибавивъ къ его соображеніямъ свое утвержденіе, что басня «Конь» не соотвѣтствуетъ прав-

¹⁾ Басня И. А. Крылова. 18-е полное изданіе подъ редакціей В. Кеневича. Сиб. 1879 г. Примѣч. на стр. 293. Теперь трудно сказать, которую изъ басенъ П. А. Шлегель считалъ 197-ю, но онъ, вѣроятно, зналъ басню „Конь“. — К.

ственному характеру нашего знаменитаго баснописца и не согласна съ его самоустраненіемъ отъ всѣхъ сколько нибудь щекотливыхъ сюжетовъ, и проч.

Не задаваясь подробными доказательствами ошибочности такого мнѣнія, я ограничусь здѣсь только указаніемъ на три послѣднія басни: «Пестрыя овцы», «Пиръ» и «Обѣдъ у Медвѣдя». (Послѣдняя впервые напечатана на страницахъ «Русской Старины» 1870 г., изд. третье, томъ II, стр. 617, въ каковомъ журналѣ вызвала интересный споръ между Я. К. Гротомъ и В. Кеневичемъ, тамъ же т. II, 623 и 624). Изъ нихъ, сколько мнѣ помнится, но вполне утверждать не смѣю, первая долго не могла быть напечатана и появилась въ печати, кажется, только въ 1860-хъ годахъ. О двухъ же послѣднихъ я не могу сказать ничего даже гадательнаго ¹⁾. Басня же «Конь», судя по всему, никогда и не предназначалась къ печати ея авторомъ.

Но чтó для меня всего страннѣе въ спорѣ объ этой баснѣ,—это то обстоятельство, что всѣ стороны въ своемъ разногласіи обращались единственно къ внѣшнимъ, такъ сказать, основаніямъ, представляющимъ одну гадательную область; но никто не остановился на внутренней сторонѣ вопроса, которая давала единственно твердую почву, при возбужденныхъ сомнѣніяхъ и неимѣніи положительныхъ данныхъ. Я хочу сказать о критическомъ обращеніи къ непосредственному предмету спора, къ самому произведенію.

Поищемъ же, не имѣется ли прежде всего въ немъ самомъ, въ его содержаніи и формѣ тѣхъ основаній, которыя могутъ указывать на его происхожденіе.

Каждый, кто изучилъ внимательно басню «Конь», и кто притомъ близко знакомъ съ произведеніями Крылова, не можетъ не согласиться, что какъ по духу и манерѣ, такъ и по формѣ эта басня принадлежитъ никому другому, кромѣ неподражаемаго нашего баснописца. Его языкъ, его оригинальные обороты и сила выраженія, его простота и тонкость изображенія извѣстной идеи въ формѣ чисто народной басни; однимъ словомъ, весь самобытный геній его фантазій изобразился тамъ также ярко, какъ и во всѣхъ остальныхъ чисто національныхъ аллегорическихъ рассказахъ. Выводъ, смыслъ или, что называетъ

¹⁾ Не занимаясь библиографіей, я не могу представить по этому предмету положительныхъ свѣдѣній, но ихъ не трудно получить отъ специалистовъ.

Н. К.

ся, мораль басни также самородны, какъ и вся канва ея, съ необыкновеннымъ драматизмомъ и картинностію содержанія. Оригинальное творчество Крылова быть живымъ ключемъ въ каждой строкѣ басни. Поддѣлываться такъ невозможно никому.

Эта басня ходила въ свое время въ массахъ списковъ по всѣмъ рукамъ, занимала всѣхъ своею мѣткостію и всѣ называли, общественнымъ чутьемъ, Крылова ея авторомъ. Всѣ понимали, такъ сказать, инстинктивно, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, по случаю кого и чего она была написана, и всѣмъ было ясно, почему авторъ скрывался и не могъ предназначить къ печати своего произведенія.

Затѣмъ, переходжу къ исторіи самой басни «Конь», которая до сихъ поръ еще не была никѣмъ затронута подробно въ печати.

Я полагаю, что съ моей стороны не будетъ неосторожнымъ раскрыть всю подлинную истину, такъ какъ тѣ лица, которыхъ она касается прямо и непосредственно, существуютъ для насъ уже не болѣе, какъ историческими тѣнями, или образами, а съ ними улеглись въ могилахъ и всѣ страстныя и субъективныя отношенія. Сверхъ того, въ послѣднее время передано публикѣ много фактовъ, которые до того бережно хранились подъ спудомъ тайны и составляли либо запасъ общественной памяти, либо достояніе частныхъ записокъ и мемуаровъ, предоставлявшихся потомству.

И такъ,—басня «Конь» была написана И. А. Крыловымъ по случаю удаленія генерала Ермолова съ Кавказа и увольненія его отъ дѣйствительной службы Россіи. Въ «Конѣ» изображенъ знаменитый, неустрашимый полководецъ, военные подвиги котораго, въ особенности на Кавказѣ, въ горахъ, ознаменовали исторической славой русское оружіе. Конь обладалъ еще и другими достоинствами и качествами, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ были и такія черты личнаго характера, которыя уже не соответствовали новымъ возрѣніямъ и требованіямъ, и коня поставили въ конюшню, на сытый кормъ, надѣвъ на него золотую уздечку.

Первый, писанный рукою Крылова, экземпляръ басни былъ полученъ, тотчасъ по написаніи ея, А. П. Ермоловымъ отъ самаго И. А. Крылова, посредствомъ частнаго пути, при его собственноручномъ письмѣ, вмѣстѣ съ которымъ и сохранялся тщательно и бережно маститымъ воинномъ. Кому достались и сохранились ли до сихъ поръ въ цѣлости эти два драгоценные манускрипта, послѣ смерти А. П. Ермолова,—я достовѣрно не знаю. Равно, къ искреннему

моему сожалѣнію, не могу сказать теперь на память, въ которомъ именно году басня была написана ¹⁾).

Я имѣлъ честь и счастье знать близко А. П. Ермолова и пользоваться его особенною благосклонностію и довѣріемъ, а потому я видѣлъ у него собственными глазами и басню, и письмо Крылова въ оригиналахъ, съ которыхъ и списалъ, съ его разрѣшенія, копии ²⁾. А. П. Ермоловъ дѣлился такими предметами вообще, какъ и интимными разговорами, только съ самыми приближенными людьми, въ скромности которыхъ онъ былъ вполне увѣренъ. О баснѣ же «Конь» онъ сознался только по смерти Крылова, а до того хранилъ объ ней абсолютное молчаніе. Ему извѣстенъ былъ и слухъ, распущенный нѣкоторыми людьми о Масловѣ, какъ авторѣ басни, но понятно, какъ онъ относился къ подобной шуткѣ.

Когда басня «Конь» была въ первый разъ напечатана, я принесъ А. П. Ермолову экземпляръ сборника «Утро» и показалъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что очень сожалѣетъ о ея напечатаніи, что это можетъ возбудить негодованіе и вызвать непріятныя послѣдствія, а пользы не будетъ никакой и никому. На это я возразилъ, что воспретить печатаніе басни не было ни основанія, ни возможности, потому что въ общемъ содержаніи и въ явномъ смыслѣ нѣтъ ничего противузаконнаго; а догадки, произвольныя толкованія и чтеніе между строками положительно воспрещены закономъ ³⁾. Мало ли что можно разумѣть подѣ конемъ и всадникомъ, но какъ же это доказать? Говорить много, но все это лишь догадки и плодъ фантазіи и воображенія, которыя поддерживаются и питаются только запретомъ и тайною. Между тѣмъ басня есть дѣнное приобрѣтеніе для литературы и лишитъ общество этого достоинства—нѣтъ права. Старый воинъ разсмѣялся и прибавилъ снисходительно: «ты всегда правъ, любовный другъ, какъ и во всемъ, и я кладу оружіе».

Нисколько не отрицая сдержанности и осторожности Крылова, какъ и вообще всѣхъ, жившихъ въ ту эпоху, нельзя однако на этомъ лишь основаніи рѣшительно утверждать, что онъ не въ состояніи былъ никогда и ничѣмъ увлечся и сдѣлать отступленіе отъ общаго правила жизни, хотя бы и одинъ разъ на 200 случаевъ. Многимъ

¹⁾ Можетъ быть, обладатели подлинника найдутъ возможнымъ теперь отозваться въ „Русской Старинѣ“ на мой голосъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, эти копии не находятся у меня подъ рукою въ настоящую минуту.

³⁾ Уст. Цenz., ст. 6.

вѣроятно памятно, какъ общественное мнѣніе отнеслось въ свое время къ прискорбному для Россіи удаленію Ермолова отъ службы, какъ онъ былъ принятъ въ тогдашней Москвѣ, при его первомъ появленіи среди ея общества, въ черномъ фракѣ и только съ солдатскимъ Георгіемъ въ петличкѣ, полученнымъ изъ рукъ великаго Суворова, при взятіи Праги, (предмѣстіе Варшавы). При входѣ его въ залу собранія, не только всѣ мужчины, но и всѣ дамы безъ исключенія, встали и съ знакомъ самаго глубокаго и единодушнаго общественнаго уваженія встрѣтили отставленнаго героя ¹⁾. Такой почести, кажется, никому другому еще не приходилось испытывать. Всѣмъ извѣстно, какъ относились во всей Россіи къ Ермолову, до послѣдняго дня его жизни, какъ цѣнили его высокія дарованія, его великія заслуги и душевныя качества, даже иностранцы ²⁾, и какъ онъ былъ популяренъ среди войска и даже среди простаго русскаго народа. Со всѣхъ концовъ Россіи Алексѣй Петровичъ получалъ знаки почитанія и симпатій то въ письмахъ, то въ стихахъ, то въ личныхъ посвѣщеніяхъ, начиная отъ самыхъ высокихъ, до самыхъ скромныхъ именъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Почему же можно такъ смѣло и рѣшительно утверждать, что при общемъ настроеніи, чувствѣ и увлеченіи, Крыловъ, глубоко русскій душой и умомъ, не могъ въ свою очередь увлечься и отступить отъ принятаго правила сдержанности? Отчего его Муза не могла по своему вторить говору всей Россіи? Очевидно, что выводъ гг. библиографовъ слишкомъ поспѣшенъ, не выдерживаетъ строгаго анализа и разбирается передъ фактомъ.

Теперь, послѣ всего, мною переданнаго, всякія сомнѣнія на счетъ принадлежности басни «Конь» перу Крылова упраздняются окончательно, и она можетъ занять по праву свое мѣсто въ слѣдующемъ изданіи полнаго собранія его басенъ. Не придетъ же никому въ голову предположеніе, что И. А. Крыловъ могъ прислать А. П. Ермолову отъ своего имени басню, импровизованную другимъ.

¹⁾ Рассказъ объ этомъ торжественномъ входѣ въ залу Дворянскаго Собранія я слышалъ отъ участниковъ и личныхъ свидѣтелей праздника.

²⁾ Извѣстный Капо д'Истрія называлъ Ермолова въ письмахъ: *ame antique*. Однажды одинъ изъ сыновей Ермолова, находясь въ Парижѣ, зашелъ въ почтамтъ спросить, не было ли писемъ на его имя, и когда престарѣлый чиновникъ, раздававшій письма, узналъ, что молодой человекъ сынъ знаменитаго генерала, то тотчасъ созналъ старыхъ служителей изъ отставныхъ солдатъ и приказалъ имъ отдать честь великому имени. Этотъ экспедиторъ былъ также изъ прежнихъ военныхъ людей.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать о томъ—который изъ двухъ текстовъ, напечатанныхъ въ сборникѣ «Утро», или въ «Христоматіи для всѣхъ», слѣдуетъ признать согласнымъ съ подлинникомъ? Не имѣя подъ рукой моей копии, снятой, какъ я сказалъ, прямо съ автографа Крылова, я не могу сличить тексты, по отдаю преимущество тексту сборника «Утро», на томъ основаніи, что въ его изданіи участвовалъ, сколько мнѣ извѣстно, покойный М. П. Погодинъ, который имѣлъ у себя также вѣрный списокъ басни. Поэтому и поставленъ въ выноскѣ прозрачный намекъ на ея автора. При томъ же въ то время была полная возможность тотчасъ исправить текстъ, если бы въ немъ оказались погрѣшности, или отступленія.

Н. О. Круже.

Москва, 1 февраля 1831 г.

II.

К О Н Ъ.

Басня.

У ѣздока, наѣздника лихаго,
 Былъ конь, какового
 И въ табунахъ степныхъ нарѣдкость поискать...
 Какалъ стаять!
 И ростъ, и красота, и сила!
 Такъ щедро всѣмъ его природа наградила...
 Какъ онъ прекрасенъ былъ съ наѣзникомъ въ бояхъ!
 Какъ смѣло въ пропасть шелъ и выносилъ въ горахъ!..
 Но съ смертью ѣздока, достался конь другому
 Наѣзднику, да на-бѣду—плохому.
 Тотъ приказалъ его въ конюшню свести,
 И тамъ, на привязи, давать и пить и ѣсть;
 А за усердіе, за службу удалую,
 Вѣкъ не снимать съ него уздечку золотую...

Вотъ годы цѣлые безъ дѣла конь стоитъ;
 Хозяинъ на него любитъ, глядитъ;
 А съѣсть боится,
 Чтобъ не свалиться.
 И сталъ нашъ конь въ лѣтахъ,
 Потухъ огонь въ его глазахъ,
 И спалъ онъ съ тѣла.
 И какъ вскормленному въ бояхъ не похудѣть безъ дѣла!

Кони всѣмъ жаль: и конюхи плохѣ,
 Да и наѣздники лихѣ,
 Между собою говорятъ:
 „Но кто-бъ коню такому былъ не радъ.
 Кабы другому онъ достался!“
 Въ томъ и хозяинъ сознавался:
 Да для него, вотъ, та бѣда,
 Что конь въ возу не ходитъ никогда.

* * *

И въ правду есть кони, ужъ отъ природы
 Такой породы:
 Скорѣй его убьешь,
 Чѣмъ запряжешь.

И. А. Крыловъ.

Примѣчаніе. Басня «Конь» перепечатана здѣсь изъ литературнаго сборника «Утро», изд. въ Москвѣ, 1859 г.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Печатаемъ съ буквальною точностью одно изъ писемъ Кольцова, найденное въ подлинникѣ въ одной изъ книгъ у букиниста. Кто такой Александръ Александровичъ, къ которому адресовано письмо — предоставляемъ указать біографамъ А. В. Кольцова. А. Э.

Ваше превосходительство. Александръ Александровичъ, мнѣ далъ богъ прирожденныя одно бѣдное богатство. прошу васъ, по добротѣ души вашей не откажитесь принять съ этой маленькой книжонкой—и мою душевную благодарность за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ. вашего превосходительства покорнейшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

1838 ¹⁾ апрель 9 дня.

¹⁾ 8 написано такъ, что можно принять и за 6. Не рѣшилось самостоятельно рѣшить этого. А. Э.

ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ

въ 1850—1862 гг.

[Изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.]

I.

Я началъ заниматься рисованіемъ еще въ дѣтствѣ, и мой покойный отецъ, желая развить во мнѣ способность въ живописи, посылалъ меня въ 1830 годахъ въ рисовальные классы Академіи Художествъ, гдѣ за ничтожную плату давали билеты на посѣщеніе классовъ и каждый желающій, на ряду съ учениками академіи, получалъ оригиналы и пользовался совѣтами профессора.

Въ то время, въ обществѣ много было молодыхъ людей, занимавшихся живописью и рисованіемъ. Я помню, что нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ работали за однимъ столомъ со мной въ академіи, а въ другихъ старшихъ классахъ было множество постороннихъ любителей, которые аккуратно являлись къ 5 часамъ въ академію, и по заведенному тогда порядку, толпою дожидались въ холодномъ, темномъ корридорѣ, открытія классовъ; помню сторожей, которые не совсѣмъ вѣжливо обращались съ толпою, наполнявшею корридоръ; и только немногіе избранные пользовались привиллегією, ранѣе другихъ попадать въ классы, это святилище искусствъ. Нетерпѣніе, раньше другихъ попасть въ классъ, объяснялось во 1-хъ, морозомъ, царствовавшемъ въ корридорѣ, а во 2-хъ желаніемъ занять лучшее мѣсто, въ особенности когда послѣ экзаменовъ ставились новыя фигуры въ гипсовомъ и натурномъ классѣ.

Изъ сверстниковъ моихъ, по классу рисованія, я помню Круазье (теперь архитекторъ), Монигетти, братьевъ Воробьевыхъ, Рамазанова, Вольскаго, Шудана, Скотти, Егора Солнцева и другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ впоследствии

художниковъ. Всѣ эти ученики академіи ходили въ мундирахъ, и относились очень снисходительно къ постороннимъ посѣтителямъ классовъ, помогали совѣтами, и воспоминаніе объ этомъ счастливомъ времени, гдѣ одна любовь къ искусству связывала всѣхъ насъ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

Въ то время, на сценѣ давали нѣмецкія оперы: Робертъ и Фелла, только что появившіяся, всѣхъ сводили съ ума, а въ академіи, только присутствіе профессора удерживало, чтобы хоромъ не пѣли въ классѣ *Amis, la matinée est belle*, или чтонибудь въ этомъ родѣ. Вообще, это было время энтузіазма и восторговъ, можетъ быть излишнихъ; но скуки тогда не знали. Ко всему относились, правда, довольно поверхностно; но за то жилось легче и больше любили искусство.

Тогда, болѣе чѣмъ художниковъ, было любителей искусства; насколько искренна была эта любовь, мудрено сказать, но между ними было много даровитыхъ и считалось честью ходить въ академію и получать нумера перваго десятка за рисунки. Дилетантизмъ былъ тогда въ модѣ, и много молодыхъ людей высшаго круга, блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ, съ портфелями являлись въ академію. Помню князя Щербатова (конной гвардіи), Зацѣпина (гвард. сапера), Степанова (лейбъ-егеря) и другихъ.

Съ этого времени начались мои сношенія съ художниками и художествами; связь эта не прекращалась никогда и осталась однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній. Наступило время серьезнаго ученія въ институтѣ путей сообщенія, тогда закрытаго учебнаго заведенія: ходить въ академію было нельзя и некогда, но мои сношенія съ художниками не прекращались, и по воскресеньямъ я всегда бывалъ въ академіи. Въ институтѣ нашлись такіе же любители рисованія, какъ и я, въ числѣ ихъ былъ Карицкій, позже ученикъ Карла Павловича Брюллова. Черезъ Карицаго, я часто бывалъ въ мастерской Брюллова, и былъ свидѣтелемъ того культа, которымъ его окружали.

Помню, какой восторгъ произвелъ тогда И. К. Айвазовскій своими картинами, доставившими ему золотую медаль и право быть посланнымъ за границу. Тогда уже Иванъ Константиновичъ удивлялъ всѣхъ своею плодovitостію, а въ баталическомъ классѣ профессора Зауервейдъ (гдѣ Айвазовскій работалъ), почти ежедневно смѣнялись холсты на его мольбертѣ. Уже тогда не

было предѣловъ воображенію Айвазовскаго. Завистники говорили, что онъ работаетъ рутинно, что онъ пишетъ подносы, а не картины и проч., но послѣдствія доказали противное.

Мы были тогда юноши, и наши восторги не охлаждались разсужденіями, достаточно было черты Брюллова, чтобы всѣ ахали безъ конца. И надо было видѣть, какъ онъ пользовался своимъ авторитетомъ, какъ проповѣдывалъ любовь къ искусству, чтобы повѣрить тому обаянію, которое онъ производилъ на всѣхъ. Помню я вечера, проведенные на антресоляхъ квартиры Брюллова, гдѣ собиралась молодежь. Тутъ были Михайловъ, Коричвій, Рамазановъ, Капковъ, Борисполець, Тиммъ. Тутъ же бывали Кувольникъ, Глинка. Не смотря на неприглядную внѣшность тогдашней академіи, мы питали какую-то любовь къ ея нескончаемымъ корридорамъ, къ таинственнымъ и грязнымъ мастерскимъ, съ восторгомъ любовались мастерской Брюллова на литейномъ дворѣ, гдѣ писалась тогда осада Пскова. Наши требованія, вообще, были очень умѣренныя; мы собирались на антресоли къ Н. Д. Быкову, гувернеру академіи, который угощалъ насъ кофеемъ съ сухарями и объѣдались пирогами его старухи кухарки; но дѣло было не въ этомъ скромномъ угощеніи, а въ томъ, чтобы посредствомъ Николая Дмитриевича, пробраться въ залы академіи, или въ мастерскую Бруни, или Брюллова. У Быкова жили тогда Рамазановъ, Монигетти и работали на конкурсъ золотыхъ медалей.

Послѣ того, какъ я былъ произведенъ въ офицеры гвардіи, времени заниматься живописью у меня оставалось еще меньше; всѣ постороннія занятія, кромѣ фронта, преслѣдовались тогда строго. Покойный великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ, что не нужны ни ученые, ни художники, а нужны только офицеры. Бывало, не зная, что дѣлать отъ скуки въ караульной комнатѣ, зачерчиваешь мотивы картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ дворца, да и то украдкою, съ киверомъ на головѣ, не растегивая чешуй и въ перчаткахъ, чтобы не быть пойманнымъ въ распλοхъ. Въ лагерное время работалось легче, и благодаря красивому положенію Дудергофа, Танцъ, можно было писать и рисовать съ натуры этюды; все это пригодилося, но гораздо позже; набивая руку въ техникѣ, мнѣ было легче учиться серьезно впослѣдствіи.

II.

Въ 1844 году я уѣхалъ съ братомъ за границу. Онъ, какъ скрипачъ, хотѣлъ, чтобы его слышали въ Германіи, гдѣ его уже знали, а мнѣ онъ предложилъ заняться изученіемъ живописи, чтобы сдѣлаться настоящимъ художникомъ. Въ это время, въ Дрезденѣ, былъ извѣстный пейзажистъ Куммеръ, я записался въ его ученики и, проводивъ своихъ на воды, остался въ Дрезденѣ.

Интересны подробности моихъ занятій у Куммера, интересны потому, что ничего подобнаго мнѣ не случалось видѣть впоследствіи. Дешевизна была изумительная: за постоянную работу въ мастерской Куммера, подъ его руководствомъ, ему платили всего восемь талеровъ въ мѣсяцъ. Квартира со столомъ, бѣльемъ и прислугой, стоила также восемь талеровъ въ мѣсяцъ. Кромѣ занятій въ мастерской, мы, т. е. еще трое учениковъ и я, ходили работать съ натуры, и тогда Негг Куммеръ вооружался своими доспѣхами и садился писать вмѣстѣ съ нами этюды. Такимъ родомъ, ѣздили мы работать въ Ангальтъ Течинъ, гдѣ сохраняются до сихъ поръ вѣковые дубы, какъ будто съ намѣреніемъ разставленные рѣдко, для того чтобы ихъ срисовывали. Были и въ Тиролѣ, откуда привезли кучу этюдовъ и все это за ту же плату, 8 талеровъ въ мѣсяцъ. Къ концу лѣта, надо было рѣшить, оставить ли мнѣ службу и ѣхать въ Италію, чтобы заниматься живописью; но этому намѣренію не суждено было исполниться: я получилъ изъ Петербурга, отъ товарищей моихъ по дивизиону піонеровъ, запросъ, вернусь ли я въ концѣ осени, чтобы воспользоваться моею очередью ѣхать на Кавказъ ¹⁾; или предоставлю эту очередь слѣдующему за мной офицеру. Вопросъ этотъ рѣшала всю мою будущность, и потому не безъ волненія я отвѣчала, что вернусь въ Петербургъ и, прощаясь съ карьерой художника, утѣшался тѣмъ, что увижу интересный край. Къ этому я былъ увѣренъ, что никакая служебная дѣятельность не отниметъ у меня возможности сдѣлаться живописцемъ, и что служба

¹⁾ Тогда отъ всѣхъ полковъ гвардіи, ежегодно командировались офицеры на Кавказъ, въ иныхъ полкахъ бросали жребій, а такъ какъ въ піонерахъ офицеровъ было не много, то мы вели у себя очередь

моя на Кавказѣ дастъ мнѣ возможность примѣнить мое умѣнье въ такой замѣчательно красивой мѣстности. Запасшись всѣмъ нужнымъ для работы, въ зиму 1844—1845 гг., я отправился на Кавказъ, былъ въ Грузіи, въ Закавказскомъ краѣ, въ обоихъ Дагестанахъ, въ Чечнѣ, вездѣ рисовалъ, и вернувшись въ Петербургъ въ половинѣ 1846 года, привезъ съ собою довольно большое собраніе видовъ Кавказа, сдѣланныхъ съ натуры. Къ сожалѣнію, въ выборѣ мѣстъ, мною рисованныхъ, я не могъ руководствоваться однимъ взглядомъ художника, намѣреніемъ со временемъ написать съ эскизовъ картины; приходилось рисовать то, что можно было,—бывало рисуешь то мѣсто, которое передъ глазами и уже не ищешь какъ бы его обставить для картины. Но Кавказъ такъ богатъ видами, что рядъ ихъ, въ разныхъ направленіяхъ, доставилъ цѣлый рядъ эскизовъ, оригинальныхъ и своеобразныхъ; тамъ нечего было бояться однообразія, и еслибъ хватало времени, то работы было бы безъ конца. За это собраніе видовъ Кавказа, въ 1847 году, совѣтъ академіи удостоилъ меня званія почетнаго вольнаго общника, что послужило поводомъ къ тому, что я возобновилъ знакомство съ бывшимъ конференцъ-секретаремъ академіи В. Ив. Григоровичемъ. Онъ меня зналъ, когда еще я ходилъ мальчикомъ въ академію и тогда еще я пользовался его совѣтами и наставленіями.

Въ ту пору, Василью Ивановичу было уже подъ 60 лѣтъ, и хотя онъ былъ еще очень свѣжъ, но какъ малороссъ родомъ, казался старѣе своихъ лѣтъ. Это былъ человекъ очень тонкаго ума, очень образованный и очень любезный. Будучи конференцъ-секретаремъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, Василій Ивановичъ, не бывши самъ художникомъ, имѣлъ большія познанія въ искусствахъ, издавалъ когда-то художественный журналъ, читалъ лекціи о теоріи изящныхъ искусствъ, и горячо говорилъ о художникахъ и ихъ твореніяхъ. На первый взглядъ, онъ производилъ впечатлѣніе человека знающаго и любящаго искусства; но тѣ, которые знали его давно, особенно профессора академіи, не уважали въ немъ знатока, и не цѣнили его мнѣній. На самомъ дѣлѣ В. Ив., въ свое время, былъ очень полезный дѣятель; но это было очень давно, а въ 1847 году, онъ уже былъ усталый и бездѣятельный секретарь академіи: все, что дѣлалось и рѣшалось тогда въ академіи, было рутинно и скучно. Отъѣздъ Брюллова и Бруни за

границу положилъ конецъ восторгамъ художниковъ. Академія какъ бы застыла въ своихъ старыхъ формахъ. Профессоръ Зауервейдъ, по проекту котораго было закрыто воспитательное заведеніе, получилъ отъ совѣта много рѣзкихъ возраженій; но дѣло было рѣшено и академія осталась тѣмъ, что была, безжизненною.

В. Ив. Григоровичъ, вмѣстѣ съ должностію конференцъ-секретаря, занималъ тогда должность секретаря общества поощренія художниковъ, такъ что чрезъ него и по его предложенію, члены общества М. Д. Рѣзвый и А. П. Сапожниковъ содѣйствовали тому, что въ 1848 году общимъ собраніемъ я былъ избранъ въ члены общества.

Рѣзвый и Сапожниковъ были дѣятельными членами общества поощренія художниковъ болѣе 20 лѣтъ, занимая, по выбору членовъ общества, разные должности.

Кромѣ ихъ любви къ живописи, они оба были любителями музыки и музыкантами. Рѣзвый былъ віолончелистъ, весьма исправный, а Сапожниковъ скрипачъ, но не изъ важныхъ, что не мѣшало имъ устраивать музыкальные вечера, гдѣ исполнителями были все любители; генералы Шубертъ (віолончель), Геруа (скрипка), Шяльдеръ (скрипка) были часто участниками этихъ вечеровъ. Собирались рано, часовъ въ 6 вечера, и далеко за полночь, игрались квартеты, квинтеты, тріо Гейдена, Моцарта и изрѣдка Бетховена. Объ исполненіи и объ ансамблѣ говорить нечего, всѣ эти вечера устраивались, не съ цѣлью удовлетворить слушателя, а лишь съ цѣлью участвовать самимъ въ исполненіи. Часто темпы замедлялись до-нельзя, чтобы помочь слабому исполнителю; часто повторялось одно и то же, а часто останавливались на половинѣ; такъ что иногда нельзя было составить себѣ понятія о томъ, что играютъ. Чтоже мудренаго, что Бетховенъ былъ почти изгнанъ изъ репертуара. Но за то наивное восхищеніе исполнителей, когда имъ удавалось кончить піесу въ одно время, было умилительно, и слѣдующіе за тѣмъ разговоры, какъ и это сдѣлалъ свой пассажъ, продолжались до новаго квартета, или квинтета.

Если мнѣ и приходилось жутко отъ этой музыки, то все это выкупалось необыкновенной добротой и радушіемъ хозяевъ. Изъ числа участвующихъ, уже давно никого нѣтъ въ живыхъ; съ этимъ кружкомъ кончились эти вечера, и конечно не я одинъ вспоминаю объ нихъ, какъ о давно минувшемъ, счастливомъ вре-

мени юности. Изъ числа участвовавшихъ, выдѣлялся одинъ только М. Д. Рѣзвый; онъ былъ дѣйствительно хорошей виолончелистъ и нужно было его терпѣніе, чтобы выдержать такой квартетъ. Кромѣ музыки, въ домѣ А. П. Сапожникова, производилось все, что только могло имѣть интересъ въ отношеніи художествъ. Появились тогда абажуры изъ бумаги, вырѣзанные такъ, что каждая фигура сама себя отбѣняла; Андрей Петровичъ дошелъ до совершенства въ ихъ произведеніи; выдуманъ былъ составъ для лѣпки изъ опилокъ,—опять это производство нашло мѣсто у него въ кабинетѣ. Вся квартира обращалась то въ мастерскую художника, то столяра, тоvara, смотря по затѣянной работѣ; тамъ не было мѣста ничего-недѣланью; всегда, всюду, все, что задумывалось, тутъ же и исполнялось. Конечно, все это вмѣстѣ взятое, было не болѣе какъ диллетантизмъ, и не могло представить особой заслуги, еслибъ за всѣмъ этимъ не было настоящей заслуги Андрея Петровича: изданный имъ курсъ рисованія составленъ съ большимъ знаніемъ дѣла и есть чуть ли не единственное руководство до сихъ поръ, для желающихъ учиться рисовать.

Домъ Андрея Петровича былъ открытъ для всѣхъ, это только могъ заявить о своей любви къ какому бы то ни было дѣлу: я не знаю кому онъ отказывалъ въ своей помощи и въ совѣтѣ, это былъ истинно хороший человекъ! Великій князь Михаилъ Павловичъ оцѣнилъ его по заслугамъ, и назначилъ его наблюдателемъ за преподаваніемъ рисованія во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Почему всякое лѣто Андрей Петровичъ садился въ карету, особенно имъ устроенную, со всѣми приспособленіями, и отправлялся въ дальнее путешествіе, для объѣзда кадетскихъ корпусовъ по Россіи. Тогда онъ обращался въ генерала и начальника, сохраняя всю ту же невозмутимую доброту и ровность характера.

III.

Эти три личности, давнишніе члены комитета общества поощренія художниковъ, потребовали отъ меня согласіе принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества и въ 1850 году предложили въ комитетѣ объ избраніи меня секретаремъ, на мѣсто бывшего графа Николая Ивановича Мусина-Пушкина. Мнѣ

пришлось быть единственнымъ молодымъ членомъ въ комитетѣ, состоявшемъ изъ людей пожилыхъ и съ положеніемъ въ свѣтѣ.

Вице-предсѣдателемъ комитета былъ въ то время гр. М. Ю. Вьельгорскій; онъ до самой своей смерти, чередовался въ этой должности съ Ѡ. Ив. Прянишниковымъ, а членами комитета были: Александръ Васильевичъ и Демьянъ Васильевичъ Кочубей, Владиміръ Петровичъ Давыдовъ (впослѣдствіи графъ Орловъ-Давыдовъ), князя Михаилъ Викторовичъ Кочубей, Иванъ Матвѣевичъ Толстой (позже графъ), Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ. Составъ комитета измѣнялся мало; по мѣрѣ выбыванія членовъ, по очереди, ихъ мѣста занимали гр. П. П. Шуваловъ, князь Сергѣй Викторовичъ Кочубей, Павелъ Дмитриевичъ Дурново; но Сапожниковъ, Григоровичъ и Рѣзвый почти были безсмѣнными членами комитета, занимая должности казначея, или секретаря общества. Нельзя при этомъ не вспомнить бухгалтера общества, Савина,—онъ слишкомъ двадцать лѣтъ вель счетную часть общества, и сохранялъ все имущество, помѣщенное бесплатно въ квартирѣ комитета, въ домѣ графа Румянцева на англійской набережной. Тутъ же жилъ Савинъ съ своимъ семействомъ и вель все хозяйство общества. Врядъ-ли найдется художникъ, имѣвшій дѣло съ Савинымъ, который бы не сохранилъ доброй памяти объ этомъ вполне честномъ и добромъ членѣмъ. Не одинъ разъ Савинъ выручалъ бѣдняковъ изъ бѣды, изъ своего кармана, въ ожиданіи, что будетъ выдано пособіе отъ комитета. Онъ искренно былъ преданъ интересамъ общества, видѣлъ въ комитетѣ что-то родное; по натурѣ онъ принадлежалъ къ разряду людей, теперь рѣдко встрѣчаемыхъ, потому что всецѣло принадлежалъ своей должности, не помышляя ни о чемъ лучшемъ. Сапожниковъ, Рѣзвый и Григоровичъ, какъ я уже говорилъ выше, были главными дѣятелями въ обществѣ; въ продолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, они поддерживали характеръ общества поощренія художниковъ, и если въ чемъ можно было ихъ упрекнуть, то уже никакъ въ равнодушіи къ дѣлу, а скорѣй въ излишней снисходительности къ посредственнымъ художникамъ. Впрочемъ, въ то время походили нужнымъ поощрять и поддерживать нарождающіеся таланты, тогда не считалось преступленіемъ, если поощряемый художникъ, впослѣдствіи, не оправдывалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Поощреніе не считалось

благодѣяніемъ, недостигшимъ цѣли; всякій изъ участниковъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ обязанъ поощрять, и никогда не отказывать въ пособіи таланту. Цѣль очень возвышенная и вполне благородная, а въ отношеніи пользы это никакъ не могло повредить дѣлу, едва начинавшему развиваться въ Россіи.

Когда меня выбрали секретаремъ, дѣла комитета, его составъ, почти не измѣнили своего характера, съ самаго учрежденія общества, т. е. съ 1820 года. Какъ тогда, три богатые барина, Кивинъ, князь Гагаринъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, учреждая общество поощренія художниковъ, были убѣждены въ несомнѣнной пользѣ учрежденія общества, точно также и тридцать лѣтъ спустя, члены комитета относились къ дѣлу, съ тѣмъ же убѣжденіемъ, что они способствуютъ развитію таланта молодыхъ художниковъ. Средства общества были весьма ограниченны: раздѣленные между большимъ количествомъ нуждающихся художниковъ, онѣ обращались въ крохи на долю каждаго; чтобъ дать понятіе о цифрахъ, стоитъ только сказать, что 1,290 молодыхъ художниковъ получали пособія до 225,000 руб. Въ этой суммѣ считаются пособія и единовременныя и годовыя, и содержанія заграничныя, такъ что нельзя сдѣлать вѣрный выводъ, который бы опредѣлялъ долю пособія на каждаго; но можно судить о томъ, какъ оно было невелико, потому что на каждаго поощряемаго, пришлось бы всего по 175 руб. за все время существованія общества, т. е. тридцать лѣтъ, такъ что матеріальная помощь не могла быть существенною помощію. Въ нравственномъ же отношеніи, дѣятельность общества была полезнѣе, потому что въ то время академія художествъ далеко не легляла своихъ питомцевъ, много очень даровитыхъ художниковъ были тамъ стираемы съ лица земли, часто по капризу и зависти наставниковъ профессоровъ; тогда еще царило крѣпостное право, а крѣпостнымъ двери въ академію были заперты; можно ли было послѣ этого не дорожить обществомъ поощренія художниковъ, котораго покровительство было доступно каждому. Если братья Брюлловы, Александръ Ивановъ и другіе были отправлены за границу, то этимъ они обязаны обществу, потому что академія имъ въ этомъ отказала. Каждый, кромѣ пособія, могъ надѣяться на заступничество и поддержку предъ членами совѣта академіи. А что общество имѣло вліяніе на совѣтъ академіи, въ томъ не было сомнѣнія.

Комитетъ общества, составленный большею частію изъ людей высокопоставленныхъ и богатыхъ, пользовался большимъ авторитетомъ. Съ самаго учрежденія комитетъ пользовался даровымъ помещеніемъ въ домъ гр. Румянцова, на набережной, гдѣ былъ музей, завѣщанный графомъ: на благое просвѣщеніе, какъ значилось на надписи дома. Здѣсь сохранялось все имущество общества, тутъ жилъ и бухгалтеръ Савинъ, хранитель всей движимости.

Въ концѣ 1850 годовъ Румянцевскій музей былъ перемѣщенъ въ Москву, домъ былъ проданъ, для помещенія комитета была нанята квартира. Съ этого времени начались перѣзды комитета съ мѣста на мѣсто, всегда сопряженные съ большими затрудненіями, неудобствами, и только въ 1860 годахъ, оказалось возможнымъ, занять помещеніе въ домъ голландской церкви у Полицейскаго моста, чтобы открыть постоянную выставку на болѣе людной улицѣ.

Въ 1840-хъ годахъ направленіе общества оказалось уже несовременнымъ: то что, было дѣйствительною помощью тому 30 лѣтъ назадъ, оказалось недостаточно, тотъ, въ коемъ прежде видѣли признаки таланта, заслуживающаго поощренія, оказывался бездарнымъ копіистомъ. Кромѣ этого, сами художники, въ особенности талантливые, уже не нуждались въ поощреніи, любовь къ искусству и въ нихъ, и въ публикѣ, была сильнѣе, чѣмъ 30 лѣтъ назадъ. Все это наводило на мысль, что цѣль общества не достигалась, еслибы оно продолжало идти прежнемъ путемъ; что настало время дать новый толчекъ. Собственно для поощренія требовались прежде всего деньги, для покупки или заказовъ. Между тѣмъ средства общества не увеличивались и нельзя было дѣлать большихъ затратъ. Члены комитета сами почувствовали, что пришло время освѣжить комитетъ новыми элементами и новыми людьми, которые внесли бы больше жизни въ общество.

Съ 1820 года въ обществѣ поощренія всѣ члены, почти безъ исключенія, были люди знатные и богатые; при высочайшемъ положеніи въ свѣтѣ, считалось даже обязательнымъ, быть членомъ общества поощренія; въ искреннемъ участіи не было надобности, достаточно было вносить свой членскій взносъ и лично присутствовать въ собраніяхъ, гдѣ каждому было пріятно считать себя меценатомъ и благодѣтелемъ молодыхъ художниковъ. Къ этимъ богатымъ и знатымъ членамъ общества присоединялись люди,

не принадлежащія къ большому свѣту, но любящія искусство, они-то и принимали на себя всю дѣятельность. Члены аристократы ихъ очень цѣнили и выражали свое уваженіе къ нимъ тѣмъ, что постоянно выбирали ихъ въ должностные члены общества, — вотъ почему въ должности секретаря и казначея, безъ перемѣны, были однѣ и тѣ же лица, чередуясь между собой. Къ этой категоріи членовъ общества принадлежали: Рѣзвый, Сапожниковъ и Григоровичъ.

Какъ ни было мнѣ лестно быть избраннымъ въ секретари комитета, я находилъ, что условіе и какъ бы обязательство, оживить дѣйствія общества, было нелегкою задачею. Старые члены, уступая свои мѣста новымъ, говорили повидимому искренно: „Мы уже стары, пусть будутъ члены помоложе, пусть они выкажутъ болѣе энергіи — а мы свое дѣло сдѣлали и устали“. Они не стояли за то, чтобы инициатива художественныхъ вопросовъ и ихъ рѣшенія оставались только за ними, за стариками, напротивъ, они были довольны новымъ, свѣжимъ взглядомъ на вещи. Въ этомъ была существенная разница между комитетомъ и совѣтомъ академіи: въ первомъ, членами были все люди образованные и съ упроченнымъ положеніемъ, во второмъ, весь составъ былъ изъ людей недоучившихся, которымъ не въ силу было отказываться отъ своего значенія членовъ академіи.

Этотъ взглядъ на дѣло былъ уже въ ходу, до моего избранія, и гр. Н. Ив. Мусинъ-Пушкинъ, бывшій секретарь, былъ тоже молодой человекъ, но надо правду сказать, что онъ не успѣлъ въ два года внести ничего новаго. Занятія комитета были почти безъ измѣненій слѣдующія: за часъ до собранія комитета обыкновенно въ квартирѣ вице-предсѣдателя, т. е. гр. Вельгорскаго, или Ѳ. И. Прянишникова, устраивалась комната, для засѣданій, со столомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ, съ чистыми листами бумаги и карандашами, симметрично разложенными, и съ креслами кругомъ стола; художественный характеръ собранія выражался только тѣмъ, что въ той же комнатѣ выставлялись на мольбертахъ картины, скульптурныя вещи и рисунки. Къ назначенному часу, свѣзжались члены комитета, рассаживались кругомъ стола и засѣданіе открывалось, какъ водится, рѣчью предсѣдателя, въ которой объявлялись предметы обсужденій. Тутъ присуждались стипендіи ученикамъ академіи, покупались картины, выдавались

пособія и проч. Затѣмъ, когда всѣ текущія дѣла были разсмотрѣны, всѣ члены расходились по комнатамъ, любовались и обсуждали художественныя произведенія, принадлежащія хозяину. Это въ особенности было интересно въ квартирѣ Ө. Ив. Прянишникова, (въ домѣ почтамта, директорское помѣщеніе), гдѣ было развѣшено прекрасное собраніе картинъ русскихъ художниковъ, единственное въ своемъ родѣ, составившее дорогой вкладъ въ московскій музей.

Вообще собранія комитета отличались необычайною любезностью отношеній, такъ что всѣ развѣзжались очень довольные собой и другими.

Өедоръ Ивановичъ Прянишниковъ былъ очень хорошій и добрый человекъ, и сдѣлался любителемъ художествъ, совсѣмъ не по призванію. Онъ былъ почти-директоромъ, получалъ очень хорошее содержаніе. Дѣтей у него никогда не было, беречь деньги было не для кого и онъ могъ много издерживать. Въ отношеніи комфорта, тонкаго обѣда, онъ себѣ не отказывалъ; но для человека съ развитымъ вкусомъ, этого было недостаточно, и не смотря на высокое положеніе, доставленное ему службою, ему нужно было еще создать связи съ высшимъ кругомъ. Къ нему были вхожи, въ 1830-хъ годахъ, Рѣзвый и Сапожниковъ; оба ретивые члены общества поощренія, они дали ему мысль покупать картины русскихъ художниковъ и сдѣлаться членомъ общества. Согласіе Өедора Ивановича создало очень хорошую галлерею картинъ, и дало ему право засѣдать вице-предсѣдателемъ общества, несчетное число трехлѣтій. Знаткомъ въ живописи онъ никогда не былъ; но любилъ художественныя произведенія, какъ любятъ хорошія вещи; ему нравилось, что весь Петербургъ ѣздилъ къ нему смотрѣть его картины; но больше всего ему нравилось то, что онъ вошелъ въ кругъ людей высокопоставленныхъ и титулованныхъ, и что имѣлъ право больше, чѣмъ они, называться покровителемъ художниковъ, такъ какъ онъ одинъ на самомъ дѣлѣ, тратилъ больше денегъ, покупая картины, чѣмъ всѣ члены вмѣстѣ. Онъ любилъ развѣжать по мастерскимъ художниковъ, и заранѣе покупать недоконченныя художественныя произведенія, во 1-хъ потому, что это было выгоднѣе, а во 2-хъ потому, что ему льстило то, что когда почему либо замѣчательная картина являлась на публичной выставкѣ, она носила этикетъ купленной имъ.

Таеъ или иначе, но все-же оказывается, что заслуга Федора Ивановича, собирателя русских картинъ, была не малая, и еслибъ не онъ, то не было-бы теперь таковаго замѣчательнаго собранія картинъ въ московскомъ музеѣ. Наружностью, Федоръ Ивановичъ напоминалъ стараго маркиза, въ собенности когда любезничалъ съ дамами, что осталось у него до конца жизни; онъ отлично понималъ людей и всегда умѣлъ съ ними ладить. Впослѣдствіи, членъ государственнаго совѣта, министръ, Федоръ Ивановичъ у себя дома оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде и оставилъ по себѣ добрую память. Не касаясь его государственной дѣятельности, я могу только оцѣнивать его участіе въ искусствахъ, а потому не могу не сказать, что въ послѣдніе годы, когда галерея его получила извѣстность, и когда Императору было угодно купить ее для московскаго музея, Федоръ Ивановичъ совсѣмъ пересталъ покупать картины, и былъ очень радъ передать наслѣдникамъ своимъ право на полученіе, въ разсрочку, той суммы денегъ, за которую была продана его галерея.

Другой вице-предсѣдатель общества былъ графъ Матвѣй Юрьевичъ Вьельгорскій; онъ хотя слылъ за знатока и любителя живописи, но картинъ у него не было, кромѣ одной Калàма. Онъ никогда не покупалъ художественныхъ произведеній, никогда не участвовалъ ни въ какой подпискѣ въ пользу художниковъ и вообще не былъ ревностнымъ членомъ общества. То, что онъ постоянно былъ выбираемъ, надо приписать тому, что онъ принадлежалъ къ кругу литераторовъ, художниковъ и артистовъ; въ его домъ, какъ и у брата его графа Михаила Юрьевича, всегда собирались представители искусствъ и художествъ, въ особенности музыканты. Музыкальные вечера графовъ Вьельгорскихъ пользовались большою извѣстностью, и считалось большою честью быть приглашеннымъ на эти вечера. Самъ Матвѣй Юрьевичъ былъ отличный виолончелистъ, много видѣлъ, много слышалъ хорошаго заграницею; онъ не могъ не быть полезнымъ въ качествѣ вице-предсѣдателя общества, уже по однимъ своимъ связямъ и по положенію гофмаршала двора герцога Лейхтенбергскаго. Его отношенія къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ во многихъ случаяхъ помогали дѣлу.

Было-бы слишвомъ длинно говорить подробно о всѣхъ членахъ комитета, по очередно смѣнявшихся, и принимавшихъ уча-

стіе въ дѣлахъ общества,—они впрочемъ всѣ безъ исключенія, имѣли одну общую черту, всѣ они были богаты, высоко поставлены и внимательно относились къ дѣлу, сколько изъ участія, столько же изъ уваженія къ предсѣдателю. Но этого было недостаточно, нуженъ былъ настоящій трудъ, до котораго всѣ эти господа были не охотники, и потому все дѣло, всѣ хлопоты, были на рукахъ тѣхъ трехъ, четырехъ личностей, которыя составляли комитетъ.

Какъ ни были ограничены средства общества, но списовъ художниковъ, пользовавшихся его пособіемъ, довольно длиненъ и въ немъ встрѣчаются имена извѣстныхъ художниковъ, какъ напримѣръ: братья Брюлловы, Александръ Ивановъ, Лебедевъ, Щедринъ, Тырановъ, Тихобразовъ, Капковъ, Петровскій, Орловъ, Лагоріо, Чернышевъ, Эрасси, Горавскій и другіе. Всѣ они были пансіонерами общества, и можетъ быть остались художниками, только потому, что въ критическую минуту, получали матерьяльную поддержку отъ общества.

Кромѣ пансіонеровъ, получавшихъ постоянное пособіе, были еще молодые люди, получавшіе небольшія ссуды; большею частію, эти послѣдніе пользовались помощію общества, ради только того, что за нихъ просили тѣ, кому нельзя было отказывать, въ тому же тогда говорилось: „вѣдь онъ бѣднякъ, какъ-же ему не пособить“. Эти-то пособія, расточаемыя безъ разбора, привели въ тому, что изъ общества поощренія художниковъ, сдѣлалось благотворительное общество, и въ 1850-хъ годахъ уже дошло до того, что выдачъ было много, а результата никакого; 20-ть учениковъ академіи содержались на счетъ общества, а заслуживали ли они эту поддержку, оказывали ли они успѣхи?—никто не зналъ. Иные даже вовсе не ходили въ классы академіи, а каждое 1-е число являлись за пансіономъ, или пособіемъ.

Въ архивѣ комитета сохранились документы всего, что дѣлалось по обществу, тамъ можно было видѣть, сколько издержано и за 30-ть лѣтъ сумма была не маленькая. Бывали также расходы и не на однѣ пособія, печатались полезныя для художниковъ сочиненія, много издано было литографированныхъ рисунковъ—тогда литографія была рѣдкостію; кромѣ того, общество принимало заказы на разные художественные предметы, и раздавало работы своимъ-же молодымъ художникамъ, все это было полезно

въ свое время; но въ 1850-хъ годахъ оказывалось лишнимъ заботиться о воспитаніи молодыхъ художниковъ и поощрять учениковъ академіи: время пришло, что они сами поняли необходимость учиться. Издавать полезныя книги тоже оказывалось удобнѣе и выгоднѣе предоставить книгопродавцамъ. Заказы художественныхъ работъ также, годъ отъ году, становились рѣже, потому что для художниковъ уже не было нужды въ посредничествѣ общества, они сами достаточно были сильны, чтобы исцѣять и брать работы на свой страхъ. Всѣ эти обстоятельства наводили на мысль, что дѣятельности общества необходимо дать направленіе съ цѣлью поощрять, а не благотворить; но для этого нужно было увеличить средства общества. Представлялся одинъ путь—расширить составъ общества, допустить поступленіе въ члены общества безъ балотированія и такимъ образомъ, отъ взносовъ большаго числа членовъ, имѣть больше средствъ въ поощренію талантовъ: покупкѣ и заказу картинъ, статуй, гравюръ и проч. Однимъ словомъ, изъ устава общества поощренія художниковъ, надо было выработать новый уставъ, въ которомъ бы введены были другія основанія общества, въ родѣ германскихъ Kunstverein.

Предложеніе о перемѣнѣ устава было встрѣчено комитетомъ съ большимъ сочувствіемъ; цѣлая зима 1855 года прошла въ засѣданіяхъ комитета, гдѣ редактировали новый уставъ, наконецъ проектъ былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе и съ 1856 года вошелъ въ силу. Разница между уставами общества и нѣмецкими кунстфереями заключалась только въ томъ, что кругъ дѣятельности общества былъ шире и что въ числѣ членовъ были два разряда: дѣйствительные члены, платящіе 57 рублей въ годъ, т. е. то, что платили прежде, и за которыми остались всѣ старыя права, и члены-соучастники, платящіе 10 рублей, т. е. собственно члены кунстфереина. Съ перваго же года дѣло пошло гораздо лучше, денегъ было больше, картинъ покупалось больше, членская лотерея сдѣлалась интересною, и постоянная выставка художественныхъ произведеній ожила отъ множества выставленныхъ замѣчательныхъ вещей. (Въ принципѣ выставка признавалась необходимою, чтобы вызвать сочувствіе публики; но между тѣмъ, обходилась она дорого и ничтожный доходъ отъ платы за входъ никакъ не покрывалъ расходовъ на

наемъ квартиры). Въ это время приглашены были въ участію въ дѣлахъ комитета: В. А. Кожоревъ, Бенардаки, Утинъ, В. О. Громовъ, которые собирали въ то время художественныя произведенія; они, устроявая свои роскошныя дома, платили дорого за художественныя произведенія. Одинъ передъ другимъ, они хвастали количествомъ картинъ, если не качествомъ ихъ, а между ними были и такіе любители, которые, показывая картину, говорили сколько за нее заплачено, такъ что иногда казалось, что лучше бы было вставить кредитный билетъ въ золотую раму вмѣсто картины.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла общества, когда секретаремъ его было доложено комитету о предполагаемомъ закрытіи рисовальной школы министерства финансовъ.

IV.

Бывшій министръ финансовъ, графъ Канкринъ, желая доставить ремесленникамъ и фабричнымъ возможность обучаться рисовальному искусству, учредилъ въ 1839 году особую отъ академіи художествъ школу, помѣстивъ ее въ казенномъ домѣ с.-петербургской таможи, рядомъ съ биржею, и назначилъ директоромъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рейсиха.

Школа была обставлена всѣми необходимыми принадлежностями, для обученія рисованія и другихъ искусствъ, имѣющихъ связь съ рисованіемъ, какъ-то: лѣпленіе, гравированіе на мѣди и на деревѣ, и гальванопластика, (только что тогда появившаяся). Согласно намѣренію учредителя, графа Канкринна, цѣль школы должна была состоять въ томъ, чтобы, обучая рисованію, вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнять это искусство къ ремесламъ и къ мануфактурному производству.

Что такое заведеніе было нужно—доказывалось тѣмъ, что съ перваго года своего существованія, оно постоянно считало не менѣе 300 учащихся, въ числѣ которыхъ были и женщины, впервые обучающіяся рисованію, съ спеціальною цѣлю.

Какія были причины, побудившія графа Канкринна избрать г. Рейсиха для завѣдыванія рисовальною школою, сказать трудно, но вся 17-ти лѣтняя его дѣятельность по школѣ не оставила никакихъ слѣдовъ, вромѣ хорошо обставленнаго заведе-

нія, средствами министерства финансовъ, съ полицейскимъ порядкомъ, введеннымъ самимъ Рейсихомъ. Онъ ничего не понималъ въ искусствѣ и хотя былъ аккуратный, и можетъ быть очень хорошій администраторъ, строго преслѣдовавшій всякій паружный беспорядокъ въ школѣ,—въ отношеніи художественной цѣли школы, онъ только примѣнилъ къ ней приемы, существовавшіе въ подобныхъ заведеніяхъ въ Германіи, оцѣнить талантъ былъ не въ состояніи, избирая преподавателей, отдавалъ преимущество тѣмъ, кто аккуратно посѣщалъ классы школы.

Графъ Канкринъ, до самой кончины, принималъ особенное участіе въ школѣ и, преслѣдуя свою цѣль, ни въ чемъ ей не отказывалъ. По смерти графа Канкрина, его преемники не заботились о школѣ, но продолжали отпускать прежнюю сумму на ея содержаніе, и довольствовались отчетами Рейсиха, гдѣ о художественныхъ успѣхахъ школы упоминалось только вскользь, въ приложеніяхъ. Между тѣмъ школа, снабженная учителями и всѣми пособіями, имѣла уже извѣстную репутацію и г. Рейсиху, получавшему 3,000 рублей жалованья, было легко вести дѣло какъ ему угодно. Недостатка въ желающихъ учиться могло быть, классы, посѣщаемые бесплатно, были всегда полны; но бесплатность обученія и не дала возможности г. Рейсиху устроить послѣдовательное образованіе рисовальщиковъ, постоянное посѣщеніе классовъ не считалось обязательнымъ, ходилъ учиться кто хотѣлъ и когда хотѣлъ. Со смертію графа Канкрина, Рейсихъ, не считалъ уже себя связаннымъ цѣлю учредителя школы—образовывать рисовальщиковъ ремесленниковъ; закрылъ классы орнаментовъ, лѣпленія, гравированія и гальванопластики, и изъ школы ремесленнаго, техническаго рисованія сдѣлалась маленькая академія; оригиналы п гипсы замѣнились академическими, въ женскихъ классахъ стали обучать живописи, такъ что школа сдѣлалась сукурсалою академіи художествъ, и готовила учениковъ въ гипсовые классы академіи. При такомъ направленіи, уже не было рѣчи объ образованіи рисовальщиковъ для мануфактурнаго производства, и школа не могла приготовить ни одного спеціального, техническаго рисовальщика.

Тогда министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, не находя дѣятельность школы полезною для мануфактуры, рѣшилъ ее закрыть.

Какъ-бы сочувственно ни относился комитетъ къ тому, чтобы не допустить закрытія такого полезнаго учрежденія, онъ ничего не могъ сдѣлать по недостатку средствъ. Въ качествѣ секретаря общества, я считалъ обязанностію содѣйствовать тому, чтобы школа попала въ вѣдѣніе общества, почему заявилъ готовность завѣдывать школою безвозмездно и такимъ образомъ замѣнить прежняго ея директора Рейсиха, которому не чѣмъ было платить жалованье. При этомъ имѣлось въ виду выхлопотать даровое помѣщеніе въ томъ же зданіи, гдѣ была школа и пріобрѣсти безплатно всю обстановку; рассчитывая на плату за посѣщеніе классовъ школы, хотя очень не большую, можно было ожидать дохода достаточнаго для платы жалованья учителямъ, прислугѣ, освѣщеніе и проч. Все это обезпечивало существованіе школы, давало ей будущность, еслибы удалось возвратить ей то направленіе, ту цѣль, для которой она была учреждена графомъ Канкринымъ.

Великая княгиня Марія Николаевна, послѣ кончины герцога Лейхтенбергскаго, сдѣлалась предсѣдателемъ общества. Дѣла комитета не требовали частыхъ докладовъ у ея высочества; но великая княгиня всегда очень охотно бралась хлопотать на пользу общества, и когда былъ утвержденъ новый уставъ 1856 года, въ число членовъ общества записались почти всѣ лица императорской фамиліи. По поводу школы, нельзя было сомнѣваться, что великая княгиня приметъ въ ней участіе. Нужно было, чтобы она исходатайствовала высочайшее повелѣніе о передачѣ школы изъ министерства финансовъ въ наше общество. Великая княгиня горячо взялась за это, тутъ-же объявила, что она беретъ школу подъ свое особое покровительство, и черезъ три дня я получилъ приказаніе явиться къ великой княгинѣ и быть встрѣченъ словами:

— „Государю было угодно приказать передать школу обществу; поѣзжайте отъ меня къ директору департамента мануфактуръ, Бутовскому, объявите ему высочайшую волю и согласитесь съ нимъ въ подробностяхъ передачи, такъ какъ вы должны принять отъ него всю обстановку заведенія. Министръ финансовъ уже предваренъ о томъ, что помѣщеніе и отопленіе школы останутся на средства министерства финансовъ“.

Такъ какъ главное было уже рѣшено, то комитетъ собрался у графа Вьельгорскаго и было постановлено:

1) Что мнѣ присвоивается званіе попечителя школы и сохраняется должность секретаря общества.

2) Что слѣдуетъ безотлагательно получить имущество школы и открыть ее на новыхъ основаніяхъ, какъ можно скорѣе.

3) Чтобы имѣть болѣе средствъ на содержаніе школы, назначить плату за посѣщеніе классовъ и выдавать ежегодно по три тысячи рублей изъ кассы общества, на необходимые расходы.

Высочайшее повелѣніе, понятно, не встрѣтило никакихъ затрудненій. Въ ноябрѣ 1857 г. школа было передана, а съ новаго 1858 г. уже открыта, какъ училище общества поощренія художествъ.

Общество, устранивъ закрытіе полезнаго заведенія и принявъ школу въ свое вѣдѣніе, могло по справедливости считать это заслугой передъ искусствомъ и всѣмъ, кто тому способствовали, могли также считаться участниками въ полезномъ дѣлѣ. Великая княгиня приняла самое горячее участіе и общество обязано сохранить благодарную память ея высочеству..

Въ 1858 году, рисовальная школа для приходящихъ была единственнымъ такого рода заведеніемъ: въ ней было отдѣленіе женщинъ, въ то время когда еще нигдѣ не было возможности женщинамъ учиться рисованію. Обществу не одна сотня рисовальщиковъ обязана умѣніемъ рисовать. Въ школѣ особенно поражало вниманіе и любовь къ дѣлу учащихъ; во время классовъ царствовала полнѣйшая тишина, никогда не было случая удаленія изъ школы хоть одного ученика за безпорядокъ въ классѣ, не смотря на различіе сословій и воспитанія.

Для преподаванія въ классахъ, были приглашены слѣдующія лица:

Академикъ Воиновъ, въ гипсовомъ классѣ, мужскомъ.

„ Кохъ, въ гипсовомъ классѣ, женскомъ.

„ Вистеліусъ въ оригиналахъ.

„ Нотбекъ „ „

„ Дейнесъ для лѣпленія.

„ Гернеръ для акварельнаго класса, онъ же былъ надзирателемъ школы.

Г-жа Вернеръ была классною дамою въ женскихъ классахъ.

Позднѣе, эти личности были замѣнены и добавлены другими, но я считаю долгомъ сказать, что ихъ преданности дѣлу обученія общество поощренія художниковъ обязано тѣмъ, что школа сразу заявила свою полезность. Лучшіе ученики академіи, получившіе высшіе № на экзаменахъ за рисунки, были почти исключительно учени-

ками нашей школы, а изъ ученицъ вышли отличныя учительницы рисованія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ нашей-же школы много вышло даровитыхъ художниковъ. Если школа наша имѣла характеръ академическій, на то была простая причина. Въ академіи уничтожены были классы рисованія съ оригиналовъ и прямо требовалось знаніе рисовать съ гипса; для подготовки такихъ рисовальщиковъ не было учебнаго зведенія, и въ этомъ значеніи школа оказала очень большую услугу, много даровитыхъ художниковъ были учениками нашей школы и въ ихъ числѣ В. В. Верещагинъ, когда онъ былъ кадетомъ въ морскомъ корпусѣ.

Число учениковъ и ученицъ постоянно увеличивалось и, не смотря на скудные денежные средства школы, обученіе шло какъ нельзя лучше. Тогда же было положено начало обученія практическаго рисованія и, слѣдовательно, школа опять приняла характеръ училища. Ее вели къ той же цѣли, для которой она предназначалась графомъ Канкринимъ.

Одновременно съ принятіемъ школы, оказалось возможнымъ открыть при ней постоянную выставку художественныхъ произведеній, въ помещеніи школы можно было отдѣлить залу для этой цѣли. Постоянная выставка была обязательна для общества, по новому уставу, кромѣ интереса для публики, она была полезна для школы, ученики и ученицы имѣли право ее посѣщать и копировать выставляемыя картины.

Чтоже касается до устройства музея, необходимаго для нагляднаго обученія въ школѣ, то о немъ тогда и думать было нечего, едва хватало средствъ, чтобы платить жалованье учителямъ и освѣщать классы. Доходъ отъ платы за входъ на выставку и за посѣщеніе классовъ былъ очень ничтоженъ, нужны были капитальныя затраты, чтобы дѣло обученія поставить на ноги.

Послѣ двухлѣтняго существованія школы въ вѣдѣніи общества, можно было просить у казны субсидій, на ея содержаніе, съ увѣренностію, что не будетъ отказа. Великая княгиня и въ этотъ разъ много способствовала успѣху дѣла и комитетъ получилъ увѣдомленіе, что на поддержаніе школы будетъ выдаваемо по 4,000 рублей изъ главнаго казначейства. Тогда комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Ѡ. П. Прянишникова, поднялъ вопросъ о необходимости дать школѣ характеръ болѣе промышленный,

чѣмъ академической, образовывая ремесленныхъ рисовальщиковъ. Для достиженія этой цѣли требовались образцы, достать которые было негдѣ, нужно было имѣть свѣдѣнiя, какимъ образомъ ведется это дѣло на западѣ. Почему рѣшено было хадатайствовать у великой княгини о командированiи меня за границу на казенный счетъ.

Ея высочество приняла участiе въ этомъ и въ январѣ 1859 г. я уѣхалъ за границу.

Я объѣхалъ всѣ города Германiи, Францiи и Англiи, гдѣ только учреждены школы рисованiя съ промышленною цѣлю. Много видѣлъ хорошаго, что хотѣлось бы перенести въ нашу школу; но въ то же время, я нигдѣ не нашелъ рисовальной школы для женщинъ, и у меня сохранилось письмо знаменитой Розы Бонеръ (Rosa Bonheur), гдѣ она выражаетъ недовѣрiе къ тому, что у насъ въ Петербургѣ существуетъ художественный классъ для женщинъ, когда въ Парижѣ, она впервые стала учить серьезно рисованiю, въ одной только Сепъ-Сирской школѣ (Ecole de Saint-Cyr). Разуздѣтся, при этомъ случаѣ m-lle Rosa Bonheur восхищается тѣмъ, что русскiе опередили въ этомъ французовъ, и что какихъ трудовъ и настойчивости ей стоило, чтобы доказать пользу художественнаго образованiя для женщинъ.

Я вернулся съ большимъ, сколько позволили небольшiя денежныя средства, запасомъ оригиналовъ и гипсовъ, и завелъ классъ сочиненiя узоровъ и орпаментовъ, и тогда уже стали проявляться даровитые рисовальщики; но всего этого было мало, наглядность была необходима при обученiи, а показывать было нечего и смотрѣть въ Петербургѣ, въ этомъ значенiи, было не на что. Видѣть въ Лондонѣ кенсингтонскiй музей, и сознаваться въ томъ, что нельзя было и думать о созданiи чего либо подобнаго, было большимъ для меня огорченiемъ.

Между тѣмъ и школа, и выставка, и новый уставъ общества придали дѣйствiямъ общества болѣе жизни. Ко всему этому присоединилось еще покровительство, оказанное обществомъ собранiю художническихъ вечеровъ по пятницамъ ¹⁾.

Но не смотря на всѣ усилiя возбудить въ публикѣ интересъ

¹⁾ Подробности объ этомъ помѣщены были въ Воспоминанiяхъ художника въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. (октябрь) томъ XXIX, стр 385—416.

въ искусствѣ, постоянная выставка посѣщалась очень мало, хотя на ней безпрестанно мѣнялись картины знаменитыхъ художниковъ, выписывались изъ заграницы замѣчательныя произведенія искусствъ. Вѣроятно все это, что отдаленность ея помѣщенія отъ центра города была главною тому причиною. Но все же за устроенною постоянною выставкою остается заслуга почина художественныхъ выставокъ, періодически подновляемыхъ новыми произведеніями.

Вся моя дѣятельность въ продолженіи этихъ годовъ сосредоточивалась на школь и на дѣлахъ по обществу; выбранный обществомъ членъ-казначей Е. И. Мюссаръ также много содѣйствовалъ успѣху. Онъ еще до сихъ поръ членъ-казначей и можетъ служить живою грамотою дѣятельности общества за все время. Когда мнѣ пришлось, по обстоятельствамъ, оставить Петербургъ, я долженъ былъ, въ сожалѣнію, разстаться съ комитетомъ, и утѣшалъ себя только тѣмъ, что должность секретаря я могъ передать Д. В. Григоровичу, человѣку, не менѣе меня преданному дѣлу, съ тою разницею, что ему посчастливилось осуществить то, чему мнѣ пришлось положить только основаніе.

Э. Э. Львовъ.

ИНСТРУКЦІЯ О ВОСПИТАНІИ

1772—1775 гг.

Не лишена интереса нижеслѣдующая инструкция, которую мы нашли въ старыхъ бумагахъ, находящихся у насъ. Ее пишетъ Михаилъ Лебедевъ, смоленскій помѣщикъ, своему дворовому человѣку, отправленному въ качествѣ дядьки съ сыномъ своего барина въ Полоцкъ въ Іезуитскій кляшторъ, чтобы слѣдить за воспитаніемъ барскаго сына. Сохранились у насъ нѣкоторыя біографическія данныя объ этомъ Михаилѣ Лебедевѣ. Полное его имя—Михаилъ Григорьевичъ Лебедевъ. Онъ былъ не только дворянинъ, но и, какъ всѣ лица этого сословія въ прежнюю пору, былъ служилымъ человѣкомъ. Дѣятельность его для государства началась съ 1742 года; а послѣдній годъ, въ которомъ упоминается имя этого лица, былъ 1780-й. Къ этому указанному промежутку годовъ и относится писанная имъ инструкция; но въ который именно годъ она писана—этого въ ней не обозначено. Однако по нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ вывести заключеніе о времени ея написанія: 1) въ инструкціи говорится, что дядька изъ Полоцка долженъ сообщать извѣстія барину въ Порѣчье (пограничный городъ Смоленскаго намѣстничества, прилегающій къ Полоцку, бывшему подъ властію Польши), откуда получалъ уже извѣстія самъ Михаилъ Григорьевичъ. Слѣдовательно, онъ, когда писалъ инструкцію, жилъ въ Смоленскомъ намѣстничествѣ; а это обстоятельство жизни Михаила Григорьевича относится къ послѣдней половинѣ вышеупомянутаго промежутка годовъ: до 1763 года онъ находился въ разныхъ городахъ, выполняя военную полевую службу; а съ этого года онъ получилъ отставку съ чиномъ «примѣръ-маіора» и поселился на жительство въ Смоленскомъ намѣстничествѣ. 2) Въ числѣ другихъ

лиць въ инструкціи упоминается: «Его превосходительство Михаилъ Никитичъ», къ которому дядька, въ случаѣ нужды, долженъ обращаться за содѣйствіемъ. Кто этотъ превосходительный Михаилъ Никитичъ—догадываемся изъ слѣдующаго: послѣ приобрѣтенія Россією Бѣлорусскаго края, онъ раздѣленъ былъ на 2 губерніи: Псковскую и Могилевскую. Полоцкъ вошелъ въ составъ Псковской губерніи и, какъ лучшій городъ, сдѣлался мѣстомъ, гдѣ по преимуществу жили Псковскіе губернаторы ¹⁾. Первымъ губернаторомъ Псковской губерніи былъ Кречетниковъ, котораго звали Михаилъ Никитичъ, онъ былъ генералъ-майоръ ²⁾. Такое сходство имени побуждаетъ насъ признать, что Михаилъ Григорьевичъ наказывалъ обращаться къ его товарищу по службѣ къ Кречетникову, который былъ Псковскимъ губернаторомъ съ 1772 по 1775 годъ. Къ этому времени и относится предлагаемая инструкція. Такимъ образомъ она явилась послѣ того, какъ вышелъ «Наказъ» Екатерины II со статьею о воспитаніи и когда литературу занимали многія мысли по этому вопросу.

Хотя Михаилъ Григорьевичъ исколоталъ себѣ увольненіе отъ военной службы раньше, чѣмъ слѣдовало (прослуживъ только 20 лѣтъ) на основаніи того, что онъ, будучи въ генералитетскомъ штатѣ и цесарскомъ корпусѣ, участвовалъ «въ особыхъ командированіяхъ и комиссіяхъ» ³⁾, въ Прусскую войну былъ во всѣхъ походахъ и генеральныхъ баталіяхъ: при Эгерсдорфѣ, Цорндорфѣ, Франкфуртѣ, Колбрехтѣ; въ одномъ изъ сраженій былъ даже раненъ; однако и когда онъ получилъ увольненіе отъ военной службы, его не оставили въ покоѣ: вскорѣ онъ понадобился для иной дѣятельности. Въ 1769 году, вслѣдствіе «замѣшательства», происшедшаго въ городѣ Вязьмѣ въ воеводской канцеляріи, и «опущенія нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлъ и похищенія денежной казны», онъ посланъ былъ туда отрѣштить воеводу и привести дѣла въ порядокъ. Возложенную на него комиссію онъ исполнилъ хорошо, за что получилъ отъ смоленскаго губернатора

¹⁾ Губернаторъ Лувинъ въ письмѣ Бѣлорусскаго наместника Пассека къ викарію іезуитскаго ордена названъ прямо «п. лодскимъ губернаторомъ». (Смотри «Иезуиты въ Россіи», Морошкина, 1867 г., часть I я, стр. 233-я).

²⁾ «Словарь достопамятныхъ людей Рус. земли» Бянтшышъ-К. менъ-баго, издан. 1836 года.

³⁾ Всѣ свидѣнія о Михаилѣ Григорьевичѣ мы выписываемъ изъ его прошенія къ императрицѣ Екатеринѣ II, въ которомъ онъ, прося наградить его чиномъ «Надворнаго совѣтника», потому что служить въ прежнемъ чинѣ 15 лѣтъ и трое сверстниковъ его получили уже новшій чинъ, а онъ остался въ прежнемъ «съ обидою», перечисливъ свою дѣятельность. С. П.

аттестать. Въ 1771 году, по одобренію гофмейстера и сенатора Елагина, опредѣленъ главнымъ правителемъ въ Смоленскія дворцовыя волости. Тутъ онъ обнаружилъ большую дѣятельность: взыскалъ безъ отягощенія накопившіяся отъ давнихъ поръ недоимки; завелъ къ пропитанію магазины; отвратилъ непорядки, происходившіе въ раскладкѣ платежа, и довелъ дѣло до того, что сверхъ платимаго оброка наложено было на Смоленскую дворцовую контору «еще въ годъ по пятидесяти копѣекъ платить». Наконецъ, въ 1776 году, въ силу указа Правительствующаго Сената, Михаилъ Григорьевичъ опредѣленъ въ верхнюю расправу смоленскую предсѣдителемъ.

Изъ этихъ біографическихъ данныхъ видно, что лицо, писавшее инструкцію, представляло изъ себя развитую и умную личность. Такой человекъ и безъ побужденій правительства могъ сознавать важность воспитанія. И дѣйствительно, Михаилъ Григорьевичъ былъ весьма озабоченъ дѣломъ воспитанія сына. Это видно изъ того, во-первыхъ, что онъ отправляетъ сына въ учебновоспитательное заведеніе, вдалѣ отъ мѣста своего жительства, хотя могъ, по примѣру другихъ дворянъ, уклониться отъ школы, выставляя предлогъ, что сынъ учится дома. Во-вторыхъ, помѣстивъ сына въ заведеніе, онъ не остался равнодушнымъ къ воспитательному ходу дѣла, но, какъ видно изъ инструкціи, постоянно чрезъ письма слѣдитъ за состояніемъ своего сына. Въ третьихъ, забота видна изъ его наказовъ къ дядькѣ: «о всей ево прилежности къ наукамъ скачай...за лѣность чтобъ не желели наказывать,» въ случаѣ, еслибы дядька усмотрѣлъ «учительскую потячку», то онъ долженъ обращаться къ вліятельнымъ знакомымъ своего барина и т. д.

Что побудило русскаго человекъ отправить сына своего для воспитанія въ іезуитскій кляшторъ, въ чуждую по вѣроисповѣданію и національности среду? Прежде всего, недостатокъ въ свѣтскихъ школахъ на Руси Первоначальному обученію могли удовлетворить и въ Смоленскѣ; но для бѣльшаго образованія приходилось отправлять сына въ иное мѣсто, гдѣ существовали воспитательноучебныя заведенія. Ихъ такъ мало было въ Россіи, что поступали туда только весьма не многія дѣти, и находились эти заведенія въ отдаленіи отъ Смоленска; а Похоцкъ давно славился своимъ іезуитскимъ коллегіумомъ, въ которомъ былъ устроенъ конвиктъ для благородныхъ и богатыхъ дѣтей ¹⁾, куда съ опредѣленною платою могли поступать всѣ благородныя дѣти. Это учебное заведеніе было близко къ Смоленску; при-

¹⁾ „Іезуиты въ Россіи“, глава 2-я, стр. 54.

томъ, и самый городъ находился уже подъ властію русскихъ, въ немъ Михаилъ Григорьевичъ имѣлъ знакомыхъ. Всѣ эти обстоятельства и понудили его отправить сына на обученіе въ Полоцкій іезуитскій кляшторъ.

Однако онъ не ввѣрилъ всецѣло сына системѣ чуждаго воспитанія, какъ нѣкоторые другіе родители, подвергая чрезъ это дѣтей полному вліянію іезуитовъ. За іезуитами видна личность самаго Михаила Григорьевича, направляющая ходъ дѣла. Онъ, во первыхъ, представляетъ къ сыну дядьку, своего крѣпостнаго человѣка... Въ другихъ случаяхъ на это можно бы посмотрѣть какъ на обычное явленіе того времени ¹⁾, но здѣсь дядька имѣлъ иное значеніе: онъ былъ зоркимъ надсмотрщикомъ за воспитаніемъ барскаго сына и своимъ вмѣшательствомъ ослаблялъ іезуитское вліяніе. Вовторыхъ, хотя Полоцкая школа представляла довольно большую программу обученія: можно было учиться языкамъ—латинскому, польскому, русскому, французскому, нѣмецкому, итальянскому; вѣтъмъ преподавали чистописаніе, исторію, географію, астрономію, политику, поэзію, живопись, философію, архитектуру, математику, музыку, правила вѣжливости ²⁾, и друг.; но Михаилъ Григорьевичъ самъ предъявилъ и назначилъ, что требуется для его сына. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ онъ обнаружилъ, съ одной стороны, свое отношеніе къ той средѣ, куда посланъ былъ сынъ его, а съ другой—уровень тогдашнихъ требованій на Руси отъ воспитанія сравнительно съ западомъ.

Михаилъ Григорьевичъ, когда писалъ инструкцію, имѣлъ уже, какъ видно, около 50 лѣтъ: въ теченіи этого времени онъ побывалъ въ разныхъ мѣстностяхъ, сталкивался съ разными людьми, видѣлъ и испыталъ многое. Такой человѣкъ изъ житейскаго опыта могъ самостоятельно составить себѣ представленіе о томъ, что нужно молодому человѣку, чтобы вступить ему въ жизнь. Но какъ рядомъ съ его инструкціей существовалъ „Наказъ“ правительства о воспитаніи, то здѣсь возбуждается вопросъ о соответствіи его инструкціи „правиламъ“ Екатерины о воспитаніи: насколько эти послѣднія были близки къ жизни. Скажемъ кратко: въ нѣкоторыхъ пунктахъ взгляды инструкціи совпадаютъ съ „Наказомъ“, нѣкоторые обойдены молчаніемъ (реальность, значить, имъ не соответствовала); другіе есть ни что иное, какъ частное своеобразное развитіе общечеловѣческой мысли, поставленной

¹⁾ См. „Записки“ Данилова, и въ „Недорослѣ“ слова Стародума.

²⁾ „Іезуиты въ Россіи“ Морочкина, часть 1-я, глава 2-я. Впоследствии преподавали механику и физику (тамъ же 367-я стран). С. П.

въ «Наказѣ» философски и отвлеченно ¹⁾; наконецъ, есть статьи, которыя не согласуются со взглядами Екатерины, выраженными въ ея литературныхъ произведеніяхъ ²⁾. Это подтверждаетъ нашу мысль, что инструкція Михаила Григорьевича представляетъ самостоятельный взглядъ на дѣло воспитанія, выведенный прямо изъ жизни. Разбирая ее, мы увидимъ въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ и самую жизнь интеллигентныхъ людей второй половины XVIII столѣтія, къ которымъ должно причислить Михаила Григорьевича.

Предлагаемъ инструкцію буквально, въ подлинникѣ, разставивъ отъ себя, для удобства чтенія, знаки препинанія.

С. П. Писаревъ.

Инструкція

Человеку моему Дмитрию Никитину, по которой исполнять.

1-е, по прибытіи твоёмъ в Полоцкъ, являца тебе въ Езуицкомъ кляшторѣ и представить сына моего Ректору и Маистру Волфорту; подавъ писма, и денегъ сорокъ рублей вручить ³⁾. Потомъ, неотлагая ни малейшаго времени, усилно просить, дабы начали учить всемъ темъ наукамъ, то есть: по французски и по немецки говорить, читать и писать порядочно; переводить и сочинять самому писма не на полской языкъ, а на русской, вчемъ крепко надсматривать и усилно прозбою убеждать. А в таковыхъ наукахъ чтобъ обучали арифметики, всехъ частей артиллеріи, геометріи и фортификаціи, ибо онъ те науки уже и в прошломъ году училъ, то чтобъ и теперь продолжалъ не леностно.

2) О книгахъ объявить, а паче артиллериской, что способу мовно на французскомъ и немецкомъ языкахъ не могъ достать. Проси учителя или ректора: не могутъ ли оне на щотъ мой выписать, а я денги пришлю. А если на рускомъ языке потребна артиллерійская книга, то пусть учитель отъпишетъ: я пришлю ⁴⁾. Не меньше-жъ то

¹⁾ Все это тотчасъ обнаруживается при сравненіи этихъ двухъ памятниковъ.

²⁾ Музыка, суровое обхожденіе съ дѣтьми не рекомендуются Екатериною, инструкція это предписываетъ.

³⁾ Плата у иезуитовъ была 100 рублей въ годъ; 40 рублей только за полгода. Съ Мих. Григорьевича потому брали меньше, что сынъ его проходилъ не весь положенный курсъ наукъ.

⁴⁾ Хотя съ питомцевъ брали 100 рублей въ годъ, однако леченіе, мытье бѣлья, покупка учебныхъ книгъ, бумагъ, чернилъ, карандашей, обуви не от-

наблюдать, дабы по шебашнымъ днямъ место реграціи писалбы поруски и учился-бы на скрипке или на клавицимбахъ играть.

3) Ты самъ знаешь, что сынъ мой по молодости своихъ лѣтъ несколько упрямъ и уединенень: проси учителя, чтобъ ево отъ тово отъ-вращалъ; да притомъ, за сыномъ моимъ крайне наблюдаи, дабы беригогъ платя, не дралъ, по садамъ не бегалъ; но вел бы себе благо-чинно, какъ порядочно притить к людямъ поклонитца, сидеть за столомъ, говорить учтиво, а не такъ, какъ в бытность ево теперь в доме усмотрено, что ни поклонитца ни за столомъ сидеть не умеетъ¹⁾; а сие для молодова человекъ дурно будетъ: в наукахъ учонъ, а не плитикъ. 4) О всей ево прилежности к наукамъ скажи. Ежели усмотришь леность, учительи проси, чтобъ не желели наказывать. В чемъ буде усмотришь учительскую потячку, проси Михайлу Родио-новича, а в случаѣ и Его превосходительства Михайлу Никитича, дабы попросили они ректора и учителя. А буде ты сие упустишь и онъ будетъ нехорошъ и в поступкахъ дурень, за ты не надейся никакой милости отъ меня: а сына моего тебе поручаю и приказано во всемъ слушатца, о чемъ о ево состояніи чрезъ каждыя две недели, а будутъ какіе или хто изъ Поречья, то и чаще пиши.

5) Самому тебе не пьянствовать, но жить порядочно, какъ чес-ному человекъ. Будут ли тебе в кляшторе содержать²⁾ на пропитаніи кляшторномъ хорошо, а не будутъ содержать, чрезъ Ивчинка тотчасъ отъпиши.

6) Пред запечатаніемъ писемъ получилъ я письмо от Михайлы Родионовича, которымъ пишетъ, что будто Волфорть учить не будетъ; то ты разсмотри об учителе: у кого способнее, к тому и проси. А лучше старайся, чтобъ Вольфорть училъ, ибо онъ знаетъ о начале учения; а другому маистру не без скуки на свои мысли переучивать будетъ. Да притомъ проси, чтобъ Полскому и Латинскому языкамъ сына моего отнюдъ не учили.

носило къ обязанностямъ содержателей конвента. За прислугу взималось еще 21 рубль; кромя того, вновь поступающій долженъ былъ приобрести все необходимое изъ мебели и одежды. (Иезуиты въ Россіи, часть I-я, гл. 2-я).

¹⁾ Къ тому времени преподавательскія силы иезуитовъ ослабли. Напр., Фридрихъ II при посѣщеніи иезуитской коллегіи въ Бреславль пзумленъ былъ посредственностію преподавателей и низкимъ уровнемъ ихъ системы воспитанія. Ректоръ Полоцкой коллегіи Ленкевичъ жаловался Черневичу, намѣстнику Бѣлорусскаго края, на недостатокъ въ учителяхъ (Иезуиты въ Россіи, часть I-я, стр. 130 и 33-я.)

²⁾ Въ нѣкоторыхъ иезуитскихъ кляшторахъ могли жить даже матери обучающихся дѣтей. (Иезуиты въ Россіи).

С. П.

7) Заставляй ево прилежно молитца Богу. В среду и пятницу чтоб отнюдь мяса не елъ, в чемъ усиленно проси учителя. И буде посной пици не дадутъ, или себе в тягость поставятъ, то ты купи для него колачей и что-нибудь посное. А по постамя кроме среды и пятницы отдаю на волю.

8) Данные тебе писма губернатору и Михаилу Родионовичу Серіюже самому вели отдать, и научи, чтобъ благопристойно пришоль. Также в праздничные дни проси ректора и учителя, чтобъ для отдания поклона по утрамъ отпускали и ты, одевъ ево порядочно, води. И если где будетъ балъ, проси Михаилу Родионовича, дабы, по милости своей, его с позволения учительскаго бралъ и заставлялбы танцевать, чтобъ не забыть. Михаила Лебедевъ.

Итакъ, чтоже требуется отъ воспитанія по этой инструкціи?

1) Касательно наукъ.

Сильно было въ передовыхъ слояхъ русскаго общества пристрастіе къ западу: Михаилъ Григорьевичъ прежде всего, какъ мы видѣли, наказываетъ обучать сына французскому и нѣмецкому языкамъ. Это было первой необходимостію. Онъ называлъ это «тѣ¹⁾ науки (т. е. чужія), а въ таковыхъ (на Руси имѣющихъ давность), чтобъ обучали геометріи и ариметикѣ». Онъ самъ изъ практической, особенно канцелярской жизни зналъ пользу ариметики. Какъ человѣкъ, который военнымъ званіемъ проложилъ себѣ путь къ высшимъ должностямъ, также и вслѣдствіе обязанности дворянскаго сословія нести воинскую службу, онъ видѣлъ еще надобность для сына въ военныхъ наукахъ. Поэтому желаетъ, чтобы сынъ его обучался артиллеріи и фортификаціи. Вотъ циклъ наукъ, которыми должно ограничиться обученіе его сына. Ни исторія, ни географія, ни естествовѣдѣніе, ни какалибо другая изъ важныхъ наукъ не входятъ въ программу его требованій... Изъ своего опыта въ продолжительную жизнь Михаилъ Григорьевичъ вынесъ сознательное заключеніе о необходимости не многихъ-же наукъ! Если принять во вниманіе изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, какъ дань времени; а военныя науки, какъ обязательныя для дворянскаго сословія: то останутся только ариметика, геометрія и умѣнье сочинять письма на русскомъ языкѣ, въ необходимости чего онъ убѣдился самолично.

¹⁾ Приводя слова инструкціи, будемъ писать ихъ современною намъ орфографіею.

2) Касательно эстетической стороны инструкция указывает на занятія музыкой, но и то: «по шебашнымъ днямъ».

3) Относительно религіи инструкция предписываетъ слѣдующее: «заставляй его прилежно молиться Богу; въ среду и пятницу чтобъ отнюдь мяса не ѣлъ»... и только.

4) Относительно нравственнаго направленія воли, характера и поступковъ—Михаилъ Григорьевичъ, не предписывая ничего опредѣленнаго, возлагаетъ это дѣло на дядьку, съ угрозой: «если сынъ мой будетъ не хорошъ и въ поступкахъ дуренъ, за то ты не надѣйся отъ меня никакой милости; а сына моего тебѣ поручаю, приказано во всѣмъ слушаться».

5) Касательно внѣшности: а) желаетъ, чтобы сынъ приученъ былъ къ опрятности и бережливости въ одеждѣ; б) душа Михаила Григорьевича скорбѣла о недостаткѣ внѣшняго лоска, выдержанности, вообще относительно приличнаго поведенія сына въ обществѣ, соотвѣтственно происхожденію. Уже не въ первый разъ онъ отправлялъ сына своего въ Полоцкую школу ¹⁾; но дѣло въ этомъ отношеніи подвигалось плохо: «въ бытность его теперь въ домѣ, — пишетъ Михаилъ Григорьевичъ, — усмотрѣно, что ни поклониться, ни за столомъ сидѣть не умѣетъ». Хотя отецъ изъяснилъ это тѣмъ, что сынъ его «по молодости лѣтъ своихъ нѣсколько упрямъ и уединененъ ²⁾, но тѣмъ не менѣе эта сторона имѣла слишкомъ важное значеніе въ глазахъ Мих. Григорьевича. Онъ пишетъ: «для молодаго человѣка дурно: въ наукахъ ученъ, а не политикъ». Поэтому строго наказываетъ, чтобы сынъ его «валъ себя благочинно, какъ порядочно прійдти къ людямъ поклониться, сидѣть за столомъ и говорить учтиво... чтобъ ходилъ для отданія поклона по утрамъ», а также на балы и чтобы танцевалъ.

Такимъ образомъ видимъ, что хотя заботливость родителя коснулась почти всѣхъ сторонъ воспитанія; но важнѣе всего, какъ видно, въ тогдашнемъ быту была внѣшность, — на нее то и обратилъ особенное вниманіе Михаилъ Григорьевичъ. Таковъ оказался результатъ его житейской опытности.

Михаилъ Григорьевичъ, желая заимствовать изъ запада чрезъ Полоцкъ науки, а попреимуществу тѣ хорошія стороны обществен-

¹⁾ Это видно изъ инструкціи: „ибо онъ (сынъ) тѣ науки и въ прошломъ году училъ... Другому маистру не безъ скуки на свои мысли переучивать будетъ“.

²⁾ Причина могла быть и въ посредственности преподаванія, какъ выше указано.

ности, которыя слабо развиты были въ русской жизни, въ то же время съ предубѣжденіемъ относился къ іезуитскому вліянію. Только нужда заставила его обратиться къ нимъ за просвѣщеніемъ. Онъ, насколько могъ, позаботился оградить свое родное-русское отъ совратительныхъ вліяній іезуитовъ. Въ данномъ случаѣ дѣло касалось религіи, какъ она создавалась русскими людьми. «Прилежное моленіе Богу», конечно, съ земными поклонами, соблюденіе «постовъ», особенно «въ среду и пятницу» — вотъ что должно было утверждать его сына въ національности. Михаилъ Григорьевичъ постарался оградить это отъ насилія іезуитовъ: «и буде постной пищи не дадутъ, или себѣ въ тягость поставятъ, то ты купи для него калачей и что-нибудь постное»; молитва Сережи должна совершаться подъ контролемъ дядьки. Такъ-какъ польскій и латинскій языки могли служить незамѣтными проводниками католичества и средствомъ для вліянія враждебной тогда русскимъ польской національности, Михаилъ Григорьевичъ обратилъ вниманіе и на это обстоятельство: «проси, чтобъ Польскому и Латинскому языкамъ сына моего отнюдь не учили»; нужно сыну «переводить и сочинять письма не на польскій языкъ, а на русскій. въ чемъ крѣпко надсматривать и усиленно съ просьбою убѣждать». Дядька игралъ тутъ большую роль.

Воображаемъ его всегдашнимъ вездѣ ходатаемъ за своего панича (Смоленское и Бѣлорусское слово, означающее—барскаго сына), контролирующимъ занятія въ наукахъ, въ которыхъ самъ (дядька), вѣроятно, ровно ничего не понималъ; представляемъ его одновременно и своеобразнымъ менторомъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ воспитанія такого питомца, который былъ, по всѣмъ признакамъ, уже довольно возрастной, и въ то же время видимъ дядьку—слугою своего воспитанника. Нужно много качествъ, чтобы выполнить все это. и затѣмъ «надѣяться милости» отъ барина.

Имѣемъ нѣкоторыя данныя изъ біографіи этого бывшего питомца іезуитскаго кляштора.

Будучи такъ практически подготовленъ къ жизни, Сережа—теперь уже Сергѣй Михайловичъ—быстро пошелъ по той-же проторенной дорожкѣ, съ которой началъ службу и Михаилъ Григорьевичъ. Уже въ 1792 году онъ называется поручикомъ въ бомбардирскомъ батальонѣ; въ 1796 году онъ былъ капитаномъ этого полка; въ 1806 году бумаги называютъ его уже отставнымъ подполковникомъ ¹⁾.

¹⁾ Извлекаемъ свѣдѣнія о Сергѣѣ Михайловичѣ изъ бумагъ, находящихся у насъ.

Одно обстоятельство омрачило его жизнь: онъ былъ въ разладѣ съ женою своею. Хлопоталъ чрезъ консисторію о разводѣ его съ нею, выставляя на видъ ея супружескую невѣрность, а въ частныхъ письмахъ указывалъ, что она не способна къ супружеской жизни. Она, между тѣмъ, хлопотала, чтобы онъ жилъ съ нею, или-же, по крайней мѣрѣ, удѣлилъ ей часть изъ своихъ средствъ. Въ ней приняли участіе нѣкоторыя лица изъ высшаго чиновнаго круга, убѣждая Сергѣя Михайловича, иногда чрезъ тексты священнаго писанія, чтобы онъ помирился съ нею; но онъ отписывался, называя ее злою. Такъ въ одномъ письмѣ пишетъ: «позвольте и мнѣ сколько нибудь упомянуть, что и Свѣтые отцы приказывали удалитца отъ зла и сотворить благо. И великій проповѣдникъ слова Божія Іоаннъ Златоустъ сказалъ: удобіе со львомъ въ пещере жить, нежели со злою женою»... Другому миротворителю писалъ, что онъ имѣетъ неоплатные долги, такъ-что не только женѣ, и процентовъ платитъ нечѣмъ. Однако, встрѣтившись съ женою своею въ домѣ одного общаго знакомаго и покровителя (Энгельгардтъ), Сергѣй Михайловичъ обѣщалъ ей выдать двѣ тысячи рублей, если она подпишетъ, что «за болѣзнію не способна къ сожитію съ нимъ, а чрезъ сей способъ онъ могъ быть свободнымъ на всегда». Она на это не согласилась, хотя и была «стѣснена несчастнымъ своимъ жребіемъ».

Ни консисторія, ни миротворители не рѣшили дѣла ничѣмъ: въ 1812 году Сергѣй Михайловичъ Лебедевъ умеръ.

С. П. Писаревъ.

Смоленскъ.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ ВЫШАГО КРѢПОСТНАГО КРЕСТЬЯНИНА Н. Н. ШИПОВА.

1846—1852 гг.

Я занимался разными коммерческими оборотами. Купилъ себѣ въ Херсонѣ небольшой домикъ. Главная моя забота теперь состояла въ томъ: что дѣлать съ старшимъ сыномъ, который хоть и хорошо учился въ Арзамаскомъ уѣздномъ училищѣ, но взятъ былъ изъ 2-го класса. Отдать его въ ремесленную работу, но у насъ въ роду не бывало ремесленниковъ. Пристроить въ лавку къ какомунибудь купцу; но тутъ онъ могъ натерѣться много горя не только отъ пьянаго и безалабернаго хозяина, а и отъ вѣдомыхъ прикащиковъ,—и при томъ горя бесполезнаго. Имѣй капиталъ я самъ, другое дѣло. Да и то: онъ все-таки вышелъ бы неучемъ. А потому рѣшилъ: отдать сына своего въ Херсонскую гимназію, что, съ разными затрудненіями и лишеніями, я и исполнилъ.

Весь 1847-й годъ я почти безвыѣздно прожилъ въ Херсонѣ. Побывалъ только въ Таврической губерніи, гдѣ намѣревался купить тарпановъ (дикихъ лошадей), и въ Кишиневѣ по дѣлу о наследствѣ послѣ покойнаго моего шурина Ланниа; но эти поѣздки во всѣхъ отношеніяхъ оказались для меня тщетными.

1848-й годъ тоже провелъ въ Херсонѣ. Упомяну только о случаѣ, бывшемъ со мною на масляницѣ. Изъ г. Алешки я переправлялся черезъ Днѣпръ по столь рыхлому льду, что рѣка вотъ-вотъ вскрыется... ну, и чуть было не погибъ въ водахъ этой рѣки.

Въ началѣ 1849 г. вздумалось мнѣ побывать въ Ростовѣ, съ тѣмъ, не прииду ли себѣ какого мѣста, или нельзя-ли заняться торговлей, да кстати—не получу-ли съ одного давнишняго должника сколько-нибудь долгу. Вздумалъ—и отправился чрезъ Екатеринославъ. Въ Ростовѣ я нечаянно встрѣтился съ однимъ пріятелемъ изъ Пятигорска, который сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ къ Моздокскому армянину выгонять изъ черной нефти бѣлую.

³⁾ См. „Русск. Ст.“ изд. 1881 г., т. XXXI, (май), стр. 133—148; (іюнь), стр. 221—240; (іюль) стр. 437—478.

Тутъ и во мнѣ явилось желаніе побывать на столь памятномъ для меня Кавказѣ, тѣмъ болѣе, что, по полученнымъ мною здѣсь слухамъ, еврей Фавишевичъ торговалъ въ Грозной крѣпости, и онъ могъ снова принять меня къ себѣ на службу. Денегъ у меня было очень мало, и потому, 1 марта, я отправился на Кавказъ по образу пѣшаго хожденія. Дорога хоть и дальняя, но мнѣ знакомая. Добрался до Ставрополя, гдѣ получилъ долгу 15 рублей. Пошелъ въ Моздокъ, куда прибылъ ровно черезъ мѣсяць по выходѣ моемъ изъ Ростова. Въ Моздокѣ я узналъ, что Фавишевичъ живетъ въ Грозной крѣпости не въ прежнемъ положеніи, а гораздо хуже, чуть-ли не въ бѣдности. Потому, я не счелъ за благо идти къ нему и рѣшилъ возвратиться въ Ростовъ. Зашелъ въ Пятигорскъ. 8-го мая прибылъ въ Ростовъ и, здѣсь поживъ малое время, отправился пѣшкомъ же въ Таганрогъ. Этотъ городъ мнѣ показался очень красивымъ. Въ немъ обратилъ я свое вниманіе на дворецъ императора Александра Благословеннаго, въ которомъ сей незабвенный монархъ кончалъ остатокъ дней своихъ, и на прекрасный садъ, гдѣ великій монархъ прогуливался и отдыхалъ. Верстахъ въ двухъ отъ города—дубовая роща, насаженная, по сказаніямъ, при Петрѣ I-мъ. Изъ Таганрога пошелъ я въ Мариуполь, Бердянскъ, Мелитополь и Бреславль. Въ послѣднихъ числахъ іюля я увидѣлъ Херсонъ. Къ концу года ѣздилъ, по нѣкоторымъ дѣламъ, въ Одессу и на Аккерманскія соляныя озера.

Въ 1850 г. ѣздилъ я въ Кишиневъ все по тому же злосчастному дѣлу о наслѣдствѣ шурина моего Ланниа. Магистратъ рѣшилъ: выдать мнѣ 45 рублей 50 коп.—это изъ пяти-то тысячъ руб.! Но въ градской полиціи и этихъ присужденныхъ мнѣ денегъ не оказалось. Я поѣхалъ въ Одессу и подалъ прошеніе генералъ-губернатору. Прибывъ въ Херсонъ, нашолъ письмо изъ Бухареста отъ одного должника, чтобы я пріѣхалъ къ нему за полученіемъ денегъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1851 г. я поѣхалъ, взявъ съ собою на всякій случай кинжалъ, какъ это со мною случалось при моихъ скитаніяхъ и странствованіяхъ (Кавказъ научилъ). Въ дорогѣ, за Кишиневомъ, верстахъ въ 12-ти, около полудня, я зашелъ въ корчму. Въ ней сидѣли два рослые, молодые молдавана; они были пьяны. Замѣтивъ у меня за поясомъ кинжалъ, они набросились на меня, крича, что я разбойникъ. Одинъ изъ нихъ вырвалъ у меня кинжалъ, при чемъ обрѣзалъ себѣ руку. Я взывалъ о помощи къ корчмарю, но онъ ничего не могъ подѣлать противъ буйныхъ своихъ гостей. Молдаване посадили меня въ свою повозку, и повезли къ Кишиневу. Проѣхали версты двѣ. Я увидѣлъ какихъ-то людей — тоже молдаванъ — и сталъ кричать: «карауль!» Тѣ приближали къ нашей повозкѣ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ показалъ имъ мой кинжалъ и окровавленную руку, и сталъ говорить, что я обоихъ ихъ хотѣлъ зарѣзать. Не смотря на мои оправданія, всѣ молдаване кричали въ одинъ голосъ: „талгаръ батэ, ляга“ (вора бей, вижи). И связали, и били меня жестоко, и потомъ прежіе два

молодые молдавана повезли меня къ Кишиневу. Отѣхавъ нѣсколько, они выѣздили изъ повозки, отошли въ сторону и, что-то поговоривъ между собою, возвратились ко мнѣ; взяли у меня всѣ деньги, около 30 рублей, и бумаги. Потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ (по молдавански):

— Мы лишимъ тебя жизни.

Я палъ на колѣни и просилъ о пощадѣ. Они вновь отошли и опять стали совѣщаться.

— Если пустимъ тебя, будешь жаловаться въ Кишиневъ,—сказали они, подойдя ко мнѣ очень близко.

— Какъ я могу на васъ жаловаться? вскричалъ я. Вѣдь я бѣглый солдатъ и всѣ документы у меня фальшивые. Пустите меня, я уйду за-границу, и болѣе васъ не увижу.

Тогда у одного молдавана смягчилось сердце и онъ молвилъ своему товарищу: «ласса» (оставь). Послѣ этого они оставили меня въ одномъ бурнусѣ и поѣхали къ Кишиневу.

Мнѣ-бы и надо было этимъ остаться довольнымъ. Нѣтъ, я вздумалъ искать правды и суда. При этомъ исканіи правды меня переводили изъ тюрьмы въ острогъ, изъ одного мѣста заключенія въ другое. Я сидѣлъ въ арестантской при земскомъ судѣ, въ Кишиневѣ. Однажды призвали меня въ этотъ судъ и, возвращая мнѣ мои бумаги, сказали:

— Ступай, братъ, куда хочешь, потому, ты ничего не доказалъ.

Я пошелъ нѣшкомъ въ Херсонъ. Но недолго здѣсь пробылъ, и отправился въ Яссы. Отсюда, 18-го августа, прибылъ въ Бухарестъ. Знакомаго должника моего, который просилъ меня пріѣхать за полученіемъ денегъ, здѣсь не оказалось: онъ выѣхалъ въ Константинополь. Благодаря помощи и содѣйствію знакомыхъ спонсоровъ, я добрался кое-какъ до Херсона. Старшій сынъ мой былъ уже въ 7-мъ классѣ.

Въ январѣ слѣдующаго (1852) года со мной приключился такой случай:—однажды, на базарѣ, встрѣтился со мной кумъ мой, ротставной унтеръ-офицеръ, съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Они пригласили меня въ винный погребъ и стали спрашивать меня: какимъ манеромъ перѣзжалъ я границу? Потомъ кумъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что пришедшій съ нами челоѣкъ просить какимъ-то людямъ написать билеты для проѣзда. Я смекнулъ, что дѣло не чисто и посоветовалъ куму:

— Смотри, это не для тѣхъ ли людей онъ хлопочетъ, что недавно бѣжали отъ какого-то полковника, обокравши его. Разумнай хорошенько, и въ случаѣ чего немедленно дай знать полиціи.

Послѣ этого я ушелъ домой. Кумъ же отправился съ неизвѣстнымъ челоѣкомъ къ тѣмъ людямъ, которымъ нужны были подложные паспорта на выѣздъ за границу,—будто для опредѣленія ихъ роста и снятія примѣтъ, а когда это было исполнено, то онъ пошелъ домой, будто писать билеты; но вмѣсто того, оповѣстилъ полицію. Подозрительныхъ лицъ взяли и посадили

въ острогъ. Прошло четыре дня. Тутъ потребовали меня съ кумомъ въ полицію и въ свою очередь засадили въ тотъ же острогъ. Оказалось, что не-извѣстныя лица утверждали на допросѣ, будто я съ кумомъ хотѣлъ пере-вести ихъ за границу. Бума передали суду военно-судной комиссіи; онъ былъ оправданъ. А я безъ всякаго суда просидѣлъ въ острогѣ три недѣли и выпущенъ: иди, молъ, себѣ съ Богомъ; не поминай лихоу. А какъ не помянуть?!

Сынъ мой окончилъ гимназическій курсъ и въ августѣ намѣревался ѣхать въ лицей, въ Одессу. Я же 29-го іюня отправился пѣшкомъ въ Москву, а можетъ быть и въ Петербургъ, съ тѣмъ намѣреніемъ—не продамъ ли кому-нибудь свои тяжбыныя дѣла хоть за бездѣнокъ. Денегъ со мною было два рубля. Шолъ на Николаевъ до Кременчуга. Денегъ у меня осталось 20 коп. Но Богъ не безъ милости и солдатъ не безъ счастья. Въ Кременчугѣ нашлись попутчики — извозники съ обозомъ до самой Москвы. Такъ какъ мнѣ заплатить было нечѣмъ, чтобы сѣсть на возъ, то я шолъ при обозѣ. Въ дорогѣ одинъ изъ извозниковъ сильно заболѣлъ лихорадкою, почему онъ не могъ своихъ 4-хъ лошадей впрягать и выпрягать, поить ихъ, мазать колеса и проч. По просьбѣ больного извозника, я эту работу исполнялъ (мнѣ не привыкать стать), за что онъ позволилъ мнѣ сидѣть на одномъ возу, поилъ и кормилъ меня. Въ концѣ іюля добрались до Москвы бѣлокаменной. Здѣсь старые пріятели одарили меня кой-какими деньжонками и я за три рубля, на тяжелой машинѣ, черезъ 48 часовъ, прибылъ въ Петербургъ. Свои тяжбыныя дѣла продать мнѣ тутъ не удалось. Черезъ нѣсколько дней вернулся въ Москву; но и здѣсь я ничего не могъ подѣлать съ своими тяжбынными дѣлами. Поэтому, скоро отправился въ Нижній-Новгородъ для свиданія со своей замужней дочерью, которую я давно не видалъ; да къ тому же было и время ярмарки. Прибылъ въ Вязники, денегъ у меня осталось 25 коп. Но тутъ неожиданно нашолъ на постояломъ дворѣ серебряную монету въ 3 рубля. Порадовался. Въ концѣ августа добрался до Нижняго. Свиданіе съ дочерью было для меня трогательно: вѣдь я не видѣлъ ее 9 лѣтъ! Проживъ здѣсь недѣлю, добрался до родины — Выѣздной слободы. Повлонился праху родительскому; повидался съ родными и знакомыми. Скоро я узналъ, что бурмистръ розыскиваетъ меня чрезъ полицію. Зачѣмъ такъ? «Но вѣдь за деньги все можно сдѣлать»,—подумалъ я, и сказалъ себѣ: удались отъ зла и сотворишь благо. Потому, я вернулся къ дочери въ Нижній, а черезъ три дня опять отправился въ Москву. Здѣсь получилъ изъ Одессы отъ сына письмо, съ извѣстіемъ, что онъ не выдержалъ экзамена для поступленія въ лицей. Это, конечно, было для меня грустно; но подумалъ и то: выдержать въ слѣдующемъ году; а между тѣмъ спознается съ нуждою—это лучшая наука. Въ Москвѣ я столкнулся съ однимъ знакомымъ, который пригласилъ меня быть участникомъ въ торговлѣ; только въ рукахъ у него денегъ не было; за ними слѣдовало съѣздить въ Петер-

бургъ. Отправились. Но здѣсь денегъ мой товарищъ не получилъ. Проживать мнѣ въ сѣверной столицѣ было не изъ-за чего да и не изъ-чего. Я вернулся въ бѣлокаменную. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Наступили морозы. Пришлось издержать послѣднія деньги на ватную шинель, которую я купилъ на толкучемъ рынкѣ за 5 руб. 50 коп. Собралъ кое-какъ отъ знакомыхъ добродетельныхъ дателей 14 руб. и договорился съ извозчикомъ до Харькова за 10 руб. Вѣсть со мной должны были ѣхать еще трое: офицеръ, проѣзжавшій изъ Швеціи въ Полтаву на службу, старуха-богомолка и дѣвица-нѣмка, ни слова неговорящая по-русски, до Харькова же. 12-го октября, въ просторной, обшитой рогожами, колымагѣ мы двинулись въ путь. Погода подулъ холодная съ большимъ снѣгомъ; а на насъ, пассажирахъ, шубнаго и лоскута не видно. Въ Серпуховѣ извозчикъ посадилъ еще одного пассажира—какого-то булочника, тоже не хитро одѣтаго. Морозъ стоялъ градусовъ въ 20; снѣгъ на дорогѣ былъ глубокой. Ѣхали ужасно медленно, а зябли очень быстро. Въ Орлѣ отогрѣлись. Изъ Курска двинулись вечеромъ. Отѣхали версты 10—стемнѣло. Поднялся снѣжный бурунь. Вѣтеръ жестоко продувалъ насъ въ колымагѣ: рогожи и легкія одѣянія защищали плохо. Но вотъ колымага остановилась: извозчикъ сбился съ дороги. Тутъ намъ пришлось извѣдать знаменитый наполеоновскій маршъ изъ Москвы 1812 года. Долго розыскивали дорогу, а когда нашли и добрались до постоялаго двора въ деревнѣ, то насилу отогрѣлись. 25-го октября пріѣхали въ Харьковъ. Денегъ у меня не осталось ни гроша. Я пошелъ на толкучій рынокъ и продалъ свой суконный сюртукъ за 5 руб. Отправился въ Полтаву, а отсюда въ Херсонъ, куда прибылъ въ концѣ ноября мѣсяца.

Жена съ двоими дѣтьми жила не завидно; она порядочно задолжала. Я продалъ свой домъ, расплатился съ долгами, жену помѣстилъ у двоюроднаго брата, а самъ 15-го декабря выѣхалъ въ Одессу къ сыну, который былъ учителемъ въ частномъ пансіонѣ за 50 руб. въ годъ. Переправляясь черезъ Бугъ въ шаландѣ, чуть не утонулъ. У сына пробылъ не долго. Здѣсь, въ Одессѣ, прошелъ слухъ, что скоро должна быть у насъ съ Турціей война. Этотъ слухъ я на всякій случай принялъ къ свѣдѣнію и въ концѣ декабря пошелъ въ Кишиневъ.

1853—1856 гг.

Въ Кишиневѣ я встрѣтилъ большое движеніе, —говоръ и суету на улицахъ: ждали и готовились къ войнѣ. 16-го марта, съ однимъ рублемъ въ карманѣ, я отправился пѣшкомъ въ Черновицы, для того: не получу-ли отъ повѣреннаго моего Ламиковскаго за розовое масло деньги, въ которыхъ мнѣ предстояла теперь настоятельная надобность. Черезъ города Оргѣевъ и Бѣльцы, я пришелъ въ пограничное мѣстечко Новоселицу. Здѣсь отыскалъ одного комиссіонера, по обыкновенію еврея, къ которому у меня было рекомен-

дательное письмо изъ Бишинева. Еврей прочиталъ письмо, посмотрѣлъ мой паспортъ и сказалъ, что онъ можетъ препроводить меня за-границу; только я долженъ заплатить ему за это 10 руб.

— Хорошо,—согласился я. Но у меня теперь нѣтъ денегъ. Какъ возвращусь изъ Черновца—заплачу. Вотъ извольте посмотрѣть мои бумаги, зачѣмъ я иду въ Черновиць.

Еврей не хуже меня читалъ порусски, но понималъ, разумѣется, по жидовски. Онъ просмотрѣлъ бумаги и согласился исплохотать мнѣ пропускъ за-границу. Въ таможи мѣня держали не долго, и я пошелъ въ мѣстечко Буяны. Переправившись на легкой лодочкѣ черезъ р. Прутъ за 3 крейцера, я сталъ подниматься въ Черновиць. День былъ прекрасный. Мнѣ повстрѣчался молодой человѣкъ, повидимому студентъ, который прогуливался по зеленому лугу. Какъ увиѣлъ, я началъ спрашивать его о моемъ повѣренномъ Ламиковскомъ—по-польски, по-нѣмецки, наконецъ по-молдавански. Молодой человѣкъ на последнемъ нарѣчїи отвѣчалъ мнѣ, что повѣренный мой здѣсь, въ Черновцѣ, живетъ въ собственномъ домѣ, и показалъ мнѣ съ горы его домъ. Но дома я Ламиковскаго не засталъ; встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Онъ совсѣмъ не узналъ меня. И то сказать: вѣдь не видались около 20-ти лѣтъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Я бы радъ просить васъ къ себѣ въ домъ; но у меня большое семейство. Остановитесь въ трактирѣ подъ названїемъ: «Золотая грушка», я скоро приду къ вамъ.

Пошелъ я въ указанный трактиръ, нанялъ номеръ за 20 коп. въ сутки и спросилъ себѣ чаю да порцію супу. «Мнѣ можно теперь и пороскошествовать,—думалъ я. Скоро разбогатѣю».

Черезъ нѣсколько времени пришелъ Ламиковскїй. Побесѣдовали о прошедшемъ. Когда коснулись предмета настоящаго нашего свиданїя, то повѣренный мой рассказалъ, что изъ таможи онъ розовое масло мое получилъ; но далеко не сполна, и продалъ дешево, а деньги давнымъ давно прожилъ; теперь онъ находится въ отставкѣ съ небольшой пенсїей, на которую долженъ содержать многочисленное семейство, и въ настоящее время никакихъ денегъ не имѣеть. «Вотъ тебѣ и богатство!» подумалъ я; но все-таки объяснилъ ему свои крайніе недостатки въ средствахъ къ жизни и прибавилъ, что я пришелъ къ нему изъ Одессы пѣшкомъ, чуть ни Христовымъ именемъ, и теперь нѣтъ у меня ни гроша. Послѣ этого Ламиковскїй, вздохнувъ, сказалъ, что онъ у кого-нибудь займетъ денегъ хоть на дорогу мнѣ, и, обѣщавшись прийти на другой день, удалился.

Я вышелъ на базаръ. Побесѣдовалъ съ гостепріимными скопцами и встрѣтился съ однимъ знакомымъ австрїйскимъ помѣщикомъ. Отъ этихъ лицъ я узналъ, что Ламиковскїй дѣйствительно находится нынѣ въ бѣдственномъ положенїи. Какъ тутъ быть?

На слѣдующій день пришелъ Ламиковскїй, и, отдавая мнѣ 14 рублей,

примовылъ, что больше дать не можетъ. Какъ ни прискорбно мнѣ это было, но—дѣлать нечего. Послѣ этого онъ удалился прописать мой паспортъ для выѣзда въ Россію, а я рассчитался съ хозяйномъ гостинницы, отдавъ за все 1 руб. 20 коп. Потомъ я пошолъ къ Ламиковскому въ его домъ, куда чрезъ нѣсколько времени явился и самъ хозяинъ съ моимъ прописаннымъ паспортомъ. Когда Ламиковскій разсказалъ домашнимъ наше дѣло и что я не имѣю къ нему никакихъ болѣе претензій, то все семейство очень радовалось, и благодарили меня. Послѣ скромнаго угощенія, мы разстались. «Гдѣ мое не пропадало,—думалъ я. А тутъ—видимо—на пользу. За это Богъ не оставитъ меня»,—и пошолъ къ перевозу черезъ Прутъ.

Въ Новоселицѣ отыскалъ извѣстнаго комиссіонера - еврея и объяснилъ ему свои обстоятельства. Еврей взялъ съ меня, вмѣсто 10-ти руб., только половину. Такому снисхожденію со стороны жида я не мало подивился: это въ первый разъ случилось въ моей жизни.

Въ половинѣ апрѣля пришолъ въ Одессу, куда скоро прибыла и моя жена, и поступила смотрительницею въ пансіонъ, гдѣ мой сынъ былъ учителемъ. Съ одного должника случайно получилъ небольшую сумму денегъ.

Проведя съ родными праздниѣ пасху, 23-го мая, я снова пошолъ въ Кишиневъ. Дорогою попадалось множество войска, направлявшагося въ Бессарабію. Придя въ Кишиневъ, я думалъ поступить маркитантомъ въ какой-нибудь полкъ; но безъ денегъ это устроить было трудно, да жида уже и успѣли захватить почти всё мѣста. Я призадумался. Полки наши стягивались къ молдавской границѣ, въ мѣстечко Лѣвы, на р. Прутъ, въ 100 верстахъ отъ Кишинева. Я сходилъ въ это мѣстечко, но и здѣсь мѣста не нашолъ. Возвратился опять въ Кишиневъ. Тутъ я повстрѣчался съ однимъ кишиневскимъ мѣщаниномъ, моимъ давнимъ пріятелемъ, который ѣхалъ въ Яссы для продажи нѣсколькихъ лошадей. А такъ какъ дорога въ молдавскую столицу мнѣ была хорошо знакома, то онъ пригласилъ меня сопровождать его. Я охотно согласился, и 21-го іюня мы съ работникомъ въ троимъ выѣхали изъ Кишинева. Переночевавъ въ мѣстечкѣ Каралашъ, поднялись на отроги Карпатскихъ горъ. Надобно было верстѣ 6 спускаться подъ гору, довольно круто, въ большой оврагъ, на днѣ котораго находился колодезь, называемый по-молдавански: «фонтанъ толгаръ» (воровской колодезь) ¹⁾. Я совѣтовалъ затормозить колеса; но спутникъ мой понадѣялся на лошадей. Я убѣдилъ его, по крайней мѣрѣ, слѣзть съ повозки. И не даромъ: на половинѣ спуска лошади съ повозкой полетѣли въ оврагъ къ воровскому колодезю. Хлопотъ намъ было не мало; уявились лишь къ вечеру, и успѣли доѣхать до ближайшей корчмы, стоящей близъ небольшой рѣчки, вытекающей изъ Карпатскихъ горъ. Эта корчма носитъ названіе

¹⁾ По разсказамъ мѣстныхъ жителей, колодезь этотъ вырытъ разбойниками, нѣкогда бушевавшими въ этомъ дикомъ мѣстѣ. Впрочемъ и нынче, поздней порой, здѣсь ѣздить небезопасно.

«свѣтлѣйшій»,—потому, вѣроятно, что недалеко отъ нея, на горѣ, по дорогѣ къ Скуянамъ, проѣздомъ изъ Яссы, померъ князь Потемкинъ-Тавричскій. На томъ мѣстѣ и до днесь стоитъ памятникъ — высокій каменный столбъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. При памятникѣ жилъ солдатъ въ небольшой будкѣ.—Переночевавъ въ корчмѣ «свѣтлѣйшій», направили путь въ Скуяны. Здѣсь все было дешево: водка, вино, ромъ и проч. Спутники мои загуляли. Я, видя дѣло плохо, ушелъ отъ нихъ въ Яссы. Здѣсь одинъ изъ знакомыхъ мнѣ скопцовъ подыскалъ изъ своихъ человекъ съ деньгами, чтобы торговать при нашемъ войскѣ, и просилъ меня быть участникомъ въ этомъ дѣлѣ: прибыль и убытки пополамъ. Я, разумѣется, согласился съ удовольствіемъ,—и вотъ я снова маркитантъ!

Запасшись товаромъ и всѣми маркитантскими принадлежностями, мы съ двумя работниками, 5-го іюля, выѣхали изъ Яссы, вмѣстѣ съ войскомъ, по дорогѣ въ Бухарестъ. Сюда прибыли 16-го іюля. Но тутъ остались только три дня и выѣхали къ Журжѣ. Недалеко отъ Галтеницы, на р. Аржисѣ, собралось много разнаго войска—пѣхоты, артиллеріи, казаковъ и Нассаусскій уланскій полкъ. Расположились лагеремъ. Я ходилъ являться къ командиру этого послѣдняго полка, полковнику Радину; онъ принялъ меня ласково и просилъ быть при его полку. Я согласился охотно. Стали торговать. На той сторонѣ Дуная при Туртукаѣ, находился турецкій лагерь, откуда доносилась до насъ музыка, бой утренней и вечерней зари, а передъ зарями—выстрѣлы изъ орудій по одному разу. Непріязненныхъ дѣйствій не происходило. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ мы и оставались недолго; да къ тому же былъ слухъ, что войны вовсе не будетъ. Въ августъ и сентябръ (1853 г.) наши войска имѣли постоянныя передвиженія. Чуть ли не все войско собралось лагеремъ близъ селенія Питешты. Здѣсь князь Горчаковъ дѣлалъ смотръ войскамъ и затѣмъ всѣ онѣ разошлись по разнымъ мѣстамъ на теплыя квартиры. Нассаусскій полкъ былъ расквартированъ въ 20-ти верстахъ отъ Бухареста. Наступилъ октябрь мѣсяцъ. Тутъ товарищъ мой по торговлѣ отъ меня отдѣлился; я остался полнымъ хозяиномъ. Въ концѣ этого октября полученъ былъ приказъ о выступленіи нашему полку на сборный пунктъ со всѣмъ полковымъ обозомъ. На сборномъ пунктѣ товаръ былъ весь распроданъ, и я поѣхалъ въ Бухарестъ для покупки новаго. Возвращаясь отсюда, узналъ, что Нассаусскій полкъ направился къ Галтеницѣ, гдѣ на третій день я нашолъ его расположеннымъ на бивуакахъ. Въ одинъ день у меня все было раскуплено. И не мудрено: люди голодали, такъ какъ подвоза съѣстныхъ припасовъ по нестерпимо грязной дорогѣ (отъ проливныхъ дождей) ни откуда не было. Скоро полкъ ушелъ на зимовку въ селеніи Кривцахъ; а я опять—въ Бухарестъ за товаромъ, и такъ ѣздилъ сюда довольно часто.

Торговать было можно, да только осторожно. Труда, хлопотъ, безпокой-

ства и заботъ было очень много. Главное, приходилось продавать больше въ долгъ, на книжки. Нельзя сказать, чтобы у офицеровъ денегъ было мало; нѣтъ, они получали хорошее жалованье. Но какъ-то такъ случалось, что имъ никакъ не доставало этого жалованья. Лагерная или поквартирная жизнь весьма однообразна и скучна. Надо же чѣмъ-нибудь развлечься. Вотъ и являются на столѣ карты да вино. Барточная денежная игра была очень въ употребленіи. Красивыя волошки тоже обходились не дешево. Частыя поѣздки въ Бухарестъ опять таки требовали довольно русскаго золота. Да отъ скуки-то мало ли какихъ расходовъ представлялось!... Ну, и приходилось бѣдному горемыкѣ-маркитанту отпускать товаръ въ долгъ. Но съ офицерами еще можно было ладить: при полученіи третняго жалованья рѣдко кто изъ нихъ не платилъ долгу. А вотъ юнкера—другое дѣло. За свою службу они получали очень мало, какіе-то гроши,—и потому рассчитывали на деньги изъ дому, отъ родныхъ. Придуть, бывало, въ мою палатку и начать мнѣ рассказывать о своихъ отцахъ, объ ихъ доходахъ и богатствахъ; у одного отецъ былъ какой-то генералъ, у другаго—богатый помѣщикъ, у третьяго—купецъ именитый и т. д. А сами все пьютъ и ѣдятъ безъ денегъ. Подожди. Но вотъ наступило время расплаты; тутъ ужъ пошли другіе разговоры: то изъ дому не прислали, то пропали на почтѣ, то хранятся въ полковомъ ящикѣ, то вчера въ карты проигралъ, то выигралъ да не получалъ, и такъ безъ конца. А не далъ въ долгъ—и не только ничего не получишь, но ожидай себѣ еще какого-нибудь посрамленія.—А то войдетъ въ палатку партія солдатъ: одинъ кричить—давай, другой—давай, а третій—сзади даромъ взялъ. Случалось: у солдата брюхо болитъ, коли гдѣ плохо лежитъ. Иной выпьетъ, закуситъ, скажетъ: «завтра отдамъ» да и пошолъ. Догонять его не будешь: пропадетъ еще больше. Вечеромъ пожалуетъ вахмистръ; надо съ нимъ заняться, угостить, какъ слѣдуетъ (онъ подъ-часъ человѣкъ необходимый). А тутъ идетъ взводный, и его надобно почестить; за нимъ привалить обходъ, человѣкъ 12, скажутъ: «гаси огонь», и ихъ необходимо чѣмъ-нибудь задобрить. Да всего и не пересчитаешь, сколько расходу для маркитанта. Какой же избытокъ могъ быть отъ такой торговли?..

Но какъ-бы-то ни было, только я торговалъ при Нассаусскомъ полку до 1-го марта 1854 г. Наканунѣ этого числа полученъ былъ приказъ: полку повелѣвалось выступить на Дунай, въ Турно. Ночью собралось, а рано утромъ двинулись въ походъ. Сдѣлалось тепло, снѣгъ растаялъ, грязь увеличилась. 3-го марта пришли въ Журжу, а отсюда черезъ три дня прибыли въ небольшой городокъ Александрію. Тутъ полкъ нашъ раздѣлился: два эскадрона пошли на Дунай, къ г. Зимницѣ, а 4 эскадрона слѣдовали въ Турно. Съ этими послѣдними былъ и я. Въ Турно войска собралось довольно; изъ нашихъ три эскадрона остались здѣсь же, а одинъ эскадронъ, къ которому и я прикинулъ, пошолъ за р. Голту, въ мѣстечко Излазы, разстояніемъ отъ Турно верстъ 12. Это селеніе стояло на лѣвомъ берегу Ду-

ная, по которому у насъ устроены были шанцы съ небольшимъ бастіономъ и двумя амбразурами; въ укрѣпленіяхъ постоянно находились солдаты. Противъ самаго селенія былъ островъ, съ большимъ лѣсомъ, по берегу коего тянулись небольшія турецкія укрѣпленія, а за островомъ, по ту сторону Дуная, на горѣ, близъ молдавскихъ селеній, находился турецкій лагерь. Черезъ Дунай ежедневно происходила перестрѣлка; но отъ турецкихъ пуль намъ не происходило никакого вреда. Впрочемъ было не безъ опасности. 10-го марта мнѣ вздумалось пройти по нашимъ шанцамъ. Я пригласилъ съ собою вахмистра. Остановились на одномъ мѣстѣ близъ шанца и передъ нами открылся прелестный видъ на Дунай. Мы стали любоваться. Вдругъ, откуда ни возьмись, унтеръ-офицеръ, толкнулъ насъ за какой-то молдаванской постройки плетневый чуланъ, гдѣ и самъ остановился. Не прошло минуты, какъ мимо насъ со свистомъ пролетѣла пуля, потомъ—другая, третья. Мы укрылись въ шанцы. Послѣдовали выстрѣлы и съ нашей стороны. Черезъ четверть часа перестрѣлка прекратилась. «Вотъ тутъ и любуйся веселымъ Дунаемъ», — раздумывалъ я, возвращаясь въ свою палатку. «А унтеръ-офицеръ, вѣрно, смекаетъ свое дѣло. Спасибо ему». — Жители въ Излазахъ очень боялись турокъ; они зарывали свое имущество въ землю, или вывозили его въ другія деревни.

Великимъ постомъ я поѣхалъ въ Турно для покупки разной провизіи. Этотъ городокъ новый; заведенъ онъ, какъ я слышалъ, въ 1830-мъ году нашимъ генераломъ Биселевымъ, который находился тогда въ Валахіи главнымъ представителемъ отъ русскаго правительства. Турно стоитъ на небольшой возвышенности, въ полуверстѣ отъ Дуная; а на противоположномъ берегу была незначительная крѣпость Никополь. Разсказывали мѣстные жители, будто въ этомъ маленькомъ городѣ была древняя молдаванская церковь и въ ней чудотворный образъ св. Николая; отсюда и названіе городка—Никополь. Здѣсь, — по разсказамъ, ходившимъ въ Турно, — находилось довольно много турецкаго войска; но это было не регулярное войско, а какой-то сбродъ, съ башкибузками во главѣ. Въ справедливости такихъ разсказовъ намъ скоро пришлось убѣдиться во-очію.

Запасшись товаромъ, я возвратился въ Излазы, гдѣ поторговавъ не долго, поѣхалъ въ городъ Баракуль, разстояніемъ отъ Излазъ около 45-ти верстъ. Тутъ торговля моя пошла хорошо, потому что нашего войска и стояло здѣсь довольно, и много проходило его въ Балафатъ, что на Дунаѣ. На возвратномъ пути изъ Баракуля, я увидѣлъ Балканскія горы; послѣ видѣнныхъ мною разныхъ горъ прежде, онѣ меня мало удивляли.

11-го апрѣля наступила пасха. Послѣ заутрени и обѣди, отслуженной молдаванскимъ священникомъ въ мѣстномъ маленькомъ деревянномъ храмѣ, я пошелъ по начальству христосоваться. Въ полудню началось въ селеніи гулянье, а у меня въ палаткѣ—торговля. Всѣ въ этотъ день радовались и веселились; повидимому, и забыли о туркахъ, что они близко. — На другой

день пришолъ къ намъ Подольскій полкъ, бывшій въ Четати на Дунаѣ и участвовавшій въ сраженіи при Калафатѣ. Побывъ въ Излазахъ не много, полкъ отправился въ Турно.—На 3-й день пасхи мы увидѣли на турецкой сторонѣ спускавшихся съ горы къ Молдавской деревнѣ нѣсколько орудій большого калибра. Скоро раздались изъ этихъ орудій выстрѣлы. Къ счастью, ядра перелетали и наши шанцы, и селеніе, почему и не дѣлали намъ никакого вреда. Но страху всё натерпѣлись вдоволь. Сдѣлавъ выстрѣловъ 50, орудія двинулись по дорогѣ къ Накополю.—На 4-й день убитъ былъ одинъ артиллеристъ: это единственная жертва турецкой пули.— Въ ночь на 15-е апрѣля вся, находящаяся въ Излазахъ, пѣхота выступила въ Турно; остался только нашъ уланскій эскадронъ, а днемъ, этого 15-го числа, послѣдовало распоряженіе, чтобы и этотъ эскадронъ былъ на готовѣ къ походу опять-таки въ Турно. Уланы засуетились, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась суматоха и во всемъ селеніи. Жители догадывались, что дѣло, должно быть, не ладно и съ плачемъ собирались съ нами, или идти—куда глаза глядятъ.

Ночь на 16-е апрѣля мы не спали; чего-то ждали. Мой фургонъ былъ совсѣмъ готовъ въ дорогу. Наступило утро. Уланы начали готовить себѣ завтракъ. У меня въ палаткѣ сидѣлъ вахмистръ, мы пили чай. Было около 8-ми часовъ. Вдругъ, по направленію къ Турно, послышалась пальба изъ орудій. Минуть черезъ пять прискакалъ донской казакъ съ приказомъ, чтобы эскадронъ сейчасъ же отправлялся въ Турно. Мой вахмистръ опростомъ бросился къ ротмистру; уланы торопливо сѣли на коней и съѣзжались въ одно мѣсто на улицѣ. Ротмистръ прибѣжалъ ко мнѣ, какъ угорѣлый, прося меня посадить къ себѣ въ фургонъ одну прекрасную особу. Я взялъ эту спутницу и поспѣшно выѣхалъ. Мы перебрались черезъ р. Голту; эскадронъ насъ не догонялъ. «Что бы это значило? Вѣрно, онъ поскакалъ ближайшей дорогою»,— подумалъ я. Между тѣмъ, въ Турно, на Дунаѣ, происходила страшная пальба; дѣсъ и окрестности наполнились пороховымъ дымомъ. Моя спутница отъ страха не переставала плакать, и просто не знала, что съ собой подѣлать. Я погонялъ лошадей: хотѣлось быть на мѣстѣ битвы. Когда фургонъ мой поднимался на гору къ Турно, пальба прекратилась. Оставивъ на квартирѣ фургонъ и спутницу, самъ поспѣшилъ на базарную площадь. Нашъ эскадронъ изъ Излазъ только-что пришелъ. На площадь шли войска съ музыкой и пѣснями. За ними вели плѣнныхъ турокъ, которыхъ было 130 человекъ. Потомъ везли нашихъ раненыхъ и убитыхъ, въ числѣ всего 58-ми человекъ. У турокъ же,—говорили,—убито и потоплено въ Дунаѣ болѣе 1000 человекъ. Послѣ всего солдаты угощаемы были по кружкѣ водки.

Въ этотъ же день съ частью войскъ, а въ томъ числѣ и съ уланскимъ эскадрономъ, мы возвратились въ Излазы. У всѣхъ только и разказовъ, и разговоровъ было, что про сегодняшнюю битву. Мнѣ хотѣлось узнать: съ чего произошла эта самая битва? И узналъ, за достовѣрное, слѣдующее: по ра-

споряженію отряднаго командира, генерала Липранди, въ Николаевъ къ туркамъ подосланъ былъ фальшивый переметчикъ, съ извѣстіемъ, что русскіе оставили Турно; турки, какъ любители грабить и жечь беззащитные города и селенія, и рѣзать мирныхъ жителей, обрадовались этому извѣстію и рѣшили напасть на Турно, именно 16-го апрѣля, о чемъ переметчикъ извѣстилъ генерала Липранди. Ночью на упомянутое число пѣхота и артиллерія были дѣйствительно выведены изъ Турно и размѣщены въ засадахъ, главнымъ образомъ, въ лѣсу, который тянется отъ Турно до берега Дуная, къ которому турки должны были пристать при своей переправѣ. Турки утромъ переправились и, какъ упомянуто, были наказаны жестоко.

Въ концѣ апрѣля войску, расположенному въ Излазахъ, приказано было перейти въ селеніе Одай, въ 5-ти верстахъ отъ Турно. 8-го мая я отправился въ полковой штабъ, который стоялъ въ городѣ Зимницѣ на Дунаѣ, противъ турецкаго городка Систова; отправился для полученія съ офицеровъ долговъ, такъ какъ въ это время имъ выдавалось жалованье. Надобно было услѣдить тотъ именно день, въ который раздавалось жалованье; а то случалось такъ, что на другой день у него уже ничего не оставалось. Пріѣхалъ я въ Зимницу вечеромъ и узналъ, что жалованье еще роздано не было по случаю завтрашняго (Николая Чудотворца) полковаго праздника, а будетъ раздаваться 10-го числа. Въ праздникъ, по утру, былъ разводъ за городомъ; а вечеромъ—балъ у полковаго командира. На другой день роздали жалованье, и мнѣ въ этотъ разъ такъ посчастливилось, что почти со всѣхъ получилъ свои долги.

Полагая, что Нассаусскій полкъ постоятъ еще въ здѣшнихъ мѣстахъ, я, 23-го мая, поѣхалъ въ Бухарестъ за товаромъ. На возвратномъ пути, въ г. Александрію, узналъ, что полкъ мой изъ Одай вышелъ и расположился лагеремъ въ селеніи Чуланештахъ (версть 60 отъ Александріи). Я пріѣхалъ сюда. Черезъ недѣлю, именно 12-го іюня, Нассаусскаго полка два дивизиона, легкая батарея и нѣсколько донскихъ казаковъ, подъ командою полковника Рейсиха, выступили въ городъ Гаешты, который былъ верстахъ въ 40-на отъ австрійской границы. Я потащился съ этимъ небольшимъ отрядомъ. Расположились лагеремъ. При разѣздахъ, казаки достигали иногда до границы и сказывали, что тамъ стояло въ лагеряхъ очень много австрійскаго войска. Нашъ отрядъ былъ остороженъ. 17-го іюля мы оставили Гаешты, и шли близъ австрійской границы до города Бузеева. Здѣсь собралась тогда, кажется, вся русская армія въ присутствіи князя Горчакова. Изъ Бузеева двинулись на Римникъ. Когда армія пришла сюда, то во всѣхъ фонтанахъ города не оказалось воды. Это было очень странно, и скоро развѣдали, что жители завалили всѣ водопроводы. Разумѣется, эти завалы были розысканы и уничтожены. Воды стало въ изобиліи. Отъ Римника, съ незначительными остановками, двигались на Фокшаны, черезъ рѣбу Сереть, потомъ на г. Текучи и верстахъ въ 15-ти отъ Гааца, въ Волконештахъ, переправились

через р. Прутъ 26-го августа (1854 г.). Тутъ послѣдовало раздѣленіе арміи; часть ея, именно Нассаусскій полкъ расположился на квартирахъ около Сатунова; Бугскій уланскій полкъ, подъ командою генераль-маіора Гасферта, направленъ былъ къ югу. Я рѣшился торговать при Бугскомъ полку. 29-го августа полкъ этотъ переправился черезъ Дунай и двинулся къ городу Исакѣ, а отсюда—въ Бабадахъ. Не доходя до послѣдняго 15 верстъ, расположились лагеремъ въ большой деревнѣ Желани. Я нанялъ двухъ работниковъ, и начали торговать. Мнѣ приходилось быть больше нъ разъѣздахъ, по случаю покупки товаровъ, то въ Бабадагѣ, то въ Тульчи. Торговля шла у меня не обидно. Однажды—это было въ половинѣ сентября—я возвращался изъ Тульчи съ провіантомъ въ свой лагерь. При мнѣ былъ уланъ, данный отъ полка, чтобы сопровождать меня. Приближался вечеръ. Хотя на дорогѣ намъ и встрѣтилась небольшая болгарская деревня, но мы не рѣшились ночевать въ ней, боясь, какъ бы насъ не обокрали. Солнце уже закатилось. Дорога пролегла лѣсомъ. Пошелъ сильный холодный дождь. Темнота—ужасная. Но едва проходимою грязю я шолъ впередъ лошадей и розыскивалъ дорогу. Дождь не переставалъ; лошади едва двигались. Въ довершенію несчастія, мы какъ будто обились съ дороги. Остановили лошадей и стали съ уланомъ думать: что теперь дѣлать? На насъ могли наткнуться турки при своихъ ночныхъ набѣгахъ. При всемъ томъ, мы ничего не могли придумать кромѣ того, что надобно въ лѣсу ночевать. О пищѣ намъ нечего было заботиться; былъ и спиртъ, да въ бочкѣ, и достать его мы не находили способа. А надо бы, — не ради себя, но мнѣ жаль было улана, въ одной шинели жестоко промокшаго и прозябшаго. Мы уже хотѣли выпрягать лошадей, какъ вдругъ впереди слышали конскій топотъ, который прямо приближался къ намъ. Мы съ уланомъ такъ и замерли, — думали, что это турки. Черезъ нѣсколько минутъ въ темнотѣ раздался окрикъ: «кто здѣсь?» Мы обрадовались, и я отвѣчалъ, что полковой маркитантъ. Оказалось, что это были разъѣздные казаки съ офицеромъ. Послѣдній справился, нѣтъ-ли у меня водки? Я сказалъ, что въ бочкѣ есть спиртъ, да достать нечѣмъ. Офицеръ послалъ казака сыскать въ лѣсу бурьянную дудочку. Затѣмъ, я узналъ отъ него, что мы находимся близъ самой дороги, въ 5-ти верстахъ отъ лагеря, и что намъ стоило бы немного подняться на гору, какъ показались бы лагерные огни. Скоро казакъ вернулся съ бурьянной дудочкой, посредствомъ которой я довольно легко натянулъ изъ бочки спирту и угостилъ офицера съ казаками. Не забылъ и моего бѣднаго улана. Казаки поспали дѣлѣ, а мы потащились въ гору. Дождь пересталъ; но дулъ холодный вѣтеръ. Не прошло и часу, какъ мы были въ лагерѣ.

18-го сентября полученъ былъ приказъ о выступленіи нашего лагеря въ Бессарабію. Мы двинулись на Бѣлградъ и въ 15-ти верстахъ за нимъ остановились въ мѣстечкѣ Татаръ-Вилчакъ. 1-го октября я ѣздилъ въ Изманлъ для покупки товару. Здѣсь, по письму моему, дождалась меня жена

съ 8-ми лѣтнимъ сыномъ. Втроемъ возвратились въ полкъ. Торговля моя становилась хуже. Офицеры стали меньше, противъ прежняго, выпивать, потому что имъ выдавалось жалованье уже не заграничное; да и водка въ Россіи, сравнительно съ заграничной, была дороже и притомъ качествомъ хуже. Въ концѣ этого (1854) года я отправился съ сыномъ въ Одессу, оставивъ торговать жену съ работникомъ.

Въ Татарь-Киччакъ возвратился 5-го января и узналъ, что, во время моего отсутствія, одинъ дивизионъ нашего полка, вмѣстѣ съ другими, ходилъ за Дунай, участвовалъ въ битвѣ близъ Бабадага и отличился. По этому случаю я написалъ стихи и поднесъ ихъ генералу Гасферту, за что получилъ благодарность.

Зима стояла необыкновенно теплая; весна наступила ранняя, такъ что 9-го марта уже разцвѣли всѣ плодовые деревья. 30-го марта полкъ двинулся изъ Татарь-Киччака къ Диѣстру и остановился въ нѣмецкихъ колоніяхъ— Парижъ и Розенкрейцъ. Тогда въ этихъ колоніяхъ свирѣпствовала холера. Но въ нашемъ полку умерли немногіе. Торговля моя пошла уже очень неудовлетворительно. Однако, все ждали похода въ Молдавію или въ Севастополь; этого и я ждалъ, почему и не оставлялъ торговлю при полку. Но вотъ прошли четыре мѣсяца, а походу нѣтъ. Наконецъ, въ августѣ, полкъ передвинулся въ колонію Кульмы, 80 верстъ отъ Кишинева, а черезъ мѣсяцъ—на Диѣстръ, въ селеніе Аланшты, разстояніемъ отъ Одессы 70 верстъ.—Въ первыхъ числахъ ноября полкъ выступилъ къ Кишиневу на зимнія квартиры. Дѣла мои совершенно стали; торговля прекратилась. Я снялъ въ Кишиневѣ квартиру и ждалъ—не будетъ ли похода.

Тутъ нашъ полковой командиръ, добрый генералъ Гасфертъ, назначенъ былъ начальникомъ бригады въ одну изъ тѣхъ частей войскъ, которыя находились въ Крыму. На прощанье офицеры дали въ честь любимаго начальника балъ. На этомъ балѣ я былъ и, обращаясь къ Гасферту, прочелъ слѣдующіе моего сочиненія стихи:

Насталъ намъ часъ съ тобой разстаться,
Добрѣйшій Гасфертъ, навсегда.
Мы сошлись съ тобой прощаться—
Вспомануть твои дѣла.

***

На полѣ битвы воинъ славный,
Ты съ нами стужу, жаръ терпѣлъ.
Въ огнѣ, въ сраженіяхъ—отважный—
Ты насъ, какъ дѣточекъ, жалѣлъ и т. д.

Эти стихи, повидимому, понравились всѣмъ, даже и самому Гасферту. Проводы были шумные, задухивные, искренніе. Это было 20-го марта 1856 года.

Вскорѣ послѣ этого разнеслась вѣсть о мирѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
 въ XXXI томѣ
 „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
 1881 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Агафоновъ, иконописецъ, 1855 г., 596—597.
Агаангелъ, соборн. іеромонахъ, иноспект. московс. духовн. акад., 1835 г., впослѣдъ архіеп. волынскій, 479—486.
Адамовъ, А. О. художн., 315.
Аделунгъ, 1831 г., 199, 201.
Адлербергъ, Эдуардъ-Владиміръ Феодровичъ, 1830 г., 384.
Айвазовскій, Гавр. Конст., епископъ имеретинскій съ 1857 г., р. 1813†1880 г., 416—419, 634, 635.
Айвазовскій, Ив. Конст., профес. художн.-маринистъ, р. 1817 г. Воспоминанія о его художественной дѣятельности, 411—436; упом. 309, 569.
Аксакова, Надежда Тимоф., въ замуж. Карташевская, 1826 г., 190.
Аксаковъ, Григорій С., самарс. вице-губернат., 1857 г., 8, 29.
Аксаковъ, Сергій Тимоф., 1826 г., 190.
Александра Александровна, вел. княж., р. 1842†1849 г., 110.
Александра Феодровна, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 106—112, 197, 392, 494, 552—568.

Александрина, принцесса Баденская, нынѣ герц-ня Саксенъ-Кобургъ-Готская, р. 1820 г., 104.
Александровскій, С. Ф., художн., 314, 315.
Александровскій, старообряд., 1833 г., 237.
Александръ I, импер., р. 1777 † 1825 г., 97, 100, 108, 155, 193, 298, 299, 302, 365, 373, 375, 378, 422, 505, 547, 548, 666.
Александръ II, императоръ, р. 1818 † 1 марта 1881 г. Слова, обращенныя къ предводителямъ дворянства сиб-ой губерніи, 9 декб. 1857 г., 31—32; слова, обращенныя къ московскимъ предводителямъ дворянства, 1858 г., 545—546. Упом.: 1—30, 33, 75, 76, 103—132, 208—220, 230, 325, 426—434, 480, 482, 542—544, 650.
Александръ III, Императоръ, р. 1845 г., 110, 123.
Александръ, принцъ Гессенъ-Дармштадтскій, р. 1823 г., 105, 107.
Алексій Александровичъ, вел. кн., р. 1850 г., 110, 123.
Алексій Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., 80, 81, 293.

Алопеусъ, гр., 1830 г., 393.
 Алтуховъ, В. Н., ееодоссійс. градс. голова, 1880 г., 427, 428.
 Альбединскій, фл.-адъют., 1854 г., 207.
 Альбрехтъ, майоръ, 1737 г., 291—294, 297.
 Андреева, Екат. Васи., 1810 г., 498.
 Андреевскій, И. Е., проф. слб. унвер. Историческое изслѣдованіе: «Канцелярія Конфискаціи 1729—1780 г.», 167—186.
 Андреевъ, Андрей Осипов., управл. рязанс. палатой госуд. имущ. и попечит. Сиропитательн. учил., 1850 г., 575—590.
 Андреевъ, Петръ Никол., моск. куп., 1810 г., 498.
 Андросовъ, В. П., издат. «Московск. Наблюдатель», 1835 г., 206.
 Анна Іоанновна, имп.-ца, р. 1693†1740 г., 170, 178, 289—296.
 Аннеиновъ, полковн., 1865 г., нынѣ ген.-лейт., 166.
 Антоній, архимандр. арзамасс., 1831 г., нынѣ намѣстн. Моск. Сергіев. лавры, 228.
 Анучинъ, полковн., 1863 г., нынѣ ген.-лейт., ген.-губернат. Восточной Сибіри, 165, 166.
 Апраксинъ, гр., Степ. Ѳед., генер., 1831 г., 551.
 Апухтина, Наталья Дмитр., въ замуж. Фокъ-Визика, во втор. замуж. Пущина, 530.
 Арагчевъ, гр., Алексѣй Андр., р. 1769 † 1834 г., 204, 484, 485.
 Арагчевъ, армянинъ-куп., 1843 г., 452.
 Араповъ, ген., пензенс. губернс. предводит. дворянс., 1858 г., 4.
 Арбузовъ, ген.-адъют., 1854 г., 210.
 Аргаматовъ, подпоруч., 1737 г., 294.
 Арсентъ, Никл. Ѳедор., лб.-мед., 1837 г., 619.
 Артемьевъ, Петръ, дьяконъ, 83.
 Астафьевъ, М. П., ген.-лейт., оренбургс. губернат. и командующій войсками, 1879 г., 487—492.
 Аталенъ (Athalin) генер.-адъют. франц. кор. Людовика-Филиппа, 1830 г., 380.
 Аванасій, (Протопоповъ), архіеп. тобольс., † 1842 г., 485.

Баженовъ, Кронштадс. воен. губернат., 1824 г., 298, 299.
 Балъзъ, А. О., команд. поповки «Новгородъ», 1880 г., 428.
 Барановъ, гр., начальн. штаба гвард. и гренадерс. корпусовъ, 1854 г., 219.
 Баратынскій, Евгеній Абрамов., поэтъ † 1844 г., 191.
 Бароновъ, вологодс. губерн. предвод. дворянс., 1857 г., 7.
 Баросъ, Никл. Ив., проф., ссылка на его біографич. очеркъ: «Протоіерей Г. П. Павскій», 481—483.
 Барсуковъ, Н. П. Сообщ.: Прямычанія къ письмамъ А. И. Тургенева, 1827—1845 г., 187—206.
 Барятинскій, кн., Алсд. Ив., намѣстн. Кавказ., впослед. ген.-фельдмарш. р. 1815 † 1879 г., 495, 496.
 Батюшковъ, Конст. Никл., писат., р. 1788 † 1854 г., 88, 191.
 Бахтеевъ, подпоруч., 1740 г., 296, 297.
 Багжовичъ, батал. команд., † 1831 г., 563.
 Безбородко, вл., Алсд. Андр., госуд. канцл., р. 1747 † 1799 г., 291.
 Безобразовъ, покровс. уѣздн. предвод. дворянс., 1858 г., 9.
 Беллингаузенъ, капитанъ, 354.
 Бемъ, яросл. губернс. предвод. дворянс., 1858 г., 6.
 Бенардаки, Дмит. Егор., откупщ., 648.
 Бенкендорфъ, гр., Алсд. Христофор., ген.-адъют., шефъ жандарм., р. 1783 † 1844 г., 365, 383, 496, 616—618.
 Бенингсенъ, гр., Леонтій Леонтьев., ген.-отъ кавал., главнокоманд., р. 1745 † 1826 г., 547.
 Вераръ, воспитат. въ Учил. Правовѣд., 1842 г., 278.
 Вергъ, Никл. Вас. Сообщ. Замѣтки: Кн. М. Д. Горчаковъ, 163—165, Графъ Ѳед. Ѳед. Вергъ, 165—166.
 Вергъ, гр. Ѳед. Ѳед., ген.-фельдмарш., намѣстн. Царст. Польс., р. 1794 † 1874 г., 165, 208, 213, 214, 531—542.
 Вернаръ, Сара, арт.-ка и скульпторъ, 1880 г., 413.
 Вертепановъ, Іосифъ Васил., докт. меди-

- цпны. Ссылка на его статью: «Н. И. Пароговъ», 496.
- Веръ, Мартинъ**, 1606 г., ссылка на составлен. имъ «Лѣтописи Московской съ 1584—1612 г.», 189, 192.
- Вестужевъ, Алд. Алд. (Маринскій)** штб.-капит., декабр., писатель, † 7 июля 1837 г., 599, 600.
- Вирокъ, Юганъ-Эрнестъ**, герц. курлянд., регентъ росс., р. 1690 † 1772 г., 291.
- Владовъ, гр. Дмит. Никл., дс. ст. сов., чл. госуд. сов. и предсѣдат. деп-та законовъ**, р. 1785 † 1864 г., 76, 191.
- Вобрещевъ-Пушкинъ, Пав. Серг., поруч. генеральн. штаба, декабр., † 1865 г., 345.**
- Вогдановъ, Н. А., художн., 316.**
- Вогдановъ, С. И., владимѣрс. губернс. предвод. дворянс., 1857 г., 8, 9.**
- Воголюбовъ, профес. живописи, 606, 611, 612.**
- Вогословскій, Мих. Измайл., законоучит. въ Учили. Правовѣд., 1839 г., 257—261, 276.**
- Вогуцъ - Состринцевичъ, Станиславъ, митропол. католичес. церкви въ Росси, р. 1731 † 1826 г., 190, 193.**
- Воде, бар., вице-презид. московс. дворцов. конт., 1836 г., 285.**
- Ворель, П. Ф., художн., 315.**
- Ворисполецъ, художн., 635.**
- фонъ-Врадде, Егоръ Фѣдор., попечит. Кіевс. учебн. округа, 1835 г., 202—204.**
- Врошъ, К. О., художн., 315—318, 323.**
- Вронниковъ, Ф., художн., 312, 313.**
- Вруни, Ф. А., проф. Акад. Худож., 1845 г., 415, 635, 637.**
- Вруновъ, посолъ при Великобританс. дворѣ, 1864 г., 211.**
- Врюловъ, Карлъ Павл., проф. акад., художн., † 1862 г., 273, 415, 416, 426, 634—637, 646.**
- Вудбергъ, генер., 1836 г., 495.**
- Вувсгевденъ, гр., корпусн. команд., 547.**
- Вуланъ, Луи-Августъ (Bouland), чл. Общ-ва свиной, 1824 г., 299.**
- Вулгазова, Мавра Ив., въ замуж. Приклонская, 289, 295.**
- Вулгазовъ, Алд. Яковл., моск. почт.-директ., 1826 г., 191, 199, 200.**
- Вулгазовъ, Ив. Мих., секунд-майоръ 1785 г., † 1787 г., 289—297.**
- Вулгазовъ, Ковст. Яковл., спб. почт.-директ., 1827 г., 188—200.**
- Вулгазовъ, Петръ, ассесоръ, 1778 г., 295, 296.**
- Вулгазовъ, Яковъ Ив., дс. тн. сов., посланныкъ въ Константинополь, р. 1743 † 1809 г., 289—297.**
- Вулгарникъ, Фаддей Венедикт., писат., р. 1789 † 1859 г., 604, 609, 611.**
- Вургоню, первый секрет. франц. посольства, 1830 г., 373, 379.**
- Вуташевичъ-Петрашевскій, Мих. Васильевичъ, см. Петрашевскій.**
- Вутовскій, директ. деп-та мануфакт., 1856 г., 650.**
- Вушманъ, воспитатель въ Учили. Правовѣд., 275.**
- Вѣтмовъ, Никл. Дмитр., гувернеръ при акад. худож., 1840 г., 635.**
- Вѣлиискій, Виссаріонъ Григор., писат., р. 1810 † 1848 г., 274, 599.**
- Вѣляевъ, Алд. Петр., р. 1803 г., Сообщ. свои «Воспоминанія о пережитомъ и переучудствованномъ съ 1803 г.» Гл. XIV—XV., 327—370; ссылка на его «Записки» 132.**
- Вѣляевъ, Петръ Петр., мичманъ гвард. дейс. экип., декабр., † 1865 г., 327—369.**
- Васильева, Е. Н., арт-ка. 603.**
- Васильева, Н. С., арт-ка, 603.**
- Васильчиковъ, кв., А. И., писатель, ссылка на его замѣтки, 163, 164.**
- Васильчиковъ, кв., Викт. Илларионов., начальн. штаба Севастопольс. гарнизона, 1854 г., вполнѣд. товарищъ военн. мя-ра, ген.-адъют., 164, 165.**
- Вейгсъ (Veigs), ген.-адъют. вел. герц. Гессенъ-Дармштадскаго, 1839 г., 106.**
- Вейерманъ, граверъ, 322.**
- Веллингтонъ, герцогъ, 1830 г., 387, 388,**
- Вельтманъ, писатель, помощн. директ. московс. оружейн. палаты, 1835 г., 286.**
- Веневитиновъ, Алексѣй Владимр., 640.**

- Венедиктъ, архимандр., ректоръ Тольс. семинаріи, 485.
- Венеціановъ, Алексѣй Гавр., акад., первый русс. бытовой живописецъ, р. 1780 † 1846 г., 318.
- Вердеревскій, управл. палатою государ. имущ., 1853 г., 587, 588.
- Верещагинъ, В. В., художн., 652.
- Вернеръ, г-жа, классная дама въ спб. Рисовальн. Школѣ, 1858 г., 651.
- Верстовскій, Алексѣй Никол., дс. ст. сов., управл. конторою московск. театр., 1833 г., 603.
- Вершиковскій, Д. С., протоіерей посольской церкви въ Парижѣ, 1835 г., 202—204.
- Виноградовъ, Евгеній Никл., казначей палаты государст. имущ., 1852 г., 584—589.
- Висленевъ, Михаилъ, майоръ, 1778 г., 296.
- Висленевъ, Осипъ, майоръ, 1778 г., 296.
- Вистеліусъ, акад.-художн. 1858 г., 651.
- Витбергъ, Алексд. Лаврент., акад. строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ, р. 1787 † 1855 г., 569.
- Витгенштейнъ, кн. Августъ, ген.-адъютантъ, 1839 г., 105.
- Витгенштейнъ, гр., Петръ Христоф., ген.-фельдмарш., р. 1768 † 1843 г., 351.
- Витовтовъ, начальн. штаба гвард. корпуса, 1854 г., 208—216.
- Видлебенъ, Ф., генер.-лейт., адъют. кор. прусск., 1830 г., 386.
- Віельгорскій, гр., Матвѣй Юрьев., вице-предсѣдат. Общ-ва поощр. худ., 1849 г., 640, 643, 645, 650.
- Віельгорскій, гр., Мих. Юрьев., об.-шенкъ, р. 1787 † 1858 г., 267, 271, 607—609, 615, 645.
- Владиміръ Александровичъ, вел. кн., р. 1847 г., 110, 123.
- Воейковъ, секундъ-майоръ, 1737 г., 292.
- Воейковъ, Петръ Петръ, полковн., московск. губернс. предвод. дворянс., 1858 г., 543—546.
- Вонковъ, акад. художникъ, 1858 г., 651.
- Волконская, кнг., Зинаида Александр., рож. кнж. Бѣлосельская, † 1862 г., 205.
- Волконскій, кн., Мих. Никт., 1785 г., 291.
- Вольнзевъ, гувернеръ-швейцарецъ, чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 299.
- Вольскій, художн., 633.
- Воробьевъ, Максимъ Никлфоров., проф.-пейзажистъ, 411.
- Воронцовъ, кн., Мих. Сем., ген.-адъют., намѣстн. кавказ., р. 1781 † 1856 г., 422, 423, 451, 476, 477, 495, 496.
- Врангель, бар. Ф. П., команд. военн. транспорта „Кроткій“, 1825 г., 132.
- Вражневъ, полковн., 1840 г., 249.
- Всеволожская, Софья Серг., въ замуж. кнг. Мещерская, р. 1745 † 1852 г., 190, 192.
- Всеволожскій, 1785 г., 290.
- Всеволожскій, 1837 г., 619.
- Вяземская, Екатер. Андр., см. Карамзина.
- Вяземская, кнж., Прасковья Петр., р. 1817 † 1835 г., 203, 205.
- Вяземскій, кн., Александр. Алексѣев., ген.-прокурор., р. 1727 † 1793 г., 291.
- Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., 187—205, 301, 601, 615.
- Вяземскій, кн. П. П., ссылка на „Письма А. П. Тургенева къ К. С. Сербиновичу 1827—1845 гг.“ 187.
- Гаврилова, Анна Александр., въ замуж. Стрякова, † 1873 г., 308.
- Гавриловъ, Д. И., помѣщ. владимірск. губерніи, впоследс. директ. деп-та государст. казначейства, † 1874 г., 8, 9, 28.
- Гаврильдъ, митрополитъ повгородскій, 1784 г., 84.
- Гавриилъ, архіеп. рязанс. и зарайс., 1849 г., 578, 586, 592.
- Гагаринъ, кн., Гавр. Петр., 1785 г., 290.
- Гагаринъ, князь, Иванъ, камергеръ, 1778 г., 297.
- Гагаринъ, кн., Левъ Никол., 1859 г., 544.
- Гагаринъ, кн., чл. Общ-ва поощренія худож., 1820 г., 641.
- Гагаринъ, кн., воронежск. губерн. предв. дворянс., 1857 г., 7.
- Галаганъ, Григ. Павл., чл. черниговск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 29.
- Ганъ, бар., начальн. Кисловодской линіи, 1837 г., 443.

- Гастферъ, генер., 1854 г., 476, 677, 678.
 Гауманъ, арг.-скрипачъ, 601, 602.
 Гедеоновъ, Алсд. Мих., дс. тн. сов.,
 директ. спб. театр., 1833 г., 606—608.
 Гейдекъ, гр., адмир., ревельс. военн.
 губернат., 1844 г., 242, 243.
 Гейндъ, г-жа, вдова Феодосійскаго ко-
 манданта, 1878 г., 423.
 Гелеренъ, см. Дактесъ.
 Гелгуда, генер. польс. службы, 1831 г.,
 557—561.
 Гензельтъ, пианистъ, 1838 г., 261—265.
 Гербель, Никл. Вас., [ссылка на его
 изданія, 624, 625.
 Герекъ, проф., 202.
 Герже, пианистъ, 261—263, 271.
 Гернеръ, акд., надзират. спб. Рисоваль-
 ной Школы, 1858 г., 651.
 Геруа, скрипачъ-любитель, 1848 г., 638.
 Гессекъ-Гомбургскій принцъ, 1751 г.
 294, 295.
 Гецъ, Петръ Петр., тайн. совѣтникъ
 † 1880 г., 190.
 Гечевичъ, 1831 г., 555.
 Гирозъ, Алексд. Карл., товар. мн-ра фи-
 нансовъ, 1844 г., р. 1815 † 1880 г., 245.
 Гладковъ, Ив. Васил., ген.-лейт., спб.
 об.-полицмейст., 1824 г., 298, 299.
 Глинна, Мих. Ив., композит., р. 1804 †
 1857 г., 266—272, 569, 614, 635.
 Глинка, начальн. штаба, 1854 г., 210.
 Гловацкій, прапорщ., 1837 г., 443.
 Глоховская, г-жа, 1824 г., 299.
 Гидичъ, Никл. Ив., писат., 285.
 Гоголь, Никл. Вас., писат., р. 1809 †
 1852 г., 157, 158, 205, 206, 275, 432.
 Голенищевъ, Илья Васил., капит. арміи,
 смотрит. казен. поселеній, 359—366.
 Голицынъ, кн., Алексд. Мих., посланн.
 въ Лондонъ, вице-презид. коллегіи ино-
 стран. дѣлъ, р. 1723 † 1807 г., 291.
 Голицынъ, кн., Алсд. Никол., об.-про-
 кур. синода, р. 1773+1814 г., 86, 483.
 Голицынъ, кн., Д. В., московс. военн.
 губернат., 1836 г., 548.
 Головинъ, Алексд. Васил., ст.-секрет.
 мн-ръ народн. просвѣщ., 1861—1866 г.,
 нынѣ членъ Госуд. Совѣта, стась-секре-
 тарь, дѣйств. тайн. совѣтн., 403.
 Голубевъ, полковн., 1863 г., 540.
 Голубцовъ, секрет., 1751 г., 294.
 Голынская, 1857 г., 406.
 Голышевъ, Ив. Александр., литографъ-
 археологъ, 569.
 Гончаровъ, И. А., писатель, 119.
 Гончаровъ, Ив. Никол., поруч. гусарс.
 полка, 1837 г., 619.
 Горавскій, художн., 646.
 Горбуновъ, К. А., акад., 317.
 Горбуновъ, Ив. Федор., артистъ импер.
 театр. Сообщ.: Письмо Ив. Мих.
 Булгакова къ сыну его Якову Ивано-
 вичу и всепод. прошеніе Я. И. Буг-
 гакова, 1785 г., 289—297.
 Горголи, сенат., бывш. спб. об.-полиц-
 мейст., 256, 568.
 Гордонъ, Патрикъ, ген.-аншефъ, р. 1635
 † 1699 г., 199, 200.
 Городицскій, отставной полковникъ,
 1837 г., 443.
 Горчаковъ, кн. Алсд. Мпх., государств.
 канцлеръ, р. 1799 г., 76.
 Горчаковъ, кн., Мих. Дит., главно-
 команд. крымс. арміей, 1855 г., вполн.
 намѣстн. Царства Польскаго, 1861 г.,
 р. 1792 † 1861 г., 163—165, 213, 672.
 Горчаковъ, кн., Петръ Дмитр., ген.-
 инф., р. 1789 † 1868 г., 208.
 Горюхины, учит. рисованія, 1852 г.
 582, 586.
 Горячевъ, учит., 1850 г., 579—582.
 Грабовскій, 1830 г., 335.
 Гречъ, Никл. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г.,
 157, 159.
 Гречъ, Никл. Никл., студ. sib. универс.
 † 1837 г., 156—159.
 Григоровичъ, Вас. Ив., вонференцъ-
 секрет. акад. худож., 1844 г., 637, 638,
 640, 643.
 Григоровичъ, Д. В., секрет. Общ-ва
 поощрен. художн., 654.
 Гриммъ, проф. латинс. яз., 1843 г., 250.
 Гриневъ, отставн. подпоруч., 1775 г., 82.
 Громовъ, Василій Федулов., лѣсопро-
 мышленн., 648.
 Гротъ, К. К., самарс. губернат., 1857 г.,
 нынѣ стась-секр. чл. госуд. сов., 7, 19.
 Гротъ, Яковъ Карл., акад., 627.

Давыдовъ, Влдим. Петр., вполн. гр. Орловъ-Давыдовъ, чл. Общ-ва поощрен. худож., 1849 г., 640.

Даль, Влдим. Ив., писат., † 1872 г., 165.

Данзасъ, Конст. Карл., сенаторъ, 615.

Данненбергъ, генер., 1854 г., 212.

Дашевъ-Гемеронъ, Георгъ-Карлъ, поруч. кавалергардс. полка, 1837 г., 160, 604, 615—620.

Даргомыжскій, Алексд. Серг., композит. р. 1813 † 1869 г., 569.

Дверицкий, генер. польс. службы, 1831 г. 165, 551, 553.

Дейбнеръ, мичманъ, † 1826 г., 132.

Дейнесъ, акад. хук., 1858 г., 651.

Деллинггаузенъ, генер., 1831 г., 565.

Дельзигъ, бар., Ант. Авт., писат., р. 1789 † 1831 г., 191, 197.

Дембинскій, нач. польс. отряда, 1831 г., 561—564.

Демидовъ, кн. Санъ-Дonato, П. П. Сообщ.: стихотвореніе Кіевскаго (псевдонимъ) «Голосъ Правды», 161—162.

Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 373—400, 549—558.

Дивовъ, генераль-маіоръ, рекегмейст., 1751 г., 294.

Дмитріевъ-Мамоновъ, чл. Общ-ва поощрен. худож., 1820 г., 641.

Дмитріевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., писат., р. 1760 † 1837 г., 192, 197.

Доброправовъ, П., 65.

Довре, генер., 1831 г., 559, 560, 565, 567.

Долгорукая, кнг., Варвара Серг., рожд. кнг. Гагарина, 369.

Долгоруковъ, кн. Вас. Вас., шталмейстеръ, 1813 г., 369, 370.

Долгоруковъ, кн., 1831 г., 563.

Домбровский, полковн., † 1845 г., 477.

Домбровский, 1863 г., 533.

Дондухова, кнг., 1857 г., 405.

Донской, Петръ Павл., рязанс. окружн. начальв., 1855 г., 591—597.

Доре, Густавъ, франц. художн. живописи и скульпторъ, 1878 г., 413.

Дороганъ, тульс. губернат., 1858 г., 5.

Дорогинъ, Лука, уч-къ кругосиротск. учил., 1852 г., 583.

Достоевская, Анна Грягор., рожд. Синт-кина, 34, 45, 46.

Достоевская, Марія Дмитр., рожд. Исеева, † 1863 г., 35.

Достоевскій, Мих. Мих., 1848 г., † 1864 г., 35—43.

Достоевскій, Фед. Мих., писат., † 28 янв. 1881 г. Воспоминанія о немъ А. П. Милюкова, 33—52.

Дрейшовъ, піанистъ, 264.

Дубровинъ, старообряд., 1832 г., 234—239.

Дубровский, П., дворянинъ, 293—297.

Дурново, Пав. Дмитр., чл. Общ-ва поощрен. худож., 640.

Дурновъ, сенаторъ, 1785 г., 290.

Дуровъ, Серг. Федор., 1848 г., 33, 35.

Евгеній, митропол. Кіевс., 1834 г., 203.

Екатерина I, имп-ца, р. 1684 † 1727 г., 169.

Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., 82, 181, 289, 301, 656—659.

Елагинъ, гофмейст. и сенат., 1771 г., 667.

Елена Павловна, вел. кнг., р. 1806 † 1873 г., 401, 603.

Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709 † 1761 г., 294.

Ермоловъ, Алексій Петр., ген.-лейт., р. 1777 † 1861 г., 569, 623—630.

Есаковъ, ген.-лейт., вилевс. комендантъ, 1839 г., 496.

Ефремовъ, Петръ Алсдр. Ссылка на замітку о баснѣ И. А. Крылова, «Конь», 624—626; упом. 197.

Ефимовъ, Нил. Ив., чл. новгор. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 29.

Живовини, Вас. Ив., арт. московск. театр., 1833 г., 603.

Жихарева, Варвара Степ., въ замуж. кнг. Мещерская, 203.

Жихарева, Федосья Дмитр., рожд. Нечасова, 197.

Жихаревъ, Степ. Петр., составитель «Записокъ Современника», 1831 г., 189—203.

Жоффри, Александръ, чл. Общ-ва свнней, 1824 г., 299.

Жоховъ, Иванъ, уч-къ вруглосиротск. учил., 1852 г., 583.

Жуковский, Василий Андреев., писат., р. 1788 † 1852 г., 103, 131, 188—203, 301, 480, 615.

Жуковский, восп-къ Учил. Правовѣд., 1840 г., 248.

Жюсти, Иосифъ, аббатъ, чл. Общ-ва свнней, 1824 г., 298, 299.

Залосинскій, Мих. Никл., директ. московс. оружейн. палаты, писат., р. 1789 † 1852 г., 286, 601, 607, 608.

Загребская, Прасковья Андр., въ замуж. Потемкина, 498.

Заревскій, гр., Арсеній Андр., ген-адъют., московс. ген.-губернат., 1856 г., 1—32, 194, 195, 543—546.

Замятинскій, восп-къ Учил. Правовѣд., 1839 г., вполсѣд. рязанс. губернат., 258, 259, 275.

Зани, Марко-Аврелій, проф. музыки, чл. Общ-ва свнней, 1824 г., 299.

Зауервейдъ, А. Н., проф. акад., баталнчес. художн., 1845 г., 411, 634, 638.

Зачинскій, офиц., 1830 г., 634.

Зонтагъ, Геяриэтта, артистка; въ замуж. гр-ня Россн, 265.

Ивановъ, Алекд., художн., 641, 646.

Ивановъ, Никл. Степ., учнт. рисов., 1853 г., 585—591.

Игельстромъ, Осипъ Андр., ген.-поруч. сибирс. намѣстн., 1785 г., 297.

Игнатьевъ, Пав. Никл., ген.-адъют., спб-ій ген.-губернат., 1857 г., † 1879 г., 32, 401.

Иконниковъ, Влад. Степ., проф. Киевс. унив. Сообщ. Библиографическій листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ V—VIII).

Иларій, о., пріоръ франц. братства де-Латрапъ, 1807 г., 506—529.

Илиодоръ, архіер. Курскій, 258.

Ильинъ, об.-секрет., 1778 г., 297.

Инокентій (Борисовъ), архіен. хер-

сонс. и таврич., р. 1800 † 1857 г., 202—205.

Исаева, Марія Дмитр., въ замуж. Достоевская, † 1863 г., 35.

Иеронимъ, монахъ франц. братства де-Латрапъ; 1770 г., 524—528.

Иосифъ (Симашко), митропол. виленс. и литовс., 497.

Каблуновъ, Костромской ректмейст., 1752 г., 183.

Кавелингъ, К. Д., проф. московс. унив., 204.

Каванскій, Петръ Симонов., проф. московс. акад., 485.

Каванцовъ, Евгений, бакалавръ спб. духовн. акад., вполсѣд. архіеп. ярославс., 198.

Казариновъ, полковн., 1751 г., 294.

Калайдовичъ, К. Ѡ., проф. моск. унив., 254.

Калайдовичъ, восп-къ Учил. Правовѣд., 1841 г., вполсѣд. об.-секрет. Сената, 253—255.

Калиновскій, Д. И., издат. журн. «Свѣточъ», 35.

Калмыковъ, проф. уголовн. права, 1840 г., 248.

Канарскій, 1839 г., 496, 497.

Канкринъ, Егоръ Франц., ген.-адъют., мн-ръ Финансовъ, 1825 г. † 1845 г., 373, 386, 396, 648—652.

Калшовъ, художн., 635, 646.

Капо д'Истриа, гр., Ив. Антонов., мн-ръ иностран. дѣлъ, р. 1776 † 1831 г., 630.

Карабановъ, Павелъ Ѡелоров., археологъ, р. 1767 † 1851 г., 289.

Каравитъ, Василий Назаровичъ, р. 1773 † 1842 г., 193.

Карамзина, Екат. Андр., рожд. княз. Вяземская, р. 1780 † 1851 г., 188, 191, 196, 202, 616, 617.

Карамзина, Екат. Никл., въ замуж. кнг. Мещерская, 196, 197, 202.

Карамзина, Елизавет. Ив., рожд. Протасова, 197.

- Карамзина, Софья Никл., р. 1802 † 1856 г., 197.
- Карамзинъ, Владим. Никл., студ. спб. унив., 1835 г., в послѣд. сенат., † 1879 г., 202, 205.
- Карамзинъ, Никл. Мих., историографъ, р. 1766 † 1826 г., 189—204, 301.
- Каратыгина, Александра Мих., рожд. Болосова, арт-ка, † 1880 г., 606.
- Каратыгинъ, Петръ Андр., арт. писат., р. 1805 † 1879 г., 157, 569.
- Карццкій, 634, 635.
- Карлъ, эрцъ-герцогъ, главнокоманд. австрійс. арміею, 1799 г., 547.
- Карлъ X, король франц., 1829 г., 373—376, 389.
- Карлъ, принцъ Гессенъ-Дармштадтс., р. 1809 г., 105—107.
- Карниолинъ-Пинской, об.-прокур. уголовн. деп-та сената, 254, 255.
- Карташевская, Надежда Тимоф., рожд. Аксакова, 1826 г., 190.
- Карташевскій, Григорій Ив., сенат., 1840 г., 190, 198.
- Катенинъ, А. А., орѣвб. и самарс. ген.-губернат., 1857 г., 19.
- Катюзовъ, М. Н., редак. журн. «Русск. Вѣстникъ», 42, 43.
- Кеменовичъ, В., 627.
- Кенинъ, Петръ Андр., чл. Общ-ва поощр. худож., 1820 г., 641.
- Кирьяновъ, Василій Яков., ген.-лейт., 1854 г., 213.
- Кирѣевскій, И. В., собиратель русск. народн. бытовыхъ и историческихъ пѣсенъ, 205.
- Кирѣевъ, Ив. Вас., декабр., 352, 362.
- Киселевъ, гр., Пав. Дмит., ген.-адъют., мн-ръ госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., 87, 88, 403, 583, 584, 674.
- Кишинскій, маіоръ, 488.
- Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправ. пут. сообщения, 553, 561—567.
- Клементъ, Вас. Мих., тифлисс. почт.-инспект., 1836 г., 439—442.
- Клементъ XIV, папа Римскій, 1770 г., 515, 528.
- Климовичъ, Алкс. Максимов., мн-ръ финанс., 649, 650.
- Кобже, Дмит. Фомичъ, тайн. совѣтн., ссылка на некрологъ А. К. Гирса, 246.
- Кованько, Алксд. Ив., золотопромышленн., 364.
- Кожвинниковъ, Петръ, добрянскій купецъ, 1775 г., 82.
- Козловскій, полковн., 1845 г., 455, 456, 465—468, 476, 477.
- Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, р. 1784 † 1840 г., 197, 203, 301.
- Кожоревъ, В. А., откупщикъ, 648.
- Колесниковъ, Алксд. Петр., золотопромышленн., 341, 365.
- Колумбовъ, о. Мих. Алксѣев., сваяц., 1850 г., 570—579.
- Коноваловъ, Иванъ, совѣтникъ Красноарскій, 334.
- Константиновъ Николаевичъ, Вел. Кн., р. 1827 г., 410.
- Константиновъ Павловичъ, вел. кн. цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., 108, 386—399, 555, 559, 567.
- Константиновъ, игумень пунгарацкаго монастыря, 1833 г., 237, 238.
- Корниловъ, Владим. Алксдр., адмир., † 1854 г., 207.
- Корова, Г. А. Сообщ. замѣтку: «Знаменательныя числа», 325.
- Корсавъ, Ипполитъ Алксандр., 364, 365.
- Котлубайскій, нижегород. губернс. предвод. дворянс., 1858 г., 9.
- Кохъ, акад. худож., 1858 г., 651.
- Коцебу, гр., Пав. Евстаф., ген.-адъют., начальн. главн. штаба на Кавказѣ, 1851 г., 121, 164, 550.
- Кочубей, кн. Алксд. Вас., чл. Общ-ва поощр. худож., 1849 г., 640.
- Кочубей, гр., Викт. Павл., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1820 г., в послѣд. госуд. канцл., р. 1768 † 1834 г., 193.
- Кочубей, кн. Демьянъ Вас., чл. Общ-ва поощрен. худож., 1849 г., 640.
- Кочубей, кн., Михаилъ Виктор., чл. Общ-ва поощрен. худож., 1849 г., 640.
- Кочубей, кн. Серг. Виктор., чл. Общ-ва поощрен. худож., 640.
- Красноцѣвтовъ, сваяц., ссылка на его

соч. «Библейская исторія для дѣтей», 1837 г., 479, 480.
Брасушій, участн. восстанія, 1863 г., 166.
Брайцъ, генер., 1831 г., 553, 561—565.
Брестовскій, Всеволодъ Владимір., писатель, 47.
Бречетиниковъ, Мих. Никит., ген.-майоръ, псковс. губернат., 1772—1775 г., 656, 660, 661.
Бривцовъ, Пав. Ив., 332.
Бривцовъ, Серг. Ив., подпоруч. 16 гв конн. артил., декабр., † 1864 г., 332, 337.
Бриденеръ, 1831 г., 198.
Бруазье, архитект., 633.
Брузе, Никл. Ѳеодор. Сообщ. статья: «Конь», басня И. А. Крылова, 623—632.
Брыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 417, 623—632.
Брюновъ, Алексд. Алексдр., поруч. Кавалергард. полка, адъют. гр. Витгенштейна, декабристъ, † 1860 г., 351, 352, 368.
Брюновъ, Никл. Алексдр., поруч. генеральн. штаба, декабристъ, † 1859 г., 351, 362, 363, 368.
Брюновъ, Мих. Григор., екатеринбургск. купецъ, 341.
Буакецовъ, бѣлевскій куп., 1844 г., 453, 456.
Буакецовъ, золотопромышленн., 344.
Бузыничъ, Алесд. Кузьм., колл. сов., мнѣисинскій окружн.начальн., 329—340.
Бузыничъ, Ив. Кузьмичъ, капит., экономъ Учнл. Правовѣд., 1841 г., 257.
Бузыничъ, Несторъ Васи., писат., 635.
Булинова, П. И., въ замуж. Орлова, 609, 610.
Будиковъ, Никл. Ив. Сообщ. свои очерки и воспоминавія: «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ», 599—622.
Бумеръ, художн.-пейзаж., 1844 г., 636.
Бурута, генер., 1831 г., 559.
Бурторга, Мих. Степ., проф. спб. унив., 1837 г., 157.
Бутузова, Екатерина Петр., 363, 364.
Бутузовъ, Илья Васи., смотрит. поселеній, 330.

Лаверръ, 1863 г., 536.
Лавровъ, Никл. Владимр., арт., оперн. пѣвецъ, 603, 606.
Лагоріо, Левъ Феликсов., профес. живопис., 646.
Лазаревъ, Иванъ Давыдовичъ, ген., 420.
Лазуткинъ, ученикъ, 1850 г., 579.
Ламинковскій, 1832 г., 234, 238, 669—671.
Ланжеронъ, гр., А. О., † 1831 г., 560.
Ланской, Сергѣй Степ., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1855—1862 г., р. 1787 † 1862 г., 2—31, 401—410.
Лантевъ, поселенецъ, 340.
Лебедевъ, Мих. Григор., смоленс. помѣщ., 1780 г., 655—664.
Лебедевъ, Серг. Мих., отставн. подпол. † 1832 г., 655—664.
Лебедевъ, художн., 646.
Лебрюнъ, Фридрихъ, чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 299.
Левъ, Мих. Иван., директ. ковайств. деп-та мн-ва внутр. дѣлъ, 1842 г., 241—244.
Ленкиничъ, рект. полоцкой коллегіи, 1780 г., 660.
Ленскій, Дмит. Тимоф., арт. московск. театр. и писат., 1830 г., † 1860 г., 157, 601—610.
Леонтьевъ, генералъ, 1831 г., 566.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., 274.
Лефевръ, квартальный надзиратель, 1824 г., 298.
Лехбахъ, художн., 1879 г., 414.
Ливень, бар., ген.-адъют., 1854 г., 210.
Лидеръ, генер., 1845 г., 213, 214, 451.
Линиъ, чиновн. мнѣ. вв. дѣл., 1845 г., 246.
Липраджи, генер., 1854 г., 676.
Листъ, артистъ-пѣан., 1840 г., 263—272.
Литманъ, факторъ, 1737 г., 291, 292.
Лихачевъ, Влад. Ив. Сообщ.: Разсказъ декабриста Мих. Алексдр. фовъ-Визина, 503—529.
Ловичъ, кнг., Жавета Антоновна (Юанна Грудзинская) сунр. цесар. Константина Павловна, р. 1795 † 1831 г., 556, 557.
Лодж, проф., 1808 г., 193.
Ловжинскій, граждан. инженер., 1853 г., 591.

- Донгиновъ, Аркадій Вас.** Сообщ. Письма Н. А. Милутина къ Вас. Алексѣев. Донгинову, 1844—1845 г., 241—246.
- Донгиновъ, Вас. Алекс.,** † 1873 г., 241.
- Донгиновъ, Мих. Никл.,** тн. сов., ст.-секрет., 280, 624—626.
- Дорисъ-Мелиновъ, гр.,** Михаилъ Таріоловичъ, ген.-адъют., 420.
- Дувутинъ, Семень Андр.,** московск. немецкій гражданин., 1810 г., 496.
- Дьвовъ, Фед. Фед.,** дс. ст. сов., бывший конференцъ-секрет. акад. худ., архит. и художн.-пейзажистъ. Составилъ и сообщ. очеркъ: «Общество поощренія художниковъ» 1850—1862 гг., 633—654.
- Дьвовъ, вв.,** воспитъ учил. Правовѣд., 1843 г., 252.
- Людвигъ-Филиппъ,** король франц., 1830 г., 373—382.
- Людвигъ II,** вел. герц. Гессенъ-Дармштадтскій, † 1848 г., 104—107.
- Льохинъ,** иконописецъ, 1854 г., 591, 594.
- Лядовскій, Павелъ,** 1863 г., 166.
- Лядовскій, Эдуардъ,** участн. польскаго возстанія, 1863 г., 166.
- Май, Жанъ-Баптистъ,** чл. Общ-ва свнвей, 1824 г., 299.
- Майеръ, Леопольдъ,** пианистъ, 263, 264.
- Мазарій, (Зиминъ)** архиманд., рект. сб. семинаріи, цензоръ, 480.
- Мазарій, архіеп.** литовск., вѣнѣ митроп. московск., 205.
- Мамовскій, В. Е.,** художн., 316.
- Максиміліанъ,** герц. Лейхтенбергскій, р. 1817 † 1852 г., 111, 645, 650.
- Малюковичъ, Михаилъ А.,** писатель-профес., 1834 г., 203—205.
- Маллиновскій, землемѣръ,** 1843 г., 251.
- Мане, полковн.,** 604.
- Марія Александровна, Имп-ца,** р. 1824 † 1880 г. По поводу первой годовщины днѣ ея кончины: очеркъ жизнеописанія 1824—1880 г., 103—132. Упом. 166, 430.
- Марія Александровна, вел. кнг.,** въ замужест. герцогиня Эдинбургская, р. 1863 г., 110.

- Марія Николаевна, вел. кнг.,** въ замуж. герц-ня Лейхтенбергская, р. 1819 † 1876 г., 111, 645, 650—653.
- Марія Феодоровна, имп-ца,** (рожден. принц-са Виртембергская) р. 1759 † 1828 г., 131.
- Марія Феодоровна, Имп-ца** (рожден. принцесса Датская), р. 1847 г., 122, 324.
- Марія, принцесса, вдовствующая герцогиня Гампльтонъ,** р. 1817 г., 104.
- Маршалоуъ, секрет. русскаго посольства,** 1839 г., 105.
- Марлинскій, см. Вестужевъ, Алсд. Алсдр.**
- Марсиль, Констанъ-Альфонсъ (Marsille),** докторъ медіц., чл. Общ-ва свнвей, 1824 г., 299.
- Масловъ, Стен. Алексѣев.,** писат. по сельск. хозяйству, 626.
- Матте, Вас. Вас.,** граверъ, уч-къ гравера-акад. Л. А. Сѣрякова, 306.
- Матюшинъ, Ив. Ив.,** грав., уч-къ акад. Л. А. Сѣрякова. Гравиров. портретъ акад. Л. А. Сѣрякова, 167; упом. 319.
- Махмудъ II,** турец. султанъ, 1829 г., 371.
- Мевестъ, ген. отъ артилл.,** † 1831 г., 562.
- Мельниковъ, Иванъ Григор.,** казакъ, 1814 г., 138—140.
- Меншиковъ, кн.,** Алсд. Давидов., генералиссимусъ, р. 1673 † 1729 г., 168.
- Меншиковъ, кн.,** Алсд. Серг., адмир., р. 1787 † 1869 г., 207—218, 430.
- Мердартъ, К. К.,** ген.-майоръ, воспитат. вел. кн. внаслѣдн. цесаревича Александра Николаевича, 1839 г., 103.
- Мержушовъ, Петръ Афанасъ,** минусинскій окружн. начальн., 332, 344, 352, 364.
- Мещерова, ввг.,** Варвара Степ., рожд. Жихарева, 203.
- Мещерова, ввг.,** Екат. Никол., рожд. Карамзина, 196, 197, 202.
- Мещерова, кнг.,** Софья Серг., рожд. Всеволожская, р. 1775 † 1352 г., 190, 192.
- Мещеровскій, кн. П. П.,** 1828 г., 197.
- Мещеровскій, кн.,** Элимъ Петр., 1831 г., р. 1806 † 1844 г., 202, 203.
- Миньшинъ, Мих. Осипов.,** академ. художн., 321, 323.

- Милорадовичъ**, гр., Михаилъ Андр., спб. военн. губернат., † 1825 г., 298, 299.
- Милуновъ**, А. П. Сообщ. свои воспоминаванія о Фед. Мих. Достоевскомъ, 33—52.
- Милютина**, Юлія Ивановна, 386.
- Милютинъ**, Алсд. Кузьм., команд. инвалидн. роты, 336.
- Милютинъ**, Никл. Алексѣев., чл. госуд. сов., р. 1818 † 1872 г., 166, 241—246, 401—410, 531—586.
- Миневичъ**, генералъ, пачальн. штаба 1863 г., 537.
- Миневъ**, Ив. Григор., 1814 г., 139.
- Мироновъ**, костромс. губернс. предвод. дворянс., 1857 г., 15, 19.
- Михайловъ**, художн., 635.
- Михаилъ Николаевичъ**, Вел. Кн., р. 1882 г., 31, 418.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 † 1849 г., 108, 110, 554, 635, 639.
- Михалиновъ**, Як., секундъ-майоръ, 297.
- Мичуринъ**, архитект., 1735 г., 178.
- Мозалевскій**, Ив. Осипов., подпоруч., декабристъ, 352, 389.
- Молва**, баталіон. команд., 1831 г., 562.
- Моллеръ**, адмиралъ, 213.
- Монжосъ**, генер., † 1831 г., 562.
- Монигетти**, художн., 633, 635.
- Морицъ**, П. А., тн. сов., секрет. покойной имп-цы Маріи Александровны, 121.
- Мофеть**,ичманъ, † 1869 г., 132.
- Муравьева**, Екат. Федор., рожд. бар-са Колокольцева, 189, 192.
- Муравьевъ**, гр., Алсд. Никл., вижегород. губернат., 1868 г., † 1863 г., 9—11, 192, 193, 401—408.
- Муравьевъ**, Мих. Невятчъ, писатель, 1826 г., 192.
- Муравьевъ**, гр., Мих. Никл., мн-ръ госуд. нмуш., виденс. ген.-губернат., р. 1796 † 1866 г., 10, 539.
- Муравьевъ**, Никл. Никол., ген.-майоръ, основат. училища колонновожатыхъ, † 1840 г., 352.
- Муравьевъ**, гр. Никл. Никл., ген.-адъют., главнокоманд. на Кавказѣ съ 1855—1856 г., 214.
- Мушинъ-Пушкинъ**, гр., тн. сов., президентъ коммерцъ-коллегии, 1739 г., 173, 178.
- Мушинъ-Пушкинъ**, гр., Никол. Ив., секрет. Общ-ва поощр. худож., 1849 г., 639, 643.
- Мюссаръ**, Е. И., чл. и казначей Общ-ва поощр. худож., 654.
- Мюхлеръ**, преподават. въ Учили. Правовѣд., 1843 г., 250.
- Магжовъ**, художн., 1854 г., 591, 594.
- Навроцкій**, кварталн. надзиратель, 1824 г., 298.
- Надеждинъ**, Н. И., 1844 г., 248.
- Наполеонъ I**, импер. француз., 504—512, 529, 548.
- Нарышкинъ**, А. А., 1826 г., 191.
- Нарышкинъ**, Мих. Мих., полков., декабристъ, † 1863 г., 384.
- Нашокина**, Вѣра Александр., 620, 621.
- Нашокинъ**, Пав. Вонновичъ, 1837 г., 599—622.
- Невѣровъ**, Януарій Мих. Сообщ. «Воспоминаванія М-на изъ дальнихъ лѣтъ, съ 1824 г.», 149—160.
- Нейманъ**, 1831 г., 198.
- Неклюдовъ**, Иванъ, капит., 1752 г., 179, 180.
- Некрасовъ**, Никл. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г., 569, 570.
- Нерсесъ**, патриархъ армянскій, 1880 г., 419—421.
- Нессельроде**, гр-ня, Елпсав. Карл., въ замуж. гр-ня Жрештовичъ, р. 1813 г., 198, 200.
- Нессельроде**, гр. Карлъ Ив., госуд. канцл., р. 1780 † 1862 г., 198 — 208, 382—399.
- Нечаева**, Федосья Дмитр., въ замуж. Жихарева, 197.
- Николай I**, императ., р. 1796 † 1855 г., Письма его къ гр. П. А. Толстому, 1828—1831 г., 547—568; событія 1830 г., 371—400; два письма принца П. Г. Ольденбургскаго, 1836 г., 493—495; слова, сказанныя А. Е. Попову 23-го сентб. 1854 г., 207. Упом. 77, 85—97,

104—111, 197, 208—217, 230, 285, 286, 354, 365, 369, 411—416, 444, 445, 480, 497, 617—619, 645.

Николай Александровичъ, Настѣдникъ цесарев. и Бел. Кн., р. 1843 † 1865 г., 76, 110, 122, 130.

Николай Николаевичъ Старшій, Бел. Кн., р. 1831 г., 565, 568.

Николаевъ, П. И., предсѣдат. владимірск. гражданск. палаты, 1858 г., 9.

Никольскій, аудиторъ, 1863 г., 533.

Нивулкина-Косицкая, Любовь Павл., арт-ка императ. москвск. театр., р. 1829 † 1868 г., 569.

Ниродъ, гр., Г., флота капит.-лейтен. Сообщ. замѣтку къ Записк. А. П. Бѣлева «Дейбнеръ, 1826 г.», 132.

Новиковъ, Никл. Ив., глава москвск. мартинистовъ, р. 1744 † 1818 г., 204.

Новосильцевъ, рязанскій губернаторъ, 1858 г., 4.

Ноженъ, комисаръ, 1787 г., 292.

Нотбемъ, акад. худ., 1858 г., 651.

Оболенскій, кн. Дмитр. Алсдр., чл. госуд. сов., 1857 г., † 1880 г., 403.

Оболенскій, кн. Евг. Петр., старшій адъют. гвард. пѣхоты, декабристъ, † 1865 г., 327.

Обручницъ, 1737 г., 292.

Обрѣсковъ, 1786 г., 290.

Обуховъ, об.-прокур., 1778 г., 297.

Обуховъ, восп.-къ Учил. Правовѣд., 256.

Оголицъ, Алсдр., восп.-къ Учил. Правовѣд., 1843 г., 253, 275, 276.

Одоевскій, кн., Алсд. Ив., корнетъ лб.-гв. коннаго полка, поэтъ, декабристъ, † 1839 г., 334.

Оденикъ, Алексій Никл., презид. Акад. Худож., † 1842 г., 284—286.

Ольга Николаевна, Бел. Кнг., въ замужест. королева Виртембергская, р. 1822 г., 414.

Ольденбургскій принцъ, Петръ Георг., р. 1812 † 1881 г. Два письма его къ императору Николаю Павловичу, 1836 г., 493—495. Упом. 261—264, 276, 279.

Ольхинъ, П. М., 45.

Оперманъ, † 1831 г., 560.

Органовъ, Егоръ Никол., помощн. окруж. начальн., 1855 г., 591, 594.

Орлова, П. И., рожд. Кулякова, 609, 610.

Орловъ, кн., Алексій Федор., генер.-адъют., 1861 г., 1, 373, 562—567.

Орловъ, кн., Николай Алексѣев., ген.-адъют., нынѣ русск. посолъ при франц. республикѣ. Записки его: 1) Мысли о расколѣ, посвящено и представлено императору Александру Николаевичу, 1858 г., 2) Объ отгнѣннѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Имперіи и въ Царс. Польскому, 1861 г., 75—102. Замѣтка его: «О евреяхъ въ Россіи», 94.

Орловъ, художн., 646.

Осикинкъ, Ив. Терентьев., д. ст. сов., начальникъ женск. гимназій, въ Слб. и Цар. Селѣ, 103, 104.

Остенъ-Сажень, гр., Дмитр. Ерофѣев., начальн. Севастопольскаго гарнизона, 1854 г., † 3 Марта 1881 г., 213, 214, 551—559, 563, 567.

Остенъ Сажень, гр., Фабіанъ Вильгельмов., фельдмарш., р. 1751 † 1837 г., 204, 384, 385.

Остерманъ, гр., сенаторъ, 1785 г., 290.

Острошенко, генер., 1831 г., 550, 557.

Павелъ I, императ., р. 1754 † 1801 г., 108, 340, 506, 513, 547.

Павелъ Александровичъ, Бел. Кн., р. 1860 г., 119.

Павлицевъ, Н. И., управляющ. дѣлами печати въ Польшѣ, 1863 г., 536, 541.

Павловъ, Н. Ф., писатель, 600.

Павскій, Герасим. Петр., протоіерей, р. 1787 † 1863 г., 258, 479—486.

Паерже, Георгъ, аугсбургск. купецъ, 1606 г., 189, 192.

Палибина, г-жа, 1842 г., 266—268.

Палибинъ, проф., 1840 г., 249.

Пальтъ, Алсд. Ив., 1848 г., 34.

Паникъ, гр. Никита Ив., дс. тн. сов., -сенат., воспитат. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., 82.

Пановъ, нижегород. губер., 1841 г., 448.

Пановъ, И., художн., 316—324.

Паскевичъ, Кн. Варшавскій, Ив. Ѳед., фельдмарш., р. 1781 † 1856 г., 230, 535, 562, 564.

Пелотти, художн.-портретистъ, 1879 г., † 1881 г., 414.

Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ внутр. дѣлъ, 241.

Петрашевичъ, Михаилъ Васильевичъ, 1848 г., 7 дек. 1867 г., 33.

Петровский, художн., 646.

Петровъ, А. А., 1826 г., 191.

Петровъ, Яковъ, поселенецъ, 348.

Петръ I, императ., р. 1672 † 1725 г., 168, 199, 201, 296.

Пирогова, Елисаветъ Ив., 1815 г., 493.

Пироговъ, Ив. Ив., коллежск. секрет., 1810 г., 498.

Пироговъ, Никл. Ив., проф. медико-хирургич. акад., знаменитый ученый и писатель, р. 1810 г., 498.

Писаревъ, С. П. Сообщ. документъ: «Инструкція о воспитаніи, сто лѣтъ тому назадъ, 1775 г.», 655—664.

Плантенъ, Жанъ-Ѳмануель, лекарь, чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 299.

Платонъ, инспект. московск. акад. (въ мѣрѣ протоіер. Петръ Гавр. Казанскій) 486.

Плетневъ, Петръ Алсд., акад.-писат., 157, 158, 624, 626.

Плещеевъ, А. Н., писат., 1848 г. 34.

Плещеевъ, Иванъ, дс. ст. сов., президентъ доимочной канцел., 1727 г., 169.

Погодинъ, Мих. Петр., р. 1800 † 1875 г., 203, 236, 631.

Пожадостинъ, (Храповъ), Ив. Петр., акад., граверь на мѣди, р. 1837 г., Сообщ. свои «Воспоминанія», 569—598.

Покровский, Н. Ѳ., 1826 г., 190.

Полевой, П. Н., 308, 319, 321.

Полторановъ, ген.-аудиторъ въ Царств. Польс., 1863 г., 165.

Полухинъ, генер., 1831 г., 567.

Поповъ, Алсд. Ефимов., войска Донскаго генер.-маіоръ. Записки о пребываніи его въ Крымской арміи съ 1854—1856 г., 207—220.

Посельтъ, К. Н., контр-адмир., 430.

Потемкина, Прасковья Андр., рожд., Закревская, 498.

Потемкинъ-Тавричeskій, кн., Григорій Алсд., генер.-фельдмарш., р. 1738 † 1791 г., 498—502, 569, 682.

Потшманъ, Семенъ Антонов., генер., директ. Учил. Правовѣд. 1836—1842 гг., 255, 256, 263, 279.

Пощо-ди Борго, русс. посолъ при франц. дворѣ, 1830 г., 379.

Приклонская, Мавра Ивановна, рожд. Булгакова, 239, 295.

Протасова, Елизаветъ Ив., въ замуж. Бараманка, 197.

Протасовъ, гр., Никл. Алсд., об.-прокур. синода, 1834 г., 203.

Протасовъ, вязниковск. уѣзд. предводит. дворянс., 1868 г., 9.

Пранишниковъ, Ѳед. Ив., слб. почт.-директ., вице-предсѣлат. Общ-ва поощрен. худож., 1849 г., 640—645, 652.

Пустоваловъ, А. М. Сообщ. замѣтку къ статьѣ г-на Тьмановскаго: «Оренбургскіе пожары въ 1879 г.», 487—492.

Пушкенина, Наталья Никл., рожд. Гончарова, 616, 618.

Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, писат., р. 1798 † 1837 г., 48, 158—160, 191, 197, 302, 303, 426, 432, 435, 578, 599—622.

Пушкинъ, поруч., 1737 г., 292, 296, 297.

Пушкинъ, Ив. Ив., декабр., † 1859 г., 530.

Рагузинъ, главноуправляющ. имѣніемъ Салтыкова, 1828 г., 227—236, 447—452, 478.

Радинъ, полковн., 1854 г., 672.

Раевскій, Дмитр. Васил., минусинскій окружн. докт., 335, 336, 851, 357.

Рамазановъ, Никл. Алсд., художн.-скульпторъ, р. 1815 † 1867 г., 633, 635.

Рассторгуевъ, Яковъ Ив., золотопромышленн., 341, 365.

Ребиндеръ, гр., ревельскій ландратъ, 1841 г., 242.

Ребровъ, генер., 1837 г., 447.

- Редерихъ, прусс. повѣрши. въ дѣлахъ, 1839 г., 107.
- Рейсхъ, дс. ст. сов., директ. слб. Рисовальной Школы, 648—650.
- Рейсхъ, полковн., 1854 г., 676.
- Ренненшампфъ, бар., ген.-майоръ, 1831 г., 552.
- Ридигеръ, гр., генер. 1831 г., 165, 218, 551, 553, 564.
- Римскій-Корсаковъ, генер., виленс. военн. губернат., 1807 г., 506.
- Розановъ, Н. П. Сообщ. замѣту: «Н. И. Пироговъ», 1810 г., 498.
- Розенъ, бар., Григор. Видм., ген.-адъют., главноуправ. Закавказья, 1831 г., † 1837 г., 442, 564.
- Романовскій, Д. И., ген.-лейт., † 1881 г., Ссылка на его историческій очеркъ: «Ба. А. И. Барятинскій», 495, 496.
- Ромарино, начальн. польск. отряда, 1831 г., 563, 564.
- Росси, гр.-ня, Генриетта, рожд. Зонтагъ, бывш. артистка, 265.
- Росси, гр., италіанс. посланн., 265.
- Ростейнъ, Пьеръ-Филиппъ (Rostaine) учит. франц. яз., чл. Общ-ва свиней, 299.
- Ростовцевъ, гр. Яковъ Ив., бывшій начальн. штаба военн. учеб. завед., ген.-адъют., р. 1803 † 1860 г., 12.
- Ротъ, генер., команд. 5-го корп., 1831 г., 557.
- Рудницкій, К. И., 246.
- Румянцевъ, гр., Сергій Петр., дс. тв. сов., посланн. при прусск. дворѣ, р. 1755 † 1838 г., 189, 254.
- Рывачевъ, главный судья канцел. конфискаціи, 1765 г., 175, 178.
- Рычвъ, И. Н., бугуруславс. предвод. дворянс., 1857 г., 8.
- Рѣвскій, М. Д., чл. Общ-ва поощрен. худож., 1848 г., 638—643.
- Рязановъ, золотопромышленн., 353.
- С**адникъ, бухгалтеръ Общ-ва поощрен. худож., 1850 г., 640, 642.
- Савичъ, В. А., сумскій уѣзд. предвод. дворянс., 1857 г., 19.

- Савожи, 1831 г., 500, 555, 567.
- Савокъ, см. Остенъ-Савенъ.
- Салтыковъ, гр., Семень Андр., подполковн., 1737 г., 292, 293.
- Салтыковъ, нижегородс. помѣщ., 1820 г., 145—147; 230, 452, 478.
- Самаринъ, Юрій Федор., писатель-публицистъ, чл. самарс. комит. по крест. дѣл., 1859 г., † 1876 г., 29, 204, 410.
- Самойлова, Вѣра Васил., арт.-ка, въ замуж. Мичуринца, † 1881 г., 569.
- Самойлова, Марья Вас., арт.-ка, въ замуж. Загибенина, 602.
- Самойлова, Надежда Васил., арт.-ка, въ замуж. Машисева, 602.
- Самойловъ, сервантъ, 294.
- Сапожниковъ, Андр. Петр., чл. Общ-ва поощрен. худож., 1848 г., 638—643.
- Сатинъ, 1752 г., 179.
- Сажугуновъ, Петръ Никол., декабристъ, 339.
- Свѣзевъ, Ив. Ив., акад., проф. архитект., 569.
- Свѣчина, Софья Петр., рожд. Софимова, 1831 г., † 1857 г., 198, 200.
- Свѣшниковъ, Мих. Ив., 363, 364.
- Селивановъ, Илья Вас. Сообщ. свои «Записки» Гл. IX—XI, 531—546; ссылка на его «Воспоминанія», 165.
- Серафимъ, слб. митрополитъ, 1835 г., 481—486.
- Сербиновичъ, Конст. Степ., тайн. совѣтн. Сообщ. въ 1872 г. письма къ нему А. И. Тургенева, 1827—1845 гг., 187—206.
- Сергій Александровичъ, Вел. Кн., р. 1857 г., 119, 131.
- Серебренниковъ, Ив. Семенов., казачій урядникъ, 358, 359.
- Сидонскій, протоіерей, 258.
- Сидоровъ, чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 299.
- Симборскій, пятигорскій комендантъ, 1837 г., 443, 444.
- Скиельниковъ, Н. П., воронежс. губернат., 1857 г., 7.
- Ситовскій, Рафайль, ссылка на его замѣтку «Знаменательныя числа», 325.
- Скоттъ, художн., 633.

Сиражневичъ, началв. главной польс. арміи, 1831 г., 554.
 Смирновъ, Ив. Семенов., учит., 1850 г., 579—582.
 Смирновъ, о. Никл. Мих., законоучит., 1853 г., 585.
 Сниткина, Анна Григор., стенографистка, въ замуж. Достоевская, 34, 45, 46.
 Собно, Никл. Петр. Состав. биографическій очеркъ: «Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сврялова», 1824—1831 г., 307—324.
 Соколова, Софья Петр., въ замуж. Свѣчкина, † 1857 г., 198, 200.
 Соколовъ, Ив. Ив., проф., 312.
 Солнцевъ, Егоръ, художн., 633.
 Солнцевъ, Фед. Григор., проф.-художн., 283—288, 312, 569.
 Соловьевъ, Яковъ Алексдр., тн. сов., сенаторъ, непремѣн. чл. Редакц. комис., † 1876 г. Записки его о крестьянскомъ дѣлѣ 1856—1859 г., 1—32; 401.
 Солициная, Елена Яковл., рожд. Воробьева, арт.-ка, † 1855 г., 609.
 Сошкинъ, Ив. Ив., артистъ, р. 1794 † 1871 г., 602, 608, 614, 619, 620.
 Спасоикій, докторъ, 1843 г., 252, 253, 257.
 Сперанскій, гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 193, 197, 248, 259, 329.
 Срезневскій, Измаилъ Ив., анад., † 1880 г., 187.
 Степановичъ, 1831 г., 562.
 Стасовъ, Владим. Вас. Сообщ. изъ своихъ «Воспоминаній» очеркъ: «Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ», 1836—1843 гг., 247—282; упом. 493.
 Стедовскій, книгопродав.-издат., 1866 г., 43—45.
 Степановъ, офиц., 1830 г., 634.
 Стефановъ, о. Алекс., свящ., 1810 г., 498.
 Стобеусъ, чиновн. мин. вн. дѣлъ, 246.
 Стожновскій, волог. губернат., 1857 г., 7.
 Строгановъ, бар., Алсд. Григор., тн. сов., 1737 г., 293.
 Строгановъ, гр., Серг. Гряг., ген.-адъют.,

бывш. попечит. московс. учебн. окр., 1837 г., 16, 202, 204, 204, 296, 563.
 Строевъ, П. М., писатель-археогр., 286.
 Струве, астровомъ, 353.
 Стрѣльскій, (Третьяковъ) артистъ, 609.
 Студекинъ, Гавр. Ильичъ. Сообщ. замѣтку: «Высылка изъ Россіи членовъ Общества свивей въ 1824 г.», 298—299.
 Студитскій, Ф., ссылка на его изд. дѣтской книги, 307, 309.
 Суворовъ-Рыминскій, кн. Италійскій, Алсд. Аркадiev., ген.-адъют., 68, 92.
 Суворовъ-Рыминскій, кн., Алсд. Вас., генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г., 547, 630.
 Сухинъ, генер., комендантъ Петропавловс. крѣпости, 1824 г., 298.
 Сулима, генер., началв. русс. отряда въ Литвѣ, 1831 г., 552—557.
 Сухоцкій, Александръ, протоіерей. Сооб. статью: «Г. П. Павскій и митрополитъ Филаретъ», 479—486.
 Сухоруковъ, Василій, сотн. довс. полка, 1836 г., 437—444, 452, 453.
 Сыровъ, Алсд. Никл., композит., р. 1820 † 1871 г., 247, 253, 264—280, 569.
 Сврялова; Анна Александр., рожд. Гаврялова, † 1873 г., 308.
 Свряковъ, Лаврентій Авксент., анад., граверь на деревѣ, р. 1824 † 1881 г. Жизнь и произведенія его, 307—324; упом. 569, 570.

Таннеръ, Филиппъ, франц. живопис.-маринистъ, 1835 г., 411.
 Тарновскій, Вас. Вас., чл. черныговс. Комит. по крест. дѣл., 1858 г., 29.
 Татарковъ, Александръ, 1831 г., 198, 200.
 Татищевъ, гр., Никл. Алексѣев., военн. мн-рь, 1825 г., 393.
 Тергузасовъ, Арсась Артемьевичъ, генер., 1878 г., 419, 420.
 Тиллчевъ, владимірс. губернат., 1857 г., 405.
 Тимановскій, А., бывш. оренбур. губернт. прокуроръ. Ссылка на статью его: «Оренбургскіе пожары, 1879 г.», 487—492.
 Тиммъ, художн., 635.

Тихобразовъ, художн., 646.
Толль, гр., Карлъ Федор., ген.-адъют.,
 начальн. штаба арміи, 1829 г., р. 1777
 † 1842 г., 397.
Тологой, гр., 1727 г., 169.
Толстой, гр., Алексѣй Конст., писатель,
 † ... 119.
Толстой, гр., Д. И., калужс. губернат.,
 1858 г., 5.
Толстой, гр., Ив. Матв., 1839 г., 106, 640.
Толстой, гр. Левъ Никол., писат., 119.
Толстой, гр., Петръ Алексн., ген. отъ
 инф., слб. военн. губернат., 1803 г.,
 чрезвыч. посолъ въ Парижъ, 1807 г.,
 р. 1761 † 1844 г., 547—568.
Толстой, гр., Ф. А., собиратель памят-
 никовъ древней письменности, р. 1758
 † 1849 г., 189, 192.
Толстой, гр., Фед. Петр., тн. сов., вице-
 презид. акад. худож., медальеръ, р.
 1783 † 1873 г., 569.
Томашевскій, 1831 г., 565.
Торсонъ, Конст. Петр., капнт.-лейте-
 вантъ, декабристъ, † 1851 г., 353, 354.
Толлебенъ, Эдуардъ Ив., подполковн.,
 1854 г., нынѣ ген.-адъют., графъ, 213.
Треповъ, Фед. Фед., варшавс. ген.-по-
 лицмейст., 1863 г., вполсѣд. слб. градо-
 начальникъ, нынѣ ген.-адъют., 532—540.
Трегьяковъ, Кузьма Васил., арт. мо-
 сковс. театр., 603—609.
Трегьяковъ (Стрѣльскій) 1880 г., ар-
 тистъ, 609.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-
 прокур. и генер.-фельдмарш., р. 1700
 † 1768 г., 294.
Тургеневъ, Алсд. Ив., писатель, 187—
 206, 300—306.
Тургеневъ, Андрей Ив., 191.
Тургеневъ, Ив. Петр., директ. московс.
 унив., 1796 г., 202, 204.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., 98.
Тургеневъ, Сергѣй Ив., † 1827 г., 189,
 192, 196.
Тучковъ, Алсд. Алсд., генер., р. 1777
 † 1812 г., 548.
Тыраковъ, художн., 646.

Убри, тн. сов., русс. послапн., 1839 г., 106.
Уваровъ, гр., Серг. Семенов., мнръ на-
 родн. просв., 606, 611
Унжовскій, тверс. губернс. предвол.
 дворянс., 1857 г., 14.
Урусовъ, кн., 1831 г., 549.
Утинъ, бывшій откупщикъ, 648.
Уткинъ, 1843 г., 252.

Фаленбергъ, Петръ Ив., подполковн.
 генеральн. штаба, декабристъ, 330,
 362—368.
Фаминцынъ, композиторъ, музык. ре-
 цензентъ, 281.
Фелинскій, Сигизмундъ, архіеп. варшавс.,
 1863 г., 542.
Фессольтъ, проф. слб. духовн. акад.,
 1826 г., р. 1756 † 1839 г., 190, 193.
Филаретъ, патріархъ московскій, 80.
Филаретъ, митропол. Києвс., 1835 г.,
 481—486.
Филаретъ, [Дроздовъ] митропол. московс.,
 1852 г., 192, 193, 258—260, 479—486, 569.
Филиповъ, П. Н., 33.
Фогель, М., чиновникъ, 1824 г., 298.
Фольбертъ, настоятель, 1837 г., 159.
Фонъ-Визина, Наталья Дмитр., рожд.
 Апухтина, во втор. зам. Пущина, 530.
Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писат., р. 1744
 † 1792 г., 530.
Фонъ-Визинъ, Мих. Алсдр., отставн. ген.-
 маіоръ, декабр., † 1854 г. Рассказы: одно
 изъ воспомн. его молодости, 503—529.
Фонъ-дербъ-Палентъ, гр., команд. 2-го
 корп. русс. арміи, 1828 г., вполсѣдст.
 рижс. военн. генер.-губернат., 1830 г.,
 385, 386, 550—555.
Франковскій, студ. слб. унив., начальн.,
 Кинжалъщиковъ, 1863 г., 166.
Фредериксъ, бар., Александръ Алсдр.
 Сообщ. замѣтку: «Бароны П. А. Фре-
 дериксъ и П. И. Фредериксъ», 326.
Фредериксъ, бар., Александръ Андре-
 вичъ, 326.
Фредериксъ, бар., Пав. Ив., ямбургс.
 предводит. дворянс., 1854 г., 326.
Фредериксъ, бар., Петръ Андр., коман-
 д. лб.-гв. московс. полка, 1825 г., 326.

Фредерикъ, ген.-майоръ, помощн. варшавс. об.-полицейск., 1863 г., 584, 589.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, кор. прусс., р. 1770+1840 г., 374—395, 494, 495, 547.
Фроловъ, Алсд. Филиппов., поруч., декабристъ, 364, 368.
Фроловъ, Григ. Ив., 1845 г., 246.

Халибовъ, житель Нахичевани, 419.
Хилковъ, кн., 1831 г., 550—557.
Хладовскій, начальн. польс. отряда, 1831 г., 556, 557.
Хованскій, начальникъ стрѣльцовъ, 1682 г., 82.
Храповицкій, литовскій воен. губернат., 1831 г., 550, 557, 558, 568.
Храповъ, см. **Пожалостинъ**.
Храповъ, Егоръ Петр., 1850 г., 571—593.
Хрептовичъ, гр-ня, Елисаб. Карловна, рожд. гр-ня Нессельроде, 1831 г., р. 1813 г., 198, 200.
Хрептовичъ, гр., Мих. Иринѣев., 1831 г., 200.
Хремаковскій, начальн. польс. отряда, 1831 г., 553, 564.

Цихъ, проф. кiev. унв., 202, 203.
Цыганскій, виленскій католич. еписк., 496, 497.
Цыцишевскій, епископъ Виленс. и Подольскій, 1826 г., 190, 193.

Чемадуровъ, А. И., самарс. губернс. предводит. дворянс., 1857 г., 8.
Черкасскій, кн., Владм. Алесд., чл. тульс. комит. по крест. дѣл., 1858 г., 29.
Черневичъ, намѣстн. Бѣлорусскаго края, 660.
Чернышевскій, Никл. Гаврилов., студ. слб. унв., 1848 г., 42.
Чернышевъ, кн., Алсд. Ив., ген.-адъют. военн., мн-рь, р. 1786 + 1852 г., 310, 381—397, 550,—555, 566.
Чернышевъ, художн., 646.

Шамилъ, имаъмъ Чечни и Дагестана, + 1871 г., 462—472, 496.
Шарлеманъ, А., профес. художн., 323.
Шаховская, княгиня, 1857 г., 406.

Шаховской, кн., Алсд. Алсд. драмат. писат., р. 1777 + 1846 г., 157.
Шевыревъ, Степ. Петр., проф. московс. унв., 204, 286.
Шиллингъ, Фед. Ив., директ. рязанс. гимназии, 1853 г., 577, 584—587.
Шильдеръ, скрипачъ-любит., 1848 г., 638.
Шиповъ, Никл. Никол., бывшій крѣпостной крестьянинъ. Сообщ. «Исторія моея жизни» 1802—1862 г., 133—148, 221—240; 437—478; 665—678.
Ширмакъ, ген.-лейт., 1831 г., 551, 552.
Шифнеръ, ученый, филологъ, 252.
Шихматовъ, кн., П. А., 1826 г., 191.
Шихутова, Анна Ив., рожд. Конова-лова, 334.
Шихутовскій, минусинскій исправн., 334.
Шиховъ, Алсд. Семенов., адмир., мн-рь народн. просв., писат., р. 1754 + 1841 г., 191, 193, 483—485.
Шлецеръ, проф., ученый, 193.
Шмидтъ, аптекаръ, участникъ польс. возстанія, 1863 г., 166.
Шнейдеръ, проф., 1840 г., 250, 279.
Шнерингъ, воспитат. въ Учил. Правов., 275, 276.
Шпакъ, В. М., художн., 315—318, 324.
Штамельбергъ, бар., 1844 г., 243.
Штаменштейдеръ, архит., 1835 г., 285.
Штекгардтъ, преподават. въ Училищѣ Правовѣд., 1848 г., 251.
Шубертъ, генер., 1848 г., 638.
Шуваловъ, гр., Петръ Павл., губерн. предвод. дворянс. и предсѣдат. слб-го комитета по крест. дѣл., 1857 г., 32, 402, 640.
Шумахеръ, чинов. мин-ва вн. дѣл., 1857 г., нншъ сенаторъ, 402, 404, 403.

Щедринъ, художн., 646.
Щепицъ-Ростовскій, князь, Дмитрій Алесдр., штб. капит. 16-го московс. полка, декабристъ, + 1859 г., 326.
Щепицъ, А., арт.-скрипачъ, 601, 620, 621.
Щепицъ, П. М., артистъ, 1833 г., 603.
Щепицъ, Мих. Семенов., арт. московс. театр., + 1863 г., 615—618.

Щербатовъ, кн., Мих. Мих., сенат. и исторіографъ, р. 1733 + 1790 г., 290.

Щербатовъ, кн., офиц. конн. гвардіи, 1830 г., 634.

Эйлеръ, 1831 г., 562—565.

Эмельнъ, генер., 1831 г., 551.

Экертъ, Павелъ, 1868 г., 166.

Эмилій, принцъ Гессенскій, р. 1783 г., 106, 107.

Энгель, генер., 1831 г., 553.

Эрасси, художн., 646.

Эристовъ, кн., 604, 605.

Эссауловъ, Андрей Петр., арт., ка-пельмейст., 1833 г., 602, 603, 606.

Юстъ, Н. М., полковн., 1880 г., 428.

Якимовъ, Никл. Мих., поэтъ, р. 1803 + 1846 г., 156.

Якубовичъ, профес. кіевск. универ., 1834 г., 203.

Янковскій, начальн. польскаго отряда, 1831 г., 563.

Федоровъ, Борисъ Мих., писат., 1827 г., †...., 188, 191, 202.

Федоровъ, †...., астрономъ, 353.

Федоровъ, начальн. ряжск. окружн. правленія, 1850 г., 575—577.

Федоровъ, восп-къ Учили. Правовѣд., 257.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1881 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

- стр.
- I. Воспоминанія Александра Петровича Бѣлаева: пережитое и перечувствованное съ 1803 года. Главы XIV—XV . . . . . 327—370
— Замѣтка къ „Запискамъ А. П. Бѣлаева“: Дейбнеръ, 1826 г.
Сообщ. Гр. Г. Ниродъ 182
- II. Воспоминанія г. Е. М.—на изъ дальнихъ лѣтъ, съ 1824 года. Сообщ. Я. М. Невѣровъ . . . . . 149—160
- III. Записки кн. Николая Алексѣевича Орлова:
1. Мысли о расколѣ.—Посвящено и представлено императору Александру Николаевичу, 1858 г. 2. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, 1861 г. . . . . 75—102
- IV. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ въ царствованіе императора Александра II. Главы III—IV: Нижегородскій и московскій адресъ и рескриптъ.—Дворянскія совѣщанія.—Дополнительныя отношенія къ рескриптамъ . . . . . 1—32
- V. Записки войска Донскаго генераль-маіора Александра Ефимовича Попова, 1854—1856 гг. . . . . 207—220

- VI. Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ, 1836—1843 гг. Воспоминанія В. В. Стасова. (Окончаніе) 247—282
- VII. Записки Ильи Васильевича Селиванова. (Окончаніе). 531—546
- VIII. Записки сельскаго священника. Гл. LXVI—LXVIII. (Окончаніе) . . . . . 53—74
- IX. Исторія моей жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Николая Никол. Шипова, 1802—1862 г. 133—148; 221—240; 437—478 и 665—678

Исслѣдованіе и историко-біографическій очеркъ.

- I. Канцелярія Конфискаціи, 1729—1780 гг. Очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ. Состав. профессоръ И. Е. Андреевскій. . . . . 167—186
- II. Императрица Марія Александровна. По поводу первой годовщины дня ея кончины: очеркъ жизнеописанія 1824—1880 гг. . . . . 103—132

Переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

- I. Иванъ Михайловичъ Булгаковъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, Елисаветы и Екатерины II, 1737, 1751 и 1785 гг.—Проектъ прошенія съ изложеніемъ событій въ жизни просителя и многолѣтней тяжбы объ его имѣніяхъ. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ . . . . . 289—297
- II. Языкъ любви сто лѣтъ назадъ. Выдержки изъ писемъ одной дамы къ кн. Г. А. Потемкину-Таврическому, 1774 г. 498—502
- III. Инструкція о воспитаніи сто лѣтъ тому назадъ, 1775 г. Сообщ. С. П. Писаревъ . . . . . 655—664

Царствованіе Александра I.

- I. Разсказъ декабриста М. А. фонъ-Визина, 1807 г. Одно изъ воспоминаній моей молодости . . . . . 508—530
- II. Высылка изъ Россіи членовъ «Общества свиней» въ 1824 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ . . . . . 298—299

Царствованіе Николая I.

стр.

- I. Императоръ Николай Павловичъ.—Письма его къ графу П. А. Толстому, 1828—1831 гг. . . . . 547—568
- II. Императоръ Николай Павловичъ—между двумя войнами. Эпизодъ изъ его царствованія 1830 г. . . . . 371—400
- III. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій † 2 мая 1881 г. Два письма его къ императору Николаю Павловичу, изъ Лондона въ 1836 году . . . . . 493—495
- IV. Графъ А. X. Бенкендорфъ и епископъ Цвинскій, 1839 г. Разказъ. Сообщ. Анатолій Есаковъ . . . . . 496—497
- V. Николай Алексѣевичъ Милютинъ:
1. Письма его къ Василю Алексѣвичу Лонгинову, 1844—1845 гг. Сообщ. Аркадій В. Лонгиновъ . . . . . 241—246
2. Письма его къ женѣ и министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому въ 1857 г. . . . . 401—410
- VI. Князь М. С. Воронцовъ и кн. А. И. Барятинскій. Замятка на статью Д. И. Романовскаго. Сообщ. И. О. Золотаревъ . . . . . 495—496
- VII. Князь Михаилъ Дмитриевичъ Горчаковъ. Замятка профессора Н. В. Берга. . . . . 163—165
- VIII. Графъ Федоръ Федоровичъ Бергъ. Замятка Н. В. Берга. . . . . 165—166
- IX. Бароны П. А. Фредериксъ и П. И. Фредериксъ. Замятка. Сообщ. Баронъ А. А. Фредериксъ. 326
- X. Николай Ивановичъ Пироговъ, 1810 г. Замятка къ статьѣ профессора-доктора I. В. Бертенсона. Сообщ. Н. П. Розановъ 498

Царствованіе Александра II.

- I. Оренбургскіе пожары въ 1879 г. Замятка къ очерку г. А. Тимановскаго. Сообщ. А. М. Пустоваловъ . . . . . 487—492
- II. Знаменательныя числа. Сообщ. Г. А. Корово 325
- III. «Голось Правды». Стихотвореніе Кіевскаго (псевдонимъ). Сообщ. Кн. П. П. Демидовъ Санъ-Донато. . . . . 161—162

Исторія русской литературы.

- СТР.
- I. Герасимъ Петровичъ Павскій и митрополить Филаретъ.
I. Очеркъ. Сообщ. Александръ Сулоцкій . . . 479—486
- II. Александръ Ивановичъ Тургеневъ:
I. Письма его къ Б. С. Сербиновичу, 1827—1845 гг.
Сообщ. въ 1871 г. Конст. Степ. Сербиновичъ . 187—206
II. Примѣчанія къ письмамъ А. И. Тургенева 1827 —
1845 гг. Сообщ. Н. П. Барсуковъ. . . . . 187—206
III. Стихотвореніе «Портретъ». Перепечатано изъ «Литер.
Газеты» по указанію А. Н. Пыпина . . . . . 300—306
- III. Иванъ Андреевичъ Крыловъ:
I. Кто написалъ басню «Конь». Статья Н. О. Круже. 623—632
- IV. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и П. В. Нащокинъ.
I. Очерки и воспоминанія. Сообщ. Н. И. Куликовъ.
(Окончаніе). . . . . 599—622
- V. Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій, † 28 янв. 1881 г.
I. Воспоминанія А. П. Милюкова. (Окончаніе) . . 33 - 52

Къ исторіи художествъ и русскіе художники.

- I. Фѣдоръ Фѣдоровичъ Львовъ, д. ст. сов., архитекторъ,
художникъ-пейзажистъ.
I. Общество поощренія художниковъ 1850—1862 гг. Очеркъ
изъ воспоминаній . . . . . 633—654
- II. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, профес.
живописи:
I. Воспоминанія о его художественной дѣятельности. Гла-
вы XVI—XXI: 1878—1881 . . . . . 411—436
- III. Фѣдоръ Григорьевичъ Солдцевъ; проф. живописи:
I. Собраніе неиздан. его рисунковъ-акварелей, 1881 г.
283—288

стр.

- IV. Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ, граверъ на деревѣ, академикъ, р. 1824 † 2 янв. 1881 г.
I. Жизнь и произведенія его: Очеркъ. Составилъ и сообщ. Н. П. Собко. (Окончаніе) . . . . . 307—324
- V. Иванъ Петровичъ Пожалостинъ, Почетный вольный общникъ академіи художествъ, академикъ, граверъ на мѣди, р. 1837 г.
I. Моя жизнь и художественные труды. Главы I—IV. 569—598

Портреты.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлеманъ, рисоваль К. О. Брожь, гравироваль Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную вивьетку).
- II. Портретъ Цесаревны и Великой Княгини Маріи Александровны, [въ Бозѣ почивающая Императрица], р. 1824 † 1880 г. Геліографическій снимокъ исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.
(См. стр. 8).
- III. Портретъ Академика гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова. Гравироваль по фотографіи художникъ И. И. Матюшинъ, ученикъ Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 167).
- I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. (См. въ приложеніи къ книгамъ V—VIII, стр. 149—405).
- I. Поправки и опечатки . . . . . 444 и VI
- II. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXI томѣ „Русской Старины“ изд. 1881 года . . . стр. 1—36
- III. Систематическое оглавленіе XXXI-го тома „Русской Старины“ изд. 1881 года . . . . . I—VI

Вибліографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, кн. А. И. Васильчикова. Сиб. 1881 г. въ 8 д. стр. 161. (На оберткѣ 5-й книги «Русской Старины» 1881 г.)
2. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ, собранныхъ княземъ Н. Н. Голицынымъ. Корректурное изданіе—печа-

- тано въ числѣ 200 экзempl., не предназначенныхъ для продажи. Кіевъ. 1880. въ большую 4 д. III+228 (Тамъ-же).
3. Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями. Я. Грота. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Т. VIII. Съ портретомъ, рисунками и снимкомъ. Спб. 1880. 1043. (На оберткѣ 6-й кв. «Русской Старины» 1881 г.)
  4. Письма Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II, изд. по поруч. Импер. русс. истор. общ. Я. Гротомъ. Спб. 1880. 439 стр. (Тамъ-же).
  5. Сборникъ московскаго главнаго архива мнѣ. иностр. дѣлъ. Выш. I. Изд. Комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ. М. 1880. 211 стр. (Тамъ-же).
  6. Архивъ князя Вяземскаго. Изданіе гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1881. 369 стр. Ц. 2 р. (На оберткѣ 8-й книги «Русской Старины»).
  7. Описаніе рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Черниговской духовной семинаріи. Составилъ М. И. Лилеевъ. Спб. 1880. 215. Ц. 2 р. (Тамъ-же).
  8. Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787. (Москва). Спб. 1881. Изд. книжн. магазина «Новаго Времени». Ц. 2 р. (Тамъ-же).
  9. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцева. Харьковъ. 1881. Ц. 1 р. 30 к. (Тамъ-же).
  10. Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Исслѣдов. В. И. Семевского. Т. I. Спб. 1881. 504. Ц. 3 р. (Тамъ-же).
  11. Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. I—III выпуски. Подъ редак. В. С. Иконникова. Кіевъ. 1890—1891 гг. (Тамъ-же).

Опечатки въ XXXI-мъ томѣ «Русской Старины».

			напечатано:	читай:
на стр.	9-й строка	6 сверху	Покровскаго	Ковровскаго уѣзда
»	8-й	» 12 снизу	Д. И. Гавриловъ	Д. Н. Гавриловъ
»	»	» 8 »	С. П. Богдановъ	С. Н. Богдановъ
г. Киржачъ.			Сообщ. М. Промудричъ-Горскій.	

Май.	стр. 12	2-я строка	сверху	неудовольствіи	неудовольствіи
»	101	3-я	» снизу	стемы наказаній	системы наказаній
»	109	14-я	» сверху	свою	свою
»	111	16-я	»	судило иначе	судило иначе
»	111	9-я	» снизу	пѣти лѣтъ	пяти лѣтъ
»	115	9-я	»	осущественію	осуществленію
»	121	9-я	»	физическимъ	физическомъ
»	124	3-я	»	Государани	Государини
Іюнь	» 171	вверху		1829—1780 г.	1729—1780 г.
»	173	»		1829—1780 г.	1729—1780 г.
»	175	»		1829—1780 г.	1729—1780 г.
»	244	6-я строка	снизу	мѣсяца	мѣсяца
Августъ	» 516	6-я	» сверху	какъ мучилъ	такъ мучилъ.

8. Всталъ въ семь. Одѣвшись, твердилъ рѣчь для отвѣту академическому корпусу художествъ. Потомъ учился съ отцомъ Платономъ. Въ одиннадцать часовъ пришелъ Бецкой и принесъ всѣ книги учрежденія академическаго, привелъ всѣхъ профессоровъ и всѣхъ чиновныхъ въ Академіи Художествъ; говорилъ самъ Его Высочеству краткую рѣчь, благодарственную, что Его Высочество похотѣлъ у нихъ быть сочленомъ. По окончаніи рѣчи отвѣтствовалъ Его Высочество своею рѣчью, а секретарь Академіи поднесъ потомъ Его Высочеству жетонъ, которой у меня и хранится.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ Талмзинъ и Платонъ только обѣдали. Въ обѣдъ пришелъ Сумарковъ и сѣлъ. Говорилъ много о своей обѣдѣ. Послѣ обѣда учился Его Высочество.

Потомъ пошли въ садъ и ходили по большому и по среднему садамъ. Тамъ ужинали и спать. Государыня сегодня на охоту съ соколами позволила ѣздить.

9. Всталъ въ семь часовъ. За чаемъ шутилъ со мною кое о чемъ. Все я принимаю, что онъ *plus dissipé*. За убираемъ волосовъ считалъ, сколько онъ верстъ на своемъ вѣку переѣздилъ. Потомъ заупрямился вѣсколько. Поморализировалъ я, что не весьма было приятно. Одѣвшись учился. Потомъ въ билиардъ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Талмзинъ и Салдернъ. Говорили о здѣшнихъ воспитательныхъ училищахъ.

Послѣ обѣда поѣхали мы водою на Каменной Островъ. Его Высочество и мы, въ баржѣ, куда прежде лошади были переправлены. Верхомъ тамъ ѣздили и все осматривали. Оттуда водою жъ поѣхали. На Малой Невѣ рыбаки рыбу ловили, тянули тоню. Пристали мы и велѣли тянуть тоню; на счастье Его Высочества вытянули они большую лосось. Цесаревичъ пожаловалъ имъ имперіалъ. Приѣхавши домой, сѣли мы ужинать и потомъ спать.

10. Воскресенье. Всталъ въ осьмомъ. Одѣвшись, съ отцомъ Платономъ. Въ церковь. Къ себѣ. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ приходилъ прощаться. Въ бытность въ Красномъ Селѣ пожалованъ онъ на мѣсто покойнаго Куркина въ Москву сенаторомъ и камеръ-коллегии президентомъ. Потомъ полковникъ Каменскій представлялъ своего полку капитановъ, чтобъ доказать, что они всѣ ребята изрядные; а онъ на сихъ дняхъ выговаривалъ, будто оные очень плохи. Сѣли за столъ. Великой Князь съ крайнимъ удовольствіемъ кушалъ вчерашнюю лосось.

Обѣдали у насъ молодой Минихъ, вице-канцлеръ, Тепловъ и Салдернъ. Говорили, какъ покойной государь въ Парижѣ былъ. О Биронѣ, о Бутурлинѣ и прочіе анекдоты; также анекдоты царства Анны Ивановны, кои и послѣ стола продолжались. Шуты на ящикахъ сидѣли, куры Богу молились въ образной. Тирательства ея правленія.

Потомъ рѣзвился Великой Князь въ билиардной. Въ вечеру на куртагъ. Государыня въ пикетъ. Великой Князь разговаривалъ по большей части въ диванной съ Петромъ Салтыковымъ. Передъ куртагомъ представлялъ графъ Чернышевъ Его Высочеству приѣхавшихъ изъ вояжа четырехъ нашихъ морскихъ офицеровъ, коихъ Его Высочество на куртагѣ представлялъ Государынѣ. Въ десятомъ часу куртагъ кончился. Пришедъ къ себѣ играли мы въ билиардной. Потомъ ужинать и спать.

11. Всталъ въ семь. Одѣвшись учился. Потомъ въ билиардъ, и шашки какъ кулы разстанивалъ. *Sehr kindisch* и *dissipé*. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ отецъ Платонъ и гр. Андрей Алексѣичъ Бестужевъ. Послѣ обѣда рѣзвился В. Кн., со штандартомъ бѣгалъ (въ поясу привязалъ коклюшки). Учился у меня взрядно. Пришолъ Никита Ив. Пошли къ Государынѣ. Оттуда за Ея

Величествомъ на карусель. Тамъ ѣздили дамы и потомъ мужчины. Государыня въ мужскомъ платьѣ, мундиръ пѣхотной гвардіи гродетуровой. Государыня изволила ѣздить, такъ какъ шефъ Славянской кадрили. Только платья ни у кого еще не было, потому что это только пробы. Гр. Григорій Григорьевичъ былъ тутъ же въ колясочкѣ. Уже болѣе недѣли, какъ онъ въ ней всюду по двору и по садамъ разѣзжается. Ушибъ онъ себѣ ногу, скакавши въ маленькомъ саду черезъ канаву. Часу въ десятомъ все кончилось. Лучше всѣхъ ѣздили, какъ мнѣ показалось, гр. Алексій Григорьевичъ Орловъ и кн. Иванъ Шаховской, лейбъ-кирасирскаго полку подполковникъ, что со мной были въ корпусѣ. Пришедъ домой, побранилъ Никита Ивановичъ гораздо Великаго Князя за его бѣшенство и кривлянье. Все головою внизъ мотаешь. Отужинавши, положили мы его почивать. Былъ десятой въ половинѣ.

12. Всталъ въ семь часовъ. Учился. На бильярдѣ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григ. и Салдернъ. Говорили во большей части про агременты жизни въ чужихъ краяхъ, про загородной дворъ графа Зах. Гр. и проч. Послѣ обѣда перешелъ Великій Князь въ свой кирасирской вице-мундиръ. Учился. Поѣхали верхомъ гулять въ Катерингофъ. Не доѣзжая туды, увидѣли Захара и Ивана Григоричей въ строящемся домѣ. Тутъ сошли съ лошадей. Ходили по двору и смотрѣли, какъ землю возили. Пошелъ дожидчекъ. Сѣли мы въ кареты и поѣхали домой. Ужинать и спать.

13. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Потомъ въ бильярдѣ играть изволилъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузь. За столомъ разговаривали объ опіумѣ и его дѣйствіяхъ, также о вѣтвахъ, кои собственно каждая земля имѣеть.

Говорили о нашихъ шахъ, о студени, о ботвиннѣ, о грибахъ разнаго роду.

Послѣ обѣда каталъ Его Высочество шары на бильярду. Потомъ сѣлъ за свои ученія. Г. Эпинусъ толковалъ ему теорію о цѣнтахъ. Я началъ сего дня съ Его Высочествомъ геометрію въ томъ намѣреніи, чтобъ онъ узналъ дефиниціи геометрическихъ и начертаніе фигуръ, пока окончатъ ариметику. А потомъ начну съ нимъ порядочно геометрію съ доказательствами, утверждая все по его состоянію и охотѣ. Въ то время, какъ слушалъ Государь сегодня моихъ лекцій, былъ жестокой громъ и пресильной дождь. Его Высочество робѣлъ нѣсколько, и спрашивалъ меня, думаю ли я, чтобъ севодни страшной судъ могъ случиться?

Часу въ седьмомъ, какъ прошли уже тучи, изволила прислать Ея Величество камергера графа Николая Александровича Головина, звать Его Высочество къ себѣ, играть въ беранъ. Сказалъ я о семъ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу. Пришелъ онъ къ Цесаревичу, и пошли къ Государынѣ. Пулю Ея Величество и Никита Ивановичъ по поламъ раздѣлили. Въ девятомъ часу возвратился Его Высочество къ себѣ. Тотчасъ послали за кушаньемъ. Послѣ ужины Государь въ половинѣ десятаго часу легъ опочивать. Въ одиннадцатъ часовъ сдѣлался опять сильный громъ. Просыпался Его Высочество, и съ полчаса не могъ заснуть.

14. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмаго часу. За чаемъ рассуждалъ я съ нимъ о вчерашнемъ громѣ. Во время обуванья, былъ у насъ разговоръ, въ какихъ случаяхъ подчиненной можетъ и долженъ повиноваться своему вышнему. Одѣвшись, забавлялся Великій Князь, разставляя и катая по столу шашки, вмѣсто кавалеріи и инфантеріи. Потомъ сѣлъ учиться. Послѣ ученья, въ бильярдѣ играть изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ сегодня только г. Салдернъ.

Послѣ обѣда учился Его Высочество не весьма охотно. Не могу изобразить я, какъ внутренно терзаюсь, когда въ немъ такую легкость и отвращеніе отъ полезныхъ знаній примѣчаю. Сверхъ того и то неприятно, когда человѣкъ съ усердіемъ и съ неусыпными трудами наилучшее и наилучшее изъ нужныхъ учений выбирая предложить старается, а учащійся нимало къ тому не прилбляясь, совсѣмъ въ дѣло не входитъ и о мельчайшихъ бездѣлкахъ мѣжду тѣмъ помышляетъ. Но чего въ такихъ нѣжныхъ глѣтахъ переменить или по крайней мѣрѣ поправить нельзя? Я самъ передъ собою извинюсь, что отступилъ въ краткой сей рефлексіи, разгораясь нѣсколько. Послѣ ученья ходили мы на половину къ Государынѣ. Ея Величество въ домъ играть изволила съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ майоромъ гвардіи Семеновскаго полку князь Матвѣемъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ. Его Высочество у стола того, гдѣ игра была, стоять изволилъ, и разговаривать. Побывъ тамъ съ часъ времени, изволилъ возвратиться въ свои покои. Съли мы ужинать. Я не веселъ будучи, по большой части отмалчивался, и за столомъ почти ни до какихъ разговоровъ, кои бы разговорами назвать было можно, не доходило. Въ половинѣ десятаго легъ Государь опочивать.

15. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученья въ биліардъ играть изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ.

Послѣ обѣда позабавясь, Его Высочество учился. Послѣ ученья, на половину къ Ея Величеству ходить изволилъ. Пришедъ оттуда, съли ужинать. Опочивать изволилъ легъ Государь въ половинѣ десятаго часу.

16. Государь Цесаревичъ изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, упражнялся въ обыкновенныхъ своихъ ученьяхъ. Послѣ ученья, въ биліардной комнатѣ забавляться изволилъ, попрыгивая кругомъ съ масомъ, которой представлялъ штандаръ.

За обѣдомъ изъ постороннихъ былъ у насъ тайной совѣтникъ гр. Минихъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ и г. Салдернъ. Григорій Николаевичъ между прочимъ рассказывалъ, какъ онъ при покойномъ Императорѣ Петрѣ III подъ караулъ былъ вадъ, какъ изъ подъ онаго свободился и какъ его допрашивали.

Послѣ обѣда, позабавясь, упражнялся Его Высочество въ своихъ ученьяхъ, кои сегодни темъ не весьма быстро. Скажемъ, что они величаво шествовали, повеже говорится о такой особѣ, какъ Его Высочество. Послѣ ученья изволила Великой Князь играть у себя въ бѣлланъ. Потомъ съли мы ужинать. Послѣ ужина Его Высочество скоро опочивать легъ; было минутъ двадцать десятаго часу.

17. Воскресенье. Одѣвшись, читалъ Его Высочество съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтить въ церковь, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Послѣ обѣда, возвратился Государь Великой Князь за Ея Величествомъ во внутренніе покои: оттуда къ себѣ пойтить изволилъ. Пришелъ къ намъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ и Его Сіятельство гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. Читали новонапечатанной журналъ о бывшихъ прошлаго мѣсяца подъ Краснымъ Селомъ военныхъ движеніяхъ. Журналъ сочиненъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Волковымъ.

Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ, камеръ-юнкеръ Александръ Федоровичъ Талызинъ и полковникъ Иванъ Ивановичъ Кропотковъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ уѣхалъ. Петръ

XII*

Ивановичъ разсуждалъ о военномъ дѣлѣ, и во всемъ его разговорѣ видно было, что онъ до военного искусства великой охотникъ и знатокъ въ ономъ и что старался войти во всѣ его подробности; также что присвояетъ великое достоинство и отличное почтеніе сей профессіи, что она, по справедливости, того заслуживаетъ. Чтò почтеннѣе и величественнѣе быть можетъ, какъ прошедъ чрезъ безчисленныя опасности ради славы и спасенія своего отечества, обращающа одушевленною военною громадою неизсчислимыми образами и видами по общпрному военному искусству, разсылая всѣми свято принимаемые законы свои, среди шумнаго оружія и потоковъ лиющей крови, возвращаться наконецъ торжественно въ свои предѣлы, и видѣть радостными слезами обливающихся своихъ кровныхъ, и всѣхъ согражданъ благодарностію пылающихъ и объятыхъ особымъ тѣмъ восторгомъ, какой героическія дѣла въ другихъ раждають?... Послѣ сего разговаривалъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ нѣсколько сатирически о установленныхъ здѣсь Комиссіяхъ, изъ коихъ многіе учреждены съ самаго вступленія на престолъ Ея Величества, а до нынѣ еще не начинались.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество играть въ билиардъ. Куртагу севодни не было. Его Высочество изволилъ поѣхать часу въ шестомъ верхомъ въ Катерингофъ. Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ и Александръ Федорычъ Талызинъ съ нами же ѣздили. Въ Катерингофѣ и ужиналъ Государь Цесаревичъ. Кухня напередъ послана была. До ужина ходили мы за дворцомъ по берегу гулять, и много рѣзвились: прыгали черезъ сѣнную копну, прыгать изволилъ, и на дерево лазили. И Его Высочество на копну прыгать изволилъ, и очень доволенъ былъ, что до того допустилъ Его Никита Ивановичъ. Послѣ ужина, часу въ одиннадцатомъ, поѣхали мы изъ Катерингофа верхами жъ. Переѣхавши уже каменный мостъ, Его Превосходитель-

ство Никита Ивановичъ посадилъ Великаго Князя въ карету. Приѣхавши тотчасъ изволилъ Его Высочество радѣться и лечь опочивать. Было одиннадцать часовъ.

18. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, изволилъ для забавы своей чертить карандашомъ планъ лагерю, и располагать по своей диспозиціи войско. Потомъ изволилъ сѣсть за обыкновенныя свои учения. Послѣ ученья, въ билиардъ играть изволилъ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Александръ Федорычъ Талызинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ разсуждать о здѣшней Академіи Художествъ и вообще о заведеніи здѣсь училищъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество играть въ билиардъ. Потомъ сѣлъ учиться. У меня учился изрядно. Часу въ шестомъ пошли мы на половину къ Ея Величеству. Она изволила отѣзжать сего дня въ Ораніенбаумъ. Его Высочество, простясь съ Государынею и проводя Ея Величество съвозъ покон графа Григорія Григорьевича до маленькаго мосту, что у царьдмискаго лугу, изволилъ пойтить гулять по саду. Съ Государынею въ карету сѣли графиня Прасковья Александровна Брюсша и Анна Никитишна Нарышкина. Его Высочество садомъ изволилъ пойтить на Невскій берегъ, (и смотрѣть какъ мостятъ берегъ) и бутать между свай динимъ камнемъ. Оттуда изволилъ Государь пойтить на карусель. Сегодня ѣздили въ приготовленномъ на лугу для онаго экзерцированія мѣстѣ. Оттуда изволилъ Его Высочество по мостику, что подлѣ деревянной манежи, пойтить въ третей садъ и въ свои покои. Въ девятомъ часу изволилъ сѣсть за столъ; въ половинѣ десятаго легъ опочивать.

19. Его Высочество встать изволилъ въ восемь часовъ. Сѣли мы чай пить

Примѣта я, что у Его Высочества по-синѣли губы и въ лицѣ онъ былъ блѣденъ, спрашивалъ у него не можетъ ли? Но изволилъ говорить, что здоровъ. Съ-полчаши чаю выкушавши, признался мнѣ, что у него очень голова болитъ, и что ему тошно. велѣлъ я положить его въ постелю, и послалъ за лейбъ-медикомъ. Между тѣмъ нѣсколько вырвало Великаго Князя, стало ему полегче, и заочивалъ онъ. Какъ проснуться изволилъ, то гораздо стало полегче. Одѣлся онъ какъ обыкновенно, и за большимъ столомъ еушалъ. Не учился однакожъ сегодня. Послѣ полудни часу въ седьмомъ пошли гулять въ садъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ съ нами жъ; ходили на Невской берегъ, и Иванъ Ивановичъ Бецкой показывалъ тутъ работы, кои подъ его надираниемъ производятся. Вечеру лейбъ-медикъ давалъ Его Высочеству порошокъ какой-та. Послѣ ужины заочивалъ Государь часу въ десятomъ.

20. Его Высочество проснулся часу въ пятomъ. Вырвало его. Послали за лейбъ-медикомъ, которой пріѣхавши далъ Его Высочеству слабительное. Кушалъ Государь одинъ за маленькимъ столикомъ. Кушанье все было легкое. Весь сей день препроводилъ Его Высочество въ забавахъ; ученія не было. Выходить такожъ ни куды сего дня не изволилъ; опочивать легъ въ десятomъ часу.

21. Государь Великой Князь проснуться изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Послѣ ученія долго смотрѣтъ изволилъ, какъ шелковые черви работы свои производили. Ящичекъ съ оними червями, отыканной шелковичными деревьями, принесъ вчерась Его Высочеству Иванъ Ивановичъ Бецкой. Послѣ сего изволилъ Его Высочество играть въ бильярдъ.

Потомъ сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ, Але-

ксандръ Федоровичъ Талызинъ и дежурной Конной Гвардіи майоръ князь Петръ Яковлевичъ Голицынъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ между прочимъ о несчастьи на родъ Голицыныхъ, во владѣніе Императрицы Анны Іоанновны. Потомъ разговаривали о Конной Гвардіи, какъ она началась и кто каковъ нзъ офицеровъ были. Его Превосходительство Никита Ивановичъ служилъ прежде самъ въ Конной Гвардіи.

Послѣ обѣда, сѣлъ Его Высочество переодѣваться. Изволилъ надѣтъ еягирской колетъ, и обуться въ сапоги. Потомъ сѣлъ учиться. Ученія не весьма хорошо шли сегодня. Вечеру поѣхали мы верхомъ на Васильевской островъ, и ѣздили къ самому взморью. Берегъ тамъ очень острей, и мы въ воду далеко ѣздили. Его Высочеству также Никита Ивановичъ дозволилъ на нѣсколько шаговъ туда въѣхать, что его несказанно веселило. Назадъ верхами жъ мы ѣхали; хотя варты и были въ запасъ, однако Его Высочеству сѣсть не хотѣлось. Пріѣхали мы часу въ одиннадцатомъ. Какъ у дворца разставленные часовые окликали Его Высочество, етъ и деть? то онъ изволилъ отъѣзжаться: придворной. Покушавши, изволилъ Государь опочивать лечь, было одиннадцать часовъ.

22. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Какъ изволилъ отучиться, пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и пошли мы въ маленькой верхній садъ, что подлѣ покоевъ Ея Величества. Тамъ Его Высочество забавлялся, разгребалъ землю граблями, и взрывалъ серебочкомъ. Онѣ грабли и скребокъ нарочно сдѣланы для Ея Величества: сверху обшиты бархатомъ. Между симъ временемъ поставили у насъ на столъ кушанье.

Изволилъ Его Высочество пойтить въ свои покои, и сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ

Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ и г. Салдернъ. Графъ сказывалъ, между прочимъ, что онъ нашелъ въ журналѣ Государя Петра Великаго, что онъ не далеко отъ Царя-града былъ, то есть въ Керчи, многобито. Говора о предпріятіяхъ сего Государя, сказывалъ графъ Иванъ Григорьевичъ съ нѣкоторымъ восклицаніемъ, и слезы на глазахъ имѣя: «это истинно Богъ былъ на земли, во времена отцевъ нашихъ.» Для многихъ прочихъ (причинъ) несказанно радъ я былъ оному восклицанію. Наконецъ разговорился о кунаньяхъ, какія встарину въ походы съ собою возивали. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказывалъ о тогдашнемъ пирогѣ, которой волобовымъ называли, какъ его приуготовляли, и какъ вкусна была полюбоба, когда кусокъ такова волобова въ нее положить.

Послѣ стола забавлялся нѣсколько, изволивъ Его Высочество сѣсть учиться. Вечеру пришло Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Между прочими разговорами сказывалъ Его Превосходительство о томъ штатскомъ колодникѣ, коего содержали во время Людвига XIV во Франціи, въ желѣзной маскѣ. Содержаніе ему весьма было изобильное, и никто тогда не зналъ и гдѣ подлинно не вѣдаетъ, ктѣ таковъ былъ оной колодникъ. Между тѣмъ сказывалъ Его Превосходительство свои на то догадки. Его Высочество столько любопытствъ былъ знать объ ономъ, что сказалъ: я бы на это время хотѣлъ быть королемъ французскимъ, чтобы узнать этотъ секретъ. Между тѣмъ пріѣхалъ Его Превосходительство Иванъ Перфильичъ Елагинъ изъ Петергофа. Сказывалъ, что Ея Величество приказать уже изволила подвозить кареты, какъ онъ поѣхалъ оттуда. При томъ рассказывалъ Иванъ Перфильичъ, какъ препровождали время за городомъ, и какъ веселились. Въ Петергофѣ купались всѣ въ бассейнѣ, что въ Монплезирѣ, также и въ море отъ берегу далеко ходили, и иные по горло въ водѣ были. Надобно знать, что

всѣ въ платьяхъ были. Государыня сама изволила начать оную забаву; ей послѣдовали дамы, о коихъ я выше упомянулъ, что вмѣстѣ были, и всѣ въ свитѣ бывшіе кавалеры. День былъ чрезвычайно жаркой. Фельдмаршалъ гр. Петръ Семёновичъ Салтыковъ тутъ же купался, и фуфтыга-богатырь былъ вымоченъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ дамъ были въ свитѣ Ея Величества двѣ фрейлины Панина и Штакельбергша. Часу въ осьмомъ изволила прибыть и Ея Величество. Его Высочество изволивъ тотчасъ пойтти на ту половину, и встрѣтить Государыню въ Ея покояхъ. Побывъ тамъ не долго, возвратился къ себѣ. Сѣли мы за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ съ нами жъ за столомъ сидѣть изволивъ. Сказывалъ онъ между прочимъ, что въ Давіи нѣкогда случилось, что какъ король былъ на смотрѣ новозобрѣтенныхъ нѣвакихъ чужестранцомъ огнестрѣльныхъ орудій, и пошелъ съ онымъ изобрѣтателемъ въ магазинъ, гдѣ лежали заряды, имѣя за собою только двухъ пажей, то вдругъ оной магазинъ взорвало. Пажи бѣжали всѣ въ огнѣ; изъ коней одинъ на дорогѣ и задохся. Долго не знали, гдѣ король, и весь народъ въ отчаяніи сбѣжался къ магазину; но вдругъ король совсѣмъ невредимъ вышелъ. Сіе не чудо какое, но такъ счастливо сошло съ рукъ Его Величеству. Рассказывалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и о другихъ сего рода приключеніяхъ, бывшихъ въ Швеціи. Вставши изъ за стола, пошелъ Его Превосходительство къ себѣ, а Его Высочество изволивъ пойтти раздѣваться. Былъ въ исходѣ десятой часъ.

23. Его Высочество встать изволивъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ учения въ бильярдъ играть изволивъ. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ возвратился съ половины отъ Ея Величества, куда онъ обыкновенно каждое утро съ дѣлами ходитъ, то предлагалъ ему

Его Высочество, чтобы ѣхать сегодня водою подъ Невской монастырь на рыбную ловлю. Никетъ Ивановичу не досужно было; а жь примолвить къ тому, что сегодня холодно, и эта экспедиція отъезжена. Прогнѣвался на меня за то Государь Цесаревичъ, и долго поглядывалъ очень угрюмо.

Сѣли мы обѣдать. За столомъ Его Высочество но насердывалъ все старался мнѣ въ словахъ противорѣчить. Обѣдали у насъ сегодня Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, Его Сіятельство вице-канцлеръ, молодой графъ Минихъ и Григорій Николаичъ Тепловъ. Между многими разговорами на-примѣтнѣйшіе были: 1) о приключеніи съ нашимъ министромъ въ Мадридѣ, графомъ Петромъ Александровичемъ Бутурлинымъ, которое разглашено по газетамъ, и является ложнымъ. 2) Какъ презрительнъ и имъ къ чему не способенъ человекъ, который профессію себѣ изъ игры сдѣлаетъ, и совсѣмъ ей предается. 3) Что великому человеку свойственно не устращаться смерти, гдѣ она необходима; что напротивъ того искать смертныхъ опасностей есть дѣло безразсудной дерзости. О семъ пунктѣ говорилъ по большой части Петръ Ивановичъ Панинъ. 4) О правахъ министра. 5) О здѣшней коммерціи. Не могу я прервать, чтобъ не войти здѣсь въ то-которому подробность о благородныхъ сентиментахъ Его Превосходительства Никеты Ивановича, кои являлъ онъ сегодня въ разговорахъ своихъ. Онъ говорилъ и утверждалъ, (что) министру почти не можетъ быть никакой нужды вмѣсто правды говорить ложь; что иногда надобно скрыть правду ради общей пользы, а для того нѣтъ необходимости лжи и обману выдумывать. Притворства (и мошенничества называлъ Его Превосходительство) «маленькими средствами и слабыми убѣдителями весьма маленькаго духа». О себѣ Его Превосходительство увѣрялъ по чести, что въ двадцать лѣтъ, обращая дѣла министерскія,

никогда не случалось ему говорить ложь вмѣсто правды, а что совсѣмъ тѣмъ сказать не можетъ, чтобы въ дѣлахъ своихъ имѣлъ онъ мало уснѣху. Еще врасужденіи дѣлъ общихъ не такъ показывалъ себя чрезвычайно строгимъ Его Превосходительство въ семъ пунктѣ, какъ врасужденіи дѣлъ партитулярныхъ. Въ сихъ совсѣмъ отвергалъ онъ притворъ и обману. Говорилъ, что прямо великаго и благороднаго человека дѣло истреблять и потушить вредительныя свои склонности, а не притворять ихъ старателью притворствомъ, которое никогда такъ велико не бывало и быть не можетъ, чтобы не могло быть прониннуто. Коль бы благополучно было сообщество, если бы много было согражданъ съ такими благородными и великими мыслями!

Послѣ стола козаваясь, Его Высочество изволилъ съѣсть за свои учения. У меня сегодня хорошо учился. Послѣ ученья, игралъ Его Высочество въ биліардъ, и ставилъ по столу шаши, съ своими особыми воображеніями и прижѣчаніями. У Никеты Ивановича сегодня ввечеру была Комиссія. Были Его Сіятельство вице-канцлеръ, графъ Минихъ и Тепловъ. По окончаніи оной Комиссіи, пошли мы на лугъ смотрѣть карусели. Возвратясь оттуда, изволилъ Его Высочество скоро съѣсть за столъ. Отужнявши, легъ оnochивать; былъ десятой часъ въ половинѣ.

24. (Воскресеніе). Государь изволилъ встать въ седьмомъ часу. За чаемъ показывалъ я ему квартирмейстерскую цѣпь съ дудочкой. Дугъ въ нее Его Высочество, и какъ свистѣлся не очень хорошо, то изволилъ сказать онъ: Нѣтъ, дурно што-то свиститца, знать не бывать мнѣ квартирмейстеромъ. Тутъ вспомнилось мнѣ разсказать Его Высочеству, какъ блаженный памяти предѣдъ его Государь Петръ Великой, выѣзжалъ на встрѣчу гѣлу Святаго Князя Александра Невскаго: гребли кавалеры, и самъ Государь управлялъ на кормѣ.

Пересказавъ я такожъ Его Высочеству, что о самъ написано въ рѣчи покойнаго Ломоносова, похвальной Государю Петру Великому. Тамъ такъ написано: „чульное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и въ простыхъ людей труду простираетъ помазанныя руки свои, въри ради. Первое его веселіе былъ домъ Господень“ и проч. Разговорились мы такожъ о бывшей подѣ Краснымъ селомъ генеральной баталіи, и дѣлали сравненіе между оною и настоящимъ баталіею. Во время убирания волосовъ, читалъ Его Высочество комедію „Ecossaïse“. Также представлялъ я ему подпоручика Полянского, съ коимъ изволилъ онъ разговаривать. Одѣвшись, разставлятъ изволилъ шашки въ ордеръ баталіи, по столу въ желтой комнатѣ. Приѣхалъ Его Прекодобіе Отецъ Платонъ. Съ нимъ читалъ Его Высочество Священное Писаніе. Я поѣхалъ одѣваться. Въ двѣнадцатомъ часу Его Высочество принявъ рапорты, какъ обыкновенно, отъ господъ флагмановъ, изволилъ пойтить въ церковь, гдѣ и Ея Величество присутствовала. Послѣ обѣдни возвратился Его Высочество за Государынею въ покои Ея Величества, и потомъ скоро въ себѣ. Сегодня по утру данъ Александровской орденъ прусскому министру графу Сольмсу, которой объявлялъ Ея Величеству, что Наслѣдной Прусской Принцъ Фридрихъ Вильгельмъ сочетается бракомъ съ Принцессою Брауншвейгскою.

Пришедъ къ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть за столъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьевичъ и Иванъ Григорьевичъ Чернышовы и г. Салдернъ. Вечеру былъ сегодня куртагъ. Ходилъ туда Его Высочество, и изволилъ стоять по большей части подлѣ Ея Величества. Государыня, какъ обыкновенно, въ пикетъ играть изволила. Куртагъ кончился въ половинѣ девятаго часу. Пришедъ въ свои покои, изволилъ Его Высочество скоро сѣсть за столъ. Опочивать изволилъ лечь, было три четверти десятаго часу.

25. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенными свои ученія. По окончаніи оныхъ въ билиардъ играть изволилъ. Пришолъ съ половини отъ Ея Величества Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и представлялъ Его Высочеству маркиза Конфлана, которой, бывши долгое время здѣсь, отъѣзжаетъ нынѣ смотрѣть собираемаго полъ Бреславлемъ лагеря войскъ Его Величества короля прусскаго. Во время военныхъ движеній подѣ Краснымъ селомъ былъ госп. Конфланъ въ корпусѣ Его Превосходительства Петра Ивановича Панина волонтеромъ. О госп. Конфланѣ весьма разное здѣсь думаютъ: нѣмцы съ удивленіемъ на него смотрятъ, и образцомъ себѣ ставятъ; другіе напротивъ того излишне его уничтожаютъ. Я хотя коротко его не знаю, однако сколько могъ всмотрѣться, кажется онъ мнѣ вотъ каковъ: остроты имѣетъ довольно; въ многословіи ни чѣмъ не уступитъ самому болтливейшему своему согражданину; знанія имѣетъ, но весьма посредственныя; свѣтское обхожденіе знаетъ, и изъ многихъ, другому не безтрудныхъ бы, случаевъ вывернуться можетъ. Обширности духа и великихъ дарованій, — кто знаетъ, что такое обширность духа и великія дарованія, — въ немъ конечно не смѣетъ. Впрочемъ, что касается до общества, то онъ въ немъ поправиться и надобнымъ себя сдѣлать можетъ. Французскому народу сію честь отдать должно, что онъ почти генерально имѣетъ оное достоинство. Удивительно какъ иногда неправо судятъ о людяхъ. Да можно, перестанетъ быть удивительно, какъ разсмотришь, каковы тѣ. кои судятъ. И никто такъ не упоренъ и не страненъ въ своихъ мнѣніяхъ, какъ невѣжа и чедовѣкъ посредственной. Какъ же я далеко отошелъ отъ своего повѣствованія!...

Въ началѣ втораго часу сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ, голштинской генерал-майоръ Польманъ и Карлъ Федоровичъ

Брузъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказывалъ, между прочимъ, за столомъ о Наслѣдномъ Принцѣ шведскомъ, что онъ на пятнадцатомъ году своего возраста окончилъ уже всѣ назначенныя для него ученія; что на одиннадцатомъ году экзаменованъ былъ въ математикѣ, въ исторіи и въ географіи; что часа три стоялъ какъ его спрашивали; что какъ послѣ сѣлъ за столъ кушать самъ-другъ съ своимъ гофмейстеромъ, и сей его спрашивалъ, не прикажетъ ли привести музыкантовъ, что Его Высочество утомился, и тѣмъ поразвеселиться можетъ, то Принцъ отвѣчалъ ему, что онъ музыки слушать не хочетъ, а чтобъ для увеселенія заставилъ онъ кого въ слухъ читать Волгерову Генріаду. Нашъ Его Высочество, Государь Цесаревичъ, во время сей повѣсти сидѣлъ смиренненько, и какъ называется ни кукнулъ. Мнѣ весьма приятно было, что Никита Ивановичъ сказалъ сію сказочку, которая Великому Князю весьма послужитъ можетъ побужденіемъ въ наукахъ. Я не преминулъ послѣ еще повторить ее Государю Цесаревичу, съ своими кое какими комментаріями.

Послѣ обѣда учился у меня Его Высочество очень хорошо, что я нѣкоторымъ образомъ дѣйствіемъ оной сказочки приписываю. Отучась, изволилъ Его Высочество играть въ бильярдъ. Потомъ пошли на карусель. Ея Величество ѣздить сегодня не изволила. Изволила быть въ дамскомъ платьѣ. Съ карусели ¹⁾ черезъ

¹⁾ Карусель (le carrousel) есть, какъ полагаютъ, италіанское слово carovello отъ carro — колесница: значить собственно ѣзда въ кругъ, увеселеніе и искусство на-скану попадать въ цѣль, ловить конемъ повѣщенное въ вышній кольцо и т. п. Для удачи въ этомъ нужны живость и неторопливость: соревнованіе, костюмировка, общая веселость служатъ приправой игрищу. Въ Европѣ, съ успѣхами мира, рыцарскіе турниры смѣнились каруселями, потѣхой не столь воинственной: въ нихъ

третьей садъ возвратился Его Высочество за Государынею-родительницею во внутренніе Ея Величества покои. Оттуда скоро къ себѣ изволилъ прійти, и сѣсть кушать. Послѣ ужины, въ половинѣ десятаго часу, легъ опочивать.

26. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Потомъ въ бильярдъ играть изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, которой между прочимъ рассказывалъ, какъ его покойной Государь Императоръ Петръ III подъ караулъ велѣлъ взять, и какъ онъ былъ допрашиванъ и содержанъ.

Послѣ обѣда учился Его Высочество какъ обыкновенно, и потомъ забавлялся въ комнатахъ своихъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ ѣздилъ сегодня на Выборгскую сторону, смотрѣть дѣйствія разныхъ артиллерійскихъ орудій. Въ Военной Комиссіи у господъ генераловъ сдѣлался споръ, какія изъ тѣхъ орудій преимущественнѣе, которыя удержать и которыя отмѣнить совсѣмъ изъ артиллеріи. Для сей причины и сдѣлано было сегодня сравненіе, а какимъ образомъ, то изъ приложенной здѣсь записки видѣть можно ¹⁾. Государь Цесаревичъ, покушавши, опочивать сего дня легъ въ четверть десятаго часу.

27. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седмага часу. Одѣвшись сѣлъ за свои ученія. Какъ учился Богословіи у Отца Платона, то пришло Никита Ивановичъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ и съ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Никита Ивановичъ,

приняла участіе дамы. Съ тѣхъ поръ и говорится: вскружить голову.

Прим. изд. 1844 г.

¹⁾ Шуваловская гоубица, полушудовой единорогъ и 12-ти фунтовая пушка, сравненныя 1765 году Юля 26 дня.

побывши не долго, пошелъ отъ двѣнадцати въ Государьмнѣ, а графъ Григорій Григорьевичъ и Иванъ Перфильевичъ остались и слушали, какъ Его Превосходіе Государя Цесаревича изъ Богословія спрашивалъ, и какъ онъ ему отвѣтствовалъ. Послѣ сего рассказывалъ графъ Григорій Григорьевичъ о дѣйствіи вчерашнихъ орудій, и доказывалъ рапортъ, поданный ему отъ Артиллеріи генераль-маіора Миллера, которой рапортъ выпросилъ я у него списать. Это та записка, которую я при вчерашнемъ днѣ приложилъ здѣсь. Послѣ ученія изволилъ Его Высочество играть въ биліардъ. Сего утра прислалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ къ Его Высочеству книжку „описаніе и изображеніе всѣхъ здѣшнихъ мундировъ“. Оной книжкѣ весьма радъ былъ Его Высочество. Перебравъ ее разъ десять. Напоследокъ вѣдумакося еще ему загадывать обо всѣхъ своего

штата и о себѣ тутъ же, кому чѣмъ быть, разгнѣвая наугадъ одну книжку. Не могу я обо всѣхъ припомнить, кому чѣмъ досталось. То помню только, что Его Высочеству досталось быть полковникомъ при провантѣ, а Никитѣ Ивановичу бригадиромъ отъ кавалеріи. Сего идеею долго Его Высочество сегодня увеселялся.

Обли потомъ за столъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, г. Салдернъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и князь Петръ Васильевичъ Хованской, которой призванъ былъ, чтобъ ѣхать сегодня на Каменной островъ, осмотрѣть его и находящееся тамъ строеніе. Но сегодня во весь день очень дождливо было, и ѣзда не состоялась. За обѣдомъ разговаривали о строеніи, какъ дорого око здѣсь во времена Петра Великаго становилось, и какъ нынѣ становится. Говорили при семъ и о заведеніи Петербурга. Графъ Иванъ

Орудія стояли горизонт.	Разстояніе до мишеніи.	Вѣсъ пороха.	Число осьми готовыхъ пуль къ картелю.	Въ штѣ найдено пуль.	Ширина въ штѣ найденныхъ пуль.
Шувалова гоубица	150 саж.	4 фун.	120	48	12 саж.
	100 —	4 —	120	39	14 —
Вѣсу въ ней 35 пудъ. Отдало при выстрѣлѣ на 5 шаговъ.			240	87	
12-ти фун. пушка:	150 саж.	4 фун.	120	29	14 саж.
	100 —	4 —	120	53	15 —
Вѣсу въ ней 80 пудъ. Отдало на 2 $\frac{1}{2}$ шага.			240	82	
Единорогъ полупудовой:	150 саж.	4 фун.	120	45	14 саж.
	100 —	4 —	120	39	17 —
Вѣсу въ немъ 30 пудъ. Отдало при выстрѣлѣ на 5 шаговъ			240	84	

Григорьевичъ сказывалъ о журналѣ Государя Петра Великаго, и о нѣкоторыхъ оттуда подробностяхъ. Между прочимъ вотъ что сказывалъ: передъ замиреніемъ со Шведами, извѣстно, что галерной флотъ нашъ ходилъ къ берегамъ шведскимъ. Случилось проходить въ шхерахъ мимо одного острова, опаснымъ весьма мѣстомъ. Привели къ Государю Петру Великому тутошняго крестьянина, о коемъ сказывали, что онъ многократно въ тѣхъ мѣстахъ каживалъ. Государь спрашивалъ его, каживалъ ли онъ тутъ, знаетъ ли мѣста и можетъ ли провести флотъ его? Мужикъ говорилъ, что каживалъ и мѣста знаетъ, что авось-либо и проведетъ, а точно на себя взять этого не можетъ. Государь сказалъ ему: такъ подижь и проводи меня. Ежели проведешь, я награжу тебя, и ты благополученъ будешь. Естли же со флотомъ моимъ сдѣлается какое несчастье, то велю тебя повѣсить. Провелъ мужикъ. Государь пожаловалъ ему весь тотъ островъ, мимо коего обходили, въ вѣчное и потомственное владѣніе. И нынѣ наслѣдники онаго крестьянина на семь островѣ господствуютъ. Государь говорилъ послѣ, что естлибы, общія мужику награжденіе, и не погрозилъ ему при томъ, въ такомъ случаѣ, когда не проведетъ флоту, тобъ могъ онъ разорить весь флотъ его. Сегодня жъ свѣдалъ я, что Васильевской островъ названъ по имени Василія Корчмина, морскаго офицера, которой добровольно обшелъ мимо онаго острова самъ-другъ на лодкѣ, когда шведской флотъ стоялъ въ устьяхъ Невскихъ, и привезъ Государю извѣстіе о положеніи онаго флоту.

Послѣ обѣда, позабавясь, учился Его Высочество. Со мною ученія шли порядно. Вечеру ходили мы на половину къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ ломберъ съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ. Его Высочество, постоявъ

тутъ и поговора нѣсколько съ Государыней-родительницею, изволилъ съестъ за другимъ столомъ играть въ берданъ. Играли Его Высочество, графиня Марья Андреевна Руманцова, фрейлины де-журниа Хитрова и княжна Меншикова, Никита Ивановичъ и графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. Окончивъ туръ изволила Ея Величество пойтать къ придворной пристани, и сѣвши въ шлюпку, ѣхать прогуливаться по Невѣ рѣкѣ. Его Высочество, проведя Государыню до пристани, изволилъ пройти въ садъ. Съ ея Величествомъ сѣли графиня Марья Андреевна, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. За Его Высочествомъ въ садъ пошелъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, принцъ Карлъ курляндской, вице-канцлеръ, молодой состарѣвшійся графъ Минихъ, сенаторъ князь Козловской, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ и еще кое-кто. Петръ Ивановичъ разсуждалъ о вчерашнихъ дѣйствіяхъ артиллеріи, и утвердъ преимущество старой предъ нововозобрутенными гоубицами Шуваловскими, говорилъ: „удивительно, какъ Шуваловскія гоубицы во время Петра Ивановича Шувалова были хороши и сильны, нынѣ такъ обезсилѣли. Многихъ произвели онѣ въ чины великіе, кон, забывъ совѣсть и присягу, неустыдился перевозоситъ ихъ, опровергая старую артиллерію; объявляли то, публично и подписались, что старая артиллерія предъ новою не годится, въ то время какъ жестокая война происходила, и долгъ смя отечества заставлялъ думать только о спасеніи онаго. Возли старую артиллерію переливать изъ арміи въ Россію; изъ Россіи новую возли къ арміи, тогда какъ недостатокъ въ лошадахъ былъ возить провіантъ для содержанія войска и многое число больныхъ и раненныхъ. Я не желаю онимъ людямъ, кон себя толь низкими и клятвопреступными оказали, никакого несчастія, хотя они по справедливости достойны быть перевѣшаны;

однако по крайней мѣрѣ желалъ бы, чтобы о немъ инакъ ихъ обнаружено было, дабы вѣдали, сколько на ихъ вѣрность, влѣтву и праводушіе положиться можно и проч". По такому разговору, прозвонному твердымъ и необыкновеннымъ голосомъ, представлялося мнѣ, что вижу предъ собою въ Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ имянитаго нѣвоого изъ тѣхъ мужей, коихъ великимъ и отиѣннымъ дарованіямъ, описаннымъ Плутархомъ, толь много имъ дивимся. Какъ возвращалися мы съ гулянья, то свита Его Высочества все мало по малу убавлялася; всякой отходилъ во-своисп, такъ что какъ пришли на крыльцо, то около Его Высочества очутились все свои только. Пришедъ въ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. Послѣ стола сего вечера прекрасная была сцена. У Его Высочества зашелъ споръ о наукахъ съ княземъ Куракиннмъ. Не помню, написалъ ли я гдѣ о Куракинѣ, что онъ живеть у Никиты Ивановича, и почти каждой день у Его Высочества и обѣдаетъ и ужинаеть. Кажется мнѣ, что объ этомъ написано, однако точно не увѣряюсь, и для того теперь удомянулъ о томъ. Куракинъ спрашивалъ его изъ логики. Его Высочество отвѣчалъ, что онъ логики не знаетъ. Спрашивалъ съ своей стороны Куракина изъ геометріи и изъ астрономіи. Куракинъ говорилъ, что онъ сихъ наукъ не знаетъ. Нанослѣдоемъ согласился они о исторіи п о географіи, о которой сказали, что оба знаютъ сего. По многимъ одинъ другому вопросамъ, положили, чтобы одинъ задалъ три вопроса, и другой три вопроса, и отвѣтами бы на сіи вопросы рѣшить о знаніи ихъ въ исторіи и въ географіи. Тимофей Ивановичъ Остервальдъ и я были медиаторами и старались умѣрять ихъ жаръ, до коего въ спорахъ очень часто у нихъ доходило. Что касается до тѣхъ трехъ вопросовъ, то Его Высочество на одинъ только вопросъ Куракину не могъ отвѣтствовать, а Куракинъ на всѣ три не отвѣтствовалъ; и такъ остался побѣжденнымъ. По-

бѣдитель съ крайней радостью пошелъ въ опочивальню, и вмѣсто лавроваго вѣнца, надѣвши спальную шапочку и колпакъ, изволилъ съ великимъ удовольствіемъ лечь въ постелю: было десять часовъ.

28. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмага часу. За чаемъ разговаривалъ я съ его Высочествомъ о числѣ здѣшняго войска, и сказывалъ ему, какъ оно содержится, сколько на него исходить, и сколько какихъ полковъ положено по штату. Во время обуванья, изволилъ Государь Цесаревичъ твердить урокъ свой изъ Богословіи по моему побужденію, для того что я былъ порукою, что онъ его изволить выучить. За убираньемъ волосовъ, изволилъ смотрѣть присланную вчерась мундирную книжку. Приказывая камердинеру подать ее себѣ, изволилъ сказать: подай-ка мнѣ вонъ этотъ курсъ философіи. Одѣвшись, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. Послѣ ученья, въ бильярдъ играть изволилъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только камеръ-юнкеръ Талызинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у испанскаго министра виконта Герейриа. Забылъ я давеча сказать, что вчерашней исторической и географической непріятель опять наступалъ на насъ сего утра, и Его Высочество принужденъ былъ ретироваться.

Послѣ обѣда часу въ шестомъ пріѣхалъ Никита Ивановичъ, и побѣхали мы въ баржѣ на Каменной островъ. Изъ постороннихъ былъ съ нами только князь Хованской. Сперва объѣхали мы весь островъ кругомъ. Объѣзжая, встрѣтили противъ Каменнаго Носу Ея Величество. Она изволила ѣхать въ Алексѣю Петровичу Мельгунову на Мишинъ островъ. Тамъ приготовлена была псовая охота. Приставъ къ Каменному острову, изволилъ Его Высочество войти въ покои. Тутъ побывъ не долго, пошелъ въ садъ и

бѣгали въ запуски. Государь Великой Князь также бѣгать изволилъ. Никита Ивановичъ между тѣмъ взявъ съ собою князя Хованскаго, изволилъ смотрѣть строенія. Какъ возвратился къ намъ, то пошли мы дагѣ въ рощу. Тамъ по авѣринцу и по огородамъ похода, пришли опять въ покой. Ходя по болотистымъ и морскимъ мѣстамъ, Его Высочество и мы всѣ очень выгрязлились и вымочились. Не противно то было Великому Князю. Съ полчаса планъ Каменнаго острова Никита Ивановичъ разсматривалъ. Потомъ сѣвши въ баржу, переѣхали мы поперегъ на Петербургскую сторону, гдѣ дожидались каретъ. Въ каретахъ изволилъ Его Высочество возвратиться во дворецъ. Сѣли мы ужинать. Послѣ ужина изволилъ Его Высочество скоро лечь опочивать; былъ одиннадцатой часъ въ исходѣ.

29. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученья, въ бильярдъ играть изволилъ.

Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ и графы Захаръ Григорьевичъ и Иванъ Григорьевичъ Чернышovy. Разговаривали по большей части о ѣздѣ Ея Величества на Ладожской каналъ. Положено, чтобы на сихъ дняхъ туда ѣхать. Говорили также и о ѣздѣ въ Астрахань. Ея Величество положить изволила, чтобы будущаго 1767 года туды ѣхать по Волгѣ водою, и для того указала сію рѣку вымѣрять и заготовлять суда.

Послѣ кушанья позабавясь, изволилъ Его Высочество учиться. Ввечеру съ Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ и съ братцомъ его Петромъ Ивановичемъ изволилъ Великой Князь играть въ бильярдъ, по червонному партія, и проигралъ. Въ десятомъ часу изволилъ сѣсть за столъ; въ полдесята легъ опочивать.

30. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ на столѣ устанавливать шапки съ особыми своими воображеніями и диспозиціями.

Сѣли мы за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у брата своего Петра Ивановича, и послѣ смотрѣлъ Тобольскаго полеу, (полковникъ Каровъ), которой учился подъ Вологодскою Ямскою. Изъ постороннихъ за столомъ никого у насъ не было. Его Высочество сегодня былъ въ сатирическомъ духѣ и надъ многими изъ насъ насмѣхался. Шутки по большей части были дѣтскія, а насмѣшки слышанныя прожде между нами-жъ самими. Какого я объ оныхъ мнѣнія, это я про себя оставлю. Одну только рѣчь Его Высочества за столомъ сегодня не могу я пройтить въ молчаніи, для того что она значить остроу его. Говорилъ я съ маленькимъ княземъ Куракинымъ тихонько. Его Высочеству захотѣлось вѣдать, что мы говоримъ. Изволилъ онъ меня спрашивать, дозволю-ли я, чтобы князь Куракинъ пересказалъ ему то, что мы говорили; и какъ я отвѣтствовать, что нѣтъ тутъ никакой тайности, и что Куракинъ пересказать можетъ, то просилъ онъ его, чтобы пересказалъ ему. Въ разговорѣ нашемъ упоминалося о хлѣбѣ, сырѣ и маслѣ. Куракинъ, не объясня Ею Высочеству точно, съ чего разговоръ нашъ зачался, вдругъ поторопясь такъ началъ: „Ваше Высочество, хлѣбъ, сыръ и масло“. Его Высочество, тотчасъ перехвата, изволилъ сказать ему: князь Александръ Борисычъ! тарелка, ножикъ и вилка. Ясно-ли это? Подумай же, каково мнѣ отвѣтъ твой ясенъ.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество играть въ бильярдъ. Потомъ изволилъ учиться. У меня изрядно учился. Ввечеру въ бильярдъ же играть изволилъ. Потомъ читалъ книжку „Раузанне рагвепие“. Послѣ ужина забавлялся Его Высочество,

передражничал князя Куракина, какъ бы онъ сталъ чиниться и важничать, если бы онъ со временемъ былъ канцлеромъ; какъ бы сталъ ходить, нахмуриваться и какими говорить голосомъ. Надобно нѣсколько знать и дѣтя наше Александру Куракина, чтобы это позорище яснѣе себѣ представить. Въ полдесята часа изволилъ Его Высочество лечь опочивать.

31. Воскресенье. Его Высочество проснулись изволилъ въ шесть часовъ. Какъ одѣлся, приехалъ къ нему графъ Григорій Григорьевичъ, и былъ съ часъ. Разговаривали, чему Его Высочество учится, и шутили, кое о чемъ. Часу въ одиннадцатомъ изволилъ Его Высочество отъ морскихъ господъ флагмановъ принимать рапорты, съ коими они обыкновенно по воскреснымъ днямъ прѣзжаютъ. По прочтеніи съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ главы изъ Священнаго Писанія, изволилъ пойти въ церковь, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Ея Величество изволила выйти сего дня нѣсколько ранѣе обыкновеннаго. Не было передъ нею ни одного камергера, ни камеръ-юнкера: одинъ только былъ оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, да позади Государыни двѣ дежурныя фрейлины, Вѣра Николаевна Чоглокова и графиня Наталья Кирилловна Разумовская. Ея Величество очень гнѣвалась на оберъ-камергера, что никого нѣтъ изъ придворныхъ. Графъ Петръ Борисовичъ объявилъ послѣ о томъ съ выговоромъ господамъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, что великое между ими движеніе сдѣлало. Во время обѣда долго объ этомъ перешептывались. Изъ церкви Государыня изволила возвратиться въ свои покои, и Государь Великой Князь за Ея Величествомъ. Ея Величество, вошедъ въ ту комнату, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды, изволила, какъ обыкновенно, жаловать къ рукѣмъ господъ министровъ и всѣхъ чужестранныхъ, кто по знатнѣе. Остановясь и поговорила тутъ нѣсколько,

изволила пройтись во внутренніе свои покои, куда и Его Высочество съ своимъ штатомъ, нашею братіею, и всѣ тѣ, которымъ входъ туда дозволенъ, послѣдовали. Тамъ Ея Величество, жалую, какъ обыкновенно, всѣхъ, кои вошли за нею, къ рукѣмъ, изволила сказать смѣючись, жалую къ рукѣмъ придворныхъ своихъ камергеровъ: не изволите-ли послушать со вниманьемъ, что вамъ оберъ-камергеръ говорить будетъ; онъ не знаю о чемъ-то говорить съ вами хочетъ. Какъ ея Величество изволила ретироваться за свою опочивальню, то изволилъ и Его Высочество пойти къ себѣ.

Обѣдали у насъ Его Сиктельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ и г. Салдернъ. Разныя были разсужденія, въ конкъ, между прочимъ, кстати привести случилось графу Ивану Григорьевичу стихъ изъ Волтеровоу Генриадъ:

Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier.

Я съ-умыслу выше сказалъ, что разныя были разсужденія, потому что между разсужденіями и разсказами великую полагаю я разность. Въ половину стола пришли съ той половины графъ Петръ Григорьевичъ Чернышовъ и Петръ Ивановичъ Панинъ. Говорили о послѣдней прусской войнѣ и о журналахъ, кои въ то время выходили. Отселъ зашла рѣчь и о занискахъ Турена и другихъ военачальниковъ.

Послѣ обѣда собирався Его Высочество къ выѣзду верхомъ, переобулся съ великимъ поспѣшеніемъ въ сапоги и съ нетерпѣливостію ождалъ лошадей. Пришли лошади. Его Высочество посла за посломъ отправлялъ къ Никитѣ Ивановичу, провѣдывать, чтѣ онъ дѣлаетъ? Иной сказывалъ, что чай пьетъ: иной, что обуаеся; иной, что шпагу надѣваетъ. Пришолъ наконецъ Никита Ивановичъ, и сказалъ, что выѣзду не будетъ, для того что на дворѣ очень пасмурно было, и шелъ небольшой дождикъ. Приказалъ Его Высочеству опять переобуться

въ башмаки. C'étoit un coup de foudre rouge nous! Навернулись и слезки у Великаго Князя. Его Превосходительство, примѣта то, выговаривалъ ему. Я послѣ кое какъ уговорилъ Его Высочество, что онъ успокоился. Переодѣвшись, изволилъ играть въ билиардъ. Пришло опять Никита Ивановичъ, и пошли мы къ Государниѣ. Ея Величество изволила играть въ ломберъ съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ и съ генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ. За другимъ столомъ въ ломберъ же играли гр. Захаръ Григорьевичъ, генералъ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ и оберъ-прокуроръ гр. Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ. Прочіе стояли. Его Высочество изволилъ сѣсть играть въ берланъ. Играли съ нимъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, двѣ дежурныя фрейлины, италіейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Оллицъ и камергеръ кн. Сергій Михайловичъ Голицынъ. Какъ игры окончились и всѣ встали, изволила Ея Величество смотрѣть миниатюрной портретъ гр. Ѳедора Григорьевича Орлова, которой очень искусно и схоже написанъ живописцемъ Датчанномъ. Потомъ многіе смотрѣли оной портретъ; и въ моихъ рукахъ онъ былъ. Разговоръ тутъ зашолъ, кто какъ проворенъ и у кого кости гибки. Государыня изволила сказывать, что она ногою своею за ухомъ у себя почесать можетъ. Его Высочество дѣлалъ изъ пальцевъ своихъ разныя фигуры. Фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ правой своей ногою вертѣлъ въ сторону, а правой же рукою въ другую, въ одно время. Многіе старались тожь сдѣлать: нѣмѣ дѣлали, нѣмѣ не могли сдѣлать. Гр. Григорій Григорьевичъ разныя такіяжъ штуки дѣлалъ. Нечувствительно рѣчь пришла о младенческихъ лѣтахъ Его Высочества. Государыня изволила сказывать: „что онъ одинъ разъ ночью изъ колыбели выпалъ, такъ что никто того не слыжалъ. Пробудился по утру, Великаго Князя нѣтъ

въ колыбели; посмотрѣли,—онъ лежитъ на полу и очень крѣпко опочиваетъ“. Я рассказывалъ на ухо гр. Захару Григорьевичу одинъ анекдотъ о Его Высочествѣ. Государыня, примѣта сіе, изволила, оборотясь къ гр. Захару Григорьевичу, спросить: пожалуй скажи, шдѣ тебѣ Семенъ Андреевъ рассказывалъ? Анекдотъ такой былъ, о комъ противъ благопристойности было донести Ея Величеству; для того помырался я между тѣмъ нѣсколько назадъ. Его Высочество по счастью ретироваться изволилъ въ сіе самое время; и такъ я пошелъ за нимъ и избавился отъ смущенія, въ которое бы можетъ быть я приведенъ былъ, если бы Ея Величество спросить меня изволила. Послѣ спрашивалъ я гр. Захара Григорьевича, какъ онъ Ея Величеству отвѣтствовалъ. Захаръ Григорьевичъ сказывалъ мнѣ, что онъ очень смущенъ былъ вопросомъ Государынинымъ, и что напослѣдокъ сказалъ Ея Величеству, чтобъ она отъ отвѣту его свободить изволила, что пересказать ей никакъ того нельзя. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть за столъ. Потомъ скоро легъ опочивать: былъ десятой часъ въ половинѣ.

А в г у с т ь .

1. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу. За чаемъ изъяснялъ я Его Высочеству, что такое въ военной наукѣ *coup-d'oeil* называется. И отъ весьма бездѣльной причины попали мы на разговоръ сей. Его Высочеству за чаемъ кладутъ обыкновенно четыре сухарика. Три откладываетъ онъ для себя, а четвертой кладетъ передъ дежурнаго своего кавалера. Всегда выходитъ такъ, что сухарикъ передъ дежурнымъ кавалеромъ меньше всѣхъ трехъ прочихъ. Я, примѣта, что мой сухарикъ меньше, сказалъ Его Высочеству: какой хорошій *coup d'oeil* Вамѣ Высочество имѣете! Отъ сего оной разговоръ и расплодился. Впрочемъ за обуваньемъ и за убраниемъ

волосовъ весьма много свистѣлъ сегодня Его Высочество, и губами подь барабанной бой поддѣлывался. На силу я унять его могъ. По утру былъ у Его Высочества гр. Григорій Григорьевичъ. Смотрѣли книгу, гдѣ мундиры нарисованы. Часовъ въ одиннадцать изволилъ Его Высочество пойтить за ея Величествомъ въ церковь. Сегодня праздникъ Происхожденія честныхъ Древъ. Водоосвященіе было. Ходили на Иорданъ, сдѣланную у мосту, что въ садъ, противъ гѣтяго дому. Оттуда, проводя Ея Величество во внутренніе покои, изволилъ Государь Цесаревичъ возвратиться къ себѣ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, г. Салдернъ и полковникъ Михайло Федотычъ Каменской, которой отъѣзжаетъ въ Бреславль, смотрѣть прусскаго лагерю. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ по большей части съ нимъ разговаривать о ѣздѣ его. Великой Князь тутъ же въ разговоръ вмѣшиваться изволилъ.

Послѣ обѣда игралъ Его Высочество въ билиардъ. Ввечеру изволилъ ходить въ садъ гулять. Возвратись оттуда, сѣли за столъ. Послѣ ужина скоро Государь изволилъ лечь опочивать; былъ десятой часъ въ половинѣ.

2. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Сей день назначенъ былъ для отъѣзду Ея Величества на Ладожской каналъ. Но отъѣздъ отложенъ, какъ сказываютъ, за тѣмъ, что Ея Величество не очень здорова. Его Высочество, по окончаніи ученія, изволилъ играть въ билиардъ, и въ желтой комнатѣ кругомъ попрыгивать.

Обѣдали у насъ сегодня Григорій Николаевичъ Тепловъ, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Талзынъ.

Послѣ обѣда, отучась, изволилъ Его Высочество верхомъ ѣздить за Невской монастырь на озерки. Гуляли мы тамъ по саду и смотрѣли увеселительныя до-

мки Архіерейскіе. Пришолъ къ намъ въ садъ и Преосвященной С.-Петербургской. Гуляли съ нами. Потому подчивалъ Великого Князя, Никиту Ивановича и насъ всѣхъ медомъ. Оттуда верхомъ же изволилъ Его Высочество возвратиться во дворецъ, въ половинѣ девятаго часу. Послѣ ужина, изволилъ лечь опочивать, въ десять часовъ.

3. Государь Цесаревичъ изволилъ встать въ исходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Ея Величество сего утра въ девять часовъ изволила отбыть въ Шлюссбургъ, откуда намѣрена ѣхать по Ладожскому каналу. Его Высочество, простиась съ Государынею-родительницею, изволилъ возвратиться въ свои покои. По окончаніи ученія, изволилъ пойтить въ садъ гулять.

Пришедъ оттуда, сѣли мы за столъ. Передъ кушаньямъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ читалъ изъ „Трудолюбивой Пчелы“ г. Сумарокова сочиненіе о копыстахъ, и очень много смѣялся. Обѣдали у насъ изъ стороннихъ Григорій Николаичъ Тепловъ, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Библиковъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ о пользѣ путешествій по чужимъ краямъ. Григорій Николаевичъ подарилъ сегодня Его Высочеству чижика, которой сядя на колесцѣ самъ къ себѣ вверхъ кормъ и питье таскаетъ, кон (въ ведеркахъ) прицѣпленъ къ оному колесцу. Его Высочество приказалъ чижика поставить на столѣ передъ собою, и долго на него любовался. Во все нынѣшнее время довольствуется Григорій Николаевичъ Тепловъ столъ Его Высочества своими дымками. Сегодня за столомъ Его Высочество особенно былъ серьезенъ.

Послѣ стола, отложя нѣсколько свою серьезность, изволилъ попрыгивать. Потому сѣлъ учиться. У меня изрядно изволилъ учиться. Послѣ ученія устанавливалъ Его Высочество по столу шапки съ своимъ распоряженіями. Въ семь

упражненія покинуть я его: поѣхалъ смотрѣть строю въ кадетской корпусъ. Училися тамъ и маневры дѣлали съ великою точностію и успѣшностію. Послѣ меня изволилъ Его Высочество играть въ гусекъ. Въ девятомъ часу сѣлъ кушать; въ половинѣ десятаго легъ опочивать.

4. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои учения. Сего утра (Государь) Великой Князь чрезвычайно былъ веселъ, и очень много смѣялся. Пришелъ къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Съ нимъ были шведской министръ графъ Дибенъ и г. Салдернъ.

Сѣли мы за столъ. Оные гости у насъ обѣдали, и еще изъ постороннихъ гвардіи майоръ Любимъ Артемьичъ Челищевъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ, какъ надобно въ городѣ мостить улицы и содержать дороги. Потомъ зашла рѣчь о микроскопахъ и о славномъ Либеркинѣ. Его Превосходительство сказывалъ, что онъ самъ у него былъ, и разные его опыты въ физикѣ видѣлъ, и что никогда довольно надвинуться тому не могъ, какъ человѣкъ такой непротиворной, имѣя наипростолыя руки, можетъ наимельчайшими инструментами управлять весьма проворно, и тончайшіе эксперименты производить искусно. Послѣ сего разговорились о солнечномъ затмѣніи, которое завтра будетъ. Графъ Дибенъ спросилъ Его Высочество, изволилъ ли онъ смотрѣть оное затмѣніе? Его Высочество отвѣтствовалъ: конечно буду. А если бы оно было ранѣе, тогда, что смотрѣть бы я не сталъ; потому что въ то время, какъ я привыкъ спать, лучше я люблю спать, нежели смотрѣть на затмѣніе. Вопросъ и отвѣтъ были на французскомъ языкѣ, и впрочемъ по большей части за столомъ сегодня говорили по-французски, для графа Дибена. Наконецъ разговаривалъ Никита Ивановичъ

съ господиномъ Дибеномъ о дѣлахъ шведскихъ, о сеймѣ ихъ, о доходахъ и о мануфактурахъ. Послѣ стола, съ нимъ же говорилъ особо. Мы въ другомъ углу съ Его Высочествомъ разговаривали. Между прочимъ пришло Его Высочеству въ голову спросить: каковъ онъ лицомъ и кого онъ лучше? Тимофей Ивановичъ Остервальдъ, шутя, называлъ ему самыхъ скверныхъ изъ тѣхъ, коихъ Его Высочество знать изволилъ и говорилъ, что онъ ихъ только (лучше). Его Высочество очень много тому смѣялся. Я сказала тутъ Великому Князю: „не подлинно ли вы думаете, что вы хороши? Отроду того не бывало. Да хотя бы и были хороши, такъ объ этомъ совсѣмъ помнить не надобно: достоинство человѣка отнюдь не состоитъ ни въ мудрости, ни въ румянотѣ и гладкомъ лицѣ, а состоитъ оно въ добродѣтели, въ душевныхъ дарованіяхъ, и въ полезныхъ знаніяхъ. Сверхъ того, ничего нѣтъ гаже, какъ если человѣкъ влюбленъ въ свою фигуру и все, ходя, въ зеркало смотрится“. Тутъ назвалъ мнѣ Его Высочество нѣкоторыхъ, за коими онъ это примѣтилъ, и изволилъ говорить, что подлинно со стороны глѣдѣть на такова повѣсу скверно. Старался я производить (поразтвердить) еще Его Высочеству, коими достоинствами украшать себя надобно. Въ четвертомъ часу изволилъ Государь сѣсть за свои учения. У меня хорошо учился. Изволилъ чертить Геометрію, которую я недавно съ нимъ началъ; и кажется, что приниматься изволилъ охотно. Послѣ ученья, играли мы въ гусекъ. Ввечеру, послѣ конференціи съ чужестранными министрами, пришелъ къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Разговаривать изволилъ о карусели и о убѣткахъ при семъ поворнцѣ. Отъ сего зашла рѣчь о верховой ѣздѣ, о которой долго Его Превосходительство разсуждать изволилъ, и, между прочимъ, Великому Князю сказывалъ, какъ надобно на лошади (спдѣть и держать поводья).

Сѣли мы за столъ. Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ, и говорилъ, что у него еще очень много дѣла, за коимъ онъ всю ночь почти просидѣть думаетъ. У насъ за столомъ рѣчь была о мужьяхъ и женахъ. Говорили мы о брачномъ состояніи. Сказывалъ я Его Высочеству про одного человѣка, о коемъ знаю, что весьма хорошо жилъ съ своею женою, любили другъ друга и угождали другъ другу, какъ бы самые страстные любовники. Говорили тутъ, что такая горячность весьма рѣдка нынѣ между мужьями и женами. Тимофей Ивановичъ рассказывалъ, какъ прежде здѣсь поступали мужья съ женами, какъ ихъ бивали и за волосы привязывали, и какіе это грубые и свирѣпыя нравы показывають.

Поговоря такимъ образомъ, встали мы изъ за стола. Зашла у насъ рѣчь о покойномъ Государѣ Петрѣ III, которая однакожь скоро прекратилась. Его Высочеству изволилъ пойтить раздѣваться, было три четверти десятаго часу.

5. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ осьмага часу. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Между ученьемъ изволилъ ходить въ билиардную: рѣзвился тамъ очень много, и по билиарду валялся. Тутъ чуть мы не поссорились. Какъ учился Его Высочество сего утра у Отца Платона, и Его Преподобіе говоря, что человѣкъ созданъ по образу и по подобію Божію, говорилъ, что иные заблужденіе такое имѣють, что ищутъ онаго подобія въ тѣлѣ, а не въ душевныхъ качествахъ, то Его Высочество отвѣчалъ на сіе весьма замысловато: такимъ, кои такъ думаютъ, можно бы тотчасъ доказать, что они неправильно думаютъ. Люди всѣ лицомъ и видомъ такъ разны, такъ могутъ ли они походить на Бога, которой есть единъ? Никита Ивановичъ поѣхалъ сего утра въ десятомъ часу въ исходѣ къ Ивану Ивановичу Бецкому съ Григорьемъ Николаевичемъ

Тепловымъ. Не знаю, какая была у нихъ конференція. Тамъ и кушалъ Его Превосходительство. У насъ обѣдалъ Карлъ Федоровичъ Крузъ.

Послѣ стола забавлялся Его Высочество въ билиардной комнатѣ. По геридонамъ разстилалъ билиардное покрывало, которое у него представляло палатку. Потомъ изволилъ учиться. На клавикордахъ учить нынѣ его капельмейстеръ Манфредини. Прежде училъ Милико, которой не очень давно въ Италію, свое отечество, уѣхалъ. Сей день положено было, чтобъ Его Высочеству смотрѣть солнечнаго затмѣнія съ обсерваторіи графа Григорья Григорьевича, которая сдѣлана въ лѣтнемъ дворцѣ, надъ его покоями. Но не изволилъ туда ходить Его Высочество, потому что очень оболочно и дожделиво было, и затмѣнія совсѣмъ не было видно. Я ходилъ на оную обсерваторію съ господиномъ Эпинусомъ и смотрѣлъ вмѣсто солнечнаго затмѣнія на разныя въ городѣ колокольни и церкви. Телескопъ графа Григорья Григорьевича, въ которой я смотрѣлъ, весьма близко и явственно наотдаленнѣйшіе объекты представляеть. Пришедъ оттуда, рассказывалъ я Его Высочеству что видѣлъ. Потомъ сѣли мы играть въ гусекъ. Съиграли двѣ игры; за третьєю началъ Его Высочество жаловаться, что голова у него болитъ, и что ему тошно. Изволилъ пойтить въ опочивальню и раздѣться. Послали за лейбъ-медникомъ. Пришелъ между тѣмъ Никита Ивановичъ. Вырвало Великаго Князя всѣмъ почти севоднишнимъ обѣдомъ. Его Высочество, какъ и изъ сихъ записокъ усмотрѣть было можно, часто бываетъ подверженъ такъ называемымъ индигестіямъ, по той причинѣ, что очень скоро кушаетъ, и куски весьма мало разжевываетъ и отъ того-то желудку своему даетъ несносную работу. Какъ вырвало, то и стало легче Его Высочеству. Сверхъ того дали ему какой-то микстуры для укрѣпленія; и потомъ, напоявъ чаемъ, въ постель положили. Пока не по-

ложили еще Его Высочество въ постелю, и онъ на канале позволилъ поваливаться, а вырвало уже его и стало легче, вздумалось ему считать доходы Никиты Ивановича. Деревень у него шесть сотъ только душъ; доходовъ его всѣхъ и съ жалованьемъ начѣлъ Великои Князь не съ большимъ семь тысячъ рублей. Никита Ивановичъ изволилъ ему говорить тутъ, что нѣтъ въ Европѣ министра, которой бы будучи въ такихъ дѣлахъ какъ онъ, на столь маломъ былъ жалованьѣ. Приводилъ въ примѣръ принца Батіани, которой въ Австрій у Ерцгерцога обергофмейстеромъ, и другихъ. Наконецъ сказалъ Никита Ивановичъ Его Высочеству точно слми словами: „да ежели бы, сударь, я къ тебѣ такъ не привязался-та, такъ бы и здѣсь давно уже могъ я имѣть шестнадцать тысячъ доходу“. Тутъ рассказывалъ Его Превосходительство, какъ ему неоднократно при покойной Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, тогдашней канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ предлагали, чтобы онъ принялъ чинъ (вице)-канцлера, которой потомъ давъ нынѣшнему вице-канцлеру (кн. Александру Михайловичу Голицыну), и какъ онъ отъ того твердо и непоколебимо отказался, желая быть только при Его Высочествѣ. Какъ Его Высочество совсѣмъ улегся, былъ въ началѣ десятой часъ. Пошли мы ужинать, а Его Превосходительство Никита Ивановичъ пошелъ съ г. Салдерномъ разсматривать сего вечера дѣла голштинскія. Посидѣвши за столомъ, и поговоря кое о чемъ, разошлись и мы каждой во свояси. Я будучи сегодня дежурной, тотчасъ послѣ ужина написалъ сіе, легъ спать у опочивальни Его Высочества, приказавъ камердинеру, чтобы тотчасъ разбудилъ меня, еслии Его Высочество ночью проснувшись изволить.

6. Преображеніе Господне. Его Высочество проснувшись изволилъ въ шесть

часовъ, и былъ, слава Богу, здоровъ. Прислать за мною. Чай изволилъ кушать безъ молока; и вчерась Никита Ивановичъ приказалъ мнѣ, чтобы одинъ только сухарь дать Его Высочеству, что не весьма ему было пріятно. Просилъ меня Его Высочество, чтобы я по крайней мѣрѣ дозволилъ ему нѣсколько времени въ постелѣ остаться, на что я и согласился. Приказалъ Государь Цесаревичъ передъ себя на постелю поставить маленькой столликъ, и чертилъ на ономъ по масштабу полки въ ордерѣ баталін; потомъ проводилъ карандашемъ рѣен, и дошки ставилъ. Наконецъ изволилъ просить меня, чтобы и прочиталъ ему нѣсколько изъ свихъ своихъ книжекъ (записокъ). Читалъ я съ 13-го числа іюля по сіе число, и Государь несказанно былъ доволенъ, и съ крайнимъ вниманіемъ изволилъ слушать. Говорилъ только о нѣкоторыхъ касающихся до него правдахъ, нельзя ли ихъ выпустить. На то смѣячися отвѣтствовалъ я Его Высочеству, что пословица есть: „изъ пѣсни слова не выкинешь“. Изволилъ Его Высочество встать и одѣться какъ обыкновенно. Приѣхалъ г. Фузадье. Государь жаловался, что очень кушать ему хочется; но г. Фузадье сказалъ, что непременно до обѣда потерпѣть надобно. Его Высочество изволилъ его спрашивать, что онъ за обѣдомъ кушать будетъ? и какъ г. Фузадье отвѣчалъ, что супъ, вареную баранину и жаркое только, а дисели съ молокомъ, ни гороху, ни дыни кушать сегодня никакъ нельзя, то Его Высочество крайне опечалась, изволилъ мнѣ говорить: Боже мой! што это будетъ, умрешь съ голоду. Подумаи пожалуй, ужъ и онъ назначилъ такъ мало кушанья, а Никита-та Ивановичъ вѣрно и изъ этого убавить половину. Потомъ изволилъ вычислить онъ, сколько отъ вчерашняго обѣду въ желудкѣ у него осталось послѣ того какъ его вырвало; и какъ нашелъ, что одинъ лишь только кусокъ говядины тамъ остался, а прочее все вырвало, то

XIII*

изволилъ пуще еще прежняго тужить, что въ двои сутки такъ мало онъ будетъ кушать; ибо на вчерашней обѣдѣ изволилъ онъ власть одинъ только оной лусокъ говядины, которой въ желудкѣ остался. Я очень много тому смѣлся, и хотя говорилъ Его Высочеству, что если бы вчерашнее кушанье не излишнее въ желудкѣ было, тобъ вѣрно его не вырвало; однако жъ онъ все изволилъ вести свою выкладку. Въ церковь ходитъ сегодня Его Высочество не изволилъ, чтобы не простудиться, для того что послѣ вчерашняго поослабѣлъ нѣсколько.

Обѣдали у насъ сегодня г. Салдеръ, камеръ-юнкеръ Талызинъ, вице-полковникъ графъ Валентинъ Плат. Пушкинъ и полковникъ Кропотовъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочествою большой части поваживаться на канapé въ желтой комнатѣ. Часу въ шестомъ изволилъ прійти Никита Ивановичъ и пошли гулять въ садъ. Возвратясь изволилъ Государь Цесаревичъ сѣсть за столъ. За ужиной также старался наблюдать діету. Опочивать легъ Государь въ поддесята часа.

7. Воскресенье. Его Высочество одѣвшись изволилъ ходить въ церковь, прочитавъ прежде съ Его Преподобіемъ Отцомъ Платономъ главу изъ Священнаго Писанія. Изъ церкви изволилъ возвратиться къ себѣ. Нѣсколько людей вошло за нимъ въ биліардную его комнату. Тутъ остановясь весьма не долго, изволилъ Государь Цесаревичъ ретироваться къ себѣ. Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу вздумалось ийти передъ обѣдомъ въ садъ съ Его Высочествомъ прогуляться. Погода очень хороша была. Пошли мы туда, и похода съ полчася времени, возвратились.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ и гофмаршалъ князь Николай Михайловичъ Голицынъ. Съ нимъ Его Превосходительство Никита Ивано-

вичъ разговаривалъ по большой части о церемоніяхъ при Вѣскомъ Дворѣ, также и о полиціи въ иностранныхъ городахъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество переодѣться въ кирасирской вице-мундиръ и въ сапоги, а мнѣ изволилъ приказать, чтобы я послалъ на конюшню сказать, чтобы чалая его лошада была въ кирасирскомъ приборѣ. Оной приборъ бываетъ обыкновенно на вороненькой Его Высочества лошади, которую во время выѣздовъ Государя Цесаревича въ заводныхъ водятъ: а чалая, на которой Его Высочество обыкновенно гулять изволилъ ѣздить, бываетъ въ особливомъ неунформномъ приборѣ. И такъ сегодняшнее повелѣніе было экстра-ординарное. Когда такъ много уже распространился я о лошадахъ Его Высочества, такъ скажу же и о происхожденіи ихъ. Вороную прислалъ резидентъ нашъ при Портѣ г. Обрѣсковъ изъ Царяграда; а чалаю подарилъ Великому Князю нинѣ въ Красномъ селѣ Григоріи Николаевичъ Тепловъ. Прежде также у Его Высочества была чалинькая лошада, которой происхожденія не знаю... Въ началѣ пятого часу поѣхали мы гулять въ Катерингофъ. Тамъ по покоймъ ходили и около дворца гуляли, черезъ рвы и съ валу внизъ прыгали. Гдѣ не очень высоко было, тамъ допускалъ Никита Ивановичъ прыгать и Государя. Назадъ мы пріѣхали верхами же. Девять часовъ уже было. Его Высочество сегодня чрезвычайно и особливо ко мнѣ былъ ласковъ и горячъ. Какъ верхомъ ѣхали, и видѣ мостовая худа была, и по мостамъ дыры случались, то Государь, оборачивался назадъ, неоднократно изволилъ, называя меня нманно, кричать, чтобы я берегся, чтобы лошада подо мной не упала. Пріѣхавши къ себѣ, изволилъ мнѣ Его Высочество говорить, что впредь, когда выходъ будетъ, то онъ изволилъ отдавать на мою волю и на мое разсужденіе. когда лошаду его сѣдлатъ кирасирскимъ сѣдломъ, и когда простымъ. Отужинавши,

изволилъ Государь лечь опочивать, было десять часовъ.

8. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Прежде начатія оныхъ, приходили къ нему на поклонъ бывшая мама Его Высочества, Татьяна Аванасьевна Скороходова съ дочерью своими Матреной и другими. Тутъ не много достопамятныхъ разговоровъ происходило; только что слышно было: Батюшка нашъ! Ангелъ ты нашъ! еще велѣлъ Богъ увидѣть своего Государя, и тому подобное. Отучась, изволилъ Его Высочество играть въ биллярдъ.

Потомъ сѣлъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Всякой почти день обѣдаетъ у насъ кто-нибудь изъ Иностранной Коллегии. Кромѣ дежурнова у Никиты Ивановича переводчика, обѣдаютъ часто господы совѣтники Петръ Васильевичъ Бакунинъ и Андрей Ивановичъ Набоковъ. Для частаго ихъ быванья почти никогда и не упоминаю я объ нихъ. За столомъ изволилъ Его Высочество вспоминать, какъ намъ вчерась на встрѣчу попалъ саксонской министръ графъ Сакень. Никто изъ насъ хорошенько того не прибрѣтилъ, что Его Высочество объ немъ изволилъ сказывать; только Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что ему теперь помнится, что подлинно такъ было, а именно: Его Высочество сказывалъ, что графъ Сакень намъ встрѣтился и изъ кареты вышелъ, а Никита Ивановичъ изъ учтивства сказалъ ему, для чего онъ выходилъ изъ кареты, то не нашель онъ ничего болѣе на то отвѣтствовать, какъ „il fait beau tems, votre Excellence.“ Государь Великой Князь изволилъ примолвить о графѣ Сакенѣ: конечно онъ (то) только хорошо говорить можетъ, что напередъ выучить, и къ чему приуготовитца.

Послѣ обѣда рассказывалъ намъ Никита Ивановичъ о нѣкоторыхъ анекдотахъ царствованія Петра II и Госуда-

рнии Императрицы Екатерины Алексѣевны. Великой Князь между тѣмъ въ другомъ углу рѣзвиться изволилъ съ княземъ Куракинымъ. Поразмолвились они какъ-то, и Его Высочество пришелъ къ Никитѣ Ивановичу жаловаться. Нашлось, что Его Высочество самъ виноватъ, и обвиненъ онъ былъ. Досадно то было Великой Князю, такъ что съ досады слезы у него навернулись. Никита Ивановичъ вмѣсто наказанія приказалъ Его Высочеству, чтобъ шель въ опочивальню, и никто бы съ нимъ не разговаривалъ. Вошелъ потомъ и самъ за нимъ въ опочивальню, журить его; и какъ между прочимъ связалъ, что онъ всегдъ велитъ отойти отъ Его Высочества, и быть при немъ одному только самому глупому лакею, то Великой Князь почти въ голосъ заплакалъ. Переплакался однакожъ, и наконецъ все успокоилось. Учился Его Высочество у меня изрядно. Какъ между прочимъ рассказывалъ я ему, какія въ древности были славныя геометры, и какъ сія наука время отъ времени въ приращеніе приходила, то изволилъ Государь Цесаревичъ спросить: нинѣ кто жъ самой большою математикъ? Донесъ я Его Высочеству о Эйлерѣ. Великой Князь изволилъ тутъ сказать: а я такъ еще знаю ково-та, отгадай! И какъ я говорилъ, что не знаю, про ково думать изволилъ, то изволилъ сказать мнѣ: Есть нѣкто Семенъ Андреевичъ Порошинъ, да ученикъ его Павелъ Петровичъ Романовъ, развѣ это не математики? Послѣ ученія разговаривалъ Его Высочество, какую бы онъ себѣ ливрею приказалъ сдѣлать, если бы былъ чело-вѣкъ партикулярной, и какъ бы тогда жить сталъ. Сегодня послѣ обѣда ѣздилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ на стеклянные заводы. Тудажъ ѣздили Иванъ Ивановичъ Бедкой и камеръ-юнкеры Настасья Ивановна, Елисавета Тимофѣевна и Варвара Игнатьевна. Возвратясь оттуда, пришолъ Никита Ивановичъ къ Государю Цесаревичу.

Его Высочество изволил играть въ шахматы съ кн. Куракиннмъ. Смотрѣлъ на игру ихъ Его Превосходительство. По окончаніи игры, сѣли мы за столъ, а Его Превосходительство Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ. За столомъ разсуждали мы: какимъ образомъ должно располагать строенія. Иной такъ разсуждалъ, иной инакъ, всякой по прихотямъ своимъ. Я обыкновенно нѣсколько беспокоюсь, какъ войду въ такіа разсужденія; ибо представивъ себѣ послѣ, какъ же я живу? обыкновенно нахожу, что житье мое, то есть говоря физически, замысламъ не соотвѣтствуетъ. Послѣ стола она же матерія продолжалась. Его Высочество изволил опочивать лечь, былъ десятой часъ въ исходѣ.

9. Его Высочество встать изволил въ половинѣ седьмаго часу. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія изволил смотрѣть, какъ шелковые черви изъ яицъ своихъ вышупались, и потомъ играть въ билиардъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ принцъ Карлъ курляндской, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Талмзинъ. Разговаривали по большой части о псовой охотѣ и о лошадяхъ. Никита Ивановичъ между прочимъ изволил разсказывать о нѣкоемъ министрѣ Цинцендорфѣ, которой такое обоняніе тонкое имѣлъ, что вошедши въ свою столовую, могъ носомъ слышать, которое кушанье недосолено, и которое пересолено.

Вставши изъ за стола, позабавясь нѣсколько, изволил Его Высочество сѣсть учиться. Между тѣмъ ввечеру приготавлились ѣхать водой. Часу въ шестомъ привели суда, и Его Высочеству ничего о томъ не было сказано. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ пришедъ, говорилъ, чтобы Его Высочество изволил надѣвать шпагу, то Государь Цесаревичъ несласказанно обрадовался. А свѣдавъ, что водою ѣхать, обрадовался еще и больше, и все идучи

въ залъ изволил прыгать. Поѣхали мы въ баржѣ внизъ по Невѣ; смотрѣли гдѣ ваго невскаго берегу, которой вымачивается тесанымъ камнемъ, и спустились даже до послѣднихъ строеній на Васильевскомъ острову. Тутъ поворота назадъ, ѣхали подлѣ праваго берегу, говоря по теченію рѣки. Спускаясь внизъ по Невѣ, и проѣзжая дома по набережной, изволил между прочимъ сазать Его Высочество примѣчаніе, которое прежде неоднократно отъ Его Превосходительства Никиты Ивановича слышать намъ случалось, то есть, что снаружи примѣтить можно, въ которомъ домѣ живутъ чужестранные, и въ которомъ Русскіе; что чужестранныхъ дома отиѣнно чище тѣхъ, въ коихъ живутъ Русскіе. Возвратясь, услышали мы отъ дежурнаго гвардіи Семеновскаго полку майора Щербачева, что Ея Величество сегодня прибыть поволить, что приѣхалъ изъ Шлюссельбурга камеръ-лакей, дабы здѣсь вечернее кушанье приготовлено было. Его Высочество, пришедъ къ себѣ, скоро изволил сѣсть кушать. Послѣ ужинн дожидался прибытія Ея Величества; но какъ становилось уже поздно, то Никита Ивановичъ дозволилъ, чтобы Его Высочество легъ опочивать. Какъ раздѣлся Государь, былъ одиннадцатой часъ въ началѣ. Передъ ужинной и послѣ ужинн, читалъ я Его Высочеству похождения Жилблаза на русскомъ языкѣ.

10. Его Высочество встать изволил въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволил ходить къ Государынѣ. Ея Величество не очень была здорова и изъ опочивальни выходить не изволила. Мы ходили туда за Его Высочествомъ съ той стороны, гдѣ уборная, а не съ той, куда обыкновенно ходимъ. Ея Величество ввечеру въ одиннадцать часовъ изъ Шлюссельбурга на яхтѣ прибыть изволила. Бросили якорь противъ Троицкой пристани. Государыня въ то время опочивала. Проснувшись, изволила уже въ

часть по-полуночи прибыть во дворецъ, и какъ послѣ уже сказывать изволила, вчерашней ночи на яхтѣ, дорогою и прѣхавши, очень много потѣла. Государыня, во время нынѣшняго походу, шлюссельбургскую крѣпость изволила объѣзжать водою въ шлюпѣхъ, и такъ захватить нѣкоторую часть и ладожскаго озера. Каналомъ проѣхавши до Новой Ладогги на трешкойтѣ, изволила оттуда сухимъ путемъ ѣздить далѣе Старой Ладогги до Волховскихъ пороговъ, и оныя осмотрѣвъ, возвратиться въ Новую Ладоггу въ каретахъ, а оттуда опять на трешкойтѣ въ Шлюссельбургъ. Его Высочество, возвратясь въ свои покои, скоро изволилъ сѣсть за столъ.

Обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, г. Салдернъ, камеръ-юнкеръ Талмзинъ и камеръ-юнкеръ Бибииковъ.

Послѣ кушанья, изволилъ Его Высочество играть въ билиардъ. Потомъ учился. Со мною ученія шли изрядно: подѣ конецъ только Его Высочество нетерпѣливъ былъ нѣсколько. Вечеру приходили къ Государю Цесаревичу Его Сіятельство графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ и Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, которые всѣ въ походѣ за Ея Величествомъ были. Говорили о своемъ походѣ. Потомъ Петръ Ивановичъ игралъ съ Его Высочествомъ партію въ билиардъ. Послѣ графъ Иванъ Григорьевичъ рассказывалъ Его Высочеству, какъ расположено будетъ то судно, которое положено строить для походу Его Высочества за Государынею-родительницею въ Астрахань. Его Высочество очень подробно объ ономъ суднѣ разспрашивалъ, и заранѣе астраханскую ѣзду увеселился. Графъ Захаръ Григорьевичъ рассказывалъ мнѣ о каналѣ, конимъ нынѣ соединяется Сясь съ Волховомъ, и рассуждалъ объ ономъ каналѣ. Петръ Ивановичъ и гр. Иванъ Григорьевичъ разговаривали о перевозкѣ войскъ на галерахъ, и какъ бы лутчей способъ изыскать

для порядочнаго высаживанія войска съ галеръ на берегъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ рассказывалъ при семъ случаѣ, какимъ образомъ во Франціи съ невольниками на галерахъ поступаютъ. Можно сказать, что всѣ разговоры были такіе, кои достойны вниманія Его Высочества. Давалъ я знать ему, чтобы изволилъ слушать поприлежаніе; старался я возбудить его вниманіе, и могу сказать, что Государь Цесаревичъ, послѣдую напоминаніямъ моимъ, изволилъ вслушаться примѣчательно. Какъ ушли гости, просилъ меня Его Высочество, чтобы я почиталъ ему Жилблаза. До ужины и послѣ ужины, читалъ я вслухъ сію книгу. Она куплена у нѣкоего мальчишки, котораго отецъ служилъ прежде при конюшнѣ, и которой живетъ теперь у переплетчика. Сей мальчикъ всякой почти день, иногда одинъ, иногда съ товарищемъ, коего онъ называетъ своимъ братомъ, приходитъ подѣ окно къ Его Высочеству и приносить всегда какую нибудь книжку; отца и матери нынѣ онъ не пѣшетъ. Его Высочеству малой нравится, и онъ ему всякой разъ иногда рубль, иногда червонной изволилъ пожаловать. Если книга полюбится, то прикажетъ взять ее; если не полюбится, то отдавъ деньги, и съ книгой отпустить приказываетъ. Я для того записалъ о семъ, что можетъ быть со временемъ изъ онаго малова что выдеть. Мало-ли какими образами играетъ фортуна! Его Высочество опочивать изволилъ лечь въ исходѣ десятаго часу.

11. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. За чаемъ рассуждалъ я съ Государемъ о богатствѣ и о бѣдности. Изволилъ онъ входить во всѣ подробности моего рассужденія, то есть, что богатство не придаетъ достоинства человѣку; что бѣдность въ перекъ и укоризну не служитъ, и что совсѣмъ тѣмъ она тѣмъ скучна и тягостна, кои ее чувствуютъ; что благоразумныхъ государей долгъ наблюдать того, дабы награждены были всегда прямыми только достоинства

и не были бы гонимы бѣдностію; что въ бѣдности по большей части люди бѣвають робки и унылы: что надобно ободрять ихъ и предупреждать нужды ихъ своею щедротою и своимъ снисходительствомъ и проч. Во время обуванья изволилъ Его Высочество разсказывать мнѣ, что въ комнатахъ его въ 1761 году происходило, и я оное записывалъ. Остановилась было у насъ сія исторія, которую Государь древнею называть изволилъ; но нынѣ опять возобновилась. За убираньемъ волосовъ, читалъ я Его Высочеству похождения Жилблаза. Приѣхалъ г. Брузъ и г. Фузадье. Его Высочество очень жаловаться изволилъ, что за столомъ нынѣ мало даютъ ему кушать. И какъ медникъ упорно на своей діетѣ стоялъ, то Его Высочество весьма изволилъ смотрѣть угрюмо. Одѣвшись, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, и оказывалъ гнѣвъ свой въ неудовольственныхъ нѣкоторыхъ словахъ, кои иногда проскакивали, какъ напримѣръ: „что это дѣлать; самне Санграды; они конешно на тотъ свѣтъ хотять меня отправить; морять съ голоду; въ чаю да въ лекарствахъ такъ пожалуй хотъ купайся; или они бояцца, чтобы я не былъ такъ толстъ, какъ Куравинъ; да этому быть ни какъ нельзя; тотъ все сидитъ, да лежитъ, да нѣжится, а я весь день на ногахъ“ и проч. Старался я успокоить Его Высочество, и оборотить въ смѣхъ оное его неудовольствіе. Наконецъ изволилъ Государь Цесаревнчъ согласиться, чтобы ийти со мною въ билиардную. Тамъ катали мы шары по билиарду. Его Высочества шары представляли Римлянъ, а мои шары представляли Галловъ. Потомъ поѣхалъ я домой одѣваться. Государь изволилъ сѣсть учиться Исторіи и Географіи, которыми наукамъ онъ обыкновенно изволилъ учиться по утрамъ у г. Остервальда. Мои часы съ Его Высочествомъ все еще до нынѣ послѣ обѣда, какъ и

прежде. Послѣ ученья изволилъ Его Высочество играть въ билиартъ.

Они потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, московскаго Департаменту сенаторъ и Камеръ-Коллегіи президентъ.

Послѣ обѣда, посмотрѣвъ работы шелковыхъ червей, изволилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ пойти къ себѣ отдыхать, а Его Высочество въ билиардной комнатѣ пускалъ волчки въ поставленные по сдѣланному нарочно съ большими завраинами столу маленькія келли. Програлъ партію Алексѣю Петровичу Мельгунову. Партію по рублю играли. Сегодня положено было ѣхать на рыбную ловлю, подь Невской монастырь, къ заклѣмамъ для ряпухи. Его Высочество симъ походомъ напередъ уже крайне веселился. Между тѣмъ, какъ онъ изволилъ играть въ волчки, прислалъ по меня Никита Ивановичъ. Изволилъ мнѣ говорить, что на дворѣ очень вѣтрено; что кромѣ опасности и публики насъ осудить, если въ такую погоду поѣдемъ водою съ Цесаревнчѣмъ: чтобы я о томъ отъ себя предложилъ Его Высочеству, дабы онъ самъ вошелъ въ то, (что ѣхать нельзя и ѣзду отложилъ). Не безъ трудности была сія коммиссія. Пошелъ я исполнять ее со всѣми осторожностями. Пришолъ, Его Высочество въ игрѣ еще былъ; зачалъ я говорить съ Алексѣемъ Петровичѣмъ: такъ чтобы Великой Князь слышать могъ: „какъ-то намъ ѣхать будетъ; вода сказываютъ очень велика и по Невѣ погода сильная“. Его Высочество тотчасъ изволилъ къ тому пристать и говорилъ мнѣ: однако ѣхать-то все таки я думаю можно. Тутъ доносилъ я Его Высочеству уже прямо, что видѣлъ теперь его квартирмейстеровъ, которые мнѣ сказывали, что вода теперъ такъ велика, что ни подь которой мостъ подѣхать никакъ нельзя, и что сверхъ того погода очень сильна. Позадумался Его Высочество. По моему описанію опасался

нѣсколько ѣхать, а ѣхать очень хотѣлось. И такъ не зналъ, что дѣлать. Особливо страшило его, что вода высока. Его Высочество боится отчасти подъѣзжать подъ мостъ съ тѣхъ поръ, какъ подъѣзжая подъ большой мостъ, что чрезъ Неву, въ шлюпкѣ съ Ея Величествомъ, во время посвященія Академіи Художествъ, испугался онъ нѣсколько; ибо тогда офицеръ Яминской, которой на рулю, изъ неосторожности повѣхалъ въ низкомъ мѣстѣ; сломило у шлюпки на носу рѣзбу и камеръ-лажа графа Дивьера зашибло, отъ чего на шлюпкѣ сдѣлалась небольшая сумятица. Такимъ образомъ Его Высочество очень позадумался; но потомъ вдругъ одумавшись запрыгалъ, и подбѣжавъ ко мнѣ, изволилъ съ великой радостью говорить: А! да вить намъ въ верхъ по Невѣ ѣхать; тамъ мосту никакова нѣтъ, а погоды нечево болятца. Помнишь, какъ прошлова году изъ Кронштата въ Ораніенбаумъ на шлюпкѣ мы ѣхали. И не эдакая погода была, да я не боялся, да чево и болятца? Сказавъ сіе, съ радости запрыгалъ Его Высочество. Но я говорилъ тутъ еще, что здѣшнія волны иногда морскихъ еще опаснѣе; что вѣтеръ теперь порывистой; что сверхъ тово и стыдно для ряпухи вдаваться въ какую нибудь опасность; да и рыба, продолжалъ я, въ эдакую погоду вся на днѣ бываетъ и рыбаки не ловятъ. Государь Цесаревичъ изволилъ сказать на то: вотъ ужъ, я вижу, что тебѣ не захотѣлось ѣхать. Послѣ сего изволилъ сѣсть за ученіе. У меня хорошо учился, только что иногда вопросы проскакивали: пожалуйста скажи правду, какъ ты думаешь, можно ли ѣхать? Я все отвѣчалъ, что опасно, и безпокойно. Послѣ ученія принялъ почти Его Высочество совѣтъ намѣреніе, чтобы не ѣхать; однако, дабы не лишитъ самого себя всей надежды, изволилъ говорить: ну ниѣ бытъ такъ. Какъ Никита Иванычъ придетъ, такъ я ему переска-

жу все, што ты мнѣ ни сказывалъ, а онъ ужъ тамъ какъ хочеть. Если не поѣдемъ, такъ по крайней мѣрѣ хотъ бы въ садъ сходить. Часовъ въ пять, какъ увидѣлъ Его Высочество, что я пошелъ къ Его Превосходительству Никитѣ Иванычу, то изволилъ, подозвавъ меня, говорить: пожалуй же ты Никитѣ Иванычу ничего о погодѣ не говори. Онъ ужъ самъ увидитъ; а то ты и подлинно тамъ наскажешь, что хотя п хорошая погода, такъ ѣзду отложить. Съ полчаса спустя пришло къ Государю Цесаревичу Никита Иванычъ, и я за нимъ. Не успѣлъ еще Его Высочество сдѣлать ему своего намѣреннаго о погодѣ описанія, какъ самъ онъ зачалъ говорить Великому Князю, что погода очень велика, и ѣхать никакъ нельзя. Сказавши сіе, пошелъ Никита Иванычъ къ Государямъ. Его Высочество очень изволилъ на меня разсердиться, и приступая ко мнѣ говорилъ: вотъ, не чувствовалъ-ли я это напередъ. Конечно уже ты тамъ размазалъ, что дурна, да дурна погода. Кто тебя спрашивалъ? Ой ужъ право иногда способу нѣтъ съ тобой ужтца. Тутъ представлялъ я Его Высочеству, чтобы онъ изволилъ воитить не сердясь въ дѣло, и разсмотрѣть, что погода въ самомъ дѣлѣ очень велика, что сверхъ того Никита Иванычъ самъ это видѣлъ, и отдасть ли онъ его въ опасность? а теперь опасно, и я это ему сказалъ для тово, что онъ меня спросилъ; да хотя бы п не спросилъ, и не примѣта погоды, вознамѣрился ѣхать, такъ все бы я не преминулъ ему сказать тово въ осторожность, что я за долгъ свой это почитаю и проч. Его Высочество, помахивая головой, изволилъ только на все оное какъ сквозъ зубы проговаривать мнѣ: да, ужъ какъ вить не такъ. Вотъ теперь и сиди дома. Ты, я думаю, и въ садъ-отъ

итти отговорилъ. Въ самое сіе время пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и говорилъ, чтобы Его Высочество изволилъ надѣвать шпагу, итти въ садъ гулять. Очень радъ тому былъ Великой Князь, и тотчасъ изволилъ надѣть шпагу. Я между тѣмъ при Никитѣ Ивановичѣ выговаривалъ Его Высочеству, какъ онъ напрасно на меня изволилъ гнѣваться; журилъ его за то п. Никита Ивановичъ, и Его Высочество показывалъ свое раскаяніе. Ея Величество еще не очень здорова и выходитъ сегодня не изволила. Его Высочество тамъ не былъ же. Гуляя по саду, нѣсколько разъ задиралъ меня; изволилъ заговаривать со мною; но я, какъ правой человекъ, показывалъ нѣсколько свое огорченіе. Были мы въ оранжереѣ: цвѣтовъ, фигъ и персиковъ намъ нарвали. Возвратясь къ себѣ, скоро Его Высочество изволилъ сѣсть ужинать. Потомъ легъ опочивать; былъ десятой часъ въ половинѣ.

12. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ осьмаго часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ въ билиардной комнатѣ попрыгивать.

Обѣдали у насъ сегодня г. Салдернъ, Иванъ Церфильевичъ Елагинъ, Александръ Петровичъ Сумароковъ, и камеръ-юнкеръ Талызинъ. Александръ Петровичъ смиренъ былъ. Поговорилъ только нѣсколько о безграмотствѣ и о плутняхъ подъячихъ.

Послѣ обѣда, въ четвертомъ часу сѣлъ Его Высочество за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ ходить ввечеру къ Государынѣ-родительницѣ. Ея Величество выходитъ не изволила. Побывши Его Высочество въ опочивальнѣ у Государыни съ часъ времени, изволилъ возвратиться къ себѣ. Отужинавши, легъ опочивать; былъ десятой часъ въ половинѣ.

13. Государь Цесаревичъ проснулся изволилъ въ половинѣ седьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Потомъ въ желтой комнатѣ изволилъ устанавливать по столу шашенъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Талызинъ и Бибииковъ. За столомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большей части съ Талызиннымъ о покойномъ князѣ Борисѣ Александровичѣ Куракинѣ, о дарованіяхъ его и о пристрастіяхъ.

Послѣ обѣда, позабавясь нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. У меня и у другихъ не весьма примѣчательно изволилъ учиться. Послѣ ученія ходилъ къ Государынѣ. Ея Величество и сегодня выходитъ не изволила. Побывши тамъ нѣсколько времени, изволилъ Государь Цесаревичъ возвратиться къ себѣ, и сѣсть ужинать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

14. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ въ церковь поитти изволилъ. Ея Величество тамъ же быть изволила. Послѣ обѣдни, за Государынею изволилъ Его Высочество поитти во внутренніе покои, и оттуда къ себѣ возвратиться. У Ея Величества была аудіенція голландскому министру графу Рехтеру. Его Высочество пришедъ къ себѣ, скоро кушать сѣсть изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, г. Салдернъ, кн. Петръ Васильичъ Хованской, бригадиръ графъ Петръ Ѳеодоровичъ Апраксинъ и Александръ Ѳеодоровичъ Талызинъ. За десертомъ уже пришелъ съ той половини Петръ Ивановичъ Панинъ и г. Крузъ. Я обѣдалъ сегодня у Его Преподобія Отца Платона. Сего утра генераль-интендантъ Иванъ Логиновичъ

Кутузовъ представлялъ Его Высочеству компасова мастера Шапошниковова, которой поднесъ Его Высочеству своей работы компасъ съ солнечными часами и съ маленькимъ квадрантомъ. Оному мастеру пожаловалъ Его Высочество пятьдесятъ рублей.

Послѣ обѣда, изволилъ Его Высочество играть съ Курякинымъ въ игру свою подломберъ, и потомъ смотрѣть эстампы. Куртагу ввечеру сего дня при Дворѣ не было. Его Высочество изволилъ ходити на половину къ Государынѣ. Ея Величество изволила передъ парадной опочивальной, гдѣ обыкновенно всегдашней съѣздъ бываетъ тѣхъ, кому входъ туда дозволенъ, играть въ ломберъ съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ. Ея Величество все еще изволила жаловаться, что не очень здорова. Изволила во время игры призывать своего лейбъ-хирурга г. Реслейна, и показывать ему пульсъ свой. Его Высочество, поговоря нѣсколько съ Государынею - родительницею, изволилъ отойти въ другой уголъ, и тамъ разговаривать. Около него, кромѣ насъ, опришнихъ были фельдмаршалъ гр. Петръ Семеновичъ Салтыковъ, генераль-аншефъ Петръ Ивановичъ Оллицъ, гр. Дмитрій Михайловичъ Матюшинъ и графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Шутили тутъ и разныя загадки загадывали, какъ напримѣръ: что не сидеть другой на томъ мѣстѣ, гдѣ я прежде сидѣлъ; что два яйца одно за другимъ натошакъ не съѣсть; *je ne suis pas ce que je suis; car si j'étois ce que je suis, je serois un âne; car je suis un âne etc.* Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ въ другомъ мѣстѣ одалъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ, съ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ и съ Его Сіятельствомъ вице-канцлеромъ. Пришедъ къ себѣ, изволилъ Его Высочество смотрѣть эстампы. Никита Ивановичъ, поговоря нѣсколько со мною о

замысловатыхъ арифметическихъ и геометрическихъ задачахъ, изволилъ пройтись къ себѣ. Съли мы за столъ. За ужинной ничего достопамятнаго говорено не было. Въ исходѣ десятаго часу изволилъ Государь Цесаревичъ лечь опочивать.

15. Успеніе Пресвятыя Богородицы. Его Высочество встать изволилъ въ исдѣ седьмаго часу. Одѣвшись, читать изволилъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ разбирали мы книжку, въ коей служба на севоднишней празднѣ, и пѣли оттуда стихъ: „побѣждаются естества уставы въ Тебѣ Дѣва чистая“ и проч. По утру были у Его Высочества графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и Григорій Николаевичъ Тепловъ. Часовъ въ одиннадцать изволилъ Его Высочество пойтись въ церковь. Послѣ обѣдни за Государынею-родительницею изволилъ пройтись во внутренніе покои, и тамъ не много времени побывши, къ себѣ. Передъ обѣдомъ читалъ Его Сіятельство графъ Захаръ Григорьевичъ Государю Цесаревичу похождения Жилбазовы.

Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьевичъ, Иванъ Перфильичъ Елагинъ, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, г. Салдернъ и кн. Александръ Алексѣичъ Вяземской. Говорили сперва по большой части о дѣлахъ сенатскихъ, и разсуждали о нашемъ уложеніи. Потомъ гр. Захаръ Григорьевичъ завелъ матерію какъ иные очень скоро всѣ дѣла свои производить, а иные тихо и черезъ-чуръ осторожно; первое клонилъ на себя, а другое на Его Превосходительство Никиту Ивановича, и шутилъ при томъ весьма замысловато. Его Превосходительство подобными жъ шутками ему на то отвѣтствовалъ.

Послѣ стола вскорѣ всѣ разошлись. Остался я одинъ съ Его Высочествомъ. Смотрѣли мы эстампы, въ коихъ всѣ знатнѣйшія зданія города Вѣны представлены. Потомъ разговаривали по большой части о шуточныхъ матеріяхъ. Часу

въ шестомъ пришель къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли въ садъ гулять. Тамъ присталъ къ намъ Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, и во все время ходилъ съ нами. До приходу еще Его Сіятельства въ садъ, попался графу Ивану Григорьевичу тутъ на встрѣчу какой-та просвирниѣ сынъ, племянникъ придворному священнику Петру Зимпну, малой дѣтъ уже тринадцати, но весьма простой и глупой: одѣтъ странно, въ сапогахъ, въ порткахъ, въ лебяжьей фуфайкѣ и въ колпакѣ. Этова дураля съсвали, и привели къ Великому Князю. Съ полчаса съ нимъ стояли: Его Высочество, Никита Ивановичъ и мы всѣ дѣлали ему разные вопросы, и Его Высочество глупымъ его отвѣтамъ очень много изволилъ смѣяться. Гр. Иванъ Григорьевичъ между тѣмъ глядя его по головѣ, приговаривалъ: „отвѣчай, другъ мой Иванушка, не бойся, отвѣчай Иванъ Петровичъ“. Подлинно, что сцена была смѣшная. Изъ саду изволилъ Его Высочество пройтить къ себѣ и скоро сѣсть за столъ. Послѣ ужини легъ опочивать, было полдесята часа. Ея Величество, сказываютъ, что изволила выходить сегодня, играть въ ломберъ съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ генералъ-прокуроромъ кн. Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ.

16. Праздникъ Спаса Нерукотвореннаго Образа. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмага часу. За чаемъ, не знаю нѣчто (что-то) молчаливо у насъ было. Онъ былъ не очень веселъ, да и я задумчивъ. Во время обуванья поразговорились уже мы. Между прочимъ дошелъ мнѣ случай донести и изяснить Его Высочеству о Платоновой республикѣ и о Утопіи Томаса Моріуса, за что получилъ отъ Государя Цесаревича благодареніе. За убраньемъ волосовъ, смотрѣлъ Его Высочество вчерашніе эстампы. Да не просто изволилъ онъ смотрѣть

ихъ. Представлялъ себѣ будто бы отборная была республика, которая въ столичной городъ выбиралъ онъ разныя изъ изображенныхъ тамъ зданій. Изволилъ набирать изъ какихъ бы чпновъ состоятъ такой республикѣ, и называлъ многихъ поимянно, конхъ онъ знать изволилъ. Республика должна была состоятъ изъ малолѣтнихъ и проч. Одѣвшись, изволилъ Его Высочество ходить со мною по желтой комнатѣ и разговаривать. Смотрѣли мы солнечные часы Шапошнѣова мастерства. Тутъ разговорились о притчинахъ, для чего у насъ такихъ мастеровыхъ не много, и какъ бы установить мастерства и художества. Сколько смыслу моему есть въ семь дѣлѣ, говорилъ я Государю Цесаревичу о подлинныхъ и коренныхъ притчинахъ, чего ради все идетъ толь тихою, черепашьею поступью, и ничто, какъ говорятъ, не ладится, и какіе способы все въ быстрое и успѣшное привести движеніе. Кромѣ сего весьма часто и одинъ я съ прискорбностію и съ негодованіемъ о семъ помышляю; для того радовался, что дошелъ случай изяснить свои мысли. По крайней мѣрѣ, можетъ быть хотя малая часть изъ того, что я говорилъ, останется въ памяти у Его Высочества, отъ чего согражданамъ моимъ не безъ пользы быть можетъ. Часовъ въ одиннадцать изволилъ Его Высочество пойти въ церковь. Послѣ обѣди, изволилъ пройтить за Ея Величествомъ во внутренніе Ея покои. Оттуда возвратился къ себѣ. У Государя Цесаревича была тутъ аудіенція голландскому министру графу Рехтерну. По окончаніи оной скоро сѣли за столъ.

Обѣдали у насъ фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, генералъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, генералъ Петръ Ивановичъ Олицъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской, Иванъ Перфильичъ Елагинъ, церемоніймейстеръ Матвѣй Федоровичъ Кашталннской и камеръ-

юнкеръ Александръ Федоровичъ Талкинъ. Какіе были разговоры, подробно написать не могу; потому что я сегодня у Его Высочества не обѣдалъ, а пріѣхалъ я уже отобѣдавши. Государь изволилъ смотрѣть эстампы; потомъ въ бильярдъ играть. Привезъ я ему росписаніе, какія въ Суздальскомъ уѣздѣ есть знатныя села. Просилъ меня о томъ Его Высочество. Ввечеру пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошелъ въ садъ гулять; слишкомъ два часа гуляли. Сперва въ большомъ публичномъ саду гуляли, потомъ въ третій садъ пошли, отсюда опять назадъ пошли въ большой садъ, а потомъ тамъ уже во свояси. Его Высочество скоро изволилъ съестъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Государыня сего вечера изволила ѣздить въ деревянной зимней дворецъ, смотрѣть карусельнаго платья, а отсюда въ нѣмецкую комедію проѣхать изволила.

17. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Послѣ ученія въ бильярдъ играть изволилъ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Григорій Николаевичъ Тепловъ, и говорилъ по большей части о купечествѣ, крайне не въ пользу купечества російскаго.

Послѣ стола позабавясь, изволилъ Его Высочество съестъ учить. Ученія шли не съ весьма большимъ примѣчаніемъ. Со мною дошло до маленькой ссоры. Послѣ ученія изволилъ Его Высочество ходить въ садъ гулять. Возвратясь отсюда, изволилъ смотрѣть эстампы. Потомъ сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Никита Ивановичъ изволилъ сегодня обѣдать у Михайлы Михайловича Филозофова, и потомъ смотрѣть тамъ кадетскаго строя. Смотрителей много было, и учились, какъ сказываютъ, очень хорошо. Тамъ позапоздалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, для того

сегодня Его Высочество и въ комедіи быть не изволилъ. Сегодня начались оны, и была русская „Щастливой волокита“; балетъ новой Толатовъ съ мельницей; маленькая піеса „взаимная попытка“. Ея Величество изволила быть въ комедіи.

18. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ въ бильярдъ играть.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. За обѣдомъ разсказывалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ о вчерашнемъ строѣ. Потомъ изволилъ разговаривать со мною о картахъ російскаго государства. Какъ я упомянулъ о картѣ Кирилова; и сказалъ при томъ, что о покойномъ Кириловѣ говорятъ, что онъ былъ человѣкъ весьма разумной, то Его Превосходительство утверждалъ тому противное. Его Высочество изволилъ сегодня за столомъ исчислять, сколько королей въ Европѣ и сколько республикъ.

Послѣ обѣда, принесъ къ Государю Цесаревичу графъ Григорій Григорьевичъ отъ Ея Величества фрукты, (сдѣланные изъ воску. Фрукты) такъ хорошо были сдѣланы, что Его Высочество принялся было за персики, чтобы разрѣзать. Часу въ пятомъ въ исходѣ изволила Ея Величество отбыть въ Сарское село. Проводя Государыню - родительницу до кареты, изволилъ Его Высочество поѣхать верхомъ гулять по городу. Погулявши, въ восемь часовъ, мы возвратились; въ полдевята сѣлъ Государь кушать; въ полдесята легъ опочивать.

19. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія, пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошелъ въ садъ гулять. Передъ тѣмъ поднесъ г. Писаревъ переводу своего Филозофію Тезаурову, часть вторую. Возвратясь изъ саду, изволилъ Его Высочество съестъ за столъ.

Обѣдали у насъ (Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ), г. Салдернъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, переконіймейстеръ Кашталинской, Михайло Михайлычъ Филозовъ, дежурной гвардіи майоръ Шиповъ, камеръ-юнкеръ Талызинъ и Его Высочества полку ротмистръ Дирингъ. Его Превосходительство Петръ Ивановичъ говорилъ по большей части о межеваніи, о разныхъ нѣмѣнскихъ коммисіяхъ и о превратныхъ судейскихъ приговорахъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ къ Его Высочеству принцъ Карлъ курляндской, которой, какъ стали прочіе развѣзжаться также уѣхалъ. Попрыгавши нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. Въ шестомъ часу пріѣхали въ каменной зимней дворецъ въ комедію. Комедія была французская «la fete d' amour» опера комическая «Annette et Lubin» балетъ Парадисовъ съ волиной, и послѣ еще маленькая комедія «le Babillard». Его Высочество очень много апплодировать изволилъ, особливо въ комической оперѣ. Актеры особливо хорошо сегодня играли. Его Высочество очень былъ веселъ. Въ гѣтней дворецъ изволилъ возвратиться былъ уже десятой часъ. Очень скоро изволилъ сѣсть ужинать. За столомъ по большей части о севоднишнемъ зрѣлищѣ разговаривали. Опочивать Государь изволилъ лечь около половины одиннадцатаго часу. И давеча забылъ упомянуть, что какъ послѣ обѣда зашелъ у меня съ Его Высочествомъ разговоръ о разныхъ націяхъ, то онъ между прочимъ изволилъ сказать, что ему послѣ російской націи, нравиться лучше всѣхъ аглинская, а потомъ французская.

20. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обменовенно. Послѣ ученья, въ биллардъ играть изволилъ. Сѣли мы за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только дежурной гвардіи майоръ г. Шиповъ. Его Превосходительство Никита Ивано-

вичъ кушалъ сегодня у графа Петра Григорьевича Чернышова. За столомъ разговаривали мы между прочимъ, своль великой преежъ сего въ гвардіи полкахъ былъ безпорядокъ, что малолѣтнихъ въ офицеры производили. Тутъ зашелъ у меня съ Тимофѣемъ Ивановичемъ Остервальдомъ разговоръ и не малый споръ о производствѣ въ чины. Его мнѣніе было, чтобы производить по знатности фамиліи, и чтобы всегда однѣ фамиліи въ чинахъ большихъ оставались; мое мнѣніе въ томъ состояло, что надобно смотрѣть на достоинства, и что ставши по достоинству знатными фамиліи такое же побужденіе имѣть будутъ поддерживать власть государскую, какъ и по одной только древности знатныя фамиліи: да и найдутъ себѣ больше въ состояніи производить оное въ дѣйство, будучи люди великихъ дарованій и проч.

Послѣ обѣда поучился нѣсколько Его Высочество. Пріѣхалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и побѣхали мы верхами на фарфоровую фабрику. Тамъ бывши, смотрѣли работу. Директора оной фабрики, г. Шепотьева, при томъ не было. Видѣли мы только, какъ изъ глины разные сосуды дѣлаютъ, и какъ обожженные уже расписываютъ. Въ присутствіи Его Высочества сдѣлали чашку чайную съ блюдомъ, чайникъ, молошникъ и тарелку; у чашки и у блюдичка на днѣ Его Высочество самъ изволилъ подписать свое имя. На работниковъ дано пятьдесятъ рублей. Съ фабрики назадъ пріѣхали мы въ каретахъ. Его Высочество послѣ ужина скоро изволилъ лечь опочивать; былъ одиннадцатой часъ въ половинѣ.

21. Воскресенье. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ восемь часовъ. За чаемъ, во время обуванья и во время убранья волосовъ, разговаривалъ со мною о вчерашней фабрикѣ. Въ республикѣ, о коей упомянулъ я выше, собрался Его Высочество заводить такую фабрику. Изволилъ онъ располагать.

сколько какихъ быть тамъ работниковъ, и сколько кому жалованья. Всю оную воображаемую республику располагалъ Его Высочество въ Суздальскомъ уездѣ. Одѣвшись, читалъ Государь съ Его Преподобіемъ Отцомъ Платономъ Священное Писаніе; потомъ изволилъ пойтить въ церковь. Возвратясь, скоро сѣлъ кушать.

Обѣдали у насъ адмиралъ Семень Ивановичъ Мордвиновъ, г. интендантъ Иванъ Логгиновичъ Кутузовъ, г. Салдернъ, Кропотовъ, церемоніймейстеръ Кашталинской и дежурной гвардіи майоръ г. Шиповъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ за столомъ разговаривалъ по большей части о мореплаваніи и объ основаніи здѣсь воспитательныхъ училищъ. Вечеру ѣздили мы въ нѣмецкую комедію, которая на маленькомъ театрѣ у деревяннаго зимняго дворца представляется. Много тамъ дурачествъ комедіянтъ дѣлали. Несмотря на оныя поѣхали мы обратно часу въ десятомъ. Отгушавши, легъ Государь опочивать; былъ одиннадцатой часъ въ половинѣ.

22. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, въ билиардной комнатѣ изволилъ забавляться.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ сегодня г. Салдернъ, камеръ-юнкеръ Талызинъ и дежурной гвардіи майоръ вн. Петръ Алексѣичъ Голицынъ.

Послѣ обѣда скоро поѣхали мы верхомъ прогуливаться на Выборгскую сторону, по дорогѣ въ Парголово. Его Высочество верстъ около двадцати сегодня изволилъ объѣздить. Назадъ ѣдучи, на Петербургской сторонѣ сѣли въ кареты; гораздо уже темно было. Ѣздили съ нами вице-канцлеръ вн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, г. Салдернъ и Александръ Федоровичъ Талызинъ. Возвратясь, скоро Его Высочество изволилъ сѣсть ужинать. Опочивать легъ въ началѣ одиннадцатаго часу.

23. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, въ билиардъ играть изволилъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, (которой сегодня изъ Сарскаго села пріѣхалъ), г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Василій Бибиковъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ рассказывалъ, какъ въ Сарскомъ селѣ Петръ Ивановичъ Панинъ, будучи на охотѣ съ графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, нечаянно по немъ выстрѣлилъ, и попалъ въ лице и въ плечо нѣсколькою дробинами. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ рассказывать о подобныхъ сему приключеніяхъ, кои прежде сего бывали. Потомъ разговорился о медаляхъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ вспомнилъ о той, коя на смерть Государя Петра Великаго сдѣлана, съ надписью: „Видѣ, кому (какову) оставихъ ты,“ указывая на Россію. Я сказалъ о той медали, которая при восшествіи на престолъ Императрицы Анны Иоанновны сдѣлана. На ней надпись: „Богомъ, родомъ и сими“. Послѣ сего зашла рѣчь о комедіянтахъ. Его Высочество изволилъ сказывать, что Дмитревской въ чужіе края ѣдетъ, смотрѣть аглинскаго и французскаго театру. Какъ я спросилъ у Государя Цесаревича: „скоро ли Дмитревской ѣдетъ, и на долго ли?“, то изволилъ отвѣчать мнѣ: я братецъ въ подробности о комедіянтахъ не вхожу, а особливо о русскихъ. Къ сему сказалъ я: „для чегожъ бы о русскихъ комедіянтахъ не входить въ подробности?“ Его Высочество опять отвѣчать изволилъ: для того, что они дурно играютъ. На сіе говорилъ я, что надобно Его Высочеству по крайней мѣрѣ желать и доводить до того, чтобы они хорошо играли. Тутъ изволилъ сказать мнѣ: что изъ того прибыли, что я сидя здѣсь желать буду, чтобы они хороши были, а они все таки таковы жъ останутся. Здѣсь пристагъ

къ разговору нашему графъ Захаръ Григорьевичъ, и говорилъ Его Высочеству, какъ хорошей его отзывъ комедіантовъ ободрить, и какою дорогою оной до нихъ дойти можетъ.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество, устанавливая по столу шашки. Потомъ изволилъ учиться. Послѣ ученья, пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли мы въ верхней маленькой садикъ. На ту пору пошелъ дождичекъ, и мы во все почти время въ эрмитажѣ пробыли, картинъ смотрѣли. Его Высочество ходилъ по галлерейкѣ, что отъ эрмитажу на каналъ къ луку, и отъ дождя нѣсколько вымоchился, что несказанно его веселило. Пришедъ въ себѣ, изволилъ онъ кафтанъ скинуть, и надѣтъ шляфровъ, въ которомъ и ужинать изволилъ. Передъ ужиною чертилъ онъ своего изобрѣтенія карету, въ коей собрался ѣхать къ городу Архангельскому, и оттуда въ Москву, то есть въ своемъ воображеніи. Потомъ читалъ я Государю похождения Жилблазовъ. За ужиною разговаривали по большей части объ исторіи. Послѣ ужина, съ Куравиннымъ и до споровъ историческихкихъ доходило. Въ половинѣ десятаго изволилъ Его Высочество лечь опочивать.

24. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. За чаемъ разговоръ у насъ былъ о російскомъ театрѣ и о способахъ, какъ бы оной сдѣлать совершеннѣе. Его Высочество весьма справедливо рассуждать изволилъ, что когда Д и и т р е в с к о й изъ чужихъ краевъ возвратится, тобъ надобно дать ему учить русскихъ мальчиговъ. Во время обуванья и за убираньемъ волосовъ, разговаривалъ Государь Великой Князь безпрестанно о вышеупомянутой воображаемой ѣздѣ къ городу Архангельскому, разговаривая съ крайнимъ увеселеніемъ, и думаю разъ цитьдесять онъ между словъ повторять изволилъ: такъ-то Семень Андрючъ и поѣдемъ. Его Пре-

восходительство Никита Ивановичъ поѣхалъ сего утра часу въ десятомъ въ Сарское село къ Ея Величеству. Его Высочество учился какъ обыкновенно. Часу въ двѣнадцатомъ поднесъ Великому Князю Ивана Перфильча Елагина секретарь г. Лукинъ книгу, сочиненія свои и переводы.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ сегодня только дежурной гвардіи майоръ графъ Брюсъ. Разговорились между прочимъ о золотарѣ Адорѣ, про котораго графъ Яковъ Александровичъ говорилъ, что очень хорошо все дѣлаетъ. Его Высочество изволилъ на то сказать: очень бы я хотѣлъ, чтобы ему опредѣлили жалованье, и дали учить русскихъ мальчиговъ.

Послѣ обѣда попрыгивалъ Его Высочество въ билиардной комнатѣ, и потомъ шары каталъ по билиарду. Съѣлъ учиться. Ученія шив не весьма хорошо; примѣчанія очень мало изволилъ показывать. Часовъ въ шесть пошли мы въ садъ. Возвратясь, изволилъ Его Высочество на бумагѣ карандашомъ чертить разныя строенія по своимъ мыслямъ для забавы. Потомъ читали мы Жилблаза. Какъ во второмъ томѣ дошло до приключеній Копетабля съ Бланкою, то Государь Цесаревичъ просилъ меня, чтобы читать я пересталъ. Казалось ему къ ночи страшно слушать о такихъ похожденияхъ. Съѣли мы ужинать. Разговаривали по большой части о Лукина сочиненіяхъ. Послѣ ужина Его Высочество опочивать легъ; былъ десятой часъ въ половинѣ. На придворномъ театрѣ была сегодня комедія русская „Безстыдной любопытной“; балетъ „Аполлонъ и Дафна“. Его Высочество ѣздить туда не изволилъ, для того что Никита Ивановичъ былъ въ Сарскомъ селѣ.

25. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, съѣлъ за обыкновенными свои ученія. Потомъ въ билиардной комнатѣ шары по билиарду каталъ изволилъ. Его Превосходитель-

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВСКОРЪ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „Русская Старина“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновятъ на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ текущаго года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною на журналъ суммою, на расходы по пересылкѣ и упоркѣ альбома.

Примѣчаніе. Въ отдѣльную продажу „Альбомъ гравюръ Академика Сѣрякова“ вовсе не поступитъ.

*Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, Хаджи-Мурата, гравера-акад. Сѣрякова, профессора Н. И. Пирогова и друг.—цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.*

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки историографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Шварца;—Записки Михаила Александровича Вестужева (1824—1826 гг.);—Рассказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Вакланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—рассказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, рассказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ во всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ф. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Волотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1876 г.

второе изданіе, съ портретами Лжедмитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостиннымъ. Портреты Екатерины II и графа Аравчеева — гелиографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ ўказа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому; дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинмъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствования Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1836—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военного управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Фёдора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о вѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣтеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣвичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семенова.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Подуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главныя пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Бузальскій, его біографія, составленная профес. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ невзданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по невзданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1877 г.

съ портретами: Кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣденхъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая неволя—историческій очеркъ.—Ирѣпостные престыле при Екаторитѣ II.—Сельскій священникъ въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ — путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академикка Тьебо о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1785 гг.—Герцогиня Кингстонъ въ Россіи.—Браворазводное дѣло Евдоніи Гаммбаль.—Екатерина II и Густавъ III.—Невѣсты цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ — историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года — историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шауэль-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе ивасонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассенъ.—Дневникъ барона Л. П. Николан: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—Кн. Меншиковъ въ Крымскую войну, по рассказамъ его адъютанта А. А. Панаева.—Воспоминаніе о Т. И. Грановскомъ Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго.—М. В. Челикъ: первая главы его біографіи и проч. Вообще въ дѣнадцати книгахъ изданія «Русской Старины» 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берие, М. И. Богдановича, проф. М. И. Герцаева, акад. Я. К. Грота, И. Е. Забѣлина, профес. В. С. Иконникова, Д. И. Млоайскаго, Е. П. Нарновича, Н. И. Костомарова, П. А. Мушца, П. С. Лебедева, И. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рабикина, В. И. Семевскаго, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, И. И. Шамшова, Н. И. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами, —
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князья Долгорукіе—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромофотографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1878-й годъ, девятый годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. М. Зинькова.—Записки акад. Тьоба.—Записки пастора Зейдера: его страданія, казнь и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Феодоровны—Записки ии. З. А. Волконской и Н. Чернышевой.—Ии. Исаверій Друцкой-Любецкій—очеркъ его государственной дѣятельности.—Записки артистки Л. П. Милутиной-Косицкой.—Записки доктора Генрици: война 1853—1855 гг.—Записки А. Е. Попова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассонъ.—Шамилъ въ Калугѣ.—Записки пристава.—Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность М. М. Айвазовскаго (автобіографія).—Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.—Записки протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г.—Воспоминанія всензда прелата Бутневича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки И. С. Миревича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. И. Стегова: ссылки-ваторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жандармскаго штаб-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальныя романы,—пріѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника Варигагена фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.—Миссионѣи, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій.—М. В. Чевкинъ и управленіе имъ путями сообщеній.—Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венециановъ—первый бытовой живописецъ, его біографія и труды.—Разказы лейбъ-казака И. И. Шамшова.—«Вѣчный Жидъ»—поэма въ стихахъ В. И. Мюхельбергера (декабриста).—Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Балзедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатпра.—«Митрха Валдайскій», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—
8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Ириней Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый годъ изданія,— между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. М. Мурашина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. М. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. М. Веригина, М. А. Варува-Сократа, Л. М. Рмордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога М. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. М. Стогова.—Дневникъ А. М. Храповицкаго—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при рускомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варгагена фонъ-Эмме (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассель;—Воспоминанія М. И. Винонова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семевского;—И. Мизю;—Г. Тальберга;—Г. Лисенко;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Илюминкова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Востонова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голыцынъ: П. Д. Киселевъ и управление имъ Валахійей Молдавией въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи М. Бердянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ въ итомъцѣхъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его нисья.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Ириней въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, документы, рассказы, анекдоты и прочіе матеріалы,— всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересыкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1880 Г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой. Журналъ высылается подписчикамъ съ первой книги. Первые четыре книги 1880 г.—напечатаны вторымъ изданіемъ.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицъ Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. П. Павскаго,—И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Биселева,—фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго,—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880-го года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. И. Ростиславова (одинадцать главъ).—Записки Толчева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣлева (декабриста, восемь главъ)—Записки принца Евгенія Виртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ за нею слѣдовавшихъ. Поддѣнная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки М. В. Солванова: губернаторъ Пячудиндзевъ и ссылка въ Вятку.—Генераль-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Сельскаго Священника;—Записки Я. М. Невѣрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. Н. Львовой († 1864 г.).—Воспоминанія артистки А. Я. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской армии черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. И. Пузыресскаго.—Великій Новгородъ—статья Н. И. Костомарова.—Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Рѣчь ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины для востества на престолѣ Александра II.—Очеркъ профессора М. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ званій въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отѣвы питейныхъ откуповъ въ Россіи,—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамила),—профес. О. Э. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Льввицннъ, Н. В. Богуславскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ «Русской Старинѣ» 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ; В. А. Жуковский (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ «Слова о полку Игоревѣ»);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова),—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. Я. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

изд. 1881 года.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублѣй съ пересылкой.
Журналъ высылается подписчикамъ съ первой книги.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—цесаревны (въ Бозѣ почивающей императрицы) Маріи Александровны—1841 г.;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Сѣрякова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищева-Кутузова—1775 г. (впослѣдствіи князя Смоленскаго);—историка-профессора С. М. Соловьева (при IX-й вѣн.).

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фомъ-Визина (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлова: пережитое и пережитое съ 1803 г.—Записки князя Н. С. Голлицына.—Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣднія въ 1838—1843 гг.).—Записки Сельскаго Священника.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.). Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.). Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона.—Генераль-фельдмаршалъ вѣн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,—историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—И. П. Голевъ 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя И. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ глѣбъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. И. Шилова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. в. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина, 1764—1763 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Полова (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академики граверы: Л. А. Стряновъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Потапостинъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. И. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія Н. И. Муликова.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. О. Львова.—Записки И. В. Селманова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румяновъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова. Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.).—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. О. Горбуновъ, П. А. Ефимовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

скихъ драматическихъ сочиненій, а именно въ ней находятся 2,313 стиховъ двоестрочныхъ». Интересны также указанія на частные театры того времени, возникшіе въ разныхъ городахъ, объ авторахъ и актерахъ изъ крѣпостныхъ и т. п.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1881. Ц. 1 р. 30 к.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ характеръ сравнительно-историческаго изученія вопроса, и, не заключаая въ себя лишняго балласта, представляетъ весьма обстоятельный, богатый фактами очеркъ вопроса. Извѣстія, касающіяся языческаго быта славянъ, проверены массою данныхъ послѣдующей эпохи, сохранившихся въ пѣсняхъ, преданіяхъ, символахъ и вообще этнографическихъ данныхъ. Мѣстные особенности и сходственные черты обращаютъ на себя вниманіе автора въ интересѣ сравнительно-историческихъ выводовъ. Вообще этотъ первый трудъ автора заслуживаетъ вниманія со стороны нашихъ изслѣдователей и любителей старины.

Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. В. И. Семенова. Томъ I. Спб. 1881. 504 стр. Ц. 3 р.

Авторъ избралъ весьма важный и интересный вопросъ, интересный не только по своему общему характеру, но и по времени, представляющему такой обильный, но далеко не разобранный матеріалъ для изслѣдователя. Рядъ монографій, появившихся въ послѣднее время, значительно обѣдѣли эту, близкую къ намъ эпоху и, безъ сомнѣнія, въ ряду ихъ, означенное изслѣдованіе займетъ весьма почетное мѣсто.

Отдѣльными очерками это изслѣдованіе печаталось во многихъ историческихъ изданіяхъ и другихъ журналахъ («Рус. Старина», Древ. и Нов. Рос., Вѣсти. Европы, Рус. Мысль), часть которыхъ вошла въ первый томъ настоящаго труда, съ приложеніемъ неизданныхъ еще матеріаловъ. Такимъ образомъ здѣсь напечатаны слѣдующіе очерки: I. крѣпостные крестьяне въ Великороссіи и II. посессионные крестьяне. Помимо печатныхъ матеріаловъ, авторъ воспользовался архивными источниками и иностранною литературою по исторіи крестьянъ на западѣ, насколько это необходимо было для его цѣли—сравни-

тельнаго сопоставленія крестьянскаго вопроса въ Россіи и на Западѣ въ данную эпоху.

В. И.—въ.

Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира. I—III выпуски. Подъ редак. В. С. Иконникова. Кіевъ. 1880—81 гг.

Въ виду накопленія многихъ дѣльных работъ, представляемыхъ студентами университета въ качествѣ диссертаций и ученыхъ рефератовъ на предложенныя темы, редакція кіевскихъ университетскихъ извѣстій предприняла изданіе сборника этихъ трудовъ въ видѣ приложеній къ извѣстіямъ и отдѣльными книжками. Въ теченіе 1880—81 учебнаго года вышло три книжки, въ которыя вошли слѣдующія сочиненія: 1) Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для русской исторіи, Д. Багалія; 2) Хроника Дитмара, какъ источникъ для русской исторіи, П. Голубовскаго; 3) Свѣдѣнія о Руси, встрѣчающіяся въ хроникѣ польскаго лѣтописца Мартина Галла, А. Врублевскаго; 4) Хроника Кадлубка какъ источникъ для русской исторіи, Я. Ярмаховича; 5) Записки о Московіи Іоанна Бернштейна (Кабенцеля) и князя Давіада Вуха, Д. Багалія; 6) Еврипидова трагедія «Вакханки», съ призываніями П. Конончука; 7) Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской (Судъ Любуши) и Краледворской рукописей, А. Стороженка; 8) Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи, П. Березанскаго; 9) Исторія Сѣверской земли XIV вѣка, П. Голубовскаго; 10) Вѣче въ Кіевской области, И. Линиченка.

Такимъ образомъ большая часть этихъ работъ представляетъ или исторію какого нибудь вопроса, или изученіе памятника, преимущественно по отношенію его къ русской исторіи. Нѣкоторыя (напр. о Кабенцелѣ) разрѣшаютъ сомнѣнія о принадлежности извѣстнаго источника тому или другому лицу. Другія, по своему объему, составляютъ отдѣльные, весьма обширные труды, рассматривающіе свой предметъ во всей его полнотѣ, какъ труды гг. Стороженка, Березанскаго (полный сводъ матеріала, собраннаго комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ) и Голубовскаго (исторія сѣверской земли).

А. Д.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1881 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи главной конторы при книжномъ магазинѣ: Ив. Ив. Мамонова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изгородине обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Живеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; недавнія произведенія нѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектантскіе.—Народ. повѣрья.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.

Издатель-редакторъ М. И. Семевскій.

